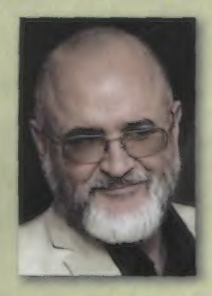
МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Э. Поляков

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

ПИТЕР

Сергей Эрнестович Поляков — известный психолог и психиатр, автор многочисленных научных работ, в том числе монографии по общей психологии.

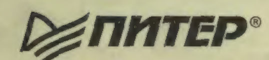
В издании представлен совершенно новый взгляд на основные проблемы психологии: феноменологию психических явлений, психические механизмы формирования понятий, закономерности и ошибки психического моделирования реальности.

В книге обсуждаются и предстают перед читателем в неожиданном свете наиболее важные и интересные проблемы не только психологии, но и теории познания, психолингвистики и философии.

- Чем представлен объект в сознании человека?
- Как влияют на психологию некоторые философские теории?
- Подчиняется ли мышление человека законам логики?
- Связаны ли понятия с образами и ощущениями?

Для этого издания автор отобрал самое ценное из собственного опыта, накопленного на протяжении многолетней практики, а также дополнил материал оригинальными разработками.
Книга адресована психологам, философам, студентам профильных факультетов высших учебных заведений. Кроме того, издание будет полезно социологам, лингвистам, медикам, а также читателям, интересующимся проблемами общей психологии.

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 127
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

ISBN 978-5-49807-898-4

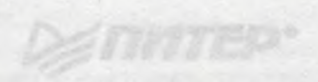
9 785498 078984

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Э. Поляков

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2011

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Э. Поляков

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2011

ББК 88.3
УДК 159.9
П54

Поляков С. Э.

П54 Феноменология психических репрезентаций. — СПб.: Питер, 2011. — 688 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-49807-898-4

Сергей Эрнестович Поляков — известный психолог и психиатр, автор многочисленных научных работ, в том числе монографии по общей психологии.

В издании представлен совершенно новый взгляд на основные проблемы психологии: феноменологию психическнх явлений, психические механизмы формирования понятий, закономерности и ошибки психического моделирования реальности.

В книге обсуждаются и предстают перед читателем в неожиданном свете наиболее важные и интересные проблемы не только психологии, но и теории познания, психолингвистики и философин.

— Чем представлен объект в сознании человека?

— Как влияют на психологию некоторые философские теории?

— Подчиняется ли мышление человека законам логикн?

— Связаны ли понятия с образами и ощущениями?

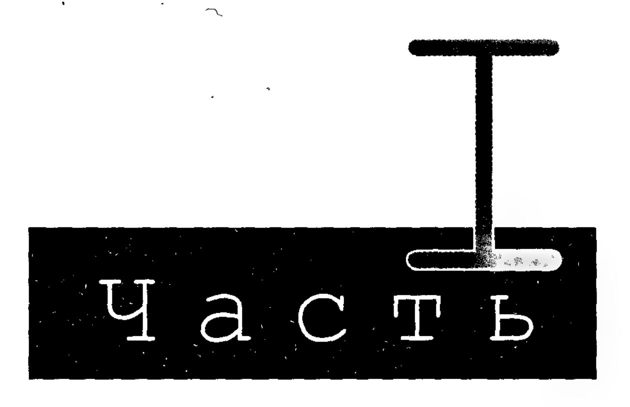
Для этого издания автор отобрал самое ценное из собственного опыта, накопленного на протяжении многолетней практики, а также дополнил материал оригинальными разработками.

Книга адресована психологам, философам, студентам профильных факультетов высших учебных заведений. Кроме того, издание будет полезно соцнологам, лингвистам, меднкам, а также читателям, интересующимся проблемами общей психологии.

ББК 88.3
УДК 159.9

Оглавление

Часть I. Феноменология чувственных репрезентаций

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧУВСТВЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

ГЛАВА 1.1

Вводная

- *Интроспекция*
- *Необихевиоризм*
- *Субъективное и объективное*
- *Объективная психология*
- *Кризис современной психологии*
- *Психические модели и репрезентации*
- *Феноменология*

1.1.1. Интроспекция

В психологии, пожалуй, нет другого столь же известного и столь же дискредитированного в XX в. метода исследования, как интроспекция[1]. Интроспективная психология XIX в., созданная В. Вундтом и его последователями, подверглась впоследствии уничтожающей критике. Разработанные школой В. Вундта модификации интроспективного метода были признаны несостоятельными. Но почему-то из этого был сделан вывод, что интроспекция как форма познания[2] вообще неадекватна и неэффективна. Сам этот вывод еще более неадекватен. Объективная психология XX в. и ее вариант — бихевиоризм тоже оказались недостаточно эффективными, тем не менее это не стало поводом для отказа от объективного метода исследования как такового. *Почему же большинство исследователей продолжают полагать, что следует отказаться от интроспекции? На основании чего следует забыть о том, что интроспекция эффективно использовалась лучшими умами человечества, по крайней мере на протяжении последних двух с половиной тысяч лет, что вся психическая феноменология была создана на основе интроспекции еще до появления экспериментальной психологии и сама психология как наука возникла в результате интроспекции?*

У интроспекции ничуть не меньше заслуг и достижений в психологии, чем даже у экспериментальной объективной психологии, тем более что последняя базируется на интроспекции и была бы немыслима без интроспекции как исследуемых, так и самих исследователей, что я постараюсь показать ниже.

---

[1] Интроспекция — особый способ познания человеком своего сознания, который заключается в якобы «непосредственном» восприятии его феноменов и законов [Большой психологический словарь, 2004, с. 208].

Интроспекция... Метод исследования психологических процессов, основанный на наблюдении собственно психологических процессов, без использования каких-либо инструментов или эталонов. ...В соответствии с правилами, которые были выработаны в Лейпцигской лаборатории В. Вундта, интроспекция должна отвечать основным требованиям научного эксперимента, к которым относится его воспроизводимость и четкая фиксация характеристик раздражителя, кроме того, наблюдатели должны уметь осознавать свои ощущения, вызываемые раздражителем, точно определять начало эксперимента и никогда не снижать уровень своего внимания. Виды: аналитическая интроспекция; систематическая интроспекция; феноменологическое самонаблюдение [Ж.-П. Сартр, 2002, с. 228].

[2] Я считаю, что от интроспекции как формы или варианта наблюдения не следует ожидать ничего, кроме отчета наблюдателя о появлении, изменении или исчезновении того или иного психического феномена в его сознании в процессе его самонаблюдения. Следовательно, она может и должна давать нам не более того, что дает нам отчет наблюдателя, описывающего внешний мир, воспринимаемый им в данный момент. Такая интроспекция не должна содержать выводов, оценок и даже мнений наблюдателя. Тем более последние, если они есть, не следует рассматривать как истину в последней инстанции, как нечто «непосредственно воспринятое из первоисточника», «непосредственное восприятие психических законов», а потому — «бесспорно верное». К мнению компетентного наблюдателя в процессе его интроспекции можно прислушиваться, но не более чем к мнению любого другого исследователя.

Ситуация с интроспекцией парадоксальна. С одной стороны, вроде бы очевидно, что сознание человека не может быть исследовано как физический объект. Г. И. Челпанов [1918, с. 145–152] отмечает, например, что физические явления одновременно могут быть доступны непосредственному наблюдению большого числа лиц, а психические явления доступны непосредственному наблюдению только того лица, которое их переживает. И о психических состояниях другого лица мы можем умозаключать только на основании того, что сами переживали. Э. Кассирер [1988, с. 7–8] указывает, что физические вещи можно описать в терминах их объективных свойств, но человека — только в терминах его сознания, что требует иных методов исследования. А. А. Гостев [2007, с. 170] подчеркивает, что без самонаблюдения невозможно исследование внутреннего мира человека. Д. Майерс (2001) пишет:

> «Есть одна вещь по всей Вселенной, о которой мы знаем больше, чем могли бы узнать в результате наблюдения извне, — заметил К. С. Льюис [C. S. Leyis, 1969, p. 18 и 19]. — Эта вещь — мы сами. У нас есть, так сказать, внутренняя информация; мы в курсе дела» [с. 76].

Можно продолжать цитировать еще долго.

С другой стороны, вызывает удивление слишком уж яростная и эмоциональная критика, которой подвергается интроспекция, что заставляет думать о пристрастности критиков. Может быть, действительно дело не в недостатках интроспекции, а в научной позиции самих критиков, слабость которой лежит в основе их излишней эмоциональности. Как пишет С. Московичи (1998):

> Предрассудки и бойкоты — не опираются ли они в основном на возвышенный и научный принцип? [С. 31.]

Нельзя не обратить внимание на то, что интроспекционизм был категорически отвергнут бихевиоризмом, причем вместе с сознанием, ментальными образами и прочими «психическими эпифеноменами». Правда, с тех пор бихевиоризм и сам себя дискредитировал, но его последователи по-прежнему весьма сильны и не спешат реанимировать то, с чем он весьма успешно боролся. Тем не менее Э. Кассирер (1988) пишет:

> Можно критиковать чисто интроспективную позицию, считая ее недостаточной, но нельзя запретить или просто игнорировать ее. Без интроспекции, без непосредственного значения чувств, эмоций, восприятий, мыслей, ощущений мы вообще не могли бы определить сферу человеческой психологии. Приходится признать, однако, что, следуя этим путем, мы никогда не придем к познанию человеческой природы во всей ее широте. Интроспекция открывает нам лишь малую часть человеческой жизни, которая доступна индивидуальному опыту: она не в состоянии охватить все поле человеческих феноменов [с. 4].

Но у каждого метода своя сфера применения. У интроспекции она тоже есть, и весьма немалая. Недостатки классических вариантов интроспекции действительно серьезны. Г. Райл [1999, с. 167] относит к ним, например, невоспроизводимость результатов, зависимость их от взглядов исследователей, неконтролируемость условий эксперимента, невозможность использования «наивных испытуемых» и др. Главным недостатком вундтовско-титченеровской интроспекции является ошибочное убеждение исследователей в том, что она позволяет получать «истинное

знание» о психике «непосредственно из первоисточника». Однако все эти недостатки стали приписывать впоследствии уже не конкретной методике конкретных авторов, а интроспекции в целом.

Вообще под интроспекцией в психологии до сих пор понимают почему-то лишь метод, разработанный В. Вундтом, применявшийся им и его последователями, тогда как понятие *интроспекция* имеет гораздо более широкое содержание. Интроспекция существовала задолго до В. Вундта. Еще Р. Декарт обосновал ее как особую форму познания. Ф. Брентано использовал метод «внутреннего наблюдения». После В. Вундта «метод систематического экспериментального наблюдения» активно использовала Вюрцбургская школа психологии. Метод «феноменологического самонаблюдения» применяла гештальтпсихология. Современная психология, в частности гуманистическая и трансперсональная, тоже активно использует интроспекцию. Даже когнитивная психология не обходится, как мы увидим ниже, без интроспекции. Можно было бы добавить, что без интроспекции и психологии как таковой не было бы вовсе. Как отмечает Г. И. Челпанов [1918, с. 8–10], объективное наблюдение психических процессов может осуществляться только благодаря самонаблюдению[1] и его результаты становятся для нас понятными только в том случае, если мы переведем их в понятия, известные нам из нашего самонаблюдения.

Тем не менее противниками интроспекции вместо отказа от интроспективных методик В. Вундта и Э. Титченера была дискредитирована интроспекция в целом. Следует все-таки понимать, что есть Интроспекция и есть интроспекция. Первая — единственный метод непосредственного изучения сознания. Вторая — лишь конкретная методика психологического исследования, отвергнутая в процессе развития психологии. И интроспекция Вундта — Титченера — это отнюдь не Интроспекция вообще. Первая относится ко второй, как наблюдение вообще относится к конкретной методике наблюдения, разработанной конкретными исследователями.

Невозможно, да и бессмысленно противопоставлять интроспективный и объективный психологические методы исследования, они просто должны дополнять друг друга. Складывается впечатление, что интроспекция почти 100 лет назад была просто дискредитирована доминировавшим в психологии бихевиоризмом за конкретную ошибку конкретных исследователей, и до сих пор никто из психологов не пытается даже разобраться в обоснованности ее дискредитации. Можно согласиться с тем, что интроспекция дает меньше, чем хотелось бы исследователям, но это не столько проблема интроспекции, сколько проблема отсутствия адекватных методик ее применения.

---

[1] Самонаблюдение — экспериментальная стратегия, представляющая собой получение эмпирических психологических данных при наблюдении за самим собой. За счет сопоставления результатов самонаблюдения, представленных в более или менее вербализованном протоколе о текущей индивидуальной жизни, с аналогичным отображением самонаблюдения других людей происходит постулирование их принципиального родства и согласование с внешними проявлениями. Элементы этого метода лежат в основе любого научного исследования [Психологический иллюстрированный словарь, 2007, с. 511].

В советской психологии принято было проводить различие между методом интроспекции и методом самонаблюдения, хотя часто слова «интроспекция» и «самонаблюдение» используются как синонимы [Большой психологический словарь, 2004, с. 209].

Оказалось, что разработанных В. Вундтом правил явно недостаточно. А. Боно (2006) пишет:

> Вундтовская версия этого метода (интроспекции. — *Авт.*) хотя и выглядела вполне научной в том смысле, что имела форму контролируемого лабораторного эксперимента, была лишена того, что в наше время считается существенным признаком науки, а именно — объективности. В науке у ученых должна быть возможность достичь согласия по поводу их основных наблюдений. А в интроспективном методе Вундта объектом наблюдения или интерпретации было содержание индивидуального сознательного опыта наблюдателей, обученных давать аналитические интерпретации своему опыту; то есть этот метод был, безусловно, субъективной процедурой. По-видимому, программа Вундта разбилась именно об эту субъективность... [с. 673].

В дальнейшем методики психологических экспериментов изменились и от наблюдателя перестали ожидать интерпретаций, он должен был просто ответить на поставленный экспериментатором вопрос, а затем, например, просто нажать кнопку или дать другую реакцию, тем самым сообщая экспериментатору о появлении психического феномена или его изменении. А. Боно [2006, с. 673] сообщает, что этого простого изменения методики оказалось достаточно для того, чтобы придать объективность большому количеству исследований после В. Вундта.

Почему была отброшена интроспекция в целом? Думаю, по двум причинам. На тот момент вундтовский интроспекционизм отождествлялся с центральным направлением существующей научной психологии, которая только что выделилась в самостоятельную науку во многом благодаря именно В. Вундту и была основным конкурентом бихевиоризма. Главное же — в идеологической неприемлемости интроспекционизма для бихевиоризма, который тогда претендовал на господствующее положение в психологии. Эта идеологическая неприемлемость заключалась в интроспективном наблюдении психических сущностей, которые для бихевиоризма не существовали вовсе.

В последующие десятилетия бихевиоризм сменился «объективной» психологией и когнитивизмом, для которых интроспекция по-прежнему оставалась неприемлемой в силу своей субъективности. При этом никого из ее критиков не смущает тот факт, что сам предмет исследования «объективной» психологии по природе своей недоступен никому, кроме субъекта, обладающего сознанием, что он — субъективен. Для преодоления данного «неудобства» критиками интроспекции предлагались разные пути: от объективизации интроспективных самоотчетов испытуемых до замены объекта исследования. Так, обсуждая работу Л. С. Выготского, Е. Е. Соколова (2005), например, пишет:

> Во-первых, мы можем получить более объективные сведения о себе, не «вживаясь» в свои внутренние переживания, как это рекомендовали психологи-интроспекционисты, а наблюдая за своим поведением в объективных жизненных ситуациях. Никакая интроспекция не даст субъекту сведения о том, «храбр ли он», — только реальное участие в соответствующих событиях (например, в бою) покажет человеку, может ли он считать себя храбрым. Во-вторых, мы можем использовать данные самоотчета испытуемого о своих переживаниях (что он чувствовал, например, при предъявлении ему той или иной картинки), но как сырой материал, требующий толкования и оценки [с. 121].

Очевидно, что речь здесь идет о «наблюдении за поведением», то есть о бихевиоризме[1]. Что же касается интроспекции, то она и не должна давать субъекту «сведений о том, храбр ли он», так как «храбрость», как и всякая черта характера вообще, лишь с очень серьезными возражениями и весьма условно может быть отнесена к сфере психического. Это внешняя характеристика поведения, но об этом мы поговорим подробнее ниже. Интроспекция же занимается и должна заниматься исключительно психическими явлениями, к которым не относятся, например, черты личности. Автор продолжает:

> Психическая деятельность не дана нам непосредственно, как объект научного изучения — ее необходимо реконструировать, изучая отдельные ее проявления (явления) в речевых и поведенческих реакциях [с. 121].

Действительно, можно сказать, что «психическая деятельность» нам не дана непосредственно, так как данное понятие репрезентирует некую сложную гипотетическую сущность. В своем сознании мы имеем лишь психические явления, которые и даны нам непосредственно. Вот их-то и должна изучать интроспекция. Автор предлагает «использовать данные самоотчета испытуемого, но лишь как сырой материал», что, впрочем, уже давно, повсеместно и активно делается всей современной «объективной» психологией. Возникает вопрос: *почему можно рассматривать данные самоотчета одного человека — испытуемого и нельзя рассматривать данные самонаблюдения другого человека — психолога, если ни в первом, ни во втором случае мы не будем принимать в расчет личное мнение испытуемых?*

Многие сторонники интроспекции действительно дали оппонентам очень серьезный повод для критики не только их личной позиции, но и интроспекции в целом тем, что утверждали, будто интроспекция способна давать нам «самые точные и бесспорные» «знания из первоисточника». Справедливо критикуя такую позицию, Ж.-Ф. Лиотар (2001) пишет:

> Интроспекция как общий метод психологии, во-первых, полагала аксиому: переживание в сознании конституирует посредством себя самого знание сознания. Если я ужасаюсь, то я, следовательно, знаю то, что есть страх, поскольку я боюсь. Эта аксиома предполагала, в свою очередь, полную прозрачность событий сознания для взгляда сознания, а также то, что факты сознания суть сознательные факты. Другими словами, переживание дается непосредственным образом вместе со своим смыслом, когда сознание направлено на него. ...Феноменология находится в полном согласии с объективизмом в критике некоторых положений интроспекционистов. То, что

[1] Бихевиоризм — крупное психологическое направление... отказывается от рассмотрения субъективного мира человека в качестве предмета психологии и предлагает считать таковым поведение... К поведению относятся все внешне наблюдаемые реакции организма... [Большой психологический словарь, 2004, с. 6].

Подход в психологии, в котором утверждается, что единственным предметом исследований в научной психологии должно быть наблюдаемое, измеряемое поведение [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 100].

Из этого следует, что бихевиоризм до сих пор принято считать частью психологии, хотя, по сути дела, он имеет к психологии не большее отношение, чем, например, рефлексология или физиология к высшей нервной деятельности.

> смысл содержания сознания непосредственно проявляется и постигается как таковой, опровергается самим психологическим проектом: если мы доказываем необходимость психологической науки, то это происходит потому, что мы знаем, что мы не знаем, что такое психическое. И правда, когда я ужасаюсь, тогда я боюсь, но я не знаю тем не менее, что такое страх, я «знаю» только, что я боюсь: можно оценить дистанцию между этими двумя видами знания. В действительности «познание себя самим собой является косвенным, оно есть конструкция, и мне нужно расшифровывать мое поведение, как я расшифровываю поведение других» (Merleau-Ponty...) [с. 60–62].

И автор, безусловно, прав. Интроспекция — не более чем наблюдение, пусть и внутреннее, или самонаблюдение. Как и любое наблюдение, оно далеко не всегда дает нам возможность проникнуть в суть наблюдаемого предмета или явления, но оно и должно давать нам лишь материал для познания, а не какое-то «истинное знание». В любом случае интроспекция — отнюдь не некий абсолютный метод познания фактов, которые якобы «наблюдаются вместе со своим смыслом», а лишь метод наблюдения.

Б. М. Теплов [2005, с. 156] пишет, что люди осуществляют самонаблюдение в течение десятков тысяч лет и пределы тех единиц, на которые самонаблюдение может разложить психическую деятельность, давно уже обнаружились. Это утверждение, однако, весьма спорно, так как представления людей о мире, о самих себе и своей психике непрерывно и сильно меняются, особенно в последние два века. И то, что, например, мог бы обнаружить в процессе интроспекции современный исследователь, учитывая иной уровень психологических знаний, не могли обнаружить даже В. Вундт или Э. Титченер.

Б. М. Теплов (2005) справедливо утверждает, что, если человека посадят в лабораторию, дадут ему инструкцию и будут записывать его самонаблюдения, острота и глубина его внутреннего зрения не изменятся. Поэтому психолог-интроспекционист подобен физику, который посадил бы человека в специальную комнату и дал ему инструкцию внимательно «рассмотреть» атомное строение тела. Ни простым, ни внутренним глазом нельзя увидеть ни атомное строение тела, ни механизм психических процессов. Подобные попытки — пустая трата времени. Все это, безусловно, еще раз подтверждает, что проблема — в правильной постановке задач и организации исследования при понимании возможностей метода. Просто не следует предлагать испытуемым изучать механизмы их мышления. Надо ставить более адекватные и гораздо более простые задачи. Например, предложить ответить на вопрос: может ли и в каком виде испытуемый представить себе яблоко, только что предъявленное ему на 5 секунд? Такая интроспекция и лежит сейчас в основе большинства современных психологических экспериментов, которые считаются «объективными». В этой связи интересно замечание А. А. Шевцова (2004):

> ...давно забытая и выкинутая у нас психология самонаблюдения, оказывается, не только тайком от наших психологов возрождена на... Западе, но еще и сделала успехи за последнее время!.. Самонаблюдение снова востребовано, поскольку возрождается наука о сознании! [С. 778.]

Кстати, даже многие физические открытия были результатом не физического эксперимента, а простого наблюдения. Большинство физических теорий тоже были выстроены в результате размышлений исследователей и лишь потом проверялись

экспериментально. Сама экспериментальная психология не смогла бы развиваться без интроспекции и самоотчетов как испытуемых, так и исследователей. Очень большое число так называемых объективных психологических экспериментов представляют собой как раз помещение испытуемого «в лабораторию, где ему дают инструкцию и записывают результаты его самонаблюдения». И в этом случае не требуется какой-либо особой остроты или глубины «внутреннего зрения».

Б. М. Теплов [2005, с. 158] говорит о существовании распространенного предрассудка, согласно которому всякое знание о себе и своей психике человек якобы получает лишь интроспективно. Тогда как в действительности наиболее важные знания о себе человек получает опосредованно, теми же способами, которые доступны и другим людям. С автором можно согласиться, потому что интроспекция — это всего лишь наблюдение, «внутреннее рассмотрение» возникающих в сознании собственных психических явлений. Выводы, которые делает человек из такого рассмотрения, совершенно не обязательно правильные и тем более бесспорные. Они не являются «истинным знанием». Интроспекция не должна, да и не может «поставлять» нам какие-либо «готовые выводы». Как и всякое наблюдение, она может лишь предоставлять нам факты о психических явлениях, на основании которых исследователи могут уже затем делать те или иные выводы для последующей их проверки. Интроспекция же — лишь единственно возможный способ непосредственного рассмотрения субъективного психического содержания — психических феноменов сознания и не более того.

Она достаточно ограниченна в своих возможностях, поэтому представляется, например, верным высказывание Б. М. Теплова о том, что нельзя с помощью интроспекции установить возможности своей памяти. В то же время никак, кроме интроспекции, невозможно установить, возникает ли определенный образ воспоминания в сознании испытуемого или нет. Б. М. Теплов [2005, с. 159], на мой взгляд, прав и в том, что интроспекция не является средством определения собственных знаний, умений и навыков, особенностей своей личности: темперамента, характера и способностей. Это так, потому что все перечисленное не относится к возникающим в сознании человека психическим феноменам, которые лишь и могут быть предметом интроспекции.

Как это ни странно и даже удивительно, но среди исследователей весьма широко распространено убеждение в том, что мы не способны к интроспекции. Г. Райл (1999), например, вообще сомневается в том, что человеку доступен «акт внутреннего восприятия», так как в этом случае его внимание должно быть направлено на две вещи:

> ...многие из тех, кто готов поверить, что действительно может заниматься... интроспекцией, пожалуй, усомнятся в этом, когда убедятся, что для этого они должны будут концентрировать свое внимание одновременно на двух процессах. Они скорее сохранят уверенность в том, что не концентрируют внимание одновременно на двух процессах, чем в том, что способны заниматься интроспекцией [с. 166–167].

Дж. Серл (2002) говорит примерно о том же:

> Сам факт субъективности... делает подобное (интроспективное. — *Авт.*) наблюдение невозможным. Почему? Потому что там, где это касается сознательной субъектив-

> ности, не существует различия между наблюдением и наблюдаемой вещью, между восприятием и воспринимаемым объектом. Модель зрительного восприятия работает на основе предпосылки, что имеется различие между видимой вещью и видением ее. Но для интроспекции просто невозможно осуществлять подобное разделение. Любая присущая мне интроспекция моего собственного сознательного состояния сама есть это сознательное состояние. ...Стандартная модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности... В силу этого сама идея того, что мог бы быть особый метод исследования сознания, а именно «интроспекция», которая, как полагают, есть нечто вроде внутреннего наблюдения, была изначально обречена на неудачу, и потому нет ничего удивительного в том, что интроспективная психология потерпела банкротство [с. 105].

Тем не менее для интроспекции совершенно не требуется «осуществлять разделение» «видимой вещи и ее видения», которого, кстати, никогда и не происходит при нормальном восприятии. Это «разделение» привнесено позже самими исследователями, изучавшими восприятие. То, что «стандартная модель наблюдения не работает по отношению к сознательной субъективности», для интроспекции совершенно неважно, так как сама эта «стандартная модель» никакой реальной роли не играет даже в восприятии. Она сама — всего лишь конструкт исследователей. И образ восприятия, и образ представления объекта — это явления сознания. И для их интроспекции несущественно, что именно они репрезентируют: воспринимаемый в данный момент внешний объект, существовавший когда-то объект или вовсе объект, сконструированный сознанием. Соответственно, для нас неважно, где находится причина, вызвавшая появление в нашем сознании репрезентации — психического феномена: вовне (как в случае образа восприятия) или внутри (как в случае образа представления или даже истинной галлюцинации).

В нашем сознании вообще нет никакой двойственности вещи и ее видения. В нем есть лишь образ восприятия, или образ представления вещи, или, наконец, понятие вещи. И именно эти психические феномены подвергаются рефлексии в процессе интроспекции. Причем подвергаются рефлексии почти непрерывно. Если бы это было не так, то мы ежеминутно с удивлением обнаруживали бы, что почему-то именно сейчас надеваем ботинки, наливаем в чашку чай, зачем-то вышли из дома и т. д. и т. п. На этот факт обратил внимание еще И. Кант [1994, с. 503].

Обсуждая интроспекцию, Б. М. Теплов (2005), однако, пишет:

> ...учение о субъективном методе в психологии покоится на вере в то, что у человека имеется специальное орудие для непосредственного познания своей психики (внутреннее восприятие, или интроспекция)... Глубоко прав был Сеченов, заявивший в полемике с К. Д. Кавелиным, что «особого психического зрения как специального орудия для исследований психических процессов, в противоположность материальным, нет»... [с. 154–155].

Е. Е. Соколова (2005) тоже утверждает, что:

> ...одним из существеннейших недостатков метода интроспекции является невозможность одновременно переживать что-то и наблюдать за этим переживанием — всегда есть риск своим наблюдением за переживанием разрушить его [с. 117].

Возникает вопрос: *чем наше самонаблюдение, или интроспекция, отличается от нашего же наблюдения за окружающим миром с точки зрения протекающих в нашем сознании процессов?*

Нельзя не признать, что и то и другое — варианты наблюдения. Меняется лишь объект наблюдения. Наблюдая за окружающим, а следовательно, и переживая его репрезентации в своем сознании, так как никак иначе мы не могли бы за окружающим наблюдать, мы одновременно анализируем репрезентируемое или, говоря иначе, «наблюдаем» за этими репрезентациями и рефлексируем их. Тем самым, если следовать логике Е. Е. Соколовой, мы непрерывно воздействуем на эти свои репрезентации и рискуем разрушить их. Несмотря на это, мы вполне успешно данным обстоятельством пренебрегаем в своей жизни. По крайней мере, это не мешает нам адекватно воспринимать и осмысливать окружающий нас мир и достаточно успешно адаптироваться к нему. *Почему же в случае рефлексии наших образов воспоминания и представления, например, мы должны придавать данному обстоятельству какое-то иное, особое значение?*

Раз мы легко можем одновременно осмысливать образы восприятия окружающего мира и обдумывать все связанное с ними, пусть и рассматривая эти психические феномены в плоскости мира физического, то я лично не вижу, что может помешать нам делать то же самое, то есть рассматривать психическое содержание своего сознания и в иной плоскости — плоскости психических явлений. Другими словами, мы способны одновременно без труда и переживать, и осмысливать представляемые и вспоминаемые образы окружающего, то есть заниматься интроспекцией.

Психику можно представить как несколько одновременно протекающих в разных плоскостях (или воспринимаемых при интроспекции как протекающие одновременно) процессов. Интроспекция свидетельствует, например, что в сознании одновременно сосуществует и поток визуальных образов восприятия (одна плоскость), и поток образов воспоминания и представления (другая плоскость), и поток слуховых образов восприятия (третья плоскость, по крайней мере иная модальность первой плоскости), и функционирующий параллельно вербальный мысленный «телетайп» (как я его называю), в вербальных конструкциях которого представлены в том числе наши мнения и выводы по поводу переживаемых чувственных образов, а также мнения и выводы по поводу вербальных конструкций, которые только что или чуть раньше возникали в сознании (четвертая плоскость или иная модальность плоскости второй). В данном обсуждении пока неважно, действительно ли все они протекают параллельно, или просто перечисленные психические явления быстро сменяют друг друга, создавая субъективное ощущение одновременности их наличия.

Сознание непрерывно подвергает ревизии собственное содержание, в том числе то, которое моделирует само это содержание. Сознание устроено так, что любое присутствующее в нем ощущение или образ всегда противопоставляются, как бы «демонстрируются» в большей или меньшей степени нашему внутреннему «Я». В процессе рефлексии психическое содержание: образы, эмоции, желания, ощущения — обычно подвергается рассмотрению со стороны некой нашей внутренней сущности, нашего «Я».

Несмотря на странность фразы «рефлексия (или внутреннее рассмотрение) образа восприятия», именно она правильно отражает сущность наших субъектив-

ных переживаний в тот момент, когда мы рефлексируем, например содержание собственного восприятия. Мы действительно в состоянии субъективно и непосредственно чувственно, а не вербально различать в своем сознании некую воспринимающую, наблюдающую сущность — «Я» и собственные психические явления (в том числе образы и ощущения в качестве того, что доступно наблюдению этой сущности).

Критикуя интроспекцию, Г. Райл (1999) пишет:

> Теоретики спорят, например, существуют ли действия сознания, отличные от интеллектуальных и одновременно от выполняемых привычным и ритуальным способом? А почему бы не посмотреть и не увидеть это интроспективно? Если же сторонники этих теорий так поступают, то почему их отчеты о подобных наблюдениях противоречат друг другу? Далее, многие теоретики, рассуждавшие о человеческом поведении, заявляли, что существуют некоторые процессы, sui generis, отвечающие определению «воления». Я же доказывал, что таких процессов нет. Почему же мы спорим об их существовании, коль этот вопрос мог бы разрешиться так же легко, как вопрос о том, пахнет ли в кладовке луком? [С. 167.]

Можно ответить вопросом на вопрос: *почему нам никак не удается, например, сопоставить теории сознания в рамках восточной и западной философии? И вообще, почему они радикально отличаются друг от друга?*

Лишь потому, что сложность проблемы необычайна. Наше сознание — не «кладовка с луком» и даже не самая сложная ЭВМ. Исследователи не могут договориться даже о едином понимании проблем квантовой физики, хотя она «объективна». *Как же им договориться об абсолютно субъективных проблемах собственного сознания?* Мне, например, сложно понять, что Г. Райл (1999, см. выше) имеет в виду, когда говорит о «действиях сознания, отличных от интеллектуальных и одновременно от выполняемых привычным и ритуальным способом». *Как же мы с ним сможем «посмотреть и увидеть», если каждый видит свою модель или не видит даже ее? Как могут «их (исследователей) отчеты о наблюдениях не противоречить друг другу», если до сих пор в психологии нет единого понимания самых элементарных, казалось бы, базовых вещей — того, что такое ощущения и образы, не говоря уже, например, о том, что такое сознание или личность?*

Следовательно, проблема не в интроспекции, а в методике исследования и теоретических подходах к построению интроспективного эксперимента. Необходимы стандартные, воспроизводимые процедуры, понятные всем задачи и простые цели исследования, исключающие трактовку испытуемым наблюдаемых им в процессе интроспекции явлений, исключающие его самоанализ, его собственные оценки и мнения, но для этого надо отказаться прежде от предвзятого подхода к интроспекции.

Г. Райл [1999, с. 168] напоминает возражение против возможностей интроспекции, выдвинутое еще Д. Юмом. Оно заключается в том, что есть состояния сознания, которые человек не может хладнокровно интроспективно изучать. Это состояния паники, ярости, буйного веселья, сильного возбуждения и т. п. Правильно. Их и не надо изучать с помощью интроспекции. Здесь можно только предложить в качестве контраргумента рассмотреть адекватность результатов физических экспериментов, если бы исследователи проводили их, пребывая в тех самых «ис-

ключающих возможность быть хладнокровным» состояниях. Очевидно, что в таких экспериментах вряд ли были бы получены достоверные результаты. Кроме того, надо сказать, что интроспекция не должна предназначаться для того, чтобы что-то «изучал» испытуемый. Изучать результаты интроспекции даже самих исследователей должны и другие исследователи. И результаты эти не могут быть ничем, кроме фактов самонаблюдения в форме: возникли, исчезли или изменились так-то образ, ощущение, состояние и др. Сам исследователь может лишь фиксировать наличие и изменение феноменов своего сознания. Следовательно, дело опять же не в пороках интроспекции, а в методике проведения интроспективных исследований.

Отрицая интроспекцию, Г. Райл (1999) тем не менее готов использовать данные ретроспекции, которые представляются ему более адекватными:

> ...частью того, что имеют в виду, говоря об интроспекции, является аутентичный процесс ретроспекции. Но в объектах ретроспекции нет ничего специфически призрачного. ...Я могу припомнить, как я что-то видел и как я что-то воображал; мои внешние действия, равно как и мои ощущения. ...Ретроспекция несет на себе часть бремени, тяжесть которого пытались возложить на интроспекцию. Но она не может взять на себя все это бремя, особенно самую его философски драгоценную и хрупкую часть. ...Сколь бы тщательно я ни припоминал свое действие или ощущение, я все же могу ошибаться относительно его природы. Были ли вчерашние переживания, о которых я сегодня вспоминаю, подлинным сопереживанием или угрызением совести, это не станет для меня яснее от того факта, что они сохранились в моей памяти как живые. Хроники не объясняют то, память о чем они сохраняют. Автобиографичность ретроспекции не означает, что она дает нам Привилегированный Доступ к особого рода фактам. Однако она действительно дает нам массу данных, способствующих пониманию нашего поведения и характеристик сознания [с. 168–169].

При этом Г. Райла не смущает тот факт, что сама по себе ретроспекция — это в гораздо большей степени, чем интроспекция, воссоздание, а не отчет о реально пережитых психических феноменах.

С неожиданной позиции защищает интроспекцию Б. Рассел [2007, с. 232], критикуя взгляды одного из основоположников бихевиоризма Дж. Уотсона. Он пишет, что аргументы противников интроспекции покоятся на двух основаниях. Первое заключается в том, что данные интроспекции являются приватными и верифицируемы только одним наблюдателем, а стало быть, не могут обладать той степенью публичной достоверности, которой требует объективная наука. Второе состоит в том, что физическая наука конструирует пространственно-временной космос, подчиняясь определенным законам, и то, что в мире существуют вещи, не подчиняющиеся этим законам, вызывает у объективистов раздражение. Б. Рассел замечает, что «приватный характер» данных — слабое возражение против данных интроспекции, так как все наши телесные ощущения носят приватный характер. Например, зубная боль. При этом никто не рассматривает знание нашего собственного тела как научно ничтожное, хотя оно приобретается лишь с помощью приватных данных.

Мне представляется, что аргумент Б. Рассела об уникальности телесных ощущений наносит смертельный удар по теории, отрицающей значимость интроспекции. Надо напомнить хотя бы то «несущественное» обстоятельство, что вся медицина построена в первую очередь на интроспекции больного. Сам ее предмет — человек,

страдающий заболеванием, — «больной» — тот, который испытывает субъективное ощущение — боль. Следовательно, вся медицинская наука и практика основываются на чем-то, с объективистской точки зрения, «незначимом», «необъективном», «ненаучном». Однако, несмотря на «ненаучность» и «необъективность» интроспекции, наше существование в мире во многом зависит именно от нее, так как только она позволяет нам вовремя обратить внимание на свои внутренние проблемы и обратиться за помощью.

Б. Рассел [2007, с. 233-234] полагает, что данные интроспекции должны рассматриваться как не подчиняющиеся законам физики, и именно это является фундаментальной причиной попыток их отвергнуть. Он указывает на то, что даже часть наших ощущений, которые мы привыкли считать репрезентациями физической реальности, относится к области интроспекции. Так, данные зрения и слуха более публичны, запах — в некоторой степени менее, прикосновение — еще менее, висцеральные или внутренние ощущения непубличны вообще. Он обращает внимание на важность совпадения одинаковых ощущений у людей в одно и то же время. Если человек слышит удар грома вместе с кем-то, это — «объективный» факт. Если же он слышит удар грома, который никто больше не слышит, то думает, что сошел с ума. При этом, если он чувствует боль в животе, то у него нет повода для удивления, даже если ее никто больше не чувствует, поэтому мы говорим, что боль в животе моя, и она — субъективна, тогда как гром — объективен. Это лишний раз подтверждает условность разделения психических переживаний на «объективные» и «субъективные».

В. М. Розин (2005) пишет:

> Они (интроспекционисты. — *Авт.*) не соблюдали также один из основных принципов естественно-научного изучения — требование объективности, то есть контроля за тем, чтобы само изучение не влияло на поведение объекта: исследователь в естественной науке выступает только как носитель научных процедур (таких как измерение, моделирование, идеализация и т. д.). ...Соединение в одном лице исследователя и изучаемого объекта (то есть сознания экспериментатора и испытуемого), а также специализация в интроспекции означали, что исследователь не только влияет на изучаемый объект — он его целенаправленно формирует [с. 54-55].

Но это требование невозможно соблюсти даже в самых «чистых» «объективных» физических экспериментах. Это тот самый принцип *влияния наблюдателя на результаты эксперимента*, который не смогли удалить из своих опытов в XX в. даже физики.

В чем разница между внешним наблюдением и внутренним наблюдением — интроспекцией? Она заключается лишь в том, что в первом случае доступ к наблюдаемой сущности открыт многим субъектам. Во втором случае он открыт только одному. В первом случае — это психическая репрезентация чего-то внешнего по отношению к субъекту. Во втором — внутреннего. Но и в том и в другом случае предметом сознательного рассмотрения являются субъективные психические репрезентации наблюдателя, поэтому в случае «объективного» внешнего наблюдения мы имеем в результате несколько субъективных самоотчетов, а в случае «субъективного» внутреннего наблюдения — один субъективный самоотчет.

1.1.2. Необихевиоризм

Бихевиоризм, успешно справившийся с интроспекцией, сам через несколько десятилетий разделил ее судьбу. Тем не менее, как и в случае с интроспекцией, заявления исследователей о том, что он преодолен и остался в прошлом, — не более чем декларация. Его влияние сохраняется, и он по-прежнему определяет, хотя и не столь однозначно, как раньше, взгляды очень многих исследователей.

Для человека наиболее очевидно и достоверно то, что явлено ему в его сознании. Об этом уже не один век говорят выдающиеся философы, поэтому удивляет упорное, достойное лучшего применения нежелание необихевиористов, которыми являются многие современные, в том числе когнитивные, психологи, принимать, например, в качестве очевидной данности факт наличия собственных психических явлений, в частности «ментальных образов». С помощью самых неожиданных приемов они пытаются заменить психические явления чем угодно: от «поведенческих реакций» и не вполне понятных, физиологически трактуемых[1] «репрезентаций» до «структур нервной системы». При этом они убеждены, что действительно отказались от бихевиоризма.

У. Найссер (2005а), например, замечает:

> Сегодня теория научения (бихевиоризм. — *Авт.*) почти полностью отброшена. ...Даже лабораторная крыса обратилась против своих старых друзей... [с. 21–22].

Тем не менее сам У. Найссер придерживается необихевиористских взглядов. У российских психологов тоже существует неоправданное убеждение, что советская психология никогда не принимала бихевиоризм и всегда с ним боролась. Между тем великого русского физиолога И. П. Павлова можно с полным основанием считать одним из главных, если не главным, родоначальников бихевиоризма. Хотя об этом не принято говорить, потому что советская наука вообще и советская психология в частности официально не приняли бихевиоризм. Идеи И. П. Павлова, однако, много лет определяли развитие советской психологии и до сих пор оказывают на нее влияние. Если зарубежные бихевиористы просто отказались от изучения психических явлений, то советские психологи пошли «своим», но тоже «объективным» путем. Они объявили, что объектом психологической науки является человеческая деятельность. *Что это, как не бихевиоризм в другом ракурсе?* Причем и сегодня этот подход никто даже не пытается открыто ставить под сомнение.

В недавно опубликованном и наиболее авторитетном многотомном российском университетском учебнике по общей психологии, например, так определяется объект психологии:

> Именно деятельность... является объектом психологической науки, то есть той реальностью, которая может и должна изучаться... психологами... Предметом же психологии... выступает ориентировочная функция различных форм (внешней и внутренней) этой деятельности, то есть психика [Е. Е. Соколова, 2005, с. 29]. ...Психика и деятельность онтологически тождественны [там же, с. 188].

[1] Более подробно об этом см. в гл. 1.2.

Другими словами, и объект, и предмет психологии — это человеческая деятельность, а психика — это «ориентировочная функция различных форм... этой деятельности». Я, например, вообще не в состоянии понять последнюю часть данной фразы, даже понимая значения составляющих ее понятий[1].

Между тем предмет психологии почти полтора века назад определил еще один из ее основателей — У. Джеймс (2003):

> Наиболее ясное представление о предмете психологии дает профессор Ледд: «Психология... есть описание и истолкование состояний сознания как таковых». Под состояниями сознания мы понимаем ощущения, желания, эмоции, процессы познания, суждения, решения и т. п. [с. 3].

В рассматриваемом руководстве предлагается иной подход:

> ...все феномены, изучаемые психологами разных школ, представляют собой многообразие форм существования, механизмов реализации и результатов человеческой деятельности [Е. Е. Соколова, 2005, с. 29].

Иными словами, и состояния сознания, и ощущения, и желания, и эмоции, и процессы познания, и суждения, и решения и др. — все это «формы, механизмы и результаты человеческой деятельности». Возможно, это и так, хотя еще никто этого не доказал, но предположим, что это так и есть. *Что же тогда из этого следует?*

Давайте вернемся к первоисточнику. Основоположник советской психологической теории деятельности А. Н. Леонтьев (1983а) пишет:

> ...советская психология, формируясь на марксистско-ленинской философской основе, выдвинула принципиально новый подход к психике и впервые внесла в психологию ряд важнейших категорий, которые нуждаются в дальнейшей разработке. Среди этих категорий важнейшее значение имеет категория деятельности [с. 136]. В теории марксизма решающе важное значение для психологии имеет учение о человеческой деятельности... Вводя понятие деятельности в теорию познания, Маркс придавал ему строго материалистический смысл... [с. 104-105].

---

[1] Ориентировочный — служащий для ориентации... [Словарь иностранных слов, 1954, с. 501]. Ориентация, ориентировка: 1) определение своего местоположения... 2) умение разобраться в окружающей обстановке; 3) направление деятельности в определенную сторону [там же, с. 500].

Функция: 1) деятельность, обязанность, работа... 2) зависимая переменная величина, то есть величина, изменяющаяся по мере изменения другой величины... 3) специфическая деятельность органа или организма [там же, с. 755].

Понятием *деятельность* охватываются разные формы человеческой активности (экономическая, политическая, культурная...) и сферы функционирования общества. С помощью этого понятия даются характеристики различных аспектов и качеств бытия людей. ...Понятие *деятельность* разворачивается «веером» понятий: труд, практика, поведение, социальное действие, коммуникативное действие, социальное конструирование реальности, самоактуализация, самореализация, самотрансцендирование и т. п. [Современный философский словарь, 2004, с. 186].

Что же сам автор понимает под «категорией деятельности»?
Он поясняет:

> ...говоря о деятельности, мы разумеем, следуя марксистской традиции, предметную деятельность, основной и исходной формой которой является деятельность чувственная, непосредственно практическая. Что же касается внутренней, умственной деятельности, то она представляется дериватом внешней деятельности, и, как таковая, она сохраняет общую структуру внешней деятельности, порождая функцию психического отражения реальности [с. 244].

Даже если пропустить замечание автора о том, что функцией умственной деятельности является психическое отражение реальности, обращает на себя внимание другое его смелое, но совершенно бездоказательное утверждение — что умственная деятельность представляется дериватом (производным [Словарь иностранных слов, 1954, с. 215]) внешней деятельности. Гипотетическое предположение о трансформации внешней деятельности в умственную было широко распространено в середине XX в. Однако оно так и не было ничем подтверждено и постепенно забылось. Можно согласиться с тем, что внешняя и умственная деятельность как-то сложно связаны, но пока непонятно как.

В любом случае ситуация проясняется: психологии предлагается заняться изучением внешней «практической деятельности». *А как ее можно изучать?* Как показывает все та же практика и история психологии, делать это можно лишь путем изучения поведения людей. Что, впрочем, и делалось уже в психологии большую часть XX в. *Но как называется изучение поведения людей?*

А называется оно «бихевиоризм». Тогда, если российской психологии предлагают другой предмет для изучения, отличный от того, что изучала классическая психология, данный факт следует не менее ясно декларировать. Как и то обстоятельство, что в этом случае предполагается уже иная наука, а не та, которая была названа «психологией» ее основателями. Впрочем, эта иная наука тоже далеко не нова и хорошо всем нам знакома. П. Саугстад (2008), например, цитирует основоположника американского бихевиоризма Дж. Уотсона:

> Почему бы нам не сделать важнейшей областью психологии предмет наших непосредственных наблюдений? Давайте ограничимся рассмотрением лишь тех явлений, которые мы можем наблюдать непосредственно, и сформулируем законы относительно этих явлений. Ну и что же мы можем наблюдать? Мы можем непосредственно наблюдать только поведение... [с. 348].

Обращаю внимание на последние слова Дж. Уотсона. Зарубежная психология и сегодня не отказалась от этого предмета. Он вполне достойный, и, безусловно, необходимо заниматься его изучением. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут:

> Психологию можно определить как научное исследование поведения и психических процессов [с. 20].

А. Ребер (2001а) тоже указывает в своем толковом психологическом словаре, что психология:

> ...определяется по-разному: «как наука о психике», «наука о психической жизни», «наука о поведении» и т. д. [с. 148].

Большинство психологов даже считают бихевиоризм психологией или, по крайней мере, ее разделом. Хорошо, давайте это примем, но при этом и четко сформулируем, что «исследование поведения» называется еще «бихевиоризмом», который включает в себя не только радикальный бихевиоризм Дж. Уотсона или русский бихевиоризм И. П. Павлова [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 100], но и множество разновидностей умеренного бихевиоризма и необихевиоризма. Я отнюдь не хочу сказать, что бихевиоризм — это плохо. Наоборот. Это совершенно необходимое направление научных исследований. Однако следует его отличать от классической психологии и внятно об этом говорить.

Вернемся к российскому необихевиоризму, который называется «теорией деятельности». Е. Е. Соколова (2005) пишет:

> А. Н. Леонтьев утверждал, что деятельность составляет субстанцию сознания... и психики в целом, добавим мы. Психика, таким образом, неотделима от деятельности как ее характеристика или функция (функциональный орган) [с. 188].

Кстати, сам А. Н. Леонтьев (1983а), будучи выдающимся психологом, прекрасно понимал, что его точка зрения на *деятельность* отнюдь не общепринята и весьма неоднозначна. Он замечает:

> ...введение так называемой категории деятельности в психологию ставит много вопросов, в том числе дискуссионных [с. 244].

А. Н. Леонтьев полагал, что:

> ...психологический анализ деятельности состоит... в том, чтобы ввести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредуемых моментов человеческой деятельности. Эта защищаемая мною позиция требует, однако, перестройки всего концептуального аппарата психологии, которая в данной книге лишь намечена и в огромной степени представляется делом будущего [с. 100].

Перестройка эта, однако, так и не была осуществлена за прошедшие десятилетия ни в советской, ни в российской психологии и не будет никогда осуществлена не только потому, что не имеет больше практического смысла, но и потому, что она невозможна по сути. Я хорошо понимаю политическую целесообразность создания и разработки в советской психологии теории деятельности, «соответствующей учению марксизма», но теперь больше нет такой целесообразности. И поддерживают теорию деятельности по инерции лишь представители школы А. Н. Леонтьева.

Надо сказать, что зарубежные исследователи всегда скептически относились к советской психологической теории деятельности. Западная психология вообще не склонна придавать деятельности столь глобальное и определяющее значение, какое придавала ей советская психология. В основных зарубежных учебниках и руководствах по психологии даже не выделяется специальный раздел, посвященный деятельности. Понятие *деятельность* имеет в зарубежной психологии достаточно ясное и вполне определенное значение:

> Деятельность. Родовой термин, применимый как синоним для обозначения действия, движения, поведения, мыслительного процесса, физиологических функций и т. д. Из-за большой обобщенности «деятельность» обычно употребляется вместе с определяющим прилагательным, например целенаправленная деятельность,

спонтанная деятельность, деятельность, направленная на решение задач, и т. д. [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 232].

...Целенаправленное энергичное общение (как речевое, так и неречевое) человека с окружающим миром... [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 134].

Теория деятельности А. Н. Леонтьева явно выходит за рамки психологии, превращаясь, скорее, уже в общефилософскую. Столь широко трактуемое, как в его работах, понятие *деятельность*, мы могли бы с полным основанием заменить понятием *активность* человеческого организма и отождествить психику уже не с деятельностью, а, например, с активностью организма, чтобы стала еще очевиднее неадекватность подобного расширения. Более того, если продолжить ту же логическую линию, психику можно даже отождествить и с жизнью вообще. И это отнюдь не мое вольное допущение. А. Н. Леонтьев (1983а), например, пишет:

...что такое человеческая жизнь? Это есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей. ...Деятельность есть молярная, неаддитивная единица жизни телесного, материального субъекта [с. 141].

И ниже:

Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания [с. 185].

Но тогда, если жизнь — это деятельность, а деятельность составляет субстанцию сознания, то сама жизнь — субстанция сознания. Следовательно, если вы планируете изучать психику, вам стоит заняться изучением жизни. В общем правильно, но применительно к задачам психологии, вероятно, малопродуктивно.

В. П. Зинченко (1983), обсуждая вклад А. Н. Леонтьева в советскую психологию, совершенно справедливо замечает:

...деятельностная теория психики и сознания строится под знаком двух ведущих категорий — жизни и мира. Чтобы правильно понимать эту теорию, нужно все время помнить, в каком онтологическом пространстве она строится. Это пространство не физическое и не феноменальное, хотя оно связано с тем и другим, находясь как бы на их границах, это жизненный мир, материей которого является деятельность [с. 13].

Иными словами, теорию деятельности А. Н. Леонтьева скорее следует рассматривать как философскую, а не психологическую. В. В. Мацкевич (2001), рассматривая категорию *деятельность* в обсуждаемой нами мыслительной традиции, говорит, что это понятие с «максимальным логическим объемом», и продолжает:

Понятий с максимальным объемом и онтологической претензией на универсальность в истории философии встречается немало, это предикаты суждений типа: «Все есть Это». Все, что может быть включено в объем такого понятия, наделяется статусом действительного существования, и, наоборот, все, что не входит в объем данного понятия, признается недействительным и невозможным [с. 291].

Автор приводит примеры категорий, игравших в человеческом познании исходную роль: стихии *(вода, огонь, воздух)*, специальные понятия *(логос, апейрон, атомы и пустота, мышление и протяженность)*, категории *природа*, *сознание* и др. Все

это лишь подтверждает мою мысль о том, что психологическая теория деятельности — это скорее попытка общефилософского подхода к пониманию психики, чем конкретная психологическая теория.

Нельзя также забывать о мощном идеологическом давлении, которое оказывала на советскую психологию марксистская философия. Так, спустя двадцать с лишним лет В. П. Зинченко (2004) пишет:

> В советской психологии доминировало рассмотрение деятельности в качестве объяснительного принципа всей психологической жизни, что существенно ограничивало пространство психологической мысли... Необходимо преодолеть устоявшийся схематизм сознания психологов, что предметная деятельность, якобы лишенная модуса психического, погружаясь извне внутрь, рождает психику или становится психической [с. 137].

Автор определяет в этом контексте деятельность как:

> ...философскую и общенаучную категорию, универсальную и предельную абстракцию [с. 136].

Попытка предложить сегодняшней психологии заняться изучением деятельности не может на практике привести ни к чему, кроме изучения поведения, что есть движение назад.

Е. Е. Соколова (2005) продолжает:

> Как было показано сторонниками деятельностного подхода к психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин, Б. Б. Эльконин и др.), *существование психических процессов в различных субъективных... формах представляет собой вторичное явление, тогда как исходным и основным способом их бытия является их объективное существование в различных формах предметно-практической деятельности субъекта* (курсив мой. — *Авт.*) [с. 62].

> Психика есть функция деятельности субъекта, а не его мозга как такового... [с. 306].

> ...Единственный путь изучения психики — изучение деятельности субъекта в ее особой (ориентировочной) функции [с. 191].

Итак, по мнению автора, существование психических процессов представляет собой вторичное явление. Можно было бы сказать проще и привычнее — так, как говорили радикальные бихевиористы, что психика — это эпифеномен. Очевидно, что данный подход представляет собой не что иное, как очередную разновидность необихевиоризма. При таком весьма специфическом понимании психики трудно ожидать, например, принятия интроспекции как метода ее исследования.

Но вернемся к психологии. Подвергать сомнению тот бесспорный факт, что деятельность — важнейшая часть жизни человека, естественно, бессмысленно. Но не менее бессмысленно абсолютизировать эту сферу, замещая ею психику человека вообще. Мне представляется более адекватным понимание деятельности как процесса активного взаимодействия человека с окружающим миром, при котором мир оказывает мощное влияние и на тело, и на психику человека. Человеческая психика, действительно, формируется и развивается в процессе деятельности и в ней проявляется. Неудивительно поэтому, что психологи и даже философы,

например еще Т. Гоббс (1991), уделяли в прошлом и уделяют сейчас громадное внимание поведению человека. В то же время следует отдавать себе отчет в том, что деятельность — это не психика, а лишь активность человека, в том числе моторная, например ходьба, плавание, копание земли, бег трусцой и т. п. Сознательные психические процессы играют определяющую роль в регуляции человеческого поведения, но из этого отнюдь не следует, что человеческая деятельность «тождественна психике» [Е. Е. Соколова, 2005, с. 188] и «составляет субстанцию сознания и психики» (там же).

Психология не занимается, да и не должна заниматься многими другими тесно связанными с психикой человека и зависимыми от нее сферами человеческой жизни: общественными отношениями, культурой, верованиями, языком и т. д., которые в не меньшей степени, чем деятельность, определяются психикой человека и сами влияют на последнюю. Ими занимаются отдельные науки: социология, культурология, теология, лингвистика и др. Поведением, деятельностью человека тоже должна заниматься особая наука, смежная с психологией, которую следовало бы назвать «реальным бихевиоризмом».

«Советский бихевиоризм», в основании которого лежат идеи И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, имеет и других чрезвычайно авторитетных основателей. В его обоснование можно привлечь даже высказывания Л. С. Выготского (2000):

> Или психические феномены существуют — тогда они материальны и объективны, или их нет — тогда их нет и изучать их нельзя. Невозможна никакая наука только о субъективном, о кажимости, о призраках, о том, чего нет. Чего нет — того нет вовсе, а не полунет, полуесть... Нельзя сказать: в мире существуют реальные и нереальные вещи — нереальное не существует... Субъективное есть кажущееся, а потому — его нет [с. 105].

Л. С. Выготский поддерживал многие идеи бихевиористов, в частности одну из основных идей основоположника американского бихевиоризма Дж. Уотсона. Так, Л. С. Выготский (2000), например, пишет:

> Даже мышление всегда сопровождается теми или иными подавленными движениями, большей частью внутренними речедвигательными реакциями, то есть зачаточным произнесением слов. Произнесете ли вы фразу вслух или продумаете ее про себя, разница будет сводиться к тому, что во втором случае все движения будут подавлены, ослаблены, незаметны для постороннего глаза, и только. По существу же и мышление, и громкая речь суть одинаковые речедвигательные реакции, но только разной степени и силы. Именно это дало повод физиологу Сеченову, положившему начало учению о психических рефлексах, сказать, что мысль есть рефлекс, оборванный на двух третях, или первые две трети психического рефлекса [с. 134].

Идея эта была позже опровергнута в эксперименте С. Смита и соавторов (см. разд. 1.1.4). Впрочем, и великие ошибались. Л. С. Выготский тем не менее принимал интроспекцию. Он (2000) пишет, например:

> ...оно (самонаблюдение. — *Авт.*) есть инструмент в ряду других инструментов, как глаз у физиков. Использовать его нужно в меру его полезности, но никаких принципиальных приговоров над ним — о границах познания или достоверности, или природе знания, определяемых им, — выносить нельзя [с. 53].

Современный российский необихевиоризм занимает весьма активную позицию. Так, Е. Е. Соколова (2005) замечает:

> Как ни странно, до сих пор многие современные отечественные философы, решая проблему идеального, отождествляют психическое с субъективным и тем самым возрождают в той или иной степени позиции интроспективной психологии. Вот характерные цитаты: «Сознание потому и понимается как субъективная реальность, что выступает как реальность лишь для субъекта...», «Для другого человека его сознание существует так же, как для меня существует мое сознание» [Лузгин В. В., 1985]. Мало того, тем самым психология как объективная наука о сознании оказывается невозможной: данные высказывания противоречат также и накопленному в научной психологии опыту объективного изучения сознания — в частности, школе Выготского — Леонтьева — Лурия [с. 304].

Что касается В. В. Лузгина, то он лишь повторил высказанную еще в античности и очевидную для большинства исследователей мысль о том, что наше сознание является областью, совершенно недоступной для кого-либо еще, кроме нас самих. В этом, собственно, и заключается субъективизм сознания и в то же время абсолютная реальность этой субъективности для каждого человека. Причем субъективное, «кажимое», «призрачное» для любого другого сознания содержание чужого сознания является в то же время единственной и неоспоримой реальностью для самого носителя данного сознания, что тоже было очевидно еще античным мыслителям. Другое дело, что наш подход к чужому сознанию, постоянно и во всем выстраивающий его по аналогии с нашим собственным, делает это субъективное содержание чужих сознаний объективной реальностью в какой-то степени и для нас. Правота критикуемого автором В. В. Лузгина настолько очевидна, что я не вижу смысла даже дискутировать по этому поводу.

Е. Е. Соколова продолжает:

> Известный отечественный психолог Б. М. Теплов не уставал повторять, что в самонаблюдении наше сознание нам непосредственно не дано: «В ощущении и восприятии мы непосредственно воспринимаем объективную реальность. Самих же ощущений и восприятий мы непосредственно не воспринимаем, о них мы узнаем опосредованно»... [с. 304].

Б. М. Теплов (2005) действительно пишет:

> Нередко думают, что словесные высказывания испытуемого в обычных экспериментах по изучению ощущений и восприятий есть показания самонаблюдения. Это ошибка. Показания о том, что испытуемый видит, слышит, вообще ощущает или воспринимает, — это показания о предметах и явлениях объективного мира. ...Но какое же основание говорить о показаниях самонаблюдения или об использовании интроспекции в обычных экспериментах по изучению ощущений или восприятий, когда испытуемые отвечают на такие, например, вопросы: «Какой из двух квадратов светлее?», «Какой из двух звуков выше (или громче)?» и т. п. Совершенно очевидно, что здесь испытуемый занимается не интроспекцией, а экстраспекцией, не внутренним восприятием, а самым обычным внешним восприятием. Совершенно очевидно, что он дает здесь не показания самонаблюдения, а показания о предметах и явлениях внешнего мира. ...Иначе пришлось бы признать, что все естествознание строится на показаниях самонаблюдения, так как нельзя себе представить научное наблюдение или эксперимент, которые могли бы обойтись без суждений восприятия [с. 157].

Проблема, однако, не так проста, как может показаться. Здесь мы сталкиваемся с двойственностью того, что называем образом восприятия объекта. С одной стороны, это — физический объект. С другой стороны — психическое явление. Как говорят об этом У. Джеймс и Б. Рассел (см. разд. 1.4.1), то, с чем мы в итоге имеем дело, зависит от контекста рассмотрения проблемы.

Вернемся к испытуемому. Для того чтобы он ответил на вопрос: «Что именно он видит?» — он должен увидеть что-то. Затем смоделировать увиденное вербально, то есть построить специальную вербальную, а затем и языковую конструкцию. Например: «Я вижу три светящиеся точки». *Что такое данное утверждение, если не результат интроспекции?* Если бы такого утверждения не было вовсе, например, испытуемый увидел точки и без особых раздумий нажал на кнопку, сигнализирующую экспериментатору о данном факте, можно было бы условно согласиться с Б. М. Тепловым, что здесь есть лишь «экстраспекция — обычное внешнее восприятие». Но в том-то и дело, что здесь испытуемый отдает уже себе и даже окружающим вербальный отчет в том, что видит, и видит именно три точки, а это он может сделать только путем интроспекции.

Даже если испытуемый просто говорит: «Три светящиеся точки», то и в этом случае понимает, что именно он видит их. Из сказанного следует, что самое банальное наше заявление типа: «Я проснулся» или «Я вижу солнце» — это уже далеко не просто факт восприятия, а результат рефлексии, а следовательно, и интроспекции. Мне представляется, что наша психика функционирует таким образом, что процессы рефлексии[1] протекают в сознании непрерывно или почти непрерывно, в противном случае мы не могли бы функционировать. Даже если бы рефлексия протекала лишь эпизодически, мы с недоумением все время обнаруживали бы себя в самых неожиданных местах и в странных позах. Хотя и само это обнаружение было бы невозможно без рефлексии.

Чем фраза испытуемого: «Я вижу три светящиеся точки» — отличается, например, от фразы испытуемого-психолога: «Я имею образ восприятия трех светящихся точек»? Мне представляется — лишь тем, что второй испытуемый владеет специальной психологической терминологией, возможно, глубже рефлексирует содержание своего сознания и в состоянии с несколько более научным, так сказать, пониманием преподнести результаты собственной интроспекции по сравнению с первым испытуемым. Но и в первом и во втором случае испытуемые доносят до нас возникшие в их сознании и осознанные ими факты присутствия в их сознании новых психических феноменов. Поэтому, когда другой человек говорит о предметах и явлениях окружающего объективного мира, мы обычно имеем дело с результатами его интроспекции, с его анализом собственного внутреннего психического содержания. Не может быть никаких самоотчетов испытуемого, в том числе о наблюдаемой окружающей реальности, без интроспекции. Сама фраза *я вижу...* — результат рефлексии, а значит — интроспекции, так как рефлексия и тем более вербальный самоотчет о ее результатах в форме выражений: *я вижу..., я слышу..., я чувствую..., я понимаю...* и т. п. — невозможны без интроспекции.

---

[1] Рефлексия — самопознание в виде размышлений над собственными переживаниями, ощущениями и мыслями [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 394].

Б. М. Теплов (2005) касается и другой сложной проблемы, когда говорит:

> Никакой здравомыслящий человек не скажет, что военный наблюдатель, дающий такие, например, сведения: «Около опушки леса появился неприятельский танк», занимается интроспекцией и дает показания самонаблюдения. ...Но ведь дело, в сущности, не меняется, если военный наблюдатель или разведчик дает показания по памяти, то есть показания о том, что он видел несколько часов назад. И эти показания никто не назовет показаниями самонаблюдения; это высказывания о предметах внешнего мира, а вовсе не о самом себе, хотя по таким высказываниям и можно определенным путем вывести суждения о памяти человека, дающего показания. Следовательно, и о показаниях испытуемых во многих экспериментах, посвященных изучению памяти, нельзя сказать, что они являются показаниями самонаблюдения [с. 157].

Не только образы представления и образы воспоминания, но и образы восприятия возникают в сознании наблюдателя, а не во внешнем мире. Поэтому образ восприятия столь же субъективен и столь же недоступен объективным методам изучения, как и всякий образ сознания. Следовательно, придется признать, хоть это и не принимает Б. М. Теплов, что не только наблюдения разведчика, о которых он рассказывает, но и действительно «все естествознание строится на показаниях самонаблюдения». В случае разведчика мы имеем дело с вербальным моделированием собственных чувственных репрезентаций реальности. Можно сказать — с повторным или вторичным моделированием, основанным на интроспекции, с формированием вербальных психических моделей (описательных моделей) первичных сенсорных психических репрезентаций (образов и ощущений реальности). Если человек рассказывает что-то по памяти, то в его сознании возникают образы воспоминания, о которых он и рассказывает. *Что это такое, если не интроспекция? Как еще, кроме интроспекции, может быть доступно человеку содержание его памяти?*

Сам Б. М. Теплов признает:

> Показаниями самонаблюдения следует называть лишь высказывания испытуемых о себе, о своих действиях и переживаниях [с. 157].

Тогда если наблюдатель говорит: «Я видел танк», то это — результат интроспекции, но если же он говорит: «Вдруг появился танк», то это уже не результат интроспекции? Весьма сомнительное утверждение. Конечно, показания наблюдателя, в том числе военного, не принято называть «показаниями самонаблюдения», но лишь исходя из соображений «здравого смысла». Мы же рассматриваем их психологическую природу. И, исходя из механизмов их возникновения, вполне можем назвать их сформированным в результате интроспекции отчетом о собственных воспоминаниях. Что будет правильно.

Если военный наблюдатель просто видит что-то малоактуальное для него и забывает об этом или в его сознании спонтанно возникают образы воспоминания танка, выползающего из-за деревьев, и исчезают — это действительно не интроспекция, а лишь его психические переживания. Если же он отдает себе отчет в том, что видит или вспоминает нечто, например увиденный им где-то танк, а отдавать себе отчет он может лишь в форме вербальной конструкции: *я вижу танк*, или просто *вижу танк*, или *видел танк*, то есть репрезентирует данный чувственный факт собственной

перцепции себе уже вербально — это уже не что иное, как сформированный в процессе интроспекции самоотчет о собственных психических переживаниях. Хотя рассматривать в такой плоскости собственные репрезентации окружающего мира и не принято.

Естественно, в реальной жизни практически невозможно дифференцировать те психические явления и переживания, которые мы рефлексируем, и те, которые не рефлексируем, то есть те, которые подвергаются интроспекции, и те, которые ей не подвергаются. Слишком быстро наши образы и идеи сменяют друг друга. Но и без того очевидно, что рефлексия, а следовательно, и интроспекция почти постоянно осуществляются нашим сознанием, так как без этого невозможна даже нормальная ориентировка в окружающем мире.

Можно согласиться с Б. М. Тепловым в том, что самонаблюдение — более широкое понятие, чем интроспекция, так как оно может включать в себя, например, самонаблюдение за собой, за своим телом в зеркале, просмотр фильмов о самом себе, о своем поведении, знакомство с мнением других людей о себе и т. д. и т. п. Интроспекция же — это непосредственное наблюдение и описание собственных психических феноменов — единственно возможный способ непосредственного изучения субъективного психического содержания человеческого сознания.

Следует подчеркнуть, что позиция Б. М. Теплова и его последователей далеко не общепринята. Б. Г. Мещеряков (2004), например, отождествляя самонаблюдение и интроспекцию, рассматривает их как разновидности наблюдения (метод субъективного наблюдения). Он пишет:

> ...психологические науки всегда были «уникальным заповедником» метода субъективного наблюдения. Его-то и пытались уничтожить некоторые представители так называемой объективной психологии (он говорит более чем мягко; в действительности интроспекцию просто уничтожили и продолжают клеймить, хотя и пользуются при этом ею вовсю. — *Авт.*). ...В значении достаточно широком (метод объективного наблюдения. — *Авт.*) — это любой метод наблюдения, в котором выполняется требование независимого контроля (наблюдателями-дублерами или с помощью приборов). Существует наивное представление, что методы самонаблюдения в принципе не удовлетворяют такому требованию, тогда как экстероспективные и особенно приборные наблюдения всегда ему удовлетворяют (и в этом смысле объективны). С обоими утверждениями можно не согласиться [с. 285–286].

А. Ребер (2001а) тоже полагает, что:

> ...нет никакой логической причины того, почему субъективный должен быть менее надежным или достоверным, чем объективный [с. 330].

1.1.3. Субъективное и объективное

Продолжая обсуждение, имеет смысл рассмотреть понятия *субъективный* и *объективный*. Основные признаки *субъективного*: внутренний, персональный, недоступный для общественного рассмотрения, ощущаемый или психический, не подтверждаемый другими непосредственно, обусловленный личными, эмоциональ-

ными оценками, ненадежный, предвзятый [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 329–330]. Признаки *объективного*: физический, очевидный или реальный для всех воспринимающих его, доступный публичной верификации и надежный, фиксируемый как независимый от субъекта, внешний по отношению к телу или сознанию, свободный от психического или субъективного опыта [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 541; Современный философский словарь, 2004, с. 480–481]. К признакам *объективного* можно добавить: воспроизводимый практически без заметных для наблюдателя изменений при повторении тех же условий восприятия, предсказуемый, подчиняющийся известным физическим законам.

Из всего сказанного вроде бы вырисовываются существенные различия между двумя рассматриваемыми группами сущностей. Но настораживает тот факт, что наиболее характерными примерами этих сущностей являются два явления, и оба — психические. Самым характерным примером субъективного выступает образ представления, тогда как единственным примером объективного — образ восприятия. Это более чем странно и парадоксально, если считать истинным разделение мира на две группы принципиально разных сущностей, потому что в итоге мы все равно приходим только к одной — к психической, включающей в себя и образы представления, и образы восприятия.

Идеи об объективном и субъективном основываются на убеждении большинства исследователей в том, что существует объективный предметный мир, который «отражается» в субъективном сознании каждого человека. Данные взгляды по-прежнему доминируют в психологии, несмотря на то что И. Кант еще в XVIII в. утверждал, что предметный мир выстраивается сознанием человека, а не «отражается» им, и исследователи в основном вроде бы с ним согласились. Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, казалось бы, никто из психологов не возражает против «новых» философских представлений. Хотя какие уж они новые, если им почти два с половиной века? С другой — когда доходит до изложения конкретных собственных взглядов, большинство из них почему-то превращаются в ярых «объективистов». Даже, скорее, в «замшелых» материалистов, уверенных, что «стол-то уж точно существует сам по себе и независимо от нашего сознания». Хотя в этом, пожалуй, и нет ничего удивительного, так как здесь работает «здравый смысл»: раз я вижу стол, и ты его видишь, и он его видит, то это, конечно, значит, что стол существует сам по себе, независимо от нас. Причем именно как стол, а не как непонятная кантовская «вещь в себе».

Что будет с понятиями «объективное» и «субъективное», если мы рассмотрим представления о мире, вытекающие из концепции И. Канта?

Согласно «здравому смыслу», существует один объективный физический мир, одинаковый для всех людей, и он отражается в сознании каждого. Согласно же И. Канту, каждое сознание строит предметный мир из недоступного нам физического мира «вещей в себе», о сущности которого мы не можем ничего сказать, так как он недоступен познанию. Каждое сознание уникально. Следовательно, каждое сознание строит свой уникальный предметный или физический мир. Таким образом, вместо одного объективного физического мира существует столько физических миров, сколько существует сознаний.

Чтобы согласиться с этим, достаточно рассмотреть перцептивные картины мира у людей с нормальным зрением, с сильной дальнозоркостью или близорукостью, дальтонизмом, слепых, глухих и т. д. Тогда вместо привычного для «здравого смысла» единого объективного физического предметного мира придется рассматривать разные индивидуальные субъективные предметные миры и наряду с ними один совершенно непонятный и уж никак не предметный кантовский мир «вещей в себе». Его мы не можем считать ни субъективным, ни объективным, так как он доступен нам не напрямую, а лишь в виде соотносимых с ним субъективных репрезентаций нашего сознания. Тем не менее, учитывая биологическое и психическое сходство людей, а также общие способы использования предметов в одних и тех же целях людьми и сходство действий с ними, можно утверждать, что субъективные предметные физические миры, выстраиваемые разными людьми, очень похожи друг на друга. Поэтому у людей не возникает понимания того, что каждый из них живет в своем физическом мире, хотя и очень похожем на физические миры окружающих его людей.

Очевидно, что понятия *субъективный* и *объективный* не в состоянии отобразить сложные соотношения между уникальными сознаниями людей и окружающей их «реальностью в себе». Благодаря сходству различных субъективных предметных миров «здравый смысл» легко и привычно отождествляет их друг с другом, превращая в общий «объективный физический мир», существующий якобы вне всякого индивидуального сознания. Так рождается миф о единственном объективном окружающем нас предметном физическом мире. Я ни в коем случае не хочу сказать, что окружающий физический мир не существует. Он, безусловно, есть и не менее реален для нас, чем наше сознание.

Но следует различать понятия «единственный объективный окружающий нас *физический мир*» и «единственный объективный окружающий нас *предметный физический мир*». Структуры «реальности в себе» участвуют в процессе конституирования (построения) предметов нашим сознанием, поэтому без нашего сознания в физическом мире нет того, что мы считаем физическими предметами. В нем есть что-то иное – то, что можно было бы назвать «элементами реальности в себе», а И. Кант называл «вещами в себе». Вне конкретного человека существует единственный объективный окружающий физический (но не предметный) мир – «реальность в себе» и миллиарды – по числу живущих людей, разных, пусть и похожих, субъективных предметных миров.

Вернемся к доминирующим сейчас в психологии представлениям «здравого смысла». В соответствии с ними «объективный предметный мир» существует независимо от индивидуального сознания каждого из нас, и его предметы «отражаются» в каждом индивидуальном сознании, обеспечивая тем самым его «объективность». Причем «отражаются» настолько одинаково, что индивидуальными различиями можно пренебречь. Когда мы воспринимаем «внешний реальный и очевидный физический предмет», то он «объективен», так как:

> ...состояние или функция его доступны публичной верификации, имеют внешние проявления и не зависят (якобы. – *Авт.*) от внутреннего, психического или субъективного опыта [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 541].

Однако еще раз повторю замечание И. Канта, что вне нашего сознания нет единого объективного предметного мира. И именно наше сознание из некой непонятной «вещи в себе» создает предмет. Вне сознания нет предмета. Следовательно, существует не объективный единый физический стол, например, который воспринимают двадцать человек, сидящих вокруг него, а двадцать субъективных столов. По одному в сознании каждого из сидящих. И это несмотря на то, что люди уверены в существовании вне их сознаний реального физического стола. Далее мы еще будем возвращаться к обсуждению этого вопроса.

А. Бергсон (1992) критически рассматривая существующее в философии положение, пишет:

> Материя для нас — совокупность «образов». Под «образом» же мы понимаем определенный вид сущего, который есть нечто большее, чем то, что идеалисты называют представлением, но меньшее, чем то, что реалисты называют вещью, — вид сущего, расположенный на полпути между «вещью» и «представлением». Это понимание материи просто-напросто совпадает с ее здравым смыслом. Мы бы весьма удивили человека, чуждого философским спекуляциям, сказав ему, что предмет, находящийся перед ним, который он видит и которого касается, существует лишь в его уме и для его ума или даже, в более общей форме, как склонен это был делать Беркли, — существует только для духа вообще. Наш собеседник всегда придерживался мнения, что предмет существует независимо от воспринимающего его сознания. Но, с другой стороны, мы также удивили бы его, сказав, что предмет совершенно отличен от его восприятия нами, что ни цвета, который приписывает ему глаз, ни сопротивления, которое находит в нем рука, нет. Этот цвет и это сопротивление, по его мнению, находятся в предмете: это не состояние нашего ума, это конститутивные элементы существования, независимого от нашего. Следовательно, для здравого смысла предмет существует в себе самом, такой же красочный и живой, каким мы его воспринимаем: это образ, но этот образ существует сам по себе [с. 160].

В последней фразе А. Бергсона представлена доминирующая сегодня и в психологии точка зрения «здравого смысла» на окружающую человека реальность. В связи с этим следует констатировать, что психология как-то незаметно, но, мягко говоря, весьма существенно уклонилась от основного направления философского учения о человеке и мире, созданного И. Кантом и его последователями и рассматриваемого в философии как главное достижение кантианства. Это отклонение объясняется преобладанием во взглядах психологов на сознание человека и окружающую его реальность представлений «здравого смысла». Большинство психологов знакомы с достижениями философии, но тем не менее в своих собственных теориях они больше тяготеют к привычному «здравому смыслу», «здраво» полагая: «философия философией, а стол-то вот он». Подобные представления в психологической литературе доминируют абсолютно.

Слабость позиции тех, кто отстаивает точку зрения о жестком отличии субъективного и объективного, очевидна для многих авторов. Так, Э. Кассирер (2006), например, пишет:

> ...как оказалось — одно и то же содержание опыта может называться и субъективным, и объективным, смотря по тому, в отношение к каким логическим точкам исхода оно берется [с. 314–315].

Автор (2002) полагает, что:

...«объективное» в опыте означает для научно-теоретического мировоззрения его неизменные и необходимые элементы: однако чему именно в этом содержании приписывается неизменность и необходимость, зависит, с одной стороны, от общего методологического масштаба, который мышление накладывает на опыт, а с другой стороны, обусловлено наличным состоянием познания, совокупностью его эмпирически и теоретически проверенных взглядов. Вот почему то, каким способом мы применяем понятийную противоположность «субъективного» и «объективного» в процессе формирования опыта, в построении образа природы, оказывается не столько решением познавательной проблемы, сколько ее полноценным выражением [с. 26].

А. Н. Леонтьев (1981) говорит о том же:

...противоположность между субъективным и объективным не является абсолютной и изначально данной. Их противоположность порождается развитием, причем на всем протяжении его сохраняются взаимопереходы между ними, уничтожающие их «односторонность» [с. 34].

Е. Ф. Губский и соавторы замечают:

Объективностью также называют способность что-либо наблюдать и излагать «строго объективно». Но такой способностью человек не обладает. ...Поэтому подлинная объективность достигается лишь весьма приблизительно и остается для научного труда идеалом [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 314].

Можно было бы сказать: не достигается никогда.
М. К. Мамардашвили (2002) пишет:

Казалось бы, можно установить в конце концов, что такое «объективное» и как к нему относится сознание. Но странная вещь: у всех философов фигурирует эта проблема, а установление того, что объективно, а что относится к сознанию, каждый раз ситуативно. Нет раз и навсегда заданного чего-то, что всегда объективно, и нет раз и навсегда заданного, что всегда субъективно [с. 166].

Ю. М. Лотман (2004) отмечает, что:

Из наивного мира, в котором привычным способам восприятия и обобщения его данных приписывалась достоверность, а проблема позиции описывающего по отношению к описываемому миру мало кого волновала, из мира, в котором ученый рассматривал действительность «с позиции истины», наука перешла в мир относительности [с. 386],

и цитирует В. Гейзенберга:

...квантовая механика выдвинула еще более серьезное требование. Пришлось вообще отказаться от объективного в ньютоновском смысле описания природы, когда основным характеристикам системы, таким как место, скорость, энергия, приписываются определенные значения, и предпочесть ему описание ситуаций наблюдения, для которых могут быть определены только вероятности тех или иных результатов. Сами слова, применявшиеся при описании явлений атомарного уровня, оказывались, таким образом, проблематичными. Можно было говорить о волнах или частицах, помня одновременно, что речь при этом идет вовсе не о дуалистическом, но о вполне едином описании явлений. Смысл старых слов в какой-то мере утратил четкость.

> Предельно обобщая, можно, пожалуй, сказать, что изменения структуры мышления внешне проявляются в том, что слова приобретают иное значение, чем они имели раньше, и задаются иные, чем прежде, вопросы [с. 386].

Относительность понятий *объективное* и *субъективное* можно легко продемонстрировать на конкретном примере. Каким является мое психическое содержание, например план моих действий на завтра? Очевидно, субъективным. Но каким он является, если вы видите его изложенным на бумаге в виде пунктов предстоящих действий? Очевидно, это уже нечто объективное, так как представленное в виде слов, потенциально способных трансформироваться в субъективное психическое содержание конкретного сознания, оно доступно для многих людей.

Понимая теоретическую шаткость рассматриваемой дихотомии мира на субъективное и объективное и необходимость замены ее в будущем чем-то более адекватным, можно попытаться выделить то, что принято считать объективным. К объективному традиционно относят окружающий предметный мир, а следовательно, наши перцептивные психические репрезентации. Наиболее существенными признаками объективности чего-либо считают:

- доступность его репрезентации (перцептивного образа) многим наблюдателям;
- повторяемость его перцептивного образа в сходных условиях наблюдения;
- сходство его перцептивных образов, возникающих у разных наблюдателей, воспринимающих объект одновременно или у одного наблюдателя в разное время;
- относительную независимость его перцептивного образа от воли наблюдателя;
- подчиняемость его перцептивного образа известным наблюдателю физическим законам, в том числе, например, возможность повторного появления сходного образа в ожидаемом наблюдателем месте при сходных условиях восприятия и прогнозируемость возможных изменений образа.

Можно, однако, сказать, что признаками объективности воспринимаемой физической сущности являются качества ее образа восприятия, что сразу ставит саму концепцию объективности под сомнение.

Что изменится, если вместо термина «физический предмет» мы используем понятие «вещь в себе»? По сути, ничего, кроме признания нами того факта, что вне сознания есть не физический предмет, а лишь «нечто», репрезентируемое в форме физического предмета только в нашем сознании. Внешний мир при этом останется независимым от нашего сознания, но понятия *объективное* и *субъективное* станут бесполезными.

Воспроизводимость, или повторяемость репрезентации [см., например: Б. Г. Мещеряков, 2007, с. 51], играет основную роль в установлении признака объективности предмета или факта, так как дает возможность проверить в научном эксперименте результаты восприятия как самому человеку, так и другим людям. В то же время Х. Г. Гадамер (2006), например, ставит под сомнение данный признак:

> Каждый из нас может считать проверяемость результатов познания за идеал. Но нужно также признать, что этот идеал чрезвычайно редко может быть достигнут, а те исследователи, которые усиленно стараются его достичь, преимущественно не могут нам сказать ничего серьезного... Нужно признать, что наибольшие достижения гуманитарных наук оставляют далеко позади идеал проверяемости. С философской точки зрения это очень важно [с. 509].

1.1.4. Объективная психология

Теория «объективности науки» уже не первый век является доминирующей научной доктриной. Не принято не только критиковать эту теорию, но даже сомневаться в ее достоверности. Дж. Лакофф (2004) замечает:

> Многие из тех, кто имеет отношение к миру науки, полагают, что научное мышление требует объективистского взгляда на мир — приверженности принципу существования единственно «правильной» концептуальной системы. Одно только предположение, что в мире могут существовать различные концептуальные системы, столь же разумные, как наша собственная, слишком часто рассматривается, как плевок в лицо науки [с. 33, 395].

Однако подобный подход сродни убеждению в том, что мир можно «правильно» увидеть только через специально созданные для этого очки с синими стеклами. Данное обстоятельство заставляет глубоко задуматься над высказываниями некоторых авторов, что такого рода представления — лишь заблуждение западной познавательной традиции.

О. Шпенглер (1993), например, указывает, что:

> ...картина души есть всегда лишь картина какой-то определенной души. А претензии западной рационалистической психологии на абсолютную объективность — не более чем европоцентристская иллюзия... [с. 482–483].

Р. Мэй (2001а) цитирует В. Гейзенберга, написавшего:

> Идеальная наука, полностью независимая от человека (например, совершенно объективная), — это иллюзия [с. 129].

М. Полани (2004) говорит о том, что какие бы славословия ни возносились «объективности»,

> ...абсолютная объективность, приписываемая обычно точным наукам, принадлежит к разряду заблуждений и ориентирует на ложные идеалы [с. 321].

> ...Будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице [с. 321].

С. Прист (2000) обращает внимание на то, что:

> ...наука и значительная часть эмпирического знания дают нам только частичное объяснение реальности. Это происходит потому, что наука и эмпирическое знание являются, в сущности, объективными или же подходят ко всему с позиции третьего лица. Они трактуют свой предмет как «другого». Ни наука, ни эмпирическое знание не способны предложить объяснение субъективности, в частности сознания, которое является субъективным феноменом от первого лица. Кроме того, чисто объективные способы мышления не способны объяснить отношение между сознательными субъектами и воспринимаемыми ими объектами. Наука все рассматривает как физическое. Она не может объяснить сознание и локализацию сознающего субъекта во вселенной [с. 100].

Я ни в коем случае не предлагаю огульно отказаться от всего того, что принято относить к «объективной науке», а предлагаю лишь внимательно разобраться в том,

что же именно туда относят и на каком основании. Естественно, меня интересует в первую очередь «объективная психология». Можно выделить два ее варианта: устаревший радикальный и современный. Первый основывается главным образом на бихевиористской позиции и отрицает наличие субъективных психических феноменов как таковых, замещая их чем угодно — от мозговой активности до так называемых моделей поведения. Иллюстрацией такого подхода является, например, следующее высказывание Б. М. Теплова (2005):

> Объективный метод в психологии есть метод опосредованного познания психики, сознания... Для объективного метода чужая психическая жизнь не менее доступна научному изучению, чем своя собственная, так как фундаментом этого метода не является интроспекция. ...Психическая деятельность всегда получает свое объективное выражение в тех или других действиях, в речевых реакциях, в изменении работы внутренних органов и т. д. Это — неотъемлемое свойство психики, забвение которого неизбежно ведет к подмене «психических реальностей» «психическими фикциями» (Сеченов) [с. 156].

Современные объективисты менее категоричны, да и сами их позиции существенно различаются. Наиболее радикальные из них полагают, что «полноправными» могут считаться только те данные психологических исследований, которые основаны на измерениях в физических, объективных терминах. Другие исследователи придерживаются гораздо более умеренных взглядов, полагая, что для того, чтобы считаться «объективным»,

> ...научное исследование должно проводиться таким образом, чтобы любой заинтересованный член научного сообщества мог воспроизвести его результаты [Психологическая энциклопедия, 2006, с. 495].

Многие авторы давно и неоднократно высказывали сомнения в способности объективной психологии быть адекватным средством изучения субъективной по своей природе человеческой психики. Э. Гуссерль (1995), например, пишет:

> Будучи объективной, психология просто не способна тематизировать психику в ее собственной сущности, то есть исследовать действующее и страдающее «Я». Определяя телесную функцию, участвующую в деятельности оценки или воления, психология может опредметить эту деятельность, индуктивно обработать ее, но может ли она сделать то же самое в отношении целей, ценностей, норм? [С. 324.]

Представители «объективной» психологии утверждают, что в случае интроспекции отсутствует главное достоинство объективного метода[1], а именно, доступ разных наблюдателей к «объекту наблюдения». При этом они почему-то игнорируют то

---

[1] Представления об объективности методов научного исследования непрерывно менялись вместе с развитием психологии как науки. В конце XIX в. объективными называли методы, заимствованные психологией из естественных наук (биологии, медицины, физики, математики), опиравшиеся на физиологические показатели работы организма (телесные реакции, движения и т. п.) и регистрируемые с помощью специальных приборов. Данные, получаемые путем прямого наблюдения за человеком, объективными не считались. В настоящее время объективные методы включают любые методы, с помощью которых можно получить достоверную информацию о психике человека, то есть методы, которые отвечают требованиям надежности и валидности [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 288].

обстоятельство, что в случае наблюдения за физическим объектом в сознании у каждого из его наблюдателей тоже возникает лишь свой субъективный образ восприятия данного физического объекта. И все возникшие у наблюдателей образы различаются между собой. Самый банальный пример — различия визуальных перцептивных образов у людей с нормальным зрением и близорукостью или дальтонизмом.

Фактически каждому наблюдателю его сознание репрезентирует особую уникальную перцептивную модель объекта. И лишь наш «здравый смысл» объединяет разные субъективные репрезентации наблюдателей в некий «единый физический предмет», который, однако, есть лишь в сознании и отсутствует в таком виде в окружающем мире. Объект поэтому может быть отделен от субъекта, который его наблюдает или обсуждает, лишь умозрительно, хотя в соответствии со «здравым смыслом» мы привычно считаем, что реальный «физический предмет», данный стол например, находится перед нами в физической реальности. И факт «объективности» этого предмета, а соответственно, и метода его исследования подтверждается тем, что у разных наблюдателей этого стола возникают сходные субъективные репрезентации этого предмета и все они легко воспроизводимы при тех же условиях восприятия предмета. Однако неизменность, очевидность и реальность «единого физического предмета» — внешнего объекта, его «доступность для публичной верификации» и «надежная фиксируемость как независимого от субъекта» на самом деле заключается лишь в сходстве субъективных образов его восприятия у разных наблюдателей и феноменологических особенностях самих перцептивных образов.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут в своем университетском учебнике по психологии:

> Экспериментальный метод отличается от других методов научного наблюдения... возможностью осуществлять точный контроль за переменными [с. 36].

И так считают практически все исследователи. Авторы, однако, почему-то не учитывают того, что большинство этих «переменных» сами являются всего лишь психическими конструкциями[1], созданными исследователями со специальными целями, а не присущи исходно физической реальности. В физической реальности нет, например, единиц измерения: метра, секунды, килограмма и др. Там нет большого или малого, толстого или тонкого, высокого или низкого, быстрого или медленного и т. д. Там нет храброго или боязливого, волевого или безвольного, тревожного или спокойного. В физическом мире нет даже красного и белого, теплого и холодного, вкусного и противного, пахучего, болезненного и т. д. Все эти, как принято считать, характеристики физической реальности на самом деле — лишь порождения нашего сознания, которое пытается как-то репрезентировать эту реальность. Э. Гуссерль (1995) пишет:

> ...объективистская наука видит в том, что она называет объективным миром, универсум всего сущего, не замечая, что никакая объективная наука не может отдать должного субъективности, порождающей науку [с. 322].

---

[1] К таким конструкциям относятся даже такие физические, как принято считать, характеристики испытуемых, как, например, возраст, рост, вес и т. д.

Многие авторы отмечают, что в своих «объективных» опытах человек всегда проверяет свои уже существующие теории, а при наблюдении за другим человеком мы не более «объективны», чем при наблюдении за самим собой. Мне представляется, что многие блестящие когнитивные психологи существенно дополнили бы наши представления о психике, если бы смогли побороть наследие бихевиоризма и, кроме экспериментов, обратились бы к самонаблюдению. Когда читаешь работу по когнитивной психологии, часто складывается ощущение, что читаешь что-то, имеющее отношение к вычислительной технике или программированию: «акустические, зрительные, лексические коды», «семантическая информация», «единицы информации», «стимул», «реакция», «сигнал», «индикатор», «переменный стимульный поток», «градиенты», «отдельный импульс информации», «стимульные переменные», «осознаваемые центробежные и центростремительные импульсы», «иконическое хранилище», «вычислительные возможности мозга» и т. д. и т. п.

Дж. Серл (2002) замечает:

> Не менее прискорбно то, что мы позволяем нашим методам определять предмет исследования, а не наоборот. Как пьяный, потерявший ключ от своей машины в темных кустах, но ищущий их под светом уличного фонаря, «потому что здесь светлее», мы пытаемся понять, как люди походят на наши вычислительные модели, вместо того чтобы попытаться установить, как действительно работает человеческое сознание [с. 225].

Когнитивная психология оперирует множеством моделей, объясняющих функционирование психики, но они, к сожалению, никак не соотнесены с интроспективными моделями. Складывается впечатление, что с помощью «объективных» и интроспективного методов исследователи изучают не один объект — психику, а два совершенно разных, хотя эти методы могли и должны были бы дополнять друг друга. В. М. Аллахвердов (2000) цитирует Г. Айзенка, который пишет, что для современных психологов:

> ...самые разумные доводы значат меньше, чем экспериментальные доказательства [с. 66].

Порой доходит до очевидного абсурда, когда когнитивная психология прилагает титанические усилия, чтобы «открыть» совершенно очевидные при интроспекции вещи. Например, проведено множество экспериментов, чтобы установить бесспорный с точки зрения интроспективной психологии факт наличия в сознании зрительных образов представления. Даже такой авторитет, как Дж. Андерсон (2002), с сомнением пишет:

> ...можно попробовать найти различие между репрезентацией звучания слова в сравнении с напечатанным словом [с. 135].

Между тем их различия — это совершенно очевидный и тривиальный для сторонников интроспекции факт. Достаточно закрыть глаза и представить себе звучащее слово и, например, это же слово представить зрительно в написанном на стене виде, чтобы обнаружить между слуховыми и зрительными репрезентациями слова очевидную разницу. Многие предположения и утверждения

когнитивной психологии интроспективная психология могла бы уточнить сразу или изложить иначе. Например, когнитивисты в лице Дж. Андерсона (2002) утверждают, что:

> ...пространственные репрезентации не привязаны к зрительной модальности, к ним также можно получить доступ тактильным или слуховым путем. По-видимому, имеется общая пространственная репрезентация, которая может получать информацию любой модальности [с. 124].

Интроспекция однозначно убеждает нас в том, что у человека существует полимодальная репрезентация объекта реальности, и каждый из ее компонентов имеет свои пространственные характеристики. Еще епископ Д. Беркли (2000, с. 39) установил интроспективным путем в то время, когда даже не знали ни об «объективной психологии», ни об «объективных методах исследования», что пространственные характеристики репрезентаций разной модальности различны. Пространственные характеристики репрезентаций предмета в разных модальностях сложно взаимодействуют между собой. С. Л. Рубинштейн (1999) приводит, например, интересные данные самонаблюдения, демонстрирующие, как перемещение источника звука зависит от визуального восприятия места нахождения говорящего:

> Заседание происходило в очень большом радиофицированном зале. Речи выступающих передавались через несколько громкоговорителей... Сначала, сидя сравнительно далеко, я... не разглядел выступавшего... Голос... выступавшего я отчетливо услышал слева, он исходил из помещавшегося поблизости громкоговорителя. Через некоторое время я вдруг разглядел докладчика... и тотчас же звук неожиданно переместился — он шел ко мне прямо спереди, от того места, где стоял докладчик. ...Воспользовавшись перерывом, я пересел на заднее место справа. С этого отдаленного места я не мог разглядеть говорившего... звук... снова переместился к громкоговорителю, на этот раз справа от меня. ...В течение этого заседания раз 15 звук... перемещался на трибуну или снова возвращался к ближайшему громкоговорителю в зависимости от того, видел ли я говорящего человека... или нет [с. 208–209].

Для того чтобы убедиться в справедливости теории «двойного кодирования в памяти вербальной слуховой и зрительной информации», тоже не требовалось ставить сложные эксперименты (см. о них, например: Дж. Андерсон, 2002). Достаточно мысленно представить себе зрительный образ слона и слуховой образ слова «слон». Очевидно, что есть и тот и другой. Более того, они далеко не исчерпывают всего многообразия психического репрезентирования, так как существует множество других чувственных репрезентаций физического объекта, в том числе тактильных, вкусовых и обонятельных, поэтому следует говорить не о «двойном», а о полимодальном «кодировании информации в памяти». О «двойном» репрезентировании можно говорить лишь в плоскости вербальных — невербальных образов.

Интроспективной психологии были не нужны сложные эксперименты, чтобы установить также тот факт, что после восприятия лингвистического сообщения люди помнят только его смысл, а не точную формулировку, или то, что память на

детали сообщения сохраняется на короткое время после его предъявления, а потом исчезает, тогда как память о значении сообщения сохраняется. В то же время трудно или невозможно интроспективным путем получить информацию о сохранении в памяти испытуемого части материала, который кажется ему забытым, но наличие которого эксперименты могут показать. Очевидно, что эксперимент в ряде случаев более точен, чем самонаблюдение, а порой и незаменим. На него меньше влияют знания экспериментатора.

Например, я при попытке воспроизвести опыт Уоллеса, в котором предлагается сравнить длину двух одинаковых параллельных горизонтальных прямых, предварительно заключив их мысленно в перевернутую букву V (рис. 1), получил однозначный ответ – прямые равны. Как только я предложил то же задание своей дочери, немедленно получил ответ: «верхняя – длиннее», так как у нее не было моей установки, что «прямые в любом случае равны».

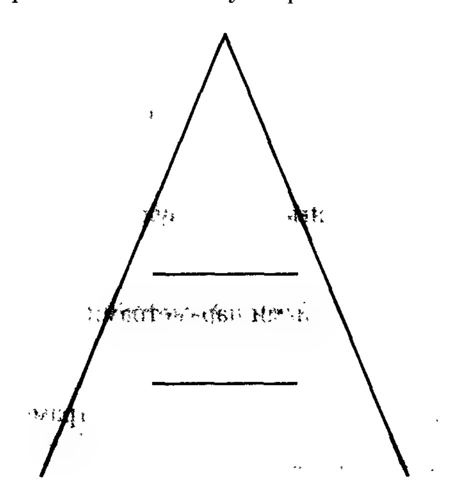

Рис. 1. Параллельные горизонтальные прямые, заключенные в перевернутую букву V

Можно поэтому сказать, что экспериментальная психология и интроспекция могли и должны были бы удачно дополнять друг друга. Экспериментальная психология имеет бесспорное преимущество в определенных областях психологических исследований, например при исследовании памяти, к которой в наибольшей степени подходит модель «черного ящика», и где эффективность самонаблюдения минимальна, а интроспекция имеет неоспоримые преимущества, например при изучении психических феноменов.

Требования объективизировать психологию приводят к нелепым попыткам верифицировать, например, с помощью наблюдения за поведением факт наличия субъективных переживаний. Стремление объективизировать с помощью экспериментальной науки изучение психических явлений, не подлежащих экспериментальному наблюдению в принципе, нередко принимает гротескные формы. Достаточно вспомнить в связи с этим сначала полное неприятие, а затем яростные

многолетние дискуссии в когнитивной психологии о наличии или отсутствии «ментальных образов» — образов представления и воспоминания. И это притом, что субъективная регистрация наличия в сознании любого психического явления сама по себе — наидостовернейший, очевиднейший и реальнейший для человека, переживающего его, факт, не требующий уже никаких доказательств и тем более «объективной» верификации. Даже если человеком переживается всего лишь болезненная галлюцинация.

Если один человек, обнаружив в собственной психике некий феномен, моделирует его в форме вербальной психической конструкции и предлагает на всеобщее рассмотрение в качестве особого явления сознания, а другие люди тоже обнаруживают в своем сознании сходный феномен, то его существование в человеческом сознании можно принять как очевидный факт. Такой подход к изучению сознания, впрочем, активно используется со времен античности и, несмотря на позицию объективистов, продолжает применяться в настоящее время даже в самой «объективной» когнитивной психологии. Можно предавать анафеме интроспекцию, но именно благодаря ей была создана классическая феноменология психических явлений, были описаны образы, ощущения, эмоции, потребности и т. д. и сейчас продолжается уточнение этих сущностей. В огромном количестве так называемых объективных, а на самом деле всего лишь воспроизводимых психологических экспериментов[1] присутствует самонаблюдение — интроспекция. При этом полученные в них результаты трактуются психологической наукой как «объективные». *Что же на самом деле изучают в них исследователи?*

Если проводить аналогии с физическим экспериментом, то там воздействуют на объект стимулом с определенными параметрами в строго определенных условиях и регистрируют, какие с объектом произошли изменения. В «объективной» психологии тоже воздействуют на объект — тело испытуемого и опосредованно на его сознание — стимулом с определенными параметрами в строго определенных

---

[1] Эксперимент — метод эмпирического (эмпиризм — взгляд, согласно которому знания получаются из чувственного опыта. — *Авт.*) познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях... получают знание относительно связей (чаще всего причинных) между явлениями и объектами или обнаруживают новые свойства объектов или явлений [Новейший философский словарь, 1998, с. 838].

Во время эксперимента исследователь активно вмешивается в ситуацию. Он манипулирует процессом и фиксирует возникающие изменения [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 511].

Эксперимент в психологии отличается от «метода наблюдения» тем, что в нем «...одновременно с наблюдением осуществляется измерение отдельных психических свойств и качеств» [Экспериментальная психология, 2007, с. 15].

Если, например, мы изучаем взаимное расположение цветов радуги, то это будет простое наблюдение. Если же мы, изучая явление, изменяем условия или обстоятельства, при которых оно возникает, то это может быть названо изучением при помощи эксперимента [Г. И. Челпанов, 1918, с. 11]. Эксперименты могут быть натурными и мысленными [Новейший философский словарь, 1998, с. 838].

Однако мысленный эксперимент не может быть осуществлен без интроспекции. Следовательно, и в процессе интроспекции можно проводить эксперименты.

условиях. Затем регистрируют, но не изменения, которые произошли с объектом — телом и уж тем более не с сознанием, потому что изменения в сознании невозможно наблюдать непосредственно, а некие реакции второго, третьего и последующих порядков, ставшие результатом первичных изменений в объекте — теле, обладающем сознанием. Чаще всего изучается психомоторная активность испытуемого, в том числе в форме его ответов и самоотчетов.

Речевые ответы — это, как правило, самоотчеты испытуемых об их самонаблюдениях либо даже уже интерпретации испытуемыми этих их самонаблюдений. Двигательные ответы представляют собой обычно произвольное движение, которым испытуемый указывает один из предложенных ему исследователем вариантов ответа на поставленную перед ним в эксперименте задачу. Это даже не результат мысленного действия, направленного на решение задачи, а последующее указание испытуемого окружающим на соответствующий результат или вербализация результата его мысленных действий, то есть вторичная коммуникативная реакция испытуемого. Таким образом, в психологических экспериментах изучаются обычно не психические феномены, а поведенческие последствия экспериментальных воздействий на организм испытуемого.

Учитывая то обстоятельство, что субъективное пространство в принципе недоступно ничему, кроме интроспекции, то, чем занимается «объективная» психология, есть главным образом «объективизация» субъективных самоотчетов (толкование результатов чужой интроспекции) либо просто изучение поведения и изменений физиологических процессов у испытуемых в ответ на действие стимулов, обладающих для испытуемых субъективным значением. Регистрируемые поведенческие и физиологические ответы испытуемых привязываются авторами исследований к собственным психологическим теориям, обычно выстраиваемым на основе собственной интроспекции исследователей.

Рассмотрим, например, несколько классических «объективных», с точки зрения одного из основоположников «объективной» когнитивной психологии — Дж. Р. Андерсона, психологических экспериментов, на которые автор ссылается в своей монографии (2002) по когнитивной психологии. Начнем с тех, в которых самонаблюдения, казалось бы, нет. Например, с эксперимента.

Р. Уоррен и Р. Уоррен (Warren R.M. & Warren R.P., 1970) предлагали испытуемым распознавать предложения, подобные, например, следующим:

It was found that the -eel was on the axle.

It was found that the -eel was on the shoe.

It was found that the -eel was on the orange.

It was found that the -eel was on the table.

Везде (-) обозначает неречевой звук. Однако испытуемые обычно слышали соответствующее контексту слово: wheel, heel, peel, meal. Авторы делают вывод, что восприятие неясного слова, во-первых, не происходит мгновенно и, во-вторых, зависит от контекста, то есть от восприятия других слов.

/Перевод: «Было обнаружено, что колесо на оси», «Было обнаружено, что каблук на туфле», «Было обнаружено, что шкурка на апельсине», «Было обнаружено, что еда на столе»./

В чем заключается «объективность» данного эксперимента?

Мне ответят: в доступности его результатов многим наблюдателям, в возможности повторить все условия эксперимента и его результаты (то есть в их воспроизводимости и контролируемости) и в отсутствии интроспекции в эксперименте. Еще раз напомню, что объективными в научной психологии могут считаться:

> ...только те данные, которые основаны на измерениях в физических, объективных терминах. Особое значение придается исключению данных, основанных на интроспекции или интерпретации [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 541].

Однако действительно ли в данном эксперименте не используется интроспекция испытуемых?

Здесь мы опять возвращаемся к рассказу военного наблюдателя (см. выше). Интроспекция, безусловно, используется в этом эксперименте, так как испытуемый рассказывает о том, что он слышал, то есть вербально моделирует собственные образы воспоминания, что невозможно сделать без интроспекции. Это становится совершенно очевидно, когда испытуемый, например, прямо говорит: «Я слышал предложение...» Однако мы опять делаем вид, что интроспекция в данном эксперименте не используется, или на самом деле не понимаем того, что имеем дело с результатами интроспекции испытуемых.

В других, тоже «объективных», экспериментах уже прямо декларируется, что используется интроспекция испытуемых.

> Р. Мойером (R. S. Moyer, 1973) измерялось время, необходимое для мысленного сравнения объектов. Испытуемым предлагалось оценить по памяти относительные размеры двух животных, например лося и таракана, волка и льва. Многие испытуемые сообщали, что, давая оценки, они переживали образы объектов и действительно мысленно сравнивали их размеры. Автор предлагал также оценить абсолютные размеры животных. Он установил, что увеличение разницы в размере объектов уменьшает время реакции испытуемых. Наибольшие трудности возникали при сравнении близких по размерам объектов.

Вопрос: *что изучается здесь «объективно»?* Ответ: ничего. Как я уже подчеркивал, объективная психология исключает возможность использования данных интроспекции. Р. Мойер же непосредственно использует результаты интроспекции испытуемых. Основываясь на гипотезе, выстроенной на основе собственной интроспекции, экспериментатор успешно «объективно» доказывает в интроспективном эксперименте, что задача на различение визуальных образов представления двух объектов будет решаться быстрее, если объекты различаются в большей степени. И тем не менее Дж. Андерсон приводит этот эксперимент в качестве вполне «объективного» в своей основополагающей монографии по когнитивной психологии. «Объективность» же, по-видимому, заключается в факте измерения исследователем времени получения от испытуемых интроспективных самоотчетов. Следовательно, стоит только добавить в эксперимент чуть-чуть математики или физики, как

мы уже готовы считать его достоверным и «объективным». Вспоминаются слова Р. Мэя (2001в):

> В нашей культуре главенствует странное убеждение, что вещь или опыт не реальны, если мы не можем привести их к математической формуле, а если мы можем свести их к числам, то, так или иначе, они реальны. ...Современный западный человек оказывается в странной ситуации после того, как что-то сводит к абстракции: он вынужден убедить себя, что эта абстракция существует в реальности. ...Только тот опыт мы полагаем реальным, который точно таковым не является. Таким образом, мы отрицаем реальность наших собственных переживаний [с. 144].

Из сказанного мною не следует, что я не согласен с автором эксперимента или против подобных экспериментов. Я лишь демонстрирую, что это не «объективная» психология, а попытка объективизации, точнее — даже формализации результатов интроспекции исследователя и его испытуемых.

Не менее «объективен» и широко известный в когнитивной психологии эксперимент Р. Финке, С. Пинкера и М. Фараха (R. A. Finke, S. Pinker & M. J. Farah, 1989), который тоже рассматривается Дж. Андерсоном [2002, с. 125] как объективный.

> Авторы предлагали испытуемым создавать умственные образы, а затем осуществлять их трансформации. Например, предлагалось представить заглавную букву N, а затем провести линию от верхнего правого угла к нижнему левому углу. Затем вообразить заглавную букву D, повернуть ее на 90 градусов влево и поместить снизу заглавную букву J. Испытуемые осуществляли эти преобразования с закрытыми глазами и отвечали, что у них получилось. В первом случае они видели песочные часы, во втором — зонтик.

По мнению когнитивных психологов, считающих себя «объективными исследователями», описанный эксперимент объективно продемонстрировал, что испытуемые способны строить в своем сознании визуальные образы представления и трансформировать их. В действительности же здесь наблюдатель предлагает испытуемому провести некое мысленное действие со зрительными образами представления и дать вербальный отчет о результатах своей интроспекции. Сам экспериментатор, без сомнения, произвел ранее те же действия мысленно. И на основании интроспекции сделал вывод о трансформации одного визуального образа в другой. Далее он сравнивает результаты собственной интроспекции с результатами интроспекции испытуемого. Данный «объективный» эксперимент целиком и полностью основывается на интроспекции испытуемых, которые что-то воображают, мысленно строят, а затем выдают ожидаемый экспериментаторами ответ. Таким образом, мы вновь имеем дело с типичным интроспективным экспериментом, который «превратился» в «объективный» лишь потому, что легко может быть повторен другими исследователями.

Эксперименты по умственному вращению зрительных образов представления, выполненные Р. Шепардом и его коллегами (см., например: R. Shepard & J. Metzler, 1971; R. Shepard, 1975; R. Shepard & S. Shipman, 1970; L. Cooper & R. Shepard, 1973), Дж. Андерсон [2002, с. 116–118] не просто считает объективными, но и рассматривает как одни из наиболее важных исследований умственных образов, проведенных

в когнитивной психологии. И это несмотря на то, что существование самих мысленных образов не может быть доказано объективно и не было доказано ни в этих, ни в каких-либо других «объективных экспериментах». Мысленные образы потому и субъективны, что они не доступны никому, кроме субъекта, который их переживает. И данный факт очевиден каждому, кто их имеет, то есть всем.

В эксперименте Р. Шепарда и Дж. Мецлера (R. Shepard & J. Metzler, 1971) испытуемым предъявлялись пары двухмерных репрезентаций трехмерных объектов (рис. 2) и предлагалось определить, идентичны ли объекты без учета их ориентации. Две фигуры на рис. 2, *а* и *б* идентичны друг другу, хотя и ориентированы по-разному. На рис. 2, *в* изображены разные объекты. Авторы просили испытуемых оценить, имеет ли второй предмет такую же форму, что и первый.

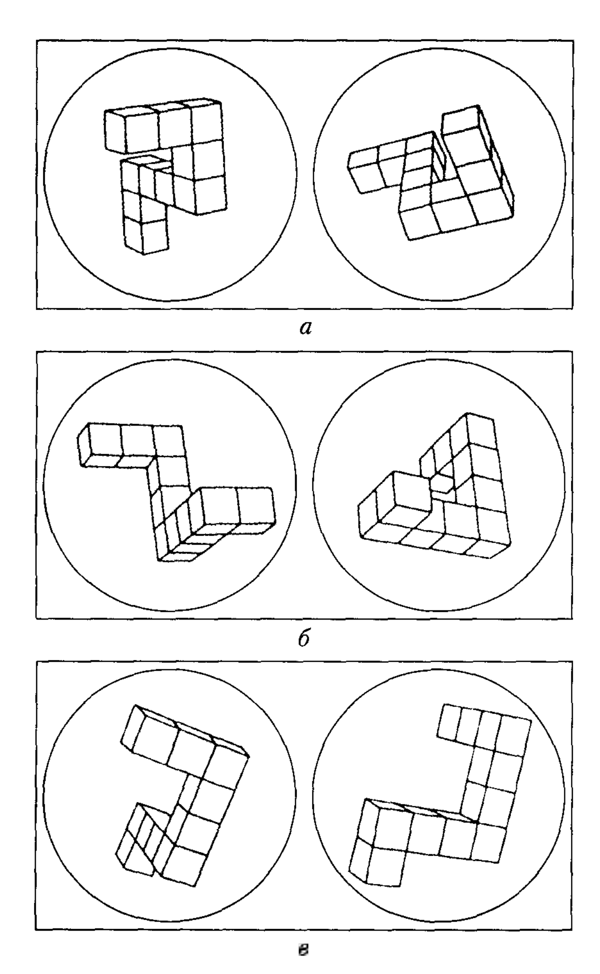

Рис. 2. Стимулы в исследовании умственного вращения, проведенном Шепардом и Мецлером:
а и *б* — объекты повернуты относительно друг друга на 80 градусов;
в — пара не может быть приведена в соответствие с помощью вращения

На первый взгляд мы имеем дело с физическими объектами, которые вроде бы действительно изучаются в объективном эксперименте. При этом регистрируется время от момента предъявления испытуемому объекта до момента ответа испытуемого. Однако сами исследователи сообщают, что они изучали интроспективные отчеты испытуемых.

По самоотчетам испытуемых, они мысленно вращали один из объектов в каждой паре, пока он не совпадал с другим объектом. Исследователи измеряли время до ответа испытуемых об идентичности или различии объектов. Чем больше был угол поворота второго объекта по отношению к первому, тем дольше испытуемые осуществляли вращение. Требуемое на ответ время оказалось прямо пропорционально углу поворота второго объекта. Чем меньше был поворот, тем быстрее испытуемые принимали решение. Для поворота мысленного образа на 50 градусов требовалось около одной секунды. Авторы заключают, что при выполнении задания испытуемые мысленно поворачивают второй предмет в нужное положение и только после этого оценивают его как обычный или зеркально отраженный. По их мнению, мысленное вращение так же, как и реальное движение, требует времени.

Таким образом, хотя исследователи и регистрировали в процессе экспериментов, казалось бы, объективный физический параметр — время, затрачиваемое испытуемыми на выполнение задания, фактически в этих экспериментах интроспективно изучалась выстроенная экспериментаторами на основе собственной интроспекции еще до проведения исследования гипотеза о том, что испытуемые имеют пространственные визуальные образы объектов и способны мысленно их вращать. Невольно обращает на себя внимание сообщение испытуемых, что «для сравнения двух форм они мысленно вращали один из объектов в каждой паре, пока он не совпадал с другим объектом». Если мне скажут, что это не отчет испытуемых о собственной интроспекции в чистом виде, то дальнейшая дискуссия просто бессмысленна.

В очередном эксперименте Л. Купер и Р. Шепард (L. Cooper & R. Shepard, 1973) обнаружили, что время, затрачиваемое испытуемыми на принятие решения о том, какую форму имеет буква — обычную или зеркально отраженную (например, R и Я), тоже возрастает с увеличением угла поворота от «нормального» положения.

П. Подгорный и Р. Шепард (P. Podgorny & R. Shepard, 1978) изучали «мысленные образы» (зрительные образы воспоминания и представления) при помощи квадратов, разделенных на 25 ячеек (5 строк по 5 ячеек). Часть ячеек была заштрихована так, чтобы образовалась буква. Испытуемым предлагалось запомнить квадрат с буквой, а затем предъявлялся другой квадрат, в котором лишь одна ячейка была отмечена меткой, и предлагалось ответить, попадает ли метка на букву. В других экспериментах испытуемым предъявлялись одновременно квадрат с буквой и квадрат с меткой и задавался тот же вопрос. И в тех и в других случаях время реакции было меньше, когда метка попадала на букву, а не на пустую ячейку, а также когда она попадала на удаленную пустую ячейку, когда предъявлялись более простые по форме буквы, когда метка попадала в букву на пересечение горизонтальной и вертикальной линии. Следовательно, и при использовании воображения, и в условиях восприятия общие закономерности решения задач были идентичными. Из этого авторы делают вывод о том, что образы представления функционально эквивалентны перцептивным образам.

П. Жоликер и соавторы (P. Jolicoeur, S. Regehr, L. Smith & G. Smith, 1985) в своих экспериментах обнаружили, что двухмерные репрезентации вращаются быстрее, чем трехмерные, в диапазоне от 60 до 180 градусов. Тогда как в диапазоне от 0 до 60 градусов двух- и трехмерные репрезентации вращаются с одинаковой скоростью.

Не менее показательны «объективные» эксперименты С. Косслина и соавторов (S. Kosslyn, 1973; S. Kosslyn, 1975; S. Kosslyn, 1976; S. Kosslyn, 1977; S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978).

В одном из них (S. Kosslyn, 1973) испытуемым предлагалось запомнить набор рисунков, а затем представлять их мысленно. Попросив испытуемых сосредоточиться на одном конце представляемого ими объекта (например, на корме изображенного на рисунке катера), им называли какую-нибудь деталь катера: иллюминатор, флаг, люк и т. д. и просили ответить, присутствовала ли она на рисунке. Было установлено, что чем ближе деталь располагалась к корме, тем меньше времени требовалось испытуемым для ответа. В других экспериментах (S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978) испытуемым показывали карту воображаемого острова с различными объектами: зданием, деревом, лугом, колодцем и т. д. Затем им предлагали восстановить мысленно образ острова и называли два объекта (например, здание и луг), между которыми испытуемые должны были провести линию. Было установлено, что время, необходимое для этого, прямо пропорционально расстоянию между этими точками. То же самое имело бы место, если бы испытуемые проводили конкретную линию на реальной карте. Авторы заключили, что мысленные образы можно сканировать и для этого требуется примерно то же время, что и для сканирования реальных картин, а также то, что существуют параллели между мысленными образами (зрительными образами представления и воспоминания) и зрительными образами восприятия.

Продемонстрированная когнитивными психологами в указанных экспериментах тщательность проверки самого факта наличия ментальных образов вызывает у меня лично лишь недоумение, так как, с одной стороны, эксперименты эти не доказывают (тем более «объективно») факта наличия субъективных по своей природе ментальных образов, к тому же они и не являются, да и не могут являться по стандартам объективной психологии «объективными». С другой стороны, можно и нужно, конечно, проверять факты, представляющие ценность для науки, но пытаться проверять и перепроверять факт наличия собственных психических явлений, которые с античности считались самым очевидным для любого субъекта фактом, да к тому же еще и в «объективных экспериментах» — это уже чересчур. Еще для Р. Декарта сам факт наличия психических феноменов являлся бесспорным и первичным настолько, что снимал у автора сомнения в его собственном существовании. Для когнитивистов тем не менее он перестал быть такой бесспорной данностью. Они пошли дальше (?!) Р. Декарта.

Допускаю, но тогда надо быть последовательными до конца, а не рассматривать в качестве новых «объективных» доказательств факта существования ментальных образов попытки измерения времени вращения или сканирования испытуемыми тех самых «сомнительных» ментальных образов. И все это при очевидной недоказуемости (с позиции «объективной» психологии) как самого факта наличия

ментальных образов, так и фактов их вращения или сканирования испытуемыми именно в данный момент.

Впрочем, лично я не сомневаюсь в том, что ментальные образы существуют, а испытуемые могут их вращать и сканировать, так как моя собственная интроспекция подтверждает данные факты, но зачем искать легкие пути и приводить в качестве доказательства заведомо необъективные «объективные» эксперименты. Я полагаю, что авторы приведенных экспериментов как раз и не сомневались изначально в существовании ментальных образов, но ставили соответствующие эксперименты, чтобы «объективно» доказать факт их наличия своим «неверующим» коллегам. Парадоксально, но они действительно многим это доказали. Правда, данное обстоятельство скорее огорчает, так как свидетельствует лишь о зашоренности и стереотипности взглядов многих исследователей и неадекватности их представлений об «объективности» собственных экспериментально-психологических исследований.

Давайте еще раз рассмотрим, на чем основываются «научная убедительность» и «объективность» экспериментальных «доказательств» факта наличия ментальных образов. Первое такое «доказательство» заключается в самом факте проведения «научного эксперимента». Данный факт легитимизирует теорию исследователей с точки зрения «объективной» психологии. Второе — в формальном измерении «объективных» физических параметров, например времени. Третье — в воспроизводимости полученных данных в рамках новых подобных «объективных» экспериментов. Что касается собственно факта наличия ментальных образов, как и факта их мысленного вращения, то именно они-то и не регистрировались «объективно», так как это в принципе невозможно, а постулировались в исходных гипотезах экспериментаторов и косвенно выводились ими из того предположения, что и при использовании образов представления, и при использовании образов восприятия общие закономерности решения задач и характер динамики затрат времени на поиск их решения должны быть сходными.

Тому, что с увеличением градуса поворота фигуры увеличивается время поиска решения, как и тому, что затрачиваемое время пропорционально расстоянию между воображаемыми точками, легко можно найти и иные объяснения. Например, то, что в решении этих задач вообще главную роль играют не образные, а вербальные репрезентации (которые, кстати, действительно играют здесь большую роль) и что именно они определяют характер динамики затрат времени на поиск решения. Выводы из всех рассмотренных «объективных» психологических экспериментов фактически постулируются уже в исходных гипотезах исследователей, основанных на их же интроспекции, и лишь косвенно вроде бы подтверждаются результатами экспериментов.

Вообще все указанные выше экспериментальные данные не были бы приняты психологическим сообществом даже к рассмотрению, появись они лет на 20–30 раньше. Просто пришло время для появления и принятия новых взглядов на старые проблемы, так как бихевиоризм сменился менее радикальным когнитивизмом. Поэтому в конечном счете неважно, насколько эти новые взгляды подтверждены «объективными» экспериментальными данными. Необходимо

лишь «соблюсти приличия», так как большинство исследователей и без «объективных» экспериментов понимают, что ментальные образы есть, потому что обнаруживают их в собственном сознании. Дело, в общем-то, не в результатах данных экспериментов, относимых уже в литературе к «классическим», а в зависимости мнений и взглядов психологического сообщества от существующих в нем же установок.

Для того чтобы убедиться в том, способны ли мы в своем воображении манипулировать образами объектов, например поворачивать их, переворачивать, вращать и т. д., совершенно не обязательно было проводить специальные «объективные» эксперименты, как делали когнитивные психологи. Достаточно было просто мысленно попробовать манипулировать визуальными образами представления предметов, и результат стал бы очевиден сомневающимся. Тем не менее такие эксперименты были проведены и рассматриваются теперь как эталонные. Такой странный подход даже выдающихся исследователей к оценке «объективности» психологических экспериментов может вызвать лишь сожаление.

Возникают вопросы даже при внимательном рассмотрении «объективности» наиболее красивого и действительно классического «объективного эксперимента», исследовавшего участие «скрытой речи» в мышлении. С. Смитом и соавторами (S. M. Smith, H. O. Braun, J. E. P. Toman & L. S. Goodman, 1947) был проведен эксперимент для проверки гипотезы Дж. Уотсона о том, что «скрытая речь» и другие неявные моторные действия «ответственны» за человеческое мышление.

Авторы использовали производное кураре, парализующее всю мускулатуру человека. Испытуемым был Смит, жизнь которого поддерживалась аппаратом искусственного дыхания. Вся его мускулатура была парализована, поэтому она не могла участвовать в обеспечении «скрытой речи» (проговаривания про себя), которая, по мнению Дж. Уотсона и его сторонников, и есть вербальное мышление человека. Несмотря на это, Смит наблюдал за тем, что происходило вокруг него, понимал речь окружающих, запоминал события и обдумывал происходящее. Результаты исследования убедительно продемонстрировали, что наше мышление осуществляется при отсутствии какой бы то ни было мышечной активности, в том числе беззвучной речи. Следовательно, мышление — это не скрытая речь, не моторная, а особая внутренняя деятельность.

Казалось бы, что может быть более «объективным», чем этот эксперимент? Но возникает вопрос, а на чем основано утверждение экспериментаторов, что испытуемый «все видел, все понимал и даже размышлял об этом» в процессе эксперимента? Очевидно, что на его собственной интроспекции и на последующем отчете о ней.

«Объективность» всех экспериментов, в которых испытуемые использовали интроспекцию, заключается в одном-единственном обстоятельстве — в том, что их можно повторить. Следовательно, «объективность» психологических экспериментов сводится на деле к возможности воспроизвести нечто подобное и настолько, насколько оно вообще может быть подобным. Поэтому мы искренне заблуждаемся, говоря об «объективности» психологических экспериментов, которой на деле нет и быть не может. Есть лишь в лучшем случае относительная и условная их воспроизводимость.

Очевидно, что экспериментальные методы необходимы психологии, но еще более необходимо четко понимать, что такое эксперимент в психологии и каковы его возможности. Не следует его абсолютизировать и надо разграничивать то, что подлежит экспериментальному изучению, а что принципиально ему недоступно. Учитывая то, что в гуманитарных науках истинность новых теорий определяется предпочтениями научного сообщества, доминирующими в нем представлениями и точкой зрения, к которой оно придет в результате обсуждения, можно говорить о возможности создания в будущей психологии иной «объективности», заключающейся в том, что сравниваться могут и должны в том числе результаты интроспективных наблюдений исследователей. В итоге эти субъективные данные будут в максимально возможной степени объективизироваться.

Дискредитация интроспекции оказалась далеко не безвредной для психологии. Она привела к тому, что исследователи перестали серьезно относиться к самонаблюдению, что в конечном счете привело де-факто к признанию психологией человека сложнейшим автоматом и к превращению психики в занимательный эпифеномен.

В заключение хочу напомнить слова Э. Гуссерля (1995):

> Я со всей серьезностью утверждаю: никогда не было и никогда не будет объективной науки о духе, объективной психологии — объективной в том смысле, что она рассматривает только пространственно-временные формы, обрекая тем самым психику, личностное общение на небытие. *Дух и только дух есть бытие в себе и для себя; только он автономен и доступен истинно рациональному, истинно и принципиально научному изучению в своей автономности, и причем только в ней.* Что касается природы и естественно-научных истин, то автономия природы — лишь кажущаяся, а естественные науки лишь представляют дело так, что в них природа якобы сама по себе достигает рациональной познаваемости. Ибо «истинная» природа естественных наук — это продукт духа, исследующего природу, и, таким образом, наукой о природе предполагается наука о духе. Дух по своей сущности способен осуществлять самопознание, а как научный дух – научное самопознание, причем снова и снова. Только если ученый займет позицию чистого познания, присущую науке о духе, его не заденет упрек в том, что деятельность темна для него самого [с. 325].

1.1.5. Кризис современной психологии

Почти сто лет назад Л. С. Выготский описал составляющие кризиса психологии начала XX в. При этом сам он [2000, с. 69 и 74] ссылался на своих предшественников — Г. Эббингауза и Н. Н. Ланге, которые тоже описывали кризис современной им психологии. Из чего можно заключить, что психология пребывает в кризисе с момента своего выделения из философии в самостоятельную науку. Причем все давно описанные классиками признаки кризиса присутствуют в психологии и сегодня. В начале XXI в., как и во времена Г. Эббингауза, вполне актуально замечание последнего, что «до сих пор не прекращаются споры» относительно почти всех наиболее общих вопросов психологии. Столь же актуальны и слова Н. Н. Ланге, что в психологии нет общей системы и что кризис расшатал всю психологическую науку. Н. Н. Ланге полагает [цит. по: Л. С. Выготский, 2000, с. 69], что описание

любого психического процесса получает разный вид в зависимости от того, в категориях какой психологической системы: Эббингауза или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бине, Джеймса или Мюллера — будем мы его характеризовать и изучать. В психологии всякое описание есть всегда уже и некоторая теория.

Надо с сожалением признать, что и сейчас также справедливы слова Л. С. Выготского (2000), что «общей психологии как единой системы нет...» [с. 51], что научный язык есть орудие мысли и инструмент анализа, а психология не имеет своего языка. Ее словарь представляет собой:

> ...конгломерат из трех сортов слов: 1) слова обиходного языка, смутного, многосмысленного, приноровленного к практической жизни... 2) слова философского языка, утерявшие связь с прежним смыслом, многосмысленные вследствие борьбы разных философских школ, абстрактные в максимальной степени... 3) наконец, слова и формы речи, заимствованные из естественных наук и употребляемые в переносном смысле. Служат прямо для обмана [с. 61–62].

Автор подчеркивает важнейшую роль научных понятий для формирования психологии и необходимость для нее единой теории:

> ...слово, называя факт, дает вместе с тем философию факта, его теорию, его систему [с. 63].

> ...факты, добытые при помощи разных познавательных принципов, суть именно разные факты [с. 58].

> Самые, по-видимому, точные исследования, наблюдения и измерения могут... оказаться при изменении смысла основных психологических теорий ложными или во всяком случае утратившими свое значение [с. 69].

Эти слова Л. С. Выготского актуальны и сегодня, о чем свидетельствуют совсем недавние замечания современных исследователей:

> В психологии, по сравнению с другими науками, положение осложнено не только и не столько частым заимствованием житейской терминологии, но и отсутствием единых определений и их единообразного понимания представителями разных психологических и философских школ, направлений, теорий и т. д. [В. В. Любимов, 2007, с. 44].

> ...еще и не уточнены (в психологии. — *Авт.*) основные категории — что воспринимается, каким образом и зачем. В поисках ответа на эти вопросы необходимо изменить сам понятийный аппарат, определив суть окружающей среды, объекта и его детали, то, какие психические конструкции они формируют, а также уточнить содержание таких привычных психических конструкций, как представление, понятие, контекст, ввести ряд дополнительных психических образований [Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005, с. 8].

Несмотря на победные реляции, широко представленные в психологической литературе, в изучении основных проблем психологии наблюдается застой. О застое в психологии свидетельствует то, что, как пишет, например, Б. М. Величковский (2006а):

> Проведенное некоторое время назад сравнение большого числа англоязычных руководств по психологии чтения показало, что лучшее из них было написано... в 1908 г. (Huy, 1908). ...Примерно тот же факт, но уже по отношению к немецкоязычной литературе отмечает и Э. Шерер (Scheerer, 1978), подчеркивая современность руководства Э. Мейманна 1914 г. [с. 299].

В психологии до сих пор не только не определено, что такое психика, сознание и бессознательное[1], психические процессы и состояния, но даже такие относительно простые психические явления, как ощущение, образ и понятие. В полной мере актуальны слова Э. Гуссерля (2000):

> Современная психология не хочет больше быть наукой о «душе», но стремится стать наукой о «психических феноменах». Если она этого хочет, то она должна описать и определить эти феномены со всей логической строгостью. Она в методической работе должна усвоить себе необходимые строгие понятия. Где же в «точной» психологии выполнена эта методологическая работа? Мы тщетно ищем ее в огромной литературе [с. 695].

Психология осталась без своего центрального предмета. Она изучает все что угодно, кроме того, что в первую очередь должна изучать — человеческое «Я» и сознание. Современная психическая феноменология представляет собой совокупность не связанных между собой единой теорией психических явлений: например, ощущений и образов, с одной стороны, понятий и вербальных конструкций — с другой. Хотя психика не может представлять собой набор не связанных друг с другом феноменов. Можно предположить, что на самом деле они имеют какие-то общие корни. Некоторые психические явления вообще психологически не определены. Например, понятия. Или определены явно недостаточно. Например, мотивы.

Отказавшись быть наукой о душе, психология не стала и наукой о психических феноменах, так как она не в состоянии определить саму их суть. Да что говорить о научных понятиях, если не определен сам предмет психологической науки. Одни исследователи по-прежнему полагают, что следует изучать поведение человека, другие — что надо изучать психику и сознание. Одни считают, что человек — это по сути своей «продвинутая» машина, суперЭВМ. Других возмущает такой подход.

Отрицанию существования у человека души положили начало сами основоположники научной психологии В. Вундт и У. Джеймс.

Однако этот факт и воинствующий объективизм новой науки в конечном счете привели психологию к перманентному кризису и фактическому признанию человека биологической машиной. Можно понять основоположников психологии, которым надо было избавить новую «объективную науку» от теологического засилья «бессмертной души». Но нам сейчас надо заново и непредвзято взглянуть на проблему.

Н. Смит (2003) пишет:

> Современная психология характеризуется не только наличием разногласий по поводу своего предмета, но и крайней раздробленностью в своих теоретических и методологических подходах. ...В этой ситуации снова оказывается вполне уместным задать... вопросы... Является ли психология наукой, занимающейся изучением души и ее репрезентаций существующего независимого от нее реального мира? Изучает ли она формы поведения, испытывающие влияние разумной души (или познающего разума)? Или, может быть, просто формы поведения? Или воздействия окружающей среды на организм? А может быть, мозга? Или же взаимоотношения организма и среды в контексте? [С. 62–63.]

[1] И существует ли бессознательное вообще.

Продолжающийся с момента возникновения психологии кризис привел сейчас к тому, что она фактически распалась на ряд самостоятельных областей знания, которые на всех парах двигаются в направлении превращения в отдельные, порой несовместимые друг с другом дисциплины. Это обусловлено тем, что сегодня, как и во времена Л. С. Выготского, нет общего понимания предмета психологии, ее целей и задач, а потому, естественно, нет и единой научной терминологии, нет единых представлений о психике. Б. М. Величковский (2006а) цитирует Claxton, 1980:

> Мы напоминаем обитателей тысяч островов, расположенных в одной части океана, но не имеющих сообщения друг с другом. На каждом острове развивается своя культура, свой язык. Иногда мы видим на соседнем острове группы каких-то людей, которые, судя по всему, танцуют, издавая при этом непонятные крики. Но поскольку мы не знаем, что все это означает, то эти впечатления быстро забываются [с. 287].

В. В. Козлов (2007) замечает:

> ...научная психология с неизбежностью пришла к своему кризису по причинам, имплицитно содержавшимся в ней с самого начала [с. 44].

> ...психология — для того чтобы стать наукой – принесла сперва в жертву Дух и божественное, а затем заклала душу и сознание, обнажившись до физиологического акта [с. 35].

В. М. Аллахвердов (2000) говорит о том же:

> Психология... в течение всего времени своего существования находилась в кризисе, так как не смогла выработать общего взгляда на психику и сознание. Психологи породили много оригинальных идей, обнаружили неожиданные экспериментальные феномены, создали практически эффективные технологии, но не нашли способа увязать все это воедино. К концу XX столетия психология отчетливо распалась на множество никак не связанных друг с другом отдельных дисциплин. ...В психологии вообще нет ясных и общепринятых определений практически всех важнейших терминов. Крайне загадочны определения психики, эмоций, памяти, интуиции, личности. ...Существующую психологическую терминологию не ругает только ленивый. ...Современные руководства по экспериментальной психологии — это сводка не связанных между собой данных: отдельно по восприятию, отдельно по памяти, отдельно по личности, отдельно по социальному взаимодействию и т. д. [с. 12–13, 31 и 118].

Результатом тотальной «объективизации» психологии стали бихевиоризм, отказ от самости, отказ от интроспекции, отказ от сознания и, наконец, принятие возможности создания искусственного машинного «интеллекта». Все это колоссальные мировоззренческие ошибки, «значение» которых трудно переоценить. Дж. Серл (2002) замечает:

> Трудно преувеличить те разрушительные последствия, которые оказала на философские и психологические исследования... неспособность примириться с фактом субъективности сознания. ...На поверхности крах большинства исследований в области философии сознания и значительное бесплодие академической психологии... [с. 101].

> Более, чем что-либо еще, пренебрежение сознанием является причиной непродуктивности и стерильности в психологии, философии сознания и когнитивной науке. Исследование разума (mind) есть изучение сознания практически в том же смысле, что и исследования в области биологии есть изучение жизни [с. 209].

О том же говорит Г. Олпорт (2002):

Не только душа и «Я» пострадали от остракизма. Вместе с ними ушла обширная совокупность проблем, имеющих отношение к связности и единству ментальной жизни, к гордости, амбициям и статусу, идеалам и видам на будущее. Этот упадок, конечно, не был тотальным, но он был значительным [с. 76].

Б. М. Величковский (2006а) пишет:

Хайнц Хекхаузен заметил однажды, что научная психология сначала потеряла душу, а затем — сознание и рассудок [с. 87].

В. В. Козлов (2007) добавляет:

Ни практики, ни теоретики психологии не пытаются рефлексировать целостную картину психической реальности человека. В психологии отсутствует восприятие целостной картины психической реальности, которая проявлена на всех уровнях — от биологического до духовного [с. 49].

Актуальны слова К. Г. Юнга (1997):

...мы воспылали восторженной любовью к фактам — горам фактов, намного превышающим способность отдельного человека обозреть их. Мы питаем благочестивую надежду, что это случайное скопище фактов со временем примет форму значащего целого, однако никто не уверен в этом полностью, ибо ни один человеческий мозг не в состоянии охватить гигантскую общую сумму такого серийно производимого знания [с. 505].

С ним согласен один из основателей когнитивного подхода Дж. Брунер:

...горы разрозненных данных разваливаются из-за отсутствия связи с основным «стволом» психологического знания, или, может быть, сам этот «ствол» не достаточно прочен, чтобы выдержать такую нагрузку [Bruner, 1975, p. 17] [цит. по: Б. М. Величковский, 2006а, с. 336–337].

И сегодня, как и прежде, психология представляет собой большую груду фактов, мало связанных между собой. В Большом толковом психологическом словаре (2001а) так и написано, что психология:

...это о предмете или о многих предметах [с. 148].

Существующая психология недиалектична. Разные ее части совершенно самостоятельны и оторваны друг от друга, чего не может быть в целостной науке. Также разорвано и бессвязно психология моделирует психику, что совершенно неадекватно, так как психика диалектична по самой своей природе и разные ее части тесно взаимосвязаны. Психика — это единое целое, поэтому по одним ее элементам можно делать выводы о строении других. Э. Кассирер [1988, с. 5] пишет, что еще Аристотель был убежден в существовании непрерывной последовательности как в природе, так и в познании, что высшие формы развиваются из низших. Чувственное восприятие, память, опыт, воображение и разум включены в общую связь, элементы которой суть лишь различные стадии и выражения одной и той же основополагающей деятельности, достигающей высшего совершенства у человека, но отчасти представленные даже у животных.

В. Вунд (2002) прямо говорит, что:

> ...рассмотрение сочетаний и отношений психических процессов ведет к допущению повсюдной их однородности, которая со своей стороны делает понятным развитие высших духовных функций из низших [с. 754].

И тем не менее в современных психологических теориях психические феномены по-прежнему не имеют никакой связи между собой. Каждый из них существует как бы самостоятельно. Это вызывает уже при первом знакомстве с психологией чувство неудовлетворенности и ощущение незавершенности ее теоретических построений. Например, язык и вербальное мышление рассматриваются большинством исследователей как независимый от прочего когнитивного аппарата человека модуль, развивающийся самостоятельно и вне связей с чувственным мышлением. Все психические явления: ощущения, образы, эмоции, понятия, желания — тоже рассматриваются ею как самостоятельные и никак не связанные между собой феномены. Это представляется более чем странным, так как психическая жизнь человека едина, ее явления неразрывно связаны друг с другом, вытекают из общего корня и выстраиваются в целостную последовательность психических форм. Психическая структура человека развивается в течение его жизни от простых к все более сложным психическим явлениям: от ощущений и образов к вербальным конструкциям. Все психические феномены естественным образом связаны между собой, и разделяют их лишь неадекватные представления современной психологической науки.

Несмотря на то что психология была до второй половины XIX в. неразрывно связана с философией, являясь ее частью, в XX в. она пошла «своим путем», который даже не совпадает по существу главных своих подходов с представлениями величайших умов человечества. На этом «самобытном» пути психологи ориентируются в основном на собственный «здравый смысл». Он и приводит к доминированию в психологической литературе воззрений «здравого смысла». Например, большинство психологов, видимо, даже никогда не задумывались над тем, что следует для психологии из кантовской «вещи в себе», и по-прежнему уверены, например, что образы восприятия репрезентируют максимально адекватно предметы, существующие в «объективной физической реальности».

Уверены, несмотря на то, что ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни тепла, например, нет в физической реальности. Данное обстоятельство не просто удивительно, а парадоксально. *Как психология может игнорировать гениальные открытия великих философов прошлого, пусть они и не назывались психологами?* Факт такого игнорирования трагичен. Он свидетельствует о превращении психологии из глобальной науки о пытающемся познать мир и себя в нем сознании в отраслевое, узкое научное направление, не имеющее широких мировоззренческих горизонтов.

Как совершенно справедливо говорит выдающийся американский лингвист и философ Дж. Лакофф (2004):

> ...философия имеет значение. Она имеет большее значение, чем думает большинство людей, потому что философские идеи, формировавшиеся на протяжении столетий, вошли в нашу культуру в виде картины мира и влияют на нас тысячами способов. Философия имеет значение для мира науки, потому что концептуальные предпосылки, на которых основываются целые научные дисциплины, обычно имеют философские корни — корни, которые уходят так глубоко, что их обычно даже не замечают [с. 211].

Современная психология не просто «оторвалась» от своих философских корней, она вообще о них забыла. Она погрязла в своих новых «специальных» вопросах, забыв, что нельзя понять человека без широкого общефилософского рассмотрения человека и окружающего его мира, без решения общефилософских, мировоззренческих проблем. Психология превращается все больше из науки о человеке, «Я» которого есть «частичка бога», в науку о суперЭВМ, называемой «человеком». Как пишет философ С. Прист (2000):

> ...в психологии экспериментальная психология, бихевиоризм, психология развития и когнитивная психология – все это безнадежные попытки сконструировать данную дисциплину в качестве науки. Центральные проблемы философии оказываются на пути любой научной психологии [с. 279].

Автор полагает, что наступило время для революции в психологии:

> Научная революция происходит тогда, когда существующие методы решения проблем перестают работать. Она происходит тогда, когда осознается, что теперешние методы не могут даже в принципе объяснить изучаемый предмет [с. 278].

Столь же актуальны, как и в прошлом веке, слова Э. Гуссерля (2000) о том, что современная психология:

> ...так чужда философии, как это только возможно. Но сколько бы эта психология ни считала себя из-за своего экспериментального метода единственно научной и ни презирала «психологию письменного стола» – мнение, что она именно есть психология в подлинном смысле... должно быть признано заблуждением, влекущим за собой тяжелые последствия. ...Можно даже сказать, что отношение экспериментальной психологии к подлинной психологии аналогично отношению социальной статистики к подлинной науке о социальном. Такая статистика собирает ценные факты, открывает в них ценные закономерности, но все это имеет очень косвенный характер [с. 687–688].

Дж. Лакофф (2004) применил в своей книге, посвященной философии и лингвистике, очень удобный для последующей дискуссии прием. Он формулирует в виде четких теоретических положений доминирующие в представлениях современных исследователей взгляды, которые обычно подразумеваются авторами, но тем не менее не сформулированы нигде в виде официальных концепций. Автор пишет:

> Эти доктрины развивались более двух тысяч лет, и нет ни одного человека, который бы нес за них ответственность. Нельзя также обвинять людей за то, что они были воспитаны принимать эти доктрины не как мнения, но как основополагающие положения, относительно которых только и возможно было иметь те или иные осмысленные мнения. Наша задача здесь – вывести эти исходные интеллектуальные предпосылки на передний план, показать, что положения, которые принимались как самоочевидные истины, являются на самом деле дискуссионными мнениями [с. 212].

Дж. Лакофф концептуализировал философские взгляды объективизма на мышление и язык. Я использую этот прием для рассмотрения взглядов, доминирующих в современной психологии, чтобы более четко выделить и конкретизировать проблемы, составляющие в том числе суть ее кризиса. Приведенные ниже положения разделяются большинством исследователей и принимаются ими как привычные и очевидные истины, не требующие даже специальных доказательств. В определенной

степени они частично пересекаются с положениями Дж. Лакоффа, что неудивительно, так как он рассматривает доминирующие философские взгляды.

Очевидно, что взгляды, обсуждаемые мною в качестве общепринятых, совершенно не обязательно должны разделяться всеми исследователями и в полном объеме. Безусловно, многие из психологов думают иначе. Взгляды эти также далеко не исчерпывают всего многообразия доминирующих в психологической литературе представлений, однако они чрезвычайно распространены. Вот эти положения.

- Физические объекты (предметы, или вещи) независимы от нашей психики и существуют вне ее. Вымышленные человеком объекты существуют в иных возможных реальностях.
- Качества или свойства физических объектов в минимальной степени зависят от особенностей человеческих органов чувств и сознания, определяясь, главным образом, внутренней физической сущностью объектов. Сами свойства и признаки материальных объектов присущи им как их физические атрибуты.
- Физические объекты воздействуют на рецепторы наших органов чувств, что приводит к возникновению в нашем сознании их психических репрезентаций — образов и ощущений.
- Субъект оказывает некоторое влияние на процесс репрезентирования в его сознании внешней реальности, но главную роль здесь играет внешний предметный мир.
- Понимание окружающего мира человеком мало влияет или не влияет на его психические репрезентации.
- Ощущения и образы, являясь психическими моделями объектов физической реальности, в основном изоморфны им, так как позволяют человеку успешно адаптироваться к окружающему миру и эффективно функционировать в нем.
- У человека есть элементарные восприятия (ощущения) и сложные восприятия (образы). Образы состоят из ощущений и являются как бы следующим уровнем обработки психикой ощущений соответствующей модальности.
- Наиболее типичные психические образы — зрительные, представляют собой, говоря метафорически, нечто вроде психических подобий объектов, возникающих в сознании человека и репрезентирующих окружающие его физические предметы. Будучи как бы «картинками-копиями» предметов, образы соответствуют им примерно так же, как, например, рисунок — изображаемому на рисунке предмету, карта звездного неба — самому небу, макет или фотография предмета — предмету и т. д.
- Образы восприятия сохраняются в более или менее неизменном виде в течение всего времени восприятия неподвижного объекта.
- В качестве «основных» психических моделей объектов у здоровых людей чаще выступают зрительные или слуховые их образы. Ощущения же репрезентируют в сознании лишь физические качества или свойства физических объектов.
- Ощущение — это результат воздействия на человека некой изначально присущей многим разным физическим объектам общей для них всех особенности их физической сущности.

- Разные психические явления: чувственные (ощущения и образы), с одной стороны, понятия и конструкции из них — с другой, эмоции и побуждения — с третьей, связаны друг с другом лишь ассоциативно и совершенно самостоятельны.
- В сознании могут существовать «ощущения вообще». Например, ощущения гладкого, теплого, кислого и др. без привязки к конкретным объектам.
- Ощущения одной и той же модальности, вызываемые разными объектами, отличаются друг от друга лишь интенсивностью, то есть количественно, а не качественно.
- Возникающие у разных людей в одной и той же ситуации и при тех же условиях образы восприятия определенного физического объекта настолько сходны, что их можно считать практически одинаковыми.
- Возможности нашего познания мира безграничны.
- Наши модели реальности, даже той, что недоступна для нас сегодня, по мере роста наших технических возможностей будут уточняться и рано или поздно максимально приблизятся к физическим вещам.
- Может существовать лишь одна истинная модель физической реальности — та, которая просто максимально полно соответствует предметному миру. Для того чтобы построить самую верную его модель, надо только суметь максимально точно отразить окружающий мир.
- В наших психических моделях реальности нет внутренних, зависимых от особенностей нашей психики недостатков и ограничений.
- Восприятие реальности зависит в определенной степени от предыдущего опыта столкновения с подобной реальностью, но не определяется им.
- Образ восприятия чаще рассматривается как репрезентация отдельного объекта, а не окружающей реальности в целом. Поэтому обсуждаемые в психологии образы окружающего мира — это, говоря метафорически, скорее, нечто вроде суммы картин в музее, а не сам музей, в котором, кроме картин, есть стены, окна, двери, полы, персонал, другие зрители и т. д.
- Образ восприятия объекта — это психическое явление, продолжительность существования которого зависит лишь от длительности процесса восприятия данного объекта.
- Визуальный образ восприятия — это статическое явление психической жизни, хотя он и может легко сменяться новым образом того же или иного объекта.
- Психические образы лишь сменяют друг друга в сознании, практически не взаимодействуя между собой и не влияя друг на друга.
- Отсутствующие в окружающей нас сейчас реальности объекты, их действия, свойства и отношения репрезентируются в нашем сознании образами их воспоминания и представления.
- Каждая из окружающих нас сущностей, составляющих окружающий мир, имеет признаки, которые, в зависимости от их роли в ее формировании, можно разделить на главные и второстепенные. Главные, или существенные, признаки — те, которые делают данный объект уникальным и отличают его от прочих предметов.

Несущественные, случайные или второстепенные признаки не выражают сущность данного предмета и лишь придают ему некоторые особенности.

- Сходные сущности образуют категорию. Категории объективно присутствуют в мире. Например, такие категории, как собака, дерево, рыба, мужчина, женщина и т. д. Перечисленные категории представляют собой «естественные роды сущностей». Каждый «естественный род» характеризуется строго определенным набором главных признаков, определяемых «естественной природой данной категории».
- Существует единственно правильная категоризация сущностей объективного мира, которая точно ему соответствует. Человек не создает ее произвольно, а может лишь более или менее правильно воспроизвести в своем сознании, используя слова для обозначения имеющихся в мире реальных категорий.
- Особенности человеческого восприятия и мышления не влияют на формирование категорий, так как последние независимы от особенностей восприятия, способов понимания и любых других человеческих когнитивных способностей.
- Человек может правильно познать объективную категоризацию сущностей мира только при условии, что его символическая система соответствует этим присутствующим в мире категориям. С помощью восприятия человек лишь устанавливает правильные отношения между сущностями реальности и своими понятиями.
- Люди мыслят абстрактными символами — понятиями в соответствии с законами логики.
- Символы — понятия, с одной стороны, связаны со словами, с другой — с материальными сущностями и категориями окружающего мира: объектами, явлениями, их свойствами, действиями и отношениями. В результате наличия объективной связи между предметами, категориями реальности и строго определенными словами понятия приобретают свое объективное значение.
- Словесно-логическое мышление и язык — это отдельный когнитивный модуль, независимый от чувственного познания, то есть язык не связан с чувственным познанием.
- Усвоение языка ребенком обеспечивается наличием у него врожденных ментальных структур, тем, что принято называть «врожденными идеями».
- Символическая врожденная ментальная структура приобретает свое значение по мере соотнесения врожденных ментальных представлений в сознании ребенка с сущностями и категориями окружающего мира.
- Символы представляют собой внутренние репрезентации внешней реальности. Оперирование символами является значимым, если, и только если они отражают что-то во внешнем мире.
- В зависимости от их соответствия или несоответствия сущностям и категориям окружающего мира наши понятия могут быть истинными или ложными. Чем точнее понятия соответствуют сущностям и категориям реальности, тем четче и яснее человеческое мышление.

- Правильность определения той или иной сущности зависит не от нашего сознания, а от правильного соотношения между словами и сущностями мира.
- Словесно-логическое мышление строится по законам формальной логики, отражая рациональность, присущую объективному окружающему миру, и представляет собой логическое оперирование символами — понятиями. Оно таково потому, что точно соответствует рациональной логической структуре объективной реальности. Логические отношения между сущностями и категориями окружающего мира существуют объективно и не зависят от человеческого разума.
- Особенности человеческого организма и сознания не способны существенно влиять на формирование понятий, репрезентирующих объективную реальность. В этом в том числе и заключается ее объективность.
- Понятия представляют собой ментальные репрезентации объективных сущностей и категорий, а потому не могут иметь в себе каких-либо субъективных элементов. Следовательно, понятия независимы от особенностей восприятия и мышления, от содержания человеческого сознания.
- О подлинном знании можно говорить лишь тогда, когда категории нашего ума соответствуют категориям объективного мира, когда сознание максимально точно отражает объективный окружающий мир. Лишь точность отражения окружающего мира определяет ясность, глубину и широту наших знаний.
- Знание заключается в правильной концептуализации объектов и явлений реальности, правильном выделении и обозначении объективно присутствующих в мире сущностей, точном отражении объективных связей между ними, определении и обозначении их признаков и отношений.
- Сущности и факты окружающего мира независимы от человеческих когнитивных способностей, желаний, мнений и веры людей в наличие этих сущностей и фактов, от способов их концептуализации или иных аспектов познания.
- Сознание лишь репрезентирует окружающий мир, который объективен и сам не зависит от сознания.
- Эффективная деятельность человека в мире обусловлена соответствием его психических репрезентаций этому миру. Ошибки людей обусловлены несоответствием их поведения объективной рациональности мира.
- Сознание человека функционирует как чрезвычайно сложный суперкомпьютер. У человека нет души или чего-то такого, что принципиально отличает его от сложнейшей машины.

В этой книге я пытаюсь доказать, что перечисленные выше положения неверны. Современным психологам, как мне представляется, имеет смысл прислушаться к словам П. Фейерабенда (1986):

> ...одним из наиболее значительных достижений недавней дискуссии в области истории и в философии науки является осознание того факта, что такие события и достижения, как изобретение атомизма в античности, коперниканская революция, развитие современного атомизма (кинетическая теория, теория дисперсии, стереохимия, квантовая теория), постепенное построение волновой теории света,

> оказались возможными лишь потому, что некоторые мыслители либо сознательно *решили* разорвать путы «очевидных» методологических правил, либо *непроизвольно* нарушали их [с. 153].

Я хочу закончить главу словами Э. Гуссерля (1995), сказанными более полувека назад:

> Все сильнее ощущается всеобщая потребность в реформе всей современной психологии в целом. Пока что, однако, еще немногие поняли, что психология из-за своего объективизма оказалась, так сказать, не на высоте; что она просто не способна добраться до самой сущности духа; что, выделяя психику как некий объект и психофизически перетолковывая бытие-в-общности, психология совершает нелепость. Конечно, психология работала не зря и установила множество законов, в том числе практически ценных. И все же современная психология является действительно психологией не более, чем статистика моральных поступков с ее не менее ценными данными является наукой о морали [с. 324].

1.1.6. Психические модели и репрезентации

Понятие *модель*[1] является одним из наиболее часто используемых в этой книге. Идеи о том, что психическое содержание человека представляет собой модели окружающего мира, давно и активно обсуждаются в психологии. Б. М. Величковский (2006) сообщает, например, что ученик Г. Гельмгольца Г. Герц еще в 1894 г. писал:

> ...наш разум способен создавать динамические модели вещей и работать с ними [с. 108].

Н. А. Бернштейн (1966) тоже полагал, что:

> Мозговое отражение (или отражения) мира строится по типу моделей. Мозг не запечатлевает поэлементно и пассивно вещественный инвентарь внешнего мира... но налагает на него те операторы, которые моделируют этот мир, отливая модель в последовательно уточняемые и углубляемые формы [с. 287].

Действительно, есть все основания считать, что психическое моделирование — это основной и универсальный принцип работы человеческого сознания.

Большой психологический словарь (2004) определяет модель как:

> ...упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их «заместителя» и средства оперирования [с. 300].

Большой толковый психологический словарь (2001) — как:

> представление, которое отображает, дублирует, имитирует или некоторым образом иллюстрирует образец отношений, наблюдаемых в данных или в природе... [с. 455].

---

[1] Модель... искусственно созданное... реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала)... Отображая «релевантные», существенные... свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект... [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 304].

М. Вартофский (1988), углубленно занимавшийся проблемой моделей, считает, что:

> ...все, что угодно, может быть моделью всего, чего угодно! ...Любые две вещи во Вселенной имеют некоторое общее для них свойство и... существует некоторое отношение, связывающее их между собой. ...Простого выделения двух вещей, связанных между собой в некоторых релевантных аспектах, недостаточно для того, чтобы одна из этих вещей использовалась как модель другой. Чтобы это все же произошло, в дело должна вступить наша собственная познавательная деятельность, в ходе которой один объект отбирается для репрезентации другого... [с. 30–31]. ...Любая сущность может рассматриваться как модель любой другой тогда, и только тогда, когда мы можем выделить общие для них релевантные свойства, то есть свойства, благодаря которым одна сущность похожа на другую [с. 34]. ...Набор релевантных свойств у модели должен быть «беднее», чем у ее объекта или референта [с. 35].

Ю. А. Шафрин (1998) считает, что модель —

> это некий объект, система объектов, процесс или явление, которые в том или ином смысле подобны другим объектам, системам объектов, процессам или явлениям. Не бывает модели как таковой — этот термин обязательно требует уточняющего слова или словосочетания, например модель шахматной игры, модель грозы... Моделью можно считать физическую установку, имитирующую какую-либо другую установку или процесс, юридический кодекс (уголовный, гражданский и т. д.), моделирующий правовые отношения в обществе, сборник должностных инструкций фирмы и т. п. Даже картину художника или театральный спектакль в определенном смысле можно считать моделью, обобщающей ту или иную сторону духовного мира человека. ...Процесс создания (а иногда и исследования) модели называют моделированием [с. 46].

М. Вартофский (1988) пытается разобраться, что делает одну сущность моделью другой:

> Может ли модель вообще быть «истинной», то есть может ли она быть истинной репрезентацией объекта? Это подводит нас к вопросу о том, что значит «быть репрезентацией». И в этой связи возникает наш основополагающий вопрос — либо некоторые вещи являются репрезентациями других вещей благодаря каким-то внутренним... свойствам, которыми репрезентация обладает по отношению к тому, что она репрезентирует, либо быть репрезентацией — это свойство, которое зависит от чего-то другого. Я считаю, что верно именно второе. ...Именно мы определяем нечто как репрезентацию чего-то другого. ...Репрезентацией может быть все, что таковой считается; репрезентирование — это то, что делаем мы; ничто не может являться репрезентацией, если только мы не делаем или не считаем его репрезентацией; причем оно будет именно такой репрезентацией, какой мы его делаем или считаем [с. 18].

И он прав в том, что именно человек определяет «нечто» как модель или репрезентацию чего-то другого. Репрезентацию автор рассматривает в самом широком смысле:

> ...как любое отражение структур на структуры или свойств на свойства [с. 36].

По его мнению:

> ...функции репрезентации заключаются в замещении чего-то, находящегося за ней, а не в простом обозначении этого, то есть в представлении некоторой вещи таким образом, чтобы мы смогли понять ее... [с. 18].

К моделям относят самые разные объекты. Выделяют физические модели физических же объектов (например, архитектурная модель (макет) здания, выполненная из картона), психические модели физических объектов (например, зрительный образ здания) и, наконец, психические модели психических же объектов (например, мысленное вербальное описание зрительного образа здания).

Выделение класса *моделей* среди прочих сущностей весьма условно и зависит исключительно от соглашения между людьми, так как та или иная сущность превращается в модель лишь в результате конвенции, договоренности, наделения ее по соглашению между людьми дополнительным качеством — быть моделью другого объекта. Никакая сущность не может быть моделью исходно, сама по себе, без участия человеческого сознания, так как способность быть моделью чего-либо присваивается объекту сознанием и существует только в нем. В физической реальности нет моделей, а есть лишь разные физические сущности, одни из которых рассматриваются сознанием и только в сознании в качестве моделей других. Именно сознание превращает, например, визуальные образы одних объектов в модели визуальных образов других объектов.

М. Вартофский (1988) отождествляет понятия *модель* и *репрезентация*. И эта его точка зрения широко распространена в литературе. Он пишет, что:

> ...модель рассматривается как конструкция, в которой мы располагаем символы нашего опыта или мышления таким образом, что в результате получаем систематизированную репрезентацию этого опыта или мышления как средство их понимания или объяснения другим людям [с. 11].

Мне представляется, что отождествлять репрезентации с моделями нельзя, так как репрезентация[1] — это отнюдь не всегда модель. Модели и репрезентации создаются сознанием для решения разных задач. Модель всегда создается человеком произвольно и целенаправленно с познавательными, демонстрационными, исследовательскими и другими целями. Тогда как психическая репрезентация обычно возникает спонтанно, самостоятельно и непроизвольно, то есть без целенаправленного участия в этом процессе человеческой воли. К психическим репрезентациям относятся все наши психические явления, которые репрезентируют нам, например, окружающий мир и нас самих в нем. Их можно назвать «естественными» психическими репрезентациями.

Физические репрезентации, которые тоже широко обсуждаются в литературе и рассматриваются часто как знаки, во многом сходны с моделями в силу того, что, как и модели, выполняют функции замещения основного объекта. В случае физических репрезентаций один физический объект замещает собой другой, представляет или олицетворяет его в сознании людей. Например, вино во время причащения — кровь Христа, хлеб — его тело, белая фата — чистоту и невинность невесты, красный крест — медицинскую помощь и т. д. Физический объект может репрезентировать в сознании даже что-то гораздо более сложное, чем просто другой

---

[1] Репрезентация — ...представление, представительство, изображение [Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 301].

Понятие «репрезентация»... охватывает три основных значения: представление или образ, репродукция презентации, или повторение, замещение (С. А. Радионова, 2003).

физический объект. Так, крест, например, является репрезентацией христианства и христианской церкви.

Надо признать, что в литературе существует множество самых разных, в том числе не согласующихся между собой представлений о том, что такое репрезентации, какие репрезентации бывают и как они соотносятся между собой. То же самое, хотя и в меньшей степени, касается психических моделей.

Тем не менее можно заметить, что психическая модель — это всегда психическая сущность, произвольно выбранная и «назначенная» нами заместителем, заменителем другой психической сущности. М. Вартофский (1988) тоже отмечает, что:

...модели — это преднамеренно создаваемые конструкции... [с. 60].

Когда мы говорим о психической модели, то всегда имеем дело с осуществленной произвольно и с определенной целью подменой одной сущности, чем-то уже представленной в сознании (например, чувственным образом), другой сущностью, тоже как-то уже представленной в сознании (например, другим чувственным образом или понятием). Например, понятие *Эйфелева башня* — это вербальная модель визуального образа Эйфелевой башни, а понятие *Московский Кремль* — модель (заместитель, заменитель) визуального образа Московского Кремля.

М. Вартофский полагает, что и психические репрезентации являются моделями внешнего мира. Однако следует сказать, что отношения между репрезентациями и внешним миром гораздо более сложные и непонятные, так как репрезентации чаще не столько моделируют мир, сколько являются единственно доступной для нас формой его существования. Более того, репрезентации, создаваемые сознанием, могут представлять нам то, что просто отсутствует в окружающем мире и в качестве сущностей конституируется самим сознанием, то есть психические репрезентации в рассматриваемом случае являются тем, что наличествует изначально лишь в сознании и только в виде самих этих репрезентаций. Такого рода психические репрезентации, в принципе, не могут отождествляться с моделями, так как модели всегда моделируют нечто, хоть как-то уже представленное в сознании.

Таким образом, психическая репрезентация — это часто не столько подмена в сознании одной психической сущности другой (образа восприятия объекта понятием, обозначающим объект, например), сколько представление в сознании в форме особого психического явления (образа восприятия, например) некоего неясного, непонятного и недоступного сознанию никак иначе элемента физической «реальности в себе». Так, визуальные образы Эйфелевой башни или Московского Кремля репрезентируют некие «вещи в себе», которые только так и могут быть представлены в человеческом сознании в зрительной модальности. Эти репрезентации поэтому нельзя называть моделями, так как в физической реальности нет в аналогичном виде того, что они, как принято считать, моделируют в сознании.

Правильнее сказать, что психические репрезентации не моделируют, а первично конституируют и представляют в сознании то, что существует в физической реальности в недоступной нашему сознанию форме «вещей в себе». Следовательно, чувственная репрезентация — это всегда единственная возможность представительства в сознании предмета или явления, который для человека никак иначе не

существует и в его сознании не представлен, а в физическом мире в такой форме вовсе отсутствует.

Итак, психические репрезентации — это часто единственные формы существования многих недоступных никак иначе субъекту сущностей. Вместе с тем психические репрезентации, например чувственные образы и понятия, сильно различаются между собой по механизмам своего возникновения, причем понятия можно даже рассматривать как психические модели соответствующих чувственных психических репрезентаций.

М. Вартофский (1988) полагает, что слово «репрезентация» означает для обычного человека:

> ...во-первых... отношение «похожести» или «сходства», благодаря которому в одной вещи легко угадывается сходство с другой; и, во-вторых... что одна из вещей может в определенных аспектах «замещать», «представлять» или «репрезентировать» другую [с. 58].

Однако сказанное неприменимо к большинству «естественных» психических репрезентаций. Нельзя говорить об их сходстве или несходстве с репрезентируемыми ими объектами. Например, в психическом восприятии ощущения цвета, репрезентирующем электромагнитные волны определенной длины, и в самих этих волнах невозможно найти нечто «похожее». Трудно обнаружить, например, и сходство между ощущениями тепла или шероховатости объекта, с одной стороны, и сущностью этого объекта — с другой.

М. Вартофский (1988) пишет:

> ...даже в том случае, когда мы говорим, что модель есть лишь средство воображения, помогающее нам представить, изобразить или понять, что происходит, например, когда мы формируем схематическую модель некоторого сложного организма или строим модель-прототип чего-то такого, что мы намереваемся в дальнейшем реализовать, — то это само по себе уже достижение. В этом смысле модель есть создание чего-то, действующего в направлении будущего, нечто такое, что в момент создания модели или рассмотрения ее еще не достигнуто [с. 125].

Автор обсуждает здесь процесс создания новой сущности, процесс творчества. Моделирование же — это замена одной известной уже сущности другой. Если сознание создает произвольно новую психическую конструкцию, которая репрезентирует некую новую сущность, то это уже не моделирование. Созданной заново и тем самым уже репрезентированной в сознании в виде конкретных психических явлений сущности нет в физическом мире. Можно сказать, что естественная психическая способность человека к моделированию окружающей реальности трансформируется в процессе его развития в новую способность — конструировать новые сущности физической и психической реальности и репрезентировать их в своем сознании.

Созданные сознанием психические конструкции, репрезентирующие, например, недоступную восприятию физическую реальность, не являются моделями в истинном смысле, так как далеко не всегда ясно, что же они «моделируют» на самом деле и моделируют ли вообще. Часто такие репрезентации являются лишь умозрительными конструкциями, представляющими сознанию недоступные и непонятные никак иначе аспекты физической реальности. Некоторые такие психические конструкции, возникнув первоначально в сознании, затем могут быть воплощены

в искусственной физической реальности в виде, например, модели атома из проволочек и шариков, или фильма про «жизнь после смерти», или множества полезных физических устройств и приборов.

Формой психических репрезентаций являются и вербальные[1] конструкции. Однако их же можно рассматривать и как модели чувственных репрезентаций. М. Вартофский (1988) пишет, например:

> ...сам язык является моделью... [с. 63].

> Любое предложение, которое можно рассматривать как дескриптивное (описательное. – *Авт.*), является моделью того, о чем говорится в этом предложении: оно является репрезентацией своего референта, то есть репрезентацией определенного положения дел. ...Все языковые высказывания — это дескриптивные предложения в той степени, в какой они вообще являются лингвистическими сущностями... Предложение «Стул стоит на столе», очевидно, можно рассматривать с различных точек зрения в разных теориях языка, но, несомненно, что это – «картина», и с этим трудно спорить. ...Данное предложение — модель, если для меня или для вас оно репрезентирует определенное состояние дел [с. 38].

Автор подчеркивает здесь важный факт — языковые конструкции тоже являются моделями реальности. Неважно какой: окружающей нас, прошлой, будущей, возможной, альтернативной, фантастической и т. д. Он продолжает:

> ...возьмем восклицание «Ай!» или любое повелительное, эмотивное, экспрессивное высказывание — весь этот немыслимый зоосад якобы недескриптивных утверждений. ...Я утверждаю, что это высказывание («Ай!» – *Авт.*) истинно или ложно и что оно имеет референт. То есть что оно с очевидностью соотносится с некоторым состоянием дел, а именно с тем, что мне больно [с. 38].

> ...можно говорить о континууме от мельчайших лингвистических выражений до грандиозных теоретических научных конструкций. ...Мы начинаем создавать модели с наших первых мимических актов и с первого опыта языкового общения и продолжаем создавать их посредством использования того, что, опираясь на разные основания, называют аналогиями, метафорами, гипотезами, теориями [с. 40].

> «Теория», «гипотеза», «модель», «аналогия» — все это, на мой взгляд, «особи» одного рода, который я называю репрезентацией [с. 57].

> Все лингвистические высказывания являются моделями, репрезентациями фактов или предполагаемыми фактуально истинными дескрипциями (и наоборот, все модели являются в той или иной форме лингвистическими высказываниями, используемыми для сообщения фактуально истинных дескрипций) [с. 39].

---

[1] Вербальный... имеющий отношение, характеризующий, характерный, состоящий из, выраженный в словах [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 123].

Соответственно, *вербальный образ* — это *образ слова*, который может быть слуховым, зрительным или дактильным; поэтому понятие *вербальный образ* не располагается в той же плоскости, что, например, понятия *слуховой* или *зрительный образ*; понятие *вербальный образ* соотносится с понятием *образ предмета*, а не относится к особой модальности образа; вербальная конструкция — это конструкция из образов слов, имеющих понятное субъекту значение (конструкция из понятий); вербальное мышление — это понятийное мышление; вербальное моделирование — это моделирование реальности с помощью образов слов, имеющих значения (с помощью понятий).

Итак, понятие *психическая репрезентация* обозначает, во-первых, психические явления или совокупности психических явлений, представляющих в сознании разнообразные физические сущности, их свойства, действия, состояния, отношения и т. д. Например, зрительный образ стола репрезентирует объект «стол», образы разных красных объектов репрезентируют свойство объектов — их красный цвет, а пропозиция *альфа-самец* репрезентирует такую сложную физическую сущность, как «самец, занимающий верхнюю позицию в иерархии доминирования стада» [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 36]. Во-вторых, психические явления или совокупности психических явлений, которые представляют в сознании другие психические явления или совокупности психических явлений.

Например, образ воспоминания или представления репрезентирует прошлый образ восприятия, понятие репрезентирует визуальный образ, эмоцию, психическое состояние и др. На протяжении дальнейшего изложения мы еще не раз будем возвращаться к проблеме психических моделей и репрезентаций.

1.1.7. Феноменология

Наиболее удачным мне представляется следующее определение феномена:

> *Феномен* (греч... «являющееся»). ...Согласно традиции, восходящей к древнегреческой философии... под феноменом понимают данное в чувственном опыте явление вещи... которое подразумевает стоящую за ним сущность, недоступную чувствам и раскрываемую только в ходе... особого познания или же... непознаваемую. ...В Новое время (у Локка, Беркли и Юма) появляется психологическое понятие феномена (явления). Феномен начинает мыслиться как данность сознанию во внешнем или внутреннем опыте ощущения, «идеи», перцепции. ...По Канту, феномен — это предмет... явление вещи в доступных нам формах чувственного созерцания. ...Феномену противопоставляется непознаваемый трансцендентный ноумен, то есть «вещь сама по себе» [Словарь философских терминов, 2004, с. 614].

И. Кант (1994) рассматривает феномены как чувственно воспринимаемые объекты или явления. Явление же для него — упорядоченная совокупность ощущений. Он пишет:

> Явления, поскольку они мыслятся как предметы на основе единства категорий, называются phaenomena. ...Вещи... как предметы рассудка, которые... могут быть даны в качестве предметов созерцания, хотя и не чувственного... можно называть noumena [с. 515–516].

Основоположник современной философской феноменологии Э. Гуссерль (2005) пишет:

> ...психологию называют наукой о психических, естествознание — наукой о физических «явлениях», или феноменах... в истории... говорят об исторических, в науке о культуре о культурных феноменах... Сколь бы различными ни был во всех таких речах смысл слова «феномен»... феноменология (имеется в виду феноменология Гуссерля. — *Авт.*) сопрягается со всеми этими значениями, однако при совершенно иной установке, посредством которой... модифицируется любой смысл «фено-

> мена»... В феноменологическую сферу он и вступает не иначе как модифицированный [с. 243].

Действительно, автор понимает *феномен* весьма специфично и заявляет о своем отказе рассматривать феноменологию «как нижнюю ступеньку эмпирической психологии». В. Вольнов (2008), рассматривая его позицию, тем не менее замечает:

> Хотя Гуссерль называет свое учение феноменологией, понятие «феномен» так и остается у него неопределенным. Определенно можно сказать лишь одно: под феноменом Гуссерль понимает так называемые феномены сознания. ...Отождествление феноменов с феноменами сознания Гуссерль унаследовал от Канта [с. 8].

Автор спрашивает:

> Неужели не бывает феноменов помимо феноменов сознания? [С. 9.]

Феномены в понимании Э. Гуссерля — все же далеко не просто феномены сознания, по крайней мере вовсе не то, что рассматривает в качестве таковых классическая психология. Прочие исследователи относят к феноменам разный круг явлений. Одни исследователи сужают понятие *феномен* и, рассматривая его в плоскости сознания, отождествляют с психическим явлением:

> Феномен — явление, данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от ноумена, постигаемого разумом и составляющего основу, сущность феномена [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 477].

Другие расширяют его, отождествляя с тем, что репрезентируется этими психическими явлениями:

> *Феномен*. 1. В переводе с греческого означает явление, то, что появляется, следовательно, любое заметное изменение, любое явление, доступное для наблюдения. Это значение является очень общим и содержит два аспекта, каждый из которых представлен в следующих более ограниченных значениях. 2. Физическое явление, факт, подтвержденное событие... 3. Внутренний опыт, который сознается, данные личного опыта. Это значение отражено в позиции феноменологии. 4. В терминах Канта — проявления знаний, событий или объектов, интерпретируемые через категории... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 414–415].

Е. Е. Соколова [2005, с. 13–22], например, выделяет шесть групп феноменов: сознательные и бессознательные психические явления, формы поведения, феномены общественных отношений, предметы материальной и духовной культуры и даже психосоматические явления. Такой расширительный подход, конечно, неприемлем, хотя бы в силу несопоставимости включаемых в эту классификацию сущностей, например сознательных психических явлений и предметов культуры. Кроме того, все без исключения перечисленные предметы, формы, отношения и даже сами психические явления репрезентируются в сознании человека в форме сознательных психических явлений, а потому могут и должны первично рассматриваться только в виде явлений или феноменов сознания.

Лично я понимаю *феномен* исключительно в психологическом, а не в философском смысле, как любое явление человеческого сознания: образ, ощущение, эмоцию, побуждение, даже вербальную конструкцию и др., как все то, что человек

способен обнаруживать в своем сознании в процессе интроспекции и переживать. Психическое явление – то, что возникает в человеческом сознании. Следовательно, психическое явление – синоним психического феномена.

Обсуждая понятие *феноменология*[1], Ж.-Ф. Лиотар (2001) замечает:

> Этот термин означает исследование «феноменов», то есть того, что является в сознании, того, что «дано» [с. 7].

Я называю *феноменологией* учение о психических феноменах, или явлениях, и рассматриваю ее как раздел психологии. Как следует из сказанного, такая феноменология совершенно отлична, например, от феноменологии Э. Гуссерля и от других вариантов философской феноменологии, с которыми ее даже невозможно соотнести. Э. Гуссерль (2005) пишет, что его феноменология:

> ...это не психология, и что причисление ее к психологии исключается не какими-либо случайными разграничениями области и терминологически, но принципиальными основаниями [с. 19].

Он [2005, с. 20–21] справедливо указывает, что психология – это наука о «фактах» и «реальностях», тогда как «чистая трансцендентальная феноменология» – это наука, которая занимается «ирреальными феноменами». Редукция, которой подвергает психологические феномены автор, «очищает» их от того, что придает им реальность и включенность в реальный мир (там же). Более того, автор прямо говорит:

> Охотнее всего я исключил бы обремененное тяжким грузом слово *реальное*, если бы только представилась какая-либо подходящая замена ему [с. 24].

Я же, напротив, рассматриваю реальные феномены нашей психики. Если Э. Гуссерль совершенно оправданно отказывался рассматривать свою феноменологию «как нижнюю ступеньку эмпирической психологии», то я именно так и рассматриваю собственные взгляды, излагаемые в данной книге. В то же время мне представляется, что психология и философия неразрывно связаны, поэтому предлагаемая мной психологическая феноменология не может остаться в стороне от философии.

Феномены – непосредственно данные нам явления нашего сознания, соответственно, феноменология, представленная в этой книге, – это рассмотрение данностей нашего сознания, описание его явлений и изучение того, что они собой представляют и как видоизменяются во времени.

В соответствии с гуссерлианской традицией феномены должны рассматриваться исследователями без учета каких-либо даже самых базовых вербальных знаний о них. Однако наше сознание устроено таким образом, что нам не удастся ничего описать и изучить, предварительно не поняв хотя бы как-то изучаемый феномен,

---

[1] Феноменология – это изучение сущностей... [М. Мерло-Понти, 1999, с. 5].

Феноменология – учение о явлении... [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 477].

Феноменология – это речь о феномене. Речь, призванная феномен раскрыть, показать его таким, каков он сам по себе... [В. Вольнов, 2008, с. 7].

то есть не смоделировав его с помощью других, как правило, вербальных феноменов нашего сознания. Феноменологический метод, который предложил и использовал Э. Гуссерль, Ж.-Ф. Лиотар (2001) описывает так:

> Нужно предоставить, без всяких предпосылок, кусочек воска самому себе и описать его так, как он себя дает [с. 7].

Тем не менее для того, чтобы описать кусочек воска, о котором говорит Ж.-Ф. Лиотар, надо предварительно выучить слова, то есть усвоить весь «багаж», созданный предшествующими поколениями, а это усвоение радикально изменит воспринимаемый и описываемый нами кусочек воска. Именно поэтому в психологической феноменологии невозможна гуссерлианская редукция.

ГЛАВА 1.2

Репрезентации в психологии

- *Современные представления о формах репрезентаций*
- *Репрезентации и компьютерная метафора*
- *О целесообразности «объективного» исследования субъективных психических репрезентаций*

1.2.1. Современные представления о формах репрезентаций

Для классической психологии XIX в. чувственные образы были важнейшим и очевиднейшим предметом исследования. Ни у кого не только не возникало, но и не могло возникнуть сомнений в их существовании, так как на протяжении веков они рассматривались классической философией как самые бесспорные и несомненные явления сознания. Психологи XIX в. были бы крайне удивлены, если бы узнали, что на протяжении двух третей века двадцатого психические явления, в частности образы и ощущения, либо вообще не будут рассматриваться бихевиористской психологией, либо будут рассматриваться как малосущественные эпифеномены, сопровождающие физиологические процессы. Лишь в последней трети XX в. образы и ощущения под названием «чувственные репрезентации» вновь получили право на обсуждение их возможной роли в психической жизни человека. Однако до сих пор факт их наличия признается далеко не всеми исследователями. Важную роль в их возвращении в психологию сыграли «объективные» эксперименты с ментальными образами, в первую очередь эксперименты Р. Шепарда, С. Косслина и их коллег (см. выше).

Мы уже обсуждали, что для признания ментальных образов пришло время и «плод созрел сам» вне зависимости от «объективности», достоверности и бесспорности проведенных экспериментов. Этот факт подтверждается, например, и замечанием Р. Л. Солсо [1996, с. 300], который пишет, что недавно возродившийся интерес к мысленным образам был встречен когнитивными психологами более чем неоднозначно. Некоторые (А. Пэйвио, Р. Шепард, С. Косслин) приветствовали их возвращение в психологию. Другие (Р. Аткинсон, М. Роуф, Г. Бауэр) отнеслись к ним прагматически: Дж. Андерсон с Г. Бауэром, например, включили это понятие в теорию пропозициональной репрезентации знания. Третьи (З. Пылишин, У. Брюэр и др.) по-прежнему считают, что мысленные образы представляют собой просто субъективный эпифеномен, тогда как знание является концептуальным и пропозициональным, а не сенсорным или картинным.

В связи с этим замечу, что если уж эксперимент что-то доказывает однозначно (см., например, эксперимент С. Смита и соавт., разд. 1.1.4), то какие уж тут могут быть сомнения и разногласия? Если же не доказывает, а лишь соответствует духу времени и требованиям перемен, то тут могут быть и сторонники, и противники, и сомневающиеся. Сейчас в когнитивизме сформировались и сосуществуют три основные теории кодирования и хранения информации: радикальная гипотеза образов (Б. Бугельски, Р. Шепард, П. Подгорный), концептуально-пропозициональная гипотеза[1] (Дж. Андерсон, Г. Бауэр, З. Пылишин) и гипотеза двойного кодирования (А. Пэйвио, Г. Бауэр, Л. Брукс).

В соответствии с радикальной теорией образов даже «абстрактное знание» и «значения абстрактных слов» в той или иной степени «имеют образные и эмоциональные компоненты», формирующиеся в опыте каждого человека. Не существует

[1] Концептуально-пропозициональная гипотеза будет рассмотрена в разд. 2.1.4.

«чистых абстракций», не связанных с чувственными репрезентациями. Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004) цитируют Б. Бугельски (B. Bugelski, 1970):

> Мы все против «загрязнения окружающей среды», но я представляю его как сточную канаву возле моего дома. А как его представляете вы? [С. 457.]

Р. Л. Солсо [1996, с. 292] считает радикальную теорию образов крайним выражением образных теорий, так как она утверждает, что информация представлена в уме исключительно в виде образов. Он пишет, что представления Б. Бугельски об образах интуитивно привлекательны, так как наша интроспекция, действительно, говорит нам о том, что «сенсорные стимулы часто превращаются в образы». Будучи, однако, убежденным когнитивистом, Р. Л. Солсо полагает тем не менее, что «найти этой идее эмпирическую поддержку не легко». Не вполне понятно, впрочем, какую еще эмпирическую поддержку, кроме возможности вызвать произвольно в собственном сознании любой чувственный образ, необходимо иметь автору?

Менее радикальная и более гармоничная, по мнению многих авторов, теория «двойного кодирования» была создана А. Пэйвио (его фамилию переводят еще как Паивио и Пайвио). А. Пэйвио (A. Paivio, 1971, 1971a, 1975 и др.) выдвинул предположение о существовании двух относительно независимых знаковых подсистем долговременной памяти, одна из которых оперирует с образной, а другая — с символической информацией. Единицами образной системы являются имагены (imagens), хранящие информацию в аналоговой форме, а единицами символической системы — логогены (logogens) — абстрактные вербальные элементы. Автор полагает, что конкретные и абстрактные слова одинаково легко «кодируются вербально», но конкретные слова «кодируются еще и образно». Вообще образный код больше подходит для «конкретной», а не для «абстрактной информации». Вербальный же код, скорее, пригоден для абстрактной информации.

В своих экспериментах А. Пэйвио (A. Paivio, 1986) изучал, в частности, методом шкалирования степень образности существительных. Он оценивал способность слов вызывать у испытуемых соответствующий мысленный образ. Оказалось, что некоторые слова: «слон», «оркестр», «церковь» — более образны, чем другие: «деяние», «контакт», «добродетель». А. Пэйвио также предлагал испытуемым пары объектов, например пару «помидор — бокал», представленные в разных формах (слово — слово, слово — рисунок и рисунок — рисунок). Испытуемых спрашивали, какой объект из пары более круглый. Автор предположил, что для сравнения объектов требуется вызывать в сознании их образы. Если пара состояла из слов, необходимо было для каждого слова вызвать в сознании соответствующий ему образ, а затем сравнить образы. В случае пары из слова и рисунка следовало актуализировать образ, соответствующий слову и сравнить его с образом рисунка. В случае пары рисунков нужно было сравнить два образа. Наибольшее время требовалось для ответа в случае пары «слово — слово», меньшее время занимал ответ в случае «слово — рисунок», и быстрее всего задача решалась в случае пары «рисунок — рисунок».

Помимо работ А. Пэйвио теорию двойного кодирования подтверждают, например, многочисленные эксперименты А. Бэдделея (A. D. Baddeley, 1976), Л. Брукса (L. R. Brooks,1968), Г. Бауэра (G. H. Bower, 1970) и других исследователей.

То, что доминирующее в современной экспериментальной психологии направление — когнитивизм не спешит признавать за ментальными образами право на существование, объясняется не только тем, что когнитивизм — «законный наследник»[1] бихевиоризма, хотя и всячески открещивающийся от него, но и реальными недостатками содержания понятий *ощущение* и *образ*. К таким недостаткам можно отнести, например, следующие:

- образ восприятия обычно рассматривается как особая психическая копия существующего в реальности объекта;
- образ восприятия феноменологически описывается в качестве «как бы картинки в голове»;
- образ объекта рассматривается как изолированное и устойчивое «изображение» объекта в сознании, хотя в сознании нет изолированных образов и ощущений, а есть то, что можно было бы назвать «полем» зрительного восприятия и представления и «потоком» слухового восприятия и представления;
- ощущение считается элементарным психическим феноменом;
- наконец, ощущение и образ — понятия, подвергнутые бихевиоризмом остракизму. В том числе и поэтому когнитивная психология предпочитает использовать термин репрезентации, что, впрочем, не сильно способствовало прогрессу в понимании этих ментальных сущностей.

Н. Смит (2003) пишет:

> Было предложено два (с некоторыми вариациями) механизма, посредством которых мир внутренне репрезентируется нашим компьютерным мозгом. Один из них включает образы конкретной сенсорной модальности. Их львиная доля приходится на зрение... Эти образы являются аналогами реального объекта или события и носят название «аналоговых репрезентаций»... Второй тип репрезентации называется «пропозициональной репрезентацией»... Репрезентации данного типа не ограничены той или иной сенсорной модальностью, но подобны языковым. Они состоят из идей и подчиняются комбинаторным правилам. Следует отметить, что те когнитивисты, которые относят себя к «элиминативистам» (от англ. eliminate — «устранять»), настаивают на том, что репрезентаций не существует; существуют лишь функции мозга. Они *устраняют* репрезентации. Одна из разновидностей данного подхода называется теорией «тождества», ибо, согласно данной точке зрения, функционирование мозга и разум тождественны. «Неэлиминативисты»... же настаивают на реальности репрезентаций, которые вырабатываются благодаря деятельности мозга. Данная точка зрения известна также под названием «эпифеноменализма», или «эмерджентизма»: репрезентации появляются или возникают в результате биологических операций, осуществляемых мозгом, и не тождественны самим этим операциям [с. 88].

Когнитивной психологии потребовались, как я уже отмечал, многочисленные экспериментальные исследования, вроде бы «объективно» доказывающие сам факт наличия психических образов, чтобы проблему существования последних вновь начали серьезно обсуждать. Р. Л. Солсо [1996, с. 276] сообщает, например, что тема мыс-

---

[1] Я применяю кавычки либо для цитат внутри других цитат, либо для указания на переносный смысл выражения.

ленных образов, еще недавно полностью игнорируемая в американской психологии, снова стала вызывать в последние годы сильный интерес у одних при настороженном скептицизме других. Тем не менее в когнитивизме, который является ведущим направлением современной психологии, рассматриваются не образы и ощущения, а репрезентации. В этой связи особенно показательна двойственность позиции мэтров современной когнитивной психологии. Так, один из авторитетнейших мировых психологов и основоположников когнитивной психологии Дж. Андерсон (2002) пишет:

Отмечались значительные расхождения в мнениях по вопросу о характере репрезентации знаний, частично отражавшие суматоху и неразбериху при отделении когнитивной психологии от бихевиоризма. Велись дебаты о том, какие виды репрезентаций знаний существуют в психике и что точно имеется в виду под различными утверждениями о репрезентации знаний [с. 111].

Можно вообразить, что в голове имеются картины (заметим, только «вообразить», а не обнаружить интроспективно зрительные образы, потому что с точки зрения когнитивной психологии интроспекция – это по-прежнему нечто, безусловно, неприемлемое. – *Авт.*), на которые смотрит некоторое внутреннее существо в мозге, или что в голове имеется речь, которую слушает то же самое внутреннее существо. ...Однако некоторые данные позволяют предположить, что «картины в голове» действительно существуют [с. 115–116].

Автор, как и многие другие представители этого направления, предпочитает оперировать более «реальными», с их точки зрения, предметами, чем ментальные образы. Например, обсуждать «топографическую репрезентацию зрительного стимула в зрительной области коры мозга», что возвращает нас к забытым идеям причинно-следственной связи «образа на сетчатке» с образом в сознании. Дж. Андерсон продолжает:

...зрительная область в коре содержит топографическую репрезентацию зрительного стимула. Активность в коре будет соответствовать пространственной структуре стимула... Мы видели, что имеются отдельные клетки, которые представляют линии в определенных местах и ориентациях. Изображение было представлено паттерном активации в месте расположения таких клеток, которые кодировали различные особенности этого изображения. Можно предположить, что, когда испытуемые воображают зрительную сцену, происходит подобная репрезентация в терминах паттерна активации в районе клеток, отвечающих за отдельные признаки изображения [с. 115–116].

Автор не говорит о слуховом образе звучащего слова или визуальном образе печатного слова, а лишь замечает, что:

...можно попробовать найти различие между репрезентацией звучания слова в сравнении с напечатанным словом... [с. 135].

Дж. Андерсон, используя понятие *образ* для обозначения образов представления, предпочитает обходиться и без понятия *образ восприятия*:

Труднее обрабатывать образ, чем фактический стимул [с. 126].

Зрительные образы имеют много общих свойств с продуктами зрительного восприятия, но реинтерпретировать зрительные образы не так легко, как фактические изображения [с. 127].

Тем не менее, обсуждая опыты Р. Финке, С. Пинкера и М. Фараха, Дж. Андерсон в итоге вынужден признать факт наличия психических образов. И все же он, как и большинство когнитивных психологов, испытывает к образам и ощущениям явное предубеждение и предпочитает использовать термин репрезентации. Автор [с. 111] выделяет «репрезентации, основанные на восприятии» (по-видимому, образы восприятия), и «репрезентации, основанные на значении» (вероятно, понятия и конструкции из них). Правда, обосновывает он [с. 115] это в основном тем, что «вербальная и зрительная информация по-разному обрабатываются различными частями мозга».

Сходное с позицией Дж. Андерсона отношение к образам демонстрирует и другой основоположник когнитивной психологии — У. Найссер (2005):

> Некоторые философы были вынуждены постулировать существование перцептов потому, что иногда мы как будто бы видим вещи, которых на самом деле нет: кино, последовательные образы, двоящиеся образы, галлюцинации, сны и т. д. В большинстве этих случаев имеет место своего рода «моделирование»: иными словами, наблюдатель оказывается систематически неправильно информированным. Либо в реальной среде, либо в какой-то части его зрительной системы моделируется информация, которая была бы в наличии, если бы объект реально присутствовал. Механизм моделирования очевиден в случае кино и едва ли менее очевиден в случае последовательных образов, двоящихся образов и подобных феноменов. Такое моделирование обычно имеет незавершенный характер и легко обнаруживается: мы узнаем кино или последовательный образ, когда видим их. В этих случаях «перцепт» можно определить как тот конкретный объект (или размытая форма и т. д.), который, скорее всего, обеспечил бы эту же самую информацию, если бы он действительно присутствовал. Когда объект присутствует, нет никакой необходимости в постулировании отдельного перцепта [с. 609].

Как следует из этой цитаты, мы «постулируем существование образов восприятия» только потому, что «иногда как будто бы видим вещи, которых на самом деле нет» (кино, например), и когда мы «неправильно информированы», а «когда объект есть, в образе восприятия нет необходимости». У этого очень уважаемого мною автора настолько отличная от моей позиция, что с ним сложно даже полемизировать.

В случаях кино-, видео-, фото- и тому подобных изображений нет никакой «неправильной информированности», о которой говорит У. Найссер. Просто здесь мы имеем дело с особыми физическими объектами, многие из которых (например, фотографии) являются иконическими знаками других (основных), известных нам объектов и актуализируют модели-репрезентации этих основных объектов в нашем сознании даже в отсутствие основных объектов.

Описывая способность человека сознательно вращать ментальные образы, исследованную Р. Шепардом и его коллегами, У. Найссер, например, лишь задает вопрос:

> Не обязывает ли нас существование ментального вращения допустить наличие «аналоговых» представлений в памяти? [У. Найссер, А. Хаймен, 2005, с. 18]

Следующие рассуждения У. Найссера (1981) типичны для представителей когнитивной психологии:

Некоторые психологи полагают, что можно манипулировать образом, изучать его и перерабатывать... как если бы он был картиной, которую реально разглядывает индивид. Это в определенном смысле согласуется с интроспекцией, поскольку мы действительно как будто бы рассматриваем наши образы. В то же время философский аспект такого подхода имеет целый ряд слабых мест... [с. 142–143].

...вещи, находящиеся внутри или позади других вещей, можно представить точно так же, как вещи, взаимодействие которых открыто взору. Если бы образы были мыслимыми картинами, это было бы невозможно: никакая обыкновенная картина не в состоянии показать закрытые объекты (исследователи, которые проводят аналогии между образами представления и картинами, пишут, впрочем, о «как бы картинах», а не о «картинах». - *Авт.*). Если же, однако, они суть предвосхищения, нельзя ограничивать их тем, что можно увидеть только с данной точки наблюдения. Отсюда следует, что память получит дополнительную помощь, если вообразить скрытые, не допускающие графического изображения связи между двумя вещами, и представить себе эти связи в виде некоторой картины [с. 155].

Иными словами, сам У. Найссер в итоге приходит к сравнению образов представления с теми же «картинами». Тем не менее автор пытается избежать возвращения к представлениям об образах классической психологии и предлагает новые, хотя и не вполне удачные и не очень ясные трактовки этого понятия:

...умственные образы суть перцептивные предвосхищения... [с. 181].

Образы — это готовность к восприятию информации, фактически отсутствующей в непосредственной ситуации... [с. 195].

Образы (представления и воспоминания. — *Авт.*) не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов, поскольку восприятие по своей сути не сводится... к получению перцептов (вопрос: а к чему тогда восприятие сводится? — *Авт.*). Образы (представления и воспоминания. — *Авт.*) — это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения [с. 145].

Встает вопрос: *что собой феноменологически представляет этот «план сбора информации», якобы возникающей в нашем сознании?* В то же время автор отмечает важное обстоятельство: вполне вероятно, что люди различаются в своих способностях переживать более и менее яркие чувственные образы, а также в способности давать себе отчет о своем психическом содержании. Он полагает, что:

...некоторые люди находят естественным утверждать, что они «видят» свои образы, другие же полностью отвергают такую терминологию. Трудно сказать, насколько эти индивидуальные различия связаны со случайным выбором метафоры и насколько они отражают реальные различия зрительных перцептивных механизмов [с. 144].

С одной стороны, полубихевиористская в своей основе позиция не позволяет У. Найссеру признать наличие образов как психических феноменов в полном объеме. С другой стороны, как глубокий ученый, он не может и отказаться от них полностью из-за их субъективной очевидности. В итоге он замещает феноменологическую

сущность образа ссылкой на его гипотетическую функцию, что совсем не проясняет вопрос, а только еще больше его запутывает.

Понятие *образ* не вызывает энтузиазма и у других когнитивных психологов. Р. Л. Солсо (1996), например, тоже предпочитает обходиться без него. Он пишет:

> ...эксперименты Косслина и Шепарда показывают, что зрительные образы, по-видимому, отражают внутренние репрезентации, функционирующие аналогично восприятию физических объектов [с. 299].

> То, что мы ощущаем (видим, слышим, обоняем или чувствуем вкус), почти всегда есть часть сложного паттерна, состоящего из сенсорных стимулов [с. 33].

> ...мы знаем, что свет, отражающийся от печатной страницы, воспринимается чувствительными нейронами и передается в мозг, где происходит опознание деталей, букв и слов. Однако в этом элементарном процессе не участвует значение, которое обычно постигается в процессе чтения [с. 333].

> Рассматривая кратковременную память, мы видели, что информация в ней хранится в акустическом виде, а также, возможно, в зрительном и семантическом, но все же тип используемого в ней кода часто вызывает споры. ...В долговременной памяти информация, очевидно, кодируется и акустически, и визуально, и семантически. ...Вкусовые, запаховые и тактильные коды также используются в долговременной памяти, но они крайне мало исследованы [с. 194].

Самое главное, что в этом выстроенном автором «элементарном процессе» не участвуют вербальные ментальные образы, на уровне которых и «происходит опознание деталей, букв и слов». Итак, как мы видим, несмотря на громкие заявления когнитивистов об их отказе от бихевиоризма, последний по-прежнему во многом определяет их взгляды.

Многие представители когнитивизма жестко разграничивают образы воспоминания и представления, с одной стороны, и образы восприятия – с другой, рассматривая в качестве «мысленных образов» и варианта репрезентации знаний лишь первые. Тогда как перцептивные образы рассматриваются ими как «результат действия стимула», «продукты зрительного восприятия», «фактические изображения», «конкретные объекты», «восприятие информации», «сложные паттерны, состоящие из сенсорных стимулов» и т. п. В общем, как угодно, но не как образы восприятия.

Б. М. Величковский (2006) в своем двухтомном обзоре литературы по когнитивной психологии пишет:

> Считается, что отдельные аспекты схем[1] могут осознаваться в форме «субъективных образов». Объяснение природы последних представляет собой одну из наиболее спорных проблем когнитивных исследований. Теория двойного кодирования Пэйвио подчеркивает специфику образного кодирования, хотя сторонники данной теории не всегда способны достаточно ясно объяснить, в чем эта специфика состоит. Тяготеющие к формализации авторы трактуют образы как предложения некоторого «ментального языка». Интересным представляется мнение Найссера (1980). Если первоначально (в период «Когнитивной психологии») он считал образы своего рода ослабленным восприятием, то в последующие годы его точка зрения претерпела

[1] (Сноска моя. – *Авт.*) ...Схема представляет собой удобный «конспект»... повторяющейся ситуации и помогает интерпретировать и дополнять необходимыми деталями наши воспоминания [Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг, 2001, с. 328].

изменения. Вслед за Ж. Пиаже и П. Я. Гальпериным он связывает образы с интериоризированными действиями [с. 50].

Автор (2006а), как и У. Найссер, подчеркивает значение индивидуальных различий, которые, вероятно, сильно влияют на позиции исследователей:

...природа образов продолжает вызывать оживленные споры. Дискуссия была начата Пылишиным (Pylyshyn, 1981), атаковавшим исследования образной памяти за чрезмерную «картинность» лежащей в их основе метафоры. Фактически утверждается, что наглядные образы являются эпифеноменами, а эффективные формы репрезентаций — это дискретные логические функции, или пропозиции. Спор об аналоговой или пропозициональной природе образов продолжался несколько десятилетий, приобретая такой характер, что для его разрешения нужно было бы уметь буквально «заглянуть в мысли» другого человека. Интересно, что позиция, занимаемая в этой дискуссии, коррелирует с особенностями зрительных образов участников и различиями в их подготовке, причем сторонники картинной метафоры тяготеют к гуманитарным наукам и биологии, а представители пропозициональной точки зрения — к математике и языкам программирования [с. 291].

И все же Б. М. Величковский (2006а) тоже убежден, что когнитивная психология должна иметь дело с чем-то «более объективным», чем ментальные явления. Он, например, задает вопрос:

Нельзя ли найти какие-либо более серьезные, например нейропсихологические, доказательства связи восприятия со способностью образного представления (визуализации)? [С. 53.]

Интересно было бы увидеть, как можно нейрофизиологически доказать связь двух психических явлений между собой, еще и не используя при этом интроспекцию, которая не признается когнитивизмом. Впрочем, сам автор [с. 54–55], ссылаясь на новые эксперименты С. Косслина[1], совершенно справедливо заключает,

что если величина образа объекта — это абстрактный (символьный) параметр некоторого логического суждения, то трудно ожидать соответствия между характеристиками образа и пространственными параметрами активации зрительных структур мозга.

Описывая эксперименты З. Пылишина с многозначными фигурами (рис. 3), допускающими различные смысловые интерпретации (кошка — сокол, утенок — кролик, утка — куница), Б. М. Величковский [2006а, с. 54] отмечает, что если испытуемому, не знающему о существовании двух возможных интерпретаций, показать фигуру в положении, оптимальном для восприятия первого из альтернативных объектов, а затем предложить мысленно перевернуть ее в положение, объективно способствующее узнаванию второго объекта, то испытуемый не сможет обнаружить в представляемой фигуре второй объект. Тогда как при поворотах рисунков с этими фигурами испытуемый легко узнает либо один, либо другой объект. Он пишет:

Пылишин (Pylyshyn, 2003) считает, что здесь проявляется самое главное свойство, отличающее мысленные образы от чувственного восприятия, — в отличие от

[1] Косслин (цит. по: Б. М. Величковский, 2006а), предлагая испытуемым зрительно представлять большие или маленькие объекты, с помощью ПЭТ-сканирования обнаружил, что размеры локусов активации в затылочных отделах коры были больше при визуализации крупных объектов.

наблюдаемой сцены, предмета или изображения мысленный образ не может быть семантически интерпретирован, поскольку он сам есть всего лишь семантическая интерпретация [с. 54].

Рис. 3. Многозначные фигуры

Как я постараюсь доказать дальше, никаких специальных «семантических интерпретаций» как таковых в сознании нет и быть не может. В сознании есть только те явления, которые в принципе могут быть интроспективно в нем обнаружены, то есть только то, что принципиально доступно рефлексии и может быть зафиксировано интроспективно в качестве психического явления. Соответственно, в сознании нет в форме особых психических сущностей, отличных от образов и ощущений, ни «семантических интерпретаций», ни «готовностей», ни «схем» (если это не визуальный образ созданного человеком материального объекта — схема чего-либо), ни многочисленных иных неясных сущностей, широко обсуждаемых в когнитивной психологии. В нем есть лишь ощущения, образы и составленные из них более сложные психические конструкции. Все остальное, описываемое в литературе в качестве неопределенных и непонятных, но якобы присутствующих в сознании сущностей, является гипотетическими конструкциями исследователей и не более того.

Обсуждаемая Б. М. Величковским [2006а, с. 54] многозначная фигура, в которой потенциально представлены два разных объекта, после того как мы уже опознали в ней один из них, актуализирует в сознании модель-репрезентацию (преимущественно визуальные образы представления именно этого конкретного объекта: либо птицы, либо кошки, либо утки, либо кролика и т. д.). Далее эта находящаяся уже в нашем сознании сенсорная модель-репрезентация первого объекта при прекращении актуального восприятия фигуры начинает выступать как установка и не позволяет больше никак трансформировать образ воспоминания-представления многозначной фигуры, чтобы распознать в фигуре что-то еще, даже если мы мысленно ее перевернем. В то же время при восприятии перевернутого рисунка мы способны опознать в фигуре второй объект, так как образ восприятия объекта не столь жестко, по-видимому, зависит от установки, как образы представления-воспоминания.

Почему исследователи, не принимающие факт существования психических образов, полагают реальным факт наличия концептуально-пропозициональных репрезентаций? Что является для них доказательством наличия последних? Предложения в книге, которую они, например, читают, или те предложения, которые пишут сами? Но предложения — это не концептуально-пропозициональные репрезентации, а конструкции языка. Конструкции языка действительно результат

экстериоризации наших вербальных[1] психических конструкций, которые и есть те самые «концептуально-пропозициональные репрезентации», но об этом мы тоже знаем лишь на основании собственной интроспекции.

Получается, что у нас нет никаких «объективных» доказательств не только существования чувственных репрезентаций (образов и ощущений), но и каких-либо доказательств существования концептуально-пропозициональных репрезентаций. Более того, если какие-то и вроде бы даже «объективные» и экспериментальные доказательства наличия образных репрезентаций у нас есть, как принято теперь считать благодаря экспериментам с ментальными образами, то «объективных» доказательств существования концептуально-пропозициональных репрезентаций пока нет вовсе. Поэтому традиционные когнитивисты могли и даже должны были бы усомниться и в их наличии и попытаться это экспериментально проверить. Правда, и в отношении образных, и в отношении вербальных репрезентаций у нас есть наиболее достоверные и бесспорные доказательства их существования — результаты нашей интроспекции.

В качестве возможного объяснения распространенных сомнений в очевидности наличия ментальных образов можно, пожалуй, только выдвинуть предположение о том, что разные люди не настолько сходны психически, как представляется нашему «здравому смыслу», и между ними могут существовать радикальные психические различия. Одни люди способны, вероятно, переживать намного более яркие и детализированные ментальные образы, другие — менее. Имеющиеся в литературе указания позволяют всерьез рассматривать такую возможность. Так, Р. Вудвортс (1950) пишет, например:

> Существование значительных индивидуальных различий в образах было впервые отмечено Фехнером (G. T. Fechner, 1860) и позже подтверждено на более обширном эмпирическом материале Гальтоном (F. Galton, 1880). Фехнер просил своих испытуемых вызвать образ определенного предмета и обнаружил, что в то время, как некоторые сообщали об успехе, другие были способны в лучшем случае получить кратковременное мелькание, после чего образ заменялся голой мыслью о предмете. ...Вслед за Гальтоном другие исследователи обнаружили, что у одних индивидов преобладают яркие зрительные образы, а у других — яркие слуховые или моторные образы [с. 396].

В соответствии с данными Ф. Гальтона (F. Galton, 1879) примерно у 10 % людей зрительные образы интроспективно отсутствуют. Мне лично тем не менее

---

[1] Термин *вербальный*, например *вербальное* мышление (см. в том числе: П. Тульвисте, 1988), не очень удачен (в пер. с лат. verbalis означает «устный»), но распространенные в литературе термины *речевое мышление* или *словесно-логическое мышление* и даже *внутренняя речь* представляются мне еще более неудачными. Наиболее адекватным является термин *понятийное мышление*. В то же время термин *понятийные психические конструкции* в литературе вовсе не используется. Вместо него широко применяется термин *когнитивно-пропозициональные репрезентации*. Он тоже не представляется мне однозначно удачным хотя бы потому, что первая его часть (когнитивно) имеет слишком широкое значение для того, чтобы обозначать именно конструкции из понятий. В своей предыдущей книге (С. Э. Поляков, 2004) я использовал понятие *вербальные психические конструкции* и продолжаю это делать здесь.

представляется, что результаты Ф. Гальтона нуждаются в серьезной проверке. Большую роль здесь могут играть также различия в степени рефлексии собственного психического содержания, степени его понимания и эффективности самоотчета. В. Х. Кандинский [2001, с. 121–122] тоже приводит данные о том, что у разных психологов и психиатров были разные способности к вызыванию у себя зрительных и слуховых образов. О своем интересном наблюдении за молодой женщиной, обладавшей способностью переживать уникально яркие и детальные образы представления и воспоминания, трудноотличимые по этим характеристикам от перцептивных образов, сообщает Ч. Ф. Стромейер III [2005, с. 623] (см. разд. 1.3.4). Думаю, сейчас не составит большого труда проведение интроспективных экспериментов, которые позволят ответить на вопросы об особенностях индивидуальных различий ментальных образов и их рефлексии.

В целом нельзя не отметить, что когнитивная психология стала в XXI в. гораздо более терпима к ментальным образам, чем была в последней трети XX в. Например, теория А. Пэйвио является сейчас общепризнанной частью когнитивной психологии, хотя и считает совершенно естественным и бесспорным факт существования психических образов — то, что еще не так давно вызывало неприятие у большинства когнитивных психологов.

В заслуживших мировое признание учебниках по психологии авторы пишут уже как о само собой разумеющемся, что:

> ...психологи, философы и программисты делят представления на два больших класса: *аналогические* и *символические*. Аналогии обладают некоторыми из действительных характеристик объекта, который они представляют. Символы, напротив, не несут в себе никакой связи с обозначаемым объектом. ...Мышление использует оба эти класса представлений [Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг, 2001, с. 350].

Мне, однако, представляется нецелесообразным такое жесткое противопоставление образного и вербального «кодирования» (как принято говорить в когнитивной психологии), или образных и вербальных репрезентаций. Хотя с методологической точки зрения это вполне оправданно. И те и другие репрезентации феноменологически являются образными, то есть появляются в сознании человека как чувственные образы в своей основе. Первые — как образы окружающей реальности вообще. Вторые — как образы лишь специфической ее части — особых искусственных объектов — слов. При этом то, что вербальные репрезентации имеют дополнительное символическое значение, ничего принципиально не меняет в их изначально чувственной природе.

Подводя итог, можно сказать, что, попытавшись заменить старые понятия *ощущение* и *образ* новым понятием *ментальные репрезентации*, когнитивная психология лишь создала иллюзию решения связанных со старыми понятиями проблем. Значения, традиционно вкладываемые в старые понятия, действительно не вполне соответствуют психической реальности, упрощая и искажая ее. Однако «новому» понятию *ментальные репрезентации* в когнитивистской трактовке присущи новые недостатки. В первую очередь — неопределенность содержания с тенденцией к подмене психического содержания этого понятия физиологическим содержанием. В результате чего оно ничуть не лучше раскрывает сущность тех явлений, которые должно обозначать. Более того, новые недостатки даже серьезнее старых.

Понятие *репрезентация*, кстати, отнюдь не новое. Так, В. Виндельбанд (2007) пишет:

...он (Лейбниц. – *Авт.*) изобрел выражение, ставшее важным именно для новейшей психологии: он называл представления вообще «representations»... [с. 505].

Следовательно, изначально понятие *репрезентации* обозначало не что иное, как образы представления. Э. Кассирер (2002) понимает репрезентацию шире:

...репрезентация – представление одного содержания в другом и через посредство другого – должна быть признана сущностной предпосылкой построения самого сознания, условием его собственного формального единства [с. 40].

М. Вартофский (1988) полагает, что:

...понятие *репрезентации* является одним из наиболее сложных и спорных понятий теории познания. ...Понятие *внутренней репрезентации* оказывается даже еще более сложным и спорным [с. 5].

...репрезентация предстает как специфический, человеческий способ познания. Строго говоря, можно утверждать, что без репрезентаций нет человеческого знания. Или еще более категорично: без репрезентаций нет никакого знания [с. 15].

Я думаю, что, исходя из представлений классической психологии, понятие *психические репрезентации* можно и должно понимать лишь как психические явления, представляющие (собой) в сознании окружающую нас реальность и нас самих в ней. Хотя в когнитивной психологии это понятие рассматривается сразу в трех, а то и в четырех смешивающихся между собой плоскостях: психологической, физиологической, информационной и даже инженерной, что делает его содержание противоречивым и аморфным. В этой связи интересно высказывание С. Палмера, которого цитирует Б. М. Величковский (2006а):

Каждый, кто попытался почитать современную литературу о когнитивных репрезентациях, довольно скоро пришел бы в недоумение и с полным на то основанием. Эта область запутана, плохо определена и крайне дезорганизована. Среди наиболее популярных терминов можно найти следующие: зрительные коды, вербальные коды, пространственные коды, физические коды, наименования, образы, аналоговые, цифровые и векторные репрезентации, изоморфизмы первого и второго порядка, многомерные пространства, шаблоны, признаки, структурное описание, семантические сети и даже голограммы. Эта избыточность терминов... была бы хорошим делом, если бы все различения были ясны и систематически дополняли друг друга. Факт состоит в том, что они не ясны и не соотносимы между собой... Это не характерно для области с глубоким пониманием своих проблем и серьезным стремлением к их разрешению (Palmer, 1978, p. 259) [с. 289].

Тем не менее само понятие *психическая репрезентация* представляется мне очень удачным, так как оно подчеркивает тот факт, что в сознании человека возникает в процессе восприятия не «как бы копия» воспринимаемого объекта, а нечто иное. Иное, которое может лишь «представлять» в специфической и несходной с «реальностью в себе» форме воспринимаемый человеком объект. Данное понятие феноменологически более корректное, чем, например, понятия *ощущение* или *образ*, но оно имеет два очевидных недостатка. Во-первых, оно более общее и включает в себя фактически все психические явления: и ощущения, и разнообразные

психические образы (восприятия, представления и воспоминания), и даже понятия и конструкции из них. Во-вторых, когнитивная психология вообще размыла его границы, чрезмерно и явно неадекватно расширив его значение и включив в него множество неясных нейрофизиологических, биохимических, информационных и прочих конструктов. Поэтому понятие *психические репрезентации* можно и нужно использовать, но его значение должно быть при этом четко определено.

В дальнейшем изложении я буду исходить из следующих постулатов.

- В психике и сознании есть только то, что нам позволяет обнаружить там наша интроспекция. Как бы мы ни относились к интроспекции, другого метода непосредственного рассмотрения психического содержания просто нет.
- Сознательные явления есть первейшая и самоочевиднейшая реальность, существование которой не требует дополнительных экспериментальных подтверждений и доказательств.
- Не следует смешивать уровни анализа когнитивной деятельности. У нас нет никаких оснований для объяснения психических феноменов физиологическими данными, тем более метафорическими конструкциями из области технических наук. Если же мы привлекаем метафоры для пояснения своих гипотез, то должны ясно об этом говорить, чтобы не возникало путаницы в последующем.
- Нельзя не признать, что интроспекция дает не очень много для понимания сущности психических явлений, как, впрочем, и все «объективные» методы исследования, но интроспекция по крайней мере позволяет выделить, описать и обозначить имеющиеся у нас психические феномены хотя бы для последующего их изучения, в том числе экспериментального.

1.2.2. Репрезентации и компьютерная метафора

Надо сказать, что сегодня сама когнитивная психология отчетливо распадается на течения. Несмотря на то что очень многие когнитивные психологи уже приняли возвращение в психологию образов, позиции противников ментальных образов достаточно сильны. Традиционный когнитивизм не только сомневается в существовании психических феноменов — он активно пропагандирует компьютерную метафору сознания, отождествляя, например, в том числе репрезентации, символы и алгоритмы. В одном из наиболее авторитетных учебников по психологии, выдержавшем 15 изданий, авторы Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут:

> Основная идея когнитивной науки состоит в том, чтобы представить когнитивную систему в виде гигантского компьютера, выполняющего сложные вычисления. Подобно тому как компьютерные вычисления можно разбить на ряд более простых — сохранение, извлечение и сравнение символов или репрезентаций, человеческое действие можно разложить на элементарные психические компоненты. ...Работу компьютера можно анализировать на различных уровнях: как на уровне технических устройств, где главная роль принадлежит микросхемам, так и на уровне репрезентаций и ал-

горитмов, где главное — это процессы и структуры данных; сходным образом когнитивную деятельность человека можно анализировать на уровне «устройств», то есть нейронов, и на уровне мысленных репрезентаций и процессов. Таким образом, представления об умственных действиях и уровне анализа являются краеугольными камнями когнитивной науки (Osherson, 1990). ...Приметой этого течения является идея, что мысленные репрезентации и процессы можно описать примерно так же, как описываются нейроны и их взаимосвязи. Так, коннекционисты говорят не о сохранении, воспроизведении и сравнении символов, а об активации некоторого элемента и распространении его активности на другие элементы, с которыми он соединен. Эти элементы и соответствующие связи обладают некоторыми свойствами реальных нейронов (например, они могут возбуждаться или тормозиться), но при этом они не обладают всеми свойствами нейрона. Элементы сетей коннекционисты представляют на более абстрактном уровне, чем настоящие нейроны; следовательно, в коннекционизме существует как минимум два уровня анализа (Churchland, 1990) [с. 39].

Это по своей сути глубоко ошибочный, непродуктивный и тупиковый подход. Дело в том, что «работу компьютера» нельзя «анализировать как на уровне технических устройств, так и на уровне репрезентаций и алгоритмов», так как уровень «репрезентаций и алгоритмов» привносится в результаты работы компьютера не компьютерными механизмами, а внешним по отношению к компьютеру и не являющимся его частью человеческим сознанием. Компьютер не более чем физический инструмент, который сам является набором более простых физических объектов. Его функционирование заключается во взаимосвязанном изменении состояния этих элементов и возникновении в результате этих изменений новых физических объектов — изображений на экране или на иных носителях.

В работе и элементах компьютера не больше репрезентаций и даже алгоритмов, чем в работе и элементах мясорубки. Человек, и только человек привносит в изменения физических состояний ЭВМ некое значение, превращает их в своем сознании в символы и знаки, рассматривает их изменения как алгоритмы. Именно он наполняет смыслом возникающие на экране изображения. Репрезентации есть только в сознании, которое работает с компьютером. Компьютер в отличие от мозга не создает репрезентации и не порождает сознание. Он просто сложно изменяет свое физическое состояние во времени по заданным человеческим сознанием схемам этого его изменения — алгоритмам. Самостоятельное по отношению к нему сознание использует его лишь как сложное физическое устройство, отличающееся от калькулятора, ручки и блокнота лишь большим количеством составляющих его элементов. Это человек приписывает компьютеру некое значение, которое на самом деле присутствует в сознании, поэтому компьютерная метафора неприменима для понимания функционирования мозга и сознания.

Считать, что «работу компьютера» можно «анализировать на уровне репрезентаций и алгоритмов», — примерно то же самое, что полагать возможным анализировать работу пишущей машинки на уровне технического устройства и на уровне репрезентаций, содержащихся потенциально в напечатанном ею авторском тексте. Ситуация с человеческим мозгом гораздо более сложная, так как мозг не только функционирует как совокупность физических объектов, например нейронов, но и, вероятно, участвует вместе с организмом в целом в формировании сознания, в том числе тех самых репрезентаций. Поэтому формально его работу, наверное, «можно

анализировать на уровне “устройств”, то есть нейронов, и на уровне мысленных репрезентаций и процессов». Однако возникает другой вопрос: насколько правомерно отождествлять работу нейронов и возникновение психических репрезентаций? Вероятно, эти явления взаимосвязаны и как-то сложно соотносятся между собой. Но соотносятся между собой и сложным образом коррелируют с возникновением психических репрезентаций и другие, более простые физиологические явления и изменения. Например, увеличение кровообращения или потребления кислорода в определенных структурах мозга во время решения задач или восприятия объектов. И что нам это дает в понимании психических репрезентаций? Пока ничего, несмотря на оптимистические заявления многих авторов.

Следовательно, утверждение, что «когнитивную деятельность человека можно анализировать на уровне «устройств», то есть нейронов, и на уровне мысленных репрезентаций и процессов» так же, как работу компьютеров, — не просто спорное, но и весьма вредное, как и компьютерная метафора мозга и сознания в целом. Безусловно, когнитивную деятельность следует исследовать на всех уровнях, но из этого никак не вытекает, что ее следует отождествлять с функционированием компьютера, а также пытаться объяснять психические репрезентации, используя понятийный аппарат более низкого уровня, что происходит в когнитивизме везде и постоянно. Б. М. Величковский (2006а), например, пишет:

> Чем более полно в рамках нейрокогнитивной парадигмы удается описать психику в терминах объективных мозговых процессов, тем больше, вообще говоря, оказывается соблазн вновь отказаться от менталистской терминологии и целиком перейти на язык физиологии [с. 296].

Автор говорит о широком распространении сейчас «теории идентичности психики и мозга», оперирующей следующими постулатами:

> Психические состояния – это состояния мозга. Сознание это нейрофизиологический процесс [с. 296–297].

Мне представляется, однако, что в рамках «нейрокогнитивной парадигмы» вообще никак не удается описать психику «в терминах объективных мозговых процессов». Пока что, как мне кажется, исследователям, придерживающимся этих взглядов, удается лишь неудачно подменять психические явления нейрофизиологическими понятиями и терминологией из смежных дисциплин: математики, информатики и т. д., что создает иллюзию большей «объективности», но не добавляет ни грамма ясности. Напротив, такая подмена окончательно запутывает даже изначально относительно понятные вопросы.

Я не разделяю оптимизма автора [с. 294] и в отношении результатов применения «мозгового картирования» как метода, якобы выявляющего «все более полную связь мозгового субстрата и психологических функций». Связь, конечно, есть, но дало ли нам картирование действительно что-то новое для понимания «самосознания, принятия решений и понимания поэтических метафор» по сравнению даже с обычной электроэнцефалографией, например? Думаю, что нет. Результаты физиологических исследований мозга вообще не сильно продвинули психологическую науку. Так, например, несмотря на существенное продвижение наших знаний

о структуре зрительных рецепторов, зрительных путей и структуры корковых отделов зрительного анализатора, мы в итоге ничуть не продвинулись в понимании зрительного образа. Даже не достигли единства в вопросе: *есть ли сам образ?*

То, что новые методы не имеют принципиальных преимуществ в изучении психических явлений перед, например, давно известными электроэнцефалографией или методикой регистрации вызванных потенциалов, в общем-то, очевидно и для самих экспериментаторов [см., например: Б. М. Величковский, 2006, с. 150]. Эти и другие новые и новейшие методы исследования не приближают нас к пониманию проблемы соотношения психики и мозга. Они лишь позволяют лучше понять работу мозга. Б. М. Величковский [2006, с. 158–160] пишет, что исследования «зеркальных» нейронов, разнообразных нейротрансмиттеров и исследования по когнитивной геномике тоже только приближают нас к пониманию работы мозга, но не сущности психики. Тем не менее автор полагает, что:

> ...идеи перцептивной основы знания можно возродить, если отказаться от опоры на интроспективные данные как начальный пункт анализа и обратиться к бессознательным нейрофизиологическим процессам сенсомоторной и сенсорно-перцептивной обработки [Б. М. Величковский, 2006а, с. 77].

> ...интроспективные характеристики образов служат плохим предиктором успешности их использования как мнемотехнического средства [Б. М. Величковский, 2006, с. 399].

В этой его позиции отражается общий когнитивистский подход к сенсорным феноменам. То, что автор предлагает заменить интроспективные данные ни много ни мало «бессознательными нейрофизиологическими процессами сенсорно-перцептивной обработки», также отражает генеральную линию когнитивной психологии. Б. М. Величковский (2006а) утверждает, что:

> ...при обработке в нейронных сетях происходит расщепление информации об объекте на отдельные признаки. Эта особенность регистрации сенсорных воздействий уже содержит элемент абстракции. В частности, понятие ТИГР отличается от зрительного образа тигра (воспринимаемого или только воображаемого) тем, что признак ПОЛОСАТОСТЬ остается недоспецифицированным — конкретное число полос на шкуре не играет роли и остается абстрактной переменной. Эти же особенности характеризуют и сенсорное кодирование признака пространственной частоты. Соответствующие нейроны-детекторы кодируют лишь ориентацию и примерную плотность полос, оставляя вопрос об их точном количестве открытым. Точно так же можно подойти к рассмотрению свойств понятия ТРЕУГОЛЬНИК. Комбинация информации от трех нейронов-детекторов, настроенных на выделение углов, без учета их конкретных размеров и ориентации, могла бы в принципе иметь требуемый абстрактный характер [с. 77].

Только с учетом когнитивистской позиции автора можно понять, почему смешиваются физиологические и психологические категории, как «информация» может «расщепляться в нейронных сетях», а физиологические «особенности регистрации сенсорных воздействий» «содержать элемент абстракции». ***Зачем нам следует заменять субъективно абсолютно реальный и легко воспроизводимый по нашему желанию собственный психический феномен — ментальный образ треугольника, например, совершенно непонятно что собой представляющий по своей***

сути: то ли психологический феномен (раз речь идет об информации), то ли все же физиологическое явление, «информацией от трех нейронов-детекторов»? Можно только повторить, что нет никакого смысла замещать смутными и аморфными терминами «перцептивные символы», «интерпретация сенсорных данных» или чем-то вроде «перцептивно-семантических фреймов» (как это постоянно происходит в когнитивизме) то, что мы реально переживаем в своем сознании, пусть и в виде не всегда ясных образов представления и воспоминания. Так как даже все эти перечисленные вербальные построения исследователей сами в конечном счете являются достаточно легко наблюдаемыми в процессе интроспекции феноменами человеческого сознания, которые только и являются для нас единственной и безусловной психической реальностью.

Необходимо ясно понимать, что в нашем сознании есть определенные психические феномены, которые мы в состоянии опознать, различить и определить. При этом в нашей нервной системе параллельно протекают разнообразные физиологические и биохимические процессы, которые мы не воспринимаем и субъективно не переживаем, а следовательно, и не осознаем, как не осознаем обычно тока крови, процессов своего пищеварения и т. д. (если последние не сопровождаются интероцептивными ощущениями). Между первыми и вторыми явлениями нет никакой очевидной для интроспекции связи. Предполагаемая наукой связь между биологическими и психическими процессами, конечно, есть, но она непрямая и неясная и выявляется лишь рационально — сложными опосредованными методами, поэтому попытки связать напрямую психические явления с физиологическими процессами, протекающими в мозге, и привлечь последние для их объяснения и психологического анализа неадекватны и неприемлемы. Еще более нелепы попытки прямого технического или информационного объяснения протекания наших психических и физиологических процессов. И тем более — объединения их всех вместе с целью «лучшего» и «более объективного» объяснения функционирования психики.

В психологии тем не менее широко распространены и считаются не только уместными, но и адекватными, например, такие инженерно-технические «описания» процесса зрительного восприятия:

> В пределах канала зрительной модальности можно выделить каналы восприятия, заданные пространственными признаками (направление и удаленность источника стимуляции), цветом, яркостью и т. д. ...Д. Бротбент предположил, что селекция происходит рано, уже на стадии сенсорного анализа стимуляции. Механизмом селекции является особое, названное фильтром устройство, блокирующее нерелевантные источники информации. Отбор релевантного сообщения происходит на основе физических признаков. В случае перегрузки входной информацией в канал ограниченной пропускной способности (стадия Р) могут пройти только те впечатления, которые обладают каким-то общим физическим признаком: направлением, интенсивностью, тоном, цветом и т. д. [Ю. Б. Дормашев, В. Я. Романов, 2002, с. 59].

При этом обычно не делается никаких указаний на то, что подобные «объяснения» — и не объяснения вовсе, а всего лишь попытки гипотетического отождест-

вления физических процессов, протекающих в технических устройствах, предназначенных для регистрации (а не восприятия) световых сигналов, с человеческим восприятием. И использовать такие модели можно лишь в качестве грубых метафор для условного объяснения даже физиологических процессов, обеспечивающих зрительное восприятие, а при обсуждении психических явлений их просто некорректно применять.

Мы ничего не выигрываем, размывая границы между психологией, физиологией и информатикой. Наоборот, с одной стороны, наши понятия становятся менее конкретными, более аморфными и менее информативными. С другой стороны, в результате возникает некая рыхлая, бессмысленная каша из несопоставимых понятий.

Даже в удачных монографиях встречается множество бессмысленных утверждений вроде таких:

> Перевод стратегического знания в оперативное на нейрофизиологическом уровне представляет собой процесс активации и перекодирования информации [Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005, с. 202].
>
> Информация в форме прообраза [там же, с. 232].
>
> ...прообраз — это оптофизическая дифференциация пространства [там же, с. 218].

Или таких:

> Нам известно, что в долговременной памяти хранятся абстрактные коды образов и что эти коды могут сопоставляться с входными стимулами, обеспечивая распознавание этих стимулов. Мы видели, что информация может быть структурирована с помощью различных правил — правил орфографии, правил перекодирования рядов цифр, правил синтаксиса. Все эти правила хранятся в долговременной памяти. Мы также убедились, что в долговременной памяти содержатся значения слов и факты [Р. Клацки, 1978, с. 160].

Подобное смешение совершенно разных и несопоставимых сущностей («коды образов», «структурированная информация», «хранение правил» и т. п.) и разных плоскостей анализа очень часто встречается в современных работах по психологии, так как многие исследователи почему-то полагают, что чем больше в их психологических теориях «математикообразности», заимствований из информатики и физики, даже неуместных, тем они убедительнее. Мне представляется, что если уж автор психологической теории использует техническую метафору, то он должен пояснять, что это всего лишь метафора, а не особенности человеческой психики. Очевидно, что созданные людьми приборы и устройства наиболее понятны для нас и с ними удобнее всего сравнивать нечто непонятное и труднообъяснимое. Но подобные сравнения запутывают и создают неадекватные представления у людей, впервые знакомящихся с психологией и с такого рода теориями.

Не прекращающиеся попытки когнитивных психологов ввести неясные, а порой и вовсе сомнительные сущности, якобы более «объективные», потому что имеют отношение к физиологии, анатомии и информатике, свидетельствуют лишь о не преодоленном до конца бихевиористском наследии. В этой связи интересно

определение разновидностей бихевиоризма, предлагаемое психологической энциклопедией[1].

1.2.3. О целесообразности «объективного» исследования субъективных психических репрезентаций

В связи с упорными попытками когнитивных психологов[2] рационально доказать самим себе, что образы, возможно, на самом деле существуют в их сознании, а еще лучше — попытаться обнаружить «стоящее за ними» что-то более материальное, по крайней мере способное более «объективно» их заменить, актуально высказывание И. Гете, которое цитирует И. Зайферт (2006):

> Но одного вида прафеномена для людей обычно недостаточно, они думают, что должны идти дальше. Они подобны детям, которые, когда посмотрятся в зеркало, тотчас

[1] Методологический бихевиорист допускает, что психические явления и процессы — это реальность, однако считает, что они недоступны научному изучению. Научные факты, говорит методологический бихевиорист, должны быть публичными и открытыми явлениями, такими как движения планет или химические реакции, которые могут наблюдать все исследователи. Сознательный опыт, однако, неизбежно оказывается сугубо личным и внутренним; интроспекция может его описать (часто неточно), но не способна сделать его публичным и открытым для всеобщего обозрения. Следовательно, чтобы стать наукой, психология должна заниматься изучением только публичного и открытого поведения и отвергнуть интроспекцию. Отсюда сознание, несмотря на всю свою реальность и привлекательность, с методологической точки зрения не может быть предметом научной психологии. ...Рассматривая поведение в качестве предмета психологии, бихевиорист (формальный. — *Авт.*) вовсе не исключает возможности обращения к ненаблюдаемым процессам, которые могут быть использованы для объяснения наблюдаемого поведения. В действительности под влиянием логического позитивизма и операционизма формальный бихевиорист видит свою задачу в объяснении наблюдаемого поведения на основе теории, состоящей именно из таких ненаблюдаемых логических категорий. Однако при этом данный ненаблюдаемый теоретический конструкт операционально определяется в терминах либо тех манипуляций, которые осуществляются над подопытным животным, либо определенного аспекта его стимульного окружения, либо измеряемого аспекта его поведения (а в случае когнитивной психологии — в терминах физиологических, информационных, математических, биологических и даже морфологических. — *Авт.*). Следуя этой логике, формальные бихевиористы, с одной стороны, надеются, приняв методологически бихевиоризм, придать своим исследованиям научный статус, а с другой — достичь такого же уровня объяснительной теории, как в физике или химии, где использование теоретических терминов — обычное явление [Т. Г. Лихи, 2006, с. 60].

[2] Вслед за Р. Декартом, который, правда, верил своей интроспекции, когнитивные психологи усомнились бы, вероятно, даже в очевидности их собственного существования и проверили бы данный факт экспериментально, если бы смогли, но пока не изобрели соответствующего «объективного» эксперимента.

переворачивают его, чтобы увидеть, что же такое находится с его обратной стороны. ...Они (феномены. – *Авт.*) только и являют себя и существуют, причем в них нельзя познать ничего дальнейшего. ...Он [физик] (да и психолог тоже. – *Авт.*) должен разработать метод, который соразмерен созерцанию. Ему следует остерегаться превращения созерцания в понятие, а понятия – в слово, чтобы обходиться и поступать с этими словами, как если бы это были предметы [с. 24].

Нам остается лишь снять шляпу перед прозорливостью гения.
О том же пишет Э. Гуссерль (2009):

Никакая мыслимая теория не может заставить нас усомниться в принципе принципов: любое, дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в «интуиции» из самого первоисточника... нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает. Ведь мы же усматриваем и то, что любая мыслимая теория могла бы любую из своих истин почерпнуть, в свою очередь, лишь в данном, из самого первоисточника [с. 60–61].

Следовательно, «принцип принципов» – это рассмотрение самого феномена – ощущения и образа, а не попытки их замены многочисленными «объективными» сущностями, не имеющими к данным психическим явлениям никакого отношения.

М. Хайдеггер (1988), обсуждая тезис Декарта: «Ego cogito (ergo) sum» – «Я мыслю, следовательно, я существую», кочующий из книги в книгу в течение последних четырех веков, пишет:

Он (тезис. – *Авт.*) говорит, что я существую как представляющий, что не только мое бытие, по существу, определено этим представлением, но что мое представление как всеопределяющая «репрезентация» выносит решение о наличии, praesentia, всего представляемого, то есть о присутствии того, что в нем (представлении) подразумевается, то есть о бытии этого подразумеваемого в качестве сущего. Тезис говорит: «Представление, представившее в сущностном смысле само себя, полагает бытие как представленность, а истину – как удостоверенность. То, на что все опирается, как на непоколебимое основание, – это представление в своей сущностной полноте, поскольку им определяется существо бытия и истины, а также существо человека в качестве представляющего, и самый способ такого основополагания» [с. 283].

Таким образом, наши субъективные психические явления – ощущения и образы, или психические репрезентации, лежат в основе всякой «объективности», в основе «объективной реальности» и вообще всякого опыта. И если мы усомнимся в существовании и достоверности собственных психических явлений, в том числе и образов представления, то тогда вообще не существует ничего не только истинного, но и подлежащего рассмотрению и изучению. Хотим мы того или нет, наши субъективно очевидные чувственные образы – это единственная, данная нам от рождения основа для любого нашего рассуждения и последующего анализа. И нет ничего иного. И не будет никогда найдено, несмотря на любые попытки измыслить что-нибудь «более достоверное». Мы можем долго и пространно рассуждать по поводу того, что именно наши ощущения и образы представляют собой с точки зрения физиологии, физики, информатики и др., и строить разного рода вербальные мысленные конструкции в отношении их возможной «объективной сущности»,

но ничего достовернее и очевиднее самих этих исходных, данных нам от природы, чувственных феноменов своего сознания мы не изобретем.

М. Шелер [2006а, с. 384] совершенно справедливо говорит о том, что наука никогда не исходит из «ощущения», но всегда исходит из «положения вещей». При этом «положение вещей» выстраивается наукой с помощью рациональных вербальных моделей, то есть рациональных выводов из «ощущений». Сама же наука, в частности когнитивная психология, предпочитает реальность собственных вербальных построений реальности ощущений. Иными словами, выстроенные исследователями этого научного направления символические вербальные конструкции значат для них гораздо больше, чем их же собственные ощущения и образы, из которых, собственно, эти их конструкции в конечном счете и возникают. Попытки заменить очевидные и первичные сенсорные психические феномены надуманными логическими построениями бессмысленны и вредны. М. Хайдеггер (1988) проводит параллели между высказыванием Декарта:

> ...я часто замечал, что философы заблуждаются в том, что простейшее и само по себе известное они пытаются сделать более ясным посредством логических понятийных определений; ведь таким путем делают само понятное более темным, —

и высказыванием Аристотеля:

> Доказывать очевидное из неочевидного свойственно человеку, не способному различать, что известно само по себе и что — не само по себе [с. 295].

ГЛАВА 1.3

Ощущения и образы

- *Определение ощущения и образа*
- *Сравнительные характеристики ощущений и образов*
- *Мысленные образы*
- *Образы представления и их отличия от образов восприятия*
- *Образы воспоминания*

1.3.1. Определение ощущения и образа

Именно с описания и определения ощущений уже вторую сотню лет начинается в учебниках по психологии рассмотрение этой науки. Предложены сотни определений ощущений, однако вопрос о том, что же такое ощущения, далек от решения. Приведу лишь несколько определений:

Ощущение. Любой непроработанный, элементарный опыт чувства или осведомленности о каких-то состояниях внутри или вне тела, вызванный возбуждением некоторого рецептора или системы рецепторов, сенсорные данные. Это определение представляет своего рода операциональный принцип ряда теорий сенсорного опыта и является тем, что представлено в большинстве вводных учебников, где ощущение обычно различают с восприятием, последнее при этом характеризуется как получаемое в результате интерпретации и детальной разработки ощущений. Однако многие психологи оспаривают само представление о том, что можно иметь какие-либо ощущения вообще без разработки, интерпретации, обозначения или опознавания того, что это за ощущение... Субъективный класс сенсорных впечатлений, сгруппированных вместе на основе общих элементов; модальность ощущения, например слуховое ощущение, ощущение запаха, зрительное ощущение и т. д... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 590–591].

Ощущение: 1) психофизический процесс непосредственного чувственного отражения (познания) отдельных свойств явлений и предметов объективного мира, то есть процесс отражения прямого воздействия стимулов на органы чувств... 2) возникающее в результате указанного процесса субъективное (психическое) переживание силы, качества, локализации и других характеристик воздействия на органы чувств (рецепторы) [Большой психологический словарь, 2004, с. 363].

Под ощущениями как таковыми понимают непосредственные, фундаментальные и прямые контакты (переживания) определенного рода, иными словами, они относятся к осознанному знанию о качестве или характеристических признаках окружающих нас предметов, таких как «тяжелый», «теплый», «громкий» и «красный», и это знание, как правило, является результатом воздействия простого, изолированного раздражителя. ...Восприятие представляет собой результат упорядочения ощущений и их превращение в знания о предметах и событиях физического мира [X. Шиффман, 2003, с. 24–25].

Эти относительно новые определения не имеют преимуществ перед гораздо более старыми. Например, Э. Титченер (1898) считает ощущениями:

...те элементарные сознательные процессы, которые соединены с телесными процессами в определенных телесных органах [с. 22].

У. Джеймс (2003) рассматривает ощущения как:

...непосредственные результаты воздействия нервных токов на сознание... [с. 14].

Р. Эйслер (2007) определяет ощущение как:

...присутствие (и в то же время возникновение) (в сознании. — *Авт.*) простого содержания в зависимости от определенных чувственных функций... [с. 149].

Чувствование же — как:

...переживание (наличность) (в сознании. — *Авт.*) удовольствия или страдания. Все эти состояния объединяются сознанием, все они заключаются в переживании чего-то, что само по себе отлично от состояния переживания [с. 149].

Б. Рассел (2000) замечает:

Мы будем называть «ощущением» тот опыт, который дает нам непосредственное знание этих вещей [с. 159].

При этом Э. Титченер (1898) признает, что отдельное ощущение — это абстракция:

Отдельное ощущение, рассматриваемое независимо от других ощущений, есть продукт научного анализа, есть отвлечение, абстракция от действительной душевной жизни... [с. 118]. Сказанное, впрочем, касается, в первую очередь, ощущений, которые являются «элементами образа».

Очевидно, что приведенные определения представляют собой по большей части не столько феноменологические описания психических явлений, сколько констатацию условий их возникновения и описание их функций. После знакомства с ними не появляется ясного понимания того, что же такое *ощущение*, поэтому трудно не согласиться с М. Мерло-Понти (1999), который пишет:

...понятие ощущения... кажется непосредственным и ясным: я ощущаю красное, голубое, горячее, холодное. (вместе с тем. - *Авт.*) *...Понятие — это самое что ни на есть смутное...* (курсив мой. — *Авт.*), приняв его, классический анализ обманулся в отношении феномена восприятия [с. 25].

Итак, ощущение — это психическое явление, которое мы переживаем, когда воспринимаем что-то тактильно, на вкус, с помощью обоняния, температурной, болевой и интероцептивной чувствительности, а также в тех случаях, когда у нас возникает смутное, недифференцированное зрительное или слуховое восприятие, не достигающее ясности образа. Лично я не могу вербализовать психические феномены, называемые ощущениями, и вынужден, апеллируя к интроспекции, отправлять читателя к его собственным специфическим психическим переживаниям, возникающим у него в определенных условиях.

Определения психического *образа* несколько больше, чем определения *ощущения*, соответствуют психологическим и феноменологическим критериям, но от этого, впрочем, не являются более четкими и ясными:

Образ - субъективная картина мира или его фрагментов... [Психологический лексикон, 2005, с. 152].

Чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику... [Большой психологический словарь, 2004, с. 342].

Образ. Термин происходит от латинского слова, означающего имитацию, и большинство способов употребления его в психологии — и устаревших, и современных — вращаются вокруг этого понятия. Следовательно, наиболее распространенными

синонимами для него являются понятия сходство, копия, воспроизведение, дубликат и т. д. Встречается несколько важных вариаций этого понятия. 1. Оптический образ – наиболее конкретное использование, которое относится к отражению объекта зеркалом, линзой или другим оптическим устройством... 4. Картинка в голове. Это понятие на уровне здравого смысла фактически довольно хорошо отражает суть термина в его наиболее современном использовании, но следует сделать некоторые предостережения. (а) «Картинка» не в буквальном смысле – нет никакого устройства типа слайдопроектор/экран, скорее, следует говорить: «как будто картинка». То есть воображение – это когнитивный процесс, действующий так, «как будто» у человека возникает мысленная картинка, являющаяся аналогом сцены из реального мира. (б) Образ не обязательно рассматривается как воспроизведение прежнего события, но, скорее, как конструкция, синтез. В этом смысле образ больше не рассматривается как копия, например, можно представить себе единорога, едущего на мотоцикле, что вряд ли будет копией какого-либо прежде виденного стимула. (в) Эта картинка в голове, кажется, может мысленно «перемещаться» таким образом, чтобы можно было воображать, например, единорога, едущего на мотоцикле к вам, от вас, по кругу и т. д. (г) Картинка не обязательно ограничивается зрительным представлением, хотя, несомненно, чаще всего этот термин употребляется именно в этом смысле. Например, можно вызывать слуховой образ (пробуйте создать образ из какой-либо хорошо известной мелодии), осязательный образ (представьте себе форму, скажем, треугольника, прижатого к вашей спине) и т. д. Некоторые люди утверждают, что у них бывают даже вкусовые и обонятельные образы. Из-за таких расширенных толкований к этому термину часто добавляются определения, чтобы указать форму обсуждаемого образа. И в заключение, (д) эта модель употребления посягает на значение этимологически связанного с этим термина *воображение* [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 530–531].

Образ восприятия (син. перцептивный образ, перцепт) – отражение в идеальном плане внешнего объекта (сцены), воздействующего на органы чувств [Большой психологический словарь, 2004, с. 342].

Мало того, что приведенные определения во многом противоречат друг другу. Они еще и не проясняют сущность того, что пытаются осветить. Отсутствие адекватных определений ощущений и образов – этих, казалось бы, самых простых психических феноменов, а также тот факт, что наиболее удачные попытки их объяснения связаны с интроспекцией, свидетельствует о том, что образы, как и ощущения, не могут быть эффективно вербализованы, то есть раскрыты с помощью языковых конструкций. Сделать это также невозможно, как описать слепому, чем зеленый цвет отличается от синего, рассказать глухому, чем отличается мелодия органа от шума водопада, объяснить человеку с врожденным отсутствием обоняния, как пахнут цветы. Для того чтобы понять это, необходимо все это просто пережить. Поэтому трудно не согласиться с В. В. Любимовым (2007), который совершенно справедливо замечает:

Определить образы можно единственным способом – посредством самонаблюдения. Читателю нужно, воспользовавшись этим методом, обратиться к своему индивидуальному сознанию и посмотреть, что находится справа, что слева, вспомнить, что снилось в последний раз или как выглядит ближайшая станция метро. Не апеллируя

> к индивидуальному сознанию и методу интроспекции, определить образное явление как явление, переживаемое субъективно, невозможно [с. 9].

И этот прием, пожалуй, единственный и наиболее верный способ определения не только образа и ощущения, но и вообще любого психического явления.

В связи с рассмотрением ощущений следует коснуться проблемы часто встречающегося в литературе отождествления исследователями изменяемости физических предметов с раздражимостью и чувствительностью живых организмов (1)[1].

1.3.2. Сравнительные характеристики ощущений и образов

Еще Дж. Локк, Д. Беркли и другие философы-эмпирики полагали, что ощущения образуют при помощи ассоциаций более сложные перцептивные феномены. Так же считали и основатели научной психологии. Выделение ощущений и образов или, как называл последние В. Вундт, «представлений», производилось им на основе их большей или меньшей сложности и не имеет под собой никакой иной реальной основы. В. Вундт (2007) писал, например:

> Такой элемент сознания, как отдельный удар такта, называется ощущением, а соединение таких элементов в более или менее сложный такт — представлением (представление он далее отождествляет с образом. — *Авт.*). ...Так, зеленый, красный, белый или черный цвета мы называем зрительными ощущениями, а зеленую поверхность, черное тело — зрительными представлениями [с. 33–34].

До сих пор многие исследователи считают ощущения элементами образов:

> Ощущение — предполагаемое рядом философских и психологических концепций элементарное содержание, лежащее в основе чувственного знания внешнего мира, «кирпичик» для построения восприятия и иных форм чувственности [В. А. Лекторский, 2001, с. 115].

Х. Шиффман (2003) тоже пишет:

> ...восприятие представляет собой результат упорядочения ощущений и их превращения в знания о предметах и событиях физического мира [с. 24–25].

Впрочем, далеко не все считают, что образы складываются из ощущений. Дж. Гибсон (1988), например, полагает, что:

> ...ощущения не лежат в основе восприятия [с. 97].

Для того чтобы понять, как же ощущения и образы соотносятся друг с другом, необходимо рассмотреть функции, которые они выполняют. Ощущение конкретной

[1] См. примечание (1) в конце книги.

модальности репрезентирует множество объектов, обладающих, как принято считать, неким общим свойством. Причем объекты внутри этого множества часто не могут быть дифференцированы между собой лишь на основе данного ощущения. Таким образом, конкретное ощущение позволяет нам лишь выделять в окружающей реальности определенное множество объектов, обладающих способностью вызывать у нас это ощущение. Например, множество *кислых* или множество *теплых* объектов. В отличие от ощущения образ восприятия уже позволяет выделить конкретный объект из множества сходных объектов или из множества репрезентаций одной модальности. Следовательно, ощущение — это менее информативная, чем образ, репрезентация объекта, позволяющая сознанию лишь отнести объект к определенному однотипному по соответствующему свойству множеству, тогда как образ — это более информативная репрезентация того же объекта, позволяющая выделить объект среди прочих, в том числе сходных с ним объектов, входящих в то же множество, что и он.

Можно предположить, что эти различия между психическими репрезентациями — образами восприятия, с одной стороны, и ощущениями — с другой, обусловлены разной степенью развития соответствующих анализаторов и мозговых структур, участвующих в создании перцептивной модели, например зрительной или вкусовой. И образы восприятия, и ощущения — перцептивные психические феномены. Однако ощущения репрезентируют лишь множества сходных в данной модальности объектов, а образы — уже отдельные объекты в этих множествах. Данное обстоятельство и было зафиксировано в языке с помощью разных понятий — *ощущение* и *образ*. То, что и ощущения, и образы восприятия — перцептивные модели, различающиеся, главным образом, степенью своей дифференцированности, подтверждается тем, что у людей с дефектами органов зрения и слуха вместо соответствующих образов восприятия могут возникать лишь зрительные или слуховые ощущения, которые не позволяют дифференцировать воспринимаемые объекты среди множества других, сходных с ними.

Итак, ощущение отличается от образа восприятия лишь своей меньшей субъективной информативностью, что не позволяет ему превратиться в завершенную чувственную перцептивную репрезентацию объекта, которая дает возможность воспринимающему сразу выделить объект среди прочих, даже сходных с ним объектов. А. Д. Логвиненко (1987) тоже полагает, что:

> ...можно сконструировать такой стимул, который будет порождать в нашем сознании образ, обладающий только интенсивностью, качеством, протяженностью и длительностью (например, однородное во времени и пространстве цветовое пятно). Иными словами, образ такого стимула будет настолько элементарен, что его можно считать воплощением чистого ощущения. ...Так мы приходим к ощущениям в их второй ипостаси, иначе говоря, к ощущениям как элементарным образам, то есть образам элементарных стимулов. Но тогда возникает следующая проблема: можно ли отождествлять ощущения как элементы образа с ощущениями как элементарными образами? Гипотеза постоянства — это тот ответ, который давала на этот вопрос созерцательно-сенсуалистическая психология. И ответ этот, как легко видеть, является утвердительным [с. 10].

Х. Шиффман (2003) говорит примерно о том же:

...мы согласны с теми, кто считает, что результатом воздействия окружающей среды обычно является полезная для организма информация, часть которой – сравнительно простая информация общего характера (например, яркость предмета), а часть – более сложная (например, информация, связанная с идентификацией предмета) [с. 25].

Сравнение признаков тактильного ощущения и зрительного образа (табл. 1) демонстрирует их большое феноменологическое сходство, несмотря на то что зрительный образ отличается от тактильного ощущения чувственной модальностью и большим количеством репрезентируемых свойств воспринимаемого объекта. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает необходимость отнесения ощущений и образов восприятия к одной группе психических явлений.

Таблица 1. Различия между образами восприятия и тактильными ощущениями

Зрительные образы восприятия	**Тактильные ощущения**
1. Узнаваемы при повторном появлении в сознании	1. Узнаваемы при повторном появлении в сознании
2. Произвольно не управляемы; человек может изменить образ только опосредованно, меняя порождающую его реальность, то есть воздействуя на нее физически с помощью своего тела или изменяя состояние своего тела с помощью препаратов, например	2. В основном произвольно не управляемы; человек может изменить ощущение только опосредованно
3. Чаще имеют формы и границы	3. Обычно имеют формы и границы
4. Локализуются в месте расположения моделируемого ими объекта в окружающем человека пространстве, всегда проецируются сознанием вовне	4. Локализуются в месте расположения соответствующих рецепторов, раздражаемых объектом, на границе тела и окружающего его пространства, обычно проецируются сознанием в место взаимодействия тела и объекта
5. Уникальны, специфичны в отношении воспринимаемого объекта	5. Специфичны лишь в отношении целых групп объектов. Сходные ощущения могут вызываться разными объектами
6. Повторяемы и воспроизводимы; есть основания предполагать, что в очень сходном виде они возникают и у других наблюдателей, взаимодействующих с объектом в тех же условиях. Повторяются у субъекта при повторном взаимодействии с тем же объектом в тех же условиях	6. Повторяемы и воспроизводимы; есть основания предполагать, что в очень сходном виде они возникают и у других наблюдателей, взаимодействующих с объектом в тех же условиях. Повторяются у субъекта при повторном взаимодействии с тем же объектом в тех же условиях
7. Максимвльно дифференцированы	7. Минимально дифференцированы
8. Как бы предъявляются сознанию извне на разном расстоянии от тела	8. Как бы предъявляются сознанию на границе тела и окружающей среды

Продолжение ⇒

Таблица 1 (продолжение)

Зрительные образы восприятия	**Тактильные ощущения**
9. Прогнозируемы, то есть человек может предвидеть их появление в определенном месте и обстоятельствах, если знает, что другие наблюдатели сообщают о возникающих у них там же соответствующих образах	9. Прогнозируемы, то есть человек может предвидеть их появление в определенном месте, если знает, что другие наблюдатели сообщают о возникающих у них там же в сходных обстоятельствах соответствующих ощущениях
10. Могут существовать достаточно долго: часы, дни и дольше при сохранении условий восприятия и концентрации внимания на объекте восприятия	10. Могут существовать достаточно долго, если стимул меняется и не возникает физиологической адаптации
11. Максимально реальны, ярки и достоверны, с очевидностью репрезентируют факт наличия чего-то вне субъекта	11. Максимально реальны, ярки и достоверны, с очевидностью репрезентируют факт наличия чего-то вне субъекта
12. По своему содержанию неразрывно связаны с текущим моментом времени; репрезентируют настоящее, окружающую сейчас реальность	12. Неразрывно связаны с текущим моментом времени; репрезентируют настоящее, окружающую сейчас реальность
13. Не могут находиться друг в друге; могут лишь закрывать или маскировать друг друга	13. Не могут находиться друг в друге, могут маскировать друг друга
14. Устойчивые и завершенные, репрезентируют некую окончательную для данного момента времени форму объекта	14. Устойчивые и завершенные, репрезентируют некую окончательную для данного момента времени форму объекта
15. Отличаются своеобразной «навязанностью» сознанию со стороны внешнего мира. Воспринимаются как самостоятельные по отношению к субъекту. Возникают в очевидной и жесткой связи с определенными элементами реальности (объектами), которые моделируют в данный момент, и жестко детерминированы ими	15. Отличаются своеобразной «навязанностью» сознанию со стороны внешнего мира. Возникают в очевидной и жесткой связи с определенными объектами, которые моделируют в данный момент, и жестко детерминированы ими
16. Открываются новыми своими сторонами или меняются при перемещении воспринимаемого объекта или человека в пространстве	16. Могут изменяться при перемещении воспринимаемого объекта или человека в пространстве
17. В их пояалении непосредственно и сейчас участвуют органы чувств	17. В их пояалении непосредственно и сейчас участвуют органы чувств
18. Способны в некоторой степени изменяться за счет вербального знания о предмете	18. Способны в некоторой степени изменяться за счет вербального знания о предмете
19. Репрезентируемый объект всегда возникает в окружении образов других объектов реальности, как «фигура на фоне»	19. Объект может репрезентироваться и как «фигура на фоне», и как изолированная «фигура»
20. Реалистичны, то есть всегда соответствуют неким известным человеку принципам, возникают в пределах привычных рамок известных физических законов	20. Реалистичны, то есть всегда соответствуют неким известным человеку принципам, возникают в пределах привычных рамок известных физических законов

Как видно из приведенной таблицы, экстероцептивные, в частности тактильные, ощущения феноменологически сходны с образами восприятия. И те и другие являются перцептивными сенсорными репрезентациями, различающимися, главным образом, своей модальностью и степенью сложности.

Очевидно, что информационная насыщенность (дифференцированность) образа восприятия зависит от возможностей конкретных рецепторных аппаратов. Наглядно это проявляется, например, в различиях зрительного восприятия у человека с хорошим зрением и близорукого или у человека с обычным зрением и дальтоника. Чем лучше развит анализатор, тем больше новых свойств объекта он позволяет смоделировать. Выявление новых свойств объекта является мерилом и критерием эффективности и органа чувств, и создаваемой сознанием с его участием психической модели.

Отличие ощущения от образа восприятия в том, что в ощущении есть лишь сенсорный тон (модальность), интенсивность и чувственный тон (приятное — неприятное), но практически нет других составляющих или того, что я назвал бы направлениями репрезентирования, или субмодальностями. Тогда как в образе их много. Например, в слуховом образе восприятия отдельно репрезентируются интенсивность звука, его удаленность, направление движения, тембр и т. д. В зрительном образе специально и независимо репрезентируются локализация, цвет и форма объекта, градиенты его поверхностей и углы их наклона, фигура и фон, светимость и затемненность и т. д.

А. Н. Гусев (2007) приводит интересный факт, демонстрирующий специфическую чувствительность периферии сетчатки и, возможно, объясняющий, какие физиологические механизмы ответственны за появление в одних случаях восприятия ощущений, а в других — перцептивных образов:

> Нужно зафиксировать прямо перед собой некоторую точку и, грубо определив границы поля зрения правого и левого глаза, попросить кого-нибудь совершать колебательные движения небольшим предметом так, чтобы его проекция попадала на самый край одного из полей зрения. Вы отчетливо увидите, как некий объект совершает движения, сможете определить его направление, но вы не сможете увидеть, *какой именно* предмет движется [с. 209].

Таким образом, можно предположить, что, когда проекция объекта попадает на разные области сетчатки, различия физиологических свойств ее участков определяют не только характеристики визуального образа, но и сам факт того, насколько информативная репрезентация возникнет в сознании. Именно поэтому, как я уже говорил, при недоразвитии или дефектах соответствующих органов чувств вместо полноценных зрительных и слуховых образов тоже могут возникать лишь зрительные и слуховые ощущения: ощущение света у слабо видящих или ощущение шума у людей с нарушениями слуха. Из сказанного следует, что правильнее говорить не об ощущениях и образах восприятия, как принято в психологии, а лишь об образах восприятия разной модальности, имеющих для воспринимающего разную степень информативности, которая обусловлена разным развитием соответствующих

органов чувств. На то, что ощущение — самостоятельная перцептивная модель реальности, указывает и М. Мерло-Понти (1999):

> Я испытываю ощущение как модальность существования вообще, которое уже обращено к физическому миру и которое течет во мне, хотя я и не являюсь его создателем [с. 278].

Тем не менее абсолютное большинство исследователей в соответствии со «здравым смыслом» связывают ощущения исключительно с качествами объектов, несмотря на то что любое ощущение представляет собой перцептивную репрезентацию объекта в целом. Впрочем, существует и радикально противоположная позиция. Э. Страус (2001), например, рассматривая историю эволюции понятия *ощущение*, пишет:

> Доктрину субъективности ощущений в грубом виде можно сформулировать приблизительно так: ощущения — это не образы вещей. Они не являются свойством предмета или врожденной характеристикой вещи. ...Так как они в сознании, то они не могут свидетельствовать о внешнем мире. Они чисто субъективны [с. 255].

Ощущение, конечно, субъективно, но оно явно представляет собой вместе с тем и результат взаимодействия тела человека и внешнего мира, репрезентированный в сознании, поэтому нельзя согласиться с тем, что ощущения «не могут свидетельствовать о внешнем мире», что они «чисто субъективны». Принято считать, что ощущения обусловлены физическими свойствами объектов. Однако можно ли считать свойства вещей только их свойствами, если, во-первых, они появляются лишь в результате взаимодействия объекта с субъектом, а потому зависят от последнего не меньше, чем от объекта? Во-вторых, об ощущениях и свойствах можно говорить только применительно к взаимодействию объектов с человеком, то есть без этого взаимодействия нет ни восприятия, ни ощущений, ни этих самых свойств объектов. В-третьих, многие свойства объекта — это часто вообще результат сравнительного анализа нашим мышлением множества образов разных объектов. Г. Гельмгольц говорит о том же:

> Каждое свойство и качество вещи есть не что иное, как ее способность оказывать известные действия на другие вещи. Такое действие мы называем свойством... Но если то, что мы называем свойством, всегда касается отношения между двумя вещами, то такое действие, естественно, никогда не может зависеть только от природы одной только действующей вещи, а состоит вообще лишь в отношении ко второй вещи, на которую оно действует, и зависит также и от последней [цит. по: Э. Кассирер, 2006, с. 350–351].

Таким образом, то, что свойства вещей — это не только их свойства, очевидно. Если бы, например, мы могли воспринимать гравитационные, электростатические и магнитные поля, видеть в инфракрасном, рентгеновском и ультрафиолетовом свете, у наших образов (объектов) появились бы новые, обусловленные этими нашими возможностями свойства. Воспринимаемые нами свойства объектов не присущи им до нашего взаимодействия с объектами, как полагает «здравый смысл». Они определяются результатом взаимодействия физической «реальности в себе» с нашими органами чувств и мозгом, и будь у последних иные особенности, репрезентируемые сознанием образы (объекты) приобрели бы иные свойства. Теплый

объект, например, только потому теплый, что мы имеем строго определенную температуру тела и именно таким образом воспринимаем его своими температурными рецепторами. Да и само это якобы существующее вне нашего сознания и воспринимаемое нами свойство *теплота* — всего лишь наша психическая модель не вполне понятной и сенсорно недоступной нам никак иначе, кроме именно такой ее формы, физической сущности объекта.

Наиболее очевидно относительность и условность свойств объектов проявляется на следующем примере. Для обычного человека киноварь имеет красный цвет, для дальтоника — черный или темно-серо-желтый [Г. Гельмгольц, 2002, с. 38]. Следовательно, один и тот же объект приобретает «разные» свойства в зависимости от особенностей конкретного органа восприятия. При этом он вообще приобретает эти свойства, с одной стороны, вследствие способности части физической «реальности в себе», конституируемой нашим сознанием в качестве поверхности киновари, отражать световые волны в определенном диапазоне. С другой стороны, благодаря способности нашего сенсорного аппарата и мозга репрезентировать эти волны в виде поверхности определенного цвета. Сказанное не означает, что физическая «реальность в себе» лишена свойств. Правильнее сказать, что у нее потенциально неисчерпаемое множество свойств, которые могут быть конституированы сознанием вообще, но в человеческом сознании репрезентируются и конституируются лишь те, которые оно в состоянии смоделировать особым, присущим лишь человеку способом.

Как я уже сказал выше, без взаимодействия человека с реальностью нет ни образа (объекта), ни его свойств, так как без взаимодействия не формируется модель-репрезентация объекта. Даже такие выдающиеся исследователи, как Дж. Серл (2002), порой недостаточно четко высказываются, что вводит читателей в заблуждение:

> Одной из труднейших и наиболее важных задач философии является прояснение различия между теми свойствами мира, которые внутренне присущи (intrinsic) ему в том смысле, что они существуют независимо от любого наблюдателя, и теми, что зависят от наблюдателя в том смысле, что они существуют относительно некоторого внешнего наблюдателя или пользователя (user). Например, то, что объекту присуща определенная масса, есть его внутреннее свойство. И если бы мы все умерли, у него по-прежнему была бы эта масса. А вот то, что этот же самый объект является ванной, не есть внутреннее свойство: он существует только по отношению к пользователям и наблюдателям, которые и придают ему функцию ванны [с. 21–22].

Ответить автору можно словами У. Джеймса (2000), которые тот сказал около века назад:

> Многие современные физики (речь идет о последней четверти XIX в. — *Авт.*) полагают, что такие понятия, как «материя», «масса», «атом», «эфир», «инерция», «сила», не столько являются верным отображением скрытой от нас реальности, сколько интеллектуальными орудиями, применяемыми в качестве рабочей гипотезы для того, чтобы получить возможность распоряжаться силами природы. Подобные понятия в их глазах представляют не откровения, а простые условные обозначения подобно «килограмму», «ярду». Литература по данному вопросу обширна [с. 61].

Из этой верной, на мой взгляд, позиции автора следует, что нет ни одного свойства, приписываемого нашим сознанием объектам, которое можно отнести к «внутренне присущим», так как все они (свойства), как и сам образ (объект), конституированы в таком «специфически человеческом» виде именно нашим сознанием. Возьмем свойство «масса». В понимании «здравого смысла» это нечто, выражающееся в килограммах. В более «углубленном» — научном — понимании это сила, с которой объект давит на опору или с которой объекты притягиваются друг к другу. В еще более «глубоком» понимании иного по своей природе нечеловеческого сознания это может быть вообще не сила, а нечто другое, так как понятия *сила* в языке иного сознания, возможно, и нет вовсе, как и понятий *вес* или *масса тела*. Иной способ мышления и иной язык подразумевают иные модели реальности и иные свойства тех же самых объектов. При этом многие свойства, которые представляются нам главными в объектах, могут вовсе не конституироваться иным сознанием.

Распространяя на наше чувственное восприятие окружающей реальности принцип неопределенности В. Гейзенберга, ограничивающий применение к микрообъектам классических понятий ньютоновской физики[1], можно сказать, что окружающая нас реальность настолько многообразна, бесконечна и непостижима в своей физической сути, что мы вполне можем принять за ее адекватную чувственную модель ту доступную нам ее грань, которую в состоянии воспринять, и лишь в той форме, в которой способны это сделать. Впрочем, нам, во-первых, и не остается ничего другого, а во-вторых, адекватность нашей модели восприятия доказана эволюцией на практике. Тем не менее мы должны хотя бы отдавать себе отчет в ограниченности собственных возможностей познания физического мира.

Интероцептивные ощущения гораздо менее дифференцированы, чем экстероцептивные, например тактильные. Частично совпадая с ними по своим характеристикам, они отличаются большей лабильностью, слабой прогнозируемостью, локализацией внутри тела и неразрывной связью с его состоянием. При произвольной концентрации внимания на них можно обнаружить картину внутреннего восприятия, не намного уступающую по разнообразию восприятию внешнему, хотя и не столь тонко дифференцируемую и понимаемую человеком. Все эти обычно очень слабые ощущения могут становиться сильными и превращаться в большую проблему при некоторых видах психических заболеваний, когда меняется, например, порог чувствительности и они заполняют сознание, что бывает, в частности, при некоторых видах депрессии. Между интероцептивными и экстероцептивными ощущениями даже больше различий, чем между образами зрительного восприятия, например, и тактильными ощущениями.

---

[1] В. Гейзенберг (2005) пишет: «Все слова, применяемые нами в физике для описания экспериментов, например “измерение”, “положение”, “энергия”, “температура” и так далее, опираются на классическую физику и ее представления об объективности. Тезис, что подобное объективное описание в мире атомов невозможно... был действительно очень революционным; и... многие физики... просто не были готовы его принять» [с. 54]. Автор продолжает: «Чем же тогда заменить понятие фундаментальной частицы? Полагаю, что нам следовало бы заменить его понятием фундаментальной симметрии» [с. 59].

1.3.3. Мысленные образы

Кроме образов восприятия, психология рассматривает образы представления, воспоминания и воображения, которые еще называют мысленными, или ментальными, образами. Р. Хольт (1981) дает такое определение мысленного образа:

> ...смутное субъективное воспроизведение ощущения или восприятия при отсутствии адекватного сенсорного воздействия; в бодрствующем сознании представлен как составная часть мысленного акта, включает образы памяти и образы воображения; может быть зрительным, слуховым или любой другой сенсорной модальности, а также чисто вербальным[1] [с. 53].

Б. Г. Мещеряков (2007) считает, что мысленные образы — это:

> ...мысленные репрезентации, феноменологически подобные картинам; то же, что и образы воображения [с. 222].

Вместо понятий *мысленные*, *ментальные* или *психические образы*, распространенных в современной зарубежной психологии, в российской психологии обычно используют понятия *образы представления и воспоминания*.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) полагают, что:

> ...многие наши знания существуют в форме аналогий, называемых психическими образами [с. 351–352].

В качестве образа представления обычно рассматривается:

> ...наглядный образ предмета или явления (события), возникающий на основе прошлого опыта (данных *ощущений* и *восприятий*) путем его воспроизведения в *памяти* или *воображении*. В связи с этим различают представления памяти (образы воспоминаний. — *Авт.*)... и представления воображения (образы представления. — *Авт.*) [Большой психологический словарь, 2004, с. 406].

В качестве образов воспоминания рассматривается:

> ...извлечение из долговременной памяти образов прошлого, мысленно локализуемых во времени и пространстве [Психологический лексикон, 2005, с. 105].

С. Л. Рубинштейн (2007) определяет образ воспоминания как:

> ...представление, отнесенное к более или менее точно определенному моменту в истории нашей жизни [с. 18].

Ощущение, как и образ, можно не только воспринимать, но и представлять и вспоминать. Я определил бы *представление* как акт спонтанной или произвольной актуализации в сознании любых по модальности образов, не являющихся результатом

---

[1] (Сноска моя. — *Авт.*) Еще раз подчеркну, что понятие *вербальный* означает «имеющий отношение к устному слову» или, если рассматривать это понятие шире, к слову вообще, а потому не является характеристикой модальности мысленного образа. Соответственно, образы слов (вербальные образы) могут быть слуховыми — образ звучащего слова, визуальными — образ видимого слова и даже тактильными — образ дактильной формы слова, применяемой в специальной литературе для слепых.

актуального восприятия и не имеющих непосредственного отношения к автобиографической памяти; а *воспоминание* — как акт спонтанной или произвольной актуализации в сознании образов, относимых сознанием к автобиографической (эпизодической) памяти. Данные определения по крайней мере помогают уловить разницу между обсуждаемыми психическими феноменами.

В литературе выделяются и другие разновидности психических образов: последовательный, иконический, эйдетический и т. д.

По мнению некоторых авторов [см., например: У. Эко, 2005, с. 282; Б. Мещеряков, В. Зинченко, 2004, с. 342], образ по своему содержанию может быть чувственным и рациональным (образ атома, мира, войны и т. д.). Однако образ в принципе не может быть ни по форме, ни по содержанию, ни по каким-либо еще параметрам рациональным. Образ — всегда только чувственная психическая модель. Она по своей природе не может быть рациональной или иррациональной, так как понятие *рациональный* означает:

> ...предполагающий использование обоснования или свойства разумности (то есть обычно немыслимый без и вне вербальных конструкций. — *Авт.*)... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 177–178].

Поэтому термин *рациональный* неуместен применительно к образу. Говорить о рациональном образе столь же бессмысленно, как, например, о сенсорной вербальной идее. Другое дело, можно говорить об образах, иллюстрирующих некую рациональную идею (идея атома, мира, войны и т. д.).

1.3.4. Образы представления и их отличия от образов восприятия

Если образ восприятия, возникающий при фиксированном в течение даже достаточно продолжительного времени на объекте восприятия взгляде, субъективно кажется единичным и устойчивым, то возникающие в нашем сознании в течение нескольких секунд образы представления даже одного и того же объекта отчетливо распадаются в процессе интроспекции на множество последовательно возникающих очень кратковременных, мимолетных образов. Это что-то вроде непрерывной последовательности, «потока» кратковременных образов. Даже удерживаемый сознанием более или менее устойчивый образ воспоминания определенного объекта интроспективно представляет собой такой «поток» непрерывно сменяющих друг друга образов. Причем лишь некоторые из них идентифицируются сознанием как точные репрезентации вспоминаемого объекта. Представьте себе, например, лицо знакомого человека, и вы немедленно убедитесь в том, что, скорее всего, не сможете удержать в сознании его образ. Образ этот возникает и немедленно сменяется другими образами, в том числе не имеющими отношения к вашему знакомому, а затем вновь появляется в сходном, но все же уже ином виде.

В норме нам достаточно легко удается прозвольно управлять течением своих образов представления. Например, представив себе нарисованного человечка, мы

можем легко заставить его двигать правой ногой, мизинцем, левой рукой, крутить головой и т. п. Эта очень важная особенность образов представления «привязана» к вербальному мышлению. Достаточно подумать: *он крутит головой,* и образ делает это, как бы иллюстрируя соответствующую вербальную конструкцию. Образ представления, следовательно, способен изменяться в результате появления вербальных мыслей о представляемом предмете. Как только, например, мое вербальное знание напоминает мне, что объект представления может иметь нечто или, наоборот, не должен иметь чего-то, моментально это нечто появляется или исчезает в визуальном образе представления.

Образы представления вслед за Э. Гуссерлем (2000) можно разделить на то, что он называет «потенцией» и фантазией. Первые — образы представления того, что должно вот-вот произойти, — продолжение, развитие событий, как бы достраивание реального восприятия. Вторые — фантастические образы, которые, в свою очередь, можно разделить на абсолютную фантазию и относительно реальные образы воображения. Фантазия абсолютная — это, например, образы тролля, русалки, Змея Горыныча и т. п. Относительно реальные образы воображения — это, в частности, фантазии в отношении собственных действий, которые, к примеру, человек совершил бы, находясь в данный момент совершенно в ином месте или в иных условиях.

В. М. Аллахвердов (2000) приводит интересные наблюдения Т. И. Бжалава:

> После адаптации в темноте испытуемому дают в руку красный треугольник и в течение 2 секунд освещают его. У испытуемого, как и положено, возникает послеобраз. Пусть теперь испытуемый в темноте начинает медленно (безразлично, с закрытыми или открытыми глазами) приближать невидимый ему треугольник — размер послеобраза увеличивается. Когда испытуемый, наоборот, начнет разгибать руку, размер послеобраза станет уменьшаться. Если же предмет, находящийся в руках испытуемого, был освещен и испытуемый выпускает его из рук и далее выполняет сгибание и разгибание рук без предмета, то размер последовательного образа не изменяется [с. 317].

Эти наблюдения демонстрируют зависимость образа представления от имеющегося у испытуемого знания об особенностях трансформации реального образа восприятия в результате изменения, например, условий восприятия, а также от установки испытуемого.

Образы восприятия, с одной стороны, и образы представления и воспоминания — с другой, обычно представляют собой отчетливо различимые субъективно феномены сознания. К. Ясперс (1997), например, приводит следующие их различия:

> 1. Восприятия телесны (имеют объективный характер), представления образны и имеют субъективный характер. 2. Восприятия возникают во внешнем объективном пространстве, представления возникают во внутреннем субъективном пространстве представлений. 3. Восприятия ясно очерчены и предстают перед нами во всех подробностях, представления лишены ясных очертаний и являются нам неполными, лишь в отдельных деталях. 4. Чувственные элементы в восприятиях отличаются полнотой и свежестью; например, цвета яркие. Иногда чувственные элементы адекватны тем, которые даны в восприятиях, но в большинстве случаев

> степень их выраженности неадекватна. Зрительные представления большинства людей никак не окрашены. 5. Восприятия постоянны и легко могут удерживаться без изменений, представления рассеиваются, и их каждый раз нужно воссоздавать заново. 6. Восприятия не зависят от воли. Они не могут быть произвольно вызваны или изменены и воспринимаются с чувством пассивности, представления зависят от воли. Они могут быть вызваны или произвольно изменены. Они порождаются с чувством активности [с. 103].

В табл. 2 представлены эти и другие различия между визуальными образами восприятия и представления, которые можно обнаружить в процессе интроспекции при обычном дневном освещении.

Таблица 2. Различия между визуальными образами восприятия и образами представления

Зрительные образы восприятия	**Зрительные образы представления**
1. В их появлении непосредственно и в данный момент участвуют органы чувств	1. В их появлении органы чувств непосредственно в данный момент не участвуют
2. Произвольно не управляемы; человек может изменить образ только опосредованно, меняя порождающую его реальность, то есть воздействуя на нее физически с помощью своего тела, меняя положение тела или изменяя состояние своего тела с помощью препаратов, например	2. Произвольно управляемы в известных пределах
3. Обычно имеют четкие формы и границы	3. Обычно имеют формы и границы, которые весьма подвижны
4. Локализуются в месте расположения моделируемого ими объекта в окружающем человека пространстве, всегда проецируются вовне	4. Локализуются в особом представляемом пространстве, могут проецироваться куда угодно
5. Уникальны, специфичны в отношении воспринимаемого объекта	5. Отдельные образы могут быть специфичны в отношении репрезентируемого ими объекта
6. Повторяются у субъекта в очень сходном виде при повторном взаимодействии с той же физической реальностью в тех же условиях. Есть все основания полагать, что в очень сходном виде они возникают и у других наблюдателей, взаимодействующих с той же физической реальностью в тех же условиях. Воспроизводимы	6. Не повторяются точно в том же виде
7. Возникают в очевидной и жесткой связи с объектами внешней реальности, которые они репрезентируют	7. Не возникают в очевидной и жесткой связи с присутствующими в окружающем мире объектами, которые они репрезентируют
8. Как бы предъявляются сознанию извне во внешнем пространстве	8. Не сопровождаются в норме ощущением предъявления их сознанию извне
9. Прогнозируемы, то есть человек может предвидеть их появление в определенном месте, если знает, что другие наблюдатели сообщают о возникающих у них там соответствующих образах	9. Не связаны жестко с определенным местом

Зрительные образы восприятия	Зрительные образы представления
10. Могут существовать достаточно долго: десятки минут и даже дольше – при сохранении условий восприятия и концентрации внимания на объектах восприятия	10. Непрерывно сменяют друг друга, крайне изменчивы
11. Обладают особым качеством – максимальной степенью реальности, яркости и достоверности, очевидности для субъекта наличия чего-то вне его сознания. Представлены во всей широте цветового спектра, насыщены и крайне многообразны по цветовой гамме	11. Не обладают качеством максимальной яркости и достоверности, а также очевидности наличия чего-то вне субъекта, но при этом субъективно реальны, то есть человек уверен в их наличии в его сознании. Преимущественно серые, их цвета представлены в минимальной цветовой гамме, бедны, стерты, блеклы
12. По своему содержанию неразрывно связаны с текущим моментом времени, так, образ непосредственно и сейчас дан наблюдателю	12. По своему содержанию не связаны с текущим моментом времени, так как образы могут относиться к прошлому и будущему
13. Образы жестко пространственно ограничены, занимают определенное место, не могут находиться друг в друге; могут лишь закрывать или маскировать друг друга	13. Образы пространственно не ограничены, могут находиться друг в друге. Можно, например, легко представить себе любой предмет внутри другого предмета
14. Устойчивые и завершенные – находящиеся в окончательном для данного момента времени состоянии	14. Очень неустойчивые, непрерывно и спонтанно меняются или вовсе исчезают
15. Отличаются своеобразной «навязанностью» сознанию со стороны внешнего мира. Как бы самостоятельны по отношению к субъекту. Возникают в очевидной и жесткой связи с определенными объектами, которые моделируют в данный момент, и жестко детерминированы ими	15. Не вполне самостоятельны по отношению к субъекту, так как часто зависят от его воли. Часто возникают вне связи с какими-либо окружающими объектами, не детерминированы ими
16. Открываются новыми своими сторонами или меняются (усиливаются, ослабевают, искажаются) при перемещении воспринимаемого объекта или человека в пространстве	16. Не зависят или мало зависят от перемещений человека в пространстве
17. Максимально дифференцированы и детализированы	17. В большинстве своем не дифференцированы и не детализированы
18. Узнаваемы как те же образы при повторном появлении в сознании	18. Некоторые из них узнаваемы при повторном появлении в сознании как сходные с прошлыми образы
19. Далеко не всегда способны достраиваться за счет вербального знания о воспринимаемом предмете	19. Способны достраиваться за счет вербального знания о предмете
20. Репрезентируемый объект всегда возникает в окружении образов других объектов реальности, как фигура на фоне	20. Репрезентируемый объект может возникать как бы в пустоте или на темно-сером фоне
21. Реалистичны, то есть всегда соответствуют неким известным человеку принципам, подчиняются естественным физическим законам	21. Могут быть и нереалистичны, то есть не соответствовать известным человеку принципам и физическим законам
22. Репрезентируют только конкретный объект	22. Не всегда репрезентируют конкретный, то есть известный человеку объект

Необходимо отметить, что описанные выше различия между образами представления и образами восприятия верны лишь при определенных условиях — для зрительных образов, например, при достаточно ярком естественном освещении в состоянии обычного бодрствования субъекта. Если же мы попробуем сравнить их в сумраке или в особых состояниях сознания, то многие их качества резко изменятся, а различия частично сотрутся. Это касается, например, цветовой яркости, четкости границ, ясности форм, пространственных отношений между репрезентациями объектов и их удаленности от нас.

Достаточно провести небольшой эксперимент и, как предлагал Г. Гельмгольц (2002), зайти ночью в знакомую комнату. Зрительное восприятие окружающего при этом разительно изменится. Вместо привычных ярких, рельефных, цветных объектов с четкими границами, контрастных и насыщенных, располагающихся на разном расстоянии от нас, мы увидим нечто черно-серое с сильно размытыми границами, почти утратившее объемность и формы, состоящее из разных по размерам темных и очень темных пятен. При этом мы, как ни странно, обычно не замечаем отличий таких необычных образов восприятия от привычных образов тех же объектов и не задумываемся о том, что же на самом деле видим в привычных условиях и видим ли в сумерках или даже в темноте. Мы понимаем, конечно, что при недостатке света плохо видно окружающее, но это почему-то не мешает нам в знакомой обстановке всегда действовать более или менее уверенно и не испытывать особых затруднений.

Объясняется это тем, что у нас есть модель-репрезентация той части окружающего мира, в которой мы бываем часто, представленная детальными образами воспоминания и представления. Именно поэтому в знакомой обстановке даже в полной темноте мы в состоянии ориентироваться и двигаться в нужном направлении, находя необходимые нам предметы. Причем наши образы представления и воспоминания окружающего в этом случае становятся несравнимо более красочными, рельефными и структурированными, чем образы восприятия тех же объектов, предстающих перед нами в виде серо-черных пятен. Данное обстоятельство позволяет нам не замечать того факта, что образы представления и воспоминания замещают в нашем сознании в эти моменты образы актуального восприятия.

Я, например, ловлю себя на том, что даже не замечаю, что картину, которую вроде бы вижу сейчас в сумраке собственной спальни, я на самом деле вспоминаю, в то время как реально воспринимаю черное пятно на темном фоне. Подмена образа восприятия образом воспоминания обусловлена установкой — пониманием того, где я сейчас нахожусь. Но установка легко может и ввести в заблуждение, изменяя неясные образы восприятия и создавая аффективные или установочные иллюзии, например трансформируя на кладбище ночью смутный образ восприятия надгробия в образ угрожающей фигуры.

Ядвига Конрад-Мартиус (2006) описывает интересный психический феномен, заключающийся в одновременном моделировании окружающей реальности сразу в двух плоскостях (перцептивными образами и образами воспоминания):

> ...представляемый предмет... является *в том же* самом «реальном» пространстве... здесь он предметно «укоренен» так же, как и воспринимаемые предметы; нет никакого

> существенного различия в том, перевожу ли я у себя в комнате взгляд с одного воспринимаемого предмета на другой или обращаю его на *не воспринимаемый*, но все же *поддающийся непосредственному обозрению коридор* [с. 260].

Здесь образ восприятия предметов комнаты непосредственно связан с образом воспоминания коридора и словно продолжает актуальный образ восприятия. То же самое происходит, когда, например, вслед за Р. Декартом я вижу лишь шляпы и плащи на улице, но одновременно я и как бы «вижу» за ними людей, хотя фактически их не воспринимаю. Таким образом, чувственные модели-репрезентации окружающего меня мира, актуализируясь лишь какими-то отрывочными восприятиями, представляют моему сознанию все богатство моего прежнего опыта, даже если сейчас мои восприятия крайне отрывочны и рудиментарны. «Чувственный опыт» — это вся глобальная чувственная модель мира, которая уже существует к данному моменту в моей памяти.

По данным литературы, образы представления-воспоминания у отдельных людей могут быть не менее яркими, чем образы восприятия, и могут иметь многие свойства, характерные для образов восприятия. Так, Ч. Ф. Стромейер III (2005) приводит, например, следующее наблюдение:

> Элизабет... может по своему желанию мысленно спроецировать точное изображение какой-то картины или сцены на свое полотно или на другую поверхность. ...Образ содержит все детали текстуры и цвета оригинала. Как только образ сформирован, он остается неподвижным, и Элизабет может перемещать по нему свой взгляд, чтобы исследовать детали. Элизабет... говорит, что может, например, спроецировать бороду на безбородое лицо или же листья — на обнаженное дерево; эти дополнения настолько яркие, что они могут затмить истинный образ. Однако она никогда не путает эйдетические образы с реальностью, и ее редко беспокоят спонтанные мысленные образы. ...Через годы после прочтения стихотворения на иностранном языке она может извлечь из памяти образ печатной страницы и воспроизвести стихотворение с нижней строки до верхней со скоростью, с которой она обычно пишет [с. 623].

Нередко у наших образов представления отсутствуют важнейшие детали. Несмотря на это, мы легко узнаем в этом своем смутном образе конкретный предмет. *Почему?*

Мне представляется, что тут играют роль два фактора. Во-первых, то, что образ представления, и особенно образ воспоминания предмета, обычно возникает вместе с образами других предметов, окружающих данный предмет в физической реальности — в некоем привычном контексте. Например, образ здания появляется одновременно с образами других зданий, располагаясь на своем месте среди них, как фрагмент определенной площади или улицы, то есть возникает в рамках целостной модели-репрезентации реальности. Во-вторых, то, что образ представления предмета сопровождается обычно обозначающим его понятием, следовательно, он является еще и чувственным значением данного понятия.

Между феноменологически разными мирами воспринимаемого и представляемого существует важнейшее различие, а именно — первый мир объективно реален. Он нам дан. И мы имеем в своем сознании его устойчивую глобальную перцептивную модель, состоящую из актуальных образов восприятия и ощущений. Тогда как

второй мир — это скорее внутренние меняющиеся психические содержания нашего сознания. Именно наличие резкой субъективно регистрируемой феноменологической разницы между образами восприятия и образами представления расщепляет для нас мир на физический и психический. Первый находится в воспринимаемом пространстве, тогда как второй — в воображаемом. *Что такое воображаемое, или представляемое, пространство?*

Ядвига Конрад-Мартиус (2006) так характеризует его:

> ...наглядно данное в представлении — в отличие от наглядно данного в восприятии... имеет нечто своеобразно «отдаленное» — как если бы это содержание само по себе требовало того, чтобы его вынесли из затемняющей его среды и показали в «правильном свете». ...Представляемое содержание *в себе* указывает на иной, возможный для него наглядный способ данности, а именно на данность в восприятии. ...*Явление представляемого происходит не там, где является воспринимаемое, а в сфере,* которая отчетливо *отличается* от этой сферы восприятия... Этот момент, очевидно, имеет в виду Мах, когда говорит о явлении представляемого «в ином поле» и прежде всего об «изменении направления внимания»: «я ощущаю, как при переходе к представлению отвожу внимание от глаз и обращаю его к чему-то иному». ...Представляемое содержание... постоянно «удерживается» моим «умом»; оно не отделено от него полностью, как отделены или оторваны предметы восприятия (поэтому никоим образом нельзя отказать в некотором феноменальном основании выражению «представлять нечто “в уме”»), тем не менее и представляемое содержание может отчетливо являться «где-то там вовне», но только в отличие от предметов восприятия оно там — если можно так предварительно выразиться — *не укоренено.* Оно «парит где-то там», но место этого парения не поддается точному определению... [с. 249–250].

Действительно, можно сказать, что образы представления явно менее реальны, чем образы восприятия, точнее, реальны как-то иначе и располагаются в ином психическом пространстве. Б. М. Величковский (2006а) отмечает, что когнитивная психология установила факт:

> ...как сходства, так и ряда качественных различий между образами (представления. — *Авт.*) и восприятием. Существование подобных различий не позволяет более считать образные представления просто «ослабленными копиями» предыдущих сенсорных воздействий, особенно в случае «продуктов» нашего творческого воображения, часто имеющих гипотетический и даже явно фантастический характер [с. 56].

Безусловно, образные представления — не просто «ослабленные копии» предыдущих образов восприятия. Это положение подтверждается, например, весьма необычными порой «продуктами» нашего творческого воображения. Хотя, с другой стороны, в наших образах представления, по-видимому, действительно, как говорили старые авторы (Дж. Локк, Д. Юм и др.), нет ничего такого, чего не было ранее в наших образах восприятия. Другое дело, что все то, что было в образах восприятия, настолько фрагментировано и «переконструировано» в наших образах представления, что корни этих новых «продуктов» творчества нашего сознания найти в образах представления действительно порой практически невозможно. Вместе с тем не следует забывать о том океане образов восприятия естественных и искусственных физических объектов, которые в самых неожиданных формах

изливаются на нас с бесчисленных экранов и страниц. Невозможно поэтому с уверенностью сказать, что мы не видели чего-то из самых безумных своих фантазий на этих еще более безумных экранах и страницах.

Существуют весьма интересные экспериментальные данные об общности физиологических механизмов, лежащих в основе тех и других видов образов. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 389–390], ссылаясь на Farah at al., сообщают, что все нарушения зрительного восприятия у пациентов с поврежденным мозгом, как правило, сопровождаются аналогичными нарушениями зрительных образов воспоминания.

Так, у пациентов с поражением теменной доли правого полушария развивается игнорирование левой стороны поля зрения и поля представления – воспоминания. Итальянский невролог Бизиак (Bisiach & Luzzatti, 1978) просил больных представить себе, как выглядит знакомая им площадь в их родном Милане, если стоять лицом к церкви. Пациенты называли большинство объектов, находящихся справа от них, но очень мало тех, что были слева. Когда их просили представить себе ту же площадь с противоположной точки, как если бы они стояли спиной к церкви и смотрели на площадь, пациенты игнорировали объекты, которые опять находились с левой стороны от них, хотя раньше они их называли.

Авторы делают вывод, что поврежденные структуры мозга обычно опосредуют и образы представления, и образы восприятия.

1.3.5. Образы воспоминания

Интроспективно образы воспоминания похожи на образы представления, но отличаются от них каким-то феноменологически неясным дополнением, сигнализирующим нам о том, что это все же иные образы — образы чего-то реально воспринятого нами в прошлом. В отличие от образов представления образы воспоминания более определенные, детализированные, устойчивые, конкретные и повторяющиеся всякий раз в очень сходном виде. Можно поэтому согласиться с мнением У. Джеймса (2003), что:

> ...предмет воспоминания проникнут яркостью и непосредственностью, какие вовсе недостижимы для объекта представления [с. 164].

Главное, возникающие образы воспоминания спонтанно сменяют друг друга и, каждый раз репрезентируя строго определенный ход событий, создают специфическое ощущение воспроизведения реально пережитого. Поэтому образы воспоминания и воспоминания пережитых ощущений субъективно рассматриваются в качестве «следов», фрагментов прошлых образов восприятия и ощущений. К образам воспоминания можно повторно возвращаться, как бы вновь и вновь их рассматривая. Даже открывать в них вроде бы какие-то мелкие, новые, забытые детали.

Несмотря на то что при каждом новом появлении образов воспоминания в сознании они различаются между собой, моделируемая ими схема развертывания

изменений прошлой реальности остается прежней. В образах воспоминания, как и в образах восприятия, нет характерных для образов представления объективно невозможных трансформаций, и в них гораздо больше непроизвольности. В воспоминаниях есть только то, что действительно произошло или могло произойти в реальности в прошлом. Если образы восприятия и воспринимаемые ощущения обладают одним особым качеством — бесспорностью и очевидностью своего существования, независимого от нашего субъективного желания или нежелания, то воспоминания обладают другим особым качеством. Они сопровождаются ощущением того, что репрезентируют нечто, действительно имевшее место в прошлом. Неясно, что стоит за этим интрапсихическим ощущением феноменологически.

Некоторые образы представления тоже могут настолько напоминать события прошлого, что человеку порой трудно сказать, имело ли место данное событие в его жизни, или это лишь иллюзия его памяти. Возможно, в появлении таких обманов памяти участвуют сны, некоторые яркие события которых со временем могут становиться неотличимы от мимолетных событий прошлого. Объектом воспоминаний могут быть и собственные мысли. Не только вербальные, например воспоминания о собственных размышлениях и сформированных ранее вербальных идеях, но и даже образы представления, которые возникали в этой связи. При этом человек именно помнит, что думал так или представлял себе что-то.

Образы воспоминания в отличие от образов представления сгруппированы в устойчивые последовательные ряды, репрезентирующие связанные друг с другом события, пережитые нами в прошлом, или те, которые могли быть нами тогда же пережиты. Они всегда включены в контекст содержания эпизодической памяти как элементы последовательно разворачивающегося единого целого и занимают в нем строго определенное место. По-видимому, в этом последнем обстоятельстве и заключается основное различие между образами воспоминания и образами представления. Содержащаяся в эпизодической памяти[1] метафорическая «лента» воспоминаний, периодически разворачивающаяся в сознании, фактически представляет собой жесткую психическую конструкцию из тесно связанных между собой образов воспоминания (и представления) изменявшейся в прошлом окружающей реальности и нашего взаимодействия с ней. Видимо, именно жесткая связь между отдельными последовательностями образов в первую очередь и делает их образами воспоминания.

Отдельные образы представления порой неотличимы от образов воспоминания, и трудно сказать, действительно ли всплывающий в нашем сознании конкретный образ является неким следом пережитого, либо это образ, синтезированный нашим сознанием из многих фрагментов образов воспоминаний. Можно даже предположить, что некоторые образы представления — это либо «оторвавшиеся» от этих «рядов», от этой «ленты» памяти образы воспоминания, либо новые синтетические

[1] Эпизодическая память — форма памяти, в которой информация сохраняется с «мысленными пометками» о том, где, когда и как эта информация была взята; то есть материал в памяти касается довольно определенных эпизодов [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 11].

образы, воссозданные сознанием из фрагментов образов воспоминания. По мере удаления во времени от пережитых событий воспоминания о них стираются, местами прерываются и «лента» теряет множество образов, бесследно исчезающих из нее. Остаются только самые яркие и эмоционально важные образы, но и они уже не детализированы и схематичны.

Образы воспоминания могут быть весьма подробными и связными, но в них в отличие от образов восприятия всегда существуют более или менее явные пробелы и многочисленные «потертости», как принято говорить в психопатологии. Образы воспоминания могут в известных пределах дополняться и видоизменяться под влиянием образов представления и даже вербальных знаний. Г. Эббингауз (1998), например, пишет:

> Там, где воспоминания имеют пробелы или неопределенны, они с трудом могут противостоять влиянию представлений, внушенных вопросом (например, не правда ли, г. X. был такого же роста, как Вы?) [с. 117].

Элизабет Лофтус (E. Loftus, 1975; E. Loftus, H. Hoffman, 1989 и др.) установила, что событие, воскрешаемое в памяти, восстанавливается неточно. Она полагает, что процесс, называемый памятью, – не более чем реконструкция реального события. Вместо своего реального прошлого, например отпуска, мы реконструируем события, используя информацию из многих источников: своих реальных воспоминаний об этом отпуске, воспоминаний о других своих отпусках, проведенных там же, из фильмов, которые снимались в том же месте, и т. д. Мы уверены, что возникающие у нас воспоминания – это правда, тем более если рассказывали о них в присутствии кого-то другого, кто был вместе с нами в то время. Э. Лофтус (E. Loftus, 1975) указывает, что на наши воспоминания мощное влияние оказывают вербальные знания. Она удивляется тому, как сильно наши истории могут расходиться с реальными событиями.

Дж. Р. Андерсон [2002, с. 214] тоже пишет, ссылаясь на Ридер (Reder), что многие воспоминания в реальной жизни включают в себя правдоподобные умозаключения, а не точные воспоминания, люди часто оценивают, что может быть правдоподобным, а не пытаются извлечь из памяти точные факты. Он [2002, с. 216] приводит описание опытов Ридер и Росс (Reder & Ross), из которых следует, что люди не столько оперируют реальными воспоминаниями о пережитой ими ситуации, сколько делают выводы из своей имеющейся модели пережитой ими ситуации. Иными словами, мы часто оперируем не воспоминаниями, а выводами из воспоминаний – производными вербальными конструкциями. Дж. Р. Андерсон (2002) отмечает, что:

> ...рекламодатели часто извлекают выгоду из нашей тенденции приукрашивать то, что мы слышим, правдоподобными умозаключениями. ...Когда испытуемым усложняют материал при заучивании, они обычно вспоминают больше заученной информации, но также склонны вспомнить умозаключения, которых не заучивали. ...Умозаключения при заучивании помогают нам перейти от того, что мы фактически слышали и видели, к тому, что мы полагаем истинным. ...Такие выводы обычно ведут к более последовательному и точному пониманию мира. Но существуют обстоятельства, при которых мы должны отделить то, что мы фактически видели и слышали, от наших

> умозаключений. ...Грань между памятью и воображением весьма тонка, и легко перепутать источник информации. Серьезные ошибки памяти могут происходить потому, что люди не в состоянии отделить, что они фактически пережили, от того, что они вывели путем умозаключений или вообразили [с. 218–219].

Главная эволюционная роль образов представления и воспоминания состоит, видимо, в том, что они готовят человека к возможным в данной ситуации изменениям реальности. Кроме того, они постоянно дублируют, дополняют текущий образ восприятия реальности и немедленно замещают его при внезапном его выключении. Без этого человек мгновенно дезориентировался бы в реальности, например, даже при кратковременном закрывании глаз. Сами образы представления и воспоминания — это полученное ранее путем активного взаимодействия с реальностью и переработанное на основе предшествующего личного опыта особым образом структурированное чувственное знание о ней. Это особые сенсорные модели конкретной части окружающей реальности.

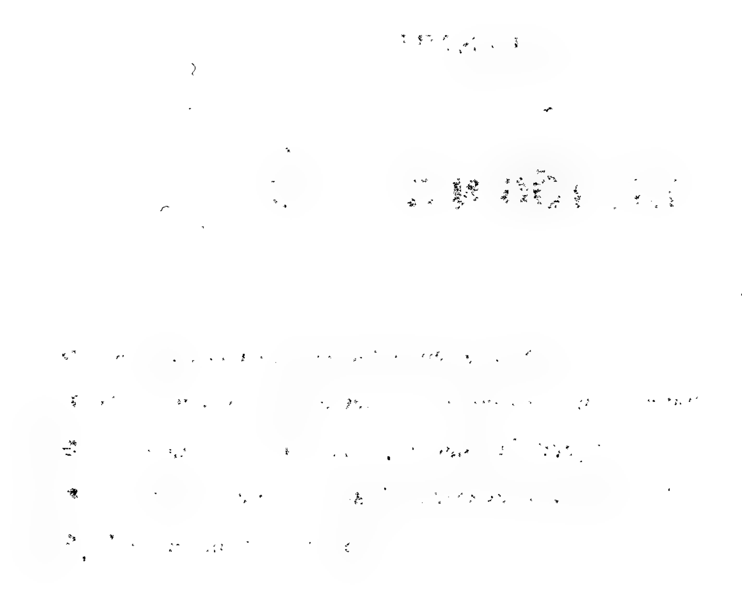
Некоторые образы представления трудноотличимы от образов воспоминания. В свою очередь, образы воспоминания легко трансформируются в образы представления. Например, я могу представить, как моя собака прыгает через обруч, чего она никогда не делала, или как моя собака управляет автомобилем. Эти новые образы субъективно даже более реальны, чем прочие образы представления. Сказанное лишний раз подтверждает феноменологическую близость образов воспоминания и представления.

Ощущения, как и образы, можно разделять на воспринимаемые и представляемые или вспоминаемые. Достаточно легко представить себе определенные ощущения (вспомнить их), если перенести себя мысленно в ту или иную ситуацию, например представив кусочек сахара или лимона во рту, розу у лица или сильный порыв ветра, поднимающего и швыряющего в лицо пыль, песок и листья с земли. Представляемые (вспоминаемые) запах или вкус отличаются от воспринимаемых ощущений запаха и вкуса столь же отчетливо, как образы представления и воспоминания — от образов восприятия. Даже в том случае, если, например, в помещении при отсутствии цветов пахнет розами, мы легко узнаем, что это именно восприятие, а не представление.

Бывает, мы непроизвольно вспоминаем пережитые в прошлом ощущения. Например, возникает воспоминание прошлого ощущения, которое порой трудно даже привязать к определенной модальности. Первоначально это, скорее, даже сложное полимодальное воспоминание некой прошлой эмоционально приятной ситуации, которое было спровоцировано образами восприятия окружающей нас сейчас и в чем-то сходной с прошлой ситуации. Порой воспоминание о пережитом в прошлом ощущении невозможно соотнести с конкретным эпизодом прошлого. Оно всплывает как воспоминание, относящееся скорее к целому периоду жизни, например к детству или периоду жизни в конкретном месте, а не к какой-то определенной ситуации. Есть лишь понимание того, что нечто подобное переживалось мною раньше, непонятно когда конкретно, где именно и в связи с чем, но возникшие воспоминания ощущений знакомы и приятны или неприятны.

Упрощая сенсорные психические феномены, исследователи втискивают их в жесткие рамки понятий: *ощущение*, *образ*, *репрезентация* и т. п. В результате

рассматриваемые сущности кажутся достаточно простыми. Такими же простыми объектами, как окружающие нас физические предметы: гвозди, рыбы, овощи и т. п., только объектами психическими. В действительности же рассматриваемые психические сущности неизмеримо сложнее, неопределеннее, а главное — непонятнее, чем конкретные физические объекты, даже для самого конституирующего их сознания. В этом смысле они скорее ближе к тем абстрактным физическим сущностям («сила», «работа», «энергия» и т. п.), в самом наличии которых создавшее их человеческое сознание не вполне уверено.

ГЛАВА 1.4

Образ и объект

- *Эволюция содержания понятия «образ»*
- *Представления о соотношении объекта и его образа*
- *Изоморфен ли образ восприятия объекту?*
- *Образ восприятия как физический объект*
- *Физическое и психическое*

1.4.1. Эволюция содержания понятия «образ»

Как я уже отмечал выше, первые попытки изучения зрительных образов в психологии восходят к сэру Фрэнсису Гальтону (1883), который просил людей описывать свои образы, оценивая при этом их отчетливость. Однако понятие *образ* используется в философии очень давно. П. Кюглер (2007), ссылаясь на книги Р. Керни (R. Kearney) «История философии», Ф. Коплестона (F. Copleston) «Пробуждение воображения» и других авторов, сделал интересный исторический обзор взглядов на эволюцию понятия *образ*. По его словам, значение понятия *образ* многократно изменялось на протяжении двух последних тысячелетий. История понятия начинается в западной философии с Платона. П. Кюглер (2007) приводит его аллегорическую историю, в которой люди сидят в пещере в оковах и не могут двигаться с места. Высоко за людьми сзади — огонь, а прямо за ними стена, выполняющая роль ширмы. Стена скрывает от них дорогу, по которой движутся другие люди. Эти люди несут разные фигуры, утварь, изображения живых существ и др. Несут так, чтобы они были над стеной и отбрасывали тени на противоположную, видимую людям стену пещеры. Люди в оковах могут видеть только их и воспринимают их как единственную реальность. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, они узнают, что были обмануты тенями, отбрасываемыми на видимую стену пещеры реальным миром. По Платону, образы — внешние производные материального мира, который сам является лишь проявлением высшего идеального мира. Образы — это копии копий.

Аристотель, по мнению П. Кюглера, трансформировал теорию Платона. Согласно его учению, образ находится уже внутри человека, а его источником является материальный мир. Образы — посредники между чувствами и разумом, мост между миром сознания и миром материальной реальности. Тем не менее Аристотель наделяет свойством первичности не образ, а сенсорные данные. Образ является их отражением, а не источником. Ни Платон, ни Аристотель не рассматривали процесс возникновения образа как изначальный и автономный. Для них образы — это результат копирования, имитации, повторения. Вторичное отражение чего-то более «сущностного», находящегося вне человеческого существа.

П. Кюглер (2007) констатирует, что взгляд на образы сохранялся, практически не меняясь, в философских системах неоплатоников: Порфирия, Прокла, Плотина — и у средневековых теологов: Августина, Бонавентуры и Фомы Аквинского. Он замечает, что и библейская (иудейско-христианская), и эллинистская традиции считали создание образов воспроизводящей активностью, отражением «истинного» источника смысла, находящегося за пределами человеческого мира, — Бога или форм (метафизических, как у Платона, или физических, как у Аристотеля). Со времени древних греков существование этих пар противоположностей: внешнего и внутреннего, души и тела, разума и чувства, духа и материи, мыслилось незыблемым, закладывая основу западной метафизики. В них видели каркас, поддерживающий структуру нашего мышления. Образ занимал позицию между любой парой этих противоположностей.

По мере развития западной культуры понимание образа постепенно менялось. По словам П. Кюглера, уверенность в том, что образ — это только копия

некоего оригинала, пошатнулась. С приходом Ренессанса пропало понимание того, «что есть образ — одежда, которую мы надеваем, или наша собственная кожа» [2007, с. 126]. П. Кюглер выделяет несколько выдающихся фигур Ренессанса (Парацельс, Фичино и Бруно), которые развили новое понимание образа. Рассматривая образ как творческую, трансформирующую силу, действующую внутри человека, алхимики перевернули традиционную теорию знания и образа так же, как Коперник перевернул космологию. Бруно вообще посмел заявить, что человеческое воображение само является источником познания! Что работа воображения предваряет разум и в действительности создает его. Из чего следует неизбежный вывод о том, что творец не Бог, а человек. Эти идеи и привели Бруно на костер.

Представления Р. Декарта, как считает П. Кюглер, окончательно узаконили дуализм и разделили мир на объекты и субъекты. Его теория мыслящего субъекта окончательно обозначила перелом в западной психологической мысли, поместив источник смыслов, творчества и истины внутрь человека, которому был отдан приоритет перед объективной сущностью или божественным. Д. Юм, по словам П. Кюглера, пошел еще дальше, предположив, что человеческое знание может строиться на основании себя самого. Д. Юм считал образ оставшейся в уме копией пережитых и «поблекших» чувств. И настаивал на том, что мир представлений содержится внутри человека. Вся реальность, с которой мы имеем дело, — наш внутренний музей искусств. И мир разума, и сама так называемая материальная реальность — лишь субъективные представления, выдумка. Согласно Д. Юму, психический образ более не связан ни с какими трансцендентными сущностями. Образ — вся истина, которая нам доступна. Однако Д. Юм — сторонник теории соответствия: если мы не можем утверждать, что есть соответствие между образом и трансцендентным объектом, мы не можем установить истину, следовательно, нам недоступна никакая истина.

П. Кюглер [2007, с. 130] считает, что позиция Д. Юма по отношению к психическим образам заключает в себе следующую проблему: если мир, который мы знаем, есть лишь коллекция пустых выдумок, лишенных всякого трансцендентного основания, то все, на чем основывается наше чувство реальности, — это субъективный вымысел, лишенные фундамента образы.

П. Кюглер пишет, что в 1781 г. И. Кант ошеломил коллег, объявив воображение неизменным начальным условием любого знания, процесс формирования образа — неотъемлемым условием любого знания, а процесс создания образов — как воспроизводящим, так и производящим. П. Кюглер полагает, что после работ И. Канта философия перестала рассматривать психические образы как копии и придала им роль творящего начала.

И. Кант (1994) действительно пишет:

> ...само... пространство и время, а вместе с ними и все явления суть сами по себе не вещи, а только представления и не могут существовать вне нашей души... утверждать, что явление существует само по себе, безотносительно к нашим чувствам и возможному опыту, можно было бы, конечно, лишь в том случае, если бы речь шла о вещи самой по себе («вещи в себе». — *Авт.*). Но речь идет только о явлении в пространстве

и времени, которые суть лишь определения нашей чувственности, а не определение вещей самих по себе, и потому то, что находится в пространстве и времени (явления), не существует само по себе, а есть только представления, которые, если они не даны в нас (в восприятии), не встречаются нигде [с. 306–307].

... явления вообще вне наших представлений суть ничто... [с. 314].

Вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и... отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются, *и если бы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не сами по себе* (курсив мой. — *Авт.*). Каковы предметы сами по себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать их, который к тому же необязателен для всякого существа, хотя и должен быть присущ каждому человеку. Мы имеем дело только с этим способом восприятия [с. 61–62].

Из сказанного следует, что: 1) «мир в себе» не идентичен нашим чувственным репрезентациям, и какой он — нам знать не дано; 2) мир в репрезентируемом нашим сознанием привычном для нас виде только в нашем сознании и существует; 3) наши же чувственные модели окружающих вещей — и не модели вовсе, а самые что ни на есть единственно реальные для нас вещи.

Как должно понимать кантовскую «вещь саму по себе (вещь в себе)», как «стол в себе», то есть уже все же «стол», а не «нечто», пусть и «в себе», или все же лишь как неопределенную часть — фрагмент аморфной, никак недоступной нам иначе, чем в виде стола, «реальности в себе»? Сам И. Кант пишет о «вещи самой по себе» («вещи в себе»):

...каковы вещи сами по себе, я не знаю и мне незачем это знать, потому что вещь никогда не может предстать мне иначе как в явлении [там же, с. 205].

Попытаемся изменить поставленный выше вопрос: *есть ли вообще «вещь сама по себе (вещь в себе)»?* Мне представляется, что И. Кант не довел свои рассуждения до логического конца. Если, как он сам утверждает:

...вещи... все свойства объектов и все отношения их... могут существовать только в нас, а не вне нас [с. 61], —

то и «вещей в себе» нет и быть не может. Без человеческого сознания никакой «вещи», даже «вещи в себе» нет вовсе. Она — творение человеческого разума, в ее основе — человеческое понятие *вещь* и специфическая чувственная конструкция нашей психики.

Именно сознание создает *объекты, предметы* и *вещи*, их *свойства и действия*, овеществляет окружающую реальность. Без психических моделей в физической реальности есть лишь невоспринимаемое и невещественное «нечто в себе». Сенсорные модели сознания придают физической реальности чувственную вещественность, хотя и не создают еще в ней понятные сознанию сущности. Символические модели сознания — понятия и конструкции из них конституируют эту чувственную вещественность физической реальности и создают уже в ней физические сущности:

вещи, предметы, явления, свойства и т. д. В аморфной «реальности в себе» без человека нет «вещей». «Вещь», как, впрочем, и «вещь в себе», конституируется лишь сознанием, способным оперировать понятиями.

В. Виндельбанд тоже обращает внимание на это противоречие в позиции И. Канта, хотя и в другой связи:

> Во всем том, что нам представляется данным, кроется уже деятельность нашего разума... [В. Виндельбанд, 1995а, с. 9].

> С точки зрения теоретического разума, которая одна лишь признается Маймоном, вещь в себе является абсолютным противоречием. Каждый признак понятия существует в качестве представления в сознании, следовательно, зависит от самого сознания и имеет смысл только в нем. Поэтому представление, независимое от сознания, не имеющее признаков (так как это-то и называется непознаваемостью) вещи в себе, является немыслимым и совершенно невозможным. Вещь в себе не только не может быть познана, но не может быть и мыслима [В. Виндельбанд, 2007а, с. 215].

И это очевидно, так как сама «вещь в себе», как и вещь вообще, является таким же понятием нашего сознания, как и любое другое. Она — порождение человеческого сознания, которое только и может существовать в самом сознании и нигде больше. Чтобы сделать дальнейшее изложение более понятным, я вынужден сказать здесь, что еще буду ниже подробно рассматривать то, как объекты (предметы, вещи и др.), явления, их свойства и действия конституируются человеческим сознанием. Мои оппоненты могут сказать, что уже для животных существуют объекты: партнеры, пища, хищники и т. д.

Однако позволю себе уточнить: эти объекты тоже созданы человеческим сознанием, так как без соответствующих понятий нет и не может быть всех этих объектов. Есть что-то иное. В частности, у животных есть лишь чувственные репрезентации окружающего мира. Своеобразное понимание реальности животными на чувственном уровне окружает их знакомыми или незнакомыми, приятными или неприятными прикосновениями, запахами, притягательными или отталкивающими вкусами, пугающими, привлекательными или индифферентными визуальными образами, громкими или тихими звуками и т. д. и т. п. Для животных не существует объектов в нашем их понимании: вещей и предметов, явлений, их свойств и действий. Есть лишь более или менее выделяемые и на чувственном уровне понимаемые, то есть узнаваемые чувственные репрезентации и типовые реакции на них.

Безусловно, у животных формируются сложные модели-репрезентации того, что мы называем конкретными объектами: партнеры, детеныши, другие члены группы и др. Но для них это лишь чувственные фрагменты окружающего мира. Даже у высших животных, обладающих чувственными предпонятиями, не существует предметов в нашем понимании последних, пока и если они не усвоили соответствующие простые понятия (см. гл. 2.1).

Мне опять могут сказать: да, с возникновением развитой психики появляется способность репрезентировать изначально присущие реальности, то есть имеющиеся в ней исходно сущности: предметы, явления и т. д. И чем более развито сознание животного, тем лучше оно может выделить в окружающем мире сущности, исходно уже присутствующие в нем. Чтобы убедиться, что это все же не так и И. Кант был

прав, имеет смысл разобраться в том, из чего складывается в нашем сознании предмет. Он репрезентируется в сознании как что-то светлое или темное, что-то цветное или черно-белое, что-то приятно или неприятно пахнущее, что-то твердое или мягкое, что-то вкусное или отвратительное, что-то теплое или холодное, что-то гладкое или шершавое и т. д. Возникает вопрос: *состоит ли предмет из всего перечисленного?*

Очевидно, что все то, что приписывается нами предмету как его физические качества: яркость, цвет, запах, твердость, вкус, теплота и т. д. — на самом деле лишь повторяющиеся особенности наших психических репрезентаций, имеющие к сущности предметов весьма условное отношение. Например, цвет. Очевидно, что цвет — это психический феномен, а не физическая сущность, хотя «здравый смысл» заставляет нас считать, что цвет порождается в сознании совокупностями электромагнитных волн определенной длины, следовательно, они и есть сущность цвета, то есть цвет — это репрезентация электромагнитных волн определенной длины. И все же цвет — это психический феномен, специфическое визуальное переживание, хотя и возникающее при воздействии определенных электромагнитных волн на зрительные рецепторы человеческого глаза. И если не будет человека с его глазами и сознанием, то и цвета не будет в человеческом его понимании, даже если сохранится в физической реальности то, что мы репрезентируем себе сейчас вербально как *электромагнитные волны определенной длины.*

Если меня спросят: «Видят ли, например, даже животные разные цвета предметов?» — я отвечу, что некоторые животные способны реагировать на световые волны разной длины, соответствующие разным цветам человеческого спектра, но из этого не следует, что они воспринимают цвета предметов. Да, они, вероятно, испытывают разные визуальные ощущения, но говорить при этом, что они воспринимают разные цвета, означает впадать в антропоморфизм[1]. Подчеркну еще одно важное обстоятельство: мы не воспринимаем электромагнитные волны (об этом пишет и Дж. Гибсон, 1988, с. 157), а лишь имеем в сознании психическую репрезентацию состояния своего тела. Состояния, возникшего в результате взаимодействия этих волн с особыми структурами тела — рецепторами. Хотя в соответствии со «здравым смыслом» принято считать, что мы воспринимаем именно цвет, который является свойством физических предметов.

Сказанное о цвете в полной мере относится и к сущностям, воспринимаемым нами как другие качества предметов: запах, вкус, теплота, твердость и т. д. Вообще ко всем сущностям, которые мы привычно отождествляем с качествами объектов, якобы вызывающими у нас соответствующие ощущения. Не будет нашего сознания, не будет и этих качеств физических предметов, так как именно особенности наших анализаторов и нашего сознания порождают именно такие репрезентации в известных нам модальностях. Очевидно также, что будь у нас иные сенсорные системы, окружающие нас объекты радикально изменились бы. Поменялась бы даже их пространственная локализация, и исчезли бы их привычные для нас границы и формы,

[1] *Антропоморфизм.* Приписывание человеческих характеристик организмам, находящимся на более низких ступенях развития, или неодушевленным объектам [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 55].

не говоря уже о таких их качествах, как цвет, светимость, вкус, запах, температура и др. Многие объекты просто исчезли бы, и появились бы новые.

Летучие мыши воспринимают ультразвуковые сигналы, отраженные предметами. Для них поэтому существуют те грани реальности, о существовании которых мы, возможно, и не подозреваем. Однако будь у нас соответствующие органы чувств, появились бы и новые объекты. Собаки имеют гораздо более чувствительный к запахам, чем у нас, обонятельный орган. Рыбы воспринимают специальным сенсорным органом электростатические заряды. Эти чувственные репрезентации тоже породили бы для нас множество объектов, будь у нас подобные анализаторы, а главное — новые понятия для выделения этих репрезентаций. Наша физическая реальность с ее объектами, их свойствами и действиями радикально отличается даже от мира, чувственно репрезентируемого обезьяной, а мир последней радикально отличается от мира кошки, рыбы или птицы.

Могут сказать: то, что человек не воспринимает такие объекты, как ультразвук, электростатические заряды, электромагнитные волны за пределами видимого спектра и еще массу других вещей, не свидетельствует о том, что без него их не станет в физическом мире, так как они останутся в физической реальности и их по-прежнему будут воспринимать летучие мыши, насекомые, рыбы и т. д. Или даже вообще никто не будет воспринимать, но мы-то сейчас знаем, что они есть, следовательно, они будут даже без нас. Да, животные будут воспринимать результат воздействия на их тела элементов окружающей их реальности, но они не воспринимали и не станут воспринимать и тем более оперировать мысленно такими сущностями, как *объекты*, например. Лишь человек конституирует *объекты*, которые появляются по мере создания понятий. Без понятий нет *объектов*, *предметов*, *вещей*, их *свойств* и *действий*. Хотя уже животные, в частности приматы, формируют чувственные предпонятия, а следовательно, для них уже существует что-то, «приближающееся» к нашим предметам.

Теперь о том, что касается существования окружающего мира якобы без конституирующего его сознания. Без чувственных моделей и конституирующих сущности понятий в окружающем нас физическом мире есть лишь никак не сегментированная, невидимая, беззвучная, безвкусная, не ощущаемая никем «реальность в себе». Сознание конституирует, структурирует особым образом эту исходно аморфную и амодальную (как пишет А. Н. Леонтьев, 1981) физическую «реальность в себе». Оно создает физические предметы и сущности из фрагментов «реальности в себе», как пекарь, делающий буханки хлеба и булки из муки, воды и огня. Другое сознание, не менее развитое, чем человеческое, если оно обладает соответствующими понятиями, будет конституировать, создавать из «реальности в себе» иные объекты или вовсе иные сущности, непонятные для нас. В случае исчезновения сознания все выделяемые им сейчас сущности исчезнут и останется не предметный мир, а лишь непостижимая и амодальная «реальность в себе».

Из сказанного мной, конечно, ни в коем случае не следует, что человек создает вокруг себя объекты физической реальности. Его сознание лишь специфически человеческим образом конституирует — «лепит» из «реальности в себе» — доступные ему чувственно и обозначаемые им вербально, а потому понятные для него

предметы. Можно метафорически представить себе некое тончайшее покрывало из чувственных и вербальных репрезентаций, которое наше сознание набрасывает на невидимую трансцендентную «реальность в себе», делая ее тем самым видимой, осязаемой и относительно понятной для себя. Как человек-невидимка превращается в видимого, если надевает одежду и перчатки. Но элементы этого покрывала, которые мы принимаем за окружающие физические сущности, по-прежнему остаются лишь конструкциями нашего сознания, а не являются «отражениями», некими «копиями» предметов физической реальности.

Чтобы стало понятно то, что я имею в виду, рассмотрим гипотетическую ситуацию. Дерево для человеческого сознания — это вполне конкретный объект, обладающий специфическими признаками и репрезентированный характерными визуальными образами. Для сознания волка — это не объект, также, например, как воздух для ребенка. Чтобы стать объектом (причем такое возможно лишь для человека и в человеческом сознании), «нечто» должно получить вербальное обозначение, например *дерево* или *объект*. Для волка дерево — это лишь сенсорная репрезентация части окружающей среды.

Для иного, вообще чуждого и пока неизвестного нам, но сопоставимого по уровню развития с человеческим, сознания дерево – это, возможно, либо просто нечто несуществующее, как не существуют для нас присутствующие на окружающих нас предметах отдельные, не воспринимаемые нами бактерии и вирусы. Либо нечто, никак не совпадающее с содержанием нашего понятия *дерево*, так как репрезентации этого сознания могут быть радикально иными, основанными, например, на восприятии рентгеновского излучения, магнитных и электрических полей и т. д. Причем, репрезентации того, что мы называем *деревом*, будут располагаться для иного сознания по-другому даже в пространстве (если понятие пространства существует для чуждого разума).

Итак, другое сознание может иным образом конституировать элемент привычной нам реальности, который мы считаем именно деревом, или не конституировать его вовсе. Мы поэтому можем лишь сказать, что в «реальности в себе» есть фрагмент, соответствующий нашему понятию *дерево*, который для иного, не человеческого сознания, возможно, будет являться совершенно иным предметом или не будет являться предметом вовсе. Возможно, будет являться не фигурой восприятия, а лишь элементом фона или вовсе чем-то совершенно иным. Следовательно, конкретной человеческой «вещью», особым понятным нам объектом определенный «фрагмент реальности в себе» делает именно человеческое сознание. При этом возникающий объект существует для нас физически в виде специфических образов его восприятия и вызываемых им в нашем сознании ощущений.

Из того факта, что человек конституирует предметы из окружающей его «реальности в себе», отнюдь не следует, что, кроме нашего сознания, вовсе ничего нет. Некое невещественное «нечто в себе», безусловно, есть. Но воспринимаемым и существующим в вещественно-предметной форме его делает именно наше сознание. Как и любое другое сознание, пусть и не человеческое. Это было очевидно еще епископу Д. Беркли. Мне представляется, что вместо понятия *непознаваемая «вещь в себе»* правильнее использовать понятие *фрагмент физической «реальности*

в себе». Что же все-таки такое «реальность в себе»? Это то, что в процессе нашего восприятия становится для нас видимым (цветным или черно-белым, ярким или темным), ощущаемым тактильно (острым или тупым, гладким или шероховатым), ощущаемым на вкус, пахнущим, теплым или холодным и т. д. В то же время это нечто, не имеющее в себе ничего, обозначаемого человеческими понятиями. Это действительно лежащая для нас «по ту сторону», или трансцендентная[1], «реальность в себе».

Итак, кантовской «вещи в себе», или «предмета в себе», нет. Есть лишь «реальность в себе», или сущее, или аморфное и непонятное нечто, которое наше сознание превращает в объекты. Необходимо все же признать, что, несмотря на отсутствие объектов в «реальности в себе», сама она — реальность — все же, по-видимому, включает в себя отдельные аспекты, или элементы, или части, некоторые из которых затем и конституируются человеческим сознанием в форме объектов и явлений реальности. Следовательно, мы конституируем объекты не из целостной аморфной «реальности в себе», а из отдельных составляющих ее частей или фрагментов, которые и являются для нас «сущностями в себе». Получается, что я в итоге пришел почти к тому же, с чего начал — к кантовской «вещи в себе».

Но все-таки «сущность» в моем понимании — это не «вещь», так как последняя появляется тогда, когда уже конституирована сознанием в конкретный предмет. «Сущность» отличается от «вещи» своей неопределенной аморфностью и не завершенной конституированностью — отсутствием границ, свойств и привычных нам связей каждой «вещи» с другими «вещами». Это «нечто» до того, как оно будет репрезентировано сознанием и конституировано в конкретный предмет, в определенную «вещь». Надо также отдавать себе отчет в том, что любое наше понятие: *часть, фрагмент, сущность* и др. — уже конституирует «реальность в себе», но без них мы не сможем ничего в ней обсуждать, так как у нас не будет предмета рассмотрения.

Вернемся к образу объекта и к П. Кюглеру (2007). К. Юнг, по мнению П. Кюглера, предложил новый взгляд на образы. Он стал рассматривать их как промежуточное звено между субъектом и объектом, как источник ощущения психической реальности. Реальность заключается отныне в образах, так как в них соединяются внутренний и внешний мир человека. П. Кюглер считает мысль К. Юнга о том, что психический образ – это мост между идеями и вещами, третьей и промежуточной позицией, которая успешно завершает развернутую в Средние века дискуссию между номинализмом и реализмом. Являясь юнгианским психоаналитиком, П. Кюглер, естественно, переоценивает, на мой взгляд, роль К. Юнга в формировании новых воззрений на образ и умалчивает о сходных взглядах других выдающихся исследователей. Между тем аналогичные и гораздо более разработанные идеи составляют суть известной теории нейтрального монизма, созданной У. Джеймсом и представленной в работах Э. Маха. Причем сам У. Джеймс, обсуждая их, ссылается еще на Дж. Локка и Д. Беркли.

---

[1] Трансцендентное – «то, что лежит за пределами возможного опыта и не может быть предметом познания (душа, свобода, Бог)» [Современный философский словарь, 2004, с. 57].

Согласно этой теории различие между ментальным и физическим, между образом и объектом зависит от того, в каком контексте рассматривается чувственно явленная нам «вещь». У. Джеймс (1997) так излагает данную идею:

> Я утверждаю, что... единая часть опыта, взятая в определенном контексте, играет роль познающего, душевного состояния, «сознания», тогда как в другом контексте та же единая часть опыта будет играть роль познанной вещи, объективного «содержания». Одним словом, в одном сочетании он (опыт. — *Авт.*) фигурирует как мысль, в другом — как вещь. И так как он может присутствовать в обоих сочетаниях одновременно, то мы имеем полное право считать его в одно и то же время как субъективным, так и объективным. ...Пусть он (читатель. — *Авт.*) начнет с перцептуального опыта над так называемым представлением какого-нибудь физического объекта, его настоящего поля зрения, комнаты, в которой он сидит, расположив в центре ее книгу, которую он сейчас читает; и пусть он пока рассмотрит этот сложный объект с точки зрения здравого смысла, как будто он и «в действительности» есть именно то, чем кажется, то есть коллекцией физических вещей, выделенных из окружающего их мира других физических вещей, с которыми они находятся в реальных или потенциальных взаимоотношениях. Но мы утверждаем, что его разум в то же время воспринимает те же самые вещи... то, что кажется единой реальностью, в действительности занимает два места: одно – во внешнем пространстве, а другое — в уме человека... В сущности, загадка, как может одна и та же комната находиться в двух местах, сводится к загадке о том, как одна и та же точка может находиться на двух линиях. Вполне может, раз она расположена на месте их пересечения; и подобно этому, раз «чистый опыт» комнаты представляет собой место взаимопересечения двух процессов, связывающих его соответственно каждому случаю, с различными группами явлений, то он может рассматриваться дважды как принадлежащий к каждой группе и о нем можно свободно говорить как о существующем в двух областях, хотя он неизменно оставался бы количественно единичной вещью. Итак, опыт представляет собой звено разнообразных процессов, расходящихся от него в совершенно различных направлениях. ...В одном случае она (одна и та же вещь. — *Авт.*) будет вашим «полем сознания»; в другом — «комнатой, в которой вы находитесь», причем в оба контекста она входит целиком, так что нельзя сказать, будто она принадлежит сознанию одной своей частью или одной стороной, а внешней реальности – другой [с. 362–363].

Итак, в соответствии с представлением У. Джеймса в зависимости от того, в какую психическую конструкцию, созданную нашим сознанием, входит актуальное психическое содержание — образы восприятия и ощущения, последние можно рассматривать либо как содержание сознания (репрезентации объекта), либо как внешний физический мир (сам физический объект). Образы восприятия являются в результате одновременно и нашими психическими явлениями (содержанием нашего сознания), и физическими вещами. Парадокс, который У. Джеймс, однако, достаточно убедительно разъясняет.

Автор пробует далее распространить эти свои представления на прочие психические явления, в том числе и на понятия. Он полагает, что «любой единичный неперцептуальный опыт может, подобно перцептуальному опыту, быть рассмотрен дважды». Просто как объект или область объектов в одном контексте и как состояние ума — в другом. Причем нигде «не замечается никакого внутреннего саморазде-

ления на сознание и содержание сознания». В одном контексте «неперцептуальный опыт» представляет собой, по мнению автора [У. Джеймс, 1997, с. 365], целиком сознание; в другом — его содержание. Однако «содержание сознания» не всегда есть физическая реальность, а часто — и вовсе не она. Тут у У. Джеймса (1997) возникают большие сложности, которые он и сам замечает:

> Пока все чрезвычайно ясно, но мое положение, вероятно, покажется читателю менее убедительным, когда я перейду от восприятия к понятиям или от вопроса о наглядно представимых вещах к вещам, непосредственно нами не воспринимаемым [с. 364].

И он совершенно прав. Более того, к понятиям он так и не перешел, потому что не смог бы доказать применительно к ним свою точку зрения, ибо многое из того, что обозначается понятиями, просто невозможно найти в окружающей физической реальности или отнести к ней явно. Следовательно, понятия не могут, как образы восприятия, в разных контекстах выступать то психическими, то физическими сущностями. Меня здесь интересует не то, насколько не прав этот глубокий мыслитель, распространяя свою теорию на представления и понятия, а то, насколько он прав, рассматривая образы восприятия в зависимости от контекста то как явления сознания, то как физические явления.

Э. Мах (2005) говорит другими словами примерно о том же, о чем и У. Джеймс:

> ...там, где рядом с выражениями «элемент», «комплекс элементов» или вместо них употребляются обозначения «ощущения», «комплекс ощущений», нужно всегда иметь в виду, что элементы являются ощущениями только в этой связи, в этом отношении, в этой функциональной зависимости. В другой функциональной зависимости они в то же время — физические объекты [с. 59].

Таким образом, в зависимости от контекста содержание нашего восприятия превращается из психического явления в физический объект и наоборот. Б. Рассел [2007, с. 213–215] тоже полагает, что чувственные данные не являются ни ментальными, ни физическими, но считаются таковыми в зависимости от способов их познания. Они — «точка встречи» физики и психологии. Автор пишет:

> ...Нет такой простой сущности, на которую вы могли бы указать и сказать: эта сущность является физической, а не ментальной. Согласно Уильяму Джеймсу и нейтральным монистам, такого не случается с любой простой сущностью, которую вы можете взять... Я не претендую на знание того, является он (нейтральный монизм. — *Авт.*) истинным или нет. Я все более и более склоняюсь к чувству, что он может быть истинным [с. 215].

1.4.2. Представления о соотношении объекта и его образа

Напомню утверждение П. Кюглера [2007, с. 132], что после работ И. Канта философская мысль перестала рассматривать психические образы как копии или

копии копий и придала им роль творящего начала, истинного смысла и нашего ощущения бытия и реальности. О том же говорит В. Виндельбанд (1995а):

> Критика чистого разума (Канта. — *Авт.*) раз и навсегда установила невозможность для зрелого философского сознания мыслить мир так, как он является наивному сознанию, то есть «данным» и отраженным в сознании. Во всем том, что нам представляется данным, кроется уже деятельность нашего разума: на том факте, что мы сначала создаем для себя вещи, и основывается наше познавательное право на них [с. 9].

Для того чтобы понять, приняла ли психология такую точку зрения, приведу несколько определений из авторитетных источников:

> Объект... То, что существует вне познающего и действующего субъекта, независимо от его ощущений, чувств и желаний, и может стать предметом его направленной активности в качестве предмета познания и деятельности [Психологический словарь, 2007, с. 393].

> Образ восприятия — субъективная представленность предметов окружающего мира или их свойств [там же, с. 389].

> Объект — понятие, используемое в психологии в трех основных значениях: 1) ...то, на что направлена деятельность человека как субъекта; 2) ...то, что противостоит человеку как субъекту. ...Предполагается, что субъект играет активную, а объект — пассивную роль; 3) любой предмет или человек, на которого направлено внимание данного человека [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 288].

> ...образ восприятия — отражение внешнего объекта в идеальном плане... [там же, с. 283].

> Объект. ...В исследованиях восприятия и познания — аспект окружения, который осознается кем-то. Это значение выражается в таких фразах, как стимульный объект в отношении физического объекта, который кто-то обнаруживает, ощущает или распознает... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 539].

> Образ восприятия (син. перцептивный образ, перцепт) — отражение в идеальном плане внешнего объекта (сцены), воздействующего на органы чувств [Большой психологический словарь, 2004, с. 342].

Цитаты можно было бы продолжить, но и так совершенно очевидно, что понятие *объект* обозначает в психологии некий самостоятельно и независимо от человека существующий, в том числе в физической реальности, предмет, тогда как его *образ* — психическую репрезентацию данного предмета. Подобные взгляды разделяют и российские, и зарубежные исследователи, в том числе признанные авторитеты. Так, Дж. Гибсон (1988), например, полагает, что физический объект —

> это просто устойчивое вещество с замкнутой или почти замкнутой поверхностью [с. 75].

Из всего сказанного понятно, что вопрос «*Есть ли физические объекты во внешнем мире сами по себе или это сущности, конструируемые нашим сознанием?*» психологи решают в рамках «здравого смысла», а не философии, хотя этот вопрос — один

из центральных не только для философии, но и для психологии, и для последней, в общем-то, принципиальный.

Сегодня в психологии существуют разные точки зрения на соотношения объекта и его образа. Хотя можно попробовать выделить главные. Собственно говоря, они традиционны и были представлены в философии в течение многих веков. В соответствии с первой, которой по-прежнему придерживаются подавляющее большинство исследователей, образы восприятия «отражают» реально существующие физические объекты. В соответствии со второй окружающий мир — продукт нашего сознания. Третья пытается объединить первые две. Первая точка зрения, которая восходит еще к Аристотелю и даже, по-видимому, к еще более ранним мыслителям, рассматривает образы как отражения, модели или репрезентации реально существующих в физическом мире объектов. В. Виндельбанд (2007а) пишет:

> Учение, что чувственный мир есть лишь слабое отражение внешнего мира, так же старо, как метафизическое мышление вообще. Оно не чуждо ни мудрствованиям индийской философии, ни логической ясности древнегреческих систем; неоднократно при различных обстоятельствах выступало оно в средние века в философии [с. 73].

Эта точка зрения может быть выражена следующими недавними словами В. И. Белопольского (2007):

> Посредством эффекторного (в широком смысле) звена деятельности возникающий образ постоянно соотносится, «уподобляется» своему источнику — реальному объекту или ситуации, за счет чего и достигается его адекватность... [с. 26].

М. Вартофский [1988, с. 189–190], например, рассматривает объекты восприятия как:

> ...независимые от восприятия, хотя они... воспринимаются нами *посредством их репрезентаций.*

Он считает объекты восприятия:

> ...реальными, то есть пространственно-временными, или материальными объектами (или процессами), которые мы воспринимаем,

а сами репрезентации —

> «перцептивным артефактом», «опосредующими «реалиями»... которые мы не воспринимаем, но *посредством которых* мы воспринимаем реальные объекты (или реальные процессы).

Не вполне понятно, как объект восприятия, например «нечто» твердое, кислое, теплое или зеленое, может рассматриваться «как независимое от восприятия», так как очевидно, что нечто кислое, твердое, теплое или зеленое «независимым от восприятия» в принципе быть не может.

Сходных взглядов придерживаются и многие другие исследователи. У. Найссер (1981), например, пишет:

> ...влияние воспринимающего на окружающий мир пренебрежимо мало; он не изменяет объекты, когда рассматривает их или прислушивается к издаваемым ими звукам.

(Имеются, разумеется, исключения, особенно в микромире физики, но они не будут интересовать нас здесь) [с. 71].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) констатируют:

Объект в психологии понимается как фрагмент реальности, на который направлена активность субъекта в процессе взаимодействия его с внешним миром. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект взаимодействует с ними. ...Объективный мир представляет собой материальный континуум меняющейся плотности. Сгущение плотности материи есть физические тела различного размера. Субъект, воспринимая их, формирует объекты, величина которых варьируется в пределах ряда, определенного физическими законами и ограниченного пределами наших знаний, от нейтрино и электрона до галактик и их констелляций. ...Мысль о том, что такая априорная конструкция, как объект, есть структура опознания, явно или скрыто прослеживается практически во всех базисных психологических теориях. ...Объект понимается как некая оперантная конструкция, существующая до субъекта и независящая от него. Это положение считается столь очевидным и психологически естественным, что даже не аргументируется [с. 67].

Вторая точка зрения на соотношение объекта и его образа представляет собой современные варианты представлений Платона, Д. Беркли и многих других мыслителей, в соответствии с которыми объекты внешнего мира и, естественно, их образы являются порождениями нашего сознания. В. Иттельсон, например, считает, что:

...мир, как мы его ощущаем, является продуктом восприятия, а не его причиной [цит. по: А. Н. Гусев, 2007, с. 276].

Ж. Бодрийяр (2006) замечает, что:

...сегодня естественные науки пришли к признанию принципиального исчезновения объекта в поле виртуализации: отныне объект неуловим [с. 37].

Третья точка зрения пытается, и вроде бы небезуспешно, найти компромисс. Г. Гельмгольц (2002) полагает, например, что наши образы — это лишь знаки предметов, которые мы научились использовать. Он пишет:

...человеческие представления, равно как и все представления каких бы то ни было существ, наделенных разумом, являются такими образами, содержание которых существенно зависит от природы воспринимающего сознания и обусловлено его особенностями. Я считаю поэтому, что нет смысла говорить о какой бы то ни было другой истинности наших представлений, кроме *практической*. Наши представления о предметах просто *не могут* быть ничем другим, как символами, то есть естественно определяемыми знаками предметов, которые мы учимся использовать для управления нашими движениями и действиями. Если мы научились правильно читать эти символы, то мы можем с их помощью так организовать свои действия, чтобы они приводили к желаемому результату, то есть появлению новых ожидаемых ощущений. Другое соотношение между представлением и предметом не только не может существовать в *действительности* — с чем согласны все школы, — но оно просто *немыслимо*... Представление и его объект принадлежат, очевидно, двум совершенно различным мирам, которые в такой же степени не допускают сравнения друг с другом, как цвета и звуки, буквы в книге и звучание слов, которые они обозначают [с. 36–37].

Э. Кассирер (2006) тоже считает, что

...наши ощущения и представления (читай «образы». — *Авт.*) суть знаки, а не *отображения* предметов. ...От образа мы требуем некоторого подобия с отражаемым объектом, а в этом подобии мы здесь никогда не можем быть уверены. Напротив, знак не требует никакого материального сходства в элементах, а лишь функционального соответствия в структуре [183, 349].

Все наше знание, как бы оно ни было завершено в себе самом, никогда не дает нам самих предметов, а знаки этих предметов и их взаимоотношений [с. 347].

Он уточняет:

Предметы физики в их закономерной связи представляют собой не столько «знаки чего-то объективного», сколько объективные знаки, удовлетворяющие определенным логическим условиям и требованиям. Из этого само собой вытекает, что мы никогда не познаем вещей в том, что они представляют собою, а всегда познаем их лишь в их взаимоотношениях и что мы можем констатировать в них лишь отношения пребывания и изменения. Но это положение уже не заключает больше в себе ни одного из тех скептических выводов, которые связаны с ним в реалистической метафизике [с. 350].

Примерно о том же говорит Б. Рассел (2001):

На самом деле не бывает иллюзий чувств, бывают только ошибки в истолковании данных как знаков вещей, иных, чем они сами [с. 181].

Обсуждая опыты с инверсионными очками, М. Мерло-Понти (1999) замечает, что образы восприятия — это скорее:

...система визуальных данных, воспринимаемых как простые знаки для дешифровки, которые еще следует переводить на язык пространства [с. 314].

В. М. Бехтерев (1999) тоже полагает, что:

...образ следует понимать не как статическую совокупность ощущений, а как знак, «иероглиф», сконструированный рассудком из ощущений, для обозначения конкретных условий [с. 163].

Таким образом, то, что мы считаем образами предметов или вещей, по мнению приверженцев третьего направления, — лишь знаки реальных сущностей. Впрочем, сторонники первого направления тоже, по сути дела, считают образы предметов иконическими знаками реальных физических предметов. *Если, как полагают многие исследователи, образ восприятия объекта — знак этого объекта, то что же такое знак?* В литературе определение знака очень многозначно и довольно расплывчато. В контексте настоящего обсуждения мне представляется несколько более предпочтительным следующее:

Знак — элемент символического моделирования явлений объективного мира, основанный на подстановке одного предмета или явления вместо другого, которая служит цели облегчения моделирования тех или иных отношений исходного предмета [Большой иллюстрированный психологический словарь, 2007, с. 205].

Ч. С. Пирс (2000) определяет знак более широко:

> Знак, или репрезентамен, есть нечто, что замещает собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. ...Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю интерпретантом первого знака. Знак замещает собой нечто — свой объект. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая к некоторой идее, которую я называю основанием репрезентамена [с. 48].

Если согласиться с тем, что психический образ объекта представляет собой знак этого объекта, то возникает вопрос: какого рода знаком он является? Иконическим, как считают сторонники независимого от человека существования объектов, или каким-то иным?

Ч. С. Пирс выделяет три вида знаков: 1) икона; 2) индекс; 3) символ. Он говорит:

> ...все, что угодно, может служить Заменой всему, что угодно, на основании подобия. ...Знак, однако, может быть иконичным, то есть может репрезентировать свой Объект, главным образом, через подобие... Знак есть образ своего Объекта и, выражаясь более строго, не может быть ничем иным, как только идеей — он должен произвести идею Интерпретанта, а внешний Объект — вызвать идею, воздействуя на мозг [с. 76–77].

Иконичные знаки Ч. С. Пирс [2000, с. 77] разделяет на образы, схемы и метафоры. В качестве примеров иконы он [2000, с. 63–67] приводит качества объекта и «некоторую индивидуальную схему». Д. Г. Лахути (2005) поясняет, что:

> ...изображение, изобразительный или иконический знак... знак, имеющий непосредственное, наглядное (например, зрительное) сходство со своим объектом, например портрет, географическая карта, геометрический чертеж [с. 463].

Ч. С. Пирс (2000) выделяет также индекс — знак, обозначающий свой объект, в силу существующей между ними естественной связи. Например, симптом болезни; указательный палец, направленный на предмет; или указательное местоимение, высказанное о предмете. Он пишет:

> Индексальный знак — это знак или репрезентация, отсылающая к своему объекту... в силу существования динамической (включая пространственную) связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, — с другой [с. 94].

> ...Индекс есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует... Индекс находится под влиянием Объекта, он с необходимостью имеет некоторое общее с этим Объектом Качество. И именно в последнем причина того, что он отсылает к Объекту [с. 58–59].

В качестве примеров индексов Ч. С. Пирс [2000, с. 63–67] приводит: флюгер, указательные местоимения, выкрики уличных торговцев, непроизвольный вскрик, направляющий внимание на объект, которым вызвано его (вскрика) наличие. «Выкрик» может быть знаком, только если он имеет значение, связанное с обозначаемым предметом: «Газеты! Газеты!». В противном случае он может лишь привлечь внимание к чему-то: «Граждане! Граждане!» — и знаком будет уже, например, пачка

газет в руках кричащего. «Непроизвольный вскрик» не может быть четко определенным знаком. Максимум — это знак каких-то проблем, внезапно появившихся у вскрикнувшего человека. Ложка — индекс еды, меч — войны, крест на земле — смерти. Шум дождя — индекс дождя, стук колес поезда — индекс дороги.

Третьим видом знака является, по Ч. С. Пирсу, символ[1]. Это знак, связь которого с его объектом не основана ни на сходстве, ни на непосредственной связи, а вменена, или приписана, соглашением или привычкой (законом). Ч. С. Пирс [2000, с. 90] относит символы к «конвенциональным знакам» или знакам, зависящим от привычки (приобретенной или врожденной).

По его мнению:

> ...все слова, предложения, тексты книг и другие конвенциональные знаки — суть Символы [с. 88].

Наследство Ч. С. Пирса при всей своей философской глубине оставляет много неясностей и вопросов: *что есть знак у Ч. С. Пирса — физический объект, или психический, или и то и другое?*[2] *как знак соотносится с образом и идеей?* И многие другие.

1.4.3. Изоморфен ли образ восприятия объекту?

Исследователи, полагающие, что образы — это репрезентации или, по крайней мере, знаки существующих во внешнем мире предметов, давно обсуждают вопрос: *соответствуют ли сенсорные модели репрезентируемым ими физическим объектам и если соответствуют, то насколько?* Большинство авторов (представители первого направления (см. выше)) считают (в полном соответствии со «здравым смыслом»), что образы подобны репрезентируемым ими объектам. Причем так думали не только в XIX в.: Г. Гельмгольц [2002, с. 40], например, считал, что каждый образ подобен своему объекту в одном отношении и отличен в другом, как это имеет место в картинах, статуях, музыкальных и других произведениях, — но полагают и сейчас. В. Ф. Петренко (2005), например, замечает:

> Априори... можно полагать следующее: образы, символы сохраняют отношение подобия с отражаемыми объектами [с. 48].

---

[1] Символ — это знак, который конституирован как знак просто или, главным образом, благодаря тому факту, что он используется и понимается как таковой — имеет ли привычка его использования и понимания естественный или конвенциональный характер — безотносительно к мотивации, обусловившей его выбор [Ч. С. Пирс, 2000, с. 96].

...Символ есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует посредством закона, обычно — соединения некоторых общих идей, которые действуют таким образом, что становятся причиной интерпретации Символа как отсылающего к указанному Объекту. ...Символ... включает в себя особого рода Индекс [Ч. С. Пирс, 2000, с. 58–59].

[2] Тем более что он, например, говорит: «...знак есть вещь, представляющая другую вещь для третьей вещи — интерпретирующей мысли» [Ч. С. Пирс, 2005, с. 174].

О более сложных отношениях изоморфизма[1] между объектами и их образами говорит Б. М. Величковский (2006):

> Как считает... Шепард, между физическими объектами, нейрофизиологическими процессами и субъективными образами существуют отношения изоморфизма. Вместо прямого структурного изоморфизма гештальтпсихологов Шепард имеет в виду «изоморфизм второго порядка», сохраняющий информацию об отношениях между объектами, а не о конкретных признаках объектов. Точное значение этого принципа не получило в работах Шепарда подробного истолкования. Неясно, например, в каком смысле можно говорить об изоморфизме в связи с восприятием и визуализацией вторичных качеств объектов [с. 395].

Тем не менее у нас нет оснований полагать наличие вообще какого-либо изоморфизма между воспринимаемой физической реальностью и нейрофизиологическими процессами, а также между ними и психическими образами.

В силу распространенного и доминирующего заблуждения «здравого смысла» в литературе принято рассматривать образ восприятия в качестве иконы физического объекта, отождествляемого, в свою очередь, с «вещью в себе». До сих пор повсеместно принято считать психический образ как бы «копией, дубликатом, воспроизведением» физического объекта, и в литературе широко обсуждается, насколько точно психические образы, или репрезентации, моделируют объекты, явления, их свойства и действия. Как я уже писал выше, «здравый смысл» не делает ясных различий между психическим образом и образом вообще, понимая и тот и другой как имитацию, копию, дубликат, воспроизведение. Толковый словарь В. И. Даля (1998а), например, определяет образ как «подобие предмета, изображение его» [с. 1582]. Во многом это объясняется, по-видимому, наличием у нас образов представлений и воспоминаний, выступающих как копии, иконы образов восприятия. Возможно, поэтому, в свою очередь, и сами образы восприятия отождествляются «здравым смыслом» с объектами. Хотя из того, что образ представления можно рассматривать в качестве иконы образа восприятия, вовсе не следует, что сам образ восприятия — тоже икона, но уже объекта.

В. Виндельбанд [2007, с. 273–274] цитирует Дж. Локка, который полагал, что даже если чувственные образы ведут свое начало от внешних предметов, у нас нет оснований допускать, будто первые должны быть безусловно похожими на вторые. Например, письменные знаки не имеют ни малейшего сходства с тем, что репрезентируют. Автор продолжает:

> Необходимость... видеть в чувственных качествах только известный род представлений человека, но не копию действительно существующего телесного мира, после того как Галилей, Декарт, Гоббс и Локк с одинаковой энергией проповедовали ее (эту необходимость. — *Авт.*), сделалась настолько общепризнанным и само собой разумеющимся убеждением, разделяемым всей просветительской философией, что Кант, например, в своих гносеологических исследованиях уже не рассматривал специально этого вопроса... он молча предполагал его заранее как основу своих собственных теорий. Действи-

---

[1] Изоморфизм (от греч. isis — «равный», «однозначный» и morphe — «форма») ...тождественность, идентичность форм. Изоморфизм — сходство двух или более объектов по форме или строению.

> тельно, при помощи этих соображений философия больше чем на столетие предварила тот взгляд, который был впоследствии эмпирически засвидетельствован и проведен психологией под именем специфической энергии органов чувств [с. 275].

Тем не менее и сегодня, почти через два с половиной века после появления теории И. Канта, представления о том, что восприятие лишь отражает окружающий нас предметный мир, доминирует в психологии, успешно игнорируя «общепризнанность», о которой писал В. Виндельбанд.

Действительно, учитель Г. Гельмгольца И. Мюллер еще в первой половине XIX в. обратил внимание на то, что возникновение ощущения зависит не столько от воспринимаемого объекта, сколько от мозга и от особенностей импульсов, поступающих по определенным нервам, которые он назвал «специфическими энергиями органов чувств». Из чего следует очевидный вывод: мы воспринимаем не вещи, окружающие нас, а лишь переживаем определенные состояния нашего собственного тела. Наши образы, или репрезентации, моделируют изменения в структурах тела, произошедшие в результате его взаимодействия с окружающими физическими средами (твердыми, жидкими и газообразными), электромагнитными колебаниями, гравитационными полями и, вероятно, с чем-то еще, что мы пока плохо себе представляем. Таким образом, наши ощущения и образы являются особыми проявлениями наших телесных изменений, которые и информируют нас как о состоянии нашего тела, так и через них — о внешней реальности, взаимодействующей с телом. В любом случае мы не можем (хотя и делаем это постоянно) выстроить в одной плоскости прямую цепь явлений между тем, что называем «воспринимаемым физическим объектом», и тем, что называем «психическим образом этого объекта».

Эттнив [цит. по: Н. Смит, 2003, с. 88] указывает, что мы заблуждаемся, когда наивно полагаем, будто окружающий нас внешний мир нам дан, что он просто существует, что мы воспринимаем его совершенно прямым образом. По его словам, кажущаяся непосредственность этого опыта должна быть более или менее иллюзорной, поскольку каждый бит получаемой нами информации о явлениях внешнего мира проходит через наши органы чувств либо прошел через них в прошлом. Вся эта информация опосредуется активностью физиологических аппаратов и передается в мозг в форме кодов. Соответственно, все то, что мы воспринимаем якобы в качестве внешнего реального мира, может быть только репрезентацией, а не копией этого внешнего мира.

В соответствии со «здравым смыслом» до сих пор принято считать, что мы видим свет, что наше зрительное восприятие — это прямой результат попадания отраженного предметом света в глаз, что отражаемый предметом и структурированный им свет якобы «строит на сетчатке проекцию предмета» или, по крайней мере, вызывает в рецепторах сетчатки, а затем и в коре мозга соответствующие структуре предмета структурные же изменения, которые затем приводят к появлению изоморфного предмету визуального образа его восприятия. Дж. Гибсон (1988), однако, замечает:

> ...есть все основания утверждать, что то, что мы всегда видим, — это окружающий мир или факты об окружающем мире, и что мы никогда не видим фотонов, волн или лучистой энергии. ...Если свет в точном значении этого термина никогда не виден как таковой, то из этого следует, что видение окружающего мира не может основываться

на видении света как такового. Как это ни парадоксально звучит, но стимуляцию рецепторов сетчатки нельзя увидеть. Гипотетические ощущения, возникающие в результате такой стимуляции, не являются исходными данными для восприятия. Стимуляция может быть необходимым, но никак не достаточным условием для видения. Помимо стимуляции рецепторов должна быть еще и стимульная информация для воспринимающей системы [с. 94].

...события во внешнем мире не следует смешивать с содержащейся в свете информацией о них. В световом строе нет никаких материальных событий, в нем есть только информация, задающая события, – это также верно, как и то, что в световом строе нет никаких материальных объектов, а есть только инварианты, задающие объекты. В объемлющем свете нет никаких точных копий или изображений объектов реального мира. И то, что происходит во внешнем мире, тоже не может копироваться или дублироваться в свете. Мы должны ясно осознать это, ибо вопреки всему очень уж сильно искушение считать, что движение световых элементов копирует движение тел во внешнем мире... [с. 157].

Итак, даже сам свет (не говоря уже о создаваемых в результате его взаимодействия с рецепторами глаза изменениях в нервных структурах мозга и тем более возникающих затем психических феноменах) не моделирует и не копирует отражающие его физические объекты. Вместе с тем для «здравого смысла» кажется очевидным, что свет содержит копию объекта, отразившего его, так как в зеркале, например, этот отраженный объектом свет порождает копию объекта.

То, что Дж. Гибсон называет «стимульной информацией», есть не что иное, как изменчивость светового потока. Можно только добавить, что в окружающем мире нет и такой сущности, как *информация*. В данном случае то, что называется *информацией*, – просто структурированный, точнее, оцениваемый нашим сознанием как имеющий структуру свет. Он взаимодействует с нашей зрительной системой и вызывает в ней физические изменения. И именно эти изменения моделируются нашим сознанием в виде образа окружающего мира.

Таким образом, между тем, что «здравый смысл» рассматривает как воспринимаемые нами объекты, и нашими визуальными образами их восприятия находятся как минимум два «промежуточных» объекта, радикально изменяющие сущность того, что согласно представлениям «здравого смысла» «непосредственно передается» от реального предмета в сознание. Это, во-первых, свет, так как мы воспринимаем не сами объекты, а отраженный ими свет, и, во-вторых, физиологические структуры нашего тела. П. Фейерабенд (2006) к тому же сомневается в адекватности световой передачи информации через промежуточную физическую среду:

...привычка выражает веру в то, что одни наши чувственные впечатления правдивы, а другие – нет. Мы... уверены, что материальная среда между объектом и нашим глазом не оказывает разрушительного воздействия и что физическая сущность, посредством которой устанавливается контакт, – свет – доставляет нам истинную картину. Все это абстрактные и в высшей степени сомнительные допущения, формирующие наше видение мира, но недоступные прямой критике. Обычно мы даже не осознаем их влияния до тех пор, пока не столкнемся с совершенно иной космологией: предрассудки обнаруживаются благодаря контрасту, а не анализу [с. 115–116].

Р. Л. Грегори [2003, с. 14] отмечает, что наш глаз воспринимает не объект, а лишь «упорядоченный узор световых пятен». Об этом, впрочем, еще задолго до него говорил и Д. Беркли (2000):

> То, что мы видим в строгом смысле этого слова, – это не твердые тела и даже не плоскости разной окраски, это только разнообразие цветов [с. 90].

Тем не менее в результате процесса восприятия в нашем сознании возникает не цветовой узор, а уже образ объекта.

Дж. Гибсон (1988) рассматривает другой аспект проблемы:

> Даже если бы удалось свести оптические возмущения к движению пятен, они все равно не были бы похожи на движение тел или частиц в пространстве. У оптических пятен нет ни массы, ни инерции, они не могут сталкиваться, и на самом деле это не пятна, а встроенные друг в друга формы, которые не могут двигаться. Все это убедило меня в том, что у так называемого оптического движения настолько мало общего с физическим движением, что его не следует даже называть движением. Каким же образом оптическое возмущение соотносится с задаваемым им событием в окружающем мире и есть ли между ними вообще хоть какое-нибудь соответствие? Такое соответствие есть, и оно имеет вид последовательной упорядоченности. Начало и конец возмущения в строе в точности совпадают с началом и концом события в окружающем мире. Если события одновременны, возмущения тоже одновременны [с. 166].

Однако даже соответствие этих событий имеет место лишь в нашем сознании, потому что и то, что принято считать событиями, конституируется сознанием.

Итак, образ – это психический результат физиологических процессов, вызванных воздействием электромагнитных волн («структурированного света», по Дж. Гибсону) на рецепторы нашей сетчатки, не являющийся прямым и обязательным следствием только лишь особенностей этих волн. Так же, как опоздание гражданина Иванова на свадьбу дочери не есть прямое и обязательное следствие лишь плохой погоды, хотя именно из-за нее был отложен рейс самолета, на котором он не прилетел на свадьбу.

Дж. Гибсон (1988) пишет:

> Считается, что сигналы, попадающие в мозг от нервных окончаний, служат материалом для последующей перцептивной обработки в мозгу. Я, однако, исхожу из совершенно иного допущения. Факты убеждают в том, что в стимулах как таковых информации нет, что ощущения светлоты не являются элементами восприятия, а сигналы, поступающие на сетчатку, не являются теми сенсорными элементами, которые обрабатываются мозгом. Для зрительного восприятия, кроме стимуляции, требуется еще и стимульная информация. При однородной объемлющей темноте зрение не работает из-за отсутствия стимуляции. При однородном объемлющем свете зрение не работает из-за отсутствия информации, хотя при этом имеются адекватная стимуляция и соответствующие ощущения [с. 92].

Я уточнил бы, что не «из-за отсутствия информации», так как в физической реальности, в том числе и в световом потоке, просто нет информации, она появляется лишь в сознании. Для возникновения зрительной репрезентации необходим меняющийся световой поток.

Обсуждая то, что образ меняется в зависимости от контекста восприятия, чего не должно было бы быть, если бы между объектом и его образом была жесткая прямая причинно-следственная связь, М. Мерло-Понти [1999, с. 35] обращает наше внимание на то, что отдельно взятый отрезок прямой линии (А) и аналогичный отрезок (Б), включенные в рисунок Мюллера-Лайера, не являются для восприятия «одним и тем же» отрезком (рис. 4).

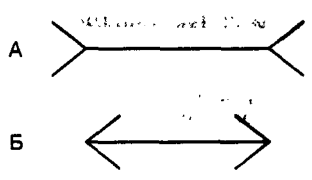

Рис. 4. Рисунок Мюллера-Лайера с отрезками одинаковой длины

Р. Л. Грегори (2003) пишет:

> ...из одних и тех же данных можно «вывести» совершенно разные объекты. Но воспринимаем мы лишь один объект и обычно воспринимаем верно. Ясно, что дело не только в сочетании, сложении нервных паттернов, восприятие строится и из решений. ...Процесс восприятия предусматривает выбор (всегда спорный, нечто близкое к пари) той интерпретации сенсорных данных, которая является наиболее вероятной, если исходить из мира реальных объектов. Перцепция строит что-то вроде гипотез, с помощью которых из сенсорных данных выводится объективная реальность [с. 32, 38–39].

Следовательно, у нас есть все основания говорить о наличии еще и третьего объекта между воспринимаемыми нами объектами и нашими образами их восприятия. Им является само сознание, которое неясным пока способом трансформирует возникающие психические «ответы — впечатления», преобразовывая их в ту или иную завершенную перцептивную репрезентацию в зависимости от условий восприятия и состояния воспринимающего субъекта. Даже в тех случаях, когда причиной появления образов восприятия заведомо является не внешняя реальность, а биохимические и физиологические болезненные изменения в самом мозге (истинные галлюцинации), сознание, формируя или реконструируя психические образы, учитывает контекст реальной ситуации, в которой человек в данный момент находится. Например, В. М. Аллахвердов [2000, с. 317] цитирует К. Ясперса, который отмечает, что размеры галлюцинации у больного изменяются, когда наблюдение за ними он ведет через разные оптические линзы (через объектив или окуляр бинокля); галлюцинации вообще могут пропадать, если больной смотрит на них сквозь непрозрачное стекло.

Неожиданный подход к проблеме соотношения объекта и образа демонстрирует М. Хайдеггер (1988):

> Показывает ли представленное в представлении (образы. — *Авт.*) что-либо из действительного, это очень сомнительно, даже прямо неверно; ведь все действительное есть становление. А всякое представление, как устанавливание, сковывает становление и показывает становящееся в остановке, стало быть, таким, каково оно *не* «есть». Представление дает только видимость действительного [с. 300–301].

Автор пытается доказать несоответствие окружающей реальности образам ее восприятия на том основании, что образы неизменны, в смысле статичны, тогда как окружающая реальность непрерывно меняется и не может быть достоверно репрезентирована статичной репрезентацией.

Я уже говорил о том, что наши образы восприятия — это не копии и даже не изоморфные знаки объектов. О какой изоморфности можно говорить, например, применительно к цвету? Конкретный цвет – явно не изоморфный знак той «вещи в себе», которую мы называем *электромагнитными колебаниями с определенной длиной волны.* Так же, как, например, звук — это не изоморфный знак колебаний окружающей человека воздушной среды, а нечто принципиально иное — репрезентация результата действия этих колебаний на тело человека. То же самое касается и любых других ощущений: теплого, кислого, шершавого и т. д. Все они — порождения нашего сознания, взаимодействующего через наше тело с чем-то, являющимся «сущностью в себе», но никак не изоморфные знаки этой сущности.

Наши образы и ощущения репрезентируют не воспринимаемый нами и независимо от нас существующий в физической реальности объект, а изменения, возникающие в нашем теле при взаимодействии с окружающей реальностью. Следовательно, они лишь соотносятся каким-то сложным и непонятным образом с особенностями окружающей реальности, а не отражают их напрямую. Однако мы можем быть уверены, что они все-таки достаточно жестко соотносятся с особенностями определенных граней реальности. Это условие обеспечила эволюция, которая оставила только организмы, адекватно репрезентирующие внешнюю реальность.

В чем заключается адекватная соотнесенность наших репрезентаций с окружающим миром, сказать так же трудно, как и ответить на вопрос, что собой представляет сама окружающая нас «реальность в себе». Вместе с тем совершенно очевидно, что «здравый смысл» хоть и заблуждается в деталях, не улавливая тонкой специфики особенностей нашего восприятия, замеченных философами, но ухватывает главное. То, что наше восприятие адекватно репрезентирует окружающий мир. Объяснение этой адекватности реальности наших репрезентаций, предлагаемое «здравым смыслом» в форме изоморфизма перцептивного образа объекту восприятия, принять нельзя, но и у философии пока нет своего объяснения этой адекватности.

Самым простым примером адекватности соотнесения объекта и его репрезентации является то, что увеличение интенсивности стимула увеличивает в определенных пределах силу ощущения, испытываемого воспринимающим его человеком. Вряд ли можно считать субъективный переход от ощущения холодного к теплому и далее горячему изоморфным тем процессам, которые происходят в нагревающемся на плите чайнике, но, безусловно, эти субъективные репрезентации адекватно соотносятся с процессами, происходящими в чайнике.

Из того факта, что образ восприятия объекта не изоморфен объекту как «вещи в себе», а сам объект — это конструкция нашего сознания, вычленяющего и именно так конституирующего определенную часть «реальности в себе», естественно, совершенно не следует, что физической «реальности в себе» нет. В. Виндельбанд (2007а) пишет:

> ...иногда он (Кант. – *Авт.*) даже не боялся пользоваться расхожим аргументом обыденного мышления, по которому существование такого мира, находящегося вне наших представлений, нужно признавать как причину ощущений, как то, что «аффицирует» нашу чувственность, или то, что «соответствует явлению», хотя при этом Кант все-таки не мог не отдавать себе отчета в том, что он только что запретил употребление за пределами опыта категорий бытия, субстанциальности и причинности [с. 102].

Итак, существует недоступная нам напрямую, или трансцендентная, «реальность в себе», которую наше сознание даже уже на чувственном уровне ни в коем случае не «отражает» и даже, пожалуй, не столько воспринимает (если понимать это слово в его привычном для большинства людей смысле – как «копирует»), сколько пытается как-то репрезентировать себе, конституируя ее в весьма специфической и, конечно, не в изоморфной самой «реальности в себе» знаковой форме. Если сенсорные психические репрезентации не изоморфны реальности, то они не являются ее иконическими знаками. *Тогда какими знаками они является?* Вероятно, образы восприятия, скорее, знаки-индексы, основанные на реально существующей смежности во времени и месте означающего и означаемого, указывающие нам на окружающую нас «реальность в себе». Они не являются знаками-символами, как полагает Г. Гельмгольц, потому что не нуждаются, как знаки-символы, в наличии социальной среды и социальном научении. Образы восприятия не конвенциональны. Они обеспечивают даже инстинктивное безусловно-рефлекторное реагирование субъекта на изменения реальности с момента его рождения. Другое дело – понятия, которые уже представляют собой знаки-символы, установленные по соглашению людей, и требуют социального окружения. Что касается образов представления и воспоминания, то это — иконические знаки, но лишь по отношению к соответствующим образам восприятия, а не по отношению к репрезентируемым ими объектам.

На вопрос о том, есть ли в физической реальности независимые от нашего сознания предметы, вещи, явления, вслед за И. Кантом следует ответить отрицательно. Хотя критики вполне могут указать нам, что если машина наедет на сомневающегося, то сомнения в ее существовании оставят его вместе с жизнью. Действительно, физическая реальность, бесспорно, есть, но мы обсуждаем не вопрос наличия или отсутствия физической реальности, а лишь изоморфность ей наших психических репрезентаций ее.

Факт существования «реальности в себе», безусловно, подтверждается и тем, что человек способен воздействовать на «реальность в себе», изменяя ее совершенно определенным предсказуемым образом и даже создавая в ней новые искусственные сущности – предметы. Он, например, конструирует машины, строит дома и мосты. Наконец, пишет книги. И эти искусственные предметы сохраняются на протяжении длительного времени. Однако из этого не следует, что в физической реальности существуют предметы, изоморфные нашим образам их восприятия.

Э. Кассирер (2006) совершенно справедливо полагает, что:

> ...познать содержание — значит превратить его в *объект*, выделяя его из стадии только данности и сообщая ему определенное логическое постоянство и необходимость. Мы, таким образом, познаем не «предметы» — это означало бы, что они раньше и независимо *определены и даны как предметы*, а *предметно*, создавая внутри равномерного течения содержаний опыта определенные разграничения и фиксируя постоянные элементы и связи. Понятие предмета, взятое в этом смысле, уже не представляет собой последней *границы* знания, а, наоборот, его основное средство, пользуясь которым оно выражает и обеспечивает все то, что сделалось его прочным достоянием. Это понятие обозначает логическое владение самого знания, а не нечто темное, потустороннее, навсегда ему недоступное. Таким

> образом, «вещь» — уже больше не неизвестное, лежащее перед нами только как материя, а выражение формы и модуса самого постижения. Все то, что метафизика приписывала как *свойства* вещи самой по себе, оказывается теперь необходимым моментом в процессе объективирования [с. 348].

> ...мы посредством наших представлений не познаем прямо действительности в ее изолированных, в себе сущих, свойствах, но познаем зато правила, которым подчинена эта действительность и сообразно которым она изменяется. Недвусмысленно и как факт, без всяких гипотетических подстановок, мы можем найти *закономерное* явление, и эта закономерность, представляющая собой для нас условие понятности явлений, есть вместе с тем единственное свойство, которое мы можем непосредственно перенести на самые вещи [с. 349].

По мнению автора (2002):

> ...изобилие образов не раскрывает, а, наоборот, как оболочка, скрывает стоящее за ним лишенное образа Единое, к которому все они тщетно стремятся. Лишь отказ от образной определенности, или, как это называется на языке мистики, возврат к «чистому ничто» может вернуть нас к подлинной праоснове и первосущности [с. 46–47].

Таким образом, Э. Кассирер предлагает еще один взгляд: наши чувственные репрезентации не столько репрезентируют, сколько «скрывают» стоящее за ними «Единое», или «реальность в себе».

В заключение остается еще раз повторить, что образ восприятия объекта — это не изоморфный знак той «сущности в себе», которую он нам репрезентирует, но он жестко соотнесен с ней и адекватен ей и ее изменениям.

1.4.4. Образ восприятия как физический объект

Кроме проблемы изоморфизма наших репрезентаций, существует еще одна. Дело в том, что мы даже не пытаемся подвергнуть сомнению постулат о том, что объект существует в физическом мире наряду с его психической репрезентацией в нашем сознании. Этот постулат настолько стар, что представляется всем совершенно бесспорным и очевидным. Хотя исходно он представляет собой всего лишь утверждение античных мыслителей, которое, как и любая гипотеза, нуждается в доказательствах. Привычная «здравому смыслу» схема такова: есть предмет в окружающем физическом мире (пусть даже и «вещь в себе», недоступная нашему пониманию) и есть наша психическая репрезентация его — образ восприятия этого предмета.

В этом рассуждении, однако, кроется ошибка. Ведь «вещь в себе» — и не вещь еще. Это непонятное «нечто», неясная и недоступная нам напрямую часть «реальности в себе», которая превращается в «вещь» лишь в процессе взаимодействия с нашим сознанием и лишь для него. Именно сознание конституирует предмет, трансформирует амодальное, аморфное «нечто» в конкретную «вещь», обладающую чувственными свойствами. Сознание, создавая особую психическую репрезентацию, тем самым, собственно, и формирует «вещь» или понятный нам «объект». Следовательно, вне сознания нет «объекта», а есть лишь фрагмент трансцендентной

«реальности в себе». Все это сказал еще два с лишним века назад И. Кант, и вроде бы исследователи в основном с ним согласились. По крайней мере, нет столь же обоснованной и серьезной, как его учение, критики этой теории, хотя самой критики, конечно, много.

Давайте пойдем вслед за И. Кантом, но дальше. Если объект (или вещь) создается сознанием, то возникает очевидный и единственный логический вывод: в самом сознании нет привычной нам «копии» или «как бы копии» объекта в виде его образа восприятия или психической репрезентации, а есть сам единственный и отсутствующий где-либо еще объект. Не надо умножать сущности без нужды (как учил У. Оккам, 2010). В физической реальности есть нечто трансцендентное и непонятное нам. Оно взаимодействует с нашим телом, и в нашем сознании возникает репрезентация результата взаимодействия, которое мы принимаем за само это «нечто». Репрезентация не «отражает», не «копирует» это «нечто», а лишь сложным и непонятным образом с ним соотносится. И эта репрезентация и есть для нас «объект», «вещь». Причем она, будучи психической, сущностно принципиально отличается от физической «вещи в себе». Общим между ними является лишь понятие *вещь*, которое и вводит исследователей в заблуждение. Правильнее было бы поэтому «вещь в себе» называть «частью реальности в себе», так как она еще и не «вещь» вовсе. В «вещь», «предмет» превращается лишь наша чувственная психическая репрезентация, конституированная соответствующим понятием: *вещь*, *предмет*, *объект* и т. д.

Дж. Лакофф (2004) замечает:

> Метафизический реализм говорит: существует только один правильный способ разделения реальности на объекты. Патнэм, будучи реалистом, не отрицает существования объектов. Возьмем, например, стул и меня, сидящего на этом стуле. Он существует. Если бы он не существовал, я бы упал на пол. Однако этот стул может быть рассмотрен правильно разными способами. С молекулярной точки зрения он представляет собой колоссальное скопление молекул, а не единую недифференцированную, ограниченную сущность. С точки зрения волновых уравнений физики существует не стул, но только волновые формы. С человеческой точки зрения это единичный объект. Таким образом, вопрос, является ли стул отдельным объектом — единичной, отграниченной от всех других сущностью, или пучком молекул, или волновой формой, не имеет единственного правильного ответа. Все ответы могут быть правильными, но правильными в различных концептуальных схемах. Стул реален во всех этих схемах, но он имеет статус единичного, отдельного объекта только в одной из них. Таким образом, когда Патнэм говорит: «“Объекты” не существуют независимо от концептуальных схем», он не отрицает реальность объектов; скорее, он оставляет открытой возможность того, что то, что характеризуется как определенный объект определенного вида в одной концептуальной схеме, может быть описано иным образом в другой, столь же законной схеме. Вопрос не в том, существует ли реальность, но в том, существует ли единственно правильный способ ее описания во всех случаях [с. 342].

А «единственно правильным способом ее описания во всех случаях» для нас является в первую очередь описание наших сенсорных ее моделей, которые, однако, сами являются специфически человеческими и оттого крайне субъективными и зависимыми как от нашей биологии, так и от наших концептуальных систем.

В психологии доминируют представления, противоречивость и неясность которых, как это ни странно, не привлекает к себе внимания исследователей. Например, с одной стороны, считается, что образ восприятия предмета — это психическое явление, а раз так, то, как и все ментальные феномены, он существует в особом воспринимаемом психическом пространстве. С другой стороны, постулируется существование вокруг нас еще и реального физического пространства, заполненного физическими предметами, которые мы и воспринимаем. Никто особенно не возражает и против теории И. Канта о том, что в физической реальности нет предметов или вещей, а есть лишь «вещи в себе», которые еще и не вещи вовсе. Вещи же, в соответствии с теорией И. Канта, появляются лишь в сознании воспринимающего. В результате в сознании исследователей происходит «удвоение», а то и «утроение» сущностей. Кроме «вещи в себе» и вещи-репрезентации, между ними появляется более понятная «здравому смыслу» третья «вещь» — «физическая».

В этом умножении сущностей нашим сознанием виноваты наши старые как мир теории, моделирующие этот мир и нас в нем, которые, как всем представляется, настолько бесспорны, что даже не нуждаются в подтверждении. Нам следует, однако, вспомнить здесь слова У. Джеймса и других философов о зависимости рассматриваемой сущности от плоскости ее рассмотрения или контекста. Если мы рассматриваем, например, свой образ восприятия в качестве воспринимаемого нами элемента физического мира, то он превращается, как отмечали У. Джеймс, Э. Мах и Б. Рассел, в физический предмет, существующий в объективной физической реальности. Если же мы рассматриваем тот же самый вроде бы элемент физического мира, но уже как свой образ восприятия (в качестве психического феномена), то в нашем рассмотрении немедленно появляется некая психическая «как бы копия» физического предмета, существующая уже в воспринимаемом психическом пространстве.

Нейтральные монисты допускали, что одна и та же сущность может как бы превращаться для нас в два разных объекта: и физический предмет, и психическое явление в зависимости от контекста рассмотрения, но фактически объект все же один — психический и в разных контекстах, просто он выглядит и трактуется нами по-разному. Следовательно, мы приходим к тому, что физический объект и образ его восприятия — это одна и та же сущность, которую можно рассматривать под разными углами зрения и трактовать в разных плоскостях по-разному: то как физический объект, то как психический образ его восприятия.

Обращают на себя внимание и другие существующие в психологии противоречия, заключающиеся в том, что, с одной стороны, образ восприятия репрезентирует предмет восприятия, с другой стороны, он же «имеет качество предметности»; с одной стороны, он репрезентирует объект внешней реальности, с другой стороны, он же «имеет свойство реальности»; с одной стороны, он моделирует целостный объект, с другой стороны, он сам «является гештальтом» (см., например: Ф. Х. Олпорт, 2002; А. Н. Гусев, 2007; А. Д. Логвиненко, 1987 и др.). Забавно то, что «здравый смысл» обычного человека естественно и привычно отождествляет образ восприятия объекта с самим объектом и лишь исследователи их разделяют.

Попробуем замкнуть логическую цепь. 1. Во внешнем по отношению к сознанию мире нет физического объекта, а есть лишь неясный и недоступный нашему

прямому познанию и пониманию, данный нам лишь в форме чувственно воспринимаемых психических явлений, то есть трансцендентный, как указывают нам великие философы, фрагмент «реальности в себе». 2. В сознании есть то, что принято называть «образ восприятия объекта», который, однако, обладает всеми свойствами объекта: *предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находится во внешней реальности* и т. д. [Ф. Х. Олпорт, 2002; А. Н. Гусев, 2007; А. Д. Логвиненко, 1987 и др.]. 3. При этом мы упорно и привычно пытаемся вставить между фрагментом «реальности в себе» (или «вещью в себе», по И. Канту) и тем, что называется «образом восприятия объекта», еще и некий понятный «здравому смыслу» физический объект. Возникает вопрос: *насколько это адекватно и оправданно?*

Мне представляется очевидным, что необходимо сделать заключительный шаг, чтобы принять факт идентичности образа восприятия физического объекта и того, что мы называем самим физическим объектом, — понять, что образ восприятия объекта — это не просто «как бы картинка в голове», а единственно реальный объект внешнего мира, данный нам в единственно возможной для нас форме — в форме психической репрезентации. Он и есть конституируемый сознанием именно в таком виде объект реальности. Другого физического объекта нет и не может быть нигде больше. Образ восприятия поэтому представляет собой абсолютный и единственно данный нам «подлинник» того, что мы привыкли считать независимо от нас существующим физическим объектом. И «вещность» объекту придают исключительно наши психические, чувственные его репрезентации. Привычному же для «здравого смысла» самостоятельному от нас объекту и некуда «вклиниться» между амодальной «частью реальности в себе» и ее перцептивной полимодальной репрезентацией в нашем сознании в виде воспринимаемого нами предмета.

Могут задать вопрос: если образ восприятия — это не копия, а единственный подлинник объекта, то почему я, например, называю его психической моделью? Мне остается только признать это противоречие. Оно демонстрирует существующее несовершенство нашего понятийного аппарата. Говоря о психической модели, я использую этот термин в ином, не совсем привычном значении, но другого термина пока просто нет.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

> Представьте, что мы показываем яблоко тому, кто никогда не встречался с подобного вида фруктом. Он вряд ли поймет, что это и для чего это предназначено. Однако можно гарантировать, что он увидит нечто круглое, красное и, без сомнений, существующее материально — короче, он воспримет это яблоко как объект [с. 253].

Образ восприятия мы действительно расцениваем всегда и однозначно не иначе как физический объект или непонятное, но реальное явление. Однако яблоко репрезентировано в сознании взрослого человека и чувственными образами, и понятием *яблоко.* Поэтому могут спросить: *раз есть две разные репрезентации яблока, как же тогда можно отождествлять образ восприятия яблока и объект «яблоко»?* Здесь, однако, нет никакого противоречия, так как вербальная репрезентация яблока вторична по отношению к чувственной репрезентации. Вербальная репрезента-

ция всегда дублирует чувственную репрезентацию там, где есть последняя. Там же, где ее нет, вербальная репрезентация сама конституирует объект реальности, подлинный или мнимый, и становится им для человека. Как мы увидим ниже, она конституирует объекты и другие сущности физической реальности столь же легко и часто, как делают это чувственные репрезентации.

Кстати, в литературе давно и с самых разных позиций, в том числе и прямо противоположных моей, обсуждается идея о том, что наш образ восприятия объекта и есть объект. Так, Н. Смит (2003) сообщает, что Б. Скиннер, например, подвергает сомнению логику, лежащую в основе предположения, что мы реагируем на репрезентации мира, а не на сам мир. И приводит его слова:

> Если познание заключается в конструировании психических (ментальных) копий реальных вещей, как мы познаем копии? Быть может, мы создаем копии копий, копии, копии, копии и т. д.? Когда мы передвигаемся по определенной местности, конструируем ли мы карты, по которым мы ориентируемся, или мы ориентируемся на самой местности? А если у нас есть карты, создаем ли мы карту карты? Напротив, считает он, «тело реагирует на мир в точке контакта; создание копий было бы пустой тратой времени» [с. 110].

Н. Смит (2003) продолжает:

> ...Теория прямого реализма также подхватывает аргументацию, критикующую репрезентационизм. Герген (Gergen, 1994) также считает, что конструкт ментальных репрезентаций должен предполагать, что и ученые имеют дело только с собственными репрезентациями, а не с реальным миром; и в конечном итоге научная психология становится просто невозможной, а мир оказывается лишенным познаваемой реальности. В таком случае мы можем знать мир только в том виде, как он репрезентируется [с. 110].

Дж. Гибсон (2002а) не формулирует прямо идею о том, что восприятие — это не «отражение», а процесс построения нашим сознанием окружающего мира, сопровождающий непосредственное взаимодействие нашего тела с «реальностью в себе». Он не предлагает какой-то ясной и законченной теории, которая могла бы конкурировать с общепринятой. Тем не менее и его не устраивает репрезентационизм. Он пишет:

> Согласно развиваемой здесь теории, не нужны никакие процессы для превращения сенсорных данных в образы восприятия. Предполагается, что не только качественные характеристики объектов, но и сам их объективный характер, их реальность, вещественность и тому подобное раскрываются в стимуляции. Объекты как бы «ощущаются». Данный подход, следовательно, не является теорией восприятия в обычном смысле этого слова. Предлагается полностью отказаться от понятия ощущения как первоосновы феноменального опыта и таким образом очистить психологию от упорно сохраняющегося мнения, что сенсорные впечатления являются предпосылкой других впечатлений [с. 185].

В другой работе Дж. Гибсон (1988) пишет более ясно:

> ...когда я утверждаю, что восприятие окружающего мира является прямым, я имею в виду, что оно не опосредовано никаким изображением — ни сетчаточным, ни

> нервным, ни психическим. Прямое восприятие — это собый вид активности, направленный на получение информации из объемлющего светового строя. Этот процесс я назвал извлечением информации [с. 213].

Ниже он снова уточняет, что «прямое восприятие» — то, которое не опосредуется предварительными гипотезами, то есть из его работ однозначно не следует, что он готов отказаться от образов восприятия, заменив их объектами реальности. Однако идея некоего «прямого» восприятии окружающей реальности постоянно подспудно присутствует в его работах, и он то и дело возвращается к ней.

Б. М. Величковский (2006а) замечает:

> Внутри определенной «экологической ниши» восприятие не должно быть конструкцией мозга (мнение Гельмгольца) или вероятностной игрой в угадывание (мнение создателя вероятностного функционализма Экона Брунсвика) — оно может быть и действительно является прямым. В этом ответе на то, как осуществляется восприятие, суть экологического подхода Гибсона [с. 320 -321].

Н. Смит (2003) обращает внимание на утверждение Дж. Гарфилда о том, что:

> ...репрезентации являются не внутренними состояниями организма (или компьютера), а отношениями организма (или компьютера) и окружающей среды, точно так же, как быть родителем — это не внутреннее состояние, а наличие определенных отношений со своим потомством [с. 88].

Итак, в окружающем нас физическом мире вне нашего сознания нет, например, сиреневого сильно пахнущего гиацинта или кислой дольки лимона с цитрусовым ароматом и желтой корочкой, а есть совершенно иные «сущности в себе», не имеющие вне нашего сознания ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни формы. Придать последние конституируемому предмету может лишь наше сознание, ибо все перечисленное — это его атрибуты, психические явления, а не свойства неких физических предметов, и именно наше сознание наделяет амодальные «вещи в себе» чувственными свойствами и специфическим бытием.

1.4.5. Физическое и психическое

Если согласиться с тем, что образ восприятия объекта — это и есть физический объект, становится понятно, почему завершились неудачей все попытки философов разделить физическое и психическое. Одну из первых широко известных попыток такого рода предпринял еще Ф. Брентано (2006). Согласно его представлениям, психическими феноменами являются психические акты:

> ...слышание звука, созерцание цветного предмета, ощущение тепла или холода... [с. 71].

Тогда как физическими феноменами являются сами

> цвет, фигура, ландшафт... аккорд... тепло, холод, запах... [там же].

После этого подобные попытки делали и многие другие исследователи.

Аргументированную и сравнительно недавнюю попытку разделить психические и физические явления предпринял, например, С. Прист (2000). Он пишет:

> Мой взгляд, в соответствии с которым и ментальное, и физическое реальны, дофилософски и эмпирически убедителен. Также ничто не является ментальным в том отношении, в котором оно является физическим, и ничто не является физическим в том же отношении, в котором оно является ментальным [с. 266].

На основании анализа литературы автор выделяет следующие признаки ментального и физического (табл. 3).

Таблица 3. Признаки ментального и физического

Ментальное	**Физическое**
Внутреннее	Внешнее
Темпоральное	Пространственно-временное
Личное	Общедоступное
Некорректируемое	Корректируемое
Единственное	Многое
Свободное	Детерминированное
Активное	Пассивное
Я	Другое
Духовное	Плотское
Неделимое	Делимое
Непротяженное	Протяженное
Бесформенное	Обладающее формой
Невидимое	Видимое
Интенциональное	Неинтенциональное
Субъективное	Объективное

Если даже забыть на время обо всем, сказанном выше относительно того, что образ восприятия может быть либо психическим феноменом, либо физическим объектом в зависимости от плоскости его рассмотрения, приведенные С. Пристом признаки многозначны и явно неспецифичны, а потому и не могут быть использованы с поставленной им целью. Например, *внешнее — внутреннее*. Внешнее по отношению к чему? Телу или сознанию? Если по отношению к сознанию, то сразу возникает вопрос, какой объем в пространстве занимает сознание? Его еще никто не определил и не локализовал в пространстве. Если по отношению к телу, то уже само ментальное пространство явно не «умещается» в нем. Где, например, локализуется представляемый мной плывущим в море или летящим в космосе корабль? Какой будет представляемая мною за окном на фонаре птица — внешней, как она мне видится «умственным взором», или внутренней, так как это мой ментальный образ представления? Каким является мой видимый мною палец? Внешним по отношению

к моему сознанию, так как он — физический объект, или внутренним, так как это — мой образ восприятия и часть моего тела?

Темпоральное (развернутое во времени) — *пространственно-временное*. Предполагается, что ментальное — это не пространственное, а только временное. Тогда чем отличается в смысле пространственности воспринимаемый мною стол, стоящий в комнате, и представляемый мною тот же стол, стоящий в той же комнате? Я лично полагаю, что и тот и другой обладают пространственностью.

Личное — общедоступное. Подразумевается, что личное психическое содержание — недоступно и уникально, а физический объект общедоступен, то есть вызывает у всех людей одинаковые образы восприятия и ощущения. Но это не так. Самый простой пример — разное восприятие одного и того же цвета светофора обычным человеком и дальтоником. Следовательно, один и тот же цвет доступен одному и недоступен другому. С другой стороны, тот факт, что Вторая мировая война закончилась в 1945 г., является лишь фактом сознания, но при этом он — общедоступен.

Некорректируемое — корректируемое. Критерий, восходящий к Р. Декарту, который полагал, что знание о сознании некорректируемое, а знание о физических объектах корректируемое. Мне, наоборот, представляется, что, скорее, наш образ восприятия физического объекта некорректируем нами субъективно, в отличие от легко корректируемого образа представления этого же объекта. Но при этом образ восприятия может быть дополнен при восприятии того же объекта в другом ракурсе, например.

Некоторые критерии имеют явное отношение не столько к ментальному вообще, сколько скорее к «Я». Например, единственное — многое, свободное — детерминированное, активное — пассивное, неделимое — делимое, непротяженное — протяженное, бесформенное — обладающее формой, невидимое — видимое. Психическое содержание явно состоит из многого, но сознание — единственное. «Я» активно, но прочее психическое содержание — пассивно. Точно так же и физическое отчетливо делится на активное (живое) и пассивное (мертвое).

Можно констатировать, что предложенный С. Пристом список не предоставляет нам никаких возможностей для дифференциации ментального и физического. Как, впрочем, и следовало ожидать. Попытка разделить их обречена на неудачу так же, как и попытка разделить точку, находящуюся на пересечении двух прямых линий. Еще раз вспоминается в этой связи открытие У. Джеймсом того, что психическое и физическое различаются нами лишь вследствие контекста, в котором мы их рассматриваем.

Б. Рассел (2007) пишет:

> Я думаю, Джеймс прав... По-видимому, есть психологические и физические законы причинности, отличающиеся друг от друга. Мы можем определить психологию как изучение одной разновидности законов, а физику — как изучение другой. Но когда мы начинаем рассматривать строение двух наук, кажется, что существуют некоторые индивиды, подчиняющиеся только физическим законам (а именно материальные предметы в отсутствие восприятия), некоторые индивиды, подчиняющиеся только психологическим законам (а именно по крайней мере образы), и некоторые индивиды, которые подчиняются и тем и другим законам (а именно ощущения) [с. 237].

Решение многих нерешенных на протяжении веков и кажущихся неразрешимыми проблем психологии и философии заключается в понимании того, что корни этих проблем – в теоретических конструкциях, доминирующих в научном сознании. Лишь их радикальная смена может привести к выходу из тупика, так как именно устаревшие научные взгляды порождают псевдосущности и создают псевдопроблемы. К ним, в частности, относится и проблема соотношения материального и идеального, или физического и психического.

С. Прист (2000) сам замечает:

> Ни один идеалист не отрицает, что существуют столы, кирпичи, куски дерева и все другие предметы, которые мы обычно относим к физическим объектам. Просто идеалисты отрицают два голословно утверждаемых факта относительно физических объектов... что физические объекты существуют вне восприятия и мышления; что физические объекты материальны, то есть состоят из субстанций под названием «материя». ...Главное утверждение идеалиста заключается в том, что физические объекты не существуют независимо от сознаний. Если бы не было сознаний, то так называемые физические объекты не могли бы существовать. То, что существует, существует только в сознании, поэтому то, что мы на уровне здравого смысла, или дофилософски, рассматриваем как физическое, есть на самом деле ментальное. Физическое есть ментальное [с. 94].

Исходя из позиции С. Приста, мою точку зрения следовало бы считать идеализмом, но это лишь очередное упрощение, так как «реальность в себе» есть. Однако физический мир не только дан нам лишь в форме знаковых репрезентаций, но, более того, он строго определенным образом конституирован человеческими понятиями. Любой самый простой физический объект не существовал бы для нас без соответствующего понятия, выделяющего его из аморфной физической «реальности в себе» и отграничивающего его от прочих ее элементов, тоже конституируемых сознанием.

В основе привычного для «здравого смысла» разграничения физического и психического лежат, по сути дела, феноменологические различия между образами восприятия и образами представления-воспоминания. Физическим мы считаем то, что непосредственно чувствуем и воспринимаем. Ментальным же чаще всего – свои образы представления и воспоминания, то есть как бы нечто вторичное по отношению к образам восприятия и ощущениям. Однако привычный нам физический мир в предметной форме – не более чем конструкция, возникающая в нашем сознании в результате взаимодействия нашего тела с физической «реальностью в себе». Конструкция, репрезентирующая нам даже не «реальность в себе», а лишь изменения в нашем теле, сопровождающие процесс ее взаимодействия с ним.

И декартовский дуализм тоже результат нашего интрапсихического феноменологического дуализма – наличия в сознании образов представления и воспоминания, с одной стороны, и образов восприятия – с другой. Б. Рассел (2001) говорит о том же:

> Когда на основе обыденного здравого смысла люди говорят о коренном различии между духом и материей, они в действительности имеют в виду коренное различие между зрительными или осязательными восприятиями и «мыслью» – например, воспоминанием, чувством удовольствия или волнением. Но это, как мы видели,

> есть различия внутри мира сознания; восприятие является таким же психическим явлением, как и «мысль». Более искушенные люди могут думать о материи как о неизвестной причине ощущения, как о «вещи в себе», которая, конечно, не имеет вторичных качеств и, возможно, не имеет также и первичных. Но сколько бы они ни подчеркивали непознаваемый характер «вещи в себе», они все же думают, что достаточно знают о ней, чтобы быть уверенными в ее отличии от духа. Я думаю, что это происходит оттого, что они не избавились еще от привычки представлять себе материальные вещи как что-то твердое, с чем можно столкнуться. Вы можете столкнуться с телом вашего приятеля, но не с его духом; следовательно, его тело отлично от его духа. Этот аргумент как продукт воображения упорно держится у людей, которые отвергли его на основании рациональных соображений [с. 247].

Вопрос о критериях разделения ментального и физического бессмыслен, поэтому прав Ж.-Ф. Лиотар (2001), который замечает, что:

> ...феноменология с необходимостью приводит к отказу от классического различения между внутренним и внешним... [с. 64].

ГЛАВА 1.5

Перцептивные модели

- *Главные свойства восприятия*
- *Прочие свойства образов восприятия*
- *Последствия появления в сознании образов восприятия и ощущений*
- *Образ и ощущение как сложная психическая структура*

1.5.1. Главные свойства восприятия

Дж. Гибсон (1988) рассматривает восприятие как:

> ...поток, аналогичный потоку сознания... [с. 339].
>
> Это «...не процесс обработки чувственных данных, а извлечение инвариантов из стимульного потока» [с. 26].
>
> ...Восприятие – это акт, а не реакция; акт внимания, а не автоматически возникающее впечатление; достижение, а не рефлекс [с. 217].

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004) определяют восприятие как:

> ...сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа (употребляются также термины «перцепция», «перцептивный процесс»). ...Система *действий*, направленных на ознакомление с предметом, воздействующим на *органы чувств*, то есть чувственно-исследовательская деятельность *наблюдения*... [с. 83].

А. Н. Гусев (2007) подчеркивает, что:

> ...восприятие, или перцептивный образ, представляет собой *активный* процесс, создающий *осознанное* психическое отражение *предмета и ситуации в целом* в виде целостного знания... возникающий *при непосредственном* воздействии предмета на органы чувств. ...Это активный и созидательный процесс, опосредованный индивидуальным опытом субъекта, рассматриваемый как решение им своего рода *перцептивной задачи*. В качестве синонима восприятия в психологической литературе также используются термины *образ восприятия* или *перцептивный образ* [с. 13].

Я сказал бы, что восприятие — это акт психического моделирования изменений состояния человеческого тела, которые возникают в процессе его взаимодействия с окружающим миром, включающий в себя конструирование особых психических репрезентаций этих изменений и рассмотрение сознанием образованных конструктов в качестве репрезентаций окружающей реальности.

Ф. Олпорт (2002) выделяет шесть классов феноменов восприятия. Первый класс представлен основными модальностями и субмодальностями сенсорных моделей. Это «цвет, музыкальный тон, запах розы, вкус, боль, переживания давления, тепла или холода...». Второй класс представлен «фигурационными или конфигурационными» феноменами восприятия. Третий класс составляют феномены константности восприятия. Четвертый класс — «субъективные шкалы оценок» качеств, создаваемые человеком. Пятый класс представлен феноменом «предметного характера восприятия». Другими словами, «вещи и события предстают перед нами не просто как качества, свойства или формы, но именно как вещи и события». Шестой класс, или свойство восприятия, — «эффект доминирующей установки или состояния».

Предложенные Ф. Олпортом шесть классов феноменов не могут быть объединены по какому-то общему принципу, так как представляют собой явления разного порядка.

Ч. Осгуд [2002, с. 113] тоже выделяет «шесть характеристик перцептивных феноменов». Часть из них совпадает со свойствами Ф. Олпорта: «организация периферических сенсорных событий» (эквивалентна пятому свойству Олпорта —

предметности), целостность (частично эквивалентна второму свойству Олпорта), константность (эквивалентна третьему свойству Олпорта). Не имеют аналогов такие характеристики, рассматриваемые Ч. Осгудом, как «транспозиция» (перенос) – треугольник может проецироваться на разные участки сетчатки, не претерпевая при этом искажений; «избирательность» – объекты, связанные с едой, имеют для голодного качества фигуры; «изменчивость» – регулярные черные и белые узоры на кафельном полу при продолжительном рассматривании организуются в меняющиеся узоры.

То, что Ч. Осгуд (2002) называет транспозицией, как мне представляется, скорее, следует отнести к константности формы. То, что он называет «избирательностью», скорее, особый вариант установки, обусловленной влиянием мотивов на восприятие. Тогда как «изменчивость» – не что иное, как конкуренция имеющихся в сознании до восприятия «эталонов» при неопределенности актуальных зрительных впечатлений.

Дж. Брунер (2002) рассматривает свойства восприятия в динамическом аспекте. По его мнению, восприятие – это процесс принятия решения, основанный на использовании отличительных признаков, содержащий операцию умозаключения и включающий в себя категоризацию. Категории различаются по их готовности, которая минимизирует неожиданности внешней среды и максимизирует успех. Он считает, что истинность восприятия состоит в отнесенности стимулов к соответствующим категориям и восприятие будет истинно в той мере, в какой готовность систем категорий отражает вероятность событий.

Свойства ощущений и образов восприятия на основе работ предшественников удачно обобщил А. Н. Гусев [2007, с. 15–21]. Он выделяет следующие свойства ощущений. 1. Сенсорное качество[1], или модальность (цвет, высота тона, сладость). 2. Интенсивность (светлота светового пятна, громкость звука). 3. Протяженность ощущения в пространстве (большой – маленький, слева – справа, локальный – объемный). 4. Длительность ощущения. 5. Ясность ощущения. Автор замечает, что сенсорные качества не являются независимыми друг от друга. При изменении одного качества может измениться и другое.

А. Н. Гусев [2007, с. 25–28], ссылаясь на работы Ф. Олпорта, выделяет те же шесть свойств восприятия, что и последний, но относит их уже к свойствам образа восприятия. Так, первое свойство – *сенсорное качество* он отождествляет с «живой чувственной тканью образа», а в *предметном* характере восприятия подчеркивает *чувство реальности* предмета, объективно существующего для воспринимающего его человека, и его *объективированность*, то есть чувство вынесенности содержания образа восприятия вне самого субъекта. Автор пишет также об *одномоментности* образа восприятия – одномоментности переживания значения предмета. Кроме того, *предметность* восприятия означает, по мнению автора, и его *полимодальность*, слияние в перцептивном образе всех чувственных впечатлений.

Обращает на себя внимание то, что выделяемые исследователями качества образа восприятия являются фактическими качествами воспринимаемого объекта: *предметность*, *реальность*, *объективированность*, *дистантность*, *объемность*

---

[1] Многие другие авторы, начиная с Э. Б. Титченера, не без основания рассматривают первое качество ощущения как основное, тогда как прочие – уже как собственные характеристики или измерения ощущения.

и др. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает тот очевидный факт, что образ восприятия и есть сам воспринимаемый объект. И если согласиться с этой данностью, то многие «свойства восприятия» естественным образом превратятся в свойства воспринимаемого физического объекта (и наоборот). Кстати, свойства образа (объекта) можно и желательно дополнить.

1.5.2. Прочие свойства образов восприятия

Правильнее было бы расположить свойства образов восприятия в ином порядке. Главным свойством перцептивных психических феноменов является их обязательная осознаваемость. Они всегда даются нам или являются в нашем сознании, поэтому *осознаваемость* ощущений и образов — их главное качество, которое и делает их психическими феноменами, но одновременно и объектами физической реальности. Это качество психических явлений в силу его непостижимости и плохой вербализуемости мало обсуждается исследователями и принимается ими как аксиома: психические явления осознаются — это данность, которую бессмысленно пытаться интерпретировать и трудно обсуждать.

Все ощущения и образы имеют качество осознанности, то есть они даны в сознании, являются его феноменами и обладают самоочевидным существованием для нас. Если рассмотреть эту проблему в ином разрезе, то можно даже сказать, что они не только являются содержанием сознания, но и создают его, служат «кирпичиками» сознания. Осознание — это регистрация самого факта наличия явления в психике — появление его перед нашим мысленным взором. Осознаваемость — качество, исходно присущее любому психическому явлению, каждое из которых сразу возникает осознаваемым. Однако осознанное психическое явление может рефлексироваться и пониматься человеком в разной степени: от полного и всестороннего понимания до полного непонимания как значения данного явления, так и самого факта его пребывания в сознании в течение какого-то, порой достаточно продолжительного, времени.

С такой точкой зрения согласны далеко не все. Так, В. М. Аллахвердов (2000), например, полагает, что:

> ...если мы говорим, что испытуемый нечто *осознает*, то это обозначает как факт представленности субъекту картины мира и самого себя, так и выраженную в словах способность испытуемого отдавать себе отчет в том, что происходит [с. 34].

Если принять точку зрения автора, то придется признать, что не только у животных, в том числе высших приматов, нет сознания, так как они явно не имеют «выраженной в словах способности отдавать себе отчет о том, что происходит», но и мы большую часть своего бодрствования пребываем в бессознательном состоянии, так как нам просто некогда отдавать себе в словах отчет в том, что с нами происходит. Слишком уж быстро и много с нами всего происходит, и нам не до вербальных самоотчетов, да мы и не смогли бы это сделать. Тем не менее мы прекрасно осознаем происходящее с нами и вокруг нас, а также свои действия, даже не пытаясь вербализовывать ни то, ни другое в каких-либо самоотчетах.

Вторым свойством многих перцептивных психических феноменов является их *означенность*, или наличие у них значения, понятного воспринимающему в разной степени. Благодаря этому у воспринимающего есть возможность с каждым новым актом восприятия все глубже проникать в суть воспринимаемого предмета, лучше понимая его. Данное свойство другие авторы (Ф. Олпорт, А. Н. Гусев) включают в *предметность*, хотя часто образы репрезентируют совсем не предметы, а, например, явления, ситуации, стороны и сложные изменения реальности.

Третьим свойством перцептивных психических феноменов является их *вещественность* (2)[1] (или в более абстрактном смысле — *материальность*). Вслед за Ф. Брентано (1996) до сих пор принято считать, что перцептивные феномены интенциональны, то есть всегда моделируют нечто предметное. Однако их интенциональность обусловлена тем, что образы восприятия — это и есть окружающие человека объекты, их свойства, изменения, действия и отношения.

Особым проявлением *вещественности* является *предметность* образов восприятия, которая касается лишь образов восприятия предметов, а не вообще всех перцептивных образов, в том числе образов явлений, ситуаций, сторон и сложных изменения реальности. Понятие *предметности* по Ф. Олпорту включает в себя *реальность* и *значение*. Другие авторы рассматривают его еще более широко. А. Д. Логвиненко (1987), например, пишет:

> Предметность образа восприятия означает его: 1) реальность... 2) объективированность... 3) означенность... 4) константность... 5) полимодальность... [с. 3].

Действительно, свойство *вещественности* образов восприятия вообще и предметности образов восприятия объектов в частности включает в себя все то, что является свойствами окружающих нас объектов и явлений, а именно: *реальность, объективированность, константность* и многое другое.

Соответственно, четвертым свойством перцептивных психических феноменов — объектов-образов[2] является их абсолютная *достоверность*, или *реальность*, для нашего «Я». Чувство реальности проявляется в том, что образы восприятия порождают у наблюдателя абсолютную уверенность в физическом наличии воспринимаемого объекта.

Пятым свойством образов-объектов является *объективированность* (или *объективность*), которую, в свою очередь, можно разделить по крайней мере еще на два свойства: доступность иным наблюдателям и *прогнозируемость*, или *предсказуемость*. *Доступность* наблюдателям заключается в том, что образы-объекты в очень сходном виде возникают и у других наблюдателей, попавших в те же условия восприятия. *Прогнозируемость* образов есть способность человека предвидеть их появление в определенных условиях восприятия, если он сам ранее в них находился или другие наблюдатели сообщили ему о восприятиях, возникавших у них в этих условиях, а также подчиняемость объектов-образов известным физическим законам — схемам предсказуемых изменений объектов.

---

[1] См. примечание (2) в конце книги.

[2] Я отождествляю образ восприятия с объектом восприятия, поэтому и использую термины *объект-образ* или *образ-объект*.

Шестым свойством образов-объектов является их *дистантность (дистальность)*. Субъективное ощущение *вынесенности вовне*, или *дистантности* образа восприятия, связывается в литературе с понятием *дистальный стимул*[1]. В. В. Любимов (2007) предлагает важное уточнение:

> *Дистальным стимулом* мы будем называть воспринимаемый объект. *Проксимальным стимулом* – отображение дистального стимула на рецепторной поверхности [с. 30].

Иными словами, дистальный стимул – это не что иное, как находящийся вне нашего тела и воспринимаемый нами как находящийся на расстоянии от нас объект, или феноменологически – образ восприятия объекта. Термин «дистальный стимул» ничего не добавляет к нашему пониманию и ничего не проясняет в нем, внося при этом дополнительную путаницу. Вместе с тем он подчеркивает тот важный факт, что образ восприятия всегда дается нам на разном удалении – дистанционно, даже несмотря на то, что соответствующая зрительная, слуховая или тактильная стимуляции всегда проксимальны. Следовательно, сознание, несмотря на проксимальность стимуляции, как-то умудряется поместить образ восприятия вовне, в место локализации репрезентируемого объекта и на разном расстоянии от нас.

Проецирование образа восприятия вовне – одна из самых удивительных загадок восприятия. Способность к формированию дистантных, находящихся на удалении от тела наблюдателя, психических образов – это универсальное свойство психики, связанное, видимо, не только лишь со зрительным или слуховым анализаторами. Например, больные в психиатрической клинике нередко жалуются на ощущение присутствия постороннего. К. Ясперс (1997) описывает его так:

> Больной чувствовал, что кто-то постоянно следует за ним или, скорее, чуть сзади и в стороне от него. ...Больной никогда его не видел, не слышал, не прикасался к нему и не ощущал его прикосновения; тем не менее он с исключительной ясностью испытывал чувство чьего-то физического присутствия [с. 112].

---

[1] *Дистальный стимул* (Д. с.) – объект, вызывающий соответствующее предметное восприятие. Д. с. отличают от *проксимального стимула*, то есть от пространственно-временной конфигурации энергии на поверхности реципирующего органа, источником которой и является Д. с. Организм всегда имеет дело с проксимальной стимуляцией, то есть с пространственно-временными конфигурациями света, звука, теплоты, кинетической и химической энергии, в то время как субъекту репрезентируется дистальная форма стимуляции (неподвижные и движущиеся объекты, голоса, мелодии, шумы, запахи и т. д.) [Большой психологический словарь, с. 142–143].

Даже если рассматривать *стимул* как «физический агент (раздражитель), воздействующий на *орган чувств (рецептор)*» [Большой психологический словарь, с. 529], то и в этом понимании термин *дистальный стимул* неудачен, так как воспринимаемый нами в зрительном, слуховом, обонятельном или ином чувственном диапазоне дистально расположенный (удаленный) предмет не воздействует на наши рецепторы сам. Воздействует нечто иное: электромагнитные волны, воздушные колебания, двигающиеся в воздухе молекулы вещества, то есть воздействие предмета всегда чем-то опосредовано, и в любом случае посредник является «проксимальным стимулом», воздействующим на наши рецепторы.

Модальность этого болезненного ощущения трудно определить. Возможно, это что-то вроде особого тактильного чувства. Для нашего обсуждения здесь важно не столько, какая именно это модальность, сколько то, что это не зрительная или слуховая модальность. Возникновение при возбуждении рецепторов сетчатки дистального зрительного образа, удаленного от воспринимающего глаза, столь же удивительно, как и появление удаленного тактильного образа при возбуждении тактильных рецепторов поверхности спины (в опытах со слепыми испытуемыми (см., например: G. Guarniero, 1972).

Кстати, дистальные тактильные репрезентации возникают не только в специальных экспериментальных условиях. Дистальные тактильные ощущения хорошо знакомы всем нам и многократно описаны в литературе как проецирование ощущений на кончик отвертки, ножа, палки и т. д. [см., например: К. Прибрам, 1975, с. 92–193]. Универсальная способность психики к дистантному (или дистальному [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 246]) проецированию играет в адаптации роль, которую нельзя переоценить. Эта же способность позволяет нашему сознанию выстраивать мир в пространстве вокруг нас. Причем она формирует пространство как визуальное, так и слуховое, и даже, как мы видим, тактильное. У животных, имеющих иные анализаторы, намного превосходящие по своим возможностям человеческие, она же, возможно, формирует еще и обонятельные, ультразвуковые, электростатические, температурные и другие пространственные репрезентации.

Дж. Хохберг (2003) пишет:

> При всех условиях, когда мир являет нам устойчивые и не изменяющиеся дистальные свойства, а органы чувств полностью меняют проксимальный стимул, мы склонны воспринимать постоянные дистальные свойства [с. 213].

Мне представляется, что правильнее было бы сказать: несмотря на то что наши «органы чувств получают постоянно меняющуюся проксимальную стимуляцию» от внешнего мира, нашему сознанию удается конституировать в репрезентируемом мире постоянные для нас его элементы: объекты, их свойства, действия и т. д., с постоянными для нас их «дистальными свойствами».

Седьмым свойством перцептивных психических феноменов является их *модальность*. Существуют, например, слуховые и зрительные образы, обонятельные ощущения или даже полимодальные целостные перцептивные репрезентации воспринимаемого объекта. Считается само собой разумеющимся и не требующим специальных доказательств, что все люди испытывают одинаковые ощущения, если последние относятся к одной модальности. Например, принято считать, что разные люди в одних и тех же условиях испытывают одно и то же идентичное ощущение, например ощущение тепла, а не разные ощущения: «тепло'», «тепло''», «тепло'''» и т. д. Здесь я имею в виду не интенсивность, а именно индивидуальные различия в тонких чувственных свойствах ощущений одной модальности. То же касается цвета, вкуса, запаха, звука и т. д. Мне представляется очевидным, что люди, прикасаясь, например, к одному и тому же предмету, имеющему температуру 40 °С, испытывают разные ощущения. Даже у одного и того же человека качества ощущения в рамках одной модальности, например зрительной — *цвет того же объекта,* могут существенно

различаться в зависимости от исходного состояния человека. А. Хаксли, например, пишет, обсуждая влияние галлюциногенов и других психоактивных веществ на зрительное восприятие:

> Первое — самое важное — это переживание света... Все цвета становятся сверхнасыщенными по сравнению с тем, как мы их видим в нормальном состоянии; и в то же время значительно возрастает способность различения цветовых оттенков [А. Н. Гусев, 2007, с. 340].

Восьмым свойством образов восприятия является их *константность*. К этому свойству мы еще специально вернемся позже.

Девятым свойством перцептивных психических феноменов является целостность их структуры. Каждый из них представляет собой *гештальт*[1].

Десятым свойством перцептивных психических феноменов является их специфическая структурированность по принципу «фигура — фон»[2].

Одиннадцатым свойством образов восприятия является их возникновение в тесной связи с имеющейся в сознании каждого человека субъективной «картой мира», или глобальной моделью-репрезентацией мира, обусловленной предшествующим опытом и культурной принадлежностью.

Двенадцатым свойством перцептивных психических феноменов является их зависимость от имеющейся у воспринимающего установки, контекстной «настройки», а также их зависимость от эмоционального и мотивационного состояния воспринимающего.

Тринадцатым свойством перцептивных образов является их относительная *независимость* от нашего «Я», что выражается в невозможности их изменения произвольным усилием сознания.

Можно выделить и другие свойства образа восприятия. Например, то, что в норме образы восприятия и ощущения всегда причинно обусловлены — возникают в результате взаимодействия чего-либо с нашими органами восприятия, а не изнутри и без видимых причин, как, например, многие образы представления. Важным свойством перцептивных психических феноменов является разная степень понимания образа и ощущения воспринимающим. Появление все более глубокого понимания перцепта требует научения воспринимающего. Достойным специального упоминания качеством образа восприятия является вызываемое им *ощущение знакомости — незнакомости*, обусловленное повторным восприятием того же или сходного фрагмента реальности. К свойствам образов восприятия можно с некоторой натяжкой отнести их разную способность привлекать к себе внимание субъекта, а также их разную представленность, их разный «удельный вес» в содержании его сознания.

---

[1] *Гештальт*... используется для обозначения единого целого, полной структуры, множества, природа которого не обнаруживается с помощью просто анализа отдельных частей, его составляющих [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 176].

[2] ...Контур или граница, которая отделяет фигуру от фона, *физически* принадлежит им обоим, но *перцептивно* принадлежит только фигуре. Следовательно, фигура наделяется формой и очертаниями, а фон остается нечетким и бесформенным [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 420].

К свойствам перцептивных образов можно отнести и все то, что является свойствами соответствующих воспринимаемых объектов, которые и есть эти самые образы. Они детализированы, неразрывно связаны с текущим моментом времени, максимально жестко пространственно ограничены, занимают в пространстве определенное место, обычно отделены друг от друга и не проникают друг в друга, даже находясь друг в друге; они всегда завершены, узнаваемы при повторном появлении в сознании, достаточно стабильны, повторяемы, могут сохраняться, даже если человек долго находится в тех же условиях восприятия, или вновь появляются у него при его повторном попадании в те же условия восприятия; способны открываться для нас новыми своими сторонами при изменении, например, масштаба и координат восприятия; уникальны и конкретны; меняются при изменении положения наблюдателя по отношению к объекту наблюдения, но тем не менее остаются константными.

В. И. Белопольский (2007) пишет:

> Кроме *пространственных признаков* (направление, удаленность, локализация, протяженность), играющих первостепенную роль в ориентировке и целенаправленном перемещении наблюдателя в среде, чувственный образ может включать и такие характеристики, как *интенсивность* воздействия (громкость, яркость, тяжесть, сила запаха и т. п.), его *динамику* (изменение, движение, мелькание, биение), *чувственный тон* (освещенность, цветность, теплота, тональность, гладкость, приятность) и *структурные* отношения (размер, ориентация, форма, контрастность, созвучие, вкусовое сочетание, композиция запахов) [с. 11].

Однако очевидно, что образ не может «включать такие характеристики, как интенсивность и динамика». Эти характеристики предполагают уже сравнение образов между собой. Соответственно, обсуждая подобные характеристики, мы должны говорить еще и о последовательностях сходных образов — о том, что образы в них изменяются, что позволяет говорить в результате о таких характеристиках, как интенсивность, динамика и др., но это уже другая тема.

1.5.3. Последствия появления в сознании образов восприятия и ощущений

У. Джеймс [2003, с. 7–8] говорит о том, что все душевные состояния сопровождаются телесной деятельностью. Любое психическое явление так или иначе отражается в двигательном аппарате, внутреннем или внешнем. Оно может вызывать или внешнее движение, или спазм кишечника, или выброс какого-то вещества в кровь. У. Джеймс отмечает, что ощущения и образы являются пусковыми моментами поведения и всегда сопровождаются изменениями в организме — мышечными реакциями и обязательно эмоциями. Следовательно, самим фактом своего появления в сознании без участия каких-либо вторичных осознаваемых процессов (например, появление эмоций или желаний) образ и ощущение способны «включить» движение организма, то есть они непосредственно «запускают» моторную реакцию.

Г. Эббингауз [1998, с. 100] тоже отмечает, что кинестетические представления нередко вызывают те движения, которым сами обязаны своим возникновением. Одна лишь мысль о том, что испытывает человек, производя определенное движение, при ее достаточной живости вызывает и само движение. А. Бэн [1998] пишет о том же:

> Это стремление идеи действия перейти в самое действие показывает, что сама идея есть уже действие, но только в более слабой форме... [с. 367].

С последним вряд ли можно согласиться, но то, что образ, ощущение и даже вербальная идея способны запустить движение, — несомненно.

Б. М. Величковский [2006, с. 327] приводит описание наблюдений (Lhermitte) за пациенткой с поражением лобных долей, страдающей синдромом утилитарного поведения, которая во время врачебной консультации, лишь увидев спицы, немедленно берет их и начинает вязать, не будучи способной прервать действие. Иными словами, воспринятый ею знакомый образ сразу же запускает без всякой необходимости привычную деятельность, даже неадекватную имеющейся в данный момент ситуации.

Общеизвестно, что внезапное возникновение образа восприятия или нового ощущения может вызывать у человека рефлекторный ответ, то есть моторную реакцию. Самый простой пример — моторная реакция на внезапное действие резкого раздражителя. Причем связи образов и ощущений, с одной стороны, и простых движений — с другой, закреплены генетически в форме безусловных рефлексов.

Итак, первым особым качеством перцептивного образа является присущая ему способность непосредственно запускать двигательную реакцию (моторный ответ) организма. Это происходит в виде рефлекторной двигательной или стереотипной поведенческой реакции по типу *образ восприятия или ощущение — немедленный двигательный ответ.* Эта реакция представляет собой то, что принято называть безусловным рефлексом (3).

Появление образа в сознании может приводить не только к запуску рефлекторного моторного действия, но и к запуску психического действия, то есть своего рода «психическому рефлексу», как можно было бы это назвать. Так, образ восприятия немедленно актуализирует связанные с ним образы представления и воспоминания (второе особое свойство). Данный феномен, как мне представляется, настолько очевиден и доступен интроспекции, что даже не нуждается в специальных доказательствах, но, учитывая тенденцию когнитивных психологов проверять самые очевидные вещи, сошлюсь на эксперимент Дж. Струпа [J. R. Stroop, 1935; 1938].

> Испытуемому предлагается листок с двумя столбцами наборов букв. Каждый из наборов напечатан одним из пяти цветов: черным, красным, синим, зеленым и желтым. В левом списке представлены бессмысленные наборы букв. В правом столбце — слова, обозначающие эти же пять цветов, но цвет шрифта, которым напечатаны слова, не соответствует обозначаемым словами цветам. Например, слово *красный* напечатано желтой краской, слово *черный* — красной краской и т. д. Испытуемому дают задание как можно быстрее называть вслух цвет, которым напечатан каждый из бессмысленных наборов букв в списке слева, а затем слов в списке справа. Сделать это

с левым списком намного проще и получается гораздо быстрее, чем с правым списком. Объясняется это тем, что понятия в правом списке, обозначающие конкретные цвета, тут же вызывают появление в сознании испытуемых визуальных образов, соответствующих данным понятиям. Поэтому, когда испытуемый читает слово *красный*, например, в его сознании немедленно актуализируются зрительные образы объектов красного цвета, но он должен при этом назвать желтый цвет, которым напечатано данное слово, это вызывает у него затруднения. Испытуемому приходится преодолевать эту трудность, что увеличивает время выполнения задания.

Приведенный эксперимент Дж. Струпа демонстрирует, что образ восприятия способен актуализировать в сознании человека другие ассоциированные с ним чувственные и вербальные образы.

Б. Рассел (2001а) тоже пишет:

Принцип Павлова таков: если дан рефлекс, согласно которому раздражитель В вызывает реакцию С, и если дано, что некоторые животные часто подвергаются действию раздражителя А одновременно с В, то нередко случается, что через некоторое время раздражитель А будет вызывать реакцию С даже при отсутствии раздражителя В. Определить обстоятельства, при которых это происходит, — предмет эксперимента. Ясно, что если мы заменим А, В и С идеями, то принцип Павлова превратится в принцип ассоциации идей [с. 897].

Б. Рассел, безусловно, прав, так как действительно механизм один и тот же. Более того, он один и тот же потому, что фактически-то речь идет не о раздражителе В, который вызывает реакцию С, а об образе или *идее* раздражителя В, которые вызывают реакцию С. Соответственно, и в том и в другом случае речь идет об ассоциации психического явления либо с моторным ответом организма, либо с другим психическим явлением или явлениями.

Результатом возникновения в сознании образа восприятия и ощущения являются не только моторный и психический, но и гораздо более сложный, многообразный и до сих пор очень слабо изученный нейрофизиологический и гуморальный ответ, целый «снежный ком» физиологических и соматических реакций (третье особое качество перцептивного образа). Этот ответ проявляется, например, в изменении мышечного тонуса, приводящем к повышению или понижению артериального давления, изменению частоты сердечных сокращений, дыхания, перистальтики, пото- и слюновыделения, побледнению или покраснению кожных покровов, другим вегетативным реакциям, что сопровождается, в свою очередь, разнообразными переменами самочувствия человека и появлением эмоций.

Образы оказывают мощное влияние на всю физиологическую регуляцию организма. Например, теплопродукция организма увеличивается перед выходом из помещения на холодную улицу, желудочный сок выделяется при виде пищи еще до еды, эрекция и другие симптомы полового возбуждения возникают при виде объекта полового влечения. Все это не требует специальных доказательств в силу своей общеизвестности:

Любой стимул, любое предъявляемое слово или изображение сопровождаются изменением состояния и уровня активности многих функциональных систем (местное и общее кровообращение, частота пульса, электрокожное сопротивление, мышечный тонус,

частота и интенсивность дыхания и т. д.). На этих изменениях основано множество методик полиграфического исследования личности, в частности пресловутый «детектор лжи», позволяющий регистрировать соматовегетативные реакции на предъявляемые словесные и зрительные стимулы [Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005, с. 318].

Следующим особым качеством образов восприятия и ощущений является их способность вызывать своим появлением в сознании эмоции. Можно выделить даже два уровня ответа. Первый — малодифференцированный ответ: приятно — неприятно. Второй — высокодифференцированный ответ: разнообразные тонкие эмоции. Еще классики неоднократно отмечали, что многие образы и ощущения обладают специфическими качествами или сопровождаются особыми дополнительными психическими явлениями: «чувством удовольствия или неудовольствия», или «чувственным тоном». Так, Г. Эббингауз (1998) пишет:

Они (чувствования удовольствия и неудовольствия. — *Авт.*) не представляют собой чего-то самостоятельного и существующего само по себе, они всегда выступают только как сопровождающее явление каких-либо ощущений или представлений (образов. — *Авт.*), как нечто, связанное с ними, свойственное им. ...Чувствование же, возникающее в связи с определенными ощущениями или представлениями, ни в коем случае не определено сполна содержанием их; оно в различных случаях может быть весьма различным не только по своей степени, но и по характеру. Вкус меда или звуки мелодии в разное время вызывают почти тождественные переживания в смысле ощущения. Но эти одинаковые чувственные впечатления смотря по обстоятельствам могут быть чрезвычайно приятны, безразличны или даже неприятны [с. 75].

Итак, феномен чувства удовольствия или неудовольствия — это нечто, сопровождающее появление ощущений и образов, вторичное по отношению к ним и часто вызываемое ими.

В. Дильтей (1996) тоже замечает:

...я не могу согласиться с широко распространенным учением о том, что всякое ощущение как таковое связано с некоторым чувственным тоном, но каждый раз, когда в центр нашего внимания попадает простое и сильное ощущение, от него исходит так же легкая чувственная окраска душевного состояния [с. 104].

Не требует специального обсуждения в силу своей очевидности то, что многие образы восприятия вызывают у наблюдателя страх, отвращение, тревогу, раздражение, гнев и другие эмоции. Эмоции сопровождают и возникающие у человека идеи, или сложные вербальные конструкции.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) приводят интересные самонаблюдения процесса генерации эмоций образами восприятия:

...оператор показывает необычные и меняющиеся планы объекта. Вначале вы видите какие-то совершенно непонятные, движущиеся, размытые цветные пятна, которые не можете опознать, и они, разумеется, не вызывают у вас никаких эмоций... Затем камера отодвигается, изображение начинает приобретать какие-то формы и вы видите нечто, похожее на огромный рот с двигающимися челюстями, это вызывает у вас чувство беспокойства и даже опасения, далее камера отходит еще дальше... Вы видите, как клещи двигаются, перемалывая что-то, как из предполагаемого рта выделяется липкая жидкость, и это вызывает у вас одновременно чувство ужаса и отвращения.

...Когда камера отходит еще дальше, вы видите обыкновенного кузнечика, мирно жующего свою травку. Негативные переживания уходят, возникает реверсное расслабление, и вы смеетесь над своими опасениями [с. 239].

Авторы делают акцент на интересном феномене:

...никакого опознания объекта при восприятии деталей кузнечика не было, а эмоциональная реакция есть. Почему? ...Выделяемые элементы были похожи на что-то и как таковые были опознаны, но они могли с одинаковым успехом принадлежать маленькому насекомому или огромному монстру. ...Апперцептивное насыщение осуществляется по худшему для субъекта варианту... [с. 240].

Следовательно, еще до ясного понимания наблюдателем того, что собой представляет возникший у него образ, последний способен уже вызывать у воспринимающего те или иные эмоции.

Как известно каждому человеку, образы восприятия и ощущения способны вызывать не только эмоции, но и желания. В. Дильтей (1996) пишет:

Кто по себе не знает, как осаждающие воображение образы внезапно вызывают сильнейшие желания?.. [С. 108–109.]

О том, что образы и ощущения обладают особым качеством побуждения, говорит и К. Коффка, которого цитирует Дж. Гибсон (1988):

Каждая вещь говорит, что она собой представляет... Фрукт говорит: «Съешь меня»; вода говорит: «Выпей меня»; гром говорит: «Бойся меня»; женщина говорит: «Люби меня»; вещи «говорят нам, что с ними делать», у них есть «свойство навязывания» [с. 204].

Это свойство вещи или объекта было названо К. Левином (2004) валентностью. Он пишет:

...многие вещи или события, с которыми мы встречаемся, проявляют по отношению к нам более или менее определенную волю, побуждают нас к определенным действиям. Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери — открывать и закрывать их, мелкие крошки — подбирать их, собака — ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного «хочет», чтобы его съели. ...Сила требований, исходящих к нам от вещей и событий, очень различна. Начиная от «неодолимого влечения»... существует масса промежуточных ступеней «требовательности», вплоть до слабой степени «приглашения»... Одни вещи нас притягивают (например, прекрасный концерт, интересный человек, красивая женщина), а другие — отталкивают (неприятности, опасность). ...Побудительность того или иного объекта ни в коем случае не должна быть всегда постоянной, напротив, она в значительной степени зависит от внутренней и внешней ситуации, в которой находится человек. ...Лакомый кусок, который еще недавно был источником сильного притяжения, становится нейтральным, как только человек насытился... пресыщение может даже привести к фиксированию этой отрицательной побудительности на длительный срок (к любимому некогда блюду, из-за которого был испорчен желудок, иногда не прикасаются годами) [с. 182–183].

Б. М. Величковский [2006, с. 320] ссылается на М. Вертхаймера, который, обсуждая требовательный характер вещей, предлагал представить, что вы находитесь

дома и по какой-то причине не хотите подходить к телефону. И если вдруг раздается звонок телефона, то можно почувствовать требовательную силу звонка, которой приходится буквально сопротивляться, чтобы не взять трубку.

Итак, пятым особым качеством образа восприятия является присущая образу побудительная способность, свойство навязывания, или мотивационное качество. Понятно, что все объекты-образы обладают им в разной степени и оно зависит от исходного состояния организма, поэтому появление в сознании сходного объекта-образа может в одно время сопровождаться сильным побуждением, а в другое — не вызывать его вовсе или вызывать противоположное побуждение.

Все перечисленные выше способности или качества присущи не только образам восприятия и ощущениям, но и всем образам вообще, хотя и в меньшей степени, в том числе образам представления и воспоминания. Учитывая же то обстоятельство, что и понятия являются в своей основе чувственными образами (о чем мы поговорим ниже), становится ясно, почему и понятия, и даже идеи — конструкции из понятий обладают указанными выше качествами, присущими образам.

1.5.4. Образ и ощущение как сложная психическая структура

В психологии давно рассматривается в разном контексте предположение о том, что перцептивный образ является ассоциативным комплексом. Эту гипотезу, по словам В. В. Любимова [2007, с. 84], выдвинул еще епископ Д. Беркли. О том, что образы представляют собой какие-то сложные сущности, говорили многие авторы. Г. Эббингауз (1998), например, замечает:

> ...в восприятии до нашего сознания доходит совершенно иное расчленение вещей, чем то, которое было вызвано простым раздражением органов чувств. Мы объединяем или разделяем в восприятии группы раздражений не по непосредственно присущим им и в некоторых отношениях второстепенным свойствам, а по их принадлежности друг к другу, то есть по тем сочетаниям, в которых они постоянно встречаются нам [с. 109].

М. Мерло-Понти (1999) добавляет:

> Введение понятия ощущения в анализ восприятия направляет его по ложному пути. Даже «фигура» на «фоне» содержит... много больше, чем актуально данные качества. Она имеет «контуры»... она характеризуется «устойчивостью» и «плотным» цветом, фон же безграничен и лишен определенного цвета... наиболее близкие к фону части фигуры обладают помимо фона и качеств особым смыслом. Вопрос в том, чтобы понять, чем образован этот смысл, что значат слова «край» и «контур», что происходит, когда совокупность качеств постигается как фигура на фоне [с. 37].

Д. Бом (2002) прямо говорит о психическом конструировании в процессе восприятия:

> Воспринимаемая нами картина не является... просто изображением или отражением наших мгновенных ощущений, она является, скорее, результатом сложного процесса, ведущего к непрерывно изменяющейся (трехмерной) *конструкции,* которая пред-

ставляется нам как своего рода «внутреннее видение». ...Эта конструкция работает фактически как «гипотеза»... Возникновение такой «конструкции» зависит не только от описанного выше абстрагирования инвариантных соотношений между движением и чувственными восприятиями, оно зависит и от всего того, что известно перципиенту. Например, если человек рассматривает какую-то букву с расстояния, слишком большого, чтобы видеть ее отчетливо, он будет различать нечто весьма туманное и бесформенное. Но если ему сказать, что это за буква, ее изображение внезапно возникнет для него с относительно большой четкостью... [с. 210–211].

Другими словами, наше восприятие сопровождается появлением в сознании психической конструкции, предлагающей в форме «внутреннего видения» или образа восприятия некую гипотезу — репрезентацию воспринимаемой в данный момент части реальности.

Р. Л. Грегори (1970) тоже считает, что:

...любой воспринятый объект — это гипотеза. ...Только благодаря практике и опыту наш мозг способен структурировать элементы внешнего мира, чтобы придавать им точное значение [с. 185–186].

Стимулы, исходящие из внешней среды, непрерывно интерпретируются в соответствии с установившимися с детства категориями образов. В случае новой или неполной информации наш мозг действует путем выдвижения гипотез [с. 222].

В отличие от гештальтистов, которые рассматривали свои «организующие принципы» как нечто врожденное, унаследованное, Р. Грегори [2003, с. 21–22] выдвигает предположение о том, что эти «принципы» «развивались путем индивидуального обобщения отдельных примеров», то есть эти принципы приобретаются человеком в процессе его индивидуального развития.

На то, что образ и ощущение являются сложными психическими структурами, обращают внимание и другие авторы. Так, например, В. Ф. Петренко (2005), цитируя В. В. Столина, говорит об

...идее многоуровневости строения предметного образа, идее поуровневого «развертывания» плана содержания, понимании образа как процесса его становления [с. 42].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) тоже считают образ синтетической конструкцией:

...образ — не результат простого отражения воспринимаемого объекта, а синтетическая конструкция, состоящая из двух частей: прообраза (периферический информационный поток) и ко-образа (формируется при активации контекста) [с. 8].

...это не то, что мы видим, а то, что конструируем путем консолидации увиденного с имеющимся у нас багажом данных [с. 324].

О том же пишет А. Ребер (2001):

Образ... рассматривается... скорее как конструкция, синтез [с. 531].

Дж. Гибсон (1988) весьма убедительно демонстрирует, что визуальный образ складывается из многих составляющих: градиент и текстура поверхности, светимость, форма, цвета, угол наклона и т. д. и т. п. Трудно вроде бы даже поэтому спорить с тем, что образ объекта состоит из элементов, которые как бы и создают его. Признавая то, что образы и ощущения являются психическими конструкциями,

состоящими из чего-то вроде простейших сенсорных элементов, мы в конечном счете приходим почти к тому же, от чего, казалось бы, давно ушли — к старым представлениям, согласно которым образы восприятия составлены из более простых элементов. Как полагали раньше — из ощущений. И все же это не так. Образ не складывается из элементов или тем более ощущений. Правильнее сказать, что исследователи в результате его углубленного анализа разлагают его на элементы, но делают это так же условно, как другие исследователи расчленяют человеческое тело на кровеносную систему, дыхательную, пищеварительную, нервную и т. д. Тем не менее сумма элементов, входящих в образ, не составляет его, как и сумма систем организма не составляет человеческое тело. Образ — это нечто большее.

То, что образ восприятия — сложная конструкция, дополнительно подтверждается также тем фактом, что каждый наш единичный зрительный образ складывается фактически из двух образов восприятия, создаваемых правым и левым глазом[1]. А. Н. Гусев (2007) замечает:

> ...наша зрительная система способна объединять два различающихся (диспаратных) сенсорных потока в один слитный перцептивный образ [с. 195].
>
> По-видимому, идея о том, что оба глаза видят окружающий мир по-разному (в этом, собственно, и заключается смысл слова *бинокулярный параллакс* (или диспаратность. — *Авт.*)) и это позволяет нам видеть его рельефно, принадлежит гениальному Леонардо да Винчи [с. 190].

Даже «простое» ощущение взрослого человека, казалось бы, самое элементарное психическое явление — это уже колоссальная вершина психического синтеза. Это постепенно появляющееся в процессе развития человека, выделяемое и узнаваемое им среди прочих, новое особое устойчивое психическое образование — целостность, включающая в себя множество не связанных изначально между собой психических феноменов, выступающих как значение ощущения и наполняющих его смыслом. Поэтому «простейшее» ощущение — это очень сложное знание.

[1] Давно известно явление *бинокулярного соревнования*, которое заключается в том, что если испытуемому одновременно показывают два разных объекта таким образом, что левый глаз видит один объект, например вертикальные полосы, а правый — другой, например горизонтальные полосы, то испытуемый видит те и другие полосы поочередно. Если же объекты похожи друг на друга, то испытуемый видит объект, в котором сочетаются элементы обоих. В. В. Любимов (2007) сообщает: «Еще Гельмгольц, описывая явления бинокулярного соревнования, обратил внимание на тот факт, что постановка содержательной зрительной задачи в отношении одного из двух разных изображений (например, сосчитать горизонтальные полосы) приводит к удержанию этого изображения в сознании на все то время, которое необходимо для решения поставленной задачи» [с. 374].

ГЛАВА 1.6

Чувственные репрезентации и время

- *Мгновенные зрительные образы восприятия*
- *Мгновенные образы в экспериментах*
- *Слуховые образы и время*
- *Некоторые характеристики мгновенного образа восприятия*
- *Мгновенный образ восприятия и кино*
- *Продолжительность образов представления*
- *Мгновенные образы и «подпороговое восприятие»*
- *Образ как гештальт*

1.6.1. Мгновенные зрительные образы восприятия

Как соотносятся образ и время? Если репрезентация воспринимаемого или представляемого предмета сохраняется в сознании несколько секунд — это психический образ, а если репрезентация сохраняется в сознании минуты или даже больше — это тоже образ или уже нечто иное? Можно ли считать эквивалентными два образа восприятия одного и того же объекта, один из которых существует в сознании долю секунды, а другой — две секунды? По-видимому, нет. *Но в чем заключается их различие?* Образ, как и любое психическое явление, — это нечто, развертывающееся во времени, существующее в нем. Поэтому, рассматривая психический образ, мы вынуждены учитывать такой его параметр, как *время существования*. В противном случае понятие *образ* теряет определенность.

Если рассматривать вслед за У. Джеймсом (2003) сознание и психику как поток, то можно условно говорить о двух видах «срезов психики»: поперечном (мгновенном) и продольном — за период времени. В первом случае многие психические феномены даже сложно будет квалифицировать. Например, нельзя говорить о мгновенном[1] образе восприятия слова, так как процесс произнесения, а соответственно, и восприятия слова продолжается около секунды, а нередко и дольше. Потому лишь в развернутом во времени психическом содержании можно отчетливо квалифицировать многие психические феномены.

Скорость протекания психических процессов определяет способности организма воспринимать и фиксировать развертывание изменений в окружающей среде. Эту скорость можно представить, например, как количество психических явлений, возникающих в сознании за период времени. Если мы рассмотрим период, продолжительность которого составляет лишь 1 мс, то не обнаружим в сознании никаких феноменов, которые сможем квалифицировать. Понятие *мгновение* — условное, так как любое «мгновение» состоит из более мелких «мгновений», которые мы субъективно просто не можем в нем вычленить. М. Вартофский (1988) справедливо отмечает, что:

> ...«некоторая» единица времени проста и нераздельна с точки зрения феноменалистского анализа только благодаря тому, что в восприятии ее начало и конец сливаются [с. 314].

Что такое это субъективное «мгновение», сколько реально оно продолжается в единицах измерения времени? Обобщая данные предшествующих исследований, А. Н. Гусев [2007, с. 247–248], ссылаясь на Г. Вудроу, например, говорит о том, что световые стимулы длительностью около 12 мс воспринимаются как мгновенные вспышки. Для звуков эта длительность колеблется в диапазоне от 10 до 50 мс. И. Бидерман, Р. Мезанот и Дж. Рабинович (I. Biderman, R. J. Mezzanotte & J. C. Rabinowitz, 1982) приводят данные о том, что мы способны узнавать практически любое изображение всего лишь за десятую долю секунды. Из этого следует,

[1] Под мгновенным здесь понимаются интервалы времени, составляющие от нескольких миллисекунд до нескольких десятков миллисекунд.

что образы могут возникать, опознаваться и исчезать (то есть «укладываться») в очень непродолжительное время.

Интроспекция, а также многочисленные экспериментальные данные, имеющиеся в литературе, свидетельствуют о том, что если объект предъявлялся испытуемому меньше критического для его восприятия отрезка времени, то образ восприятия у испытуемого либо вообще не возникает, либо, возникнув, сопровождается сомнениями испытуемого в том, видел (слышал) ли он что-то. При незначительном увеличении времени предъявления объекта у испытуемого появляется ясное понимание факта наличия вовне чего-то, воспринятого им, без понимания того, какой именно предмет был им воспринят. При дальнейшем увеличении времени предъявления объекта испытуемый успевает его узнать, то есть зрительное впечатление превращается в нечто большее, чем мгновенно промелькнувший в сознании и исчезнувший бесследно непонятный образ какого-то предмета. Это большее представляет собой понятный зрительный образ восприятия конкретного, пусть даже и не до конца ясного пока испытуемому предмета. Например, слова, хотя и непонятно какого.

Самые непродолжительные визуальнае репрезентации, понятные наблюдателю хотя бы в качестве некой существующей вовне данности, какого-то внешнего объекта, можно расценивать как перцептивный мгновенный образ. Итак, мгновенными зрительными образами восприятия я называю сенсорные феномены, существующие в сознании минимальное время и субъективно оцениваемые как факт наличия внешнего объекта. В качестве «мгновения» я условно рассматриваю применительно к перцептам отрезок времени, необходимый и минимально достаточный для развертывания ощущения или образа восприятия, минимально понятного[1] воспринимающему. Каждый такой образ восприятия существует мгновение, а затем сменяется новым, который, в свою очередь, тоже немедленно сменяется следующим образом.

Мгновенный образ восприятия или мгновенное ощущение всегда осознанны, хотя и не всегда до конца понятны субъекту. Они могут быть понятны воспринимающему в разной степени: 1) нечто существующее; 2) нечто округлой формы; 3) круглый предмет с хвостиком; 4) яблоко; 5) красное яблоко с черенком и т. д. Наблюдатель может рефлексировать их как: 1) появление чего-то непонятного — неузнанный внешний объект; 2) появление конкретного, вполне понятного или хотя бы частично понятного объекта; 3) понимание факта наличия в собственном сознании психического явления — образа или ощущения; 4) понимание факта наличия внешнего объекта и/или психического явления и т. д. При этом сам образ восприятия или воспринимаемое ощущение могут в последующем быть либо сохранены в памяти с возможностью повторного их «извлечения», либо немедленно забыты, что может создавать у исследователей ошибочное предположение о «подпороговом восприятии» объекта.

Мгновенные образы восприятия становятся понятными субъекту предметами обычно в том случае, если сходные мгновенные образы повторяются в виде последовательностей, или серий. Это происходит при увеличении продолжительности времени восприятия объекта и сопровождается все более полным пониманием сущности воспринимаемого предмета. На первом этапе лишь регистрируется сам

---

[1] Понятного хотя бы в качестве факта восприятия чего-то существующего вовне.

факт наличия чего-то воспринятого. На втором — происходит «грубое» опознание объекта, например предъявленный объект относится к категории *слово*, но расценивается как непонятное слово. На третьем этапе возникает понимание значения воспринятого слова и т. д.

В чем заключается разница между осознанием и разной степенью понимания образа восприятия? Для того чтобы разобраться в этом, целесообразно провести простой эксперимент. Попробуйте сначала просто быстро взглянуть на литографии М. Эшера «Бельведер» (рис. 5) и «Водопад» (рис. 6) и, отведя взгляд, описать себе, что вы увидели, а затем уже внимательно рассмотрите их.

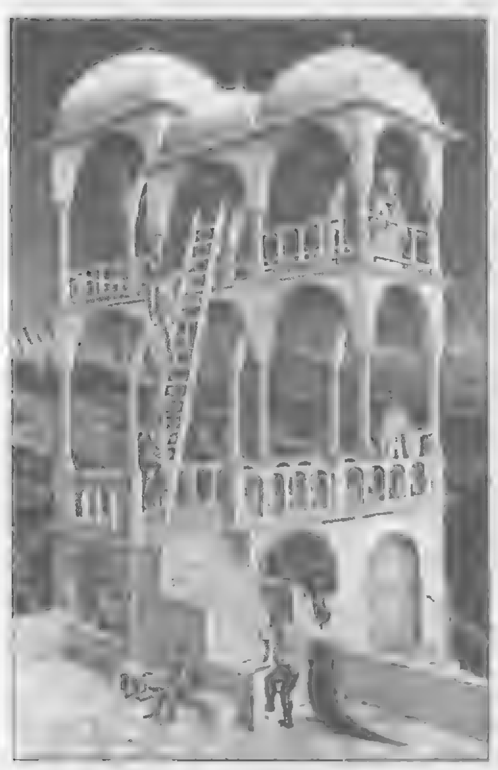

Рис. 5. Литография М. Эшера «Бельведер»

Рис. 6. Литография М. Эшера «Водопад»

При мимолетном взгляде на них вы не заметите в них ничего необычного. Одновременно вам поначалу может показаться, что вы ухватили сущность этих изображений. В первом случае я, например, сначала увидел какое-то воздушное строение, похожее на нечто среднее между беседкой и летним дворцом. Во втором — небольшой дом, рядом с которым расположились две более высокие, чем дом, башенки. И ничего более. Таким образом, за время краткой экспозиции картин у меня в сознании возникли вполне осознаваемые мною образы восприятия и воспоминания изображенных на картинах объектов, имеющие даже вполне понятные мне значения.

Следовательно, возникшие образы вроде бы даже позволили мне понять содержание этих картин, но при этом, как показало последующее внимательное их рассмотрение, сути объектов я не ухватил. Не понял содержащихся в картинах глубоких смысловых искажений, того, что в них присутствуют невозможные в реальном мире детали. Из этого можно сделать вывод об очевидной этапности нашего восприятия, которое по мере увеличения времени экспозиции воспринимаемого предмета позволяет нам все глубже их понимать. Вместе с тем понимание сущности воспринимаемого объекта совсем не обязательно сопровождается рефлексией самих фактов восприятия, осознания и понимания его.

Вернемся к мгновенным образам восприятия. *Какова их продолжительность, то есть сколько длится минимально необходимый для осознания возникшего ощущения или образа период времени?* Еще Д. Юм [1965, с. 369] заметил «непостижимую быстроту», с которой сменяются наши психические явления. Случайно обратив внимание в процессе интроспекции на кратковременность собственных образов представления, я стал знакомиться с экспериментальными исследованиями, в которых изучались иные феномены, но из которых можно сделать вывод о существовании мгновенных образов восприятия и об их особенностях. Анализ литературы показывает, что продолжительность мгновенных образов восприятия фактически давно установлена экспериментально, хотя исследователи, по-видимому, никогда не ставили специально задачи изучения мгновенных образов восприятия как таковых и даже не обсуждали их. Тем не менее в психологии есть множество экспериментальных данных, свидетельствующих как о наличии мгновенных образов восприятия, так и об их продолжительности.

1.6.2. Мгновенные образы в экспериментах

Непосредственно измерить продолжительность мгновенных образов восприятия, представления и воспоминания невозможно. Можно лишь попытаться косвенно измерить продолжительность мгновенных образов восприятия. Убеждение «здравого смысла» в том, что образ восприятия объекта существует столько же времени, сколько воспринимающему предъявляется объект, вряд ли разделяют все исследователи, и это правильно. Тем не менее при непродолжительном предъявлении предмета время существования его зрительного образа восприятия можно считать примерно равным времени экспозиции предмета, если пренебречь временем, необходимым для формирования образа, и временем существования иконического образа — послеобраза. К тому же в качестве продолжительности мгновенного образа восприятия объекта «А» можно условно принять его продолжительность только в том случае, если вслед за объектом «А», который был воспринят и опознан испытуемым, немедленно предъявляется объект «Б», который тоже опознается испытуемым. Последовательное предъявление объектов обеспечивает стирание послеобраза объекта «А» образом восприятия объекта «Б».

Соответственно, если измерить время между первым и вторым последовательными предъявлениями двух воспринятых и опознанных человеком объектов

(желательно в ряду из нескольких последовательно предъявленных разных объектов), то оно будет примерно соответствовать времени существования в сознании образа восприятия первого объекта, так как для того, чтобы воспринять второй и последующие объекты, человек уже должен до этого воспринять и опознать первый. Иначе последующие образы сотрут первый и человек не сможет подтвердить факт его восприятия и опознания. Самый короткий интервал между предъявлениями объектов, которые испытуемый еще в состоянии опознать, и будет продолжительностью мгновенного образа его восприятия.

А. Н. Гусев [2007, с. 247–248] сообщает, что еще В. Вундтом установлено, что двойной звуковой стимул воспринимается как единичный при интервале между стимулами менее 2–16 мс. Двойной световой стимул — при интервале менее 43 мс. Двойной тактильный — при интервале менее 27 мс. Здесь возникает целый ряд вопросов. *Как именно время экспозиции объекта влияет на образ его восприятия? Через какое время после начала предъявления объекта появляется образ его восприятия? Меняется ли этот образ во времени? Как долго он сохраняется после прекращения предъявления объекта, то есть какова его инерция? С чем мы имеем дело после прекращения предъявления объекта: с сохраняющимся образом восприятия объекта (его инерцией) или уже с образом его воспоминания?* И так далее.

Наиболее важные для исследования мгновенных образов восприятия эксперименты были проведены Дж. Сперлингом.

В экспериментах Дж. Сперлинга (G. Sperling, 1960) испытуемым на очень короткое время (50 мс) предъявляли карточку, на которой было изображено девять букв, расположенных в три строки по три буквы в каждой. Сразу же после предъявления карточки испытуемому предъявляли на том же месте другую карточку, содержавшую прямоугольную «метку», отмечавшую букву, находившуюся на этом же месте в предыдущей карточке. Данную букву испытуемый должен был назвать. Место метки менялось. Испытуемый всегда называл отмеченную букву, то есть он на тот момент помнил всю представленную на карточке информацию.

Результаты опыта демонстрируют, что 50 мс вполне достаточно для восприятия и распознавания объектов, образы которых потом сохраняются в памяти и могут быть воспроизведены. Следовательно, мы должны принять, что 50 мс хватает для формирования и осознания зрительного образа восприятия, опознания объекта восприятия, а также сохранения и последующего произвольного воспроизведения деталей соответствующего образа воспоминания. Все это является очевидным доказательством существования мгновенных визуальных образов восприятия.

Другие исследователи получили похожие результаты в иных экспериментах.

Так, Анна Трейсман и Г. Гелад (A. Treisman & G. Gelad, 1980) предлагали своим испытуемым быстро просмотреть множество объектов — 30 букв Y и I (рис. 7, *а*) и Z и I (рис. 7, *б*), изображенных на листе, и обнаружить среди них одну букву Т. При этом они установили, что испытуемые тратят на обнаружение буквы Т, расположенной среди других букв, приблизительно на 600 мс больше, чем в том случае, когда на листе имеется только одна буква Т. Они определили, что испытуемые должны были в среднем просмотреть приблизительно половину из 30 букв — 15, прежде чем найти букву Т. Следовательно, им требовалось приблизительно 600 / 15 = 40 мс, чтобы оценить и отклонить каждую ненужную букву.

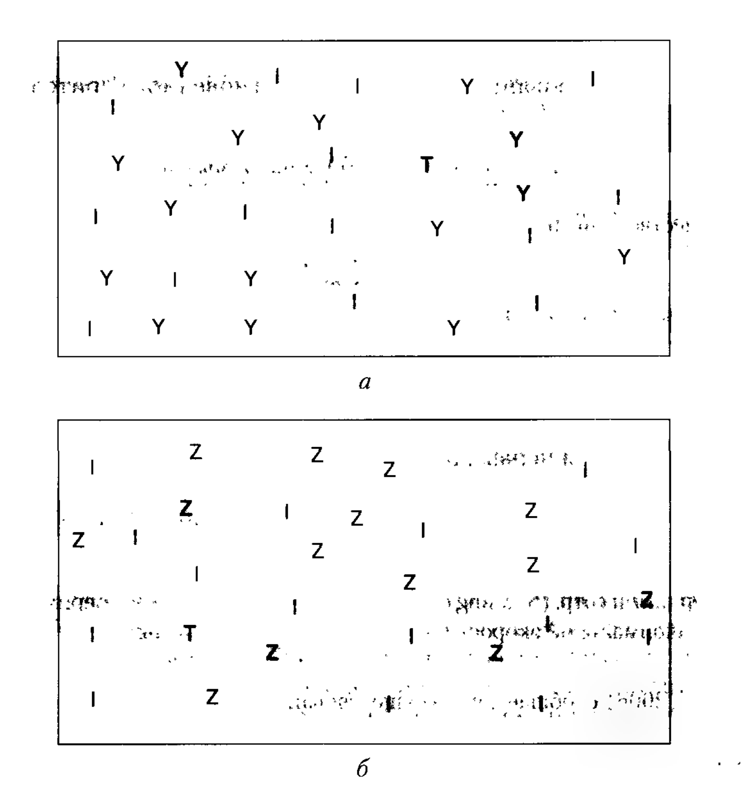

Рис. 7. 30 букв Y и I *(а)* и Z и I *(б)*, изображенных на листе, среди которых нужно обнаружить одну букву Т

Итак, за 40 мс не просто возникает мгновенный визуальный образ восприятия объекта, но сознание успевает оценить этот образ и отбросить его или принять. Следовательно, 40 мс — это не просто время, необходимое для восприятия объекта и формирования его мгновенного зрительного образа восприятия, но и время, включающее в себя сознательную обработку данного мгновенного образа. В другом классическом эксперименте С. Стернберга (S. Sternberg, 1966) были получены сходные результаты.

Испытуемому показывали разные наборы цифр, которые он должен был запоминать. Каждый список содержал от 1 до 6 цифр. После предъявления список убирали и предъявляли тестовую цифру. Испытуемый должен был решить, содержалась ли она в списке. Испытуемые редко ошибались. Однако время решения возрастало пропорционально длине списка. Каждая цифра в списке увеличивала время на одну и ту же величину — примерно на 40 мс, то есть на 1/25 с. Сходные результаты были получены автором впоследствии (S. Sternberg, 1969) при использовании в качестве элементов запоминаемого списка букв, слов, звуков или изображений человеческих лиц.

Приведенные исследования тоже подтверждают, но совершенно иным способом, то, что мгновенный зрительный образ восприятия вполне укладывается

В других опытах Дж. Сперлинга было фактически установлено, что даже 10 мс достаточно для формирования полноценного мгновенного зрительного образа восприятия.

В одном из опытов Дж. Сперлинга (1967) испытуемым предъявлялись ряды, состоящие из 7 букв, на 5 мс. Затем испытуемые видели яркую вспышку, которая прерывала существование инерционных образов на сетчатке. Таким образом, искусственно контролировалось время присутствия информации в сенсорном регистре[1]. Интервал между экспозицией букв и вспышкой увеличивался с «шагом» в 10 мс. Всякий раз испытуемого спрашивали, сколько букв и какие он увидел. Было установлено, что прибавление 10 мс прибавляет 1 букву.

Следовательно, 10 мс достаточно для формирования образа восприятия одной буквы, что дает скорость восприятия около 100 символов в секунду. Правда, это наблюдалось только для первых пяти букв, затем процесс замедлялся.

Учитывая, что вспышка стирала инерционный образ, можно заключить, что в последующем испытуемые давали отчеты уже на основе образов воспоминания, возникших в результате появления мгновенных образов восприятия.

Дж. Сперлинг и сотр. (Sperling et al., 1971) проводили также эксперименты по определению максимальной скорости распознавания. Испытуемым предъявлялись матри-

---

[1] В. В. Нуркова (2006) сообщает, что «существование иконического сенсорного регистра было открыто американским психологом Дж. Сперлингом (Georg Sperling, р. 1934)» [с. 131]. По словам В. В. Нурковой (2006), Дж. Сперлинг считал сенсорный регистр эволюционным приспособлением организма к изменчивым условиям восприятия, обусловленным, в первую очередь, саккадическими скачками глаза. ...Сенсорный регистр Дж. Сперлинг рассматривал как инерционный след ощущения действующего раздражителя [с. 134]. Сенсорный регистр в зрительной модальности был назван У. Найссером *иконической памятью,* а в слуховой модальности - *эхоической памятью* [см.: Р. Л. Солсо, 1996, с. 66, 71].

Б. Эрдман и Р. Додж (В. Erdmann & R. Dodge, 1898) установили, что зрительное восприятие происходит во время фиксации глаз, то есть во время коротких пауз, а не во время их движений - саккад.

В. В. Любимов [2007, с. 279] отмечает, что за несколько миллисекунд до начала саккадического движения глаз чувствительность зрения начинает падать, затем достигает минимума во время скачка, после чего в течение нескольких миллисекунд восстанавливается. Это явление получило название *саккадического подавления.* Б. М. Величковский [2006, с. 172] сообщает, что наши глаза совершают в среднем от 3 до 5 саккадических скачков каждую секунду. По другим данным (L. Young, 1963; D. Robinson, 1968), саккада величиной 2 градуса требует около 25 мс, а величиной 10 градусов — около 45 мс. При этом 85 % саккадических движений ограничены 15 градусами [Д. Ф. Фишер, 2006, с. 162]. Исходя из этих данных, можно предположить, что саккадических скачков каждую секунду происходит в среднем существенно больше чем 5. И каждый из них сопровождается возникновением как минимум одного или серии мгновенных образов восприятия. Вероятно, за счет такой организации процесса восприятия мы не замечаем не только сакккад, но и морганий. Мы видим окружающий мир стабильным и непрерывным, несмотря на реальные выключения визуального восприятия за счет прекращения поступления света к сетчатке при закрытии глазных век. И у нас не возникает ощущения, что окружающие нас предметы то появляются, то исчезают.

цы из букв, в которых нужно было найти и идентифицировать спрятанную цифру. В каждой матрице было от 9 до 16 букв, и матрицы сменялись каждые 40–50 мс. Было установлено, что распознавание одного символа также может осуществляться за время, равное 10 мс (80–120 символов в секунду).

Эти весьма показательные результаты свидетельствуют о возможности существования визуальных мгновенных образов восприятия в промежутке времени продолжительностью около 10 мс. Исследования Дж. Сперлинга также практически ответили и на поставленный выше вопрос: *через какое время после начала предъявления объекта появляется образ его восприятия?* Он появляется не позднее чем через несколько миллисекунд, так как за время порядка 10 мс происходит распознавание одного «символа» (буквы или цифры).

А. Марсел (A. J. Marcel, 1980; 1983) предъявлял в своих экспериментах испытуемым в течение 10 мс либо слово, либо пустое поле, а потом для стирания образа восприятия из иконической памяти – в течение 30 мс маскирующее изображение. Затем испытуемым либо просто предлагалось указать, видели они слово или нет (контроль), либо предъявлялся ряд букв для максимально быстрого определения – слово это или случайный набор букв. В ряде случаев предшествующее слово было связано по смыслу со словом буквенного ряда. В контрольной группе испытуемые одинаково часто сообщали, что видели слово и при действительном его предъявлении, и при предъявлении пустого поля. Тем не менее в экспериментальной группе опознание слова в буквенном ряду проходило быстрее, если оно было семантически связано с предшествующим словом. Автор делает вывод о том, что предъявленное в течение 10 мс слово, даже не будучи осознанным, «обрабатывается семантически».

Трудно согласиться с тем, что слово обрабатывается семантически, даже не будучи осознанным. Скорее, оно осознается, но не сохраняется при этом в памяти как воспринятое. Однако существенно то, что полного стирания образов из памяти в описанных экспериментах не происходило и воспринимавшиеся в течение всего 10 мс слова в последующем влияли на переработку новой словесной информации (эффект Марсела). Эти опыты нуждаются в продолжении, хотя для нас важнее здесь сейчас лишь то, что 10 мс предъявления достаточно для возникновения мгновенного образа восприятия, следы которого в ряде случаев как-то даже влияют на последующее восприятие.

Дж. Андерсон (2002) пишет:

Если мы предполагаем, что иконическая память действует приблизительно одну секунду и что за эту секунду могут кодироваться четыре объекта, то для переноса внимания с одного объекта на другой нужно 1/4 секунды. ...Вероятно, эта завышенная оценка продолжительности иконы и времени кодирования букв... [с. 94].

Другими словами, по мнению автора, одной секунды вполне достаточно для формирования минимум четырех визуальных образов. В то же время М. Колтерт [Coltheart, 1983, p. 17–18], например, полагает, что «иконы» (иконические образы представления) создаются в течение первых десятков миллисекунд восприятия.

Дж. Маккин Кеттел (J. McK. Cattel, 1886, 1886a), используя тахистоскоп, оценивал время, необходимое для идентификации фигур, цветов, букв и предложений. Оно

зависело от того, насколько испытуемый был знаком с предъявляемым материалом. Буквы и слова предъявлялись всего на 10 мс. Чем больше предъявляемая последовательность букв приближалась к значимой, например к слову, тем больше букв удавалось запомнить испытуемому. При предъявлении на 10 мс не связанных между собой букв испытуемый запоминал три-четыре из них. При предъявлении слов (по три, четыре буквы каждое) он запоминал уже до двух слов. Если же слова были связаны по смыслу, то испытуемый успевал «прочитать» и запомнить до четырех слов. Так как 10 мс – время меньшее, чем необходимо для саккады (которая продолжается от 20 до 30 мс) [Д. Ф. Фишер, 2006, с. 162], автор полагает, что воспринятое испытуемым можно рассматривать (выражаясь метафорически) как единичный «кадр» восприятия. Дж. Кеттел одновременно обнаружил, что в единичном «кадре» восприятия слова воспринимаются не менее легко, чем буквы. Это говорит о том, что они воспринимаются в целом, как гештальты. К тому же воспринимаются, по-видимому, даже легче, чем буквы, так как со словами человек имеет дело чаще, чем с отдельными буквами.

Приведенные данные важны для нас в первую очередь все-таки тем, что за 10 мс успевает возникнуть мгновенный зрительный образ восприятия. И после него в памяти испытуемого сохраняются образы воспоминания по крайней мере 2–3 объектов. То, что автор называет «единичным кадром восприятия», мы имеем все основания рассматривать как истинный мгновенный образ восприятия. Из результатов экспериментов, проведенных Reicher, которые приводят Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 204], тоже следует, что слово, действительно, легче воспринять и запомнить.

Испытуемым всего на несколько миллисекунд предъявляли слово или отдельную букву. Затем предъявлялся стимул, содержащий маскирующие знаки на том месте, где находились буквы, и два варианта ответа. Испытуемому надо было решить, какой из двух вариантов слова или буквы предъявлялся ранее. Если ему предъявляли изображение либо только буквы K, либо слова «WORK» (работа), а затем спрашивали, была ли последняя буква K или D, испытуемые отвечали точнее в случае предъявления целого слова, а не одной буквы.

Приведенные данные вновь демонстрируют, что экспозиции объекта продолжительностью даже в несколько миллисекунд достаточно в ряде случаев для появления мгновенного зрительного образа восприятия.

Результаты экспериментов Е. Тульвинга и К. Голда (E. Tulving & C. Gold, 1963) свидетельствуют о том, что, во-первых, восприятие слов сильно зависит от контекста, во-вторых, что времени предъявления слова от 45 до 90 мс вполне достаточно для его понимания и запоминания, даже если оно не имеет отношения к контексту.

Исследователи предъявляли испытуемым для прочтения часть предложения, состоявшую из одного-четырех слов. Затем на очень короткое время – либо последнее слово этого предложения («исполнение»), либо совершенно иное, не связанное с данным контекстом слово, и просили испытуемых опознать его. Последнее слово предъявляли в течение 10 мс. Если испытуемый ошибался, время экспозиции увеличивалось на 10 мс, до тех пор пока испытуемый не опознавал слово. Вариант контекстов:

— Эту

— Эту актрису

— Эту актрису похвалили

— Эту актрису похвалили за выдающееся

При увеличении количества информации в значимом контексте скорость опознания возрастала и время экспозиции слова уменьшалось с 70 до 45 мс. С увеличением количества информации в неадекватном контексте время, необходимое для опознания слова, наоборот, увеличивалось с 70 до 90 мс.

Исследования по изучению других сенсорных модальностей демонстрируют, что не только зрительный анализатор способен формировать значительно больше одного образа в секунду. Б. М. Величковский [2006, с. 182] приводит, например, данные о том, что если с асинхронностью порядка 100 мс прикасаться к ладоням левой и правой руки (с помощью специальных вибраторов), то сидящему с закрытыми глазами наблюдателю начинает казаться, что что-то или даже кто-то быстро бегает между его ладонями. Из этого следует, что у испытуемого возникают мгновенные тактильные ощущения, из которых, в свою очередь, формируется сложная репрезентация отсутствующего в реальности объекта. Нас здесь интересует не столько то, что именно испытуемый ощущает, сколько его способность воспринимать десяток тактильных ощущений в секунду.

Как показывают эксперименты Н. Морея (N. Morey, 1959) с эхоической памятью, слуховые образы подчиняются иным закономерностям по сравнению с визуальными. Вероятно, в первую очередь потому, что сам характер объектов здесь иной и разворачиваются они во времени гораздо медленнее, чем визуальные.

1.6.3. Слуховые образы и время

Очевидно, что разные по модальности ощущения и образы восприятия, например зрительные и слуховые, требуют разного времени для своего «развертывания». В частности, слуховые образы слов, точнее, то, что принято считать слуховыми образами слов, не способны существовать, то есть развернуться и «уложиться» в такой краткий момент времени, как субъективно переживаемое мгновение. Образ восприятия слова требует для своего формирования и появления в сознании в среднем около секунды. Я уже не говорю об «образе» восприятия самой короткой музыкальной мелодии. Вместе с тем сознание способно формировать и мгновенные слуховые образы. Так, громкий звук (интенсивностью 120 дБ), длящийся всего 3 мс, уже ощущается как отдельный щелчок [А. Н. Гусев, 2007, с. 16].

То, что в литературе принято называть аудиальным, или слуховым, образом слова, является не образом, а сложной последовательностью из многих мгновенных слуховых образов восприятия, более простых, чем звучащее слово, объектов — фонем, существующих доли секунды. Для того чтобы произнести слово, то есть создать специфический искусственный материальный языковой объект — специфическую последовательность волновых колебаний воздушной среды, требуется намного

больше времени, чем занимает мгновенный образ слухового восприятия. Попробуйте, например, измерить время, за которое вам удастся произнести слово «исследование» или «коллективизация». На это уйдет от 1 до 2 с. Соответственно, и на восприятие такого слова уйдет то же самое время. Между тем в эксперименте [А. Н. Гусев, 2007, с. 184] человек способен воспринимать короткие тональные сигналы продолжительностью 5–50 мс в качестве щелчков, то есть в его сознании формируются за секунду десятки подобных мгновенных слуховых образов восприятия.

Репрезентация воспринимаемой речи в целом — это почти непрерывная последовательность переходящих друг в друга звуков разного рода: шумов, свистов, щелчков и т. д., но лишь сознание воспринимающего трансформирует эти последовательности в привычные гештальты слов. Ф. де Соссюр (2006) замечает:

> Звуковая цепь, рассматриваемая сама в себе, есть линия, непрерывная лента, где ухо не различает никаких ясных и точных делений; чтобы найти эти деления, надо прибегнуть к значениям. Когда мы слышим неизвестный язык, мы не в состоянии решить, как должна быть анализирована эта последовательность звуков; дело в том, что такой анализ невозможен, если принимать во внимание лишь звуковой аспект языкового феномена. Но когда мы знаем, какой смысл и какую роль нужно приурочить к каждой части звуковой цепи, тогда для нас эти части обособляются друг от друга и бесформенная лента распадается на куски; в этом анализе нет ничего материального. ...Он (язык. — *Авт.*) представляет неразделенную массу, где только внимательность и привычка могут различить составные элементы. Языковая единица не обладает никаким специальным звуковым характером, и единственным ее определением может быть следующее: *отрезок звучания, являющийся с исключением того, что ему предшествует, и того, что за ним следует в речевой цепи, «означающим» некоего понятия* [с. 106].

Таким образом, создавая специфические конструкции — гештальты из последовательностей мгновенных слуховых образов восприятия, сознание затем рассматривает эти конструкции как отдельные самостоятельные сущности, оперируя уже именно ими в качестве «образов» слов. Такие устойчивые конструкции состоят из многих жестко связанных между собой строго определенных мгновенных слуховых образов.

Аналогичными целостными гештальтами являются мелодии — еще более длительные последовательности мгновенных слуховых образов. Когда мы слушаем знакомую мелодию, то легко улавливаем фальшивую ноту, замечая, что прозвучавшая нота — не та, которая должна была бы быть. Мы знаем всю последовательность взаимосвязанных нот, образующую в целом эту мелодию. Поэтому сознание немедленно фиксирует разницу между должной и прозвучавшей нотами. Мы способны узнать мелодию как одинаковую сущность даже в разных тональностях, как, впрочем, и любое слово нашей речи. В виде таких, всегда одинаково разворачивающихся во времени чувственных конструкций существуют слуховые «образы» не только слов и мелодий, но и множества других привычных нам зву-

ковых объектов и явлений: льющейся воды, двигающейся машины, работающего телевизора, идущего поезда и др.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, даже если забыть об отсутствии звука как такового в физической реальности, ни мелодия, ни слово не репрезентируются единичным мгновенным слуховым образом, а потому ни звучащее слово, ни тем более музыкальная мелодия не могут существовать в физической реальности в настоящий момент времени. Вообще в физической реальности существуют совершенно иные сущности — колебания воздуха, которые радикально изменяются в каждое следующее мгновение времени (например, в 1/10 или даже 1/20 доли секунды) и никогда не повторяются в том же виде. Тем не менее мы всегда воспринимаем их константно в виде знаковых слов и мелодий.

Я хочу подчеркнуть тот факт, что мгновенный слуховой образ восприятия репрезентирует нам не звучащее слово и даже не последовательность воздушных колебаний, соотносимых физикой со звуком, а лишь существующий примерно в момент возникновения мгновенного слухового образа восприятия в месте локализации барабанной перепонки слушателя фрагмент воздушной волны, а не всю волну или волны, составляющие мелодию. Точнее, даже физиологический результат взаимодействия фрагмента этой волны с барабанной перепонкой. Тогда как мгновенный зрительный образ восприятия репрезентирует нам целиком объект, существующий в окружающем мире примерно в момент восприятия.

Больше того, самого репрезентируемого аудиально объекта — слова (мелодии) в завершенном виде в физической реальности в данный конкретный момент времени (момент восприятия) не существует, так как он — объект только начал, например, возникать, или начальная часть звуковой волны уже исчезла из точки ее восприятия. Так, слово в первые мгновения его воспроизведения говорящим еще не существует как таковое, но первые его фрагменты сознание слушателя уже репрезентирует ему. Или, наоборот, начало мелодии уже отзвучало и затихло, тогда как завершение ее еще только репрезентируется сознанию слушателя.

Получается, что в физическом мире в каждый конкретный момент времени в точке восприятия существует не то, что мы привыкли считать аудиальным объектом. И наблюдатель воспринимает не слово или мелодию, а какие-то иные объекты, последовательности репрезентаций которых мы принимаем за слуховые «образы» слов и мелодий. Тем не менее существование звучащих слов и мелодий как реальных объектов не вызывает ни у кого из нас сомнений. Тогда возникает вопрос: *если слов и мелодий в каждый конкретный момент времени нет в физической реальности, то где же они есть?*

Очевидно, что они есть в качестве неких целостных сущностей только в нашем сознании. Они формируются в нем из образов восприятия других сущностей, которые присутствуют в физическом мире[1], не являясь сами тем, что мы привыкли

[1] Я опять сознательно упрощаю картину, так как в действительности нам репрезентируются даже не эти сущности, а результаты их взаимодействия с нашими слуховыми рецепторами.

считать звучащими словами и мелодиями. И лишь наше сознание выделяет репрезентации слов и мелодий в потоке прочих слуховых репрезентаций. Правильнее сказать, сознание конституирует, создает эти «физические объекты», репрезентируя их в качестве звучащей мелодии или слова. Таких единичных (как принято считать) объектов, как звучащее слово или мелодия, вообще нет в физической реальности, в которой существует (как мы в соответствии со здравым смыслом полагаем, забыв на время кантовское указание о принципиальной непознаваемости физической реальности и отсутствии в ней каких-либо объектов) лишь непрерывная последовательность разных воздушных колебаний. И в каждый следующий момент времени в точке восприятия эти колебания уже совершенно иные.

Звучащее же слово или тем более мелодию даже конституировать в качестве объектов можно не в настоящем мгновении, а только за достаточно продолжительный период времени. В определенной точке физической реальности, в которой располагается, например, наше ухо, в каждый данный момент есть лишь тот элемент «растянутого во времени» аудиального объекта, называемого нами «звучащим словом» или «мелодией», который репрезентируется в сознании как звук определенного вида, условно говоря, «фрагмент конкретной воздушной волны», который может «уместиться» в данной точке в этот момент времени. В каждый следующий момент времени в точке наблюдения в физическом мире появляется уже другой «фрагмент воздушной волны», а в сознании - другой звук. Назовем такие звуки «простыми». При этом предыдущего «фрагмента» физического объекта — волны уже нет в этой точке пространства.

Таким образом, за секунду в месте локализации воспринимающего уха сменяют друг друга разные «фрагменты воздушных волн», а в сознании возникают десятки «простых» звуков, десятки мгновенных слуховых репрезентаций. Сознание же строит тем не менее особую сложную единую конструкцию, состоящую из строго определенной последовательности «простых» репрезентаций (мгновенных слуховых образов). И эта психическая конструкция выступает как репрезентация специфической физической сущности (слова или мелодии), которой, однако, в физической реальности нет в любой конкретный момент времени в данной точке пространства (это притом, что мы опять забудем на время, что и самой такой «физической» сущности, как звук, нет в физическом мире).

1.6.4. Некоторые характеристики мгновенного образа восприятия

В своих классических экспериментах Дж. Сперлинг (G. Sperling, 1960; Дж. Сперлинг, 1967) попытался определить в том числе количество информации, воспринимаемой при кратковременном (50 мс) предъявлении.

На слабо освещенный экран проецировали матрицу, содержащую 12 символов, расположенных в три ряда по 4 символа. Непосредственно после предъявления матрицы раздавался высокий, средний или низкий звуковой тон. В случае высокого

тона испытуемый должен был воспроизвести верхнюю строчку, среднего – среднюю и нижнего – нижнюю. Было установлено, что при предъявлении звуковой «метки» испытуемые могли воспроизвести символы (буквы) из любого ряда. В этом эксперименте они воспроизводили поочередно от 8,1 до 11 символов из 12 возможных, в среднем – 9,1. Однако после окончания эксперимента, при попытке вспомнить всю матрицу по просьбе экспериментатора, испытуемые воспроизводили не более 3,8–5,2 буквы, в среднем – 4,3 (что соответствует нижней границе «магического числа» (см. разд. 1.9.4)). Таким образом, непосредственно после предъявления символов испытуемый помнит в среднем 9,1 символа, но уже спустя непродолжительное время после их предъявления в его памяти остается лишь 4,3 символа. Следовательно, сразу после предъявления его память хранит образы всех или почти всех 12 символов, которые доступны непродолжительное время, если их «извлекать» особым образом. Тем не менее в конечном счете в его памяти остается не более 4–5 образов.

Представляется очевидным, что такие результаты объясняются непродолжительностью хранения зрительной информации в памяти. Причем время хранения меньше, чем даже время, требуемое для воспроизведения (произнесения) 7 ± 2 букв. Иконические образы, по данным Дж. Сперлинга, сохраняются в сознании в течение примерно трети секунды[1] после исчезновения объекта из поля восприятия, тогда как на воспроизведение 4–5 букв, по моему опыту, требуется не менее секунды (попробуйте произнести скороговоркой А, Б, В, Г и Д). Этого времени, по-видимому, вполне достаточно для стирания иконических образов.

Р. Л. Солсо (1996), ссылаясь на результаты экспериментов Эриксена и Коллинза, пишет:

...иконическое хранилище может кратковременно удерживать зрительную информацию в ее исходном виде и с большой детальностью. Некоторые ученые полагают, что ее объем практически неограничен (в пределах возможностей сетчатки глаза) [с. 68].

Время хранения в эхоической памяти очень мало (от 250 мс до 4 с) (тем не менее это существенно больше, чем иконическое хранение, составляющее «примерно 250 мс». – *Авт.*), а в кратковременной памяти оно значительно больше и составляет 10–30 с [с. 71].

...но наиболее полно информация сохраняется в течение первой секунды после слуховой стимуляции [с. 73].

Думаю, что все эти данные нуждаются в дополнительном экспериментальном уточнении. Сохранение мгновенных образов восприятия в памяти зависит от множества самых разных факторов: исходного состояния испытуемого, условий восприятия, сложности воспринимаемого объекта, модальности образа, особенностей предъявления воспринимаемого объекта (так как увеличение продолжительности предъявления приводит к появлению последовательности сходных мгновенных

---

[1] На вопрос о том, как долго сохраняется образ после прекращения предъявления объекта, то есть какова его инерция, ответил еще В. Вундт. Б. М. Величковский (2006) пишет: «В. Вунд отмечал, что "продолжительность жизни" зрительного образа может превышать номинальное время экспозиции стимула. По его наблюдениям, эта продолжительность (речь здесь идет об иконическом образе. – *Авт.*) обычно составляет примерно 250 мс» [с. 194].

образов восприятия), интервала между окончанием предъявления первого объекта и началом предъявления второго и даже интервала между началом предъявления первого объекта и началом предъявления второго. Так, Б. М. Величковский (2006) сообщает об исследованиях, в которых было установлено, что:

> ...инерция слуха определялась... началом, а не концом предъявления, так что звуковой сигнал длительностью 10 мс имел «инерцию» 110 мс, а длительностью 100 мс — только 20 мс [с. 200].

Дж. Р. Андерсон [2002, с. 93] отмечает, что Дж. Сперлинг, изменяя постэкспозиционное поле (поле после предъявления стимула), обнаружил, что в случае светлого постэкспозиционного поля сенсорная информация сохраняется в течение только 1 секунды, а при темном поле — в течение 5 секунд. Следовательно, яркое постэкспозиционное поле склонно «вымывать» из иконической памяти предъявлявшийся материал. Такой же эффект оказывает и предъявление других объектов после демонстрации первого, которые эффективно «переписывают» результаты первой демонстрации, уничтожая память о первом наборе букв. Данные факты показывают, что сохранение мгновенных образов в памяти зависит и от особенностей последующей стимуляции. И возникновение новых мгновенных образов иного содержания «эффективно» удаляет предыдущие мгновенные образы и из сознания, и из памяти.

Совершенно неясно, является ли продолжительность мгновенных образов восприятия каждой модальности константной для данного субъекта величиной или меняется в зависимости от условий восприятия и состояния воспринимающего. Неясно количество сходных мгновенных образов восприятия в последовательности этих образов, минимально достаточное для понимания и гарантированного сохранения образа в памяти. Продолжительность мгновенных зрительных и слуховых образов тоже различается. Можно сказать, что мгновенные образы восприятия, их динамика и сохранение в памяти — это недостаточно изученная область психологии.

В литературе часто рассматривают чуть ли не в качестве одинаковых феноменов визуальный и слуховой образы восприятия одного и того же слова, несмотря на то что феноменологически это совершенно разные явления. Не говоря уже о разной их модальности, даже продолжительность того, что называют слуховым «образом» слова, существенно больше, чем продолжительность визуального образа изображения этого же слова. Как уже отмечалось, звучащее слово — это психическая репрезентация даже не физического объекта, а последовательности связанных между собой физических объектов — фонем. Хотя мы и привыкли в соответствии со «здравым смыслом» считать звучащее слово объектом. Что касается письменного слова, то, по моему мнению, оно воспринимается человеком, свободно владеющим письменностью, не в качестве последовательности образов букв, а как единый объект. И, как показывают эксперименты [см, например: Д. Ф. Фишер, 2006, с. 162; Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др., 2007, с. 204], слово нередко воспринимается человеком легче и быстрее, чем даже буква.

Для формирования мгновенного зрительного образа восприятия некоторых сложных объектов может потребоваться существенно большее время, чем для возникновения мгновенного визуального образа восприятия слова или буквы. Б. М. Величковский (1982) сообщает, например, о том, что испытуемые узнают сложный зрительный материал в процессе восприятия предметной сцены лишь при длительности предъявлении около 300 мс. Обсуждая эксперименты Дж. Сперлинга, он (2006) пишет:

> Согласно данным современных экспериментов по восприятию и кратковременному удержанию зрительных конфигураций типа наборов буквенно-цифровых матриц или бессмысленных форм, мы способны воспринять меньше информации (от 1 до 4 элементов) и на более короткое время, чем думал Сперлинг. Возможно, впрочем, что эта информация перерабатывается глубже, например, вплоть до выделения различной категориальной принадлежности букв и цифр [с. 272–273].

Мне представляется, что простые объекты воспринимаются в соответствии с закономерностями, обнаруженными Дж. Сперлингом. Сложные же объекты типа сюжетных картин (см. литографии Эшера, рис. 5 и 6) воспринимаются как бы поэтапно. При их восприятии возникают те же мгновенные образы, но каждый последующий или каждая новая серия мгновенных образов позволяют глубже понять воспринимаемый объект, уточнить его детали. Поэтому для максимально полного понимания сложного объекта требуется уже не 10 мс и даже не 40 мс, а, возможно, существенно большее время [Б. М. Величковский, 1982].

Мгновенно появляясь и немедленно исчезая из сознания испытуемого, мгновенные образы восприятия могут содержать много сложной информации, но при этом не сохраняться в его памяти вовсе. В итоге у наблюдателя возникает впечатление об отсутствии самого факта восприятия данного объекта или о «подсознательном» его восприятии. Следовательно, необходимо четко разграничивать процессы возникновения, существования и понимания человеком мгновенного образа восприятия, с одной стороны, и процессы сохранения и последующего воспроизведения воспринятой информации, что убедительно демонстрирует, например, классический опыт Дж. Сперлинга (1967) (см. с. 190), который показал, что испытуемый воспринимает практически весь объем поступающей к нему информации, но она стирается настолько быстро, что он не успевает даже о ней рассказать.

То, что многие мгновенные образы восприятия действительно сохраняются в сознании очень недолго, а затем бесследно исчезают, подтверждается и данными интроспекции. Трудности с сохранением мгновенных образов восприятия в памяти характерны не только для зрительной, но и для слуховой модальности.

> Так, Глюксберг и Коуэн [Glucksberg & Cowan, 1970] предлагали испытуемым слушать разные сообщения, поступающие одновременно в правое и левое ухо. При этом они просили испытуемых обращать внимание на сообщения, поступающие в одно ухо. Периодически в другом ухе звучала цифра. Если испытуемого немедленно спрашивали, слышал ли он цифру, то он давал правильный ответ в пять раз чаще, чем если его спрашивали спустя некоторое время. В течение первых 2 с с момента предъявления цифры результаты резко снижались, а через 5 с достигали уровня спонтанного

обнаружения. Исследователи пришли к выводу, что информация из игнорируемого сообщении находится в памяти очень короткое время и теряется в течение 5 с.

Обсуждая эксперименты с раздельным предъявлением слуховой информации и гипотезы Д. Дойча и Дж. Дойча, У. Найссер (1981) пишет, что авторы:

> ...предположили, что вся информация перерабатывается полностью, независимо от того, является ли она объектом внимания или нет. ...Отбор осуществляется только на стадии запоминания и осуществления действия. Испытуемые... воспринимают оба голоса, но забывают вторичную информацию настолько быстро, что она практически не влияет на их поведение или сознательный опыт. ...Наши психические механизмы знают обо всем, что происходит вокруг нас, но отвергают большую часть этой информации, как не имеющую значения, еще до того, как она достигнет сознания. ...Утверждение Дойчей... означает только то, что мы постоянно регистрируем, а затем забываем множество не связанных между собой сенсорных данных [с. 101].

Мне представляется ошибочной идея о том, что информация забывается до того, как достигнет сознания, потому что отсутствие запоминания не означает отсутствия феномена в сознании в прошлом. Просто, кратковременно присутствуя в сознании, психический феномен не фиксируется затем памятью и не имеет в результате какой-либо возможности повторного появления в сознании в будущем.

У. Найссер спрашивает: «А что же в таком случае происходит с игнорируемой информацией?» И сам же дает ответ:

> Вообще говоря, с ней ничего не происходит. Она разделяется на много видов информации, для которых у нас нет схем. Мы просто не воспринимаем ее. Но разве не было бы полезнее для нас все-таки воспринимать ее? Разве нельзя разворачивать одновременно больше одной схемы? Ответ на этот довольно интересный вопрос зависит не от общих психических принципов, а от уровня развития навыков индивида [с. 105].

> ...когнитивную активность человека более целесообразно рассматривать как совокупность приобретенных навыков, чем как функционирование единого, постоянного в отношении своих возможностей механизма [с. 107].

В этой цитате мне представляется интересной фраза о «многих видах информации, для которых у нас нет схем». Не исключено, что действительно большинство возникающих у нас мгновенных образов не актуализируют в сознании никаких адекватных моделей-репрезентаций или «схем», в результате чего бесследно исчезают, но из этого не следует, что «мы просто не воспринимаем ее». Наоборот, мы очень быстро воспринимаем ее и столь же быстро отвергаем как неактуальную и не фиксируем в памяти возникавшие в сознании мгновенные образы восприятия.

У. Найссер [1981, с. 110] приводит данные о том, что опытные пианисты способны слушать прозу, играя одновременно с листа на фортепиано, а профессиональные машинистки могут печатать на машинке, слушая какой-либо текст или напевая детские песенки по памяти. Он пишет:

> Сбор информации не находится всецело под сознательным контролем; если бы это было так, мы оказались бы слишком рассеянными, чтобы выжить. Громкие звуки, ритмически повторяющиеся раздражители, внезапные видимые движения, волевые стимулы — все это примеры сигналов, к восприятию которых мы всегда готовы [с. 112].

Я думаю, правильнее, наверное, было бы сказать, что мы их и воспринимаем во множестве, в микродоле каждой протекающей секунды, но станут ли они предметом более продолжительного и специального рассмотрения со стороны нашего сознания, зависит от того, привлекли ли они наше внимание за мгновения своего существования. Автор продолжает:

> Младенцы, безусловно, рождаются со схемами принятия такой информации, используемыми для того, чтобы начать новые циклы перцептивной активности [с. 112].

> Само понятие «чего-то одного» далеко не ясно: сколько явлений (или вещей) присутствует в моем сознании, когда я слушаю оркестровую музыку, смотрю балет, веду машину и т. д. [с. 122].

Вот о том-то и речь. «Вещей» этих бесчисленное множество. И воспринимаются они нами ничтожное время, а потом бесследно исчезают навсегда. И в своем абсолютном большинстве никогда больше не становятся предметом наших воспоминаний и объектами нашего сознания. А потому у нас и создается впечатление, что они вроде бы и не существовали вовсе. Можно предположить наличие в сознании как бы двух «плоскостей» анализа информации. В одной идет непрерывная регистрация максимально возможного объема сенсорного потока в форме мгновенных образов восприятия и отбор лишь малой части информации из этого потока. В другой — специальное рассмотрение отобранного с повторной актуализацией в сознании как выбранных мгновенных образов, так и чего-то ассоциированного с ними. Эти «плоскости» сознательного анализа могут быть как параллельными во времени, то есть существующими одновременно, так и чередующимися во времени благодаря быстродействию сознания.

Но вернемся к мгновенным образам восприятия. Для нас важно: 1) мгновенные образы восприятия очень быстро (за миллисекунды) возникают и через миллисекунды — десятки миллисекунд сменяются новыми; 2) существуя, они осознаются; 3) мгновенные образы не рефлексируются, то есть не рассматриваются специально и не понимаются нами в качестве реальных объектов нашего сознания, даже несмотря на то, что занимают в конечном счете львиную долю его содержания и большую часть времени его работы; 4) для того чтобы у мгновенного образа восприятия появился шанс быть зафиксированным памятью, он должен привлечь к себе внимание; в этом случае немедленно появляются новые мгновенные образы восприятия того же объекта; 5) одиночные или повторяющиеся недостаточное количество раз мгновенные образы восприятия в своем большинстве не фиксируются памятью; 6) фиксация некоего «итогового» образа восприятия в памяти зависит, видимо, в том числе от количества повторений сходных мгновенных образов, о чем свидетельствуют опыты.

Так, например, эксперименты Б. М. Величковского и К.-Д. Шмидта [Б. М. Величковский, 2006, с. 374] показали, что узнавание предъявлявшихся испытуемым цветных «слайдов с видами городов, настолько похожих семантически, что вербальные описания не позволяли их различать», зависит только от длительности первоначального показа слайда, но, например, не от интервала между разными последовательными слайдами.

Следовательно, чем больше количество возникших последовательно мгновенных образов восприятия слайда (а их тем больше, чем длительнее период восприятия), тем лучше узнавание слайдов, а соответственно, и их запоминание.

Факт наличия мгновенных образов восприятия может помочь нам объяснить некоторые психические феномены. Так, например, Г. Гельмгольц пишет в своей «Физиологической оптике»:

> ...наблюдатель мог устойчиво направлять свой взор на фиксационную отметку, и в то же время он мог концентрировать свое внимание на любой части темного поля так, что, когда вспыхивала искра, он получал впечатления об объектах только в этом определенном участке пространства. В этом эксперименте внимание целиком независимо от позиции и аккомодации глаз... Таким образом, можно просто сознательным и произвольным усилием фокусировать внимание на некоторых выбранных точках в абсолютной темноте и бесструктурном поле. Для развития теории внимания это один из наиболее принципиальных экспериментов, которые могут быть сделаны [цит. по: В. И. Белопольский, 2007, с. 98].

Интроспективные наблюдения в процессе повторения сходного опыта привели меня к выводу, что визуальное внимание (внимание, направленное на зрительное восприятие чего-либо) невозможно «оторвать» от актуального образа восприятия, если оно не переключается на параллельно возникающие образы представления. Тем не менее порой действительно создается впечатление, что внимание на очень непродолжительное время как бы «отрывается» от взора, фиксированного на какой-то точке. Однако этот «отрыв» либо сопровождается утратой ясности восприятия в точке фиксации взора в результате переключения внимания на образы представления, либо, вероятно, сопровождается все же очень быстрыми движениями глаз в сторону нового, произвольно выбранного центра внимания и формированием мгновенного образа восприятия. Данный феномен требует дополнительного изучения.

Можно продолжить опыт Гельмгольца и, зафиксировав взор, сконцентрировать внимание на восприятии каких-то еле заметных слуховых феноменов. Тогда зрительный образ как бы тускнеет и начинает чередоваться с более яркими слуховыми образами. Возникает эффект, напоминающий «мерцание». Можно предположить, что в ситуациях, требующих диссоциации внимания, при постоянной концентрации внимания на основном объекте оно может, вероятно, переключаться на десятые и сотые доли секунды на другие объекты, что приводит к появлению на фоне последовательностей мгновенных образов восприятия основного объекта мгновенных образов восприятия иных объектов. Данное обстоятельство и может трактоваться исследователями как независимость внимания от положения глаз.

Мгновенный образ восприятия играет важнейшую роль в выживании живого существа, позволяя мгновенно опознавать появившийся в поле зрения объект и реагировать на него рефлекторно. В обобщенном виде можно, по-видимому, констатировать следующее: 1) мгновенный зрительный образ восприятия формируется при кратковременном предъявлении объекта восприятия (времени экспозиции до 40 мс, а реально и еще меньшего), чего вполне достаточно для его возникновения в сознании, а нередко и для его сохранения в памяти; появляется он в течение нескольких миллисекунд после попадания объекта в поле восприятия; 2) мгновенный зрительный образ восприятия сохраняется при исчезновении объекта из поля зрения от нескольких

десятков до 250–300 мс в зависимости от многих факторов; мгновенный слуховой образ восприятия при прекращении слухового стимула сохраняется до нескольких секунд (хотя эти данные нуждаются в уточнении); 3) возникновение мгновенного образа нового объекта восприятия «стирает» в сознании предыдущий мгновенный образ, не позволяя ему сохраниться в памяти; 4) в случае сохранения объекта в поле восприятия возникает последовательность сходных мгновенных зрительных образов восприятия этого объекта; 5) если мгновенный образ или последовательность мгновенных образов становятся объектом внимания, они могут сохраняться в памяти, но, даже став предметом внимательного рассмотрения, мгновенные образы, по-видимому, не обязательно фиксируются памятью; если же мгновенные образы не стали объектом внимания, то они не фиксируются памятью и безвозвратно теряются; 6) нет никаких других образов восприятия, кроме мгновенных образов и последовательностей сходных мгновенных образов восприятия; 7) последовательности сходных мгновенных образов восприятия создают то, что, собственно, и принято определять сейчас в психологии словами *образ восприятия*.

Факт наличия мгновенных образов важен не столько даже сам по себе, сколько как возможное объяснение многих неясных пока проблем восприятия и функционирования психики вообще.

А. Н. Гусев (2007) вслед за В. Вундтом поднимает вопрос еще об одной проблеме, касающейся восприятия и времени. Он пишет:

> Это так называемые пороги нерасчлененной длительности. В классической психологии сознания это время называли временной продолжительностью внимания – то физическое время, в течение которого может быть предъявлено некоторое количество стимулов, которые воспринимаются как некая целостность. Понятно, что порог нерасчлененной длительности зависит от природы стимулов, заполняющих данный отрезок времени, и проблема заключается в самом слове «целостность». Тем не менее для простых тональных и световых стимулов тот интервал, в пределах которого испытуемые воспринимают его как настоящий момент времени, простирается от 2,3 до 12 с (при некоторых условиях даже больше, как полагал Э. Титченер) [с. 248].

Автор рассматривает особенности субъективного восприятия времени и перцептивных феноменов при предъявлении испытуемому сходных стимулов. Но на эту же ситуацию можно взглянуть и в другом ракурсе. Речь здесь может идти, по сути дела, о максимальной длительности промежутка времени, в пределах которого последовательность мгновенных образов восприятия конкретного объекта еще рассматривается человеком как нечто целое, единичное и существующее в настоящий момент, то есть в качестве единичного образа восприятия. Тогда можно уже исследовать два вопроса: *сколько времени продолжается то, что можно рассматривать как субъективно единичный образ восприятия объекта?* и *какое количество мгновенных образов восприятия образует то, что мы привыкли считать единичным образом восприятия?*

Мне представляется, что на второй вопрос можно получить ответ, рассматривая наше восприятие кинофильмов, где на протяжении секунд мы можем видеть, как нам кажется, неизменяющийся образ восприятия неподвижного объекта, а на самом деле успеваем пережить за это время десятки мгновенных образов восприятия.

1.6.5. Мгновенный образ восприятия и кино

Пожалуй, особенно наглядное доказательство факта существования мгновенных образов восприятия предоставляет нам кино. Известно, что человек способен различать на экране единичные картины при скорости смены кадров менее 24 в секунду. Если мы разделим 1 с на 24 части, то получим время экспонирования одного кадра, равное 41,67 мс, что соответствует экспериментальным данным (см. выше) о средней продолжительности мгновенных образов восприятия (примерно один образ восприятия за 40 мс). Р. Л. Грегори [2002а, с. 482] приводит более точные данные о том, что включение и выключение света частотой до 30 вспышек в секунду (одна в 33 мс) воспринимается как мелькание. При большей частоте вспышек свет будет казаться непрерывным. Если свет яркий, критическая частота восприятия отдельных изображений (или мельканий) может достигнуть 50 вспышек в секунду (одна в 20 мс).

В кино отдельные картины проецируются с частотой 24 кадра в секунду, что значительно ниже критической частоты предъявления, необходимой для слияния изображений. Однако каждое изображение показывается трижды в быстрой последовательности, так что, хотя показывается всего 24 кадра в секунду, частота мельканий составляет 72 вспышки света в секунду (один кадр примерно в 14 мс). Эта величина превышает критическую частоту мельканий для всех, кроме ярких участков изображений, попадающих на периферию сетчатки, поэтому там могут быть видны отдельные мелькания. Кроме того, в кинематографе и в мультипликации чрезвычайно важно, чтобы соседние кадры отличались друг от друга незначительно, иначе нашей зрительной системе не удается «сливать» их в одно плавное изображение.

На основе сказанного можно предположить, что мгновенные образы восприятия обычно возникают в нашем сознании с частотой, превышающей 25–30 образов в секунду. Непрерывная смена сходных, но различающихся в деталях, мгновенных образов восприятия одного и того же объекта создает эффект его непрерывного изменения или движения. Разворачивающаяся в нашем сознании последовательность таких слегка отличающихся друг от друга мгновенных образов объекта расценивается нами как единый образ восприятия его движения. Скорость смены мгновенных образов восприятия в сознании при этом не может быть меньше 24 в секунду. В противном случае у нас возникло бы ощущение разорванности движений окружающих нас объектов. В нашей памяти изменения окружающей реальности тоже должны быть представлены последовательностями мгновенных образов воспоминания, которые сливаются в сознании в непрерывные образы движений объектов.

Вероятно, скорость, составляющую несколько десятков образов, возникающих за 1 секунду, следует рассматривать как разрешающую возможность человеческого восприятия изменений окружающей реальности. Поэтому если потенциально заметные глазу изменения объекта происходят существенно чаще или, наоборот, реже, чем одно за несколько десятков миллисекунд, то наше сознание просто не в состоянии их репрезентировать как движение. А. Н. Гусев [2007, с. 234] отмечает, что стробоскопический феномен имеет базовый общепсихологический характер. Он выражен также в слухе и осязании.

Б. М. Величковский [2006, с. 180] приводит данные о том, что на основании видеосъемки и компьютерной симуляции походки человека даже уже после 100–500 мс экспозиции испытуемые отчетливо видят движущегося человека, уверенно различая мужчин и женщин. Он отмечает, что для восприятия движения, по-видимому, существенными оказываются события внутри интервала времени порядка 100 мс. Автор [2006, с. 181–182] ссылается на А. Мишотта, который показал, что остановки движущегося предмета не замечаются наблюдателем, если они продолжаются менее 100 мс. Но тут же дополняет, что с увеличением точности измерения этот интервал уменьшился с 100 до 30 мс. Это вполне соотносится с приведенными выше данными о продолжительности мгновенных образов зрительного восприятия, составляющей от 10 до 40 мс.

1.6.6. Продолжительность образов представления

Выше я упоминал о том, что обратил внимание на экспериментальные исследования восприятия, лишь обнаружив интроспективно очень быстро сменяющиеся в моем сознании образы представления. Следовательно, интроспекция позволяет обнаружить очень кратковременные образы представления. Хотя надо сразу сказать, что эти образы субъективно все же продолжительнее мгновенных образов восприятия, обнаружить которые интроспективно невозможно. Поэтому правильнее называть их не мгновенными, а только кратковременными. Тем не менее образы представления по своей продолжительности субъективно существенно меньше секунды.

Интроспекция демонстрирует, что неизменные образы представления присутствуют в сознании очень непродолжительное время и тут же сменяются новыми, хотя и похожими образами, что в конечном счете создает ощущение непрерывного «течения» или изменения образа представляемого объекта. Кратковременные образы представления могут сменять друг друга без всякой очевидной связи между собой по содержанию, а могут появляться в виде устойчивых последовательностей, репрезентируя движение определенного объекта или развитие конкретной ситуации.

Обычно кратковременные образы представления непрерывно возникают и бесследно исчезают из нашего сознания, не сохраняясь в памяти. Они существуют настолько непродолжительное время, так многочисленны и калейдоскопичны, что мы, как правило, не успеваем зафиксировать внимание на каком-то из них, выделить его и подвергнуть рефлексии, да, собственно, и не стремимся делать это, а потому в основном не замечаем и не понимаем самого факта их почти постоянного наличия и смены в нашем сознании. Хотя при произвольном усилии кратковременные образы представления можно достаточно легко обнаружить в процессе интроспекции в виде быстро сменяющихся, а потому чаще неясных «мельтешащих» образов.

Из-за того что память обычно не способна повторно предъявить кратковременные образы представления сознанию, они для нас остаются как бы и не существовавши-

ми вовсе. Тем не менее эти образы создают особый психический фон, достаточно легко обнаруживаемый интроспективно, на котором возникают отдельные более значимые и даже сохраняющиеся в памяти образы представления и вербальные конструкции — «мысли». Память может регистрировать последовательности сходных кратковременных образов представления в форме как бы «итоговых», совокупных за период образов.

Образы представления очень лабильны, поэтому даже при специальной целенаправленной попытке зафиксировать в процессе интроспекции определенный образ представления сознание, не будучи в состоянии повторно воспроизвести только что исчезнувший образ, регистрирует не данный конкретный образ, а лишь сам факт появления и немедленной замены этого образа следующим, сходным с ним. Удается лишь воссоздать похожий образ и как-то зафиксировать эту его похожесть на исчезнувший образ. Впрочем, то же самое возникает и при попытке вновь воспроизвести любой образ воспоминания, что лишний раз подтверждает утверждение У. Джеймса (2000; 2003), что ни один образ никогда не повторяется в сознании дважды.

Для того чтобы обнаружить кратковременные образы представления-воспоминания, достаточно представить себе, например, белый экран кинотеатра, а на нем черно-белое изображение, возникавшее при обрыве пленки во время просмотра старого кинофильма. В результате у меня, например, картины в виде черных крестов, перечеркнутых кругов и т. п. начинают быстро сменять друг друга. Можно также закрыть глаза и представить себе какой-то знакомый объект, например лицо близкого человека. При этом в сознании тоже появляются быстро сменяющие друг друга образы воспоминания и представления. Они очень разнообразны и варьируют от совокупностей неясных пятен до более или менее четких образов знакомого лица.

Часто образы репрезентируют просто совокупности каких-то черных или темно-серых линий и незавершенных фигур на сером фоне, которые вроде бы что-то изображают, но не очень ясно, что именно. Они так быстро сменяют друг друга в сознании, что по большей части не удается их зафиксировать и осмыслить. Тем не менее все они осознаются как явления сознания, но в силу кратковременности своего существования и их калейдоскопичности большинство из них малопонятны или вовсе непонятны. Почти так же, как не очень понятны картины, проносящиеся за окном набирающего скорость поезда при фиксации взгляда на неподвижной оконной раме поезда. Они составлены из множества фрагментов каких-то знакомых предметов, но за краткий миг их существования в сознании не удается понять, что это за предметы. В лучшем случае остается лишь ощущение их знакомости.

Даже кратковременные образы представления, появляясь в сознании всегда, осознаются, но понимаются нами лишь при специальной концентрации на них внимания. Например, я закрываю глаза и передо мной быстро движется черная строка на белом фоне. Я, безусловно, осознаю этот образ, то есть регистрирую факт наличия его в сознании, но не понимаю его. Слишком быстро бегут буквы, и я не успеваю их прочитать. Затем они вдруг сливаются и сменяются другим образом — силуэтом лежащего быка, который немедленно трансформируется в новую фигуру.

Смутные кратковременные образы представления рождают столь же неясные ассоциации. Так, например, какая-то незавершенная фигура, то есть часть непонятной черной фигуры на белом фоне, похожая на небрежно нарисованный рукой ребенка контур куклы, попадая в поле моего внимания, вдруг актуализирует в моем сознании непонятные ассоциации: вербальную мысль «это знак, как-то связанный с N» и неприятное чувство тревоги, что в совокупности рождает следующую мысль — «это знак, неблагоприятный для N». В следующем возникшем и немедленно исчезнувшем образе воспоминания удается узнать конкретного человека. Неясно, что именно в образе позволяет сказать себе: «Это именно он» — и как мне удается узнать среди множества других мимолетных образов именно этот образ.

Что я успеваю понять в кратковременном визуальном образе представления, если моему вниманию удается «ухватить» его на короткое время? Если это не образ знакомого объекта, то обычно — ничего, кроме самого факта его наличия. Но иногда внимание выхватывает конкретный образ. Это выражается в том, что данный образ, точнее, его содержание становится точкой притяжения для немедленно возникающих в сознании ассоциаций. Содержание образа превращается в «тему», задающую поток новых ассоциаций, которые как бы «рассматривают», «трактуют» так или иначе данную «тему». Это «рассмотрение» образа приводит в том числе к появлению новых сходных образов воспоминания-представления и вербальных конструкций, оценивающих, квалифицирующих, объясняющих и описывающих рассматриваемый образ.

Вероятно, именно из-за кратковременности существования каждого единичного образа представления и воспоминания, их непрерывной смены, фрагментарности, обычно непонятности, чередования невербальных и вербальных образов и т. д. исследователи и не могут чаще всего сказать, что представляют собой их мысли: вербальные идеи, чувственные образы или что-то еще.

Я полагаю, что кратковременность сенсорных репрезентаций, причем как образов восприятия, так и образов представления-воспоминания, и представленность в виде последовательностей кратковременных образов являются их характерными признаками.

1.6.7. Мгновенные образы и «подпороговое восприятие»

Мгновенный образ восприятия и даже кратковременный образ воспоминания-представления, а тем более несколько сходных последовательно возникших мгновенных образов могут вызывать не только двигательный рефлекторный ответ, но и отчетливую физиологическую реакцию организма: изменение кожно-гальванической реакции, частоты сердечных сокращений, другие вегетативные реакции. При этом совершенно не обязательно, чтобы мгновенные образы восприятия, вызвавшие вегетативные реакции, в последующем сохранялись в памяти. Иными словами, возникнув в сознании на десятки миллисекунд и даже вызвав физиологический ответ организма, они могут бесследно исчезнуть из сознания, не зафиксировавшись

в памяти. Соответственно, и сам факт их появления в сознании часто не остается в памяти субъекта в качестве имевшего место психического события.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что многие исследователи рассматривают как «бессознательное», или «подпороговое»[1], восприятие. Хотя логичнее было бы предположить, что в большинстве подобных случаев в сознании появлялись вполне осознанные, но очень кратковременные образы восприятия, не оставившие после себя отчетливого следа в памяти, а потому как бы и не существовавшие вовсе. В этой связи есть, по-видимому, основания говорить о пороговом количестве сходных мгновенных образов, после превышения которого мгновенные образы восприятия фиксируются памятью и могут быть воспроизведены в последующем, что позволяет испытуемому вновь возвращаться к ним в будущем и утверждать, что он воспринял объект.

Многие авторы отождествляют «подпороговое восприятие» с «неосознаваемым восприятием». Так, В. М. Аллахвердов (2000) приводит, например, в качестве одного из доказательств наличия такого восприятия экспериментальные данные Д. Викенса:

> ...испытуемые оценивали сходство двух последовательно предъявляемых слов: например, надо было установить, рифмуются ли слова (рыба — глыба), принадлежат ли они к общей категории (стол — шкаф), вызывают ли одинаково окрашенные эмоции (дворец — красота) и т. д. Первое слово «тахистоскопически» предъявлялось на 50, 60, 70, 80 мс и сразу же после экспозиции маскировалось. Маска (то есть хаотическое изображение, стирающее все, что сохранялось на сетчатке глаза) удерживалась 1,5 с, после чего в течение 5 с экспонировалось второе слово. Затем испытуемый должен был высказать свое суждение. Даже при длительности экспозиции первого слова в 50 мс некоторые высказывания испытуемых о принадлежности к общей категории, о синонимичности и т. д. пары слов оказались правильными, причем даже в том случае, когда само первое слово испытуемому не удавалось воспроизвести, то есть он его не осознавал (точнее, не мог вспомнить. — *Авт.*). А. Марсел показал также, что слово, предъявленное всего лишь на 10 мс, которое, разумеется, не осознается (не вспоминается потом. — *Авт.*), влияет на последующие процессы переработки словесной информации... [с. 273–274].

Данная цитата доказывает не то, что якобы существует неосознаваемое, или «подпороговое», восприятие, а то, что в нашем сознании существуют мгновенные образы восприятия и их последовательности, которые осознаются в момент своего существования, но не воспроизводятся впоследствии, так как не были зафикси-

---

[1] *Подпороговый...* Этот термин фактически относится не к *восприятию* в обычном смысле этого термина, а к воздействию подпорогового стимула на поведение индивида. ...Если здесь и имеются реальные воздействия... то они невелики и нет никаких свидетельств того, что они могут использоваться для изменения отношений или эмоций. ...Лучший обзор исследований подпороговой рекламы... был сделан американским психологом Дж. В. Макконнелом: «Все рассматриваемые вещи, секретные попытки манипулировать сознанием людей дают настолько же подпороговые результаты, насколько подпороговые стимулы используются» [цит. по: А. Ребер, 2001, с. 151]. По образному замечанию А. Ребера (2001), термин «подпороговое восприятие» — это нечто «любопытное, так как “подпороговый” означает “ниже порога восприятия”» [с. 151].

рованы памятью испытуемого. В то же время образы воспринятых слов актуализировали, по-видимому, в сознании испытуемых свои значения (к этому мы еще вернемся ниже), сохранившиеся даже после стирания из памяти самих зрительных образов воспринятых слов, что повлияло «на последующие процессы переработки словесной информации».

К сегодняшнему дню накопилось огромное количество литературы, посвященной вопросам «подпорогового», «неосознаваемого», «субсенсорного» и т. п. восприятия (см. например: P. Merikle, M. Dantman, 1998; И. Смирнов, Е. Безносюк, А. Журавлев, 1996; Э. Р. Пратканис, 2003; Э. А. Костандов, 2004 и др.). Мне представляется, что большинство рассматриваемых в этой связи экспериментов ничего не доказывает, так как они содержат серьезные методологические изъяны. Невозможно доказать, что так называемый «подпороговый» сигнал является невоспринимаемым. Представляется более очевидным, что на протяжении периода предъявления объекта у испытуемого возникает несколько мгновенных образов его восприятия или даже последовательностей мгновенных образов восприятия, которые и определяют результаты опыта, хотя вследствие быстрого исчезновения их из памяти испытуемые отрицают факт восприятия или не могут воспроизвести воспринятое. Проблема методологически сложна и требует дополнительных исследований.

«Подпороговое восприятие» включает в себя так называемые «подпороговые ощущения», или «предощущения»[1]. Обсуждая последние, в большинстве случаев следует говорить о реакциях организма не на подпороговые ощущения, которых не может быть в принципе, так как это что-то вроде «сухого дождя», а о физиологических реакциях на субсенсорные (неощущаемые) стимулы, то есть здесь следует обсуждать физиологические процессы. Необходимо также отдавать себе отчет в том, что проблема реакций человека на подпороговые воздействия чрезвычайно многогранна. Здесь, как и везде, нет четкой границы между черным и белым, например между ощущаемыми и неощущаемыми воздействиями. Существует множество переходных и смешанных состояний, а также неясных феноменов и еще больше сомнительных предположений исследователей. А. Н. Гусев (2007) приводит несколько аспектов этой проблемы, рассматриваемых в книге Н. Диксона и влияющих, по его мнению, на результаты экспериментов:

Испытуемый реагирует на стимул, сила и длительность которого ниже порога его восприятия, определенного ранее.

Испытуемый чувствует стимульное воздействие, но не имеет никакого понятия о характере этого воздействия.

---

[1] *Предощущения*... процессы и состояния в сенсорной системе, которые вызываются внешней стимуляцией, регистрируются физиологическими методами и не вызывают у наблюдателя сознательных ощущений. ...Пороговые звуковые, тактильные, запаховые, световые раздражители и др., не отражаясь в (сознательных) ощущениях, могут тем не менее вызывать условные кожно-гальванические реакции, электрические ответы коры мозга и т. п. [Большой психологический словарь, 2004, с. 406].

Может быть зарегистрирована реакция на стимул, о котором испытуемый ничего не знает.

У испытуемого имеется некое представление о стимуле, но отрицается какая-либо реакция на него.

Испытуемый знает о стимуле и о своей реакции на него, но не понимает или отрицает связь между ними.

А. Н. Гусев (2007) продолжает:

Среди исследователей восприятия до сих пор нет однозначного мнения о степени и характере воздействия подпороговых стимулов на человека... [с. 115–116].

Следовательно, играют определенное значение спонтанные изменения порогов чувствительности испытуемого, степень его информированности и наличие у него установок, возможность физиологического ответа организма на стимул без участия психики, качество рефлексии испытуемых и даже их интеллектуальная состоятельность. К сказанному можно было бы добавить и другие аспекты проблемы: методологические ошибки в постановке экспериментов, ошибки в трактовке их результатов, невоспроизводимость полученных в экспериментах результатов и др.

Подводя итог, можно сказать, что нет и не может быть никакого «подпорогового восприятия», так как образ восприятия и ощущение — это сознательные психические явления. Не может быть подсознательных образов и ощущений, а без образов и ощущений не может быть восприятия. Все то, что относят к «подпороговому», или «субсенсорному», восприятию, — это либо физиологические явления, либо не зафиксировавшиеся в памяти испытуемых образы восприятия и ощущения, либо ошибочные трактовки результатов экспериментов.

1.6.8. Образ как гештальт

В гештальтпсихологии тоже постулируется, что психические образы — это сконструированные психикой целостности, или гештальты, не являющиеся просто суммой своих более элементарных частей. Наиболее типичный пример — слуховой образ слова, который не является просто суммой составляющих его звуков. В 1890 г. Х. фон Эренфельс [цит. по: Е. Е. Соколова (2005)] продемонстрировал идею гештальта на примере музыкальной мелодии, исполняемой в разных тональностях. Знакомая мелодия узнается человеком как та же самая, несмотря на полное несходство составляющих ее тонов. Ч. Осгуд (2002в) пишет:

Перцептивные формы как интегрированные целые допускают перенос, несмотря на значительные изменения в сенсорных элементах, их составляющих. Известной иллюстрацией тому является мелодическая тема. Временная последовательность тонов, которая неизменно узнается нами как «Милая Аделина», может переходить от струнных к духовым или голосу, из одного ключа в другой и т. п.: даже измененная по ритму, она еще сохраняет свой «целостный характер» [с. 327].

Е. Е. Соколова (2005) замечает:

> Х. Эренфельс сформулировал следующую проблему: откуда берется это новое «качество целостности», или «гештальт-качество» (от нем. Gestalt... «целостная структура» или «форма»)? Сам Х. Эренфельс решал эту проблему так: «Новое "качество целостности" (гештальт-качество) представляет собой еще одно, новое содержание сознания, которое "автоматически" появляется в сознании, как только в нем возникнут составляющие мелодию звуки, то есть сумма N элементов становится целостной благодаря прибавлению к ней в сознании нового элемента ($N + 1$)». С его точки зрения, целостных мелодических структур в самой реальности (объективно) не существует. Целостность психического образа — это, видимо, результат работы самого сознания, механизм которой Х. Эренфельс не раскрыл. ...А. Мейнонг считал гештальт-качество результатом специального, «продуктивного» духовного акта... Таким образом, восприятие не есть зеркальное отражение физической реальности; восприятие есть результат специальной «целостно образующей» духовной деятельности [с. 139–140].

Из приведенной цитаты не вполне понятно, в какой именно феноменологической форме «новое содержание сознания автоматически появляется в сознании». Остается только согласиться с тем, что Х. фон Эренфельс «не раскрыл его механизм».

Е. Е. Соколова (2005) подчеркивает важное свойство образа-гештальта:

> ...целое дано в восприятии испытуемого раньше, чем какая-либо его часть [с. 141].

Многократно описанная в литературе в качестве типичного примера образа-гештальта последовательность музыкальных тонов, или мелодия, не является в строгом смысле образом. Слишком уж явно сама мелодия выходит за пределы того, что можно было бы считать единичным физическим объектом, поэтому нельзя говорить и об образе ее восприятия. Как я уже говорил выше, мелодия — это жестко структурированная последовательность образов более простых объектов — отдельных звуков, которые тем не менее формируют в сознании человека особую целостность — гештальт. С большим основанием о слуховом образе восприятия можно говорить применительно к короткому слову, например слову «я». Хотя абсолютное большинство звучащих слов так же, как и мелодии, представляют собой устойчивые последовательности разных звуков, а «образ восприятия слова» тоже является целостной сложной психической конструкцией, состоящей из строго определенной последовательности более простых образов — образов фонем.

О том, что зрительный образ — это тоже особый гештальт, свидетельствует факт, на который обратил внимание еще К. Коффка (2002): фигура и фон образуют вместе единую структуру, поэтому первая никак не может существовать отдельно и независимо от второго. Соответственно и воспринимается фигура по-разному в зависимости от фона. Например, серый овал (рис. 8) выглядит более светлым на черном фоне, чем на белом.

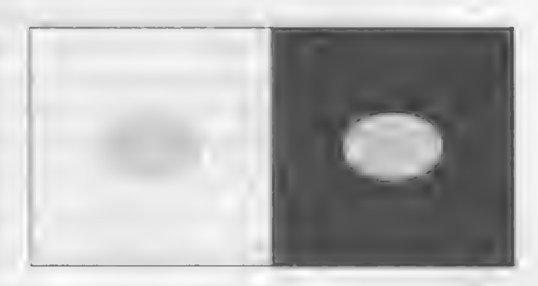

Рис. 8. Серый овал на черном и на белом фоне

При восприятии букв алфавита Л. Брайля для слепых, где каждая буква кодируется несколькими выпуклыми точками, возникают тактильные гештальты [В. В. Нуркова, 2006, с. 149].

Ч. Осгуд [2002в, с. 327] верно замечает, что целостный характер гештальта теряется, когда мелодия проигрывается в обратном направлении, и этому факту теоретики гештальта не уделили должного внимания. Вместе с тем квадрат или круг сохраняют свой «целостный характер», несмотря на любые изменения в их величине, цвете, точке зрения и т. д. Автор полагает, что этот феномен связан как с константностью восприятия, так и с образованием понятий. Мне представляется, однако, что данное обстоятельство связано лишь с феноменологическими различиями между визуальными и слуховыми образами, а именно с тем, что уже единичный визуальный мгновенный образ квадрата или треугольника возникает как «короткоживущий» гештальт и существует в сознании в течение всего лишь нескольких десятков миллисекунд.

Слуховой же образ слова или тем более мелодии формируется как феноменологически совершенно иной «длительноживущий» гештальт, состоящий уже из целой последовательности мгновенных слуховых образов восприятия тонов мелодии или фонем слова, которые в строго определенном порядке возникают в сознании на протяжении всего времени восприятия мелодии или слова (от одной до нескольких десятков секунд и даже больше). Следовательно, слуховые «образы» слова или мелодии — гештальты сформированы как специфические последовательности строго определенных мгновенных слуховых образов, поэтому-то изменение порядка мгновенных образов в них и приводит немедленно к разрушению соответствующего гештальта.

К. Дункер (1981) касается интересного вопроса — сходства гештальтов, представленных в нашем сознании:

> ...«сходство» не обусловлено идентичными элементами; там, где имеется идентичность элементов, мы встречаемся со «сходством» совершенно иного типа, которое даже не следовало бы называть тем же словом. Если бы сходство было обусловлено идентичными элементами, то это означало бы, что чем больше два объекта или процесса имеют общих элементов, тем более они должны быть сходными. Однако это неверно. Представьте себе мелодию, сыгранную в двух различных ключах; здесь нет ни одного общего элемента, и тем не менее какое сходство: мы замечаем, что это одна и та же мелодия; сходство это настолько велико, что мелодия, заученная в одном ключе, может быть легко воспроизведена в другом. С другой стороны, можно оставить все элементы идентичными, изменив только один или два из них, и мелодия будет полностью разрушена. То же самое можно заметить и в любом виде нашего поведения или приобретенного опыта. Сейчас нам нужно внести различение между *гештальтом* и *суммой*. Если сходство двух явлений (или физиологических процессов) обусловлено числом идентичных элементов и пропорционально ему, то мы имеем дело с *суммами*. Если корреляция между числом идентичных элементов и степенью сходства отсутствует, а сходство обусловлено функциональными структурами двух целостных явлений как таковых, то мы имеем *гештальт* [с. 39].

Таким образом, сходство гештальтов заключается не в идентичности входящих в них элементов, а в сходстве структуры составляющих сравниваемые психические гештальты последовательностей соотносимых элементов.

Своеобразный гештальт в виде развертки во времени последовательности из многих мгновенных зрительных образов восприятия мы имеем, когда сталкиваемся с восприятием движения объекта. Возникающий в этом случае сложный визуальный гештальт движения состоит из строго определенной последовательности мгновенных зрительных образов восприятия конкретных незначительных и всегда повторяющихся в сходном виде изменений объекта. Если переставить эти мгновенные образы (например, поменяв местами кадры на кинопленке, регистрирующей движение объекта), то исчезнет гештальт конкретного движения и возникнет восприятие хаотического изменения объекта. Гештальт воспринимаемого звучащего слова также исчезнет, если поменять местами его слоги.

Многократное повторение и восприятие сходных ситуаций и событий в окружающем мире приводит к запоминанию гештальтов движения и к тому, что в сознании человека может актуализироваться весь сложный гештальт в результате восприятия лишь каких-то его частей. Увидев, например, падающую чашку, мы легко можем представить себе ее разлетающиеся осколки. Вероятно, способность сознания оперировать «сложными» гештальтами связана с тем, что многие из них оно способно удерживать в памяти целиком. Еще В. Вундт (2007) давал испытуемым прослушивать ряды звуков, состоящие из одного, двух, трех, четырех и т. д. тактов. Такты могли быть различной степени сложности: двухдольные (тик-так), трехдольные (ритм вальса — раз-два-три) и т. д. Испытуемым не разрешали считать количество тактов. Вслед за первым рядом сразу же предъявлялся второй. Испытуемый должен был ответить, возникает ли у него ощущение равенства рядов или нет. Ему приходилось сравнивать удерживаемый в памяти ряд звуков с непосредственно воспринятым. Испытуемые давали верные ответы для восьми двухдольных, шести трехдольных и пяти четырехдольных тактов (16, 18, 20 ударов соответственно).

Следовательно, человек способен одновременно удерживать в сознании слуховые образы 16–20 последовательных ударов метронома, сгруппированных в слуховой гештальт. Вероятно, именно это позволяет нам формировать целостные чувственные репрезентации сущностей, отсутствующих в физической реальности в каждый данный момент, но развернутых во времени (слов, мелодий и т. п.), а также чувственно репрезентировать само время и изменения объектов во времени, то есть их движения.

ГЛАВА 1.7

Модель-репрезентация

- *Влияние опыта на восприятие, «настройки» восприятия*
- *Постоянство объекта и изменчивость его образа*
- *Интенциональный объект (Ж.-П. Сартр)*
- *Осознание постоянства предмета (Ж. Пиаже)*
- *Подразумевание объекта (А. Райнах)*
- *Полимодальный «образ» — собирательная полимодальная модель-репрезентация объекта*
- *Модель-репрезентация как единство апперцепции*
- *Сущность моделей-репрезентаций*
- *Влияние моделей-репрезентаций на восприятие*
- *Конкуренция моделей-репрезентаций*
- *Феноменология модели-репрезентации*
- *Невизуальная часть модели-репрезентации предмета*
- *Модели-репрезентации у людей с восстановленным зрением*

1.7.1. Влияние опыта на восприятие, «настройки» восприятия

Р. Л. Солсо [1996, с. 38] отмечает, что еще Аристотель «полагал, что разум человека воздействует на восприятие объектов». В классических опытах К. Дункера [K. Duncker, 1939], многократно повторенных впоследствии, было показано, что имеющийся опыт восприятия объекта мощно влияет даже на восприятие цвета. Так, силуэт листа кажется испытуемому более зеленым, чем силуэт ослика, хотя цвет обоих предъявляемых испытуемому силуэтов в действительности одинаков. Следовательно, имеющийся у нас опыт предопределяет цвет воспринимаемого объекта, даже в ущерб «объективной» истине.

Аналогичные явления обнаруживаются и при исследовании слуха. X. Шиффман [2003, с. 597] обращает, например, внимание на то, что, как правило, в процессе любой беседы собеседники плохо слышат или вообще не слышат отдельные звуки или слова из-за посторонних звуков. Однако в большинстве случаев этого не замечают, так как слушатель сам «вставляет» недостающие звуки. Восприятие непрерывной речи зависит от предчувствий и ожиданий определенных слов, основанных на когнитивном «каркасе» — общем контексте беседы. Экспериментальные данные [X. Шиффман, 2003, с. 600] свидетельствуют о том, что заметные нарушения понимания речи возникают, лишь если она не слышна в течение половины всего времени эксперимента (звук включался и выключался девять раз в секунду), но и в этом случае утрачиваются лишь 15 % слов.

Это говорит об участии в восприятии речи образов представления и воспоминания слов, которые хоть и не услышаны, но могли быть услышаны в соответствии с контекстом. То же самое имеет место во время чтения, когда мы «на скорости проскакиваем» слово, понимая его неправильно, и затем вновь к нему возвращаемся, так как оно «выпадает» из общего контекста. Все это позволяет предположить, что привычные понятия и даже целые вербальные конструкции, существующие в сознании человека, позволяют ему «довоспринимать» не совсем ясные слуховые и зрительные вербальные образы восприятия. При этом известные и понятные человеку вербальные конструкции могут ошибочно подменять то, что им «недовоспринято». Так, например, З. Гердт (2001) рассказывает в своей книге:

> Когда я был маленький, и «Интернационал» пели все, и все слова знали все, и горели взоры, и до мировой справедливости было рукой подать, а слово «воспрянет» было мне недоступно, я искренне, с чувством скорой всеобщей правды и добра, пел: «С Интернациона-а-алом воз пряников в рот людской». И я видел этот рот, этот воз и, кажется, даже добродушное лицо возницы [с. 190–191].

Элизабет Лофтус (E. Loftus, 1975; E. Loftus & H. Hoffman, 1989 и др.) установила, что наша память представляет собой не точное воспроизведение имевших место в прошлом событий, а скорее приблизительную реконструкцию этих событий, на которую оказывает влияние множество факторов. Р. Л. Солсо (1996) цитирует Д. Нормана и Д. Румельхарта:

> Репрезентация информации в памяти не является точным воспроизведением реальной жизни; на самом деле это сочетание информации, умозаключений и реконструк-

ций на основе знаний о зданиях и о мире вообще. ...Сенсорные стимулы могут при хранении подвергаться (и часто это так и есть) абстрагированию и модификации, являющимся функцией богато и сложно переплетенного знания, структурированного ранее [с. 43].

Если отбросить аморфный и непонятный термин «сенсорные стимулы», которые якобы «могут храниться» и т. д., то, безусловно, можно согласиться с трансформацией сенсорных образов в результате взаимодействия со «структурированным ранее знанием», существующим в виде других сенсорных же образов.

Автор продолжает:

Наши внутренние репрезентации перцептов могут искажать реальность [с. 44].

Возникает вопрос: *каковы механизмы этого искажающего результаты восприятия влияния?*

У. Найссер [1981, с. 41] ссылается на Элеонору Гибсон, которая полагает, что различие между тренированным и нетренированным наблюдателями состоит не в том, что тренированные добавляют нечто к стимулу, а в том, что тренированный наблюдатель способен извлекать больше информации из стимула. Он обнаруживает признаки и структуры высших порядков, к которым невосприимчив «наивный» наблюдатель. Так, новорожденный не способен извлечь и использовать информацию, которую старшие дети и взрослые усваивают без всяких усилий. Мне лично представляется, что это происходит только потому, что у новорожденного нет пока соответствующих сенсорных моделей, способных участвовать в процессе восприятия, которыми уже обладают более старшие дети и тем более взрослые.

У. Найссер [1981, с. 190] отмечает, что опыт шахматиста-мастера способствует образованию у него огромного множества схем позиций шахматных фигур. Его «словарь схемных позиций» может быть равен словарю слов родного языка. Автор пишет, что:

...информация, определяющая правильный ход, содержится в свете, воспринимаемом как младенцем, так и мастером, но лишь последний готов к тому, чтобы ее собрать [с. 191].

Следовательно, наличие в сознании человека «схем» в виде, например, последовательно изменяющихся образов воспоминания позиций фигур на доске, возникших благодаря опыту решения аналогичных проблем в сходных ситуациях, существенно влияет на восприятие. Однако «информация, определяющая правильный ход», не «содержится в свете», как полагает автор. Окружающая реальность лишь структурирует свет, точнее, электромагнитные волны. Информация же в виде психических феноменов содержится только в сознании шахматиста-мастера. Она представляет собой его образы воспоминания аналогичных игровых ситуаций и образы представления, антиципирующие, предвосхищающие дальнейшее развитие шахматной партии. Такие образы, естественно, не содержатся в сознании новичка, просто не имеющего подобного опыта.

Что видят, глядя на шахматную доску (правильнее сказать, не столько видят, сколько представляют), мастер-шахматист и новичок, который только учится играть в шахматы? Первый представляет интенсивную активность фигур, действующих по строго определенным правилам, и варианты развития позиции в самых разных направлениях. Тогда как второй видит только фигуры, стоящие

на раскрашенной доске, и представляет лишь несколько наиболее очевидных ходов, которые он знает.

Д. Бом [2002, с. 212–216] пишет, что мы воспринимаем не то, что находится перед нашими глазами. Мы воспринимаем все «в организованной и оструктуренной форме». Общие черты нашей способности схватывать структуру окружающего нас мира опираются на то, что мы познали еще в раннем детстве. Следовательно, ребенок исследует свое окружение и постоянно создает новые модели-репрезентации мира, которые лучше всего объясняют его опыт. В результате он «настраивается» на свое окружение. Все, что оказывается ложным, постоянно отбрасывается, и выдвигаются новые психические конструкции для их апробации на практике. Он создает свое внутреннее «видение» — представление мира, основываясь на своих движениях и восприятиях.

Формирование нашим мозгом психических конструкций, того, что Д. Бом называет конкретной структурной «настройкой», — необходимое условие восприятия поддающихся узнаванию аспектов мира. Лишь благодаря такой «настройке» мы способны видеть более или менее организованные в пространстве системы вещей, причинно связанные друг с другом и изменяющиеся во времени. Возникшие в детстве структурные элементы «настройки» нашего сознания могут распадаться, когда меняется привычное окружение. Например, при долгой изоляции или при восприятии окружения, лишенного видимой структуры.

Д. Бом [2002, с. 213] ссылается на опыты Хелда и сотр., которые помещали испытуемых в воду при температуре комфорта, причем испытуемые ничего не видели, не слышали и не могли получить с помощью рук осязательные ощущения. После периода изоляции у испытуемых менялось восприятие окружающего мира. Они иначе воспринимали цвет, форму и т. д. Однако постепенно нормальное восприятие у них восстанавливалось.

Что значит: «мы воспринимаем все в организованной и оструктуренной форме»? Почему мы так воспринимаем? Что это за «структуры» или «настройки», которые могут распадаться, когда человек попадает в окружение, обладающее иной структурой?

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), ссылаясь на исследования (Ittelson, Kilpatrick), отмечают, что:

> ...мы видим не предмет, не явление, а свой прогноз, свою собственную, личностно обусловленную конструкцию, позволяющую предварять наши замыслы в действия. Поэтому, когда такого опыта нет, процесс познания затрудняется. ...Мы воспринимаем мир, исходя из своих желаний, потребностей, целей [с. 16].

Несмотря на единодушное признание разными исследователями существования какого-то субъективного компонента, принимающего участие в восприятии, ни одна из теорий не может объяснить суть этого феномена. Авторы продолжают:

> Концепции опознания, основанного на сравнении с чем-либо (паттерн, эталон, прототип), не могут объяснить, как же происходит опознание незнакомых объектов, которое тем не менее происходит. ...Не менее важной задачей для выживания представляется не только распознание объекта, но и регистрация его отсутствия. Однако ни одна из имеющихся концепций не поясняет, как организм это осуществляет [с. 17–18].

Возникает вопрос: *с чем происходит сравнение, что собой феноменологически представляют эти «эталоны, паттерны, прототипы»?*

Р. Л. Солсо [1996, с. 85], например, считает эталон «некоторой внутренней структурой, которая при ее сопоставлении с сенсорными стимулами позволяет опознать объект». Он полагает, что в процессе приобретения жизненного опыта у нас образуется огромное количество эталонов, каждый из которых связан с некоторым значением. Автор ссылается на результаты экспериментов (D. Hubel & T. Wesel), позволивших установить в опытах на кошках и обезьянах, что для каждого специфического визуального стимула (край, полоса или отрезок) и каждой особенности стимула существует определенный набор нейронов мозга, которые на них реагируют. Например, изменение расположения стимула вызывает ответную реакцию новой группы клеток. Р. Л. Солсо высказывает предположение, что в долговременной памяти могут храниться:

> ...не *конкретные* эталоны и тем более не детальные признаки многочисленных паттернов, которые нам приходится опознавать, а своеобразная абстракция паттернов, которая и служит в качестве прототипа. Паттерн сопоставляется с прототипом, и при наличии сходства происходит его опознание. ...Свидетельства в пользу прототипного сравнения — повсюду вокруг нас, и интуитивно эта гипотеза выглядит весьма достоверной. Мы узнаем машину марки «Фольксваген», даже если у нее другие цвет и форма или она облеплена всякими безделушками, которые никак не сходятся с идеализированной моделью в нашей голове. В этом смысле прототип — это не только абстракция из набора стимулов, но и «краткий конспект», наилучшая репрезентация данного паттерна. ...Предполагается, что прототип — это абстракция набора стимулов, воплощающая множество сходных форм одного и того же паттерна. Прототип позволяет нам распознавать образ, даже если он не идентичен прототипу, а только похож на него [с. 89–93].

Итак, «эталоны» и «прототипы» видятся автору не в форме психических образов или психических конструкций, а в когнитивистском ключе — как «абстракции паттернов», «абстракции набора стимулов». Непонятно, что это такое феноменологически, но нам здесь важно лишь то, что наличие «настроек», «эталонов» и «прототипов» не вызывает у исследователей никаких возражений и сомнений.

Г. Гельмгольц (2002) указывает на явно избыточный характер информации, поступающей к наблюдателю, которая тем не менее не мешает ему эффективно воспринимать мир. Р. Л. Грегори (2003) замечает в то же время, что:

> ...восприятие — удивительно эффективный процесс использования явно недостаточной и потому неоднозначной информации для выбора одной из хранящихся в памяти гипотез о сиюминутном состоянии внешнего мира. Гипотезы строятся для ответа на вопросы о том, что представляют собой объекты, какова их величина и какое положение в пространстве они занимают. ...Опознание объектов упрощено благодаря тому, что большинство знакомых предметов содержит избыточную информацию. У лица два глаза — но довольно увидеть один из них. А раз виден один глаз, значит, возле него должен быть и нос. Если видна голова, значит, рядом — туловище, руки, ноги. Например, кинокадры показываемые крупным планом, были бы совершенно лишены смысла, если бы не наша способность «присочинять» факты, связывая их с видимыми частями знакомых объектов [с. 103].

Получается, что, с одной стороны, воспринимаемая реальность обычно предоставляет наблюдателю слишком много информации о мире вообще. С другой стороны, у наблюдателя часто недостаточно информации, необходимой для построения образа восприятия именно этого объекта. И несмотря на это, ему обычно удается создать образ восприятия объекта. Сказанное еще раз подтверждает наличие в воспринимающем сознании неких дополнительных по отношению к собственно перцептивному образу феноменов, в том числе благодаря которым и становится возможным эффективное восприятие объекта при недостатке актуальной информации о нем на фоне избытка прочей, мешающей информации. *Что собой представляют эти феномены, активно участвующие в восприятии?*

Д. Майерс (2001) говорит о том, что:

> ...мы воспринимаем мир не таким, каков он есть на самом деле, а таким, каким нам кажется [с. 265].

Однако не поясняет, почему это происходит. О том же пишет В. Ф. Петренко (2005):

> В идеях Канта (1994) об априорных категориях сознания, в понятиях В. Вундта об «апперцепции», в идущем от Шпенглера (1993) понятии картины мира, присущей каждой культуре (Гуревич, 1974, 1989, 1993), в представлениях Выготского (1934), А. Н. Леонтьева (1976, 1979) об опосредованности восприятия системами знаний и понятии «образ мира» (Смирнов, 1985; Петухов, 1984; Стоценко, 1987), в представлениях о категориальных структурах сознания в психосемантике (Осгуд, 1957, Келли, 1971; Петренко, 1975, 1983, 1988; Шмелев, 1983) – во всех этих понятиях заложена идея опосредования, преломления наличного восприятия через некие структуры знаний, идея наложения на настоящее следов прошлого, обобщенного и упорядоченного. Но в каковых формах отлит этот прошлый опыт? [С. 24.]

Итак, учитывая все сказанное выше, можно утверждать, что у взрослых людей существует некая психическая «настройка», точнее, некое внутреннее сенсорное «представление мира». Вероятно, это то, что можно назвать «видимым миром» (Дж. Гибсон), или «картиной мира» (А. Н. Леонтьев), и оно влияет на текущее восприятие окружающей реальности. Эта «настройка» (или множество «настроек»), видимо, может быть перестроена в каких-то пределах при помещении человека в иную, незнакомую ему реальность. Неясно, что собой представляет это явление феноменологически и каков механизм его влияния на восприятие. Можно лишь предположить, что наши перцептивные впечатления непрерывно подстраиваются под некие существующие в нашем сознании «типовые» привычные репрезентации реальности.

Прямое отношение к этим «настройкам» имеет контекст[1] восприятия. И. Бидерман и его сотрудники (I. Biderman, A. Glass & E. Stacy, 1973) показали, что точность опознания и время, требующееся для идентификации объекта, зависят от его

---

[1] *Контекст.* 1. ...Те события и процессы... которые характеризуют конкретную ситуацию и оказывают воздействие на поведение индивида... 2. Специфические обстоятельства, при которых происходит действие или событие. 3. В лингвистике – окружающие слова, фразы и предложения, которые являются компонентами значения любого данного слова, фразы или предложения [А. Ребер, 2001, с. 371].

соответствия контексту, в котором проводится опознание. С. Палмер (S. Palmer, 1975) продемонстрировал, что «правильное опознание объекта в соответствующем контексте (узнавание буханки хлеба после показа сцены «кухня») происходит примерно в 84 %, тогда как эффективность опознания объекта вне контекста существенно ниже.

То, что элементы «настройки», установившиеся в мозгу, могут распадаться, когда человек попадает в окружение, обладающее иной структурой, было описано Дж. Стрэттоном [2002, с. 567], который первым исследовал на себе эффекты, вызываемые длительным ношением очков, переворачивающих изображение окружающего мира. Он показал, что сильные первоначальные нарушения координации между зрением и движениями после трех дней уменьшались, а к восьмому дню образовывались новые зрительно-моторные координации. С течением времени исследователь все меньше осознавал, что зрительный мир перевернут, а «нормальные» зрительные образы воспоминания продолжали оставаться у него стандартом и критерием для оценки окружающей реальности. Координация и практически нормальное восприятие восстанавливались, даже если первоначальное изображение переворачивалось на 180 градусов. После прекращения ношения очков адаптация снова расстраивалась и трудности начинала вызывать, наоборот, уже прежняя нормальная обстановка. Впрочем, эффект этот быстро проходил.

Аналогичные опыты Ф. В. Снайдера и Н. Х. Пронко [цит. по: Дж. Стрэттон, 2002, с. 567–568] продемонстрировали, что испытуемые обычно не отдавали себе отчета в том, видят ли они мир перевернутым или же обычным, а для их адаптации была обязательно необходима самостоятельная моторная активность. Последующие эксперименты американских и европейских исследователей дали противоречивые результаты в отношении возможности перцептивной адаптации к перевернутому образу. А. Д. Логвиненко [2002а, с. 571–572], много занимавшийся этой проблемой, отмечает, что, во-первых, испытуемые обычно затруднялись с ответом на вопрос, как они видят мир — правильным или перевернутым. Что странно, так как речь идет не о нюансах в зрительной картине, а о ее ориентации относительно вертикали. Во-вторых, что пристальное вглядывание в зрительную картину и ее интроспективный анализ позволяли обнаружить перевернутость визуального поля даже в конце длительного адаптационного периода. Следовательно, можно сказать, что испытуемые не рефлексировали по поводу того, как ориентированы образы восприятия окружающего мира и просто приспособились к новым образам. При этом испытуемые настолько адаптировались к перевернутому образу реальности, что переставали осознавать его необычность.

А. Д. Логвиненко (2002а) обнаружил также исчезновение у испытуемых константности видимого положения и видимой формы объектов:

> ...в частности, испытуемые всегда отмечают, что при ходьбе земля «колышется» в такт шагам, а при наклоне головы «вздыбливается». Земной поверхности, попадающей в поле зрения, можно по желанию придать практически любой видимый наклон [с. 573].

Автор [2002а, с. 575] пишет, что после надевания инвертоскопа зрительное пространство становится уплощенным — «нечто среднее между плоскими фигурами

и объемными телами», нереальным и отчужденным. Оно «как некая картинка локализуется между испытуемым и предметами в осознаваемом мире».

Учитывая тот факт, что перевертывание образа восприятия приводит к отрыву «видимого поля» от «видимого мира» (термины Дж. Гибсона, см. разд. 1.8.2), что сопровождается ощущением нереальности видимого поля, можно предположить, что ощущение реальности образа восприятия обусловлено именно прочными и естественными связями этих двух феноменологических составляющих. Другими словами, можно предположить, что реальность образу восприятия придает его неразрывная связь и внутреннее единство с моделью-репрезентацией окружающего мира — вспоминаемой-представляемой нами картиной «видимого мира».

А. Д. Логвиненко [2002а, с. 576] полагает, что адаптация к новому образу в условиях длительного ношения переворачивающих изображение очков происходит в форме построения нового «видимого мира». Новое восприятие возникает не вместо прежнего, а наряду с ним. Человек начинает строить правильно ориентированный «видимый мир» по инвертированному зрительному пространству, но при этом он не теряет способности воспринимать «видимый мир» и без инвертоскопа [с. 584].

Б. М. Величковский [2006, с. 253] приводит интересные данные других исследователей (O'Reagan & Noë, 2001), проводивших аналогичные эксперименты. Например, свечка, видимая в инвертоскоп сначала в перевернутом положении, вдруг воспринимается испытуемым правильно, если ее поджигают и пламя устремляется вверх; точно так же «переворачивается» чашка, в которую начинают наливать воду. Следовательно, в процессе адаптации восприятия происходят потрясающие и необъяснимые трансформации перевернутого очками «объективного» образа восприятия.

Как мне кажется, это можно объяснить только тем, что образы восприятия представляют собой результат некоего сложного взаимодействия вновь возникающих чувственных репрезентаций с имеющимися в памяти психическими репрезентациями привычной окружающей среды. И отнюдь не всегда итоговые перцептивные репрезентации определяются актуальной сенсорной стимуляцией. Если они, например, приходят в противоречие с нашими основными, незыблемыми, привычными представлениями о реальности, то последние с помощью каких-то непонятных механизмов радикально трансформируют итоговый образ восприятия даже в ущерб его «объективной» реалистичности.

М. Мерло-Понти (1999) пишет:

> Перевернуть объект означает отнять у него его значение... Видеть лицо... значит оказывать на него определенное воздействие, быть способным следовать по его поверхности определенным перцептивным маршрутом — с подъемами и спусками, — его не узнавать, если я пойду по нему в обратном направлении, как неузнаваема та гора, на которую я только что карабкался, если я спускаюсь с нее быстрым шагом [с. 325].

Когда воспринимаемый визуально мир переворачивается с помощью очков, совокупность тактильных, вестибулярных, слуховых, кинестетических и других образов и ощущений, в том числе визуальных образов воспоминания и представления, составляющих привычное значение «нормального» визуального образа восприятия привычной окружающей действительности, остается прежней. Возможно, это привычное значение как бы «ассимилирует» и постепенно трансформирует новый перевернутый зрительный образ объекта, превращая последний в приемлемую для сознания разновидность репрезентации знакомой окружающей реальности. Поскольку сознание

понимает окружающее в первую очередь именно через значение его образа восприятия, то можно предположить, что в результате перевернутость визуальной формы окружающих объектов перестает восприниматься сознанием. Хотя при специальном обращении внимания испытуемых на этот факт он осознается ими.

По-видимому, на протяжении человеческой жизни образы восприятия одних и тех же объектов даже в естественных условиях могут переживать существенные трансформации при сохранении субъективной константности репрезентируемых ими объектов, но эти трансформации обычно не рефлексируются нами. Так, характеристики зрительного восприятия в детстве, зрелости и старости явно различаются, а следовательно, принципиально меняются ясность, контрастность, вероятно, структурированность и другие характеристики образов восприятия, но человек обычно замечает лишь выраженные изменения ясности образов. Однако адаптация зрительного анализатора небеспредельна. Так, например, в результате хирургического переворота глазных яблок лягушки адаптации к новому состоянию не происходит [Х. Шиффман, 2003, с. 482].

Эксперименты с переворачиванием зрительного образа мира показали также, что адаптация восприятия возможна лишь при наличии активных движений испытуемых. Это подтверждается классическими опытами Р. Хелда и А. Хайна [R. Held & A. Hein, 1963] с котятами, которые продемонстрировали, что, если двигательный опыт и опыт визуального восприятия мира приобретаются независимо друг от друга и между ними нет надлежащей связи, нарушается нормальное развитие перцептивно-моторной координации. Ж. Пиаже (1998) тоже отмечает, что:

> ...восприятие всегда направляется и ограничивается схемами действия. Познание начинается с действия, а всякое действие повторяется или обобщается (генерализуется) через применение к новым объектам, порождая тем самым некоторую «схему», то есть своего рода практический концепт [с. 89].

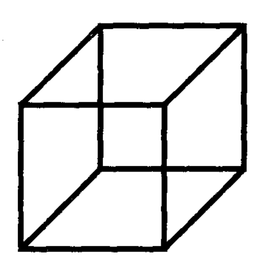
Итак, опыты с переворачивающими изображение очками доказывают, что в формировании образа восприятия окружающего участвуют две составляющие. Первая – собственно актуальные сенсорные данные. Вторая – элементы «настройки» сознания. Еще более удивительным и неожиданным образом роль «настройки» подтверждают эксперименты с псевдоскопом[1].

1.7.2. Постоянство объекта и изменчивость его образа

О невозможности возникновения у человека одинаковых психических образов даже того же самого объекта неоднократно говорили основоположники научной психологии, особенно У. Джеймс (2000; 2003). *Что же лежит в основе нашего представления о неизменности окружающих предметов, если каждый новый образ восприятия каждого из них отличается от всех прошлых, то есть один и тот же объект всякий раз рождает в сознании разные образы?*

[1] См. разд. 1.7.9.

Как замечает М. Мерло-Понти (1999):

Рис. 9. Куб Неккера

> Нарисованный на бумаге куб (куб Неккера (рис. 9). — *Авт.*) меняет свой вид в зависимости от того, как на него посмотреть: справа и сверху или слева и снизу... «Умопостижение меняет восприятие»... «явленность обретает форму и смысл по команде»... [с. 63–64].

Почему один и тот же рисунок актуализирует в сознании два разных куба, в то время как совершенно разные образы восприятия часто актуализируют в сознании один и тот же предмет? Что лежит в основе нашего представления о неизменности окружающих предметов? Выше я уже говорил о том, что образ восприятия предмета и есть сам предмет. *Но что же тогда делает предмет для нас неизменным, если каждый раз мы видим разный его образ? Почему разные образы всякий раз репрезентируют нам один и тот же предмет?*

Я думаю, что ответ на многие из этих вопросов заключается в том, что у нас есть особые психические образования. Я называю их *моделями-репрезентациями* (объектов и других сущностей окружающего нас мира). Человек способен размышлять об объектах, которые он в настоящий момент не воспринимает лишь благодаря моделям-репрезентациям этих объектов, существующим в его сознании. На это могут возразить, что человеку достаточно и образов воспоминания об объекте. Тогда возникает вопрос: *а каких именно образов достаточно (см., например, рис. 10), если каждый из них отличается от всех прочих порой настолько, что даже такой хорошо знакомый объект, как лошадь, наблюдателю бывает трудно в них узнать?*

Как все эти разные чувственные репрезентации превращаются в сознании в один объект — лошадь? Мои оппоненты скажут: «Благодаря понятию "лошадь"». Тогда пусть они ответят на вопрос: *а как разные чувственные репрезентации превращаются в один объект, хорошо известный не имеющим еще понятий маленьким детям и даже животным?*

Человек легко узнает в качестве знакомых и чрезвычайно сложные объекты, нередко даже если видел их очень недолго. Так, Р. Никкерсон и Мэрилин Адамс [2005, с. 165–166] сообщают о том, что человек легко отличает сложные изображения, которые он недавно видел, от тех, которые он видит впервые, даже в случае предъявления ему для запоминания на несколько секунд каждого из сотен или тысяч изображений. Авторы полагают, что зрительная память быстро аккумулирует и сохраняет всю информацию о предъявляемом объекте. И у человека сохраняется достаточно информации о «старом» изображении, чтобы отличить его от нового. Возникает вопрос: *что собой представляет это сохранившееся «старое» изображение?* У. Найссер и А. Хаймен (2005) пишут, что:

> ...частое предъявление объекта и наличие способности «узнавать» этот объект в практических целях не гарантируют, что объект будет представлен в памяти человека точно и во всех деталях... Как правило, элементы зрительных стимулов не сохраняются в памяти — за исключением тех ситуаций, когда на то есть функциональная причина. ...Среди характеристик объекта лучше всего запоминаются те, которые необходимы, чтобы в повседневной жизни отличать этот объект от других. ...В качестве одного из аспектов исследования содержимого нашей памяти целесообразно было бы поразмыслить над проблемой: сохранение какой именно информации помогает нам узнавать знакомые предметы или отличать их друг от друга [с. 177–178].

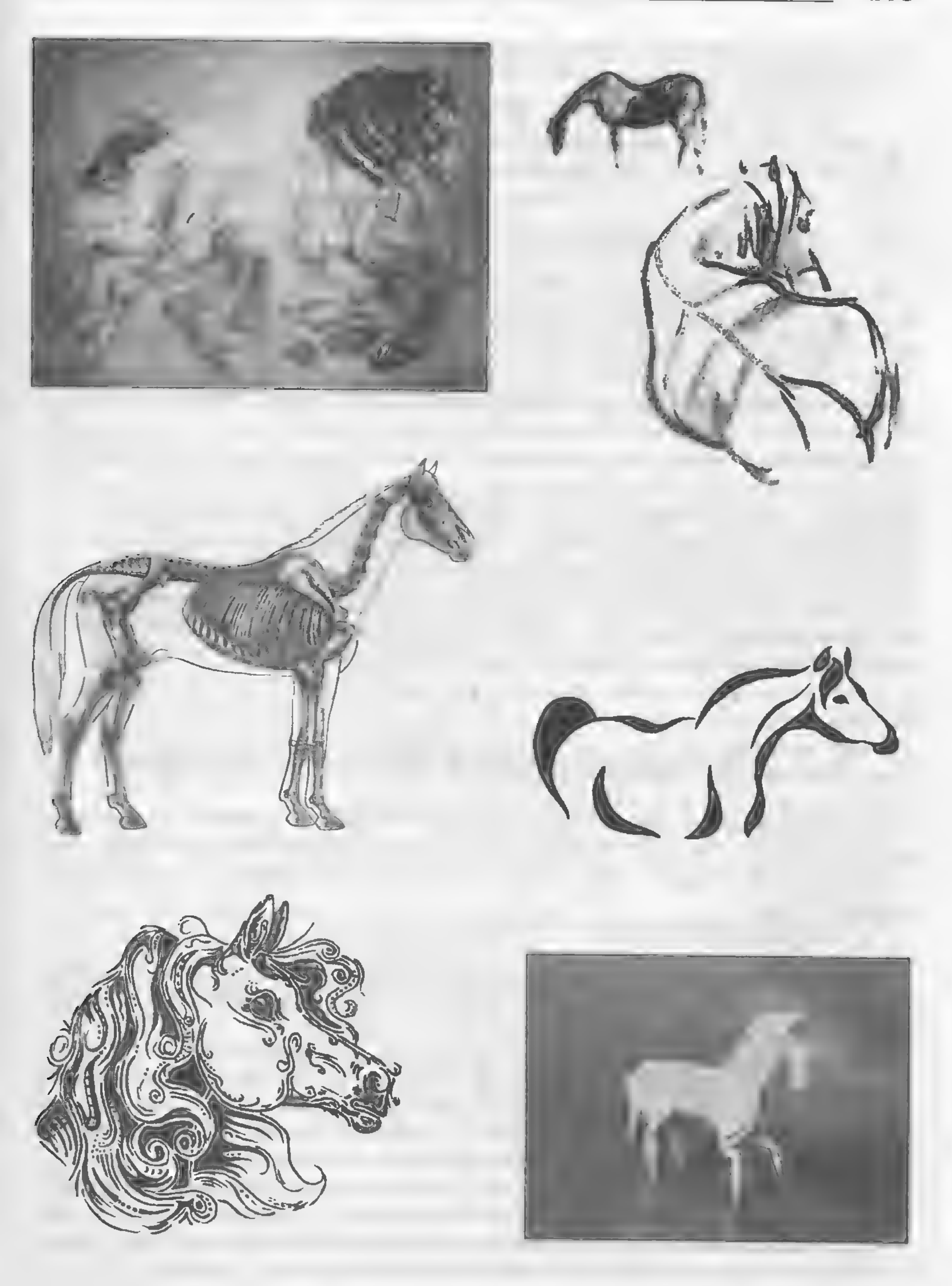

Рис. 10. Рисунки лошадей

А. Н. Гусев (2007) говорит о подчеркивании разными психологами двуплановости образов восприятия:

...Э. Титченер выделял в образе его чувственную основу и воспринимаемый смысл, Г. Гельмгольц – первичные образы и образы восприятия, Дж. Гибсон – видимое поле и видимый мир, А. Н. Леонтьев – чувственную ткань и предметное содержание [с. 286].

Р. Л. Грегори (1970) цитирует Дж. Стрэттона:

...запечатленные в памяти зрительные впечатления, возникшие при нормальном зрительном восприятии, продолжали оставаться стандартом и критерием для оценки реальности. Таким образом, предметы осмысливались совершенно иначе, чем воспринимались [с. 224].

Что стоит за этой двойственностью образов восприятия? Мне представляется, что наблюдения Дж. Стрэттона, например, свидетельствуют о том, что в нормальном зрительном восприятии участвуют по крайней мере две группы явлений: и собственно образы восприятия, и что-то еще, нечто дополнительное. Следовательно, есть все основания предположить, что при восприятии человеком окружающей реальности в его сознании одновременно присутствуют две разные группы психических явлений. Первая – то, что принято называть образом восприятия окружающего мира, или то, что Дж. Гибсон (1988) назвал «видимым полем». Вторую группу существующих в сознании явлений можно назвать *моделью-репрезентацией окружающего мира*. Это то или почти то, что Дж. Гибсон назвал «видимым миром».

1.7.3. Интенциональный объект (Ж.-П. Сартр)

Рассматриваемая мною модель-репрезентация, или целостная сенсорная модель объекта, сходна с тем, что Ж.-П. Сартр называл «интенциональным объектом»[1], Ж. Пиаже – «сохранением объекта», а А. Райнах – «подразумеванием объекта».

Ж.-П. Сартр (2002) пишет:

Если, например, Жан-Поль Сартр глядит на своего друга Пьера, сидящего за столом напротив него... то в этот момент Пьер дан ему чувственным способом и непосред-

[1] *Интенциональность*... направленность сознания на предмет (Брентано, Гуссерль). Сознание всегда есть «сознание о...», так что интенциональность составляет характернейшую черту сознания. ...Один и тот же предмет можно одновременно воспринимать, представлять, любить, желать, ненавидеть и т. д. Интенциональный объект может быть реально существующим или вымышленным... [Большой психологический словарь, с. 205].

Уже Брентано усматривал в интенциональном внутреннем существовании предмета сущностную характеристику психических феноменов. Согласно Брентано, любое явление внутреннего опыта, или психический *феномен*, в отличие от физического, «содержит в себе нечто в качестве объекта», хотя и неодинаковым образом. ...В представлении нечто представляется, в желании – желается, в любви – любится и т. д. [Словарь философских терминов, с. 204].

> ственно. Если же он в отсутствие Пьера рассматривает портрет последнего или его фотографию, то и в этом случае ему чувственно дан тот же Пьер, однако уже не непосредственно, а через посредство портрета или фотографии [с. 72–73].

И в том и в другом случае Пьер репрезентирован в сознании Сартра с помощью целостной сенсорной модели конкретного человека. Только в первом случае эта модель актуализируется образами восприятия реально сидящего рядом Пьера, а во втором случае – образами восприятия фотографии или портрета, которые являются иконическими знаками Пьера. Друг Пьер существует в сознании Сартра, как и наши друзья, когда мы о них вспоминаем, в нашем сознании в виде целостной завершенной сенсорной психической модели-репрезентации, которую Ж.-П. Сартр вслед за Э. Гуссерлем и Ф. Брентано называет «интенциональным объектом». Последний появляется в сознании не только когда Сартр смотрит на Пьера или его фотографию, но и тогда, когда Сартр лишь вспоминает о своем друге.

Ж.-П. Сартр продолжает:

> Я хочу вспомнить, как выглядит лицо моего друга Пьера. Я делаю некоторое усилие и произвожу в себе определенное образное сознание Пьера. Объект представляется в очень несовершенном виде: некоторые детали отсутствуют, другие внушают недоверие, все вместе выглядит довольно туманным[1] (здесь и далее ссылки мои. – *Авт.*). Пробивается какое-то чувство симпатии и расположенности к этому лицу, которое мне хотелось воскресить, увидев его, однако оно еще не вернулось[2]. Я не отказываюсь от своего намерения, встаю и вынимаю из ящика стола фотографию. Это превосходный портрет Пьера, на нем я нахожу каждую деталь его лица, даже те черты, которые прежде от меня ускользали. Но фотографии недостает жизни, она в совершенстве показывает внешние характерные черты его лица, но не передает его выразительности. К счастью, у меня есть еще один шарж на него, выполненный искусным рисовальщиком. На этот раз взаимное отношение частей лица смело нарушено – чрезмерно длинный нос, слишком выступающие скулы и т. д. Тем не менее то, чего так не хватало фото – жизни, выразительности, – ясно предстает на этом

---

[1] В сознании Сартра появляются образы воспоминания и представления Пьера, составляющие его сенсорную модель-репрезентацию Пьера.

[2] Сартр четко подмечает то обстоятельство, что большая часть кратковременных калейдоскопических образов, возникающих после постановки субъективной задачи «вспомнить лицо Пьера», вовсе не имеет отношения к визуальному образу лица Пьера. К этому моменту модель-репрезентация Пьера давно присутствует в сознании Сартра, так как он сейчас непрерывно помнит о своем друге и пытается уже вспомнить его лицо, то есть актуализировать еще и конкретный фрагмент этой модели-репрезентации. Но тот особый кратковременный образ или образы, которые сразу делают искомый объект ясно узнаваемым, не появляются. Появления же всех прочих образов, которые тоже имеют какое-то отношение к Пьеру, так как вызывают у Сартра «какое-то чувство симпатии и расположенности», явно недостаточно для решения поставленной Сартром задачи – «вспомнить лицо Пьера». Для ее решения подходит далеко не любой зрительный образ Пьера, а только имеющий какие-то особые характеристики и выделяемый сознанием среди прочих в качестве именно того нужного, искомого. Другие же возникающие образы «внушают недоверие», и Сартр вновь обращается к фотографии.

> рисунке, и я «узнаю» Пьера[1]. ...Для того чтобы представить лицо Пьера, мы использовали три приема. Во всех трех случаях мы обнаруживаем некоторую «интенцию», и каждый раз эта интенция нацелена на один и тот же объект[2]. Объект этот не является ни представлением, ни фотографией, ни карикатурой – это мой друг Пьер [с. 72–73].

И этот объект (полимодальная сенсорная модель-репрезентация Пьера), как указывает Сартр, действительно нечто гораздо большее, чем просто образ представления. Это и не просто образ воспоминания, и даже не совокупность образов воспоминания и представления. Это нечто иное, являющееся самодостаточной целостностью, особой сущностью, с которой может эффективно манипулировать сознание Сартра даже в отсутствие не только актуального восприятия репрезентируемого объекта – Пьера, но и вообще в отсутствие этого объекта в физической реальности, например даже в случае смерти Пьера.

Таким образом, модель-репрезентация объекта не является ни образом представления, ни образом воспоминания, ни даже их суммой. Чтобы понять это, достаточно вспомнить кого-то из своих близких. В момент такого воспоминания в сознании могут появиться либо имя, либо образы воспоминания-представления, например лица близкого человека, но за этими непродолжительными психическими явлениями стоит громадное психическое содержание. Вы отчетливо понимаете, что этими возникшими психическими явлениями не исчерпывается та сущность, которой является для вас близкий вам человек. В то же время, когда вы бросаете мимолетный взгляд на лицо незнакомого вам человека и отводите глаза, за сохраняющимся в вашем сознании последовательным образом чужого лица не стоит почти ничего, у этого психического феномена не оказывается никакого сложного внутреннего значения, то есть можно сказать, что для вас это практически «пустой», ничего не означающий образ. Хотя он и может даже вызывать у вас какой-то психический отклик (например, эмоциональный), но лишь всколыхнув в вашей памяти некие не всегда понятные вам ассоциации.

В то же время даже кратковременный образ представления или воспоминания Пьера у Сартра или нашего друга у нас, едва возникнув, уже ассоциирован с множеством знаний об этом объекте, которые достаточно трудно квалифицировать феноменологически и определить как образы или идеи. Он появляется не просто

---

[1] Лишь появление в сознании Сартра образов восприятия иконических знаков объекта Пьер, которыми являются фотография и шарж на Пьера, актуализирует по механизму ассоциаций другие визуальные образы воспоминания его лица. Принципиально важное «узнаю» означает, что в сознании наконец возникли те визуальные образы модели-репрезентации Пьера, которые придают ей чувственную завершенность. Эти образы воскресили в сознании Сартра нечто знакомое и известное ему, нечто отсутствующее, впрочем, и на фотографии, и на рисунке.

[2] Этот интенциональный объект – сложная полимодальная психическая модель-репрезентация в сознании Сартра человека по имени Пьер. Она существует потому, что Сартр хорошо знает Пьера, помнит не только его внешний вид и особенности его движений, но и его голос, возможно, запах, рукопожатие и т. д. Она представляет собой множество визуальных образов воспоминания и представления Пьера, а также множество слуховых образов, связанных с Пьером, и множество воспомиинаний разнообразных ощущений, например запахов его одеколона и сигар.

как изолированный образ, а как элемент сложного и целостного психического образования, замещающего в сознании данный конкретный физический объект вне зависимости от его присутствия сейчас в окружающем вас мире.

Сартровский «интенциональный объект» — Пьер — не просто сложное множество образов воспоминания и представления, ассоциированных в целостную сенсорную конструкцию — модель-репрезентацию Пьера. Эта конструкция включает в себя многие вербальные субконструкции — разнообразные знания Сартра о Пьере, в самых разных аспектах моделирующие для него реальный объект — Пьера. В завершенной, уже даже не сенсорной, а сенсорно-вербальной модели-репрезентации Пьера главным элементом (центральным признаком) является обозначающий ее образ слова, образ имени «Пьер».

На примере другого объекта — ковра — Ж.-П. Сартр пытается раскрыть новые грани интенционального объекта:

> Ножки кресла, которое стоит у окна, скрывают от меня некоторые кривые линии, некоторые рисунки (ковра. – *Авт.*). Однако я схватываю эти скрытые арабески как существующие в настоящий момент, хотя и загороженные от меня креслом, но вовсе не отсутствующие. ...Я воспринимаю начальные и конечные детали скрытых узоров (которые не видны мне сбоку и позади ножек кресла) как продолжающиеся под ножками этого кресла. Следовательно, тем же способом, которым я схватываю данное, я полагаю в качестве реального и то, что мне не дано [с. 297–298].

Иными словами, сознание Сартра позволяет ему мысленно достроить в форме зрительных образов представления-воспоминания несуществующие в его текущем восприятии скрытые элементы ковра потому, что у него уже есть к этому моменту модели-репрезентации данного и аналогичных ковров.

Ж.-П. Сартр (2002) делает важнейший вывод:

> Начиная это исследование, мы думали, что займемся образами, то есть элементами сознания. Теперь мы видим, что имеем дело с *целостностными* сознаниями, то есть с *комплексными структурами, которые «интенционируют» некие объекты* (курсив мой. — *Авт.*) [с. 58].

Он продолжает:

> В восприятии я наблюдаю объекты. Под этим следует понимать, что объект хотя и целиком входит в мое восприятие, каждый раз дан мне только с одной стороны. Известен пример с кубом: я не могу знать, что это куб, пока я не схватил в восприятии шесть его граней; в крайнем случае я могу одновременно увидеть три из них, но никогда больше. ...Я могу его потрогать, могу на него смотреть, но всегда вижу его только таким способом, который одновременно и предполагает, и исключает бесконечное число других точек восприятия... Сам объект (точнее, его психическая модель-репрезентация. — *Авт.*) есть синтез всех этих его проявлений [с. 58–59]. Мое знание есть не что иное, как знание об объекте, знание касательно объекта. В акте сознания репрезентативный элемент и элемент знания связаны в один синтетический акт. Следовательно, коррелятивный этому акту объект конституируется одновременно и как конкретный чувственный объект, и как объект знания. Отсюда вытекает то парадоксальное следствие, что объект представляется нам сразу и извне, и изнутри. Извне — поскольку мы его наблюдаем; и изнутри, поскольку это в нем мы воспринимаем то, что он собой представляет. Вот почему крайне скудные и ущербные образы,

> сведенные к нескольким пространственным определениям, могут обладать для меня богатым и глубоким смыслом. И этот смысл явен; дан непосредственно, в этих чертах дан так, что расшифровывать его не нужно [с. 63].

На примере куба Ж.-П. Сартр фактически подходит к рассмотрению моделей-репрезентаций любых объектов, в которых предмет может быть представлен нашему сознанию сразу во всех возможных видах и проекциях, когда, например, нам мысленно «видны» все невидимые в физической реальности грани куба сквозь непрозрачные видимые его грани. Ж.-П. Сартр (2002) указывает:

> Интенциональный объект образного сознания имеет ту особенность, что его здесь нет и он полагается как отсутствующий, или что он не существует и полагается как несуществующий, или же что он не полагается вовсе [с. 67].

Следовательно, нашей модели-репрезентации объекта вполне достаточно для его эффективной репрезентации даже в случае его реального отсутствия в воспринимаемой нами сейчас физической реальности.

Модель-репрезентация объекта — это знание об объекте, включающее в себя его чувственные образы и способное легко заменить актуальное восприятие объекта. Мы можем поместить модель-репрезентацию любого объекта мысленно в воспринимаемую сейчас реальность или в ее представляемое продолжение, скрытое от наших глаз в данный момент. Так, я легко могу представить рядом с собой в соседнем кресле Платона, например. Причем это мое представление не может быть отождествлено просто с конкретным образом представления или воспоминания, так как я весьма смутно помню, как выглядит мраморный бюст Платона. И вообще Платон для меня — это в большей степени совокупность философских идей, чем человек в физической ипостаси, то есть в моей модели-репрезентации Платона преобладают идеи (конструкции из понятий), а не образы. Впрочем, в любом случае Платон — это, конечно, и идеи, и образы, и имя — и все это взаимосвязано.

Ж.-П. Сартр пишет:

> Произвести в себе образное сознание Пьера — значит осуществить интенциональный синтез, собирающий в нем множество прошедших моментов, утверждающих тождественность Пьера во всех его различных проявлениях и рассматривающий этот тождественный объект в определенном аспекте (в профиль, в три четверти, во весь рост, по пояс и т. д.) [с. 67].

Иными словами, модель-репрезентация Пьера или Наполеона — психический объект, тождественный для нас определенному физическому объекту, но существующий в сознании независимо от самого физического объекта, присутствующего во внешнем мире и параллельно с ним. Эта психическая конструкция, существующая и реальная, даже если репрезентируемого ею физического объекта уже и нет вовсе в физической реальности, как нет, например, Наполеона или Юлия Цезаря, сгоревшего американского космического челнока или Бастилии при наличии в нашем сознании их моделей-репрезентаций, которые являются реальными объектами нашей психической жизни.

С определенной степенью условности можно сказать, что в тот момент, когда мы видим своего знакомого, в нашем сознании есть две его репрезентации — актуальная перцептивная репрезентация и модель-репрезентация. Причем они в некоторой степени даже самостоятельны, хотя и тесно связаны друг с другом. В модели-репрезентации нет ничего за исключением того, что в процессе создания в нее вложило наше сознание. Она в отличие от воспринимаемой вещи «характеризуется существенной скудностью». Ее элементы соединены между собой гораздо меньшим количеством связей, чем элементы непосредственно воспринимаемого предмета с их неисчерпаемыми связями. Модель-репрезентация обычно рождается на основе образов восприятия объекта и впоследствии замещает собой для нас воспринятый ранее объект в его отсутствие. Разные образы воспоминания и представления объекта имеют для нас смысл только потому, что являются элементами его модели-репрезентации, существующей в нашем сознании.

Ж.-П. Сартр (2002), например, подчеркивает:

> ...может случиться, что какой-нибудь образ воспоминания возникнет внезапно, неожиданно явит нам чье-то лицо, какой-нибудь пейзаж. Но даже в этом случае он предстает в интуиции как единое целое и сразу раскрывается в том, что он есть. Если бы я воспринимал этот кусок дерна, мне бы пришлось довольно долго его изучать, чтобы узнать, откуда он взялся. В случае же образа (воспоминания, входящего в структуру модели-репрезентации. — *Авт.*) я знаю это непосредственно: эта трава с такого-то луга из такой-то местности. И об этом ее происхождении нельзя догадаться по образу; знание о том, что представляет собой объект, включено в самый акт, которым он дан мне в образе [с. 61–62].

Автор указывает, что в отличие от образа восприятия неизвестного объекта, который может быть совершенно непонятен воспринимающему, образ, актуализирующий в сознании модель-репрезентацию известного объекта, всегда понятен, так как в модели-репрезентации, а через нее и в перцептивном образе, всегда уже заключено некое усвоенное нами ранее знание.

Надо с удивлением и сожалением отметить, что приведенные здесь мысли Сартра остались невостребованными в психологии или, возможно, не понятыми, да я и сам, например, обратил на них внимание, лишь обнаружив их сходство со своей концепцией модели-репрезентации. А между тем это основополагающие, глобальные и совершенно принципиальные для психологии положения, указывающие на существование, кроме ощущений, образов, понятий и т. д., иных психических явлений, образующих следующий уровень более сложных психических феноменов. О существовании их говорят и другие исследователи, в частности Ж. Пиаже и А. Райнах, к рассмотрению идей которых мы и перейдем.

1.7.4. Осознание постоянства предмета (Ж. Пиаже)

Психическую сущность, которую я называю *моделью-репрезентацией* объекта, обнаружил в своих исследованиях и Ж. Пиаже (Piaget, 1954; Piaget & Inhelder, 1969),

хотя он не делает на этом акцента и не рассматривает ее как таковую. Ж. Пиаже выделяет шесть подстадий развития ребенка в течение сенсомоторного периода (первые два года жизни), связанных с формированием способности сохранения объекта. На первой, которая продолжается от 1 до 4 месяцев, ребенок еще не ищет исчезнувший объект активно, но он уже начинает следить глазами за движущимися объектами и смотрит на то место, откуда предмет только что исчез, как будто ждет его возвращения. Если объект вновь не появляется, ребенок забывает о нем. Исчезнувший объект не воспринимается ребенком как нечто постоянно существующее, которое куда-то переместилось. Р. Р. Хок [2003, с. 181–192] приводит выдержки из журнала наблюдений Ж. Пиаже:

> Наблюдение 2. Лоран, возраст — 0 лет 2 мес. Я смотрю на него сквозь прутья его плетеной колыбели и время от времени появляюсь примерно в одном и том же месте. Лоран потом смотрит на это место, когда меня уже там нет, и совершенно явно ждет, что я снова появлюсь там. ...Ребенок только смотрит на то место, откуда исчез предмет: таким образом, у него просто какое-то время сохраняется позиция более раннего восприятия, и, если объект вновь не появляется, он вскоре забывает о нем. Если бы в сознании ребенка было *общее представление о предмете* (курсив мой. — *Авт.*)... он бы стал активно стараться разыскать пропавший объект. ...Но малыш, совершенно очевидно, не знает, что тут можно бы сделать, потому что исчезнувший объект еще не воспринимается ребенком как нечто. постоянно существующее, которое куда-то переместилось; для него это просто какой-то образ, который, исчезнув из поля зрения, уходит в никуда. И возникает оттуда без какой-либо объективной причины [с. 185].

В возрасте от 4 до 10 месяцев ребенок уже начинает искать игрушку, которая не полностью скрылась из его поля зрения.

> Когда был виден гусиный клюв, Люсьен не только сразу же хватала гуся за эту видимую часть и тащила к себе, но... иногда она сначала снимала с гуся покрывало, чтобы схватить птичку целиком! ...Никогда, даже после того, как она несколько раз поднимала покрывало, видя перед собой торчащий клюв, Люсьен не старалась поднять покрывало, когда гусь был спрятан целиком! Это является... доказательством того факта, что ребенку намного легче представить себе весь предмет, видя перед собой какую-то его часть, чем заниматься поисками полностью невидимого объекта [с. 186].

Из сказанного Ж. Пиаже можно сделать вывод, что у ребенка в этом возрасте уже появляются, по-видимому, хотя и неустойчивые, сенсорные модели-репрезентации некоторых предметов, с которыми он часто сталкивается, но они еще недостаточно «самостоятельны» и актуализируются преимущественно образами восприятия частей моделируемых ими объектов. В 10–12 месяцев у ребенка появляются устойчивые сенсорные модели-репрезентации предметов, но еще нет устойчивых моделей-репрезентаций привычных изменений предметов, например их пространственных перемещений. Журнал наблюдений Ж. Пиаже (Р. Р. Хок (2003)):

> Жаклин сидит на матраце... Я беру у нее из рук игрушечного попугая и два раза подряд прячу его под матрац слева от нее, на место А. Оба раза Жаклин немедленно начинает поиски, находит и хватает попугая. Затем я беру у нее игрушку и медленно перемещаю попугая у нее перед глазами в такое же место под матрацем, но справа от

> нее, на место В. Жаклин очень внимательно наблюдает за движением, но в тот момент, когда попугай исчезает на месте В, она поворачивается налево и ищет игрушку там, где та была спрятана раньше, на месте А [с. 187].

В возрасте 12–18 месяцев ребенок уже способен следить за последовательностью перемещений предмета и искать его там, куда он был реально спрятан, то есть у него уже появляются устойчивые модели-репрезентации привычных изменений предметов, например их пространственных перемещений. К 2 годам (от 18 до 24 месяцев) у ребенка в полной мере появляется «идея о сохранении объекта». Журнал наблюдений Ж. Пиаже:

> Наблюдение 66. В возрасте 1 год 7 мес. у Жаклин обнаруживается... способность осознавать существование предмета, который во что-то заворачивают или прячут... Я кладу карандаш в коробочку, оборачиваю ее бумагой, потом заворачиваю обернутую коробочку еще в носовой платок, затем прикрываю все это беретом и покрывалом. Жаклин быстро снимает берет и покрывало, затем разворачивает платок. Сразу ей не удается найти коробочку, но девочка продолжает искать ее, явно уверенная в ее существовании; затем она замечает бумагу, быстро вспоминает, что это такое, разворачивает бумагу, открывает коробочку и хватает карандаш [с. 188].

Р. Р. Хок (2003) цитирует Ж. Пиаже и Бербель Инельдер (Piaget & Inhelder, 1969):

> Осознание сохранения предмета, кроме всего прочего, связано с наблюдением за его локализацией; то есть ребенок одновременно обучается и тому, что исчезнувший из поля его зрения предмет не перестает существовать, и старается узнать, куда этот предмет делся. Этот факт с самого начала показывает, что образование схемы сохранения предмета тесно связано с пространственно-временной и причинной организацией реального мира в целом [с. 189].

Осознание постоянства предмета (то есть формирование модели-репрезентации предмета) Ж. Пиаже считает началом истинной мысли, способностью использовать символическую функцию для решения более сложных задач. Приведенные наблюдения Ж. Пиаже с очевидностью демонстрируют, как у ребенка постепенно формируются сенсорные модели-репрезентации объектов, которыми ему приходилось часто оперировать. В результате этого он получает новую способность — оперировать уже не предметами, а их психическими моделями. Ребенок приобретает также понимание того, что предметы продолжают существовать, даже исчезая из его поля зрения. Он приобретает способность располагать их мысленные модели-репрезентации, составленные из образов его воспоминания и представления, в пространстве среди воспринимаемых в данный момент реальных предметов. При этом модель-репрезентация предмета выступает в качестве части окружающего физического мира среди актуально воспринимаемых частей этого мира.

Комментируя исследования Ж. Пиаже, У. Крэйн (2007) пишет:

> К концу сенсомоторного периода объекты наделяются независимым и постоянным существованием. Таким образом, дети конструируют своего рода пространственный универсум, содержащий независимые объекты, в котором сами дети — всего лишь один объект среди множества других [с. 152].

Именно модель-репрезентация известного объекта обеспечивает функционирование открытого Ж. Пиаже «закона сохранения объекта» — понимание того факта, что предмет существует даже тогда, когда находится вне пределов досягаемости наших органов чувств. Благодаря модели-репрезентации, если кто-то забрал у вас книгу и унес ее, вы не перестаете считать, что книги и ее похитителя больше нет. Вы помните о ее существовании, как и о существовании забравшего ее человека, даже тогда, когда не видите и не можете потрогать эти объекты. Ж. Пиаже справедливо полагает, что эта способность не дана нам от рождения, а появляется у человека начиная примерно с 8-месячного возраста. Я считаю, что эта способность обусловлена появлением в сознании того самого, описанного Ж.-П. Сартром «интенционального объекта», который является моделью-репрезентацией существующего вовне предмета и становится со временем самостоятельной и независимой от этого внешнего предмета сущностью сознания ребенка.

Более поздние исследования уточнили данные Ж. Пиаже. Так, Р. Р. Хок [2003, с. 190–191] сообщает, что Рене Байларже и ее коллеги [Baillargeon, 1987; Aguilar & Baillargeon, 1999] показали, что уже в возрасте 2,5 месяца жизни дети обладают ранними формами «сохранения объекта». О том же свидетельствует исследование Вилкокса, Нэдела и Россера (Wilcox, Nadel & Rosser). Последние, изучая недоношенных детей, использовали методы, подобные тем, которые применяла Рене Байларже, и установили, что результаты даже недоношенных детей не слишком отличались от результатов доношенных новорожденных.

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко [2004, с. 406] тоже отмечают, что современные исследования свидетельствуют о том, что младенцы уже в первые месяцы жизни воспринимают предметы как нечто независимо от них существующее и противостоящее им во внешнем мире. Впрочем, для нашего рассмотрения в данном случае важно не то, когда появляется способность «сохранения объекта», а сам факт появления и, главное, наличия такой способности у ребенка. Появление в сознании самостоятельной и не связанной с текущим восприятием предмета его модели-репрезентации, которая может жить в сознании своей независимой от предмета жизнью. Модели-репрезентации предметов остаются тождественны самим себе, несмотря на то что непрерывно изменяются вслед за изменяющимися объектами реальности и изменяющимися образами их восприятия.

Ребенок создает не только модели-репрезентации объектов, но и модели-репрезентации их свойств, изменений и даже более сложных, чем объекты, сущностей реальности: событий, ситуаций, отношений и т. д. Такие модели-репрезентации сложных сущностей в литературе нередко называют *схемами*. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007), например, пишут:

> ...по мнению Пиаже, ребенка нужно рассматривать как исследователя-ученого, проводящего эксперименты над миром, чтобы посмотреть, что получится («А что можно почувствовать, если пососать ухо плюшевого мишки?»; «А что будет, если я подвину свою тарелку за край стола?»). В результате этих мини-экспериментов ребенок строит «теории» — Пиаже называл их схемами — о том, как устроены физические и социальные миры. Встречаясь с новым объектом или событием, ребенок пытается понять его на языке уже существующей схемы (Пиаже называл

это процессом ассимиляции: ребенок пытается уподобить новое событие предсуществующей схеме). Если старая схема оказывается неадекватной для ассимиляции ею нового события, тогда ребенок подобно хорошему ученому модифицирует ее и тем самым расширяет свою теорию мира (этот процесс переделки схемы Пиаже называет аккомодацией)... [с. 103].

Ж. Пиаже очень широко трактует понятие *схема*. У. Крэйн (2007) замечает:

Когда Пиаже говорил о структурах действий младенца, он использовал термин *схем* (scheme) или *схема* (schema)... Схемой может быть любой паттерн действия для установления контакта со средой, например разглядывание, хватание, удары руками или толчки ногами. ...Хотя младенцы конструируют свои схемы и последующую структуру посредством собственной активности, их первые схемы состоят преимущественно из врожденных рефлексов [с. 146].

Эксперименты Ж. Пиаже [1994, с. 183–193] и других исследователей показали, что модели-репрезентации объектов и иных, более сложных, явлений появляются у детей в разном возрасте. Модели-репрезентации окружающих объектов появляются гораздо раньше, чем модели-репрезентации их изменений и тем более таких сложных сущностей, как вещество, масса, количество, объем и длина. Если два одинаковых стеклянных сосуда заполнялись одним и тем же количеством бусинок, а затем бусинки из одного сосуда пересыпали в другой — иной формы, то дети 4–5 лет заявляли, что количество бусинок теперь изменилось.

Видя на столе два одинаковых пластилиновых шара одной и той же величины, ребенок признает их равенство. Но когда даже на глазах у ребенка один из шаров скатывают в цилиндр удлиненной формы, он говорит, что в нем пластилина больше. И пока ему не исполнится 7 лет, он не скажет, что в этих предметах разной формы одинаковое количество пластилина. Признавая одинаковыми два ряда из одинакового количества шашек или разноцветных жетонов каждый, большинство детей отвечает, что и там и там их поровну. Но после того, как один ряд собирают в компактную кучку, дети 6–7 лет говорят, что в первоначальном ряду их было больше.

Ж. Пиаже (Piaget, 1954; Piaget & Inhelder, 1969) показал, что дети, находящиеся на дооперациональной стадии развития, не осознают других точек зрения, помимо своей собственной. Они полагают, что все остальные воспринимают окружающий мир так же, как они, то есть у них нет соответствующей сложной модели-репрезентации иной возможной точки зрения на то же самое событие или явление, которая может отражать иное мнение. С целью демонстрации данного факта Ж. Пиаже придумал «задачу трех горок». Ребенка водят вокруг стола, на котором сооружены три горки различной высоты, чтобы он увидел, как они выглядят с разных сторон. Затем его усаживают с одной стороны макета лицом к кукле, сидящей напротив, и просят выбрать фотографии, соответствующие тому, что видит он сам и что видит кукла. Все дети легко выбирают фотографии, соответствующие тому, что видят сами, но в возрасте до 6–7 лет, чтобы показать то, что видит кукла, выбирают фотографию, которая соответствует их собственному видению.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 114–115], ссылаясь на Gelman & Gallistel, сообщают, что новые и изощренные методы тестирования умственной деятельности показывают, что ребенок на самом деле обладает требуемой от него способностью, но не может решить задачу, так как не имеет других необходимых навыков. Даже у 3–4-летних детей обнаруживается знание о сохранении числа. О том же пишет Б. М. Величковский (2006а):

> ...у теории Пиаже возникают проблемы с экспериментальными данными. Исследования восприятия в первые недели и месяцы жизни не подтверждают тезис о раннем солипсизме[1] (ссылка моя. — *Авт.*) младенца по принципу «out of sight out of mind». Представление о постоянстве существования предмета вместо того, чтобы постепенно формироваться в результате сенсомоторного взаимодействия с окружением, скорее, предшествует такому взаимодействию, то есть оказывается чем-то вроде кантианской *априорной категории* [с. 186].

Я думаю, что представление о постоянстве существования предмета, конечно, не врожденное и формируется у ребенка. Хотя, возможно, формируется достаточно рано и быстро. Гораздо раньше и быстрее, чем полагал Ж. Пиаже. Однако для нас в данном случае неважно, как формируется модель-репрезентация предмета — после первого же его предъявления или после двадцать первого — и в каком именно возрасте. Вероятно, элементы модели-репрезентации предмета в качестве его образов воспоминания появляются у новорожденного уже вслед за первым визуальным перцептивным образом предмета, выделенным младенцем среди прочих психических феноменов.

В любом случае для того, чтобы появились модели-репрезентации предметов, должны уже существовать образы восприятия, воспоминания и представления. Для того же, чтобы сформировать полноценную модель-репрезентацию, они должны трансформироваться в устойчивую совокупность образов воспоминания и представления конкретного предмета, способную удерживаться в сознании и после исчезновения предмета из поля восприятия.

Дж. Брунер (1981) приводит интересные экспериментальные данные, полученные Муни. В опытах Муни детям 7–13 лет и взрослым показывали незаконченные черно-белые рисунки головы и лица. Испытуемые должны были отсортировать рисунки по категориям — «мальчик», «старуха» и т. д. С возрастом отмечалось явное нарастание способности опознавать незаконченные рисунки. Дж. Брунер пишет, что по мере того, как мы становимся старше, нам требуется все меньшая избыточность данных. По моему мнению, эксперименты Муни свидетельствуют о том, что на протяжении периода взросления ребенка формирующиеся в его сознании сенсорные модели-репрезентации самых разных объектов включают в себя все больше элементов и усложняются, что и позволяет ребенку все более легко распознавать в процессе восприятия знакомые объекты даже на основе отрывочных и неполных сенсорных впечатлений.

---

[1] Солипсизм — воззрение, в соответствии с которым статусом существования обладает только мыслящий субъект и все не совпадающие с ним объекты существуют только в его сознании [Словарь философских терминов, 2004, с. 531–532].

1.7.5. Подразумевание объекта (А. Райнах)

А. Райнах (2006а) тоже рассматривает то, что я обозначаю понятием *модель-репрезентация предмета*. Он пишет:

...представление есть акт особого рода, простое рецептивное «обладание» предметом, который может иметь большую или меньшую длительность (под представлением А. Райнах в ряде случаев понимает и образы восприятия. – *Авт.*). Когда к этому присоединяется еще и произнесение имени, то если это имя произносится с пониманием – с ним сплетается один из тех своеобразных актов, который мы назвали подразумеванием, или нацеленностью-на. Таким образом, наряду с представлением выступает подразумевание, которое отличается от представления уже в силу того, что оно всегда облачено в языковое одеяние (кстати, это совершенно не обязательно. – *Авт.*)... Представление и подразумевание в нашем случае, конечно, не изолированы друг от друга. Тот же самый предмет, который представляется, одновременно подразумевается. Эта тождественность пункта отношения обоих актов не должна, конечно, подталкивать нас к тому, чтобы отождествить эти акты, позволяя незаметному точечному акту подразумевания раствориться в длящемся акте представления. Они существуют, скорее, друг подле друга, и в зависимости от обстоятельств вся совокупная ситуация выражается ими так, что поначалу только представленный предмет затем еще и схватывается в акте подразумевания, или так, что поначалу только подразумеваемый предмет затем еще и обретет данность в акте представления [с. 491].

То, что «подразумевается» нами при произнесении названия предмета, и есть модель-репрезентация предмета. Впрочем, совершенно не обязательно, чтобы предмет был обозначен словом для того, чтобы в сознании появилась его модель-репрезентация. Более того, она появляется еще до усвоения языка, о чем свидетельствуют, например, наблюдения Ж. Пиаже.

А. Райнах (2006а) приводит поясняющий пример:

Передо мной лежит книга; в таком случае мне представлена вся книга, и в то же время лишь часть наглядно репрезентирована в созерцании (под «репрезентацией в созерцании» А. Райнах имеет здесь в виду образ восприятия. – *Авт.*). Обратная сторона книги, например, никоим образом не дана мне наглядно в созерцании, я ее не воспринимаю и обычно не создаю ее наглядную репрезентацию посредством воспоминания или воображения. Возможно, в первый момент при взгляде на эту ситуацию здесь возникает искушение назвать представленным лишь наглядно репрезентированные в созерцании части книги. Однако то, что находится передо мной, есть все же *книга* – целый предмет, а не фрагмент этого предмета. Если окажется, что обратная сторона представленной вещи, например какого-нибудь сосуда, отсутствует, то мы переживем разочарование [с. 494].

Здесь демонстрируется, как модель-репрезентация достраивает актуальное восприятие, создавая оборотную сторону книги или сосуда, недоступную непосредственному восприятию. Автор продолжает:

В пределах любого восприятия вещи мы находим, таким образом, компоненты представления, лишенные наглядности [с. 494].

По-видимому, достаточно сложно говорить о том, что они лишены наглядности; скорее, они лишены объективности и реальности, присущих образам восприятия, но они имеют наглядность образов представления. А. Райнах (2006а) говорит далее:

В соответствии с упомянутым нами выше словоупотреблением можно назвать соответствующую часть предмета со-«подразумеваемой» частью, которая не дана наглядно. Между тем едва ли нужно еще подчеркивать, что речь здесь идет не о подразумевании в том смысле, в котором мы предпочитаем о нем говорить. Для последнего существенным является именно то, что подразумеваемый предмет не представлен. ...Мы рассматриваем вещь, обратная сторона которой со-«подразумевается» в ненаглядном представлении, и одновременно мы с пониманием высказываем предложение: «Обратная сторона этой вещи является такой-то и такой-то». ...Со всей отчетливостью мы видим здесь, что представление, лишенное наглядного созерцания, никоим образом не тождественно нашему подразумеванию, облаченному в языковую оболочку...

Наши анализы обнаружили абсолютное различие между представлением и подразумеванием (моделью-репрезентацией. — *Авт.*). В частности, они отчетливо показали, что лишенное наглядности представление — это никоим образом не подразумевание, а сопровождаемое наглядными образами подразумевание – это никоим образом не представление [с. 496].

Итак, «интенциональный объект» Ж.-П. Сартра, «сохранение объекта» Ж. Пиаже и «подразумевание объекта» А. Райнаха можно рассматривать как первые указания на существование той сущности, которую я называю *моделью-репрезентацией объекта.*

1.7.6. Полимодальный «образ» — собирательная полимодальная модель-репрезентация объекта

В литературе широко пользуются понятием *полимодальный образ*, которое нельзя считать правильным и адекватным. А. Н. Гусев (2007) определяет полимодальность образа как:

...слияние в перцептивном образе всех чувственных впечатлений [с. 28].

А. Д. Логвиненко (1987) же, например, рассматривает полимодальность как:

...органическое единство данных, получаемых от органов чувств различной модальности (зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния и т. п.) [с. 3].

Таким образом, полимодальность не может быть характеристикой образа, так как образ всегда мономодален. Полимодальность же подразумевает наличие уже многих образов, «получаемых от органов чувств различной модальности». Следовательно, полимодальность присуща чему-то большему, чем образ. *Чему?*

Очевидно, что о полимодальности имеет смысл говорить лишь применительно к сенсорной модели объекта в целом, но не по отношению к его отдельным образам. Соответственно, и обсуждать следует не образ, а новую психическую сущность — полимодальную чувственную модель объекта в целом. Она может быть воспринимаемой (перцептивная полимодальная модель) или представляемой, вспоминаемой.

Сейчас нас больше интересует вторая, которую я называю *сенсорной полимодальной моделью-репрезентацией объекта.* Это ассоциированное и устойчивое множество образов воспоминания и представления определенного объекта, а также воспоминаний и представлений вызванных им в прошлом ощущений разной модальности. Конструкции такого рода формируются потому, что каждый элемент окружающей реальности репрезентируется в сознании наблюдателя одновременно образами восприятия и ощущениями разной модальности, которые ассоциируются между собой, образуя целостную модель-репрезентацию объекта.

Модель-репрезентация объекта — это не некое психическое явление, существующее в момент наблюдения как мгновенный зрительный образ, например, а множество связанных между собой психических явлений, разворачивающихся в сознании во времени. В каждый данный момент она существует в сознании не целиком, а лишь какой-то своей частью. Тем не менее она представляет собой не просто последовательность психических явлений, а единое и устойчивое сложное психическое образование, состоящее из более простых психических явлений. В сознании при каждом ее появлении возникает лишь малая и каждый раз иная часть множества составляющих ее образов и ощущений.

Актуализируется в сознании полимодальная модель-репрезентация объекта обычно образом восприятия или воспоминания данного объекта. Исходное присутствие в сознании модели-репрезентации определенного объекта может облегчить и ускорить восприятие соответствующего объекта или, наоборот, привести к ошибочному восприятию чего-то в качестве этого объекта при его реальном отсутствии вовне. Именно наличие модели-репрезентации конкретного объекта в сознании в момент восприятия лежит в основе перцептивной установки.

Появление новых образов восприятия известного человеку объекта и ощущений, вызываемых им, каждый раз вновь немедленно актуализирует в сознании его модель-репрезентацию. Так, зрительный образ восприятия лимона часто сопровождается воспоминаниями и представлением ощущений его специфического вкуса и запаха и наоборот. Именно благодаря наличию в нашей памяти полимодальных моделей-репрезентаций множества объектов мы можем, взяв с закрытыми глазами в руку предмет и надкусив его или понюхав, понять, что взяли грушу или кусок хлеба, а ощупав с закрытыми глазами другой знакомый предмет, зрительно его себе представить. Благодаря им мы, восприняв лишь один элемент знакомого предмета, немедленно вспоминаем, что свистящий чайник — горячий на ощупь, а одинаковые по размеру бруски из дерева и металла имеют разный вес.

Скептик может сказать, что нет никаких моделей-репрезентаций, а есть лишь привычные образы объектов, которые и являются их репрезентациями. «Не надо изобретать лишние сущности», как учил У. Оккам. Но пусть скептик все же ответит: *как разные образы восприятия одного и того же объекта всякий раз актуализируют в его сознании именно этот объект и что обеспечивает ему понимание тождества этого объекта?*

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) задают сходный вопрос:

> Каким образом мы распознаем мириады форм и ситуаций, повсюду окружающих нас: треугольники и эллипсы, небоскребы и автомобили, слоны и жирафы? Одна простая гипотеза (выдвинутая ранними эмпириками) звучит так: в нашей памяти находятся

> некие списки признаков для каждого из объектов, которые мы можем распознать. ...Но, чуточку поразмышляв, мы увидим, что все не так просто. Одна из проблем — это вариативность большинства стимулов: мы распознаем жирафов сбоку или в анфас, издалека или находясь поблизости, вне зависимости от того, лежат они или стоят. ...Обладаем ли мы списком признаков для каждого объекта? К тому же очень часто мы видим лишь неполные изображения объектов и тем не менее узнаем их. Мы воспринимаем телевизионных комментаторов как полноценных и здоровых людей, хотя никогда не видели их ног; мы идентифицируем геометрическую фигуру как квадрат, хотя один из его углов закрыт от наших глаз... [с. 265].

Совершенно верно. Мы воспринимаем капот, торчащий из-за угла дома, как машину, а человека, стоящего за забором, над которым видна лишь его голова, воспринимаем в целом, а не как отдельно висящую над забором голову, потому что наши модели-репрезентации предъявляют в сознании объект в целом даже на основании восприятия лишь одной его детали. Скептики скажут нам: «А мы знаем, что голова не может "висеть" над забором без тела». Совершенно верно. Однако знание может существовать лишь в двух феноменологических формах. Либо как конструкция из понятий (вербальных образов), либо как конструкция из невербальных образов.

Модель-репрезентация того, что представляет собой человек, в соответствии с которой его голова не может «висеть» самостоятельно над забором, и есть вариант невербального знания. И как часть знания о мире модель-репрезентация человека входит в глобальную модель-репрезентацию окружающего мира, являясь знанием о нем. В результате мы «видим» не голову, что должно было бы соответствовать «объективно» воспринимаемой реальности, а человека с головой, торчащей из-за забора.

Существует бесконечное разнообразие сенсорных моделей одного и того же объекта, которые, несмотря на свои различия, репрезентируют именно этот объект. Такая бесконечность и неповторимость сенсорных моделей совершенно естественно и необходимо требует формирования единой совокупной модели-репрезентации предмета, так как без нее мы были бы не в состоянии идентифицировать объекты и постигать окружающий нас мир. Именно модель-репрезентация знакомого предмета, существующая в нашем сознании, когда мы думаем об этом предмете, обеспечивает нам знание о его тождестве. Она не зависит от того, воспринимаем мы предмет в данный момент или нет, от положения предмета в пространстве и даже от изменения предмета. Модель-репрезентация предмета обеспечивает его тождество до тех пор, пока он не начал изменяться сущностно (а не перцептивно) вследствие неких внешних или внутренних причин, до тех пор, пока трансформации образов актуального восприятия предмета адекватны существующей у нас его модели-репрезентации, то есть возможны и привычны, а потому предсказуемы нами.

Другими словами, визуальный образ восприятия собаки, например, может увеличиваться, уменьшаться, менять свою форму и положение среди других предметов, заслонять их или заслоняться ими, но не может, например, раствориться в воздухе или взлететь. Если он растворяется или взлетает, то происходит сущностное изменение объекта с утратой его тождества, так как существующая в нашем сознании модель-репрезентация собаки включает в себя знание об особенностях данного объекта и пределах его возможных и допустимых изменений. Вывод о том, что предмет

изменился, но это есть тот же самый предмет, который мы только что воспринимали, мы можем сделать именно благодаря наличию модели-репрезентации предмета. Без нее наше сознание непрерывно имело бы дело с калейдоскопом постоянно изменяющихся чувственных образов, которые невозможно было бы собрать воедино.

Итак, тождественность предмета целиком и полностью обусловлена фактом наличия в сознании наблюдателя целостной модели-репрезентации данного предмета, но не свойствами предмета, которые сами — лишь элементы этой модели-репрезентации, и не его перцептивными образами, каждый из которых отличается от всех прочих. Само понятие *тождественность предмета* — очевидная абстракция не только потому, что предмет непрерывно изменяется на микро-, а часто и на макроуровне, но и потому, что он воспринимается изменяющимся человеческим сознанием в непрерывно текущем времени и репрезентируется разными перцептивными образами.

Кроме не вполне адекватного понятия *полимодальный образ* объекта, в литературе существует понятие *собирательный образ* объекта. Можно выделить также собирательный образ воспоминания-представления одного конкретного объекта и собирательный образ воспоминания-представления множества сходных объектов.

Б. Рассел (2007) пишет:

> Мысля собаку вообще, мы можем использовать смутный образ собаки, который подразумевает вид, а не какого-то представителя вида. Аналогично, вызывая в памяти лицо друга, мы обычно вызываем не какой-то один специальный случай, когда мы его видели, но компромиссный образ многих случаев. ...Если я вызываю образ собаки с точки зрения на общее высказывание о собаках, я использую только те характеристики своего образа, которые он разделяет со всеми образами собак. Мы можем до некоторой степени использовать или игнорировать отдельные черты образа по нашему выбору [с. 241].

«Собирательный образ» всегда мономодален, так как образ, как я уже говорил, не может быть полимодальным, или это уже не образ. То, что в литературе по психологии называют «собирательным», например визуальным, «образом» конкретного объекта — не что иное, как мономодальная модель-репрезентация этого объекта. Она представляет собой бесчисленное множество образов воспоминания и представления определенного объекта, воспринятого нами ранее с разных расстояний, в разных проекциях, при разном освещении, в движении и покое, в разном нашем физическом и психическом состоянии, при разных показателях температуры, влажности и других параметров окружающей физической реальности. Кстати, мономодальной модели-репрезентации вполне достаточно для формирования, например, у ребенка понимания постоянства конкретного объекта. Следовательно, даже мономодальных, например зрительных моделей-репрезентаций объектов, вполне достаточно для полноценного представительства объектов в сознании.

Собирательный визуальный «образ» можно назвать эффективной или достаточной для мысленного оперирования объектом, частью его сенсорной модели-репрезентации. Причем для формирования такой «минимально достаточной» мономодальной модели-репрезентации сознанию «хватает» воспоминаний о единичном и непродолжительном взаимодействии в прошлом с данным объектом.

1.7.7. Модель-репрезентация как единство апперцепции

Модель-репрезентация — типичная психическая конструкция. Понятие *психическая конструкция* я использовал ранее (С. Э. Поляков, 2004) для обозначения сложных психических образований, представляющих собой особую форму психических явлений. Они возникают в результате естественного развития относительно «простых»[1] психических феноменов. Психическая конструкция есть иной и более сложный по сравнению с ощущением и образом психический феномен, представляющий собой психическое образование, состоящее из ассоциированных между собой образов и ощущений. Она является самостоятельным психическим явлением, репрезентирующим в сознании самые разные физические и психические сущности.

В отличие от ощущения и мгновенного образа психическая конструкция не существует в каждый конкретный момент времени в сознании целиком, а проявляется в нем лишь теми или иными своими элементами, которые метафорически можно сравнить с выступающими над водой частями вращающегося айсберга. Психическая конструкция обычно разворачивается в сознании во времени. В каждый следующий момент «над водой появляется новая грань айсберга». Каждая психическая конструкция уникальна, самостоятельна и независима от других психических конструкций, хотя и связана с ними. Психические конструкции — не просто ассоциации образов и ощущений, это новые феноменологически по сравнению с образами, ощущениями и понятиями психические явления, обладающие особыми свойствами. В этой связи интересна мысль Э. Кассирера (2006), который, ссылаясь на Штумпфа и Джеймса, пишет:

> ...простая «ассоциация» как таковая не может создать никакого нового психического содержания [с. 392].

> Если мы соединим совокупность определенных свойств в целое одной устойчивой вещи с многообразно меняющимися особенностями, то это соединение будет предполагать связи по рядоположенности и последовательности, однако не будет к ним сводиться [Э. Кассирер, 1995а, с. 195].

В случае психической конструкции мы как раз и имеем дело не просто с ассоциацией — набором связанных между собой «простых» психических явлений, который обладает лишь суммой свойств этих явлений, а с новым психическим феноменом, приобретшим новые свойства. Это новое, более сложное целостное психическое явление не сводится уже к сумме свойств составляющих его частей. В основе образования этих новых сложных феноменов лежит открытое И. Кантом «единство апперцепции», или «единство сознания».

Модель-репрезентация объекта возникает в сознании как удивительный синтез разномодальных и уже поэтому радикально различающихся между собой и принципиально, казалось бы, несопоставимых друг с другом психических явлений —

---

[1] Выше я пытался показать, что и образы, и даже ощущения отнюдь не так «просты», как в основном принято думать, и представляют собой сложные психические феномены. Фактически они сами уже — относительно простые психические конструкции.

сенсорных моделей одного и того же аспекта «реальности в себе», например объекта. Можно привести в связи с этим высказывание Д. Беркли (2000):

> Воспринимаемые зрением движение, форма и протяжение отличны от идей того же названия, воспринимаемых осязанием [с. 7].

> ...имеется столько же оснований доказывать, будто видимые и осязаемые квадраты принадлежат к одному и тому же роду, исходя из того, что они называются одним и тем же именем, сколько доказывать, что осязаемый квадрат и односложное слово, состоящее из 7 букв, которым он обозначается, принадлежат к одному и тому же роду, потому что оба они называются одним и тем же именем [с. 82].

> Считают величайшим абсурдом воображать, чтобы одна и та же вещь могла иметь более чем одно протяжение и одну форму. Но так как протяжение и форма тела входят в дух двумя разными путями — как через зрение, так и через осязание, то думают... что мы видим то же самое протяжение и ту же самую форму, которые мы осязаем. ...То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, совершенно другая вещь. Но если видимая форма и видимое протяжение не тождественны с осязаемой формой и осязаемым протяжением, то отсюда еще не должно заключать, что одна и та же вещь имеет различные протяжения. Истинным следствием будет только то, что объекты зрения и осязания суть две отдельные вещи. Может быть, нужно некоторое усилие мысли, чтобы правильно понять это различие их. И, кажется, увеличению трудности немало содействовало то, что комбинация идей зрения имеет всегда то же самое название, что и связанная с ней комбинация идей осязания... [с. 39–40].

Здесь Д. Беркли четко демонстрирует, что наши органы восприятия создают разные (по модальности и по своей сути) психические модели того, что потом объединяется сознанием в единую модель-репрезентацию, в объект. И несмотря на то что исходно разномодальные сенсорные модели представляют сознанию разные сущности, сознание объединяет их все в одну. *Почему и как все же происходит объединение этих несопоставимых психических сущностей в новую целостность?*

Очевидно, что здесь имеет место механизм ассоциации, но ассоциации не совсем обычной. Б. Рассел [2001а, с. 896] сообщает, что принцип ассоциации идей рассматривал еще Дж. Локк, но в основном им занимался Хартли (1749), затем Бентам и его последователи. В. Виндельбанд (2007) пишет:

> Юм полагает, что открыл четыре основных закона, к которым возможно свести все ассоциативные процессы: закон сходства, контраста, пространственного и временного «соприкасания», или «смежности», и закон причины и связи. ...Установление этих *законов ассоциаций,* которые отчасти наблюдались уже в античной философии, имело большое значение для дальнейшего преуспевания эмпирической психологии [с. 347].

Э. Кассирер (1995а) рассматривает понятие *ассоциация* уже не как простое образование связи между двумя психическими явлениями, а совершенно по-новому:

> «Ассоциацией» называется соединение элементов в единство «времени» и «пространства», в единство «Я» или «предмета», в целостность «вещи» или в последовательность «событий», в ряды, члены которых связаны между собой как с точки зрения «причины» и «следствия», так и с точки зрения «средства» и «цели». «Ассоциация» считается, далее, подходящим выражением как для *логического* закона связи частного в понятийное единство *познания,* так и для форм конструирования, действующих в построении *эстетического* сознания. Но тут-то и выясняется, что это понятие

обозначает лишь голый факт связи вообще, ничего не сообщая об ее специфическом виде и правиле [с. 197].

Особую форму ассоциации психических явлений, приводящую к возникновению «единства Я» или предмета, открыл еще И. Кант, который назвал ее «единством апперцепции», или «единством сознания». Именно она обеспечивает объединение множества чувственных образов в единую сенсорную модель-репрезентацию объекта, в новую сложную целостность. Без этого свойства сознания у нас не возникало бы единой модели-репрезентации объекта. И. Кант (1994) пишет о том, что все многообразные представления созерцания подчинены условиям первоначально-синтетического единства апперцепции:

...поскольку они должны иметь возможность быть *связанными* в одном сознании, так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции *я мыслю* и в силу этого не связывались бы в одном самосознании. ...*Объект* есть то, в понятии чего *объединено* многообразное, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их. ...Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого познания... всякое созерцание, для того *чтобы стать для меня объектом*, должно подчиняться этому условию, так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединилось бы в одном сознании [с. 102–103].

Словами В. Виндельбанда (2007) можно уточнить и добавить:

...из соединения двух представлений в сознании возникает третье, которое сохраняет в отдельности содержания обоих первых; в этом случае объединение элементов состоит не в том, что они в новом содержании сливаются в неразличимое единство, а, наоборот, в том, что они соединяются в одно целое посредством установленной между ними *связи*. Это синтетическое единство настолько существенно для сознания, что последнее может быть прямо определено как связующая функция. Всякое фактическое, известное нам из опыта сознание представляет такое единство множественного [с. 353–354].

...связи элементов суть формы «трансцендентальной апперцепции» (Канта. — *Авт.*), и учение, что все решительно предметы порождены этим общезначимым синтезом и что кроме них ничего другого не существует, и есть трансцендентальный идеализм [В. Виндельбанд, 1995а, с. 10].

Именно «синтетическое единство сознания», или «трансцендентальная апперцепция» по Канту, ответственна за то, что содержание психических конструкций вообще и моделей-репрезентаций в частности объединяется, превращая их в целостные самостоятельные психические феномены, или сложные психические явления, состоящие из более простых, но тоже самостоятельных явлений. Причем последние могут возникать и существовать самостоятельно, не нарушая при этом единства более крупных конструкций, в которые они входят в качестве элементов.

Можно поэтому сказать, что любая устойчивая психическая конструкция, в том числе и сенсорная модель-репрезентация предмета, является целостным, завершенным и самостоятельным психическим образованием.

Объект рождается с появлением соответствующей модели-репрезентации, и он заключен в ней, а не в сенсорных впечатлениях. В. В. Любимов (2007) пишет:

Форма — это актуальные, сиюминутные очертания воспринимаемого объекта, иными словами, воспринимается объект, а не форма. Объект не имеет постоянных очер-

таний. ...Какова форма морской поверхности? Какова форма автомобиля? А форма человеческого лица? В профиль или анфас? А борода в понятие формы лица входит? А если сбрить бороду, то лицо станет другим или останется тем же самым? Лицо останется прежним, но его очертания изменятся [с. 332].

Объект задается не набором сенсорных впечатлений, а актуализируемой ими в сознании моделью-репрезентацией определенной сущности, которая и выступает для субъекта как конкретный объект восприятия.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) указывают:

Этот ближний стимул (сетчаточная проекция. – *Авт.*) имеет два измерения и постоянно изменяется. Он становится больше или меньше в зависимости от расстояния между яблоком и нами; он оказывается на разных участках сетчатки каждый раз, когда мы совершаем движение глазами или головой. Как же нам удается после всех этих бесконечных вариаций ближнего стимула воспринять постоянные качества внешнего объекта? И как мы ухитряемся определить очертания яблока, полагая, что все его части составляют единое целое и что оно не имеет никакого отношения к банану, который лежит рядом с яблоком в этой вазе для фруктов? Чем мы компенсируем тот факт, что часть яблока скрыта за кромкой вазы? Все эти элементарные на первый взгляд достижения оказываются потрясающе сложными, и без этих достижений процесс восприятия просто невозможен [с. 253].

Мы и не воспринимаем «постоянные качества внешнего объекта». Они конституируются сознанием в модели-репрезентации данного объекта, поэтому их и не надо каждый раз воспринимать. По той же причине мы и не пытаемся каждый раз «ухитриться и определить очертания яблока и понять, что оно не имеет отношения к банану», потому же мы легко компенсируем тот факт, что часть яблока скрыта вазой. Все недостающее уже дано в нашей модели-репрезентации яблока, а все эти «достижения» обусловлены данным фактом.

1.7.8. Сущность моделей-репрезентаций

Если мельком бросить взгляд на знакомого и незнакомого человека, то можно заметить, что мгновенный образ восприятия знакомого сопровождается чем-то, делающим этот образ «наполненным», тогда как образ восприятия незнакомого, метафорически выражаясь, – «пустой». Это «наполнение» первого образа и есть модель-репрезентация знакомого человека. По сути дела, она представляет собой известное нам значение данного перцептивного образа. Нельзя, конечно, сказать, что значения у мгновенного зрительного образа восприятия незнакомого человека совсем уж нет, но оно содержательно несопоставимо со значением образа восприятия знакомого. Г. Райл (1999) пишет:

Когда я смотрю на стоящий передо мной портрет человека, мне часто кажется, что передо мной сам этот человек, хотя это не так и, может статься, он давно уже умер. Я не стал бы хранить этот портрет, если бы он не отвечал этой функции [с. 247].

Действительно, *почему лежащий передо мной объект – листок бумаги с фотографией знакомого мне человека – вызывает в моем сознании представление о другом*

объекте — самом этом человеке? Происходит это потому, что образ восприятия данного искусственного объекта, выступающего как иконический знак изображенного на фотографии человека, актуализирует в моем сознании устойчивую психическую конструкцию — модель-репрезентацию основного объекта — конкретного, известного мне человека. Иначе я тоже не стал бы хранить эту фотографию, так как она была бы для меня просто раскрашенным листком бумаги.

Э. Мах (2005) замечает:

Мой друг может надеть новый сюртук, у него может быть и веселое выражение лица, и грустное. Самый цвет его лица может изменяться при перемене освещения или под влиянием чувств, испытываемых им. Вся фигура может изменяться временно, при движении или надолго. Но сумма того, что остается постоянным, бывает всегда так велика сравнительно с постепенными изменениями, что эти последние стушевываются. При всех описанных изменениях моего друга он все же остается тем самым другом, с которым я ежедневно совершаю свою прогулку. ...Дело идет здесь о сумме постоянных элементов, к которым прибавляются новые и из которых недостающие вычитываются [354, 50].

Целесообразная привычка обозначать постоянное одним именем и обобщать его в одной идее, не анализируя каждый раз составных его частей, может оказаться в своеобразном конфликте со стремлением к разделению этих последних. Темный образ постоянного, не изменяющийся заметным образом с выпадением той или другой его составной части, кажется чем-то, что существует само для себя. Ввиду того что можно отделять от постоянного каждую его составную часть в отдельности без того, чтобы образ перестал представлять весь комплекс и мог бы быть по-прежнему узнан, кажется, что если отделить от него все составные части, то все же кое-что еще останется [с. 52].

В каком бы ракурсе мы ни посмотрели на хорошо знакомый объект, например на свой дом, мы его, как правило, неизменно узнаем, даже несмотря на то, что возникающие при этом образы могут сильно различаться и посторонний человек, увидевший фотографии того же дома в тех же ракурсах, будет уверен, что видит разные объекты. *Почему мы узнаем знакомый объект, даже если он предстает перед нами в самых неожиданных видах?*

Только потому, что обладаем устойчивой психической конструкцией, репрезентирующей нам данный предмет, представленный в сознании в виде бесчисленного множества визуальных образов воспоминания и представления, возникших в результате восприятия его со всех мыслимых позиций и в совершенно разных условиях. И конструкция эта актуализируется любыми, даже сильно различающимися перцептивными впечатлениями, вызываемыми у нас данным объектом.

Она включает в себя не только множество визуальных образов воспоминания воспринятого нами в прошлом объекта, но и «итоговые», иллюстрирующие объект в целом, образы его представления, в которых невидимые для глаза части объекта «видны» нам столь же хорошо, как и непрозрачные передние поверхности объекта и сквозь них. В результате мы как бы «видим» непрозрачные объекты насквозь, «видим» их внутренние части.

Ж.-П. Сартр (2002) пишет:

...когда я мыслю куб в конкретном понятии, я мыслю шесть его сторон и восемь углов одновременно, мыслю его углы прямыми, а стороны квадратными. Я на-

хожусь в центре своей идеи, сразу схватываю всю ее целиком. ...Я могу мыслить конкретные сущности в одном-единственном акте сознания. ...Речь идет о радикально различных феноменах: один из них — это само себя сознающее знание (модель-репрезентация объекта. — *Авт.*), сразу же помещающееся в центре объекта, другой — синтетическое единство множества явлений, ознакомление с которыми осуществляется постепенно (совокупность образов восприятия объекта. — *Авт.*) [с. 59–60].

Феноменологически модель-репрезентация объекта, как я уже говорил, представляет собой совокупность образов воспоминания и представления, ассоциированных между собой. Часто она включает в себя образы представления, созданные сознанием на основе образов воспоминания, измененных дополнительным, в том числе вербальным, знанием об объекте.

Э. Кассирер (2006) указывает на важнейшее обстоятельство:

Если зададим себе вопрос, что следует разуметь под трехмерным протяженным телом, то мы — как это показывает в одном месте Гельмгольц — психологически в самом деле приходим лишь к ряду сменяющих друг друга отдельных зрительных образов. Однако более точный анализ показывает, что из одной только самой по себе взятой смены всех этих образов, сколько бы мы ни допускали таковые, никогда не могло бы получиться представление телесного объекта, если бы не присоединялась к ней мысль о правиле, сообразно которому каждому отдельному образу указуется определенное место и положение в совокупном комплексе. Представление стереометрической формы играет в этом смысле всецело роль понятия, составленного из большого ряда чувственных образов созерцания, «понятия, которое, однако, само связуется не посредством словесно выразимых определений, которые мог бы конструировать геометр, а связуется лишь посредством живого представления закона, согласно которому эти перспективные образы следуют друг за другом» (цитата Гельмгольца). Но это расчленение посредством понятия означает вместе с тем, что различные элементы здесь не только лежат друг с другом рядом как части агрегата, а что каждый из них оценивается нами соответственно его *систематическому* значению [с. 330–331].

Действительно, это самое «представление стереометрической формы, играющее роль *понятия*, составленного из большого ряда чувственных образов созерцания», и есть сенсорное понятие (правильнее сказать — предпонятие). Мне думается, однако, что здесь надо говорить не о каких-то «правилах», а об особых интегрирующих множество разных образов воспоминания объекта образах его представления, входящих в модель-репрезентацию объекта. Благодаря этим своего рода «итоговым», «обобщающим» и репрезентирующим объект в целом образам объект сразу и во всех ракурсах и разрезах становится доступен сознанию, что позволяет, например, нам «увидеть» мысленно закрытые стенами части дома вместе с реально видимыми наружными его элементами. Об этом весьма удачно пишет также М. Мерло-Понти (1999):

...я вижу соседний дом под некоторым углом, его же с правого берега Сены видят по-другому, иначе его видят изнутри или совсем иначе — с самолета; дом как таковой не совпадает ни с одной из этих явленностей, он, по словам Лейбница, есть ортогональная проекция этих и всех возможных перспектив, некое положение без перспективы, из которого все они могут происходить, — дом, видимый ниоткуда...

> Наша первоначальная формулировка должна быть пересмотрена: сам дом — это не дом, видимый ниоткуда, но дом, видимый отовсюду. В завершенном виде объект сверхпрозрачен, он пронизан наличной бесконечностью взглядов, которые перекрещиваются в его глубине и ничего не оставляют там скрытым [с. 101–103].

То, что М. Мерло-Понти называет «сам дом», есть мономодальная визуальная модель-репрезентация дома. Из множества проекций наше сознание формирует итоговый целостный образ воспоминания-представления объекта, входящий в его модель-репрезентацию. М. Мерло-Понти (1999) продолжает:

> ...чтобы нам явился абсолютный объект, объект этот должен стать бесконечностью различных перспектив, слившихся в одном-единственном видении, обладающем тысячей взглядов [с. 105].

Благодаря имеющейся у нас модели-репрезентации видимый нами дом — это совершенно не тот объект, который репрезентируют нам образы восприятия сейчас. Точнее, тот дом, который я «вижу» сейчас, — это совсем не тот объект, который другой наблюдатель, незнакомый с объектом *дом*, сейчас реально увидел бы из этого положения. Я вижу данный дом именно как конкретный известный мне дом только потому, что уже множество раз видел его и похожие на него дома прежде. И все эти образы воспоминания участвуют в формировании моего теперешнего его целостного образа восприятия. Образ дома, который я сейчас вижу перед собой, — это не то, что увидел бы человек, никогда прежде не имевший дела с домами. Не некая изогнутая рельефная поверхность, а видимый и, самое главное, одновременно вспоминаемый и представляемый мною дом, существующий в моем сознании в виде объема, включающего в себя множество самых разных других объектов: окон, ламп, стен, людей, водопроводных труб и т. п.

Модель-репрезентация объекта не является чем-то неизменным и статичным. Она постоянно видоизменяется. Появившись в сознании какой-то своей частью, она как бы «течет», ее элементы сменяют друг друга. Например, возникающая в моем сознании модель-репрезентация моей собаки репрезентирует мне непрерывно двигающийся объект, который то бежит, то играет с мячом, то лежит, то ест и т. д. Даже модель-репрезентация неподвижного вроде бы дерева тоже изменяется. Его листья колышутся под ветром, а ветви гнутся, поворачиваются к солнцу или могут сломаться под изгибающей их рукой. Таким образом, модель-репрезентация объекта представлена совокупностью образов воспоминания и представления этого объекта в динамике его возможных изменений. Модель-репрезентация объекта, возникнув в сознании, постоянно дополняется в последующем при каждом новом столкновении с данным или сходным объектом. А в формировании нашего нового актуального образа восприятия участвуют не только непосредственно перцептивные впечатления, но еще и модель-репрезентация воспринимаемого объекта, если она уже есть.

Э. Кассирер (2006) цитирует Э. Маха:

> Тело... выглядит иначе при каждом другом освещении, доставляет другой оптический образ при каждом изменении его положения в пространстве, дает при каждом изменении температуры другой осязательный образ и т. д. Но все эти чувственные элементы так связаны друг с другом, что при том же положении, освещении, темпе-

ратуре возвращаются одни и те же образы. Следовательно, дело здесь только в связи чувственных элементов. Если бы можно было измерять все чувственные элементы, то мы сказали бы, что тело состоит в исполнении известных уравнений, имеющих место между чувственными элементами [с. 297].

Э. Кассирер (2006) делает важнейший вывод:

То, что связывает многообразные содержания представления в одну основную психическую форму, то не может заключаться ни в одном из этих содержаний, а также в простом агрегатном соединении их. Здесь мы, скорее, имеем перед собой новую функцию, которая в то же время воплощается в некоторое самостоятельное образование, обладающее определенными свойствами. *Надо признать за эмпирический факт наличность подобных образований и получающийся благодаря этому прирост в содержании независимо от тех теоретических предпосылок, исходя из которых можно его толковать* (курсив мой. – *Авт.*) [с. 381].

Это целое нигде не представляет собой только безжизненного отпечатка отдельных чувственных восприятий, а всегда представляет собой конструктивное построение, совершающееся с соблюдением определенных общих основных правил [с. 332].

Это целое выражается в форме нового психического явления, новой сущности — сенсорной модели-репрезентации объекта.

У. Эко (2005) обсуждает ту же тему:

Сартр замечает, что никакой существующий объект никогда нельзя свести к конечному ряду проявлений, потому что каждый из них соотносится с постоянно меняющимися субъектами восприятия. Объекты не только имеют различные... (оттенки, облики), но и каждый (из них. – *Авт.*)... может быть увиден с различных точек зрения. Чтобы дать определение объекта, его (объект) следует соотнести со всем рядом его возможных проявлений. Таким образом, традиционный дуализм «сущности» и «явления» заменяется на оппозицию конечного и бесконечного, причем бесконечное помещается в самую сердцевину конечного [с. 105–106].

Действительно, сформированная сознанием сенсорная модель-репрезентация придает «конечность проявления» «бесконечной сенсорной сущности» объекта. Как только она сформировалась в сознании как сущность, новые образы восприятия объекта, число которых действительно бесконечно, уже ничего в ней принципиально не меняют, а лишь дополняют. У. Эко (2005) цитирует М. Мерло-Понти, который спрашивает:

Может ли нечто вообще *представить себя* нам в истинном виде, если синтез этого «нечто» никогда не имеет завершения? ...Могу ли я воспринимать мир так, как я воспринимал бы индивида, актуализирующего свое собственное существование, если ни одна из перспектив, в которых я могу его увидеть, его не исчерпает, и горизонты всегда остаются *открытыми*?.. Вера в вещи и в мир может означать лишь презумпцию завершенности [их] синтеза – однако подобная завершенность оказывается невозможной в силу самой природы тех перспектив, которые надо [было бы для этого] соединить [в едином взгляде], потому что каждая из них своими горизонтами отсылает вновь к другим перспективам... Сознание, которое обычно считается сферой ясности, на самом деле, напротив, есть именно сфера неопределенности [с. 106–107].

Именно психическая модель-репрезентация «исчерпывает» и «завершает» объект. Именно она придает конечность и ограниченность бесконечно изменчивым сенсорным элементам окружающего нас мира. И она же конституирует объект в сознании. Без нее сознание утонуло бы в бесконечной череде меняющихся репрезентаций даже одного любого объекта реальности. Благодаря единству апперцепции сознание строит из бесконечных рядов чувственных образов завершенные, конечные чувственные же репрезентации вычленяемых и конституируемых им сущностей, формируя тем самым вокруг себя конечный, ограниченный завершенный мир, хотя он «в себе самом» по сути своей — незавершенный, бесконечный и безграничный.

Собирательный зрительный образ объекта (мономодальная модель-репрезентация) может быть конкретным — визуальная модель-репрезентация именно *этого стула* — или абстрактным — визуальная модель-репрезентация *стула вообще.* Из-за того что абстрактный образ объекта включает в себя множество конкретных образов воспоминания и представления сходных объектов, например треугольников, абстрактный образ *треугольника* — это, скорее, как говорил Локк:

> ...общая идея треугольника, который должен быть ни прямоугольным, ни равносторонним, ни равнобедренным, ни разносторонним, а каждым из них сразу и ни одним из таковых в отдельности [цит. по: У. Джеймс, 2003, с. 330].

Однако «общая идея» в этом случае есть не идея вовсе, а собирательный образ воспоминания и представления всех увиденных ранее треугольников, которые и есть то, что называют «абстрактным образом» треугольника вообще.

Б. Рассел (2000) пишет:

> Мы так привыкли судить о «реальной» форме вещей и делаем это так необдуманно, что начинаем полагать, будто действительно видим их реальную форму. На самом же деле — как это знает всякий, пытавшийся рисовать, — данная вещь кажется имеющей различную форму при изменении точки наблюдения. Если наш стол «действительно» прямоугольный, то он с большинства точек наблюдения будет казаться нам имеющим два острых угла и два тупых. ...Если обе противоположные стороны равны, то ближайшая к нам сторона будет казаться большей. Обыкновенно, смотря на стол, мы не обращаем внимания на все это, потому что опыт научил нас конструировать его «реальную» форму, исходя из кажущейся, и еще потому, что в практической жизни человека интересует только «реальная» форма. Но «реальная» форма — не то, что мы видим: это нечто лишь выводимое из того, что мы видим. А то, что мы видим, непрерывно изменяет свою форму, когда мы двигаемся... [с. 158–159].

Но где же тогда существует эта самая «реальная» форма? По-видимому, есть все основания сказать, что она существует только в нашем сознании, в модели-репрезентации данного конкретного объекта, которая и включает в себя эту самую «реальную» форму данного объекта, которую мы никогда не видим в окружающем нас мире. Б. Рассел (2000) подчеркивает, что такие же трудности возникают, когда мы имеем дело с разными органами чувств, например с осязанием:

> Мы всегда ощущаем твердость стола и чувствуем, что он сопротивляется давлению, но получаемое нами ощущение зависит от того, насколько сильно мы надавливаем на стол и какой частью тела мы это делаем; и, следовательно, раз-

личные ощущения, зависящие от различного надавливания разными частями тела, не могут непосредственно обнаруживать нам определенные свойства стола, но в лучшем случае могут быть лишь знаками некоторых его свойств, являющихся иногда причинами всех этих ощущений, но не проявляющихся вполне ни в одном из них [с. 159].

Б. Рассел (2000) прямо говорит, что:

...реальный стол, если таковой вообще существует, не тот, что мы воспринимаем в непосредственном опыте посредством зрения, осязания и слуха. Реальный стол, если тот существует, не является вообще предметом нашего непосредственного познания, но должен быть выводом из того, что непосредственно познается. Отсюда и возникают два крайне трудных вопроса, а именно: 1) существует ли реальный стол вообще? 2) если да, то к какому виду объектов он принадлежит? [С. 159.]

Завершает свою весьма последовательную и серьезную, но, на мой взгляд, безуспешную попытку доказать наличие «общедоступных нейтральных предметов», которые существуют дополнительно к «чувственным данным», Б. Рассел (2000) заключением:

...необходимо признать, что мы никогда не сможем *доказать* существование других вещей, кроме нас самих и наших восприятий [с. 168].

Если же вспомнить то обстоятельство, что у каждого человека, сидящего за общим столом, есть своя уникальная сенсорная модель этого стола и уникальная модель-репрезентация стола вообще, а объединяются все эти уникальные чувственные модели лишь общим для всех людей понятием *стол*, то становится очевидным, что общность «общедоступного предмета» *стол*, да и сам этот предмет существуют лишь благодаря сходству сенсорных моделей у разных людей и благодаря наличию общего для всех понятия *стол*. Это, впрочем, вовсе не противоречит факту объективного существования той части «реальности в себе», которая является всем наблюдателям в форме их субъективных чувственных репрезентаций, обозначаемых понятием *стол*.

Имеет смысл еще раз вернуться к вопросу Б. Рассела, *остается ли от стола что-нибудь еще, что не является чувственными данными, когда мы выходим из комнаты?* Формулируя вопрос иначе, можно спросить: *действительно ли стол — лишь продукт человеческого сознания, исчезающий, если человек перестает его воспринимать?*

Я думаю, что в специфической перцептивной форме и в форме субъективной модели-репрезентации, в которых он репрезентирован каждому из нас, а тем более в форме понятия *стол* он действительно только продукт нашего сознания. Но вместе с тем в какой-то иной, принципиально недоступной для нас форме та часть «реальности в себе», которую наше сознание конституирует в виде субъективной репрезентации стола, безусловно, существует вне нас и независимо от нас.

Модель-репрезентация объекта — это не просто чувственная модель предмета. Это еще и модель отношений данного объекта к другим объектам и изменений его самого во времени, то есть это нечто, выходящее за пределы сенсорной модели объекта. Это в том числе и то, что привносится в сенсорную модель объекта вербальным знанием о нем. То, что превращает, например, нечто твердое, холодное

и блестящее в небольшой металлический предмет, в круглую монету и, наконец, в универсальное средство обмена.

1.7.9. Влияние моделей-репрезентаций на восприятие

Исследователи давно обнаружили факты, свидетельствующие, что модели-репрезентации влияют на восприятие. Так, Б. Рассел (2001), например, пишет:

> ...если вы входите в темноте в вашу комнату, а кто-то поставил кресло на необычное место, вы можете наткнуться на кресло потому, что ваше тело верило, что в этом месте нет кресла [с. 160].

Дело, однако, не в том, что «наше тело верило» во что-то, а в том, что в нашем сознании существует модель-репрезентация привычной для нас реальности собственной комнаты. И она существенно влияет на актуальное восприятие этой же комнаты. Дж. Гибсон и Элеонора Дж. Гибсон (1975), обсуждая особенности восприятия двух людей, один из которых в состоянии различить четыре тысячи видов вин, а другой — лишь четыре, задают вопрос:

> Чему научился первый индивид в отличие от второго? Ассоциациям? Образам памяти? Отношениям? Умозаключениям? Появилось ли у него восприятие вместо простых ощущений?

И отвечают:

> ...Он научился различать на вкус и обоняние больше сортов вин, то есть большее число переменных химической стимуляции [с. 552].

Однако данное заключение нельзя принять как феноменологическое объяснение и ответ на поставленные авторами вопросы. Мне представляется, что в сознании первого индивида сформировались несколько тысяч преимущественно обонятельно-вкусовых моделей-репрезентаций разных сортов вина, которые хранятся в его памяти. И эти сенсорные модели-репрезентации актуализируются в его сознании под действием специфических сенсорных впечатлений.

Зрительная, тактильная и слуховая агнозия — неспособность узнавать знакомые предметы визуально, тактильно или на слух — вероятно, объясняется во многих случаях нарушением процесса актуализации в сознании текущими сенсорными впечатлениями хранящихся в памяти специфических моделей-репрезентаций известных объектов, а в ряде случаев, возможно, даже разрушением моделей-репрезентаций предметов окружающей реальности.

Выявленная еще гештальтпсихологией и обобщенная позже Ч. Осгудом [2002в, с. 330–331] и Х. Шиффманом [2003, с. 279] универсальная тенденция нашей психики к группированию элементов наших восприятий в целостные сложные структуры на основе факторов «близости», «сходства», «хорошего продолжения», «общей судьбы», «симметрии», «замкнутости», «наличия связей между элементами восприятия» и т. д.

тоже объясняется наличием в нашей памяти моделей-репрезентаций окружающей реальности. Перцептивные впечатления оживляют прежде всего эти имеющиеся в памяти модели-репрезентации. И лишь в случае отсутствия таковых начинается формирование новых моделей-репрезентаций, но все равно — с учетом особенностей моделей-репрезентаций мира, уже имеющихся у человека. Наличие устойчивых моделей-репрезентаций объясняет целостность нашего восприятия и то, что мы порой можем узнать объект на основании отрывочных и неполных восприятий.

Мне представляется очевидным существование в нашей памяти потенциально готовых к актуализации в сознании особых психических конструкций — моделей-репрезентаций всех предметов и явлений, с которыми мы встречались в своей жизни, их свойств и действий, ситуаций и граней реальности, их элементов и составных частей, оживляемых специфически подходящими к ним, как «ключ к замку», перцептивными впечатлениями. Это объясняет слова, сказанные А. Камю (1990):

> ...на протяжении веков мы понимали в нем (в мире. — *Авт.*) лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали... [с. 32].

В. Келер (2005) предлагает, например, взять ряд вертикальных параллельных прямых и несколько увеличить каждый второй просвет (рис. 11). Немедленно возникает «эффект группировки». Автор пишет:

> Насколько силен этот эффект, можно почувствовать, если попытаться сформировать другие группы так, чтобы любые две линии с большим расстоянием между ними образовали одну группу, а меньшее расстояние было бы между двумя группами. Вы почувствуете, что это требует специального усилия. Увидеть одну такую группу, может быть, достаточно легко, но сгруппировать весь ряд так, чтобы видеть все эти группы одновременно, мне, например, не по силам. Большинство людей никогда не смогут добиться, чтобы эти новые группы стали для них такими же ясными, устойчивыми и оптически реальными, как предыдущая группировка... [с. 249].

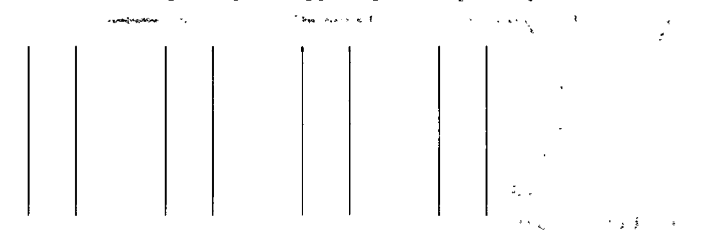

Рис. 11. Эффект группировки, показанный с помощью параллельных прямых

То, что подобные формируемые сознанием «группировки» воспринимаются как целостные объекты, обусловлено наличием в нашей памяти моделей-репрезентаций, ответственных за трансформацию воспринимаемого объекта в нечто известное и привычное, подобное, например, как в рассматриваемом случае, «фрагменту штакетника». Модели-репрезентации конкурируют между собой, в результате чего в сознании возникают разные образы восприятия одного и того же воспринимаемого элемента внешней реальности. «Принципы группировки», а точнее, особенности существующих у человека моделей-репрезентаций определяют восприятие не только прямых линий, о которых мы только что говорили, но и любых других предметов.

В. Келер (2005) продолжает:

> У нас нет причин считать, что принципы группировки, о которых было сказано... теряют силу, когда мы переходим от пятен и прямоугольников к трехмерным вещам. ...Непроизвольное и абстрактное мышление образует в моем зрительном поле группы пятен или прямоугольников. Я вижу их не менее реально, чем их цвет, черный, белый или красный. Пока мое зрительное поле остается неизменным, я почти не сомневаюсь, что принадлежит к какой-нибудь единице, а что нет (хотя этих единиц в действительности нет нигде, кроме сознания наблюдателя. — *Авт.*) [с. 252].

Образ «восприятия» некой воображаемой группы, которой на самом деле нет на рисунке, почему-то ничем не отличается от образа восприятия объектов, которые действительно там присутствуют. Объясняется данный факт тем, что у нас есть модели-репрезентации определенных объектов, которые актуализируются в сознании специфическими сенсорными впечатлениями. Это приводит к формированию у нас образов восприятия объектов, отсутствующих в реальности. Возникает вопрос: *насколько же мощное влияние на восприятие оказывают модели-репрезентации, если из-за них мы способны видеть на рисунке то, чего там не изображено вовсе?*

Когда мы смотрим на изображения черных фигур с особыми вырезами (рис. 12), в нашем сознании возникают наряду с ними образы белого треугольника, белого квадрата и белого круга. Таким образом, глядя на изображение черных фигур, мы видим еще и белые, которых на рисунке нет. *Что представляют собой эти белые фигуры: образы восприятия, образы представления или нечто иное?*

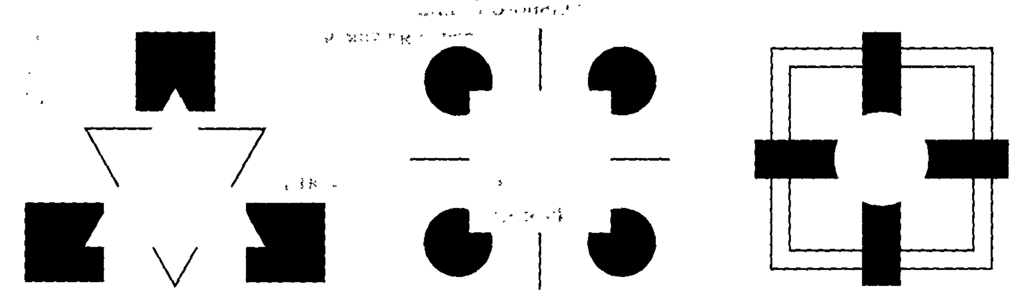

Рис. 12. Черные фигуры с особыми вырезами

Полагаю, что это образы представления хотя бы потому, что эти белые фигуры кажутся мне, например, даже более белыми, чем белая поверхность листа. Я вроде бы даже вижу границы белых фигур на фоне менее белого, как мне кажется, листа, то есть они мне все же представляются.

Итак, я практически «вижу» собственные образы представления. Из этого может следовать лишь одно: образы моего представления непосредственно участвуют в формировании того, что я считаю образом восприятия. Кстати, факт непосредственного участия образов представления в нашем восприятии, как я уже упоминал выше, многократно отмечался многими исследователями, начиная с Г. Гельмгольца (2002). Он же демонстрируется опытами с исчезающим краем поверхности, которые обсуждает Дж. Гибсон (1988) (см. разд. 1.9.1).

Существует множество феноменов восприятия: от восприятия ложного движения и иллюзий восприятия до искажения образов восприятия при наблюдении знакомого предмета через псевдоскоп[1], в которых проявляется мощное влияние образов воспоминания и представления на формирующиеся образы восприятия. Вероятно, во многих таких случаях мы имеем дело с возникающими чувственными образами, являющимися чем-то средним между образом представления и образом восприятия — своего рода «гибридными» образами. В рассматриваемом случае (см. рис. 12) они обязаны своим появлением моделям-репрезентациям известных мне геометрических фигур, образы представления-воспоминания которых были актуализированы сенсорными впечатлениями, вызванными восприятием вырезов в черных фигурах.

Особенно ярко возможности трансформации образа восприятия объекта его моделью-репрезентацией, существующей у наблюдателя, проявляются, например, при восприятии изображения лица через псевдоскоп. Е. Е. Соколова [2005, с. 234] пишет, что эксперименты с псевдоскопом демонстрируют факт построения образа, «не соответствующего актуальной чувственной ткани». А. Н. Леонтьев [1976, с. 23] указывает, что, если объекты просто переворачиваются или приближаются, это не нарушает привычных зрительных норм. Если же псевдоскопический эффект вступает в противоречие с этими нормами, возникает конфликт между предметностью образа восприятия и изменениями, вносимыми псевдоскопом в сетчаточные проекции.

В. И. Белопольский (2007) отмечает, ссылаясь на В. В. Столина:

> Когда псевдоскопический эффект, состоящий в обращении рельефа объектов, входит в противоречие с предметными нормами восприятия (имеющимися моделями-репрезентациями реальности. — *Авт.*), то происходят удивительные трансформации, причем всегда — в сторону придания сцене наибольшего правдоподобия, даже если для этого требуется существенная модификация сенсорного паттерна (В. В. Столин, 1976) [с. 28].

Наиболее известным эффектом, наблюдающимся при экспериментах с псевдоскопом, является отсутствие инверсии[2] человеческого лица, которая должна была бы возникать при наблюдении его через псевдоскоп. Б. Н. Компанейский (2002) пишет, что наблюдатели должны были бы видеть обратный рельеф лица с провалившимся носом, вогнутыми глазами и т. д. Однако этого не видят и не могут увидеть, даже если пытаются представить себе этот образ. Вогнутая маска человеческого лица тоже воспринимается выпуклой даже в том случае, когда наблюдатель одновременно смотрит и на вогнутую, и на выпуклую маски. Весь человеческий опыт противоречит подобной трансформации. В то же время

---

[1] Псевдоскоп — оптическое устройство, которое перемещает изображения, падающие на глаза, таким образом, что свет, который падал бы на сетчатку правого глаза, падает на сетчатку левого и наоборот [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 137].

[2] *Инверсия*. 1. ...любой процесс выворачивания изнутри наружу или переворачивания сверху вниз или результат такого процесса... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 308].

прочие объекты при наблюдении через псевдоскоп подвергаются реверсии[1]. При предъявлении через псевдоскоп предмета, имеющего неизвестную наблюдателю форму, тот воспринимался как инвертированный по глубине, то есть проявлялся эффект константности формы известных объектов.

Если через псевдоскоп показывался известный предмет, например выпуклая скульптура, то его форма оставалась неизменной. Лицо человека с закрытыми глазами, на которое был положен бумажный жгут, воспринималось как неправильной формы пузыри, поднимающиеся над желобами жгута. Если жгут случайно располагался посередине носа, то нос воспринимался как два провала среди рваных вздутий из человеческой кожи. Однако как только снимали жгут или человек открывал глаза, испытуемые начинали нормально воспринимать и само лицо. Знание, что объект должен восприниматься в «псевдоглубинных» отношениях, никому из испытуемых не помогло.

Интересные результаты получены в исследованиях с псевдоскопом, проведенных В. В. Столиным (1976), который пишет:

> ...предметные взаимодействия обнаружили такие свойства видимого предмета, которые никак не могли быть свойственны предмету реальному [с. 188].

Автор проводил опыты с разными предметами: с миской с жидкостью, конусом, слоником и карандашом и т. д. Возникающий у испытуемых образ восприятия всегда соответствовал известным им законам окружающего мира. Вода, которая, например, не может лежать на выпуклой поверхности, трансформировалась в пластмассу, желе или металл. При этом, как отмечает В. В. Столин (1976):

> ...картина очень реальная, она обладает «изумительной устойчивостью» — даже можно видеть (несуществующие сенсорно!) стенки «выреза в спине» (слоника. — *Авт.*). Порой картина эта меняется: слоник как бы становится сахарным и «подтаивает» в том месте, где сквозь него проходит карандаш [с. 191].

Очевидный разрыв между воспринимаемым предметом и образом восприятия, возникающим в процессе наблюдения предмета через псевдоскоп, свидетельствует о том, что сознание может создавать в качестве образа восприятия нечто относительно независимое даже от предмета, воспринимаемого другими наблюдателями или самим испытуемым, но без псевдоскопа. При восприятии лица через псевдоскоп в сознании наблюдателя возникает лишь типичная репрезентация привычного и неизменного (в отношении инверсии) объекта — лица. Это объясняется, видимо, тем, что модель-репрезентация человеческого лица не допускает никаких его инверсивных вариаций. Если же существующие в сознании наблюдателя модели-репрезентации допускают естественные вариации, подобные тем, что создает псевдоскоп, то образ восприятия объекта через псевдоскоп может стать реверсированным.

---

[1] Эффект обращения (реверсии) зрительных полей должен приводить к тому, что более близкие по отношению к наблюдателю объекты могут восприниматься как более удаленные и наоборот [А. Н. Гусев, 2007, с. 302].

Эксперименты с псевдоскопом заставляют задуматься над тем, что в образ восприятия привносится сознанием за счет прежнего опыта, а что обусловлено собственно актуальной ситуацией восприятия. Псевдоскопические феномены демонстрируют, что наше восприятие строит новый образ в соответствии с привычными представлениями даже в ущерб «объективной» картине реальности, сильно трансформируя пространственные характеристики воспринимаемых предметов и воспринимаемую ситуацию в целом в соответствии с некой привычной, а потому реальной для испытуемого моделью-репрезентацией аналогичных или сходных объектов и моделью-репрезентацией ситуации, исходно существующей в его сознании.

А. Д. Логвиненко (2002в) делает важный вывод и задает крамольный вопрос:

> ...информация, необходимая для построения адекватного предметного образа, может быть извлечена из сколь угодно сильно трансформированного сетчаточного изображения. ...А является ли вообще необходимым собственно сетчаточное изображение для построения адекватного зрительного образа? [С. 618.]

Мне представляется, что, безусловно, является, но часто в значительной степени лишь пусковым механизмом для актуализации в сознании типовой или эталонной модели-репрезентации. Результаты экспериментов с псевдоскопом ставят под сомнение базовые представления о механизмах формирования образа восприятия и вновь поднимают вопрос об участии в его формировании образов представления и воспоминания воспринимаемого объекта.

Х. Шиффман (2003) замечает, что:

> ...по мнению конструктивистов, наблюдатель играет активную роль в комбинировании, оценке и интерпретации пространственной информации, которую он получает от разных пространственных признаков. Иными словами, для того чтобы восприятие «состоялось», наблюдатель должен обработать информацию, полученную за счет различных пространственных признаков. Следовательно, в этом процессе участвуют и опыт наблюдателя, и его знания об окружающей обстановке. ...Мы «конструируем» зрительную обстановку исходя из нашей интерпретации множества пространственных связей между элементами, находящимися в поле нашего зрения (Hochberg, 1988; Rock, 1986, 1995). ...Представляется разумным согласиться с тем, что наше восприятие мира (по крайней мере отчасти) не является непосредственным, прямым восприятием, а конструируется нами... [с. 380–382].

По-видимому, образы восприятия — это гораздо более сложные, чем принято считать, психические феномены, состоящие из многих мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления. Такой подход далеко отстоит от привычных представлений о перцептивных образах как психических аналоговых моделях объектов, которые якобы соответствуют физически представленным в реальности объектам во всех их проявлениях и качествах.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) пишут:

> То обстоятельство, что процесс опознания требует наличия в психике какого-то образца, эталона, с которым производится сравнение и сопоставление, признается практически

> всеми исследователями. Расхождение заключается в понимании того, что собой представляет этот образец, каковы его отношения с объектами-оригиналами и как происходит процесс сличения. В психологии нет общепризнанной концепции распознавания объектов: существующие теории различаются и предметом обсуждения (что с чем сравнивается), и процессом (каким образом осуществляется сравнение) [с. 13].

Я бы добавил, что процесс восприятия включает в себя отнюдь не просто «сравнение и сопоставление» с эталоном, а участие элементов этого эталона в формировании того, что можно назвать «итоговым» образом восприятия, тем, который сохраняется в памяти. Модель-репрезентация и является «образцом, эталоном, с которым производится сравнение и сопоставление», который участвует в формировании образа восприятия. Можно сказать, что модель-репрезентация окружающей реальности не только непосредственно и непрерывно участвует в нашем восприятии, но и во многом формирует образ ее восприятия.

Исследователи [Э. Бехтель и А. Бехтель, 2005, с. 75] задают вопрос, который они называют одним из «проклятых» вопросов психологии: *каким образом субъект умудряется иметь так много эталонов или прототипов, которые позволяют ему производить опознание объекта практически при любом изменении условий восприятия?*

Дело, по-видимому, в том, что модель-репрезентация не только включает в себя бесчисленное множество «проекций» (в форме конкретных образов воспоминания) тех объектов реальности, с которыми человек сталкивался в процессе своей жизнедеятельности, но сознание способно достраивать на их основе образы представления тех «промежуточных» между имеющимися образами воспоминания проекций, которых даже пока нет в модели-репрезентации.

Именно модель-репрезентация известного объекта ответственна за «достраивание» его образа восприятия до «хорошей формы», о котором пишет, например, Е. Е. Соколова (2005), обсуждая открытый гештальтпсихологами фундаментальный закон восприятия — закон «прегнантности»,

> ...согласно которому наше перцептивное поле стремится к структурированию наиболее хорошим (при данных условиях), то есть простым, симметричным, экономным образом. Так, например, если на очень короткое время испытуемым предъявляют окружность с разрывом, испытуемые этого разрыва не замечают, достраивая воспринимаемое изображение до «хорошей формы» — целостной окружности. Это называется *завершением гештальта*... Закон стремления к «хорошей форме» лежит в основе и иных психических процессов, в частности мышления [с. 143].

В процессе восприятия незавершенной окружности сенсорные впечатления в первую очередь актуализируют в сознании модель-репрезентацию окружности. В результате чего незавершенные фигуры (рис. 13) достраиваются образами представления и воспоминания до окружности. При этом наблюдатель не анализирует того, что он действительно видит на рисунке, а что «как бы видит», но в действительности лишь представляет. Существенно то, что наблюдатель именно «видит», то есть сенсорно переживает, а не рационально понимает наличность воспринима-

емой окружности (см. рис. 13) или белых фигур (см. рис. 12), что говорит об участии визуальных образов представления в формировании его образов восприятия. В этой связи интересно замечание В. В. Любимова (2007):

> ...констатация отсутствия изменений в объекте при изменении условий восприятия не является сознательно полученным в результате целенаправленной, рациональной обработки информации выводом: отсутствие изменений в объекте восприятия при изменении условий наблюдатель ***видит непосредственно*** [с. 29].

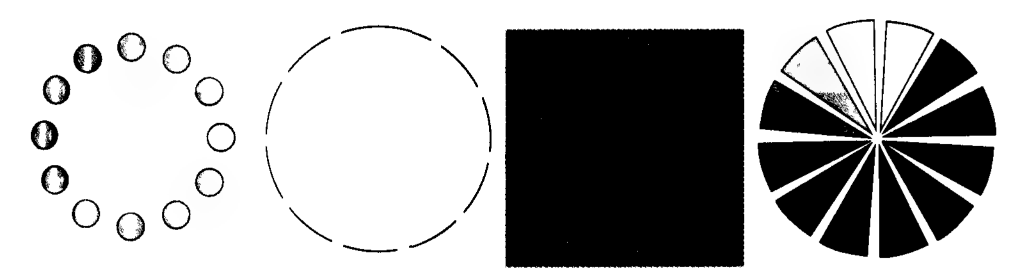

Рис. 13. Незавершенные фигуры достраиваются образами представления и воспоминания до окружности

Видит он их *непосредственно* также потому, что во всех случаях изменяющихся условий восприятия того же самого объекта все равно всегда актуализируется одна и та же модель-репрезентация этого объекта, которую наблюдатель и «видит» непосредственно.

В. М. Аллахвердов (2000) отмечает, что:

> ...в серии разнообразных экспериментов было показано, что при определении расстояния, на котором испытуемому предъявляется знакомый предмет, главную роль в присуждении расстояния играет ***знание*** величины предмета, а не реальная величина [с. 368].

Из этого следует, что модель-репрезентация известного предмета, существующая уже у наблюдателя к моменту нового восприятия этого предмета, играет важнейшую роль в формировании образа восприятия реальности в целом, включая репрезентацию величины воспринимаемых объектов и расстояния между ними.

Главным качеством психики является не ее способность создавать ощущения и даже образы, а ее способность создавать целостные модели-репрезентации окружающих человека сущностей, которыми сознание впоследствии может оперировать даже при отсутствии в данный момент в окружающем мире их физических референтов. Соответственно, главное предназначение образов воспоминания и представления — участие в формировании сенсорных моделей-репрезентаций окружающей реальности.

Роль моделей-репрезентаций в восприятии окружающего мира трудно переоценить, так как, во-первых, они «наполняют» окружающий мир чувственными сущностями. Во-вторых, именно они достраивают бесконечное множество часто

нечетких и неполных сенсорных впечатлений, превращая их в привычные образы восприятия предметов. Р. Л. Грегори (2003) утверждает, что:

> ...запасенные представления являются основным звеном всякой перцепции... [с. 151].

> В сущности, нашим органам чувств предметы доступны лишь в очень малой степени. Ведь ощущаются не предметы как таковые, а мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы, возникающие при легком контакте объекта с кожей руки, а иногда болевые уколы, оставляющие при слишком тесном соприкосновении с предметом вещественный след — царапину. Нашим ощущениям доступна лишь малая часть важных свойств объектов. Эти «важные свойства» суть свойства физические, благодаря которым вода сохраняет текучесть, мосты — неподвижность; «внутреннее устройство» воды и моста спрятаны от глаз. Если вдуматься, мы полагаемся главным образом как раз на такие свойства предметов, которые никогда не воздействовали на наши органы чувств непосредственно. ...Изучая тончайшие намеки на природу окружающих объектов, мы опознаем эти объекты и действуем, но не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько в согласии с тем, о чем мы догадываемся. Человек кладет книгу не на «темно-коричневое пятно», он кладет ее на стол. Догадка преобразует темно-коричневое пятно, ощущаемое глазами, или твердый край, ощущаемый пальцами, в стол — нечто более значащее, чем любое пятно или край. Темно-коричневое пятно пропадает, когда мы отворачиваемся, но мы уверены, что стол и книга находятся по-прежнему там же, где были [с. 11–12].

Р. Л. Грегори (2003) задает вопрос:

> Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях? [С. 13],

напоминая, что эту проблему поставил еще Беркли. *Как сознание репрезентирует нам целостные объекты, хотя мы воспринимаем лишь какие-то отрывочные сенсорные впечатления?*

Мне представляется, что убедительным ответом на этот вопрос будет ссылка все на ту же модель-репрезентацию воспринимаемого предмета, уже существующую исходно в нашей памяти к моменту очередного восприятия знакомого предмета.

Не «догадка преобразует темно-коричневое пятно или твердый край» в стол, а сенсорные впечатления актуализируют в сознании целостную конструкцию, в которой виденные ранее бесчисленные проекции и элементы уже сложены в известный нам объект — стол. Те самые «мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы... болевые уколы» и т. п. тоже актуализируют в нашем сознании константные психические конструкции — гештальты, репрезентирующие нам окружающий мир. Именно благодаря постоянным и тождественным самим себе моделям-репрезентациям окружающих предметов «мы уверены, что стол и книга находятся по-прежнему там же, где были». Поэтому мы и «действуем не столько в соответствии с тем, что ощущаем, сколько в согласии с тем, о чем догадываемся» [Р. Л. Грегори, 2003, с. 12].

В моделях-репрезентациях известных нам объектов — секрет мгновенно возникающих у нас при первом взгляде на незнакомого человека расположения

или неприязни к нему. Возникающие у нас образы восприятия нового для нас человека актуализируют существующие в нашей памяти чувственные модели-репрезентации других знакомых нам людей. Эти модели-репрезентации уже эмоционально окрашены в результате нашего прошлого взаимодействия с известными нам людьми. И эти эмоции актуализируются вместе с соответствующими моделями-репрезентациями. Поэтому нам сразу симпатичны люди, которые чем-то похожи на нас или наших близких. И несимпатичны люди, чем-то напоминающие тех людей, которых мы не любим. При этом часто мы не можем понять, чем именно нам не нравится незнакомец.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) спрашивают:

> Вернемся к приведенному выше примеру, когда восприятие дерева, дома и автомобиля привело к формированию соответствующих представлений (читай модели-репрезентации. — *Авт.*). Как в этом случае воспринимается другое дерево, другой дом и другой автомобиль? Формирует ли субъект при каждом восприятии новое представление (новую модель-репрезентацию. — *Авт.*)? Естественно, нет, смысл возникновения этого представления в том и состоит, чтобы использовать его для опознания при повторных восприятиях объекта [с. 139–140].

Все, однако, не так просто. И очень часто такие «представления» (модели-репрезентации) объектов все же формируются. Пример тому — существование в сознании разных моделей-репрезентаций многих деревьев разного вида и даже одного и того же вида, растущих на вашем земельном участке. Их сложно, но можно различить. Самое главное, каждое из них занимает свое собственное место в общей модели-репрезентации вашего участка, что делает каждую модель-репрезентацию дерева одного и того же вида уникальной в своем роде, то есть уникальной модель-репрезентацию конкретного объекта во многом делает расположение ее в структуре вашей общей модели-репрезентации окружающего мира.

1.7.10. Конкуренция моделей-репрезентаций

Р. Л. Грегори (2003) пишет:

> Глядя на «двусмысленные» картины, мы узнаем, что существуют конкурирующие гипотезы, ожидающие момента, когда они смогут выйти на авансцену [с. 44].

Ч. Осгуд (2002в) тоже обращает внимание на то, что воспринимаемые нами сущности могут конкурировать между собой в процессе восприятия:

> Посмотрите пристально в течение некоторого времени на фигуру из маленьких черных квадратов, изображенную на... (рис. 14. — *Авт.*): вы заметите постоянные изменения в ее организации — то горизонтальные, то вертикальные линии, то группы из четырех квадратов, то центральный крест. Мы здесь имеем двусмысленную ситуацию, в которой различные периферические (стимульные) и различные центральные (установка, значение и т. д.) факторы соревнуются в определении того, что будет воспринято. Впервые эта «шахматная доска» была описана

Шуманом (1900), который приписал флуктуацию перцептивной организации капризам внимания [с. 322].

Автор продолжает:

Любое сенсорное поле, если оно пристально рассматривается достаточно длительное время, начинает изменяться на наших глазах, обнаруживая свой действительно неоднозначный характер [с. 332].

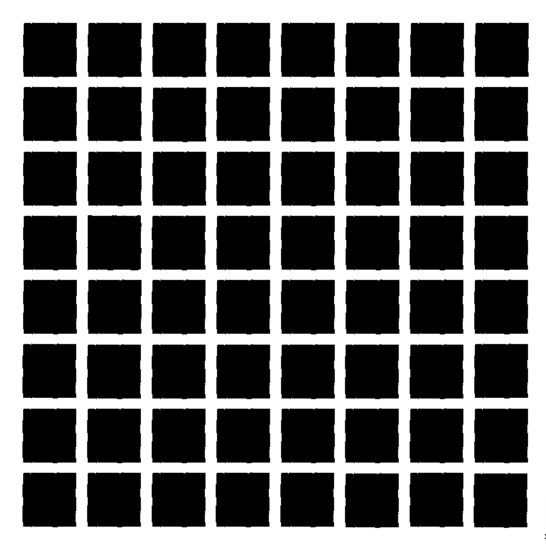

Рис. 14. Фигура из маленьких черных квадратов

О том же пишет Х. Шиффман (2003), предлагая всмотреться в изображение (рис. 15):

Вы на собственном опыте ощутите тенденцию к группированию его элементов в конкретные фигуры. Возможно, вы начнете видеть круги и линии, которые быстро возникают и так же быстро трансформируются в другие комбинации. Марр сказал об этом изображении: «Эта конфигурация преисполнена бурной активности — создается впечатление, что конкурирующие пространственные организации яростно борются друг с другом» [с. 278].

Чему же обязана своим появлением эта неопределенность нашего восприятия? И что это за «конкурирующие пространственные организации»? Почему один и тот же ряд зрительных впечатлений может актуализировать разные репрезентации предметов в нашем сознании?

Некоторые рисунки, такие, например, как силуэты молодой и старой женщин (рис. 16), силуэты молодого и старого мужчины (рис. 17), силуэты трех людей (рис. 18), силуэты юноши и дерева (рис. 19), силуэты осла и тюленя (рис. 20), куб Неккера (см. рис. 9) и т. д., при рассмотрении трансформируются то в один, то в другой объект. Это происходит потому, что они способны актуализировать в нашем сознании не один, а два «интенциональных объекта» (Ж.-П. Сартр) или две

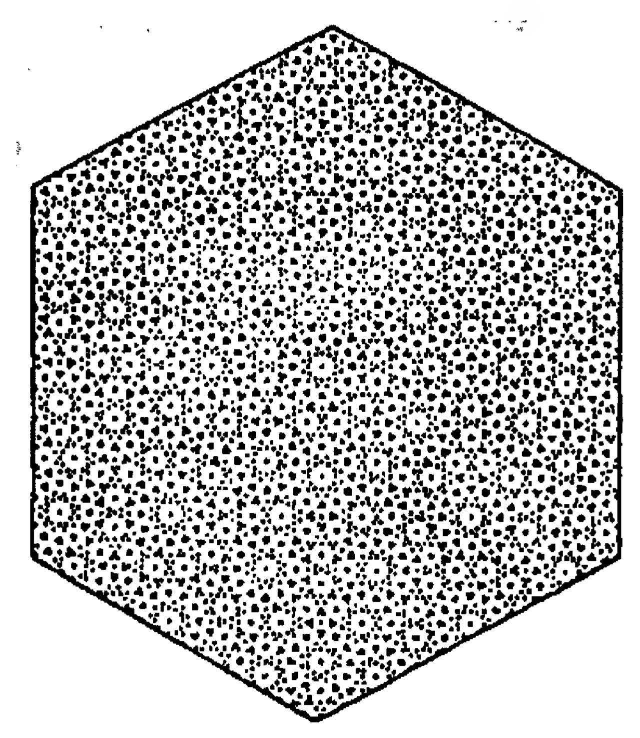

Рис. 15. Зрительный паттерн, демонстрирующий принцип изменчивости перцептивного гештальта по времени

модели-репрезентации двух разных объектов, которые конкурируют в сознании и поочередно сменяют друг друга. А. Д. Логвиненко (1987) пишет, обсуждая куб Неккера (см. рис. 9):

> ...это изображение порождает два различных образа, причем наблюдатель может произвольно переходить от одного образа к другому. Несмотря на имеющиеся у этих образов явные различия, у них есть и нечто общее, а именно их чувственная основа. Если воспользоваться терминологией созерцательно-сенсуалистической психологии, то можно сказать, что у этих образов один и тот же состав ощущений. Иначе говоря, одни и те же ощущения организованы в разные восприятия. Пример с кубом Неккера показывает, что в образе восприятия можно выделить как бы два плана — чувственный и предметный [с. 5].

Мне представляется, что здесь следует говорить о сходных сенсорных впечатлениях, которые в зависимости от того или иного акцента (создаваемого определенной установкой наблюдателя, концентрацией внимания на определенных частях объекта восприятия и др.) актуализируют в сознании воспринимающего разные модели-репрезентации. Изображенные выше объекты вызывают у наблюдателя очень похожие, но все же разные совокупности сенсорных впечатлений, которым соответствуют модели-репрезентации разных объектов реальности. При этом между альтернативными моделями начинается борьба за доминирование в сознании.

Рис. 16. Почтовая открытка. «Моя жена и моя теща». Начало XX в., Россия

Рис. 17. Я. Ботвиник. «Мой муж и мой свекор». Первая половина XX в., США

Рис. 18. Г. Фишер. «Мама, папа и дочь». 1968 г., США

Рис. 19. Двойное изображение (дерево и профиль юноши)

Рис. 20. Силуэт осла и тюленя

М. Коул и Сильвия Скрибнер (1977) отмечают, что результаты экспериментов Берри

> ...подтвердили предположение о том, что то, что видит человек, когда у него перед каждым глазом одна из двух конфликтующих между собой картинок, зависит от культуры; привычные для данной культуры картины испытуемые более часто видели раньше, чем непривычные [с. 103].

М. Мерло-Понти (1999) повторяет вопрос Koehler:

> ...почему в иллюзии Цельнера (рис. 21. - *Авт.*) так трудно сравнить сами прямые, как это предписывает задание? ...Чем объяснить то обстоятельство, что главные линии никак не отделяются от дополнительных? —

и пишет:

> Следовало бы признать, что главные линии, когда они дополнены другими линиями, перестают быть параллельными, что они утратили смысл параллельности, получили какой-то другой смысл, что дополнительные линии привносят в фигуру какое-то новое значение, которое ее повсюду сопровождает и не может быть от нее отделено [с. 64].

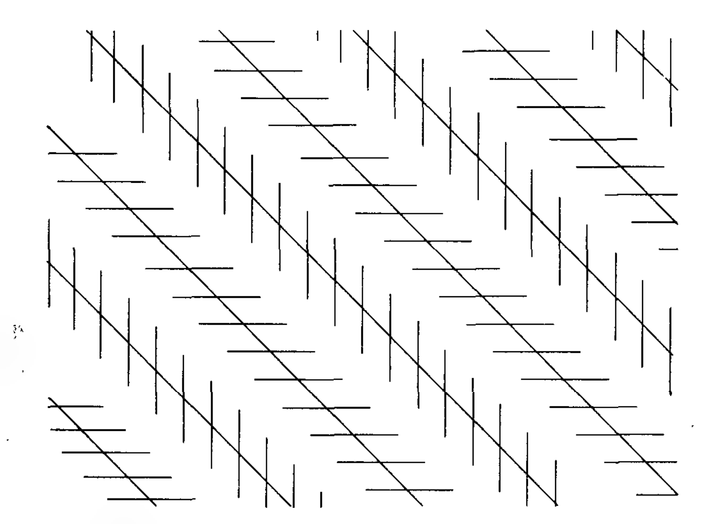

Рис. 21. Иллюзия Цельнера

Совершенно верно. Изолированные «главные параллельные линии» обычно актуализируют в сознании одну модель-репрезентацию. Присоединение же «дополнительных линий» актуализирует в сознании уже иную модель-репрезентацию. И в ней «главные линии» превращаются в совершенно иной фрагмент реальности, в котором они уже и не «главные», и совсем не обязательно параллельны исходно. Актуализирующаяся в связи с дополнительными линиями новая модель-репрезентация и определяет иной характер восприятия и утрату главными линиями параллельности. При этом иллюзии нашего восприятия не может уничтожить никакое наше вербальное знание.

Конкуренция моделей-репрезентаций в некоторых других объектах — рисунках невероятных фигур (рис. 22) приводит в конечном счете к тому, что сознание просто

не может построить адекватный образ их восприятия и вовсе не в состоянии их воспринять как целостные фигуры. В результате у нас не возникает завершенного устойчивого образа восприятия.

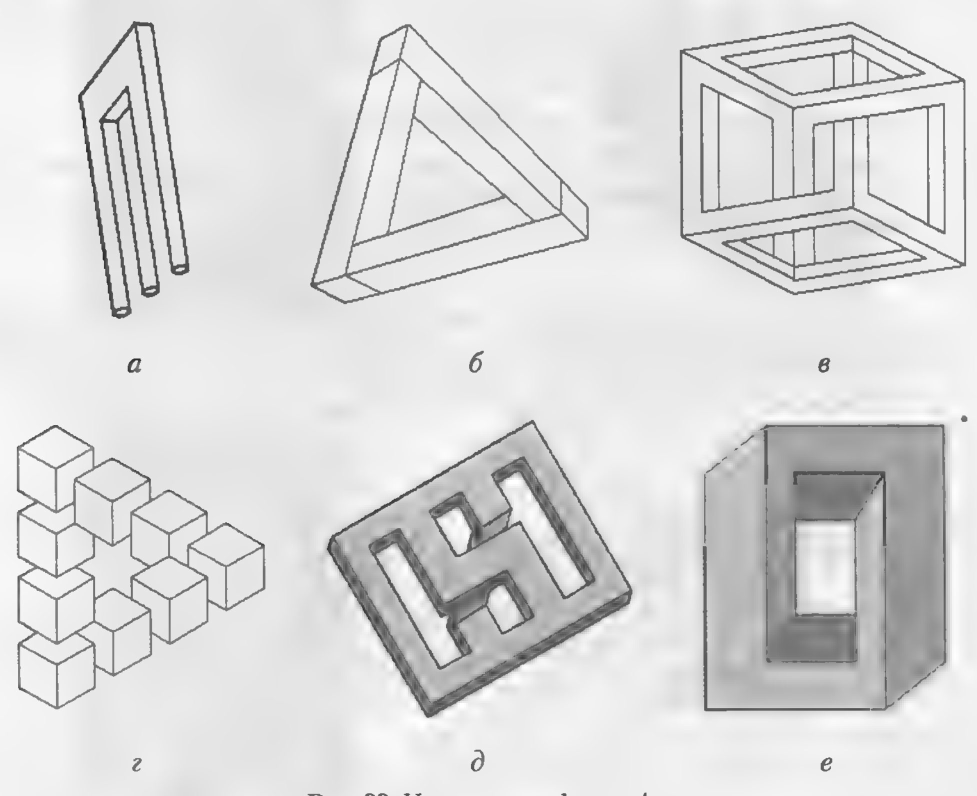

Рис. 22. Невероятные фигуры[1]

Мы не можем воспринять ни одну из этих фигур как целостную, потому что одна их часть, моделируемая одной моделью-репрезентацией, не соответствует другой их части, моделируемой другой моделью-репрезентацией, и сознание не в состоянии объединить эти части в один объект.

1.7.11. Феноменология модели-репрезентации

В качестве чувственных репрезентаций предмета исследователи обычно рассматривают вызываемые им ощущения и образы его восприятия, воспоминания и представления. Такой подход не учитывает главной и важнейшей репрезентации,

---

[1] Фигуры: а — трезубец (впервые иллюзия была опубликована в журнале «Mad» в 1965 году (художник Норман Минго); б — треугольник Р. Пенроуза (Roger Penrose, 1954); в — куб Эшера; г–е — невозможные фигуры О. Реутерсварда.

которая, собственно, и создает в нашем сознании предмет как таковой, которая целиком определяет важность и эффективность сенсорного уровня моделирования. Это то, что я называю *моделью-репрезентацией*.

Являющиеся гештальтами психические модели-репрезентации объектов, явлений, свойств и действий играют решающую роль как в процессах восприятия реальности, так и в процессах прогнозирования ее возможных изменений. Они представляют собой уже не просто образы воспоминания или представления и даже не последовательности соответствующих образов, а нечто принципиально иное. Нечто намного большее — то, что мы и считаем воспринимаемыми объектами и разными другими сущностями физической реальности, то, чем сознание способно манипулировать даже при отсутствии соответствующих физических сущностей в воспринимаемой окружающей реальности. Модели-репрезентации являются центральными фигурами среди таких более простых психических явлений, как образы представления и воспоминания.

Модель-репрезентация окружающей реальности полимодальна, хотя в ней обычно преобладают визуальные образы. Новые визуальные перцептивные впечатления актуализируют в сознании входящие в модель-репрезентацию окружающего мира образы представления и воспоминания той же и других модальностей. Например, когда я нахожусь в одной из комнат своего дома, мое восприятие ограничено ее стенами. Тем не менее, воспринимая лишь их, я вспоминаю и представляю себе то, что находится за ними. Звуки, которые я слышу, актуализируют у меня образы представления известных мне людей, передвигающихся и делающих за стенами определенные действия, которые я узнаю. Например, ставящих на плиту чайник или включающих воду в ванной комнате, проходящих и открывающих окно или дверь и т. д. Звук хлопающей двери и специфический лай собаки немедленно актуализируют образ дочери, вышедшей из дома, и радостно прыгающей вокруг нее собаки.

Для того чтобы понять, что же все-таки такое модель-репрезентация феноменологически, попробуйте вспомнить, например, знакомого человека и задуматься о том, в каком виде он вам явился. Скорее всего, это — визуальные образы и/или имя. У меня, например, при такой попытке возникают, сменяя друг друга, последовательности кратковременных (хочется сказать «мгновенных») стертых и нечетких зрительных образов воспоминания-представления, сопровождающихся именем знакомого. *Как имя, будучи само по себе неопределенным и обозначая очень многих известных нам людей с тем же именем, репрезентирует в данном случае совершенно конкретного человека?*

Интроспекция позволяет заключить, что неопределенное само по себе имя человека является репрезентацией конкретного знакомого человека не само по себе, а лишь потому, что входит в определенную модель-репрезентацию. В ее рамках оно тесно связано с другими психическими явлениями, а сама эта модель-репрезентация занимает строго определенное место в глобальной модели-репрезентации окружающей реальности. Актуализировавшаяся в моем сознании модель-репрезентация непрерывно или почти непрерывно репрезентирует мне моего знакомого, и я замечаю, что постоянно о нем помню уже на протяжении достаточно длительного времени.

Пытаясь обнаружить в своем сознании то, что репрезентирует мне его, я ловлю себя на том, что четко не помню сейчас его лица и только пытаюсь вспомнить, хотя и помню все время о самом знакомом. Следовательно, знакомого репрезентируют в моем сознании не образы воспоминания его лица и вроде бы даже не его

имя, а что-то иное, трудноопределяемое. «Поток» представлений и воспоминаний, возникающих в моем сознании, состоит из кратковременных калейдоскопически меняющихся образов, большинство из которых, однако, не репрезентируют прямо моего знакомого, хотя многие из них как-то с ним ассоциированы и имеют к нему какое-то отношение.

Внезапно возникает, как «вспышка» [см.: У. Найссер, А. Хаймен, 2005, с. 95], и исчезает зрительный образ воспоминания-представления, который затем уже невозможно повторно вызвать в сознании. Тем не менее именно этот образ, а не множество других, как-то связанных с моим знакомым, возникавших в рамках задачи «вспомнить его лицо», узнается мной как нужный образ искомого человека. Образ появился «как картинка во вспышке молнии» и немедленно исчез, оставив после себя особое ощущение того, что найдено искомое. Это специфическое ощущение можно выразить словами «вот он».

Подобные «точные», но уже иные кратковременные образы — «вспышки» знакомого могут вновь повторяться на протяжении времени поиска в памяти нужного мне объекта. Все это время «течение потока» кратковременных образов, как и все их содержание, «сохраняло тему», удерживалось произвольным усилием сознания в «русле поиска», выполнявшего заданную задачу. Я ловлю себя на том, что теперь искомый объект удерживается в сознании и задается как «тема поиска» собственным именем моего знакомого. Причем это не просто имя, а имя, явно связанное с тем, что является для меня его чувственным значением — моделью-репрезентацией знакомого. Тем самым оно радикально отличается от другого такого же имени (вообще).

В процессе интроспекции обнаруживается еще одно немаловажное обстоятельство: воспоминание о другом знакомом, всплывающее в сознании в виде стертого кратковременного образа, возникает у меня будучи связанным со стертым зрительным образом улицы, на которой стоят по соседству наши дома. И имя знакомого, как и его полустертый образ, жестко ассоциировано с определенным домом на этой улице и с образами других соседей.

Неясный образ соседской собаки всплывает тоже не сам по себе, а в структуре образа соседского участка. В то время как другой похожий образ собаки той же породы возникает вместе с воспоминанием об улице, на которой я видел недавно эту незнакомую собаку. Сами по себе субъективно неразличимые для меня полустертые образы собак определенной породы, не имеющие специфических отличительных черт, становятся для меня репрезентациями конкретных объектов, лишь возникая в структуре моделей-репрезентаций больших фрагментов реальности или в рамках определенного контекста. Модели-репрезентации конкретных объектов имеют жестко фиксированное место в структуре более крупных моделей-репрезентаций окружающей реальности и хранятся в памяти, как матрешки — друг в друге.

Порой бывает достаточно трудно дать себе отчет в том, что же именно, возникнув в сознании, актуализировало конкретную модель-репрезентацию. Это вроде и не образ объекта, и не имя, обозначающее его, а скорее место ее локализации среди прочих моделей-репрезентаций в более общей модели-репрезентации. Тут возникает метафорический образ комода из мультфильма или библиотечного каталога с множеством ящиков, которые спонтанно и самостоятельно выдвигаются и вновь

встают на место. Выделить конкретную модель-репрезентацию определенного предмета среди прочих сознанию позволяет не образ представления репрезентируемого предмета, не «ярлычок» – понятие, обозначающее предмет, а само место нахождения модели-репрезентации среди прочих, определенный «ящик комода». Последний жестко соответствует месту предмета среди прочих предметов в окружающей физической реальности.

Вероятно, в том числе и поэтому многие исследователи порой затрудняются четко определить, что представляют собой их мысли: образы, понятия или что-то еще. И часто склоняются к этому третьему. Однако нельзя сказать, что это «третье» действительно феноменологически представляет собой нечто отличное от образов и понятий. Это все те же образы, но достаточно трудно вербализуемые в силу своей сложности, символичности, а самое главное – кратковременности своего существования, что обусловливает нередкую их непонятность субъекту. Часто они отрывочны и даже вроде бы и не имеют непосредственного отношения к рассматриваемому сознанием предмету, а потому тем более непонятны. Важную роль играет то, что образы воспоминания и представления всегда мимолетны и чрезвычайно быстро сменяют друг друга. Многие из них не являются репрезентациями рассматриваемого в данный момент сознанием объекта вовсе. Многие имеют к нему отношение лишь постольку, поскольку входят в более общую модель-репрезентацию, включающую в себя репрезентируемый объект как свой элемент, занимающий в ней жестко фиксированное место.

Модель-репрезентация рассматриваемого предмета существует в сознании как некая психическая сущность, некое знание о предмете и его окружении, наконец, как сам этот предмет. Каждая модель-репрезентация предмета занимает определенный «объем» в нашей глобальной модели-репрезентации реальности, нашей внутренней «картине мира». Порой именно актуализация в сознании глобальной модели-репрезентации с «пустым местом», которое должна занимать репрезентация забытого объекта, то есть соседних с ней моделей-репрезентаций других окружающих ее объектов, обусловливает актуализацию в сознании модели-репрезентации забытого объекта. Все это дополнительно усложняет понимание сущности возникающих в нашем сознании явлений и затрудняет их классификацию исследователями.

Как я уже отмечал выше, модель-репрезентация – это не нечто существующее в сознании целиком в настоящий момент времени, как мгновенный образ восприятия, например. Она представляет собой устойчивую совокупность бесконечного множества кратковременных образов воспоминания и представления, репрезентирующих «нечто». В каждый следующий момент она проявляется в сознании разными своими элементами: мимолетными образами воспоминания и представления, в которых представлен лишь тот или иной элемент репрезентируемого объекта, либо его внутренняя структура, либо его связи с другими объектами, либо этапы его возможных трансформаций и т. д. Модель-репрезентация развертывается и существует во времени. Она громоздка и сложна, поэтому не может появиться в сознании сразу и целиком в силу ограниченности объема сознания. Тем не менее даже отдельные возникающие в сознании ее элементы ассоциированы со всем ее содержанием и выступают как нечто большее, чем эти изолированные фрагменты, полноценно представляя ее в целом.

Образы, составляющие модель-репрезентацию, соотносятся с ней не просто как части и целое, складывающееся из множества этих частей. В модели-репрезентации появляется еще что-то сверх того. Как организм не есть сумма его частей, так и модель-репрезентация — не сумма входящего в него множества ощущений, образов представления и воспоминания разной модальности. Ее элементы выступают как части некой целостности, гештальта, имеющие поэтому какое-то дополнительное качество, которое крайне сложно феноменологически определить. Заключается оно в том, что любая часть модели-репрезентации полноценно представляет ее в сознании целиком как строго определенную сущность, то есть полноценно репрезентирует объект.

Модели-репрезентации присутствуют в сознании как самостоятельные, отличные от других, сложные психические явления, существующие в сознании наряду с множеством более простых явлений: отдельных образов, ощущений и понятий. Каждая модель-репрезентация — не просто устойчивая совокупность множества ощущений, образов воспоминания и представления, не просто самостоятельный сложный психический феномен, но и особая репрезентация той или иной сущности внешней или внутренней реальности, способная после своего возникновения к самостоятельному, независимому от этой реальности бытию и даже развитию, и изменению, что принципиально важно. Этим возникшим внутренним объектом мы можем манипулировать. Этот объект относительно независим от соответствующей ему части «реальности в себе».

Наше сознание способно создавать иные реальности и легко трансформировать модели-репрезентации реальных объектов, заставляя их изменяться в вымышленной реальности не так, как, например, их физические прототипы менялись бы в реальности физической. Мы можем, например, мысленно заставить бомбу, взорвавшуюся в Хиросиме, упасть в океан или вовсе не взрываться. Оживить последнего российского императора или Пушкина и мысленно заставить их действовать иначе, чтобы избежать смерти. Я говорю об этом не потому, что сомневаюсь в определяющей значимости для нас именно физических трансформаций объектов, а лишь для того, чтобы показать самодостаточность и относительную независимость наших моделей-репрезентаций от объектов-референтов.

Модели-репрезентации являются психическими объектами, с которыми манипулирует наше сознание, основными его содержательными единицами, имеющими для него ясный смысл. Сознание создает модели-репрезентации разных сущностей: и реальных, и тех, которые могут в том числе репрезентировать объекты, отсутствующие в воспринимаемом нами мире или даже вообще в физической реальности. Поэтому модели-репрезентации окружающих нас физических объектов соседствуют в нашем сознании с моделями-репрезентациями фантастических объектов, созданных человеческим сознанием. При этом сознание легко различает по каким-то не вполне ясным феноменологически признакам модели-репрезентации реальных и вымышленных сущностей. Хотя во втором случае правильнее было бы говорить не о моделях-репрезентациях, а лишь о психических конструкциях, репрезентирующих некие сущности.

Модель-репрезентацию в отличие от образов воспоминания и представления предмета следует рассматривать как сенсорную модель следующего уровня

сложности. Именно с появлением моделей этого уровня сознание начинает конституировать в окружающей реальности чувственно явленные ему сущности. Только с появлением моделей-репрезентаций появляются в чувственном виде и приобретают понятное для человека значение предметы окружающего мира. Мир на чувственном уровне становится для человека «вещным» и в определенном смысле понятным.

Модели-репрезентации всегда представлены в сознании в развитии, так как они репрезентируют постоянно меняющуюся реальность, а потому и сами постоянно меняются. Модели-репрезентации объектов поэтому непрерывно трансформируются, как бы «текут», репрезентируя объекты в динамике их изменения. Изменения эти обусловлены движениями наблюдателя, самих объектов, других окружающих их объектов, внутренними трансформациями объектов и т. д. Модель-репрезентация объекта постоянно и легко достраивается сознанием, которое здесь удобнее всего представить метафорически в виде чертежника, способного вообразить видимую ему лишь в трех проекциях деталь в любой иной проекции и изобразить эту новую проекцию на бумаге.

Для того чтобы модель-репрезентация была актуализирована в сознании, достаточно появления в нем перцептивных сенсорных впечатлений, лишь ассоциированных с ее элементами. В процессе восприятия каждая конкретная модель-репрезентация актуализируется в сознании специфическим «набором» «своих» сенсорных впечатлений, которые, по-видимому, выступают в роли «ключа», открывающего «замок» определенного вида. Даже если они (сенсорные впечатления) в следующий раз несколько иные, чем были прежде, но в чем-то специфичны, они способны «открыть» тот же «замок».

Наличие устойчивых моделей-репрезентаций объясняет ряд известных иллюзий восприятия. Например, образ восприятия двух и более сходящихся прямых (рис. 23 и 24), пересекаемых равными прямыми отрезками (иллюзия Понцо), актуализирует в сознании модель-репрезентацию параллельных прямых, относящихся к уходящей от наблюдателя вдаль железной дороге, шоссе и т. п. Поэтому один из равных прямых отрезков, расположенный ближе к сходящимся концам прямых линий, воспринимается как удаленный от наблюдателя, а потому больший, так как в модели-репрезентации рельсовых путей и равных между собой шпал, например, удаленная шпала выглядит меньше предыдущей.

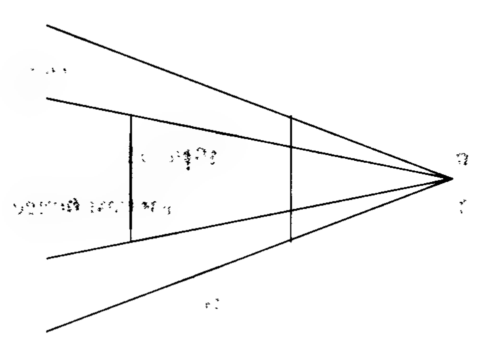

Рис. 23. Иллюзия Понцо (пример 1)

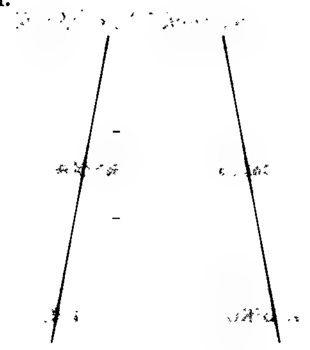

Рис. 24. Иллюзия Понцо (пример 2)

Модели-репрезентации элементов привычных окружающих нас объектов, например частей помещений, аналогичным образом влияют на восприятие одинаковых параллельных прямых в иллюзиях Мюллера-Лайера (рис. 25). Равные по высоте отрезки кажутся разными, так как один выглядит как наружный угол выдвинутого в сторону наблюдателя дома, тогда как другой — как внутренний угол комнаты, удаленный от наблюдателя.

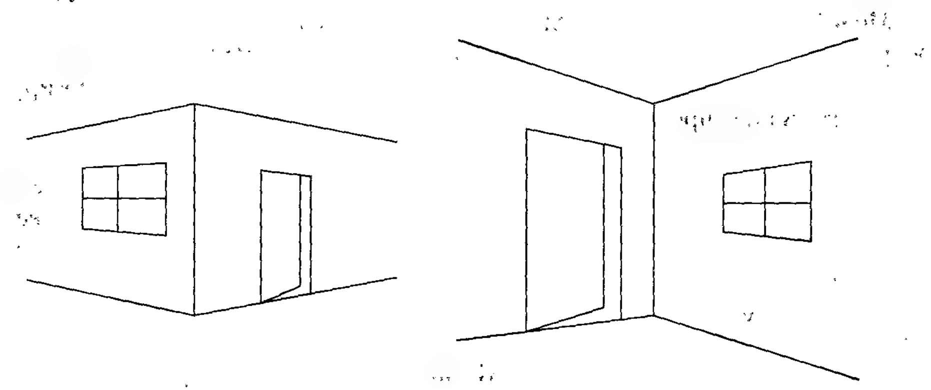

Рис. 25. Иллюзия Мюллера-Лайера

Актуализация в сознании определенной модели-репрезентации нередко сопровождается появлением ассоциированных с данным объектом эмоций и даже желаний. Например, актуализация модели-репрезентации близкого человека обязательно сопровождается теплыми чувствами по отношению к нему, переживаниями тревоги или радости за него, желанием побыстрее увидеться с ним и т. д., то есть модель-репрезентация объекта включает в себя эмоции и мотивы, вызываемые данным объектом у человека. Это не исключает того, что эмоции и желания, входящие в модель-репрезентацию конкретного объекта, изменяются со временем, как изменяется и сама модель-репрезентация объекта в целом. Например, тот, кого мы когда-то любили, может стать со временем нам безразличен.

С эмоциональной составляющей модели-репрезентации объекта (или иной сущности) связано такое их специфическое феноменальное качество, как ценность для человека. К. Юнг (1998) пишет:

> Благодаря тональности чувства мы узнаем о ценности вещи. Например, чувство может показать, нравится ли вам данная вещь или нет. Иначе говоря, оно показывает, чего эта вещь для вас стоит. Без определенной чувственной реакции невозможно воспринять ни одного явления. У вас всегда есть определенный чувственный настрой, который можно даже обнаружить экспериментальным путем [с. 19].

Субъективная ценность присуща всем перцептивным моделям и тем более моделям-репрезентациям. Она выражается в предпочтительности предмета, репрезентируемого сенсорной моделью, для конкретного субъекта в конкретный момент и в количестве усилий, которые субъект готов затратить на получение данного объекта, сохранение его у/для себя и поддержание его должного состояния. Модели-репрезентации представляют в сознании также особые объекты,

вызывающие самые живые и бурные эмоции у человека. Это, например, касается моделей-репрезентаций близких нам людей. Как пишет У. Джеймс (2000):

> ...когда они умирают, исчезает часть нас самих, нам стыдно за их дурные поступки. Если кто-нибудь обидел их, негодование вспыхивает в нас тотчас, как будто бы мы сами стали на их место [с. 22].

К таким объектам он относит родной дом, «вызывающий в нас нежнейшее чувство привязанности», «произведения нашего кровного труда», те объекты, которых мы долго добивались и, наконец, получили, даже идеальные объекты, такие, как, например, наше доброе имя, наш авторитет среди окружающих людей и их уважение [там же]. Наши ценности, как видим, не исчерпываются моделями-репрезентациями физических объектов. Ценностями могут являться сущности, репрезентируемые понятиями и даже конструкциями из понятий: *социальный статус, авторитет, любовь близких* и т. д.

1.7.12. Невизуальная часть модели-репрезентации предмета

Р. Л. Грегори [1970, с. 9–10] тонко замечает, что когда мы глядим на осеннюю воду в пруду, то воспринимаем ее жидкой и холодной, а когда смотрим через витринное стекло на дымящуюся чашку кофе, видим его горячим и ароматным. Это происходит исключительно потому, что отдельные сенсорные впечатления всякий раз актуализируют в нашем сознании имеющуюся в нашей памяти целостную модель-репрезентацию данного предмета, явления, ситуации и т. д. Осенняя вода в пруду включена в глобальную модель-репрезентацию осеннего парка, а чашка кофе — в модель-репрезентацию приятного отдыха с кофе.

Полимодальность модели-репрезентации — это не просто механическое соединение разных по модальности образов объекта и ощущений. Это их своеобразный сплав, так как модели разной модальности взаимно влияют друг на друга, меняя друг друга. А. Гелен (1988), например, так говорит об этом:

> ...зрительное восприятие перенимает опыт осязательного восприятия, то есть все больше исключает руку как орган познания, в то время как оптическое поле насыщено опытным знанием тяжести, консистенции, материальной структуры, вещей и т. д. То есть становится *видимой практическая* ценность вещи. Символика зрительного восприятия содержит в конечном итоге в первую очередь указания относительно действительных и возможных *обиходных качеств* вещей. Но тем самым движение и действие внушаются чисто оптически, то есть без всякого труда [с. 179].

Сказанное автором обусловлено тем, что модель-репрезентация объекта включает в себя сенсорные образы и ощущения разных модальностей, и актуализация, например, зрительной составляющей приводит естественным образом к актуализации всех прочих составляющих этой модели. Соответственно, мы не просто видим воду в осеннем пруду, но и одновременно представляем вызываемые ею ощущения холода в нашей руке, ее сопротивление руке и протекание сквозь

пальцы при попытке ее зачерпнуть. Мы не просто видим дымящийся кофе, но и одновременно вспоминаем его вкус, обжигающий губы жар и специфический аромат. Опыт взаимодействия человека с окружающим миром, а также чужой опыт, интериоризированный им из объективной психической реальности[1], трансформируют субъективную модель-репрезентацию объекта и сильно влияют на возникающие в последующем образы восприятия соответствующих предметов. В этой связи А. Гелен (1988) говорит:

> ...поле восприятия стало в значительной мере символическим... в ходе развития собственных движений человека. Например, блики, тени, орнамент на каком-нибудь предмете, допустим чашке, мы обыкновенно отчасти вообще не замечаем, отчасти же с их помощью восприятие указывает на пространственные и образные представления, и тем самым косвенно у него «имеются» оборотные стороны предметов и внеположные нам части пространства. ...Материальная структура («тонкий фарфор») и вес видятся целиком, но... иным образом, чем выступающий на переднем плане характер «сосуда», то есть полого и круглого, и опять-таки иным образом даны оптические даты, например, ручка или «удобное для руки» место всей формы внушают определенные привычные движения. Все эти даты глаз охватывает *одним* взглядом [с. 184–185].

То, что «материальная структура (“тонкий фарфор”) и вес видятся целиком, но... иным образом, чем выступающий на переднем плане характер “сосуда”», обусловлено именно наличием целостной модели-репрезентации как воспринимаемого уже знакомого предмета, так и других известных воспринимающему окружающих объектов. Только благодаря ей у предметов появляются те самые не воспринимаемые сейчас непосредственно «оборотные стороны и внеположные нам части».

А. Гелен (1988) подчеркивает наличие плохо понимаемых нами связей между элементами и частями визуального образа объекта и актуализированных ими воспоминаний о кинестетических, тактильных, проприоцептивных и других ощущениях:

> ...значения в оптическом поле суть воплощение прежних, реально совершавшихся движений, например, когда мы вместе с дверной ручкой *видим* нарисованный на ней указатель «повернуть вниз». Сами эти значения представляют собой точки опоры и вехи для ориентации потенциальных движений, которые сразу отправляются от этих символов и, руководствуясь ими, направляют или тормозят реальное движение. Итак, *богатство обозначений в оптическом поле связано с возрастающим перевесом потенциальных движений и, следовательно, переходом реальных пробных движений в движение направляемое и планируемое* [с. 187].

Наличие модели-репрезентации приводит к тому, что визуальный образ ручки и двери в целом актуализирует у воспринимающего воспоминания о разнообразных ощущениях, возникавших в его теле в прошлом в процессе его многочисленных взаимодействий с этой и аналогичными дверями на разных этапах его движения и движений двери по отношению к нему. Это позволяет человеку, восприняв визуальный образ закрытой двери, мгновенно представить себе и зрительный образ открывающейся двери, включающий поворачивающуюся ручку с указателем на ней,

[1] Объективная психическая реальность — см. примечание (4), а также: С. Э. Поляков, 2004.

и ощущения движения собственного тела, нажимающего на ручку, и визуальные образы движения тела, и ощущения прикосновения и сопротивление ручки давлению, и возможные звуки скрипа петель двери и щелчка защелки замка, наконец, образы этой движущейся защелки и вращающихся петель и многое другое. Следовательно, модель-репрезентация предмета — это не что-то статичное вроде совокупности картинок, а текущее полимодальное множество репрезентаций, представляющее в сознании не просто статичный объект, но объект, меняющийся в процессе своего взаимодействия с телом человека, и меняющееся в процессе этого взаимодействия тело человека, то есть она включает в себя (или по крайней мере тесно ассоциирована) модель-репрезентацию самого человека, имеющего опыт взаимодействия с данным объектом. Модель-репрезентация предмета содержит в себе знание не только о процессе взаимодействия человека и данного предмета, но и о результате этого взаимодействия. О том же говорил еще епископ Д. Беркли (2000):

> Мы не можем открыть наших глаз без того, чтобы идеи расстояния, тел и осязаемых форм не внушались ими. Столь быстр, внезапен и неощутим переход от видимых идей к осязаемым (а я добавил бы, что и к собственно вербальным идеям, связанным со всеми ими. — *Авт.*), что мы с трудом можем избегнуть, чтобы не мыслить и те, и другие (и третьи. — *Авт.*) одинаково непосредственным объектом зрения [с. 85–86].

Модели-репрезентации объектов чаще и преимущественно складываются из визуальных образов их воспоминания и представления, но могут складываться и из других образов и ощущений, например тактильных. Так, Р. Л. Грегори (1970) описывает больного, которому в 52 года вернули зрение. Когда ему показали токарный станок, инструмент, о котором больной раньше мечтал, тот в течение минуты нетерпеливо ощупывал станок с закрытыми глазами, затем отступил назад, открыл глаза, пристально посмотрел на станок и сказал: «Теперь, когда я его ощупал, я его вижу». Иными словами, для того чтобы «увидеть», а точнее, мысленно представить, в данном случае тактильно, объект и опознать его, больному оказалось недостаточно визуальных образов. Ему пришлось вновь актуализировать в сознании привычную модель-репрезентацию, состоявшую у него преимущественно из тактильных образов и кинестетических ощущений.

Модель-репрезентация подразумевает наличие целостности в многообразии разномодальных чувственных репрезентаций объекта. Э. Страус (2001) пишет:

> Они (сенсорные впечатления. — *Авт.*) не проникают друг в друга, не накладываются; в единстве они остаются раздельными. Цвет остается цветом, а твердость — твердостью. Цветная вещь, которую я вижу и до которой дотрагиваюсь, — это одна и та же вещь. Я касаюсь вещи, а не цвета. Я беру карандаш, а не желтый цвет. Эти аспекты объединяет *что*, которое может одновременно показываться в разных вещах, но полностью — ни в одной из них, следовательно, *что* позволяет и требует определенного дополнения [с. 268].

Эта цитата ставит перед нами ряд важных проблем. Во-первых, наши сенсорные модели моделируют не свойства, а объект в этих свойствах через эти свойства. Во-вторых, один и тот же объект, например карандаш, может репрезентироваться разными сенсорными моделями. Следовательно, в сенсорных моделях разных модальностей есть нечто общее, улавливаемое как-то нашим сознанием, несмотря

на радикальные различия, имеющиеся между мономодальными моделями одного и того же предмета. Собственно, модели эти разным путем моделируют одну сущность — объект.

Это чувственное общее затем на другом (вербальном) уровне фиксируется сознанием с помощью новой, уже символической модели — понятия объекта. В данном случае — понятия *карандаш*. Но и на сенсорном уровне можно выделить это *общее*, присущее модели-репрезентации как гештальту и заключающееся в ее *предметности, вещественности* или *объектности*. Феноменологически общее, или «что», представлено в сознании на чувственном уровне полимодальной, но целостной моделью-репрезентацией, которая преподносит наблюдателю объект в качестве особой *вещи*. Поэтому полимодальная модель-репрезентация — это уже сенсорное предпонятие, репрезентирующее моделируемый ею объект.

Существование в сознании полимодальной модели-репрезентации объекта дает ответ на следующий вопрос Э. Страуса (2001):

> ...как понять единство ощущений, не отрицая при этом их различий? [С. 268.]

Понять его можно через возникшую в сознании новую самостоятельную психическую сущность — модель-репрезентацию объекта, которая может существовать в разных своих проявлениях — ассоциированных между собой мономодальных моделях этого объекта.

Э. Страус (2001) продолжает:

> Теория Аристотеля об aisthesis koine (общее чувство) открывает общее *нечто*, так как объект может быть одинаково хорошо определен несколькими чувствами. Поскольку определяющий признак может существовать только в рамках одной модальности, то каждая сфера является неполной и нуждается в дополнении; она представляет *другого* только с одной его стороны и требует дальнейшей доработки. *Другой* является общим для всех чувств, в то же время каждое из чувств воспринимает его особым образом. Фактически отдельное чувство не воспринимает, это делает человек с помощью одного или нескольких чувств [с. 268].

И делает он это благодаря модели-репрезентации, которая конституирует объект в его сознании.

Именно существование полимодальных моделей-репрезентаций приводит к ошибочным представлениям о наличии, например, вкусовых и обонятельных образов, о которых пишут некоторые авторы [см., например: А. Ребер, 2001, с. 531]. Мне представляется, впрочем, что о тактильных образах (исключая, однако, осязательный образ «треугольника, прижатого к вашей спине...», о котором упоминает А. Ребер [2001, с. 531]) у нас действительно есть все основания говорить. Особенно ярко они проявляются у слепых, причем, вероятно, могут даже приобретать дистантный характер, то есть располагаться достаточно далеко от наблюдателя (см., например: G. Guarniero, 1972).

Что же касается вкусовых и обонятельных образов, то исследователи, по-видимому, ошибочно принимают за них зрительные образы, входящие в полимодальные модели-репрезентации объектов. Так, многие из нас, вероятно, довольно легко смогут представить себе вкус соли или сахара, но одновременно с этими вкусовыми представлениями возникают соответствующие визуальные образы,

ответственные за превращение вкусовых ощущений в узнаваемые объекты. Мы можем представить себе запах лилии или розы, но тоже в сопровождении зрительных образов этих цветов, то есть во всех подобных случаях мы имеем дело с полимодальными чувственными моделями объектов.

Модель-репрезентация конкретного объекта включает в себя все образы его воспоминания. Не только зрительные и слуховые, но и кинестетические, вкусовые, осязательные, вестибулярные, тактильные, проприоцептивные, интероцептивные и обонятельные. То, что она представлена множеством разномодальных ощущений и образов, возникавших преимущественно в процессе взаимодействия человека с моделируемыми его сознанием объектами, очевидно и обсуждается многими авторами. Г. Гельмгольц (2002), например, указывает, что:

> ...уверенность в правильности нашего чувственного восприятия чрезвычайно усиливают испытания, которые мы производим с помощью произвольных движений нашего тела. В отличие от чисто пассивных наблюдений при этом достигается тот же тип твердого убеждения, что и в научном эксперименте [с. 579].

В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов (1994) пишут о том, что предметное содержание сознания представлено не только в форме чувственной, но и в форме «биодинамической ткани», которая создается предметными действиями и движениями, строящими предметный образ. Биодинамическая ткань, по их мнению, принимает столь же активное участие в построении сознания, что и чувственная ткань. Именно благодаря движениям и действиям образ мира «вычерпывается» из реальности.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) приводят удачный пример:

> ...если вас попросили помочь положить чемодан в багажник машины, то само опознание объекта как чемодана, визуальное определение его размера дает вам возможность предположить его вес и дозировать то усилие, которое вам нужно приложить для того, чтобы поднять его, хотя именно этот чемодан вы никогда не поднимали (в данном случае речь уже идет не просто об образе, а о модели-репрезентации объекта. — *Авт.*). Значимая ошибка антиципации будет вызывать активацию и осознание этой ошибки: «Вы что, кирпичи туда положили?» или «Да он совсем пустой!». Есть одно условие, необходимое для осуществления этого процесса: информация о предстоящем воздействии может относиться только к знакомым и хорошо изученным стимулам, форма реакции на которые уже выработана [с. 270].

О том же говорит Г. Фолькельт (1930):

> ...как маленький ребенок, так и экспрессионист стремятся не столько к изображению исключительно внешне оптических проявлений вещей, сколько к воспроизведению их в целостной сущности. А, следовательно, также к воспроизведению оборотной стороны или оптически совершенно не воспринимаемых свойств вещи. ...Ребенок часто выражает в рисунке преимущественно способ воздействия предмета на него самого... [с. 257–259].

«Целостная сущность», о которой говорит автор, феноменологически представляет собой сенсорную модель-репрезентацию, представленную в значительной степени, кроме оптических, «тактильно-моторными, эмоционально-аффективными» и другими ощущениями, о которых он пишет ниже. Наглядным примером такой нетипичной, то есть не преимущественно визуальной модели-репрезентации пред-

мета, является, например, сложная тактильно-проприоцептивно-кинестетическая психическая конструкция, репрезентирующая невидимый предмет, которая актуализируется в сознании человека с завязанными глазами, когда он ощупывает предмет с разных сторон и поворачивает его. Как замечает Д. Бом (2002),

> ...при таких операциях редко отдают себе отчет в индивидуальных ощущениях, возникающих в пальцах, суставах и т. д., а просто непосредственно воспринимают общую структуру, складывающуюся некоторым образом из очень сложных смен всех ощущений [с. 208].

Почему дети все «тянут в рот»? Дело в том, что рот является филогенетически наиболее древней и важной рецепторной частью организма. Он предназначен для взаимодействия с окружающим миром, направленного на пополнение ресурсов организма, на обеспечение его пищей. Именно рот ребенка участвует в построении первых психических образов и даже моделей-репрезентаций окружающих ребенка объектов. В построении таких моделей-репрезентаций участвуют не только вкусовые, тактильные и обонятельные рецепторы ротовой полости и носа, но и сложная интрацептивная чувствительность, в том числе кинестетическая, проприоцептивная и даже вестибулярная. Объект исследуется в самых разных аспектах, в том числе на его сопротивляемость давлению челюстями, сосанию губами и языком, перекатыванию во рту.

В результате не только формируются вкусовые и обонятельные ощущения, но и возникает понимание таких свойств, как мягкость, вязкость, гладкость, упругость, жесткость, сочность или сухость объекта и т. д. и т. п. Все они в совокупности участвуют в формировании сенсорной модели-репрезентации объекта, в которую уже входят и его зрительные образы. Любой попадающий в рот ребенка объект немедленно квалифицируется как приятный — неприятный, вкусный — невкусный, привлекательный — непривлекательный, а потому — нужный или ненужный и т. д.

Важнейшей составляющей частью модели-репрезентации объекта являются ее элементы, моделирующие взаимодействие данного объекта с субъектом и ту функцию, которую данный объект выполняет для субъекта. Модель-репрезентация объекта представляет также в самых разных чувственных модальностях не только процесс изменения объекта, но и процесс изменения состояния субъекта во время взаимодействия с данным объектом при использовании субъектом разных его свойств. Модель-репрезентация объекта ассоциирована с моделями-репрезентациями его свойств и способов действий с ним, что позволяет использовать данный объект в деятельности субъекта.

Чрезвычайно интересна феноменология моделей-репрезентаций окружающей реальности, формирующихся у слепоглухонемых детей. А. Н. Гусев (2007) ссылается на работы А. И. Мещерякова, который подчеркивает, что на начальном этапе становления пространственного образа мира для ребенка очень важна константность положения окружающих его вещей. В противном случае он не может найти и узнать конкретный предмет и не научается преодолевать боязнь столкновения с предметами. Ведущими анализаторными поверхностями для слепоглухонемого ребенка являются: лицо, воспринимающее движение и температуру воздуха; ноги, постоянно контактирующие с полом, ощущающие неровности почвы и вибрацию;

руки, получающие с помощью палки информацию о находящихся впереди предметах и неровностях дороги; запахи, сигнализирующие о наличии определенных предметов и изменении обстановки. А. Н. Гусев продолжает (2007):

> ...А. И. Мещеряков писал, что в определенной степени можно говорить об относительной независимости образа восприятия от характера его сенсорной основы: восприняв форму предмета губами или левой рукой, ребенок одинаково хорошо воспроизводит его, вылепив из пластилина. (Это, однако, вряд ли можно рассматривать как разные «сенсорные основы». — *Авт.*). Эту же мысль высказывал и С. Л. Рубинштейн в одной из работ, посвященных психологии слепоглухонемых. Он подчеркивал, что любой образ является не просто зрительным, слуховым или осязательным, а прежде всего образом предмета или явления, имеющего конкретное значение, что и делает все его характерные сенсорные признаки семантически едиными [с. 335–336].

Итак, модель-репрезентация объекта — это далеко не только совокупность визуальных образов воспоминания и представления объекта, а совокупность разномодальных сенсорных моделей, репрезентирующих как сам объект, так и его изменения в процессе взаимодействия с ним субъекта и даже некоторые изменения состояния субъекта в процессе этого взаимодействия.

1.7.13. Модели-репрезентации у людей с восстановленным зрением

Описывая больных с врожденной катарактой обоих глаз, которым было возвращено зрение во взрослом возрасте, Р. Л. Грегори (1970) отмечает, что после обретения зрения они видели мир не так, как обычные люди, не в виде образов объектов, а в виде расплывающихся пятен, их подавлял поток необычных восприятий. Через несколько дней отмечалась тенденция к налаживанию восприятия, но восприятие глубины и удаленности давалось с трудом, не было понимания плоскостных журнальных иллюстраций, не было константности восприятия, имелась невосприимчивость к некоторым геометрическим иллюзиям. При этом пациенты замечали целостные фигуры и отличали их от фона, могли фиксировать объекты и следить за их движением, отмечали различия между объектами, но не могли объяснить их, не могли назвать объекты и характеризовать их. Объекты казались пациентам расположенными в пространстве, а не в плоскости, но они пытались взять рукой объекты, находящиеся на расстоянии нескольких метров или, наоборот, сильно тянулись к близким объектам.

Х. Шиффман [2003, с. 453–454] приводит дополнительные данные, свидетельствующие о том же. Больные с восстановленным в зрелом возрасте зрением воспринимают цвет и сочетание «фигура — фон», могут зафиксировать взгляд на движущемся объекте, следить за ним, способны к сквозному беглому визуальному обследованию пространства и отличают одни объекты от других, хотя испытывают трудности с идентификацией и распознаванием конкретных объектов. Например, один из больных так и не понял даже по прошествии длительного времени после восстановления зрения самого понятия *глубина*, не понимал как смысла объектов,

изображенных на двухмерных фотографиях, так и того, что происходило на экране телевизора во время демонстрации фильма. Он воспринимал изображение как сочетание световых полос, цветовых пятен и движений.

М. Зенден [2002, с. 565] собрал наблюдения над 66 пациентами, которые обрели зрение в зрелом возрасте после операции по удалению катаракты. Он приводит данные, характерные для большинства пациентов. После возвращения зрения человек не воспринимает организованный зрительный мир таким, каким его видят нормальные люди. Он чрезвычайно смущен потоком незнакомых зрительных стимулов. Однако в визуальном восприятии нет и полного хаоса, так как он видит целостные фигуры, отделенные от фона. Пациент сразу же способен фиксировать объекты, рассматривать их и следить за движущимися фигурами. Он видит, что объекты отличаются друг от друга, но не понимает сути различий и не может дать названия объектам, хотя легко делает и то и другое, восприняв объект в другой сенсорной модальности (осязание). Автор объясняет это отсутствием заученных ассоциаций между такими терминами, как «длинный», «короткий», или усвоенными названиями предметов и новыми, соответствующими им зрительными комплексами. Объекты кажутся пациенту расположенными в пространстве, а не в плоскости. Однако он не в состоянии оценить расстояние. Тем не менее его поведение резко отличается от поведения слепого. М. Зенден полагает, что эти недостатки являются следствием «еще не образовавшихся зрительно-моторных координаций».

Фактически во всех наблюдениях было продемонстрировано, что зрительные восприятия, возникшие впервые у слепых людей с восстановленным в зрелом возрасте зрением, не имеют привычного для зрячих людей ясного им значения, которое, собственно, и превращает сенсорные впечатления в образы восприятия. Визуальные образы возникают у людей с восстановленным зрением впервые и не сформированы как модели реальности. Они представляют собой непонятные для больных сенсорные впечатления, не наполненные значением прообразы. Это объясняется тем, что у больных отсутствуют визуальные части моделей-репрезентаций окружающих их привычных объектов. Другие составляющие этих моделей-репрезентаций у них сформировались и даже превосходят в прочих модальностях в плане информативности те, которые имеются у людей с нормальным зрением. Однако отсутствие в моделях-репрезентациях окружающего мира нормальных визуальных составляющих приводит к непониманию пациентами возникающих у них впервые зрительных впечатлений.

Поэтому пациенты видят вначале неорганизованный зрительный мир с множеством неизвестных и непонятных цветных пятен. Тем не менее они могут фиксировать эти пятна и в состоянии дифференцировать собственное визуальное поле, видимо, благодаря врожденной способности выделять фигуру из фона. Большинство пациентов способны следить за движущимися объектами. Однако по причине отсутствия визуальных компонентов моделей-репрезентаций предметов они не могут дифференцировать предметы в соответствии с их визуальными различиями и на этом основании категоризовать предметы. У них есть некоторая способность оценки пространственной удаленности объектов, но она весьма несовершенна вследствие отсутствия целостной визуальной модели-репрезентации

окружающей реальности, которая в норме структурирована в глубину, высоту и ширину. То, что эти больные в основном не испытывали зрительных иллюзий [Х. Шиффман, 2003, с. 453-454], также подтверждает отсутствие у них необходимых моделей-репрезентаций, выступающих в качестве значения соответствующих зрительных образов.

Р. Л. Грегори (1970) упоминает, что больные точно оценивают расстояние и размеры объектов, если хорошо знают их на ощупь. Следовательно, если у пациентов уже есть модель-репрезентация объекта, пусть даже только тактильная, ему гораздо легче построить ее визуальный компонент. То, что для нормального зрительного восприятия необходимы визуальные модели-репрезентации, подтверждается тем фактом, что у пациентов, ослепших уже после рождения, зрение восстанавливается намного быстрее, чем у слепых от рождения [М. Зенден, 2002, с. 566].

Состояние, возникающее у пациента после возвращения ему зрения, можно сравнить с тем состоянием, которое возникло бы у обычного человека, если бы у него вместо глаз внезапно появились новые и гораздо более развитые, чем все имеющиеся сейчас, органы восприятия, регистрирующие, например, электростатические заряды и ультразвуковые волны. Тогда мир предстал бы для него в новых модальностях в виде совершенно незнакомых новых чувственных недифференцированных перцептивных репрезентаций. Даже при сохранении привычных моделей-репрезентаций ему пришлось бы, действуя в этом новом богатом сенсорном хаосе, длительное время отыскивать некие опорные моменты, сверяя их со своими имеющимися моделями-репрезентациями и вербальными знаниями о мире. В итоге разные чувственные впечатления, связываясь между собой, образовали бы новые психические конструкции — модели-репрезентации иной модальности, репрезентирующие ему совершенно иначе окружающую физическую реальность. Нечто подобное, хотя и далеко не в столь радикально иной форме, наблюдается в экспериментах с очками, переворачивающими изображение (см. разд. 1.7.1 и 1.8.3).

ГЛАВА 1.8

Модель-репрезентация и качества образа восприятия

- *Предметность*
- *Константность*
- *Реальность*
- *Тождественность*
- *Инвариантность*

1.8.1. Предметность

Предметность восприятия

> заключается в разделении одного феноменального поля на отдельные предметы, которые обладают устойчивостью и четкими границами [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 347].

А. Н. Гусев (2007) полагает, что предметность:

> ...заключается в том, что мы воспринимаем не набор сенсорных качеств, а предмет, представленный вне нас, обладающий этими качествами и поэтому реально существующий [с. 26].

> ...характеризуя предметный характер восприятия, исследователи отмечают прежде всего следующее. 1. Объективированность или вынесенность объекта восприятия вовне... 2. Предметный образ сопровождается переживанием чувства реальности своего существования... 3. Чувственный предметный образ всегда выступает как осмысленный, отнесенный к определенному понятию, то есть имеющий значение. 4. Предметный образ обладает константностью, то есть его чувственная представленность субъекту относительно постоянна при изменении условий его восприятия. 5. Перцептивный образ предмета характеризуется полимодальностью, отражая единство его сенсорных качеств разной модальности. Это характеристика его чувственной целостности [с. 280].

Если первые две из приведенных характеристик не вызывают особых возражений, то с третьей, четвертой и пятой не все так однозначно. *Всегда ли чувственный образ «отнесен к определенному понятию»?* Думаю, нет. Очевидно, например, что образ знакомого объекта, например соски, не отнесен у младенца к определенному понятию, хотя и осмыслен на доступном ему сенсорном уровне. *Как быть с образами восприятия предметов, непонятных для воспринимающего, которые очевидно существуют для него, но которые не имеют ясного значения в силу условий восприятия?* Причем образ восприятия в этом случае осмыслен, так как человек отдает себе отчет в его наличии, но не может его четко категоризовать — «отнести к определенному понятию». Например, что-то промелькнуло в боковом поле зрения и скрылось. Мне справедливо возразят, что *что-то* — это тоже категория, поэтому говорить здесь можно лишь о незавершенной категоризации. Однако в случае восприятия у маленьких детей категоризации действительно нет вовсе.

Более серьезные возражения вызывает четвертая характеристика — «константность чувственной представленности предметного образа», так как именно чувственная представленность образа предмета чрезвычайно разнообразна и непостоянна, будучи зависимой от условий восприятия предмета. Многие авторы, в частности Р. Л. Грегори (1970), неоднократно указывали на это. Относительно постоянно же и константно (насколько это вообще может быть в психике) нечто иное — актуализируемая в сознании многообразными чувственными впечатлениями модель-репрезентация предмета.

Пятая характеристика перцептивного образа — полимодальность — также вызывает возражения, так как она не является характеристикой образа восприятия вовсе.

Образ восприятия, как уже говорилось выше, всегда мономодален. Полимодальна же целостная сенсорная модель-репрезентация объекта.

А. Н. Гусев (2007) пишет[1]:

> При изучении психического восприятия очень важно проводить различие между миром физическим и миром предметным, а понять это принципиальное различие нам мешает непосредственно чувственное переживание тождества предмета и его образа [А. Д. Логвиненко, 1987]. Логика наивного реализма подспудно приводит нас к не различению реального физического предмета и его образа, но не раз уже упомянутый нами ранее вопрос К. Коффки: «Почему мы воспринимаем предметы такими, какими мы их воспринимаем?» — заставляет задуматься о нетождественности этих понятий. С одной стороны, многие качества окружающих нас предметов (мира физического) недоступны чувственному восприятию, например фон электромагнитного излучения от компьютера. Но, с другой стороны, и самому детальному физико-химическому анализу недоступна специфика чувственного переживания улыбки Джоконды на картине Леонардо да Винчи, привлекательность любимого человека или кажущаяся нам недоброжелательность человека, доставившего нам ранее много неприятностей [с. 280–281].

Да, «логика наивного реализма подспудно приводит нас к не различению реального физического предмета и его образа», но не столь уж она и наивна. Еще более наивна логика, располагающая между нашим образом восприятия объекта и частью «реальности в себе», которую наше сознание конституирует как воспринимаемый им объект, еще некий промежуточный физический объект, якобы нами и воспринимаемый. Между предметным миром нашего сознания и недифференцированной беспредметной «реальностью в себе» нет никакого дополнительного физического «предметного мира», как принято считать в психологии в соответствии со «здравым смыслом», утверждающим, что «раз восприятие отражает, то оно, естественно, отражает предмет».

А. Н. Гусев (2007) продолжает:

> ...деятельностный подход в психологии восприятия исходит из предметности самого воспринимаемого мира, то есть объективности составляющих его объектов и их отношений, мира, противостоящего субъекту в акте восприятия и нетождественного ему. Образ восприятия строится в соответствии со свойствами окружающего нас предметного мира, но этот образ является также результатом активного взаимодействия субъекта с миром, взаимодействия, опосредованного предметной деятельностью [с. 281].

В соответствии с этим традиционным и доминирующим сегодня в психологии подходом образ восприятия рассматривается как репрезентация этого самого окружающего «предметного мира». Мне представляется, что все как раз наоборот. Именно наше сознание строит сенсорные гештальты — образы восприятия, которые и конституируют для нас строго определенным образом недоступный нам никак иначе «мир в себе». Эти наши образы восприятия являются лишь знаками, символами «мира в себе» и одновременно — физическими, чувственно явленными нам предметами окружающего нас мира, а не чем-то, выстроенным в соответствии со свойствами предметов окружающего мира, так как никакого «предметного мира»

---

[1] Я рассматриваю именно это высказывание, выбрав его из множества подобных, так как оно изложено в недавно опубликованном наиболее авторитетном российском учебнике по общей психологии.

без человеческого сознания нет. Именно наше сознание в своих репрезентациях конституирует, выстраивает для нас недоступную нам никак иначе окружающую объективную реальность в виде «предметного мира» и выделяет в нем предметы, их свойства, действия, отношения и т. д.

Кстати, еще А. Н. Леонтьев (1981) высказывал идею об амодальности окружающего нас реального физического мира. Из сказанного мною отнюдь не следует, что наше сознание может конституировать реальность в каком угодно направлении и ключе. Эти направления и особенности конституирования задаются самой окружающей объективной «реальностью в себе», но зависят от сознания. Вопрос о том, что играет большую роль в процессе формирования наших образов восприятия: внешний мир или сознание, неразрешим, а потому носит неконструктивный характер.

Еще раз вернемся к предметности восприятия. Предмет создается в сознании формируемым в процессе восприятия (по-видимому, достаточно быстро) относительно стабильным психическим феноменом — чувственной моделью-репрезентацией. При повторном восприятии того же или сходного элемента «реальности в себе» сходные чувственные впечатления немедленно актуализируют в сознании уже возникшую ранее модель-репрезентацию предмета, которая участвует вместе с ними в формировании того, что мы называем «образом восприятия предмета». Именно модель-репрезентация ответственна за «предметность» восприятия, так как конституирует тождественный самому себе предмет в сознании, несмотря на различия возникающих всякий раз в процессе его восприятия новых чувственных перцептивных впечатлений.

Итак, можно заключить, что 3, 4 и 5-й признаки, рассматриваемые А. Н. Гусевым [2007, с. 280] в рамках понятия *предметность* образа восприятия, обусловлены как раз моделью-репрезентацией объекта восприятия.

1.8.2. Константность

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

> ...может показаться удивительным, что мы вообще способны видеть реальные параметры объекта. ...Нам удается достигнуть *константности восприятия*. Так, слон выглядит большим даже на расстоянии; почтовая открытка выглядит прямоугольной, несмотря на то что ее образ на сетчатке прямоуголен только в том случае, когда она находится у нас прямо перед глазами; ворона выглядит черной даже при ярком солнечном свете. Во всех этих случаях нам удается преодолеть все искажения ближнего стимула (или того, что авторы называют «сетчаточной проекцией». — *Авт.*) и мы адекватно реагируем на внешний мир. Как же мы умудряемся это делать? [С. 286.]

Итак, константность[1] восприятия заключается в том, что воспринимаемый объект (это касается лишь объектов, известных наблюдателю) остается для на-

---

[1] Константность восприятия — относительное постоянство (инвариантность) феноменальных свойств наблюдаемых предметов *(дистального стимула)* при сравнительно широком диапазоне изменения соответствующих характеристик проксимального *стимула* [Большой психологический словарь, 2004, с. 234].

блюдателя как бы неизменным, несмотря на постоянное и значительное изменение перцептивных образов, репрезентирующих данный объект. Еще Р. Декарт в работе «Диоптрика» (1637 г.) впервые обратил внимание на константность восприятия, отмечая, что:

> ...оценка формы явно исходит из нашего знания или мнения о расположении частей предмета и не согласуется с изображением в глазу... [цит. по: Большой психологический словарь, 2004, с. 235].

Экспериментальное изучение константности восприятия началось в XIX в. в Лейпцигской лаборатории В. Вундта. С тех пор константности восприятия было посвящено множество исследований. Предпринимались попытки самого разного ее объяснения. Тем не менее Дж. Хохберг [2003, с. 315–316], описывая основные теории, объясняющие константность восприятия, подчеркивает, что пока нет удовлетворительной теории объяснения этого явления.

Я уже высказывал выше предположение, что в процессе восприятия знакомого объекта в сознании наблюдателя, кроме возникающих мгновенных перцептивных образов, актуализируется и модель-репрезентация воспринимаемого предмета, которая может не совпадать с образами его восприятия. Эту в определенном смысле неновую идею высказывали в разных вариантах многие исследователи.

Дж. Гибсон (1988), например, пишет:

> Когда много лет назад я ввел различение таких разновидностей внутреннего опыта, как видимое поле и видимый мир, я продолжал развивать идею, выдвинутую Коффкой... Я утверждал, что видимое поле состоит из мозаики цветов, чем-то похожее на картину, тогда как видимый мир состоит из знакомых объектов и поверхностей, которые располагаются друг за другом. *Видимое поле* имеет границу, близкую по форме к овалу. В нем около 180° по горизонтали и около 140° по вертикали. Его границы нечетки, однако, если присмотреться, их можно легко заметить.
>
> *Зрительный мир* не имеет таких границ; он безграничен, подобно поверхности сферы, простирающейся вокруг нас. Видимое поле четко в центре и размыто по периферии, то есть ближе к границам оно становится неопределенным, а у зрительного мира нет такого центра определенности — он четок везде. При повороте головы овальные границы видимого мира перемещаются, при наклоне — вращаются, но зрительный мир при этом остается совсем неподвижным и всегда — вертикальным. Мозаика зрительного поля искажается при движении. Так, например, когда наблюдатель движется в направлении какой-либо точки, видимое поле начинает растекаться от этой точки, а феноменальные поверхности мира всегда остаются жесткими. Видимое поле — это особый род внутреннего опыта, который возникает в ответ на фиксированную выборку из объемлющего строя, то есть при фиксации головы и глаз. В чистом виде видимое поле возникает только тогда, когда открыт и фиксирован только один глаз. Видимый мир — это разновидность внутреннего опыта, возникающая, естественно, благодаря целостному объемлющему строю при условии, что смотрят вокруг обоими глазами, каждый из которых занимает свою (несколько отличающуюся от другого) точку наблюдения... Видимый мир — это такая разновидность внутреннего опыта, которая *ничему не соответствует* — ни картине, ни кинофильму, ни даже «панорамному» кинофильму. Видимый мир не

> является *проекцией* экологического мира. Как это может быть? Видимый мир есть результат извлечения инвариантной информации из объемлющего оптического строя посредством исследовательской деятельности зрительной системы, а осознание наблюдателем своего собственного тела во внешнем мире является составной частью внутреннего опыта [с. 294–295].

При всем авторском своеобразии понимания «видимого мира» Дж. Гибсоном трудно не узнать в нем модель-репрезентацию окружающего мира. В норме видимое поле (перцептивный образ реальности) и видимый мир (модель-репрезентация реальности) жестко координированы и взаимно дополняют друг друга. Я полагаю, что именно неразрывная связь модели-репрезентации воспринимаемого объекта с его перцептивным образом и обеспечивает то, что называется константностью восприятия объекта.

Основываясь на идеях Дж. Гибсона, А. Д. Логвиненко (1981) в своих экспериментах предлагал испытуемым сравнивать два квадрата — тестовый и эталонный. При этом им давались инструкции оценить видимую, проекционную и реальную форму прямоугольника. В первом случае коэффициент константности оказался максимально приближен к единице. Во втором был минимальным. В третьем — средним (0,7–0,8). На основе полученных результатов А. Д. Логвиненко высказал предположение, что:

> ...в сознании могут быть презентированы как образы видимого мира, которые обладают константностью, так и образы видимого поля (или зрительного пространства), которые аконстантны [с. 186].

Из этого можно сделать вывод, что константностью обладают не перцептивные образы, а образы воспоминания и представления, составляющие модель-репрезентацию воспринимаемого знакомого объекта.

Хорошо изучены константность величины, светлоты и формы объектов. Эксперименты А. Холуэя и Э. Боринга (A. Holway, E. Boring, 1941) продемонстрировали, что константность восприятия величины объекта зависит от наличия у наблюдателя информации о признаках его удаленности, при исключении которой восприятие становится аконстантным и основывается на угловых размерах объекта.

> Испытуемого помещали на пересечении двух перпендикулярных друг другу коридоров (рис. 26). В одном на расстоянии 3 м от него располагался освещенный диск-эталон. В другом на расстоянии от 3 до 36 м испытуемому предъявлялись последовательно тестовые диски разного размера. Чтобы величина сетчаточной проекции тестового диска оставалась постоянной (угол зрения равен 1 градусу), размер диска увеличивался по мере его удаления от испытуемого. Испытуемый должен был, оценив размер тестового диска, подобрать равный ему диск-эталон, изменяя его диаметр. Было проведено четыре опыта. В первом исследовалось только нормальное бинокулярное зрение. Во втором — нормальное монокулярное зрение. В третьем испытуемый смотрел на тестовый объект через «искусственный зрачок». В четвертом — через специальный темный коридор из темной материи, который исключал все признаки удаленности, создаваемые полом, стенами и потолком коридора.

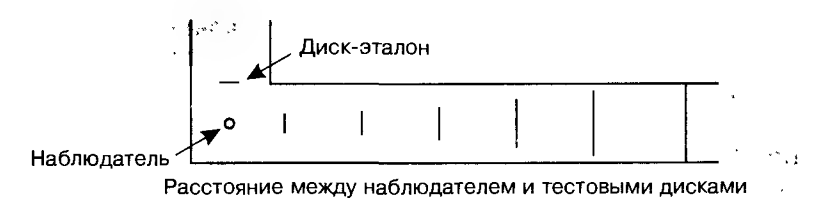

Рис. 26. Схема экспериментальной проверки константности восприятия размера, выполненной Холуэем и Борингом

В первом и втором опытах отмечалась максимальная константность восприятия светового диска. В третьем ограничение восприятия признаков удаленности привело к снижению константности восприятия, а устранение признаков удаленности в четвертом — к исчезновению константности восприятия. Таким образом, результаты эксперимента показали, что константность восприятия величины объекта зависит от наличия или отсутствия информации об удаленности объекта или об окружающих объект других объектах восприятия.

Результаты экспериментов А. Холуэя и Э. Боринга продемонстрировали, как мне представляется, что в том случае, когда актуализирующаяся в сознании модель-репрезентация наблюдаемого объекта встроена в модель-репрезентацию окружающей реальности в целом (как в первом и втором опытах), наблюдается полная константность размеров воспринимаемого объекта. В том же случае, когда модель-репрезентация воспринимаемого объекта как бы вычленена из модели-репрезентации окружающей реальности (как в третьем и особенно в четвертом опытах), имеет место аконстантность восприятия размеров объекта. Следовательно, константность величины воспринимаемого объекта зависит и от модели-репрезентации воспринимаемого объекта, и от модели-репрезентации окружающей реальности в целом. Есть последняя, есть и константность восприятия включенных в нее элементов.

Необычность сенсорных впечатлений, возникающих порой при восприятии, может не позволить привычной модели-репрезентации актуализироваться в сознании наблюдателя. Это приводит к появлению странных образов восприятия. Так, например, при взгляде с небоскреба или самолета знакомые предметы (люди, машины, дома) кажутся необычно маленькими. В этой связи интерес представляет публикация С. Тернбалла [C. Turnball, 1961].

Будучи антропологом, С. Тернбалл в середине прошлого века изучал пигмеев племени бамбути в густых лесах Конго. В путешествии его сопровождал 22-летний пигмей Кенж. Однажды путешественники вышли из леса и перед ними открылась панорама с холма. Кенж никогда не имел дело с видами на большое расстояние, и его поразил вид дальних заснеженных горных вершин. Увидев на равнине пасущееся в нескольких милях от них стадо буйволов, Кенж спросил Тернбалла, что это за насекомые, и рассмеялся в ответ на утверждение, что это буйволы. Затем, когда они подъехали на машине ближе и Кенж действительно увидел буйволов, он испугался, решив, что это колдовство. Увидев с берега озера плавающее в трех милях судно, Кенж решил, что это бревно, но после напоминания Тернбалла про буйволов поверил, что это судно.

Наблюдения С. Тернбалла демонстрируют, что константность восприятия размера сильно удаленных предметов у пигмеев бамбути не формируется в силу особенностей их среды обитания. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что человек приобретает константность восприятия определенных объектов не с момента рождения, а постепенно, в процессе развития соответствующих моделей-репрезентаций окружающего мира.

Константность светлоты объекта заключается в том, что светлота (или белизна) объекта субъективно остается постоянной даже при изменении освещенности объекта. Г. Уоллах (H. Wollach, 1948; 1963) продемонстрировал в своих опытах, что зависимость константности восприятия светлоты предмета обусловлена константностью отношения его освещенности и освещенностей находящихся рядом с ним поверхностей.

В одном своем эксперименте Г. Уоллах проецировал на экран в темной комнате светлый диск, расположенный в кольце света (рис. 27). Освещенность диска и кольца не менялась и они выступали в качестве контроля. Рядом проецировался второй аналогичный диск и тоже в кольце света. Интенсивность света в кольце можно было менять. Автор обнаружил, что при изменении интенсивности освещения этого второго кольца цвет (светлота) второго диска в этом кольце света изменялся в широких пределах от белого до черного. Иными словами, субъективная светлота второго диска зависела от интенсивности света в окружающем его кольце. Ярче кольцо — темнее внутренний диск, и наоборот. Результаты эксперимента демонстрируют зависимость светлоты поверхности предмета от интенсивности освещения окружающего фона.

В другом эксперименте Г. Уоллах подвешивал темно-серый квадрат в темной комнате и освещал его так, чтобы испытуемый не видел светлое пятно на стене комнаты позади квадрата. При уменьшении освещенности цвет квадрата менялся от белого до темно-серого. Но если квадрат предъявлялся на фоне освещаемого одновременно с ним белого картона, то изменения освещенности квадрата почти не сказывались на его цвете. Он всегда выглядел темно-серым на белом фоне. Следовательно, именно восприятие *отношения* освещенности предмета и фона делает восприятие светлоты предмета константным при изменении его освещенности.

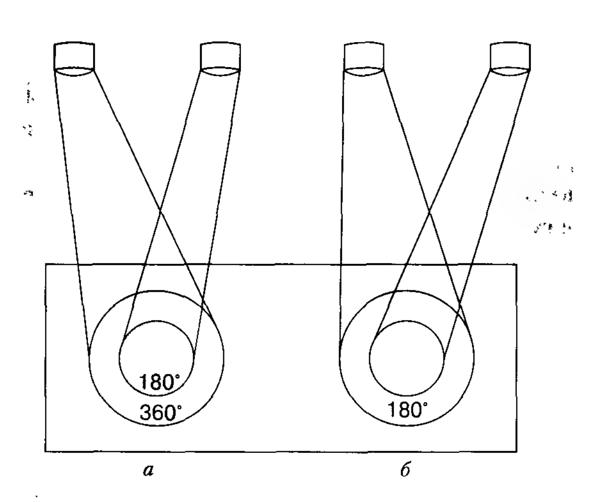

Рис. 27. Эксперимент Уоллаха

Опыты Г. Уоллаха еще раз, но уже не на примере константности величины, а на примере константности светлоты подтверждают тот факт, что константность восприятия объекта обусловлена наличием в сознании наблюдателя модели-репрезентации воспринимаемой реальности в целом, которая включает в себя в качестве своего элемента модель-репрезентацию воспринимаемого объекта. При этом изменения последнего анализируются сознанием в структуре общих изменений реальности.

Обсуждая константность цвета, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 214–215] приводят пример с рубашкой из черного бархата, которая выглядит черной и в тени, и на солнце, несмотря на то что под прямыми солнечными лучами она отражает в тысячи раз больше света. Стоит, однако, начать разглядывать ее через глазок в черном непрозрачном экране, отверстие в котором ограничивает видимую область, в результате чего наблюдатель видит только свет, отраженный от самого предмета, независимо от его окружения, как освещенная рубашка может стать даже белой, поскольку свет, достигающий глаза через отверстие, имеет большую интенсивность, чем отраженный от самого экрана.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) сообщают, что:

> ...если смотреть на зрелый помидор через трубку, скрывающую и окружение, и общий вид самого объекта, он может оказаться любого цвета — синего, зеленого или розового — в зависимости от длин волн отраженного от него света. Поэтому константность цвета, как и константность яркости, зависит от неоднородности фона (Maloney & Wandell, 1986; Land, 1977) [с. 214–215].

Следовательно, модель-репрезентация объекта, встроенная в более общую модель-репрезентацию окружающего мира, влияет даже на наше восприятие цвета данного объекта. Поэтому в случае отсутствия модели-репрезентации окружающего мира, формирующего фон, резко возрастает вариабельность цвета воспринимаемого объекта — фигуры.

Итак, если образы восприятия объекта искусственно «оторваны» от его модели-репрезентации либо они возникают как бы изолированно, без привычного для объекта окружения, и в сознании не актуализируется при его восприятии модель-репрезентация реальности более высокого уровня (когда квадрат предъявляется в пустоте, диск — в коридоре из темной материи, машины и дома наблюдаются с самолета, помидор — через трубку, черная рубашка — через глазок и т. д.), то восприятие объектов становится аконстантным. Если же в процессе восприятия в сознании актуализируется модель-репрезентация воспринимаемого объекта в структуре модели-репрезентации более высокого порядка, то восприятие величины, светлоты и цвета объекта константно.

Константность восприятия формы объектов изучена меньше. Обсуждая ее, М. Вартофский (1988) замечает, что:

> ...мы «видим» эллипс, пусть даже и «зная», что это наклонная окружность [с. 168].

Что стоит за этим противопоставлением: «видим» одно, хотя «знаем» другое? В этой диссоциации опять обнаруживается роль моделей-репрезентаций,

обеспечивающих константность восприятия окружающих нас объектов и явлений. Предмет воспринимается нами с самых разных позиций, в самых разных проекциях, самым необычным образом, но при этом в нашем сознании присутствует константная и постоянная во всех случаях его модель-репрезентация в форме устойчивой психической конструкции, состоящей из бесконечного множества его образов воспоминания и представления. Модель-репрезентация может включать в том числе множество образов «эллипсов», репрезентировавших нам в прошлом подобные «наклонные окружности».

М. Вартофский (1988) напоминает, что:

> ...согласно классической точке зрения постоянство формы сохраняется благодаря некоему перцептивному суждению, «интерпретирующему» или «корректирующему» эллиптичность внешнего проявления. ...Гельмгольц называл это... бессознательным умозаключением, или суждением [с. 168].

Он (1988) пишет:

> ...в опытах Таулесса преподающие перспективу учителя отбирали формы, наиболее близкие к так называемой форме-стимулу; в опытах Лейбовица и его соавторов обезьяны и умственно дефективные индивиды отбирали формы, наиболее близкие к «подлинной форме» [с. 176].

Другими словами, первые в процессе восприятия больше ориентировались на перцептивный образ, тогда как вторые — на модель-репрезентацию. Таким образом, можно предположить, что чем больше «умственное развитие» и тренировка, тем лучше распознаются особенности собственно перцептивного образа объекта, а чем они меньше, тем большую роль в восприятии реальности играет ее имеющаяся модель-репрезентация.

Ссылаясь на свою старую статью, М. Вартофский (1988) пишет:

> «Мы видим так, как рисуем» — говорится в той статье. Этим подразумевается, что мы стали «видеть» наклонные круги как эллипсы только после того, как стали изображать их в виде эллипсов, приняв изображение перспективы в качестве канона репрезентации. В действительности же мы продолжаем видеть наклонные круги, как наклонные круги, кроме случаев, когда нас просят изобразить их; вот тогда-то мы и репрезентируем их в виде эллипсов, с тем чтобы они выглядели как эллипсы, нарисованные таковыми, в соответствии с канонами перспективы (или с теорией геометрической оптики как теории проекции на сетчатке глаза отраженных лучей света) [с. 219].

По-видимому, действительно, «мы продолжаем видеть наклонные круги именно как наклонные круги», а не как эллипсы, потому что при их восприятии в нашем сознании возникает модель-репрезентация круга, который наклонен. Впрочем, достаточно сложно определить, что же в действительности мы видим и чем визуально отличается наклоненный круг от эллипса. Тем не менее ребенок, не обученный тому, как следует рисовать наклонный круг, изображает не эллипс, а именно круг. Вероятно, у взрослого человека и у ребенка, обученного рисовать, образ эллипса включается в модель-репрезентацию наклоненного круга.

М. Вартофский (1988) тоже приходит в итоге фактически к признанию наличия модели-репрезентации:

> Согласно последней (традиционной точке зрения. - *Авт.*) (то есть теории перцептивного постоянства) визуальная система принимает переменные, а воспринимает постоянные. Иными словами, ею конструируется (путем «бессознательных умозаключений» или иной ментальной переработки) соответствующая действительности картина, или карта внешнего мира, которая налагается затем на видоизменения в информации, приносимой потоком световых лучей [с. 226].

Таким образом, можно даже с осторожным юмором сказать, что моя концепция моделей-репрезентаций не привносит ничего радикально нового и неприемлемого в «классическую теорию восприятия».

Из всего сказанного о константности восприятия формы объекта опять следует, что она целиком зависит от модели-репрезентации объекта и его окружения, а не от возникающих при его восприятии перцептивных впечатлений.

Дж. Хохберг (2003) полагает, что:

> ...человек в обычных условиях не замечает константности восприятия, так как достаточно редко предметами его восприятия являются лишь отдельные свойства предмета (форма, свет, величина и т. п.), а не весь предмет в целом. Кроме того, константность восприятия не слишком заметна еще и потому, что обычное восприятие даже отдельного свойства происходит в виде глобальной оценки, что не позволяет обнаружить постоянство или изменчивость количественных отношений, когда они дают разные результаты в различных условиях [с. 184].

Мне представляется, что константность восприятия вторична, производна. Константны не сами образы восприятия, а те психические конструкции, которые актуализируются в сознании в процессе восприятия, то есть модели-репрезентации воспринимаемой реальности, участвующие в процессе восприятия объекта. Константность величины, светлоты и формы объекта — это не что иное, как константность соотношения элементов модели-репрезентации воспринимаемого объекта, выступающего как фигура, и элементов моделей-репрезентаций окружающих его объектов, выступающих как фон. В случае исчезновения этих «фоновых» моделей-репрезентаций реальности, что мы видели в описанных выше экспериментах, константность восприятия исчезает. Это убедительно показал и А. Д. Логвиненко.

Проводя эксперименты с переворачивающими изображение очками, автор [2002а, с. 572–576] пришел к выводу, что их надевание приводит к разрыву естественных связей между образом восприятия знакомого объекта и привычной моделью-репрезентацией окружающего этот объект мира (как пишет А. Д. Логвиненко, используя терминологию Дж. Гибсона, между «видимым полем и видимым миром»), и в результате — к потере константности образа восприятия — «видимого поля». Следовательно, очки «отрывают» образы восприятия от привычных моделей-репрезентаций окружающего мира, что аналогично отсутствию последних. В результате у испытуемых исчезает константность восприятия.

Вариантом константности является стабильность окружающего мира, в частности то, что в процессе нашего движения не мир утекает куда-то от нас, а мы двигаемся в нем. Б. Рассел (2007) обращает внимание на наше привычное заблуждение:

> Говоря о скоропреходящих чувственных данных, я думаю, очень важно устранить из инстинктов какую-либо склонность к убеждению, что реальность постоянна. Всегда существовал метафизический предрассудок, что если вещь действительно реальна, она должна сохраняться вечно или в течение достаточно приличного промежутка времени. По моему мнению, это совершенно ошибочно. Вещи, которые действительно реальны, сохраняются очень короткое время. Вновь я не отрицаю, что могут быть вещи, сохраняющиеся вечно или в течение тысячелетий; я только говорю, что они не входят в рамки нашего опыта и что реальные вещи, которые нам известны из опыта, сохраняются в течение очень короткого времени, в течение одной десятой секунды, половины секунды или около того [с. 210–211].

С этим можно только согласиться, так как наше убеждение в постоянстве реальности тоже коренится в наших относительно константных по субъективному ощущению моделях-репрезентациях окружающей реальности.

В случае заслонения одним объектом другого, знакомого нам, модель-репрезентация знакомого объекта позволяет нам легко достроить в своем воображении не представленные в образе восприятия детали, закрытые другим объектом. Модель-репрезентация обеспечивает константность нашего восприятия, с какой бы точки мы ни наблюдали объект, какие бы его части ни были закрыты, лишь бы нам удалось заметить его главные узнаваемые черты.

Некоторые современные исследования [см., например: В. В. Любимов, 2007] позволяют думать, что механизмы, обеспечивающие константность восприятия, как и механизмы, ответственные за возникновение иллюзий восприятия, очень сложны и многообразны, поэтому все они, естественно, не могут быть объяснены лишь с привлечением для этого моделей-репрезентаций. Вероятно, существуют и другие механизмы обеспечения константности восприятия и возникновения иллюзий восприятия.

В заключение подчеркну важнейший момент: константно не восприятие, как ошибочно принято считать, константны объекты окружающего нас мира и сам этот мир, что еще раз подтверждает роль моделей-репрезентаций, а не изменчивых образов восприятия в построении этой константности мира.

1.8.3. Реальность

Б. Рассел (2001a) приводит положение Д. Беркли, согласно которому:

> ...реальность чувственных вещей состоит в том, что они воспринимаются [с. 760].

Это действительно так. *Но почему воспринимаемое обладает для нас качеством реальности?* Мне представляется, что субъективная «реальность чув-

ственных вещей» или, точнее, всего воспринимаемого мира обусловлена тем, что в формировании репрезентаций мира каким-то неясным пока образом участвует появляющаяся у нас с раннего детства постоянная и привычная глобальная модель-репрезентация окружающего, которая и придает им субъективное качество реальности.

А. Д. Логвиненко (2002а) напоминает об интересных явлениях, возникающих при надевании очков, переворачивающих образ восприятия мира:

> ...все исследователи инвертированного зрения, начиная со Стрэттона, указывали на картинность, нереальность, иллюзорность визуального пространства при инверсии. «...И хотя все эти образы, — писал Стрэттон, имея в виду образы при инвертированном зрении, — были четкими и определенными, они вначале не производили впечатления реальных вещей, подобно объектам, которые мы видим при нормальном зрении, а выглядели неуместными, фальшивыми или *иллюзорными образами* (Стрэттона. — *А. Л.*), помещенными между наблюдателем и самими объектами или вещами». При чтении дневника, который Стрэттон вел по ходу своего эксперимента, обращает на себя внимание настойчивость, с которой им подчеркивается «нереальность» образов инвертированного зрения. В нормальных условиях мы видим предметы, а при инверсии переживаем наличие образов — так можно было бы резюмировать его наблюдение [с. 574–575].

Из этого следует, что ощущение реальности образов восприятия окружающего появляется у нас, вероятно, не сразу, а лишь со временем, с опытом, приобретаемым в процессе психомоторной активности и нашего взаимодействия с воспринимаемым миром.

Инверсия «визуального поля» в результате ношения переворачивающих изображение очков приводит, как справедливо полагает А. Д. Логвиненко [2002а, с. 576], к разрушению существующего у испытуемого «видимого мира». Я сказал бы — к разрыву привычных естественных связей между образом восприятия мира и привычной моделью-репрезентацией этого мира. И это сопровождается появлением ощущения нереальности «видимого поля» — новых образов восприятия [см.: А. Д. Логвиненко, 2002а, с. 574–575]. Можно поэтому предположить, что ощущение реальности образов восприятия окружающего обусловлено именно прочными и естественными связями этих двух феноменологических составляющих. Другими словами, субъективную реальность нашему образу восприятия придает его неразрывная связь и внутреннее единство с вспоминаемой и представляемой нами моделью-репрезентацией окружающего мира.

Кстати, А. Н. Леонтьев (1983а), обсуждая образ мира, являющийся, как будет показано ниже, глобальной моделью-репрезентацией окружающего, говорит, что:

> ...сенсорные модальности ни в коем случае не кодируют реальность. Они несут ее в себе. Поэтому-то распадение чувственности... порождает психологическую ирреальность мира [с. 261].

Думаю, что он тоже совершенно не просто так говорит об ирреальности мира, обсуждая восприятие и именно в связи с образом мира.

1.8.4. Тождественность

Д. Юм (1996) пишет:

> ...когда мы ошибочно приписываем тождество изменчивым или прерывистым объектам, то наша ошибка не ограничивается одним способом выражения: мы обычно присоединяем сюда фикцию чего-то неизменного и непрерывного, чего-то таинственного и необъяснимого или по крайней мере чувствуем склонность к подобным фикциям [с. 300–301].

Любой наш образ и ощущение, как уже обсуждалось выше, не могут никогда повториться в том же виде. Не существует ни абсолютной тождественности неизменных (как мы привыкли считать) предметов, ни тождественности наших образов этих предметов. Что же тогда обусловливает наше внутреннее убеждение в тождественности окружающих нас объектов, в том числе даже тех, которые очевидно меняются на наших глазах. Причем, даже регистрируя эти изменения и отдавая себе в этом отчет, мы упорно продолжаем считать объекты теми же.

Так, например, мы привычно считаем, что под нашим окном растет тождественное самому себе дерево, несмотря на то что в прошлом году оно было существенно меньше, ветви его имели другую форму, листьев на нем было иное количество, они были иного цвета и т. д. Пальто, которое мы носили вчера, имеет сегодня пятна и потертости, которых вчера не было. Иными словами, эти объекты изменились, стали сегодня несколько иными, чем были. Тем не менее мы считаем их теми же самыми, тождественными самим себе. И Д. Юм прав, говоря о том, что мы «ошибочно приписываем тождество изменчивым или прерывистым объектам». *Почему мы это делаем?*

Д. Юм (1996) пишет:

> ...мы не склонны считать... прерывистые восприятия различными (каковы они суть в действительности), но, наоборот, признаем их, в силу их сходства, индивидуально тождественными. Но так как этот перерыв в их существовании противоположен их полному тождеству и заставляет нас признать, что первое впечатление исчезло, а второе возникло заново, то мы чувствуем себя находящимися в затруднении и запутавшимися в каком-то противоречии. Чтобы выйти из этого затруднения, мы по возможности маскируем перерыв или, вернее, совершенно устраняем его, предполагая, что эти прерывистые восприятия связаны некоторым реальным существованием, не воспринимаемым нами [с. 302].

Мне представляется, что мы приписываем тождество «прерывистым объектам» исключительно благодаря наличию в нашем сознании их моделей-репрезентаций, субъективно тождественных самим себе. Наши «прерывистые восприятия» то появляющегося, то исчезающего объекта связаны между собой его моделью-репрезентацией, которая позволяет нам игнорировать перерывы между его восприятиями и придает ему внутреннюю тождественность. При повторном восприятии того же объекта даже в иных условиях восприятия мы осознаем, что воспринимаем все тот же объект, несмотря на то что образы его восприятия могут сильно различаться. Д. Юм (1996) указывает:

> Мы без труда допускаем, что объект может оставаться тождественным в своей единичности, хотя бы он несколько раз исчезал и (снова) был дан чувствам, и, несмотря на перерыв в восприятии, приписываем ему тождество, каждый раз заключаем, что

он давал бы нам неизменное и непрерывное восприятие, если бы мы все время не спускали с него глаз... [с. 131].

Несмотря на то что объект перестает восприниматься, так как, например, его закрывают от наблюдателя другие объекты, он продолжает существовать в сознании наблюдателя как часть глобальной модели-репрезентации окружающей реальности. Причем модель-репрезентация объекта способна даже изменяться в структуре глобальной модели-репрезентации окружающего, предвосхищая реальные изменения объекта. Например, репрезентировать передвижение с определенной скоростью скрытого пока от наблюдателя объекта, что позволяет ему предвидеть появление объекта в определенном месте воспринимаемого пространства и в определенное время. Новые и всякий раз иные образы восприятия объекта актуализируют в сознании наблюдателя каждый раз одну и ту же модель-репрезентацию объекта, и именно субъективное постоянство последней придает новым и разным образам его восприятия качество, которое принято называть *тождественностью* объекта.

Д. Юм (1996) спрашивает:

...каждое отдельное восприятие, входящее в состав ума, есть отдельное существование, отличное... от всякого другого восприятия, одновременного ему или следующего за ним. Но так как, несмотря на это различие... мы тем не менее предполагаем, что весь ход восприятий объединяется посредством некоторого тождества, то по поводу этого отношения тождества, естественно, возникает следующий вопрос: есть ли оно — нечто реально объединяющее наши отдельные восприятия? [С. 304–305.]

Ему можно ответить утвердительно. Это «нечто, реально объединяющее наши отдельные восприятия», и есть модель-репрезентация воспринимаемого объекта.

Каждая вновь повторно актуализирующаяся в сознании модель-репрезентация сопровождается особым ощущением ее известности, знакомости субъекту. М. Вартофский (1988) цитирует А. Уайтхеда:

Осознание объекта как устойчивого фактора, не затрагиваемого постоянным движением природы, я называю «узнаванием». Невозможно узнать некоторое событие, поскольку каждое событие принципиально отлично от любого другого события. Узнавание есть осознание тождественности... Я называю узнаванием внеинтеллектуальное чувственное восприятие, связывающее мышление с устойчивыми факторами природы [с. 320].

Перцептивные сенсорные впечатления, вызванные тем же или похожим объектом, явлением, событием, актуализируют в сознании модель-репрезентацию этого определенного объекта, явления, события, воспринятого в прошлом, которая и расценивается воспринимающим как тождественный прошлому объект, явление, событие. Если же в результате восприятия у наблюдателя не актуализируются имеющиеся модели-репрезентации каких-либо объектов, явлений, событий, то у него появляется ощущение новизны и незнакомости воспринимаемого им.

Д. Юм (1996) пишет о том, что мы редко придерживаемся точности в своем мышлении и наше восприятие изменений «пропорционально целому»:

Прибавление или убавление горы оказалось бы недостаточным для того, чтобы произвести изменения в планете (в модели-репрезентации планеты. — *Авт.*), тогда как тождество некоторых тел могло бы быть нарушено прибавлением или убавлением

всего нескольких дюймов (опять же в нашей модели-репрезентации данного тела. — *Авт.*). ...Изменение значительной части какого-нибудь тела нарушает его тождество; но замечательно, что, когда изменение происходит постепенно и незаметно, мы менее склонны приписывать ему такое действие [с. 301–302].

...Значительная, но ожидаемая перемена в действительности представляется воображению меньшей, чем самое маленькое, но необычное изменение. ...Первая перемена меньше способствует уничтожению тождества [с. 304].

Сами наши модели-репрезентации окружающих объектов постепенно меняются вслед за незначительно и постоянно меняющейся физической реальностью. Мы обычно не замечаем этих постепенных и незначительных изменений и с удивлением обнаруживаем в какой-то момент, как сильно изменилась, например, старая вещь, случайно увидев аналогичную новую. Даже сильные изменения вещей мы замечаем, но продолжаем рассматривать изменившиеся вещи как тождественные самим себе. Тем не менее возникает момент, когда, как пишет Д. Юм (1996), «мы уже не решаемся приписывать тождество различным объектам», имея в виду разницу между начальным и конечным состоянием первоначально одной и той же вещи. В какой-то момент, например, вода в холодильнике превращается в лед, ее репрезентация в нашем сознании трансформируется в другой объект. Это происходит потому, что новые сенсорные впечатления актуализируют в сознании уже не модель-репрезентацию воды, а иную модель-репрезентацию, что и переводит воспринимаемый предмет в другую категорию объектов.

Итак, «тождественность» объекта физической реальности — это всегда тождественность не физического объекта, изменяющегося во времени, а тождественность его психической модели-репрезентации. Д. Юм (1996) справедливо указывает:

...тождество не есть нечто реальное, принадлежащее... различным восприятиям и объединяющее их... оно лишь качество, которое мы приписываем восприятиям в силу того, что, наблюдая их идеи, находим последние связанными в воображении [с. 305].

Сказанное Д. Юмом можно дополнить тем, что модель-репрезентация действительно не «есть нечто реальное» и существующее в физическом мире. Это психическая сущность, порождающая «качество, которое мы приписываем восприятиям». Д. Юм (1996) прав, когда говорит, что:

...тождество находится в зависимости от отношений идей... Все споры, касающиеся тождества связанных друг с другом объектов, — чисто словесные [с. 307].

Тождественность и различие объектов моделируются нами на двух уровнях: сенсорном — уровне моделей-репрезентаций, который мы только что рассмотрели, и вербальном, где объект представлен понятием, значением которого является уже особая вербальная конструкция. На уровне понятий и вербальных конструкций возникает проблема синонимии и тождественности—нетождественности значений этих психических конструкций.

Наличие абстрактных собирательных сенсорных моделей-репрезентаций геометрических фигур, например, объясняет понятие геометрического тождества, когда совершенно разные по размерам квадраты для нас тождественны в том смысле, что

являются квадратами, а разные треугольники — треугольниками, тогда как, например, составленные из тех же линий иные фигуры этим геометрическим фигурам не тождественны.

1.8.5. Инвариантность

Согласно теории Дж. Гибсона (1988), человек живет в потоке света, многократно отраженного от объектов окружающей его реальности. Некоторые характеристики потока света остаются инвариантными, тогда как другие меняются. Он выделяет инварианты оптической структуры при изменении оптического строя, при изменении точки наблюдения, при локальных возмущениях структуры оптического строя и инварианты осуществления выборки из объемлющего оптического строя. Дж. Гибсон (1988) спрашивает:

> Какой же должна быть теория, объясняющая восприятия?

и сам же отвечает:

> Прежде всего она должна основываться на извлечении информации. ...Воспринимать — значит фиксировать определенные параметры инвариантности в стимульном потоке наряду с определенными параметрами возмущения. Инварианты — это инварианты структуры, а возмущения — это возмущения структуры. Структура для зрения — это структура объемлющего оптического строя. Инварианты задают как постоянство окружающей среды, так и постоянство наблюдателя. Возмущения задают изменения в окружающей среде и изменения, касающиеся наблюдателя. ... Например, один из таких инвариантов создается заслоняющим краем носа, он задает «Я». Другой представляет собой градиент оптической структуры, которая задается материальной текстурой субстрата; он задает основное окружение. ...Различным событиям во внешнем мире соответствуют различные параметры оптического возмущения, причем к ним относятся не только прибавление — утрата, но и радиальное течение... сжатие, преобразование, замещение и другие [с. 337–354].

Автор полагает, что окружающему миру присуща глубинная структура и она проявляется в нашем восприятии. Эту глубинную структуру составляет все, что инвариантно, несмотря на изменения мира. Глубинное обнаруживает себя в процессе изменения внешнего. Внешняя форма становится иной, но скрывающаяся за ней глубинная форма остается той же самой. Дж. Гибсон (1988) продолжает:

> ...как мы видим прямоугольные поверхности, такие, например, как поверхность стола? ...Что задает очертания этой жесткой поверхности, если точка наблюдения, в которую она проецируется, движется? Изменение углов и пропорций трапециевидных проекций — неоспоримый факт, но неизменность соотношений между четырьмя углами и инвариантные пропорции в множестве проекций — тоже бесспорный факт, и не менее важный, и они оба задают прямоугольную поверхность единственно возможным образом [с. 118–119].

> ...глубинные инварианты строя (оптического. — *Авт.*): отношения, градиенты, разрывы и другие соотношения в объемлющем свете... существуют благодаря постоянным деталям окружающего мира. ...Существуют четыре вида инвариантов: инварианты изме-

нения освещения; инварианты изменения точки наблюдения; инварианты частичного наложения выборок; инварианты локальных возмущений структуры [с. 432–434].

Поначалу аргумент Дж. Гибсона, действительно, кажется верным. Представляется очевидным, что противоположные углы квадратной столешницы равны, а стороны параллельны. И все же, «неизменность соотношений между четырьмя углами и инвариантные пропорции в множестве проекций» вызывают некоторое сомнение. По крайней мере, эти инвариантные пропорции очень трудно уловить при рассматривании, например, даже столов с прямоугольной столешницей из разных точек наблюдения. Когда же начинаешь экспериментировать, «неизменности соотношений» вовсе исчезают. Предлагаю рассмотреть рис. 28, на котором представлены фотографии квадрата со стороной 89 мм, сделанные из разных точек.

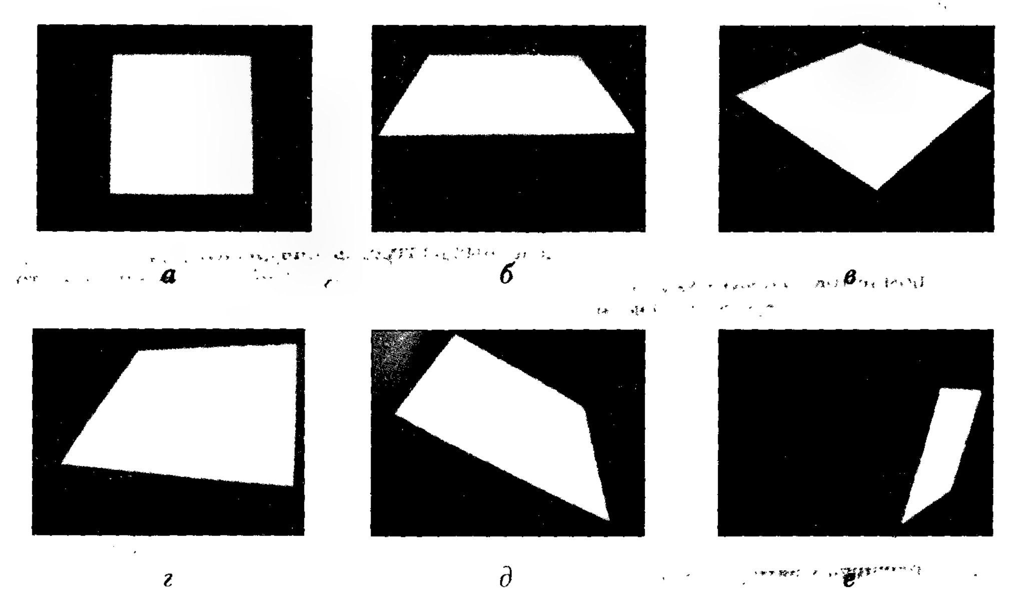

Рис. 28. Фотографии квадрата со стороной 89 мм, сделанные из разных точек

Оказывается, противоположные углы квадрата воспринимаются равными, а стороны — параллельными, только если глаза наблюдателя находятся на одном расстоянии до ближайших правого и левого углов квадрата, что случается довольно редко (см. рис. 28, *а*, *б*, частично рис. 28, *в*). Если же расстояние до углов разное, то стороны и углы квадрата сразу же становятся неравными (см. рис. 28, *г*, *д*, *е*), а две противоположные стороны из четырех — еще и непараллельными (см. рис. 28, *б*, *д*, *е*, *г*). Самое замечательное, однако, то, что все стороны и углы на рис. 28, *г* и *д* вообще оказались неравны. Что же касается «инвариантности пропорций», которая должна помочь нам отличить прямоугольник от квадрата, попробуйте определить на рис. 29, где квадрат со стороной 89 мм, а где прямоугольник со сторонами 75×105 мм[1]. О каких же «инвариантных пропорциях в множестве проекций» мы можем после этого говорить?

---

[1] См. сноску на с. 299.

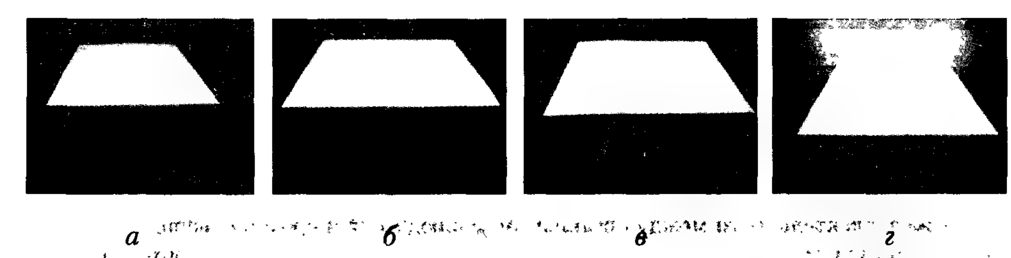

Рис. 29. Фотографии квадрата и прямоугольника

И тем не менее в нашем сознании стол действительно инвариантен. Почему? Исключительно потому, что в сознании существуют модели-репрезентации стола вообще и столов с прямоугольной и квадратной столешницами в частности, включающие в себя бесчисленное количество зрительных образов воспоминания громадного множества столов, воспринятых в самых разных условиях и с самых разных точек. Они даже позволяют сознанию создавать совершенно новые образы представления любого стола в новых, не виданных ранее проекциях. Поэтому даже самый неожиданный новый образ восприятия объекта, похожего чем-то на стол, немедленно актуализирует в сознании хорошо знакомую модель-репрезентацию стола.

Именно модель-репрезентация стола в сознании наблюдателя, а не нечто неизменное в самом столе или отражаемом столом световом потоке и является тем «инвариантом», который якобы существует в окружающей нас реальности. Этот «инвариант» есть на самом деле не что иное, как психическая конструкция, создаваемая нашим сознанием и репрезентирующая особую сущность, выполняющую в нашей жизни специальные функции. Она же репрезентирует типичную динамику изменения перцептивного образа стола с квадратной столешницей, например при передвижении наблюдателя вокруг стола, и ответственна за константность стола для воспринимающего, хотя образы восприятия стола очевидно и постоянно меняются.

Мне кажется, что и сам Дж. Гибсон склоняется к сходным предположениям. Так, он (1988) задает вопрос:

> ...откуда берется в объемлющем свете его инвариантная структура? —

и сам же отвечает:

> Для меня стало сейчас ясно то, чего я не понимал прежде, — что структура как таковая, застывшая структура, есть миф или, по крайней мере, предельный случай. Инварианты структуры не существуют иначе как в неразрывной связи с ее вариантами [с. 136].

Я бы сказал даже более категорично: в окружающем нас мире нет ничего идентичного, тождественного и инвариантного. Нет ни одной одинаковой поверхности, в том числе их «компоновки, пигментации и затененности». Тем более нет ни одной пары одинаковых вещей. Свет, как и любой другой физический объект, всегда разный. Нельзя войти в одну и ту же реку, в том числе «световую», дважды. Сам Дж. Гибсон (1988) отмечает, что даже неподвижные предметы непрерывно изменяются, потому что движутся источники освещения – солнце и луна. Соответственно, никакой инвариантности в мире нет и быть не может. Инвариантность создается исключительно человеческим сознанием, которое таким образом пытается обобщить и упростить бесконечно

многообразную реальность, чтобы ее познать. Соответственно, инвариантность может появляться только в психических феноменах, создаваемых сознанием.

Дж. Гибсон (1988) говорит:

> Наблюдатель погружен в океан физической энергии. Этот океан находится в постоянном движении, он изменчив, и его изменчивость периодична. В частности, периодическим изменениям подвержены температура и освещение. В процессе жизнедеятельности между организмом наблюдателя и средой совершается обмен энергией. На долю стимуляции, которая обеспечивает организм информацией, приходится лишь малая толика этого океана окружающей энергии [с. 98].

Наше сознание моделирует результаты взаимодействия нашего тела с «окружающим изменчивым океаном». Эти модели опосредованно структурируют для сознания «океан внешней энергии», превращают его в привычный нам окружающий физический мир. Моделируя и выделяя в качестве якобы внешних сущностей сходные изменения в физических системах собственного организма, сознание тем самым опосредованно выявляет в «окружающем океане» в чем-то сходные повторяющиеся элементы — инварианты — объекты, их свойства, действия и т. д. Оно же — сознание — наполняет «окружающий океан» понятной для себя информацией, которой в этом «океане» исходно не содержится.

Дж. Гибсон (1988) полагает, что:

> ...в соответствии с теорией восприятия, которую можно было бы назвать теорией непрерывного извлечения информации, постижение постоянства представляет собой просто акт обнаружения инвариантности. Точно так же из фотографической теории зрения следует, что единственным способом постижения изменений является сравнение того, что представляет собой нечто, с тем, что оно представляло собой в прошлом, с последующей оценкой и вынесением суждений о наличии различий, тогда как из теории извлечения информации следует, что в этом случае происходит осознание преобразований. Происходит просто извлечение либо факта совпадения строя с самим собой, либо факта его диспарантности по отношению к самому себе, причем последнее встречается чаще [с. 351].

Действительно, для того чтобы «обнаружить инвариантность», надо новый образ восприятия сравнить со старым. Но они порой настолько различны, что даже человек, хорошо знакомый с объектом восприятия, сомневается в том, тот ли объект он видит, что и раньше. Тем не менее инвариантность откуда-то появляется даже при сравнении двух сильно различающихся образов восприятия, если объект опознается как известный. *Откуда она берется?* Ясно, что инвариантность заключена не в разных образах восприятия, а в той психической сущности, с которой каждый новый образ восприятия сравнивается. Точнее, в той, которую каждый новый образ восприятия того же или сходного объекта актуализирует в сознании наблюдателя. Другими словами, инвариантность заключена в моделях-репрезентациях того же и сходных с ним объектов.

Ж.-Ф. Лиотар (2001) полагает, что:

> ...объект есть «любая некая вещь», например число 2, нота *до*, круг, любое суждение, чувственная данность. ...Сущность, или эйдос, объекта конституируется инвариантой, которая пребывает тождественной во всех вариациях. Таким образом, если производят варьирование с объектом чувственной вещи, то получается само бытие вещи... [с. 14–15].

Инвариант, а котором говорит здесь Ж.-Ф. Лиотар, — не что иное, как модель-репрезентация объекта, существующего в сознании. И именно инвариант в форме модели-репрезентации объекта «конституирует сущность объекта» и придает объекту тождественность.

Еще раз повторюсь. В объемлющем свете нет инвариантной структуры. Она создается в нашем сознании. Она строится с участием объемлющего света, но в самом свете ее нет. Как нет инвариантности даже в повторяющейся мелодии. Как нет никакого постоянства и тождества ни в одном элементе окружающей нас реальности. Одна и та же мелодия, исполняемая тем же музыкантом повторно, — уже иная. Она в принципе не может быть идентична в физическом смысле первой по множеству причин: изменение состояния инструмента, исполнителя, среды, иная сила надавливания на клавиши и т. д. Но благодаря своей модели-репрезентации мы ее воспринимаем тем не менее как идентичную.

Дж. Гибсон (1988) отмечает:

> Независимо от того, насколько далеко находится объект, он пересекает или заслоняет одно и то же число текстурных элементов Земли. Это число является инвариантным. ...На каком бы расстоянии ни находилась веха, отношение, в котором ее делит горизонт, также является инвариантным [с. 233].

На первый взгляд, это так, особенно если мы воспринимаем объект в той же проекции. Однако «числа текстурных элементов Земли» нет вне нашего сознания. Тем более мы никогда не считаем «текстурные элементы Земли». Второе замечание Дж. Гибсона кажется еще более серьезным аргументом в пользу наличия инвариантности в окружающем мире. Действительно, рассматриваемое автором «постоянное отношение» представляется физической инвариантой. Но в окружающем мире нет и отношений. Они есть лишь в нашем сознании.

Для решения вопроса о наличии или отсутствии инвариантности во внешнем мире проще рассмотреть вслед за Дж. Гибсоном один и тот же стол — трижды с минутным интервалом. Если вы будете всякий раз воспринимать его из одной точки, стоя в 2 м от него, то сможете легко убедить себя в наличии во внешнем мире инвариант. Но если вы первый раз посмотрите на него из этой точки, второй — из под него, а третий — с него, куда ради чистоты эксперимента, забыв о том, что это стол, залезете, то у вас возникнут сомнения в наличии инвариантности в ваших перцептивных образах.

Так называемые *структурные инварианты*, якобы находящиеся, как полагает Дж. Гибсон (1988), во внешней среде, на самом деле являются нашими психическими инвариантами и существуют в виде моделей-репрезентаций объектов и явлений, их свойств, действий и т. д. в нашем сознании. Ребенок далеко не сразу начинает воспринимать глубину и удаленность пространства, воспринимать градиент текстуры поверхностей. Постулаты о том, что размеры плиток пола, на котором мы стоим, субъективно уменьшаются по мере удаления от нас так же, как и размеры колонн, вертикально стоящих на этом полу, усваиваются только в процессе личного опыта, превращаясь при этом в субъективные инварианты нашего сознания. Именно эти внутренние инварианты заставляют нас автоматически воспринимать в качестве одинаковых предметы, занимающие определенное количество плиток на уходящем от нас вдаль полу.

Наше сознание обнаруживает «инвариантность» в непрерывно меняющейся во времени реальности только потому, что сходные сенсорные впечатления от всегда разных аспектов реальности актуализируют в нем те же самые (точнее, оцениваемые сознанием как «те же самые») модели-репрезентации. В действительности если мы вспомним слова Д. Юма, то поймем, что и последние тоже не инварианты, так как составляющие их, казалось бы, те же психические явления не тождественны в разные моменты времени. То есть они лишь субъективно тождественны.

Обсуждая джеймсовскую метафору «потока сознания», Н. Н. Ланге (2005) пишет:

> Если даже тот же самый внешний предмет вторично нами воспринимается, то новое переживание его не может никогда вполне быть сходным с предыдущим восприятием, ибо в каждое психическое переживание включено влияние всей предыдущей психической жизни данного индивидуума и, следовательно, психический поток никогда не представляет полного возвращения к предыдущему, он есть всегда нечто, отчасти, по крайней мере, новое, еще не бывшее. Уже это обстоятельство делает невозможным воззрение на психическую жизнь как на перетасовки и ассоциации одних и тех же сохраняющихся идей, как то было в ассоциативной психологии [с. 173].

Таким образом, сами психические инварианты являются таковыми лишь по нашей субъективной оценке.

Рассматриваемая Дж. Гибсоном «скрывающаяся за внешней глубинная форма» объекта есть не что иное, как наша психическая модель-репрезентация этого объекта, существующая только в нашем сознании. Даже воспринимаемого нами объекта нет в физической реальности вне ее взаимодействия с нашим сознанием. В ней нет, например, вне нашего сознания красной благоухающей розы, а есть амодальная, невидимая и необоняемая часть «реальности в себе». Понятие *инвариант* ничем не лучше и не хуже понятия *объект*. Вводя вместо понятия *объект* понятие *инвариант*, мы ничего не выигрываем в своем понимании реальности, а лишь меняем систему координат, плоскость анализа, что дает нам, правда, незначительное преимущество за счет новой точки наблюдения. Учитывая, что *объект* конституируется нашим сознанием в процессе взаимодействия с реальностью, мы не можем не признать того же в отношении *инварианта*. Следовательно, и инварианта, как и объекта, нет в окружающей нас реальности без нас. Хотя и сама реальность, и условная повторяемость ее элементов (но лишь для нашего сознания), безусловно, есть.

Видимо, подспудно понимая это, Дж. Гибсон (1988) пишет:

> Я считаю, что в том случае, когда предметы остаются постоянными, воспринимающая система просто извлекает инварианты из текущего строя; можно сказать, что она резонирует на инвариантные структуры или что она на них настроена. Я возьму на себя смелость предположить, что в том случае, когда предметы существенно различаются, воспринимающая система должна абстрагировать инварианты. ...*Инвариант — всего лишь подобие, а не постоянство* (курсив мой. — *Авт.*) [с. 353].

А раз инвариант — «всего лишь подобие, а не постоянство», раз он «абстрагируется сознанием», то он и не может быть ничем, кроме нашей психической модели определенного аспекта реальности.

Мне кажется, что Д. Бом (2002), например, пришел к тому же, о чем говорю я. Он пишет:

> Представляется ясным, что из удивительно разнообразного и изменчивого потока движений (в процессе ощупывания и переворачивания невидимого предмета. — *Авт.*) и связанных с ними ответных ощущений мозг способен абстрагировать *относительно инвариантную структуру* ощущаемого объекта. Эта инвариантная структура с очевидностью не сводится к отдельным операциям и ощущениям и может быть абстрагирована лишь из полной совокупности таковых за некоторый период времени. ...И в зрительном восприятии... структура того, что мы видим, абстрагируется из аналогичных инвариантных взаимосвязей между определенными движениями и теми изменениями зрительных ощущений, которыми глаз отвечает на эти движения... без движений или изменений изображения на сетчатке глаза восприятия вообще не происходит... характер этих вариаций играет важную роль в определении реальной видимой нами картины. ...Вариации являются не только результатами изменений, естественным образом происходящих вокруг нас, но... они могут вызываться активно с помощью движений органов чувств самого наблюдателя. Сами по себе эти изменения не ощущаются, ощущается лишь нечто относительно инвариантное, например контуры и форма какого-либо предмета, тот факт, что данная линия — прямая, размеры и форма вещей и т. д. и т. п. Однако сама инвариантность не могла бы восприниматься, если бы активно не изменялось изображение [с. 209–210].

Последняя фраза Д. Бома чрезвычайно важна. Из сказанного можно заключить, что инвариантность обнаруживается человеком-наблюдателем в множестве изменчивых образов восприятия. Она не присутствует во внешней реальности, а конституируется сознанием в форме инвариантной структуры воспринимаемого объекта.

Д. Бом (2002) продолжает:

> Воспринимаемая нами картина... является, скорее, результатом сложного процесса, ведущего к непрерывно изменяющейся (трехмерной) *конструкции*, которая представляется нам как своего рода «внутреннее видение». Эта «конструкция» основана на абстрагировании того, что инвариантно во взаимоотношениях между системой движений, активно производимых самим перципиентом, и результирующими изменениями всей совокупности его чувственных «входных данных». Эта конструкция работает фактически как гипотеза, не противоречащая наблюдаемым инвариантным характеристикам всего, вместе взятого, опыта этого человека по отношению к рассматриваемому окружению... Возникновение такой «конструкции» зависит не только от описанного выше абстрагирования инвариантных соотношений между движением и чувственными восприятиями, оно зависит и от всего того, что *известно* перципиенту [с. 210–211].

> ...то, что мы воспринимаем, это не точно то самое, что находится перед нашими глазами. Мы воспринимаем все в организованной и оструктуренной форме с помощью абстрагирования инвариантов, относящихся к данной ситуации... которые объясняют наш непосредственный опыт и многочисленные прежние опыты [с. 212].

Итак, инвариантность — качество не окружающей нас реальности, а наших моделей-репрезентаций этой «реальности в себе».

---

* Рис. 29, *а* и *г* — прямоугольник, рис. 29, *б* и *в* — квадрат.

ГЛАВА 1.9

Микрогенез образа восприятия

- *О роли образов представления и воспоминания в восприятии*
- *Прообразы или сенсорные впечатления*
- *«Итоговый» образ восприятия*
- *Мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации в микрогенезе образов восприятия*
- *Образ и ощущение — психические сущности или конструкты исследователей?*

1.9.1. О роли образов представления и воспоминания в восприятии

Как я уже отмечал выше, тот факт, что образы воспоминания и представления участвуют в восприятии, известен давно. В. Вундт (2007) пишет, например:

> То, что мы считаем непосредственно воспринятым, в значительной части зависит от наших воспоминаний о бесчисленных прежних впечатлениях, причем мы не можем сознательно отделить то, что дано нам прямо, от добавленного путем ассимиляции [с. 67].

О том же говорят Г. Эббингауз и У. Джеймс:

> Всюду непосредственно данное дополняется и расширяется на основании прежнего опыта. Душа восстанавливает, по крайней мере посредством представлений, более широкие связи и более объемлющие единства, в которых она прежде пережила то, что теперь в ней происходит отрывочно и с пробелами [Г. Эббингауз, 1998, с. 87].

> Главное мозговое условие восприятия — это старые следы ассоциации, освещаемые лучами впечатления, получившегося в органе чувств [У. Джеймс, 2003, с. 345].

У. Джеймс (2003) отмечает еще одно обстоятельство:

> ...люди замечают в предметах только те их стороны, которые они ранее научились различать. Каждый из нас может заметить известное явление после того, как на него нам указывают, но едва ли кто-то и из десяти тысяч людей сумеет самостоятельно открыть это явление... Короче говоря, вещи, которые мы обыкновенно видим, это лишь те вещи, которые мы воспринимаем, а воспринимаем мы только те вещи, которые имеют для нас известную отметку или ярлык, и эта отметка запечатлелась в нашей мысли [с. 255].

Наиболее глубоко разработал проблему участия образов воспоминания и представления в восприятии Г. Гельмгольц. Он (2002) определяет образы восприятия и представления и их взаимоотношения между собой так:

> Будем относить выражения *образов в представлении* только к отвлеченным от текущих чувственных впечатлений реминисценциям наблюдавшихся ранее объектов; выражение *перцептивный образ* — к восприятию, сопровождающемуся соответствующими чувственными ощущениями; выражение *первичный образ* (это то, что я называю сенсорными впечатлениями. — *Авт.*) — к совокупности впечатлений, формирующихся без каких бы то ни было реминисценций прежнего опыта и не содержащих ничего, кроме того, что вытекает из непосредственных чувственных ощущений. Теперь нам ясно, что один и тот же перцептивный образ может иметь различную чувственную основу, то есть образ в представлении и актуальные впечатления могут входить в самых различных отношениях в перцептивный образ. ...Прежний опыт и текущие чувственные ощущения взаимодействуют друг с другом, образуя перцептивный образ. Он имеет такую непосредственную впечатляющую силу, что мы не можем осознать, в какой степени он зависит от памяти, а в какой — от непосредственного восприятия [с. 30].

> ...часть чувственного восприятия, порождаемая опытом, не менее сильна, чем та, которая зависит от текущих ощущений. ...Все в нашем чувственном восприятии, что может быть преодолено и обращено в свою противоположность с помощью очевидных фактов опыта, не является ощущением (сенсорными впечатлениями. — *Авт.*) [с. 31–32].

Как именно образы воспоминания и представления участвуют в формировании образа восприятия? Существуют ли и если да, то что представляют собой «итоговые образы» восприятия, каков механизм их формирования? Играет ли рефлексия какую-то роль в формировании образа восприятия?

Когда я закрываю глаза и перестаю воспринимать какой-то предмет, находящийся передо мною, образ его воспоминания немедленно появляется перед моим мысленным взором. Если я при этом с закрытыми глазами мысленно перевожу взгляд с предмета в сторону, образ его представления сменяется соответствующими образами представления тех предметов, которые находятся в этом месте. Иными словами, память услужливо предоставляет мне то, что я должен был бы увидеть, если бы, открыв глаза в привычной обстановке, сместил в определенном направлении взгляд с предмета. Все это очевидно свидетельствует о колоссальной роли образов представления в восприятии окружающего нас мира.

Может ли образ восприятия предмета существовать в сознании одновременно с образом представления того же предмета? Интроспекция свидетельствует, что может. О том же пишет Г. Гельмгольц (2002):

> Когда я нахожусь в знакомой комнате, освещенной ярким солнечным светом, мое восприятие сопровождается обилием очень интенсивных ощущений. В той же комнате в вечерних сумерках я могу различить лишь самые освещенные объекты, в частности окно, но то, что я вижу в действительности, сливается с образами моей памяти, относящимися к этой комнате, и это позволяет мне уверенно передвигаться по ней и находить нужные вещи, едва различимые в темноте ...Наконец, даже в полной темноте, припоминая находящиеся в комнате предметы, я могу чувствовать себя довольно уверенно. Так, путем постепенного сокращения чувственной основы перцептивный образ может быть сведен к образу-представлению и постепенно перейти в него целиком ... прежний опыт и текущие чувственные ощущения взаимодействуют друг с другом, образуя перцептивный образ. Он имеет такую непосредственную впечатляющую силу, что мы не можем осознать, в какой степени он зависит от памяти, а в какой — от непосредственного восприятия [с. 30–31].

Все же по-прежнему остается непонятным, как именно образы представления участвуют в восприятии.

Согласно У. Найссеру (1981), после исчезновения объекта восприятия его образы — иконические и эйдетические — сохраняются некоторое время в сознании. *Значит ли это, что они появляются только после прекращения восприятия объекта? Что это вообще за образы: инерционные образы восприятия или же уже образы воспоминания, что кажется более естественным, так как при их наличии перед человеком уже нет объекта восприятия?* Феноменология психических образов вообще и остаточных образов восприятия в частности разработана недостаточно. Между тем трудно классифицируемые образы постоянно присутствуют в нашем сознании, и оно не проводит различий между ними и собственно образами восприятия. Хотя образы эти исподволь видоизменяют текущие образы восприятия, чего мы обычно даже не замечаем.

Участие образов представления в восприятии можно обнаружить, если взглянуть на знакомый предмет и тут же отвести от него взгляд. Предположим, мой взгляд был направлен на книжный шкаф. Сразу после исчезновения его из моего поля зрения

я ловлю себя на том, что продолжаю как бы видеть образ его темной лакированной поверхности, латунные блестящие полоски металла и разноцветные обложки книг, но тут же понимаю, что не мог этого увидеть сейчас в сумраке комнаты. Следовательно, это образ моего воспоминания. Однако вновь возникает сомнение, так как латунные полоски располагаются вертикально, а не горизонтально, как им положено. *Тогда это скорее образы представления? Но раз так, то почему эти неясные по своей феноменологии образы должны и могут возникать у меня только в том случае, когда я не воспринимаю шкаф, а воспринимаю, например, диван? Ведь, когда я воспринимаю образы других окружающих меня объектов, я одновременно легко представляю себе шкаф?* Иными словами, я могу одновременно и воспринимать, и представлять — вспоминать разные объекты? Соответственно, я могу одновременно и воспринимать, и представлять — вспоминать один и тот же объект.

С помощью интроспекции легко можно обнаружить, что мы действительно способны одновременно воспринимать образ одного объекта и представлять или вспоминать его же образы. Иными словами, в нашем сознании параллельно сосуществуют две, а то и три феноменологически разные группы психических явлений: образы восприятия, воспоминания и представления, в том числе даже образы воспоминания, представления и восприятия одного и того же объекта. Следовательно, нам ничто не мешает представлять или вспоминать ранее виденные нами образы объекта одновременно с его воспринимаемыми сейчас образами. Эти образы представления и воспоминания, с одной стороны, и образы восприятия того же объекта, с другой стороны, прекрасно «уживаются» одновременно друг с другом в моем сознании, о чем фактически говорит и Г. Гельмгольц. Я, например, не отрываясь смотрю на дверцу шкафа, в замочной скважине которого вставлен ключ, и одновременно с этим представляю или вспоминаю — вижу внутренним взором, как ключ поворачивается и дверца открывается.

Трудно объяснить, как это происходит, сосуществуют они действительно одновременно или же мгновенно сменяют друг друга, создавая тем не менее ощущение своего одновременного присутствия. Для нас сейчас важно лишь то, что образы представления и воспоминания объекта сосуществуют с образами его восприятия. Это свидетельствует о том, что они способны непосредственно влиять на текущее восприятие. Мгновенные образы представления и воспоминания как бы «встраиваются» в текущее восприятие, в поток мгновенных образов восприятия.

О том же пишет Р. Вудвортс (1950):

> Мартин (L. G. Martin, 1911) обнаружил, что многие люди способны представить то, что вначале казалось невозможным. Они могли смотреть на объект, наряду с этим вызвать его образы (представления. — *Авт.*) и сравнивать их. Его испытуемые сообщали, что по сравнению с реальным объектом образ обычно был менее ярким по цвету, неопределеннее в контурах и что, когда реальный объект был налицо, он возникал с трудом [с. 49].

Образы воспоминания окружающей человека именно здесь и сейчас реальности, как и схемы прошлых действий в аналогичных условиях, актуализируются в сознании образами восприятия самой окружающей реальности. Глядя, например, на

дверь своей спальни в полутьме, когда я не могу видеть фактуру тонированного дерева, я отмечаю, что я ее одновременно как бы вижу и не вижу. Правильнее сказать, что у меня в сознании есть ее образы, несмотря на то что я ее не воспринимаю. Имеющейся у меня установки «я у двери своей спальни» достаточно для актуализации в сознании соответствующих образов воспоминания и представления, достраивающих в моем сознании смутный или даже отсутствующий образ восприятия двери.

Таким образом, то, что мы называем образом восприятия, — это не столько продолжающийся конечный период времени перцептивный образ, как принято считать, сколько, по-видимому, совокупность множества быстро возникающих и исчезающих мгновенных образов восприятия и воспоминания-представления окружающей реальности. Более отчетливо данный факт проявляется, если образы воспоминания чем-то отличаются от текущих образов восприятия реальности, менее — если они совпадают друг с другом.

В сознании охотника, идущего по лесу и ожидающего каждую минуту увидеть зверя, то есть имеющего соответствующую установку, реально могут возникать образы представления добычи, актуализируемые образами восприятия колеблемых ветром листьев и травы. Несмотря на то что представляемые образы встраиваются здесь в воспринимаемую картину реальности, обычно человек достаточно легко их разграничивает. Но стоит только появиться по любой причине неопределенности в мгновенных образах восприятия: из-за уменьшения освещенности, из-за изменения состояния человека и т. д., как образы представления легко подменяют собой образы восприятия. В шевелящемся в сумерках кусте или тумане охотник уже «видит» зверя и действует соответствующим образом. Всем хорошо знакомы и в том или ином виде большинством из нас переживались аффективно окрашенные иллюзии восприятия, когда в темноте образы восприятия безобидного объекта подменялись образом представления угрожающей фигуры.

Наше восприятие ухватывает какие-то главные моменты, опорные пункты окружающей реальности, и образ восприятия достраивается с помощью образов представления и воспоминания соответствующей модели-репрезентации до целостного объекта. Например, образ знакомого слова, воспринимаемого нами в ситуации неопределенности (плохая слышимость или видимость), но в привычной языковой конструкции, быстро возникает у нас лишь потому, что в памяти существуют уже многочисленные образы воспоминания данного слова в составе определенных языковых конструкций. Данная способность нашего сознания позволяет нам распространять свои знания на никогда не виденные ранее особенности реальности, сходные в чем-то с воспринятыми и понятыми в прошлом. В. Вундт (2007) описывает это так:

> ...мы узнаем знакомого, которого долгое время не видали; мы признаем стол именно столом, хотя бы мы никогда его не видали, в силу непреодолимо многих ассоциаций с другими столами, которые он в нас пробуждает [с. 69].

Иными словами, сознательное узнавание и распознавание объектов зависит от наличия у воспринимающего соответствующих моделей-репрезентаций.

Обсуждая работу Г. Гельмгольца, А. Н. Гусев (2007) пишет:

> ...в обычных условиях восприятия достаточно трудно определить, что в нашем образе от его чувственной основы – ощущений, а что привнесено опытом (то есть имеет отношение к модели-репрезентации. – *Авт.*) [с. 72].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) еще раз напоминают хорошо известный факт:

> ...сохраняющаяся в памяти информация, перекодируясь, конструирует психические конструкции, соответствующие воспринимаемому объекту. Так обусловливается активный характер восприятия: мы не столько воспринимаем информацию, сколько ищем ее в окружающей среде [с. 45].
>
> Образ, который формирует индивид, воспринимая объект, только частично состоит из непосредственно воспринимаемой информации, другая его часть складывается за счет когнитивного материала самого индивида и отражает его прошлый опыт. Такое искажение есть результат самого механизма опознания [с. 254].

Образы представлений и воспоминаний играют определяющую роль и в восприятии речи. Например, в непрерывной совокупности букв, приведенной Ч. Осгудом [2002в, с. 325], – *собакаестмясо* – сознание без труда выделяет привычные «фрагменты» – зрительные образы слов: «собака», «ест», «мясо».

Х. Шиффман (2003) отмечает:

> Мы воспринимаем слова отдельно друг от друга, но то, что они действительно отделены друг от друга, неочевидно: нет никаких физических признаков, которые соответствовали бы воспринимаемому нами разделению. Более того... на спектрограммах (графическая запись частоты звуков речи во времени. – *Авт.*) нет пробелов, которые бы соответствовали тому, что мы воспринимаем как границы между словами. ...Иностранный язык воспринимается... как быстрый, непрерывный поток звуков [с. 601].

Это лишний раз подтверждает, что именно исходно существующие в памяти носителей языка образы воспоминания и представления слов родного языка и конструкций из них играют важнейшую роль в восприятии речи, тогда как в звуках речи чужого языка мы не в состоянии часто даже выделить слова.

Роль образов представления в восприятии иллюстрируют и изображения, приведенные Ч. Осгудом (рис. 30), которые, как пишет автор (2002в):

> ...по-видимому, имеют небольшой смысл для большинства читателей – просто некое скопление форм и линий. Но как только вам скажут, что рисунки изображают «солдата с собакой, проходящих за воротами забора» и «женщину, моющую пол», они сразу же превращаются в понятную организацию [с. 325].

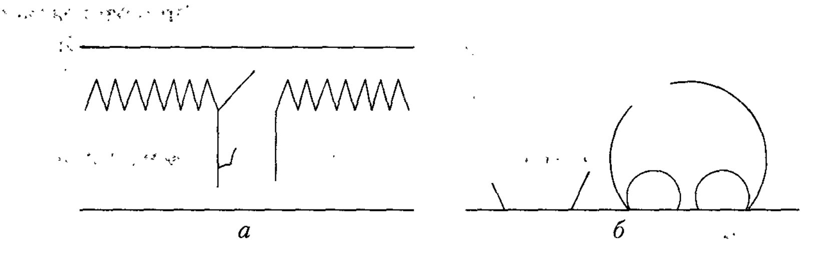

Рис. 30. Изображения, приведенные Осгудом

Зрительные впечатления были исходно непонятны, но после того, как вербальная конструкция *солдат с винтовкой и собака с хвостом, проходящие за калиткой в заборе*, актуализирует в сознании соответствующие визуальные образы представления, которые выступают в роли установки, рисунок воспринимается уже как иллюстрация.

Когда я воспринимаю знакомый объект, образ его восприятия совершенно явно достраивается за счет образов представления и воспоминания, причем эта «достройка» порой выходит за границы того образа, который я реально могу воспринять. Например, видя въезжающую на дачный участок машину жены, я узнаю ее за рулем, хотя вряд ли разглядел бы лицо человека в незнакомой машине. Когда я смотрю на свою входную дверь, то вижу (точнее, представляю) прихожую за ней. Образ восприятия в обоих случаях трансформируется имеющимся у меня сенсорным знанием в нечто существенно отличное от того, что может быть сейчас реально воспринято мною в этих условиях и из этого положения. Можно сказать, что в восприятии присутствуют, кроме непосредственно данных нам элементов, еще и привлекаемые сознанием дополнительные элементы.

Важная роль образов представления и воспоминания состоит в том, что, как я уже отмечал, они постоянно дублируют текущий образ восприятия реальности и немедленно замещают его при внезапном его «выключении». Без этого человек мгновенно дезориентировался бы в реальности даже, например, при кратковременном закрывании глаз. Они постоянно сохраняют для наблюдателя дополнительную модель окружающей его физической реальности, меняя ее в соответствии с меняющейся перцептивной картиной.

Роль образов представления и воспоминания в восприятии хорошо демонстрируют нам закрытые поверхности, о которых пишет Дж. Гибсон (1988):

> Повсюду вокруг видны предметы, причем одни из них видятся позади других. Как такое возможно? Должна существовать информация... не только о закрывающих, но и о закрытых поверхностях. Что же это за информация?.. Я намереваюсь показать, что информация в неявном виде содержится в краях, которые разделяют поверхности... Если заданы закрывающие края, то тем самым заданы как закрывающая, так и закрываемая поверхности. Утверждение, что наблюдатель может увидеть поверхности, которые невидимы, является, конечно, парадоксальным [с. 122].

Это парадоксально, но все же наблюдатель действительно почти что «видит» «поверхности, которые невидимы», так как в его сознании возникают визуальные образы их представления и он в буквальном смысле дополняет ими свои образы восприятия. Впрочем, это происходит лишь в том случае, если загораживается знакомый объект, то есть в сознании может быть актуализирована уже имеющаяся у наблюдателя модель-репрезентация известного ему предмета.

Дж. Гибсон (1988) продолжает:

> ...не существует линии раздела между настоящим и прошлым, восприятием и воспоминанием. Когда прекращается сенсорное возбуждение, исчезает особое чувственное впечатление, а не восприятие. Восприятие не становится памятью по истечении определенного промежутка времени. У процесса восприятия нет конца — оно осуществляется беспрестанно. Возможно, деление опыта на настоящий и прошлый навязано нам языком (в действительности оно навязано нам все же феноменологическими

особенностями наших психических образов. — *Авт.*), потому что можно сказать либо «Я вижу Вас», либо «Я видел Вас», а промежуточной формы в языке нет. У глаголов есть только настоящее и прошедшее время. Нам не хватает слов, для того чтобы описать, например, тот факт, что вы осознаетесь мною независимо от того, находитесь вы в моем поле зрения или нет (это можно сделать, если объяснить, что в сознании Гибсона присутствует модель-репрезентация человека независимо от того, воспринимает ли он его в данный момент. — *Авт.*). Язык категориален. Поскольку мы склонны отделять настоящее от прошлого, мы невольно оказываемся вовлеченными в так называемую «путаницу с памятью» [с. 359–360].

Данное удивительно глубокое и тонкое наблюдение исследователя, внесшего, как мне представляется, самый большой после Г. Гельмгольца вклад в изучение восприятия, очень значимо для феноменологии восприятия, где переплетаются неразрывно «Я вижу», «Я видел», «Я представляю». Все же интроспекция не оставляет нам сомнений в существовании жестких различий между образами восприятия, с одной стороны, и образами воспоминания и представления — с другой, которые и порождают в сознании, а затем и в языке категории прошлого, настоящего и будущего времени.

Дж. Гибсон фактически указывает на то обстоятельство, что модели-репрезентации предметов не просто позволяют нам мысленно оперировать предметами, которые в данный момент не воспринимаются нами, но и активно участвуют в «достройке» окружающих нас, но не вполне доступных восприятию объектов. Гибсон (1988) замечает:

...если как следует разобраться, то оказывается, что *сейчас* мы видим ту или иную совокупность поверхностей, случайно оказавшихся в этот момент в поле зрения и обращенных в сторону наблюдателя. То, что мы видим, не ограничивается только тем, что мы видим *сейчас*. Последнее не может быть основой восприятия окружающего мира, оно связано с «Я» наблюдателя, а не с окружающим миром. Перспективный облик внешнего мира в данный момент времени просто задает для наблюдателя место, в котором он находится в это время. Процесс восприятия внешнего мира начинается не с этой конкретной проекции, не с этого моментального паттерна — он начинается с извлечения вариантов [с. 360–361].

Иными словами, модели-репрезентации позволяют нам не ограничиваться в своем восприятии «только тем, что мы непосредственно видим сейчас». Я сказал бы, что «процесс восприятия внешнего мира начинается с извлечения» имеющихся в нашей памяти его моделей-репрезентаций.

Дж. Гибсон (1988) продолжает:

Нам трудно свыкнуться с мыслью, что *скрытая* поверхность может *восприниматься*, — мы привыкли считать, что она может только *припоминаться*. Для того чтобы какую-либо вещь можно было воспринимать, она должна быть «дана органам чувств»... [с. 271].

В этой связи он приводит эксперимент Каплана:

Испытуемым показывались кинокадры, заполнявшие весь экран, где кадр за кадром снималась на фотопленку случайно текстурированная бумага, причем каждый последующий кадр отличался тем, что с одного края бумаги проводились ровные срезы.

Ни на одном отдельно взятом кадре не было видно никакой линии, однако с одной стороны этой невидимой линией создавалось постепенное удаление текстуры с помощью последовательного отрезания узких полос бумаги. Постепенное прибавление текстуры можно было получить, запустив пленку в обратном направлении. ...Все наблюдатели без исключения видели, как одна поверхность *уходила за* другую (или *выходила из-за* нее), а эта вторая поверхность закрывала (или открывала) первую. ...Поверхность, скрывающаяся из виду, никогда не виделась как поверхность, перестающая существовать, а поверхность, появляющаяся в виду, никогда не воспринималась как поверхность, лишь сейчас обретающая существование. Короче говоря, у *заслоняющего края* одна поверхность виделась буквально *позади* другой. Если показ фильма прекращался и строй останавливался, то восприятие края исчезало – оно сменялось восприятием совершенно непрерывной поверхности. Если оптическое превращение возобновлялось, то опять возникало восприятие края. ...Скрывшаяся поверхность продолжала видеться и после того, как она скрылась, а открывшаяся казалась существовавшей и до того, как она открылась. Было бы неправильно описывать ситуацию таким образом, что в первом случае поверхность помнится, а во втором — предвосхищается. Лучше было бы сказать, что она воспринималась ретроспективно и проспективно. Вполне разумно считать, что восприятие простирается в прошлое и будущее. Заметьте, однако, что считать так — значит вступать в противоречие с общепринятым учением, согласно которому восприятие ограничено настоящим [с. 272–273].

Данное рассуждение Дж. Гибсона ставит вопросы. 1. *Воспринимается ли скрытая поверхность, как полагает Дж. Гибсон?* 2. *Простирается ли восприятие в прошлое и будущее?*

Вряд ли можно согласиться с автором, что «скрывшаяся поверхность продолжала видеться и после того, как она скрылась». Продолжала видеться лишь не скрывшаяся пока часть скрывавшейся поверхности. Что совсем не одно и то же. Другое дело, что скрывшуюся ее часть достраивала наша модель-репрезентация воспринимаемой нами скрывающейся поверхности. Новой, открывающейся поверхности, которая тоже якобы создавалась (из ничего) нашим восприятием, не существовало до того, «как она открылась» нашему восприятию. То, что она, как пишет Дж. Гибсон, «казалась существовавшей и до того», опять обусловлено соответствующей моделью-репрезентацией, достраиваемой нашим восприятием, так как мы привыкли к тому, что поверхности в окружающей реальности лишь появляются из-за других заслоняющих их поверхностей или скрываются ими, но не возникают из ничего.

Дж. Гибсон совершенно прав в том, что нет оснований полагать, будто скрывшаяся поверхность «помнится», а открывающаяся поверхность «предвосхищается». Они действительно «видятся», точнее, представляются зрительно в результате достраивания образов восприятия соответствующими моделями-репрезентациями. Точно так же нет никаких оснований полагать, что первая воспринимается «ретроспективно», а вторая — «проспективно», и что вообще наше «восприятие простирается в прошлое и в будущее».

Итак, якобы «скрывающаяся» и «появляющаяся» поверхности не «видятся», а лишь очень ярко и зримо представляются наблюдателю. Настолько зримо, что даже у такого исследователя, как Дж. Гибсон, появляется уверенность в их зрительном восприятии.

У. Найссер (1981) рассматривает другой аспект проблемы:

Любая реальная ситуация бесконечно богата информацией. Всегда можно увидеть и узнать больше, чем видит и знает какой-то конкретный индивид. Почему же мы не видим и не знаем всего? Ответ, который чаще всего можно услышать, теоретически соблазнителен, но едва ли адекватен; он гласит: «Мы отфильтровываем информацию». ...Нет таких механизмов, процессов или систем, функция которых состояла бы в том, чтобы отклонять эти стимулы, так что они воспринимались бы, если бы эти механизмы почему-либо отказали. Воспринимающий не собирает эту информацию просто потому, что он лишен необходимых для этого средств. Тот же принцип применим и тогда, когда воспринимающий наделен соответствующими сенсорными механизмами для восприятия, но не имеет нужного навыка, то есть в тех случаях, когда необходимое перцептивное научение не имело места. Отбор — позитивный процесс, а не негативный. Воспринимающие выделяют только то, для чего у них есть схемы, и волей-неволей игнорируют все остальное [с. 97–98].

«Схемы», о которых говорит здесь автор, — не что иное, как модели-репрезентации уже известных воспринимающему вещей. Именно они заставляют наблюдателя «фильтровать» воспринимаемую информацию, направляя его восприятие по простейшим, привычным и накатанным путям, не загружающим чрезмерно сознание. Однако с точкой зрения У. Найссера трудно согласиться полностью. Наблюдатель действительно воспринимает в первую очередь предметы, модели-репрезентации которых у него есть, что тем не менее не мешает ему формировать и новые модели-репрезентации еще неизвестных ему объектов.

1.9.2. Прообразы, или сенсорные впечатления

У. Джеймс (2003) пишет:

Ощущения — непосредственные результаты воздействия нервных токов на сознание, когда эти токи входят в мозг и прежде чем они пробудили некоторые ассоциации с прошлым опытом. ...Очевидно, что такие непосредственные ощущения могут существовать только в первые дни жизни. Но они совершенно невозможны у взрослых с их воспоминаниями и множеством приобретенных ассоциаций. ...У новорожденного мозг образует абсолютно чистое ощущение. Но опыт оставляет свой след... Следствием этого являются другой род чувств и высшая степень суждения [с. 14].

Действительно, видимо, есть основания говорить о первичных, данных нам от рождения ощущениях, точнее, сенсорных впечатлениях, или прообразах, упоминаемых в литературе. Они радикально отличаются не только от образов, но и от ощущений взрослого человека. Главным их отличием является бедность их значения или даже вовсе его отсутствие.

Большой толковый психологический словарь (2001) определяет *впечатление* как:

...предполагаемый нервный эффект стимуляции. Эта модель употребления — своего рода физиологическая метафора для обозначения всего, что возникает в мозгу... [с. 152].

Я тем не менее полагаю, что данное понятие обозначает не физиологическое, а психологическое явление, возникающее в результате взаимодействия с окружающим миром организма, не имеющего еще соответствующих моделей-репрезентаций.

Понятие *прообраз* широко используют Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), которые определяют его как:

> ...периферический информационный поток, формируемый в процессе оптофизической дифференциации пространства и проецируемый в бинарную систему; транзиторную психическую конструкцию, участвующую в осуществлении опознания [с. 335].

Если первую часть этого определения принять нельзя в силу ее аморфности и неопределенности, то вторая часть имеет все-таки психологическую соотнесенность, и ее можно использовать при рассмотрении микрогенеза образа восприятия как один из ориентиров, пусть и туманных.

Как и почему происходит приобретение сенсорным впечатлением, или прообразом, понятного человеку значения, которое превращает впечатление уже в образ восприятия? Что такое сенсорное впечатление феноменологически?

Ф. Х. Олпорт (2002) пишет:

> Предположим, мы смотрим на некоторый объект с целью опознать его в условиях короткой экспозиции или при освещенности, недостаточной для его узнавания. Будем от пробы к пробе постепенно удлинять время экспозиции или увеличивать освещенность. Сначала мы увидим какое-то красное пятно округлой формы, но опознать объект еще не сможем, Экспозиция или освещенность увеличится, и мы вновь сделаем попытку опознать объект. Может последовать целая серия безуспешных попыток или ошибочных восприятий, и вдруг мы узнаем объект сразу: это — яблоко. Это не красный диск, не свекла, не круглый красный мяч, а яблоко. Мы не ошибаемся, так как объект имеет много характерных признаков. Мы не можем сказать, что это только цветовые впечатления; это также не одна только конфигурация. Хотя объект обладает определенной фактурой, организацией частей, непрерывностью контура и воспринимается как фигура на фоне, он представляется как нечто большее, нежели каждое из этих свойств. Он подчиняется закону константности величины и цвета, и легко может быть создана система отсчета для «яблок», устанавливающая, кажется ли предъявленный объект большим или маленьким яблоком [с. 73–74].

«Темное пятно» исходно является для нас таковым потому, что мы знаем, что такое «пятно» и что такое «темное». Если бы мы не знали этого, оно было бы лишь чем-то мелькающим в нашем поле зрения (если бы мы знали, что такое «мелькание» и «поле зрения»). Иными словами, если бы мы не имели никаких знаний о мире, как новорожденный, например, оно было бы чем-то воспринимаемым, осознаваемым, но абсолютно непонятным, ничего для нас не значащим и почти неспособным поэтому удержаться в нашей памяти. Мы смогли бы его запомнить, если бы оно чем-то привлекло наше внимание, а следовательно, получило бы поэтому некий смысл для нас, пусть даже только как некая непонятная сущность. Вот это непонятное, но воспринимаемое нами «нечто» (впоследствии «темное пятно» и даже «яблоко») и есть прообраз, или сенсорное впечатление. Следовательно, прообразы — это вполне осознанные, быстро сменяющие друг друга в нашем

сознании чувственные впечатления, в данном случае — зрительные, не имеющие для воспринимающего ясного или хотя бы как-то понятного ему значения. При концентрации на них внимания и удержании их в сознании они могут превратиться в осмысленные[1], то есть понимаемые[2] в разной степени образы, приобретшие почему-либо то или иное значение.

Двухлетний ребенок видит лозунг и буквы лозунга, но не понимает его смысл. Лозунг для него не более чем промелькнувшее, ничего не значащее, а потому непонятное зрительное впечатление — прообраз. Лишь с появлением в этих его визуальных впечатлениях какого-то «личностного смысла» [А. Н. Леонтьев, 1983а, с. 237], хотя бы в форме осознания того, что это — особый предмет или даже того, что отдельные элементы этого изображения представляют собой буквы, ребенок начинает не просто обращать внимание на эти сенсорные впечатления, но и понимать факт их наличия. Они становятся для него значимыми, а потому в определенной степени понятными, то есть превращаются для него в образы, имеющие элементарное значение.

Исходя из сказанного, сенсорными впечатлениями, или прообразами, я называю не имеющие еще понятного субъекту значения перцептивные явления, возникающие в сознании вследствие врожденной способности к формированию мгновенных перцептивных образов.

При кратковременном предъявлении наблюдателю объекта в его сознании может не возникнуть ничего, возникнуть «нечто» непонятное ему или возникнуть узнаваемый им в разной степени визуальный образ. Это непонятное наблюдателю, но осозноваемое им «нечто» и есть сенсорное впечатление. Способность формировать сенсорные впечатления присуща человеку от рождения. С течением времени впечатление может приобретать некое значение, превращаясь в «несущий смысл» психический феномен, то есть, говоря метафорически, не имеющий исходно значения, «пустой» психический феномен со временем может приобретать смысл (значение) для человека, превращаясь в полноценный, хотя и понятный ему в разной степени образ восприятия.

Отличие сенсорного впечатления (или прообраза) от мгновенного образа восприятия заключается в отсутствии у первого и наличии у второго значения, хотя бы в минимальной степени понятного наблюдателю. Для того чтобы трансформироваться в понятный мгновенный образ восприятия, сенсорное впечатление должно актуализировать в сознании соответствующую модель-репрезентацию, если таковая уже есть в сознании. Возникающие сенсорные впечатления по разным и порой не вполне

---

[1] Осознанные и осмысленные (или понятые) — различия см. в гл. 1.10.

[2] *Понимание* — способность личности осмыслять, постигать содержание, смысл, значение чего-нибудь... [Большой психологический словарь, 2004, с. 395]. Если узнавание — это просто «осознание индивидом того, что данный объект или событие он уже видел ранее, пережил...» [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 388], то понимание, определяемое как «...состояние сознания, характеризующееся способностью понять смысл и значение чего-либо» [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 341], — более глубокая степень проникновения в объект или событие, выявление в нем специфических особенностей и связей с другими объектами или событиями.

понятным причинам могут актуализировать либо не актуализировать в сознании соответствующие им модели-репрезентации — свои значения, если таковые уже сформированы у наблюдателя. Во втором случае они остаются непонятными и бесследно исчезают. Сенсорные впечатления, естественно, участвуют в формировании новых моделей-репрезентаций еще пока неизвестных субъекту предметов.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) считают прообразом:

> ...все то, что субъект воспринимает, но не идентифицирует как конкретный объект. ...Эпизоды такого в чистом виде мы можем проследить на некоторых кинематографических приемах, когда оператор дает объект в настолько необычном ракурсе, что вы его не можете опознать. Например, на огромном экране появляются какие-то непонятные размытые цветные пятна. Постепенно они уменьшаются в размерах, становятся более четкими, приобретают определенные формы, и вы видите что-то похожее на глаз, который в упор смотрит на вас. Все то, что вы воспринимали до опознания глаза, было фактически прообразным восприятием... [с. 218].

Вряд ли с авторами можно согласиться полностью, так как если я воспринимаю уже эти пятна как объект (хотя и не могу его опознать) и считаю их образом чего-то, пусть и непонятного мне, то это уже не прообраз, а непонятный образ восприятия. Авторы поднимают также вопрос о длительности существования прообраза и его возможной структуре:

> Вероятно, она может быть идентифицирована с эконической или эхоической памятью и составляет 0,125–0,250 с. Длительность существования ко-образа должна быть значительно меньше, поскольку для сличения с прообразом предъявляется большое количество ко-образов. Саккадические движения глаз совершаются с частотой 30–70 раз в секунду. Это означает, что с такой же частотой меняется картина восприятия, падающая на сетчатку и подающаяся в центральный конец анализатора для обработки. Если к этому добавить движения глаза, определяемые физиологическим нистагмом и дрейфом глазных яблок, то частота смены картин восприятия возрастет еще больше. Однако фактическое время экспозиции еще меньше, поскольку требуется определенное время для перемещения глазных яблок, когда изображение не фиксируется. Можно считать, что время зрительной экспозиции составляет тысячные доли секунды [с. 219].

> ...время существования блица, судя по всему, составляет несколько тысячных секунды... Блицы, полученные в пределах одного масштаба восприятия, накапливаются, наслаиваясь друг на друга. В этом случае прообраз представляет собой конструкцию, соответствующую не одному, а многим блицам, то есть становится кумулятивной конструкцией [с. 220].

Приведенные данные интересны тем, что, несмотря на совершенно иные подходы, авторы пришли примерно к тем же результатам, что и я. Не вижу смысла резко разделять мгновенные образы и сенсорные впечатления, так как они различаются, как мне представляется, лишь наличием или отсутствием понятного субъекту значения. Соответственно, продолжительность сенсорных впечатлений равна длительности мгновенных образов и составляет миллисекунды и десятки миллисекунд.

Текущее восприятие следует рассматривать, по-видимому, как поток прообразов, лишь небольшая часть которых, актуализируя элементы значения, как-то понятные

наблюдателю, трансформируется в мгновенные образы. Даже узнаваемые образы понятны ему в очень разной степени. Ясные и относительно ясные мгновенные образы сменяются в сознании вовсе непонятными сенсорными впечатлениями. Произвольному воспоминанию впоследствии доступны только образы, которые к тому же были зафиксированы памятью. Сенсорные же впечатления исчезают безвозвратно. В абсолютном большинстве случаев они даже не привлекают к себе внимания. Именно поэтому большая часть воспринятого «проходит мимо» нас, а у исследователей возникает предположение о наличии в нашем сознании некоего «фильтра» или «схем», выступающих в роли последнего. В общем-то, имеющиеся в сознании воспринимающего модели-репрезентации окружающего мира можно рссматривать как своеобразный метафорический «фильтр», отбирающий только те впечатления, которые способны актуализировать эти имеющиеся модели репрезентации.

Так как различия между мгновенными образами и сенсорными впечатлениями заключаются лишь в наличии или отсутствии значения у тех и других, то есть фактически в их способности вызывать ассоциации, можно говорить о непрерывном континууме перцептивных явлений, располагающемся между двумя полюсами. На одном находятся почти совершенно «пустые» сенсорные впечатления, не пробуждающие в сознании почти никаких ассоциаций — «пустые» чувственные репрезентации (новорожденных). На другом — максимально понятные, имеющие сложное значение мгновенные образы восприятия. И те и другие осознаются, то есть существуют в сознании, но одни бессмысленны и непонятны, другие — наполнены субъективным смыслом. Нераспознавание сенсорного впечатления может быть обусловлено не только отсутствием необходимого значения у возникающего впечатления, но и качествами самого сенсорного впечатления, обусловленными условиями процесса восприятия: продолжительность, освещение, помехи и др.

Человек, владеющий китайским языком, видит в китайском иероглифе понятный ему символ. Человек, не знающий китайский язык и письменность, понимает только, что видит непонятный иероглиф. Ребенок же лишь понимает, что видит нечто. Следовательно, и образ восприятия может быть понятен нам в разной степени. Такие в разной степени понятные нам образы постоянно присутствуют в нашем восприятии. Множество сенсорных впечатлений, непрерывно появляясь в сознании и исчезая затем из него навсегда, чтобы никогда более ничем нам о себе не напомнить, создают своего рода перцептивный «фон», который постоянно и малозаметно для нас присутствует в сознании. На этом «фоне» возникают «фигуры» — мгновенные образы восприятия, некоторые из которых даже фиксируются памятью.

Наряду с прообразами и мгновенными образами восприятия, которые формируют то, что можно назвать «перцептивной плоскостью» сознания, в последнем почти постоянно присутствуют образы представления и воспоминания, образующие другую, относительно самостоятельную плоскость психических феноменов — «плоскость представлений и воспоминаний». Причем, как свидетельствует интроспекция, большинство возникающих в сознании визуальных образов представления тоже не имеют ясного для субъекта значения, что обусловлено, в первую очередь, кратковременностью их существования.

Множество представлений и воспоминаний, появляясь в сознании на очень короткое время, создают свой «фон», на котором в виде «фигур» возникают от-

дельные привлекающие к себе внимание образы представления и воспоминания. «Фоновые» феномены не фиксируются памятью и, исчезнув, не могут быть более никогда возвращены в сознание. Хотя в сознании сохраняется воспоминание, может быть, правильнее сказать — понимание самого факта их наличия и исчезновения. По крайней мере, в процессе рефлексии удается обнаружить их существование в сознании в данный момент и понять, что они постоянно присутствуют в нем.

1.9.3. «Итоговый» образ восприятия

Многие авторы, в том числе, например, А. Н. Гусев [2007, с. 234], отмечают, что в кинематографе и мультипликации чрезвычайно важно, чтобы соседние кадры отличались друг от друга незначительно, иначе нашей зрительной системе не удается «сливать» их в одно плавное изображение. В связи с этим возникает вопрос: *а что это за «слитое изображение», точнее — образ? И что представляет собой процесс трансформации образов отдельных кадров в некий объединенный «итоговый» «плавный» образ движущегося объекта?*

То, что наше сознание формирует итоговые образы восприятия из последовательностей мгновенных образов, подтверждается хорошо известными всем нам фактами. Например, если быстро вращать горящий уголек или фонарик, они воспринимаются нами в виде огненного или светящегося круга. Иными словами, наше сознание создает некий синтетический, итоговый за период образ, складывающийся из множества мгновенных образов восприятия, который к тому же сохраняется потом в памяти. Процесс формирования «итогового» образа восприятия наглядно проявляется и в так называемом феномене *стробоскопического движения*. При последовательной асинхронной демонстрации наблюдателю двух близких неподвижных объектов с асинхронностью около 100 мс обычно воспринимается лишь один объект, движущийся от места первого предъявления к месту второго.

Ч. Осгуд [2002а, с. 151] описывает эксперименты Брауна и Вота (1937), которые, используя специальный аппарат, последовательно зажигали источники света А, Б, В и Г (рис. 31) по кругу в контролируемом темпе. При большом интервале между вспышками четыре вспышки воспринимались как отдельные и последовательные. При уменьшении интервала возникал феномен фи-движения (ложного движения), когда одно световое пятно начинало описывать углы квадрата. Иными словами, происходило как бы связывание вспышек между собой. Образ воспоминания первой вспышки связывался с образом восприятия второй вспышки и т. д., формируя некий новый синтетический образ квадрата, не соответствующий физической реальности.

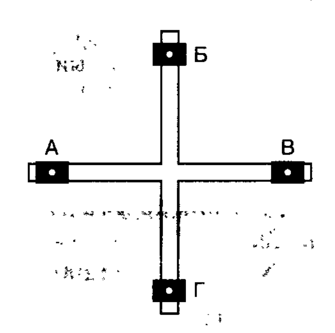

Рис. 31. Световые источники, последовательно зажигаемые по кругу

При дальнейшем уменьшении интервала этот синтетический образ еще больше видоизменялся: траектория светового пятна становилась сначала дугообразной, а потом превращалась в круг, заключенный внутри

действительных местоположений источников света. Лишь при уменьшении интервала до 50 мс образ вновь становился более адекватным реальности, так как все 4 источника становились видимыми одновременно. В этом случае повторное включение каждого источника происходило через 50 × 4 = 200 мс, или 5 раз в секунду. Этого времени оказывалось, видимо, недостаточно для исчезновения предыдущих образов восприятия (или образов воспоминания) каждого из четырех источников, и они сливались с вновь возникающими образами восприятия новых вспышек, создавая иллюзию постоянно горящих источников.

В данном наблюдении важно то, что взаимодействие многих непрерывно возникающих новых образов восприятия и сохраняющихся в сознании образов воспоминания приводит к появлению синтетических «итоговых» образов восприятия иллюзорных объектов, не соответствующих воспринимаемой в этот момент физической реальности.

А. Н. Гусев (2007) отмечает, что М. Вертхаймер, изучая фи-феномен, подчеркивал, что:

...эта иллюзия движения явно выходит за пределы того, что дано глазу непосредственно, и поэтому служит примером организующей деятельности нашего восприятия [с. 232].

Б. М. Величковский (2006) обращает внимание на то, что:

...если признаки объекта (цвет или форма) отличаются друг от друга, то в процессе движения происходит соответствующая трансформация восприятия — примерно в середине траектории иллюзорный объект меняет свой цвет на цвет второго объекта [с. 336].

Иными словами, сознание наблюдателя трансформирует в итоге мгновенные образы восприятия в какие-то новые синтетические, «слитые» или итоговые образы, которые к тому же репрезентируют отсутствующее в реальности движение объекта. Автор продолжает:

...Деннет осторожно формулирует... гипотезу «множественных набросков». Многочисленные латентные описания текущих событий сосуществуют одновременно, причем одни из них могут усиливаться по мере поступления новой информации, тогда как другие — ослабевать. ...Гипотеза множественных набросков пока сама имеет довольно эскизный характер, не позволяющий делать экспериментально проверяемые предсказания [с. 337].

Мне представляется, что эти самые «множественные наброски» есть не что иное, как множество мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления, следующих друг за другом или, возможно, даже сосуществующих друг с другом в сознании.

Х. Шиффман (2003) указывает, что:

...на восприятие конкретного сигнала влияют все фоновые раздражители, включая те, что предшествовали ему, а в некоторых случаях и те, что возникли после него [с. 86].

Наличие мгновенных образов, суммируемых и трансформируемых сознанием по каким-то пока неясным алгоритмам, позволяет понять, как именно такое возможно.

Анна Трейсман и Г. Шмидт (A. M. Treisman & H. Schmidt, 1982) изучали, что происходит при одновременном восприятии разных объектов с теми из них, которые находились вне фокуса внимания. Основной задачей испытуемых было обнаружение идентичности двух черных цифр, высвеченных в одной части поля зрения. Именно там фокусировалось внимание испытуемых. В другой, игнорируемой части поля зрения предъявлялись буквы разного цвета. Могли предъявляться розовая T; желтая S и синяя N. После того как испытуемые сообщали о числах, их просили сообщить о любых буквах, которые они видели, и о цвете этих букв. Испытуемые сообщали о восприятии иллюзорных соединений особенностей букв (например, розовая S) почти так же часто, как и о наблюдении реальных качеств объектов.

Данные эксперименты свидетельствуют, что мгновенные образы восприятия сменяются неким итоговым образом, сохраняющимся в памяти, о наличии которого человек отдает потом себе отчет. Причем этот итоговый образ может являться комбинацией элементов, составлявших разные мгновенные образы восприятия, их своеобразным «сплавом».

К феномену, который я рассматриваю как формирование «итогового» образа восприятия, имеет непосредственное отношение другое явление, заключающееся во влиянии предшествующего образа восприятия объекта А на последующее восприятие объекта Б.

В психологической литературе широко обсуждается прием, впервые использованный советским режиссером Л. В. Кулешовым (Л. В. Кулешов, 1941; Л. Кулешов, А. Хохлова, 1975), который чередовал в своих фильмах кадры, изображавшие ничего не выражающее лицо актера, с кадрами, демонстрирующими мертвую женщину, тарелку супа или играющую девочку. В результате зрителям лицо казалось печальным, задумчивым или счастливым. Данный феномен демонстрирует, что никак не связанные между собой по содержанию мгновенные образы восприятия либо даже последовательности из многих мгновенных образов восприятия каждая, которые появляются в сознании друг за другом, участвуют в формировании какого-то нового интегративного образа, который сохраняется затем в памяти.

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) так описывают восприятие кинофильма:

> Если первым кадром показать стоящую на стоянке автомашину, а вторым — взрыв, то зрителем эта последовательность будет восприниматься как взаимосвязанные события — взрыв автомашины. Хотя во время съемок никакая автомашина не взрывалась, оба кадра снимались раздельно, и в фильме они даны тоже так (следовательно, это наше сознание формирует некий итог увиденного. — *Авт.*). Установление причинно-следственных отношений этих двух событий и есть психическая функция, в основе которой лежит феномен взаимодействия по смежности. У плохого режиссера, не умеющего следовать такому закону, могут быть совсем неожиданные результаты. Я недавно видел киножурнал, в котором вначале была показана палуба большого современного корабля, а следующим кадром — солдаты в шинелях времен Гражданской войны, бегущие в атаку с винтовками наперевес. У зрителя вначале возникает совершенно полное убеждение, что солдаты бегут по палубе, хотя режиссер хотел

показать совсем другой сюжет, и в дальнейшем это становится понятным (то есть разные последовательные мгновенные образы опять порождают некий новый итоговый образ. – *Авт.*) [с. 165].

Законы апперцепции используют опытные кинорежиссеры. Вначале герой несколько раз показывается крупным планом. Это формирует у зрителя соответствующее представление. В последующем герой может показываться уже любым планом, поскольку зритель восполняет воспринимаемое в настоящий момент с экрана теми представлениями, которые он сформировал ранее. И даже если герой показан со спины, зритель все равно проецирует на него представление, сформированное ранее при просмотре крупного плана, и может представить себе выражение его лица. Если эта последовательность нарушается, то зритель вынужден «доконструировать» образ героя в условиях перцептивного дефицита, что вызывает определенные трудности [с. 261].

В исследованиях Ш. Мерфи и Р. Зайонца (S. Murphy, R. Zajonc, 1993; 1995) испытуемым на очень короткое время предъявлялись зрительные стимулы позитивного или негативного содержания (например, улыбающееся или злое лицо). Затем их просили оценить фотографии людей с нейтральным выражением лица по шкале «позитивное лицо – негативное лицо». Те испытуемые, которым предварительно предъявлялись «позитивные» стимулы, более позитивно оценивали предъявленные лица по сравнению с теми испытуемыми, которым предъявлялись предварительно негативные стимулы.

Формирование «итогового» образа зависит еще от одного важного обстоятельства: периода времени между окончанием предъявления первого объекта и появлением второго объекта. Он определяет, повлияет ли второй мгновенный образ восприятия на образ воспоминания первого. Б. М. Величковский (2006) сообщает о зависимости эффективности опознания первого объекта от задержки предъявления второго объекта.

Испытуемым показывался ряд букв, причем одна из букв маскировалась кольцом или сплошным диском, перекрывавшим критическую позицию. Если меткой был диск, то при одновременном показе с буквами успешность восприятия букв на критической позиции была минимальной, затем – примерно в течение третьей секунды – она улучшалась. Если меткой было кольцо, то при нулевой задержке испытуемый просто видел букву в кольце и успешность воспроизведения была максимальной. При росте асинхронности предъявления... кольца (то есть при увеличении периода времени между предъявлением буквы и кольца. – *Авт.*) восприятие буквы ухудшалось, и при асинхронности порядка 100 мс наступал момент, когда кольцо как бы «стирало» букву – феноменально оно окружало пустое место. При увеличении задержек до 200–300 мс кольцо переставало оказывать какое-либо влияние на восприятие и воспроизведение вновь улучшалось [с. 192–193].

Из приведенных данных можно сделать вывод, что последовательные мгновенные образы при возникновении их с интервалом примерно до 100 мс приводят к сохранению в памяти суммарных, или итоговых, образов. В данном случае – буквы в кольце. Но при интервале около 100 мс они перестают сливаться и второй образ просто замещает собой первый, кольцо стирает букву. При увеличении интервала до 200–300 мс первый образ уже успевает сохраниться в памяти и образ кольца его не стирает.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут, ссылаясь на Вертхаймера:

> Представьте себе, что мы включили на мгновение свет в какой-то точке поля зрения и сразу же выключили его, а после определенного временного интервала (30–200 мс) включили свет в другой точке. В результате мы получим *псевдодвижение*. Кажется, будто свет переместился из одной точки в другую, хотя не было никакого движения между этими двумя точками пространства... Этот феномен просто ошеломляет: если правильно подобрать временные интервалы, псевдодвижение невозможно отличить от настоящего движения (Wertheimer, 1912) [с. 259].

Мы имеем здесь два (или даже больше) разных мгновенных образа восприятия, различающихся местоположением источника света. Их последовательное появление может приводить к сохранению в памяти итогового образа иллюзорного движения источника света.

Все приведенные эксперименты свидетельствуют о сложном микрогенезе образов восприятия, в процессе которого могут возникать и сохраняться в памяти «итоговые» образы восприятия, не соответствующие воспринимаемым объектам. Более того, наше сознание способно удерживать сразу несколько последовательных феноменологически трудно квалифицируемых образов (восприятия? воспоминания?), анализировать их все сразу в целом, делая из них своего рода чувственные выводы в виде новых «итоговых» образов (восприятия? воспоминания?).

Очевидно, что для лучшего понимания механизмов микрогенеза образа необходимо продолжить аналогичные исследования.

1.9.4. Мгновенные образы восприятия и модели-репрезентации в микрогенезе образов восприятия

Термин *микрогенез*, как отмечает Б. М. Величковский [2006, с. 198], был введен в психологии Х. Вернером, чтобы отличать актуальное развитие восприятия, мышления и эмоций от процессов их онто- и филогенеза. Затем изучением микрогенеза (или «актуалгенеза») занимались Ф. Крюгер и его ученики. Одним из первых исследователей микрогенеза восприятия был ученик В. Вундта, один из основателей экспериментальной психологии в России Н. Н. Ланге (1893), который полагал, что:

> ...процесс восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая более частного и дифференцированного [с. 3].

В. М. Бехтерев (1999) тоже писал:

> ...многие *первичные* ощущения... организуются *по определенным правилам в элементарные восприятия* (линии, углы, тона, тембр и т. д.). ...Образ — это *не мгновенный*

«комплекс ощущений», а знак некоторого *длящегося процесса*, «строящийся» из «предощущений». ...Мы можем рассматривать только механизмы построения все более усложняющихся гештальтов — образов [с. 164].

Теория микрогенеза восприятия была создана представителем Лейпцигской школы Ф. Зандером [цит. по: Б. Мещеряков, В. Зинченко, 2004, с. 293].

В опытах В. Ди Лолло и А. Уилсона (Di Lollo & Wilson, 1978) было показано, что интеграция перцептивных образов зависит от асинхронности включения стимулов или, другими словами, от времени между включениями первого и второго стимулов, а не от интервала времени между выключением первого и включением второго стимулов.

Авторы предъявляли испытуемым две матрицы 5 × 5, которые при физическом наложении образовывали полную матрицу с одной пустой ячейкой (рис. 32). Испытуемые должны были обнаружить ячейку при различных комбинациях длительности предъявления и продолжительности межстимульного интервала. В тех случаях, когда время экспозиции первого изображения превышало 100–120 мс, даже при межстимульном интервале 10 мс не происходило суммации изображений и испытуемые были не в состоянии указать пустую ячейку.

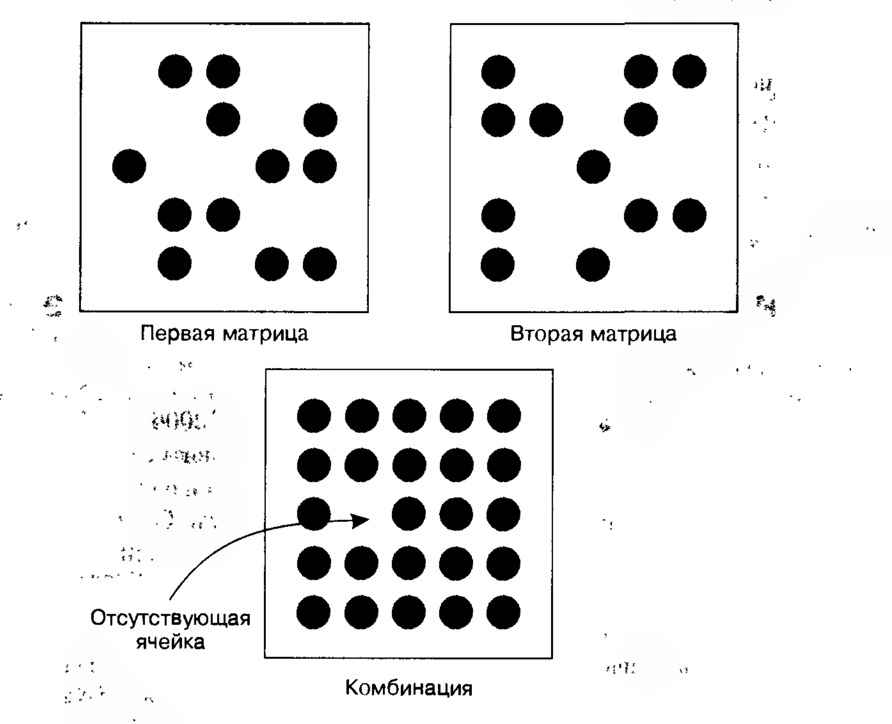

Рис. 32. Псевдослучайные матрицы

На мой взгляд, результаты позволяют предположить, что 100–120 мс достаточно для возникновения за этот период времени уже не одного, а нескольких мгновенных

образов первого объекта, которые суммируются самостоятельно, формируя свой итоговый образ, что не позволяет следующим за ними мгновенным образам второго объекта «присоединиться к ним» и оказать искажающее влияние на первый итоговый образ, сохраняющийся в памяти. В результате не происходит последующей «суммации изображений». Такое предположение в определенной степени согласуется с данными, полученными в результате исследования перцептивных образов иной модальности. Б. М. Величковский (2006) пишет:

> Множество исследований было посвящено анализу элементарных временных характеристик слуха, аналогичных инерции зрения. ...Инерция слуха определялась в последнем случае *началом, а не концом предъявления,* так что звуковой сигнал длительностью 10 мс имел «инерцию» 110 мс, а длительностью 100 мс — только 20 мс. Этот результат довольно трудно интерпретировать как эффект памяти, скорее, это эффект микрогенеза восприятия... [с. 200].

Возможно, предъявление звука продолжительностью 10 мс приводило к возникновению образа восприятия, сохраняющегося 110 мс, тогда как предъявление звука продолжительностью 100 мс приводило к возникновению образа восприятия, сохраняющегося всего 20 мс. Все это в очередной раз демонстрирует сложность и недостаточную изученность как процесса восприятия, так и тем более микрогенеза того, что принято называть *образом восприятия.*

Б. М. Величковский [2006, с. 193] полагает, что существует глобальная двухуровневая архитектура восприятия: сначала объект воспринимается как относительно недифференцированное, но локализованное в трехмерном пространстве нечто, затем — как предмет с индивидуальными признаками, такими как цвет и форма. Он (2006) пишет:

> ...нами была обоснована теория микрогенеза, согласно которой восприятие предмета начинается с его динамической локализации в трехмерном окружении, после чего происходит спецификация его общих очертаний и, наконец, инвариантное восприятие тонких внутренних деталей... Базовый цикл микрогенеза восприятия может занимать до 300 мс и требовать... участия внимания... [с. 204].

Как я уже говорил выше, интроспекция свидетельствует, что в сознании одновременно присутствуют образы восприятия объекта и входящие в его же модель-репрезентацию образы воспоминания и представления того же и сходных с ним объектов, что подтверждается и данными литературы [см., например: Р. Вудвортс, 1950, с. 49]. И те и другие образы участвуют в формировании итогового за период (от десятков миллисекунд до, вероятно, нескольких секунд) психического феномена, который сохраняется в сознании как образ восприятия (или уже как образ воспоминания?), но который в любом случае тем не менее принято называть *образом восприятия.* То, что мы, не отказавшись от привычных стереотипов, пока не в состоянии даже квалифицировать психические феномены, существующие в нашем сознании (образ восприятия, или уже образ воспоминания, или, наконец, нечто третье), свидетельствует лишь об огромной сложности проблем, с которыми мы имеем здесь дело.

Внимание наблюдателя привлекают и в первую очередь фиксируются памятью те мгновенные образы восприятия, которые способны вызвать ассоциации, то есть актуализировать в сознании модели-репрезентации уже известных объектов. Г. Гельмгольц (2002), например, пишет:

> Гораздо более отчетливо обнаруживается роль понимания в восприятии... при плохом освещении, когда мы не можем сразу дать себе отчет, что за предмет мы видим и как далеко он находится... Но вдруг нам становится ясно, что за предмет перед нами, и тотчас под влиянием правильного понимания у нас формируется со всей отчетливостью правильный перцептивный образ, и мы уже не в состоянии вернуться к первоначальному, неполному восприятию [с. 31].

«Первоначальное, неполное восприятие», о котором говорит автор, феноменологически представляет собой, по-видимому, те мгновенные зрительные образы восприятия, которые почти не вызывают ассоциаций, а потому обычно и не сохраняются в памяти человека впоследствии. Широко обсуждаемая в литературе «избыточность нашего восприятия» проявляется в том, что большая часть мгновенных образов восприятия, а тем более сенсорных впечатлений, возникающих в нашем сознании, не попадает в число тех «избранных», которые оказываются в зоне активного внимания и затем принимают участие в формировании итоговых образов.

Я не предполагаю излагать здесь какую-то собственную концепцию микрогенеза, так как подобная задача требует специальных экспериментальных исследований, а хочу лишь обратить внимание на то, что в микрогенезе образа восприятия участвуют не только мгновенные образы восприятия, но и входящие в модель-репрезентацию воспринимаемого аспекта реальности образы его представления и воспоминания.

О том, что образы представления в конечном счете могут определять «итоговый» образ восприятия, свидетельствуют наблюдения М. П. Никитина, работавшего в лаборатории В. М. Бехтерева. Автор проводил эксперименты по узнаванию изображений предметов, предъявлявшихся с индивидуально подобранной околопороговой длительностью экспозиции (от 0,8 до 3 мс). После каждого предъявления испытуемый зарисовывал то, что видел, и давал словесный отчет. Результаты показали, что всякая новая идея о предмете «запускает» микрогенез восприятия сначала. Б. М. Величковский (2006) цитирует М. П. Никитина:

> Некоторые лица так описывают этот момент: «Помню, что некоторое время ясно осознавал общие очертания некоторых линий, но, как только блеснула идея о предмете, сразу забыл их». Та же закономерность проявилась и в динамике зарисовок: сразу после возникновения идеи, даже если она была правильной, увеличивалось количество ошибочно изображенных деталей! Испытуемый говорил «птица» и рисовал птицу другого вида, чем та, которая была на карточке [с. 225].

В этих наблюдениях интересно то, что не только возникающие в сознании образы воспоминания и представления, входящие в актуализированную сенсорными впечатлениями модель-репрезентацию, влияют на итоговый образ восприятия объекта, но даже всплывающие в сознании в процессе восприятия понятия могут резко

менять итоговый образ. Это свидетельствует об отсутствии в ряде случаев жесткого детерминирования сенсорными впечатлениями итогового образа восприятия.

Что же собой представляет привычно перекочевывающий из одного учебника психологии в другой *образ восприятия?* Понятно, что это не единичный мгновенный образ восприятия и даже не просто последовательность таких образов. Это нечто гораздо более сложное, состоящее из многих элементов и развернутое во времени, но при этом рефлексируемое субъектом и сохраняющееся в его памяти как единичное и целостное. Можно, по-видимому, говорить о формировании в каждом случае восприятия особой новой сенсорной психической конструкции, разворачивающейся во времени, в создании которой сложным и непонятным пока образом участвуют как мгновенные образы восприятия, так и составляющие модель-репрезентацию воспринимаемого объекта кратковременные образы воспоминания и представления, а также итоговые образы, сохраняющиеся в памяти.

Говоря иначе, это поток сходных между собой мгновенных образов, который представляет собой своего рода гештальт и рассматривается человеком как единичная перцептивная репрезентация реальности, занимающая период времени, называемый в литературе «порогом нерасчлененной длительности» (см., например: А. Н. Гусев, 2007). Микрогенез итогового образа (или образов) восприятия — процесс создания таких психических феноменов. То, что наше сознание всегда стремится к построению в процессе восприятия сенсорной психической конструкции, как мы уже обсуждали выше (см. разд. 1.6.8), иллюстрируют еще классические опыты В. Вундта (2007) с метрономом:

> ...испытуемый внимательно слушает равномерный ритм метронома, но спустя какое-то время начинает выделять в ряду одинаковых ощущений ритмичную структуру, напоминающую мелодию. В. Вундт пишет: «...для нас в высшей степени трудно слышать удары маятника совершенно равными по силе, иначе говоря, слышать их не ритмически. Мы постоянно впадаем вновь в восходящий или нисходящий такт. ...Наше сознание ритмично по своей природе» [с. 12].

А. Н. Гусев [2007, с. 29] отмечает, что тот же самый эффект проявляется в зрении, когда приходится достаточно долгое время, например ожидая чего-то, смотреть на равномерно текстурированную поверхность стены (например, кафельной). Вскоре одинаковые кафельные квадраты начинают объединяться в различные фигуры. Иными словами, наша психика непроизвольно и естественным образом всегда старается выстроить на основе сенсорных впечатлений ту или иную завершенную модель-репрезентацию определенного аспекта реальности и сохранить ее для последующего использования.

Р. Клацки [2007, с. 183] справедливо считает, что если бы не было иконических образов, мы могли бы «видеть» зрительные стимулы лишь до тех пор, пока они остаются у нас перед глазами, а если бы не было эхоической памяти, мы могли бы «слышать» звуки лишь до тех пор, пока они звучат. Следовательно, у нас возникли бы большие трудности с пониманием устной речи. Он (2007) пишет:

> Возникает вопрос: происходит ли вообще стирание эхоического образа? Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы будем понимать под стиранием. Если под стиранием

иметь в виду нечто эквивалентное стиранию зрительного образа, то есть подлинную замену одного стимула другим, который за ним следует, то ответ, пожалуй, будет отрицательным. ...Наша способность распознавать последовательности звуков должна означать, что новые звуки не стирают другие, только что им предшествовавшие. Если бы они их стирали, мы... не могли бы воспринимать речь, поскольку произнесение даже одного слога требует некоторого времени и нельзя, чтобы вторая его часть стирала первую. Однако и в эхоической памяти все же, видимо, существует какое-то явление, подобное стиранию. Новые звуки могут в некоторой степени маскировать и уменьшать длительность хранения звуков, предъявленных ранее (D. W. Massaro, 1972). Это явление лучше называть интерференцией, чтобы отличать его от быстрого и полного стирания, более четко выраженного в иконической памяти. Эта эхоическая интерференция сходна с эффектом светлого поля, предъявлявшегося в экспериментах Сперлинга после набора букв, — она уменьшает время сохранения следов, но не уничтожает их сразу [с. 188–189].

Интроспекция свидетельствует, что сознание способно удерживать целиком фразу, состоящую из нескольких слов. В. Вундт (2007) объясняет способность сохранения содержания «объемом сознания», Дж. Миллер (1964) связывает это с «магическим числом»[1].

Р. Клацки (2007) сообщает о том, что Дж. Сперлинг (G. Sperling, 1967) заметил, как испытуемый, записывая буквы в задачах на вспоминание, часто произносит их про себя. Сперлинг предположил, что в этом, возможно, проявляется более общий процесс, происходящий в кратковременной памяти, — процесс повторения. Испытуемый произносит букву про себя, слышит, что он говорит, а затем помещает на хранение в кратковременную память то, что услышал, тем самым восстанавливая первоначальный след. Р. Клацки (2007) пишет:

Подлинные звуки при этом могут отсутствовать, но при повторении вместо них используются *мысленные* образы звуков (слуховые образы представления и воспоминания слов. — *Авт.*), которые не произносятся. ...Если сравнить полученную таким образом скорость со скоростью внешней, звуковой речи, то окажется, что они примерно одинаковые, составляя обычно от 3 до 6 букв в секунду. ...Если повторение — это мысленное предъявление человеком самому себе какого-то элемента (например, мысленное произнесение буквы), то повторение может быть также и зрительным (в форме зрительных образов воспоминания. — *Авт.*). ...Повторение, осуществляемое, видимо, с помощью внутренней речи, не только поддерживает и оживляет следы в кратковременной памяти: предполагается, что оно обусловливает также перенос информации в долговременную память, увеличивая тем самым прочность долговременных следов [с. 197–198].

---

[1] *«Магическое число» Джорджа А. Миллера.* Этот термин означает приблизительное число дискретных фрагментов информации, которое может одновременно сохраняться в кратковременной памяти... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 234].

«Структурная единица» в «магическом числе» Дж. Миллера (7+/–2) — это отдельный ментальный образ того или иного вида или его самостоятельный элемент. Этим образом может быть как буква и слог, так и слово, точнее, как образ буквы и слога, так и вербальный образ. Многие исследователи отождествляют «магическое число» с «объемом сознания».

Вероятно, именно в отсутствии необходимого количества повторений мгновенных образов заключается причина того, что лишь некоторые из них, даже повторно возникающие в сознании, сохраняются затем в нашей памяти.

П. Линдсей и Д. Норман [1974, с. 321] приводят дополнительные данные о кратковременной памяти, обсуждая эксперимент Ллойда и Маргарет Питерсонов (L. Peterson, M. Peterson), которые просили испытуемых запомнить три буквы, а спустя 18 с воспроизвести их. Оказалось, что испытуемые не могли запомнить эти три буквы, если в эти 18 с должны были в быстром темпе вести «обратный счет тройками».

П. Линдсей и Д. Норман [1974, с. 330] приводят также данные другого эксперимента:

> Аткинсон и Шифрин (R. C. Atkinson, R. M. Shiffrin, 1971) сначала предъявляли испытуемому в акустической модальности ряд букв для запоминания, затем на 30 с давали задание по различению сигнала в другой модальности – визуальной, после чего проверяли запоминание букв. Это позволило избежать как повторения материала, подлежащего запоминанию, так и интерференции этого материала за счет действия других сходных слуховых стимулов. Оказалось, что спустя 30 с после предъявления материала испытуемые хорошо помнят его. Однако еще через 30 с память становится настолько «хрупкой», что даже незначительная интерференция разрушает ее. Авторы полагают, что через 30 с, очевидно, происходит изменение чувствительности к интерференции.

Приведенные данные позволяют констатировать, что процессы микрогенеза перцептивных образов, их удержания в сознании, влияние на их сохранение новых образов восприятия иных объектов, а также особенности микрогенеза образов восприятия разной модальности очень сложны и недостаточно изучены.

Определенный вклад в понимание проблемы микрогенеза образа восприятия внесли Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), которые ввели два новых понятия: *блиц* (нечто похожее на мгновенный образ восприятия) и *ко-образ* (нечто похожее на модель-репрезентацию). Однако авторы рассматривают и *блиц*, и *ко-образ* то в качестве психических конструкций:

> Есть психические конструкции, которые существуют сотые и даже тысячные доли секунды (блиц, прообраз, ко-образ, образ), а есть такие, «сроки жизни» которых более продолжительны [с. 295].

> Ко-образ представляет собой специальную психическую конструкцию, создаваемую для осуществления опознания. Это короткоживущее или, по нашей классификации, транзиторное, психическое образование, формируемое оперативным контекстом. ...Ко-образ следует рассматривать либо как единую конструкцию с последовательно развертывающимся сюжетом, когда первые ее элементы обеспечивают само опознание и одновременно выступают в качестве релизинг-фактора, допуская информационное насыщение ко-образа после его формирования, либо как последовательную обойму ко-образов, выполняющих указанные функции [с. 220],

то как физиологические сущности:

> Блиц представляет собой переработанный информационный поток, который в бинарной системе появляется в виде прообраза [с. 57].

> Его (прообраз. — *Авт.*) нельзя считать психической категорией, поскольку прообраз еще не имеет психического смысла, — это высоко организованная нейрофизиологическая категория. Ее превращение в психическую происходит путем организации информационных потоков... [с. 220].

Здесь мы опять сталкиваемся со смешением разных плоскостей анализа, которые, в принципе, не должны пересекаться: психологической, информационной и физиологической, что лишает подобный анализ всякого смысла, так как «нейрофизиологическая категория», даже «высоко организованная», никак не может превратиться в «психическую категорию». Ко-образы, как я уже сказал, по своим функциям чем-то напоминают модели-репрезентации. Авторы даже рассматривают их чаще как психические конструкции:

> Ко-образ представляет собой конструкцию, не просто соответствующую какому-то активированному представлению, а созданную специально для данного случая опознания. Ее конструирование обусловлено участием в этом процессе не всего представления, а только определенной его части, необходимой именно для данного опознания. В каждый момент времени какая-то часть контекстуальных систем находится в активированном состоянии, образуя оперативный контекст, подготавливая контекстуальную информацию к мобилизации (функция предвозбуждения). Наиболее активированные элементы данных систем редуплицируют свои информационные блоки в виде ко-образов и направляют их в бинарную систему [с. 223].

Ко-образы в таком понимании отличаются от моделей-репрезентаций и выполняют иные, гораздо более узкие функции. Тем не менее импонирует попытка авторов рассмотреть формирование образа восприятия как сложный процесс соединения прообраза и ко-образа.

1.9.5. Образ и ощущение — психические сущности или конструкты исследователей?

Выше мы уже обсуждали то, что ни понятие *ощущение*, ни понятие *образ*, во-первых, не имеют в психологии общепринятых определений, во-вторых, даже их описания в литературе вызывают много возражений и вопросов. Сказанное заставляет задуматься о необходимости признания того факта, что традиционно рассматриваемые в психологии в качестве наших психических явлений сущности, обозначаемые понятиями *ощущение* и *образ*, будучи несколько более ясными и более «психологическими», чем, например, перенасыщенное в когнитивной психологии физиологическим содержанием понятие *психическая репрезентация*, тем не менее не в полной мере отражают реальности нашей психики, а их описания не соответствуют тому, что мы действительно переживаем в сознании. Другими словами, созданные исследователями понятия *ощущение* и *образ* обозначают, возможно, не

столько то, что существует в нашей психике, сколько гипотетические конструкты[1] самих исследователей, пытавшихся смоделировать и объяснить собственные психические явления.

Неудивительно поэтому, что М. Мерло-Понти [1999, с. 30], например, рассматривает ощущение лишь как «объясняющий концепт», Ф. Х. Олпорт [2002, с. 70] считает ощущение «абстрактной конструкцией», а А. Н. Гусев (2007) замечает, что:

> ...рассматривая ощущения и восприятия как теоретические понятия научной психологии, мы в известной степени имеем дело с научными абстракциями, такими же, как гравитационное или электромагнитное поле в физике [с. 14].

Из сказанного может следовать, что если понятие *яблоко*, например, обозначает существующее в физической реальности яблоко, которое репрезентируется человеку не только и не столько в форме вербальной модели (понятия *яблоко*), но в первую очередь чувственно, в виде модели сенсорной — визуально воспринимаемого и ощущаемого всеми органами чувств предмета, то понятия *ощущение* и *образ* не столько репрезентируют конкретные реально присутствующие в нашей психической жизни элементарные психические феномены, сколько, по-видимому, обозначают искусственные конструкты, созданные в прошлом исследователями для объяснения себе и окружающим содержания собственной психики.

Что же в действительности обозначают понятия «ощущение» и «образ»: гипотетические конструкты исследователей или все же реально присутствующие в человеческом сознании сущности? Если это реальные психические сущности, то можно ли считать образ и ощущение единичными, а тем более относительно простыми психическими явлениями, как это в основном принято в психологии, или же это нечто иное?

В литературе обычно отождествляется зрительный образ объекта с единичной психической «как бы картинкой», которая якобы существует в психике примерно так же, как объекты существуют в физической реальности. Однако после рассмотрения мгновенных образов восприятия возникают обоснованные сомнения в том, что в психике вообще есть продолжающиеся секунды и дольше, изолированные, единичные и тем более статичные образы объектов. Это касается даже образов восприятия неподвижных предметов, воспринимаемых неподвижным наблюдателем, не говоря уже об образах представления. М. К. Мамардашвили (2004) вспоминает, что, беседуя с журналистом о природе кинообраза в одном из интервью, Жан-Люк Годар заметил, что:

> ...нет истинного образа, такого, который где-то существует в единственном числе и его нужно только найти и увидеть [с. 304].

---

[1] Я лично определяю конструкт как психический объект, репрезентирующий, очевидно, не существующую в физической реальности сущность, созданный человеческим сознанием и обозначаемый отдельным понятием. Конструкты специально создаются исследователями с целью облегчить понимание и анализ сложных аспектов реальности, не поддающихся прямому рассмотрению, а также с какими-то иными специальными целями: *судьба, вероятность, социальный класс, параметр, индекс, коэффициент, релевантность* и т. д.

То же самое абсолютно применимо и к психическому образу. Нет зрительного образа в единственном числе, продолжающегося секунду и дольше, и его невозможно просто найти и увидеть в такой форме в собственном сознании. Мы имеем дело, видимо, лишь с «сериями» очень кратковременно существующих образов.

Попробуйте остановить свой взгляд на одном из окружающих вас предметов. При внимательной рефлексии нетрудно заметить, что образ воспринимаемого предмета, оказывается, как бы «колышется» и очень незначительно, но меняется. Это его движение имеет что-то общее с тем движением образа, которое можно видеть в нагретом воздухе, например в пустыне или при восприятии предметов, находящихся позади и чуть выше пламени костра. Но при обычном восприятии предмета колебание или смещение образа почти незаметно. Тем не менее можно обнаружить, что неподвижный объект восприятия как бы постоянно смещается, «плывет», флюктуирует в нашем поле восприятия. На передний план в нем все время выступают то одни, то другие его элементы. Объект как бы «живет», «дышит», несмотря на нашу внутреннюю убежденность в его физической статичности и незыблемости.

Это движение, «жизнь» образа, вероятно, обусловлены тем, что в сознании нет одного и того же устойчивого и постоянного в каждое следующее мгновение зрительного образа восприятия данного конкретного предмета, а есть непрерывно сменяющая друг друга череда мгновенных образов реальности. Множество неразрывно связанных между собой и перетекающих друг в друга последовательных мгновенных образов, объемных, голографических «как бы картинок», моделирующих даже не объект, а воспринимаемый аспект реальности в целом, «поток» зрительного восприятия.

Одной из важных характеристик наших психических феноменов, в том числе сенсорных, является то, что они не конечны. Мы постоянно переживаем нескончаемый процесс развертывания последовательностей непрерывно сменяющих друг друга в сознании мгновенных образов, «текущую» в сознании панорамную «как бы картину», репрезентирующую нам реальность, непрерывно изменяющуюся «сцену спектакля», в котором мы участвуем. Причем мы можем интроспективно выделить мгновенные образы восприятия, отделить их друг от друга.

То, что принято называть словами *«образы»* и *«ощущения»*, представляет собой не изолированные феномены нашей психической жизни, а лишь почему-либо выступающие из общего течения сенсорных репрезентаций их «блоки», фрагменты. Лишь благодаря предметности восприятия они и были, вероятно, замечены исследователями, которые обозначили их специальными терминами «*образы* объектов» и «вызываемые объектами *ощущения*», зафиксировав тем самым в языке. Каждый человек, усваивая соответствующие слова языка, обнаруживает со временем у себя в сознании нечто, соответствующее этим якобы изолированно присутствующим в его психике «наиболее простым» сущностям.

Рассмотрим другую проблему. *Действительно ли образ восприятия яблока является простым и единичным (то есть четко отграниченным и самостоятельным, независимым от всех других психических феноменов) психическим явлением?*

Классическая психология призывает нас рассматривать его именно в таком виде. В соответствии с ней возникший при появлении предмета в поле зрения образ его восприятия, во-первых, существует, пока мы воспринимаем предмет, не меняя условия восприятия, во-вторых, остается неизменным. Следовательно, он может сохраняться в сознании секунды и даже гораздо дольше. Однако представление о «единичности» возникающего в неизменяющихся условиях восприятия перцептивного образа не соответствует реальности.

Понятие *зрительный образ восприятия,* объясняемое, например, как «нечто похожее на картинку в голове», не раскрывает сути того, что представляет собой наша визуальная перцептивная модель реальности, еще и потому, что зрительная перцептивная репрезентация предмета складывается не только из собственно образов восприятия. Есть все основания полагать, что психическое явление, которое принято рассматривать в качестве образа восприятия, представляет собой целый комплекс кратковременных образов восприятия, воспоминания и представления воспринимаемой части реальности и сходных с ней аспектов реальности, воспринятых в прошлом. Трудно сказать, в какой форме они сосуществуют — как мгновенно сменяющие друг друга или как присутствующие в сознании параллельно и одновременно. Их осуществование и взаимодействие в сознании обеспечивают нам структурирование окружающей реальности.

Вероятно, кроме собственно содержания мгновенных зрительных образов восприятия, именно количество повторяющихся сходных мгновенных образов в «потоке» образов восприятия определяет, что именно попадет в зону активного внимания сознания, что из воспринятого будет понято и в какой степени. Наконец, что из воспринятого будет зафиксировано в памяти. Перцептивный зрительный образ — это к тому же не образ восприятия предмета, а всегда образ восприятия доступной зрению окружающей реальности в целом, включающий не изолированные визуальные модели определенных объектов — фигуры, а «фигуры на фоне». Последнее верно, когда мы внимательно рассматриваем конкретный предмет.

Слуховой образ слова — тоже не изолированный образ слова, а скорее элемент, выделенный сознанием из многослойного слухового потока восприятия, тоже «фигура на фоне». Я даже не касаюсь здесь вопроса о том, что слуховые образы слов — и не образы вовсе, а устойчивые последовательности образов других кратковременных аудиальных объектов — фонем. Вообще слуховые образы восприятия — это всегда не просто отдельные как бы условные копии неких изолированных объектов, а лишь произвольно выделенные сознанием части общей слуховой репрезентации реальности.

Итак, *психические феномены,* которые присутствуют в нашем сознании, не вполне соответствуют тому, что принято описывать в учебниках по психологии при рассмотрении содержания понятий *ощущение* и *образ. Следует ли из этого, что в психике нет, например,* образа восприятия объекта *или* ощущений, *вызываемых объектом, и эти понятия лишь обозначают конструкты исследователей?* Безусловно, нет. И в основе понятия *образ объекта,* и в основе понятия *ощущение* лежат

вполне реальные фрагменты нашего психического содержания, которые каждый может обнаружить в своем сознании. Следовательно, можно констатировать, что эти сущности были в прошлом действительно выделены из прочего психического содержания и получили специальное обозначение, а не просто были искусственно созданы исследователями в качестве очередных конструктов. Другое дело, что привычно вкладываемое в эти понятия содержание не соответствует современным представлениям об этих психических явлениях, то есть содержание этих понятий должно быть определено более точно.

ГЛАВА 1.10

Образ и его значение

- *Чувственное значение образа*
- *Осознание образа*
- *Понимание образа*

1.10.1. Чувственное значение образа

Б. Г. Мещеряков (2007) так определяет понятие *значение*:

> 1) в узком смысле – «невидимая» внутренняя сторона *знака*, его «душа»: мысленное содержание, связываемое с тем или иным знаком; 2) согласно Р. Барту, «значение – это соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс»; 3) в более широком смысле – для человека все может иметь значение (орудия, ситуации, события частной жизни и общественной истории, люди, природные объекты, слова, изображения и т. д.), но далеко не все есть знак [с. 213].

В Большом толковом психологическом словаре (2001) читаем:

> *Значение*. ...Представление, связанное с используемым физическим символом, то, что он обозначает... [с. 284].

Там же подчеркивается, что ни один символ сам по себе не «несет», не «имеет» значения. Значение находится в умах говорящих/слушающих. Символ выполняет функции устройства для достижения единства денотативного (передаваемого объектами или образцами) и коннотативного (подразумеваемого) значений. Понятие *значение* рассматривается в литературе в первую очередь применительно к знакам и их образам, особенно часто – к словам и другим символам.

Однако термин *значение* непосредственно касается всех психических явлений, так как любое из них становится понятным объектом сознания лишь тогда, когда наполняется для субъекта конкретным смыслом. Р. Якобсон (1985) считает, что:

> ...в человеческом обществе все пять органов чувств выполняют семиотические функции. Среди многочисленных примеров можно указать знаки, передаваемые через осязание (рукопожатия, похлопывания по спине, поцелуи), обоняние (запах духов или ладана) и вкус (дегустация блюд или напитков). Хотя систематическое исследование семиотических аспектов подобных знаков в разных культурах дало интересные и неожиданные результаты, совершенно очевидно, что наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для человеческого общества знаковых систем воспринимается посредством зрения и слуха [с. 323].

Б. Рассел (2007) полагает, что:

> ...«значение образов» – это самая простая разновидность значения, поскольку образы похожи на то, что они обозначают, тогда как слова, как правило, нет. Об образах (воспоминания. – *Авт.*) говорится как о «копиях» ощущений. ...Для практических целей мы оправдываемся предположением, что в данном случае наш образ воскресил в памяти то, чем была комната, когда мы видели ее в предыдущий раз. Мы можем тогда сказать, что наш образ «обозначает» комнату [с. 240–241].

Что же такое «значение образа», что оно представляет собой феноменологически? Рассмотрим, чем, например, различается восприятие нарисованной карандашом на белом листе окружности, наблюдаемой взрослым человеком, младенцем и животным. Очевидно, что оно различается в первую очередь значением, которое имеет данное зрительное впечатление для каждого из них. Для взрослого – это

осмысленный образ — знак определенной геометрической фигуры. Для младенца и животного — это ничего не значащее зрительное впечатление, лишь прообраз, то есть лишь потенциальный образ. Это сенсорное впечатление может достаточно долго находиться в сознании, если ребенок или животное, например, смотрят на него.

Оно бессмысленно для них, но тем не менее ими осознается. Можно даже выработать на него условный рефлекс, связанный, например, с приемом пищи. Последнее свидетельствует о наличии у них осознанной психической репрезентации, которая, однако, не является для них до поры до времени объектом и не выделяется ими в качестве особой сущности. Если, например, визуальная репрезентация окружности начинает всякий раз предшествовать приему пищи, то она уже выделяется в качестве отдельной сущности, что придает ей элемент некоторой понятности и превращает ее в объект восприятия. «Понятность» может быть самой элементарной, когда объект приобретает, например, оттенок чего-то приятного или, напротив, чего-то угрожающего. «Непонятность» же визуального впечатления делает его восприятие неактуальным для сознания, фоновым и исключает его из зоны активного внимания. Таким образом, «понятность» и «понимание» присущи не только вербальному, но и чувственному уровню моделирования реальности. Так, лев, например, понимает на чувственном уровне, что появление слона или другого льва несет в себе угрозу, а появление газели — приятные возможности, и действует соответственно.

А. Н. Гусев (2007) пишет:

> Специфика перцептивного образа в том, что мы переживаем значение предмета *одномоментно* — мы просто чувствуем, что перед нами та или иная вещь. И лишь в специально организованном психологическом эксперименте, где испытуемому предъявляются зрительные стимулы на очень короткое время, можно этот процесс означивания «развернуть» во времени. Будем увеличивать время экспозиции и спрашивать испытуемого, что он увидел в очередной пробе. Сначала он скажет, что на экране мелькнуло что-то темное, затем (при увеличении времени предъявления) он сообщит, что увидел нечто прямоугольное и синее, и вдруг (после очередного увеличения времени) он уверенно скажет, что это книга в темно-синей обложке [с. 27].

Иными словами, «дозы» сенсорных впечатлений может быть недостаточно для опознания предмета. Возникает вопрос: *каким образом нечто «темное» вдруг приобретает много характерных и понятных признаков?* Я полагаю, что происходит это в силу того, что смутное впечатление, неясный прообраз в какой-то момент актуализируют в сознании имеющуюся в памяти модель-репрезентацию книги. В результате образ восприятия приобретает четкое значение. Следовательно, модель-репрезентация известного объекта и есть значение данного мгновенного образа восприятия. Например, значением образа зрительного восприятия книги является ее модель-репрезентация, а значением визуального образа восприятия близкого человека является модель-репрезентация данного человека, существующая в нашем сознании.

Новорожденный, по-видимому, обладает врожденной способностью формировать перцептивные впечатления. Однако его впечатления, в частности зрительные,

не несут для него значения, так как не могут до его рождения возникать и тем более связываться с другими психическими феноменами. *Как и почему эти изначально бессмысленные феномены вдруг начинают приобретать значение?*

О визуальных образах восприятия у новорожденного говорить, видимо, нельзя, так как у него еще почти нет понимания собственных сенсорных впечатлений, которые почти не связаны между собой. Они являются сознанию, то есть осознаются младенцем, но он их не понимает. Они еще не стали для него репрезентациями окружающего мира, так как практически не акуализируют в его сознании ассоциаций — элементов значения. Хотя постепенно все меняется. Г. Эббингауз (1998) пишет:

> Дитя видит нечто блестящее, белое; оно схватывает его и, как обычно делают дети, рефлекторно подносит ко рту. Случайно схваченное им оказывается куском сахара; он замечательно вкусен, ребенок крепко держит его, сосет и съедает. Все испытанные при этом переживания — вид предмета, движения рук и кисти, очень приятный вкус и сосательные движения — так близки друг к другу по времени, что они ассоциируются друг с другом, и эта ассоциация становится тем прочнее, чем чаще повторяется подобный опыт. Поэтому в последующих случаях ребенок при взгляде на кусок сахара тотчас же будет предвосхищать в представлениях его приятный вкус так же, как и ощущения, исходившие от движения рук и сосания, которые присоединялись к этому вкусу, и эти представления вызывают более или менее сильное стремление к выполнению соответствующих движений: рука будет протягиваться, рот и язык — делать сосательные движения... [с. 101].

Несмотря на то что уже первичное визуальное впечатление, возникающее при восприятии объекта, доступно сознанию ребенка, этого впечатления самого по себе, без связей с другими психическими явлениями недостаточно для того, чтобы стать понятной моделью данного элемента реальности. Впечатление присутствует в сознании и потому осознается как таковое, но непонятно ребенку, так как не имеет специфического (хотя бы чувственного) значения и не является поэтому репрезентацией чего-либо. Как только сенсорное впечатление начинает вызывать первые ассоциации (образ небольшого белого объекта ассоциируется с его вкусом, твердостью, шершавостью и т. д.), можно говорить о начале его «чувственного понимания» вследствие возникновения элементарной модели-репрезентации объекта, а следовательно, и о трансформации непонятного сенсорного впечатления в понятный ребенку зрительный образ восприятия куска сахара или непонятного вкусового ощущения — в понятное (на чувственном уровне) приятное ощущение сладкого. «Понятность» зрительного образа и заключается в приятности, сладости, шершавости и т. д. воспринимаемого объекта.

Образ восприятия тогда презентирует что-то, когда за ним стоит хоть какая-то модель-репрезентация, несущая в себе пусть лишь минимально, но уже понятный субъекту смысл. Придавать репрезентации объекта понятный смысл могут, например, модели того же объекта, но иной модальности, представленные в сознании ребенка одновременно с основной — зрительной (не только белое, но и твердое, сладкое, тающее во рту и т. д.). При этом объект познается ребенком как бы в разных плоскостях, и каждая модель объекта, возникающая в новой модальности, становится значением параллельно возникающих в других модальностях альтернативных чувственных моделей.

М. Мерло-Понти (1999) говорит о том же:

...Если мы принимаем «чувствование» в классическом смысле, значение чувственного не может быть заключено нигде, кроме как в других наличных или возможных ощущениях [с. 37].

Для того чтобы испытать ощущения *тяжести, теплоты, громкости* или *красного цвета,* недостаточно «воздействия простого, изолированного раздражителя», как пишут в литературе. Нужно еще предварительное обучение, то есть построение разных сенсорных моделей данного объекта, определенных психических структур, исходное наличие которых необходимо для последующего возникновения даже «простого» специфического ощущения. Поэтому понятное субъекту ощущение — это ни в коем случае не «непроработанный, элементарный опыт чувства или осведомленности о каких-то состояниях внутри или вне тела». Это уже глубокое и разнообразное знание о реальности, за которым стоит модель-репрезентация объекта, вызвавшего ощущение.

Итак, значение образа восприятия объекта — это модель-репрезентация данного объекта. Вербальные компоненты значения[1] появляются позже. Дж. Гибсон (1988) пишет:

Гештальтпсихологи признавали, что смысл или значение вещи воспринимаются, по-видимому, также непосредственно, как и ее цвет. Значение предмета, как говорится, *написано* на его лице, и поэтому он обладает *физиономическим* качеством в том смысле, в каком обладает этим качеством человек, эмоции которого *проявляются на его лице*. ...Как можно объяснить валентности, то есть те свойства объектов, которые приглашают вести себя определенным образом, навязывают поведение? Никто (даже среди гештальттеоретиков) не считал их физическими свойствами, и классическая физика с ними действительно не имела дела. А коль скоро это так, то они могут быть только феноменальными... [с. 204–205].

«Смысл или значение вещи воспринимаются так же непосредственно, как и ее цвет» именно потому, что они и являются пусть феноменально иными, но тоже чувственными репрезентациями той же самой цветной вещи. Чувственные модели объекта, представленные в разных модальностях, и есть то, что принято считать феноменальными свойствами объекта. Именно благодаря им «вещь говорит, что она собой представляет», а «значение предмета написано на его лице».

У. Найссер (1981) тоже отмечает, что:

...восприятие часто кажется прямым в том смысле, что мы осознаем значения, как бы не замечая физические детали, из которых они строятся. По крайней мере, мы часто не можем описать эти детали... [с. 91].

Ребенок в процессе непосредственного взаимодействия с окружающим миром приобретает личный чувственный опыт. Кроме того, ребенок в процессе совместных действий со взрослыми и в процессе усвоения языка интериоризирует и объективное вербальное знание человечества о мире.

Е. Е. Соколова (2005) пишет:

...исходно значение задается индивидуальному субъекту (ребенку) в виде надындивидуальных форм, которые субъект должен превратить в индивидуальное в процессе

[1] Вербальное значение рассматривается во второй части книги.

> обучения. Это усвоение происходит путем формирования у него (в совместной деятельности со взрослым) систем способов действий (операций) с предметами в соответствии с существующими в общественном сознании «эталонами». ...*Операциональные значения* предшествуют по времени своего возникновения в онтогенезе вербальным значениям. ...Усваивая эти схемы (действий. — *Авт.*), ребенок овладевает операциональными значениями... задающими последовательность конкретных операций и движений, необходимых для решений соответствующих задач... Операциональные значения не сменяются затем вербальными, а продолжают существовать и во взрослом сознании в системе других значений [с. 231–233].

Рассматриваемое здесь автором «операциональное значение» представляет собой вариант чувственного значения. Последнее, кстати, не может сформироваться без взаимодействия субъекта с объектом восприятия. Операциональное значение образа восприятия объекта представляет собой совокупность ощущений и других образов, возникающих у субъекта в процессе взаимодействия с объектом. Эти ощущения и образы репрезентируют как изменения объекта, так и изменения самого субъекта в процессе их взаимодействия, протекающего «в соответствии с существующими в общественном сознании "эталонами"», то есть в то время, когда ребенок подражает взрослому и учится у него приемам действий с конкретными объектами.

Как я уже отмечал, мир можно понимать и на чувственном уровне без вербального значения образов, что демонстрируют нам прекрасно адаптированные к своему миру животные. Младенец, сосущий кусок сахара, тоже по-своему что-то понимает в нем.

Обсуждая пациентов с восстановленным зрением, А. Н. Гусев (2007) напоминает, что:

> У больных..., прозревших после операции, наблюдается дефицит знания о значении воспринимаемых предметов: они видят, используя термин Дж. Гибсона, видимое поле, наполненное приобретенной вновь чувственной основой, но не могут адекватно воспринимать видимый мир в его предметной означенности [с. 39].

И это естественно. Возникающие у них впервые зрительные впечатления никак не соотносятся ни между собой, ни с сенсорными впечатлениями другой модальности, ни с их вербальными значениями. Поэтому они и не являются пока визуальными образами конкретных объектов. Только в процессе достаточно длительного взаимодействия больного с окружающей реальностью эти новые зрительные впечатления начинают соотноситься и связываться с привычными для данных пациентов моделями-репрезентациями, составленными преимущественно из тактильных и слуховых образов. Именно это придает новым зрительным впечатлениям понятное для субъекта значение, превращая их в реальные репрезентации окружающего мира. Поэтому, чтобы понять визуальное сенсорное впечатление, создаваемое токарным станком, больному и требуется предварительно ощупать этот объект [Р. Л. Грегори, 1970].

А. Н. Гусев (2007) замечает:

> Значение образа всегда опосредовано не только и не столько индивидуальным опытом субъекта, но в большей степени культурно-историческим опытом всего человечества, особенностями воспитания и обучения. Это так называемое сверхчувственное

свойство образа, оно лежит вне наших органов чувств, и его нельзя понять, исходя из особенностей стимуляции [с. 27–28].

Совершенно верно, потому что это называемое автором «сверхчувственным» свойство образа на самом деле является не свойством, а важной составной частью значения образа — его вербальным значением, которое приобретается в результате интериоризации субъектом вербального знания об объекте, распространенного в данном обществе. С. И. Розум (2006) обращает внимание на то, что вербальное знание об объекте может даже менять восприятие объекта, влиять на его образ:

В связи с тем что значение — это сложная психологическая структура, иные ее компоненты могут оказывать влияние даже на формальные характеристики перцептивного образа, которые, казалось бы, должны просто по физиологическим законам зависеть исключительно от свойств объекта как такового. Эксперименты, однако, показывают обратное. В одной из ранних работ Дж. Брунера 10-летние дети при восприятии монет переоценивали их размеры по сравнению с детьми, которые воспринимали просто картонные кружочки тех же размеров, что и монеты. Причем дети бедных родителей переоценивали размеры монет больше, чем дети богатых родителей... Роль значения объекта в восприятии его формальных характеристик настолько очевидна, что даже отражена в пословице «У страха глаза велики» [с. 187].

Влияние вербального знания об объекте на формальные характеристики его перцептивного образа действительно интересно и удивительно.

1.10.2. Осознание образа

В литературе часто смешивают значение терминов *понимание* и *осознание*. В определении понятия *осознание* нет ясности, что, в общем-то, и неудивительно вследствие отсутствия ясности в отношении самого понятия *сознание*.

Вот лишь несколько существующих определений:

Сознательное... все осознаваемое человеком содержание: образы, мысли, переживания и желания, о существовании которых мы знаем. ...Синоним – опыт, осознанность... [Б. Г. Мещеряков, 2007, с. 305].

Осознание – представленность субъекту в данный момент того или иного содержания сознания, в котором он может отдать себе отчет [Е. Е. Соколова, 2005, с. 326].

Осознание – субъективное состояние, пребывая в котором человек понимает суть каких-либо вещей, событий, своего внутреннего «Я» и его воздействие на свое поведение [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 306].

Если принять эти определения, то как быть, например, с состоянием помрачения сознания, когда больной в сознании, но оно сильно изменено? Обсуждая состояние помраченного сознания, К. Ясперс (1997) пишет:

Психическая жизнь, так сказать, распадается, и отдельные переживания происходят вне связи друг с другом. Остаются только единичные, изолированные акты; сознание

> оказывается совершенно раздробленным. Содержание сознания становится в высшей степени противоречивым... так что ничего нельзя вспомнить [с. 188].

Очевидно, что при таком состоянии сознания человек не в состоянии «отдавать себе отчет в содержании своего сознания, тем не менее психические переживания присутствуют в этот момент в его сознании. И для внешнего наблюдателя факт наличия у больного осознанных психических переживаний очевиден.

Я исхожу из того, что всякий возникающий у человека психический образ или ощущение всегда осознаны. Нет и не может быть неосознаваемых, то есть принципиально недоступных нашему «внутреннему взору» психических образов и ощущений, так же, как не может быть сухой воды или горячего холода. Бессознательные образы и ощущения не могут существовать хотя бы потому, что о наличии у себя психических явлений мы знаем лишь благодаря своей интроспекции. И нет иного способа их обнаружения и рефлексии (если, конечно, мы говорим о психических феноменах, а не о чем-то другом, например о поведении или чертах характера).

Следовательно, странное утверждение о наличии у нас бессознательных психических явлений (образов и ощущений), которые в принципе не могут быть обнаружены нашим «внутренним взором», — очевидная нелепость, превратившаяся, однако, в одну из доминирующих в психологии теорий[1]. При этом я не сомневаюсь в существовании (и даже частом преобладании в нашем сознании) явлений, которые мы плохо понимаем или не понимаем вовсе. Но непонимаемое — это не бессознательное.

Хотя с прагматической точки зрения (например, для психотерапии) неважно, как такие явления называть. Вместе с тем для теоретической психологии эти различия чрезвычайно важны и носят принципиальный характер. Тем не менее в психологии преобладает пока иная точка зрения, хорошо иллюстрируемая, например, следующей цитатой:

> ...не следует смешивать понятия «сознание» и «осознание». *Не все, что даже в данный момент входит в мой сознательный образ мира, является осознанным* (курсив мой. — *Авт.*). Осознание означает, что в данный момент жизни я отдаю себе отчет, скажем, в том предложении, которое я сейчас пишу, или в том, что я сейчас запираю дверь, у которой очень сложный и трудный замок. Однако одновременно с этим в моем сознательном образе мира много неосознанных содержаний. Запирая дверь, я, например, не осознаю, что говорит мне вышедшая из своей квартиры соседка, которая стоит в коридоре, хотя при изменении условий деятельности всегда могу осознать это. Таким образом, объем понятия «сознание» включает в себя то, что З. Фрейд называл *собственно сознанием*, и то, что он же назвал *предсознательным* (предсознательное — это не осознаваемое в данный момент, но потенциально могущее быть осознанным), то есть не все сознательное осознано. При этом в самом результате акта осознания надо отличать минимум два (возможно, более) уровня осознания (В. Вундт называл их *сознанием* и *вниманием*) [Е. Е. Соколова, 2005, с. 209].

Парадоксально, но то, что «входит в сознательный образ мира», предлагается рассматривать как неосознанное, так как осознанное — это якобы лишь то, что

---

[1] Проблема бессознательного довольно подробно рассматривается в другой моей работе (С. Э. Поляков, 2004).

является содержанием рефлексирующего сознания — «то, в чем я отдаю себе отчет». Мне представляется, что такое определение понятия *осознание* неадекватно хотя бы потому, что человек, находясь в полном сознании и выполняя, например, ответственные и сложнейшие действия: операция хирурга, работа авиадиспетчера, вычисления увлеченного работой математика и т. п., в минуты наивысшего напряжения обычно «не отдает себе отчета в том, что» имеет в это же время какие-то конкретные образы, ощущения, репрезентирующие ему эту высокосознательную произвольную умственную деятельность. Очевидно, что человеку, занятому сложной психической деятельностью, просто в этот момент не до размышлений о своем психическом содержании, и его рефлексия направлена на контроль качества собственных сложных действий, а не на контроль содержания собственных переживаний и даже — не на сам факт их наличия.

Более правильным я считаю такое косвенное определение:

> ...Сознание выступает как эмпирический феномен осознанности («непосредственной данности»)... [Психологический лексикон, 2005, с. 181].

Иными словами, *осознание* понимается здесь как «непосредственная данность» любого психического содержания субъекту. Иными словами, сам факт присутствия чего-то в сознании, а следовательно, существования в качестве психического явления, позволяет говорить об осознании данного «нечто». Следовательно, для того чтобы «нечто» (ощущение, образ, желание, влечение и т. д.) осознавалось человеком, достаточно самого факта наличия этого психического явления в его психике. Если человек ощущает, воспринимает или чувствует что-то, то это что-то им осознается, даже если он вовсе не понимает значения этого психического содержания и вообще не рефлексирует по его поводу.

Для признания факта осознания ощущения, образа, другого психического явления не требуется, чтобы они сопровождались рефлексией, то есть чтобы в сознании возникали дополнительно мысли о них. Например, идеи относительно факта наличия данного явления в сознании, причины его появления, его влияния на поведение человека и т. д. Влечение, например, осознается уже тогда, когда человек почувствовал его, а не тогда, когда задумался о том, почему оно у него возникло и как оно на него действует. Это уже не осознание, а рефлексия. Если вы почувствовали голод или боль, то вы уже осознаете их. И неверно утверждение, что вы их осознаете только тогда, когда у вас дополнительно возникла вербальная мысль о том, что вы захотели есть или что у вас что-то болит. Если у вас возникла мысль о переживаемом вами психическом феномене, значит, вы начинаете его не только осознавать, но и понимать, то есть рефлексировать по его поводу. И чем больше у вас мыслей о нем, тем глубже его понимание, но не осознание, так как осознание имеет только одну степень. Оно или есть, и тогда есть психическое явление, или его нет, и человек находится без сознания. Хотя многие исследователи считают иначе, но это отдельный и долгий разговор [см.: С. Э. Поляков, 2004].

Чтобы понять разницу между осознанием и пониманием, проще всего провести аналогию между появлением образов в сознании и появлением символов на экране. Если непонятный символ появляется на экране, то он уже есть. Он уже осознан, факт осознания его наличия состоялся. Вне зависимости от того, понимают ли его

зрители. Также и образ или ощущение, появляющиеся в сознании, уже есть и, следовательно, осознаются как нечто данное, даже если не понимаются человеком. Осознание здесь — нечто вроде субъективно очевидного факта появления или наличия в сознании новой сущности. Если нет осознания, то нет и явления, то есть психического события, феномена. Если символ, например иероглиф, появился на экране, но непонятен зрителям, то они его видят, хотя и не понимают. Также и в сознании, часто и в большом количестве, появляются феномены, которые, будучи осознаны, остаются непонятными или плохо понятными человеку. Больше того, такие феномены явно преобладают среди наших психических явлений.

Таким образом, для того чтобы стать явлением сознания, психическому феномену, например визуальному образу, достаточно просто возникнуть в «потоке» соответствующих явлений сознания. Ему не требуется быть понятным. Он может быть как совершенно понятным для взрослого человека, например образ яблока или стула, так и совершенно непонятным — какая-то надпись на древнем языке, которая для другого человека, возможно, является символом, много что означающим. Впрочем, любой визуальный образ минимально понятен человеку уже хотя бы как некое явление, возникшее в его сознании. Как нечто существующее.

В отличие от осознания ситуация с пониманием образов, а тем более с последующим их возвращением в сознание и повторным рассмотрением, гораздо более сложная. Почти непрерывно в сознании возникают мгновенные образы. Большинство этих образов, возникая на очень короткое время, в принципе не могут стать предметом внимательного рассмотрения хотя бы в силу ограниченности объема сознания. Иными словами, они очевидно избыточны, и человек явно не в состоянии как внимательно рассмотреть, так и сохранить их в памяти.

В привычной для нас обстановке, где нас окружают знакомые вещи, захлестывающая нас избыточность сенсорной информации компенсируется существующими у нас моделями-репрезентациями типичных объектов и ситуаций, которые способны запускать стереотипные привычные формы реагирования. Представьте теперь, что вы впервые попали в колоссальный супермаркет, забитый неизвестными для вас товарами, и быстро идете по нему, пытаясь заметить и запомнить все, что видите, да еще и выбрать что-то необходимое. Много ли успеет ухватить, удержать, а потом еще и воспроизвести ваше сознание? Думаю — не очень.

Кроме процесса осознания мгновенных перцептивных образов, существуют еще и процессы их селекции, фиксации в памяти и последующего воспроизведения. Мгновенные образы, которые остались вне этих процессов, не могут в будущем быть извлечены из памяти, хотя и пребывали в сознании определенный, пусть и короткий период времени, и, более того, некоторые из них смогли даже как-то повлиять на формирование сохранившихся в памяти итоговых образов восприятия. Большинство исследователей, особенно не задумываясь, относят такие вполне осознанные образы к области бессознательного психического на том основании, что человек не помнит о них в последующем и они выпадают из дальнейших операций сознания.

Можно провести такую метафорическую аналогию. История мира складывается из бесчисленных событий, которые происходят с каждым живущим сейчас человеком. Но в «объектив истории» попадает лишь незначительная часть важнейших из них. Остальные никогда более не станут предметом истории, так как не попали в матери-

альные носители ее памяти и бесследно канули в Лету. Однако они все же были реальными историческими событиями. Они существовали. Так, и многие наши психические явления, будучи сознательными в момент своего существования, далее уже не участвуют во вторичных операциях сознания. И если вдруг позже удается экспериментально обнаружить их влияние, например на восприятие испытуемых, у многих исследователей возникает понятное желание отнести их к бессознательным явлениям, так как их якобы не было в сознании, раз у испытуемых нет о них воспоминаний.

Критики могут сказать мне, что неважно, как называть плохо понимаемые нами психические феномены: бессознательными или непонимаемыми, так как суть от этого не изменится и они нам понятнее не станут, а все дело лишь в терминологии. Однако используемая сейчас в психологии неправильная терминология отнюдь не так безобидна, как может показаться. Для опытных исследователей все более или менее понятно, но для тех, кто лишь начинает знакомиться с психологией, очень важно сразу понять, что никакого «двойного дна» в психике нет, в ней нет никаких недоступных интроспекции бессознательных психических явлений, а есть только то, что каждый при некотором усилии может там обнаружить.

1.10.3. Понимание образа

Знакомый объект человек узнает сразу, мгновенно, на чувственном уровне, что позволяет ему действовать немедленно и даже без глубокого, тем более вербального понимания значения воспринятого. Например, кинуться прочь, если образ сигнализирует об опасности, то есть вызывает мгновенные неприятные ассоциации. Насторожиться, если образ неизвестен и почему-то неприятен, или не реагировать вовсе, если образ привычен или не вызывает никаких ассоциаций.

Мимолетный взгляд на сложный объект обычно не позволяет смоделировать его детали, но достаточен для мгновенного реагирования на него. Следовательно, даже кратковременного восприятия, сопровождающегося появлением мгновенного, возможно, нескольких мгновенных образов восприятия, достаточно для минимального понимания[1] сущности воспринятого объекта благодаря актуализации в сознании модели-репрезентации сходных объектов: машина, человек, зверь и т. д. (без индивидуальных их особенностей и, скорее, на эмоционально-чувственном уровне: опасно, неопасно, важно, интересно, безразлично и т. п.). Для того чтобы глубже понять конкретные особенности воспринимаемого объекта, нужны новые «серии» мгновенных образов его восприятия. Увеличение продолжительности восприятия позволяет поэтому все глубже проникать в суть предмета.

---

[1] *Понимание* — 1) способность постигнуть смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат; 2) вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссоздаваемых представлений и содержании воздействий... [Психологический лексикон, 2005, с. 168].

В данной главе не рассматривается понимание чувственных репрезентаций, обеспечиваемое понятийным мышлением.

Очевидно, что понимание психического явления неразрывно связано с его значением. В отличие от осознания понимание, как мне представляется, — результат установления ассоциаций между разными психическими явлениями, одновременно или последовательно возникающими в сознании, результат формирования моделей-репрезентаций воспринимаемых сущностей. Появление в сознании психического явления, например перцептивного образа объекта, актуализирует в сознании другие психические явления, ассоциированные с данным образом и способные эффективно его заменить в качестве иной, но эквивалентной с точки зрения адаптации организма психической репрезентации объекта. В итоге одни психические явления приобретают способность замещаться совокупностями других и через одни явления становится возможным выразить другие. Например, зрительный образ объекта заменяется у слепого множеством ощущений и чувственных образов иной модальности. В этой связи мне представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения К. Юнга (1997):

> ...«знание» основывается на воспринимаемой связи между психическими содержаниями. Мы ничего не можем знать о содержании, которое ни с чем не связано, и мы не способны даже осознать это, пока наше сознание будет находиться на таком низком, начальном уровне. Соответственно этому первая ступень сознания, доступная нашему наблюдению, заключается в простой связи между двумя или более психическими содержаниями... Кажется, что сознание вливается в нас извне в форме чувственных перцепций... Мы видим, слышим, чувствуем вкус и запах мира и таким образом сознаем его. Эти перцепции сообщают нам о том, что нечто существует. Но они не говорят нам о том, что существует. О последнем мы узнаем не от перцепции, но благодаря процессу апперцепции, который имеет чрезвычайно сложную структуру. ...Допустим, мы слышим звук, природа которого кажется нам незнакомой. Спустя какое-то время нам становится ясно, что этот своеобразный звук, должно быть, исходит от пузырьков воздуха в трубах центрального отопления: мы узнали звук. Это узнавание имеет своим источником процесс, называемый нами мышлением. Именно мышление говорит нам, чем нечто является [с. 17].

Дополняя этот отрывок, можно сказать, что понимание и «знание» появляются тогда, когда в психике начинают возникать и связываться между собой в сложные конструкции чувственные явления, репрезентирующие реальность. Это делает ее доступной и понятной для сознания. Взаимосвязанные между собой воспоминания о чувственных перцепциях — это первые такие модели реальности, первые элементы нашего чувственного знания о ней.

Примерно то же говорит и М. Мерло-Понти (1999):

> Познание (в том числе и чувственное понимание. — *Авт.*) оказывается своего рода системой подмен, в которой одно впечатление говорит о других, не будучи в состоянии их уразуметь... Значение воспринимаемого есть не что иное, как некое созвездие образов, которые начинают появляться без всякой на то причины... Ощущение не допускает иной философии, кроме номинализма, то есть сведения смысла к противосмыслу смутного подобия или бессмыслию ассоциации по смежности. ...Значение воспринимаемого, отнюдь не будучи результатом ассоциации, уже предполагается в любых ассоциациях, будь то при обзоре какой-то наличной фигуры или припоминании прошлых опытов [с. 39–40].

Другими словами, чувственное значение сенсорной репрезентации — это совокупность других, жестко ассоциированных с ней ощущений и образов, а чувственное понимание репрезентации – это актуализация в сознании ее чувственного значения.

М. Мерло-Понти (1999) продолжает:

> ...восприятие — это тот акт, который сразу же, наряду с набором данных, создает и связующий их смысл, который мало того, что открывает смысл, каковой они имеют, но делает так, что они вообще имеют какой-то смысл. ...В действительном восприятии, если взять его в момент зарождения, до всякого слова невозможно отделить чувственный знак от его значения. Объект — это организм доступных осязанию цветов, запахов, звуков, символизирующих друг друга и друг с другом согласующихся соответственно логике, которую призвана разъяснять наука и анализ которой последняя отнюдь не завершила [с. 66–68].

И далее:

> Ребенок, обжегшись, иначе смотрит на огонек свечи, тот уже не привлекает его, но, наоборот, буквально отталкивает. Видение проникается неким смыслом, который определяет его функцию в картине мира и нашем существовании [с. 84].

Иными словами, после того как в процессе контакта ребенка с огоньком свечи зрительная репрезентация последнего связалась в его сознании с новыми ощущениями — чувством жара и болью от ожога, у ребенка появилось чувственное понимание этого объекта, знание о сенсорных результатах взаимодействия с ним, а у его визуальной репрезентации огонька свечи — сенсорное значение. Следовательно, значение сенсорных впечатлений появляется у ребенка в процессе его взаимодействия с окружающей реальностью. Между разными ощущениями и образами возникают связи, которые наполняют для ребенка каждый его образ и ощущение определенным сенсорным значением, личностным чувственным смыслом, представляющим собой другие ощущения и образы.

Ребенок начинает различать образы и ощущения, потому что они всякий раз актуализируют в его сознании строго определенные «созвездия» жестко связанных между собой иных чувственных репрезентаций, превращающиеся со временем в специфические модели-репрезентации окружающих объектов. Эти «разъясняющие» сущность основного образа или ощущения ассоциированные с ним «чувственные пояснения» определяют отношение ребенка к основному образу и ощущению и его реакцию на них. Именно эти формирующиеся чувственные психические конструкции становятся значениями повторяющихся сенсорных впечатлений, способностью к формированию которых ребенок обладает от рождения, и превращают их в ощущения и образы.

Через устойчивые совокупности чувственных конструкций для ребенка проясняется смысл все большего количества объектов и явлений. Можно, по-видимому, заключить, что значение чувственных репрезентаций объекта ясно ребенку, если он реагирует на объект уже без попыток ознакомительного взаимодействия с ним. Например, морщится и отворачивается при его восприятии или улыбается и тянется к нему.

Итак, чувственное значение ощущения или образа объекта — это актуализация в сознании других приятных или неприятных ощущений, образов, эмоций и желаний, которые возникали в прошлом в результате взаимодействия с этим же или сходным объектами. Так, образ бутылочки с молоком для трехмесячного ребенка — нечто приятное, желаемое, радостное, то, к чему следует стремиться, а ощущение мокрых пеленок, напротив, — неприятное, нежелаемое, то, от чего следует избавиться. Образ осы у собаки, пытавшейся ранее поймать ее пастью, актуализирует, по-видимому, чувственное значение в виде воспоминания крайне неприятных ощущений, страха и желания избежать взаимодействия с данным объектом, а образ миски — значение в виде совсем иных, весьма приятных образов и ощущений. Возникающее в виде модели-репрезентации объекта значение его образа является чувственным знанием об объекте.

Как я уже отмечал, главную роль в процессе формирования чувственного значения образа и ощущения играют действия ребенка и изменения внешней реальности, возникающие в результате взаимодействия с ней ребенка. Каждое новое ощущение, вызываемое объектом, новые визуальные и слуховые впечатления ассоциируются в сознании ребенка с изменениями проприоцептивных и кинестетических ощущений от его тела, вестибулярными и интероцептивными ощущениями, возникающими у него эмоциями и желаниями. Все эти ощущения и образы формируют в результате сложные психические конструкции, моделирующие конкретный объект, изменения данного объекта и изменения собственных ощущений в результате действий ребенка с объектом, а также одновременные изменения других окружающих объектов. Такие конструкции являются чувственным значением каждого из входящих в них элементов. Можно заключить, что чувственное значение ощущения или образа — это ассоциированное с ним и представляющее собой устойчивую психическую конструкцию множество других чувственных репрезентаций, эквивалентных ему с точки зрения адаптации к окружающему миру, то есть способных заменить собой в сознании субъекта в процессе его взаимодействия с определенным объектом означаемое ощущение или образ.

Итак, очевидно, что значение образа совсем не обязательно должно быть только вербальным, тем более что последнее появляется значительно позже чувственного, а опознание объекта является актом категоризации, как полагает Дж. Брунер (1977) и большинство психологов. Дж. Брунер (1977) пишет:

> Восприятие предполагает акт категоризации. Фактически в эксперименте происходит следующее: мы предъявляем субъекту соответствующий объект, а он отвечает путем отнесения воспринятого раздражителя к тому или иному классу вещей или событий [с. 13].

Воспринять — это означает осознать и понять, а понять, как я уже говорил, можно и без категоризации, без вербального мышления, на чувственном уровне. Для понимания не обязателен символический уровень, что нам блестяще демонстрируют животные и маленькие дети. Маленький ребенок или обезьяна могут воспринять

яблоко или банан, понимая на чувственном уровне, что это такое, без категоризации и без одновременного осознания соответствующих обозначающих понятий. Для понимания им, видимо, вполне достаточно актуализации в сознании чувственной модели-репрезентации яблока или банана в форме визуальных образов воспоминания и представления процесса их поедания или воспоминания ощущений их вкуса и запаха, чувства удовольствия от их надкусывания и т. д. Итак, наличие в памяти чувственной модели-репрезентации объекта, или, другими словами, его значения, делает образ объекта узнаваемым и понятным.

ГЛАВА 1.11

Глобальная модель-репрезентация мира

- *Когнитивные карты и схемы как сенсорные психические конструкции*
- *Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира*

1.11.1. Когнитивные карты и схемы как сенсорные психические конструкции

В 1948 г. Э. Толмен обнаружил у крыс сложный образ воспоминания-представления окружающей среды и предложил для его обозначения метафорический термин «когнитивные карты»[1]. Толмен [E. C. Tolman, 1948] пишет:

> Мы полагаем, что во время процесса обучения в мозге крысы создается нечто подобное топографической карте местности [с. 192].

О когнитивных картах — пространственных схемах, «которые осуществляют жесткий контроль за нашим воображением» и которые «в значительной степени и *есть* наше воображение», много пишет и У. Найссер [1981, с. 125]. В то же время его бихевиористские установки не позволяют ему без многочисленных оговорок рассматривать их в виде психических образов:

> О когнитивных картах часто говорится так, как если бы они были умственными изображениями среды, которые можно разглядывать на досуге внутренним взором, в то время как его обладатель удобно расположился в кресле. ...Я попробую сделать противоположное и часто буду пользоваться термином «ориентировочная схема» как синонимом «когнитивной карты», чтобы подчеркнуть, что это активная, направленная на поиск информации структура. Вместо того чтобы определять когнитивную карту как своего рода образ, я выскажу предположение... что само пространственное воображение является всего лишь аспектом функционирования ориентировочных схем [с. 126–127].

У. Найссер [1981, с. 126] обсуждает интересные описания когнитивных карт из книг К. Боудинга «Образ» и К. Линча «Образ города» и цитирует этих авторов:

> Когнитивные карты существуют для всего. Мы знаем, что увидим за поворотом, когда возвращаемся домой; мы можем планировать путешествие в тысячи мест и проверить правильность наших ожиданий в пути... [с. 138].

Он пишет, что К. Линч выделяет пути, узлы, районы, грани и т. д.:

> Когнитивные карты и перцептивные схемы связаны между собой двумя различными способами, которые можно проиллюстрировать посредством предлагаемого Линчем анализа. Во-первых, когнитивная карта *есть*, в сущности, перцептивная схема, хотя и большого масштаба; она принимает информацию и направляет обследование. ...Однако схемы — это не просто компоненты карты; они и сами направляют восприятие и сбор информации [с. 139].

---

[1] Когнитивная карта — субъективное представление о пространственной организации внешнего мира, о пространственных отношениях между объектами, об их положении в среде [Большой психологический словарь, 2004, с. 225].

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко [2004, с. 226] замечают, что эти естественные карты-схемы следовало бы назвать «непосредственными» (или «натуральными»), чтобы противопоставить их разнообразным знаковым картам, которыми широко пользуются люди, и их психическим репрезентациям.

Не признавая когнитивные карты образами представления, но будучи глубоким исследователем, У. Найссер (1981) в конечном счете приходит к тому, к чему и должен был прийти — к отождествлению когнитивных карт и ментальных образов:

> ...когнитивные карты являются наиболее широко используемым и наименее спорным видом умственных образов. ...Я полагаю, что переживание наличия образа представляет собой внутренний аспект готовности к восприятию воображаемого объекта... различия между людьми в природе и качества их образа отражают различия информации, к сбору которой они подготовились. ... Образы суть примеры перцептивной готовности... [с. 144].

Сказанное им можно понимать так: *в общем-то, когнитивные карты и схемы — это образы, но не совсем и не всегда*. Подводя итог, следует сказать, что когнитивные карты — это особые чувственные репрезентации реальности, являющиеся важной частью глобальной модели-репрезентации мира.

1.11.2. Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира

Очередным доказательством существования моделей-репрезентаций как таковых является то, что в литературе давно и широко обсуждается под названиями «картина мира», «образ мира», «видимый мир» и т. п. (А. Н. Леонтьев, 1983а; С. Д. Смирнов, 1985; А. А. Леонтьев, 2001; Дж. Гибсон, 1988 и др.). С. Д. Смирнов (2005) определяет образ мира как:

> ...целостную, многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности [с. 153].

Он же (2005) замечает, что:

> ...образ мира и близкие к нему понятия — картина мира, модель универсума, схема реальности, познавательная карта и т. п. — имеют в контексте различных психологических теорий неодинаковое содержание... [там же].

Дж. Гибсон [1988, с. 294–295] излагает, например, свое понимание «картины мира», которую он определяет как «видимый», или «зрительный мир», в противовес «видимому полю» — актуальной картине восприятия. То, что он называет «видимый мир», — это глобальная модель-репрезентация, состоящая из образов воспоминания и представления окружающего мира. В моем понимании «видимый мир» — не «результат извлечения инвариантной информации из объемлющего оптического строя», как полагает Дж. Гибсон, а выстроенное сознанием на основе этого объемлющего оптического строя множество психических инвариант, составляющих модель-репрезентацию мира, или картину мира.

Глобальная сенсорная модель-репрезентация мира является одной из важных составных частей картины мира, включающей наряду с ней еще и вербальные психические конструкции, моделирующие тот же окружающий мир, но иначе и на другом уровне. Глобальная модель-репрезентация — это бесчисленное множество

образов представления и воспоминания реальности, окружавшей человека в течение его жизни. Она строится сознанием на протяжении всей жизни человека и представляет собой завершенную устойчивую психическую конструкцию, репрезентирующую окружающий мир и особенности его изменения в процессе взаимодействия с человеком.

В глобальной модели-репрезентации мира можно условно выделить актуальную модель-репрезентацию мира. Последняя репрезентирует субъекту лишь тот «кусочек» мира, с которым он «имеет дело» сейчас, тот, который непосредственно воспринимает. Актуальная и тем более глобальная модель-репрезентация мира обеспечивают человеку общую ориентировку в пространстве, времени и месте, репрезентируют ему невоспринимаемые в данный момент, но важные для него окружающие объекты, их значимость, их свойства и их возможные изменения: спонтанные и в связи с его действиями. Благодаря актуальной модели-репрезентации человек понимает, где находится в любой момент времени. Эффективность ее использования человеком является важным критерием ясности его сознания и его психического благополучия. Актуальная модель-репрезентация включает в себя не только окружающую реальность и ее изменения, но и самого субъекта в ней.

Необходимо различать актуальную модель-репрезентацию реальности и перцептивную полимодальную репрезентацию той же реальности. Обычно они жестко координированы и взаимно дополняют друг друга. Перцептивная полимодальная репрезентация реальности представляет собой совокупность перцептивных образов и ощущений, репрезентирующих воспринимаемую человеком в данный момент реальность и его самого в ней, изменяющиеся в процессе своего текущего взаимодействия друг с другом. Наиболее важные ее части — визуальная, слуховая и интероцептивная. Визуальную перцептивную репрезентацию, или зрительный образ восприятия, окружающей реальности можно отождествить с «полем зрительного восприятия». Ч. Осгуд (2002а) цитирует Дж. Брауна и А. Вота:

> Под зрительным полем мы подразумеваем пространственную структуру (конструкт), в которую могут быть упорядочены феномены зрительного поля, —

и продолжает:

> ...поле может быть введено в теорию как чисто гипотетическая конструкция [с. 144].

Мне представляется, что конструкция «зрительное поле» для каждого из нас — вполне реальная, а не гипотетическая психическая сущность, которая непосредственно представлена в нашем сознании. Другое дело, что обозначающее эту сущность понятие *поле* — лишь удобная метафора.

Воспринимаемый нами в данный момент мир, или «видимое поле» (по Дж. Гибсону) — перцептивная полимодальная репрезентация реальности, ограниченная возможностями восприятия и особенностями окружающей «реальности в себе». Перцептивная репрезентация реальности, или «воспринимаемый мир», постоянно достраивается актуальной моделью-репрезентацией этого же мира, которая в любой момент может при необходимости быть расширена еще больше в том или ином направлении за счет глобальной модели-репрезентации мира. Между перцептивной

репрезентацией и актуальной моделью-репрезентацией реальности возникают сложные и не вполне ясные отношения. Ядвига Конрад-Мартиус (2006) пишет:

> ...наглядное обладание той областью пространства, где я нахожусь, не обрывается сразу же на границе сферы восприятия... Во всех направлениях — если я вообще обращен во внешний мир — часть моего восприятия выходит за пределы сферы восприятия в собственном смысле. Эти трансцендирующие сферу восприятия (выходящие за ее пределы. — *Авт.*) части пространственного мира, которые всегда или обычно в реальной ситуации переживания наглядно сопостигаются в большем или меньшем объеме... складываются в своеобразную, довольно значительную по объему сферу. И эта сфера, будучи упорядоченной вокруг моей реальной позиции в пространстве, отличается именно такой непосредственной обозримостью для моего умственного взора и содержит в себе соответствующее поле восприятии (при закрытых глазах оно равно нулю) в качестве особо выделенной части [с. 264–265].

На деле «восприятие» не «выходит за пределы». За пределы восприятия «выводит» наблюдателя конструируемая его сознанием часть модели-репрезентации мира, актуализируемая текущим восприятием видимой реальности. Таким образом, актуальная модель-репрезентация позволяет человеку расширить границы перцептивной репрезентации мира за пределы собственно воспринимаемого. Слова автора о том, что «часть восприятия выходит за пределы сферы восприятия», опять подтверждают непосредственное участие образов воспоминания и представления в восприятия окружающего мира.

Ядвига Конрад-Мартиус (2006) продолжает:

> Обращает на себя внимание то, что сознание реальности в подлинном и изначальном смысле не совпадает полностью с переживанием восприятия. Однако в ответ на наши рассуждения можно сразу же спросить, не следует ли впредь считать «действительность» тождественной воспринимаемому плюс указанным образом непосредственно усматриваемому помимо нее. Возможность прямого усмотрения некоторой сферы, упорядоченной вокруг позиции восприятия — будь то воспринимаемые или представляемые наглядности — это признание в качестве действительно существующей той предметности, которую следует в ней усматривать, — это было бы в таком случае «изначальным переживанием», не поддающимся дальнейшему объяснению в своем своеобразии. ...Однако такое понимание было бы... неверным... потому что при таком понимании нечто существенно своеобразное (а именно, сознание действительности) стремятся подогнать подо что-то другое (возможность непосредственного и прямого обозрения некоторой части реального мира). ...Сколь мало сознание действительности идентично переживанию восприятия, столь же мало оно идентично указанному переживанию созерцания вообще [с. 265–266].

Мы уже обсуждали выше, что модель-репрезентация известного наблюдателю объекта непосредственно участвует в микрогенезе образа его восприятия. Следовательно, мы не можем исключить актуальную модель-репрезентацию мира из восприятия и рассматривать перцептивную картину мира вне ее. Вероятно, и новые сенсорные впечатления, и модель-репрезентация мира постоянно оказывают друг на друга двустороннее влияние, непрерывно дополняя, замещая и трансформируя друг друга.

Визуальная модель-репрезентация окружающего мира, или «видимый мир», как бы «продлевает» в разных проекциях текущий образ восприятия мира — «видимое поле» — за счет образов воспоминания и представления этого же и аналогичных ему фрагментов мира. Например, я смотрю с улицы на фасад своего дома. При этом моя мысль легко «проникает» сквозь стены и репрезентирует мне внутреннее содержание дома, все то, что находится за стенами и даже позади дома. Даже в том случае, если я вдруг внезапно окажусь возле незнакомого мне дома, актуальный образ его восприятия будет по-прежнему достраиваться образами представлений типового дома, типовой квартиры, типовых предметов обстановки. Образ восприятия любого, даже неизвестного, объекта всегда достраивается образами воспоминания и представления типовых объектов подобного же вида и их обычного окружения.

Актуальная модель-репрезентация реальности обеспечивает текущую целенаправленную деятельность субъекта, репрезентируя ему реальность, находящуюся за границами его текущего восприятия (обычно «не очень далеко», в пределах решаемой сознанием в данный момент задачи), моделирует варианты возможных ее изменений, в первую очередь в ответ на действия человека, а также поставленную цель и те действия, которые необходимо предпринять для ее достижения.

Глядя прямо перед собой на полки с книгами, я закрываю глаза. Образы воспоминания-представления спонтанно и немедленно воспроизводят утраченный образ восприятия. Конечно, качество такой представляемо-вспоминаемой репрезентации сильно страдает по сравнению с перцептивной моделью, но она несет в себе для меня то же значение, что и утраченный образ восприятия, и выполняет его функции. Это позволяет мне сохранить ориентировку в окружающем мире, несмотря на потерю образов восприятия. Передо мной сейчас — именно полки с книгами, а не ступени лестницы, например. Я перевожу мысленно с закрытыми глазами взгляд и фокус внимания вправо, и образ представления стены с книгами сменяется образом другой стены с дверью на балкон, самим балконом и видом, открывающимся с него. Эти образы воспоминания-представления возникают совершенно спонтанно и независимо от моей воли. Появление новых образов представляемой реальности, соответствующих движениям закрытых глаз и даже мыслям о движении глаз, удивительно.

Актуальная модель-репрезентация реальности явно выполняет адаптационную роль, позволяя мне действовать еще какое-то время в реальности даже без визуальных образов ее восприятия. При этом всплывающая в сознании визуальная часть модели-репрезентации окружающего актуализируется тактильными, кинестетическими, вестибулярными и другими ощущениями, позволяющими узнавать окружающую обстановку, что лишний раз свидетельствует о теснейшей связи всех сенсорных элементов в глобальной модели-репрезентации реальности. Актуальная модель-репрезентация в норме, по-видимому, постоянно присутствует в сознании в состоянии бодрствования и непрерывно трансформируется для того, чтобы соответствовать новым образам текущего восприятия. Соответственно, она различается в зависимости от того, где мы находимся: в собственной квартире, в поезде метро, в супермаркете или библиотеке.

Актуальная модель-репрезентация мира играет важную роль и в механизмах антиципации, обеспечивая предвосхищающее моделирование. Антиципация — кон-

струирование образов возможных в ближайшем будущем изменений окружающей нас реальности, по-видимому, как и рефлексия, осуществляется сознанием достаточно часто — каждые несколько секунд или десятков секунд на основе существующей в сознании перцептивной картины и прошлого опыта. Именно поэтому мы знаем и нас не удивляет то, куда летит падающий предмет, двигается закрываемая дверь, управляемая нами машина и т. д.

И глобальная, и актуальная модели-репрезентации реальности моделируют не нечто застывшее, а непрерывно изменяющийся окружающий мир. Поэтому образы представления выстраивают в том числе модель реальности, соответствующую перцептивной картине и те вероятные направления ее изменений, с которыми человеку еще только, возможно, предстоит столкнуться в ближайшие секунды и минуты. Например, когда я вхожу на эскалатор метро, у меня автоматически возникают представления о том, как я буду соответственно подниматься или спускаться по нему, а затем сходить с него. Когда я захожу в магазин, то представляю, что мне следует купить и где мне это необходимо искать и т. д. Если бы не постоянная антиципация возможных изменений реальности и необходимых действий в ней, моделируемых сознанием, мы постоянно с удивлением обнаруживали бы все новые и новые неожиданные и порой не самые приятные изменения окружающего вокруг нас и в нас самих. То есть актуальная модель-репрезентация включает в себя и образы воображения, репрезентирующие возможные будущие изменения окружающей реальности.

Э. Бехтель и А. Бехтель [2005, с. 280] рассматривают сутуацию, когда человек идет по тротуару достаточно оживленной улицы и вдруг неожиданно натыкается на идущего впереди пешехода, который внезапно остановился. И делают вывод, что все то время, пока человек шел за пешеходом, он не только фиксировал его движения, но и рассчитывал их, прогнозировал на некоторое время вперед. Непредвиденное изменение характера этого движения привело к тому, что расчеты оказались неверными и люди столкнулись. Авторы пишут:

> ...субъект не столько воспринимает движущийся объект, сколько антиципирует его, то есть он не только фиксирует дистантными рецепторами перемещающийся объект, но и предвосхищает его перемещение. ...Каждое предыдущее восприятие становится основой антиципационного предвосхищения последующего. ...Эта конструируемая цепь представляет собой антиципационную апперцепцию, субъективно воспринимаемую как знание: я знаю, в каком направлении летит мяч, камень, птица. Здесь перемещающийся объект воспринимается вместе с траекторией движения, то есть с его направлением и скоростью, позволяющей произвести расчет моторной реакции [с. 261].

Антиципация, однако, невозможна только на основании перцепции, и в ней обязательно участвует модель-репрезентация окружающего, включающая в себя, естественно, не только визуальные образы. Э. Бехтель и А. Бехтель [2005, с. 317] обращают, например, внимание на то, что когда официант рекомендует нам наиболее удачные блюда шеф-повара или когда мы читаем меню, то мы представляем себе не только визуальные образы блюд, но и переживаем «соматопредставления, касающиеся взаимодействия с объектом (его поеданием)» и даже представляем ожидаемые в результате сдвиги собственного самочувствия.

Наше внутреннее «видение» в пределах глобальной модели-репрезентации мира может «перемещаться» в пространстве. Элементы глобальной чувственной модели-репрезентации мира могут развертываться по горизонтали в разные стороны: этот дом, соседний дом, улица, соседняя улица — либо по вертикали — вниз под землю или к объектам микромира, вверх — к объектам макромира, в атмосферу, космос, Галактику и т. д. Но границы глобальной модели-репрезентации жестко установлены пределами известных человеку знаний. Она содержит лишь образы воспоминаний и представлений лично пережитого, а также образы мира, почерпнутые из картин, рисунков, изображений, фильмов и прочего творчества других людей. Поэтому в областях реальности, недоступных восприятию, возникает очень серьезная проблема адекватности глобальной модели-репрезентации мира тому, что действительно существует в нем. Мы просто не имеем моделей-репрезентаций для многих его частей. Например, когда мы видим в фантастическом кинофильме инопланетный космический корабль, наша модель-репрезентация мира мало что может нам сказать о его внутреннем устройстве, потому что в нашем сознании просто не существует соответствующих воспоминаний и представлений.

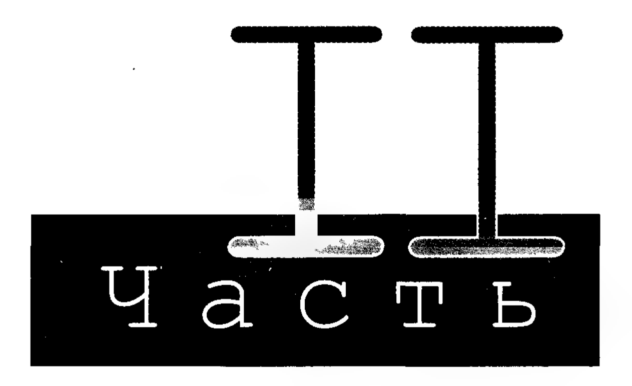
Основной функцией актуальной сенсорной модели-репрезентации мира, вероятно, является дублирование текущего восприятия и его замена в случае внезапного выключения последнего, а также предвосхищающее моделирование изменений окружающей реальности с учетом знаний о ранее воспринятых изменениях этой же или сходной реальности и результатов прошлых действий в ней. Функциями ее являются также помощь в восприятии и опознании знакомых объектов и определение их значимости. Модель-репрезентация мира предоставляет также человеку возможность манипулирования ее элементами для построения вымышленных, альтернативных реальностей, обеспечивает возможность мысленных (в том числе фантастических) ее трансформаций.

Перцептивные репрезентации, возникающие в процессе взаимодействия с реальностью, непрерывно уточняют и корректируют глобальную модель-репрезентацию мира. Соответственно, все новые и новые ощущения и образы воспоминания окружающей реальности непрерывно включаются в процессе текущего восприятия в глобальную модель-репрезентацию и непрерывно трансформируют ее. В результате мы не замечаем того, что сегодня наши представления об окружающей нас реальности уже не совсем те, что были вчера, а тем более месяц, год или 20 лет назад. Нередко мы удивляемся, например обнаружив яркие обои за отодвинутой мебелью или полоску невыцветшей ткани на распоротой старой одежде, обивке мебели или портьере. Удивляемся, заметив, что вещь, казавшаяся нам новой, имеет уже царапины, потертости и другие дефекты, хотя не отмечали появления ежедневных изменений. Глядя на себя в зеркало ежедневно, мы кажемся себе теми же, но, увидев свою же старую фотографию, поражаемся возникшим переменам. Глобальная модель-репрезентация мира — это отнюдь не «виртуальное пространство», заполненное объектами, а самое что ни на есть реальное окружающее пространство, пусть и субъективное, более того, единственно реальное окружающее пространство, когда почему-либо отключено текущее восприятие.

Глобальная модель-репрезентация мира формируется у новорожденного постепенно, по мере возникновения у него моделей-репрезентаций окружающих

объектов. Ее границы постепенно расширяются за пределы воспринимаемого мира. Например, маленькому ребенку достаточно хотя бы слышать, что мать находится в комнате рядом с ним, чтобы спокойно лежать в кроватке. Следовательно, в его сознании присутствует ее чувственная модель-репрезентация, в том числе в виде визуальных образов представления матери в комнате рядом с ним, актуализируемая слуховыми образами восприятия. Но достаточно звука удаляющихся шагов и закрывающейся двери, чтобы ребенок встревожился и заплакал.

Актуальная и глобальная модели-репрезентации реальности, как и многие другие психические явления, — психические конструкции в том смысле, что они не существуют целиком в сознании человека в какой-то конкретный момент времени, как, например, мгновенный образ восприятия. Их можно выделить, лишь рассматривая сознание в длиннике, на протяжении более или менее длительного периода времени. И в каждый момент времени в сознании присутствуют лишь какие-то их элементы, только те фрагменты, которые способствуют лучшему пониманию воспринимаемого сейчас элемента мира.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

- *Понятия*
- *Категории*
- *Понятия и структурирование окружающей реальности*
- *Простые вербальные структуры — пропозиции*
- *Вербальные конструкции и логика*
- *Вербальные модели реальности*
- *Модели объектов, их свойств и изменений*
- *Проблема значения слов и понятий*

ГЛАВА 2.1

Понятия

- *К феноменологии знаков и символов*
- *Символичность сознания*
- *Невербальное и вербальное психическое моделирование*
- *Концептуально-пропозициональная теория*
- *Слово как простейший искусственный объект*
- *Предпонятие и модель-репрезентация*
- *Определение понятий*
- *Формирование понятий на основе моделей-репрезентаций*
- *Формирование понятий на базе вербальных конструкций*
- *Формирование понятий у ребенка*
- *«Феномен слова на кончике языка»*

2.1.1. К феноменологии знаков и символов

Начиная рассмотрение проблемы понятий, имеет смысл вернуться к обсуждению знаков, среди которых выделяют знаки иконические, индексальные и символические. Ч. С. Пирс [2000, с. 91] подчеркивает, что иконический знак не имеет динамической связи с объектом, который он репрезентирует. Просто его качества сходны с качествами репрезентируемого объекта и возбуждают аналогичные ощущения в уме, для которого он выступает как подобие объекта.

У. Эко (2004) полагает даже, что:

> ...иконический знак может обладать следующими качествами объекта: оптическими (видимыми), онтологическими (предполагаемыми) и конвенциональными, условно принятыми, смоделированными, таковы, например, лучи солнца, изображаемые в виде черточек [с. 162].

Мне представляется, что для того, чтобы быть иконическим знаком, объект-знак не должен иметь какие-либо общие с репрезентируемым им объектом свойства.

К иконическим знакам можно отнести все естественные и искусственные копии физических объектов, в том числе их отражения в отражающих свет средах, и специальные искусственные физические объекты, в чем-то сходные с основным: модели, схемы, чертежи, изображения, фотографии, рисунки, картины, аудио- и видеозаписи и т. д. Образы таких объектов можно рассматривать как иконические по отношению к образу основного объекта. *В чем же заключается иконичность знака феноменологически?* У. Эко [2004, с. 159] спрашивает: как получается, что не имеющий ни одного общего материального элемента с вещью графический и фотографический знак может быть сходен с ней? И приводит пример нарисованного одной непрерывной линией силуэта объекта, в котором люди узнают лошадь, несмотря на то что в реальной лошади нет ничего и отдаленно напоминающего непрерывную линию.

Очевидно, что иконичность знака обеспечивается сходством психических образов основного объекта и его знака. В модель-репрезентацию лошади, существующую в сознании большинства людей, включены, в частности, и образные представления силуэтов разных лошадей, с которыми они сталкивались на протяжении своей жизни, в том числе графические. Благодаря этому образ знака – силуэта лошади актуализирует в нашем сознании модель-репрезентацию лошади. У нас же складывается впечатление, что знак «сходен с вещью», иконичен ей.

Даже если предположить, что с рисунком У. Эко столкнулся дикарь, никогда не видевший карандаша и бумаги, он вполне мог видеть, например, силуэты лошадей на фоне заката, и эти образы восприятия могут быть актуализированы в его сознании образом восприятия графического изображения лошади. Если же в его модели-репрезентации лошади нет образов, подобных рисунку силуэта лошади, то он просто не узнает ее в графическом рисунке. Что, кстати говоря, и наблюдалось в исследованиях примитивных племен, некоторые представители которых не узнавали объектов, изображенных на рисунках, и даже своих соплеменников на фотографиях [М. Коул, С. Скрибнер, 1977, с. 84–92].

Итак, я думаю, что иконическим объектом или знаком можно считать тот, образы которого настолько сходны с отдельными образами основного объекта, входящими

в его модель-репрезентацию, что способны актуализировать ее в сознании. Так, восприятие рисунка или даже шаржа на человека, который известен нам, вызывает актуализацию в нашем сознании его модели-репрезентации. Следовательно, обсуждая взаимоотношения знака и объекта, надо соотносить друг с другом образ объекта-знака и образ основного объекта (7). В ряде случаев в качестве объекта-знака может быть ошибочно рассмотрен фрагмент основного объекта. Так, запах розы вызывает в сознании ее визуальный образ, но летучие молекулы пахучего вещества сами являются частью объекта «роза», а ощущение запаха — это элемент ее полимодальной модели-репрезентации.

Индексальным знаком является объект, образ которого способен вызвать актуализацию в сознании модели-репрезентации обозначаемого им объекта лишь потому, что в прошлом образы восприятия обоих объектов часто возникали в сознании вместе или последовательно и в результате этого оказались связаны жесткой ассоциативной связью. Например, образ характерного следа на снегу вызывает в сознании модель-репрезентацию определенного зверя. Естественно, образ следа не похож на образы зверя, но в прошлом они возникали в сознании вместе и между ними сознанием была установлена причинно-следственная связь. Если же они не появлялись в сознании человека вместе, то след не мог превратиться в индексальный знак зверя. Поэтому Ч. С. Пирс (2000) и пишет:

> Индекс физически связан со своим объектом, они образуют органически согласованную пару... [с. 91].

Третьим видом знаков — символом является объект, образы которого связаны с моделью-репрезентацией означаемого им объекта лишь по произвольно установленной людьми конвенциональной, или договорной, связи. Именно поэтому символ, как указывает Ч. С. Пирс (2000):

> ...не показывает нам птицу, не воспроизводит перед нашим взором акт горения или свадьбу, но предполагает своим условием, что мы способны вообразить себе эти вещи, уже владея ассоциирующимися с ними словами. ...Символ соединен со своим объектом посредством идеи оперирующего символами ума, без которого таковой связи никогда не могло бы существовать [с. 91–92].

Р. Якобсон [1985, с. 322] замечает, впрочем, что элемент известности и конвенциональности связи присутствует и в двух остальных типах знаков — индексных и иконических. Полное понимание картин и схем требует предварительного обучения, так как ни один вид живописи не свободен от символических элементов. Для того чтобы понять картину, мы должны быть знакомы с определенными традициями, в соответствии с которыми как более крупные могут изображаться фигуры, либо находящиеся ближе к зрителю, либо играющие более важную роль, либо действительно имеющие большие размеры. В то же время Р. Якобсон [1985, с. 323] полагает, что попытка рассматривать языковые знаки только как конвенциональные, «произвольные» символы ведет к неадекватному упрощению. Иконичность, по его мнению, играет существенную и необходимую, хотя и подчиненную, роль на разных уровнях языковой структуры.

Ю. М. Лотман [2004, с. 240–249] указывает, что слово «символ» — одно из самых многозначных в системе семиотических наук. Он обращает внимание на то, что еще Соссюр противопоставил символы конвенциональным знакам, подчеркивая

в первых иконический элемент. Так, весы могут быть символом справедливости, поскольку иконически содержат идею равновесия. Символ – посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью.

Индексный аспект языка, отмеченный еще Ч. Пирсом, широко обсуждается сейчас в лингвистических исследованиях. В то же время трудно найти пример чистого индекса, полностью свободного от символических и (или) иконических черт. Типично индексные знаки уличного движения, например, включают конвенциональные, символические компоненты, такие как оппозиция зеленого и красного цвета. Даже жест указания на предмет включает символические элементы, зависящие от культурной традиции, и может иметь такие значения, как указание на необходимость уничтожения, проклятие или желание иметь соответствующий предмет.

Знаком может являться не только объект, но и его свойство или действие. Например, кислый вкус – знак-индекс того, что продукт, например, испортился, плач младенца – знак-индекс его неблагополучия. Знаком может являться даже целая ситуация – похороны, свадьба и т. п. Возможность формирования знаков обусловлена естественной врожденной способностью сознания ассоциировать с моделями-репрезентациями одних объектов и ситуаций реальности модели-репрезентации других объектов, явлений и ситуаций. Модель-репрезентация любой сущности по своей природе потенциально готова ассоциировать и даже включить в себя образы иных сущностей, лишь связанных с основной по механизму совместного или последовательного появления: тень – хищник; молния – пожар – опасность; движение травы – хищник или добыча; по механизму «часть – целое»: перо – птица, навоз – корова, запах – животное; по механизму причинной связи: животное – след животного – объеденные на определенном уровне кусты, хищник – следы когтей на коре и т. д.

Ассоциации формируются по разным механизмам: сходства, контраста, смежности в пространстве и времени, причинно-следственному механизму. В то же время А. Райнах (2006) предостерегает от упрощенного понимания механизмов формирования ассоциаций:

> Неверно, что если я в одно и то же время воспринял А и В и если я теперь представляю А, то имеется тенденция представлять и В. Для того чтобы такая тенденция стала понятной, я должен воспринять А и В вместе в феноменальном единстве... Там, где два предмета всегда являются нам, связанные некоторым отношением, возникает ассоциативная связь; и далее, если речь идет при этом об отношении, коренящемся в самих идеях, например, об отношении подобия или контраста, тогда не необходимо даже такое предшествующее явление, тогда представление А как таковое уже ведет к представлению ему подобного или контрастирующего с ним В, и для этого мне вообще не требуется когда бы то ни было воспринимать А и В совместно [с. 371].

Следовательно, ассоциативная связь – это не просто связь или сумма двух явлений сознания, это появление нового, более сложного психического явления. Э. Кассирер (1995а) подчеркивает, что:

> ...через знак, связанный с каким-либо содержанием, само это содержание приобретает новое состояние и новую длительность [с. 181].

Многие авторы не без основания разделяют знаки и символы. Так, А. Куальяно (2006) цитирует У. Перси:

> Знак — это нечто, что направляет наше внимание к чему-либо другому. Символ не направляет наше внимание к чему-либо другому... Он «подразумевает» что-то другое [с. 221].

По мнению С. Лангера [2000, с. 54–59], символы не представляют объекты, а являются носителями определенной концепции о них. Слово может быть знаком, но это не является его сутью. Слово — это в первую очередь символ, связанный с понятием. Фундаментальным различием между знаками и символами для человека является, по мнению автора, то, что:

> ...знаки объявляют ему о своих объектах, тогда как символы заставляют его воспринимать свои объекты. ...Знак — это нечто, в согласии с чем совершается действие, или некоторое средство для обозначения действия; а символ — это орудие мысли [с. 59].

Иными словами, символы, с одной стороны, — это знаки, с другой — нечто большее, чем просто знаки. Мысль С. Лангера можно попробовать истолковать феноменологически. Образ восприятия объекта-знака актуализирует в сознании человека модель-репрезентацию объекта-знака, которая по механизму ассоциации вызывает появление в сознании модели-репрезентации означаемого объекта, тогда как образ восприятия объекта-символа непосредственно актуализирует в сознании модель-репрезентацию символизируемого им объекта, так как именно она, а не модель-репрезентация самого объекта-символа является основным его значением. Образ символа у понимающего его человека входит в модель-репрезентацию основного объекта, обозначаемого символом, как ее важная часть. Именно благодаря этому:

> ...символ и значение создают человеческий мир в гораздо большей степени, чем ощущение [с. 29].

Итак, знак — это физический объект, явление, свойство, действие и т. д., образ которого актуализирует в сознании психическое содержание (значение этого образа) и ассоциированную с ним модель-репрезентацию иного (означаемого) объекта или другой сущности, физической или психической. Символ — это физический объект, явление, свойство, действие и т. д., образ которого актуализирует в сознании непосредственно модель-репрезентацию иного (означаемого) объекта или другой сущности, физической или психической. Образ символа может также непосредственно актуализировать в сознании не модель-репрезентацию, а вербальную конструкцию, конституирующую, создающую иной (означаемый) объект или другую сущность.

Важнейшими для человека символами и одновременно знаками являются специальные, искусственные, легко и быстро воспроизводимые одним человеком и столь же легко и быстро воспринимаемые и распознаваемые другим человеком объекты — слова языка. Модель-репрезентация слова, обозначающего основной объект, включена в качестве составной части в модель-репрезентацию этого основного, обозначаемого данным словом объекта. Поэтому появление в сознании образа восприятия слова немедленно вызывает в качестве своего значения актуализацию в сознании модели-репрезентации основного объекта, а не модели-репрезентации

самого слова. Использование слова позволяет передавать с его помощью от человека к человеку психическое содержание, конвенционально связанное с образом слова и у создающего слово, и у воспринимающего его.

2.1.2. Символичность сознания

Э. Кассирер (2002) считает, что основополагающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит свои вопросы и формулирует свои выводы, предстают в виде созданных самим человеком интеллектуальных символов. Человеческое сознание непрерывно «вяжет» сложнейшую «сеть» символических связей между совершенно разными элементами окружающего мира. Причем связи эти часто носят случайный или зависящий не от физической реальности, а от самих людей конвенциональный характер. В результате нередко даже чувственно воспринимаемые свойства объектов начинают что-то символизировать. Например, белый цвет символизирует чистоту, зеленый — весну и возрождение жизни, красный — праздник и т. д.

Э. Кассирер [2002, с. 12] замечает, что раньше всех и наиболее остро осознало символический характер своих фундаментальных средств физико-математическое познание. Он (2002) пишет:

> Одним знаком мы и в самом деле схватываем тысячи связей, резонирующих в нем с большей или меньшей силой и отчетливостью. Создавая знаки, сознание все больше освобождается от непосредственного субстрата ощущения и чувственного восприятия, однако именно этим оно убедительно доказывает изначально скрытую в нем способность связывать и соединять [369, с. 42–43].

Р. Л. Солсо [1996, с. 297] отмечает, что большая часть нашей внутренней деятельности связана с использованием символов (букв, слов, рассказов, цифр, формул и пр.) и манипулированием ими. Поэтому даже многие наши визуальные образы носят именно символический характер, хотя представляют собой чувственные образы реальности, но реальности своеобразной, искусственной, созданной человеком.

Принципиально важно то, что образ простого объекта — символа (как правило, слова) часто замещает собой чрезвычайно сложную, созданную из множества понятий описательную вербальную психическую конструкцию, являющуюся моделью сложной физической сущности или вовсе чего-то гипотетического, созданного сознанием в попытке как-то объяснить себе непонятную или даже недоступную грань реальности. Иными словами, с помощью образа простого и легковоспроизводимого объекта — слова сознание замещает сложную психическую конструкцию, упрощая и облегчая себе дальнейшее манипулирование ею и последующее моделирование реальности.

У. Эко [2005, с. 296] указывает на важнейшую функцию знаков — то, что знак, который вроде бы всегда репрезентирует, как принято считать, физический объект (или что-то физическое), фактически вообще может обойтись без физического объекта и способен даже репрезентировать человеку ложную реальность, то, чего вовсе нет в физическом мире. Например, изображение единорога не подобно «реальному» единорогу. И мы узнаем его не благодаря нашему опыту восприятия «реальных» единорогов, но потому, что он имеет черты, входящие в определение единорога, выработанное данной культурой. По мнению У. Эко, содержание знаков

определяется культурой вне зависимости от того, согласуется оно или нет с данным состоянием мира. Он (2005) полагает, что:

> ...самодостаточность универсума содержания, предоставляемого данной культурой, объясняет, почему знаками можно пользоваться так, чтобы посредством их говорить неправду. ...Знаки можно использовать для того, чтобы лгать, потому что они отсылают к объектам или состоянию мира лишь опосредованно. Непосредственно они отсылают лишь к определенному содержанию (психическому содержанию их интерпретатора. — *Авт.*). Таким образом, я утверждаю, что отношение... между знаком и его значением... автономно и не требует наличия некоего обозначаемого объекта как элемента своего определения [с. 296–297].

Все сказанное верно, однако, лишь применительно к знакам-символам. Используя символы, сознание отрывается от реального окружающего мира, так как получает возможность оперировать уже не только чувственными моделями окружающего, но и автономными от него, сконструированными самим сознанием сложными психическими сущностями, заменяемыми к тому же чувственными образами простых объектов — символов (слов). Это открывает для сознания колоссальные возможности, но создает проблему гипостазирования — овеществления, внесения в физическую реальность созданных сознанием психических сущностей, ошибочно расцениваемых затем в качестве сущностей физических.

Еще Ч. Пирс подчеркивал способность знака замещать любой объект, в том числе психический, и любое психическое содержание потому, что объект в понимании философа совсем не обязательно объект внешней физической реальности. О том же пишет У. Эко (2005):

> ...ясно, что объект не всегда должен представлять собой некую вещь или некое состояние мира, это может быть и правило, и закон, и предписание: он выглядит как операционное описание некоего множества возможных опытов (переживаний в опыте) [с. 300–301].

Обсуждая открытие Ч. Пирсом бесконечного ряда репрезентаций и бесконечной регрессии, У. Эко (2005) цитирует его:

> Предмет... репрезентации... не может быть ничем иным, как [другой] репрезентацией, по отношению к которой первая репрезентация является интерпретантом. Но можно полагать, что бесконечный ряд репрезентаций, каждая из которых репрезентирует ту, что стоит за ней, имеет в качестве своего предела некий абсолютный предмет... Значением [одной] репрезентации не может быть ничто иное, кроме [другой] репрезентации. По сути дела, оно [значение] есть не что иное, как сама эта репрезентация, мыслимая освобожденной от несущественных оболочек. Но от этих оболочек никогда нельзя освободиться полностью; их можно лишь заменить на нечто более прозрачное. Поэтому здесь имеет место бесконечная регрессия. В конечном счете интерпретант есть не что иное, как еще одна репрезентация, которой передается факел истины; и как репрезентация, он [то есть данный интерпретант], в свою очередь, имеет свой интерпретант. И вот — еще один бесконечный ряд... [с. 315–316].

У. Эко [2005, с. 323–325] полагает, что, создавая образ такого семиозиса[1], при котором каждая репрезентация отсылает к другой репрезентации, а та — к следующей и т. д.,

[1] *Семиозис* — «знаковая ситуация... тройственное отношение, или взаимодействие, в котором одно нечто выступает как знак другого нечто (объекта) для третьего нечто (интерпретатора). Может пониматься и как процесс установления такого отношения. ...В качестве интерпретатора

Ч. Пирс предает свой «средневековый» реализм, будучи не в состоянии показать, как именно знак может соотноситься с объектом. Их отношения теряются в бесконечном переплетении знаков, отсылающих друг к другу. Вместе с тем он признает, что теория интерпретантов и неограниченного семиозиса — это вершина Пирсова прагматического реализма. Восприняв ряд знаков и проинтерпретировав их, мы изменяем наше поведение навсегда или на время. Этот прагматический исход и есть окончательный интерпретант. В этой точке неограниченный семиозис приостанавливается.

Мне представляется наиболее важным в концепции Ч. Пирса указание на то, что значением психических репрезентаций могут выступать только другие психические репрезентации и процесс этот не имеет завершения — «бесконечная регрессия». И бесполезно искать здесь, как пытается делать У. Эко, физические объекты, которые выступили бы как значения психических репрезентаций, так как их просто тут нет. Вспоминаются слова Э. Кассирера [1995, с. 143] о том, что мы должны рассматривать физические понятия не как непосредственные образы, отпечатки, слепки, или двойники, вещей, находящихся вне нас, а лишь как символы, предназначенные, по словам Канта, для единственной цели — «расшифровать являющееся нам, чтобы затем быть в состоянии постичь его как данное в опыте». Таким образом, очень многое из того, что мы считаем «внешним миром», в том числе огромное множество «незыблемых» и «безусловно физических», как принято считать, сущностей окружающей нас реальности на самом деле — лишь сложные символические психические конструкции нашего сознания, пирсовский «бесконечный ряд репрезентаций», в «бесконечной регрессии которых» и нельзя обнаружить «физический предмет».

2.1.3. Невербальное и вербальное психическое моделирование

В. Виндельбанд (2007а) пишет:

> ...как возможно соединение чувственности и рассудка в одном и том же сознании? (Другими словами, сочетание чувственных образов и вербального мышления. — *Авт.*) Но такой вопрос неразрешим, поскольку представляет собой границу психологии [с. 111].

Так ли это?

Действительно, на протяжении всего времени существования психологии было принято четко разграничивать чувственное и вербальное (словесно-логическое, понятийное, рациональное и т. д.) мышление и устанавливать между ними непреодолимую пропасть. В современной психологии доминирует точка зрения Н. Хомского, согласно которой язык представляет собой особый когнитивный модуль, независимый от чувственного познания. Соответственно, в психике сле-

---

знака обычно понимается чье-то сознание — присутствующее фактически или потенциально... третьим участником семиозиса... является не интерпретатор в целом, а то в нем (например, некие изменения состояния его сознания...), что возникает под действием знака объекта; Пирс называет это интерпретантом...» [У. Эко, 2005, с. 469].

дует выделять два разных «блока»: чувственный и вербальный[1]. *Есть ли для этого реальные феноменологические основания?*

Сенсорные модели реальности представляют собой вполне самостоятельный, завершенный и достаточный для эффективной адаптации к миру уровень психического функционирования, что доказывается вполне успешным существованием животного мира. О «наглядно-действенном мышлении» и «сенсомоторном интеллекте» писали С. Л. Рубинштейн (1999), Б. В. Теплов (2008), Ж. Пиаже (1969) и многие другие исследователи.

Сенсорный уровень моделирования обеспечивает:

- возникновение наиболее разнообразных и непосредственных психических репрезентаций окружающего мира с максимально возможной для субъекта степенью их достоверности, то есть соотнесенности с элементами физической «реальности в себе»;
- сенсомоторный уровень взаимодействия с реальностью, то есть запуск возникающими чувственными репрезентациями безусловно- и условно-рефлекторных движений (3)[2] и сложных действий;
- чувственную основу для дальнейшего символического моделирования, репрезентирования и понимания мира.

Вместе с тем чувственный уровень не обеспечивает глубокого понимания субъектом внутренних отношений между сенсорно моделируемыми сущностями. Это обусловливает необходимость появления следующего уровня психического моделирования — уровня вербальных, или символических, конструкций.

Наличие радикальных феноменологических различий между чувственными и вербальными психическими репрезентациями представляется совершенно очевидным абсолютному большинству исследователей. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001), например, пишут:

> Психологи, философы и программисты делят представления на два больших класса: аналогические и символические. Аналогии обладают некоторыми из действительных характеристик объекта, который они представляют. Символы, напротив, не несут в себе никакой связи с обозначаемым объектом. ...Мышление использует оба эти класса представлений [с. 350].
>
> ...многие наши знания существуют в форме аналогий, называемых психическими образами [с. 351–352].
>
> Некоторые из них (психических представлений. — *Авт.*) являются образами, более или менее точно отражающими основные черты предметов и событий. Другие психические представления более абстрактны, почти так же, как слова в языке [с. 351].

При этом многие исследователи почему-то не замечают, во-первых, очевидной феноменологической связи между образами и понятиями. Во-вторых, условности

[1] В понятие *вербальный* я вкладываю, как уже говорил выше, лишь один смысл — *связанное со словом.*

[2] См. примечание (3) в конце книги.

такого разделения в силу общей феноменологической природы психических репрезентаций. В-третьих, того, что символический, или понятийный, уровень моделирования реальности базируется и вытекает из уровня сенсорного моделирования.

Между тем вербальные образы, имеющие понятное субъекту значение (понятия), — лишь особая разновидность обычных чувственных образов, все отличие которых от прочих образов заключается только в наличии у них особого символического значения. Эволюционный смысл их появления заключается в том, что вербальное символическое моделирование позволяет сознанию «оторваться», наконец, от громоздких чувственных моделей мира, репрезентировать его намного шире и вообще иначе. Как замечают Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007):

> ...рассматривая различные объекты как представителей одного и того же понятия, мы уменьшаем сложность мира (чувственно смоделированного. — *Авт.*), который нам надо представлять мысленно [с. 374].

Возникновение понятий приводит к тому, что в психике субъекта начинается следующее.

1. Сегментирование и дифференциация чувственных репрезентаций, выделение из недифференцированного «океана» чувственных репрезентаций отдельных чувственных конструкций, которые выступают затем как понятные для человека чувственные модели строго определенных физических сущностей: объектов, явлений, их свойств и действий, отношений, событий, фактов и др.
2. «Маркировка» — обозначение выделенных сложных чувственных «блоков», состоящих из множества очень разных чувственных образов и ощущений, чувственными же образами простых искусственных объектов — слов.
3. Замена сложнейших и громоздких чувственных «блоков», моделирующих элементы физической реальности, простыми единичными чувственными образами определенных слов.
4. Развитие новой формы мышления — понятийного, или вербального, с принципиально новыми возможностями моделирования реальности.
5. Формирование вербальных моделей очень сложных сущностей реальности из нескольких вербальных моделей более простых сущностей.
6. Использование этих вновь созданных вербальных моделей для построения с их участием вербальных моделей сущностей, не воспринимаемых чувственно вовсе, то есть репрезентирование принципиально недоступной восприятию реальности.
7. Иное и более глубокое по сравнению с чувственным понимание окружающего мира, появление вербального знания.
8. Использование понятий для коммуникации и передачи (пусть условной, но все же достаточно эффективной) психического содержания между людьми.
9. Выстраивание вербального мышления разных людей по общим принципам (например, принципам аристотелевской формальной логики, принципам западного объективизма, религиозным принципам и т. д.).

10. Унификация субъективных моделей реальности, то есть содержания сознания разных людей, что облегчает их коммуникацию и взаимопонимание.
11. Накопление вербальных моделей реальности в форме вербальных знаний о ней и о человеке, их передача следующим поколениям — негенетическое наследование знаний.

Вербальные психические модели существуют в сознании преимущественно в виде слуховых образов представления-воспоминания слов и конструкций из них, как своего рода мысленные фразы или мысленная речь. Вербальная психическая конструкция в форме короткой фразы из нескольких понятий может существовать в сознании как бы сразу, одномоментно. По крайней мере, есть субъективное ощущение, что она присутствует в сознании вся, целиком.

Несмотря на то что чувственные и вербальные психические репрезентации феноменологически различаются между собой не принципиально, так как вербальные репрезентации — это тоже всего лишь образы объектов (слов) слуховой, реже зрительной модальности, само понятийное моделирование реальности радикально отличается от чувственного. Вербальное моделирование совершенно иначе репрезентирует нам окружающий мир. Оно почти уничтожает субъективность и индивидуальное своеобразие чувственных репрезентаций реальности, но зато открывает новые безграничные горизонты реальности и дает новое глубокое ее понимание, которого нет в непосредственных или «прямых» чувственных моделях реальности. Естественно, вербальное знание утрачивает эту присущую чувственному знанию непосредственность, а также его богатство и гораздо большую соотнесенность с «реальностью в себе». Однако от него и требуется иное по своей природе постижение реальности. Э. Кассирер (2006) верно замечает:

> Как раз таким образом (с помощью рационального познания. — *Авт.*), якобы отворачиваясь от действительности вещей, наука прокладывает к ним новый путь [с. 262–263].

Из сказанного, впрочем, отнюдь не следует, что между чувственными образами и понятиями существует пропасть. Напротив, понятия первоначально формируются на основе чувственных моделей репрезентируемых сенсорно сущностей, то есть эти чувственные модели выступают как значения понятий. При этом сами понятия — это образы соответствующих слов (то есть сенсорные репрезентации искусственных физических объектов), имеющие, однако, для субъекта не «прямое», а символическое значение. Понятия, как я уже говорил, сегментируют бескрайний океан наших чувственных репрезентаций, выделяя в нем и маркируя для ясного понимания и последующего оперирования ими фрагменты глобальной сенсорной модели-репрезентации мира.

Формирующаяся у новорожденного глобальная модель-репрезентация окружающего мира изначально не дифференцирована, хотя сознание постепенно начинает выделять в ней чувственные сущности — модели-репрезентации отдельных элементов реальности. Усваиваемые ребенком понятия — вербальные «ярлыки» (образы соответствующих слов), имеющие понятное ему значение, окончательно дифференцируют и «расчленяют» сенсорную модель-репрезентацию реальности

на множество отдельных, но понятных ребенку уже по-другому и гораздо глубже моделей. Трудно сказать, первичны ли чувственные модели объектов, явлений, их свойств и т. д. и вторичны ли соответствующие понятия, как кажется очевидным на первый взгляд, или же – наоборот, образы и чувственные конструкции, репрезентирующие окружающие нас сущности, стали нам очевидны и понятны в качестве таковых лишь после усвоения нами соответствующих выделяющих и обозначающих их понятий.

С возникновением понятий, кроме чувственных моделей объектов, появляются модели их признаков, качеств, действий и т. д., а в последующем даже модели областей реальности, недоступных для прямого сенсорного моделирования. Сами чувственные репрезентации трансформируются и становятся принципиально иными: дифференцированными, маркированными и выделяемыми субъектом из недифференцированного «океана» его прочих чувственных репрезентаций.

Многие исследователи подчеркивают преимущества вербального мышления перед чувственным. Э. Кассирер (2006), например, отмечает:

> Отказываясь от богатства и пестрого многообразия непосредственного ощущения, наука, благодаря этому, выигрывает в единстве и стройности то, что она кажущимся образом теряет в содержании. Вместе с индивидуальной особенностью впечатлений исчезла также и ее внутренняя неоднородность, так что области, которые, с точки зрения ощущения, совершенно не сравнимы друг с другом, теперь могут быть поняты как находящиеся во взаимной связи члены одного и того же общего плана [с. 352].

Действительно, определяя с помощью понятия ту или иную вещь, мы произвольно объединяем бесконечное множество лишь относительно сходных, а часто даже и вовсе не очень сходных чувственных репрезентаций, и замещаем их чувственным же образом единственного искусственного объекта – слова. Это, с одной стороны, резко упрощает дальнейшие психические манипуляции с новой психической моделью – возникшим понятием, с другой – переводит моделирование реальности на совершенно иной принцип. При этом мы приобретаем новые и важные преимущества понятийного мышления, но одновременно теряем все достоинства чувственного моделирования.

В. В. Миронов и А. В. Иванов (2005) повторяют вечный вопрос философии:

> Почему чувственное знание менее надежно, чем рациональное, хотя именно последнее дальше отстоит от фактов непосредственного опыта, а чаще всего даже противостоит им? [С. 245.]

Мне кажется, еще У. Джеймс (2000) дал ответ на этот вопрос:

> Платон во многих местах своих сочинений... противопоставляет чувственное познание, которое он именует «мнением», «истинному знанию», всячески прославляя последнее. ...Отсюда в философии возникла тенденция, проходящая через всю ее историю, резко противопоставлять познание «универсальных», «умопостигаемых» начал как чего-то божественного, достойного и почетного для познающего духа чувственному познанию единичного как чему-то сравнительно низшему, роднящему нас с животными. ...В глазах рационалистов интеллектуальное познание является не только более благородным видом познания, но и по своему происхождению не зависит от единичных данных чувственного опыта [с. 39–40].

Следовательно, в формировании данного мнения виноваты традиции и неоспоримые авторитеты. Что же касается обсуждаемого вопроса, то чувственное знание ничуть не менее надежно, чем рациональное. Оно просто иное и представляет собой, главным образом, ассоциации между чувственными репрезентациями разных граней реальности, их изменений и свойств. Однако чувственное знание чрезвычайно разнообразно, уникально и субъективно. Оно почти не включает в себя понимания (моделирования) связей между объектами, их свойствами, действиями и отношениями и не может быть кому-либо передано.

У. Джеймс (2000) отмечает:

> Познание при помощи концептов, на язык которых мы переводим чувственное познание... открывает в явлениях более глубокие уровни реальности. Являясь более устойчивой в наших глазах, эта реальность оказывается и более *истинной*, то есть менее иллюзорной по сравнению с реальностью чувственного порядка... [с. 49].

Мне представляется, что она не столько «оказывается менее иллюзорной и более истинной», сколько кажется нам более понятной, так как понимание какого-либо предмета для нас заключается в наличии у нас психических репрезентаций, раскрывающих его внутреннюю структуру и предсказывающих нам ближайшие его изменения. Вербальные конструкции как раз и моделируют в самом общем виде на основе обобщения многих ранее возникавших у разных людей чувственных моделей физической реальности структуру окружающих нас вещей и возможные «закономерные» их изменения. К тому же, как замечают Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007):

> ...они (понятия. — *Авт.*) позволяют предсказывать информацию, которую сразу нельзя воспринять. Например, понятие «яблоко» связано с такими трудно воспринимаемыми свойствами, как наличие семян и съедобность, а также с такими легко видимыми свойствами, как округлость, определенный цвет и местонахождение на дереве. ...Понятия, таким образом, позволяют выйти за пределы данной информации (Bruner, 1957). ...Широко применяемые понятия... ассоциируются с названием, состоящим из одного слова [с. 374–375].

У. Джеймс (2000) указывает:

> Согласно древнему философскому представлению, восходящему к Аристотелю, мы не постигнем вещь, пока не узнаем причин, которыми она обусловлена. Когда горничная говорит, что «кошка» разбила чайную чашку, она стремится, чтобы мы усвоили себе причинное объяснение того факта, что чашка разбита. ...По-видимому, все наше научное объяснение подходит под этот нехитрый тип постулирования «необходимой кошки». Понятийная схема мира, построенная над его перцептивной схемой и дающая ему теоретическое истолкование, представляет лишь систему гипотетических «это», воображаемых нами; соответствующие же им «что» оказываются гармонически связанными с любыми из «что», соответствующих любому непосредственно воспринимаемому «это». ...Изыскание причин явлений дает нам такие преимущества, которые были бы совершенно недоступны, если бы мы ограничивались изучением одних лишь явлений [с. 46].

И это, безусловно, так, потому что нам в большинстве случаев хватает в жизни самого поверхностного «понимания» связей между окружающими нас предметами

и явлениями и причинно-следственных отношений между ними, «раскрытых» нами благодаря понятийному мышлению. К. Левин (2001) пишет:

> Установление феноменальных свойств объекта принято называть «описанием», установление причинных отношений — «объяснением» [с. 24].

У. Джеймс (2000) полагает, что:

> ...у философов платонистского толка всегда было неискоренимое убеждение, что назначение умопостигаемого мира заключается не в том, чтобы истолковывать чувственный мир, а в том, чтобы заменить его другим. Согласно этому мнению, наши чувства являются источником обманчивой иллюзии, которая заграждает нам путь к «знанию» в смысле «неизменного знания». К показаниям чувства, являющимся источником роковой спутанности мыслей, философы должны преспокойно повернуться спиной [с. 52].

Сам автор считает иначе. Он (2000) пишет:

> ...я должен показать: 1) что концепты — производные образования, неадекватные своему объекту и имеющие лишь служебное значение; 2) что они и фальсифицируют познание, и вносят в него проблемы, и делают чувственный поток непостижимым для понимания. Процесс образования концептов есть процесс производный, не безусловно необходимый для жизни. Он предполагает перцепцию, которая является самодовлеющим началом, что можно наблюдать у животных... [с. 54].

Я хотел бы подчеркнуть тот факт, что У. Джеймс относит понятия (концепты) к производным от перцепции образованиям. При этом не только он обращает внимание на недостатки понятийного моделирования. Э. Кассирер (2006) цитирует, например, П. Рикерта:

> Каково бы ни было содержание понятий, оно стоит в решительном противоречии к эмпирическому миру конкретного... Уже самое примитивное образование понятия уничтожает индивидуальное, в строгом смысле слова, а, в конце концов, естествознание приходит к тому выводу, что по существу вся действительность всегда и везде одна и та же, то есть что в ней нет совсем ничего индивидуального... Но ведь это совсем не так, и раз только мы подумаем о том, что каждый кусок действительности отличен в своей конкретной форме от каждого другого куска, что далее единственно известная нам действительность — это частное, конкретное, индивидуальное, то мы должны также понять значение того факта, что всякое образование понятий уничтожает индивидуальность действительности. Если в содержание естественнонаучных понятий не входит ничего индивидуального и конкретного, то из этого следует, что в них не входит ничего действительного. Созданная естествознанием пропасть между понятиями и индивидами есть, следовательно, пропасть между понятиями и действительностью вообще [с. 255].

У. Джеймс (2000) отмечает еще одно важное обстоятельство:

> Перцепт есть всегда нечто данное нам единственный раз, одни перцепты сменяются другими и никогда снова не повторяются совершенно буквально. ...Когда мы оперируем концептами, то у нас не оказывается под рукой средств для выражения новизны, ибо концепты всегда отвлечены от уже виденного и данного нам в опыте, и тот, кто пользуется ими в целях разгадать что-либо новое, всегда будет по необходимости пользоваться уже старыми шаблонными терминами. Все подлинно новое, что может

> заключать в себе будущее (а единичность и индивидуальность каждого момента делает его новым), всецело ускользает от передачи на языке понятий. ...Концепты суть лишь препараты, сделанные «после вскрытия» [с. 66].

Автор несколько упрощает ситуацию. Дело в том, что не только каждое чувственное психическое явление уникально, но даже одно и то же понятие, использованное вновь, всякий раз другое. Другим является и воспринимаемый вербальный образ того же самого слова, и значение, актуализируемое этим образом в данный момент в сознании субъекта. Значение это зависит от множества факторов, в том числе контекста, ситуации и т. д., поэтому оно каждый раз чем-то неуловимо отличается от прошлого значения того же самого понятия. Тем не менее У. Джеймс прав в том, что понятие нивелирует уникальность и своеобразие чувственных моделей, которые оно замещает.

Появление понятий породило и другие проблемы. Так, Э. Кассирер (2002) сообщает, что еще в V в. до н. э. в Афинах серьезно обсуждалось:

> Является связь между формой языка и формой бытия, между сущностью слов и сущностью вещей естественной или же всего лишь опосредованной, конвенциональной? ...Не получается ли... что момент произвольности, неизбежно присутствующий в слове, ставит под сомнение и объективную детерминированность, объективную необходимость мышления и его содержательных составляющих? [С. 55.]

И эта проблема действительно очень серьезна, так как многие конституируемые вербальным мышлением сущности, рассматриваемые потом сознанием как «объективные» репрезентации окружающей реальности, вовсе таковыми не являются. Особенно актуально это для того этапа вербального моделирования, где начинается формирование вербальных конструкций. Устойчивые вербальные конструкции (конструкции из понятий), в свою очередь, обозначаются новыми понятиями и сами становятся «строительными элементами» для еще более сложных вербальных конструкций. Возникающие вербальные конструкции репрезентируют сознанию не только то, что недоступно чувственному моделированию в принципе, но и то, истинность репрезентации чего не может быть проверена на современном уровне развития науки, или вовсе несуществующие сущности.

При переходе на символический уровень моделирования реальности теряется ее непосредственная чувственная данность и достоверность. Появляется совершенно иной и во многом вымышленный человечеством мир, в котором в основном и пребывает сознание людей. Мир представлений в форме вербальных моделей помогает человеку понимать реальность, но это уже совсем иная, не данная людям чувственно, а сконструированная, созданная самим человеком реальность. Если чувственно данная реальность лишь конституируется человеческим сознанием, то вербально моделируемая реальность уже во многом конструируется сознанием. Именно поэтому У. Джеймс (2000) замечает, что:

> ...наиболее глубокие черты реальности можно найти лишь в чувственном опыте [с. 65].

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что, несмотря на все недостатки понятийного мышления, даже полноценное человеческое чувственное познание невозможно без понятий, потому что именно с их помощью выделяются конкретные элементы

в исходно недифференцированном потоке наших чувственных репрезентаций. Именно понятия позволяют чувственному познанию подняться на человеческий уровень.

Чувственный и вербальный уровни репрезентирования принципиально несопоставимы, и сравнивать их бессмысленно. Символическое (понятийное) и чувственное моделирование реальности одинаково необходимо нам, причем ни одно из них не способно заменить другое. Я думаю, что дискуссии возникают лишь из-за попыток разорвать чувственное («наглядно-образное») и понятийное мышление, представить познание как понятийное мышление в чистом виде, что не только не соответствует реальности, но и приводит в конечном счете к псевдопроблемам и парадоксам. Понятийное мышление моделирует иначе то, что мы одновременно переживаем чувственно. И оно же непрерывно иллюстрируется в нашем сознании параллельными чувственными переживаниями. Поэтому разорвать чувственное и понятийное мышление невозможно, да и незачем пытаться это сделать.

Следует отметить, что сенсорное (преимущественно зрительное) моделирование как минимум на порядок опережает по скорости вербальное (преимущественно слуховое), так как скорость вербального моделирования не может, по-видимому, превышать скорость восприятия и воспроизводства устной речи. Б. М. Величковский (2006), например, пишет:

> Почему наше сознание говорит, что мы видим огромное, наполненное светом и цветом пространство? Потому, что, когда мы только начинаем спрашивать себя: «А вижу ли я отчетливо мое окружение, скажем, слева от рассматриваемого сейчас предмета?», наше внимание и глаза уже переместились туда, и еще не вполне сформулированный вопрос прерывается ответом: «Вижу, конечно, вижу!» Точно так же обстоит дело и со стабильностью видимого мира. Всякий раз, когда мы задаем себе вопрос о положении предметов, процессы быстрой пространственной локализации, оказывается, уже успели дать нам ответ. В результате у нас возникает впечатление непрерывного во времени и пространстве стабильного образа окружения [с. 176, 338].

Действительно, как только мы начинаем спрашивать себя о чем-либо доступном сенсорному моделированию, данный вопрос немедленно запускает соответствующую моторную реакцию, например движение наших глаз. И мы получаем чувственный ответ на вопрос со скоростью несколько десятков мгновенных образов в секунду. Поэтому было бы странно, если бы, завершив эту мысленную фразу, мы уже не имели сенсорную модель, отвечающую на наш формулировавшийся несколько секунд вопрос.

2.1.4. Концептуально-пропозициональная теория

В когнитивной психологии, как я уже отмечал, до сих пор нет согласия в отношении того, в каком виде формы репрезентации знания представлены в сознании: образном, вербальном или каком-то ином. Существует много разных, часто взаимоисключающих точек зрения. Даже в весьма авторитетных и популярных

учебниках излагаются не вполне последовательные и убедительные точки зрения. Так, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) спрашивают:

> ...когда вы находите нужный номер телефона и держите его в памяти, пока не закончится набор, в каком виде вы представляете себе цифры? Является ли такая репрезентация зрительной - мысленным изображением цифр? Является ли она акустической — звучащими названиями цифр? Или она семантическая (основанная на значениях) и содержит некоторые значимые ассоциации с цифрами? Исследования показывают, что для кодирования информации в кратковременной памяти мы можем использовать любую из этих возможностей, но предпочитаем акустический код и, пытаясь удержать информацию в активном состоянии, повторяем ее, то есть повторяем ее про себя снова и снова [с. 319].

Обращает на себя внимание термин «семантическая репрезентация». Он часто встречается в литературе. *Что такое семантическая репрезентация? Это феноменологически нечто третье по сравнению со зрительными и слуховыми образами? Если да, то что именно?*

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) продолжают:

> Один из модусов мышления соответствует потоку фраз, которые мы «слышим в своем сознании»; он получил название пропозиционального мышления, поскольку выражает пропозиции или высказывания. Другой модус — образное мышление — соответствует образам, в особенности зрительным, которые мы «видим» в своем сознании. Наконец, вероятно, существует и третий модус — моторное мышление, соответствующее последовательности «ментальных движений» (Bruner, Olver, Greenfield at al., 1966) [с. 374].

«Моторное мышление» — это вообще нечто бессмысленное, вроде «психического кровообращения» или «круглого квадрата». Вместе с тем в психике действительно существуют феномены, которые репрезентируют нам наши движения. Это множество разнообразных ощущений, возникающих в нашем теле в момент выполнения нами тех или иных движений, которые жестко связаны с визуальными, слуховыми и тактильными образами нашего изменяющегося в процессе определенного движения тела, а также изменяющейся одновременно с ним окружающей реальности. Все вместе они образуют чувственную полимодальную репрезентацию любого движения нашего тела.

Концептуально-пропозициональная[1] теория утверждает, что знания, хранящиеся в долговременной памяти, представлены не в образной, а в абстрактно-пропозициональной форме. Теорию предложили Дж. Андерсон и Г. Бауэр (J. R. Anderson

---

[1] *Концепт* (лат. conceptus — «понятие») — содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Концепт актуализирует отраженную в понятии онтологическую его составляющую [Новейший философский словарь, 1998, с. 331].

Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [С. А. Аскольдов, 1997, с. 269].

У. Джеймс (2000) замечает: «По-моему, "идея", "мысль", "интеллектуальная деятельность" могут быть синонимами для термина "концепт". Вместо термина "перцепт" я часто буду говорить об "ощущении", "чувстве", "интуиции", иногда о "чувственном опыте" или еще о "непосредственном потоке жизнесознания". Со времен Гегеля то, что чувственно воспринимается, принято называть "непосредственно данным", а "опосредованное" синонимично с мыслимым в понятии» [с. 35].

Пропозиция - наименьшая единица знания, которая может являться отдельным утверждением [Дж. Андерсон, 2002, с. 445].

& G. H. Bower, 1973). Она, по сути, является продолжением и развитием идей психологов Вюрцбургской школы о безóбразном мышлении. Авторы критически относятся к теории образных репрезентаций и считают «не имеющим научной перспективы» предположение о том, что носителем воспоминаний и других знаний может быть «что-то вроде внутренней фотографии, кино- или видеоленты, которую мы можем реактивировать и воспроизводить». По их мнению, хотя субъективно мы можем переживать образ, лежащий в его основе когнитивный компонент имеет не образную, а иную форму. Одна из причин этого, по их мнению, связана с невозможностью хранения полного изображения сцены. Они полагают, что в памяти хранятся только репрезентации, основанные на значении, то есть интерпретации.

Дж. Андерсон (2002) говорит о том, что существует два типа репрезентаций, основанных на значении:

> ...пропозициональные структуры, которые кодируют существенную информацию о конкретном событии (таком, как кто на ком женился), и схемы, которые представляют категории событий и объектов в терминах их типичных свойств (так, как это обычно происходит на свадьбе) [с. 141].

Дж. Андерсон и Г. Бауэр (J. R. Anderson & G. H. Bower, 1973) не поясняют, что собой представляют концептуально-пропозициональные репрезентации с феноменологической точки зрения. Они пишут лишь:

> Произносимые слова для слушателя подобны криптическим указаниям, которые автор пьесы делает для режиссера, надеясь, что его компетентность позволит ему полностью составить из них художественное оформление, выразительный настрой или развитие действия спектакля [с. 460].

Рассмотрим поэтому, что же такое «концептуально-пропозициональная репрезентация» или «абстрактно-пропозициональная форма» феноменологически. Интроспекция позволяет заключить, что это не что иное, как совокупность вербальных образов (образов слов). Причем образы эти у обычных людей либо слуховые, либо визуальные. У слепых они могут быть не только слуховыми, но и тактильными. Ничем другим концептуально-пропозициональная репрезентация просто не может быть. Дж. Андерсон и Г. Бауэр (J. R. Anderson & G. H. Bower, 1973) приводят фразу:

> Джеймс Бонд подбежал к своей машине и поехал в казино, —

и продолжают:

> Сама... эта фраза просто упоминает несколько ориентиров (источник, инструмент, цель) из всего описания последовательности событий; слушатель интерполирует или заполняет все промежуточные события между упомянутыми ориентирами [с. 460].

Данная языковая конструкция авторов представляет собой вербальную описательную модель действий определенного вида, которые совершает объект — Джеймс Бонд. Она возникает в сознании в виде зрительных образов восприятия слов, когда мы читаем предложение, или в виде слуховых образов восприятия слов, когда мы

слышим фразу. И здесь нет оснований говорить о каких-то таинственных «криптических указаниях». Другое дело, что у разных слушателей образное наполнение, то есть визуальные образные иллюстрации этой возникающей в сознании вербальной модели, могут быть совершенно разными: очень живыми или, наоборот, стертыми и редуцированными, а у кого-то могут и не возникать вовсе.

Несмотря на феноменологические неясности, концептуально-пропозициональная гипотеза Дж. Андерсона и Г. Бауэра очень элегантна и убедительна. При этом она легко может стать составной частью концепции двойного кодирования А. Пэйвио. Тем более что позиция Дж. Андерсона (J. R. Anderson, 1976) в отношении существования ментальных образов достаточно гибкая. Он полагает, в частности, что противостояние «образы либо высказывания» приведет в итоге лишь к вопросу о том, какая позиция и какому феномену обеспечивает более экономичное объяснение. И что, учитывая предшествующие результаты, едва ли можно доказать, что одно правильно, а другое — нет.

Обсуждая психические репрезентации, Р. Л. Солсо (1996) замечает:

> Мало кто спорит, что все люди в той или иной степени субъективно ощущают мысленные образы; все мы можем «видеть» знакомые формы и фигуры, представляя себе их характеристики. ...Споры возникают, когда мы пытаемся рассмотреть, как человек хранит информацию и как она представлена в его уме. Некоторые утверждают, что составные части мысленных образов — это на самом деле образы, то есть что мы храним в памяти «изображение» объекта, например букву F, форму «Фольксвагена», сцену на пляже. Другие утверждают, что вся информация хранится в абстрактной форме и что, когда мы субъективно ощущаем мысленный образ, на самом деле мы сперва вызываем из памяти абстрактную репрезентацию этого образа, а затем восстанавливаем из нее сам образ. Есть и те, кто полагает, что некоторая информация хранится в виде образов, а некоторая — в абстрактном виде [с. 276].

Итак, появляется еще и некая «абстрактная репрезентация образа».

Начнем с того, что информацию в виде психических явлений человек не хранит никак. Сохраняются, по-видимому, лишь некие биологические корреляты психических явлений, потенциально способные актуализировать их в сознании в определенный момент в сходном с существовавшим ранее виде. По крайней мере, данные интроспекции позволяют заключить, что у нас нет чего-то вроде «кладовки», где хранятся психические явления. Другое дело — вопрос: *как информация представлена в нашем уме?* Вот здесь-то и возникают трудности.

Если «все ощущают мысленные образы», как пишет Р. Л. Солсо, то почему вдруг возникают сомнения в их наличии? Да, мы фиксируем в собственном сознании не только образы, но и много других, порой трудно классифицируемых явлений, но это не меняет дела. Образы есть в сознании. Причем образы разные: зрительные, слуховые, тактильные и т. д. И образы слов — это тоже те же образы объектов. *Как можно психические образы противопоставлять некой «информации в абстрактной форме»? Что такое «абстрактная репрезентация образа», которая тоже якобы существует в сознании? Если это вербальный образ или даже целая конструкция из вербальных образов, то почему она «абстрактная»? Если это абстрактный образ предмета (невозможность существования которого мы, впрочем, рассматриваем в разд. 2.5.3), то почему он противопоставляется образу предмета?*

В психологической литературе очень много неопределенных и расплывчатых терминов и аморфных определений. Точки зрения и гипотезы по поводу особенностей «кодирования информации», а точнее, форм существования психических репрезентаций предметов окружающего мира в психологии по-прежнему весьма противоречивы.

Как я уже отмечал, многие авторы занимают негативную позицию в отношении образных репрезентаций. З. Пылишин (Z. Pylyshyn, 1973; 1981), например, полагает, что знание является концептуальным и пропозициональным. Пропозиции он рассматривает как абстрактные когнитивные структуры, используемые для выражения отношения между элементами или событиями. Например, отношения Ленина и Троцкого можно представить пропозицией «Ленин уважал Троцкого», отношение между вином и бутылкой — пропозицией «старое вино в новой бутылке». Реальные отношения Ленина и Троцкого, вина и бутылки представлены абстрактной пропозицией, форма которой аналогична форме «поверхностной структуры» предложения. Сама пропозиция выступает у З. Пылишина как аналог «глубинной структуры» предложения. Между тем обсуждаемые автором «абстрактные когнитивные структуры» представляют собой все те же совокупности преимущественно слуховых вербальных образов.

Р. Л. Солсо (1996) пишет:

> Концептуально-пропозициональная гипотеза говорит, что информация хранится в абстрактном пропозициональном формате, который определяет объекты, события и их отношения [с. 302].
>
> Видимо, информация кодируется образно на *некотором уровне* обработки, тогда как на *другом* уровне обработки та же самая информация кодируется концептуально. Возможно... кодирование информации может охватывать несколько уровней когнитивной обработки... [с. 301].

Вернемся к вопросу о том, *как можно перевести на язык психической феноменологии то, что «информация хранится в абстрактном пропозициональном формате». Как эта «информация» выглядит, что она собой представляет?*

Если подойти критически к широко распространенным в литературе фантазиям на тему компьютерно-психологических моделей памяти, внимания, действия и даже сознания, в которых причудливо объединены и перемешаны «схемы», «сенсорно-перцептивные структуры» и «абстрактные коды», «блоки управления» и «внутренние действия», «фильтры» и «сообщения», «регуляторы внимания» и «генераторы выхода», то нам не останется ничего иного, кроме как признать старую истину о том, что существуют лишь психические феномены, доступные нашему сознанию, и физиологические процессы, протекающие в нашем мозге. Попытки моделирования физиологических, возможно, даже психических процессов, в том числе с привлечением достижений современной техники, но только в качестве метафоры и никак не более того, естественно, допустимы. Но перемешивание психологических, технических, лингвистических, физиологических и прочих понятий из смежных областей науки в одной модели и попытки описания и объяснения с их помощью наших психических явлений не приближают нас к пониманию сути моделируемых процессов.

Необходимо четко дифференцировать в психологических работах психологические, технические, информационные, физиологические и т. д. явления и термины.

Без этого описательные теории протекания каких-либо психических процессов превращаются в нелепую «кашу». Д. Беркли (2000) учит:

> Так как слова столь способны вводить в заблуждение ум, то я... постараюсь, какие бы идеи мной ни рассматривались, держать их в моем уме очищенными и обнаженными, удаляя из моих мыслей, насколько это возможно, те названия, которые так тесно связаны с ними путем продолжительного и постоянного употребления... [с. 134].

> Для того чтобы видеть, какие идеи содержатся в некоторой сложной идее и какие нет, не требуется ничего, кроме внимательного восприятия того, что происходит в моем собственном уме [с. 134].

И если уж мы используем множество новых и не вполне ясных в своем значении понятий, то должны максимально четко определять, что же это такое: психические или физические явления, сущности, которые, по нашему мнению, реально существуют, сущности вероятные или вымышленные нами, наши метафоры или что-то еще.

Итак, *что же все-таки такое феноменологически «абстрактные коды образов»?* Учитывая, что в сознании есть лишь обнаруживаемые там в процессе интроспекции психические явления и ничего сверх того, остается заключить, что «абстрактные коды образов» — это, вероятно, нейрохимические или электрофизиологические процессы, так как их нельзя обнаружить интроспективно. Но «абстрактные» означает «психические». Опять тупик. Далее. *Могут ли «коды» быть в моем сознании?*

Большой толковый психологический словарь (2001) определяет «код» так:

> 1. Свод правил или набор операций, преобразующих предметы, объекты или данные из одной систематической формы в другую. 2. Язык или форма диалекта... 3. Набор стандартов или правил поведения [с. 356].

Значит, коды в качестве правил, выраженных в словах языка, то есть в виде конструкций из вербальных образов, могут присутствовать в сознании. Больше ни в какой другой форме не могут. В сознании, как я уже неоднократно повторял, есть только психические явления: ощущения, чувственные образы, вербальные образы и т. д. Какого-то «абстрактного кода», тем более «абстрактного кода образов» в сознании вместо психических явлений или с ними вместе быть не может. Точно так же в сознании нет никакого «абстрактно-пропозиционального формата» и «абстрактно-пропозициональных репрезентаций».

Еще раз повторю очевидную истину: в сознании есть только то, что носитель сознания может обнаружить в нем интроспективно. Все остальные якобы психические сущности — лишь конструкты исследователей, либо не имеющие к содержанию сознания отношения вовсе, либо предназначенные для того, чтобы как-то иначе обозначить известные нам явления нашего сознания. И то и другое не только не проясняет вопрос, но лишь еще более его запутывает. Из сказанного следует, что, например, «абстрактно-пропозициональная репрезентация» — это всего лишь конструкция из вербальных образов, которая обычно представлена в нашем сознании в слуховой или зрительной модальности.

Предлагаемые исследователями странные, а порой и бессмысленные обозначения только затемняют сущность того, что в действительности присутствует в сознании каждого человека: вербальные или невербальные репрезентации. Например,

репрезентации в виде зрительных вербальных образов читаемого вами предложения или слуховых образов фразы вашего собеседника. Наконец, в виде последовательностей слуховых вербальных образов, представляющих собой выученные вами в детстве правила, например 10 заповедей. В сознании может присутствовать и репрезентация действий, но опять же только в виде последовательности вербальных образов, описывающих их, или невербальных образов, моделирующих данные действия.

Я писал о том, что понятие *информация* обозначает конструкт нашего сознания. Ее нет как особого объекта ни в окружающем мире, ни в сознании. Она — псевдосущность, психический объект, который, однако, гипостазирован[1] людьми в максимально возможной степени. Понятие *информация* обозначает некоторую сущность, которая, как принято считать в соответствии со «здравым смыслом», поступает в сознание извне, перерабатывается и может затем передаваться обратно другим людям. На самом деле понятие *информация* обозначает психическую конструкцию, репрезентирующую любое психическое содержание, возникающее в сознании человека, воспринимающего что-либо. Следовательно, информация — это не существующий в физической реальности объект. Однако мы склонны экстраполировать в физическую реальность собственные психические конструкции, поэтому конструкция, обозначаемая понятием *информация,* и моделирует нечто как бы присутствующее во внешнем мире. Она часто неправомерно отождествляется, например, с разными множествами материальных объектов: с последовательностями электрофизиологических импульсов, цифр, слов, разного рода сигналов, с текстами и т. д.

Р. Л. Солсо (1996) пишет, что «информация хранится в абстрактном пропозициональном формате» [с. 302], причем на *одном уровне* обработки она «кодируется образно, тогда как на *другом* — кодируется концептуально» [с. 301]. Это может означать лишь одно: на одном уровне наше психическое содержание, или информация, представляет собой чувственные модели реальности (преимущественно визуальные), на другом уровне — образы слов, преимущественно слуховые. Несмотря на все эти очевидные, казалось бы, вещи, многие когнитивные психологи вряд ли согласятся со сказанным мной, хотя бы потому, что не принимают сам факт наличия психических образов.

Существуют теории, пытающиеся предложить нестандартные подходы. Например, согласно теории ментальных пропозиций Л. Барсалу (L. W. Barsalou, 1982; 1989) образы не являются объяснительной категорией и как за ними, так и за словами лежит одна и та же гомогенная форма репрезентаций, понимаемая автором по образцу логического пропозиционального исчисления.

Несмотря на то что еще античные мыслители провозгласили и самые авторитетные умы человечества многократно потом подтверждали, что *нет и не может быть ничего достовернее того, что имеем мы в своем сознании,* многие когнитивисты так не считают. Они опять говорят: *«Ладно, допустим, ментальные образы есть, но это все равно эпифеномены, вот за образами стоят подлинные явления».*

---

[1] *Гипостазирование* — наделение самостоятельным бытием какого-либо отвлеченного понятия, свойства, идеи (например, «числа» в пифагореизме и т. п.) [Большой энциклопедический словарь, 1996].

Возникает вопрос: *образы вы реально обнаруживаете в собственном сознании и не можете их отвергнуть, «подлинные» же явления вы не переживаете, тогда как вы их обнаружили?*

В очередной раз повторюсь: в сознании (и психике в целом) есть только то, что каждый при желании легко может там обнаружить интроспективно. И ничего сверх того. Не надо забывать слова У. Оккама.

З. Пылишин тем не менее пишет:

> Пока мы признаем, что люди могут переходить от мысленных картин к мысленным словам и наоборот, мы вынуждены заключить, что должна существовать репрезентация (более абстрактная и не представленная в сознании), которая обслуживает и то и другое. Иными словами, должен существовать некоторый общий формат или язык общения. Эта проблема усугубляется, если мы упорствуем в использовании распространенной, но совершенно ошибочной метафоры «мысленного взора», ибо тогда нам приходится объяснять форму репрезентации в «разуме мысленного взора», который, очевидно, недоступен интроспекции [цит. по: Р. Л. Солсо, 1996, с. 300].

Автор прав в том, что «должен существовать общий формат», так как необходимо постоянно переходить «от мысленных картин к мысленным словам», но делает ошибочный вывод, потому что исходит, как и многие другие, из ошибочной посылки, что «мысленные картины» и «мысленные слова» радикально различаются между собой. Если же мы поймем, что это явления одного порядка и с общим форматом, то отпадет необходимость в поиске дополнительных репрезентаций, тем более «не представленных в сознании».

Исследователи совершенно безосновательно рассматривают образные и пропозициональные (или невербальные и вербальные) репрезентации как нечто принципиально различное и лишь сосуществующее либо даже взаимоисключающее. Тогда как в действительности их надо рассматривать как вытекающие друг из друга и неразрывно связанные между собой, потому что вербальные репрезентации — это те же самые чувственные образы слуховой и зрительной модальности, пусть и особых объектов. Кстати, спор когнитивистов о формах репрезентации знания отнюдь не нов. Он продолжается с момента появления научной психологии. Н. Н. Ланге (2005), например, обсуждая исследования мышления без образов, выполненные А. Бине, пишет:

> При таких опытах обнаружилось то замечательное обстоятельство, что процесс мышления идет совершенно определенно и точно к своей цели, а отдать себе отчет, что мы при этом переживаем, крайне трудно; лишь какие-то обрывки образов мелькают в сознании (например, при словах «завтра», «уеду», «на дачу» и т. п.), а часто даже не обрывки образов, а неопределенные чувствования (ожидания, внимания, удивления, успокоения и пр.). Процесс мышления, твердый и целесообразный, сам по себе, очевидно, не исчерпывается этими случайными и эскизными содержаниями, промелькнувшими в сознании, и не состоит из них; эти образы (включая и словесные) скорее суррогаты мышления, чем его действительная природа. Иначе говоря, в нашем мышлении есть что-то иное, кроме содержания образов и представлений слов, это процесс, не исчерпывающийся подобными содержаниями сенсорного характера.
>
> Недавно было доказано, например, что возможно ожидать какое-нибудь событие, даже вполне определенное, не имея, однако, вовсе образа этого события: этот образ,

значит, не составляет природы нашего ожидания. Равно возможно узнавать предмет, вовсе не относя его к прежнему опыту, узнавание вовсе не есть сравнение двух образов — настоящего и прошлого. Возможно также чувствовать, что какое-нибудь слово не подходит к данному случаю, что рассуждение ошибочно, что данное предположение не верно, что какой-нибудь поступок скверен, не совершая при этом никаких определенных форм суждения и не отдавая себе отчета в мотивах таких оценок. Джемс называл такие неопределенные факты, не сводимые к содержанию образов и слов, «обертонами сознания», сливающимися в какой-то общий «тембр данной мысли». Все эти новые экспериментальные исследования мысли, которые мы лишь вкратце упоминаем здесь (исследования К. Марбе, Н. Аха, Г. Уатта, А. Мессера, К. Бюлера, Р. Вудвордса, Г. Штерринга, Астера, Дюра, Бове, А. Пика, Абрамовского и др.), вместе с прежними исследованиями самого А. Бине относительно процессов счета у знаменитых счетчиков, процессов игры В. L'Aveugle у шахматистов и представлений смыслов слов и фраз у детей и взрослых приводят к общему заключению, что ходячая психологическая теория о том, что мысли есть только совокупность образов (зрительных, слуховых, осязательных, двигательных), должна быть отвергнута. Эта теория была лишь сенсуалистическим предрассудком, фиктивной конструкцией ассоциационной психологии, которая разрушается ныне показаниями более точного психологического наблюдения. Мышление не есть только последовательный ряд образов: эти образы являются лишь значками, отдельными светлыми пунктами в каком-то психологическом процессе нечувственного характера, и этот процесс должен быть отличаем от таких содержаний [с. 177].

Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что «процесс мышления твердый и целесообразный» и что он «идет совершенно определенно и точно к своей цели». Он, наоборот, скорее представляет собой некие зигзаги, перерывы, движения вперед и возвращения назад, то есть какой-то неровный путь, если можно говорить метафорически о пути мышления, который может привести к своей цели, а может и не привести к ней вовсе. Отдать себе отчет в том, что мы переживаем в процессе мышления, действительно крайне трудно по ряду причин.

Например, потому, что наша рефлексия не успевает рассмотреть не то что все возникающие в сознании образы, но даже их существенную часть, так как ежесекундно в сознании возникает слишком много разных и по модальности, и по содержанию, и даже по своей феноменологической природе мимолетных образов и ощущений. Причем большинство из них в силу их кратковременности малопонятны или вовсе непонятны. Я, например, в процессе интроспекции регистрирую то, что, думая о чем-то, одновременно воспринимаю окружающее. Следовательно, в моем сознании в одно и то же время присутствуют, с одной стороны, мгновенные образы восприятия, с другой - непрерывно меняющиеся образы представления и воспоминания, связанные с совершенно иной по отношению к окружающему миру темой, которые к тому же сосуществуют или чередуются с вербальными образами: понятиями и конструкциями из них.

Факт появления некоторых из возникающих визуальных образов представления я регистрирую, но образы эти немедленно исчезают и в сознании остается воспоминание лишь об их пребывании. Тут же возникают новые образы воспоминания и представления, непрерывно и калейдоскопически сменяющие друг друга и напоминающие мне, как мне кажется, о только что исчезнувшем образе представления,

факт появления которого я зафиксировал. Я понимаю, что видел какие-то черные силуэты на более светлом фоне, но не понимаю, что это такое, так как не успел их «рассмотреть». Можно вроде бы согласиться с Н. Н. Ланге, который говорит, что «лишь какие-то обрывки образов мелькают в сознании». Подобное ощущение в процессе рефлексии действительно возникает. Хотя очевидно, что это не «обрывки», а вполне полноценные образы, но образы не сюжетные, то есть не разворачивающиеся в виде последовательностей понятных картин, как в жизни или спектакле, и очень кратковременные, разнообразные и многочисленные, а потому не успевающие стать мне вполне понятными. Это и создает впечатление «мелькания обрывков образов», которое описывает Н. Н. Ланге.

Я отдаю себе также отчет, что мое мышление оперирует не представленными в классических работах по психологии продолжительными и легко узнаваемыми образами объектов, явлений, их свойств или действий, а очень кратковременными, многочисленными, калейдоскопически и непроизвольно меняющимися образами. Мышление не протекает также в форме целостных, всегда и в обязательном порядке полностью разворачивающихся моделей-репрезентаций рассматриваемых им объектов и явлений окружающей реальности. Это не что-то, развернуто-детализированное и напоминающее последовательность образов в кинофильме или книжный текст, а всегда очень быстрый процесс смены разнообразных, преимущественно визуальных репрезентаций.

Даже в случаях целенаправленного и жестко контролируемого мною течения мыслей ход этого процесса постоянно прерывается какими-то, как кажется в процессе интроспекции, совершенно посторонними образами, ощущениями, чувствами и т. д. Мое мышление включает в себя то, что действительно можно расценить как «обрывки мыслей»: отдельные понятия (вербальные образы), невербальные чувственные образы, многие из которых не имеют вроде бы очевидного отношения к рассматриваемой в мыслях теме, случайны, непроизвольны и всегда мимолетны, а потому плохо рефлексируются мной, и в результате опять же малопонятны или вовсе непонятны мне.

Читатель может попытаться возразить мне: я, например, понимаю смысл читаемого мною сейчас текста и, не регистрируя никаких образов, кроме образов восприятия слов текста, делаю какие-то собственные умозаключения, следовательно, у меня существует безо́бразное мышление. Однако в том-то все и дело, что вербальное мышление как раз и оперирует образами слов, имеющих понятное субъекту значение. Говоря иначе — понятиями. Мышление читателя при чтении данного текста — это оперирование слуховыми, а не зрительными образами слов, поэтому оно и может казаться безо́бразным.

Важную роль в моем мышлении играют мимолетные невербальные образы, представляющие собой элементы моделей-репрезентаций, а также чувственные иллюстрации к возникающим в сознании вербальным конструкциям. Особый интерес вызывают первые — фрагменты моделей-репрезентаций тех или иных сущностей, имеющих отношение к предмету рассмотрения. Из-за кратковременности своего существования эти мгновенные образы далеко не всегда несут в себе полное и ясное для меня значение, что и создает при интроспекции убеждение в присутствии в сознании тех самых джеймсовских «обертонов».

И тем не менее, несмотря на свою отрывочность и мимолетность, эти образы эффективно замещают соответствующие модели-репрезентации, то есть я их все же понимаю, но лишь в рамках текущей мысли и в минимально достаточной для этого степени. Я не понимаю каждый такой образ в целом и всесторонне, так как у моего сознания просто не хватает для этого «объема» и, вероятно, времени. Слишком много образов и слишком большое значение они потенциально несут в себе. Н. Н. Ланге пишет, что часто возникают даже не обрывки образов, а «неопределенные чувствования (ожидания, внимания, удивления, успокоения и пр.)». И это так, потому что эмоции часто сопровождают, как я уже говорил выше, самые разные возникающие в сознании образы и ощущения.

То, что, как пишет автор, «возможно ожидать какое-нибудь событие, даже вполне определенное, не имея, однако, вовсе образа этого события», легко объясняется теми же причинами, которые ответственны за «феномен на кончике языка» (см. разд. 2.1.11). А также тем, что каждая наша модель-репрезентация (в том числе модель-репрезентация определенного события) встроена в более общую модель-репрезентацию, а потому выпадение конкретной более мелкой модели-репрезентации не исключает возможность использования ее в мышлении (пусть лишь в качестве пустующего места в структуре более общей модели-репрезентации, которая сама представлена лишь несколькими мимолетными кратковременными образами). Той же причиной можно объяснить и другие приводимые Н. Н. Ланге феномены.

Так, например, любой «данный случай» репрезентируется в сознании конкретной моделью-репрезентацией, являющейся значением совершенно определенного понятия, поэтому тот факт, что новое слово не соответствует данному понятию, немедленно становится нам очевиден. Модель-репрезентация какого-то поступка может либо включаться, либо не включаться в более общую модель-репрезентацию «того, что хорошо» или «того, что плохо». И это тоже немедленно становится нам ясно, так как одна репрезентация не «встраивается» в другую.

Н. Н. Ланге прав, когда говорит, что «возможно узнавать предмет, вовсе не относя его к прежнему опыту», а «узнавание вовсе не есть сравнение двух образов — настоящего и прошлого». Наш процесс узнавания чего-либо — это не столько процесс прямого сравнения возникающих в процессе мышления образов (хотя такое сравнение, безусловно, бывает), сколько что-то гораздо более сложное. Мы, например, часто только взглянув на предмет, немедленно понимаем, знаком ли он нам. Следовательно, узнавание или неузнавание образа происходит не путем сравнения старого и нового образов, но это никак не противоречит тому факту, что мышление представляет собой «течение» образов и ощущений.

В процессе мышления важную роль играют особые ощущения (я называю их интрапсихическими), репрезентирующие связи между другими репрезентациями, в том числе, вероятно, и те ощущения, которые Н. Н. Ланге называет «ощущения отношений или относительные ощущения сходства, различия и т. п.». «Неопределенные чувствования» — это особые сенсорные же феномены, к которым мы еще вернемся. Что касается «обертонов сознания», то указание на их существование лишь подтверждает, что мгновенные образы и ощущения, а также кратковременные эмоции и побуждения играют важнейшую роль в нашей психической жизни, но при

этом в основном не успевают рефлексироваться, а причины их появления, их связи и последствия для других психических явлений плохо понимаются нами.

Итак, мое мышление — это скорее случайно, то есть независимо от моей воли, всплывающие в связи с основным образом или идеей (заданной мышлению темой) ассоциации, представляющие собой кратковременные невербальные образы, ощущения, их последовательности, понятия и вербальные конструкции. Вместе с тем среди множества этих невербальных и вербальных психических репрезентаций присутствуют те, которые жестко ассоциированы между собой и создают связные, то есть последовательные и стройные конструкции и модели окружающего мира и меня в нем — все то, что только и можно считать адекватным, целенаправленным и логическим мышлением.

Любые из возникающих репрезентаций могут сопровождаться эмоциями и побуждениями. «Основной образ» или вербальная идея (в виде образов и идей, сходных с первоначальными) с определенной периодичностью вновь всплывают в сознании, позволяя мышлению удерживать тему, подлежащую рассмотрению. Те «случайные и эскизные содержания», которые Н. Н. Ланге считает «суррогатами мышления», и есть часто единственное и самое что ни на есть естественное содержание моих мысленных процессов, так как мышления в форме возникающих, как в кино, образов или чего-то столь же однородного и последовательного, как текст романа, не бывает.

Немаловажную роль в появлении разных точек зрения на характер психических репрезентаций играют, по-видимому, не только теоретические представления разных исследователей, но и то обстоятельство, что у людей вообще существуют значительные индивидуальные различия в особенностях протекания их психических репрезентаций, о чем сообщают В. Х. Кандинский (2001), Ф. Гальтон (F. Galton, 1883) и другие авторы. Поэтому можно думать, что у одних людей в сознании возникают образы воспоминания и представления, не намного уступающие в своей яркости, устойчивости и детализированности образам восприятия, тогда как у других — стертые и неустойчивые образы, принципиально отличающиеся от образов восприятия. Кроме того, у одних индивидуумов в сознании могут преобладать невербальные образы, а у других — вербальные. Наконец, все мы в разной степени способны рефлексировать собственное психическое содержание. Все это не может не сказываться на наших представлениях о собственных психических репрезентациях.

2.1.5. Слово как простейший искусственный объект

В. фон Гумбольдт (2001) пишет:

> ...Если язык представлять в виде особого и объективировавшегося, самого по себе, мира, который человек создает из впечатлений, получаемых от внешней действительности, то слова образуют в этом мире отдельные предметы, отличающиеся индивидуальным характером также и в отношении формы [с. 90].

Э. Кассирер (2002) подчеркивает:

> Слово — не обозначение или наименование, не духовный символ бытия, а само является его реальной частью [с. 51].
>
> ...слово с точки зрения физического субстрата — всего лишь дуновение воздуха: но в этом дуновении таится необычайная сила, воздействующая на динамику представления и мышления [с. 43].

Таким образом, звучащие слова, будучи «дуновениями воздуха», являются, с одной стороны, специфическими искусственными физическими объектами, представляющими собой такие же результаты человеческих действий, как, например: звуки кашля, чихания, смеха, звуки шагов, ударов кулаком в дверь и т. п. С другой стороны, эти искусственные объекты обладают особым символическим значением для людей, владеющих данным языком, то есть их образы вызывают появление в человеческом сознании более многоообразных, но и более ясных специфических ассоциаций, чем образы результатов большинства других перечисленных выше человеческих действий. Образы слов актуализируют в сознании людей, владеющих языком, психические конструкции, моделирующие обозначаемые соответствующими словами сущности.

Следует констатировать, что понятие *слово* четко не определено, поэтому неясно, что есть слово: физический объект — материальный «носитель» слова, психический образ этого объекта или значение этого образа. Термин «слово»[1] имеет множество значений: единица языка, языковой знак, минимальная свободная лингвистическая единица, единство звука и значения и др. Кроме того, плохо определено соотношение слова и соответствующего понятия. Тем не менее:

> В слове различают его содержание (несколько типов значений) и внешнюю форму: определенную совокупность звуков (в устной слышимой речи), систему зрительно воспринимаемых знаков (в письменной речи) и артикуляционных образов (в произносимой речи) [Большой психологический словарь, 2004, с. 475].

Итак, слова по своей форме — это простейшие и, вероятно, древнейшие искусственные материальные объекты, легко создаваемые людьми, в том числе повторно, и столь же легко воспринимаемые ими. Главной чертой всех объектов, относимых к категории *слово,* является способность их образов актуализировать в сознании человека соответствующее каждому понятному слову его конвенциональное значение. Образ слова, получивший такое новое понятное человеку значение, превращается в его сознании в понятие. Для человека, не владеющего соответствующим языком, слово теряет свою главную функцию и становится лишь одним из множества окружающих искусственных объектов. Может быть, именно поэтому Б. де Куртене говорит, что:

> ...слова... представляют собой абстракции, которым прямо не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного [цит. по: А. А. Леонтьев, 2001, с. 49].

---

[1] *Слово*... единица языка. ...В слове формируются, выражаются и передаются понятия... [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 464–465].

...слово, как и любой другой языковой знак, является двусторонней сущностью. ...Все слова и вообще все языковые знаки являют собой единство звука и значения, или, иначе говоря, единство означающего и означаемого... [Р. Якобсон, 1985, с. 31].

В понятии *слово* при более внимательном его рассмотрении выявляется новая сторона. А именно: и звучащее слово «стул», и письменное (печатное) слово «стул», и даже дактильное слово «стул» обозначают один и тот же объект – стул, и мы привыкли к тому, что все эти разные формы слова «стул» есть не что иное, как одно и то же слово «стул». Однако аудиальное (звучащее) слово «стул» — совершенно иной физический объект по сравнению с письменным (печатным), например, или дактильным словом «стул». Все они не только воспринимаются человеком в разных модальностях и существуют в физической реальности разное время, но и реально являются разными объектами.

Тем не менее любые по модальности образы слова «стул», моделирующие эти совершенно разные физические объекты, ассоциируются между собой в рамках модели-репрезентации данного слова. В результате человеческая психика образует новый психический объект — слово «стул», как бы существующий одновременно в разных физических формах. Сам объект – стул – один, хотя он тоже репрезентируется человеку в разных модальностях: визуальной, тактильной, кинестетической и даже слуховой (в процессе действий со стулом). Объект же, которым, казалось бы, является слово «стул», на деле объединяет в себе несколько разных объектов.

Исторически первична устная форма слова – искусственный материальный объект, который можно отнести к группе звуковых объектов, представляющих собой воздушные колебания определенной частоты и продолжительности. В качестве слов могут выступать и другие искусственные материальные объекты: письменные, печатные или даже дактильные. Одни слова возникают и тут же исчезают, например звуковые. Другие, например письменные, могут сохраняться в течение тысячелетий. Ж. Бодрийяр (2006) замечает:

> ...они (слова. – *Авт.*) обладают собственной жизнью, и то, что они, следовательно, смертны, очевидно любому... [с. 9].

Человек еще в детстве научается с легкостью создавать слова, а также узнавать, распознавать и выделять любое слово своего языка среди множества прочих сходных объектов, даже когда они непрерывно следуют друг за другом в процессе, например, устной речи [Х. Шиффман, 2003, с. 601]. Образ слова (вербальный образ) имеет свое индивидуальное значение или личностный смысл (см.: А. Н. Леонтьев, 1983а; А. А. Леонтьев, 2001; Д. А. Леонтьев, 1999) для человека, владеющего данным языком. Вербальные образы, имеющие сходное, а главное, понятное для всех людей, знакомых с данным языком, значение, являются понятиями.

Вследствие того, что люди наделяют каждое из слов конвенциональным, или договорным, символическим значением, образы слов начинают означать нечто отличное от того, чем они являются в качестве физических предметов. Как поэтично говорит М. Мерло-Понти [1999, с. 180], слова – это «прозрачные оболочки смысла». Сьюзен Лангер (2000) пишет:

> ...короткие звуки (слова) являются идеальными передатчиками понятий, потому что они не дают нам ничего, кроме своего значения. В этом заключается причина «прозрачности» языка, на которую уже указывали некоторые ученые. Вокабулы сами по себе настолько не имеют никакой ценности, что мы вообще перестаем отдавать себе отчет в их физическом присутствии и начинаем осознавать только их коннотации,

> указывания на другие значения. По-видимому, наша концептуальная деятельность протекает при их посредстве, а не просто сопровождает их, как другие переживания, которые мы наделяем значениями [с. 70].

Данное обстоятельство позволяет людям обмениваться словами, заменяя слуховыми или зрительными образами слов другие, гораздо более сложные психические феномены, репрезентирующие такие объекты и сущности, которые невозможно непосредственно предъявлять друг другу во время коммуникации. Слово поэтому выступает как символический знак, заменитель и может использоваться не только вместо обозначаемого соответствующим понятием предмета, но и даже вместо обозначаемой словом абстрактной сущности, сконструированной человеческим сознанием. В. фон Гумбольдт (2001) пишет:

> Слово действительно есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия [с. 304].

Благодаря своей способности содействовать если не передаче, то по крайней мере актуализации в чужом сознании психического содержания, сходного с тем, которое передающий человек хочет донести до слушателя, образы слов и их значения со временем приобрели для развития сознания приоритетное значение. Они стали особой группой психических явлений и своего рода «строительным материалом» психики. В результате использования вербальных образов, имеющих символический смысл, у человека появилась возможность моделирования даже недоступной его восприятию реальности.

Рассмотрим ряд сущностей: 1) основной (для «здравого смысла») материальный предмет (А), например стул; 2) дополнительный материальный предмет (В) — звучащая форма слова «стул», создаваемая человеком и выступающая для него и других людей как аудиальный символический знак основного предмета; 3) дополнительный материальный предмет (С) — письменная форма слова «стул», создаваемая человеком и выступающая для него и других людей как письменный знак аудиального знака (В); 4) другие материальные предметы (D, Е...), например тактильно воспринимаемая дактильная форма слова «стул» или звучащее слово другого языка — «cheir» и др.

Проблема разграничения этих предметов и их образов осложняется тем, что основным значением образа любого из них является для нас модель-репрезентация стула. При этом наше сознание имеет дело с образами разных предметов: 1) предмета (А) — стул; 2) предмета (В) — звучащее слово «стул»; 3) предмета (С) — письменное слово «стул»; 4) предметов (D, Е...) и т. д. Устная, или акустическая, форма слова «стул» — это один предмет (В), а письменная форма слова «стул» — совсем другой предмет (С). Их образы восприятия — слуховой и зрительный — имеют по два значения. Первое раскрывает чувственную специфику перцептивного образа определенной модальности (слуховой или зрительной), которая специфична для каждого из этих физических предметов и уникальна. Вторым значением является модель-репрезентация означаемого предмета — стул (А). Однако второе значение образа восприятия слова является основным и всегда актуализируется им в первую очередь.

У взрослого человека образ восприятия основного означаемого объекта — стула (А) сам обычно актуализирует в сознании наряду с моделью-репрезентацией

означаемого объекта модель-репрезентацию соответствующего слова, в первую очередь слуховые образы представления объекта (В), но нередко и визуальные образы представления объекта (С). При этом может включаться и моторная реакция, ответственная за воспроизведение (создание) соответствующего аудиального объекта (В).

Я рассматриваю здесь эти объекты-образы, чтобы показать сложные связи, существующие между разными формами слова и обозначаемого им объекта, а также чтобы обратить внимание читателя на сложную сущность самого слова. Каждое слово для человека представлено не одним объектом — звучащим словом «стул», например, а целым множеством сходных объектов — и аудиальных, и графических. Более того, человек никогда не имеет дела с одним и тем же искусственным объектом — словом «стул», а всякий раз создает или воспринимает новый объект, хотя и сходный с предыдущими, который актуализирует в его сознании значение, лишь субъективно ощущаемое им как одно и то же.

Чтобы стало понятно, о чем я говорю, давайте рассмотрим ваше имя. Вы уверены, что это одно слово, но представьте теперь, что его произносит ваша мать, ваш отец, ваш любимый человек, ребенок, ваш друг, ваш недоброжелатель, ваш учитель и т. д. Вы, без сомнения, согласитесь с тем, что каждый из перечисленных людей создает свой, уникальный искусственный аудиальный объект, который тем не менее является для вас и для окружающих вроде бы одним и тем же, строго определенным словом, так как имеет для всех сходное значение, обозначая вас. Множество разных слуховых образов этих разных объектов превращается для всех людей, владеющих его значением, в одно-единственное понятие — ваше имя.

Ф. де Соссюр (2006) замечает:

> Когда мы слышим на публичном докладе постоянно повторяемое слово «господа!», то мы ощущаем, что каждый раз это то же самое выражение; а между тем вариации в произнесении и интонации его в разных оборотах речи представляют весьма существенные звуковые различия, столь же существенные, как и те, которые в других случаях служат для различения отдельных слов (ср. pomme «яблоко» и paume «ладонь», goutte «капля» и je goûte «пробую», fuir «убежать» и fouir «рыть», русские примеры: угол и уголь, копать и купать, страна и странно и т. д.). ...Сознание тождества сохраняется, несмотря на то что и с семантической точки зрения нет полного тождества между одним употреблением слова «господа!» и другим... (ср. «принимать гостя» и «принимать участие», «цвет яблони» и «цвет аристократии» и т. д.) [с. 108–109].

Отмеченный Ф. де Соссюром факт объясняется тем, что всякий раз в чем-то отличающийся сенсорно слуховой или визуальный образ восприятия определенного слова всегда актуализирует в нашем сознании модель-репрезентацию обозначаемого этим словом объекта или же вербальную конструкцию, репрезентирующую обозначаемый словом объект, которые, собственно, и ответственны за субъективную тождественность для нас всякий раз разного образа данного слова.

Ф. де Соссюр (2006) продолжает:

> Каждый раз, употребляя слово «господа!», я возобновляю его материю; это новый звуковой акт и новый акт психологический. Связь между двумя употреблениями одного и того же слова основана не на точном подобии смыслов, не на материальном тождестве, но на каких-то иных элементах, которые надо найти... [с. 110].

Этими «иными элементами» являются модель-репрезентация либо вербальная конструкция или даже смешанная психическая конструкция, выступающие в качестве значения данного слова. Звучащее слово — это, по сути дела, такой же материальный объект, как и стул, например, или раскат грома. Следовательно, в вашем сознании при повторном восприятии слова, например вашего имени, актуализируется его модель-репрезентация, как и при повторном восприятии любого другого объекта. Тогда правильнее будет сказать, что каждое понятие — это даже не единичный образ определенного слова, а модель-репрезентация соответствующего слова, ассоциированная с моделью-репрезентацией обозначаемого данным словом объекта. *Что такое модель-репрезентация слова?*

Модель-репрезентация слова, как и модель-репрезентация любого другого объекта, представляет собой множество образов воспоминания и представления этого объекта, а в данном случае еще и множество воспоминаний интероцептивных ощущений, связанных с созданием этого объекта, поступавших от структур, ответственных за вокализацию соответствующего слова.

Модель-репрезентация слова является «прямым» значением любого (слухового, зрительного, тактильного) образа данного слова. Однако слово — это не простой объект. Это объект-символ, обозначающий другой объект или иную сущность. И поэтому образ восприятия слова всякий раз актуализирует в сознании не столько даже модель-репрезентацию самого слова (его «прямое» значение), сколько модель-репрезентацию означаемого им основного объекта («дополнительное», но при этом «основное» значение слова).

Модель-репрезентация основного объекта выступает как символическое и более важное значение образа слова, поэтому понятие образуется только тогда, когда модель-репрезентация слова, обозначающего некую сущность, ассоциируется (включается) в модель-репрезентацию этой сущности (объекта, явления, свойства и т. д.). Понятие, следовательно, можно рассматривать как единую психическую конструкцию, состоящую из модели-репрезентации обозначаемой сущности и модели-репрезентации обозначающего ее слова. Эта психическая конструкция является также значением любого по модальности образа соответствующего слова.

Итак, слово, как и всякий другой объект, представлено в сознании собственной сенсорной моделью-репрезентацией, которая обеспечивает понимание человеком факта наличия и восприятия им слова как существующего вовне объекта, даже если слово не несет для человека никакого символического значения. Мы можем, например, видеть написанное слово чужого языка, слышать его, произносить и даже запомнить, а потом узнавать, не понимая его значения. По сути дела, такой объект и не является для нас тем, что мы привыкли считать словом, так как не имеет для нас символического значения. Мы просто знаем, что это слово для других людей, а потому и называем его так.

То обстоятельство, что модель-репрезентация слова — не фантазия, иллюстрирует следующее сообщение Б. М. Величковского (2006):

> Браун и Макнилл давали испытуемым словарные определения редких слов. В тех случаях, когда испытуемые не могли назвать слово, но утверждали, что знают его и вот-вот вспомнят, их просили угадать число слогов, примерное звучание, положение ударения, отдельные буквы и т. д. Оказалось, что часто они оказывались в со-

стоянии воспроизвести эту фрагментарную информацию об отдельных признаках слова [с. 113–114].

Данные эксперименты лишний раз подтверждают, что само слово даже без присущего ему символического значения представлено в сознании в форме особой модели-репрезентации данного физического объекта, включающей в себя в том числе визуальные образы его частей. При этом какие-то из них могут стираться из памяти, тогда как другие человек в состоянии вспомнить.

Образ слова, или вербальный образ, Большой толковый психологический словарь (2001) определяет так:

1. Перекодирование зрительного образа в вербальную форму. 2. Эхоическая память... [с. 123].

Вряд ли данное определение может нас устроить, поэтому я, за неимением лучшего, определил бы понятие *вербальный образ* как образ слова, представленный в сознании в разных модальностях: слуховой, зрительной, тактильной (у слепых) и даже кинестетической. Причем образ, понимаемый переживающим его человеком именно в качестве слова.

Р. Л. Солсо [1996, с. 326] пишет, что в основу модели опознания слов Мортон заложил логоген — гипотетическую конструкцию, суммирующую сенсорную информацию о воспринимаемом слове до тех пор, пока не будет достигнут некий критический порог, вызывающий ответ, соответствующий определенному классу стимулов. Логоген, по мнению автора, формируется из сенсорной информации разного вида: слуховой, зрительной или контекстуальной. Используется, например, опыт восприятий объектов, связанных со словом «стол»: чтения слова «стол», прослушивания звучания слова «стол» или появления слова «стол» в виде ассоциаций к слову «стул». Все эти образы будут суммироваться в логогене, относящемся к слову «стол». Мортоновский логоген очень напоминает то, что я называю моделью-репрезентацией слова.

2.1.6. Предпонятие и модель-репрезентация

В. фон Гумбольдт (2001) пишет:

...соединение звука со своим значением в языке так же непостижимо, как связь тела с духом. ...Можно сколь угодно дробить понятия, расчленять слова, но мы от этого еще ни на шаг не приблизимся к разгадке таинственного соединения мысли со словом [с. 166].

Так ли это? Давайте все же попытаемся обнаружить связь мысли со словом. У. Джеймс (2000) указывает на естественную связь перцептов (ощущений и образов) и концептов (понятий):

...нужно признать, что концепты выделяются постепенно из перцептов и снова растворяются в них. Они так тесно взаимно переплетены и мы в жизни до того безраздельно и вперемежку ими пользуемся, что нередко трудно бывает сообщить начинающему изучать философию ясное понятие о различии, существующем между ними [с. 34].

> Существенная разница между перцептами и концептами состоит в том, что перцепты непрерывны, а концепты прерывны. ...Концепты дискретны, прерывны в том смысле, что каждый имеет свое особое значение. ...Наоборот, поток чувственных переживаний как таковой не означает ровно ничего и есть просто непосредственное переживание [с. 35].

У. Джеймс (2000) подчеркивает, что понятия возникают на основе чувственных репрезентаций и немыслимы без них:

> Все содержащееся в интеллектуальном познании при помощи концептов заимствовано; чтобы понять, что значит концепт «цвет», вам надо сначала увидеть красное, голубое или зеленое; вы должны испытать чувство усилия, чтобы понять, что значит «сопротивление»; прежде чем понять, что значит «движение», вам надо в опыте пережить ощущение движения, активное или пассивное. ...Можно создавать новые концепты из прежних элементов, но лишь при условии, что эти элементы были ранее почерпнуты из чувственного опыта, и пресловутый мир универсалий лопнул бы, как мыльный пузырь, если бы он был внезапно совершенно отделен от определенных чувственных содержаний, от «этих» и «тех», которые разнообразно отображены в его терминах. Поддерживают ли свою жизнь концепты постоянным возвращением к миру чувственных перцептов или нет, во всяком случае они обязаны своей жизнью своему чувственному происхождению. Мир перцептов – это та питающая почва, из которой они извлекли свои жизненные соки [с. 55].

Э. Кассирер (2006) цитирует Г. Гельмгольца:

> Посредством опыта мы, очевидно, можем знать, какие другие зрительные, осязательные и т. д. ощущения вызывает в нас предмет, который мы видим, если будем передвигать свои глаза и свое тело и будем рассматривать, ощупывать и т. д. этот объект с различных сторон. Совокупность всех этих возможных ощущений, объединенная в одно общее представление, есть наше представление о теле, которое мы называем восприятием, пока оно опирается на наличные ощущения, и – образом воспоминания, когда оно не опирается на них. В известном смысле, следовательно, – хотя это и противоречит обычному словоупотреблению – и *такое представление индивидуального объекта также уже является понятием* (курсив мой. – *Авт.*), потому что оно охватывает все те возможные отдельные агрегаты ощущения, которые может в нас вызвать этот объект, если будем его со всех сторон рассматривать, касаться или как-нибудь иначе исследовать [с. 335].

Э. Кассирер продолжает:

> Как мы видим, Гельмгольца его размышления приводят здесь к взгляду на понятие, который чужд традиционной логике и который поэтому ему самому кажется сначала парадоксальным. Но в действительности как раз здесь понятие появляется отнюдь не в переносном и производном, а в своем подлинном и первоначальном значении [с. 335].

Как нетрудно понять из этой цитаты, Г. Гельмгольц подошел к идее особой сенсорной модели объекта, которую, как он полагает, следует уже считать понятием. То, что Г. Гельмгольц называет «образом воспоминания», уже, конечно, не образ, а нечто большее. Это уже сенсорная конструкция, или, как пишет Г. Гельмгольц, «совокупность всех возможных ощущений, объединенная в одно общее представление». Я лично называю ее моделью-репрезентацией объекта. Она уже способна

заменить собой объект в сознании, но еще не ассоциировалась с образами соответствующего слова, а потому не превратилась еще в полноценное понятие. Тем не менее Г. Гельмгольц называет ее понятием. И он в определенном смысле прав, потому что модель-репрезентация объекта — уже предпонятие, или сенсорное значение соответствующего понятия.

В моем представлении предпонятие — это модель-репрезентация определенного объекта окружающего ребенка мира, еще не ассоциированная с моделью-репрезентацией соответствующего слова, но уже способная выступить в качестве сенсорного значения последнего. Связываясь с образами[1] данного слова, обозначающего предмет, предпонятие (модель-репрезентация обозначаемого словом предмета) становится значением соответствующего понятия. Понятие, таким образом, есть лишь тот вербальный образ[2], который имеет определенное символическое значение, а не всякий образ слова. Образ слова неизвестного мне языка не является для меня понятием, так как не наполнен специфическим смыслом. Д. Беркли (2000) пишет:

> Лишь только мы услышали слова привычного нам языка... как уже идеи, соответствующие им, сами появляются в наших душах: в один и тот же момент в разум входят звук и значение; так тесно они связаны, что не в нашей власти устранить одно, допуская другое: мы можем удалить их только вместе. Мы даже поступаем во всех отношениях так, как если бы слышали те же самые мысли непосредственно [94, с. 40–41].

И полимодальные, и даже мономодальные модели-репрезентации предметов представляют собой сенсорные предпонятия. Б. М. Величковский (2006а) обсуждает сходный термин с близким значением — протопонятие:

> Формирующиеся в результате адаптации движений к свойствам объектов устойчивые схемы сенсомоторной активности постепенно закладывают основу для протопонятий, например для представления о постоянстве существования предмета, после чего (в возрасте 6–7 месяцев) младенец впервые начинает искать объект, исчезнувший из его поля зрения [с. 185].

Впрочем, для того, чтобы «младенец начал искать исчезнувший объект», недостаточно «представления о постоянстве существования предмета». Необходима модель-репрезентация предмета, которая остается в сознании младенца даже после исчезновения объекта из его поля зрения и репрезентирует факт наличия данного объекта вообще и среди окружающих ребенка сейчас объектов в частности. Эта репрезентация ни в коем случае не является просто «устойчивой схемой сенсомоторной активности», даже если данная активность направлена на взаимодействие с объектом. Безусловно, двигательные результаты взаимодействия младенца с объектом включены в модель-репрезентацию объекта, но она далеко не исчерпывается ими.

Итак, оформившаяся у ребенка модель-репрезентация предмета, несущая в себе значение будущего соответствующего понятия, — это и есть предпонятие. Вопрос о существовании сенсорных предпонятий давно обсуждается в литературе и решен

---

[1] Точнее, с моделью-репрезентацией данного слова.

[2] Опять-таки правильнее было бы сказать «модель-репрезентация слова».

в основном положительно. И онто-, и филогенетически сенсорные модели предшествуют вербальным. Г. Эббингауз (1998), например, пишет:

> У высших животных, несомненно, имеются общие представления, так как они, во всяком случае, не лишены субъективных основ последних — памяти и внимания. Комнатная собака, очевидно, имеет представление о «комнате» вообще, равно как и представление «на двор» вообще [с. 122].

По поводу наличия у собак абстрактных предпонятий можно дискутировать, но сенсорные предпонятия у них, безусловно, есть.

Точку зрения современной зоопсихологии о возможности наличия предпонятий у животных З. А. Зорина и И. И. Полетаева (2001) формулируют так:

> Способность животных к обобщению и абстрагированию, которая у наиболее высокоорганизованных млекопитающих и птиц достигает уровня формирования довербального понятия, позволяет овладевать символами и оперировать ими вместо обозначаемых реальных предметов и понятий. ...Открытие этого уровня когнитивных способностей животных подтверждает гипотезу о наличии переходного этапа между первой и второй сигнальными системами и позволяет уточнить грань между психикой человека и животных. Оно свидетельствует, что и эта высшая когнитивная функция человека имеет биологические предпосылки [с. 222].

2.1.7. Определение понятий

В отношении определения сущности понятия в психологии еще меньше ясности, чем в определении психического образа. Дж. Р. Андерсон и Г. Х. Бауэр (J. R. Anderson & G. H. Bower, 1973) замечают:

> Самая фундаментальная проблема из тех, с которыми сегодня встречается когнитивная психология, — это как теоретически представить знания, имеющиеся у человека: что представляют собой элементарные символы или понятия и как они связаны, состыкованы между собой, как из них строятся более крупные структуры знаний и как осуществляется доступ к столь обширной «картотеке»... [с. 151].

В психологической литературе широко распространены, например, такие определения:

> Понятия могут быть определены как ассоциация слов с рядом сходных между собой представлений... [Н. Н. Ланге, 2005, с. 167].

> Представление является образом, возникающим в индивидуальном сознании, понятие же — опосредованное словом образование, продукт исторического развития [С. Л. Рубинштейн, 1999, с. 330].

Неясно, что это за «образование» или как материальные объекты — слова могут ассоциироваться с психическими представлениями.

Большая психологическая энциклопедия (2007) определяет *понятие* как:

> ...форму логического мышления [с. 342],

а Большой психологический словарь (2004) — как:

> ...форму знания, которая отображает единичное и особенное, являющееся одновременно и всеобщим... [с. 397].

Б. Г. Мещеряков (2007) считает, что:

> ...понятие – форма мышления и знания, отражающая предметы в их существенных признаках; базисная единица социально культивируемой системы человеческого знания. За каждым понятием скрыто особое мыслительное действие (или их система), воспроизводящее предмет познания [с. 226].

Непонятно, что «форма мышления» или «форма знания» представляют собой феноменологически и как они представлены в нашем сознании.

Лингвистический энциклопедический словарь (1990) предлагает такое определение:

> Понятие — 1) мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесенные с классами предметов и явлений; 2) то же, что грамматическая или семантическая категория... обычно не высшего уровня обобщения, например понятие двойственного числа, понятие события, понятие неактуального настоящего времени и т. п.; в этом значении стал часто употребляться термин «концепт». Понятие «концепт» — явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике [с. 383–384].

Неясно, что такое «мысль, отражающая в обобщенной форме» и «семантическая категория».

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) обобщают широко распространенную в современной психологии точку зрения, в соответствии с которой:

> ...понятие — класс или категория, объединяющие ряд частных примеров. Одним из основных способов соотнесения понятий является предложение, связывающее субъект (например, курицы) и предикат (например, кудахчут) [с. 1094].

> Термин «понятие» определяет класс или категорию, в которые входит некоторое количество индивидов или субтипов. Например, такое понятие, как собака, включает в себя пуделя, гончую, таксу, овчарку и т. д. Другие понятия обозначают качество и измерения. Примером таких понятий может служить возраст и длина [с. 357].

Что есть «класс» и «категория» феноменологически, то есть в каком виде они существуют в нашем сознании?

В Большом толковом психологическом словаре (2001а) понятие тоже рассматривается в характерной для современной психологии лингвистической плоскости:

> 1. Комплекс объектов, имеющих некоторые общие свойства или характеристики.
> 2. Внутреннее психологическое представление общих свойств...

Там же уточняется:

> Строго говоря, термин должен употребляться только в последнем значении, так как именно мысленное представление является понятием... Однако можно сказать

о первом значении, что для того, чтобы понятие «оказалось в голове», должен иметься комплекс объектов, наделенных свойствами, которые в конечном счете представлены когнитивно [с. 81].

Последнее определение очень хорошо отражает существующие в психологии и смежных науках противоречия в понимании понятия. С одной стороны, это психическое явление, с другой — совокупность объектов, свойств или чего-то еще, которые поэтому никак не могут «оказаться в голове».

Одни исследователи отождествляют понятия и концепты:

...концепты (понятия) — группы подобных объектов, событий и людей. Понятие «стул» обобщает собой множество конкретных предметов — высокий стул для ребенка, стул с подлокотниками, стулья вокруг обеденного стола, зубоврачебное кресло [Д. Майерс, 2001а, с. 414].

Другие авторы определяют концепт как «...содержание некоего понятия» [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 189].

Гораздо более психологическое и ясное определение понятия дает Хелен Гейвин (2003):

Понятия — это репрезентации, включающие важные свойства класса объектов или идей (экземпляров)... Искусственные понятия могут быть четко определены. Примером такого понятия является «квадрат», определяемый как фигура с четырьмя равными сторонами и четырьмя прямыми углами... Естественные понятия известны как «неясные» понятия в том смысле, что их границы подвижны [с. 136–137].

Следовательно, понятие — это психическая репрезентация. Однако и данное определение иллюстрирует когнитивистский подход к понятию. В когнитивизме понятие рассматривается именно как набор основных атрибутов (признаков и свойств) объекта или группы объектов. И определение Хелен Гейвин не проясняет, что же собой представляет репрезентация, называемая *понятием*.

И. М. Кондаков (2007) пишет:

В некоторых школах когнитивной психологии произошел отказ от трактовки понятия как мысленного образа или идеи, вместо этого оно операционализируется как совокупность определенных существенных признаков, на которые ориентируется индивид, и правил, которые связывают эти признаки и которыми индивид пользуется для достижения тех или иных целей. Постулируется, что при обработке информации происходит сортировка признаков объектов или событий по определенным классам на основе применения того или иного «концептуального» правила... [с. 435].

Иными словами, *понятие* объясняется в когнитивизме как операции, правила, совокупности признаков, схемы и т. д. Например, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) полагают, что:

...понятие является представителем некоторого класса — это определенная совокупность признаков, которые мы ассоциируем с этим классом [с. 374].

О том же пишет Р. Л. Солсо (1996):

Для наших целей его (понятие. — *Авт.*) можно определить как совокупность определенных существенных признаков и правил, связывающих эти признаки». ...«“Пра-

> вило"», связывающее признаки понятия, звучит так: понятие определяется всеми признаками, которые ассоциируются с ним [с. 424].
>
> Принятое нами здесь определение понятия предполагает, что при обработке информации человеком происходит сортировка признаков объектов или событий на связуемые группы [с. 425].

У. Найссер (1981) рассматривает понятия как некие схемы, относящиеся к речи:

> Мысленные образы суть перцептивные предвосхищения, то есть схемы, активность которых не зависит от перцептивного цикла, к которому они обычно относились бы. Если подобные схемы включают в себя как планы, относящиеся к речи, так и планы, относящиеся к зрению, то образ может сопровождаться словом. Так, вполне вероятно, что малыш, у которого формируется образ собаки (например, вследствие того, что он услышал ее лай), произнесет одновременно слово «собака» [с. 183].

М. А. Холодная (2002) пишет:

> О. Харви, Д. Хант и Г. Шродер считали, что в качестве основного посредника между ситуационными воздействиями и личностными чертами выступает «концепт» (понятие)... В операционном плане понятие рассматривается как категориальная схема, посредством которой любое поступающее впечатление кодируется, преобразуется или оценивается. Понятие, таким образом, — это некоторый субъективный эталон, который предопределяет характер познавательного отношения личности к происходящему. Иными словами, это устройство, фильтрующее опыт, благодаря чему представления об окружающем дифференцируются и интегрируются... [с. 28].

Все перечисленные авторы очерчивают с разных сторон тот круг функций, который выполняет понятие, но не готовы определить его феноменологически в силу собственных когнитивистских установок. Сама же М. А. Холодная (2002а) определяет понятие как:

> ...форму мышления, отражающую природу определенного круга объектов, единицу знания о наиболее общих, существенных и закономерных признаках явлений действительности... [с. 247].

Но что представляет собой эта «форма мышления» или «единица знания», опять неясно. Е. Е. Соколова (2005), например, пишет:

> Обычно единицей мышления называется понятие, однако понятие — лишь одна из возможных единиц данного процесса, поскольку существует также допонятийное мышление [с. 269–270].

«Единица знания» — «единица мышления», круг замкнулся, а все вопросы остались.

Итак, одни исследователи отождествляют понятие с концептом, другие — с формой мышления или знания, третьи — с психической репрезентацией, четвертые — с совокупностью признаков, пятые — со схемой. Одни исследователи склонны рассматривать понятие как особое психическое явление, играющее важнейшую

роль в мышлении, другие[1] предпочитают вообще не использовать его, заменяя иными терминами.

Одни авторы связывают понятие со сложным психическим содержанием, тогда как другие связывают это содержание со значением понятия, отождествляемого ими, скорее, со словом.

В Философском энциклопедическом словаре (1998) читаем:

> По Зигварту, понятие есть «представление, содержащее в себе требование постоянности, совершенной определенности, всеобщего признания, однозначного языкового выражения»... [с. 354].

Не вызывает сомнения лишь то, что понятие — такая же субъективная психическая реальность, как и образ. Следовательно, его можно обнаружить в процессе интроспекции. *Что же оно собой представляет?*

Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к классикам. Анализ многообразных мнений, представленных в психологической литературе, приводит к выводу о том, что, с одной стороны, термин *понятие* неразрывно связан с психической репрезентацией самого слова — образом (точнее, с моделью-репрезентацией) этого искусственного объекта. Ф. де Соссюр (2006), например, говорит, что «языковая единица» или звучащее слово — это:

> ...отрезок звучания, являющийся с исключением того, что ему предшествует, и того, что за ним следует в речевой цепи, «означающим» некоего понятия [с. 106].

Иными словами, звуковой образ слова — это «означающее некоего понятия».

С другой стороны, понятие — это значение конкретного слова, то есть определенное психическое содержание, которое как бы передается с помощью слова от одного человека другому. Таким образом, понятие — это любой по модальности определенный вербальный образ (точнее, модель-репрезентация конкретного слова) и жестко связанная с ней иная психическая конструкция, репрезентирующая некую сущность, обозначаемую данным словом. Следовательно, понятие — это и определенный вербальный образ, и его значение.

Можно долго дискутировать по поводу того, что же все-таки следует называть *понятием:* вербальный образ, значением которого является особая психическая конструкция, или психическую конструкцию, обозначаемую образом соответствующего слова — своего рода вербальным «ярлычком». И то и другое правильно. Мне представляется все же, что называть *понятием* следует сам вербальный образ, но лишь тот, который имеет вполне конкретное и понятное для человека значение. Образ слова, например иностранного, не имеющий понятного данному человеку значения, не является поэтому для него понятием.

Итак, называться *понятием* имеет право вербальный образ (правильнее сказать, множество образов определенного слова), имеющий ясное субъекту значение в форме замещаемой им в сознании специальной психической конструкции.

---

[1] Выдающийся отечественный психолог А. Р. Лурия предпочитал пользоваться термином «слово» вместо термина «понятие» (см., например: А. Р. Лурия, 1998).

2.1.8. Формирование понятий на основе моделей-репрезентаций

Э. Кассирер (2006) пишет:

> В проблеме *понятия* противостояли друг другу... два различных основных воззрения. Одно, господствующее среди традиционной логики, видит корень понятия в абстракции, то есть в выделении тождественной или сходной составной части из множества однородных восприятий. Полученное таким образом содержание имеет, строго говоря, ту же природу и свойства, что и сами предметы, из которых оно выделено; оно означает свойство, которое, правда, вообще не существует изолированно, но которое всегда можно обнаружить в этих предметах как их частный момент и которое, таким образом, обладает конкретным существованием. Согласно этой теории, понятие есть «представление об общем»: оно есть соединение тех отдельных черт, которые равномерно присущи определенным *классам* объектов. Этой концепции противостоит другая, опирающаяся прежде всего на анализ математических понятий. ...Здесь не выделяются и обособляются отдельные *части* данного, но, наоборот, исследуются в своей своеобразной структуре сцепления и отношения, на которые опирается его систематическая *связь* [с. 223–224].

Из сказанного Э. Кассирером следует, что могут существовать разные по механизмам формирования варианты понятий: понятия как результат абстрагирования от чего-то чувственно воспринимаемого и понятия как результат иных интеллектуальных построений. Действительно, абстрактные понятия, например, формируются не так, как конкретные. В качестве значений конкретных понятий явно выступают сенсорные модели-репрезентации, а в качестве значений абстрактных понятий — и сенсорные модели-репрезентации, и вербальные конструкции. По-видимому, существуют два основных варианта образования понятий: на базе сенсорных моделей-репрезентаций и на основе описывающих и объясняющих что-либо вербальных конструкций. Вопрос образования понятий, обозначающих реальные физические объекты, представляется относительно более простым, чем образование понятий на базе вербальных конструкций.

Для выдающихся мыслителей прошлого было очевидно, что многие понятия формируются на базе сенсорных моделей окружающего мира. И. Кант (1994) вообще говорит:

> ...предмет понятия, которому не соответствует никакое созерцание, которое можно было бы указать, есть ничто... [с. 213].

В. Виндельбанд (2007а) поясняет:

> ...как дедукция, так и учение (Канта. — *Авт.*) о схематизме чистых рассудочных понятий показали, что производимое понятиями объединение материала представлений может происходить лишь при посредстве чувственного синтеза. Таким образом, доказано, что категории функционируют лишь как формы связи мира, которые образовываются в виде чувственных представлений. Без интуиции[1] (ссылка моя. — *Авт.*) эти понятия

[1] В. Виндельбанд (2007а): «...интуиция... у человека имеет всегда лишь характер чувственного восприятия. Мы сами творим одни лишь явления и поэтому можем познавать исключительно явления» [с. 102].

> не имеют содержания. С другой стороны, интуиции сами по себе без связи, устанавливаемой понятиями, «слепы», то есть не имеют значения для познания [с. 98].

Э. Кассирер (2002) цитирует Дж. Локка:

> Мы приблизимся немного к источнику всех наших понятий и всего нашего познания, если заметим, как велика зависимость наших слов от обыкновенных чувственных идей и как слова, которыми пользуются для обозначения действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника и от идей, явно чувственных, переносятся на более неясные значения, обозначая идеи, не относящиеся к области наших чувств [с. 65], —

и продолжает:

> Локк полагал, что... в рассудке нет ничего, что бы прежде того не прошло через чувства [с. 68].

> Даже самые абстрактные структуры языка обнаруживают ясную связь с первичной основой созерцания, в которой они изначально коренятся. И здесь сфера «смысла» не может быть просто отделена от «чувственности», обе сферы остаются самым тесным образом сплетены в неразрывное единство [с. 133].

Х. Гадамер (2006) тоже считает, что:

> ...понятия не являются произвольными орудиями нашего интеллекта, с помощью которых человек упорядочивает опыт и господствует над ним. Понятия выросли из опыта, являются артикуляцией нашего понимания мира и тем самым обозначают развитие опыта [с. 516].

Таким образом, человеческие понятия, с одной стороны, так далеко удаляются от чувственных репрезентаций, на основе которых они изначально возникли, что часто трудно обнаружить их связь с сенсорными моделями-репрезентациями. С другой стороны, корни их, несомненно, растут из чувственных репрезентаций. Так, сначала возникают сенсорные модели яблока и его красного цвета, а потом соответствующие понятия *яблоко* и *красный*. Б. Рассел (2007) пишет:

> Вы не сможете понять значение слова «красный», кроме как через наблюдение за красными предметами. Нет иного способа, которым это можно было бы сделать. В этом не поможет изучение языка или просмотр словарей. Ничто такое не поможет вам понять значение слова «красный» [с. 136].

И это принципиально верно. Значением первых понятий являются сенсорные модели реальности, и только через последние их можно понять. Позже появляются абстрактные понятия, например *фрукт* и *цвет*, но и в их основе все еще лежат собирательные сенсорные модели множеств окружающих человека сходных объектов реальности. Конкретные и все более и более абстрактные понятия можно метафорически сравнить с пирамидой, в основании которой лежат чувственные модели. И только далеко вверху располагаются так называемые «чистые понятия» — абстракции, возникшие на основе предшествующих абстракций и как бы отрывающиеся от этой чувственной основы, которую тем не менее при желании можно обнаружить.

Процесс формирования конкретного понятия, моделирующего важный для ребенка объект «А» (маму, кота Ваську, куклу Машу и т. п.), схематично выгля-

дит примерно так: сенсорная модель-репрезентация объекта «А» ассоциируется в сознании ребенка с моделью-репрезентацией объекта «В» — соответствующего слова, благодаря применению последнего в связке с объектом «А» окружающими ребенка людьми. В результате образ восприятия объекта «В» (слова) начинает всякий раз актуализировать в сознании ребенка субъективно более важную для него модель-репрезентацию объекта «А». Возникает соответствующее понятие: *мама, Васька, Маша* и т. д., представляющее собой модель-репрезентацию основного объекта «А», включающую в себя модель-репрезентацию соответствующего объекта-знака «В».

После этого всякий раз не только при восприятии объекта «А» или воспоминании любого элемента (ощущения или образа), входящего в модель-репрезентацию объекта «А», но также и при восприятии объекта «В» в сознании ребенка актуализируется модель-репрезентация основного объекта «А». В последующем сформировавшееся понятие претерпевает типичные изменения. С одной стороны, его значение усложняется, дифференцируется, включает в себя все больше новых чувственных образов воспоминания и представления основного и сходных с ним объектов. С другой стороны, в сознании ребенка «прямая» модель-репрезентация слова все чаще заменяет усложнившуюся и ставшую громоздкой модель-репрезентацию обозначаемого объекта. Это происходит не столько даже вследствие удобства использования именно вербальных — сравнительно простых и компактных образов, сколько вследствие необходимости коммуникации ребенка с окружающими и развития у него речи.

При усвоении письменной речи зрительные образы изображенного (письменного) слова включаются в имеющуюся модель-репрезентацию звучащего слова, уже ассоциированную с моделью-репрезентацией основного объекта, и тоже начинают актуализировать последнюю в сознании ребенка. Если ребенок изучает иностранные языки, в модель-репрезентацию слова включаются и образы аналогичного иностранного слова. Формирование понятия на основе модели-репрезентации основного объекта на этом не завершается, так как на очередном этапе развития ребенка оно приобретает свое вербальное значение. Л. С. Выготский (2005в) пишет:

> ...оперируя спонтанными понятиями, ребенок относительно поздно приходит к их осознанию, к словесному определению понятия (к вербальному значению понятия. — *Авт.*), к возможности дать его словесную формулировку, к произвольному употреблению этого понятия при установлении сложных логических отношений между понятиями. Ребенок уже знает данные вещи, он имеет понятие предмета. Но что представляет собой само это понятие (как его выразить другими словами. — *Авт.*), еще остается смутным для ребенка [с. 417].

Не только конкретные, но и общие абстракные понятия тоже могут образовываться непосредственно на основе собирательных сенсорных моделей множества объектов. Например, ребенок, рассматривающий красную, желтую, зеленую и другие баночки с красками, слышит слово «краски», и соответствующее понятие ассоциируется у него в сознании с сенсорной моделью данного множества. Образы елки, березы, сосны и рябины ассоциируются между собой и с образом слова «дерево» часто еще до того, как ребенок начинает различать конкретные деревья и усваивает соответствующие им понятия.

Модель-репрезентация объекта, как я уже говорил, — это не просто совокупность его образов. Это нечто большее — новый самостоятельный сенсорный психический феномен. Новое, необычайно сложное по своей структуре психическое явление, которое может тем не менее проявиться в сознании лишь одним образом представления. Например, визуальным образом представления куба с прозрачными для сознания передними гранями. Впрочем, модель-репрезентация объекта может проявиться в сознании и любым другим составляющим ее элементом, который при этом способен эффективно представлять ее всю, в целом. Ж.-П. Сартр (2002) пишет:

> Я могу мыслить конкретные сущности в одном-единственном — акте сознания... Это само себя сознающее знание [с. 59–60].

Модель-репрезентация объекта включает в себя бесчисленное множество чувственных «проекций» объекта (в форме конкретных образов воспоминания — представления) всех вариаций репрезентируемого объекта, с которыми человек сталкивался в течение жизни. И любая из них способна заменить ее собой в сознании. Модель-репрезентация является, с одной стороны, сенсорным феноменом психики, с другой — еще и предпонятием, легко превращающимся в понятие путем ассоциирования (включения в себя) модели-репрезентации соответствующего слова. В данном случае, например, слова «куб». В результате образы слова «куб» сами начинают эффективно замещать собой сенсорную модель-репрезентацию куба, которая превращается в значение понятия «куб».

После возникновения в сознании данного понятия нам для понимания вновь воспринятого вербального образа (образа слова «куб») не требуется уже дополнительной актуализации в сознании модели-репрезентации куба. Мы понимаем известный нам образ слова сразу и непосредственно при появлении его в сознании без развертывания конструкции, являющейся его значением. Как и почему это происходит, объяснить так же трудно, как объяснить понимание человеком возникшего в его сознании чувственного образа известного ему объекта — стула, например, или чашки. Можно лишь констатировать, что знакомый вербальный образ (понятие) столь же понятен нам, как и любой знакомый невербальный образ, и, видимо, потому, что тоже входит в модель-реперезентацию определенного объекта.

А. Райнах (2006а) так пишет об этом:

> ...тот, кто произносит слова с пониманием, нацеливается с их помощью или сквозь них на нечто иное... Для любого непредвзятого наблюдателя нетрудно усмотреть, что ни о каком присутствии этих предметов, ни о каком «представлении» их в указанном выше смысле не может быть речи. Конечно, эти предметы могут *присутствовать*, я могу называть горы и одновременно живо представлять их в восприятии или в воспоминании. В таком случае они, конечно, представлены, но можно тотчас заметить, что это сопутствующее представление обычно не имеет места или, по крайней мере, не должно иметь места с необходимостью. Но и в тех случаях, когда предмет, обозначенный именем, представлен, мы всегда должны отличать от этого представления еще и акт подразумевания, который связан с произнесением имени [с. 490–491].

Рассматривая феноменологию вербального мышления, А. Райнах подчеркивает, что мы способны непосредственно понимать образы слов, которые для этого не должны сопровождаться актуализацией своего символического значения в форме

образов объектов, обозначаемых словами. Слово «понятия» он заменяет «актами подразумевания», а «образы представления» — «наглядными образами»:

> Акт подразумевания следует за актом подразумевания, быстро сменяя друг друга; мы нацеливаемся на всю ту предметность, что обозначается словами: однако... в большинстве случаев нельзя заметить ни малейшего следа какой-либо наглядности, сопровождающей это нацеливание или подразумевание. Конечно, время от времени здесь всплывают разного рода наглядные «образы», смутные, неопределенные контуры предметов, о которых здесь идет речь, или же «образы» других, более или менее родственных им предметов, которые иногда замечаются, но по большей части остаются незамеченными. Они всплывают, иногда длятся дольше, чем тот акт подразумевания, к которому они относятся, и вновь исчезают. На очевидную последовательность подразумевающих актов (понятий. — *Авт.*) они, по-видимому, оказывают лишь незначительное влияние: они подобны случайной ряби на поверхности струящегося потока воды. ...В том, что наглядно дано мне в случае чувственного восприятия, передо мной предстает весь предмет в целом, и точно таким же образом припоминаемый или воображаемый предмет заключен в соответствующем наличном наглядном содержании. ...В случае подразумевающих актов все обстоит совершенно иначе. Даже если наглядные схемы здесь также всплывают и вновь исчезают, то они лишены какой бы то ни было репрезентирующей функции. Они ничего не «представляют» и не «воплощают» — в случае подразумевания нет вообще ничего, что было бы представлено, — они ведут существование, совершенно свободное от подразумеваемого предмета [с. 495].

Автор, безусловно, прав в отношении нашей способности непосредственного понимания нами образов слов. Однако та последовательность «актов подразумевания», которая, по его мнению, не имеет «ни малейшего следа наглядности», сама есть не что иное, как последовательность вербальных образов. Читая сейчас этот текст, вы тоже, скорее всего, субъективно не переживаете иллюстрирующие или поясняющие его наглядные образы и понимаете текст непосредственно. Но вряд ли вы будете отрицать, что воспринимаете текст, а следовательно, имеете в своем сознании зрительные образы восприятия слов, то есть вербальные образы, которые и переживаются вами как непосредственно понятные.

Картина нашей психической жизни, однако, еще более трудна для понимания, так как очень часто ассоциативный ряд нашего мышления строится даже не из понятий (в смысле не из вербальных образов), а из элементов, входящих в их значение, из фрагментов моделей-репрезентаций обозначаемых понятиями сущностей. Например, из очень кратковременно существующих невербальных образов, входящих в структуру определенных моделей-репрезентаций. Причем даже эти отдельные невербальные образы, будучи рудиментарными, неясными, а главное, мимолетными, способны эффективно замещать собой эти модели-репрезентации, то есть соответствующие понятия. Именно эти «короткоживущие» образы давали и дают основание исследователям говорить о существовании безо́бразного мышления.

Соответственно, наши мысли представляют собой не некие последовательности продолжительных визуальных или слуховых образов, нечто вроде разворачивающихся «сцен» или действий и не «цепочки» вербальных образов восприятия последовательностей слов телетайпа или текста, который вы читаете или читают вам. Они представляют собой обычно непродолжительные (мимолетные), порой не вполне

понятные для нас самих, быстро сменяющие друг друга группы вербальных и невербальных образов и ощущений, сопровождаемых эмоциями и желаниями. И лишь тогда, когда мы стараемся изложить свои мысли на бумаге или собеседнику, мы трансформируем их в более или менее стройные последовательности вербальных образов.

Забегая немного вперед, я коснусь вопроса о значении понятий, который мы будем подробнее рассматривать ниже. У человека, освоившего речь, модели-репрезентации предметов включают в себя часто не только сенсорные модели-репрезентации, но и вербальные конструкции, заключающие в себе знание об этих предметах. Причем многие из этих вербальных конструкций, в свою очередь, иллюстрированы метафорическими сенсорными моделями. Поэтому, когда мы воспринимаем определенный предмет, образ нашего актуального восприятия достраивается элементами психической конструкции, репрезентирующей данный предмет. В процессе восприятия объекта участвуют в том числе вербальное знание о нем и метафорические сенсорные модели, иллюстрирующие это вербальное знание. Благодаря этому, глядя на небольшой предмет, мы, с одной стороны, видим и ощущаем, что он круглый, плоский, гладкий, холодный, твердый, белый и т. д. С другой стороны, понимаем и тоже как бы «видим», что этот кусочек металла представляет собой монету определенного достоинства. Благодаря вербальному знанию, глядя на серебристую точку, оставляющую белый след в небе, мы как бы «видим» в небе самолет.

А. Райнах (2006а) продолжает:

> В то время как [в случае представления] мы можем говорить о наглядности определенного представления, в случае подразумевания вместо наглядности этого подразумевания лучше говорить о наглядных образах, *сопровождающих* его [с. 496].

Действительно, чувственные образы не только могут замещать собой модели-репрезентации, выполняя их функции, но и очень часто лишь иллюстрируют возникающие в сознании понятия и вербальные конструкции.

Хочу еще раз специально подчеркнуть очень важное обстоятельство. В психологии сложилось ошибочное мнение о принципиальных феноменологических различиях понятий и образов, тогда как в действительности и те и другие представляют собой чувственные образы объектов реальности. Только первые представляют собой репрезентации особых искусственных объектов — слов и имеют, кроме «прямого» значения, свойственного любому знакомому нам чувственному образу, еще и символическое значение, позволяющее им репрезентировать дополнительные сущности (обозначаемые соответствующим словом). Тогда как вторые чаще имеют лишь «прямое» значение, присущее чувственным образам.

Таким образом, понятия — это лишь особая разновидность чувственных образов, всегда обладающих двойным значением. Поэтому отпадает необходимость вести речь о неких нередко встречающихся в литературе «мысленных словах», «мысленной речи», «мышлении с помощью слов» и т. п. Мышление и на чувственно-образном, и на понятийном уровне как протекало, так и протекает в виде потока чувственных образов разного вида. Другое дело, что вербальные образы в отличие от прочих теряют при этом свое прямое значение, приобретая второе, конвенциональное, символическое значение, которое становится для них главным. Раз понятия — это лишь особенные сенсорные образы, то на них распространяются все законы, которые действуют для сенсорных образов.

2.1.9. Формирование понятий на базе вербальных конструкций

Л. С. Выготский (2005в) рассматривает и иной механизм формирования понятий:

> Оно (научное понятие. — *Авт.*) начинается обычно с работы над самим понятием как таковым, со словесного определения понятия... [с. 417].

Другими словами, сначала формируется вербальная (и языковая) конструкция, репрезентирующая нечто, которая обозначается специальным словом (в сознании ее создателя — образом этого слова). Интериоризируясь другими людьми (например, ребенком), она превращается в их сознании в вербальную конструкцию, связанную с образом определенного слова. Следовательно, понятие не всегда возникает на основе сенсорной модели-репрезентации обозначаемой им сущности. Часто оно формируется на основе вербальной психической конструкции, моделирующей, например, описательно некую сущность. Например, на вопрос ребенка: «Что такое насекомые?» — мать отвечает: «Это мухи, тараканы, бабочки и гусеницы». Ребенок усваивает эту новую вербальную конструкцию, которая жестко связывается в его сознании с образом слова «насекомые».

После этого слуховой образ данного слова способен эффективно замещать данную вербальную конструкцию, которая превращается в его вербальное значение. Именно и только благодаря тому, что конкретный вербальный образ приобретает для человека определенное вербальное значение, он и превращается в новое понятие. Л. С. Выготский описывает механизм образования научного понятия, но можно говорить об универсальном механизме формирования вербального значения любого, а не только научного понятия. Именно таким образом (в результате словесных пояснений взрослых) ребенок усваивает многие понятия.

Пояснения выступают в виде достаточной для формирования понятия вербальной психической конструкции: *военный — человек в форме и с оружием, врач — человек в белом халате, который лечит болезни, обязанности — дела, которые надо делать, даже если их делать не хочется,* и т. п. Для формирования нового понятия вербальная конструкция, выступающая как его значение, сама должна состоять из уже известных ребенку понятий. Образ слова, обозначающего вербальную конструкцию, ассоциируясь с ней, начинает эффективно замещать уже не сенсорную модель-репрезентацию объекта, а данную вербальную конструкцию, моделирующую или даже конституирующую объект или некую сущность: реальную, вероятную или даже вымышленную (армия, революция, гравитация, относительность, справедливость и т. п.). Пример формирования научного понятия особенно показателен тем, что многие из них вовсе не имеют сенсорного значения. В то же время даже понятия, возникшие на основе модели-репрезентации определенного объекта, впоследствии приобретают и вербальное значение.

Л. С. Выготский (2005в) поднимает еще одну интересную проблему: ребенок и взрослый нередко понимают одно и то же понятие по-разному и вкладывают в него совсем не одно и то же значение. Он пишет:

> Работа над новым научным понятием требует в процессе обучения как раз тех операций и соотношений, которые невозможны для этого возраста (как показал Пиаже,

> даже такое понятие, как «брат», обнаруживает свою несостоятельность до 11–12 лет). ...Ребенок великолепно знает, что такое брат, это знание насыщено большим опытом (так как в качестве значения понятия «брат» у ребенка уже имеется сенсорная модель-репрезентация определенного отношения между людьми и многих объектов, связанных таким отношением, например, собственного брата, брата мамы и брата приятеля. – *Авт.*), но когда ему надо решать отвлеченную задачу о брате брата, как в опытах Пиаже, он путается. Для него непосильно оперировать с этим понятием вне конкретной ситуации, как с понятием отвлеченным, как с чистым (вербальным. – *Авт.*) значением [с. 417].

В обсуждаемом автором примере у ребенка еще просто отсутствует вербальное значение понятия *брат*, хотя есть значение этого понятия в форме сенсорных моделей-репрезентаций конкретных объектов: Пети, Васи и дяди Саши, например. Вербальное значение понятия *брат* появится у него позже. Таким образом, ребенок вроде бы и знает, что такое *брат* (но на чувственном уровне: вот он – брат Ани, а вот мой брат – Петр). В то же время он не имеет еще в своем сознании вербальной конструкции, являющейся вербальным значением понятия *брат*, например: ***чей-то брат — это человек, имеющий с ним общих родителей.***

Л. С. Выготский (2005в) предлагает схематически:

> ...представить путь развития спонтанных и научных понятий ребенка в виде двух линий, имеющих противоположное направление, из которых одна идет сверху вниз, достигая определенного уровня в той точке, к которой другая подходит, направляясь снизу вверх [с. 418].

Можно было бы дополнить. «Спонтанные» (по терминологии Л. С. Выготского), или «естественные», конкретные понятия проходят весь этот путь от предпонятия до завершенного понятия «снизу вверх» и приобретают у образованного человека два разных значения: сенсорное – в виде чувственной модели-репрезентации обозначаемого объекта и вербальное – в форме специальной конструкции из других понятий, раскрывающей суть данного понятия. Напротив, большинство абстрактных и особенно научных понятий формируются «сверху» – уже и только на вербальном уровне в результате построения, а обычно – усвоения из объективной психической реальности в готовом виде специальных вербальных конструкций, моделирующих некие новые для данного человека сущности, с которыми у него ассоциируются образы обозначающих их научных терминов – новых слов. Возникнув, такие конструкции легко включают в себя множество разнообразных иллюстрирующих их визуальных образов, в большинстве своем метафорических.

Естественно, в жизни механизмы формирования понятий функционируют одновременно. Так, Б. Стросс (B. Stross, 1969), исследуя усвоение языка, обнаружил, что ребенок сначала усваивает названия растений, которые являются наименованиями родов. Затем продолжает, с одной стороны, дифференцировать номенклатуру наименований конкретных растений, с другой – одновременно дифференцировать и обобщать виды растений. Другими словами, ребенок продвигается по ступеням иерархии «вверх» посредством генерализации и «вниз» – посредством специализации.

Далеко не все абстрактные понятия возникают, как можно было бы предположить, в результате формирования вербальных конструкций. Я, например, во

многом согласен с точкой зрения, критикуемой Э. Кассирером [2006, с. 18] и очень близкой, по его мнению, к средневековому «концептуализму», в соответствии с которой абстракции выводятся в том числе и из восприятий, где они содержатся как составные части. Сам Э. Кассирер и многие другие авторы процесс формирования абстрактных понятий представляют как выделение общих признаков и свойств у объектов. Э. Кассирер (2006) пишет:

> Подобно тому, как мы образуем понятие о дереве, извлекая из совокупности дубов, буков, берез и т. д. всю массу их общих признаков, так точно мы образуем и понятие о плоском четырехугольнике, изолируя то особое свойство, которое фактически имеется — и может быть непосредственно и наглядно показано — в квадрате и прямоугольнике, в ромбе и ромбоиде, в симметрических и асимметрических трапециях и трапецоидах [с. 11].

Если применительно к формированию научного понятия «плоского четырехугольника» можно согласиться с идеей «извлечения общих признаков», и то только в смысле их привлечения в качестве «строительных элементов» для формирования вербальной конструкции, то принять идею о формировании понятия *дерево* путем «извлечения из совокупности дубов, буков, берез и т. д. всей массы их общих признаков», другими словами, построения вербальной конструкции, выделяющей эти признаки и формирующей на их основе новые понятия, никак нельзя.

Хотя бы потому, что ребенок, даже уже владеющий понятием *дерево,* сформировавшимся у него на основе собирательной сенсорной модели-репрезентации, просто еще не в состоянии выделить общие признаки разных деревьев, а тем более создать на их основе вербальную конструкцию, которая стала бы значением соответствующего понятия. Следовательно, понятие *дерево* формируется у него на основе соответствующей модели-репрезентации. Другое дело, что в последующем, на очередном этапе развития ребенок оказывается уже вполне способен усвоить существующую в языке вербальную конструкцию, использующую признаки деревьев, в качестве вербального значения понятия *дерево.*

Э. Кассирер (2006) обобщает точку зрения сторонников образования понятий на основе сенсорных моделей:

> Абстрактные предметы возникают во всяком представляющем существе, перед которым проходят при повторных восприятиях одинаковые признаки воспринимаемого. Ибо эти признаки не ограничиваются лишь одним единичным моментом восприятия, но оставляют в психофизиологическом субъекте какие-нибудь *следы* своего состава. Когда эти следы... оживают, благодаря новым раздражениям аналогичного рода, то постепенно образуется все более и более тесная связь между сходными элементами последовательных восприятий. То, чем они разнятся между собой, отступает все более и более на задний план; в конце концов оно образует лишь бледный задний фон, на котором тем отчетливее вырисовываются постоянные черты. Прогрессирующее *сгущение* этих сходных черт, их сплавление в единое целое (модель-репрезентацию некой абстрактной сущности. — *Авт.*) представляет психологическую сущность понятия, которое, таким образом, — как по своему происхождению, так и по своей функции — является лишь совокупностью остатков воспоминаний, сохранившихся в нас от восприятий действительных вещей и процессов. ...Таким образом, мы стоим здесь — как при случае подчеркивается самими

> сторонниками этого воззрения — на точке зрения, очень близкой к средневековому «концептуализму»: вещественные и словесные абстракции могут быть выведены из восприятий, ибо они содержатся в них актуально как постоянные составные части [с. 17–18].

Сам автор не принимает такую точку зрения:

> Является ли развиваемая таким образом теория понятий достаточным и верным изображением того процесса, который совершается в *конкретных* науках? Охватывает ли она все предельные черты этого процесса и может ли она изобразить их в их связи и в их специфических особенностях? Для *аристотелевской* теории, во всяком случае, приходится ответить на этот вопрос отрицательно [с. 18].

> Если бы все оставшиеся в нас от прошлых восприятий образы и воспоминания были вполне строго очерчены, если бы они вызвали в нас исчезнувшее содержание сознания во всей его конкретной живости, то никогда ни одно восприятие не могло бы быть признанным *однородным* с новым возникшим впечатлением и никогда бы оно не могло слиться с ним в одно единство. Лишь благодаря неточности воспроизведения, никогда не дающего нам прошлых впечатлений в их целом, а лишь неопределенный абрис их, оказывается возможным это сочетание и соединение неоднородных самих по себе элементов. Таким образом, при всяком образовании понятий начинают с того, что на место индивидуального представления ставят обобщенный совокупный образ, а на место действительного восприятия его — изувеченные, бескровные остатки [с. 26].

Я сделал бы здесь акцент на том, что абстрактное общее понятие (в данном случае *дерево*) конституирует в единое целое в жестких рамках модели-репрезентации дерева (вообще) безграничное море сенсорных образов воспоминания множества сходных лишь в чем-то объектов — разных деревьев. А затем именно модель-репрезентация делает возможным «сочетание и соединение неоднородных самих по себе элементов», о которых говорит Э. Кассирер.

Интересно, что в своем развитии абстрактное понятие имеет тенденцию генерализовываться, включая в сферу своего значения все новые и новые области. При этом абстрактное понятие, даже сформировавшееся исходно на основе сенсорной модели-репрезентации, может в конечном счете совершенно отрываться от нее. Это хорошо заметно на примере арифметических понятий *два* и *три*. Э. Кассирер (2006) пишет, критикуя точку зрения Дж. С. Милля:

> ...понятие о «двух» или «трех» должно получиться из множества предметных групп, точно таким же образом, каким получается понятие об определенном цвете... По Дж. С. Миллю, суждение, что 2 + 1 = 3, не есть простое определение, не есть просто установление того смысла, который мы связываем с числами 2 и 3: оно резюмирует лишь эмпирический факт, который мы до сих пор постоянно встречали одинаковым образом в нашем пространственном восприятии. ...Три валуна, лежащие перед нами двумя раздельными кучками, не производят на наши чувства того же самого впечатления, как в том случае, когда они соединены в одну кучу: поэтому утверждение, что возникающий в первом случае образ восприятия может быть всегда переведен с помощью простого пространственного изменения его частей во второй образ восприятия, не есть ни в коем случае ничего не значащая *тавтология;* оно — индуктивная истина, ставшая нам известной благодаря раннему опыту и с тех пор постоянно подтверждающаяся. Подобные истины образуют основу науки о числе [с. 37].

Э. Кассирер (2006) приводит собственную точку зрения, согласно которой здесь задействованы иные механизмы:

> ...в действительности мы говорим не только о числе зерен какой-нибудь кучи, но и о числе категорий, о числе Кеплеровых законов или о числе факторов энергии: все это предметы, которые нельзя складывать и раскладывать, подобно валунам [с. 39].

Мне представляется, что автор здесь неправильно квалифицирует объект обсуждения, безосновательно объединяя в своем рассмотрении понятие *число* и понятие *объект*, к которому это число относится. Естественно, два зерна нельзя отождествлять с двумя законами, но сущность понятия *два* и в том и в другом случае тождественна. Другое дело, что само значение понятия *два* может сильно трансформироваться, например, по мере развития ребенка. И если сначала оно обозначало количество[1] конкретных предметов: яблок, палочек, монет и т. д., то потом начинает обозначать уже количество абстрактных сущностей, которых нет в мире физических предметов: законов, категорий, факторов и т. п.

Первые простые числа – от одного до шести — человек способен смоделировать сенсорно, как и чувственные свойства объектов, так как они прямо доступны зрительному восприятию. Их можно «ухватить взглядом». Поэтому соответствующие понятия были сформированы человеком в древности на основе собирательных чувственных моделей многих разных множеств: баранов, монет, мешков и т. д. Что касается характеристик множества, которые человек не способен «ухватить» сенсорно, обозначаемых числами семь и больше, то образование соответствующих понятий шло уже по пути формирования их значений в виде вербальных конструкций. В свою очередь, и понятия *один — шесть* параллельно тоже приобрели дополнительные вербальные значения. Здесь два процесса двигались как бы навстречу друг другу: снизу вверх и сверху вниз.

2.1.10. Формирование понятий у ребенка

Основным принципом функционирования психики является построение все более и более сложных устойчивых психических образований из относительно простых элементов. Создавая сложные сенсорные конструкции, например модели-репрезентации объектов, явлений, свойств и т. д., и связывая с ними модели-репрезентации соответствующих слов, психика, говоря метафорически, «маркирует» такие сложные часто повторяющиеся типовые конструкции, а затем и вовсе замещает их гораздо более простыми феноменами — образами определенных слов. При этом сами обозначенные и замененные вербальными образами психические

---

[1] *Количество* — аспект или свойство предмета, которое делает его исчисляемым или измеряемым в числовых терминах [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 360]. Я думаю, что количество — это свойство особого, сконструированного людьми психического объекта — множества, а отдельные числа — понятия, обозначающие конкретные варианты количества (данного свойства множества).

конструкции становятся значениями соответствующих понятий. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) замечают:

> Присваивание ярлыка, например, цвету, или сложной картинке, или многостороннему спору делает информацию в каждом случае более легкой для запоминания [с. 419].

Затем психика вновь формирует сложные конструкции уже из имеющих значение вербальных образов (понятий) и вновь заменяет их очередными новыми, но уже абстрактными понятиями. Все это позволяет сознанию создавать даже самые абстрактные модели на базе сенсорных образов реальности. Процесс подобного усложнения вновь выстраиваемых конструкций и их превращения в значения новых абстрактных понятий происходит постоянно и многократно. В результате в сознании возникают «пирамиды» из все более сложных конструкций, каждый следующий «этаж» которых обобщает предыдущие. Причем на каждом «этаже» в качестве «маркеров» и аналогов психических конструкций снова и снова вводятся вербальные образы — образы новых слов.

Вербальные образы как бы «помечают» возникающие у нас новые психические конструкции, репрезентирующие все более сложные и все более отвлеченные сущности реальности. Экстериоризируясь потом в форме соответствующих слов, они позволяют нам как бы «дублировать» в виде языковых конструкций окружающую нас реальность. М. Мерло-Понти пишет (1999):

> Очевидно, что в каждую фазу опознания (воспринимаемого нами объекта. — *Авт.*) вмешивается речь — она предоставляет возможные значения для действительно видимого, и опознание продвигается вперед, следуя за языковыми связками, от «продолговатого» к «в форме палочки», от «палочки» к «инструменту», затем — к «инструменту для записи» и, наконец, к «авторучке». Ощутимые данные всего лишь побуждают к этим значениям... [с. 177].

Механизмы формирования понятий нельзя рассматривать отдельно от сущностей, которые эти понятия репрезентируют. Одни понятия репрезентируют конкретные объекты реальности: *Нью-Йорк, собака Пират, Гагарин* и т. д. Таких конкретных понятий у человека, кстати, не очень много. Общие абстрактные понятия репрезентируют сущности, которым в физическом мире ничего не соответствует, но которые тем не менее выступают в качестве универсальных моделей определенных множеств объектов реальности. К ним относятся, например, стол, собака, дерево (вообще), которых нет в окружающем мире, где имеются лишь конкретные объекты. Понимание факта отсутствия в окружающем нас мире сущностей, обозначаемых общими абстрактными понятиями, затрудняется тем, что эти же понятия обычно используются для обозначения конкретных объектов, входящих в соответствующее множество: дерево под окном, дерево у беседки, дерево возле калитки и т. д.

Есть понятия, репрезентирующие сущности, которые наличествуют лишь в нашей психической реальности. Например, *цвет, вкус, запах* и т. п. Многие понятия репрезентируют сущности, присутствующие в окружающем мире с разной степенью вероятности, то есть гипотетические: *квант, энергия, гравитация, физическая струна* и т. п. Некоторые понятия репрезентируют сущности, реаль-

ность наличия которых в мире трудно оценить однозначно: *революция, работа, время* и т. д. Есть, наконец, понятия, репрезентирующие явно отсутствующие в физической реальности сущности: *баба Яга, тролль, волшебник* и т. д. Соответственно и механизмы формирования всех этих понятий в принципе не могут быть одинаковыми.

Я рассматривал выше главные механизмы формирования понятий. Однако очевидно, что в реальности все обстоит гораздо сложнее, чем в ее схемах, выстраиваемых нами. Так, например, Л. С. Выготский (2005а) говорит о том, что развитие понятий проходит три основные ступени, которые сами состоят из этапов или фаз. Первая ступень представляет собой образование:

> ...неоформленного и неупорядоченного множества... Значением слова на этой стадии развития является неопределенное до конца, неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов, так или иначе связанных друг с другом в представлении и восприятии ребенка в один слитный образ. В его формировании решающую роль играет синкретизм детского восприятия или действия, поэтому образ (я бы сказал, модель-репрезентация чего-то. — *Авт.*) крайне неустойчив [с. 400–401].

Вторую ступень в развитии понятий Л. С. Выготский (2005а) связывает с «мышлением в комплексах»:

> ...вместо «бессвязной связности», лежащей в основе синкретического образа, ребенок начинает объединять однородные предметы в общую группу, комплексировать их по законам объективных связей, открываемых им в вещах. ...Образованные на этой ступени комплексы построены по совершенно другим законам мышления, чем понятия. В них... отражены объективные связи, но они отражены другим способом и как бы иным образом, чем в понятиях... Наилучший пример, позволяющий вскрыть основной закон построения того или иного мыслительного комплекса в нашей речи, — фамильное имя. Всякое фамильное имя, например «Петровы», охватывает такой комплекс единичных предметов, который ближе всего подходит к комплексному характеру детского мышления [с. 402].

В качестве одного из комплексов Л. С. Выготский (2005а) выделяет, например, «псевдопонятие». Оно напоминает понятие взрослых людей, но по своей сущности представляет нечто совершенно иное:

> ...перед нами комплексное объединение ряда конкретных предметов, которое фенотипически, то есть по внешнему виду, по совокупности внешних особенностей, совершенно совпадает с понятием, но по генетической природе, по условиям возникновения и развития, по каузально-динамическим связям, лежащим в его основе, отнюдь не является понятием. С внешней стороны перед нами понятие, с внутренней — комплекс. Мы поэтому называем его псевдопонятием. ...Например, ребенок к заданному образцу — желтому треугольнику — подбирает все имеющиеся в экспериментальном материале треугольники. Такая группа могла бы возникнуть и на основе отвлеченного мышления (понятия или идеи треугольника). Но на деле, как показывает исследование, ребенок объединил предметы на основе их конкретных, фактических наглядных связей, на основе простого ассоциирования. Он построил только ограниченный ассоциативный комплекс; он пришел к той же точке, но шел совершенно иным путем [с. 407].

Третья ступень завершает формирование понятия. Обсуждая работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурия (2005) указывает:

> На ранних этапах развития ребенка слова не являются организующим фактором в том, как ребенок категоризирует свой опыт. На следующем этапе категоризации ребенок начинает сравнивать предметы по одному их физическому свойству, например по цвету, форме или размеру. Но во время сравнения ребенок быстро забывает о свойстве, которое он первоначально избрал как основу классификации, и переключается на другое свойство. В результате он часто собирает группу предметов, не обладающих только одним общим признаком. Логическая основа таких группировок часто представляет собой целый комплекс признаков, объединенных общей ситуацией. Предметы объединены общей ситуацией, в которой каждый из них участвует индивидуально. Примером подобной группировки может быть категория «еда», куда ребенок включает «стул», чтобы сидеть за столом, «скатерть», чтобы покрыть стол, «нож», чтобы резать хлеб, «тарелку», чтобы положить хлеб, и т. д. ...Л. С. Выготский установил, что группирование предметов по ситуационному принципу типично для дошкольников и младших школьников [с. 311–312].

Такого рода группирование объектов у детей объясняется, вероятно, тем, что у них в мышлении на этом этапе доминируют сенсорные модели целостных ситуаций, например той же самой ситуации «еды». Лишь позже начинают доминировать иные модели, формирующиеся по мере усвоения понятий, которые «дробят» эти сложные ситуации, воспринимавшиеся ранее как целостные блоки окружающей реальности. Исходя из приведенных цитат у нас есть основания думать, что формирование конкретного понятия (даже сенсорного предпонятия) происходит в несколько этапов и сопровождается возникновением разных психических конструкций из чувственных репрезентаций («комплексов», по терминологии Л. С. Выготского, 2005а), которые не являются еще типичными моделями-репрезентациями объектов. Эти временные сенсорные психические образования сменяются, по мнению Л. С. Выготского, «истинными понятиями» только на последнем этапе развития детского мышления.

Дж. Лакофф (2004) пишет о том же, но дает иное обоснование:

> Мервис (Mervis, 1984) показала, что, хотя категории двухлетних детей могут отличаться от категорий взрослых, эти категории основываются на тех же принципах, которые определяют категории базового уровня взрослых людей. Говоря коротко, двухлетние владеют категоризацией базового уровня, однако они создают иные категории, чем взрослые, по весьма основательным причинам. Различия определяются тремя фактами. 1. Ребенок может не быть знаком с некоторыми культурно значимыми признаками. Так, не зная, что копилка может использоваться для хранения денег, он может обратить внимание на ее круглую форму и классифицировать ее как мячик. 2. Выделенность отдельных признаков может быть различна для ребенка и взрослого. Так, ребенок может знать, что в копилке хранятся деньги, но его внимание больше привлекает круглая форма, чем прорезь и отверстие для ключа. Поэтому он называет ее «мячик». 3. Ребенок может использовать ложные признаки в процессе принятия решений. Так, если он полагает, что леопард говорит «мяу», он может отнести леопарда к категории «кисок». ...Уровень категоризации не является независимым от того, кто производит категоризацию и на какой базе [с. 76].

В процессе формирования понятий нередко с образом одного и того же слова связываются чувственные модели-репрезентации сразу нескольких сходных или

даже совершенно разных объектов. Такие образующиеся в процессе развития сложные сенсорные конструкции, которые вслед за Л. С. Выготским можно назвать «комплексами», в итоге распадаются с образованием нескольких новых понятий. Параллельно протекает процесс дифференциации и конкретизации понятий. Понятие *рыбка* может сначала обозначать для ребенка и гуппи в аквариуме, и карпа, которого он увидел на кухне, и ерша, которого на его глазах поймал рыбак. В конечном счете оно распадается на несколько понятий, обозначающих уже карпа, ерша, гуппи и др. Здесь идет формирование понятий от общего к конкретному — сверху вниз. Вероятно, по такому же принципу, но «в обратную сторону» — снизу вверх — на базе многих моделей-репрезентаций конкретных объектов формируются абстрактные понятия обобщающего характера типа *мебель*, *растение*, *млекопитающее* и т. д.

В литературе рассматриваются и иные механизмы образования понятий. Так, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 380–381] полагают, что есть как минимум три способа усвоения понятия через опыт. Первый они называют «стратегией экземпляра». Ссылаясь на Mervis & Pani, авторы иллюстрируют его на примере понятия *мебель*. Когда ребенок встречает известный ему предмет мебели, например стол, он сохраняет в памяти его репрезентацию. В последующем он всякий раз сравнивает новый объект с образом воспоминания экземпляра мебели — стола и может правильно классифицировать другие предметы, которые выглядят похожими на него, но не объекты, которые отличаются от него (лампа или книжная полка).

Данный способ образования понятий, если он и существует, представляет собой лишь вариант образования понятий на базе моделей-репрезентаций «снизу вверх», хотя понятие *мебель* все равно может окончательно сформироваться лишь в результате усвоения ребенком вербальной конструкции, являющейся значением данного понятия.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 380–381] утверждают (ссылаясь на Bruner, Goodenow & Austin), что по мере взросления человек начинает пользоваться также и другой стратегией — «проверкой гипотезы». Он изучает примеры понятия, ищет признаки, относительно общие для него (например, многие компоненты «мебели» находятся в жилых помещениях), и выдвигает гипотезу, что именно эти общие признаки характеризуют данное понятие. Затем он анализирует новые объекты, отыскивая в них эти признаки, и сохраняет выдвинутую гипотезу, если она ведет к правильной категоризации нового объекта, или заменяет ее, если она сбивает его с пути.

Я думаю, что такой путь образования понятий скорее характерен для научных исследований, являясь формой научного познания. В нем образование новых понятий играет вспомогательную роль, сопровождая описание и определение вновь открытых исследователями сущностей. Вряд ли он играет какую-нибудь заметную и тем более существенную роль в процессе естественного усвоения понятий ребенком, так как ребенок в основном не столько «открывает» сущность понятия для себя заново, сколько просто интериоризирует понятие и его вербальное значение из объективной психической реальности.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 380–381] назвали эти две стратегии стратегиями «снизу вверх», отличая их от стратегий «сверху вниз», при которых человек широко использует «предварительные знания». Применяя для усвоения понятия стратегию «сверху вниз», человек использует имеющееся у него знание вместе с известными ему примерами, чтобы определить главные признаки понятия. Приведенные этими исследователями возможные пути образования понятий являются, однако, лишь вариантами описанных выше двух основных механизмов формирования понятий: 1) на базе предпонятий или сенсорных моделей-репрезентаций и 2) в результате образования из известных уже понятий вербальных психических конструкций, моделирующих очевидные или гипотетические сущности реальности. При этом разные компоненты значения даже одного понятия – сенсорный и вербальный – образуются разными путями. Говоря метафорически, путем «подъема к абстракциям» и «спуска от абстракций».

Эти способы формирования понятий фактически и лежат в основе разделения так называемых «естественных» и «искусственных» понятий (см., например: Х. Гейвин, 2003, с. 137), хотя такое подразделение понятий вряд ли имеет право на существование. Что отмечает, например, и Б. М. Величковский [2006а, с. 41], ссылаясь на работы Л. Барсалу, показавшего, что структурирование опыта в режиме «сверху вниз» происходит не только в условиях академического образования. Даже сугубо ситуативные задачи часто способствуют формированию особых категорий, которые можно было бы обозначить новыми понятиями типа «возможный новогодний подарок», «то, что можно есть, находясь на диете», «все, что мне больше не понадобится» и т. д. В этом случае то, что можно было бы назвать понятием, возникает для решения конкретных жизненных задач.

Даже одно и то же понятие может формироваться у разных людей как «сверху», так и «снизу». Понять разницу, существующую между понятиями, образующимися «сверху», и понятиями, образующимися «снизу», можно, рассмотрев, например, образование понятия *мать*. Дж. Лакофф (2004) пишет:

> Мать – это понятие, базирующееся на комплексной модели, в которой ряд отдельных когнитивных моделей объединяется, формируя кластерную модель. Этот кластер включает следующие модели.
>
> Модель рождения: лицо, дающее рождение ребенку, является матерью.
>
> Генетическая модель: женщина, вложившая генетический материал, является матерью.
>
> Модель воспитания: взрослая женщина, вырастившая и воспитавшая ребенка, является матерью.
>
> Супружеская модель: жена отца является матерью.
>
> Генеалогическая модель: ближайший родственник женского пола по восходящей линии является матерью [с. 107–108].

Автор (2004) заключает:

> ...даже среди людей, зарабатывающих на жизнь составлением определений, нет единой, общепринятой модели для самых обычных понятий, таких как «мать» [с. 109].

Каждая из перечисленных выше вербальных конструкций охватывает ту или иную часть содержания понятия *мать*. Но все это касается исключительно понятия, формируемого «сверху», значением которого в этом случае является лишь та или иная вербальная психическая конструкция. Для большинства же людей гораздо ближе и важнее другая модель матери, формируемая «снизу», на базе сенсорного предпонятия. Мать — та, чьи образы я вижу, когда в сознании появляется понятие мать: моя мать, мать моего отца, мать матери, мать моих детей, мать моего друга, мать моей жены, даже памятник абстрактной Родине-матери и т. д. Это множество чувственных моделей-репрезентаций известных мне женщин и их изображений, образы которых всплывают в моем сознании, когда я начинаю анализировать понятие *мать*.

В литературе обсуждаются так называемые «чистые понятия» и «понятия, данные опытом». Вероятно, основание для такого разделения весьма условно, так как в конечном счете все понятия, даже самые абстрактные, имеют «корни» в опыте. С другой стороны, многие абстрактные понятия действительно формально настолько отрываются от опыта, что о них часто говорят как о «чистых понятиях». Они обычно возникают в науке в результате вербального моделирования того или иного аспекта реальности или даже гипотетической реальности. Механизм их формирования является разновидностью варианта «сверху вниз».

Механизмы образования понятий, как я уже говорил, зависят от сущностей, репрезентируемых данными понятиями, и если эти сущности исходно моделируются сенсорно, то соответствующие понятия обычно возникают на основе моделей-репрезентаций. В случае же сущностей, недоступных восприятию, обозначающие их понятия формируются на основе описывающих и объясняющих их вербальных конструкций. В то же время ситуация осложняется тем, например, что материальные воплощения многих даже вымышленных сущностей уже созданы человеком в искусственной материальной реальности: в кино, промышленных изделиях и т. д. Поэтому ребенок может сформировать даже понятия *колдун, фея, Дед Мороз* и т. п. на основе соответствующих сенсорных моделей, почерпнутых им из искусственной материальной реальности.

Итак, подводя итог, еще раз зададимся вопросом: *что же такое понятия?* Мне представляется наиболее удобным и правильным считать их вербальными образами[1], выступающими в качестве непосредственно понятных[2] человеку аналогов и заменителей психических конструкций, моделирующих различные аспекты объективной и субъективной реальности.

---

[1] Говоря так, я сознательно упрощаю картину, так как, строго говоря, каждое понятие - это даже не образ соответствующего слова, а устойчивая психическая конструкция, состоящая из модели-репрезентации определенного слова (обозначающего «нечто») и ассоциированных с ней модели-репрезентации и (или) вербальной конструкции, репрезентирующих обозначаемое данным словом «нечто».

[2] Понятных без одновременного появления в сознании элементов их символического значения.

2.1.11. «Феномен слова на кончике языка»

В. М. Аллахвердов (2000) спрашивает:

> ...объясните, каким образом человек способен оценить, правильно или неправильно он нечто вспомнил, если заранее не знает того, что вспоминает? А если заранее знает, то что же он вспоминает? Человек может помнить, что забыл некую конкретную информацию. Но ведь это значит, что он что-то помнит о забытом. Эта проблема мучила еще св. Августина [с. 39].

Человек «способен оценить» и «заранее знает, что вспоминает» потому, что вся известная ему информация о конкретном предмете, обозначаемом соответствующим понятием, организована в психическую конструкцию, являющуюся значением этого понятия и репрезентирующую предмет. Какие-то элементы данной конструкции, в том числе, например, образ слова, обозначающего репрезентируемый ею предмет, могут выпадать из памяти, притом что другие элементы этой же конструкции продолжают существовать в сознании. В результате в ней появляются как бы «пустые места», регистрируемые человеком в процессе рефлексии. «Пустующее место» в структуре психической конструкции является для человека таким же очевидным напоминанием о существовании чего-то конкретного, как пустырь на знакомой улице вместо дома, где жили наши знакомые.

Мы порой очень живо представляем себе мысленно образ того, чью фамилию никак не удается вспомнить, или, наоборот, не можем вспомнить, как выглядит человек, фамилию которого помним. Чаще все же мы знаем значение понятия (например, помним визуально конкретного человека), но не помним самого понятия (имени человека). Как в известном рассказе А. П. Чехова «Лошадиная фамилия». Мы понимаем, чье имя пытаемся вспомнить, именно потому, что в нашем сознании, кроме забытого вербального образа — имени, существует невербальная модель-репрезентация данного человека, то есть значение соответствующего забытого понятия. Если бы не она, мы не понимали бы того факта, что забыли чье-то имя, хотя при этом помним, чье именно имя забыли. Этот интересный психический феномен широко известен в психологии и описан еще У. Джеймсом (2003):

> В сознании является нечто вроде «призрака имени», манящего нас в известном направлении, мгновениями пронизывает нас ощущение близости к отыскиваемому имени, а затем мы отступаем назад, не найдя того, что искали. Если нам подсказываются неверные имена, то этот чрезвычайно определенный пробел действует именно так, что отвергает неверные имена: они не способны войти в его форму. И пробел одного забытого имени ощущается далеко не так, как пробел другого забытого имени, хотя при отсутствии в обоих случаях определенного содержания, казалось, оба пробела совершенно равнозначны [3, с. 170–171].

У. Джеймс удивительно точно подмечает и «чрезвычайную определенность пробела» — того самого «пустого места», и «неспособность неверных имен войти в его форму». Это объясняется как раз тем, что «пробел» существует во вполне реальной психической конструкции, а «имя» входит в нее и должно занять в ней

свое жестко определенное место среди других психических явлений. У. Джеймс (2003) продолжает:

> ...отсутствие ярлыка настолько же определяет течение наших представлений, как и его наличие. ...Забытое ощущается нами как пробел среди других известных вещей. При этом мы имеем смутную идею о том, где и когда в последний раз эта забытая вещь встретилась нам. Мы помним общую тему, к которой забытая вещь имеет отношение. Но все эти детали желают слиться в одно прочное целое за неимением забытой вещи, поэтому мы все кружимся вокруг них, неудовлетворенные и жаждущие чего-то большего [с. 297].

Это «прочное целое» и есть психическая конструкция, в которой отсутствует забытый нами элемент. Именно наличие в сознании сенсорной модели-репрезентации или вербальной конструкции, выступающих в роли значений забытого понятия, ответственно за так называемый «феномен слова на кончике языка», когда мы точно знаем, что именно означает забытое слово, но не можем его воспроизвести, то есть в сознании сохранено значение забытого понятия, хотя сам соответствующий вербальный образ в нем не всплывает.

Р. Вудвортс (1950) так пишет об этом:

> ...слово находится на кончике вашего языка, но оно еще не возникло — оно чуть ниже «порога воспроизведения». Оно частично вызывается, о чем свидетельствует специфическое чувство близости и тот факт, что небольшой внешний толчок в нужном направлении дает полное воспроизведение. Если А и Б ассоциированы и несколько позже предъявляется А, за которым не следует воспроизведение Б, оно тем не менее облегчит воспроизведение Б или его доучивание. Оно ставит Б в состояние готовности, реальность которого доказана разнообразными экспериментами (Эббингауз, 1865; Мюллер и Шуман, 1894; Мюллер и Пильцеккер, 1900; Омс, 1910; Мейер, 1914) [с. 396].

Р. Клацки [2007, с. 161–163] приводит описание интересного эксперимента, проведенного Брауном и Мак-Нэйлом, просивших испытуемых называть слова, описания которых им предъявляли. Например: «небольшая лодка, используемая в гаванях и на реках Японии и Китая, на которой гребут одним веслом с кормы и на которую часто ставят парус». Авторы пытались создать состояние, при котором испытуемый понимал бы, что он знает слово, даже если он не может его вспомнить. Р. Клацки (2007) пишет, что если испытуемый не мог вспомнить слово, то:

> ...у него возникало состояние, обладавшее рядом характерных черт: «Испытуемый не только чувствовал, что он знает слово, — иногда он даже мог сказать, сколько в нем слогов, с какой буквы оно начинается или на какой слог падает ударение. (Он говорил, например: "В нем два слога, ударение на первом, а начинается оно с буквы "s".) Нередко он мог сказать, какие слова не подходят (это не sandal и не schooner), и мог назвать слова, близкие по смыслу. Такого рода припоминание, при котором испытуемый может определить общие особенности слова, называется припоминанием родовой принадлежности"» [с. 161–162].

Тот факт, что испытуемый был в состоянии сказать, сколько в слове слогов, с какой буквы оно начинается и на какой слог падает ударение, притом, что не мог

вспомнить все слово, лишний раз свидетельствует, что в его сознании существует не просто психическая конструкция, репрезентирующая объект, имя которого забыто, но даже элементы модели-репрезентации самого забытого имени (слова).

Автор (2007) сообщает, что, по мнению Брауна и Мак-Нэйла:

> ...то или иное слово хранится в долговременной памяти в определенном месте, оно представлено здесь как слуховой, так и семантической информацией. Поэтому извлечение данного слова из долговременной памяти может быть основано на его звучании (например, я произношу слово СОБАКА, вы объясняете мне, что оно означает) или на его смысле (я говорю ЛУЧШИЙ ДРУГ ЧЕЛОВЕКА, а вы отвечаете «собака»). В состоянии готовности полное извлечение по смыслу оказывается невозможным, но испытуемый все же частично извлекает требуемое слово. Он имеет некоторое представление о его звучании, но, очевидно, не имеет его полного акустического образа. Браун и Мак-Нэйл полагают также, что вместе с каждым словом хранятся его ассоциации, или связи, с другими словами в долговременной памяти, так что испытуемый может назвать другие слова, означающие почти то же самое. Таким образом, эти авторы описывают долговременную память как обширный набор взаимосвязанных участков, в каждом из которых содержится сложная совокупность информации, относящейся к одному слову или факту [там же].

Мое представление о понятии как о модели-репрезентации определенного слова, включенной как важная часть в модель-репрезентацию обозначаемого соответствующим словом объекта, легко объясняет в том числе и некоторые виды агнозии, когда, например, больной, понимая, что за предмет он видит перед собой, не может вспомнить его названия, или, наоборот, зная название предмета, не может выбрать его из нескольких предметов. Вследствие болезни у него оказываются разорванными связи между моделью-репрезентацией основного объекта и моделью-репрезентацией обозначающего его слова или разрушаются связи и выпадают элементы в самой модели-репрезентации объекта.

ГЛАВА 2.2

Категории

- *Проблема категорий и универсалий*
- *Категоризация*
- *Категории базового уровня*
- *Прототип как «ядро» собирательной модели-репрезентации*

2.2.1. Проблема категорий и универсалий

Хотя понятие *категория* и используется в психологии, его значение весьма туманно. Большой толковый психологический словарь (2001), например, сообщает:

> Способы употребления этого термина в современной психологической терминологии, особенно в теории познания, определяются большим интересом к его значениям в философии. Основное положение здесь – то, что категория является чем-то вроде понятия, классом или системой. То есть, например, если имеется категория «лев», то наряду с ней существует и понятие льва в сознании, теоретический класс объектов, которые принадлежат к нему, фактическая группа львов и система или набор правил, определяющих, какие объекты принадлежат к этой категории, а какие нет... [с. 344].

Другими словами, психология не очень внятно определяет суть данного понятия и использует поэтому его философское значение. Психология вообще достаточно широко и активно «импортирует» понятия из других наук, в том числе, например, из лингвистики, и часто некритично использует их непсихологические значения.

Там же читаем:

> Категория естественная. 1. Класс, который существует в естественной, биологической и анатомической структуре познающего субъекта. Например, цвета – естественные категории в том смысле, что все люди с нормальной, неповрежденной зрительной системой реагируют на зрительный спектр приблизительно одним и тем же образом. Даже если в языке каких-то людей не будет отдельных слов для обозначения красного и оранжевого цвета, они будут различать их так же, как и те, в чьем языке эти слова есть. 2. Категория, представленная предметами, которые встречаются естественно в реальном мире и которые имеют общие специфические особенности или на которые реагируют одинаковым образом. Например, сюда относятся «мебель», «птицы», «спорт» и т. п. [с. 344].

Двусмысленность данного определения отражает реальную неопределенность в доминирующих сейчас в психологии представлениях. Так, с одной стороны, *класс* – абстрактное понятие. С другой стороны, он же почему-то «существует в естественной, биологической и анатомической структуре познающего субъекта». Это противоречие отражает многовековые научные баталии относительно сущности категорий, которые проходили в философии, но так и не привели ни к какой ясности.

Вторая часть определения *категории* тоже отражает существующую путаницу. Категория не может быть «представлена предметами, которые встречаются естественно в реальном мире». Она – психический объект, не существующий в физической реальности, и может лишь включать в себя психические репрезентации физических объектов. Дж. Лакофф (2004) пишет:

> Категории есть категории вещей. Поскольку мы понимаем мир не только в терминах индивидуальных вещей, но также в терминах категорий, мы склонны приписывать этим категориям реальное существование. У нас есть категории для биологических видов, физических субстанций, артефактов, разновидностей цвета, родственников, эмоций и даже категории предложений, слов и значений. У нас есть категории для всего, о чем мы можем думать. Изменить само понятие категории – значит изменить свое понимание мира. На карту поставлена вся наша картина мира – от того, что такое биологические виды... до того, что такое слово... [с. 24].

Проблема категорий настолько сложна, что сам Дж. Лакофф (2004) порой колеблется в своем понимании их:

> Человеческие категории не находятся объективно «в мире», внешнем по отношению к человеку. По крайней мере, некоторые категории являются воплощенными [с. 84].

И все же все категории всегда не находятся «в мире» физическом. Находятся они лишь в нашем сознании. Категории[1] – это лишь наиболее общие абстрактные понятия, значениями которых, главным образом, являются вербальные конструкции. В связи с этим нелишне вспомнить высказывание В. Виндельбанда (2007в):

> ...категории суть в такой же мере формы понятий, как и формы суждений... [с. 356].

Хотя еще Аристотель (1939) выделил 10 категорий: *субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие* и *страдание,* проблема категорий впервые была сформулирована Порфирием (1939), который обсуждал, являются ли роды и виды «самостоятельно пребывающими реальностями» или же «только простыми схватываниями ума», и если допустить, что они являются существующими реальностями, то телесны ли они или бестелесны. Если же они существуют в мышлении, то представлены ли они в чувственных явлениях или не представлены. Положения Порфирия легли в последующем в основу продолжающегося много веков спора между номинализмом и реализмом.

Спор касается не столько даже категорий, сколько универсалий, которые являются уже не «предельно общими понятиями» [Новейший философский словарь, 1998, с. 310] или «наиболее общими понятиями и принципами, описывающими структурную организацию природы, общества и рассудочной деятельности» [Словарь философских терминов, 2004, с. 247], а просто «общими понятиями» [Словарь философских терминов, 2004, с. 602]. Проблема универсалий тоже считается одной из наиболее сложных в философии. «Онтологический аспект проблемы универсалий сводится к вопросу: "Существует ли общее в реальности?"» [Словарь философских терминов, 2004, с. 602]. И тоже не имеет ответа до сих пор.

С. Неретина и А. Огурцов [2006, с. 264] пишут, что Боэций называет универсалиями умопостигаемое, а сингуляриями или партикуляриями, причастностями – чувственно-воспринимаемые вещи. Вид в его понимании – это «мысленное представление, собранное на основании субстанциального сходства несхожих индивидов», а род – то же, но только на основании сходства видов. Отсюда и вывод, что роды и виды не существуют сами по себе, как идеи Платона, но «мыслью отделяются от тел». Такое отделение уже в Средние века называли абстракцией.

В трудах У. Оккама (2010) и Дж. Локка (1985) общие понятия существуют только в разуме, тогда как в окружающем существуют лишь единичные вещи. Дж. Локк (1985) ясно говорит:

> Общее и всеобщее – это создания разума [с. 471].

---

[1] *Категория*... предельно общее понятие. Для него уже не существует более общего, родового понятия [Новейший философский словарь, 1998, с. 310].

И. Кант (1980) считает, что:

> ...наглядное представление относится непосредственно к предмету и всегда бывает единичным, а понятие относится к предмету косвенно, при посредстве признака, который может быть общим для нескольких вещей. Понятие бывает эмпирическим или чистым; чистое понятие, поскольку оно имеет происхождение исключительно в рассудке (а не в чистом образе чувственности), называется notio. Понятие, состоящее из notiones и выходящее за пределы возможного опыта, есть идея, или понятие разума (к нociям Кант относит категории и идеи разума. – *Авт.*) [с. 395].

В. Виндельбанд (2007а) замечает:

> ...понятия суть синтетические формы, в которых путем трансцендентальной апперцепции материал чувственных ощущений превращается в предметы. Из этого прямо следует, что категории имеют смысл лишь постольку, поскольку есть налицо материал, многообразие которого нуждается в объединении [с. 98].

Б. Рассел (2000) пишет:

> Слово «идея» приобрело с течением времени много ассоциативных значений, совершенно несовместимых со смыслом, придаваемым Платоном «идеям». Поэтому мы предпочитаем пользоваться словом «универсалия» вместо слова «идея» для обозначения того, что Платон имел в виду. Сущность идей для Платона состоит в том, что они противоположны отдельным частным вещам, данным в ощущениях. Мы говорим обо всем том, что дано в ощущении или имеет ту же природу, что и явления, данные в ощущении, как о частном. В противоположность этому универсалия — это то, что может разделяться многими партикулярностями и обладает теми отличительными признаками, которые... отличают справедливость и белизну от справедливых поступков и белых вещей. Собственные имена обозначают партикулярности, а имена существительные, прилагательные, предлоги и глаголы обозначают универсалии. ...Любая истина содержит универсалии, и всякое знание истин предполагает знакомство с универсалиями. Легко увидеть, что не может быть высказано ни одного предложения, в котором не содержалось бы по крайней мере слово, обозначающее универсалию [с. 223–224].

Автора удивляет, что, хотя едва ли не все слова из словаря используются для обозначения универсалий, тем не менее почти никто, кроме изучающих философию, не подозревает о наличии таких сущностей, как универсалии. Даже философы, признавая более или менее те универсалии, которые поименованы прилагательными или существительными, обычно упускают те, которые поименованы глаголами и предлогами. Рассел (2000) замечает:

> ...если бы кто-либо попытался вообще отрицать существование универсалий, то мы должны были бы признать, что не можем строго доказать существование таких сущностей, как качества, то есть универсалий, представляемых прилагательными и существительными, в то время как мы можем доказать, что должны быть отношения, то есть вид универсалий, представляемых обычно глаголами и предлогами [с. 225].

Б. Рассел [2000, с. 225] говорит, что если мы верим в существование универсалии *белизна*, то скажем, что вещи белы, потому что у них есть это качество белизны. Однако этот взгляд энергично отрицался Д. Беркли и Д. Юмом. Когда нам нужно говорить о белизне, замечали они, мы формируем образ некоторой конкретной белой вещи. Критикуя их точку зрения, Б. Рассел полагает, что универсалии не

являются просто ментальными сущностями. Он наделяет их самостоятельным по отношению к человеку существованием, что сродни тому смыслу, которое вкладывал в них еще Платон. Хотя для того, чтобы доказать, что универсалии — это не порождения человеческого сознания, Б. Рассел выбирает, как мне представляется, не самые убедительные аргументы:

После установления существования таких сущностей, как универсалии, следующий шаг состоит в доказательстве того, что их бытие не просто духовное. Под этим подразумевается, что, каково бы ни было их бытие, оно не зависит от того, мыслится ли оно, или от способа, которым оно постигается умом. ...Рассмотрим такое утверждение: «Эдинбург лежит к северу от Лондона». Мы имеем здесь дело с отношением между двумя местами, и очевидно, что оно существует независимо от нашего знания о нем. ...Часть земной поверхности, на которой расположен Эдинбург, будет находиться к северу от той части, на которой расположен Лондон, даже если бы не было ни одного человека, способного отличить север от юга, и даже если бы во Вселенной вообще не было ни одного разумного существа. ...Ничего духовного не предполагается в том факте, что Эдинбург лежит к северу от Лондона [с. 226–227].

Зададим простой вопрос: *а что произойдет, если мы договоримся считать северный полюс не северным, а южным, а южный — наоборот, северным?* Очевидно, что в этом случае Эдинбург перестанет «находиться к северу от Лондона», то есть для того, чтобы отношение изменилось, достаточно всего лишь новой конвенции, нового соглашения между людьми. Следовательно, это отношение — всего лишь что-то «духовное». Сам Б. Рассел (2000), понимая это и слабость своей позиции, пишет далее о том, что его вывод встречается с определенной трудностью:

...отношение «к северу от» существует, как представляется, не в том же смысле, в котором существуют Эдинбург и Лондон. Если мы спросим: «Когда и где существует это отношение?», то ответ должен гласить: «Нигде и никогда». Нет ни такого места, ни такого времени, где мы можем найти отношение «к северу от». ...Оно не во времени и не в пространстве, оно не материально и не духовно (последнее представляется как раз неверным. — *Авт.*); и все же оно есть нечто. Именно этот особый характер бытия, присущий универсалиям, заставляет многих предположить, что универсалии в действительности духовны [с. 227–228].

Автор пытается отрицать духовность универсалий с другой стороны:

Предположим, например, что мы думаем о белизне. Тогда в известном смысле можно сказать, что эта белизна существует «в нашем сознании». ...В строгом смысле не белизна находится в нашем сознании, но акт мышления о белизне [с. 228].

И все же в нашем сознании нет ни акта мышления, ни белизны как таковой. В нем есть лишь зрительные образы белых объектов и понятие *белизна.* Б. Рассел продолжает:

Сходная неопределенность слова «идея»... вызывает путаницу. В определенном смысле этого слова, в котором оно обозначает объект акта мышления, «белизна» есть «идея». Следовательно, если против подобной неопределенности не принимать меры предосторожности, мы можем подумать, что «белизна» есть «идея» в другом смысле, то есть что это акт мышления, и таким образом прийти к выводу, будто «белизна» духовна. Но, считая так, мы лишаем ее существенного качества универсальности.

> Акт мышления одного человека всегда отличен от акта мышления другого, и акты мышления одного и того же человека в различное время необходимо различны. Следовательно, если белизна есть мысль в противоположность ее объекту, то ее не могут мыслить два различных человека, и один и тот же человек не может ее дважды мыслить. То, что обще разным мыслям о белизне, – объект этих мыслей, и этот объект отличен от всех этих отдельных мыслей. ...Таким образом, универсалии не есть мысль, хотя, будучи познанными, они являются объектами мысли [с. 228].

Продолжим рассуждения Б. Рассела: то, что обще разным мыслям о, например, волшебнике, – объект этих мыслей, который отличен от этих отдельных мыслей. Таким образом, он не есть мысль. Следовательно, он существует не в нашем мышлении, а в физическом мире. Очевидно, что рассуждения Б. Рассела неверны. Рассмотрим их в другом аспекте. Он утверждает, что объект мысли отличен от всех отдельных мыслей. Формально это вроде бы правильно, более того, общепринято, но физический объект существует для нас лишь в виде наших мыслей о нем, а мысли о нем представляют собой либо его чувственные образы (в рассматриваем случае, например, белой стены, белого листа бумаги и др.), либо в форме понятия (здесь понятия *белизна* – образа слова «белизна» и разъясняющих его вербальных конструкций, составленных из образов других слов). Следовательно, и мысль, и объект мысли – лишь разные стороны одной медали.

При обсуждении «мысли» и «объекта мысли» мы опять сталкиваемся с проблемой точки зрения или плоскости рассмотрения (см. разд. 1.4.1). Если мысль рассматривается как феномен нашего сознания, то это психическое явление. Если же та же самая мысль рассматривается как репрезентация некой сущности, то в ней появляется уже объект мысли. Следовательно, «объект мысли отличен от всех отдельных мыслей» только лишь при особой плоскости рассмотрения, которую использует исследователь.

Сущность, репрезентируемая мыслью, может либо присутствовать в реальности физической в форме «элемента реальности в себе», либо нет. Белизна как раз относится ко второму типу сущностей, которые наличествуют вообще только в форме мысленной репрезентации. То, что репрезентируется мыслью, способно повторяться в сознании, субъективно воспринимаясь человеком как тождественное самому себе. При этом неважно, существует ли само репрезентируемое в физической реальности. Ощущение тождественности обеспечивается тем, что сама репрезентация всякий раз возникает в виде психического явления (например, модели-репрезентации какого-то предмета), которое обладает субъективной тождественностью самому себе для переживающего его человека. И это происходит несмотря на то, что, как совершенно правильно утверждает Б. Рассел, «одну и ту же мысль не могут мыслить два различных человека, и один и тот же человек не может ее дважды мыслить, так как мысль не может повторяться в отличие от содержания мысли».

Мы уже обсуждали то обстоятельство, что ни одна чувственная репрезентация того же самого объекта никогда не повторяется у разных людей и даже у одного и того же человека. Тем не менее мы наделяем сам объект «существенным качеством универсальности», когда утверждаем, например: «я вижу тот же самый стол» или «этот стол один и тот же для меня, Петра и Павла». Делаем мы это потому, что все испытываем субъективное ощущение тождественности самой себе возникающей

у каждого из нас в сознании при каждом новом восприятии этого стола его модели-репрезентации. Кроме того, разные у всех нас модели-репрезентации данного стола обозначаются одним и тем же понятием *этот стол,* делающим как бы тождественными друг другу наши индивидуальные его модели-репрезентации.

Рассмотрим утверждение Б. Рассела о том, что, считая, будто «белизна» духовна, мы лишаем ее существенного качества универсальности, то есть доступности и очевидности ее и для Ивана, и для Петра, и для Павла. *Так ли это? Что определяет «универсальность» объекта мысли?* Совершенно очевидно, что определяет ее не то обстоятельство, «духовна» данная сущность или нет. Мы, например, считаем «духовными» волшебников, троллей и Дюймовочку, но от этого мы не лишаем данные объекты «существенного качества универсальности». Следовательно, «универсальность» объекту мысли придает не то, существует он в физическом мире или нет, а что-то другое. Этим другим является все та же субъективная тождественность самой себе модели-репрезентации объекта, повторно актуализирующейся в сознании индивида, и субъективная тождественность понятия, обозначающего данную сущность.

Рассуждения Б. Рассела располагаются в привычной для «здравого смысла» плоскости. Если Иван, Петр и Павел видят белый стол, значит, стол существует независимо от них. Так же, как и стол, существует и белизна. Однако, даже если забыть то обстоятельство, что любой объект, в том числе и белый стол, не существует вне и без человеческого сознания, а вне сознания существует лишь непонятный и неконституированный фрагмент «реальности в себе», то тогда для Ивана, Петра и Павла существуют лишь три конкретных белых стола, а не стол вообще.

Стол же вообще в любом случае создается лишь их сознаниями в результате обобщения многих других конкретных реальных объектов: белого стола, коричневого стола, сломанного стола, соседского стола и т. д., и стола (вообще) нет в физической реальности. Это абстракция, психический объект, обозначаемый универсалией *стол,* и тут правы Д. Беркли и Д. Юм. То же самое относится и к универсалии *белизна.* Это психическая сущность, создаваемая сознанием из конкретных белого стола, белой стены, белой простыни и т. д. путем абстракции. И ее нет нигде, кроме человеческого сознания.

Итак, и стол (вообще), и белизна (вообще) — продукты нашего сознания. Результаты абстрагирования и обобщения наших сенсорных моделей, результаты трансцендентальной апперцепции. Они лишь универсалии — абстрактные сущности объективной психической реальности.

Б. Рассел (2007) продолжает:

> Как и в случае с конкретностями, среди универсалий есть отношения, которые мы осознаем непосредственно. Мы только что видели, что можем воспринимать, что сходство между двумя оттенками зеленого больше, чем сходство между оттенком зеленого и оттенком красного. Здесь мы имеем дело с отношением, а именно с отношением «больше, чем» между двумя отношениями. Наше познание таких отношений, хотя оно и требует больше силы абстракции, чем в случае восприятия качеств чувственных данных, оказывается в той же степени непосредственным и (по крайней мере, в некоторых случаях) равно неоспоримым. Таким образом, имеется непосредственное знание универсалий, и это так же верно, как в случае чувственных данных [с. 89].

Автор справедливо полагает, что определенные отношения чувственно доступны нам. В том числе доступны субъективному измерению. Это так, но это совершенно ничего не меняет, так как конкретная белизна конкретного стола еще более очевидно доступна нам чувственно, так же как и сам конкретный стол, что, однако, не превращает ни *белизну*, ни *стол* (вообще) из универсалий в сущности физического мира. Так, и отношения, и действия остаются универсалиями, хотя в их основе тоже лежат чувственные восприятия.

В философии всерьез дискутируется возможность отказа от универсалий для «повышения точности» нашего языка и мышления. Т. Хилл (1965), например, пишет:

> ...полное исключение универсалий нецелесообразно и, может быть, даже невозможно... Во-первых, мы продолжаем использовать множество абстрактных терминов в форме имен существительных и непосредственно на местах субъектов в предложениях; и, конечно, наши языки и мышление были бы серьезно обеднены, если бы этот обычай был запрещен... Вдобавок к тому, что мы упорно продолжаем говорить на языке универсалий, этот язык, по-видимому, нужен нам для различных важных целей. Во-первых, нам нужно говорить о свойствах, которыми предметы обладают или которые мы им приписываем, когда что-то о них говорим, и большинству людей показалось бы абсурдным отрицать существование таких свойств. Во-вторых, нам нужно говорить об отношении свойств друг к другу... Только ценой отказа от очень больших областей не только человеческого языка, но и человеческого мышления можно целиком избавиться от универсалий [с. 459–460].

На деле, однако, отказ от универсалий просто невозможен. Универсалии являются необходимым элементом нашего мышления. Отказаться от них так же нельзя, как отказаться, например, от зрительных или слуховых образов. Это просто бессмысленно обсуждать. Вся наша «окружающая физическая реальность» выстроена из наших психических сущностей, представляющих собой универсалии или общие абстрактные понятия, и их «устранение» привело бы ни много ни мало к разрушению нашей реальности и сделало бы невозможным вербальное мышление. Следовательно, научные дискуссии о необходимости создания более точного языка, в котором присутствовали бы лишь понятия, обозначающие только физические сущности, — не более чем бессмысленные фантазии.

В. В. Бибихин (1993) справедливо полагает, что:

> ...опасность оказаться продуктами нашего представления нависает над всеми универсалиями. Они и без того обескураживающе скудны [с. 42–43].

Я сказал бы, что это даже не «опасность», а факт. Все универсалии — продукты человеческого мышления.

К. Гедель (2007), обсуждая позицию Б. Рассела, пишет:

> Классы и концепции (понятия. — *Авт.*) могут, однако, рассматриваться так же, как реальные объекты, а именно: классы — как «множественности вещей» или как структуры, состоящие из множественности вещей, а концепции — как свойства и отношения вещей, существующих независимо от наших определений и построений. Мне кажется, что предположения о таких объектах столь же допустимы, как и предположения о физических телах, и имеется столь же много причин верить в их существование [с. 247].

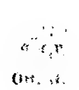
С автором можно было бы согласиться, если бы существовали объекты вообще: стол (вообще), стул (вообще), собака (вообще), но их нет, а есть лишь множество конкретных столов, множество стульев, множество собак. К тому же ни одно из множеств нельзя отождествить с той сущностью, которая обозначается соответствующим общим абстрактным понятием. Понятие *собака*, например, — это вовсе не множество конкретных собак, а универсальная вербальная модель любой чувственно воспринимаемой собаки из данного множества, тогда как множество собак обозначается понятием *стая собак*. Таким образом, даже если мы забудем о том, что и конкретная собака чувственно конституируется нашим сознанием, множество конкретных собак нельзя рассматривать как «реальный объект», соответствующий понятию *собака*.

Универсалии не зря носят такое название. Каждая из них действительно универсальная вербальная модель любого конкретного объекта из бесконечного множества сходных конкретных объектов. Как пишет К. Поппер (2004):

> Попытка охарактеризовать индивидуальную вещь только посредством ее универсальных свойств и отношений, которые кажутся принадлежащими лишь ей одной, обречена на провал. Такая процедура описывала бы не отдельную индивидуальную вещь, а целый универсальный класс тех индивидов, которые обладают указанными свойствами и отношениями [с. 61].

Но без универсалий вербальное моделирование реальности стало бы невозможным, так как потребовалось бы бесконечное количество понятий для обозначения каждого конкретного объекта в каждом таком множестве. Понятия, обозначающие конкретные объекты — имена собственные, весьма немногочисленны и используются для «маркировки» наиболее важных для человека объектов. Все остальные объекты обозначаются с помощью вербальных конструкций из универсалий: белая собака, дерево у калитки, серый чемодан с желтой наклейкой и т. д. и т. п.

Если уж даже Б. Рассел [2000, с. 226] допускает, что «бытие» универсалий «не просто духовное», то абсолютное большинство исследователей, далеких от философии, даже не пытаются обдумывать «нелепый» вопрос: *существует ли собака или стол физически?* Их существование не вызывало и сейчас не вызывает у большинства исследователей никаких сомнений. Доминирующий в науке подход соответствует в основном точке зрения К. Геделя [2007, с. 237–261], согласно которой понятия обозначают физические объекты и их множества, а также их свойства и отношения, существующие независимо от наших определений и построений. М. С. Строгович (2004), например, пишет:

> Объем общих понятий выражается в виде класса. Логический класс — это совокупность объектов, имеющих общие, им всем свойственные признаки, вследствие чего эти объекты охватываются общим понятием. ...Один класс является высшим по отношению к другому, если он включает его в себя вместе с другими классами. ...Класс, высший по отношению к другому, называется родом... Класс, низший по отношению к другому классу, который является родом, называется видом... Понятие, выражающее класс, являющийся родом, есть родовое понятие. Понятие, выражающее класс, являющийся видом, есть видовое понятие [с. 90].

В соответствии с такой, доминирующей сегодня точкой зрения обозначаемый универсалией или даже категорией класс — не просто множество объектов, имеющих общие признаки, но такая же часть физической реальности, такая же ее сущность, как и конкретный объект, и также присутствует в окружающем мире. Тем не менее еще Аристотель указывал:

Кажется невозможным, чтобы что-либо, обозначаемое как общее, было сущностью. Во-первых, сущность каждой вещи — это то, что принадлежит лишь ей и не присуще другому, а общее — это относящееся ко многому, ибо общим называется именно то, что по своей природе присуще больше, чем одному. Так вот, сущностью чего оно будет? Несомненно, или всех вещей, или ни одной. Но быть сущностью всех оно не может. А если будет сущностью одной, то и все остальное будет этой вещью; ведь то, сущность чего одна и суть бытия одна, само также одно... оно есть некоторое обозначение сути бытия. ...Итак, если исходить из этих соображений, то очевидно, что нечто, присущее как общее, не есть сущность... [цит. по: С. Неретина, А. Огурцов, 2006, с. 262–263].

Из сказанного следует: раз категории и универсалии — не сущности (не вещи, объекты, явления, предметы), то они не существуют в окружающем физическом мире.

Дж. Лакофф [2004, с. 33] отмечает, что первым обнаружил несоответствие категорий традиционному их пониманию как множества, обладающего общими признаками, Л. Витгенштейн, который отметил, что категория *игра* не имеет фиксированных границ. Она может быть расширена при условии, что новые игры похожи на то, что ранее принималось как игры. Л. Витгенштейн также обратил внимание на то, что могут быть хорошие и плохие примеры категории *игра*, тогда как согласно классической теории:

...категории едины в следующем отношении: они определяются набором признаков, которые разделяются членами категорий. Таким образом, не должно быть членов более центральных, чем другие члены [с. 34].

Дж. Лакофф [2004, с. 21–22] сообщает также, что исследования Элеоноры Рош выявили новые несоответствия классической теории. Из нее вытекают два следствия: во-первых, если категория определяется только посредством признаков, присутствующих у всех членов категории, то ни один член не может быть лучшим примером категории, чем другие; во-вторых, категории должны быть независимы от особенностей существа, производящего категоризацию, то есть они не должны учитывать такие вещи, как человеческая психология, движения человеческого тела и специфические человеческие способности. Однако исследования Элеоноры Рош и других авторов выявили, что категории имеют лучших и худших представителей, а человеческие свойства играют важную роль в категоризации.

Дж. Лакофф (2004) пишет:

Объективистский подход опирается на теорию категорий, которая восходит к древним грекам и даже сегодня принимается не просто как истинная, но как очевидно и несомненно истинная [с. 16].

...вещи объединяются в категорию на основании того, что они имеют общего. Положение, что категории определяются общим свойством, не только часть нашего повседневного мышления, но и один из важнейших научных принципов, который

был с нами на протяжении более 2000 лет. Классический взгляд, что категории базируются на общих свойствах, не является абсолютно неправильным. ...Но это только малая часть правды [с. 19].

Критикуя объективистские представления, согласно которым все категории либо являются элементарными, либо представляют собой их логические комбинации, Дж. Лакофф [2004, с. 223] отмечает, что в классической теории имеется два принципа организации категорий: иерархическая и перекрестная категоризация. Первая разделяет категории на субкатегории. Например, биологическая классификация делит животных на слонов, енотов, тигров и т. д. Из таких категорий образуются более крупные категории (млекопитающие и др.). Каждая из них, в свою очередь, может быть разделена на более мелкие категории (например, различные виды слонов). Перекрестная категоризация предлагает ряд разных категоризаций на одном и том же уровне. Например, люди могут быть разделены на категории в соответствии с возрастом (взрослые – дети) и полом (мужской – женский).

Автор [2004, с. 223] указывает, что в классической теории иерархическая и перекрестная категоризации являются единственными способами организации категорий. Считается, что смежные категории в иерархии всегда могут быть минимально отличимы одна от другой посредством одного признака, называемого различительным. Поэтому «хорошие» дефиниции должны минимально различать смежные категории – «Принцип Минимального Различия». Именно данный принцип заставляет ученых искать, например, одну существенную характеристику человека, которая отличает его от других животных. Согласно альтернативной идее смежные категории отличаются друг от друга пучками (кластерами) признаков, ни один из которых сам по себе не различает эти категории.

Дж. Лакофф (2004) продолжает:

Со времени Аристотеля до поздних работ Витгенштейна категории рассматривались как ясные и не представляющие проблем сущности. Они представлялись в виде абстрактных вместилищ с вещами или внутри, или вне категории. Принималось, что вещи относятся к одной и той же категории, если, и только если они имеют некоторые общие признаки. И признаки, которые были у них общими, рассматривались как определяющие эту категорию. Классическая теория не была результатом эмпирических исследований. Она даже не была предметом серьезных дискуссий [с. 21].

Автор [2004, с. 20–21] однако обращает внимание на то, что значительная часть наших категорий являются категориями даже не предметов, а абстрактных сущностей: событий, действий, эмоций, пространственных и социальных отношений. Они относятся к правительству, болезням, сущностям научных и повседневных теорий, таким как электроны, с одной стороны, и простуды – с другой. Дж. Лакофф (2004) пишет:

Человеческие категории не находятся объективно «в мире», внешнем по отношению к человеку. По крайней мере, некоторые категории являются воплощенными. Категории цвета, например, детерминируются совместно внешним физическим миром, человеческой биологий, человеческим умом и культурными факторами. Структура базового уровня зависит от человеческого восприятия, способности воображения, двигательных способностей и т. д. [с. 84].

> Категоризация является формой мышления. Сказать, что классические категории существуют вне каких-либо существ или умов, — значит сказать, что существует трансцендентная логика Вселенной, рациональность, которая выходит за пределы любого существа или любого ума. Классическая категоризация и классическая логика представляют собой две стороны одной медали [с. 458].

С тем, что категории не находятся объективно во внешнем мире, нельзя согласиться, так же, впрочем, как и опровергнуть это. Их действительно нет в физическом мире, но они тем не менее объективны, так как могут находиться вне отдельного человеческого сознания. Опять мы увязаем в неопределенных значениях терминов. *Верно ли утверждение, что в окружающей человека среде реально не существуют объекты (вообще), например: дерево (вообще), животное (вообще), стол (вообще) и т. п.?* Ответ на этот вопрос совсем не прост, и представления Платона имеют отнюдь не только исторический интерес, потому что эти объекты действительно реально существуют в окружающем нас мире, хотя и в особой форме.

Они существуют в объективной психической реальности, окружающей нас (см.: С. Э. Поляков, 2004). Объективную психическую реальность для каждого из нас создает субъективное содержание сознания множества людей, живущих вокруг и взаимодействующих с нами. Содержание их сознания включает в том числе и категории, которые, с одной стороны, являются субъективными элементами разных сознаний, но, с другой стороны, существуют независимо от сознания каждого конкретного субъекта и вне его — в сознании других людей.

Поэтому для конкретного человека они объективно существуют вне его собственного сознания. Более того, многие категории «восходят еще к древним грекам», то есть существуют более 2500 лет, а потому и принимаются «не просто как истинные, но как очевидно и несомненно истинные», к тому же «очевидно объективные» и внешние по отношению к каждому субъекту. И все же все они — лишь порождения человеческого сознания. Очевидно, что чужое психическое содержание доступно нам лишь потенциально, но, будучи экстериоризировано другими людьми, а затем интериоризировано нами, оно нередко становится для нас таким же объективным фактом, как реальные физические факты окружающего нас мира.

Интересно высказывание В. Виндельбанда (2007а), обсуждающего наследие И. Канта:

> ...категории имеют всеобщее и необходимое значение для всякого опыта, так как сам опыт появляется впервые только через посредство категорий. Но то, что возникает таким путем, состоит не в предметах, которые существуют сами по себе, но в предметах, возникших в виде синтеза представлений в упомянутом «сознании вообще», то есть в явлениях. Если же человеческое познание имеет дело лишь с явлениями, то совершенно очевидно, что существуют связанные с ними априорные понятия, ведь в виде явлений вещи существуют лишь в нас самих... Природа, как система вещей в себе, никогда не могла бы вылиться во всеобщее и необходимое познание, но природа, представляющая продукт нашей собственной организации, то есть мир явлений, может быть apriori понята исходя из ее всеобщих законов, ибо сами эти законы суть не что иное, как чистые формы нашей организации. Это учение Канта есть рационализм, поскольку утверждает и устанавливает априорное познание посредством форм человеческого ума; оно есть эмпиризм, поскольку ограничивает это познание опытом и данными в нем явлениями;

> оно есть идеализм, поскольку учит, что мы познаем лишь мир наших представлений; оно есть реализм, так как утверждает, что этот мир наших представлений есть явление, то есть усвоение, хотя и не отражение, нашим умом действительного мира. Все эти характеристики соединяются в учение Канта под именем трансцендентального феноменализма, чем указывается, что для индивидуального ума мир объектов есть продукт надындивидуальной организации, которая, однако, не противостоит этому уму как что-то чуждое, а, напротив, образует основу его собственной жизни [с. 89].

Парадоксально, но эти открытия И. Канта, сделанные им больше двух веков назад, до сих пор еще не поняты и не приняты в полной мере психологией.

2.2.2. Категоризация

Начнем рассмотрение категоризации[1] с возвращения к описанию восприятия. Дж. Брунер пишет:

> Мы полагаем, что теория восприятия должна включать, подобно теории познания, какие-то механизмы, лежащие в основе вывода и категоризации... Всякий перцептивный опыт есть конечный продукт процесса категоризации [1977, с. 13–15].

> Восприятие включает акт категоризации. Мы подаем на вход организма некое воздействие, а он отвечает, относя его к соответствующему классу вещей или явлений. «Это апельсин», – заявляет субъект или нажимает на ключ, заменяя вербальный ответ двигательным [2002, с. 164].

С этим утверждением, с одной стороны, трудно спорить. С другой стороны, его нельзя принять в качестве универсального правила, так как термин *категория* имеет совершенно конкретное значение — «предельно общее понятие» [Новейший философский словарь, 1998, с. 310]. Соответственно, категоризация — это не что иное, как отнесение чего-либо к определенному понятию. Следовательно, если восприятие обязательно включает акт категоризации, то у животных и детей, не владеющих еще речью, нет восприятия (?!), так как они не имеют понятий. Кстати, даже у взрослого человека восприятие вообще далеко не всегда имеет отчетливую связь с понятиями.

Возможно, утверждение Дж. Брунера теоретически можно рассматривать, используя данный термин в более широком смысле, отождествляющем категорию с неким множеством сходных или тождественных объектов, то есть понимая под категоризацией процесс актуализации зрительными впечатлениями модели-репрезентации множества сходных объектов, еще не имеющей названия, но выступающей уже как предпонятие, предкатегория?

---

[1] *Категоризация* — психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу, в качестве которого могут выступать вербальные и невербальные значения, символы, сенсорные и перцептивные эталоны, социальные стереотипы, стереотипы поведения и т. п. [Психологический лексикон, 2005, с. 212].

В литературе уже признается именно такая точка зрения. В. Ф. Петренко (2005), например, пишет:

> По аналогии с вербальными значениями, где психологической структурой значения признается система соотношения и противопоставления слов в речевой деятельности, можно предположить, что и образы, символы могут быть организованы в устойчивую систему отношения, которая функционирует как категориальная система, дублирующая или замещающая в некоторых ситуациях категориальную систему естественного языка [с. 48].

Сам Дж. Брунер (1977) говорит:

> Под категорией мы понимаем некоторое правило, в соответствии с которым мы относим объекты к одному классу как эквивалентные друг другу. Правило требует учитывать следующие черты объектов, составляющих категорию. 1. Свойства или критические значения признаков объекта... 2. Способ комбинирования этих значений... 3. Веса, приписываемые различным свойствам... 4. Допустимые пределы (свойств. — *Авт.*)... Говоря о правилах, мы отнюдь не имеем в виду какие-то сознательно формулируемые утверждения. Это просто те правила, которые лежат в основе процесса категоризации [с. 27–28].

> Категорию можно рассматривать как совокупность признаков, в зависимости от которых объекты группируются как эквивалентные [с. 30].

Тогда брунеровская *категоризация* — это актуализация в сознании под действием воспринимаемой информации определенной психической конструкции, представляющей собой, например, некое множество образов воспоминания. Однако и оно должно включать в себя обозначающее его определенное, к тому же предельно общее понятие (или категорию). В противном случае множество, состоящее из очень разных объектов, не сможет быть устойчивым. Без общего понятия не сможет возникнуть его сенсорное значение, так как именно понятие конституирует, «собирает» разнородное множество, создает новую чувственную целостность, выделяя ее из бесконечного многообразия прочих чувственных репрезентаций реальности.

Дж. Брунер (1977) полагает, что:

> ...если бы какое-нибудь восприятие оказалось не включенным в систему категорий, то есть свободным от отнесения к какой-либо категории, оно было бы обречено оставаться недоступной жемчужиной, жар-птицей, погребенной в безмолвии индивидуального опыта [с. 16].

Я лишь дополню, что таких «жемчужин» в нашем сознании бесчисленное множество.

Выводы Дж. Брунера, вероятно, верны применительно к восприятию взрослого человека, но ни о какой категоризации нельзя говорить у маленьких детей или у животных. Если уж и использовать этот неудачный в данном контексте термин, то тогда следует говорить по крайней мере о двух уровнях обработки воспринятой информации: сенсорном и вербальном. Категоризации на сенсорном уровне нет и быть не может по определению, но тем не менее, как сообщает, например, Г. Крайг (2004):

> ...в промежутке между 5-м и 8-м месяцем многие малыши начинают играть в социальные игры, такие как «ку-ку», «до свидания» или «куличики»; им нравится передавать взрослому какой-нибудь предмет и получать его обратно [с. 222].

Следовательно, они, не владея еще понятиями и не осуществляя категоризации, обладают уже механизмом сенсорного распознавания объектов, который предшествует собственно категоризации.

У взрослых людей категоризация, безусловно, играет важную роль в восприятии. Понятия могут облегчать актуализацию в сознании воспринимающего имеющейся в его памяти модели-репрезентации известного ему воспринимаемого им объекта, даже если сенсорной информации явно недостаточно, что красиво показал Дж. Брунер (1977):

> Допустим, я смотрю на камин... и вижу лежащий на нем прямоугольный предмет. ...Что это: пластиковая плитка, которую я заказал для одного прибора, или какая-то книга? Я вспоминаю, что пластик у меня внизу в одной из лабораторий. Таким образом, этот предмет — книга, и я ищу дальнейших указаний, всматриваясь в ее темно-красный переплет. Кажется, я вижу на нем золотое пятно. Это книга издательства «Мак-Гроу Хилл», вероятно, работа Дж. Миллера «Язык и коммуникация», которую я читал сегодня после обеда. Если хотите, это процесс постепенного сужения, последовательного ограничения категорий, к которым мы относим наш предмет [с. 25–26].

Э. Бехтель и А. Бехтель (2005) пишут:

> Отнесение объекта к какому-либо понятию требует его опознания не на индивидуальном, как в случае с идентификацией, а именно на понятийном уровне... Например, все прекрасно понимают, что такое собака, но мы думаем, что далеко не каждый человек способен осознанно сформулировать те признаки, на основании которых он идентифицирует принадлежность животного к данному понятию [с. 155].

Кстати, категоризация объекта, то есть «отнесение объекта к понятию», сформировавшемуся на основе соответствующей модели-репрезентации, происходит автоматически и не требует «выделения в объекте признаков», потому что понятие в этом случае представляет собой неотъемлемую часть соответствующей чувственной модели-репрезентации объекта. То же, о чем говорят авторы, является не «отнесением объекта к понятию», а построением вербальной конструкции, раскрывающей вербальное значение данного понятия. И вот именно она-то и требует формирования признаков, присущих понятию *собака*.

Дж. Брунер прав в том, что в процессе восприятия мира взрослым человеком часто происходит автоматическая категоризация воспринимаемого объекта, отнесение его к некоему известному множеству объектов, обозначаемому понятием — категорией. Мы автоматически и часто обозначаем мысленно то, что видим: дерево или столб, лиственное дерево или хвойное, кем является воспринимаемый нами человек: мужчиной, женщиной или ребенком, старый он или молодой, европеец, азиат или африканец и др. Но это происходит далеко не всегда. Большинство мгновенных образов восприятия опознаются на чувственном уровне и, не вызвав к себе интереса, не обратив на себя внимания, навсегда исчезают из сознания.

Есть и такие мгновенные образы и ощущения, которые, будучи опознанными лишь на чувственном уровне, еще до того, как станут предметом внимательного рассмотрения, вызывают, например, автоматический двигательный ответ: моргание глаза, отскок, защиту рукой и т. д. Те же мгновенные образы восприятия, которые все же актуализируют в сознании соответствующие им модели-репрезентации, в первую очередь актуализируют в том числе входящие в модели-репрезентации

вербальные образы (понятия). Следовательно, категоризация образов восприятия происходит автоматически в процессе актуализации модели-репрезентации воспринимаемого объекта. Появляющийся в структуре модели-репрезентации воспринимаемого объекта образ обозначающего объект слова выступает как существенный признак объекта, позволяющий быстро его опознать.

Итак, следует различать: 1) узнавание, или идентификацию, объекта, доступную человеку уже на сенсорном уровне, 2) категоризацию, или обозначение, объекта, возможную лишь на уровне, требующем усвоения соответствующих понятий, и 3) вербализацию сущности объекта, требующую владения вербальным конструированием, раскрывающим смысл образов объекта и соответствующего понятия в форме вербальной, а затем и языковой конструкции.

Г. К. Триандис [2007, с. 126] полагает, что категоризация – необходимый функциональный процесс, упрощающий восприятие окружающей среды. При категоризации теряется огромная часть информации, но устраняются те трудности, которые возникли бы, если бы мы, например, каждый раз обращали внимание на 7,5 миллиона окружающих нас цветовых оттенков. Автор обращает внимание на широкое распространение типичных ошибок в категоризации событий и явлений. Например, относя людей к европейцам или афроамериканцам, мы теряем значительный объем информации. Кроме того, мы приписываем этим категориям определенную долю ошибочной информации.

Осуществляя категоризацию, мы упрощаем и стереотипизируем реальность. Относя, например, всех профессоров к категории *рассеянные люди,* мы заведомо формируем неточные утверждения, помогающие нам тем не менее упрощать процесс переработки информации. Стереотипизация происходит потому, что мы не можем справиться со всей доступной нам информацией. Автор [2007, с. 127] говорит о том, что «конструирование реальности» служит основанием наших предпочтений и предрассудков. Действительно, упрощающее вербальное конструирование кратких, но стереотипных и ограниченных моделей реальности лежит в основе предрассудков.

Категоризация, или процесс формирования все более и более общих понятий, – это упрощающее и усредняющее многочисленные аспекты реальности символическое ее моделирование, процесс естественный и необходимый для успешной адаптации человека в мире. Уже само по себе формирование понятия – замена множества сенсорных моделей образом единственного объекта – соответствующего слова есть механизм упрощения. Дальнейшим упрощением является построение вербальных конструкций, замещающих часто уже не одну, а множество сложных сенсорных конструкций, обозначаемых образом нового слова. Но это действительно единственный путь, позволяющий переработать поступающий в наше сознание безграничный океан сенсорной информации.

Ш. Тейлор, Л. Пипло и Д. Сирс [2004, с. 287] тоже отмечают, что с помощью категоризации мы фильтруем повседневный опыт и направляем свое внимание на наиболее важные аспекты этого опыта. В. А. Лекторский [2001, с. 142] пишет, что категории не просто наиболее общие понятия, а способы конструирования самого опыта. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что не только категории, но любые самые простые наши понятия – это способы конструирования и сегментирования нашего опыта.

Дж. Лакофф [2004, с. 54] напоминает, что согласно классической теории мир состоит в основном из естественных классов вещей и естественные языки содержат слова, называемые «именами естественных классов», которые соответствуют этим естественным классам. Он пишет (2004):

> На Западе, и я подозреваю, что также в других культурах, чрезвычайно распространено представление, что существует единственно правильная таксономия природных объектов — растений, животных, минералов и т. д. ...Таксономические модели типичны для человеческого познания и встроены во все языки. Они относятся к самым распространенным средствам упорядочения нашего опыта. ...Таксономии, в конечном итоге, делят объекты на роды, и обычно принимается как данное, что имеется только одно правильное разделение мира природы на естественные роды. Поскольку научные теории развились из народных теорий, вовсе не удивительно обнаружить, что народные критерии для приложения таксономических моделей проникают в науку [с. 164].

Автор [2004, с. 167] сообщает, что в традиционной биологии имеется по крайней мере два вида таксономических моделей: кладистические и фенотипические. Во многом они совпадают, но не всегда. С научной точки зрения оба вида моделей обоснованны. Тем не менее давление объективистского подхода, в соответствии с которым существует только одна правильная таксономия, вынуждает исследователя выбрать ту или другую модель, в крайнем случае третью, совмещающую черты обеих. Автор полагает, что причина этого в самой народной теории категоризации, которая говорит, что вещи входят в определенные роды, характеризующиеся общими признаками, и что существует лишь одна правильная таксономия родов. За народной теорией стоит сам «здравый смысл». Когда же народная теория и научная теория совпадают, становится еще труднее понять, где эта теория препятствует дальнейшему продвижению и даже что вообще имеется такая теория.

Дж. Лакофф (2004) обсуждает проблему, с которой мы сталкиваемся, рассматривая пойманную рыбу, если, с одной стороны, по фенотипическим критериям это — рыба, а с другой стороны, по кладистическим критериям это — целакант. Автор пишет:

> Объективизм требует, чтобы ответ был абсолютно правильным. Однако в данном случае нет оснований для предпочтения одного набора научных критериев другому, и поэтому нет никаких оснований полагать, что существует один, и только один объективно правильный ответ [с. 247–248].

Он полагает, что «естественные роды» являются частью народной концепции мира, но не частью какой-либо научной концептуальной системы, где в конечном итоге будет достигнуто общее согласие по этому вопросу. Можно только согласиться с ним и добавить, что «естественный род» — всего лишь абстрактное понятие, а в окружающем мире вовсе нет рыбы (вообще), а есть множество конкретных животных. Если это понять, то все проблемы таксономии мгновенно решаются. При этом, безусловно, будет отброшено, например, и положение о «естественных» биологических категориях, которые якобы существуют в окружающем нас мире.

Дж. Лакофф [2004, с. 168] утверждает, что существуют народные и научные теории медицины, политики, экономики и т. д. Каждая из них включает идеализированные когнитивные модели[1].

И очень часто такие модели не согласуются друг с другом. Например, многие люди имеют два способа понимания того, что такое электричество, представляя его то как непрерывный поток жидкости, текущий, подобно воде, то как облако электронов, двигающихся, как люди в толпе. Таким образом, мы можем иметь разные модели, репрезентирующие в нашем сознании (в том числе метафорически) те или иные сущности.

Дж. Лакофф отмечает, что научный реализм в отличие от объективизма признает возможность более чем одного, правильного с научной точки зрения способа понимания действительности. Теории с различным делением мира на объекты и категории объектов могут быть одинаково относительно правильными.

Итак, нет в природе «естественных категорий». Не бывает *тигра*, *вороны* или *рыбы* (вообще). В окружающем мире есть только конкретные тигры, вороны и рыбы, а *тигры, вороны* или *рыбы* (вообще) есть лишь в нашем сознании, которое создало эти понятия и оперирует ими. Вместе с тем все эти категории существуют в объективной психической реальности независимо от конкретного человека и, кстати говоря, даже относительно независимо от моделируемого ими физического мира. Так, динозавров давно нет в физическом мире, но они неплохо «чувствуют себя» в нашей объективной психической реальности.

В окружающем нас мире действительно существуют «объективные» категории, но это категории объективной психической реальности, а не категории реальности физической, как принято считать. И в объективной психической реальности они доступны человеческой коррекции, то есть уничтожению и созданию новых. Человек создает эти категории, и они зависят от него не меньше, чем от мира, который моделируют. Парадокс в том, что сами эти созданные человеком «объективные» категории нередко начинают замещать для него реальный физический мир.

А. Р. Лурия (2005) приводит данные о том, что у людей существуют разные принципы категоризации окружающих объектов, которые зависят от образования. По мере овладения языком и грамотой:

> ...функционально-образные операции мышления заменяются семантическими и логическими операциями, в которых слова (понятия. — *Авт.*) становятся основным средством абстрагирования и обобщения... Обычно вместо попыток подобрать

[1] ...Мы организуем наше знание посредством структур, называемых идеализированными когнитивными моделями... Наилучший способ обрисовать, что такое ИКМ, — это прибегнуть к помощи примеров. ...Возьмем... слово *Tuesday*, вторник. *Tuesday* может быть определен только относительно ИКМ, которая включает естественный цикл, заданный движением солнца, стандартные способы определения, когда кончается один день и начинается другой, и семидневный календарный цикл большего размера — неделю. В этой идеализированной модели неделя представляет собой целое, состоящее из семи частей, организованных в линейную последовательность; каждая часть называется «день», а третий из этих дней — *Tuesday*. ...Наша модель недели называется идеализированной. Семидневные недели не существуют объективно в природе. Они созданы людьми [Дж. Лакофф, 2004, с. 99–100].

«сходные предметы» они (взрослые испытуемые, не имевшие никакого образования или имевшие начальное образование. — *Авт.*) принимались отбирать предметы, «подходящие для определенной цели». ...Например, «этот предмет» был необходим, чтобы выполнить одну работу, а «тот» — для другой работы. Они не видели никакой необходимости сравнивать и группировать все предметы и разносить их по особым категориям. ...В результате каждый испытуемый группировал предметы... в зависимости от той образной ситуации, которую он себе представлял. ...Когда мы пытались предложить испытуемым другой способ классификации предметов, основанный на абстрактных принципах, они обычно отвергали его на том основании, что такой подход не отражает присущие предметам связи и что человек, занимающийся подобной группировкой, просто «глуп» [с. 312–313].

Следовательно, абстрактные иерархии понятий и соответствующие им способы классификации объектов человек усваивает лишь в процессе специального обучения. Мне кажется естественным предположить, что привычные нам абстрактные классификации, представляющиеся западному мышлению наиболее, а то и единственно адекватными, по-видимому, имеют больше теоретическое и общенаучное, чем практическое, значение в реальной жизни людей. А. Р. Лурия [2005, с. 314] подтверждает это, отмечая, что испытуемые, которые имели основы школьного образования, давали уже смесь практических и теоретических методов обобщения.

2.2.3. Категории базового уровня

В последние десятилетия в литературе активно обсуждаются так называемые «категории базового уровня». Дж. Лакофф [2004, с. 53] отмечает, что начало изучения категорий базового уровня связывают с работами Р. Брауна, который обнаружил, что этот уровень категоризации имеет следующие свойства: это уровень различительных действий; уровень, который изучается наиболее легко и на котором вещи впервые получают свои имена; это уровень, на котором имена наиболее короткие или употребляются наиболее часто; это естественный уровень категоризации, противопоставленный уровням, созданным «достижениями воображения».

Процессы категоризации самым тесным образом связаны не только с визуальными и аудиальными моделями репрезентируемых категориями сущностей и их свойств, но и с кинестетическими моделями действий человека с этими сущностями. Дж. Лакофф (2004) цитирует Р. Брауна:

Когда сын Льюиса впервые смотрит на желтые нарциссы в вазе и слышит, что их называют цветами, ему говорят, чтобы он их понюхал, и мы можем предположить, что его мать склоняется над цветами и делает как раз это. Когда мяч называют «мяч», с ним, скорее всего, играют, заставляя его скакать и прыгать. Когда кошку называют кошечкой, ее, скорее всего, гладят. «Нюхать», «скакать» и «гладить» являются действиями, четко связанными с определенными категориями. ...Эти действия являются отличительными, потому что они могут функционировать как символы этих категорий. ...Цветы обозначаются действием втягивания носом воздуха, но нет действия, которым отличают один вид цветов от другого. Первые имена, даваемые вещам, попадают на уровень отличительных действий, но имена продолжают кодировать мир на всех уровнях, а отличительные действия — нет [с. 52].

Б. Стросс [B. Stross, 1969], исследуя обучение языку тцелтал, обнаружил, что в первую очередь ребенок усваивает названия растений, которые являются родовыми наименованиями, то есть категории базового уровня. Дж. Лакофф [2004, с. 54–55] сообщает об исследовании Б. Берлина и его сотрудников:

B. Berlin, D. Breedlove, P. Raven (1974), изучая народную классификацию растений и животных у людей, говорящих на языке тцелтал в Мексике, обнаружили, что один из классификационных иерархических уровней — «род» является для них важнейшим, или базовым, а их классификационная иерархия выглядела примерно так:

Уровень	**Примеры**
ВИДЫ	Сахарный клен, белый дуб
РОД	Дуб, клен
ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ	Лиственное дерево, хвойное дерево
ЖИЗНЕННЫЕ ФОРМЫ	Дерево, куст, птица, рыба
НАИВЫСШИЙ	Растение, животное

Примерами растений и животных на уровне «рода» являются дуб, клен, кролик, енот и т. д. Авторы полагают, что уровень рода является психологически базовым в следующих отношениях.

Люди предрасположены называть вещи на этом уровне.

Языки располагают более простыми именами для вещей на этом уровне.

Категории этого уровня имеют большую культурную значимость.

Вещи на этом уровне запоминаются более легко.

Вещи на этом уровне воспринимаются целостно, как единый гештальт, тогда как для идентификации на более низком уровне должны быть выбраны специфические признаки (называемые отличительными свойствами), отличающие, например, один вид дуба от другого.

По мнению Дж. Лакоффа, гипотеза Б. Берлина позволяет предположить, что мы не встретим культур, где все уровни категоризации отличались бы от наших и от тцелтал, просто потому, что все люди имеют одинаковые способности гештальтного восприятия и моторики, которые и играют главную роль в формировании категорий базового уровня. Он приводит также данные Элеоноры Рош и соавторов и сообщает, что они:

...обнаружили, что базовый уровень — это: наивысший уровень, на котором члены категории имеют воспринимаемый чувствами сходный внешний вид; наивысший уровень, на котором единичный ментальный образ может отражать целую категорию; наивысший уровень, на котором люди используют сходные физические действия для взаимодействия с различными членами категорий; уровень, на котором члены категорий идентифицируются наиболее быстро, уровень с общеизвестными и наиболее употребительными обозначениями членов категорий; первый уровень, осваиваемый и именуемый детьми; первый уровень, на котором слова входят в язык; уровень с наиболее короткими основными лексемами; уровень, на котором слова используются в нейтральных контекстах... уровень, на котором находится в систематизированном виде большая часть наших знаний [с. 71–72].

Автор [2004, с. 72] заключает, что категории базового уровня являются базовыми в следующих четырех отношениях: 1) целостно воспринимаемый внешний вид; единый ментальный образ; быстрая идентификация; 2) общая двигательная программа; 3) наиболее короткие, наиболее общеупотребительные и контекстуально нейтральные слова, которыми дети овладевают в первую очередь, первичные с точки зрения вхождения в словарный состав языка; 4) большинство признаков членов категорий хранится на этом уровне. Он [2004, с. 351] полагает, что именно на этом уровне опыта мы четко отличаем тигров от слонов, розы от нарциссов, спаржу от брокколи. Один иерархический уровень вниз — и все значительно усложняется. Гораздо труднее отличить один вид жирафа от другого, чем жирафа от слона. По его мнению, изучение категоризации базового уровня позволяет сделать вывод, что наш опыт доконцептуально структурирован на этом уровне.

Лично я уделяю такое внимание *категориям базового уровня* потому, что у людей обычно легче всего и в первую очередь возникают модели-репрезентации именно тех сущностей, которые обозначаются потом этим понятием. Вероятно, это связано с тем, что ребенку легче дифференцировать объекты, принадлежащие к разным родам, чем объекты, принадлежащие к разным видам внутри одного рода. Кроме того, образы объектов внутри рода гораздо легче формируют собирательную модель-репрезентацию, чем образы объектов внутри более общего, чем род, понятия.

Примером такого более общего понятия является домашнее животное, а примерами рода — *собака, кошка, корова* и т. д. Для усвоения родового понятия достаточно формирования модели-репрезентации и ассоциации ее с соответствующим вербальным образом. Тогда как для интериоризации более общего понятия обычно требуется уже усвоение и понимание ребенком специальной вербальной конструкции, раскрывающей значение соответствующего общего понятия, или даже специальное обучение, которое позволит ему построить такую конструкцию самостоятельно. Пример такой конструкции: *домашние животные — те животные, которые живут рядом с человеком: собака, кошка, корова и т. д.*

Исследователи понимают неразрывную связь понятий базового уровня с сенсорными моделями, на основе которых эти понятия возникают. Дж. Лакофф (2004), в частности, прямо пишет:

> Согласно новым взглядам, наш чувственный опыт и способы использования механизмов воображения являются основополагающими в отношении того, как мы создаем категории для осмысления опытных данных [с. 10].

Категории базового уровня (или общие абстрактные понятия) обозначают объекты того уровня, где физические сущности, во-первых, моделируются сенсорно с помощью собирательной модели-репрезентации и, во-вторых, где эти модели-репрезентации наиболее отчетливо различаются между собой. Поэтому отнесение к категории базового уровня только понятий, обозначающих разные роды, не совсем верно, так как значениями многих понятий, относимых, например, к категориям более высоких уровней: *промежуточный* уровень (*лиственное дерево, хвойное дерево и даже дерево вообще*) и уровень *жизненные формы (дерево, куст, птица, рыба)*, тоже являются собирательные чувственные модели-репрезентации,

складывающиеся из множества сходных образов. Например, образов воспоминания и представления разнообразнейших деревьев, с которыми человек реально сталкивался в своей жизни.

Хотя модели-репрезентации объектов на уровне *промежуточный* уже начинают «расплываться» из-за различий, например, между листьями и хвоей деревьев или из-за разной высоты деревьев и т. д., это «расплывание» не больше чем на уровне рода (который относят к базовому). Так, в родовой категории *дуб* столетний обычный дуб, например, отличается от трехлетнего саженца краснолистного дуба, видимо, никак не меньше, чем столетний дуб от столетней сосны. «Расползание» единой сенсорной модели-репрезентации, выступающей как значение понятия, более отчетливо заметно уже на уровне следующего обобщающего понятия – *наивысший* (уровень) по терминологии Б. Берлина и соавторов. Так, в качестве сенсорного значения понятия *растение* выступает уже целый ряд разных собирательных моделей-репрезентаций, являющихся значениями понятий предшествующего иерархического уровня: *дерево, цветок, трава, водоросль* и т. д. На уровне следующей обобщающей категории – *живое,* которую можно было бы ввести, собирательной модели-репрезентации как таковой уже нет вовсе. Это понятие лишь иллюстрируется отдельными чувственными образами, в чем-то сходными между собой, а его значением является уже вербальная конструкция.

Дж. Лакофф [2004, с. 482] подчеркивает, что в отличие от классической теории категорий, полагающей, что они определяются исключительно объективно данными признаками, разделяемыми членами этой категории, структура категорий базового уровня отражает физическую телесную природу людей, осуществляющих категоризацию, зависит от гештальтного восприятия и моторных движений. Она также зависит от механизмов человеческого воображения – способности формировать ментальные образы, хранить знания на определенном уровне категоризации и осуществлять коммуникацию. Предполагавшееся классической теорией отношение между категориями в мире и их «ментальными репрезентациями» не имеет места. Ментальным репрезентациям категорий не может быть придано значение через их отношение к категориям в мире.

Я сказал бы определеннее: нет ментальных репрезентаций категорий, якобы существующих в физическом мире, так как в нем нет никаких категорий. И тем не менее категории все же есть во внешнем по отношению к человеку объективном мире. Они есть в объективной психической реальности.

2.2.4. Прототип как «ядро» собирательной модели-репрезентации

Дж. Лакофф [2004, с. 21] полагает, что категоризация стала главной областью исследований в когнитивной психологии благодаря работам Элеоноры Рош.

Элеонора Рош (Eleanor Heider, 1972; Eleanor Rosch, 1973; 1978) ввела понятие «степени категориального членства», отражающего, насколько тот или иной объект является типичным представителем своей категории. Она предлагала испытуемым

в том числе оценить типичность различных объектов в группах, обозначаемых общим понятием: вид спорта, овощи, птицы и т. п., по 7-балльной шкале, где 1 обозначало максимальную, а 7 — минимальную типичность объекта. Наиболее типичным овощем оказалась морковь (1,1), а наименее типичным — петрушка (3,8); наиболее типичным видом спорта — футбол (1,2), а наименее типичным — тяжелая атлетика (4,7); наиболее типичной птицей — малиновка (1,1), а наименее типичной — пингвин (3,9). На идентификацию менее типичных представителей категории затрачивалось больше времени, чем на идентификацию более типичных. Например, утверждение «малиновка — птица» испытуемый признавал истинным быстрее, чем утверждение «пингвин — птица».

Элеонора Рош рассматривает понятие *прототип* как «лучший представитель категории» — целой группы сходных объектов, обозначаемой общим понятием. Позже она стала подчеркивать, что рассматривает прототип скорее как полезную абстракцию, то есть как суммарную абстрактную репрезентацию, обладающую наиболее характерными признаками понятия. Она (E. Rosch, 1978) пишет:

...прототипы сами по себе не образуют какую-либо особую модель обработки, представления и изучения данных. Этот момент часто понимается неправильно и поэтому требует разъяснения. 1. Прототип вообще представляет собой удобную грамматическую фикцию; то, что на самом деле обозначается в этом случае, это суждения о степени прототипичности... По отношению к категориям естественного языка говорить о единой сущности, что она является прототипом, — значит либо в высшей мере неправильно интерпретировать эмпирические данные, либо неявно иметь в виду теории ментальных репрезентаций. 2. Прототипы не образуют какой-либо отдельной модели обработки данных для категорий... 3. Прототипы не представляют собой теории репрезентации для категорий... 4. Хотя прототипы должны изучаться, они не образуют какой-либо отдельной теории изучения категорий [с. 40–41].

Как я уже отмечал, представление о том, что понятие «определяет класс или категорию, в которую входит некоторое количество индивидов или субтипов» [см., например: Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг, 2001, с. 357], доминирует в современной психологии. Хелен Гейвин [2003, с. 137] полагает, что искусственные понятия могут быть определены четко. Примером такого понятия является квадрат, определяемый как фигура с четырьмя равными сторонами и четырьмя прямыми углами. Естественные же понятия не могут быть определены четко. Понятие *птица* включает экземпляры, которые соответствуют не всем атрибутам (характеристикам, качествам). Например, страусы не могут летать, а летучие мыши могут. Однако страусы являются птицами, а летучие мыши — нет. Предполагается, что человек формирует умственные списки атрибутов и сравнивает новые элементы со списком, о чем пишет, в частности, Д. Медин (Medin, 1989).

Разные исследователи понимают понятие *прототип* по-разному. Кто-то понимает его как Элеонора Рош. Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг (2001), например, пишут:

Согласно мнению многих исследователей... каждый из нас удерживает в памяти мысленный прототип для каждого из наших понятий — прототип птицы, прототип стула и т. д. (Rosch, 1973 б; Rosch & Mervis, 1975; Smith & Medin, 1981). Эти прототипы обычно заимствованы из нашего опыта, так что каждый прототип обеспечивает что-то

вроде мысленного среднего всех примеров понятия, с которыми сталкивался человек. Что касается птиц, то люди предположительно видели гораздо больше малиновок, чем пингвинов. В результате нечто, напоминающее малиновку, будет сохранено в нашей системе памяти, а затем будет ассоциироваться со словом «птица». Когда человек позднее увидит новый объект, он оценит его как птицу в той мере, в какой он напоминает прототип. Воробей напоминает его во многих отношениях и поэтому оценивается как «хорошая птица»... [с. 410–411].

Таким образом, «мысленный прототип, который каждый из нас удерживает в памяти», по терминологии авторов — «нечто, напоминающее малиновку», феноменологически представляет собой не что иное, как центральную часть (ядро) модели-репрезентации объекта, обозначаемого нами понятием *птица*.

Некоторые исследователи отождествляют прототип с наиболее типичным «лучшим» экземпляром или образцом. Хелен Гейвин (2003) пишет:

Естественные понятия известны как «неясные» понятия в том смысле, что их границы подвижны. Тем не менее существуют некоторые экземпляры, типичные для понятия. Подумайте о птице: какой образ вы представили? Этот образ и есть прототип [с. 138].

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и другие (2007) тоже полагают, что прототип понятия —

...это те признаки, которые принадлежат наилучшим примерам данного понятия [с. 375].

По их мнению:

Специальное обучение служит средством научения ядрам понятий, тогда как в личном опыте мы приобретаем прототипы. Так, кто-то рассказывает ребенку, что «вор» — это тот, кто берет собственность другого человека и не собирается ее возвращать (ядро понятия), тогда как из свого опыта ребенок может узнать, что воры — ленивые, растрепанные и опасные (прототип) [там же].

Таким образом, прототип авторы отождествляют с образцом или даже с конкретным экземпляром, а вербальное значение понятия[1] рассматривается ими как «ядро понятия».

Согласно Большому толковому психологическому словарю (2001а), прототип — тоже:

...наиболее типичный образец класса или категории вещей. ...Абстракция, основанная на общих чертах или функциях элементов класса или категории... [с. 132].

В. В. Нуркова (2006) полагает, что прототип —

...это некоторая «главная идея» того или иного объекта. Прототип задает внешнюю рамку опознания объекта, как бы ставя перед человеком вопрос: входит ли данный стимул в множество N? Показано, что прототип не имеет четких фиксированных границ, так что отнесение объекта к той или иной категории во многом зависит от контекста [с. 247].

---

[1] Подробнее о вербальном значении понятия см. в гл. 2.8.

Я, однако, совершенно согласен с Элеонорой Рош в том, что прототип — это лишь конструкт исследователей. Он выделяет в форме особой абстрактной сущности ядро сенсорной модели-репрезентации, являющейся значением определенного понятия. Например, среди многочисленных образов воспоминания и представления, составляющих модель-репрезентацию множества конкретных объектов, обозначаемых понятием *птица*, легко выделяется группа центральных, или наиболее типичных, образов, образующих ядро собирательной модели-репрезентации этого объекта, и периферийные, менее типичные образы.

Типичные образы репрезентируют наиболее характерные объекты, обозначаемые данным понятием, и их элементы. Это в первую очередь образы объектов, летящих в воздухе, машущих крыльями, имеющих перья, клюв и две лапы с когтями. Тогда «прототипом» для объекта *птица* является собирательная чувственная модель-репрезентация абстрактного объекта, который имеет два крыла, перья, две лапы с когтями, туловище и голову с клювом, который умеет летать, размножается, откладывая яйца, и т. д. Все перечисленные наиболее типичные элементы могут быть представлены лишь у некоторых объектов, входящих в обозначаемое понятием *птица* множество. Чем больше главных признаков понятия присутствует у конкретного объекта из данного множества, тем лучше он соответствует понятию *прототип*.

Хелен Гейвин (2003) пишет о том, что существуют три основные теории выработки понятий: теория атрибутов, теория образцов и экземплярный подход. Согласно теории атрибутов, человек ищет определяющие свойства (атрибуты) объекта, обозначаемого понятием. Образцы сходны с прототипами, но являются не «суммарной репрезентацией», а репрезентацией конкретных объектов, которые лучше всего представляют понятие. Таким образом, если прототип «птицы» — визуальный собирательный образ существа с крыльями, перьями, возможно находящегося в гнезде, и т. д., то образец является визуальным образом реальной птицы, которая наиболее типична: воробей, ворона, малиновка и т. д.

Понятие *образец* легко иллюстрируется реально существующими в нашей психике чувственными образами таких наиболее типичных объектов в группах сходных объектов, обозначаемых общими понятиями: *собака, дом, дерево, птица* и др. Иными словами, образец — это сенсорная модель-репрезентация одного из наиболее характерных для данного множества объектов, обозначаемых общим понятием. Например, среди объектов множества, обозначаемого понятием *собака,* объект — восточно-европейская овчарка Пират, конкретный трехлетний кобель, — может рассматриваться как образец этого множества.

И. П. Меркулов (2006) замечает:

> Наличие прототипов в содержании нечетких понятий в целом хорошо согласуется с реальными особенностями повседневного мышления людей, которые часто думают и рассуждают более конкретно, чем этого требует ситуация. Если верно, что любое нечеткое понятие может быть представлено своим собственным специфическим примером или подклассом соответствующих случаев, то становится понятным, почему мы, оперируя понятиями, мыслим все же с помощью конкретных примеров [с. 258].

Автор ссылается на данные Д. Нормана, согласно которым для учащихся средней школы в Северной Каролине «идеальное животное» оказывается чем-то вроде волка или собаки. Таково же «идеальное млекопитающее». И. П. Меркулов (2006) полагает, что:

> ...некоторые наши мыслительные преобразования (операции)... (скорее всего, в силу двойного кодирования информации в нашей когнитивной системе) требуют только конкретных репрезентаций, и потому одна из функций прототипов — запускать эти процессы [с. 258].

Возникает вопрос: *действительно ли мы замещаем в мышлении понятия прототипами и вообще используем в своем мышлении прототипы?*

Мне представляется, что прототипы — это лишь удобные и понятные исследовательские конструкты и их как таковых вовсе нет в человеческом сознании. Они не являются психическими феноменами, поэтому наше мышление вовсе их не использует, оперируя понятиями и моделями-репрезентациями.

Цитируя Л. Брукса (L. R. Brooks), И. П. Меркулов (2006) пишет:

> Характерно, что дети в возрасте приблизительно до 10 лет в процессе категоризации объектов ориентируются исключительно на прототипы. Это позволяет предположить, что прототипы многих классических понятий становятся известны людям до познания их сущности. Только с 10 лет и старше дети демонстрируют ясный сдвиг от прототипа к сущности как окончательному арбитру в выборе понятийного содержания, и в этом, бесспорно, проявляется влияние систематического образования [с. 259].

Думается, что автор называет «прототипами» сенсорные значения понятий, а «сущностью» понятий — их вербальное значение. Еще в многочисленных исследованиях Ж. Пиаже и его сотрудников было установлено, что формирование вербального значения понятий у детей, естественно, задерживается по сравнению с чувственным значением тех же понятий. И поэтому при объяснении окружающим значения понятий детям легче пользоваться образцами.

Другое дело, что дети и даже некоторые взрослые, как пишет И. П. Меркулов (2006):

> ...часто думают и рассуждают более конкретно, чем того требует ситуация [с. 258].

Это, однако, происходит не от того, что они используют в своем мышлении прототипы или образцы вместо соответствующих понятий, как полагает автор. Просто значения этих понятий у них более конкретные, преимущественно чувственные вследствие недостаточного развития вербального мышления.

Как мы уже обсудили выше, существует два основных и радикально различающихся пути образования понятий. Первый («снизу вверх») — связывание сенсорного предпонятия и модели-репрезентации соответствующего слова. Второй («сверху вниз») — построение (редко) или интериоризация из объективной психической реальности (обычно) вербальной конструкции, с которой ассоциируется образ (точнее, модель-репрезентация) определенного слова. И при первом, и при втором способе образования общих абстрактных понятий возникают психические конструкции, репрезентирующие любой входящий

в определенное множество объект, явление, свойство и т. п. Объекты, входящие в обозначаемое понятием множество, могут быть более типичными для данного множества или менее типичными, то есть более или менее прототипическими. Таким образом, прототипичность — степень соответствия конкретного члена данного множества прототипу.

Множество визуальных моделей конкретных объектов, например птиц, составляющих содержание общего понятия *птица,* можно представить графически в виде синусоиды. Наиболее типичные (прототипические) зрительные образы (воробья, вороны, малиновки и др.) группируются здесь вокруг пика синусоиды. Наименее прототипические (образы пингвина, страуса и т. п.) смещены влево и вправо. Вообще конструкт «прототип» легче сформировать применительно к понятиям, формирующимся «снизу», на базе собирательной модели-репрезентации множества сходных объектов. Тогда как для понятий, формирующихся по механизму «сверху вниз» на основе вербальных конструкций, характерны лишь прототипические эффекты, которые заключаются в том, что некоторые члены множества, обозначаемого данным понятием, соответствуют вербальной конструкции, являющейся значением этого понятия, в большей степени, чем прочие члены данного множества, то есть имеют максимальное количество главных признаков, или атрибутов, понятия, включенных в вербальную конструкцию.

Если применительно к понятиям, формирующимся на базе сенсорных моделей, выделение более или менее прототипических сущностей не вызывает особых затруднений, то в случае понятий, возникающих на основе вербальных конструкций, это сделать гораздо сложнее. Тем не менее ряду авторов в своих работах это удалось. Так, Дж. Росс (J. Ross, 1972) показал, что такие синтаксические категории, как *существительное, глагол* и *прилагательное,* демонстрируют в английском языке прототипические эффекты. Линда Коулмен и П. Кей (L. Coleman, P. Kay, 1981) обнаружили прототипические эффекты для категории *ложь;* в их экспериментах испытуемые распределяли высказывания по различным группам в зависимости от того, насколько хорошим примером лжи является данное высказывание.

По мнению Дж. Лакоффа, прототипические эффекты у понятий, формирующихся на базе вербальных конструкций (терминология моя), проявляются в том, что в качестве наиболее близких к прототипу здесь могут, например, рассматриваться даже социальные стереотипы[1]. Автор [2004, с. 121] пишет, например, что наиболее прототипичным является именно социальный стереотип холостяка — это красавец мужчина, встречающийся с множеством разных женщин, одерживающий много сексуальных побед, постоянно околачивающийся в барах для знакомств и т. д. Тогда как те бесспорные холостяки, которые не соответствуют социальному стереотипу: иерархи церкви, геи, Тарзан и т. п., являются менее прототипичными.

Проблема прототипичности сущностей, обозначаемых понятиями, значениями которых являются вербальные психические конструкции, осложняется

[1] *Социальный стереотип* — устойчивое, категоричное и крайне упрощенное представление (мнение, суждение) о каком-либо явлении, группе, исторической личности, распространенное в данной социальной среде... [Большой психологический словарь, 2004, с. 524].

тем, что сами эти понятия могут моделировать как реально присутствующие в окружающем человека мире объекты, так и сущности, наличие которых сомнительно, либо даже сущности, явно отсутствующие в окружающей физической реальности.

Б. М. Величковский [2006а, с. 37–38] сообщает, что этнографические данные ставят под сомнение организующую роль собственно прототипов, так как вместо перцептивно наиболее часто встречающегося или типичного эту роль нередко выполняет самое важное с практической точки зрения. Причем понятия базового уровня в этих случаях обычно оказываются значительно более конкретными, чем у испытуемых Элеоноры Рош. Например, у индейцев айтца-майя из Гватемалы базовая категория для птиц – это индейка (из-за ее вкусного мяса и особого культурного значения), а для змей – наиболее ядовитая, хотя и сравнительно редкая в этом регионе, разновидность.

Автор пишет, что так называемый экземплярный подход стал основной альтернативой теории прототипов. Он призван объяснить примерно тот же круг феноменов, что и теория Элеоноры Рош, однако отрицает существование или по крайней мере эффективность абстрактных прототипов. Предполагается, что эпизодическая память способна сохранять конкретные примеры категорий, по отношению к которым и определяется возможная категориальная принадлежность других объектов. Автор [2006а, с. 38] полагает, что о целесообразности такой стратегии говорит прежде всего то, что у нас обычно нет ни времени, ни особого желания заниматься абстрактными классификациями.

Л. Брукс и сотрудники (L. R. Brooks, G. R. Norman & S. W. Allen, 1991; L. R. Brooks, V. R. LeBlank & G. R. Norman, 2000) продемонстрировали, что конкретные примеры из памяти врачей, например, могут выступать как фактор, влияющий на образование новых медицинских понятий. Диагностические оценки испытуемых – врачей сильно зависели от визуального сходства тестового случая с увиденными ими ранее в процессе своего обучения больными с тем же диагнозом.

Мне представляется, что обсуждаемый «экземплярный подход» действительно может играть существенную роль в механизме формирования понятий. Дело в том, что многие общие понятия: *рыба, река, игрушка* и т. п. – возникают не на основе собирательной модели-репрезентации, включающей в себя сразу многие модели-репрезентации разных сходных сущностей, обозначаемых такими понятиями, а сначала на основе модели-репрезентации одной такой сущности: река Волга, рыба карп и т. д. Это особенно наглядно проявляется в медицине, когда студенты усваивают некоторые специальные понятия на основе клинической демонстрации больного с соответствующим симптомом, синдромом или заболеванием. Например, больного с коревой сыпью, рожистым воспалением или даже проказой. И соответствующие общие понятия, обозначающие вид патологии, формируются у будущих врачей, по крайней мере поначалу, на основе модели-репрезентации данного экземпляра, а не множества сходных больных. Лишь со временем все больше моделей-репрезентаций конкретных экземпляров включаются в собирательную модель-репрезентацию, являющуюся значением данного понятия, а у врача появляется то, что называют клиническим врачебным опытом.

Дж. Лакофф [2004, с. 126] тоже полагает, что люди обычно используют знакомые, хорошо запомнившиеся и другие выделяющиеся примеры для того, чтобы лучше понять категории. Если, например, ваш друг — вегетарианец и среди ваших знакомых нет других вегетарианцев, то вы будете склонны распространять знания о вашем друге на других вегетарианцев. Он пишет о том, что после широко освещавшейся в средствах массовой информации катастрофы самолета DC-10 в Чикаго многие люди стали отказываться от полетов именно на DC-10, выбирая другие типы самолетов, несмотря на то что те имели худшие показатели безопасности, чем DC-10. Следовательно, люди переносили известный им пример катастрофы одного самолета DC-10 на всю категорию самолетов DC-10.

Я думаю, это пример, не столько имеющий отношение к категориям, сколько относящийся вообще к особенностям человеческого мышления и в частности — к механизмам построения моделей реальности. И теория прототипов, и теория образцов, и экземплярный подход лишь иллюстрируют тот несомненный факт, что сенсорные модели сущностей, обозначаемых понятиями, принимают самое непосредственное участие в формировании понятий.

ГЛАВА 2.3

Понятия и структурирование окружающей реальности

- *Вербальное моделирование и конституирование реальности*
- *Концептуализация — «нарезание» мира*
- *Гипотеза Сепира — Уорфа*

2.3.1. Вербальное моделирование и конституирование реальности

Чувственные модели в состоянии репрезентировать только непосредственно данную нам реальность, между тем многие аспекты реальности в принципе недоступны восприятию. Нам, например, трудно или мы не можем вовсе смоделировать сенсорно человеческие отношения, строение Вселенной или элементарной частицы, структуру электромагнитных волн или гравитационного поля и т. п. Однако, используя понятия как «строительные элементы», человеческое сознание создает из них сложные вербальные модели недоступной восприятию реальности.

Выстраивая абстрактные вербальные репрезентации и обозначая их новыми абстрактными понятиями, человек иллюстрирует их метафорическими образами известных ему привычных и простых вещей. В результате появляется планетарная модель строения атома (Н. Бор) или отождествление электричества с течением заряженных частиц в трубе — проводнике. Многие созданные людьми конструкции такого рода уже не только не являются точными, условно говоря, изоморфными моделями реальности, но и моделями могут быть названы с большой натяжкой. Тем не менее они понятно и доступно для человеческого сознания репрезентируют недоступную ему никак иначе реальность. И более того, сделанные на их основе прогнозы возможных изменений реальности часто сбываются при экспериментальной проверке.

Множество специальных вербальных конструкций, обозначаемых понятиями, созданы сознанием не для моделирования сущностей физического мира, а для репрезентации элементов социальной[1] или даже вымышленной реальности.

Примерами таких конструкций являются вербальные конструкции, обозначаемые понятиями *автор*[2], *разоружение, революция, буржуазия, восстание, государство, власть, свобода*, и многие другие.

Вербальные психические конструкции моделируют сложные и даже гипотетические сущности окружающей реальности, ее недоступные непосредственному восприятию грани, отношения ее элементов, ее изменения, неясным образом связанные друг с другом, и т. п. Они репрезентируют нам, например, человеческие отношения и эмоции (*любовь, тревогу, радость* и т. д.), естественно-научные законы (*энергия не исчезает, она переходит из одного вида в другой*), социальные стандарты поведения (*не желай другому того, чего не хочешь себе*), религиозные заповеди, социальные теории и вероучения, убеждения и многое другое. Многие вербальные психические конструкции, обозначаемые особыми понятиями, такими, например, как *время, пространство, судьба, закон, порядок, сознание* и т. п., заведомо и специально создаются людьми для искусственного сегментирования и упрощения реальности.

---

[1] *Социальный* – прилагательное с удивительно широким значением, которое может смело использоваться для обозначения любой ситуации, в которой имеется два или более члена одного вида [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 292].

[2] Например: «автор – создатель, творец произведений (картин, описаний, вещей)» [Современный философский словарь, 2004, с. 12].

Специальные вербальные психические конструкции, обозначаемые особыми понятиями: *метр, секунда, килограмм* и т. д., позволяют даже сделать измеряемыми более сложные психические конструкции: *расстояние, время, масса.*

Репрезентациями объектов, созданных сознанием и отсутствующих в окружающей нас, чувственно воспринимаемой физической реальности, по крайней мере в том виде, в котором представляет их нам созданная сознанием модель, являются вербальные конструкции, обозначаемые такими, например, понятиями, как: *экватор Земли, траектория движения, меридиан, параллель, высота, глубина, координаты, Север, Юг, Восток, ориентир, скорость, путь* и т. д. Несмотря на то что ничего этого нет в окружающем нас мире (я не принимаю сейчас в расчет созданные человеком искусственные объекты, например, такие, как карты с нанесенным на них экватором или траекторией движения корабля), мы говорим о них как о несомненной реальности и уверены в их наличии. Экватор Земли[1], например, имеет в нашем сознании определенные характеристики: форму, длину, локализацию и др. Этот исходно психический объект многократно как бы «овеществлен» человеком в искусственных объектах, то есть искусственно воссоздан в виде материального объекта: в пластмассе, рисунках, металле и т. д., хотя от этого экватор Земли не перестает оставаться психической конструкцией, сформированной человеческим сознанием для решения своих практических задач.

Нет в окружающей нас материальной реальности и такого, например, объекта, как прошлое. Прошлое — это сложная психическая конструкция, создаваемая каждым человеком как на основе собственных воспоминаний, так и на основе глобальной психической конструкции, выстроенной людьми и существующей в объективной психической реальности. Она включает в себя в том числе образы объектов, существовавших раньше, а также объектов, которые в соответствии с моделируемой ею картиной реальности существовали в прошлом, но доступны нам и сейчас. Например, музейные экспонаты: возок Наполеона и трон турецкого султана, шапка Владимира Мономаха и квартира Пушкина и т. д. и т. п. Важнейшим для нас элементом всех этих объектов является не столько их физическая составляющая, то есть их чувственные образы, сколько связанные с ними психические конструкции, формирующие для нас их личную историю. Шапка Владимира Мономаха без своей истории просто старый головной убор, украшенный драгоценными камнями, а квартира Пушкина — лишь квартира с чужими старыми вещами и не более того.

Рассматривая возникновение и развитие психических репрезентаций, можно заметить, что они изначально являются чувственными и в максимально возможной для человека степени соотносимыми с физической «реальностью в себе». Это касается уровня сенсорных моделей и уровня конкретных и общих абстрактных понятий (понятий «базового уровня»). Затем наши модели как бы «отрываются» от непосредственно воспринимаемой реальности, превращаясь во все более абстрактные и отвлеченные модели, но сохраняя еще тем не менее тесную связь

[1] Экватор Земли обозначает, согласно словарю Даля, «круг, подотвесный к оси мира и делящий мнимую небесную твердь и Землю нашу на две равные половины» [В. И. Даль, 1998, с. 1528].

с чувственными моделями воспринимаемой реальности. Наконец, они становятся совершенно отвлеченными, репрезентируя, точнее, конституируя, то, что и физической реальностью-то можно назвать лишь с натяжкой или нельзя назвать вовсе, так как она представлена вербальными конструкциями, созданными человеческой психикой, не имеющей к этой реальности прямого доступа.

Эти вербальные репрезентации иллюстрируются и объясняются метафорическими чувственными образами гораздо более простых, но совершенно иных объектов. Для этого, как правило, выбираются объекты искусственные, а потому хорошо понятные людям, так как сами были созданы людьми. Например, психика в психологии рассматривается в рамках компьютерной метафоры. Элементарные частицы объясняются на основе такой метафоры, как мельчайшие заряженные шарики. Дж. Лакофф [2004, с. 397–398] замечает, например, что даже любовь понимается метафорически в терминах физических сил (в этой области есть притяжение, электричество, магнетизм и т. д.) и в терминах здоровья (она может выздоравливать, угасать, умирать, доживать последние дни и т. д.).

На основе выстроенных людьми вербальных конструкций — гипотез и теорий, условно репрезентирующих, а точнее, уже конструирующих недоступную восприятию реальность (например, строение элементарной частицы или черной дыры), — человек строит прогнозы и сверяет их с ее изменениями, возникающими в ответ на его действия. В результате он принимает или отвергает созданные им же конструкции. В своих вербальных моделях человек «препарирует», «расчленяет» и упрощает, а самое главное — видоизменяет и конституирует чувственно воспринятую им реальность и в итоге создает новую глобальную психическую репрезентацию якобы окружающей его физический реальности, отличающуюся от его исходных сенсорных моделей. Тем не менее это позволяет ему лучше понять окружающий мир и в конечном счете достаточно эффективно действовать в нем.

Р. Л. Солсо (1996) замечает:

> Построенные учеными понятия и модели — суть метафоры, отражающие «реальную» природу Вселенной и являющиеся исключительно человеческими творениями. Они есть продукт мысли, который может отражать реальность [с. 44].

Он подчеркивает, что в современной науке:

> ...не прекращаются попытки представить наблюдаемое в природе в виде когнитивных построений, которые были бы одновременно и точными репрезентациями природы, и совместимы со здравым смыслом наблюдателя [с. 45].

Но если наши понятия и вербальные модели — лишь метафоры, то они по определению не могут быть точными репрезентациями природы. Именно потому, что они — метафоры.

Р. Л. Солсо (1996) продолжает:

> Концептуальная наука — это удобная метафора, изобретенная человеком для того, чтобы легче понимать реальность [с. 48].
>
> ...Поскольку мы воспринимаем реальность через такие ограниченные (часто искажающие) каналы, мы вынуждены заключить, что «все, что нам известно, на самом деле неверно» [с. 58].

...утверждение, что концептуальная наука является метафорической, нисколько не уменьшает ее полезность [с. 45–46].

Я бы дополнил: не только концептуальная наука, но и все наше понимание реальности – не более чем совокупность метафор, созданных человечеством. Р. Л. Солсо [1996, с. 45] приводит в качестве примера периодическую систему элементов и замечает, что интерпретация Д. И. Менделеева была не единственной из возможных и, вероятно, даже не лучшей. И она, возможно, не соответствует естественному расположению элементов, но предложенный Д. И. Менделеевым вариант помог понять часть физического мира и был совместим с «реальной» природой.

В связи с этим следует вспомнить слова Б. Рассела (2001):

Интеллект можно сравнить с ножом для разделки куриного мяса, но он имеет ту особенность, что воображает, будто цыпленок всегда был разделен на те куски, на которые разрезал его нож [с. 918].

О том же говорит Дж. Лакофф [2004, с. 401–402], критикуя объективистскую философию. Он говорит, что в ее понимании задачей концептов (понятий) является лишь соответствие объективной материальной реальности, а концептуальная система может лишь хорошо или плохо выполнять задачу «разрезании природы» по «стыкам, суставам». Она может выбирать различные «стыки» для того, чтобы «разрезать» природу вдоль них на большие или маленькие куски. Однако концептуальные системы не могут создавать новые соединения, поскольку, согласно объективистским предпосылкам, все соединения даны заранее, объективно, раз и навсегда.

Концептуальные системы – это мясники, а реальность – туша, приготовленная для разделки. ...При таком взгляде, однако, за пределами рассмотрения оказываются практически все... концепты, которые не находятся объективно в природе, но являются продуктом человеческой способности воображения: когнитивные модели, включающие метафору и метонимию, радиальные категории и неуниверсальные социально обусловленные концепты [с. 402].

Следовательно, не стоит быть очень уж уверенными в том, что наши понятия, обозначающие созданные нами же вербальные конструкции, действительно репрезентируют нам элементы реальности, окружающей нас, а не являются лишь нашими психическими конструкциями, конституирующими (выстраивающими) именно так существующий вокруг нас мир.

Р. Л. Солсо (1996) пишет:

Когнитивные науки так же, как и естественные, нуждаются в схемах, которые были бы интеллектуально совместимы и научно достоверны одновременно. ...Концептуальная наука... задает исследователю некую схему, в рамках которой можно испытывать конкретные гипотезы и которая позволяет ему предсказывать события на основе этой модели [с. 45–46].

Дело, однако, в том, что любое наше знание всегда только и является схемами такого рода и никаких иных «объективных» и более «достоверных» знаний, чем эти наши «схемы», нет и не может быть.

Действительно ли не прав, как до сих пор продолжают считать большинство исследователей, епископ Д. Беркли – один из самых глубоких умов человечества,

полагавший ложным утверждение, что объекты могут существовать невоспринимаемыми?

Учитывая то, что именно человеческое сознание конституирует физическую реальность, превращает невидимую, неслышимую, нечувствуемую физическую «реальность в себе» в совокупность привычных для нас объектов, следует заключить, что Д. Беркли все же был в определенном смысле прав. Без человеческого восприятия нет известных нам физических объектов, а есть что-то другое — то, что И. Кант называл «вещь в себе», взаимодействуя с чем сознание создает в себе и для себя объекты, репрезентируемые им вовне. Без сознания есть лишь невидимая и безмолвная, изменяющаяся и непонятно что собой представляющая физическая «реальность в себе» и ее столь же непонятные нам элементы. И именно наше сознание «лепит», конституирует, создает на основе своего опыта взаимодействия с этим неясным «нечто» привычный нам окружающий предметный мир. Иное сознание будет «лепить» на основе своего опыта какой-то другой окружающий мир.

О том же говорит Х. Патнэм (H. Putnam, 1981):

> «Объекты» не существуют независимо от концептуальных схем. Мы «разрезаем» мир на объекты, когда вводим ту или иную схему описания. Поскольку объекты и знаки одинаково являются внутренними для данной схемы описания, оказывается возможно сказать, что чему соответствует, и далее: «Даже наше описание наших собственных ощущений, столь дорогое как исходный пункт знания для поколений эпистемологов, находится (так же как и сами наши ощущения) под сильнейшим влиянием множества концептуальных выборов. Сами "входные" данные, на которых основывается наше знание, отягощены концептуально» [с. 49–50].

Но мы не только «разрезаем» физический мир на объекты, мы вообще созидаем свою новую специфически человеческую репрезентацию физического мира, принимаемую нами, однако, за объективный физический мир.

Б. Уорф (1999) также говорит о том, что:

> Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так и не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка [с. 97–98].

Ребенок, приходящий в этот мир, интериоризирует из объективной психической реальности присущую данному обществу глобальную символическую репрезентацию мира, в которой имеющаяся концептуальная система окружающих его людей именно так, а не иначе конституирует реальность и «расчленяет» еще не дифференцированную чувственную детскую модель-репрезентацию реальности строго определенным образом: на определенные объекты, их действия, свойства, отношения и т. д. и т. п. И иного понимания мира у ребенка уже не может быть. «Расчленение» его чувственной модели-репрезентации мира предопределено усва-

иваемой им концептуальной системой многих тысяч предшествующих поколений его предков. Ребенок наследует ее негенетически.

Подчеркивая роль нашего сознания не только в моделировании, но и в конституировании[1] окружающей реальности, важно не дойти до абсурда и крайнего релятивизма. Необходимо принять тот факт, что даже наши вербальные модели и конструкции не могут слишком уж «отрываться» от «реальности в себе». Они должны все же с ней жестко соотноситься. В противном случае наши представления о мире потеряли бы адекватность и выстраиваемые нами на их основе предсказания перестали бы сбываться. Тем не менее необходимо отдавать себе отчет в том, что наши репрезентации, во-первых, лишь соотносятся каким-то неясным образом с «реальностью в себе», а не «отражают» ее, как принято считать. Во-вторых, они — лишь один из множества возможных и, вероятно, даже отнюдь не единственный способ ее репрезентирования сознанию.

Сама интериоризация понятий ребенком сегментирует чувственно моделируемую им реальность, и это сегментирование во многом определяет ее дальнейшее понимание. Б. М. Величковский [2006а, с. 204] приводит, например, следующий показательный факт: в немецком языке слово «смерть» мужского, а в русском — женского рода, поэтому неподготовленный русский зритель может неправильно понять замысел автора немецкой картины XIX в., изображающей безобразного старика, подкрадывающегося к юной девушке.

С появлением понятий сознанию становится доступным множество сложных отношений и связей. Э. Кассирер (2002) пишет:

> Абстрактная химическая «формула», обозначающая определенное вещество, не содержит в себе ничего, что нам известно из непосредственного наблюдения и чувственного восприятия данного вещества; зато она включает отдельное физическое тело в чрезвычайно многообразный и утонченно структурированный комплекс отношений, вообще неведомый восприятию как таковому [с. 43].

Роль вербального моделирования становится определяющей для репрезентации реальности, недоступной для сенсорного моделирования. Здесь наше сознание создает множество новых абстрактных и отвлеченных сущностей, само наличие многих из которых в физической реальности весьма сомнительно, но которые тем не менее помогают нам хоть как-то понять реальность и адаптироваться к ней. Даже несмотря на свою гипотетичность, многие из них выступают для большинства людей как очевидные и истинные. Не в последнюю очередь из-за непонимания этой гипотетичности еще от Платона идет доминирующее до сих пор в психологии и философии положение, что не только истинно человеческим и высшим, но и наиболее достоверным является вербальное мышление — «идеи», а не чувственное познание окружающей реальности.

Действительно, вербальные конструкции и модели — это иной срез бытия, иная по сравнению с сенсорным моделированием, во многом превосходящая его плоскость репрезентирования сознанию окружающей реальности. Однако сенсорные модели неизмеримо богаче и гораздо «ближе» к «реальности в себе», чем те знаки

---

[1] Пример моделируемой сущности — планета Земля, пример конституируемой сущности — черная дыра.

языка, которыми мы пытаемся их замещать. Понятия конституируют бесконечный океан не повторяющейся никогда сенсорной информации в ограниченные и узнаваемые блоки. Недаром Э. Кассирер (2002) напоминает:

> Всякое отдельное языковое содержание — одновременно проявление и сокрытие истины бытия; оно всегда одновременно и просто обозначает, и лишь намекает [с. 54–55].

> ...каждое слово, скорее, ограничивает предмет, который оно должно обозначать, и в этом ограничении искажает его. Через фиксацию в слове обозначаемый им предмет изымается из непрерывного потока становления, где он пребывает, то есть он понимается не в соответствии с его целым, а отражается лишь в соответствии с односторонним его определением [с. 53–54].

Слово или, точнее, понятие, конструируя элементы реальности, тем самым ограничивает и искажает саму реальность. Для того чтобы достичь «более глубокого понимания сущности вещи», необходимо вводить дополнительно все новые и новые понятия, которые по-иному конституируют чувственно репрезентируемую вещь.

Н. А. Бердяев (1994) пишет:

> В объекте нельзя схватить неповторимо индивидуального, можно схватить лишь общее, и потому всегда остается отчужденность. ...Отчужденность от субъекта и оказывается наиболее соответствующей его (объекта. – *Авт.*) познавательной структуре. Познание (вербальное. – *Авт.*) есть отчуждение [с. 248].

И это так, потому что понятие, конституирующее объект, нивелирует все «неповторимо индивидуальное». В результате интериоризации из объективной психической реальности понятия, обозначающего конкретный объект, даже собственное индивидуальное и субъективное восприятие каждого человека трансформируется. Для того чтобы не просто увидеть определенный объект, но и глубоко понять, что же он видит, человеку обычно необходимо интериоризировать значение этого своего субъективного образа из объективной психической реальности. Что он может сделать только в виде соответствующего понятия и объясняющей его вербальной конструкции. Но интериоризация понятия, обозначающего объект, ведет к «отчуждению» воспринимаемого объекта от субъекта, а субъект в результате не может обнаружить в объекте ничего, кроме «общего».

Н. А. Бердяев (1994) продолжает:

> Думают, что познавать — значит объективировать, то есть делать чуждым, но подлинно познавать – значит делать близким, то есть субъективировать, относить к существованию, раскрывающемуся в субъекте как в существующем [с. 249].

И все же не имеет смысла так противопоставлять объективную и субъективную составляющие познания, потому что человеческое познание немыслимо без интериоризации содержания объективной психической реальности, созданного предшествующими поколениями, и говорить о возможности какого-то особого «субъективного» познания — это просто строить иллюзии. Даже собственные новые вербальные конструкции любого исследователя, моделирующие новые грани реальности и свое существование в ней, в том числе и собственную экзистенцию, возможны только на основе понятий и конструкций объективной психической реальности.

Можно сказать, что с момента появления вербальных конструкций психика начинает не просто более углубленно и понятно репрезентировать человеку окружающую реальность, но и формировать для него новую человеческую «редакцию» версии окружающей реальности. Создаваемые сознанием психические объекты[1] все больше и больше отрываются от реальности физической, начиная в конечном счете репрезентировать то, чему нет даже отдаленных аналогов в реальности физической.

2.3.2. Концептуализация — «нарезание» мира

Дж. Лакофф [2004, с. 413] формирует три возможных варианта ответов на вопрос «Что такое концепты[2]?»: 1) дематериализованные абстракции, существующие независимо от каких-либо существ, использующих их; 2) нечто, существующее только в силу своей «воплощенности в каком-либо существе»; концептуальные системы являются наборами концептов; 3) нечто, существующее только в силу своей воплощенности в каком-либо существе; концептуальная система обладает внутренней организацией.

Дж. Лакофф и М. Джонсон (2004) пишут:

> Концепты, которые управляют нашим мышлением, — не просто порождения ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни [с. 25].

Дж. Лакофф (2004) рассматривает концепты преимущественно в лингвистическом, а не феноменологическом плане. Он пишет, например:

> Автоматические и бессознательные концепты не просто представлены в уме как объекты мысли, но используются в процессах мышления и понимания. Концепты, используемые таким образом, фиксированы, «укоренены» в уме и противопоставлены

---

[1] В этой связи в философии рассматриваются такие понятия, как *идеализированный объект* и *идеальный тип*: «Идеализированный объект — понятие методологии науки... Обозначает мысленную конструкцию, которая создается посредством идеализации и связана с введением в содержание образуемого понятия признаков, в принципе не могущих принадлежать его денотату (отсутствие размеров у такого идеализированного объекта, как «математическая точка», например, или отсутствие трения при движении по «абсолютно гладкой поверхности»)» [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001, с. 379]. «Идеальный тип. Синтетическая мыслительная конструкция, представляющая систематические характеристики идеальных, значимых в своей единичности связей объектов культуры. Понятие "идеальный тип" принадлежит М. Веберу» [Современный философский словарь, 2004, с. 252].

[2] *Концепт* (лат. conceptus — «понятие») — содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001, с. 506].

Концепт — содержание некоего понятия [Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 189].

> новым, только что созданным концептам. Конвенциональные концепты, являющиеся общим достоянием всех людей, относящихся к некоторой культуре, «укоренены» в умах всех говорящих. Концепт, являющийся объектом мысли, разумеется, осознается. ...Человек может иметь в своей концептуальной системе фиксированные концепты, отсутствующие в концептуальных системах других членов данного сообщества, то есть не являющиеся конвенциональными [с. 416].

В моем представлении концепты -- это вербальные значения понятий, существующие в сознании людей в виде устойчивых вербальных психических конструкций.

Дж. Лакофф (2004) спрашивает:

> Почему люди имеют те концептуальные системы, которые они имеют? Каким образом ребенок приобретает концептуальную систему? Каков диапазон возможных человеческих концептуальных систем? Каким образом взрослый человек может изучить новый способ концептуализации чего-либо? Единственным удовлетворительным способом продвинуться в пути поиска ответов на все эти вопросы является допущение того, что все люди имеют врожденную способность к концептуализации. Альтернативный взгляд состоит в том, что дети рождаются, имея в уме все концепты, существующие в настоящее время во всех культурах, так же как все те концепты, которые когда-либо существовали или будут существовать. С этой точки зрения изучение нового концепта является просто активацией уже существующего концепта (Fodor, 1975). Я нахожу эту идею слишком эксцентричной, чтобы рассматривать ее серьезно [с. 435].

Автор [2004, с. 365–366] полагает, что в основе концептуализации[1] лежат: 1) способность формировать символические структуры – концепты базового уровня и образно-схематические концепты, коррелирующие с *доконцептуальными* структурами нашего повседневного опыта (сенсорными моделями); 2) способность метафорической аналогии, облегчающая понимание абстрактных концептов благодаря использованию вместо них образных репрезентаций простых объектов; 3) способность использовать в качестве структурных элементов для формирования сложных концептов образные схемы. По мнению Лакоффа [2004, с. 437], способность индивида осмыслять одну и ту же область опыта различными, несовместимыми друг с другом способами является фактом, который продемонстрирован в исследованиях понимания *электричества* и ряда других концептов.

В одной концептуальной системе может отсутствовать важный концепт, присутствующий в другой. Например, Р. Леви (R. Levy, 1973) обнаружил, что таитяне

---

[1] *Концептуализация реальности* – это создание вербальной конструкции, моделирующей и репрезентирующей какой-то аспект реальности и обозначение ее новым понятием. Затем создание вербальной конструкции более высокого уровня с использованием созданных понятий и обозначение ее новым понятием. Процесс создания вербальных конструкций и обозначение их новыми понятиями можно сравнить со строительством пирамиды. В результате возникает многоуровневая вербальная конструкция, моделирующая и репрезентирующая окружающий мир. Особенности конструкции меняются в зависимости от культурной принадлежности ее создателей, которая, в свою очередь, определяется особенностями их бытия.

не только не имеют слова для обозначения печали, но, по-видимому, не имеют и самого этого концепта; в результате у них отсутствует ритуализованное поведение, выражающее печаль и скорбь в случае потери близких людей. Они способны испытывать печаль и депрессию, но у них нет возможности для выражения в языке этих состояний. Они категоризуют их с помощью таких понятий, как *болезнь, усталость* или *нападение злого духа.*

Выделение таких категорий, как *объекты,* их *свойства, действия* и *отношения,* которое характерно для западной научной традиции, отнюдь не единственно возможный вариант концептуализации реальности. Более того, как мы увидим ниже, эти категории не охватывают всех сущностей реального мира, даже уже концептуализированных человеком. В соответствии с доминирующими сегодня представлениями многие наши концепты рассматриваются как элементы окружающего мира, хотя для этого нет никаких оснований. Дж. Лакофф (2004) тоже отмечает:

> ...существует огромное количество категорий мышления и языка, которые не являются отражением предполагаемых категорий мира... Понятия не являются внутренними репрезентациями внешней реальности, поскольку нет соотносительной внешней реальности — «вовне» нет категорий соответствующего вида, которые понятия могли бы отражать [с. 261-262].

Автор приводит пример цветовых категорий, которые не соотносятся с «категориями в мире», поскольку во внешнем мире нет соответствующих сущностей, с которыми они могли бы соотноситься. В мире есть лишь световые волны разной длины. Цвета же возникают в результате нашего взаимодействия с миром и не существуют вне нашего сознания. Разные культуры имеют разные границы для базовых цветовых категорий. Следовательно, цветовая категоризация частично обусловлена культурными конвенциями.

К. Поппер (2002) также пишет о влиянии концептуализации:

> Классическая эпистемология не осознает, что не может быть чистого восприятия, чистых данных, точно так же, как не может быть чистого языка наблюдения, так как все языки пронизаны теориями и мифами. Точно так же, как наши глаза слепы к непредвиденному или неожиданному, так и наши языки не способны описать непредвиденное или неожиданное... Не существует таких вещей, как чувственные данные или восприятия, которые не построены на теориях (или ожиданиях), то есть биологических предшественниках сформулированных на некотором языке теорий [с. 5].

Автор прав хотя бы уже в том, что для категоризации объектов восприятия необходимо наличие понятий, а понятия — это уже некоторые теории, так как их значениями являются вербальные конструкции. Следовательно, уже без хотя бы этих теорий категоризация невозможна, поэтому нет и не может быть «чистых восприятий».

Сходное мнение высказывает и Х. Патнэм (1999):

> ...наши понятия имеют «встроенные» в них теории, поэтому отказ от основной научной теории без выдвижения альтернативной вызвал бы «разрушение нашей системы понятий» [с. 40].

Дж. Лакофф (2004) обращает внимание на то, что:

> ...различия в концептуальных системах существенным образом влияют на поведение. Понимание того, как наше поведение связано с тем, как мы думаем, жизненно важно. В таких областях, как человеческие взаимоотношения... понимание различий в концептуальных системах и обусловленных ими различий в поведении может быть очень полезным [с. 435].

Г. К. Триандис [2007, с. 127] также отмечает связь концептуализации с особенностями поведения:

> Представители индейцев поуни (Pownee) в Оклахоме пользуются одним и тем же словом для обозначения «жена брата матери», «своя жена» и «сестра жены». Исследования утверждают, что мужчинам этого племени позволено вступать в сексуальные отношения с каждой из этих трех категорий женщин [с. 127].

Он сообщает, например, что в особенностях выражений японского языка отражается социальный статус взаимодействующих людей. Это одна из причин того, почему японцы при встречах часто обмениваются визитками. Они буквально не знают, как говорить друг с другом, пока не выяснят статусную иерархию. Автор [2007, с. 127] полагает, что можно многое узнать об особенностях других культур, изучая специфику их категоризации. Так, в японском языке гораздо больше эмоциональных терминов, касающихся межличностных отношений, чем в английском. Английский язык имеет много слов для выражения эмоции гнева, тогда как японский — для выражения симпатии.

Г. К. Триандис [2007, с. 128] пишет, что в культурах, употребляющих в пищу рис, используются термины, которыми мы не пользуемся, когда говорим о рисе: «клейкий желтый рис» или «пушистый белый рис». Музыкант-балинезиец в Индонезии может, например, сказать: «Попробуйте взять тональность (нажмите на клавишу) западнее той, на которую нажимаете». М. Коул и С. Скрибнер (1977) ссылаются на Ли, который указывает, что:

> ...глаголы языка индейцев винту (Калифорния) различаются по «степени достоверности». Когда речь идет о событии, известном с чужих слов, то употребляется один глагол; когда же сам говорящий (а не человек, о котором идет речь) был свидетелем данного события, то употребляется другой глагол. Таким образом, свидетель преступления, который «услышал» выстрел, и полицейский, ссылающийся на утверждение свидетеля о том, что тот «услышал» выстрел, пользуются разными словами для выражения понятия «услышать» [с. 68].

Такое использование разных понятий в подобных случаях иначе сегментирует окружающий нас мир, и эта сегментация представляется мне весьма удачной. Возможно, она была бы очень полезна и в наших языках.

Дж. Лакофф (2004) сообщает:

> Люди в различных уголках мира классифицируют вещи так, что это поражает западные умы и ошеломляет западных лингвистов и антропологов [с. 129].

Он продолжает:

> Некоторые считают, что не может быть мышления, независимого от языка. Другие придерживаются противоположного взгляда, полагая, что язык представляет собой

всего лишь инвентарь произвольных этикеток для мысли. Существует также смешанный подход, сторонники которого, признавая независимость системы мышления от ее выражения в словах и синтаксисе, полагают тем не менее, что сами слова представляют собой форму концептуальной категоризации [с. 412].

Сам автор полагает, что:

...реальность, как мы ее понимаем, структурирована нашими концептуальными схемами [с. 341].

По мнению многих исследователей, особенности концептуализации не могут не влиять на представления о мире и на мышление людей. Наиболее известной теорией такого рода является гипотеза Сепира — Уорфа.

2.3.3. Гипотеза Сепира — Уорфа

Э. Сепир [2003, с. 130–155] говорит о том, что люди живут не только в материальном и социальном мирах, но и во власти своего языка. Их «реальный мир» строится на основе языковых привычек их социальной группы. Миры разных групп — это разные миры, а не один с навешанными на него разными языковыми ярлыками. Э. Сепир приводит простой пример, демонстрирующий, как разные языки по-разному сегментируют мир. Даже такой простой аспект реальности, как падение камня, в языке нутка, например, репрезентируется глагольной формой, соответствующей нашему выражению «камнит вниз». В китайском языке оно моделируется выражением «камень падать». В немецком и французском языках камню присваивается категория рода, в английском — определенный или неопределенный вид, в языке племени квакиутль из Британской Колумбии указывается, видит или не видит камень говорящий о нем и к кому камень ближе — к говорящему или к третьему лицу, и т. д.

В тех случаях, когда понятия и конструкции из них возникают на базе чувственных моделей или описывают их, как в случае падающего камня, разница в вербальном значении концептов не играет принципиальной роли для понимания реальности, потому что чувственная модель все равно остается ведущей, а в силу биологической общности людей она во всех случаях очень сходна. В тех же случаях, когда в основе вербальной модели реальности лежат только другие вербальные конструкции, очевидно, что они не могут не влиять на разное понимание репрезентируемого ими окружающего мира, что и наблюдается у носителей разных языков.

Б. Уорф (2003) даже выдвинул гипотезу лингвистической относительности, согласно которой люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и постигают мир, так как когнитивные различия связаны с языковыми различиями (гипотеза лингвистического детерминизма). Б. Уорф (2003) пишет:

Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. ...Сходные физические

явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем. ...Языки расчленяют мир по-разному... Различные широкие обобщения западной культуры, как, например, время, скорость, материя, не являются существенными для построения всеобъемлющей картины Вселенной. ...Управлять космологией могут и иные категории, связанные с переживаниями другого рода, и функционируют они, по-видимому, ничуть не хуже наших. Хопи, например, можно назвать языком, не имеющим времени [с. 209–214].

Попыткам подтвердить или опровергнуть теорию Б. Уорфа было посвящено множество исследований. Надо, впрочем, с сожалением заметить, что в них главным образом использовался не вполне адекватный для решения поставленной задачи объект исследования — изучение влияния сформированных в разных культурах понятий, обозначающих разные цвета, на восприятие испытуемыми цвета.

Г. К. Триандис [2007, с. 121] приводит результаты исследований Ландера, Эрвина и Хоровица, в которых с использованием цветовых карт Мунселла авторы обнаружили, что разные культуры дают различающиеся реакции на одни и те же цветовые диапазоны. Цветовые диаграммы предъявлялись представителям разных культур с просьбой выделить все цветовые области, которые они называют, например, «желтый цвет». Были обнаружены большое сходство результатов внутри каждой культуры и различия между ними. Центральные (фокальные) цвета в выделенных цветовых диапазонах оказались во многом сходны. Тогда как цвета на периферии различались в зависимости от культурной принадлежности. Авторы сделали вывод о том, что в восприятии разных цветов обнаруживаются культурно-детерминированные различия, обусловленные в том числе особенностями языка.

Считающиеся классическими эксперименты Б. Берлина и П. Кея (B. Berlin & P. Kay, 1969) тоже были посвящены зависимости восприятия цвета от культурной принадлежности наблюдателя.

Авторы предлагали представителям 20 разных языковых групп выбрать среди набора цветных фишек те, которые лучше всего соответствуют основным цветовым категориям их языков, и указать фишки другого цвета, которые могут быть названы тем же словом. Границы категорий, обозначающих цвета, не совпадали в разных группах испытуемых, но выбранные ими главные (или, по терминологии авторов, фокусные цвета) оказались одними и теми же. Фокусные цвета были сгруппированы вокруг 11 основных цветов — восьми хроматических, соответствующих красному, желтому, зеленому, синему, коричневому, оранжевому, розовому и фиолетовому, и трех ахроматических — черному, белому и серому. Было установлено, что языки отличаются друг от друга по числу названий цветов. В каждом языке есть название для черного и белого или серого и белого цветов. Есть языки, где нет никаких других названий цвета, кроме вышеупомянутых. Если в языке три названия цвета, то третий будет красный. Если язык имеет четыре наименования, то следующим после черного, белого и красного будет либо желтый, либо зеленый. В языках, имеющих более обширный запас слов для обозначения цвета, появляются наименования синего и коричневого. Наконец в языках, имеющих самый обширный словарный запас для обозначения цветов, появляются наименования фиолетового, розового, оранжевого и серого цветов. Английский язык имеет богатую палитру названий различных цветов (около 4 тысяч обозначений), но большинство людей обходится упоминанием не более 40 цветов. На основе полученных результатов авторы отвергли гипотезу лингвистической относительности.

Эксперименты Б. Берлина и П. Кея (B. Berlin & P. Kay, 1969), а также Элеоноры Рош (Heider Eleanor, 1972) положили конец предположениям, что восприятие разных цветов зависит от того, к какой именно культуре принадлежит испытуемый. Элеонора Рош посвятила серию работ (1972, 1973, 1978) изучению восприятия фокусных цветов, как их назвали Б. Берлин и П. Кей, — красного, синего, зеленого и т. д. — в разных культурных группах.

В одном из них Элеонора Рош (E. Rosch, 1973) показала, что говорящие на дани (язык распространенной в Новой Гвинее народности дани), который имеет только два обозначения цвета: mili (темно-холодный) и mola (светло-теплый), легко способны тем не менее понять и запомнить произвольно созданные наименования для восьми фокусных цветов, а также даже произвольные названия для восьми нецентральных цветов. Хотя в последнем случае испытуемые испытывали большие трудности. Они легче запоминали центральные цвета и их названия. В другой работе Элеонора Рош (E. Heider, 1972) выясняла, как кодируются фокусные цвета в различных культурных группах. Испытуемые говорили на индоевропейских, австралонезийских, тибетокитайских и афро-азиатских языках, а также на венгерском и японском. Она установила, что фокусные цвета «более кодируемые», чем нефокусные, во всех группах испытуемых. Это выражалось в том, что их названия были короче и испытуемые их называли быстрее. Автор, однако, сделала еще и совершенно верный вывод о том, что восприятие цвета не только не является удобным объектом для изучения влияния языка на мышление, но, напротив, представляет собой яркий пример воздействия перцептивно-когнитивных факторов на образование и содержание языковых категорий.

Экспериментальные работы многих других авторов тоже показали, что, несмотря на различия языков, люди различных культур воспринимают цвета очень похоже. Данные факты были безосновательно восприняты многими исследователями как опровержение гипотезы Сепира — Уорфа. Дж. Р. Андерсон (2002), например, пишет:

Итак, факты не подтверждают гипотезу о том, что язык оказывает значительное влияние на наше мышление или на восприятие мира. Безусловно, верно то, что язык может влиять на нас (иначе не имело бы смысла писать эту книгу), но влияние касается передачи идей, а не определения идей, над которыми мы размышляем [с. 355].

Однако так думают далеко не все. Д. Мацумото (2002), например, замечает:

...наше биологическое строение играет очень важную роль в нашем восприятии цвета и может закладывать универсальную основу в характер этого восприятия независимо от лингвистических различий в названиях цветов. В таком случае было бы странно обнаружить различие в восприятии цветов, основанное на языке. Таким образом, мы не можем опровергнуть гипотезу Сепира — Уорфа только потому, что язык, по-видимому, оказывает мало влияния на то, как мы воспринимаем цвета [с. 267].

Восприятие цветов действительно не имеет никакого отношения к подтверждению или опровержению гипотезы Сепира — Уорфа, как и любые эксперименты, касающиеся восприятия вообще, потому что гипотеза Сепира — Уорфа относится главным образом к вербальному моделированию людьми недоступной их восприятию реальности, но не к вербальным моделям, возникающим на основе сенсорных моделей-репрезентаций. Модели-репрезентации обусловлены биологически,

а потому очень сходны даже у людей из разных культур. Поэтому попытки доказать или опровергнуть гипотезу Сепира — Уорфа с помощью изучения особенностей восприятия объектов разного цвета в принципе не могут достигнуть цели.

Б. Уорф (2003) пишет:

> Считается, что речь, то есть использование языка, лишь «выражает» то, что уже в основных чертах сложилось без помощи языка. Формирование мысли — это якобы самостоятельный процесс, называемый мышлением или мыслью и никак не связанный с природой отдельных конкретных языков. Грамматика языка — это лишь совокупность общепринятых традиционных правил, но использование языка подчиняется якобы не столько им, сколько правильному, рациональному, или логическому, мышлению. Мысль, согласно этой системе взглядов, зависит не от грамматики, а от законов логики или мышления, будто бы одинаковых для всех обитателей вселенной и отражающих рациональное начало, которое может быть обнаружено всеми разумными людьми... безразлично, говорят ли они на китайском языке или на языке чоктав. ...Естественная логика утверждает, что различные языки — это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания и что поэтому они различаются лишь незначительными деталями... [с. 203].

Сам Б. Уорф (2003) полагает:

> Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов... так же как грамматический строй соответствующих языков [с. 209].

Следовательно, влияние языка заключается не в его воздействии на внутренние процессы и механизмы мышления, а в участии языка в формировании глобальной вербальной репрезентации мира, которая определяет понимание мира человеком. Может быть, Б. Уорф не всегда однозначно и жестко излагает свои мысли, но основная его идея совершенно очевидна:

> ...сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем [Б. Уорф, 2003, с. 210].

И он абсолютно прав в том, что разная концептуализация мира в разных языках не может не влиять на познание мира разными народами. В каждом языке существуют и сходные, и различающиеся между собой понятия, а следовательно, модели окружающего мира. Язык же усваивается человеком в готовом виде, то есть понимание людьми окружающего может различаться, если концептуально различаются усвоенные ими языки.

Влияние концептуальных различий между культурными группами на особенности их мышления можно выявить только для понятий, формируемых на основе вербальных конструкций, но не для понятий, которые возникают на базе сенсорных моделей. В тех же случаях, когда понятия возникают на базе сенсорных моделей-репрезентаций, которые определяются преимущественно биологическими факторами, последние оказывают на мышление более мощное влияние, чем

культурные факторы. Соответственно, понятия, обозначающие цвета, даже если они и различаются в разных культурных и языковых группах, не влияют на понимание мира. Они не определяют также и восприятие цвета, так как последнее зависит от сходных биологических особенностей людей, от их общей физиологии. Из этого следует, что сама экспериментальная модель, использованная для тестирования гипотезы Сепира — Уорфа, была изначально непригодна для этих целей.

М. Коул и Сильвия Скрибнер (1977) замечают:

> Вероятно, большинство ученых единодушно отвергнет те высказывания Уорфа, в которых подчеркиваются произвольный характер связи между языком и опытом, и неизбежные, жесткие ограничения, накладываемые языком на познавательные процессы. Однако, несмотря на недостаточность соответствующих данных, вряд ли кто-нибудь решился бы отрицать полностью значение лингвистической относительности. ...Вполне возможно, что «фильтрующий эффект» языка окажется наибольшим в отношении тех явлений, которые описываются в терминах не физических признаков, а признаков, определяемых культурой. Мы имеем в виду такие явления, как, например, социальные роли; признаки, определяющие категории людей, устанавливаются не природой, а культурой (в отличие от свойств, определяющих цвета) [с. 77–78].

Авторы говорят в данном случае как раз о тех понятиях, значениями которых являются вербальные конструкции. Данные об исследованиях, направленных на выявление именно такого рода различий, приводят, например, Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал и П. Р. Дасен (2007):

> В английском языке существует условная конструкция, которая показывает, что утверждение ложно. Высказывание «Если бы я знал французский язык, я мог бы читать произведения Вольтера» подразумевает, что говорящий не знает французского языка. Слушатель делает вывод, что предпосылка ошибочна и что значение утверждения ложно. В китайском языке нет такой условной модели выражения. Если у слушателя нет никакой предварительной информации, то перед предложением должно стоять четкое отрицание. Например: «Я не знаю французского языка; если бы я знал французский язык, я мог бы читать Вольтера». Согласно Блуму (Bloom, 1981), отсутствие маркёра ложности отрицательно влияет на возможности тех, кто говорит на китайском языке, думать ложным образом. Он представил респондентам, говорящим на китайском и английском языках, рассказ, в котором упоминались ложные подтексты с ошибочной предпосылкой. Ложные утверждения были представлены в условной форме в английской, но, разумеется, не в китайской версии. Блум обнаружил существенные различия, когда спросил, происходили ли нереальные события в действительности. Процентное содержание ложных ответов варьировало от 6 до 63 % среди выборок китайских студентов Тайваня и Гонконга, в зависимости от формулировки рассказов и уровня образования респондентов. Для выборок из США это процентное содержание едва изменялось от 96 до 98 %. По мнению Блума [1981, с. 29], различия лингвистической формы могут быть ответственны за способ, согласно которому те, кто говорит на английском языке, в противоположность тем, кто говорит на китайском, классифицируют действительность и когнитивно взаимодействуют с внешним миром [с. 172].

Авторы приводят, однако, данные и других исследователей, которые противоречат данным Блума, и пишут:

> В итоге оказывается, что на грамматическом уровне доказательства гипотезы Сепира – Уорфа не существует. По крайней мере, в настоящее время гипотезу о том, что грамматическая структура языка оказывает существенное влияние на мышление, можно отложить в сторону [с. 172–174].

Авторы высказывают два предположения:

> Во-первых, наличие слов для определенных категорий, по-видимому, облегчает различение определенных нюансов внешнего мира. Во-вторых, наличие большого числа слов в пределах определенной категории должно привести к существенному облегчению общения. Если слова принимать как коды, большое количество слов для данного диапазона феноменов подразумевает более точную кодируемость указанных феноменов [с. 174].

Иными словами, они придерживаются позиции «здравого смысла», в соответствии с которым наши концепты лишь «отражают» нюансы внешнего мира, и чем их больше, тем точнее они кодируют указанные феномены.

Мне же кажется очевидным, что если понятия – это единственно возможные психические репрезентации «для диапазона феноменов» (то есть для определенного недоступного восприятию аспекта реальности), то странно было бы не то что спорить, но даже сомневаться в том, что, во-первых, без этих репрезентаций эффективное понимание (данных феноменов) просто невозможно. Во-вторых, оно напрямую зависит от особенностей используемых концептов, то есть в конечном счете от языка, так как концепты потенциально сохраняются и передаются только с помощью языка. Нет оснований поэтому сомневаться в том, что особенности нашей концептуализации недоступного восприятию мира, сохраняемой нашим языком, оказывают определяющее влияние на наше понимание соответствующих аспектов мира и познания в целом. Следовательно, Б. Уорф совершенно прав. Только говорить следует не о том, что наш язык влияет на наше мышление, а о том, что он определяет наше миропонимание. Что не совсем одно и то же.

Еще раз подчеркну, что теория Сепира – Уорфа верна применительно к тем понятиям, которые не базируются непосредственно на сенсорных моделях. Очевидно, что человек может создать или усвоить вне зависимости от его культурной принадлежности понятия, обозначающие все чувственно моделируемые им цвета, хоть два, хоть несколько тысяч, так как он в состоянии различить их оттенки биологически. В то же время даже классические исследования Элеоноры Рош (E. Heider, 1972; E. Rosch, 1973, 1978) выявили важное влияние культуры на формирование понятий, в том числе и обозначающих цвета, то есть тех, которые возникают даже на основе моделей-репрезентаций.

К тому же совсем не факт, что наличие в языке дани лишь двух понятий, предназначенных для обозначения цвета, а не нескольких десятков основных и 4 тысяч дополнительных (как в английском [см., например: B. Berlin & P. Kay, 1969]), не влияет на тонкие особенности понимания мира, а следовательно, и поведение носителей этих языков. Я думаю, что, безусловно, влияет, хотя бы в том плане, что язык с большим количеством понятий предоставляет намного большие возможности для

более адекватного моделирования и лучшего понимания реальности. Другое дело, что это влияние сложно выявить экспериментально.

Кстати, несмотря на то, что человек потенциально способен распознавать множество цветов, как показали исследования Элеоноры Рош (Heider E.,1972, Rosch E., 1973), люди в разных языковых группах знают и с пониманием используют только те цвета, которые обозначаются конкретными понятиями, даже если их всего два. Недаром Э. Сепир (2003) пишет:

> Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации определяется языковыми привычками общества [с. 131].

Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал и П. Р. Дасен (2007) полагают, что можно согласиться с Роберсоном, который:

> ...весьма недвусмысленно продемонстрировал широкое влияние языка на классификацию цветов. ...Более поздние доказательства сместили баланс в сторону большего влияния лингвистического и культурологического контекстов при классификации цветов, чем это можно было предполагать, на основе более ранних результатов Берлина и Кея (1969) и Рош (Хайдер, 1972) [с. 182].

Авторы ссылаются также на работу Левинсона, исследовавшего представителей незападных обществ и показавшего, что их понятия о естественном пространстве и пространственной ориентации могут фундаментальным образом отличаться от таких же понятий в западных обществах, что обусловлено особенностями пространственной терминологии. В индоевропейских языках, в частности в английском, местоположение объекта на горизонтальной плоскости дается, исходя из «эго-соотнесенной» ориентации: слева/справа, спереди/сзади. Англичане говорят: «стол находится справа от стула». В других языках, например в языке аборигенов Австралии, используются геоцентрические пространственные координаты: север, юг, восток, запад, не зависящие от положения наблюдателя и определяющиеся, например, в зависимости от направления в сторону восхода и захода Солнца. На этом языке следует говорить, например, о «твоем северном плече» или «западном крае стола»; рассказывая о прошлых событиях, необходимо вспоминать, как были ориентированы действия относительно сторон света. Для того чтобы объясняться на таком языке, нужно постоянно знать свое положение по отношению к сторонам света. Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал и П. Р. Дасен [2007, с. 185] приводят данные о результатах целого ряда исследований и заключают, что разные языки ставят различные задания перед познанием и по-разному его обеспечивают.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг [2001, с. 452] тоже говорят о существовании значительных различий в том, как в языке описывают пространственное положение объекта. Например, англоговорящие люди сказали бы «фрукты в вазе» и «дискета в компьютере», используя один и тот же предлог. Люди, говорящие по-корейски, использовали бы два разных предлога: первый передавал бы идею свободного положения («фрукты в вазе»), второй описывал бы предметы, которые «сидят плотно» («диск в компьютере»). Английский язык делает различие между положением одного объекта над другим с контактом (на) и без контакта (над),

тогда как японский и корейский языки используют один предлог для передачи положения как «на», так и «над».

Тем не менее авторы отмечают, что, несмотря на эти лингвистические различия, люди, говорящие на японском, корейском и английском языках, думают о пространственном положении одинаково. Эти исследования, впрочем, как и исследования Б. Берлина и П. Кея, Элеоноры Рош и других авторов, показывают относительно слабое влияние языка на мышление в тех случаях, когда исследуются понятия, возникающие на основе сенсорных моделей реальности, относящихся к восприятию света и пространства. Следовательно, предлагаемые новые тестовые модели тоже не вполне адекватны. Понимание мира, да и сами языки у людей Земли базируются в первую очередь на сходных сенсорных моделях, поэтому ожидать каких-то радикальных различий между ними трудно, тем более что в процессе экспериментов испытуемые легко усваивают чужие концептуальные системы, что демонстрируют, например, эксперименты Элеоноры Рош (E. Rosch, 1973). Как отмечает Д. Слобин [2007, с. 398], слова – определители местоположения остаются единственной областью, в которой мы находим убедительное доказательство влияния референтной системы языка на мышление.

Для того чтобы выяснить истинное влияние языка, точнее, обозначаемых понятиями вербальных психических конструкций на познание и мировоззрение людей, надо рассматривать исключительно те вербальные конструкции, которые моделируют реальность, недоступную сенсорному моделированию. В противном случае попытки изучения влияния языка на познание обречены на провал, так как концептуализация определяется в первую очередь не вербальными конструкциями, а гораздо более эффективными сенсорными моделями, превращающимися в чувственные значения возникающих в разных языках концептов. Именно поэтому выбранная Б. Уорфом модель – понятие времени (см. об этом, например: С. Э. Поляков, 2004) гораздо более удачная, хотя и чрезвычайно трудная для исследования.

К. Поппер (2002) замечает:

> Если Уорф прав (описывая весьма специфические представления о времени индейцев племени хопи. – *Авт.*), тогда наше интуитивное понимание времени, то есть способ, которым мы «видим» временные отношения, частично зависит от нашего языка, наших теорий и мифов, включенных в язык, иначе говоря – наша европейская интуиция времени в значительной степени обусловлена греческим происхождением нашей цивилизации с ее упором на дискурсивное мышление. В любом случае наша интуиция времени может меняться с изменением наших теорий. Интуиции Ньютона, Канта и Лапласа отличаются от интуиции Эйнштейна, и роль времени в физике элементарных частиц отличается от роли времени в физике твердого тела, особенно в оптике. Физика элементарных частиц утверждает существование подобного лезвию непротяженного мгновения, punctum temporis, которое отделяет прошлое от будущего, и тем самым существование временной координаты, состоящей из (континуума) непротяженных мгновений, а в конечном итоге существование мира, «состояние» которого может быть задано для любого такого непротяженного мгновения. В оптике ситуация совершенно другая. Подобно тому как существуют пространственно протяженные растры в оптике, части которых взаимодействуют на значительном расстоянии в пространстве, так существуют и протяженные во време-

ни события (волны, обладающие частями), части которых взаимодействуют в течение значительного промежутка времени. Поэтому в силу законов оптики в физике не может быть какого-либо состояния мира в некоторый момент времени. Эта аргументация должна дать и действительно дает совершенно другое понимание нашей интуиции: то, что называлось кажущимся настоящим временем в психологии, не является ни кажущимся, ни характерным только для психологии, а подлинным и имеющим место уже в физике. Таким образом, не только общая концепция интуиции как непогрешимого источника знания является мифом, но и наша интуиция времени также подлежит критике и исправлению... [с. 135–136].

Из сказанного К. Поппером вытекает по крайней мере возможность разной концептуализации того, что мы обозначаем понятием *время*. Причем, как я уже писал (С. Э. Поляков, 2004), могут быть предложены и иные способы концептуализации этой сущности, а иная концептуализация времени резко повлияет на все наше познание.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001), критикуя теорию Б. Уорфа, пишут:

...многочисленные случаи говорят о том, что язык действительно влияет на мышление, привлекая внимание к некоторым моментам и отвлекая его от других, выдвигая на первый план определенные темы, формулируя вопросы определенным образом. Однако эти функции далеки от тех, что были предложены Б. Уорфом полвека назад. Уорф утверждал, что язык формирует то, о чем мы можем думать, так что в буквальном смысле существуют некоторые идеи, которые, например, человек, говорящий на языке хопи, может обдумывать, а человек, говорящий на французском языке, не может. Уорф утверждал также, что после того, как мы выучились говорить на одном языке, нашим мышлением всегда будут управлять категории и синтаксис этого первоначального языкового опыта. Убедительных доказательств в пользу этих утверждений нет. Когда это подвергается прямой проверке, выясняется, что нет никакой связи между языком, на котором мы говорим, и тем, как мы воспринимаем мир; между языком, на котором мы говорим, и тем, как мы думаем о времени, пространстве или различных объектах окружающего мира. Многие аспекты мышления, по-видимому, совершенно независимы от языка, и в этих случаях нет никаких оснований ожидать, что язык будет влиять на мышление. ...Язык, безусловно, направляет наше мышление, но не ограничивает его [с. 421].

Мне представляется, что авторы не правы. Считать, что человеческое познание может быть независимым от концептуальной системы, можно только, полагая, что есть понятия и есть какое-то самостоятельное и не очень связанное с ними мышление. Впрочем, эта точка зрения весьма распространена. Даже Дж. Р. Андерсон (2002), например, считает, что:

...язык и мышление могут быть независимыми. Особым вариантом этого принципа независимости является так называемая позиция модульности (Chomsky, 1980; Fodor, 1983). Данная позиция выражается в положении о том, что язык — это отдельный когнитивный компонент, функционирующий обособленно от остальных когнитивных процессов. Фодор доказал, что существует отдельный лингвистический модуль, который сначала анализирует поступающую речевую информацию, а затем передает результаты этого анализа на общую когнитивную обработку. Аналогично при генерации речи в этот лингвистический модуль поступают намерения, которые

> должны быть выражены в словах, и он генерирует речь. Эта точка зрения не отрицает факта, что лингвистический модуль, возможно, сформировался для передачи мысли. Однако она утверждает, что он функционирует по иным принципам, чем остальная часть познания, и «инкапсулирован» так, что не может подвергаться влиянию общих когнитивных процессов. Он может быть связан с общими когнитивными процессами лишь через передачу им своих продуктов и принятие продуктов их функционирования. ...Согласно позиции модульности, овладение языком и его обработка независимы от других когнитивных систем [с. 356–357].

Такую позицию нельзя принять, потому что язык естественным образом вырастает из сенсорных моделей ребенка, возникает на их основе и является частью когнитивных способностей человека.

Мышление и понимание окружающего просто не могут быть «независимыми» от нашего языка, так как мы мыслим либо с помощью невербальных образов, либо с помощью понятий. Следовательно, наши мысли буквально представляют собой либо образы слов (вербальные образы, имеющие значение, или понятия), либо прочие (невербальные) образы и ощущения. Уже хотя бы поэтому концептуализация нами реальности, а следовательно, и наше мышление в принципе не могут быть независимыми от понятий и конструкций из них. Именно через них и в них мы не только репрезентируем себе окружающий мир, но и понимаем его.

Можно привести метафорический пример: строение не может быть «независимым» от материала, из которого оно состоит. Познание и представления о мире человека именно поэтому не могут быть «независимыми» от понятий (концептов), которые он усвоил в детстве вместе с языком своего общества. Мировоззрение и миропонимание, представляя собой совокупность множества конструкций из понятий, потенциально присутствующих в словах родного языка, естественно, не может не определяться особенностями концептуализации, характерными именно для этого языка. Более того, существа, обладающие разными концептуальными системами, поразному репрезентирующими им окружающий мир, просто не будут даже понимать друг друга, если эти системы сильно различаются.

Возвращаясь к словам Г. Глейтмана, А. Фридлунда и Д. Райсберга о том, что «существуют некоторые идеи, которые, например, человек, говорящий на языке хопи, может обдумывать, а человек, говорящий на французском языке, не может», а «нашим мышлением всегда будут управлять категории и синтаксис этого первоначального языкового опыта», надо заметить, что, безусловно, человек оперирует только теми категориями, которые у него есть. При этом другой человек не сможет репрезентировать реальность, также если у него нет соответствующих категорий. Другое дело, что люди очень похожи биологически, а человеческое мышление очень гибкое и легко усваивает иные способы концептуализации мира, какими бы необычными они ни были. Возможность усвоения людьми новой категоризации демонстрирует та легкость, с которой люди обучаются чужим языкам, в том числе весьма экзотическим. Другим примером является мир философских идей, в котором самые замысловатые концепции авторов легко усваиваются и понимаются другими исследователями, несмотря на то что почти все они создают свои собственные понятия и конструкции из них.

Впрочем, концептуальные системы людей, живущих на Земле, и не различаются очень уж радикально. Во-первых, в силу общей физиологии и анатомии, а следовательно, общей способности к чувственному доконцептуальному моделированию реальности, лежащей в основе последующей концептуализации. Во-вторых, в силу сходных условий существования на планете Земля, сходных потребностей, обусловленных опять же сходной биологией. В-третьих, в силу нарастающих процессов глобализации. И тем не менее присущие разным языкам особенности их концептуальных систем приводят порой к разному пониманию людьми одной и той же окружающей их реальности. Достаточно вспомнить мифологическое мышление примитивных племен [Л. Леви-Брюль, 1999; К. Леви-Строс, 2001], в основе которого как раз и лежит иная по сравнению с современным западным мышлением концептуализация того же окружающего нас мира.

Концептуальные системы, действительно, формируют то, «о чем и с помощью чего мы думаем», так как понятия и конструкции из них образуют содержание нашего вербального мышления. И если мы знаем лишь один язык, нашим мышлением всегда будут управлять его категории. Но при этом мы способны к иной концептуализации, то есть легко можем усвоить новые концепты другого языка и использовать уже их в своем мышлении. Утверждение о том, что «многие аспекты мышления независимы от языка», неверно. Независимым от языка может быть лишь мышление животных или очень маленьких детей. Человеческое вербальное мышление очевидно зависимо от языка, так как строится из образов его слов, которые имеют вербальные значения, достаточно четкие и жестко фиксированные в языке в форме языковых конструкций.

Дж. Лакофф [2004, с. 418–419] напоминает, что вопрос, являются ли концептуальные системы соизмеримыми или несоизмеримыми, поднимался со времени Б. Уорфа неоднократно, особенно в философии науки. В частности, Т. Кун (T. Kuhn) и П. Фейерабенд (P. Feyerabend) вообще доказывали, что научные теории несоизмеримы. Вопрос осложняется тем, что существует несколько видов несоизмеримости. М. Коул и С. Скрибнер (1977) тоже замечают:

> В последние годы тенденция сравнивать культуры таким образом, будто каждая из них является гомогенным целым и их можно противопоставлять друг другу, постепенно слабеет [с. 18].

Как сообщает А. Ребер [2001а, с. 396], выделяют «слабую» и «сильную форму» гипотезы Б. Уорфа. В первой утверждается, что язык оказывает влияние только на восприятие:

> ...например, предполагалось, что эскимос из-за того, что в его языке есть много слов для обозначения снега, различает вариации типов снега, которые не различались бы, например, англоговорящим человеком... [с. 306].

Во второй:

> ...утверждается, что влияние оказывается на абстрактные концептуальные процессы, например то, что... само понимание времени различается у людей, говорящих на этих (хопи и английском. — *Авт.*) языках [там же].

Автор заключает:

> Несмотря на интенсивное исследование этих вопросов, не удалось выявить почти или совсем никаких убедительных данных в поддержку этой гипотезы [там же].

А. Ребер (2001) также утверждает, например:

> Даже если в языке каких-то людей не будет отдельных слов для обозначения красного и оранжевого цвета, они будут различать их так же, как и те, в чьем языке эти слова есть [с. 344].

С этим трудно согласиться, так как различать их они не будут. Смогут различить, имея необходимые для этого физиологические аппараты, но не будут этого делать, потому что у них нет соответствующих понятий, а следовательно, никогда не возникало соответствующей необходимости и практики. Если же у них была такая необходимость и практика, то они, естественно, будут их различать и в их языках будут понятия, позволяющие им это делать. Возможно, впрочем, что будут не отдельные специальные понятия, а лишь сложные вербальные конструкции из многих понятий, которые тем не менее позволят различать репрезентируемые ими сущности.

Во многих источниках, например, повторяется, что народы, населяющие Крайний Север, различают до 20 видов снега. Г. К. Триандис [2007, с. 127] пишет, что арабы используют около 6 тысяч слов, имеющих отношение к разведению и использованию верблюдов, и около 50 из этих слов относятся к разным стадиям стельности верблюдов. Мы тоже потенциально способны различать 20 видов снега и разные стадии стельности верблюда, но у нас не было такой необходимости и подобного опыта, нет соответствующих понятий и мы не в состоянии на практике сделать это, пока нас не обеспечат соответствующими понятиями и не научат это делать. Научить — это и означает в том числе снабдить соответствующими понятиями или конструкциями из понятий, позволяющими что-то конституировать в окружающей реальности. Таким образом, для того, чтобы использовать собственные биологические способности на практике, мало их иметь. Надо еще иметь опыт их использования и соответствующие понятия или конструкции из разъясняющих понятий.

Споры по поводу гипотезы Сепира — Уорфа, которые ведутся исследователями, вызывают удивление. Такое ощущение, что исследователи живут в своих лабораториях, а не в человеческом обществе. И полагают, что лишь в лабораториях только и можно найти ответы на все вопросы, в том числе на вопрос об истинности или ложности гипотезы Сепира — Уорфа. Между тем для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, надо просто посмотреть на то, как живут вокруг исследователей люди — наши современники и влияют ли на их миропонимание и поведение особенности их языка, а следовательно, их концептуализации мира. Какие еще нужны «убедительные данные в поддержку этой гипотезы», кроме тех, которые мы ежеминутно видим вокруг.

Вообще следует уйти от слишком теоретических разговоров о том, что язык и обусловленная его особенностями концептуализация оказывают влияние на «абстрактные концептуальные процессы». Давайте разберем, на что конкретно оказывает влияние язык. Концептуализация, обеспечиваемая усваиваемым ребенком языком, определяет структуру моделей окружающего его мира, репрезентирует

ему характер его взаимодействий с этим миром и с другими людьми. В конечном счете концептуализация, а значит, язык определяет особенности поведения человека в сходных ситуациях, которые и следует изучать. *Отличается ли поведение носителей разных языков сейчас, в эпоху бурной глобализации и стирания концептуальных различий?*

Давайте, например, рассмотрим особенности концептуализации, а следовательно, и миропонимания, и поведения верующих: индийца-буддиста, араба-мусульманина и итальянца-христианина, а также англо- или русскоязычного ученого-атеиста, исходя из доминирующих в их сознании понятий и вербальных конструкций.

Буддист оперирует такими главными концептами, как:

> ...дхарма (элемент, закон), карма (действие), сансара (поток бытия), нирвана (...угасание — состояние просветления), нидана (колесо причинно-следственных связей), сангха (община) [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001, с. 141].

Его мир состоит из:

> ...трех лок (сфер): камалока (чувственный, реальный мир), рупалока (мир форм, иллюзорный), арупалока (мир без форм, сфера чистого сознания). ...Мир... представляется бесконечным сочетанием дхарм, элементарных частиц, своего рода вспышек жизненной энергии. Весь мир — «волнение» дхарм. ...Страдание, равно как и удовлетворение, создают следствия для новых рождений и сочетаний дхарм. Если не изменять характера переживаний, то человек не сможет выйти из круга рождений и смертей (сансары). Своими поступками, чувствами, мыслями человек складывает карму (судьбу). Благородная и нравственная жизнь улучшает карму. ...Освобождение достигается прекращением «волнения» дхарм, то есть уничтожением желаний, страстей, мыслей... Нирвана есть состояние абсолютного спокойствия, проникновения в истинную сущность вещей... [там же].

Исходя из этих понятий и вербальных конструкций формируются и система ценностей, и жизненная цель, и поведение буддиста — избавиться от страданий воплощенного бытия, причина которых заключается в жажде самоудовлетворения, болезнях, общем несовершенстве человека. Прекратить страдания можно путем достижения состояния просветления (нирваны), которое позволяет прервать круг постоянных перевоплощений и переселения собственной души во все новые и новые существа на Земле.

Мусульманин уверен, что мир создал Аллах — единый Бог. Он должен следовать божественному установлению, состоящему из:

> ...трех основных элементов: «пяти столпов ислама», веры (имам) и благих дел (ихсан). «Пять столпов ислама» составляют: 1) исповедание единобожия... и пророческой миссии Мухаммада... 2) ежедневная пятикратная молитва... 3) пост в месяц рамадан... 4) добровольная очистительная милостыня... 5) паломничество... в Мекку... [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001, с. 441].
>
> Главные понятия мусульманства — «ислам», «дин» и «имам». Ислам в широком смысле означает весь мир, в пределах которого установились и действуют законы Корана. Этой сфере противопоставляется «дар-ал-харб» — территория войны, в которой ислам должен утвердиться посредством джихада («священной войны») [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001, с. 140–141].

Мусульманин верит в ангелов и шайтанов (бесов), в воскресение после смерти и Судный день. В исламе:

> ...главное требование к человеку – идти по пути совершенствования, соблюдая законы Корана [там же].

Основные концепты христианина:

> ...Триединый Бог (Бог Отец, Бог Сын – Иисус Христос и Бог – Дух Святой), образ Божий в человеке, что делает последнего «причастным Божественного естества», непорочное зачатие, грехопадение – феномен первородного греха, греховность, роль крещения и церкви в спасении и достижении вечной жизни, искупление, спасение.

Христианин уверен, что и мир, и он сам созданы его Богом, что есть Рай и Ад, ангелы и черти, что после смерти его ждет Суд Божий, в результате которого ему воздастся за его грехи или праведную жизнь и он попадет в Рай или Ад.

Основные мировоззренческие концепты и конструкции атеиста:

> Бога нет, Вселенная существовала всегда, а в нынешнем виде возникла несколько миллиардов лет назад после взрыва ее сверхплотного ядра. Жизнь появилась из неживой материи в результате ее еcтвественного развития и постепенного процесса усложнения, а человек – результат эволюции живого мира. Жизнь человеку дается один раз. Человеческое сознание – функция человеческого мозга и неразрывно связано с телом человека. После смерти тела сознание исчезает вместе с телом. Нет ни потустороннего мира, ни переселения души, ни вечной жизни, ни наказания за грехи или награды за праведную жизнь.

Очевидно, что приведенные концептуальные структуры порой заставляют их владельцев по-разному понимать окружающий мир и даже поступать в одной и той же ситуации, что мы постоянно и видим вокруг. Что говорить о поступках, если эти концептуальные системы вообще заставляют людей жить совершенно разной жизнью. Ваххабит не ест свинину, но взрывает иноверцев, веруя, что благодаря джихаду попадет в свой Рай. Христианин не молится пять раз в день и ест свинину. Индуист боится наступить на бабочку или жука, не то что съесть мясо животного, так как, по его убеждению, это оборвет чью-то жизнь, а он испортит свою карму. Атеист не верит ни в Рай, ни в переселение душ и может быть как мерзавцем, так и очень порядочным человеком по своему выбору, а не из страха.

Мне могут возразить, что дело здесь не в языке, а именно в разных концептах и теориях, доминирующих в сознании людей. Но в том-то и дело, что эти разные концепты и теории родились и сформировались в разных языках. И уже затем из них были перенесены в остальные языки. Если бы эти народы и языки возникли на изолированных континентах или тем более планетах, мировоззрение и поведение людей раличались бы гораздо более разительно. Именно религии и даже философские учения (материализм и идеализм) являются наиболее наглядными примерами того, как особенности концептуализации мира, исходно связанные с конкретным языком, так как были изначально концептуализированы именно в нем, определяют взгляды людей на мир, его понимание и поведение людей.

Да, в рамках одного языка могут рождаться разные концептуальные системы, и, наоборот, в разных языках могут присутствовать теперь одни и те же концептуальные системы, перешедшие из какого-то одного языка, но это не отменяет того

обстоятельства, что в языке изолированно развивающегося общества обязательно сформируется особая уникальная концептуальная система, которая будет определять миропонимание и поведение членов этого общества, то есть будет влиять на «абстрактные концептуальные процессы», протекающие в их сознании.

В результате процесса глобализации на Земле практически не осталось изолированных обществ со своим особым языком и способом концептуализации мира, но еще совсем недавно они существовали в виде изолированно проживающих примитивных племен. Мировоззрение и поведение их представителей сильно отличались от нашего. Л. Леви-Брюль (1999) пишет, например:

> Первобытное мышление, как и наше, интересуется причинами происходящего, однако оно ищет их в совершенно ином направлении. Оно живет в мире, где всегда действуют или готовы к действию бесчисленные вездесущие тайные силы. ...Видимый мир и невидимый едины, и события видимого мира в каждый момент зависят от сил невидимого. ...Этим объясняется привычка первобытных людей пренебрегать тем, что мы называем естественными причинами, и устремлять все внимание на мистическую причину, которая одна будто бы и является действительной. ...Для направленного таким образом сознания не существует чисто физического акта. Никакой вопрос, относящийся к явлениям природы, не становится для него так, как для нас [с. 38–39].

Автор сообщает, что даже подлинная причина зачатия для представителей примитивных племен, по их мнению, — мистическая, тогда как половой акт — причина вторичная. Только благодаря особым концептам рассматриваемого примитивного общества, сохраняемым в языке и передаваемым новым поколениям через язык, видимый и невидимый мир едины, у любого события есть мистическая природа, а вокруг действуют бесчисленные тайные силы. И исследователи примитивных племен смогли понять особенности мировоззрения изучаемых обществ только после того, как усвоили их язык и используемые в нем концепты, то есть воспроизвели эти концепты в понятной для себя форме на своем языке. Следовательно, концепты иных языков легко могут быть инкорпорированы в другой язык, что мы постоянно видим вокруг себя, но исходно они создаются в обществе, говорящем на каком-то языке, и определяют миропонимание и поведение его членов.

Появление такого специфического мировоззрения у представителей первобытных обществ обеспечивали не некая абстрактная «социальная среда» и даже не просто конкретные люди — соплеменники, окружавшие ребенка примитивного племени с детства, а именно их язык, их концепты, которыми они оперировали и которые усваивал каждый новый член общества. Именно языковые конструкции являются той формой, которая сохраняет и передает от поколения к поколению специфические для данной культуры концепты и вербальные конструкции, а следовательно, особое мировоззрение, миропонимание и поведение. Таким образом, язык просто не может не оказывать сильнейшего влияния на особенности миропонимания и поведения людей. Следовательно, гипотеза Сепира — Уорфа верна по своей сути, хотя доказывать ее следует не теми способами, которые в основном использовали исследователи.

ГЛАВА 2.4

Простые вербальные структуры — пропозиции

- *Пропозиции*
- *«Врожденные» идеи*
- *Сенсорная основа пропозиции*
- *Пропозиции и факты*

2.4.1. Пропозиции

Появление понятий обеспечило человеку возможность создания конструкций из них. Просто замещая понятиями чувственные модели окружающего мира, человек научился строить простые вербальные и языковые конструкции: *солнце светит, дождь идет, собака злая и кусается* и т. д. Со временем вербальные конструкции все более усложнялись, описывая, то есть моделируя, иным, нечувственным, способом уже не просто чувственно репрезентируемые объекты, их свойства и действия, а более сложные сущности: ситуации, отношения и другие аспекты реальности. С появлением понятий сами объекты, их действия и свойства стали моделироваться уже не только чувственно, но и вербально с помощью описывающих их конструкций из понятий. Это привело в итоге к появлению у всех понятий, которые формируются на основе моделей-репрезентаций обозначаемых ими объектов, двух значений. Одно из них представлено чувственной моделью-репрезентацией. Другое — конструкцией из понятий. Например, значением понятия *воробей* является и сенсорная модель-репрезентация воробья, и вербальная конструкция: *воробей — это маленькая светло-коричневая, чирикающая и прыгающая птичка.*

Вербальные образы (образы слов) представляют собой нечто вроде «ярлычков», которые человек использует для того, чтобы «помечать» сначала модели-репрезентации часто повторяющихся объектов и явлений, их свойств и действий, а затем и целых событий, ситуаций, сложных аспектов реальности. Впрочем, далеко не все эти аспекты он в состоянии «пометить» такими «ярлычками». Большинство репрезентирующих сложные грани реальности чувственных психических конструкций не имеют названий — «ярлычков», и поэтому нам трудно их выделить и идентифицировать. Такого рода сложные сущности могут быть репрезентированы символически только с помощью описательных вербальных психических конструкций.

Описательная вербальная конструкция строится на основе чувственной модели реальности и замещает ее, поэтому она соотносится с ней и определяется ее структурой, а не абстрактными правилами языка, как до сих пор принято считать в соответствии со взглядами Н. Хомского (1972) и Дж. Фодора (J. A. Fodor, 1983).

Даже если объект недоступен восприятию вообще и соответствующее ему понятие возникает на основе вербальной конструкции, репрезентирующей этот объект, последняя может быть создана только после предварительного формирования составляющих ее более простых понятий, которые возникают на базе чувственных моделей-репрезентаций окружающего мира. Следовательно, рассматривая вербальную конструкцию, составленную даже из самых абстрактных понятий, а затем конструкции, являющиеся значениями этих понятий, и т. д., то есть двигаясь «вниз» от абстракции ко все большей конкретности, мы обязательно рано или поздно придем к чувственным моделям-репрезентациям, лежащим в основе даже самых абстрактных понятий. Все вербальные психические конструкции создаются всегда и только либо путем прямой замены чувственно-образных конструкций соответствующими понятиями (в форме описаний чувственных моделей реальности), либо как конструкции из понятий, обозначающих более простые вербальные конструкции, которые сами были созданы на основе чувственно-образных моделей.

Вербальные психические конструкции имеют разную степень сложности. Простейшая вербальная конструкция представляет собой два связанных между собой

понятия. Такого рода конструкции первоначально были выделены и изучены в логике и лингвистике. В психологии они стали обсуждаться, как пишет Дж. Андерсон [2002, с. 148], в начале 1970-х гг.: Андерсон и Бауэр (Anderson & Bower, 1973), Кларк (Clark, 1974), Фредериксен (Frederiksen, 1975), Кинш (Kintsch, 1974), Норман и Румельхарт (Norman & Rumelhart, 1975). Эти конструкции обозначаются понятием *пропозиция*. Дж. Андерсон (2002) дает такое определение пропозиции:

> ...самая маленькая единица знания, которая может быть отдельным утверждением; то есть это самая маленькая единица, истинность или ложность которой имеет смысл оценивать [с. 149].

Между понятиями в пропозиции существует связь, называемая пропозициональной. Фактически пропозициональная связь — это связь между, например, понятиями, обозначающими объект и его свойство, объект и его действие и т. д. Пропозиция представляет собой простейшую вербальную психическую конструкцию, обладающую смыслом и состоящую из двух связанных между собой понятий, хотя в литературе рассматривают в качестве пропозиции и более сложные вербальные конструкции, что представляется мне неверным. Вербальное значение пропозиции включает в себя значения составляющих ее понятий, то есть две другие вербальные психические конструкции. Например, вербальным значением пропозиции *хромая кошка* являются конструкции: *маленькое хищное домашнее животное, которое ловит мышей (...и т. д.), одна из конечностей которого функционирует плохо(...и т. д.)*.

В логике давно доминирует представление, которое было принято затем лингвистикой и психологией, о том, что языковые конструкции (предложения) формируются по логическим законам (позже в лингвистике и психологии добавились еще и какие-то законы языка). В соответствии с этими взглядами большинство современных исследователей полагают, что наше мышление, функционирующее по логическим законам, выстраивает вербальные конструкции (в том числе пропозиции) по законам логики и языка. Тем не менее формирование вербальных конструкций определяется не некими законами языка или даже логики, а окружающим нас миром, так как понятия замещают в нашем мышлении чувственные модели объектов этого мира в их связях и взаимодействиях.

Так, пропозиции, например, моделируют очевидные и чувственно репрезентируемые нашим сознанием связи объектов и явлений реальности, с одной стороны, и их свойств или действий — с другой. Пропозиции можно рассматривать как имеющие в первую очередь чувственную основу описательные вербальные модели, связывающие объект и свойство, объект и действие, действие и характеристику, явление и свойство, явление и действие и т. д. Например: *свет яркий, ветка гнется, горит хорошо, сияние возникло* и т. п. Из пропозиций естественным образом строятся все более и более сложные вербальные конструкции.

Р. Л. Солсо (1996) пишет:

> Пропозиция — это абстракция, которая передает фразу и похожа на нее — нечто вроде отдельной структуры, связывающей идеи и понятия [с. 234].

Однако мне представляется, что пропозиция — не бóльшая абстракция, чем, например, ощущение, понятие или образ. Это понятие обозначает вполне реальное психическое явление, простейший вариант вербальной психической конструкции.

Вместе с тем, конечно, само понятие *пропозиция*, как и другие общие понятия, например обозначающие психические явления (*ощущение, понятие* и *образ*), или даже общие понятия, обозначающие гораздо более простые объекты — физические (*дом, дерево, собака* и т. д.), — абстракция.

Р. Л. Солсо (1996) продолжает:

> Пропозиции чаще всего иллюстрируются семантическими примерами, но другие виды информации — например, зрительная — также могут быть представлены в памяти в виде пропозиций [с. 234].

Данное утверждение, естественно, нельзя принять в таком виде, тем не менее оно лишний раз демонстрирует нам, что значениями понятий, входящих в пропозицию, могут быть как вербальные конструкции, так и (в первую очередь) чувственные модели реальности. Именно поэтому пропозиции «иллюстрируются семантическими примерами» (правильнее было бы сказать, что их вербальное значение раскрывается другими вербальными конструкциями) и «зрительная информация также может быть представлена» в ней (в виде ее сенсорного значения). По-видимому, Р. Л. Солсо имеет в виду те явные чувственные репрезентации, например визуальные образы, которые вызывают в сознании многие пропозиции. Например, *черная собака* или *летящая птица*. Хотя надо тут же сказать, что выделить пропозицию в визуальном или ином чувственном образе невозможно. Чувственно ее можно лишь проиллюстрировать. Существует же она только в виде связки понятий. Что я имею в виду?

Выше я уже говорил, что человек может глубоко понять собственный зрительный образ, только если обладает уже обозначающими его понятиями. Например, образ собаки превращается для нас в собаку, лишь если мы владеем понятием *собака*, а она приобретает черный цвет, если у нас есть понятия *черный* и *цвет*. Соответственно пропозиция *черная собака* не может существовать на чувственном уровне. Она может возникнуть лишь как вербальный аналог (вербальная модель) — объяснение и описание зрительного образа. При этом последний превращается в чувственное значение данной пропозиции, но он сам не является пропозицией, а лишь иллюстрирует ее.

Итак, пропозиция — это простейшая вербальная психическая конструкция, или мысленная фраза, существующая в форме связки двух понятий. Она описывает или моделирует связь между двумя выделенными сознанием в чувственной форме или в виде понятий элементами окружающей или вымышленной реальности. В устном языке пропозиции соответствуют простейшие высказывания или суждения, а в письменном — предложения, состоящие из двух слов. Прежде чем мы продолжим рассмотрение пропозиций, нам придется сделать отступление и поговорить о «врожденных» идеях.

2.4.2. «Врожденные» идеи

Платон (2004) полагал, что в душе в форме «эйдосов» содержится все то, что становится потом предметом чувственного опыта, и познание представляет собой

припоминание — «анамнезис» этих идей. Врожденные идеи Платона — это в основном общие понятия. Рассматривали врожденные идеи[1] и многие другие исследователи. Р. Декарт (1989) и Г. Лейбниц (1983) относили к врожденным идеям аксиомы математики и положения логики. И. Кант [1994, с. 229] считал, что существуют доопытные априорные категории[2] пространства, времени и причинности, которые отражают структуру не реальности, а самого разума, и даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша познавательная способность дает от себя самой.

Сенсуалистическая философия (Дж. Локк, Т. Гоббс) отрицала наличие врожденных идей. Дж. Локк (1960) считал, что в момент рождения человеческий мозг представляет собой чистую страницу, tabula rasa, на которой опыт оставляет свои следы. Концепция Дж. Локка представлялась безупречной Вольтеру [1989, с. 111].

В XX в. врожденные идеи обсуждались еще более активно и разносторонне. Б. Рассел (2007), например, пишет:

> ...конечно, нелепо предполагать, что существуют врожденные принципы, в том смысле, что дети рождаются со знанием всего того, что знают люди и что не может быть выведено из опыта. Поэтому мы и не будем употреблять слово «врожденный» для описания нашего знания логических принципов. Понятие «a priori» (независимое от опыта) вызывает меньшее возражение и более употребительно у современных авторов. И, таким образом, допуская, что все наше знание вызывается и обусловливается опытом, мы тем не менее признаем, что есть и знание «a priori», в том смысле, что опыт, заставляющий нас думать о нем, недостаточен для его обоснования, но просто направляет на него наше внимание, чтобы мы признали его истинность, не прибегая к опытным доказательствам [Б. Рассел, 2000, с. 209].

> Априорное знание вовсе не ограничено логическим знанием... Вероятно, наиболее важным примером априорного знания является знание этических ценностей [Б. Рассел, 2007, с. 73].

Проблема врожденных идей — это отнюдь не канувшее в прошлое заблуждение старых авторов, а вполне актуальная и сегодня реальность науки. В. В. Миронов и А. В. Иванов (2005) полагают, например, что:

> ...у индивида существует целый комплекс привычных доопытных идей и установок, формирующих его картину мира, более или менее одинаковую с картинами мира у других людей: эталоны восприятия цвета, звука и формы, категориальные структуры мышления, языковая компетенция и т. д. Сам основоположник трансценденталистского взгляда на субъект познания (И. Кант. — *Авт.*) уклонялся от вопроса, каково происхождение этого доопытного познавательного ядра в каждом человеке. По И. Канту, он попросту лишен смысла: структуры трансцендентальной

---

[1] *Врожденные идеи* — представления и знания, которые не могут быть приобретены, поскольку они не имеют отношения к чувственному миру (например, математические и логические аксиомы, моральные ценности). В настоящее время имеется тенденция рассматривать врожденные идеи как наследственно приобретенные [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 78].

[2] *Априорный* — «означает знание, полученное независимо от опыта, присущее сознанию изначально» [Новейший философский словарь, 1998, с. 45].

субъективности априорны (кантовскую априорность (доопытность) не следует путать с декартовскими врожденными идеями. Такая позиция неприемлема для кенигсбергского мыслителя в силу ее натурализма). ...Н. Хомский и К. Лоренс считали их («доопытные идеи и установки». — *Авт.*) биологически врожденными формами адаптации к миру; Ж. Пиаже — следствием инвариантных структур деятельности, которыми ребенок овладевает на ранних стадиях развития. Марксистская парадигма рассматривала их как продукт влияния инвариантов культурной среды. В рамках восточной гносеологической традиции также признается существование устойчивого познавательного ядра личности, но оно связывается с механизмами духовной врожденности, с универсальными когнитивными характеристиками монад, остающимися неизменными в череде их духовного перерождения. Известно, что и в христианских религиозных гносеологических моделях признается некое духовное врожденное ядро субъективности, обеспечивающее общность базовых признаков познания и практической деятельности... [с. 287].

Б. М. Величковский (2006а) тоже пишет:

В рационализме, особенно в работах Канта, как известно, постулировалось существование априорных категорий. В XX в. кантианская точка зрения разделялась гештальтпсихологами и «школой Бюлера» — Конрадом Лоренцем и Карлом Поппером. Вопрос о существовании доопытного, не требующего логического вывода знания перестал сегодня быть предметом одних лишь умозрительных построений. Исследования... показывают, что эта кантианская точка зрения, похоже, действительно находит подтверждение в отношении некоторых самых общих аспектов наших знаний о мире, таких как представления о постоянстве существования предметов и трехмерности пространства [с. 15–16].

Представления об априорном знании и врожденных идеях, существующие в литературе, очень разнообразны, и часто идеи даже тех, кто признает наличие «врожденного» знания, исключают друг друга. Г. Спенсер (1897), например, полагает, что важные для выживания рода аспекты опыта биологически закрепляются в механизмах мышления и затем влияют на мыслительную деятельность новых поколений. Соответственно априорное для индивида является апостериорным[1] для рода. И. П. Меркулов (2006) считает, что:

...некоторые элементарные математические структуры врожденны в силу генетической детерминированности встроенных в нашу когнитивную систему относительно «низкоуровневых» аналитических стратегий знаково-символического мышления [с. 322].

Т. Г. Румянцева отмечает:

В современной методологии науки к априорным формам знания относятся исходные постулаты науки, хотя при этом признается в их выборе момент условности и конвенциональности [Новейший философский словарь, 1998, с. 45].

---

[1] *Апостериори* ... знание, полученное из опыта, в противоположность a priori («доопытному» знанию). ...Апостериорное знание, получаемое при помощи чувственного восприятия, носит случайный и неистинный характер, оно основано на прошлом опыте и не исключает возможности приобретения в будущем нового опыта, не согласовывающегося со старым [Новейший философский словарь, 1998, с. 44].

А. Райнах (2006) пишет:

> Есть мало философов, которые бы так или иначе не признавали факта априори, но нет ни одного, который бы его не редуцировал каким-либо образом к небольшой провинции его действительной области. Юм перечисляет нам отношения между идеями — это суть априорные взаимосвязи; но почему он ограничивает их отношениями и к тому же столь немногими — неясно. И совершенно роковой для последующей философии должна была стать та ограниченность, с которой априори понимал Кант. В действительности же область априори необозримо велика; что бы мы ни узнавали об объектах, все они имеют свое «что», свою «сущность», и для всех сущностей значимы сущностные законы... априорные законы значимы и для материального, и даже для чувственного, для звуков и цветов. Тем самым для исследования открывается область, столь широкая и богатая, что мы сегодня еще не в состоянии полностью окинуть ее взглядом [с. 368–369].

Данные литературы не дают четкого ответа на вопрос, присуще ли человеку от рождения некое врожденное или внеопытное знание либо он лишь усваивает его пассивно и «вне опыта», но уже после рождения, а потому оно априорно лишь для него, а не для людей вообще. Если верно последнее, то априорное знание — это отнюдь не врожденные идеи, с которыми младенец появляется на свет, а те идеи, которые он усваивает в готовом виде в процессе своего развития, но вне собственного опыта. Хотя последнее утверждение тоже весьма дискуссионно.

Проблему врожденного знания решает понимание факта наличия объективной психической реальности. То, что называют врожденным знанием, содержится в сознании окружающих ребенка людей, откуда оно интериоризируется им, как только он становится способным усвоить это вербальное знание. Из того факта, что априорное знание поступает к ребенку из объективной психической реальности, совершенно не следует, что оно — внеопытное для людей вообще (как, впрочем, в некотором смысле и для него самого). Оно лишь вытекает из иного индивидуального опыта, опыта его создателей — людей, познававших наш мир в прошлом. Людей, которые на основе своего личного опыта и (таких же условно доопытных) идей их предшественников выстроили свои собственные вербальные модели окружающего мира. Доопытными или внеопытными все идеи исследователей (их вербальные конструкции) становятся лишь для последующих поколений, усваивающих эти идеи в форме вербального знания, или «отношений между универсалиями», поэтому прав Б. Рассел (2007), который говорит:

> Все априорное знание имеет дело исключительно с отношениями универсалий [с. 89].

Итак, феноменологически то, что принято рассматривать как врожденные идеи, представляет собой вербальные психические конструкции, интериоризируемые ребенком из объективной психической реальности.

У индивида нет и не может быть никакого врожденного знания, как, впрочем, и априорного, внеопытного. Даже интериоризируемое им из объективной психической реальности вербальное знание познается лишь в результате восприятия им языковых конструкций других людей, а следовательно, в процессе личного чувственного, хотя и специфического опыта. Другое дело, что вербальное знание сразу усваивается в «готовом» виде, в форме вербальных конструкций, являющихся порой весьма

отвлеченными моделями окружающего мира. «Внеопытное» для субъекта знание (в том смысле, что это знание добыто исходно не им) относительно «априорно» для него, но не для человеческого рода. Оно содержится в сознании окружающих людей и потенциально — в материальных носителях информации: книгах, фильмах, разного рода записях и т. д. И из этих «хранилищ» каждый может «черпать» то, что никогда не познает непосредственно и чувственно сам. Например, математические знания, знания о значениях абстрактных понятий, о строении атомов и черных дыр Вселенной или о событиях прошлого.

В литературе под «априорным» знанием часто понимают знание, генетически или биологически обусловленное. *Может ли быть такое знание?* Никакого биологически обусловленного знания нет и быть не может, так как человеческое знание — это психические конструкции. Биологически передаваться могут лишь способности к усвоению и использованию знания. Мне могут привести в качестве возражения опыты Дж. Макконнела (J. B. McConnell, 1962), например, с плоскими червями, в которых якобы наблюдалась «передача знаний» через белки тела от одних червей к другим червям, которым скармливали нарубленных «обученных» червей. Однако в последующих экспериментах эти данные не были подтверждены.

Исследователям действительно будет трудно обойтись без идеи биологически обусловленного наследования знания, если они не поймут тот факт, что знание приобретается ребенком в процессе усвоения им языка с каждым новым словом, потому что каждое слово — это и есть особое знание о реальности, хранящееся в объективной психической реальности и относительно априорное для усваивающего его ребенка. Тех же, кто поймет этот факт, перестанет удивлять, как ребенок, никогда не сталкивавшийся с чем-либо новым для него, вроде бы уже имеет знание об этом новом. Усваивая понятие, обозначающее конкретный предмет, ребенок сразу приобретает часть знаний о нем, его свойствах, изменениях и возможном использовании. При понимании данного факта такая сущность, как «врожденное» знание, становится нам не нужна.

2.4.3. Сенсорная основа пропозиции

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 371] описывают глухих детей, которых не учили языку знаков.

> Авторы сообщают, что прежде, чем эти дети получили какую-либо подготовку в чтении и вокализации по губам, они начали использовать систему жестов, называемую родным знаком. Поначалу их родной знак был чем-то вроде простой пантомимы, но постепенно обретал свойства языка. Он включал отдельные знаки и комбинации знаков. Глухие дети фактически создавали свой собственный язык. Они сначала изображали жестами по одному знаку, затем складывали из своих пантомим «предложения» длиной в два и три понятия. По мнению авторов, эти поразительные результаты свидетельствуют о богатстве и детальности врожденного знания.

На самом деле нет никаких оснований обсуждать в данном случае наличие какого-то «врожденного знания», так как дети замещали специальными знаками

имеющиеся уже у них зрительные модели-репрезентации окружающей реальности, то есть многочисленные предпонятия. Место слуховых вербальных образов в психической структуре того, что можно назвать «специфическими понятиями» этих детей, заняли визуальные образы жестов. Таким образом, у детей сформировались своеобразные пантомимические понятия, в которых образы слов заместились образами жестов. Данные интересные наблюдения свидетельствуют лишь о том, что в роли понятий (вербальных образов, имеющих понятное человеку значение) могут выступать отнюдь не только образы привычных нам слов, но и образы совершенно иных объектов-знаков, например пантомимических. В качестве таких аналогов понятий могут быть использованы не только образы жестов, но и, как показывают исследования приматов, образы специальных пластиковых жетонов, предложенных Д. Примэком (D. Premack), образы специальных значков — лексиграмм на клавиатуре компьютера, так называемый язык «йеркиш», разработанный Д. Рамбо (Rumbaugh et al.), и др. (подробнее об этом см., например: З. А. Зорина, И. И. Полетаева, 2001).

Обсуждая апперцепцию[1] в понимании В. Вундта, Н. Н. Ланге (2005) предлагает сравнить два ассоциативных ряда: бессвязный ряд слов — «школа, сад, дом, твердый, мягкий, длинный, видеть» и другой ряд в виде осмысленной фразы Гете: «Весна пришла во всей своей красе, ранняя гроза прогремела в горах» — и продолжает:

> Чем, спрашивается, различаются психологически эти два ряда? Недостаточно просто сказать, что первый ряд есть лишь случайный набор слов, а второй имеет сам по себе смысл. Ибо случайность первого лишь кажущаяся, его происхождение было закономерно обусловлено ассоциациями. Осмысленность же второго ряда может и отсутствовать, например, для ребенка, который выучивает его просто на память. Притом и в этом втором ряду даже для понимающего его действуют тоже отчасти и ассоциативные связи. Но суть различия действительно в том, что для субъекта, понимающего вторую фразу, в ней есть кое-что, кроме ассоциаций. ...У писателя... некоторое цельное общее представление, хотя бы еще и не определенное, должно было заранее предшествовать отдельным ее словам. Это целое и определило ход фразы. ...В первом же ряду слов, чисто ассоциативном, это общее сочетание вообще отсутствует. В нем нет общей связности мысли, он похож на кучу камней, из которых можно построить дом, но для этого нужен, кроме камней, еще и общий план. Итак, суть осмысленной фразы состоит в особом соединении многого в субъективное единство, в особое общее сочетание частей, которое характерно для апперцептивных связей, в их отличии от ассоциативных [с. 171–172].

Дело в том, что в основе «субъективного единства осмысленной фразы» лежит не просто особое сочетание частей, а сенсорная психическая конструкция, уже моделирующая ту грань реальности, которая с помощью этой фразы тоже репрезентируется, хотя и совершенно по-новому. Другими словами, в основе вербальной конструкции Гете лежит сенсорная модель реальности, которая и представляет

---

[1] *Апперцепция*... В. Вундт... употреблял этот термин... для обозначения активного умственного процесса выбора и структурирования внутреннего опыта, центра внимания внутри сферы сознания... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 57].

собой некое исходное «субъективное единство». Различия между двумя группами понятий, приведенными Н. Н. Ланге, совершенно очевидны. Понятия первой группы ничем не связаны между собой. Понятия второй группы совершенно очевидно связаны тем, что сами являются вербальной моделью первичной сенсорной репрезентации окружающего мира. Эта сенсорная репрезентация представлена визуальными и слуховыми образами грозы, идущей в горах: сверкающими молниями, темными тучами, струями дождя, раскатами грома, льющимися с гор потоками воды и т. д. И «осмысленная» вербальная конструкция, выстраиваемая сознанием, просто описывает, вторично моделирует эту уже представленную в сознании чувственную репрезентацию реальности, но теперь в новой форме.

Как я уже отмечал выше, большинство пропозиций тоже являются описательными вербальными моделями первичных чувственных репрезентаций. Тот факт, что пропозиция - простейшая вербальная конструкция формируется на основе сенсорной психической конструкции, говоря метафорически, как ее «второй этаж», иллюстрирует мысль Б. Рассела (2007):

> Я буду различать пропозицию, выраженную в словах, как «словесную пропозицию» и пропозицию, состоящую из образов, как «образную пропозицию». Как правило, словесная пропозиция «обозначает» образную пропозицию... Наиболее важная вещь относительно пропозиции заключается в том, что, независимо от того, состоит ли она из образов или из слов, что бы ни случилось, она представляет собой действительный факт... [с. 246].

«Образная пропозиция», о которой пишет Б. Рассел, — это чувственное значение пропозиции, то, на базе чего она возникает. Говорить об «образной пропозиции» все же неправильно, так как пропозиция по определению — вербальная конструкция. Более того, ее исходно выделили в логике, поэтому то, что описывает автор, есть чувственное значение пропозиции и лишь доказывает то, что многие пропозиции возникают на основе чувственных моделей окружающего. Б. Рассел (2007) продолжает:

> Простейшая возможная схема соответствия между пропозицией и объективным коррелятом предоставляется такими случаями, как визуальные образы памяти. Я вызываю образ комнаты, которая мне известна, и у меня образ окна находится слева от камина. ...В этом случае я обладаю комплексным образом, который... мы в состоянии разложить на (a) образ окна, (b) образ камина, (c) отношение, при котором (a) находится слева от (b). Объективный коррелят состоит из окна и камина с тем же самым соотношением между ними [с. 253].

Для нашего обсуждения важно только то, что автор доказывает существование у вербальной пропозиции сенсорного аналога, или чувственного значения.

Модель-репрезентация объекта является сенсорной основой всех пропозиций, репрезентирующих чувственно воспринимаемые качества и действия данного объекта. Визуальная часть модели-репрезентации объекта чувственно моделирует такие его свойства, как цвет, форма, поверхность, углы, яркость и т. д., выступая как сенсорная основа, или «образная пропозиция», как говорит Б. Рассел, соответствующих пропозиций. Например: *белая собака, яркая лампа* и др. Она же сенсорно моделирует изменения и движения объекта и, следовательно, такие пропозиции, как *собака*

прыгает, лампа светит и т. д. Визуальная часть модели-репрезентации чувственно моделирует и элементы, составляющие объект, и «подобъекты» — его разные части, и лежит в основе таких пропозиций, как *голова собаки, выключатель лампы* и т. п.

Сенсорные репрезентации других модальностей в структуре модели-репрезентации моделируют прочие чувственные свойства объекта и лежат в основе таких пропозиций, как *лающая собака, вонючая собака, теплая собака* и т. п. Изменяющиеся модели-репрезентации взаимодействующих в физической реальности объектов лежат в основе более сложных вербальных конструкций, состоящих из многих пропозиций, например: *Валя дала собаке мясо, собака его съела и стала вилять хвостом и прыгать.* В результате возникают сложные описательные вербальные конструкции, способные замещать собой сенсорные модели-репрезентации изменяющихся вокруг нас аспектов и граней реальности.

Очевидно, что не все вербальные конструкции замещают собой конструкции сенсорные. Многие вербальные конструкции формируются, на первый взгляд, в отрыве от сенсорного основания. Например, пропозиция *собака больная* является уже результатом умозаключения, сделанного на основе других сенсорных и/или вербальных конструкций: *собака не ест мяса, она скулит, видимо, у нее что-то болит.* Первые части вербальной конструкции замещают собой сенсорную модель и являются описательными, тогда как последняя представляет собой вербальную конструкцию – умозаключение, построенное по аналогии, как логический вывод: когда у человека что-то болит, он жалуется и у него ухудшается аппетит; собака скулит и не ест, значит, у собаки что-то болит.

В психологии и лингвистике до сих пор недооценивается совершенно очевидный факт – то, что первые понятия возникают у ребенка на основе сенсорных предпонятий. Соответственно и первые вербальные конструкции тоже возникают на базе сенсорных моделей объектов и их свойств или изменений в качестве вербальных заменителей этих моделей. Лингвистика, впрочем, сделала больше, чем психология, для понимания роли вербальных конструкций в мышлении. В частности, именно в лингвистике появились первые указания на наличие связи вербальных конструкций и соответствующих сенсорных моделей реальности. Хотя рассматривается эта связь совершенно с иных позиций и с иными целями, чем могла бы рассматриваться в психологии. В психологии же она почти вовсе не рассматривается.

У. Найссер (1981), например, очень неопределенно высказывается на эту тему:

> В лингвистике сосуществует много различных подходов к описанию структуры предложения. ...В некоторых из новейших подходов моделью для автоматического описания служат структуры естественных событий: соответствующие описания включают в себя деятелей, действия, указание на место действия и прочие теоретические категории. Предполагается, что все это позволяет детям сравнительно легко понимать предложения, «увидеть», что они означают. ...Поскольку беседа взрослого с ребенком по тому или иному поводу неизменно протекает в непосредственном окружении, ребенок может видеть референт предложения в то же самое время, когда он слышит предложение — вследствие чего эти две схемы оказываются взаимосвязаны. Благодаря какому-то такому механизму, все еще недостаточно понятному, дети начинают постигать значение не только отдельных слов, но и предложений [с. 181].

Хотя можно было бы сказать гораздо проще и понятнее: вербальные конструкции возникают у ребенка на базе сенсорных репрезентаций реальности. На первом этапе — в качестве дескриптивных (описательных) их моделей, моделей второго уровня.

Существуют экспериментальные подтверждения того, что маленькие дети понимают вербальные конструкции и связывают их с соответствующими сенсорными моделями еще до того, как сами научатся создавать вербальные пропозиции. Так, Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг [2001, с. 430] приводят данные экспериментов, проведенных с 16-месячными детьми, которые начинали уже говорить, используя пока только по одному слову.

> Малыши сидели на руках своих мам и могли видеть два экрана: слева и справа. Детям показывали короткие фильмы, изображавшие два разных события. На левом экране Большая Птица щекотала Бисквитного Монстра. На правом – Бисквитный Монстр щекотал Большую Птицу. Половина детей слышала голос, произносящий: «Смотри-ка! Большая Птица щекочет Бисквитного Монстра». Другие дети слышали обратное предложение: «Смотри-ка! Бисквитный Монстр щекочет Большую Птицу». Было зарегистрировано с помощью скрытого наблюдения, что малыши смотрели в основном на экран, соответствующий предложению, которое они слышали. Авторы делают вывод, что дети должны понимать синтаксис тестовых предложений, точнее, они должны понимать логику того, кто и что с кем сделал, несмотря на тот факт, что сами дети способны продуцировать только высказывания, состоящие из одного слова.

Данные результаты в очередной раз демонстрируют, что еще до овладения фразовой речью дети сенсорно моделируют реальность, понимают простые понятия и пропозиции и способны соотносить их со своими соответствующими перцептивными репрезентациями.

На этапе усвоения ребенком понятий мышление должно еще научиться эффективно использовать разные словоформы и их связки для моделирования реальности. Э. Кассирер (2002) пишет:

> На первых этапах развития языка... основным правилом построения предложения является простое *сочинение*. Детская речь полностью определяется этим принципом. Один член предложения примыкает к другому без каких-либо средств связи, а там, где сосуществуют несколько предложений, они по большей части оказываются объединенными рыхлой бессоюзной связью. Отдельные предложения, словно нанизанные на шнурок, следуют одно за другим, но они еще не объединены внутренней связью, не «состыкованы» друг с другом, поскольку поначалу отсутствуют еще какие-либо языковые средства, позволяющие ясно обозначить их иерархические отношения [с. 250].

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что ребенок, еще не владея знаниями о синтаксисе и правилах построения языковых конструкций, уже имеет «семантическое значение» (в данном случае — чувственное значение) создаваемой им вербальной конструкции. Это позволяет ему отобрать и грубо соединить нужные понятия, но он еще не способен сделать это в соответствии с правилами языка.

В. фон Гумбольдт (2001) пишет:

> Слова и существующие между ними грамматические отношения являются в нашем представлении двумя совершенно различными сущностями. Первые суть подлинные предметы языка, вторые — лишь отношения между ними... [с. 331].

Такое понимание языка и синтаксиса сохранилось до сих пор. Однако эти самые «отношения» первично возникают не между словами в языке, который якобы является «независимым когнитивным модулем», а между чувственными моделями-репрезентациями объектов, а слова (точнее, понятия) лишь моделируют вторично и по-другому уже репрезентированные сенсорно в сознании ребенка объекты и отношения. Следовательно, вербальные конструкции и связи между словами отражают не нечто произвольное, не «грамматические правила языка» или некие «лингвистические законы», а сложные структуры и связи внешнего мира, репрезентированные сенсорными моделями окружающих нас объектов, их свойств и действий.

В. В. Нуркова [2006, с. 169–170] пишет, что приложение теории двойного кодирования А. Пэйвио к обработке речевых сообщений привело к формулированию гипотезы, согласно которой конкретные предложения обрабатываются в рамках образной системы кодирования, а абстрактные — в рамках вербальной. Она ссылается на эксперименты, которые показали, что в конкретных предложениях быстрее обнаруживаются изменения смысла, чем порядка слов, а в абстрактных — наоборот, то есть, оперируя в рамках образной системы (конкретное высказывание), человек как бы сразу «видит» смысл ситуации. При анализе же абстрактного высказывания ему требуется время для того, чтобы провести интерпретацию грамматических конструкций. К тому же конкретные предложения запоминаются лучше, чем абстрактные, что обусловлено включением обеих систем памяти в их обработку. Мне же представляется, что и те и другие предложения обрабатываются одинаково. Просто доступным значением первых являются и вербальные, и сенсорные конструкции, а вторых — лишь вербальные, что увеличивает время, необходимое для их понимания, и ухудшает их запоминание.

2.4.4. Пропозиции и факты

До сих пор мы рассматривали психические модели относительно простых сущностей, которые составляют окружающий мир: объектов, их свойств, действий и отношений. Однако, кроме них, исследователи выделяют и широко обсуждают так называемые *факты*[1] реальности. Б. Рассел (2007) пишет:

---

[1] В философии факт чаще рассматривают как: «...понятие... фиксирующее реальное событие или результат деятельности... употребляющееся для характеристики особого типа эмпирического знания...» [Новейший философский словарь, 1998, с. 745]; «...фрагмент реальности,

> ...если и не на практике, то в теории вы способны достичь конечных простых, из которых построен мир... эти простые обладают тем видом реальности, который не принадлежит чему-либо еще. Как я пытался объяснить, простые представляют собой бесконечное число разновидностей. Существуют индивиды (то, что я лично называю объектами. – *Авт.*), качества и отношения различных порядков, целая иерархия различных типов простых, но все они, если мы правы, различными способами обладают некоторым видом реальности, не принадлежащим чему-либо еще. Единственный другой тип объектов, с которыми мы сталкиваемся в мире, представляет собой то, что мы называем фактами, и факты представляют собой тип вещей, утверждаемый или отрицаемый пропозициями, и вовсе не являются собственно сущностями в том самом смысле, в котором сущностями являются их конституенты. Последнее демонстрируется тем фактом, что вы не можете их наименовать [с. 206].

Из сказанного следует, что факты в понимании автора – это «другой тип объектов», «тип вещей», «нечто, имеющееся налицо» вне зависимости от нашего к этому «нечто» отношению. Они, как и объекты, их свойства и отношения, «обладают тем видом реальности, который не принадлежит чему-либо еще», хотя Б. Рассел и подчеркивает, что это уже иные сущности физического мира, отличающиеся от тех, что их составляют. На уровне фактов мы переходим от «простых» сущностей к другому уровню сущностей окружающей реальности.

Б. Рассел (2007) продолжает:

> ...говоря о фактах, я не имею в виду отдельные существующие вещи, такие как Сократ, дождь или Солнце. Сам Сократ не делает какое-либо высказывание истинным или ложным. ...Сам Сократ или любой отдельный предмет... не делает какую-либо пропозицию истинной или ложной. И «Сократ мертв», и «Сократ жив» суть высказывания о Сократе. Одно является истинным, другое – ложным. Фактом я называю то, что выражено целостным предложением, а не отдельным именем «Сократ». ...Мы выражаем факт, когда, например, говорим, что определенный предмет имеет определенное свойство или что

выступающий объектом человеческой деятельности... все, что происходит, что случается в мире...» [Словарь философских терминов, 2004, с. 610].

В психологии факт – это: «...знание, достоверность которого несомненна. ...Результат наблюдения... и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований» [Большой психологический словарь, 2004, с. 568].

Б. Рассел (2001) так определяет факт: «Под “фактом” я имею в виду нечто, имеющееся налицо, независимо от того, признают его таковым или нет. ...Большинство фактов не зависят от нашего воления, поэтому они называются “суровыми”, “упрямыми”, “неустранимыми”. Физические факты в большей своей части не зависят не только от нашего воления, но даже от нашего опыта» [с. 159]. «Под “фактом” я подразумеваю нечто комплексное. Если мир не содержит простых, тогда все, что он содержит, является фактом; если он содержит какие-то простые, тогда факты суть все то, что он содержит помимо простых. Когда идет дождь, это факт, когда светит Солнце, это факт. Расстояние от Лондона до Эдинбурга – факт. Вероятно, факты и то, что все люди умрут. То, что планеты движутся вокруг Солнца приблизительно по эллипсу, – факт. Говоря обо всем этом как о фактах, я не подразумеваю фразы, в которых мы их утверждаем, или структуру нашего ума, когда мы высказываем утверждения, но те особенности в устройстве мира, которые делают наши утверждения истинными (если они являются истинными) или ложными (если они являются ложными)» [Б. Рассел, 2007, с. 224].

> он находится в определенном отношении к другому предмету; но предмет, обладающий свойством или отношением, не есть то, что я называю «фактом» [с. 126–127].

Итак, фактами, например, является то, что Сократ мертв, дождь идет, а Солнце взошло. Факт конституируется с помощью пропозиции, но автор при этом полагает:

> Из простого обстоятельства, что есть две пропозиции, соответствующие одному и тому же факту, совершенно очевидно... что пропозиция не является именем факта. Предположим, это факт о том, что Сократ мертв. У вас есть две пропозиции: «Сократ мертв» и «Сократ не мертв». И эти две пропозиции соответствуют одному и тому же факту; в мире имеется один факт, который делает одну пропозицию истинной, а другую – ложной. Это не случайно и иллюстрирует то, каким образом отношение пропозиции к факту совершенно отличается от отношения имени к наименованию вещи. С каждым фактом соотносятся две пропозиции, одна – истинная, а другая – ложная, и в природе символа нет ничего такого, что показывало бы нам, какая именно из них истинна, а какая — ложна [2007, с. 130–131].

Иметь отношение к тому факту, что Сократ мертв, могут даже и еще две пропозиции, не рассмотренные Б. Расселом: «Сократ жив», «Сократ не жив». Причем две из рассматриваемых четырех соответствуют реальному факту. Значит ли это, что «пропозиция не является именем факта»? Мне представляется, что нет. Другое дело, что одни пропозиции являются «именами фактов», а другие — нет. К тому же даже разные пропозиции могут репрезентировать один и тот же факт. Например, «Сократ мертв» и «Сократ не жив».

Далеко не все исследователи согласны с категоричной формулой Б. Рассела (2007):

> ...факты суть то, что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать [с. 126].

У. Куайн, например, полагает, что:

> ...фактуальность есть внутреннее дело нашей теории природы, что фактов самих по себе, нейтральных, не только относительно теории, но даже теории природы, не существует [цит. по: С. Неретина, А. Огурцов, 2006, с. 881].

К. Поппер (2002) тоже считает, что:

> ...«факты» не являются ни основой теорий, ни их гарантией: они не более надежны, чем любые наши теории или «предрассудки»; они даже менее надежны, если вообще можно говорить об этом... [с. 145].

Дж. Лакофф (2004) замечает:

> Все объективисты признают существование грубых фактов, то есть таких, которые истинны, независимо от каких-либо человеческих установлений. Так, чей-нибудь вес — это грубый факт, так же как атомный вес золота. Многие объективисты также признают институциональные факты — факты, которые являются истинными вследствие наличия некоторых человеческих институтов. Чье-нибудь социальное положение и цена доллара по отношению к золоту являются институциональными фактами. ...Так называемые грубые факты во многих отношениях зависят от этих установлений — от соглашений, касающихся измерительных инструментов, теорий измерения, допустимого использования статистики и широких научных теорий,

> которые в значительной степени продукты умов ученых. Эта проблема не нашла до сих пор адекватного решения в объективистской традиции и в целом представляется неразрешимой [с. 227–228].

Что же представляет собой факт феноменологически? Рассмотрим факт *Имар черный*. Он представляет собой пропозицию, выступающую в качестве вербального заменителя визуального образа восприятия, репрезентирующего конкретный объект и его свойство. Все мы видим, что данная собака черная. И это бесспорный факт. Как отмечает Б. Рассел (2000):

> ...каждый сложный факт... может быть познан двумя путями: 1) путем суждения, в котором его отдельные части утверждаются в такой связи, в которой они фактически находятся; 2) путем непосредственного знакомства с самим сложным фактом, которое может быть названо восприятием... [с. 256].

Казалось бы, Б. Рассел (2007) очевидно прав, утверждая, что:

> ...факты принадлежат объективному миру. Они не создаются нашими мыслями или убеждениями за исключением особых случаев. ...Факт суть нечто такое, что вы выражаете посредством предложения, и они в такой же степени, как и отдельные стулья и столы, являются частью реального мира [с. 127].
>
> Вещи, имеющие место в мире, обладают различными свойствами и находятся в различных отношениях друг к другу. А это и есть факты, и совершенно ясно, что предметы и их качества или отношения в том или ином смысле являются компонентами фактов [с. 135].

Давайте еще раз вернемся к пропозиции *Имар черный* и соответствующему факту. Существует ли он в физической реальности? С одной стороны, бесспорно то, что данная конкретная собака — черная. И это «объективный факт», очевидный всем, кто на нее смотрит. Но черный цвет отсутствует в физической реальности. Он есть лишь в человеческом сознании, как и звук скрипки или запах розы. Ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни тепла, ни звука нет в физической реальности, но все наши «факты» не могут существовать без цвета, вкуса, запаха, тепла, звука и прочих человеческих ощущений. Следовательно, факты могут возникать лишь в сознании, хотя и репрезентируют, как нам представляется, физическую реальность.

Кроме непосредственно воспринимаемых фактов, существуют и другие факты: *сегодня вторник, Линкольна застрелили, дождь кончится* и т. п. Очевидно, что подобные факты не являются ни сущностями, ни явлениями окружающего физического мира. Они вообще не относятся к объектам окружающего нас физического мира, так как понятия *вторник* и *сегодня* — явные продукты человеческого мышления и существуют лишь в сознании, как, впрочем, и тот факт, что Линкольна застрелили, а дождь явно когда-нибудь кончится, так как не бывало еще бесконечных дождей.

Из сказанного следует, что факты необходимо разделить по крайней мере на три категории: 1) факты реальные: *роза красная, лимон кислый* и т. д.; 2) факты возможные: *был первый взрыв* (рождение Вселенной), *есть черные дыры, Имар голоден* и т. д.; 3) факты вымышленные (имеющие отношение к иным, вымышленным человеком реальностям): *кролик (в сказке) сказал, Раскольников признался, Болконский умер* и т. п.). Факты реальные, в свою очередь, можно разделить на факты существующей сейчас окружающей физической реальности, например *Имар*

черный, вода (эта) горячая, поверхность (эта) теплая и т. п., и факты объективной психической реальности: *сейчас одиннадцать часов, Сократ умер, сегодня вторник* и т. д. Факты объективной психической реальности можно дополнительно разделить на факты: 1) прошлой, 2) будущей и 3) настоящей физической реальности. Например: 1) *Германия начала войну, договор заключен, бомба упала на Хиросиму*; 2) *Солнце сядет, президента переизберут, снег выпадет*; 3) *Петр умный, теория Иванова верна, Павел младше Ивана, генерал главнее лейтенанта* и др.

Одни из таких фактов репрезентируют нам события, которые давно произошли или еще только произойдут и их нет уже или еще нет в физической реальности. Другие репрезентируют потенциальные свойства или изменения объектов, которые, возможно, проявятся в определенных условиях, но сейчас их нет в физической реальности: *вода высохнет, дерево вырастет, краска потемнеет*. Третьи репрезентируют свойства и действия объектов, вытекающие из сложных вербальных конструкций, присутствующих в сознании людей, в частности из конструкций, репрезентирующих социальную иерархию, которой нет в физической реальности, так как она — элемент объективной психической реальности. Например: *президент управляет, судья решает, рядовой служит* и т. п. Таким образом, многие реальные факты трудно отнести к тому, что, как полагает Б. Рассел, «имеется налицо, независимо от того, признают его таковым или нет» и «не зависит от нашего воления». По крайней мере, очень многие реальные факты явно являются конструкциями нашего сознания. Что, однако, не исключает того обстоятельства, что «реальность в себе» как-то способствует их конституированию в нашем сознании.

Итак, факты — это сущности, создаваемые нашим сознанием на основе окружающей нас «реальности в себе» и репрезентируемые пропозициями. Они могут репрезентировать что-то в окружающем нас мире, могут конституировать что-то, возможно существующее в нем, а могут конституировать нечто, явно принадлежащее к вымышленным сущностям. Факт — это не ощущение, не образ восприятия и не понятие, это всегда уже мысленный вывод, репрезентирующий нечто в форме простейшей вербальной конструкции — пропозиции или элементарного суждения. Например, таким выводом является пропозиция, возникающая на основе чувственной репрезентации, в виде факта — *вот он* (то есть предмет есть), или *Имар черный*, или *цветок (этот) пахнет*.

Б. Рассел (2007) замечает:

> Ошибка невозможна там, где затрагиваются только факты. Стало быть, вы не можете сказать, что убеждены в фактах. Вы должны говорить, что убеждены в пропозициях. Неудобство этого в том, что пропозиции, очевидно, суть ничто, следовательно, такое рассмотрение предмета не может быть правильным. Когда я говорю: «Пропозиции, очевидно, суть ничто», это, вероятно, не совсем очевидно. Было время, когда я думал, что пропозиции существуют, но, как мне кажется, не совсем правдоподобно говорить, что вдобавок к фактам существуют также такие странные, призрачные вещи типа «что сегодня среда», когда на самом деле сегодня вторник. Я не верю, что они есть в реальном мире. Это превосходит то, во что может поверить субъект, и я не думаю, что человек с живым чувством реальности мог бы это вообразить [с. 162].

Сомнения автора объясняются тем, что факт только и может существовать в виде пропозиции или в форме еще более сложной вербальной конструкции. Именно

вербальная конструкция его и конституирует. Факты – это не то, что содержится в физическом мире, а то, что создает сознание в форме вербальной конструкции, хотя эта конструкция и может репрезентировать в том числе и окружающую нас «реальность в себе».

Б. Рассел (2007) пишет:

> Совершенно ясно, что пропозиции – это не то, что вы можете назвать «реальным». Если вы создаете описание мира, пропозиции не будут входить в это описание. В него будут входить факты, убеждения, желания, волеизъявления, но пропозиции – нет. Их бытие не является независимым... [с. 154].

Спорное утверждение. Описание мира нельзя создать без вербальных конструкций. И в описание это будут входить не факты, убеждения, желания и волеизъявления, а понятия, пропозиции и более сложные вербальные конструкции. Пропозиция поэтому не менее реальна, чем, например, образ или понятие. Собственно, она и есть простейшая конструкция из понятий, экстериоризируемая человеком в форме предложения из двух слов. «Бытие» пропозиций как раз «независимо», а фактов – зависимо, так как факты без пропозиций не существуют, как, впрочем, и убеждения и даже волеизъявления, невозможные без языковых конструкций. Все факты репрезентируются только пропозициями, и без них фактов нет. Факт даже не просто репрезентируется, он конституируется пропозицией. Без конституирующих факт пропозиций (*июль кончается*, *машина завелась*, *ученик понял* и т. д.) нет соответствующих фактов.

Ю. М. Лотман (2004) замечает:

> ...историческая наука с самого первого своего шага оказывается в странном положении: для других наук факт представляет собой исходную точку, некую первооснову, отправляясь от которой наука вскрывает связи и закономерности. В сфере культуры факт является результатом предварительного анализа. Он создается наукой в процессе исследования и при этом не представляется исследователю чем-то абсолютным. Факт относителен по отношению к некоторому универсуму культуры. Он выплывает из семиотического пространства и растворяется в нем по мере смены культурных кодов [с. 338].

Итак, факты являются сущностями человеческого сознания, сущностями объективной психической реальности. Исходя из этого, метафору Э. Левинаса (1998):

> Пальцы, заключающие мир в скобки, сами запачканы чернилами этого мира [с. 235] –

я переиначил бы совсем по-другому: факты окружающей нас реальности, которые мы черпаем из мира ладонями, почему-то имеют форму наших ладоней.

Нельзя забывать о том, что многие факты являются частью объективной психической реальности и существуют только в ней: *Колумб открыл Америку*, *Первая мировая война началась в 1914 году*, *Гагарин – первый человек, полетевший в космос*, и т. д. Кстати, как можно убедиться на этих примерах, многие факты конституируются не пропозициями, а более сложными вербальными конструкциями.

ГЛАВА 2.5

Вербальные конструкции и логика

- *Логика и психология*
- *Понятия в логике*
- *Абстрактные понятия и чувственные репрезентации*
- *Логические законы и построение вербальных конструкций*

2.5.1. Логика и психология

Принято считать, что логика — это «наука о законах и операциях правильного мышления» [А. А. Ивин, 1999, с. 9], «о формах, законах и методах познавательной деятельности; способность правильно (логически) мыслить» [Новейший философский словарь, 1998, с. 371]. Она «служит повышению формальной точности сознания и объективности содержания мышления и познания» [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 245]. Общепринято, что:

> ...логика изучает законы правильного мышления... Свойства самой мысли и те условия, которые мысль должна соблюдать, чтобы быть правильной [М. С. Строгович, 2004, с. 15].

Формальная логика является «важнейшим и наиболее зрелым разделом логики» [А. А. Ивин, 1999, с. 372]. Она получила свое наименование от предмета, которым занимается, — «форм мыслей и рассуждений», обеспечивающих получение новых истин на основе уже установленных, а также критериев правильности и обоснованности этих форм. В науке тысячелетиями поддерживалась претензия логики на раскрытие и обучение людей некоему необходимому и правильному[1] мышлению.

Большинство авторов полагают, что:

> ...познающее мышление... подчинено некой принудительной силе, его результаты во многом детерминированы и предопределены [Новейший философский словарь, 1998, с. 371].

Предопределены они «предшествующим знанием», а также тем, что:

> ...достоверность результатов различных по содержанию рассуждений зависит не только от истинности исходных положений (посылок), но и от отношений между ними, способа их соединения, то есть от формы рассуждения [там же].

Не только в логике и философии, но и в естествознании, и даже психологии общепринято, что логика имеет самое непосредственное отношение к мышлению. Дж. Андерсон [2002, с. 304] указывает, что до XX столетия логика и мышление часто считались одним и тем же. Н. Смит [2003, с. 93] сообщает, что известный ирландский математик Джордж Буль назвал в 1854 г. свою книгу по логическому исследованию, содержавшую описание двоичной алгебры, «Исследования законов мышления». Эта книга предназначалась, «прежде всего, чтобы исследовать фундаментальные законы тех умственных операций, с помощью которых осуществляются умозаключения».

---

[1] ...Правильным является лишь такое мышление, в котором соответствующий действительности вывод получается в результате правильной связи мыслей. ...Для этого необходимо: 1) чтобы те положения, которые являются исходными в нашем рассуждении и которые в логике называются посылками, были истинны, верно отражали действительность и 2) чтобы самый ход рассуждения, путь развития мысли был связным, последовательным, обоснованным [М. С. Строгович, 2004, с. 13–14].

Мысли человека истинны тогда, когда они отражают действительность, и ложны, когда они отражают действительность неправильно. Формальная логика... содействует правильности, истинности мышления и тем самым помогает познанию действительности [М. С. Строгович, 2004, с. 16].

Абсолютное большинство исследователей не сомневаются в том, что логика не только имеет непосредственное отношение к мышлению, но и определяет, правильно ли оно.

Э. Гуссерль (2000), например, пишет:

> Она (логика. — *Авт.*) должна нас научить правильному, то есть согласующемуся с самим собой пользованию разумом [с. 67].

Историческое заблуждение по поводу того, что логика якобы может научить нас «правильному пользованию разумом», до сих пор существует и процветает не только в науке вообще, но и в психологии. За две с лишним тысячи лет сложилось всеобщее ошибочное убеждение, что логика не просто занимается изучением мышления, а обеспечивает его, так как:

> ...ее (логики. — *Авт.*) законы лежат в основе нашего мышления... Всякое движение мысли, постигающей истину и добро, опирается на эти законы и без них невозможно [с. 3].

Считается[1] чем-то само собой разумеющимся и не требующим доказательств, что:

- логика занимается изучением мышления;
- логика — наука о законах и операциях правильного мышления;
- логика позволяет повышать «формальную точность сознания» и объективность содержания мышления и познания;
- логика позволяет получать новые истины на основе уже установленных, то есть она необходима для познания;
- достоверность результатов рассуждений зависит от отношений между ними, способа их соединения, то есть от формы рассуждения и их соответствия законам логики;
- логическое мышление — синоним научного или правильного мышления.

Так ли все это на самом деле?

Логика утверждает, что существуют логические законы, или законы мышления, которые:

> ...присущи человеческому мышлению, так как представляют собой отражение в сознании человека определенных свойств и сторон объективной действительности [М. С. Строгович, 2004, с. 14].

Эти законы:

> ...необходимо соблюдать, чтобы мышление было правильным. ...Таких основных законов мышления четыре: 1) закон тождества, 2) закон противоречия, 3) закон исключенного третьего и 4) закон достаточного основания [М. С. Строгович, 2004, с. 26].

Первые три закона были сформулированы Аристотелем, четвертый — Лейбницем.

---

[1] См., например: Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 245; Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 416; Новейший философский словарь, 1998, с. 371; А. А. Ивин, 1999, с. 9 и многие другие.

Закон тождества гласит:

> В процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе. ...В процессе рассуждения нельзя подменять одну мысль другой, одно понятие другим [А. Д. Гетманова, 2007, с. 122].

Закон противоречия (или закон непротиворечия):

> ...высказывание и его отрицание не могут быть вместе истинными [А. А. Ивин, 1999, с. 160].

Закон исключенного третьего:

> ...из двух противоречащих высказываний одно является истинным [А. А. Ивин, 1999, с. 163].

Закон достаточного основания:

> ...всякая истинная мысль должна быть достаточно обоснованной [А. Д. Гетманова, 2007, с. 135].

Задам, однако, крамольный вопрос: *имели ли исходно приведенные «законы мышления» вообще отношение к мышлению?* Логик М. С. Строгович (2004) пишет:

> Логика на самом первом этапе своего возникновения создавалась как практическое руководство для ведения споров, дискуссий, полемики [с. 18].

> При споре по поводу любого предмета все время должен иметься в виду один и тот же предмет... Любое обсуждение, любой спор своим необходимым условием имеет точное установление предмета спора, обсуждения [с. 27].

Е. Ю. Леонтьева [2006, с. 45], в частности, говорит об особом отношении греков к слову, так как именно в публичных выступлениях, прениях, дружеских обсуждениях проводили много времени свободные граждане полисов. Она цитирует Ф. Ж. Салазара, который полагает, что современная западная культура:

> ...восходит... именно к культуре устной речи, когда умелое пользование словом обеспечивало и социальный престиж, и власть [с. 46].

Е. Ю. Леонтьева (2006) добавляет:

> Слово не только управляло его (древнего грека. — *Авт.*) жизнью, но и могло решить судьбу, когда последняя определялась качеством речи выступающего в защиту или в обвинение того или иного поступка. Теперь уже зарождается интерес к самим словам, к правилам их формирования в предложения и их построения. *Значимой становится не столько мысль, сколько форма ее выражения, возникает тенденция к выявлению и познанию этих форм* (курсив мой. — *Авт.*) [с. 48].

Приведенные высказывания проясняют ситуацию и позволяют ответить на мой последний вопрос. Логика поначалу предназначалась совсем не для того, чтобы «учить правильному мышлению», а для того, чтобы учить правильно вести дискуссию, спор, что совсем не одно и то же.

М. С. Строгович (2004) делает неожиданное признание:

> ...различие между логикой и психологией заключается в том, что... они изучают разные законы. ...Мышление рассматривается и изучается психологией как явление

> душевной жизни... Логика изучает законы правильного мышления, то есть такие законы, которые обеспечивают правильность выражения и развития мыслей... Логика формулирует такие законы мышления, которые необходимо соблюдать для того, чтобы мышление было правильным... [с. 17].

Отвлечемся ненадолго от логики и поговорим о психологии мышления. *Насколько человек способен управлять своим мышлением?* Несмотря на то что механизмы мышления еще слабо изучены, интроспекция с очевидностью демонстрирует, что мы не можем управлять возникновением собственных мыслей, то есть мысли появляются в нашем сознании непроизвольно, независимо от нашей воли. Они просто возникают как бы ниоткуда. Мы же способны лишь удерживать какую-то тему в виде образа, понятия, идеи, вокруг которых в нашем сознании спонтанно возникают ассоциации. Следовательно, наши возможности управления собственным мышлением весьма ограниченны. Поэтому утверждения о том, что мы можем и тем более должны следовать каким-то законам, выстраивая собственное мышление, которое нам не очень-то и подчиняется, выглядят довольно странно.

Вместе с тем в процессе создания собственных языковых конструкций мы действительно способны перестраивать собственные вербальные конструкции, а это уже, безусловно, вербальное мышление (или размышление). Мы тщательно и придирчиво рассматриваем возникшие непроизвольно в нашем сознании идеи, заменяем в них одни понятия другими или «включаем» процесс создания новых мыслей и выстраиваем из них новые вербальные конструкции. Тем не менее само возникновение в нашем сознании мыслей не подчиняется нашему произвольному контролю. Мы, по сути дела, можем лишь менять, пересматривать и переделывать результаты собственного мышления. Следовательно, у нас есть все основания разделить собственное мышление на два процесса: 1) протекающий вне сознания, а потому недоступный нашему произвольному регулированию, биологически детерминированный процесс, заканчивающийся появлением в сознании конструкций из невербальных и вербальных образов; 2) протекающий в нашем сознании, произвольный процесс рассмотрения, оценки и отбора понятий и вербальных конструкций среди возникших в сознании.

Первый процесс идет практически постоянно, когда мы бодрствуем. Второй же включается только тогда, когда мы специально обдумываем какую-то проблему и хотим получить то, что принято называть «решением». Если присутствует второй, процессы эти протекают параллельно. Второй использует результаты первого и сам неясным образом стимулирует первый. Обычно наше решение – это новая вербальная модель той или иной части окружающей нас или вымышленной реальности, которая делает для нас понятной ее структуру или изменения, протекающие или возможные. Логика может принимать участие только во втором процессе, так как лишь он сознателен и только в него мы можем произвольно вмешиваться.

Вместе с тем мне, как психиатру, очевидно, например, что в результате первого, биологически детерминированного процесса построения вербальных конструкций в сознании у психически здоровых людей возникают вербальные конструкции или идеи, полностью соответствующие тому, что называют «логическими законами».

Появляющиеся в сознании в норме вербальные конструкции адекватно моделируют окружающую реальность, в них используются понятия, тождественные самим себе («закон тождества»), не используются взаимоисключающие понятия и конструкции («закон непротиворечия»), возникающие вербальные конструкции обоснованны и последовательны («закон достаточного основания») и т. д.

Если же в мышлении человека появляются «подмены понятий и суждений» и он начинает считать одновременно истинными два исключающих друг друга суждения, если его мысли становятся «недостаточно обоснованными» (то есть непоследовательными, разорванными, паралогическими[1]), то речь уже идет не просто о том, что его мышление «становится нелогичным», так как не соответствует «логическим законам», а о том, что оно становится болезненно измененным, например шизофреническим. И здесь нет других вариантов, так как нормальное мышление репрезентирует окружающую реальность только адекватно, непротиворечиво и последовательно.

Другое дело, если мы обсуждаем языковую «продукцию» людей — их высказывания и тексты. Вот она-то даже у формально здоровых людей часто не соответствует не только логическим законам, но и даже вообще «здравому смыслу». Сказанное заметил, кстати, еще Р. Декарт (1989), который, обсуждая один из аспектов нормального мышления, пишет:

> ...дедукция же или чистый вывод одного из другого... никогда не может быть неверно произведена разумом, даже крайне малорассудительным [с. 81].

Он считает, что заблуждения, в которые впадают люди, никогда не проистекают из неверных выводов, а являются следствием «малопонятных данных опыта» или «опрометчивых и безосновательных» суждений.

Итак, хотим мы подчиняться «логическим законам мышления», «которые необходимо соблюдать, чтобы мышление было правильным», или нет, оно — наше мышление, — пока мы психически здоровы, создает вербальные конструкции в соответствии со своими внутренними законами, не имеющими отношения к законам логики, сконструированным людьми. И биологически детерминированный процесс мышления вне зависимости от наших желаний или нежеланий в норме приводит к появлению в сознании адекватных, последовательных, непротиворечивых и т. д. вербальных конструкций, которые соответствуют «логическим законам».

Таким образом, мы, во-первых, не в силах заставить на этом этапе свое мышление следовать каким-то законам, установленным логиками. Во-вторых, нам и нет никакой необходимости соблюдать эти «логические законы мышления», потому что естественное нормальное мышление по своей природе способно создавать только логичные, то есть адекватные реальности невербальные и вербальные репрезентации.

---

[1] *Паралогическое мышление* — соединение несопоставимых обстоятельств, явлений, положений; объединение противоречивых идей, образов с произвольной подменой одних понятий другими. Соскальзывание с основного ряда мышления на побочный, часто с утратой логической связи; мышление с выкрутасами... [Руководство по психиатрии, 1983, с. 25].

Повторюсь, что все сказанное касается лишь процесса появления мыслей, в том числе вербальных, в нашем сознании. Можно предположить, что этот биологически детерминированный процесс направлен на формирование максимально адекватных репрезентируемой реальности, максимально соотносимых с ней ее моделей, причем как чувственных, так и вербальных. Именно поэтому он независим от нашей воли, а возникающие вербальные конструкции, как и чувственные модели окружающего мира, по определению не могут не быть адекватными, то есть они всегда последовательны, непротиворечивы, в них используются тождественные самим себе понятия. То, что непроизвольно возникающие в нормальном сознании вербальные конструкции исходно соответствуют «логическим законам», неудивительно, так как логические законы выводились здоровыми людьми, мышление которых было поэтому последовательным, непротиворечивым и правильным, то есть «нормальным». И на основе своего нормального, непротиворечивого и эффективного мышления они выстраивали затем свои языковые конструкции и логические законы построения этих конструкций.

Какую же роль логика играет во втором процессе сознательного и произвольного построения нами вербальных конструкций? Действительно ли формирование последних осуществляется нами в соответствии с логическими законами, как принято считать?

Имеет смысл попытаться разобраться в том, как действуют эти логические законы. Мы знаем, что если закон имеет отношение к внешнему миру, как, например, физические законы Ньютона, то он действует независимо от нашей воли. Если же закон касается каких-то социальных аспектов поведения (не укради, не лги и т. д.) или, как в данном случае, логических правил построения нами собственных мысленных конструкций, то, чтобы выполнять этот закон, мы должны его знать. Следовательно, если логические законы функционируют как физические, то есть независимо от человеческого сознания, то бессмысленны разговоры о том, что мы должны следовать им и выстраивать свое мышление в соответствии с ними. Если же они сродни социальным законам, то мы должны их выполнять сознательно. Но мы не можем их выполнять, если не знаем их наизусть, а люди в абсолютном большинстве не знают законов логики. И тем не менее, по мнению логиков, чтобы мышление было «правильным и логическим», человек должен знать и выполнять эти законы.

Очевидно, однако, что по крайней мере дети и необразованные люди уж точно не знают законов логики и не могут, соответственно, их выполнять. Тем не менее нельзя сказать, что их мышление становится от этого неадекватным и нелогичным. Мне могут сказать, что и детям, и необразованным взрослым логические законы известны имплицитно, так как они «пронизывают» всю объективную психическую реальность. Допустим, что это так и есть. Давайте все же разберемся в том, что представляет собой на практике следование логическим законам и алгоритмам.

Начнем с рассмотрения того, что принято называть логическим алгоритмом[1]. Наиболее известным логическим алгоритмом построения языковых конструкций,

[1] *Алгоритм*... в математике: точное предписание для выполнения «вычислительного» (комбинаторного) процесса [Большой психологический словарь, 2004, с. 27].

который лежит в основе всей логики, является формальный силлогизм[1]. А. Р. Лурия [2005, с. 316] пишет о том, что в ходе культурного развития возникает способность делать выводы из силлогизмов, в которых ряд частных суждений ведет к объективно новому заключению. Два предложения, первое из которых дает общее утверждение, а второе — специфическое утверждение, представляют собой большую и малую посылки силлогизма. Взрослый образованный западный человек воспринимает эти посылки не как две отдельные фразы, а как некую логическую связь, ведущую к выводу. Приверженцы Вюрцбургской психологической школы, например, даже говорили об особых «логических ощущениях», которые якобы присущи человеческому сознанию.

На самом деле формальная логика, позволяющая нам вывести умозаключение из двух посылок, представляет собой лишь схему действий, созданную два с половиной тысячелетия назад Аристотелем. Эта схема, или вербальная психическая конструкция, предписывает определенный порядок действий, которого необходимо придерживаться при построении новой языковой конструкции — умозаключения на основе двух других известных языковых конструкций — суждений. Последние являются, как правило, описательными конструкциями, содержащими общий элемент. За тысячи лет своего существования схема Аристотеля стала настолько важным элементом объективной психической реальности западного мира, что западный менталитет считает ее очевидно истинной и чуть ли не присущей окружающему миру в силу особенностей устройства последнего. Она, действительно, подспудно присутствует в учебниках начальной школы, даже не имеющих вовсе никакого отношения к логике. Образованные люди привыкли считать следование ей в своих рассуждениях проявлением собственного высокого интеллектуального развития и особенностью своего мышления, недоступной для менее развитых и образованных людей. А. Р. Лурия [1998, с. 335–336] приводит результаты исследований, проведенных им в 1930–1931 гг. в Средней Азии. Из них следует, что местные жители, не имевшие образования, были не в состоянии сделать вывод из формальных посылок:

> На Дальнем Севере, где круглый год снег, все медведи — белые. Место N. на Дальнем Севере. Медведи там белые или нет?

Для ответа обследуемые привлекали свои знания реальности:

> Я там не был и не знаю; я обманывать не хочу...

Те же, кто получил какое-то образование, могли сделать логический вывод достаточно легко.

Исследования А. Р. Лурия подтверждают данные других авторов о том, что неграмотные испытуемые не видят логической связи между частями силлогизма. Мне думается, в этом и нет ничего удивительного, так как люди, совершенно незнакомые с формальной логикой, воспринимают разные посылки как вербальные

---

[1] *Силлогизм*... опосредованное дедуктивное умозаключение, в котором из двух посылок выводится обусловливаемое ими заключение [М. С. Строгович, 2004, с. 220].

...вид дедуктивного умозаключения, в котором из двух истинных категорических суждений, где субъект и предикат связаны средним термином, при соблюдении правил необходимо следует заключение [А. Д. Гетманова, 2007, с. 146].

модели реальности, не связанные между собой. Им не представляется естественным и необходимым, что из самого факта существования этих двух часто не связанных с окружающей их реальностью и порой даже просто нелепых вербальных конструкций должна вытекать еще какая-то третья. Тем более якобы бесспорно достоверная. Лишь люди, знакомые с созданными Аристотелем правилами, способны вывести из двух известных посылок третью.

Испытуемые в процессе экспериментов не воспринимали посылки в качестве достоверных моделей реальности, что вполне естественно и неудивительно, учитывая, что им предлагались совершенно отвлеченные посылки. Сам А. Р. Лурия, кстати, отмечает, что испытуемые чувствовали недоверие к первоначальным посылкам, не основанным на их личном опыте, и не использовали их. Посылки воспринимались испытуемыми как утверждение, отражающее лишь единичный случай. В итоге силлогизмы распадались у испытуемых на три изолированных высказывания, не объединенных единой логикой.

Аналогичное исследование описывают М. Коул и Сильвия Скрибнер [1977, с. 198–199]. Вождю африканского племени кпелле в Либерии было предложено ответить на вопрос:

> Паук и черный олень всегда едят вместе. Паук сейчас ест. Ест ли сейчас черный олень?

Вождь не смог дать ожидаемый исследователями логически правильный ответ.

Исследуя студентов Московского университета, Р. Л. Солсо [1996, с. 452] предлагал им сходную задачу:

> Иван и Борис всегда едят вместе. Борис сейчас ест. Что делает сейчас Иван?

В соответствии с данными автора, 80 % испытуемых тоже не смогли сделать формальные выводы из логических посылок. Обсуждая результаты исследований М. Коула и Сильвии Скрибнер и своих собственных исследований, Р. Л. Солсо [1996, с. 452–453] пишет, что в высокоиндустриальных западных обществах люди приучены подтверждать высказывания, касающиеся реальности, при помощи пропозициональных репрезентаций, тогда как в менее индустриальных обществах, где люди живут «ближе к земле», доказательства больше связаны с непосредственным чувственным впечатлением. По его мнению, подобное «земное» рассуждение способно приводить к здравым заключениям, несмотря на то что ответы на вопросы, требующие абстрактного рассуждения, получаются не совсем те, что имеют в виду западно-ориентированные психологи.

При этом автором не обсуждается то обстоятельство, что, например, посылка «Паук и черный олень всегда едят вместе» для вождя племени из Либерии не имеет смысла и никак не соотносится с его жизненным опытом, а потому непривычна и малоактуальна для него. Не обсуждается также и то, что для построения логического умозаключения всем испытуемым надо твердо знать аристотелевский алгоритм построения вывода — итоговой вербальной конструкции, то есть человека следует этому всего лишь предварительно обучить. Что касается результатов исследований студентов МГУ, то, возможно, дело в методике эксперимента. В том, что испытуемые, например, избегали очевидного ответа как слишком простого.

Никто из авторов не рассматривал влияние логики как таковой на познание, а потому и не обратил внимания на самое замечательное и важное обстоятельство, обнаружившееся в перечисленных исследованиях: несмотря на то что испытуемые не могли пользоваться логическим силлогизмом, так как не владели логикой вообще, они были великолепно адаптированы в окружающем мире. Незнание логических законов и невозможность пользоваться ими никак не мешали испытуемым успешно жить и эффективно мыслить. Данное обстоятельство однозначно опровергает все утверждения логиков об исключительном доступе к правильному и логическому мышлению только тех, кто владеет логическими законами и следует им в своем мышлении.

Возникает резонный вопрос: *а зачем человеку в его практической жизни эти в общем-то бесполезные умозрительные логические конструкции, которые ошибочно расцениваются западными исследователями как «способность к абстрактному мышлению», тем более что они не могут помочь ему в создании новых адекватных моделей окружающего мира?*

С помощью логических конструкций Аристотеля нельзя получить новой достоверной модели реальности. Еще Дж. С. Милль [цит. по: Г. Гельмгольц, 2002, с. 40] показал, что формальная логика не дает нам ничего такого, чего бы мы не знали раньше, если большая посылка не навязана нам каким-либо авторитетом, потому что сама большая посылка — это уже обобщающий вывод, включающий в себя наше будущее умозаключение по определению.

Для познания окружающего мира схема Аристотеля неэффективна, так как в «естественных» вербальных конструкциях, являющихся моделями окружающего мира, всегда высок элемент неопределенности. Формальная же логика должна исходить из жестких постулатов: «Если верны посылка 1 и 2, то...». А вот с этим-то «если» в реальном познании нового как раз всегда есть проблемы, поэтому новые модели строятся не путем логических рассуждений, а путем мысленного перебора возможных моделей: «Что будет, если мы сделаем так? — То и то. А если так? — Это. А если эдак? И т. п.». Выводы, которые нам постоянно приходится делать в повседневной жизни, мы делаем, исходя не из двух посылок, а из множества посылок, и не жестко определенных, а лишь вероятно возможных. Только тогда эти выводы более или менее адекватны реальности. Аристотелевский силлогизм, да и в целом формальная логика, поэтому малопродуктивны в реальной жизни, и люди легко обходятся без них на практике.

Самим логикам очевидно, что люди мыслят не в соответствии с алгоритмом формальной логики, но логиков это не смущает. М. С. Строгович (2004), например, пишет:

> При изучении любого логического закона... кто-либо всегда может сказать «а я мыслю не так, а совсем иначе», и это может быть правда. Но это ни в малейшей степени не лишает законы логики их необходимого значения. Мышление человека, отступающее от законов логики, психологически вполне объяснимо, но оно неправильно, ошибочно, приводит к ложным, необоснованным выводам [с. 18].

Следовательно, автора особенно не заботит очевидное даже для него самого несовпадение естественного и так называемого «логического мышления». Если

естественное мышление не соответствует представлениям логиков о том, как должно протекать «правильное», «логическое мышление», тем хуже для него! Что касается эффективности логических выводов и их роли в познании окружающего мира, то логики, кстати, и не скрывают, что:

...цель логики – установить законы, согласно которым суждение оправдывается другими суждениями, и безразлично, являются ли последние сами истинными [Г. Фреге, 1997, с. 105].

Иными словами, логиков не очень интересует вопрос адекватности реальности выстраиваемых по законам логики конструкций. Для них гораздо важнее, чтобы конструкции эти соответствовали законам логики.

Неадекватность логических конструкций была очевидна многим. Б. Рассел [2007, с. 169] приводит, например, силлогизм, который, как он указывает, воспрепятствовал Лейбницу в его попытке построить математическую логику: «Все химеры являются животными, и все химеры извергают пламя, следовательно, некоторые животные извергают пламя», – и подчеркивает, что Г. Лейбниц потерпел неудачу из-за своего почтения к Аристотелю, так как вы всегда подвержены ошибке, если говорите: «Все А есть В, и все А есть С, следовательно, некоторые В есть С». Но Г. Лейбниц не смог заставить себя поверить в ошибочность этого и поэтому начинал сначала. Автор замечает, что нельзя слишком уж почтительно относиться к авторитетам.

Надо откровенно признать, хотя, возможно, это и вызовет бурю возмущения, что логика не оказала сколько-нибудь заметного влияния на развитие конкретных наук. Наука вообще не руководствуется теми законами построения языковых конструкций, которые разрабатывает логика. Разрабатываемое логикой не имеет никакого отношения к объективной физической реальности, потому что формальная логика занимается анализом формальных же конструкций языка, а далеко не все они даже являются адекватными моделями окружающего нас мира. Соответственно, естественные науки, которые пытаются моделировать объективную реальность, имеют достаточно косвенное отношение или вовсе не имеют отношения к тому, чем занимается логика. У них разные точки приложения, а потому наука просто не может руководствоваться логикой. Она руководствуется практикой.

То, что формальная логика не имеет отношения к естественному мышлению, уже не секрет для психологов. Дж. Андерсон (2002), например, пишет:

Сто лет назад раздел «Когнитивные процессы» в учебнике психологии обычно был посвящен «логическому мышлению». Тот факт, что лишь одна глава в этой книге посвящена умозаключению, отражает современное понимание того, что большая часть человеческого мышления не может считаться логическим умозаключением ни в каком разумном смысле [с. 304].

...нет никакой причины предполагать, что логика имеет тесную связь с когнитивными процессами, лежащими в основе человеческого мышления [с. 305].

Тем не менее старые заблуждения удивительно живучи, и по-прежнему остается, например, почти общепринятым, что логика широко применяется человеком при решении задач. Так, сам же Дж. Андерсон (2002) продолжает:

> Удивительно, но изучение логики не всегда ведет к лучшему результату в оригинальной задаче Уэйсона по выбору карт. В исследовании Ченга, Холиоака, Низбетта и Оливера (Cheng, Holyoak, Nisbett & Oliver, 1986) студенты колледжа, только что закончившие изучение семестрового курса логики, показали результат всего лишь на 3 % лучше, чем те, кто не изучал формальную логику. Это наблюдалось не потому, что они не знали правила логики; скорее, они не применяли их в данной логической задаче. Они предпочитали применение некоторых нелогических интерпретаций правила [с. 313–314].

В связи с этим интересно замечание П. К. Фейерабенда (1986):

> Имеется еще одна догма, которую следует рассмотреть... Это убеждение в том, что все люди и все объекты совершенно автоматически подчиняются законам логики и должны подчиняться этим законам. Если это так, то антропологическая исследовательская работа оказывается излишней. «Что истина в логике, то истина в психологии... в научном методе и истории науки», — пишет Поппер. Это догматическое утверждение не является ни ясным, ни истинным... Данное утверждение не является ясным, поскольку не существует такого единственного предмета — ЛОГИКИ, — который способен раскрыть логическую структуру указанных областей. Существует Гегель, существует Брауэр, существуют представители формализма. Они предлагают вовсе не разные интерпретации одного и того же набора логических «фактов», а совершенно разные «факты». И данное утверждение не является истинным, поскольку существуют вполне правомерные научные высказывания, которые нарушают даже простые логические правила [с. 415–416].

Логический анализ просто несостоятелен там, где исследователь с его помощью пытается познавать реальность. В. В. Налимов [2007, с. 189] приводит слова Ф. Ницше о том, что логика есть попытка понять действительный мир по известной, созданной нами схеме сущего, правильнее говоря, сделать его для нас более доступным формулировке и вычислению, а сам мир представляется нам логичным, потому что мы сами его сначала логизировали. Разумное же мышление есть интерпретирование по схеме, от которой мы не можем освободиться.

Ф. Бэкон (1978) считает философию Аристотеля примером ложной философии, софистикой и пишет, что Аристотель:

> ...свою натуральную философию совершенно предал своей логике и тем сделал ее сутяжной и почти бесполезной [с. 23].

Он (1978) отбрасывает логические выводы как:

> ...бесплодные в работе, удаленные от практики и совершенно непригодные в действенной части науки [с. 71].

Впрочем, за прошедшие со времени Аристотеля тысячелетия понятие *логика* существенно расширило свое значение. Кроме формальной и разного рода неформальных логик, теперь активно обсуждают логику мышления, логику языка, даже логику окружающего мира — скрытую логику естественных событий. Провозглашаемые принципы «научного мышления» подразумевают следование в научной деятельности и в процессе создания научных теорий определенным алгоритмам, которые принято называть «логическими». Полагают даже, что логика заложена, например, в правилах синтаксиса, которые якобы предписывают нам соединять слова определенным образом.

В XX в. возникло множество логик, отменяющих или пересматривающих основные законы и принципы классической логики. А. А. Ивин [1999, с. 210], например, отмечает, что современная логика значительно отличается от традиционной. Появилась проблема сведения многих «логик» в единство тех фрагментарных описаний мышления, которые даются отдельными логическими системами. X. Патнэм [1999, с. 103] пишет, что сегодня область логики определяют гораздо шире, чем когда-либо, ибо логика включила в себя математику и все методы, используемые сегодня в логическом исследовании, являются математическими. Параллельно с этими изменениями логики формальная логика Аристотеля была ассоциирована логиками с тем, что можно назвать «бытовой логикой здравого смысла» и повседневного мышления, к которой относят любые адекватные и последовательные рассуждения, следование неким привычным закономерностям, понятное вытекание одного суждения из другого, например причины из следствия, разумность выводов, подтверждаемость вербальных моделей, прогнозирующих будущее, и др. В результате в естественно-научной литературе термин «логика» стал использоваться крайне расширительно и «логическое» стали отождествлять с разумностью, правильностью, продуманностью, последовательностью и адекватностью теорий, гипотез и доказательств. Между тем сама логика понимает под *логическим* нечто совершенно другое. В Словаре философских терминов (2004) читаем:

> Определение таких важнейших логических терминов, как «правильное дедуктивное умозаключение», «логически истинное высказывание» и др., существенным образом опирается на понятие логической формы. Например, правильным называют умозаключение, логическая форма которого гарантирует получение истинного заключения при одновременной истинности посылок. Логически истинным называют высказывание, истинное в силу своей логической формы [с. 291].

> Логическая форма — способ связи составных частей содержания мысли в отличие от самого этого содержания, результат отвлечения от «материи» мысли... [с. 290].

Таким образом, главный критерий истинности и правильности логического умозаключения — не его соответствие реальности, а выполнение умозрительных логических правил при его построении.

В. М. Аллахвердов (2000), будучи поборником логики, пишет тем не менее:

> Естественная наука... разрешает себе быть не до конца логичной. Ибо мир, который нас окружает, сам по себе ни логичен, ни алогичен. Он таков, какой он есть, наука стремится построить логичное описание этого мира, исходя из предположения о логическом совершенстве природы, но никогда не сможет закончить это строительство [с. 73].

Особое значение для нас имеет, естественно, вопрос о так называемом «логическом мышлении». *Что есть логичность мышления? Следование формальной схеме Аристотеля?* Нет! *Но что тогда?* В психологической литературе нет ясного ответа на этот вопрос. Везде общие слова: последовательность мыслей, их четкость, целесообразность и т. д. *Но при чем здесь логика? Какое отношение к этим словам имеют конструкции, алгоритмы и тем более законы логики?*

Понятие *логическое мышление*, с одной стороны, обозначает в логике то, что вовсе не является нормальным естественным мышлением, а именно — искусственную процедуру следования алгоритму формальной логики при построении умозаключения из суждений — посылок. С другой стороны, в естественных науках, в психологии и даже в быту понятие *логическое мышление* обозначает нормальное мышление, способное создавать последовательные, связные, доказательные, обоснованные языковые конструкции, адекватные моделируемому ими миру.

Наконец, конструкции завершенные и совершенные, то есть аргументированные, убедительные и даже красивые. А. А. Ивин (2003), например, пишет:

> Правильные выводы называются также обоснованными, последовательными или логичными [с. 5].

Приведенные разные содержания понятия *логическое мышление* исключают друг друга. Таким образом, представления о логическом мышлении в логике и психологии не просто приходят в противоречие, а вступают в конфликт. ***Например, насколько с точки зрения логики оправданна наша уверенность в том, что возникающие у нас в процессе познания правильные умозаключения и доказательства являются логичными, а неправильные — нелогичными?***

Оказывается, неоправданна вовсе. Более того, наоборот, часто правильные и логичные умозаключения и доказательства, адекватные реальности с точки зрения естественных наук и психологии, являются неправильными с точки зрения логики, а неправильные и неадекватные модели реальности, наоборот, являются логически правильными.

Вместе с тем естествознание и «здравый смысл» (но не логика) поддерживают общепринятое заблуждение по поводу того, что наше «правильное мышление» обязательно должно быть «логическим», и даже что:

> ...мы начинаем пользоваться логикой как инструментом нашего... мышления практически с того момента, как начинаем говорить [И. П. Меркулов, 2006, с. 328].

Исходя из «здравого смысла» и привычного использования терминов в научной литературе понятия *истинное* или *правильное* и *адекватное мышление*, с одной стороны, и *правильное логическое мышление* — с другой, казалось бы, можно считать тождественными. Оказывается — нет. В логике:

> Истинность есть соответствие мысли действительности, а правильность мышления — соблюдение законов и правил логики. Нельзя отождествлять (смешивать) следующие понятия: «истинность» («истина») и «правильность», а также понятия «ложность» («ложь») и «неправильность» [А. Д. Гетманова, 2005, с. 15].

> ...правильность — это характеристика логической связи между посылками и заключением... Правильно ли рассуждает человек, когда говорит: «Если бы барий был металлом, он проводил бы электрический ток; барий проводит электрический ток; следовательно, он металл?» Чаще всего на основе логической интуиции отвечают: правильно, барий металл и он проводит ток. Этот ответ, однако, неверен. Логическая правильность, как гласит теория, зависит только от способа связи утверждений. Она не зависит от того, истинны используемые в выводе утверждения или нет. Хотя все

три утверждения, входящие в рассуждение, верны, между ними нет логической связи [А. А. Ивин, 2003, с. 14].

Сущность метода формализации состоит в построении модели, в которой содержательным рассуждениям соответствуют чисто формальные образования. Ими оперируют на основании системы правил, а не смыслового содержания предложений [А. А. Ивин, 1999, с. 233].

Следовательно, логическая правильность мышления — это совсем не то же самое, что научная правильность и истинность мышления, хотя в естествознании их принято отождествлять. Для логики формальное следование логическому алгоритму при создании языковой конструкции гораздо важнее истинности создаваемой конструкции как модели, то есть ее соответствия окружающей реальности.

Очевидный диссонанс между так называемым логическим и естественным мышлением демонстрирует широко известный эксперимент, проведенный в Африке и описанный в книге М. Коула и Сильвии Скрибнер [1977, с. 199–200].

Экспериментатор. Если Флюмо или Йакпало пьют сок тростника, староста деревни сердится. Флюмо не пьет сока тростника. Йакпало пьет сок тростника. Сердится ли староста деревни?

Испытуемый. Люди не сердятся на других людей.

Экспериментатор повторяет задачу.

Испытуемый. Староста деревни в тот день не сердился.

Экспериментатор. Староста деревни в тот день не сердился? Почему?

Испытуемый. Потому что он не любит Флюмо.

Экспериментатор. Он не любит Флюмо. Скажи почему?

Испытуемый. Потому что, когда Флюмо пьет сок тростника, это плохо. Поэтому староста деревни сердится, когда Флюмо так делает. И когда Йакпало иногда пьет сок тростника, он ничего плохого не делает людям. Он идет и ложится спать. Поэтому люди на него не сердятся. Но тех, кто напьется сока тростника и начинает драться, староста не может терпеть в деревне.

На этом примере отчетливо видно, что к реально эффективному, адекватному и последовательному естественному ходу человеческого мышления логический алгоритм не имеет никакого отношения, что и демонстрирует исследователям представитель примитивного племени, незнакомый с логикой. Вместо ожидаемого действия по алгоритму он игнорирует первую посылку и выстраивает естественную и эффективную вербальную модель, адекватную и соответствующую той реальности, с которой он в прошлом имел дело:

Староста деревни в тот день не сердился. Он не любит Флюмо, потому что, когда Флюмо пьет сок тростника, это плохо (он пьяный дерется. — *Авт.*). Староста не сердится, когда Йакпало иногда пьет сок... он идет и ложится спать [там же].

Мы видим создание не надуманной, далекой от реальности, вербальной конструкции, выстраиваемой по абстрактной схеме Аристотеля, а совершенно

естественную и адекватную окружающей реальности «живую» вербальную модель деревенской жизни. Дж. Андерсон (2002) пишет о том же:

> В большинстве исследований умозаключения людей сравниваются с различными предписывающими моделями из логики и математики. ...Хотя людей можно обучить рассуждению согласно таким формальным правилам в ходе занятий по логике и статистике, в повседневной жизни они рассуждают иначе. ...По-видимому, люди склонны рассуждать более конкретно, чем нормативные модели. ...Исследователи в области искусственного интеллекта пытались создать интеллектуальную личность, которая обнаруживала бы подобие здравого смысла, проявляющегося у людей в повседневной жизни. Эти программы искусственного интеллекта были обеспечены безупречными логическими и статистическими умозаключениями. Но именно эти программы, а не люди являются хрупкими и всегда обнаруживают проблемы в том, чтобы прийти к правильным заключениям в определенных ситуациях [с. 336–337].

Таким образом, даже искусственный интеллект, функционирующий по законам логики, не может быть эффективным. Нам остается лишь сделать вывод, что отождествление естественного мышления и так называемого «логического мышления» ни на чем, кроме старых как мир заблуждений, не основывается. Мышление протекает не по алгоритмам логики, а по естественным и плохо пока представляемым нами механизмам и законам нормального функционирования психики, даже внешне непохожим на установленные человеком правила формальной логики.

Тем не менее заблуждения относительно роли логики в человеческом мышлении защищают множество бесспорных научных авторитетов. Э. Кассирер (2006), например, пишет:

> Понятие, логическое суждение и умозаключение имеют своим предметом строение и состав бытия (и это тоже — лишь очень старое и глубокое заблуждение. — *Авт.*). Аристотелевское понимание и обоснование силлогистики повсюду предполагает эту идею; онтология дает основу для возведения логики. Но если это так, то математика не может уже служить образцом и примером, так как она, держащаяся строго в границах созданных ею образов, принципиально равнодушна к проблемам бытия [с. 133–134].

И сама логика не менее «равнодушна к проблемам бытия». Логика никогда и не занималась ими. Она не открыла ни одного закона бытия и даже не способствовала этому. Логика занимается лишь созданием формальных языковых конструкций, своего рода «раскладыванием пазлов». Традиции, однако, сильны, поэтому приходится сталкиваться с защитой позиций логики даже со стороны тех исследователей, которые понимают неадекватность ее положений о логическом мышлении. Так, И. П. Меркулов (2006), например, пишет:

> Непонимание того обстоятельства, что логика — это не эмпирическая «наука о мышлении», а наука об идеальных, формальных структурах нашего логико-вербального мышления, которое в силу идеального, а следовательно, и гипотетического характера своих допущений не всегда обязана следовать за нашей интуицией, за нашим интуитивным пониманием «правильного мышления» или «правильного умозаключения», нередко влечет за собой незаслуженную критику логических формализмов [с. 330].

Логика, однако, и не «наука об идеальных, формальных структурах нашего логико-вербального мышления», как полагает автор, так как нет и не может быть никаких структур мышления, дополнительных по отношению к реальному человеческому мышлению. Поэтому отвергаемая автором ее критика вполне обоснованна и заслуженна.

И. П. Меркулов (2006) продолжает:

> Конечно, наше мышление в целом не охватывается логикой, так как мы мыслим не только в соответствии с логическими правилами и формальными схемами, но и с помощью множества идеальных структур нелогического характера... [с. 330].

Остается лишь еще раз повторить, что наше мышление вообще «не охватывается логикой».

Мышление протекает не по законам формальной логики, а по принципу простых выводов из многих неопределенных посылок или по принципу аналогии выстраиваемой мышлением модели имеющимся уже моделям. Не так, например: *Вася упал и ударился ногой. Всем, кто падает и ударяется ногой, больно. Следовательно, Васе больно,* а скорее так: 1) зрительный образ падения Васи и 2) слуховой образ его плача; 3) вербальная мысль: *Васе больно.*

И не так: *Мне позвонили в дверь. Все люди, которым звонят в дверь, должны встать и посмотреть, кто пришел. Следовательно, мне надо встать и посмотреть, кто пришел,* а скорее так: 1) слуховой образ звонка; 2) вербальная мысль: *Кто это?* – и одновременно практически рефлекторная моторная реакция, направленная на открывание двери или, наоборот, отказ от этого действия. Таким образом, естественное мышление протекает как совокупность тесно связанных между собой чувственных образов и вербальных конструкций, а не как последовательность формальных логических вербальных конструкций-умозаключений.

Г. Райл (1999) пишет:

> ...логику повседневных утверждений и даже логику утверждений ученых, юристов, историков и игроков в бридж в принципе невозможно адекватно представить посредством формул формальной логики [с. 355].

Это объясняется очень просто: в их мышлении и нет этой логики. В противном случае они не смогли бы эффективно функционировать.

Логика претендует на познание мира, хотя сама лишь оперирует конструкциями языка. Из одних конструкций языка она строит другие, при этом ей вполне хватает самого языка. Если наука строит модели реальности, лишь используя язык как удобный материал для моделирования, то логика пытается строить модели реальности путем трансформирования существующих уже конструкций языка, создавая на основе известных конструкций новую конструкцию. Она пытается добыть новое знание о мире из уже существующего и представленного в виде языковых конструкций, сопоставляя части известных конструкций в новой. Показательный пример неэффективности такой манипуляции с языковыми конструкциями убедительно продемонстрировал Х. Патнэм (1999):

> Если все вороны черные и все черные вещи поглощают свет, то все вороны поглощают свет [с. 117].

Насколько созданная модель нова и полезна для познания?

Логика базируется на том, что утверждения, существующие в форме конструкций языка, самодостаточны и верны, хотя в большинстве случаев это не так. Существующие в форме конструкций языка модели реальности, на основе которых логика строит новые модели, чаще всего либо неполны, либо не вполне верны, либо вовсе не имеют отношения к реальности. Поэтому новые модели, создаваемые логикой, бесполезны или минимально полезны для познания реальности. В абсолютном большинстве случаев они не универсальны. Попытки создания новых моделей мира из известных конструкций языка методологически ошибочны и малопродуктивны.

Могут возразить, что логика и не претендует на важную роль в познании мира. И. П. Меркулов (2006), например, пишет:

> ...она (логика. — *Авт.*) всегда исследовала и продолжает исследовать то, как из одних утверждений логически выводятся другие утверждения. Логика исходит из предположения, что логический вывод зависит только от «формы», то есть от способа связи входящих в него утверждений и их структуры, а не от конкретного содержания этих утверждений. Современная неклассическая логика не внесла в этот подход какихлибо принципиальных изменений — все ее разделы и направления также игнорируют конкретное концептуальное содержание высказываний (умозаключений) и оперируют только с их логической формой [с. 327].

Вместе с тем, с другой стороны, провозглашается, что логика — это наука о правильном мышлении, а без него никакое познание невозможно в принципе.

И. П. Меркулов продолжает:

> Если с помощью «истинного» слова нельзя «овладеть» окружающим миром, то незачем тогда исследовать, при каких условиях одни высказывания «безошибочно» выводятся из других высказываний [с. 329]!

Вот этот вывод автора, безусловно, верен. Другое дело, что изучать языковые конструкции и особенности формирования одних языковых конструкций на основе других все же полезно, но не с целью «овладения» окружающим миром, а лишь с целью решения лингвистических, например, и педагогических задач. Логика может, по-видимому, иметь какое-то значение для понимания языка, его структуры, особенностей моделирования реальности с помощью языка, но она не может иметь значения для моделирования реальности, то есть для ее познания. Сказанное мной отнюдь не является чем-то новым, так как еще И. Кант и даже Р. Декарт говорили примерно о том же. В. Виндельбанд (2007а), например, пишет:

> Оценивая познававательную ценность... логических форм мышления, Кант признал, что они в состоянии производить лишь формальное преобразование и пояснение уже данного материала. Если же так, то сами по себе логические формы уже не могут иметь значения форм познания в собственном смысле этого слова и логика будет уже не теорией познания, а скорее учением о формах правильного мышления, поскольку последнее ограничивается аналитической обработкой уже готового содержания представлений [с. 78].
>
> Уже те логические воззрения, которые Кант изложил в 1762 г. в маленькой статье «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», имеют целью показать, что

все действия над понятиями всегда лишь создают новые формальные отношения в существовавшем ранее содержании познания и никогда не заключают в себе и не могут прибавить ничего нового. В самой простой и совершенно самостоятельной, чисто логико-теоретической форме проскальзывает у Канта то самое воззрение, которое Бэкон и Декарт выдвинули против логического формализма схоластики... [с. 29].

Тем не менее сам И. Кант указывал, что рациональное мышление — это логика, то есть в его собственных представлениях еще сохранялась та самая двойственность, которая до сих пор оказывает негативное влияние на психологическое учение о мышлении.

Б. Рассел (2001) тоже пишет:

По традиции считается, что фактические данные поставляются восприятием, памятью, а принципы вывода являются принципами индуктивной и дедуктивной логики. В этой традиционной доктрине много неудовлетворительного... Дедукция оказалась гораздо менее мощной, чем это считалось раньше; она не дает нового знания, кроме новых форм слов для установления истины, в некотором смысле уже известных. ...Методы выводов, которые можно назвать в широком смысле слова «индуктивными»... сообщают своим заключениям только вероятность; более того, в любой наиболее возможно точной форме они не обладают самоочевидностью и должны, если вообще должны, приниматься только на веру, да и то только потому, что кажутся неизбежными для получения заключений, которые мы все воспринимаем [с. 171].

Логика манипулирует с бесспорными, а потому неадекватными реальности и часто даже нелепыми суждениями, вроде того, что «паук и черный олень всегда едят вместе», тогда как в жизни нам приходится оперировать моделями окружающего мира, которые всегда многозначны или, по крайней мере, неоднозначны. Использовать их в логике — это все равно что пытаться отлить пулю из ртути. Логические же вербальные посылки, напротив, всегда аксиомы, всегда бесспорны и однозначны. Уже только поэтому исходно они либо банальны и тривиальны, либо неверны, либо искусственны и надуманны, а потому из них невозможно вывести никаких новых и правильных моделей реальности, то есть логика бесполезна для познания. Интересно замечание Б. Рассела:

Поскольку логика требует, чтобы используемые понятия были точными, она применима не к реальному миру, а только к «воображаемому неземному существованию» [цит. по: А. А. Ивин, 1999, с. 55].

Попытки строить с помощью логики модели реальности приводят к парадоксальным и смешным результатам. Еще в IV в. до н. э. Евбулид логически доказывал, что лысых людей не существует [цит. по: А. А. Ивин, 1999, с. 58]. Допустим, мы выстроили людей с разной степенью облысения так, чтобы у каждого последующего было на один волос меньше, чем у предыдущего. Самый волосатый — крайний в ряду с одной стороны — очевидно не лысый. Следующий — тоже не лысый, так как у него всего на один волос меньше. Это верно для каждой пары в ряду. В итоге абсолютно лысый — тоже не лысый, так как у него всего на один волос меньше, чем у предыдущего не лысого. По тому же принципу, но двигаясь в противоположную

сторону ряда, можно доказать, что все эти люди лысые. Логик А. А. Ивин (1999) комментирует такое логическое моделирование окружающего мира:

> Мы оказываемся, таким образом, перед дилеммой: нам остается либо верить своим глазам и не верить своему уму, либо наоборот. ...И оба доказательства (логических. — *Авт.*) были проведены с помощью метода математической индукции, в безупречность которой мы верим со школьных лет и которая лежит в основании такой строгой и точной науки, как математика [с. 53].

Следовательно, попытка логики моделировать окружающий мир демонстрирует в данном случае свою полную несостоятельность, так как создаваемая с ее помощью вербальная модель не соответствует сенсорной модели и явно ошибочна. Понятно, что мы предпочтем в итоге очевидную истинность своей сенсорной, а не вербальной логической модели. Для самих логиков тоже вполне очевидна неадекватность и противоречивость многих положений логики (5).

Несмотря на все сказанное выше и на то, что все это не является для логиков секретом, на протяжении многих веков ученые очень уважительно относятся к логике. *Почему?*

Дело в том, что понятие *логика* — это не только название древней науки. Как я уже говорил, оно теперь резко расширилось и включает в себя гораздо больше, чем просто название науки, а именно — все то, что имеет отношение к эффективному и адекватному мышлению, и даже некий всеобщий порядок, присутствующий, по мнению многих исследователей, в окружающем мире. Логике, как принято считать, подчиняются сама объективная физическая реальность и ее законы.

Здесь мы сталкиваемся с очевидной заменой значения понятия *логика*. Формальная аристотелевская логика — наука о форме рассуждений как-то незаметно трансформируется во «всеобщую целесообразность», «логику реальности» или «трансцендентную логику», упорядочивающую и систематизирующую окружающую нас реальность в некую ее (реальности) характеристику, которая отражается в нашем мышлении, делая его логичным. Сейчас в литературе не делают особых различий между логикой — особым направлением исследований, изучающим построение конструкций языка и мало связанным с реальностью, и Логикой, которая, как полагают большинство исследователей, присуща самой объективной реальности, отражающему ее мышлению, естественным наукам и даже языку. Именно в подмене значения первого понятия *логика* значением второго понятия — *Логика* кроются причины избыточно уважительного отношения ученых к логике и рассмотрения ее как науки о мышлении. Здесь логика сама нарушает один из своих основных законов — закон тождества[1].

Логичными теперь в естествознании и психологии (хотя пока и не в самой логике) принято называть те языковые конструкции, которые соответствуют окружающей человека реальности, то есть адекватно, последовательно и полноценно ее модели-

---

[1] В мышлении нарушение закона тождества проявляется тогда, когда человек выступает не по обсуждаемой теме, произвольно подменяет один предмет обсуждения другим, употребляет термины и понятия в другом смысле, чем принято, не предупреждая об этом [А. Д. Гетманова, 2005, с. 95].

руют. Забудем на время о том, что наличие самой «Логики Вселенной» и «высшей рациональности» — не более чем очередная гипотеза — вербальная конструкция исследователей, о том, что не эта Логика отражается в человеческом сознании, определяя якобы наше мышление, а сама она создается человеческим сознанием и проецируется им во внешний мир, то есть «трансцендентная Логика Вселенной» не интериоризируется, а, наоборот, экстериоризируется нашим сознанием. Но и в этом случае у нас нет никаких оснований отождествлять эту Логику Вселенной с логикой — наукой о форме рассуждений и полагать вследствие этого, что последняя есть еще и наука о правильном, адекватном и целенаправленном мышлении.

Нельзя все же не отметить, что, имея более чем двухтысячелетнюю историю, логика многократно подвергалась беспощадной критике и ревизии. Тем не менее все это она благополучно пережила, что лишний раз, по-видимому, свидетельствует о ее необходимости. Не справившись с решением декларированных ею задач в отношении мышления, логика все же не осталась в стороне от рассмотрения других собственно психологических проблем. Будучи значительно «старше» психологии, логика раньше нее занялась, например, описанием естественных операций мышления: анализа, синтеза, дедукции, индукции, вывода и других, а также изучением понятий и конструкций из них.

Причем включила она их в свой предмет не в рамках формальной логики, так как там они неуместны, и рассматривает их на основании расширительного толкования значения понятия *логика*, в соответствии с которым логичным в мышлении считают все, что последовательно, связно, доказательно, обоснованно и убедительно, несмотря на то, что такое мышление как раз обычно противоречит законам формальной логики. Благодаря такому, с «черного хода», вхождению логики в психологию естественные операции мышления стали изучаться в курсе логики, и их «с полным основанием» рассматривают теперь как «логические», хотя на деле они не только не имеют к формальной логике никакого отношения, но и противоречат ей.

В результате даже в самой логике появились признаки трансформации значения понятия *логический*. А. А. Ивин (1999), например, пишет:

> Навыки логически правильного рассуждения составляют в совокупности то, что можно назвать интуитивной логикой. Это не теория и не система отчетливых правил, а просто некоторое умение. Оно во многом подобно умению ходить и говорить [с. 17].

Уж совсем непонятно, какое отношение к логике могут иметь навыки, даже навыки говорить. Из сказанного автором следует, что навыки «логически правильного рассуждения» ребенок усваивает в процессе общения с окружающими вместе с типовыми конструкциями языка, которые моделируют привычные грани реальности. Новая «логичность» и правильность рассуждений или типовых конструкций языка обусловлена тем, что язык описывает и замещает своими конструкциями правильные, то есть адекватные реальности ее сенсорные модели. Причем никакой логики в классическом ее понимании во всем этом нет. Есть лишь использование понятия *логика*.

«Логическая дедукция» и «логическая индукция» тоже никак не соотносятся с естественными операциями дедукции и индукции. Общим у них являются только

названия. Сами логики пишут о том, что навыки рассуждать адекватно возникают не вследствие изучения законов логики, а совсем по другим причинам:

> Повседневное тысячи и тысячи раз повторяющееся соединение утверждений между собой, образование из них умозаключений приводит в конце концов к формированию более или менее устойчивого навыка рассуждать правильно и замечать свои и чужие ошибки. Навык не предполагает ни каких-то теоретических сведений, ни умения объяснить, почему что-то делается именно так, а не иначе [А. А. Ивин, 1999, с. 16–17].

Вновь возникает вопрос: *при чем здесь тогда логика?*

Она здесь обсуждается только в силу традиций и привычки. Объективности ради надо, впрочем, признать, что логика добилась определенных успехов в рассмотрении многих проблем психологии. Например, в описании и классификации понятий, пропозиций и более сложных вербальных конструкций, к рассмотрению которых мы и перейдем.

2.5.2. Понятия в логике

Нельзя не отметить тот факт, что логика внесла существенно больший, чем психология, вклад в разработку проблемы понятий и понятийного мышления. В настоящее время во всех учебниках логики представлены большие разделы, посвященные понятиям, суждениям и умозаключениям. В то же время учебники психологии, напротив, почти не включают данные разделы или включают их в урезанном виде. Это выглядит не менее странно, чем выглядело бы, например, отсутствие в них раздела «восприятие».

Представления о понятиях в логике существенно различаются. Одни исследователи рассматривают понятие как «форму мышления, в которой отражаются существенные признаки вещей и явлений» [М. С. Строгович, 2004, с. 75] или «классы однородных предметов» [А. Д. Гетманова, 2007, с. 40]. Другие — как «общее имя с относительно ясным содержанием и сравнительно четко очерченным объемом» [А. А. Ивин, 1999, с. 41].

А. А. Ивин (1999) пишет, например:

> Иногда понятия отождествляются с содержанием общего имени, со смыслом, стоящим за таким именем [с. 41].

В логике выделяют содержание понятия — совокупность существенных признаков класса или классов однородных предметов, охватываемых понятием, и объем понятия — все предметы или явления, к которым приложимо данное понятие. Например, содержанием понятия *ромб* является совокупность двух существенных признаков: 1) быть параллелограммом и 2) иметь равные стороны; а объемом понятия *ромб* являются все ромбы, которые существуют, существовали или будут существовать.

Понятия делятся в логике на единичные — обозначающие определенный предмет, явление или событие, например: *Париж* (столица Франции), *«Черный квадрат»* (картина Малевича), *«Челленджер»* (космический челнок) и т. д., и общие — охва-

тывающие группу, класс однородных явлений, предметов, вещей, например: *стол, бумага, планета* и т. д. [М. С. Строгович, 2004, с. 85–86]. Среди общих понятий выделяют универсальные — те, в которые «входят все предметы, рассматриваемые в данной области знания или в пределах данных рассуждений» [А. Д. Гетманова, 2007, с. 45]. В особую группу понятий выделяются категории —

> ...отражающие наиболее общие свойства предметов, явлений, наиболее общие и существенные отношения и связи действительности [М. С. Строгович, 2004, с. 89].

Понятия подразделяются также на конкретные, обозначающие конкретный[1] предмет, вещь или лицо, и абстрактные[2], обозначающие:

> ...не целый предмет, а какой-либо из признаков предмета, взятый отдельно от самого предмета, например: *белизна, несправедливость, честность* [А. Д. Гетманова, 2007, с. 45].

А. А. Ивин (1999) пишет:

> Противопоставление абстрактных имен конкретным призвано упредить одну из частых ошибок, связанных с употреблением языка: попытку отыскать в реальном мире ту вещь, которая соответствует абстрактному имени (отыскать предмет, являющийся белизной, или предмет, являющийся лошадью вообще) [с. 42].

Впрочем, проблема конкретности — абстрактности понятий настолько сложна и настолько субъективно оценивается исследователями, что автор на той же странице противоречит себе же:

> Конкретному имени противостоит абстрактное имя — имя, обозначающее свойство или отношение между предметами. Например, «дом», «белый дом», «лошадь» и т. п. — конкретные имена, поскольку они обозначают предметы, отдельные вещи. Но слово «белизна» является абстрактным именем, так как оно обозначает... свойство предмета [там же].

---

[1] *Конкретный.* 1. Определенный, точный, представленный каким-то определенным образом... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 366].

[2] *Абстрактный.* 1. В переводе с латинского: «уводить, отвлекать». Большинство использований термина сосредоточивается на качествах объектов, событий, явлений и т. д., которые рассматриваются отдельно, вне связи с объектами, событиями или явлениями. Таким образом, абстрактная идея представляет собой нечто неосязаемое, рассматриваемое без конкретных примеров... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 16].

Абстрагирование... мысленное выделение, вычленение некоторых элементов конкретного множества и отвлечение их от прочих элементов данного множества. В качестве исходного множества для абстрагирования может выступать множество свойств (предмета, группы предметов), множество предметов, множество процессов, множество событий и т. д. ...Абстракция... один из основных процессов умственной деятельности человека, позволяющий мысленно вычленить и превратить в самостоятельный объект рассмотрения отдельные свойства, стороны, элементы или состояния предмета. Иногда под абстракцией понимается лишь результат этого процесса абстрагирования, то есть уже вычлененное и самостоятельное, в «чистом виде» рассматриваемое свойство предмета... [Большой психологический словарь, 2004, с. 12–13].

Так что же тогда такое лошадь (вообще) — конкретное или абстрактное понятие?

Конечно, это абстрактное понятие. Однако то обстоятельство, что абстрактные понятия, например *лошадь, стул, дом* (вообще) и т. д., постоянно используются для обозначения конкретных объектов, более того, входят в имена собственные, может запутывать исследователей. А. Д. Гетманова (2007), например, излагает широко распространенную точку зрения о том, что понятия *дом, свидетель, романс, Московский Кремль* и *землетрясение* являются конкретными, так как в них:

> ...отражены одноэлементные или многоэлементные классы предметов (как материальные, так и идеальные) [с. 45].

Тем не менее очевидно, что понятия *дом, свидетель* или *романс*, с одной стороны, и понятия *Московский Кремль, Дом на набережной или свидетель Иванов* — с другой, совершенно разные. Первые — абстрактные, вторые — конкретные.

М. С. Строгович (2004) вообще считает конкретным понятием то,

> ...которое относится к группам, классам вещей, предметов, явлений или к отдельным вещам, предметам, явлениям. Например, *стол, человек, война, государство, солнце, товар, деньги, книга* и т. д. — это все конкретные понятия, потому что они отражают соответствующие конкретные предметы, явления, вещи. Абстрактное понятие — это понятие о свойствах предметов или явлений, когда эти свойства взяты как самостоятельный объект мысли и отвлечены, абстрагированы от предметов [с. 87].

С этим уж тем более никак нельзя согласиться. Кстати, Современный философский словарь [2004, с. 10] относит *деньги*, например, к «реальным абстракциям». Мне представляется, что подход психологов к неясной проблеме «абстрактности» понятий даже более конструктивен, чем позиция логиков. Большой толковый психологический словарь (2001), например, поясняет:

> Понятие «стул» может рассматриваться как более конкретное, чем «патриотизм», хотя оно также может представлять абстрактный класс стульев, лишенный специфических признаков. Возможно, этим понятием следует оперировать абстрактно... [с. 15].

Мне кажется очевидным, что конкретным можно считать понятие, обозначающее и замещающее сенсорную модель-репрезентацию конкретного же объекта. Если же значением понятия является собирательная модель-репрезентация, представляющая собой уже совокупность многих моделей-репрезентаций сходных, но разных конкретных объектов, то соответствующее понятие, например *стул, дом, собака* (вообще), автоматически должно переводиться в категорию абстрактных. Другое дело, что все абстрактные понятия используются для обозначения конкретных предметов, что затрудняет понимание проблемы. Так, обозначая конкретные объекты: *моя собака, дом Ивановых, стул Пушкина* и т. п., мы вынуждены использовать общие абстрактные понятия: *собака, дом, стул* (вообще), которые обозначают абстрактные сущности, отсутствующие в реальности.

Дополнительные трудности создает тот факт, что есть разные абстрактные понятия. Значениями одних из них (*дом, собака, кот*) являются собирательные сенсорные модели-репрезентации определенных множеств объектов (домов, собак и котов). Значениями других являются вербальные психические конструкции,

репрезентирующие часто не вполне ясные абстрактные сущности, которые сложно даже проиллюстрировать чувственными образами, например понятия *абстрактный, конкретный, теория* и т. п. Впрочем, даже то, что обозначается любым общим абстрактным понятием, например *собака, дом, стул* (вообще), нельзя назвать *физическим объектом* и можно определить лишь как *псевдообъект* или *объект* объективной психической реальности, так как его нет в физической реальности, где присутствуют лишь конкретные объекты: собака Пират, кошка Мурка и вон тот стул у окна.

В логике выделяются также относительные и безотносительные, положительные и отрицательные, собирательные и несобирательные, сравнимые и несравнимые [А. Д. Гетманова, 2007, с. 46–48], неточные, неясные и многозначные понятия [А. А. Ивин, 1999, с. 48–67] и др. Относительные понятия — те, которые обозначают предметы, существование одного из которых предполагает существование другого (*дети — родители, ученик — учитель* и т. п.). Безотносительные понятия обозначают предметы, независимые от других предметов (*дом, человек, деревня* и т. п.). Положительные понятия обозначают наличие в предмете того или иного качества или отношения: *грамотный, алчный, отстающий* и т. д., отрицательные понятия — отсутствие качества в предметах: *неграмотный, некрасивый поступок, бескорыстная помощь* и т. п. Собирательными называются понятия, в которых группа однородных предметов мыслится как целое: *стая, полк, созвездие, табун* и т. п.

Весьма показательны в смысле крайне расширительного толкования логиками своего предмета так называемые «логические операции». Одной из них является «определение» понятия, которому в логике придается очень большое значение. А. Д. Гетманова (2007) пишет:

> Определение (или дефиниция) понятия есть логическая операция, которая раскрывает содержание понятия... [с. 54].

Примеры определений:

> Трапеция — четырехугольник, у которого две стороны параллельны, а две другие — не параллельны [А. Д. Гетманова, 2007, с. 54].

> Информатика — наука, предметом которой являются процессы и системы получения, хранения, передачи, распространения, использования и преобразования информации [А. Д. Гетманова, 2005, с. 35].

М. С. Строгович (2004) замечает, что самым простым способом определения может показаться перечисление признаков. Так, определить понятие *стол* можно перечислением признаков, которые имеют столы, но в действительности это сделать невозможно из-за бесконечного количества признаков. Автор пишет:

> Логика устанавливает способ определения, который устраняет все эти трудности и в то же время дает возможность указать существенные признаки определяемых объектов. ...Определяемое понятие подводится под другое, более общее понятие, которому данное понятие подчинено и часть объема которого оно составляет, а затем указывается тот признак, которым определяемое понятие отличается от других понятий, также подчиненных этому общему понятию... [с. 112].

Из приведенной цитаты может показаться, что определение понятия — не менее важное действие, чем формирование понятия. А. А. Ивин [2003, с. 44] тоже пишет, что данные «логические операции» рассматриваются в логике как «чрезвычайно важные» и «необходимые» для «правильного логического» использования понятия и в конечном счете для «правильного мышления». Может быть, это и важно, но лишь для обучения новых поколений. Дело в том, что «определение понятия» не имеет отношения к формированию понятия и использоваться людьми понятие начинает задолго до того, как ему дадут определение исследователи.

«Определение понятия» есть языковая конструкция, потенциально содержащая в себе вербальное значение данного понятия. Следовательно, то, что в логике называют «определением» какого-то понятия, сначала (обычно в детстве) интериоризируется человеком из объективной психической реальности в качестве вербального значения этого понятия, а затем уже в виде «определения понятия» вновь экстериоризируется взрослым человеком — логиком обратно в объективную психическую реальность. Возникает естественный вопрос: *при чем здесь какая-то «логическая операция», о которой говорят выше логики, и в чем именно она заключается?*

Ни при чем и ни в чем. Это просто привычный реверанс в сторону логики, которая не имеет никакого отношения ни к построению вербальной конструкции, обозначаемой затем определенным понятием, ни к последующей экстериоризации вербального значения в виде языковой конструкции, то есть к созданию «определения понятия», ни даже к ее интериоризации новыми поколениями людей.

То, что делает любой исследователь (в том числе логик), «определяя понятие», которое сам узнал от других людей, усвоив соответствующее слово языка и его смысл, — это строит более или менее корректную языковую конструкцию[1] на основе существующего в объективной психической реальности, а потому известного вербального значения понятия, а вовсе не «раскрывает содержания понятия», как полагает, например, Хелен Гейвин [2003, с. 35], так как оно и так было известно и использовалось людьми. Следовательно, вся чуть ли не сакральная значимость для логиков «логической операции» построения «определения понятия» заключается лишь в педагогическом значении таких определений и не более того. Никакого отношения к «правильному» или неправильному мышлению все это не имеет.

Продолжая обсуждение проблемы чрезмерного и неоправданного расширения логики в область психологии, следует коснуться так называемых «логических форм». М. С. Строгович [2004, с. 116] полагает, что существуют «логические формы», сходные с определением, которые иногда его замещают или дополняют: описание и характеристика предмета, объяснение слова и наглядное разъяснение предмета при помощи примеров и сравнений. А. А. Ивин (1999) говорит еще более определенно о том, что существуют в том числе «определения путем показа»:

> Нас просят объяснить, что представляет собой жираф. Мы затрудняемся сделать это, ведем спрашивающего в зоопарк, подводим к клетке с жирафами и показываем: «Это и есть жираф» [с. 90].

---

[1] Существуют даже люди, профессией которых является составление определений понятий.

По поводу такой весьма показательной и в буквальном, и в переносном смысле «логической формы» вообще комментарии излишни. Очевидно, что никакого отношения к логике все эти явления не имеют и вся их «логичность» заключается лишь в том, что они рассматриваются в рамках предмета «Логика», а не «Психология».

Очередной «логической формой» является «деление понятия». А. Д. Гетманова (2007) определяет его как:

> ...логическую операцию, посредством которой объем делимого понятия (множество) распределяется на ряд подмножеств с помощью принятого основания деления [с. 67].

«Основанием» деления является определенный признак, выбираемый делящим понятие лицом. Разделяемое понятие — родовое, а подмножества, на которые оно делится, — виды данного рода. Чтобы деление было правильным, как пишет М. С. Строгович [2004, с. 132–135], необходимо соблюдать следующие логические правила: 1) в каждом делении должно быть только одно основание; 2) члены деления должны исключать друг друга; 3) члены деления по отношению к делимому понятию должны быть ближайшими видами, то есть непосредственно низшими понятиями; 4) члены деления, вместе взятые, должны равняться объему делимого понятия; 5) основанием деления должен быть существенный признак. Одним из результатов деления являются классификации[1]. Из всего этого следует, что, по мнению логиков, «деление понятия» — это абстрактная логическая операция мышления, проводимая исключительно с понятиями и по законам логики. Однако это отнюдь не так.

Авторы то ли не замечают, то ли не обращают внимания на то обстоятельство, что «деление понятия» — это не разделение (классификация) слов или даже понятий, а разделение сущностей, обозначаемых понятиями. Соответственно, здесь вступают в силу не законы логики, а законы окружающей человека реальности. Проблема дополнительно осложняется тем, что далеко не все подвергаемые «делению» сущности, как я уже отмечал, присутствуют в физической реальности. Многие из них являются сущностями вымышленными, гипотетическими или выполняют служебные функции и присутствуют лишь в объективной психической реальности. Рассуждения логиков о якобы доступной им возможности «деления понятий» я даже не берусь комментировать.

М. С. Строгович (2004) пишет:

> ...основание классификации должно быть строго научным объективным, должно представлять собой признак, который... является определяющим [с. 138].

Вопрос: *как найти такой «определяющий признак» и есть ли он вообще?* Впрочем, сам автор, понимая данную трудность, замечает [с. 142], что все классификации имеют относительный характер.

---

[1] *Классификация* — это многоступенчатое, разветвленное деление [А. А. Ивин, 2003, с. 54].

Классификация может производиться по существенным признакам (естественная) и по несущественным признакам (вспомогательная). При естественной классификации, зная, к какой группе принадлежит предмет, мы можем судить о его свойствах [А. Д. Гетманова, 2007, с. 74].

Принято считать, что понятия образуются путем таких логических приемов, как анализ и синтез, абстракция и обобщение[1]. Однако «логического» в этих приемах — лишь то, что традиционно все они рассматриваются в курсе логики, а не психологии.

То, что логика разработала и инкорпорировала в себя большой раздел общей психологии — психологию понятий и конструкций из них, существенно повысило авторитет логики. Однако от этого ни конструкции из понятий, ни способы их образования, ни операции мышления с понятиями не стали логическими.

2.5.3. Абстрактные понятия и чувственные репрезентации

Вопрос о роли и месте чувственных репрезентаций в структуре абстрактных понятий широко и давно дискутируется. М. Мерло-Понти (1999), например, полагает, что:

> ...ни одно из них (понятий. — *Авт.*) не может быть понято без соотнесения со структурами зрительного восприятия [с. 184].

В. В. Петухов [2004, с. 635] замечает, что вопрос о значимости чувственных репрезентаций для абстрактных понятий обсуждается и сейчас, хотя впервые демонстрации представленности чувственных элементов в абстрактных понятиях проводились еще сторонниками ассоцианизма (Э. Титченер). Ссылаясь на А. Пэйвио, В. Ф. Петренко [2005, с. 42–43] тоже пишет, что даже абстрактные понятия имеют некоторую «чувственную привязку».

Очевидно, что есть понятия с разной степенью абстрактности. В том смысле, что значениями одних из них являются собирательные сенсорные модели-репрезентации реальности, тогда как значениями других — уже исключительно вербальные конструкции, которые лишь как-то косвенно иллюстрируются отры-

---

[1] *Анализ* — это мысленное расчленение объекта мысли на его элементы, выделение тех или иных его признаков и рассматривание их в отдельности [М. С. Строгович, 2004, с. 80].

Синтез — это мысленное соединение составных частей предмета или явления в одно целое, рассмотрение этого предмета или явления как некоторого единства [М. С. Строгович, 2004, с. 80].

Абстракция — это мысленное выделение... извлечение из явления или предмета его отдельных, существенных признаков и оставление всех остальных признаков без рассмотрения. Абстракция — значит отвлечение [М. С. Строгович, 2004, с. 81].

Обобщение — это мысленный переход от признаков отдельных, единичных предметов к признакам, принадлежащим целым группам этих предметов [М. С. Строгович, 2004, с. 82].Путем анализа мы различаем в сходных предметах отдельные признаки и путем абстракции выделяем признаки существенные, отвлекаясь от несущественных признаков. Путем синтеза мы соединяем существенные признаки и путем обобщения распространяем полученный комплекс существенных признаков на все предметы данного рода. Если понятие верно отражает объективную действительность, соответствует фактам, явлениям, действительности, значит, оно правильно, истинно [М. С. Строгович, 2004, с. 82].

вочными визуальными образами. Примером первых являются такие понятия, как *стул* и *дерево*. Примером вторых – *философия* (*познание сущего, вечного* [Платон]), *абстракция* (*...нечто неосязаемое, рассматриваемое без конкретных примеров...* [Большой толковый психологический словарь, 2001, 14]), *демография (изучение структуры человеческих популяций), злокачественный (характеристика быстро прогрессирующего болезненного состояния)* и т. д. Среднее положение между ними занимают, например, такие понятия: *зверь (дикое, обычно хищное животное, представляющее собой угрозу для человека), цвет (особое, визуально воспринимаемое качество предметов)* или *клинический (имеющий отношение к клинике)* и т. п.

Вопрос о том, что представляют собой «абстрактные идеи» и существуют ли обозначаемые ими сущности, подробно рассматривался еще Д. Беркли (2000), который в итоге замечает, что он не в состоянии усилием мысли образовать, например, абстрактную идею «или белого, или черного, или краснокожего, прямого или сгорбленного, высокого, низкого или среднего роста человека». Правильнее, однако, было бы сказать – не в состоянии создать абстрактный образ предмета без его качеств или образные качества без самого образа предмета. Впрочем, не все считают так, как Д. Беркли. Р. Вудвортс (1950), например, пишет:

> ...интроспективное исследование показало, что иногда вещи могут быть представлены и без своих качеств. Коффка доказал это в эксперименте, в котором экспериментатор называл слова, а испытуемый пассивно ждал появления образа (K. Koffka, 1912). Обычно эти образы были иллюстрациями значения данного слова-стимула. В полученной Коффкой большой коллекции данных некоторые образы репрезентировали объекты без полного комплекта качеств: «образ монеты, но без определенного номинала». «Образ животного, какого вида животного, я не знаю, но это было животное, из которого может быть получена пушнина». «Образ числа 1000, но с неопределенным числом нулей». Сходно при чтении, где можно ожидать быстрой смены образов, иллюстрирующих значение, такие образы оказываются более бедными и мимолетными [с. 48].

Чтобы понять полученные К. Коффкой результаты, проще всего провести аналогичные интроспективные опыты самостоятельно. Я мысленно с закрытыми глазами произношу слово «монета», и в моем сознании возникает последовательность кратковременных зрительных образов представления монет из белого и желтого металла с гербом на одной стороне, рифленой или гладкой торцевой поверхностью и номиналом на другой стороне. Вероятно, из-за контекста в сознании появляются в том числе образы монет со стертым от времени или непропечатанным при изготовлении номиналом. При этом я отчетливо «вижу» плоскую пустую серебристую поверхность монеты, на которой обычно присутствовали выпуклые цифры номинала. *Противоречит ли наличие образа такой «деноминированной» монеты точке зрения Д. Беркли и является ли это отсутствием конкретного качества, как полагает Р. Вудвортс?* Скорее это отсутствие у объекта лишь ожидаемого исследователем варианта конкретного качества при наличии другого, сходного и замещающего его варианта качества. Отсутствие цифры, обозначающей номинал, – это тоже своего рода номинал, пусть и неопределенный, то есть это сохранение качества «номинированности».

Вторая последовательность мгновенных образов, иллюстрирующих понятие *животное*, тоже легко возникает в моем сознании в виде образов существ, покрытых шерстью и даже вовсе без шерсти – что-то вроде дельфина. Причем образы, возникшие

в сознании в ответ на появление в нем понятия *животное,* как и при появлении понятия *монета,* не исчерпываются лишь одним образом воспоминания-представления, а представлены множеством мимолетных образов сходных в чем-то объектов. Причем возникают не только образы тел, покрытых мехом и непонятно кому принадлежащих, но и образы частей этих тел, например чьей-то черной лапы с когтями.

Образ числа 1000 с неопределенным количеством нулей, пожалуй, еще более понятен, потому что у меня, например, при мысленном воспроизведении значения понятия *тысяча* всплывают и образы 1000, и образы множества разных по форме и размерам нулей и единиц, хотя среди этих возникающих в сознании образов представления преобладают все-таки образы единицы с тремя нулями. Учитывая то, что образы, иллюстрирующие понятия *монета, животное* и *число 1000,* возникают в сознании в рамках соответствующих собирательных и достаточно аморфных моделей-репрезентаций, включающих в себя самые разные образы многих и достаточно сильно отличающихся друг от друга объектов, говорить о каком-то якобы единственном образе воспоминания-представления не приходится. Речь может идти лишь о последовательностях зрительных и даже слуховых образов представления и воспоминания, каждый из которых репрезентирует свой вариант объекта или даже его фрагмента. Среди тех образов, которые возникли в моем сознании, например, я зафиксировал в том числе образ представления половины монеты, стоящей на ребре в какой-то щели, и именно ребро монеты было представлено особенно четко, тогда как ни номинала, ни герба на монете не было видно вовсе.

Р. Вудвортс (1950) замечает:

> Беркли отрицает возможность обобщенных образов, или, как он их называет, общих понятий или абстрактных идей [с. 47].

Я думаю, что Д. Беркли прав в том, что нет и не может быть обобщенного, или абстрактного, единичного образа, выступающего в качестве сенсорного значения абстрактного понятия (6). К тому же Д. Беркли совершенно оправданно отрицает возможность существования образов качеств предметов в отрыве от образов самих предметов или образов предметов в отрыве от образов их качеств, хотя делает это, возможно, не очень удачно, распространяя свое отрицание на сами абстрактные идеи, то есть уже на понятия и конструкции из них. Понятие *обобщенный,* или *абстрактный, образ* определяется в психологии крайне расплывчато и по-разному: то как образ, составленный из фрагментов многих образов, то есть собирательный, то как отвлеченный, максимально удаленный от реальности, ничем не похожий ни на какой конкретный образ, но при этом единичный.

Однако, как свидетельствует интроспекция, то, что можно было бы назвать абстрактным образом, — это всегда множество образов. Так, значением абстрактного понятия *треугольник,* например, является не некий невозможный единичный образ треугольника вообще, а целая сенсорная конструкция, включающая в себя множество кратковременных образов представления и воспоминания самых разных треугольников. В «идее треугольника», таким образом, следует различать понятие *треугольник* и сенсорную собирательную модель-репрезентацию абстрактного треугольника, являющуюся чувственным значением этого понятия.

Рассмотрим, как формируется понятие *треугольник.* Обычно ребенок сталкивается сначала с визуальными образами треугольника, даже не зная этого понятия. Когда-то он впервые слышит и запоминает, что подобные расположенные на плоскости объекты с тремя углами и тремя сторонами обозначаются словом «треугольник». В результате визуальные сенсорные модели разных треугольников, с которыми он уже имел дело, формируют множество — новую модель-репрезентацию, которая обозначается понятием *треугольник.* С течением времени, особенно в процессе получения школьного образования, данное множество расширяется, одновременно с этим углубляется и уточняется вербальное значение понятия *треугольник,* то есть присоединяется вербальная конструкция[1], которая раскрывает на абстрактном уровне значение данного понятия или данной абстрактной идеи (по терминологии Д. Беркли).

Хотя если быть точным, то *треугольник* — это все же не «абстрактная идея», а понятие. Идея, по моему мнению, — это скорее суждение или даже умозаключение, но не понятие. Идеей можно, например, назвать вербальное значение понятия *треугольник.* Сенсорным значением этого же понятия является модель-репрезентация той абстрактной сущности, которая обозначается данным понятием, представляющая собой множество образов воспоминания и представления треугольников, с которыми мы имели дело на протяжении нашей жизни. Итак, Д. Беркли, как мне представляется, прав, когда говорит, что абстрактных образов нет.

Тем не менее в психологии широко обсуждаются какие-то единичные абстрактные образы. Даже в Большом толковом психологическом словаре (2001), например, читаем:

> Абстрактный... когнитивный процесс... посредством которого абстрактная идея или понятие извлекаются из множества образцов... Результат этого процесса; мысленный образ абстрактного понятия [с. 15].

Р. Л. Солсо (1996) пишет о том, что Фрэнкс и Брэнсфорд (Franks & Bansford, 1971) показывали испытуемому

> ...фигуры, полученные путем преобразования фигуры-прототипа, и просили оценить, видел ли он их раньше. В этом эксперименте испытуемые ошибочно и с высокой степенью уверенности опознавали прототип как ранее виденную фигуру. Вероятно, это можно объяснить тем, что у испытуемых в результате их опыта с данными экземплярами формировалась абстракция — фигура-прототип. Отсюда можно предположить, что люди формируют абстракции внешних впечатлений и что именно эти абстракции хранятся у человека в памяти [с. 361].

Что собой представляет феноменологически «абстракция — фигура-прототип», автор не поясняет. Однако очевидно, что речь в данном случае идет об образах воспоминания и представления, корни которых трудно отыскать в конкретных перцептивных образах. Это тем не менее не дает оснований считать такие образы

---

[1] Идеальной вербальной конструкцией, выступающей как значение понятия *треугольник,* является, например, определение Д. Беркли (2000): «треугольник — плоская поверхность, ограниченная тремя прямыми линиями» [с. 131].

абстрактными, так как понятие *абстрактный* имеет в психологии (а не в быту) достаточно четко очерченное значение и относится лишь к вербальным формам мышления. *Так что же такое абстрактные образы и существуют ли они?*

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко (2004) так разъясняют сущность абстракции:

> Формальная абстракция состоит в вычленении таких свойств предмета, которые сами по себе и независимо от него не существуют. Такое отчленение и изолированное выражение его результата возможно только в мысленном плане (в абстракции). Так, геометрическая форма тела сама по себе реально не существует и от тела отделиться не может. Но благодаря формальной абстракции она мысленно выделяется, фиксируется, например, с помощью чертежа и самостоятельно рассматривается в своих особых свойствах. Одна из основных функций такой абстракции заключается в выделении общих свойств некоторого множества предметов и в фиксации этих свойств каким-либо знаком (чаще всего словесным или чертежом). Абстракция такого вида называется обобщающей. Комплекс абстрагированных свойств (формальное общее) становится представителем соответствующего класса предметов и позволяет отличать этот класс от всех других (например, все тела прямоугольной формы отличать от тел других форм). Этот комплекс, фиксированный каким-либо знаком, становится его значением [с. 13].

Следовательно, абстрагировать нечто можно вроде бы даже на чувственном уровне, но лишь путем мысленной группировки многих сходных образов одного предмета или ряда однотипных предметов. Возникающая в результате чувственная собирательная модель-репрезентация абстрактного свойства множества сходных образов-объектов, например их прямоугольной формы или белизны, выступает затем как чувственное значение соответствующего абстрактного понятия. Нередко образ слова, выступающий в качестве абстрактного понятия, или образы иных символов, например иероглифов, обозначающих абстрактные понятия, ошибочно рассматриваются исследователями в качестве абстрактных образов. Однако это образы совершенно конкретных физических объектов, которые лишь выступают как символы (знаки) абстрактных сущностей.

Сформированный человеческим сознанием абстрактный психический объект, треугольник например, может быть затем материализован путем создания нового, уже физического объекта — чертежа или макета треугольника, который становится при этом конкретной физической моделью данной абстрактной сущности, созданной сознанием и не существующей вне его. *Можно ли считать абстрактным визуальный образ созданного человеком рисунка или чертежа такой абстрагированной им геометрической фигуры?*

Конечно, нет, потому что лишь понятия *треугольник, прямоугольник, геометрическая фигура* являются абстрактными. Изображенные же на бумаге или сделанные из чего-либо макеты соответствующих фигур являются уже конкретными физическими предметами, и их визуальные образы тоже являются образами вполне конкретных предметов. Следовательно, единичного абстрактного зрительного образа представления-воспоминания, который якобы может возникать в моем сознании при мысли о треугольнике (вообще), не существует.

При появлении в моем сознании мысли о треугольнике (вообще) одновременно возникают разнообразные многочисленные кратковременные образы воспоминания-представления разных треугольников и даже их фрагментов, с которыми я сталкивался в течение жизни. Могут сказать, что данные образы нет оснований считать

конкретными, так как я не могу вспомнить, когда и где видел эти треугольники. И все же любой возникший в моем сознании образ всегда конкретен, так как единичные чувственные репрезентации — это всегда репрезентации конкретного объекта или явления реальности. Понятие же *абстрактный* относится исключительно к вербальным репрезентациям. И здесь ощущения и образы выступают лишь как значения и иллюстрации. Исходя из этого, в принципе неверно говорить о возможности наличия абстрактных образов. Следует также различать абстрактные образы, которые не могут существовать вовсе, и комбинированные образы, например фантастические образы единорога или русалки, которые создаются из фрагментов разных конкретных образов и репрезентируют в итоге нечто отсутствующее в физическом мире.

Итак, следует говорить либо о множестве конкретных образов, составляющих собирательную модель-репрезентацию некой абстрактной сущности (белизны, твердости, теплоты и т. д.), выступающую как значение соответствующего абстрактного понятия, либо, если абстрактное понятие не имеет чувственного значения, — лишь об иллюстрирующих его конкретных образах, которые возникают в сознании при мысли о нем, например о треугольнике. Никакой психический образ не может быть абстрактным, так как образ — чувственная модель, а она по определению всегда и только конкретная. По этой причине мы не можем говорить об абстрактных образах, даже если это образы предметов, факт восприятия которых трудно восстановить в памяти, или образы, которые не позволяют идентифицировать предмет.

В быту люди склонны использовать одни и те же понятия при рассмотрении и психических образов, и образов физических объектов, например произведений живописи. Так, к абстрактным изображениям предметов принято относить те, в которых максимально редуцированы индивидуальные, узнаваемые черты конкретного объекта. Это наиболее явно проявляется в таком направлении живописи, как абстракционизм. Большинство исследователей тоже придерживаются, как обычно, «здравого смысла», который, не разделяя образы психические и образы физические, квалифицирует в качестве абстрактных образов все то, что:

> ...предполагает отказ от фиксации единичного, случайного в пользу вычленения общего, необходимого... [Новейший философский словарь, 1998, с. 2].

Использование одних и тех же понятий приводит к путанице и непониманию того, что образы психические и те физические предметы, которые тоже принято называть в быту образами, например изображения или фотографии людей, шаржи на них и т. п., — совершенно разные сущности (7). По этой причине терминология, применяемая при обсуждении картин, фотографий, портретов или шаржей, непригодна для использования при обсуждении психических образов.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001), обсуждая фотографию мецената Амброса Волларда и его же портрет кисти Пикассо (рис. 33), неожиданно противопоставляют «образные представления», к которым относят и фотографию и портрет, «абстрактным представлениям», к которым относят имена (понятия). Авторы пишут:

> Если живопись — это образное представление, то имя изображенного - Амброс Воллард — таковым не является. Оно обозначает человека, но не имеет сходства с ним, поскольку имена, так же как и слова, являются абстрактным, а не образным представлением... [с. 351].

Авторы, однако, справедливо отмечают то важное обстоятельство, что любые самые абстрактные образы живописи, то есть абстрактные картины, не являются абстрактными визуальными образами объектов. Следовательно, бытовое понимание, согласно которому абстрактный живописный образ кого-то и абстрактный психический образ — это примерно одно и то же, не может быть принято психологией. Еще раз повторю, что в нашей психике, а потому и в психологии нет и не может быть абстрактных образов. Все образы конкретны. Даже те, которые иллюстрируют абстрактные понятия. На рис. 33, *а*, *б*, *в* приведены, например, все более и более удаляющиеся от оригинала изображения, созданные П. Пикассо, но образы восприятия или представления даже самых далеких из них не являются абстрактными образами в феноменологическом смысле, так как репрезентируют нам конкретные предметы, пусть и являющиеся абстрактными картинами.

Таким образом, можно заключить, что абстрактные образы в живописи — это совсем не то же самое, что абстрактные образы в нашем сознании, так как последних там нет, хотя термины и в том и в другом случае используются одни и те же.

2.5.4. Логические законы и построение вербальных конструкций

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

> ...в процессе мышления мы комбинируем понятия разнообразными, иногда весьма сложными способами. ...Многие философы считали, что наши мысли принимают форму суждений, которые включают в себя субъект (предмет, относительно которого выносится суждение) и предикат (то, что говорится относительно субъекта). Суждения могут быть истинными и ложными, например «Яков любит свистеть»... и «белки едят желуди»... Когда мы размышляем, мы нередко создаем новые понятия и формулируем новые суждения. Но большая часть понятий и суждений уже хранится в памяти, где они образуют наши аккумулированные знания, «базу данных», которая поддерживает и подпитывает наши мыслительные процессы [с. 357].

Логики полагают, что суждение[1] представляет собой связь слов, оно всегда — утверждение или отрицание. Суждение является или истинным (если в нем утверждается то, что есть в действительности, или отрицается то, чего в ней нет), или ложным [М. С. Строгович, 2004, с. 147]. В каждом суждении есть подлежащее (называется в логике «субъект»), сказуемое (называется «предикат») и связка (слово «есть» или «не есть»). Логики утверждают также, что суждение является «логической

---

[1] *Суждение*, или *высказывание*, — ...грамматически правильное предложение, взятое вместе с выражаемым им смыслом (содержанием) и являющееся истинным или ложным [А. А. Ивин, 2003, с. 59]. ...Общезначимая словесная форма (высказывание), благодаря которой чувственному опыту придается абстрактная всеобщность. ...Суждение складывается у людей как превращенная и словесно выраженная форма перцептивной деятельности... [Большой психологический словарь, 2004, с. 531].

Рис. 33. Портрет кисти Пикассо и фотография торговца живописью Clovis Sagot *(а)*,
портрет кисти Пикассо и фотография мецената Амброса Волларда *(б)*,
портрет кисти Пикассо и фотография издателя работ Пикассо Henry Kahnweiler *(в)*

формой выражения мысли» и «формой мышления» [М. С. Строгович, 2004, с. 145; А. Д. Гетманова, 2005, с. 60]. Если с последним можно согласиться, то согласиться с тем, например, что суждения «Яков любит свистеть» или «белки едят желуди» являются «логической формой выражения мысли», как и любые прочие суждения, трудно, точнее, нельзя, так как в суждениях нет ничего логического, кроме того, что логика начала ими заниматься раньше психологии.

В литературе, рассматривающей суждения, много неясностей, противоречий и небрежного использования терминов. Даже одни и те же авторы, например М. С. Строгович (2004), нередко рассматривают суждения то как предложения и высказывания, то как вербальные конструкции. А. Пфендер [2006, с. 226–238], объясняя отличия суждения, которое он считает «составным утвердительным мыслительным образованием», от утвердительного предложения, говорит о том, что суждение состоит из понятий, тогда как предложение состоит из слов.

В любом случае термины должны употребляться корректно, а раз так, то суждения и высказывания, как и предложения, — это все же языковые конструкции, тогда как мышление оперирует вербальными конструкциями и понятиями. Однако, исходя из сложившейся к сегодняшнему дню практики и для облегчения понимания, имеет смысл использовать в логике понятие *мысленное суждение.*

В логике суждения делятся на общие, частные и индивидуальные, на утвердительные и отрицательные, на категорические, гипотетические (условные) и разделительные, на проблематические, ассерторические и аподиктические, истинные и ложные и т. д. Выделяются также суждения простые и сложные (состоящие из нескольких простых). Простые суждения разделяются на: 1) суждения свойства (атрибутивные), в которых утверждается или отрицается принадлежность субъекту свойств, состояний, видов деятельности: *роза красная*, *Пушкин не композитор*; 2) суждения с отношениями, в которых говорится об отношениях между предметами: *слон больше мыши*, *Сократ старше Декарта*; 3) суждения существования (экзистенциальные), в которых утверждается или отрицается существование предметов: *есть города*, *колдунов не существует*. Самые простые мысленные суждения представляют собой не что иное, как пропозиции. Для рассмотрения особенностей и различий суждений имеет смысл обратиться к литературе, посвященной логике (см., например: А. А. Ивин, 1999, 2003; А. Д. Гетманова, 2005, 2007 и др.).

Если мысленными суждениями в форме пропозиций психология стала заниматься с 70-х гг. XX в. (см.: Дж. Р. Андерсон, 2002), то умозаключения[1] по-прежнему вотчина логиков. В логике не различают мысленное умозаключение — вербальную конструкцию и умозаключение в форме языковой конструкции. Логика обнаружила и исследовала много механизмов построения умозаключений: дедукция, индукция, аналогия, обобщение, абстрагирование, но при этом возвела в абсолют формальный силлогизм. Мысленное умозаключение — это сложная

---

[1] *Умозаключение* — ...связь суждений, заключающаяся в выведении из одного или нескольких суждений нового суждения [М. С. Строгович, 2004, с. 207]. ...Логическая операция, в результате которой из одного или нескольких принятых утверждений (посылок) получается новое утверждение — заключение (вывод, следствие) [А. А. Ивин, 1999, с. 242].

вербальная конструкция (вывод, заключение, предположение и т. д.), которая строится разными способами на основе других вербальных конструкций — посылок. В логике же понятие *мысленное умозаключение* сужается до «логического умозаключения».

Всегда ли умозаключение — это логическая операция? Нет. Более того, умозаключение вообще может не иметь отношения к мысленной операции с вербальными конструкциями, то есть умозаключение может быть и образным. Например, шимпанзе видит банан, но не может его достать не только подпрыгивая, но и с помощью палки. Тогда обезьяна осматривает помещение, обращает внимание на ящики, которые в нем находятся, укладывает их друг на друга, залезает на них и с помощью палки достает банан (В. Келер, 1930). Возникшая, по-видимому, в ее сознании конструкция из образов ящиков, способная решить возникшую проблему, представляет собой образное умозаключение. *В чем и где здесь логика?* Ее здесь нет. Мне могут возразить, сославшись на расширительное значение понятия *логика*, которое отождествляет ее с адекватным, последовательным, аргументированным и эффективным репрезентированием окружающего мира. Тогда я лишь еще раз повторюсь, что это уже совсем не логика, а именно адекватное, последовательное, аргументированное и эффективное репрезентирование, что не одно и то же. И надо называть вещи своими именами.

Наше сознание строит умозаключения и иными способами, например путем замены сенсорной модели вербальной моделью. Так строятся, в частности, описательные вербальные конструкции, например *обезьяна достала банан*.

М. С. Строгович (2004) пишет:

> ...умозаключения делятся на две группы — непосредственные... и опосредованные... Непосредственным умозаключением называется такое умозаключение, в котором вывод делается только из одной посылки... Опосредованным умозаключением называется такое умозаключение, в котором из двух и более суждений выводится новое суждение [с. 208].

Мысленное суждение, или вербальная конструкция, состоит из понятий, которые должны сочетаться так, чтобы и она сама (конструкция), и соответствующее ей высказывание или предложение имели смысл. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) подчеркивают, что:

> ...многие грамматически правильные предложения абсолютно не поддаются толкованию: «Бесцветные зеленые мысли неистово спят». Это предложение бессмысленно, потому что абстрактные мысли не имеют цвета, а зеленые вещи не бесцветны. ...Отсутствие смысла отличает предложения от непредложений. Это различие обусловлено рядом формальных правил. Правила, определяющие, как нужно объединять слова и словосочетания, называются правилами синтаксиса (от греч. «построение, порядок»). ...Правила синтаксиса устанавливают, какие элементы должны быть включены в предложение и в каком порядке эти элементы могут появляться. Эти правила также определяют, как группируются слова [с. 413].

Приведенные рассуждения авторов отражают доминирующие в логике, психологии и лингвистике представления о том, что наличие или отсутствие смысла

в предложении определяется правилами синтаксиса, грамматики или формально-логическими правилами. А. А. Ивин (1999), например, пишет:

> Бессмысленное выражение — это языковое выражение, не отвечающее требованиям синтаксиса или семантики языка. ...Более сложный тип бессмысленного представляют высказывания, синтаксически корректные, но смешивающие разные выражения языка. ...«Законы логики не тонут в воде», «Цезарь — первое натуральное число» и т. п. [с. 129–130].

Однако то, имеют предложения смысл или не имеют, зависит не от их соответствия неким формальным правилам логики, законам или «требованиям синтаксиса и семантики языка», а от того, являются ли они моделями окружающего реального или даже только возможного мира (который подчиняется понятным нам законам) или таковыми не являются и не могут являться в принципе. Если они соответствуют глобальной сенсорной модели мира, существующего или возможного, которая имеется в сознании человека, и некоему «построению, порядку» реального или возможного мира, то тогда они имеют смысл. В противном случае они бессмысленны и законы логики, синтаксиса, семантики, языка, лингвистики и т. д. здесь ни при чем.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) полагают, что:

> ...утверждение (суждение) описывает миниатюрный спектакль, в котором глагол — это действие, а существительные — исполнители, причем каждое играет свою роль. В нашем утверждении о девочке — ударе — мяче «девочка» — это действующее лицо, «мяч» — объект действия, а «ударила» — само действие. Работа слушателя, таким образом, состоит в том, чтобы определить, какие актеры играют различные роли в спектакле и каков его сюжет (Healy & Miller, 1970) [с. 412].

Авторы правы в том, что многие суждения представляют собой описания наших чувственных моделей, то есть вербальные модели чувственных репрезентаций окружающего мира.

А. Пфендер (2006) пишет о том же, хотя и совсем в другой плоскости:

> Каждому определенному суждению соответствует определенное положение дел. Суждению «сера желтая» соответствует положение дел, состоящее из вещества серы и его желтизны. Суждение проецирует из себя вовне это положение дел. Оно противопоставляет его себе таким образом, что проецируемое положение дел всегда находится вне проецирующего его суждения, всегда остается «по ту сторону» его или же всегда ему «трансцендентно». ...Поскольку суждение, проецируя отличающееся от него положение дел, определяет его из себя самого, постольку, следовательно, суждение является первичным, а положение дел — вторичным [с. 228–229].

Такой вывод автора нельзя принять, так как он может быть верным только относительно тех «положений дел», которые недоступны восприятию. Если же они доступны восприятию, а таких большинство, и, следовательно, моделируются сенсорно, то описывающая их вербальная конструкция вторична, а «положение дел», моделируемое сенсорно, первично.

А. Пфендер (2006) полагает, что:

> ...в любом суждении, выражаемом в языковом утвердительном предложении, следует... различать три уровня... уровень предложений, уровень суждений и уровень проецируемых суждениями положений дел [с. 230].

Последний уровень соответствует тому, что я называю сенсорной моделью реальности. Автор пытается выстроить принципы формирования вербальных моделей, но делает это, исходя из самих моделей, тогда как надо делать, исходя из окружающей человека реальности, для моделирования которой в первую очередь и формируются вербальные конструкции. Он выделяет разные виды вербальных конструкций (мысленных суждений) в соответствии с «полагаемыми видами положения дел». По сути дела, А. Пфендер пытается дать классификацию элементарных вербальных психических конструкций. Эта задача бесконечно сложная, поэтому я даже не буду пытаться здесь ее рассматривать.

Вернемся к тому факту, что многие суждения представляют собой описания чувственных репрезентаций, то есть вербальные модели моделей. Данное обстоятельство мы уже рассматривали (см. разд. 2.4.3). Суждение и умозаключение – это очень часто пропозиции или простые вербальные конструкции, состоящие из двух-трех пропозиций, которые сами возникли на базе моделей-репрезентаций тех или иных чувственно смоделированных субъектом сущностей окружающего его мира. Поэтому формируются многие суждения и умозаключения не на основе абстрактных логических законов, а на базе чувственных моделей, репрезентирующих реальность. Даже в тех случаях, когда и суждения, и умозаключения представляют собой конструкции из абстрактных понятий, они формируются мышлением не на основе формально-логических законов, а по механизму обобщения, индукции, аналогии.

Оппоненты могут сказать, что механизмы обобщения, индукции, аналогии и т. п. — не что иное, как логические механизмы. И тем не менее логического в них — одно название, так же как в суждениях и умозаключениях. И ничего более.

Мы уже говорили о том, что логические конструкции, представленные силлогизмом, бесполезны для познания мира. Так, для логиков, например:

> ...логическое следствие из данных посылок (или умозаключение. — *Авт.*) есть высказывание, которое не может быть ложным, когда эти посылки истинны [А. Д. Гетманова, 2007, с. 139].

Проблема только в том, что в реальной жизни этих истинных посылок в большинстве случаев нет. Они есть лишь в учебниках логики, поэтому логическое следствие ничего не дает для познания, и Б. Рассел (2007) не прав, когда пишет:

> Между философами идет старый спор по поводу того, может ли дедукция (читай «логика». — *Авт.*) привести к *новому* знанию. Мы можем видеть, что в определенных случаях дедукция дает-таки новое знание. Мы уже знаем, что два и два всегда дает четыре, и мы знаем, что Браун и Джонс — это два и Робинсон и Смит — это два, а Браун, Джонс, Робинсон и Смит — это четыре. Это новое знание, не содержащееся в посылках, потому что общее суждение «два и два есть четыре» не говорит нам, что есть такие люди, как Браун, Джон, Робинсон и Смит, и конкретные посылки не говорят нам, что их было четверо, в то время как выводимое конкретное суждение говорит нам об этой вещи [с. 75–76].

Автор, однако, не учитывает слова Дж. С. Милля (см. разд. 2.5.1) о том, что большая посылка аристотелевского силлогизма — это уже обобщающий вывод,

включающий в себя наше будущее умозаключение по определению. Посылка «два и два дают четыре» – это универсальная вербальная модель любого множества любых объектов, в том числе и вышеперечисленных, соответственно, ничего нового из умозаключения Б. Рассела мы не узнали.

В реальной жизни мы делаем умозаключения не на основе двух логических посылок, а на основе многих неопределенных, вероятных и истинных в разной степени посылок, моделирующих окружающий нас мир. В лучшем случае мы обычно можем выстроить гипотетический силлогизм[1]. Сами логики хорошо понимают это. Так, М. С. Строгович (2004) пишет:

> ...психологически наше мышление вовсе не протекает обязательно в формах силлогизма... Обычно наши рассуждения по различным вопросам начинаются с конкретного факта... Наше рассуждение может и не иметь форму силлогизма и часто ее не имеет, но если мы хотим проверить правильность наших рассуждений, хотим проверить, является ли вывод логически обоснованным, мы нашему рассуждению придаем силлогистическую форму [с. 265–266].

Данная цитата лишний раз показывает, что человек не мыслит силлогизмами.

Логика разделяет умозаключения на дедуктивные и индуктивные[2]. Вывод из общих положений для частного случая – это дедуктивное умозаключение – от общего к частному. Вывод общего положения из отдельных частных случаев – это индуктивное умозаключение – от частного к общему [М. С. Строгович, 2004, с. 208]. Особым видом индуктивного умозаключения является аналогия[3].

---

[1] *Гипотетический силлогизм* – тот, «...в котором большая посылка представляет собой гипотетическое суждение» [М. С. Строгович, 2004, с. 245].

[2] *Дедукция*... это логическая операция, в которой рассуждение ведется от общего к частному. Дедуктивное умозаключение представляет собой абстрактный процесс, который не требует никакого другого подтверждения, кроме логической непротиворечивости [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 218].

Дедуктивные умозаключения – те, у которых между посылками и заключением имеется отношение логического следования [А. Д. Гетманова, 2007, с. 142].

Пример простого категорического силлогизма: «Все рыбы дышат жабрами». «Все окуни рыбы». «Следовательно, все окуни дышат жабрами». Дедуктивные умозаключения... характеризуются тем, что в их заключении не может быть того, что не было дано ранее в посылках; заключение относится только к тем предметам, о которых было что-либо высказано в посылках [М. С. Строгович, 2004, с. 275].

Индукция... это логическая операция, которая осуществляется от частного к общему; то, что признается истинным в отношении элементов класса, признается истинным и в отношении целого класса [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 310–311].

Индуктивными называются умозаключения, в которых посылки указывают признаки отдельных объектов и их групп, а заключение распространяет высказанное в посылках на другие объекты того же рода [М. С. Строгович, 2004, с. 275].

[3] *Аналогией* в логике называется такое индуктивное умозаключение, в котором из сходства двух предметов в одних признаках делается вывод о сходстве этих предметов и в других признаках [М. С. Строгович, 2004, с. 313].

Дедуктивные умозаключения позволяют выводить из истинных посылок истинные заключения. Однако, как многократно указывали разные авторы, дедуктивный силлогизм формальной логики бесполезен для познания, так как выводит умозаключение из известных посылок. Данный факт признают даже логики. А. А. Ивин (1999), например, пишет, что именно поэтому не дедукция, а индукция позволяет нам узнавать новое:

> Почти все общие положения, включая и научные законы, являются результатами индуктивного обобщения. В этом смысле индукция — основа нашего знания [с. 244].

Однако, как замечает сам автор [1999, с. 242], в индуктивном умозаключении связь посылок и заключения опирается не на законы логики, а на некоторые фактические или психологические основания и может содержать информацию, отсутствующую в них. Достоверность посылок не означает достоверности индуктивного умозаключения. Индуктивные умозаключения обычно дают нам не достоверные, а лишь правдоподобные заключения [А. Д. Гетманова, 2007, с. 175].

Более того, из следующей цитаты:

> Вывод с помощью индукции имеет вероятностный характер. Он будет более надежным, если а) число предметов, о которых говорится в посылках, будет большим; б) эти предметы будут более разнообразны; в) они будут характерными, типичными представителями того класса предметов, о котором говорится в заключении; г) субъект заключения будет возможно меньшим, а предикат возможно большим по объему; д) признак, переносимый на совокупность предметов, о которых идет речь в заключении, будет более существенным для них [Новейший философский словарь, 1998, с. 266], —

вообще непонятно, ***а при чем здесь логика?*** Точнее, понятно, что логика здесь только при том, что проблемы индукции обсуждаются в рамках предмета «Логика», да и сама индукция только по той же причине *«логическая»*. Именно логика, а не психология первая начала изучать особенности построения языковых, а следовательно, и вербальных конструкций. Но, как я уже говорил, это обстоятельство не может считаться основанием для отнесения как индуктивных умозаключений, так и умозаключений вообще к «логическим» операциям, «логическим» процессам, «логическим» механизмам и т. д.

Итак, то, что построение вербальных конструкций осуществляется нашим мышлением не в соответствии с логическими законами, мы уже обсудили. Перейдем теперь к другому важнейшему вопросу: ***является ли построение вербальных конструкций абстрактным оперированием логическими символами, как до сих пор повсеместно тоже принято считать?***

Дж. Лакофф (2004) пишет:

> С объективистской точки зрения во Вселенной существует объективно-истинная рациональность, которая выходит за пределы любого существа и любого опыта. Согласно этому взгляду, мы мыслим правильно, когда наши мысли находятся в согласии с этой трансцендентальной рациональностью. Математика обычно рассматривается как трансцендентально-истинная — истинная относительно чистых математических сущностей в некотором абстрактном «платонистском» мире [с. 477].

> Само существование математической истины иногда приводится как свидетельство существования единственной трансцендентальной рациональности, к которой мы можем получить доступ [с. 483].

Иными словами, Вселенная и все ее сущности подчиняются законам трансцендентальной (непостижимой для нас), а следовательно, высшей рациональности[1]. Человеческое сознание может лишь более или менее правильно «отражать» объективные сущности и рациональность вселенского устройства. Мышление тоже лишь в большей или меньшей степени «отражает» изменения Вселенной, и чем в большей степени оно им соответствует, тем «правильнее» оно и наоборот. Трансцендентальная рациональность логична в своей основе, следовательно, «правильное» мышление должно подчиняться законам логики. Так как слова языка и понятия в соответствии с доминирующими сегодня представлениями — это абстрактные символы, не связанные с чувственными моделями окружающего мира, составляющие «независимый лингвистический модуль», «отдельный когнитивный компонент» (Н. Хомский, 1972, 2004, 2004а, 2005, 2005а; Fodor, J. A., 1983 и др.), то и наше вербальное мышление — это лишь «оперирование абстрактными символами» в соответствии с логическими законами.

Дж. Лакофф (2004) категорически возражает против такого подхода:

> Значимое мышление не представляет собой просто оперирование абстрактными символами, незначимыми сами по себе и приобретающими значение только в силу своей соотнесенности с вещами в мире. Мышление не является абстрактным и нематериализованным явлением, в котором проявляется некая трансцендентальная рациональность. Поэтому разум не является просто «зеркалом природы», а понятия — «внутренними репрезентациями внешней реальности» [с. 480].

Автор [с. 13] указывает, что полученные в последние годы данные принципиально меняют подход не только к категориям, но и к человеческому мышлению в целом. Он говорит о существовании понятий, которые не основываются непосредственно на опыте, используют метафоры, метонимию и ментальные образы. Все это выходит за пределы «буквального отражения», или репрезентации внешней реальности. Поэтому вербальное мышление есть нечто большее, чем простое оперирование абстрактными символами. Дж. Лакофф полагает, что необходимо подвергнуть критическому пересмотру классический подход к категоризации, а тем самым подвергнуть критическому анализу и сомнению взгляд на мышление

---

[1] *Рациональный.* 1. Имеющий отношения или предполагающий использование обоснования процесса рассуждений или свойства разумности, обоснованности... [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 177–178].

Рационализм. Любое из нескольких философских направлений, допускающих, что истина должна устанавливаться с помощью рассуждения, рационального мышления. Более старые формы рационализма (например, Платонов, средневековый теологический) придерживаются той точки зрения, что окончательная истина может быть обнаружена только через рассуждение. Более современные направления (например, лингвистика Хомского) не настолько антиэмпиричны; рациональные выводы обычно рассматриваются как доступные для эмпирической демонстрации и проверки [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 176].

как на дематериализованное оперирование символами и, соответственно, на наиболее популярную версию метафоры разума как компьютера. По его [с. 3] мнению, человеческая категоризация — продукт человеческого опыта и воображения, двигательной активности и культуры, метафоры, метонимии и ментальной образности. Человеческое мышление решающим образом зависит от этих факторов и, следовательно, не может быть охарактеризовано только в терминах оперирования абстрактными символами.

Дж. Лакофф [2004, с. 482–483] полагает, что мышление использует два вида символических структур: концепты базового уровня и кинестетические образные схемы. Концепты базового уровня отражают структуру перцептуально-моторного опыта и человеческую способность формировать ментальные образы. Кинестетические образные схемы доконцептуально конструируют человеческий опыт функционирования в пространстве. На этом двойном базисе строятся посредством образных механизмов (особенно метафоры и метонимии) значимые символические структуры.

Дж. Лакофф (2004) спрашивает:

> Является ли мышление всего лишь механическим оперированием абстрактными символами, незначимыми сами по себе, но получающими свое значение через конвенциональные соответствия с вещами во внешнем мире — и ничем более? ...Действительно ли понятия являются «внутренними представлениями внешней реальности»? Является ли мышление «зеркалом природы»? Действительно ли правильное мышление просто отражает логику внешнего мира? [С. 209–210.]

И сам же отвечает:

> ...нашим ответом на все эти вопросы будет нет... [с. 210].

Действительно, в логике и в психологии, уступившей логике ведущую роль в изучении понятийного мышления, принято считать, что вербальные конструкции, в частности суждения и умозаключения, — результат рационального логического мышления. И создаются эти конструкции по законам логики, которая присуща окружающему миру, отражающему этот мир мышлению, а значит, и языку, его грамматике и синтаксису, то есть вербальные конструкции рациональны и их построение мышлением подчиняется формальным логическим законам. Другими словами, мышление в соответствии с логическими законами и правилами оперирует абстрактными вербальными символами, означающими что-то только в силу их соотнесенности с объектами окружающего мира. Как я пытался показать в предыдущих главах, все это не так. Вербальное мышление не подчиняется абстрактным законам логики, понятия — не абстрактные символы, обладающие значениями лишь в силу их соотнесенности с объектами окружающей реальности. Да и сам «логический закон» — это всего лишь:

> ...схема логической связи суждений, общезначимость которой вытекает из одной только интерпретации входящих в нее логических элементов и, по существу, не связана с фактической истинностью «наполняющих» ее высказываний [Современный философский словарь, 2004, с. 235].

Логические законы вовсе не имеют отношения к процессам возникновения в нашем сознании мыслей, в том числе вербальных конструкций. И даже перестраивая уже сознательно эти спонтанно возникшие конструкции и формулируя свои суждения и предложения, мы обычно не используем никаких логических законов.

Вербальные конструкции выстраиваются нашим мышлением не по законам логики, а в первую очередь по механизмам замещения чувственных репрезентаций реальности символическими ее моделями. При этом мышление использует аналогию, обобщение, абстрагирование, замену одних моделей другими и т. д.

ГЛАВА 2.6

Вербальные модели реальности

- *Сложные вербальные конструкции*
- *Конституирование и конструирование реальности*

2.6.1. Сложные вербальные конструкции

Вербальные психические конструкции в отличие от чувственных моделей-репрезентаций моделируют не столько объекты, их действия и свойства, сколько ситуации реальности в их развитии, сложные взаимодействия объектов друг с другом и не воспринимаемые непосредственно причинные связи и закономерности реальности. Другими словами, сложные и меняющиеся аспекты реальности, которые либо плохо доступны, либо вовсе недоступны чувственному моделированию. Некоторые вербальные конструкции репрезентируют сознанию в обобщенном виде многие сходные грани реальности и даже модели их типовых изменений в виде неких правил и законов. Например, вербальная конструкция: *всякое тело, подброшенное вверх, падает на землю, если оно тяжелее воздуха,* обобщает динамику многих конкретных ситуаций реальности и помогает лучше понять и прогнозировать их, хотя сама не имеет прямого аналога в реальности, так как в реальности нет *всякого тела.* Она объясняет реальность, делает ее понятной и предсказуемой.

Вербальные конструкции могут репрезентировать недоступные восприятию, а следовательно, и чувственному моделированию аспекты реальности. В частности, то, например, что *слоны — потомки мамонтов,* или то, что *Америка была открыта европейцами.* И все же важнейшей их функцией является дескриптивная — простое описание доступных восприятию объектов, то есть замещение чувственных моделей реальности моделями вербальными, что позволяет осуществлять передачу информации в процессе коммуникации между людьми. Например, описательная, или дескриптивная, конструкция заменяет множество зрительных и слуховых образов, а также ощущений иной модальности, репрезентирующих соответствующее положение дел в окружающем мире. Такое вторичное, или повторное, психическое моделирование происходит путем замещения чувственных моделей-репрезентаций объектов или явлений, их свойств, отношений или действий обозначающими их «ярлычками» — соответствующими вербальными образами. Б. Рассел (2000) пишет:

> Под «дескрипцией» (описанием) я понимаю фразу вида «то-то и то-то»... Мы будем говорить, что объект «известен по описанию», если знаем, что он есть «то-то и то-то»... что существует один объект... который обладает известными свойствами... что относительно этого объекта у нас нет знания подобного объекта посредством знакомства [с. 191–192].

> Многие универсалии, как и многие партикулярности, известны нам лишь по описанию. ...Главное значение знания по описанию заключается в том, что оно позволяет нам выйти за пределы нашего личного опыта. Несмотря на то что мы можем познавать истинные положения, состоящие лишь из терминов, полученных благодаря знакомству, мы можем все же познавать посредством описания и то, что мы никогда и не воспринимали. Принимая во внимание узкие границы нашего непосредственного опыта, мы должны сказать, что этот итог очень важен... [с. 196–197].

В результате дескрипции появляются вербальные психические конструкции, описывающие реальность, например моделирующие определенное положение дел,

действия и (или) свойства объектов. Например: *медведь слез с дерева, идет мокрый снег, Петр надел шапку и застегнул пальто* и т. д. Так формируются дескриптивные вербальные модели реальности. В. Вундт (2007) пишет:

> ...предложение... шаг за шагом непосредственно следует созерцаемому процессу, следовательно, репродуцирует его в воспоминании совершенно так же, как оно протекало в восприятии. ...Закономерное сцепление внешних явлений, представляющееся созерцанию и вызывающее ассоциацию, вынуждает представления связываться друг с другом равным образом закономерно [с. 124].

И далее В. Вундт указывает на важнейшую вещь, которую современная психология не усвоила, приняв из логики в качестве общепринятой другую точку зрения на сущность вербального мышления. В. Вундт (2007) совершенно верно замечает, что:

> ...наше мышление возникает из связи вещей в природе, которую человек видит вокруг себя, и самое это мышление является не чем иным, как субъективным воспроизведением закономерного хода вещей в природе [с. 124–125].

> ...даже самое отвлеченное, далекое от непосредственного созерцания мышление шаг за шагом развилось из созерцательного [с. 114].

Доминирующая же сегодня в логике, философии и психологии позиция заключается, как уже обсуждалось выше, в том, что вербальное (концептуальное, рациональное, понятийное, словесно-логическое) мышление подчиняется логическим законам, в соответствии с которыми вербальные конструкции и строятся по каким-то абстрактным законам и правилам логики, языка, синтаксиса и т. д.

В. Вундт прав относительно того, что наше вербальное мышление замещает вербальными конструкциями (конструкциями из понятий) образы представления и воспоминания реальных или возможных изменений окружающего мира, поэтому человеческое мышление представляет собой процесс формирования связных последовательностей чувственных и символических (вербальных) образов и конструкций из них, репрезентирующих (в основном) окружающую нас реальность.

Описывая мышление, Л. С. Выготский (2005с) говорит о трудностях трансформирования чувственных моделей в вербальные, которое носит название вербализации:

> Мысль не состоит из отдельных слов — так, как речь. Если я хочу передать мысль: *я видел сегодня, как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице,* — я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузу, отдельно то, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу все это вместе в едином акте мысли (как правило, в форме визуального образа бегущего мальчика. — *Авт.*), но я расчленяю это в речи на отдельные слова. ...Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах [с. 434].

Трудности вербализации сенсорной конструкции Л. С. Выготский (2005с) иллюстрирует на примере одного из героев Г. Успенского, который говорит:

> Я бы тебе, друг ты мой, сказал вот как, эстолького вот не утаил бы, — да языка-то нет у нашего брата... вот что я скажу, будто как по мыслям и выходит, а с языка-то не слезает. То-то и горе наше дурацкое [с. 433].

М. Коул и Сильвия Скрибнер [1977, с. 151] отмечают, что в вербализации наиболее отчетливо проявляется влияние образования.

Вербальное мышление не существует вне чувственного мышления, так же как и чувственно-наглядное (созерцательное, по Вундту) мышление у взрослого человека не может существовать без понятийного. Эти два вида мышления у человека неразрывно связаны между собой, и обсуждать их изолированно можно лишь теоретически. Потому, например, «личное тождество», о котором пишет У. Джеймс [2000, с. 59], и не поддается интеллектуальному истолкованию при помощи концептов (понятий). Оно переживается на уровне не вербального, а чувственного мышления. На уровне понятий оно лишь вербализуется. В попытке изолированного рассмотрения чувственного и понятийного мышления коренятся те самые «головоломки, возникающие при переводе перцептов на язык концептов», обсуждаемые У. Джеймсом [2000, с. 58–61].

Вербальные конструкции играют важную роль в формировании новых понятий. Так, вновь созданная дескриптивная вербальная конструкция может описывать нечто — какую-то сущность, обозначаемую затем новым понятием. Примером дескриптивной вербальной модели объекта является описание лития[1], данное Ч. Пирсом. Обсуждая его, У. Эко (2005) замечает:

> ...в данном определении Пирса нет четкого различения между признаками... которые можно считать «основными», и теми, что могут быть так или иначе выведены из «основных». Например, если бы Пирс сказал, что литий — это один из щелочных металлов, некоторые из записанных свойств лития можно было бы считать автоматически имплицируемыми[2] (ссылка моя. — *Авт.*). ...Удовлетворительный перевод этого определения в формальное семантическое представление должен был бы разделить эти два уровня интерпретации [с. 312–314].

Из сказанного У. Эко следует, что существует и принципиально другой вариант построения вербальных конструкций, тоже способных выступить в качестве вербального значения рассматриваемого понятия. Конструкции такого рода не описательные, а абстрактные, или, как говорит автор, «формальные». Пример: *литий — это один из щелочных металлов*. Если дескриптивная вербальная конструкция Ч. Пирса описывает сенсорную модель-репрезентацию лития, его взаимодействия с другими объектами и их совместные изменения, то формальная вербальная

---

[1] ...Если вы среди стекловидных, полупрозрачных минералов серого или белого цвета, очень твердых, ломких и нерастворимых отыщете такой, который придает темно-красный оттенок бесцветному пламени; и если этот минерал, будучи растерт в порошок вместе с известью или витеритовым крысиным ядом и затем расплавлен, станет частично растворимым в соляной кислоте; если же этот раствор выпарить, а сухой остаток подвергнуть воздействию серной кислоты и должным образом очистить, то его можно превратить обычными методами в твердый хлорид, который, будучи расплавлен и подвергнут электролизу с помощью полудюжины мощных электрических элементов, даст в результате шарик розовато-серебристого металла, который не будет тонуть в бензине, — то материал этого шарика и есть образец лития [У. Эко, 2005, с. 312–313].

[2] Имплицитный ...Не явный... что-то недоступное непосредственному наблюдению... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 305]. В данном случае — подразумеваемое.

конструкция У. Эко конструирует объект *литий* на основе присущих последнему абстрактных признаков, которые сами были ранее конституированы с помощью других вербальных конструкций.

Вербальные психические конструкции можно разделить на две большие группы. Первая группа – это устойчивые и четко структурированные вербальные конструкции. Они всегда обозначаются понятием или сложным понятием, состоящим из двух или более понятий. Их можно назвать также *обозначенными* понятиями вербальными конструкциями. Вторая группа — это не обозначенные понятиями конструкции, которые могут со временем превратиться в обозначенные или исчезнуть.

Сенсорная модель-репрезентация любого объекта несравнимо более многообразна, чем ее вербальный «заменитель» – вербальная модель. Если сенсорную модель метафорически сравнить с яблоком, то вербальную конструкцию-заменитель можно сравнить с его разрезом лишь в одной из бесконечного множества возможных плоскостей. Вместе с тем вербальные модели порождают совершенно новые возможности моделирования реальности, недоступные сенсорным моделям.

А. Райнах (2006а), например, пишет:

> Как различны суждения «А находится слева от В» и «В находится справа от А», хотя в их основании лежит совершенно идентичный фактический состав, так различны и суждения «Роза дает реальное существование красному цвету» и «Красный цвет присущ розе». И то и другое суждение, в свою очередь, отличаются по своему значению от суждения «Роза красная», которое основывается на том же фактическом составе [с. 504].

Вербальная модель, казалось бы, того же аспекта реальности, который моделируется одной и той же сенсорной моделью-репрезентацией, не просто по-иному представляет его, она создает новые, неожиданные и порой не вытекающие непосредственно из этой сенсорной модели аспекты какой-то иной реальности: «роза есть, она бытийствует», «красная роза бытийствует», «бытие красным розы» и т. д. Она, как нож, рассекающий яблоко, вскрывает в этой сенсорной модели-репрезентации новые, недоступные сенсорному моделированию грани и стороны реальности, которые, впрочем, не всегда даже присущи этой реальности, так как могут быть и продуктом нашего вербального конструирования, искажающего реальность.

Создаваемые нами на основе одной и той же сенсорной модели-репрезентации вербальные модели предметов могут приобретать жизнь, независимую от того объекта, который они вроде бы изначально моделировали. И вообще моделировать какую-то иную, не моделируемую нами сенсорно вовсе реальность. А. Райнах (2006а) продолжает:

> ...бытие красным розы мы должны строго отличать от самой красной розы. ...Красная роза растет в саду, она может увянуть; бытие красным розы не находится в саду, и не имеет смысла говорить о его увядании [с. 505].

На основе одной и той же сенсорной репрезентации реальности можно смоделировать вербально совершенно разные аспекты реальности. Например, «красное — качество розы». Однако качества как сущности явно нет в сенсорной модели

розы. Оно создается исключительно благодаря возникновению другой вербальной конструкции, выстроенной сознанием. А. Райнах замечает (2006а):

> Если где-то существует красная роза, то вместе с существованием этой вещи дано и бесчисленное множество положений дел — позитивных и негативных. Красная роза существует, роза красная, красный цвет присущ розе, роза не белая, не желтая и т. д. Красная роза — этот единый вещный комплекс — является фактическим составом, лежащим в основании всех этих положений дел (всех вербальных моделей, моделирующих данный аспект реальности — красную розу. — *Авт.*) [с. 510].

На каком-то очередном этапе индивидуального развития психики вербальные психические конструкции отрываются от сенсорных моделей, они перестают их только «дублировать» и становятся независимыми от них. Начинается вербальное конструирование реальности. При этом вербальные конструкции могут как действительно репрезентировать недоступную чувственному моделированию, то есть восприятию, реальность, так и лишь создавать иллюзию того, что являются адекватными моделями этой реальности. Как воспринимаемый объект существует для человека лишь в возникающем образе восприятия, так и не воспринимаемые, но моделируемые человеком вербальные сущности присутствуют лишь в конструкциях из понятий, репрезентирующих их. *Смысл, договор, революция, отрицание* и прочие объекты такого рода существуют лишь в соответствующих вербальных конструкциях, обозначаемых данными понятиями, и более нигде.

Описательные вербальные конструкции, замещающие сенсорные модели, трансформируются затем в конструкции языковые — новые искусственные объекты языка, которые сами впоследствии приобретают независимость от исходных сенсорных моделей.

Мы непрерывно создаем новые вербальные психические конструкции, в интегрированном и обобщенном виде моделирующие для нас окружающее, — выводы. Например: *люди ведут себя так-то, это происходит потому-то; надо сделать так, иначе будет то-то* и т. д. Мы постоянно строим прогностические вербальные психические конструкции, моделирующие ожидаемые нами изменения окружающей реальности, — предположения, а также планы будущих собственных действий в ней. Создаем и делимся с окружающими вербальными конструкциями — мнениями и оценками: *обстоятельства изменились таким-то образом; надо сделать так-то, чтобы достичь того-то* и т. д. и т. п. Постоянно формируемые нами вербальные психические конструкции представляют собой то, что мы привыкли называть точками зрения, прогнозами, рекомендациями, взглядами на проблему или ситуацию, подходами к решению, решениями и даже убеждениями и мировоззрением.

Одни вербальные психические конструкции у одного и того же человека могут быть глубокими и адекватными реальности, тогда как другие — совершенно неадекватными, а какие-то, казалось бы, необходимые, например нравственные вербальные конструкции, могут вовсе отсутствовать. Благодаря имеющимся у нас вербальным психическим конструкциям, формирующим множество «рамок» и «схем», мы структурируем, регламентируем и прогнозируем окружающее. Мы не отдаем себе отчета в том, что наши вербальные психические конструкции определяют наше поведение. Обычно человек вполне сознательно, но стереотипно реагирует на возникающую в его сознании привычную перцептивную психическую конструкцию — модель определен-

ной типовой ситуации, поэтому повторяющиеся сходные психические конструкции, моделирующие окружающее, запускают повторяющееся же типовое поведение. Это позволяет нам не контролировать сознательно каждое наше действие, что было бы просто невозможно, и действовать привычно, или автоматически.

Вообще большинство решений и действий принимается и осуществляется нами в ответ на узнавание типовой для нас модели окружающей реальности, сенсорной или вербальной. У. Джеймс (2003) пишет в этой связи:

> Заключительное основание для решения вопроса... обычно состоит в открытии, что мы можем отнести данный случай к тому классу, относительно которого мы привыкли действовать без колебания по известному стереотипному пути. ...Лица, стоящие у власти, которым приходится принимать много решений ежедневно, носят в себе целый запас рубрик для классификации, причем каждая из этих рубрик связана с каким-либо произвольным своим следствием, и по этим рубрикам они стараются по возможности разместить новый вопрос или дело, встретившееся им. Если это новое дело такого рода, что не имеет прецедента и к которому нельзя применить никакого из готовых правил, то эти лица чувствуют себя растерянными и расстроенными неопределенностью задачи. Однако, как только они видят путь к знакомой классификации, они снова чувствуют себя легко [с. 476–477].

Человек постоянно создает новые вербальные конструкции. Одни из них бесследно исчезают навсегда. Другие периодически вновь появляются, но лишь в его сознании. Третьи, экстериоризируясь им, могут превращаться в постоянный элемент объективной психической реальности, то есть часто возникают в сознании множества людей, интериоризировавших их. Например, относительно недавно была создана новая психическая конструкция, обозначенная составным понятием *личное стремление* (Р. Эммонс, 2004). По мнению автора:

> ...это обобщающий конструкт, объединяющий фенотипически различные цели и действия вокруг общего качества или темы [с. 58].

Данная конструкция представляет собой когнитивную модель, которая репрезентирует не вполне ясные совокупности других сложных вербальных моделей и знакома пока только самому автору и его читателям. Со временем она или исчезнет, или займет место в психологии, при этом то, что ею моделируется, будет определено более четко.

Многие вербальные психические конструкции созданы человеком со специальными целями и моделируют объекты и явления, отсутствующие в окружающем мире, либо те, в физическом существовании которых можно сомневаться. Например, конструкции, обозначаемые понятиями: *секунда, тонна, метр, ошибка, гипотеза, достижение, метафора* и т. п. Лабильное и неустойчивое содержание многих вербальных психических конструкций удерживается главным образом благодаря существованию обозначающих их понятий и соответствующих им в языке слов. Например, таких понятий, как *задача, цель, интересы, проект, стремление* и т. п. Мы все вроде бы знаем, что стоит за этими понятиями, но если сопоставить наши индивидуальные их вербальные значения, выявится колоссальная разница. Я уже не говорю о конструкциях, обозначаемых такими понятиями, как *онтология, трансцендентность, экзистенция* и т. п.

Многие вербальные психические конструкции репрезентируют вымышленные сущности, то есть не моделируют ничего в окружающей реальности. Они обозначаются, например, понятиями *джинн, эфир, эльф, дракон, Анна Каренина* и т. д. и могут быть иллюстрированы образами искусственных объектов, взятых из фильмов, книг, картин и т. п.

Вербальных конструкций в «чистом виде», то есть состоящих только из понятий, в сознании человека практически нет. Даже наиболее абстрактные вербальные конструкции, вроде бы представляющие собой, как кажется очевидным, лишь «связку» понятий, всегда иллюстрируются какими-то, пусть и очень отвлеченными образами, которые можно обнаружить с помощью интроспекции. Причем часто это даже не просто иллюстрация, а раскрывающий сущность данной вербальной конструкции отвлеченный метафорический образ, легко замещающий ее собой в мышлении. Можно сказать, что чувственно-вербальное моделирование — это «улица» с двухсторонним движением. Сначала чувственные образы замещаются все более и более абстрактными вербальными конструкциями, но последние, в свою очередь, замещаются упрощающими их, метафорическими отвлеченными чувственными образами представления, которые можно назвать редуцирующими иллюстрациями.

Тот факт, что вербальные конструкции нашего мышления являются реальными психическими феноменами, продемонстрирован экспериментально. Так, Дж. Андерсон (2002) пишет:

> Маклей и Осгуд (Maclay & Osgood, 1959) анализировали записи спонтанной речи и обнаружили большое количество речевых ошибок, которые означают, что фразы являются психологической реальностью. Они обнаружили, что, когда говорящие повторялись или поправляли себя, они обычно повторяли или поправляли целую фразу [с. 348].

Конструкции языка в виде устных фраз и письменных предложений — это искусственные объекты, удобные для передачи между людьми и потенциально содержащие в себе психические вербальные конструкции.

Особой разновидностью вербальных моделей являются конструкции, регулирующие поведение людей. Они описывают (моделируют) желательные, приемлемые или даже единственно возможные для данного общества, данной группы людей или конкретной социальной роли варианты и формы поведения, поэтому их можно назвать нормативными моделями поведения. Они обозначаются такими понятиями, как *закон, инструкция, правила поведения, правила игры, правила спортивных состязаний, обычаи, традиции, запреты, табу* и т. д. Они могут быть слабоструктурированными и даже аморфными (некоторые правила поведения, обычаи и традиции, должностные обязанности), а могут быть очень устойчивыми и жесткими, требующими точного и неукоснительного исполнения (законы, воинские уставы, инструкции по применению лекарств или приборов и т. п.). Эти вербальные конструкции варьируются в разных культурах и меняются с течением времени. И. Гофман (2003), например, пишет:

> Границы фрейма боевых состязаний обозначены вполне отчетливо, можно проследить изменения в этих границах на значительном протяжении времени, и, что еще важнее, изменения правил хорошо документированы. Обычно в этих изменениях

усматривают признаки снижения терпимого отношения к жестокости и опасности состязаний... Изменение фрейма организованного бокса можно проследить с момента его зарождения в начале XVIII в.: сначала дрались голыми кулаками, через несколько десятилетий ввели кожаные перчатки, в 1743 г. введены правила Брафтона и примерно в 1867 г. правила Куинсбери [с. 119].

Г. Фреге (1997) задает вопрос:

...как конструируется мысль и как ее части соединяются таким образом, что целое в итоге представляет собой нечто большее, нежели части, взятые сами по себе? [С. 72.]

Однако на этот вопрос ответил еще И. Кант, обнаруживший, что сознание способно к созданию, синтезу новых целостных психических сущностей из не связанного, в общем-то, друг с другом многообразия наших «созерцаний». Эта способность сознания лежит в основе формирования понятий и вербальных конструкций. И. Кант (1994) полагает, что:

...аналитическое единство сознания присуще всем общим понятиям как таковым... Представление, которое должно мыслиться как общее различным (другим представлениям), рассматривается как принадлежащее таким представлениям, которые, кроме него, заключают в себе еще нечто иное; следовательно, оно должно мыслиться в синтетическом единстве с другими... представлениями раньше, чем я мог бы в нем мыслить аналитическое единство сознания... [с. 101].

Согласно И. Канту [1994, с. 105], благодаря «единству апперцепции» — способности сознания создавать новую целостность из разнообразного психического содержания, возникает и суждение. Способность сознания объединять разнородное психическое содержание в новые целостные сущности пронизывает все наше психическое моделирование от чувственных образов до сложнейших вербальных конструкций, выступающих как единое целое, как новый психический феномен. Благодаря свойству, названному И. Кантом «единством сознания», не только множество чувственных образов, составляющих модель-репрезентацию объекта, превращаются в репрезентируемый объект, а затем и в соответствующее понятие, но и совокупности понятий — вербальные конструкции превращаются в новые психические феномены — умозаключения. Именно «единство сознания» превращает несколько разных понятий в единую сущность, трансформируя набор понятий в новый особый гештальт, который И. Кант называет «суждением». Рассматривая суждение «тела имеют тяжесть», Кант (1994) пишет:

...суждение есть не что иное, как способ приводить... знания к объективному единству апперцепции. ...Я... хочу сказать, что они (представления. — *Авт.*) принадлежат друг другу благодаря необходимому единству апперцепции в синтезе созерцаний... Только благодаря этому из указанного отношения возникает суждение, то есть отношение, имеющее объективную значимость и достаточно отличающееся от отношения этих же представлений, которое имело бы только субъективную значимость, например, согласно законам ассоциаций. По законам ассоциаций я мог бы только сказать: если я несу какое-нибудь тело, я чувствую давление тяжести, но не мог бы сказать: оно, это тело, есть нечто тяжелое, следовательно, утверждать, что эти два представления связаны в объекте... [с. 105].

Автор заключает:

> Многообразное, данное в чувственном созерцании, необходимо подчинено первоначальному синтетическому единству апперцепции, потому что только через него возможно единство созерцания [с. 106].

Итак, «единство сознания», или «единство апперцепции», проявляется как свойство психического содержания, выражающееся в гештальтности психических образов и даже ощущений, единстве моделей-репрезентаций, понятий и конструкций из них.

2.6.2. Конституирование и конструирование реальности

Дж. Лакофф (2004) указывает, что краеугольным камнем объективистской парадигмы является независимость окружающего мира от познания: мир такой, какой он есть, независимо от человеческих понятий, мнений или знаний, ум людей не может творить реальность. Автор утверждает, что такие представления ложны и противоречат почти всему, что известно из культурной антропологии. Он говорит:

> Существует ли реально категория nehcihsähA[1] (ссылка моя. — *Авт.*), включающая не только дядей по материнской линии, но всех родственников, согласно правилам, сформулированным Лонсбери? Культура индейцев фокс реальна, и такая категория реально существует в культуре фокс. Но было бы очень странно сказать, что эта категория существует независимо от человеческого ума и человеческих концептуальных систем. В подобных случаях реальность производят умы людей. Таковы все институциональные факты всех видов. Институты и установления творятся людьми. Они являются культурно-специфическими продуктами человеческого ума. И они реальны. ...Культурные категории реальны, и они реальны благодаря человеческой деятельности. Правительства реальны. Они существуют. Однако они существуют только потому, что люди придумали их и затем действовали в согласии с этой концептуализацией. Вообще продукты человеческого воображения играют огромную роль в создании реальности. Деревья и скалы могут существовать независимо от человеческого ума. Правительства не могут. ...Огромное количество продуктов человеческого ума существует, хотя и не так, как существуют деревья и скалы [с. 274–275].
>
> ...Куайн утверждает, что общее понятие множества должно быть изгнано из формальных языков, заслуживающих уважение философских дискуссий. Так, мой брат, мой чайник и мой письменный стол — все они могут существовать, но из этого не следует, что *множество*, содержащее эти три сущности, существует как сущность в мире. Однако это именно то, что утверждает классическая теория множеств — *в объективистской интерпретации*. Куайн стал Оккамом нашего века, выступившим в поход против философской «безответственности», против утверждений о существовании сущностей, которые реально не существуют в мире как сущности. Лучшими примерами этого являются множества

---

[1] Дж. Лакофф сообщает [с. 41], что в языке индейцев племени фокс слово nehcihsähA используется не только для обозначения дяди по материнской линии, то есть сына матери матери, но также для обозначения сына сына матери матери, сына сына отца матери матери и множества других родственников.

произвольно собранных вместе вещей. ...То, что мы видим как красный цвет, частично детерминировано отражающими свойствами объектов, частично нейрофизиологией и частично культурными факторами, обусловливающими различия в проведении границ между областями цветового спектра. Красный цвет не является объективно существующим свойством какого-либо объекта. Однако в обыденной, народной картине мира красный цвет — это признак, и любое описание этой категории мира должно, для того чтобы быть адекватным, трактовать это так же [с. 273–280].

В человеческом сознании, кроме сенсорных моделей конкретных объектов, сформировались понятия — вербальные абстрактные универсальные модели любого объекта, входящего в определенное множество, обозначаемое общим абстрактным понятием: *стул, стол, ключ* (вообще) и т. д. Например, любого стула, входящего в множество, обозначаемое понятием *стул*. Сформировались также репрезентации объектов, существующих не в физической, а в объективной психической реальности и обозначаемых, например, понятиями: *договор, сделка, правительство* и т. д. В процессе моделирования реальности психика приобрела возможность создавать, кроме сенсорных репрезентаций окружающего физического мира, вербальные репрезентации какого-то иного, хотя на первый взгляд того же самого, физического мира, объекты которого, однако, существуют только в самой психике.

Появление символических репрезентаций — понятий и вербальных конструкций привело к возникновению в человеческой психике нового класса репрезентаций — психических объектов. Возникло громадное множество сущностей, которые согласно «здравому смыслу» и всеобщему убеждению относятся к физической реальности, но в действительности представляют собой объекты реальности психической.

По мере развития человеческой психики уровень абстрактности психических конструкций повышается, все более отрываясь от сенсорной основы. М. Шелер (1988) пишет:

Человек способен отделить троичность как «количество» трех вещей от этих вещей и оперировать с «числом» «три» как самостоятельным предметом согласно внутреннему закону порождения *ряда* таких предметов. Животное не способно *ни на что* подобное. Таким образом, «идеация» означает постижение *сущностных* форм построения мира на *одном* примере соответствующей сущностной сферы... [с. 62].

Важно, однако, не то, что человек способен к «постижению сущностных форм на одном примере», а то, что он способен к созданию этих «сущностных форм» в своем сознании, так как такие сущности, как разные количества, — это абстракции, не существующие в физическом мире. В мире нет количеств «три» или «пять», а есть лишь три конкретных дерева или пять конкретных монет. Следовательно, человек способен создавать новые психические сущности не в физической реальности. Собственно говоря, это не новость и об этом писал еще в V в. Блаженный Августин (2006), обсуждая, например, слово «ничего»:

...этим словом обозначается не предмет, коего в действительности не существует, но состояние нашего духа, когда он предмета не видит и в то же время находит (или думает, что находит), что его нет [с. 60].

Многие наши понятия обозначают сенсорные модели ситуаций, связей между объектами, изменений объектов и т. д. Блаженный Августин [2006, с. 61] замечает,

например, что предлог «из» «означает некоторого рода отделение от предмета чего-либо, прежде в нем бывшего». Действительно, абстрактное понятие *из* обозначает в нашем сознании сенсорную конструкцию, моделирующую движение одного объекта изнутри другого объекта. Она включает в себя бесконечное множество образов самых разных объектов, в которых происходит движение либо их частей, либо даже других объектов изнутри и наружу основного объекта. Обсуждая понятие *если*, Блаженный Августин (2006) пишет:

> Мне думается, что оно означает сомнение, а где же быть сомнению, как не в душе? [С. 60.]

Автор прав в том, что понятие *если* обозначает психическую конструкцию, моделирующую состояние сомнения и нерешительности, состояние внутренней дискуссии, в которой человек пытается выбрать между разными возможностями, представляя результаты каждой из них.

Множество наших репрезентаций действительно имеют в физической реальности некие референты[1] или аналогии (элементы «реальности в себе») и конституируют[2] то, что принято считать физическими объектами, но многие свои сущности сознание конструирует при отсутствии каких-либо их референтов в физической реальности. Эти созданные сознанием сущности только в нем же и присутствуют и обозначаются, например, понятиями *черт, вампир, ангел, сатир, кентавр* и т. д. Сознание способно создавать такие сущности как из элементов сенсорных моделей реальных физических объектов путем их комбинирования, так и «из ничего» на базе вербальных конструкций, превращающихся в значения новых понятий: *эликсир жизни, мертвая вода* и т. п. Сконструированная сознанием психическая сущность обозначается новым понятием и становится полноправной частью содержания сознания человека, такой же, как чувственные и вербальные модели окружающих физических объектов.

Конституированные (имеющие референт в реальности) и сконструированные (не имеющие референта в физической реальности) человеческим сознанием сущности порой сложно дифференцировать, в том числе и потому, что на основе собственных образов представления человек нередко создает объекты искусственной физической реальности: рисунки, фильмы, макеты и др., поэтому у следующих поколений модели-репрезентации соответствующих сущностей возникают в сознании уже на основе перцепции этих искусственных объектов и в качестве моделей физической реальности. Таким образом, человеческое сознание способно «населять» окружающий мир в дополнение к объектам физическим еще и другими объектами разного рода: фантастическими, полуреальными, очень похожими на реальные, вероятно реальными, как бы реальными, реальными, но не физическими, а психическими и т. д.

---

[1] Референт – нечто существующее в реальном мире, что обозначается словом, фразой или выражением. Строго говоря, только конкретные объекты или события могут рассматриваться как референты, хотя некоторые авторы распространяют употребление этого термина и на обозначение абстракций, которые могут быть операционализированы [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 196–197].

[2] Конституирование обозначает специфическую активность сознания, при которой сознание не просто воспринимает внешние предметы, а продуцирует их из самих составляющих сознания [Современный философский словарь, 2004, с. 337]. Я понимаю конституирование скорее как «придание формы» недифференцированной сенсорной модели или «сегментирование», «расчленение» ее на четко очерченные и понятные субъекту более мелкие элементы.

Специальная вербальная конструкция, превращающаяся в вербальное значение соответствующего нового понятия, конституирует, создает новую сущность. Например, *единорог — фантастическое животное, похожее на лошадь с рогом во лбу, русалка — девушка с рыбьим хвостом, живущая под водой,* и т. п. Учитывая то, что для человека нет и не может быть никаких объектов, кроме данных ему в его же сознании, многие психические объекты, казалось бы, репрезентирующие окружающую реальность, во всяком случае не противоречащие сенсорным ее моделям, столь же реальны для него, как и репрезентации собственно физических объектов. Также и интериоризируемые психикой современного человека из объективной психической реальности вербальные психические конструкции, созданные предшествующими поколениями людей и моделирующие согласно «здравому смыслу» окружающий физический мир, не менее достоверны для него, чем его собственные чувственные перцептивные модели окружающего мира.

К психическим объектам, или псевдообъектам физической реальности, относятся очень многие и важные сущности[1], которые в соответствии с представлениями «здравого смысла» принято считать особыми материальными объектами, множествами физических объектов, состояниями и свойствами объектов, их изменениями и явлениями физической реальности.

Все они конструируются с помощью специальных вербальных конструкций и репрезентируют в качестве якобы существующих в физическом мире особые сущности, которых, однако, там нет. При этом в физическом мире могут присутствовать другие физические объекты, которые могут ошибочно приниматься людьми за конкретные формы или варианты объектов психических: *денег, товаров, собственности* и т. д. Большинство же психических сущностей вовсе не имеют того, что можно принять за их референты в физической реальности. Например: *зло, добро, справедливость, месть* и др.

Вводя понятие *психический объект, я* отнюдь не «открываю Америку», так как под другими названиями психические объекты уже многократно были описаны в литературе. О них упоминал еще Р. Декарт (1989в):

> Из того, что мы считаем вещами, наиболее общее значение имеют субстанция, длительность, порядок, число и другие понятия того же рода, распространяющиеся на все роды вещей. При этом я признаю лишь два высших рода вещей: одни из них — вещи умопостигаемые, или относящиеся к мыслящей субстанции; другие — вещи материальные, или относящиеся к протяженной субстанции, то есть к телу [с. 333].

В философии давно и широко обсуждается так называемое гипостазирование[2] — опредмечивание абстрактных понятий, таких, например, как *норма, право, свобода, равенство* и др., приписывание им реального существования.

---

[1] Например: *деньги, товар, собственность, равновесие, договор, сделка, генерал, разруха, прокурор, направление, правительство, успех, энергия, работа, усилие, ускорение, шершавость, белизна, сладость, непроницаемость, гладкость, падение, скольжение, полет, наполнение, вялость, холодность, изворотливость, надоедливость, моргание, совестливость, ответственность, тревожность* и многое-многое другое.

[2] Гипостазирование — 1) рассмотрение абстрактных объектов, не обладающих предметным и пространственным онтологическими статусами, в качестве непосредственных объектов человеческого мышления... 2) логико-семантическая ошибка, связанная с неправильным

Психический объект, или псевдообъект, – это созданная сознанием в виде конструкции из понятий, являющейся значением нового понятия, репрезентация некой сущности, отсутствующей в физической реальности. Данная репрезентация не имеет соответствующего физического эквивалента (референта) в материальной реальности и, следовательно, изначально не является моделью части окружающего нас физического мира. Обычно она появляется в сознании конкретного человека в результате ее интериоризации им из объективной психической реальности, созданной обществом, в котором человек живет. Среди таких репрезентируемых и конструируемых сознанием сущностей можно выделить несколько наиболее важных групп: 1) фантастические сущности: *леший*, *домовой*, *волшебник* и др.; 2) вероятные сущности: *черная дыра*, *электромагнитная волна*, *квант света*, *поле*, *квант гравитации*, *суперструна*[1] и др.; 3) утилитарные конвенциональные сущности: *деньги*, *договор*, *работа*, *заем*, *сумма*, *частное*, *цена*, *доход*, *норма* и др.; 4) полезные инструменты познания: *социальный класс*, *средства производства*, *процент прибыли*, *капитал*, *этнос*, *пассионарность* и др. (см. о них, например: С. Э. Поляков, 2004).

употреблением так называемых «мнимых» имен... не обозначающих конкретные объекты (например, «справедливость», «право», «обязательство»...») [Всемирная энциклопедия. Философия, 2001, с. 240–241].

[1] Внутри каждой (элементарной. – *Авт.*) частицы – вибрирующее, колеблющееся, пляшущее волокно, подобное бесконечно тонкой резиновой ленте, которое физики... назвали струной [Б. Грин, 2004, с. 18–19].

ГЛАВА 2.7

Модели объектов, их свойств и изменений

- *Модели объектов*
- *Модели свойств объектов*
- *Сущность движения и его восприятие*
- *Модели движений*
- *Признаки объектов*
- *Уровни моделирования реальности*

2.7.1. Модели объектов

Разделение психических моделей объектов на конкретные и абстрактные обсуждается в литературе лишь в плоскости конкретных и абстрактных понятий. Ю. М. Лотман (2004) пишет, например:

> Разные языки использует различные грамматические средства для того, чтобы выразить различие между словом, обозначающим любую вещь, и именно данной вещью. В русском языке это можно было бы выразить, употребляя во втором случае заглавные буквы: столик – это любой столик... Столик с большой буквы — это мой столик, лично знакомый, единственный, это Столик, который имеет признаки, отсутствующие в «столиках вообще», например, на нем может быть чернильное пятно [с. 127].

Между тем конкретные и абстрактные понятия различаются и на уровне своих сенсорных значений, то есть чувственных репрезентаций этих объектов.

Понятия, обозначающие конкретные объекты — имена собственные, формируются обычно в результате присоединения модели-репрезентации определенного слова к сенсорному предпонятию — чувственной модели-репрезентации конкретного объекта, обозначаемого данным словом, то есть по механизму «снизу вверх». Б. Рассел (2000) называет конкретные объекты *партикулярностями* и пишет:

> ...собственные имена обозначают партикулярности [с. 223].

Конкретные понятия могут возникать и путем усвоения (запоминания) определенного слова и объясняющей его вербальной конструкции — его вербального значения, то есть путем ассоциации модели-репрезентации слова и вербальной конструкции по механизму «сверху вниз». Например, ребенок узнает и запоминает, что *Эрмитаж — это музей в Санкт-Петербурге, а Эйфелева башня — это башня в Париже, построенная инженером Эйфелем*. Через какое-то, возможно, достаточно продолжительное время он видит ее изображение и у него формируется еще и чувственная модель-репрезентация, превращающаяся в чувственное значение этого же понятия. Для того чтобы у ребенка сформировалось по такому механизму новое понятие, в его сознании уже должны существовать абстрактные понятия, входящие в разъясняющую вербальную конструкцию: *музей, город, башня, инженер* и т. д.

Абстрактные понятия тоже могут формироваться и «снизу вверх» (на основе многих моделей-репрезентаций однотипных конкретных объектов, обозначаемых общим понятием), и «сверху вниз» (в виде вербальной конструкции, обозначаемой общим понятием). Значением общего абстрактного понятия в первом случае является собирательная модель-репрезентация, включающая в себя модели-репрезентации всех однотипных конкретных объектов (собак, или кошек, или деревьев), с которыми человек уже сталкивался к этому моменту. Причем объектов как «естественных» (например, кошек), так и искусственных, в том числе самых разных изображений кошек, их образов из фильмов и др.

Возникающая собирательная модель-репрезентация, обозначаемая общим абстрактным понятием, например *кошка* (вообще), представляет в сознании человека каждый объект множества «кошки», но не моделирует сенсорно в итоге ни одну конкретную кошку. Собирательная модель-репрезентация включает в себя множество

визуальных образов воспоминания-представления всех кошек, с которыми человек сталкивался на протяжении жизни, но репрезентирует абстрактный психический объект, не существующий в физической реальности, — кошку (вообще). Появляясь в психике, такая универсальная чувственная модель любого объекта из определенного множества (кошек, или собак, или деревьев и т. д.) преподносит физическую реальность человеку уже особым образом. Можно даже сказать больше — она искажает ее, но это же в конечном счете способствует более глубокому пониманию реальности. Со временем абстрактное понятие, обозначающее такой псевдообъект, приобретает и вербальное значение, так как ассоциируется с соответствующей вербальной конструкцией. Например: *кошка — это небольшое хищное домашнее животное, которое ловит мышей, мяукает, выгибает спину и царапается.*

В случае формирования общего абстрактного понятия «сверху вниз» его значением является усваиваемая человеком вербальная конструкция, например: *посуда — это тарелки, чашки, кастрюли и другие предметы, которые люди используют для приготовления и приема пищи и напитков.* Само понятие играет в этом случае конституирующую роль в выделении и обобщении множества сенсорных моделей-репрезентаций предметов, а их образы выступают как ее иллюстрации.

На следующем уровне обобщения и абстрагирования с образованием еще более общих понятий: *животное, растение, строение* и т. д. — лежащие в их основе собирательные сенсорные модели-репрезентации начинают «расплываться», так как очередное более общее понятие включает в себя слишком сильно различающиеся между собой модели-репрезентации разных обозначаемых им объектов и сознание не в состоянии уже объединить их в нечто целостное и единое. Например, понятие *животное* требует уже объединения визуальных образов таких разных объектов, как ящерица, кит, летучая мышь и слон, что крайне затруднительно сделать. Поэтому в качестве основного или даже единственного значения подобных общих понятий на первый план безоговорочно выступает вербальная конструкция, определяющая данное понятие и очерчивающая его содержание и границы. Хотя и в этом случае сенсорные модели не исчезают, а лишь меняют свою функцию. Они превращаются в чувственные иллюстрации к таким общим абстрактным понятиям. Например, понятие *млекопитающее* актуализирует в моем сознании множество мимолетных визуальных образов самки животного с детенышем, сосущим ее молоко.

Наконец, на еще более высоких уровнях обобщения с какого-то момента сенсорные модели объектов могут практически исчезать, так как обозначающие их понятия (например, *актуальность* или *деиндивидуализация*) настолько абстрактны, что сознание затрудняется даже просто в подборе каких-либо чувственных иллюстраций для них. Вместе с тем не следует забывать высказывание М. Айзенка, П. Брайанта, Х. Куликэна и др. о том, что:

> ...даже наши «самые абстрактные» мысли всегда содержат примесь воображения... [с. 63].

Учитывая то, что психические конструкции, являющиеся значениями понятий, варьируются от чувственных моделей-репрезентаций до вербальных конструкций, состоящих из многих других понятий, которые лишь иллюстрируются отдельными

чувственными образами, следует дать новое и более широкое определение понятия. Понятие — это вербальный образ, способный полноценно заменить собой в сознании устойчивую психическую конструкцию, репрезентирующую какую-либо сущность. Причем человеку при использовании понятия для его эффективного понимания достаточно появления в сознании лишь соответствующего вербального образа и не требуется актуализации всей психической конструкции, являющейся его значением.

2.7.2. Модели свойств объектов

Что представляют собой качества, или свойства[1], объектов? Д. В. Пивоваров пишет в Современном философском словаре (2004):

> Англоязычные философы-эмпирики тесно сближают между собой понятия свойства, качества и чувственного данного, подчас просто отождествляя их [с. 607].

Г. Гельмгольц (2002) поясняет:

> ...наблюдая устойчивость особого типа взаимодействия, мы приписываем объекту постоянную и неизменную способность вызывать определенные эффекты. Эту неизменную способность мы называем свойством. ...Несмотря на свое наименование, свойства тел не означают чего-либо свойственного данному отдельному объекту, а определяют результат взаимодействия его с некоторым вторым объектом (в том числе с нашими органами чувств). ...Свет, отраженный от киновари, нельзя назвать красным; он является таковым лишь для определенного типа глаз [с. 38–39].

Большой толковый психологический словарь (2001) определяет качество как:

> ...основное свойство ощущения, аспект предмета, который дает возможность различать его с другими предметами... [с. 345].

Я писал (С. Э. Поляков, 2004) о том, что в одних модальностях наша психика способна создавать модели, позволяющие выделять репрезентируемые объекты среди прочих, даже сходных. Такие сенсорные модели принято называть *образами* объектов. В других модальностях она создает модели, которые не позволяют нам

---

[1] *Качество* — свойство, специфика, «как» и «что» вещи; обозначает первоначальное и подлинное единство или многообразие реальности, которое еще не предполагает пространственного или даже мыслимого расчленения, осуществляя его скорее наглядно. Например, ***горький, соленый, пестрый, мягкий, твердый*** берутся как некие совершенно индивидуальные горечь, соленость, пестрота, мягкость, твердость, а не как всеобщее, абстрактное понятие этих качеств, которое уже имеет в своей основе количество, ибо в таком случае становится возможным пересчитать качества одного и того же вида... Объективные качества (то есть такие, которые присущи самим природным вещам) и субъективные качества (содержащиеся только в человеческих восприятиях) различает уже Демокрит, позднее — Галилей, затем — Локк, впервые применивший термины «первичные» (то есть объективные математически-физические) и «вторичные» (то есть субъективные, образующиеся благодаря психике) качества. ...Элеаты, а позднее Беркли и Юм утверждали, что качества вещей являются только состояниями субъекта... [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 207].

выделять отдельные объекты среди сходных с ними, но репрезентируют нам тем не менее эти множества сходных объектов: теплых, гладких, кислых и т. д. Сенсорные модели такого рода принято называть *ощущениями*, вызываемыми объектами. Ощущение в отличие от образа не позволяет идентифицировать конкретный объект среди прочих сходных с ним в данной модальности репрезентаций других объектов.

Например, конкретный металлический брусок меди по вызываемому им ощущению тепла-холода или твердости-мягкости невозможно выделить среди прочих аналогичных металлических брусков: золота, стали, серебра и т. д. Конкретный сладкий объект невозможно выделить среди прочих сладких объектов: рафинада, коричневого сахара, сахарина и др. Конкретный гладкий объект невозможно выделить среди прочих гладких объектов: отшлифованных камней, металла, стекла и др. Различение объектов может оказаться возможным при присоединении к репрезентации данной модальности репрезентаций (ощущений) другой модальности. Тогда объект становится не просто гладким, но и холодным или теплым, тяжелым или легким, твердым или мягким в разной степени, то есть его целостная полимодальная репрезентация обогащается новыми гранями. То, что единичное ощущение не в состоянии самостоятельно репрезентировать конкретный объект, нашло отражение и в языке: холодный (и ветер, и металл, и взгляд и др.), сладкий (и виноград, и чай, и щербет и т. д.).

Можно предположить, что зрительный анализатор, позволяющий нам получить «полную» репрезентацию объекта — зрительный образ, моделирует в нем сразу несколько свойств объекта: яркость, цвет и текстуру поверхностей, их градиент, углы наклона и т. д., собственно и формирующих зрительный образ. Зрительный анализатор, создавая образ, как бы замещает с его помощью сразу множество «простых» моделей (или ощущений), аналогичных по «уровню» моделирования реальности ее репрезентациям, создаваемым другими сенсорными анализаторами. При этом он органично объединяет все то, что можно условно назвать «зрительными ощущениями», в целостную репрезентацию, гештальт — зрительный образ. В результате количество здесь переходит в качество, позволяющее сознанию конституировать в визуальной модальности конкретный объект, отличая его при этом от всех прочих, в том числе от сходных объектов. Простые репрезентации иной модальности (то, что мы называем *ощущениями*), выступая лишь в качестве дополнительных и второстепенных моделей объекта, превращаются для человека в свойства объекта.

Принятое в философии деление репрезентируемых сознанием сущностей на объект, его свойства, его действия и отношения обусловлено не столько особенностями данных сущностей, сколько особенностями самих наших чувственных репрезентаций окружающей реальности. Эти феноменологические особенности позволяют мысленно разделять единую репрезентируемую образами и ощущениями сущность на собственно объект (то, что репрезентируется «основным», обычно зрительным образом) и на свойства объекта (то, что репрезентируется «дополнительными» чувственными моделями того же объекта, возникающими в других чувственных модальностях: тактильной, обонятельной, осязательной, вкусовой).

Э. Кассирер (2006) замечает:

> ...мысль о вещи – как о комплексе чувственных свойств – возникла благодаря тому, что эти свойства воспринимаются самостоятельно и потом как бы сливаются друг с другом посредством автоматического механизма «ассоциаций»... [с. 361].

Следовательно, правильнее было бы сказать, что феноменологически то, что считается свойством объекта, – это лишь одна из самостоятельных чувственных репрезентаций того же самого объекта, а не какого-то его качества, возникающая в «неосновной» модальности. Вводим же мы новое понятие *свойство объекта* наряду с имеющимся понятием *объект* потому, что лишь так можем объединить в своих вербальных моделях разномодальные чувственные репрезентации одного объекта (его образ и вызываемые им ощущения). Мне могут обоснованно возразить, что есть свойства объектов, воспринимаемые нами в «основной» (то есть зрительной) модальности. К ним относятся, в частности, цвет объекта, его яркость, форма и др.

Однако я думаю, что это не противоречит моим представлениям, так как сам зрительный образ можно, по-видимому, рассматривать как максимально «широкую» репрезентацию – гештальт, включающую в себя то, что можно назвать несколькими «зрительными субмодальностями». К последним, в частности, относятся «зрительные ощущения» цвета и яркости. То, что это так и есть, подтверждается, например, возможностью появления у людей со слабым зрением вместо зрительных образов лишь ощущений света разной яркости. Что касается такого свойства, как форма объекта, то оно относится уже к сущностям, моделируемым вербально, хотя и с участием сенсорной модели-репрезентации предмета, и ее мы обсудим позже.

Р. Эйслер (2007) замечает:

> ...то, что мы с полным правом приписываем вещам как их свойства, не только образует составную часть объектов, но и имеет свой корень в вещах, обладает истинной объективностью [с. 156].

Неудивительно, что «свойства (вещей. – *Авт.*) обладают истинной объективностью», так как они (свойства) репрезентируются просто иными перцептивными моделями этой же вещи. Лишь сложившаяся привычка нашего мышления превращает отдельные самостоятельные («не основные» по сравнению со зрительной репрезентацией вещи) ее модели в ее же свойства. В свойства другой, тоже чувственной, но исходно более полной нашей репрезентации той же вещи – ее зрительного образа. Еще раз подчеркну, что понятие о чувственном свойстве объекта возникает потому, что у нас дополнительно к зрительному образу объекта формируются его чувственные репрезентации в иных модальностях, в которых сознание не создает «полноценную» или «завершенную» его репрезентацию. Именно они («дополнительные» чувственные репрезентации того же объекта) расцениваются нами как характеристики его основной репрезентации – зрительного образа, а следовательно, и самого объекта.

В процессе формирования понятий сознание вычленяет, абстрагирует из многих моделей-репрезентаций различных объектов их (объектов) сходные мономодальные

репрезентации, например лимонный запах или сладкий вкус, и создает из них новую психическую конструкцию, репрезентирующую сенсорно то, что принято называть общим свойством этих объектов. Каждая такая собирательная мономодальная сенсорная конструкция становится чувственным значением отдельного понятия: *лимонный, сладкий, бугристый, колючий, холодный, яркий, горький* и т. п. Сенсорная конструкция и соответствующее абстрактное понятие репрезентируют в сознании лишь умозрительную, отвлеченную сущность — некое свойство, приписываемое сознанием всем объектам данного множества.

Такая сущность (свойство) представляет собой психический объект или «псевдообъект». Упрощая, можно сказать, что если чувственным значением объекта, обозначаемого, например, общим понятием *стол*, является собирательная полимодальная модель-репрезентация, состоящая в первую очередь из визуальных образов множества сходных между собой физических объектов — столов, то чувственным значением свойства, обозначаемого, например, понятием *сладкий*, является собирательная мономодальная модель-репрезентация множества разных физических объектов, каждый из которых подобен всем прочим лишь в одном аспекте — во вкусовой модальности.

В литературе широко распространено представление о возможности существования свойств в качестве особых самостоятельных сущностей окружающего мира и соответственно возможности наличия в сознании их репрезентаций в качестве «независимых от объектов» ощущений. М. Мерло-Понти (1999) полагает, например, что:

> ...красное и зеленое — это не ощущения, а ощущаемое... Ощущаемое качество... предстает столь же богатым и столь же неясным, как и сам объект или все воспринимаемое зрелище [с. 11, 26].

Дж. Гибсон (2002а) говорит более определенно:

> Нельзя отрицать, что люди иногда имеют ощущения чисто-голубого цвета, кислого вкуса или чего-то сладкого. По крайней мере, исследователей в психологических лабораториях можно склонить к тому, что у них есть такие впечатления... Но это не значит, что данный тип опыта является первоосновой всего опыта [с. 185–189].

С. Неретина и А. Огурцов (2006) замечают:

> Позиция реализма состоит в том, что свойства считаются существующими реально, образуя конституенты вещей, и столь же реально существует тождество свойств [с. 13].

Однако в окружающем нас мире нет сущностей, репрезентируемых сознанием как ощущения «сами по себе». Нет, например, неприятного запаха, а есть неприятно пахнущий воздух или газ, движение и температуру которого мы часто ощущаем вместе с запахом. В то же время многие уверены, что имеют по крайней мере вкусовые «ощущения вообще». Но и это — лишь заблуждение. Когда мы пытаемся представить ощущение сладкого, например, становится очевидно, что с этим ощущением тесно связаны тактильные ощущения от тающих на языке сахарных крупинок, или конфеты, или чего-то подобного и, возможно даже, зрительные образы соответствующего объекта. Мы просто привыкли, анализируя свои вку-

совые ощущения, игнорировать сопутствующие зрительные образы и тактильные ощущения от слизистой поверхности ротовой полости и языка.

Когда мы представляем себе красный или белый цвет, поначалу может показаться, что это действительно некие «независимые» сущности. Но при внимательном мысленном рассмотрении «красного» за внешним цветом обнаруживается, например, колышущаяся форма полотнища флага, транспаранта, по крайней мере красной поверхности, а за «белым» — образ какого-то шара, стены или иного предмета, то есть мы не имеем зрительного образа представления некоего абстрактного ощущения цвета, а имеем всегда образ представления или воспоминания объекта, включающий в себя цвет в качестве одного из своих элементов.

Итак, ощущений (вообще) и даже представлений ощущений (вообще) нет и не может быть, так как само ощущение — это репрезентация объекта. Есть полимодальная модель-репрезентация объекта, составными частями которой являются репрезентации объекта разной модальности — то, что мы называем его свойствами. Неудивительно, что ощущения, как и образы, всегда интенциональны, так как все они являются чувственными репрезентациями объекта. Ощущения не могут быть «оторваны» от объекта, так же как не может быть оторван от объекта его зрительный образ. Собственно, и образ, и ощущение — это и есть сам (конституированный нашим сознанием) объект. Других объектов просто нет.

Мы воспринимаем и регистрируем в памяти далеко не все свойства объектов, даже доступные нашему восприятию. Мы могли бы, но не замечаем и не дифференцируем те свойства, которые не имеют для нас практического значения. Например, мы не замечаем того, что одна и та же зелень издали более темная, чем вблизи [Г. Гельмгольц, 2002, с. 37]. Наши органы чувств в состоянии смоделировать лишь некоторые свойства объектов. Органы чувств имеют также пределы чувствительности и разрешающей способности, которые не всегда позволяют нам отличить два объекта друг от друга лишь по одному свойству, например по запаху или вкусу, цвету или яркости и т. д. Многие наши ощущения субъективно сходны, а часто просто неразличимы. У нас нет привычки, а самое главное, необходимости различать сходные ощущения, так как нам в большинстве случаев хватает самого факта наличия определенного ощущения.

В связи с этим широко распространено представление о том, что физические объекты имеют одинаковые свойства, которые и ответственны за возникновение у нас одинаковых ощущений. На самом деле у объектов реальности не только нет одинаковых свойств, у них нет и самих свойств, так как свойства объектов, как и сами объекты, конституируются нашим сознанием. Например, в физической реальности нет зеленой или желтой поверхности. Сам «цвет» — лишь субъективная психическая модель, возникающая в сознании в специфической сенсорной модальности, зависящая от человеческой физиологии и не существующая как физическая сущность. Цвет поверхности зависит от характеристик отражаемых ею электромагнитных волн, и очевидно, что никакие две поверхности (даже если бы они были в физической реальности), воспринимаемые нами как абсолютно одинаковые по цвету, не могут отражать абсолютно одинаковый набор бесчисленного множества разных электромагнитных волн, падающих на них, так как сами поверхности отличаются друг от друга по физико-химическим параметрам.

У. Джеймс (2000) цитирует Дж. Милля, который пишет:

> Всякий цвет есть индивидуальный цвет, всякий размер есть индивидуальный размер, всякая форма есть индивидуальная форма. Но две вещи не имеют общего им обеим индивидуального цвета, или размера, или формы, – иначе говоря, у них нет ни общего цвета, ни общего размера, ни общей формы... Единственное, что может быть общего между двумя объектами, есть общее название. Сюртук и сапог оба в той мере черны, в какой мы их называем черными...[с. 69].

У. Джеймс продолжает и дополняет Дж. Милля:

> ...в этом взгляде совершенно упущено из виду то обстоятельство, что согласно ему же нельзя дважды применить одно и то же название. Что означает концепт «то же»? ...Называя два объекта теми же, мы хотим сказать или 1) что при сравнении их между собою мы не обнаруживаем никакой между ними разницы, или 2) что в известных операциях они могут один замещать другой, причем в обоих случаях получится тот же результат [с. 69].

Если, например, рассмотреть под микроскопом или увеличительным стеклом два совершенно одинаковых на вид листа этой книги, даже если просто осветить их ярким светом и поэкспериментировать с углом его падения на лист, окажется, что поверхность одного листа совсем не такая однородно белая, как казалось. На ней вдруг появятся пятна: темные, белые и ярко-белые, а если осветить лист ультрафиолетовым светом, могут появиться и другие различия. Это и неудивительно, так как поверхность, состоящая из множества спрессованных волокон, естественно, отличается даже в двух соседних точках одного листа бумаги и отражает множество световых волн в широком диапазоне, воспринимаемом нами как белый свет. Можно сказать, что из-за особенностей нашего восприятия складываются условия для появления «одних и тех же» свойств у разных объектов в силу сходства наших психических репрезентаций этих объектов. Об идентичности или тождественности физических объектов, возможно, допустимо говорить только на уровне элементарных частиц, и то лишь потому, что мы мало что об этом уровне знаем. На моделируемом сенсорно макроуровне мы всегда имеем дело с разными физическими объектами, хотя многие из них и кажутся нам совершенно одинаковыми.

Есть еще одно обстоятельство, способствующее появлению у объектов одинаковых свойств, – психологическое. Сходные ощущения одной модальности обозначаются одним понятием, что исходно предполагает их идентичность, хотя на самом деле они разные. Например, ощущение гладкости. Гладкая кожа, гладкая фарфоровая чашка, гладкий лист бумаги и т. д. различаются между собой. Однако мы так привыкли не обращать внимания на незначительные различия своих ощущений, что благодаря общему понятию легко объединяем множество сходных ощущений в одно. Так возникает *твердое, холодное, голубое* и т. д. в качестве обозначений якобы сходных неких объективных свойств физических объектов – своего рода инвариант, якобы существующих в физической реальности. Общее понятие заставляет нас считать, что разные объекты с «общим» свойством вызывают у нас одинаковые ощущения, хотя это и не так. Всякое возникающее у человека ощущение уникально, как и любое другое психическое явление. М. Мерло-Понти [1999,

с. 277] пишет, что всякое ощущение является «первым, последним и единственным в своем роде». На то, что ощущения не повторяются, а «повторяется только объект», указывает еще У. Джеймс [2003, с. 159–161].

Вообще-то и объект не повторяется, так как его образ и ощущения, вызываемые им, и есть этот самый объект. Повторяется лишь наша внутренняя модель-репрезентация объекта, извлекаемая всякий раз из памяти. Впрочем, и ее идентичность самой себе лишь субъективна. Мы принимаем за идентичность образа объекта или вызываемого им сейчас у нас ощущения субъективный факт идентификации, факт непроизвольного и непонятного пока по своим механизмам отождествления новых образов восприятия объекта с хранящимися в памяти его образами-воспоминаниями.

У. Джеймс [2003, с. 162] пишет, что лишь из-за нашей небрежности мы приходим к предположению, что и наши идеи об объектах одни и те же. Ни один наш образ или идея не идентичны другим.

> Когда повторяется тождественный факт, мы должны думать о нем по-новому, видеть его под несколько иным углом, постигать его в отношениях, отличных от тех, в которых он появился в предыдущем случае. И процесс, благодаря которому мы узнаем его, есть мысль «о нем в этих отношениях», мысль, слитая с сознанием всего, что мы знали о нем прежде [с. 162].

То, что в литературе обозначается понятием *качество* или *свойство,* естественным образом разделяется по крайней мере на две большие группы явлений. Одни из них (явления сенсорные) считаются «физически присущими объекту» и репрезентируются нам чувственно с помощью ощущений. Другие свойства трудно, а порой и невозможно непосредственно смоделировать сенсорно, и они конституируются вербальным мышлением. Например, особые физические состояния объектов: *хрупкий, больной, старый, тугой* и т. п. Или, например, состояния человека: *спокойный, возбужденный, встревоженный, сонливый* и т. д. Или, наконец, результат сравнения двух объектов, выявляющий отношения между ними: *большой — маленький, высокий — низкий, глубокий — мелкий* и т. п. Мы способны сравнивать сенсорные модели двух и даже большего количества объектов и в процессе такого сравнения улавливать как сходство сенсорных моделей, так и особенности их различий. На основе выявленных между сенсорными моделями различий сознание строит новые, уже вербальные модели-конструкции: *А больше В и С; А — большой,* используя новые понятия — *больше* и *большой.* Так появляются новые оценочные или сравнительные свойства объектов.

С помощью вербального моделирования сложных аспектов реальности и построения вербальных конструкций, превращающихся в значение новых понятий, формируются и другие понятия, обозначающие уже не только сравнительные, но и иные сложные свойства объектов: *горючесть, растворимость, тугоплавкость, электропроводность* и др. Например: *растворимость — это свойство предмета исчезать при погружении его в воду.* Способность сознания делать из наблюдений за окружающей реальностью выводы, представляющие собой модели этой реальности за период времени, позволяет сознанию не просто моделировать реальность, но и открывать в ней новые, недоступные непосредственному чувственному моделированию аспекты.

Элеонора Рош [E. Rosch, 1978, с. 41–42] отмечает, что признаки объектов, которые изначально рассматривались как «объективно существующие в окружающем мире», в последующем уже не оценивались так. Например, некоторые атрибуты, такие как «сиденье» для «стула», не могли быть значимыми для тех, кто не знает, что такое стул. Такие признаки, как «на нем едят», для объекта «стол» были функциональными и требовали знаний о людях, их действиях и реальном мире для того, чтобы понимать их. Оказалось, что выделение признаков объектов является сложной деятельностью, способность осуществлять которую появляется у испытуемых только после образования системы категорий.

Существует множество свойств предметов, которые являются результатом построения сознанием специальных вербальных конструкций. Например: *глубокий — тот водоем, высота столба воды в котором от поверхности до дна больше, чем в других водоемах, с которыми он сравнивается; квадратный — располагающийся на плоскости и имеющий четыре равные стороны и угла; тугоплавкий — объект, переходящий в жидкое состояние при большей температуре, чем другие, сходные с ним объекты,* и т. д. и т. п. Такого рода свойства (признаки) требуют для своего формирования предварительных мыслительных операций — умозаключений, а потому могут рассматриваться как весьма условно существующие непосредственно в физическом мире.

Наряду с сенсорно моделируемыми свойствами зерен риса, например *белый, безвкусный, твердый* и т. д., существуют еще и другие их качества, моделируемые вербально, хотя исходно тоже на чувственной основе: *легкий, маленький, сырой, рассыпчатый, всхожий, засухоустойчивый* и т. д. Например, значением понятия *засухоустойчивый* может быть такая вербальная конструкция: *дающий всходы, устойчивые по отношению к недостатку атмосферных осадков.*

У. Эко (2005) пишет:

> «Быть стекловидным» — это некое качество, но реагировать определенным образом на определенные стимулы — это нечто более похожее на поведение или на последовательность фактов, подтверждающих некую гипотезу [с. 317–318].

Иными словами, некоторые качества, моделируемые с помощью вербальных конструкций, даже более похожи на изменения объектов (их действия) или «поведение» объектов, по терминологии автора.

М. Коул и Сильвия Скрибнер [1977, с. 126–127] отмечают, что, согласно Дж. Брунеру, в ходе развития понятий ребенок переходит от одних свойств предметов, которыми он пользуется как основой для определения их сходства (авторы называют это свойством-критерием), к другим. Очень маленькие американские дети склонны считать предметы тождественными на основе их перцептивных свойств, таких как цвет, величина, форма или расположение. По мере интеллектуального развития происходит ослабление доминирования перцептивных свойств и ребенок начинает строить классификацию на основе функциональных качеств, например на основе того, что могут делать данные предметы или что может с ними делать человек.

Ребенок начинает также подводить предметы под общее название класса, постепенно приближаясь к «настоящим понятийным группировкам», в основе

которых лежит какое-то одно общее свойство всех предметов, входящих в данный класс. Это тоже неудивительно, так как у ребенка начинают формироваться понятия, обозначающие свойства объектов, в качестве значений которых выступают уже не чувственные модели-репрезентации, а вербальные конструкции, репрезентирующие то, что могут делать данные предметы, или то, что может с ними делать человек.

Итак, многие свойства объектов, которые, как принято считать, мы воспринимаем потому, что они присущи объектам, представляют собой созданные человеческим сознанием психические конструкции, конституирующие особые абстракции, которые принято рассматривать как свойства объекта.

2.7.3. Сущность движения и его восприятие

Вопрос: *существует ли движение*[1]*?* — любой «здравомыслящий» человек воспримет с усмешкой. А. Н. Чанышев [1981, с. 145] между тем напоминает, что еще Зенон высказывал сомнение в реальности движения. Э. Кассирер (2002) тоже замечает:

> Для мышления, которое, подобно мышлению элеатов, ориентируется исключительно на абсолютное бытие, стремясь в нем застыть, летящая стрела *покоится,* ибо ей в каждое неделимое «сейчас» всегда соответствует одно-единственное, однозначно определенное и неделимое «место» [с. 34].

В. В. Миронов и А. В. Иванов (2005), обсуждая сомнения античных и более поздних философов в наличии движения, пишут:

> ...вряд ли философы отрицали движение как таковое, но безусловно, что они ставили под сомнение его всеобщность, а главное — возможность логического обоснования движения. ...По разным источникам, в качестве участника указанной ситуации, отрицавшего движение путем хождения, был *Диоген Синодский.* Гегель отмечает, что его опровержение (как и вообще опровержения подобного типа) является вульгарным...

Авторы (2005) цитируют Гегеля:

> Что существует движение, что оно есть явление, это вовсе и не оспаривается; движение обладает чувственной достоверностью, оно существует, подобно тому как существуют слоны; в этом смысле Зенону и на ум не приходило отрицать движение. Вопрос здесь идет о его истинности, —

---

[1] *Движение.* 1. Любое изменение в положении организма или одной, или более его частей. ...Перемещение массы [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 212].

...Понятие процессуального феномена, охватывающего все типы изменений и взаимодействий [Новейший философский словарь, 1998, с. 198].

...*Объективное* или *физическое движение* это изменение положения тела в пространстве относительно некоторой системы отсчета, принимаемой за неподвижную, например, относительно поверхности Земли или стен комнаты [В. В. Любимов, 2007, с. 256].

и заключают:

> Исходя из логической противоречивости движения, Зенон действительно делал вывод о том, что движение не обладает истинным бытием [с. 119–120].

Является ли все же движение элементом физического мира, как принято считать? Если оно является атрибутом физического мира, то оно должно присутствовать в *настоящем* физической реальности. Так же, например, как объект (или «элемент реальности в себе») присутствует в ней. *Если движения нет в настоящем физической реальности, то где же оно есть? Сколько длится настоящее в физической реальности?* Данные вопросы не такие уж бессмысленные, как может показаться на первый взгляд.

Очевидно, что ответ целиком и полностью зависит от нашей точки зрения. Если мы будем считать, что настоящее длится, например, целую секунду, тогда движение появится как элемент физической реальности. *А если настоящее длится лишь доли секунды, или доли миллисекунды, или в миллиард раз более короткий период времени? Есть ли тогда физическое движение? Может быть, можно тогда сказать, что физический мир просто скачкообразно переходит из одного настоящего в следующее, изменяясь при этом, и никакого привычного нам физического движения в этом мире нет? И есть что-то иное? Раз продолжительность настоящего явно зависит от нашей точки зрения, следовательно, настоящего нет как физической сущности и это лишь конструкция нашего сознания, которая может быть нами произвольно изменена?*

Восприятие движения требует пребывания физического мира сразу хотя бы в двух последовательных состояниях, позволяющих одновременно смоделировать его в эти моменты и уловить различие между моделями, которое собственно и конституирует движение как таковое. Но в физической реальности есть только один момент времени — *настоящее,* так как прошлого в нем уже нет, оно ушло, а будущего нет еще. В следующий момент времени вновь появляется новое настоящее. *Где же тогда находятся эти два разных последовательных состояния воспринимаемого мира?* Очевидно, что они находятся в сознании наблюдателя. Только там могут одновременно присутствовать прошлое и настоящее.

Вернемся к вопросу: *сколько времени физический мир существует в неизменном состоянии?* Или — *за какое время он успевает измениться?* Следует принять, что продолжительность физического настоящего стремится к нулю, так как мир постоянно меняется на микроуровне. Представляется логичным или хотя бы привычным, что, впрочем, не обязательно верно, рассматривать процесс существования и изменения физической реальности в виде бесконечного множества ее состояний, отличающихся друг от друга, условно говоря, на один перескок электрона на новую орбиту атома или на излучение одного кванта во Вселенной. Каждое такое состояние только и должно быть рассмотрено в момент своего существования как *физическое настоящее* мира. В следующем *настоящем* физическая реальность уже просто несколько иная.

Тогда естественным образом возникает вопрос о справедливости сомнений философов в существовании движения. Правда, заявляя об «исчезновении»

движения, мы можем уподобиться физикам, которые в первой половине прошлого века «обнаружили» «исчезновение материи». Такой подход столь же умозрителен и, возможно, даже не вполне адекватен, как, например, попытка дополнить экологические модели воспринимаемых нами предметов моделями их микроструктуры, то есть не нужно путать плоскости анализа проблемы. Абстрактную физическую реальность следует рассматривать на абстрактном вербальном уровне, тогда как воспринимаемый чувственно физический мир — на уровне его сенсорных моделей. И даже если в первом мире, репрезентируемом абстрактными вербальными конструкциями, движения в привычном нам понимании действительно нет, как заметили еще античные авторы, то в окружающем нас чувственно моделируемом мире мы имеем дело с чувственно воспринимаемым движением.

И в этом втором мире имеет смысл обсуждать и движение, и предметность (вещность) этого мира, и его «психологическое настоящее», которым можно считать, по-видимому, «порог нерасчлененной длительности»[1], так как мир этот конституируется нашими чувственными моделями и существует в виде их. Чувственно моделируемое движение — явление того же порядка, что и чувственно моделируемые вещественные предметы, которые мы воспринимаем сенсорно, несмотря на свои знания о том, что на микроуровне нет ни вещества, ни материи, а есть лишь, как образно сказал Б. Рассел [1999, с. 290], «сложные системы волновых движений». Следовательно, необходимо различать то, что репрезентируется нашим сознанием чувственно в виде движения, и то, что понятие *движение* представляет собой, будучи репрезентируемым в форме наших вербальных конструкций.

Обращает на себя внимание то, что имеющаяся у нас чувственная репрезентация движения довольно странная. Она, например, репрезентирует в качестве движения не только то, что действительно является движением в физическом смысле, но и то, что движением вовсе не является или является движением иных объектов, а не того объекта, движение которого мы видим. Дж. Гибсон [1988, с. 36] подчеркивает, что воспринимаемые нами изменения — движения, влияющие на наше поведение, — никогда не протекают ни слишком медленно, ни слишком быстро. Он указывает на разницу между процессами, протекающими в физическом мире на макро- и микроуровнях, с одной стороны, и в окружающем человека мире на экологическом уровне — с другой. В первом случае они могут продолжаться от миллионов лет на уровне галактик до миллионных долей секунды на уровне атома. Во втором — от годов до секунд. Д. С. Деннет (2004) тоже напоминает, что:

> ...от природы наше сознание приспособлено иметь дело только с изменениями, протекающими с определенной скоростью. События, происходящие быстрее или медленнее, просто невидимы для нас. Фотография была техническим изобретением... позволив нам представлять интересующие нас события в формате и темпе, приспособленном к нашим органам чувств [с. 148–149].

---

[1] Порог нерасчлененной длительности... то физическое время, в течение которого может быть предъявлено некоторое количество стимулов, которые воспринимаются как некая целостность [А. Н. Гусев, 2007, с. 248].

О том же пишет Х. Шиффман (2003):

> ...можно сказать, что существуют как нижний предел порога — минимальная обнаруживаемая скорость, ниже которой движение не воспринимается (Bonnet, 1982), так и верхний предел порога — максимальная обнаруживаемая скорость, выше которой движение также не обнаруживается (Burr & Ross, 1982) [с. 319].

Человек не в состоянии заметить эрозию горы, рост цветка или каждое движение крыла насекомого. Репрезентируемые нами сенсорно изменения окружающего касаются главным образом взаимного расположения объектов в пространстве и их внешней структуры. То, что объекты непрерывно и в разных аспектах меняются, нашему восприятию также просто недоступно. Значит, психика репрезентирует движение в очень узком диапазоне. Чтобы быть воспринимаемыми человеком, движения или изменения объекта должны укладываться в некие рамки. Выходящих за пределы этого диапазона изменений физической реальности для нашего сенсорного психического репрезентирования просто нет.

Сенсорно репрезентируемый человеком окружающий его физический мир, в том числе и репрезентации движений и даже продолжительность самой репрезентации *физического настоящего,* определяются особенностями элементарных психических феноменов, в том числе и продолжительностью существования последних, потому что сам окружающий предметный мир существует для нас лишь в виде наших собственных чувственных его репрезентаций. Следовательно, он не может быть независимым от психических феноменов, в которых он нам и репрезентирован. Важнейшее влияние на него оказывает поэтому и длительность мгновенных образов восприятия, репрезентирующих одновременно в одном условном «срезе» сознания то, что как бы еще существует в окружающем предметном мире, и то, что уже существует в нем. Если бы не эта способность сознания одновременно удерживать по крайней мере две последовательные репрезентации предмета, мы не могли бы воспринимать того, что считаем физическим движением.

Обсуждая в единицах измерения времени продолжительность отрезка времени, который можно обозначить понятием *сенсорное* (или *психическое*) *настоящее,* следует, по-видимому, говорить о десятых долях секунды. Сошлюсь на сообщение А. Н. Гусева [2007, с. 241] об исследованиях Дж. Страуда и Р. Эфрона, показавших, что «минимально воспринимаемый квант одновременности двух событий» составляет 60–100 мс. По другим данным (С. Корен, Л. Вард, Дж. Эннс [цит. по: А. Н. Гусев, 2007, с. 241]), он колеблется в зависимости от выполняемой задачи от 25 до 150 мс.

Мы привыкли считать, что наша сенсорная модель движения иллюстрирует существующую в физике вербальную конструкцию, раскрывающую понятие *физическое движение,* так как сама физика, да и наука вообще, была построена на основе человеческого восприятия. Тем не менее существуют различия между так называемым «физическим» и «воспринимаемым» движением, а по сути дела, между вербальным и сенсорным значениями понятия *движение.* А. Н. Гусев (2007) пишет:

> Вслед за Г. Уоллахом укажем на одно кардинальное отличие физического движения от движения воспринимаемого... С точки зрения физики движение — это перемещение одного объекта относительно других объектов. Движение — атрибут системы отсчета. Из этого следует, что мы сами должны определить, какой объект движется,

> а какой неподвижен. В отличие от физического зрительно воспринимаемое движение лишено подобной относительности — оно является атрибутом самого движущегося объекта... При отсутствии данного воспринимаемого нами свойства мы видим его неподвижным. Таким образом, с точки зрения воспринимающего субъекта, движение и отсутствие движения — это абсолютные свойства, присущие объекту, которые представлены в нашем субъективном перцептивном пространстве. Мы особенно ярко переживаем это, как только ранее неподвижный объект начинает двигаться. Естественно, что мы осознаем, что наблюдаемый нами движущийся объект смещается в нашем поле зрения относительно других объектов, но такое осознание относительности его перемещения не делает ее отличительной особенностью самого движения, она остается свойством самого движущегося объекта [с. 237].

Обсуждая «физическое движение», которое является «атрибутом системы отсчета», автор использует вербальное значение понятия *движение* — выстроенную физиками вербальную конструкцию: *движение — это перемещение одного объекта относительно других объектов.* При рассмотрении же «движения воспринимаемого», которое является «атрибутом самого движущегося объекта», автор анализирует уже сенсорную репрезентацию движения. В результате обнаруживается «кардинальное отличие физического движения от движения воспринимаемого».

Однако дело не в том, что существуют якобы две разные формы движения (физическое и воспринимаемое), а в том, что в сознании существуют две разные психические репрезентации движения. В воспринимаемой нами физической реальности есть только движение воспринимаемое. Движение же «физическое» возникает как результат построения человеком новой, уже вербальной конструкции, моделирующей сущность движения. Кстати, в результате построения дополнительных вербальных конструкций движение «воспринимаемое», в свою очередь, распадается на движение «истинное» и движение «ложное».

Для нас сейчас важно не столько даже попытаться немедленно ответить на вопрос, есть ли «физическое» движение в «реальности в себе», сколько два других обстоятельства. Первое: при попытке обоснования наличия движения в физической реальности у исследователей возникают сомнения в том, что оно есть там в привычной для нас чувственно репрезентируемой форме. Второе: движение тем не менее обладает для нас, как указывает Г. Гегель [1993, с. 276], неоспоримым «чувством достоверности». *Что стоит за этим «чувством»?* Чтобы ответить, надо понять, что собой представляет сенсорная репрезентация движения.

В. В. Любимов [2007, с. 257] указывает, что «видимым или феноменальным движением» называют впечатление или переживание наблюдателем движения объекта. Следовательно, движение — это субъективное переживание наблюдателя, воспринимающего объект. Видимое движение разделяется на реальное и иллюзорное. «Реальным движением» называют феноменальный, или субъективный, коррелят физического движения предмета, а иллюзорным — кажущееся движение объективно неподвижного предмета. Таким образом, и в том и в другом случае мы имеем психическую репрезентацию движения, но во втором случае нет «объективного» движения предмета. Вспоминаются слова В. П. Зинченко (2007):

> Задача преодоления абстракции «простого движения» (выражение Ф. Е. Василюка), преодоления взгляда на живое движение как на материальное, механическое, непсихологическое все еще стоит перед психологией. Без ее решения целостность нашей науки не может быть достигнута [с. 802].

Возникают новые вопросы. *Следует ли различать движение физическое и психическое восприятие движения? Чем различаются «реальное движение» и «движение иллюзорное» в феноменологическом смысле? Можно ли говорить, например, об образе восприятия движения по аналогии с образом восприятия объекта? Если да, то какова его продолжительность?*

При изучении восприятия движения необходимо учитывать, что перцептивные эффекты могут быть обусловлены как физическими, так и психологическими и даже физиологическими причинами[1], которые следует рассматривать отдельно друг от друга.

Кратко коснемся некоторых психологических аспектов восприятия движения. В. В. Нуркова (2006) пишет:

> Если бы мы не обладали сенсорным регистром, мир представлял бы для нас последовательность не связанных между собой изображений (перерывы восприятия, связанные с морганием и саккадическими скачками глаз, приводили бы к забвению предшествующей информации) и разорванных звуков (слуховой сенсорный регистр позволяет опознать слова как осмысленные комплексы). Сенсорный регистр — это сверхкратковременное прекатегориальное хранилище информации очень большого объема. В сенсорном регистре информация сохраняется от 250–500 мс (зрительная) до 2 с (слуховая) [с. 138].

По мнению П. Линдсея и Д. Нормана (2007), существует три разных типа памяти:

> ...непосредственный отпечаток сенсорной информации[2], кратковременная и долговременная память. ...Непосредственный отпечаток сенсорной информации... удерживает довольно точную и полную картину мира, воспринимаемую органами чувств. Длительность сохранения картины очень невелика, порядка 0,1–0,5 с [с. 276].

Авторы предлагают провести простой опыт:

> Поводите карандаш (или просто палец) взад и вперед перед глазами, глядя прямо перед собой. Обратите внимание на расплывчатый образ, следующий за движущимся предметом. Эта последняя иллюстрация — самая важная... [с. 276–277].

Действительно, нетрудно обнаружить «непосредственный отпечаток», точнее, «отпечатки» пальца. Эти иконические образы явно участвуют в восприятии движения нашего пальца. Сущность иконического образа сегодня не определена феноменологически. Неясно, что это: инерционный образ восприятия или очень быстро возникающий образ воспоминания.

П. Линдсей и Д. Норман [1974, с. 316–321] напоминают о классических экспериментах Дж. Сперлинга, предъявлявшего испытуемым на 50 мс карточки, содержащие девять букв, расположенных в три строки по три буквы в каждой. И констатируют, что данные эксперименты продемонстрировали факт сохранения в иконическом образе практически всех 9 букв, которые, однако, в течение 100–500 мс стираются. В итоге через 500 мс в памяти сохраняется максимум 4–5 из 9 букв.

---

[1] К физиологическим причинам, например, относится исчезновение образа восприятия при фиксации положения объекта по отношению к сетчатке.

[2] Иконическая (по У. Найссеру (1981)) и эхоическая память.

Опыты Дж. Сперлинга и многие другие эксперименты свидетельствуют об очевидной способности нашей психики сохранять образы восприятия той реальности, которая уже стала прошлым, при одновременном или практически одновременном по субъективному ощущению восприятии той, которая еще является настоящим. Для того чтобы появилось восприятие движения, сознание должно сопоставлять не менее двух, а скорее даже больше мгновенных визуальных образов, возникающих со строго определенным интервалом между окончанием первого и возникновением второго и даже, возможно, между возникновением первого и возникновением второго.

Восприятие плавного, без разрывов движения объекта возникает только в том случае, если время между появлением в сознании последовательных незначительно отличающихся друг от друга образов восприятия объекта не превышает какой-то определенной критической величины. Вероятно, она близка к 20–40 мс, так как это соответствует скорости смены 25–50 кадров фильма за секунду, но зависит в том числе от особенностей воспринимаемого объекта. Б. М. Величковский [2006, с. 200] сообщает, как уже отмечалось выше, что звуковой сигнал длительностью 10 мс имел «инерцию» 110 мс, а длительностью 100 мс — только 20 мс.

Если возник один мгновенный образ восприятия объекта, то восприятия движения объекта, естественно, нет, как и в случае возникновения субъективно одинаковых мгновенных образов объекта. Если возникают повторные, но минимально отличающиеся друг от друга мгновенные образы восприятия, то появляется восприятие движения. Как отмечает И. Рок [1980, с. 203], восприятие движения относится к впечатлениям «все или ничего». Объект кажется либо движущимся, либо неподвижным.

Воспринимаемые движения объекта могут быть либо адекватными — в случае нерезких различий между мгновенными перцептивными образами, либо странными, нелепыми и даже хаотичными — при резких различиях между последовательными образами. Из сказанного следует, что можно говорить об условиях, необходимых для появления восприятия непрерывного естественного движения. К ним необходимо отнести:

- возникновение более 25 мгновенных образов восприятия объекта в секунду;
- образы эти должны репрезентировать тот же или очень похожий объект;
- они должны различаться минимально;
- они должны репрезентировать привычные нам последовательные формы изменений объектов, то есть соответствовать имеющимся в нашей памяти моделям-репрезентациям движений соответствующих объектов.

В целом условия, необходимые для появления восприятия естественного движения, должны, видимо, соответствовать тем, которые возникают при демонстрации кинофильма.

Искусственно созданные самим человеком условия демонстрации кинофильма хорошо понятны и изучены. Они вызывают появление у зрителей иллюзий движения, которые обусловлены возникновением психических репрезентаций движения. Следовательно, именно эти условия вызывают появление у человека психических

репрезентаций движения объекта. «Иллюзорное»[1], «ложное движение» или «иллюзии движения» известны давно. Р. Л. Грегори [1970, с. 476] пишет, например, о том, что об «эффекте водопада» знал еще Аристотель. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. [2007, с. 197–198] сообщают, что явление стробоскопического движения продемонстрировал в 1912 г. в своих исследованиях М. Вертхаймер, а индуцированное движение в 1929 г. — К. Дункер. Е. Е. Соколова [2005, с. 141] отмечает, что «фи-феномен» назван так М. Вертхаймером и что, кроме феномена «фи-движения», в исследованиях 1912 г., проведенных М. Вертхаймером, В. Келером и К. Коффкой,

> ...были открыты еще и феномен «чистого движения» (когда кажется, что полоски стоят на месте, а между ними происходит движение какого-то объекта, но какого — неизвестно), и явление «частичного движения» (когда кажется, что движутся оба объекта: только первый из начального положения — куда-то к середине, а второй — откуда-то из середины в свое конечное положение и т. п.) [с. 441].

Самым известным фактом и доказательством существования ошибочного восприятия движения объекта там, где на самом деле его нет, является кино, основанное на феномене «стробоскопического движения», возникающего при быстрой смене неподвижных картин. Данный феномен заключается в том, что мы воспринимаем в виде непрерывно движущегося объекта последовательно предъявляемые на экране картинки, изображающие этот неподвижный объект, если картинки немного отличаются друг от друга и предъявляются нам с определенной частотой.

Соответственно можно предположить, что при восприятии естественного движения окружающих нас объектов и нашего собственного тела, вероятно, в сознании возникает тоже не менее 25 мгновенных визуальных образов восприятия в секунду, поэтому разрывов в воспринимаемых движениях окружающих объектов не происходит. Наличие многообразных видов иллюзорного движения неоспоримо доказывает, что по крайней мере в части случаев воспринимаемое нами движение — это сложный психический феномен, а не нечто физически существующее в какой-то конкретный момент в окружающей нас реальности.

Исходя из факта наличия восприятия ложного движения, можно, по-видимому, сделать вывод, что изменения физической реальности, репрезентируемые сознанием в форме движения объекта в данный конкретный момент времени, представлены только в самом нашем сознании. Это обеспечивается тем, что

---

[1] В. В. Любимов [2007, с. 257–258] сообщает, что «иллюзорным движением» называют кажущееся движение объективно неподвижного предмета, и выделяет четыре класса иллюзий движения, хотя отмечает, что их существует гораздо больше: 1) автокинез — видимое движение физически неподвижного объекта, предъявляемого в условиях гомогенной оптической среды; 2) индуцированное движение — кажущееся движение физически неподвижного объекта, предъявляемого в паре с движущимся объектом, при этом реальное движение частично или полностью не замечается наблюдателем; 3) стробоскопическое движение — впечатление непрерывного движения объекта, возникающее при нескольких дискретных предъявлениях разных изображений неподвижного объекта; 4) авторэффект, или иллюзия водопада, — впечатление движения в обратную сторону горизонтальных полос, которые сначала непрерывно двигались вниз, а затем внезапно остановились.

в сознании (и только там) могут одновременно присутствовать и прошлая, и настоящая репрезентации окружающей реальности в виде мгновенных образов воспоминания и восприятия одного и того же ее аспекта. Именно совместное пребывание в сознании репрезентации того, что только что было воспринято, и репрезентации того нового, что еще воспринимается, и обеспечивает феномен сенсорного моделирования не только того, что принято называть *движением*, но и того, что мы называем *временем.*

Репрезентации изменений окружающей реальности, рассматриваемые нами как движения объектов, существуют лишь в нашем субъективном «психическом настоящем». Воспринимаемые нами изменения окружающего мира явно выходят за пределы «физического настоящего реальности в себе», захватывая ее «физическое прошлое». Следовательно, особенности нашего сенсорного моделирования создают у нас специфическую репрезентацию окружающего мира, по меньшей мере не вполне соответствующую «реальности в себе». Мгновенные образы восприятия окружающего возникают в сознании одновременно с мгновенными иконическими образами только что воспринятого окружающего, что делает только что ушедшую и навсегда исчезнувшую физическую реальность элементом нашего «психического настоящего». Такую форму репрезентации физической реальности обеспечивают последовательности мгновенных образов восприятия и воспоминания одних и тех же изменяющихся элементов физической реальности, присутствующие в сознании если не совместно, то по крайней мере с субъективным ощущением одновременности их наличия.

Это позволяет сознанию сконструировать и «ухватить» чувственно процесс и факт движения. Именно феноменология наших психических явлений, а конкретно последовательности изменяющихся мгновенных образов объекта, субъективно ощущаемые в качестве присутствующих в «психическом настоящем», позволяют сознанию «сконструировать» и сенсорно «зафиксировать» даже такое движение объекта, которого в физической реальности может и не быть вовсе.

Из факта наличия в сознании сенсорной модели движения совсем не следует, что ее прототип существует в данный момент в воспринимаемой физической реальности. Так же, как из восприятия красного цвета отнюдь не следует, что этот красный цвет находится там, где мы его видим. Можно сказать, что наша психическая модель движения объекта в физической реальности совершенно явно включает в себя то, чего там уже нет, а следовательно, наша психика в данном случае репрезентирует нам нечто большее, чем то, что существует в окружающем нас мире в каждый настоящий – единственно только и наличествующий в физическом мире момент.

Следует ли из этого факта, что движения нет в физическом мире? Из него скорее следует, что наши представления о физическом движении и о времени нуждаются в серьезном пересмотре. В связи с этим интересно высказывание Дж. Гибсона (1988):

> ...у так называемого оптического движения настолько мало общего с физическим движением, что его не следует даже называть движением. Каким же образом оптическое возмущение соотносится с задаваемым им событием в окружающем мире и есть

> ли между ними вообще хоть какое-нибудь соответствие? Такое соответствие есть, и оно имеет вид последовательной упорядоченности. Начало и конец возмущения в строе в точности совпадают с началом и концом события в окружающем мире. Если события одновременны, возмущения тоже одновременны [с. 166].

Для нас важно то, что благодаря своим сенсорным репрезентациям движения мы видим то, чего на самом деле нет в воспринимаемом нами настоящем физической реальности. Точнее, воспринимаемое нами настоящее окружающего мира не соответствует настоящему «реальности в себе». Данный факт трудно понять и еще труднее принять, тем более что именно способность психики создавать развернутые в субъективном времени репрезентации обеспечивает эффективную адаптацию живых существ к окружающему миру. Однако нам необходимо все же понимать отличия своих психических репрезентаций физической реальности от самой физической «реальности в себе» и тот факт, что мы воспринимаем не настоящее физической реальности, как до сих пор принято считать, а ее недавнее прошлое и настоящее в виде единого целого. И восприятие это к тому же часто сопровождается даже прогностическими представлениями ее будущего.

2.7.4. Модели движений

Параллельно с формированием моделей-репрезентаций объектов и их свойств у ребенка формируются и чувственные психические конструкции, моделирующие типичные изменения знакомых объектов — разные варианты их движений и действий ребенка с ними. Модели-репрезентации объектов сами по себе изменчивы, а не статичны, так как объекты, которые они моделируют, постоянно меняются. Для того чтобы возникла модель-репрезентация определенного движения объекта, сознание должно интериоризировать из объективной психической реальности специальное понятие и сгруппировать соответствующие чувственные репрезентации изменений объекта и даже сходных объектов.

Модель-репрезентация специфического движения объекта отличается феноменологически от модели-репрезентации того же объекта тем, что последняя представляет объект в самых разных состояниях, тогда как в первой объект представлен лишь в виде сходных, повторяющихся, а главное — последовательных стадий своих определенных изменений. Другими словами, если в модель-репрезентацию объекта *лошадь* входят, например, множество визуальных образов разных лошадей, которые стоят, идут, лежат, бегут и т. д., то в модель-репрезентацию конкретного движения данного объекта, обозначаемого, например, понятием *бежит* (лошадь), включены только образы воспоминания и представления определенного собирательного движения — бега (лошади). Причем образы воспоминания и представления репрезентируют именно бег лошади, а не иные ее движения. Модель-репрезентация определенного движения лошади отличается от модели-репрезентации лошади именно четкой последовательностью чередования строго определенных изменений образов лошадей.

Следовательно, модель-репрезентация движения объекта — это лишь особый вариант модели-репрезентации самого этого изменяющегося во времени объекта. И сенсорными значениями таких понятий, как *идет, бежит, лежит* и т. д. (лошадь), являются варианты модели-репрезентации того же самого объекта — лошади. Сенсорным же значением общего абстрактного понятия, обозначающего специфическое движение вообще любого объекта, например: *идет, бежит, лежит* и т. д. (объект), являются собирательные психические конструкции, включающие в себя модели-репрезентации множеств объектов (людей, собак, лошадей, кошек и т. д.), совершавших соответствующие действия. Сенсорным значением понятия *едет* является, например, психическая конструкция, включающая в себя множество моделей-репрезентаций объектов, которые движутся по поверхности чего-либо на машинах, катерах, животных и т. д.

Мы говорили до сих пор о сенсорных моделях движений, но существуют и вербальные конструкции, описывающие специфические движения определенных объектов. Эти конструкции являются вербальными значениями соответствующих понятий, обозначающих данные движения.

Дж. Брунер (1981) замечает:

> Сначала ребенок знает свой мир главным образом благодаря тем привычным действиям, с помощью которых он управляется с этим миром. Со временем мир оказывается представленным ему еще и в образах, сравнительно свободных от действий. Постепенно формируется дополнительно еще один новый и мощный путь: перевод действия и образа в языковые средства, что создает третью систему представления. Каждый из трех способов представления — действенный, образный и символический — отражает события своим особым образом [с. 87–88].

Если «третий» путь есть все основания выделять особо, то разделять первые два, с точки зрения психической феноменологии, особых оснований нет. Брунеровское «действенное представление» — это не что иное, как совокупность чувственных восприятий, возникающих в процессе нашего действия с объектом. Тогда как брунеровские «образные представления» — это те же чувственные восприятия, возникающие в процессе наблюдения за объектом, а не непосредственного взаимодействия с ним. Однако само наблюдение — лишь вариант взаимодействия. Образ изменяющегося или движущегося предмета — даже более естественная и привычная сенсорная репрезентация предмета, чем образ предмета, находящегося в покое. И тем не менее что-то заставляет вернуться к мысли Дж. Брунера. Он (1981) продолжает:

> Например, если речь идет об узле, то мы научаемся его завязывать, и когда заявляем, что уже «знаем» его, то подразумеваем под этим, что у нас есть привычная структура усвоенного нами действия. Навык, с помощью которого мы представляем себе данный узел, есть организованная последовательность действий, управляемых некоторой схемой, скрепляющей разрозненные сегменты воедино. Здесь решающее значение имеет тот факт, что в этом случае объект оказывается представлен индивиду через посредство действия. Презентация же в плоскости образов состоит в следующем. Это картина рассматриваемого узла в конечной фазе, или на одном из промежуточных этапов завязывания, или даже динамическая картина завязывания узла. Следует сказать, что (хотя это и само собой разумеется) для выполнения действия вовсе не обязательно иметь перед собой или в голове его картину [с. 88].

Теперь понятно, что Дж. Брунер, говоря о так называемом «действенном представлении», имеет в виду все же нечто иное и весьма важное. Он имеет в виду последовательность сенсорных конструкций, репрезентирующих изменяющийся в процессе взаимодействия с человеком объект и состояние человека, изменяющееся в процессе выполнения определенного действия с объектом. Эта последовательность включает в себя не только визуальные, тактильные и акустические образы взаимодействующих объекта и человеческого тела, но и модель-репрезентацию внутреннего состояния тела человека в процессе выполнения данного действия с объектом.

Такие сенсорные конструкции не просто репрезентируют состояние человека и объекта в процессе их взаимодействия, но и обеспечивают в последующем выполнение аналогичного действия, так как определенные их «блоки» запускают соответствующие необходимые стереотипные моторные ответы — движения, представляющие собой элементы сложного действия. Каждому формирующемуся движению ребенка соответствует сложная совокупность интероцептивных и экстероцептивных ощущений и образов, всякий раз повторяющихся при выполнении определенного движения или действия с объектом. В результате к моменту усвоения ребенком двигательного навыка у него возникают сенсорные модели-репрезентации собственного тела и объекта как в состоянии покоя, так и в процессе разных действий с объектом. Формирование таких конструкций в процессе научения ребенка определенным движениям и действиям представляет собой обучение этим движениям и действиям. Появление у ребенка связей между сенсорными конструкциями, репрезентирующими ему его собственное тело и изменения тела в связи с изменениями определенного объекта, с одной стороны, и соответствующими им моторными реакциями, с другой стороны, и есть то, что называют формированием двигательного навыка.

«Типовые» сенсорные конструкции, включающие в себя зрительные образы и множество интероцептивных ощущений, моделируют наше тело в состоянии покоя, а также в процессе разнообразных привычных движений и действий. Такие психические конструкции участвуют в регуляции всех движений и действий, особенно автоматизированных навыков. Их трудно вербализовать, то есть выразить словами, но они вполне узнаваемы для нас сенсорно. Печатая, например, текст на компьютере, я периодически ловлю себя на том, что моя рука непроизвольно двигается по клавиатуре к изображению очередной буквы, слуховой образ которой возник в моем сознании.

Это выглядит так, как будто имеющий навыки печати человек обладает, как полагают многие авторы (см., например: Когнитивная психология памяти, 2005), «имплицитной» памятью и якобы на бессознательном уровне «знает», где именно находятся определенные буквы на клавиатуре компьютера. На самом деле это не «знание», а рефлекторная двигательная реакция, возникающая в ответ на появление в сознании слухового образа представления буквы при одновременном наличии в сознании визуального образа восприятия клавиатуры.

Человек на чувственно-двигательном уровне «знает» также, где находятся разные части его тела, где находится земля и как взять рукой объект или пнуть ногой мяч. Причем это мышечное, процедурное, операционное или практическое «знание» тела, реализуемое в форме необходимого движения, плохо рефлексируется и плохо

понимается нами. Несмотря на это, специфические образы немедленно запускают нужное «типовое» действие. Мы не можем выразить это свое процедурное «знание» вербально и даже более или менее четко его себе представить, что порождает вопрос: *а «знание» ли это?* По сути дела, это усвоенные нами условные рефлексы — двигательные реакции, возникающие при появлении в сознании строго определенных сенсорных конструкций, преимущественно кинестетически-проприоцептивных, но включающих в себя и визуальные, и слуховые, и тактильные образы. В большинстве своем они формируются еще в детстве в процессе усвоения нами привычных движений и их автоматизации.

М. Мерло-Понти (1999) так пишет об этом:

> ...если меня просят коснуться моего уха или колена, я подношу к ним руку по самому короткому пути, и для этого мне не нужно представлять себе исходную позицию руки, позицию уха и маршрут оттуда досюда. ...При усвоении навыка «понимающим» является тело. ...Понимать — значит чувствовать согласие между тем, чего мы добиваемся, и тем, что дано, между намерением и осуществлением... [с. 193].

Указанное действие было автоматизировано у автора еще в раннем детстве и совершается им без раздумий и самым эффективным способом. Можно привести и другой пример. Мы постоянно испытываем множество внутренних ощущений, особенности которых позволяют говорить о них как о сложных психических восприятиях, своего рода интероцептивных[1] образах собственного внутреннего состояния, образах телесного валового чувства, позволяющего нам контролировать свое тело, положение его частей среди окружающих физических объектов. Мы привыкли к этому настолько, что обычно даже не замечаем факта существования собственного тела, так как к тому моменту, когда наше «Я» начинает осознавать себя, психические конструкции из интероцептивных ощущений уже давно существуют и мы успеваем настолько к ним привыкнуть, что перестаем их замечать. Правильнее сказать, перестаем концентрировать на них внимание. Однако достаточно испытать исчезновение ощущений от какой-либо части собственного тела, как сразу возникает понимание того, что интероцептивные ощущения занимают большое место в нашем сознании и играют определяющую роль в регуляции всех наших движений.

Вам, вероятно, доводилось «отсидеть» (как принято говорить в быту) ногу, временно утратив в ней чувствительность, в результате чего вы временно теряли способность целенаправленно двигать этой ногой, а тем более наступать на нее при сохранении способности ее движения вообще. Более того, если вам все же удавалось шагнуть вперед, нога тут же подгибалась или как-то выворачивалась, в результате чего вы не могли устоять на ногах. Это происходило потому, что вы не испытывали привычных ощущений от ноги, и если вы на нее не смотрели, то вам было непонятно, где она находится и есть ли она вообще, двигается ли она и куда двигается. Как только возвращались привычные ощущения в ноге, ваши движения немедленно восстанавливались. Данный факт демонстрирует необхо-

---

[1] Здесь — сумма всех поступающих от тела ощущений: и собственно интероцептивных, и кинестетических, и валовых, и проприоцептивных, и др.

димость привычных преимущественно интероцептивных моделей-репрезентаций собственного тела и его частей, без которых на ногу, например, нельзя даже опереться.

Значение интероцептивных психических конструкций в нашей жизни особенно отчетливо проявляется у больных с очаговыми поражениями мозга. М. Мерло-Понти (1999) пишет, например:

> Если вытянуть руку пациента по горизонтали, он описывает ее позицию лишь после выполнения серии маятниковых движений, которые позволяют ему оценить положение руки по отношению к туловищу, предплечья по отношению к плечу, туловища по отношению к вертикали. В случае пассивного движения пациент чувствует, что движение происходит, но не может сказать, какое это движение и в каком направлении. Тогда он снова прибегает к активным движениям. ...Если больного просят выполнить какое-то абстрактное движение с закрытыми глазами, ему необходима серия подготовительных операций, чтобы «найти» саму действующую конечность, направление или темп движения и, наконец, плоскость, в которой оно будет развертываться [с. 148–151].

Можно лишь повторить общеизвестную в медицине истину: без нормальной интероцепции нормальные движения невозможны.

В ответ на актуализацию в сознании типовых моделей-репрезентаций окружающей реальности и собственного тела в ней мы действуем обычно даже не раздумывая, автоматически. Действие наше меняется и в зависимости от изменения внешней ситуации (появления новых образов), и в ответ на возникновение новых ощущений от тела. Я специально делаю здесь акцент на интероцептивных (в широком смысле) ощущениях, так как роль визуальных образов восприятия более очевидна. Интересна также роль визуальных образов представления в регуляции движений. Так, Г. Пик и К. Розенгрен (1990) полагают, что при редукции или полном отсутствии зрительной перцептивной информации человек, выполняющий движение, ориентируется на мысленные репрезентации пространственных отношений. Причем последние трансформируются в процессе движения, как и обычная зрительно воспринимаемая сцена.

2.7.5. Признаки объектов

Сегодня в логике, лингвистике и даже психологии принято считать, что признаки играют главную роль в формировании понятий, а само оно формируется «посредством выделения существенных признаков» [Психологический иллюстрированный словарь, 2007, с. 442]. Соответственно объем понятия и границы, отделяющие одно понятие от другого, определяются его признаками, или атрибутами. В. В. Любимов (2007) пишет, что один из наиболее простых и заманчивых ходов — представить объект как определенную совокупность признаков:

> Тогда проблема решается полным или частичным перечислением этих признаков и указанием тех из них, наличие которых является основанием отнесения объекта

> восприятия к той или иной перцептивной категории. Наиболее известным из них является модель «пандемониум», предложенная Линдсеем и Норманом, согласно которой в памяти воспринимающей системы содержится определенный алфавит перцептивных категорий, к которым относится воспринимаемый объект. Объект, в свою очередь, задан набором свойств, наличие которых детектируется на ранних стадиях анализа входящей информации [с. 343].

Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко [2004, с. 409] тоже полагают, что объекты и явления опознаются, обозначаются и описываются по своим признакам. Каждый объект и каждое явление обладают множеством признаков, среди которых исследователи выделяют простые, сложные, комплексные, целостные, а главное — существенные и несущественные. Признак может выступать как общий, присущий нескольким объектам или явлениям, либо как отличительный, характерный только для одного из них. Существенные признаки рассматривают как необходимые для существования объекта, так как они выражают его «коренную природу», отличают от других объектов, других видов и родов.

Одни авторы отождествляют признаки со свойствами объектов:

> Признак — свойство, по которому познают или узнают предмет; определения, которые отличают одно понятие от другого [Философский энциклопедический словарь, 1998, с. 362].

Другие рассматривают признаки более широко:

> Признак — характеристика[1] (ссылка моя. — *Авт.*) предмета, которая выступает элементом ориентировки при построении деятельности (действия) с этим предметом [Психологический иллюстрированный словарь, 2007, с. 442].

> Признаком называется все то, в чем предмет и мысли сходны друг с другом или в чем они различаются. ...В самом общем виде признаки предметов могут быть сведены к свойствам (большой, малый, белый, черный, хороший, плохой, мягкий, жесткий, дышащий легкими, обладающий сильной волей и т. п.), состояниям (стоит, лежит, движется, живет, умирает, растет и т. п.), действиям (работает, читает, учит, выполняет свои обязанности и т. д.) и результатам действий (добился успеха, принес пользу и т. д.) и т. п. Все предметы, явления, события, вообще все объекты нашей мысли имеют бесконечное количество признаков. Но наша мысль из этого бесконечного количества признаков предметов выделяет некоторые, являющиеся в каком-либо отношении существенными, и именно эти существенные признаки предметов и выражаются в различных понятиях [М. С. Строгович, 2004, с. 83].

Тот факт, что сходные объекты обладают одинаковыми свойствами, устанавливается эмпирически, в процессе взаимодействия с объектами. Одним из важнейших свойств любого объекта является способность удовлетворять ту или иную потребность, имеющуюся у человека. Собственно такие свойства в первую очередь и являются для человека существенными. Признаки могут иметь отношение не только к физическим объектам и явлениям. Мы можем говорить, например, о признаках события, ситуации, процесса и т. д.

---

[1] *Характеристика.* Некоторая индивидуальная особенность, атрибут и т. д. [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 442].

Учитывая все сказанное, легко понять, что признаки сами являются свойствами, действиями, состояниями и даже объектами. Э. Бехтель и А. Бехтель (2005), например, пишут:

> Объекты... могут иметь не только дифференцирующий признак, позволяющий произвести их разделение, но и сходные, допускающие некие аналогии. ...Субъект, у которого есть представление о мухе, не может на его основе опознать бабочку или птицу. Но крылья — общее для всех трех объектов, а потому служат основой для их объединения и формулирования... понятия, определяющего возможность летать. ...Хотя субъект еще не видел летающей стрекозы, по одному присутствию крыльев он предполагает наличие такой возможности. Предвидение этого есть предвосхищение свойств и значимости принципиально нового объекта... Обнаружение у незнакомого животного когтей и клыков дает основание предположить, что он хищник, и может свидетельствовать о его опасности, а плоды незнакомого дерева, если они похожи на уже известные, могут быть съедобны. ...Если новый объект нельзя оценить в целом, то его можно оценить по отдельным деталям, суммация которых дает ориентировочное представление о значимости объекта в целом. ...Сходные признаки должны иметь сходные свойства... [с. 146].

Признак всегда выделяется путем абстрагирования, а потому это всегда — психический объект, созданный человеческим сознанием. Дж. Лакофф (2004) тоже полагает, что:

> ...«признак» не является чем-то существующим в мире объективно, независимо от какого-либо существа, а представляет собой... результат нашего взаимодействия со средой, как часть нашего физического и культурного окружения, с учетом устройства наших тел и нашего когнитивного аппарата. Такие... признаки образуют пучки (clusters) в структуре нашего опыта... [с. 78].

> Некоторые категории, такие как высокий человек или красный, градуированы; это значит, что они имеют внутренние степени членства, размытые границы и центральные члены, чья степень членства (на шкале от 0 до 1) равна единице [с. 84].

Понятия, обозначающие чувственные признаки (*красный, холодный, кислый* и пр.), формируются в результате ассоциации образа соответствующего слова с формирующейся в сознании собирательной моделью-репрезентацией определенного свойства объектов. Такая собирательная модель-репрезентация образуется путем вычленения из множества моделей-репрезентаций разных объектов какого-либо их сходного абстрактного элемента (моделирующего свойство объектов, например) и последующего синтеза собирательной модели-репрезентации новой сущности — «чувственного признака». Понятия, обозначающие признаки, которые не являются чувственно воспринимаемыми, усваиваются человеком в результате интериоризации им из объективной психической реальности соответствующей вербальной конструкции, обозначаемой общим абстрактным понятием. Таким, например, как: *электропроводность, громоздкость, влажность* и т. д.

Э. Бехтель и А. Бехтель [2005, с. 313–314] обсуждают так называемые «признаки-символы», которые, по их мнению, позволяют быстро опознать объект: нос с горбинкой, например, символизирует «лицо кавказской национальности», нос, как слива, — еврея, раскосые глаза — китайца, черная кожа — негра, желтая — азиата,

а красная — индейца. Для проведения опознания объекта достаточно наличия у него такого «признака-символа». Если сформированное представление не позволяет выделить признак-символ естественным путем, то он формируется произвольно в виде названия, обозначения, имени. Авторы резонно замечают, что для идентификации человека уже не нужно активировать всю информацию о нем, достаточно активировать его признак-символ: это тот человек, у которого нет пальцев (беспалый), или тот, у которого одна рука (однорукий), или тот, который живет у родителей своей жены (примак). Для русского языка критерием выбора символизирующих признаков служит принадлежность, что привело к образованию фамилий (Иванов, Петров, Сидоров).

Мне, впрочем, кажется, что понятие *признак-символ* ничем не лучше общепринятого понятия *существенный признак*. Другое дело, что, когда модель-репрезентация объекта ассоциируется с моделью-репрезентацией обозначающего его слова, последняя начинает играть в ней роль того, что авторы называют «признак-символ». Это особенно наглядно проявляется, например, в случае описанных выше человеческих фамилий или в случае присвоения домам, кораблям, городам, любым другим объектам собственных имен.

Учитывая рассмотренные в предыдущих главах механизмы формирования понятий, очевидно, что не признаки объектов играют главную роль в этом процессе и происходит формирование понятий не «посредством выделения существенных признаков», как полагают многие (см., например, Психологический иллюстрированный словарь, 2007, с. 442). Формирование понятий — это естественный процесс эволюционного развития и трансформации нашего психического содержания, сопровождающийся возникновением все более сложных психических конструкций, репрезентирующих окружающие или лишь вероятно окружающие человека сущности, которые и обозначаются понятиями. При этом сознание создает конструкции, репрезентирующие и повторяющиеся особенности этих разных сущностей. В силу склонности сознания к гипостазированию, наделению психических объектов самостоятельным существованием эти вновь образованные им особые сущности (признаки), присущие разным другим сущностям (объектам, явлениям и даже их свойствам и действиям), не только превращаются для нас в часть окружающей физической реальности, но и объявляются необходимыми элементами процесса формирования понятий, обозначающих объекты и явления, их свойства и действия. Хотя на деле признаки появляются у известных уже нам объектов, а не наоборот — объекты создаются нами на основе признаков и обозначаются соответствующими понятиями.

Другое дело, что, определяя существующие и известные им понятия, обозначающие объекты и явления, исследователи выстраивают вербальные конструкции, в которых используют известные им другие понятия (обозначающие признаки этих объектов и явлений). В результате может складываться ошибочное впечатление, что «выделение существенных признаков — основа формирования понятий» (см., например: Большой психологический словарь, 2004, с. 409). Однако мы имеем здесь дело не с формированием понятий, а лишь с созданием исследователями определений понятий, что совсем не одно и то же.

Именно из-за подобной, говоря метафорически, «постановки телеги впереди лошади» понятия рассматриваются в современной психологии как «пучки семантических признаков» [Б. М. Величковский, 2006а, с. 25], как «репрезентации..., основанные на... группировке по признаку общих свойств» [Хелен Гейвин, 2003, с. 135] или как «совокупности определенных существенных признаков» [Психологический иллюстрированный словарь, 2007, с. 435].

2.7.6. Уровни моделирования реальности

Окружающую реальность человек моделирует непосредственно с помощью чувственных образов и ощущений и (или) «символически» с помощью понятий. На определенном этапе возможности чувственного моделирования исчерпываются, так как с его помощью не удается смоделировать грани реальности, недоступные восприятию. Тогда, используя понятия как «кирпичики», человек строит из них вербальные психические конструкции в виде новых моделей реальности, которые обозначает абстрактными понятиями: *научный закон, орбита планеты, прошлое* и т. п. Можно попытаться выделить несколько уровней психических моделей.

1-й уровень – условно аналоговые чувственные модели – модели-репрезентации конкретных объектов реальности, которые обозначаются затем конкретными понятиями – именами собственными.

2-й уровень – чувственные, но универсальные собирательные модели-репрезентации любого объекта из определенного множества сходных объектов, а потому лишь относительно аналоговые модели. Они обозначаются общими абстрактными понятиями и моделируют множества сходных объектов и явлений реальности, их свойств и действий.

3-й уровень – абстрактные вербальные модели, или вербальные конструкции, позволяющие человеку моделировать те аспекты реальности, которые не могут быть смоделированы чувственно. Сюда относятся и соответствующие физической реальности модели, и модели сущностей, вымышленных человеком, которых вообще нет в окружающем физическом мире, по крайней мере в том виде, в котором репрезентирует их наше сознание. Все они обозначаются абстрактными понятиями.

Можно также построить следующую условную схему постепенного усложнения психических явлений, формирующихся в процессе индивидуального развития человека.

- Сенсорные впечатления.
- Мономодальные ощущения и образы – простейшие чувственные психические конструкции. Например, *зрительный образ предмета.*
- Полимодальные сенсорные модели-репрезентации конкретных объектов реальности – сенсорные предпонятия. Например, *модель-репрезентация матери в сознании маленького ребенка.*

- Конкретные понятия — модели-репрезентации слов, полноценно замещающие собой модели-репрезентации обозначаемых ими конкретных объектов. Например: *ма-ма, ба-ба, па-па, ки-са* и т. п.
- Общие абстрактные понятия — чувственные собирательные модели-репрезентации множеств сходных объектов реальности: *мячей*, или *стульев*, или *чашек* и т. д., ассоциированные с моделями-репрезентациями соответствующих этим объектам слов: *мяч*, *стул*, *чашка* и др.
- Вербальные пропозиции — простейшие конструкции из двух-трех понятий, замещающих сложные чувственные модели-репрезентации изменяющихся или проявляющихся разными своими свойствами объектов. Например, *модели явлений, выражаемых понятиями*: *погремушка стучит*, *мячик прыгает*, *кошка мяукает*, *стена белая* и т. п.
- Сложные вербальные конструкции, состоящие уже из нескольких пропозиций, моделирующие конкретные аспекты реальности и их изменения. Например: *мама варит кашу*, *красный мячик прыгает*, *кот Васька пьет молоко* и т. п.
- Сложные вербальные конструкции из нескольких пропозиций, моделирующие абстрактные объекты. Например: *кит — самое большое млекопитающее на Земле, обитающее в океане и похожее на большую рыбу*.
- Сложные вербальные конструкции из нескольких пропозиций, репрезентирующие гипотетические сущности. Например, *психические конструкции, являющиеся значениями таких понятий, как свобода, радость, благополучие* и т. д.

Естественно, приведенный перечень — не более чем весьма примерная схема, которая может лишь помочь лучше понять соотношения между психическими явлениями. Из нее видно, что все репрезентации человеческого знания — это сходные психические явления, имеющие внутреннее родство и являющиеся развитием чувственного образа. Понятия являются теми же чувственными образами, имеющими лишь дополнительное символическое значение, то есть особые ассоциативные связи. Они, с одной стороны, могут входить в структуру психических конструкций, а с другой стороны, являясь весьма удобным для распознавания конструкций их существенным признаком, могут обозначать эти же конструкции, а главное — полноценно замещать их в сознании человека.

Сказанное выше позволяет условно выделить этапы психического развития ребенка.

- Формирование относительно малодифференцированной чувственной репрезентации мира, «не сегментированной» понятиями на элементы. Формирование аморфных сенсорных предпонятий, репрезентирующих важнейшие для ребенка объекты.
- Усвоение слов, обозначающих важнейшие для ребенка конкретные объекты, явления, действия и свойства, и формирование соответствующих понятий. Появление понятий ведет к дифференциации единой чувственной репрезентации реальности и ее распаду на соответствующие понятиям чувственные фрагменты, к появлению моделей-репрезентаций «партикулярностей» (по терминологии Б. Рассела) — отдельных или конкретных вещей, их действий, свойств и т. д.

- Формирование собирательных моделей-репрезентаций особых множеств сходных объектов (*коров*, или *собак*, или *домов* и т. д.), особых множеств чувственных свойств этих объектов (*белый*, или *теплый*, или *кислый* и т. д.), особых множеств действий объектов (*плывет*, или *бежит*, или *летит* и т. д.), особых множеств явлений (*горит*, или *светит*, или *греет* и т. д.), а также их свойств и действий. Интериоризация из объективной психической реальности соответствующих общих абстрактных понятий путем усвоения соответствующих слов и разъясняющих их языковых конструкций.

Дальнейшая интериоризация из объективной психической реальности абстрактных понятий, обозначающих абстрактные объекты и явления, их свойства и действия вместе с их вербальными значениями. Возникновение вербальных конструкций, заменяющих чувственные модели-репрезентации как простых, так и сложных объектов и явлений, их свойств и действий, а также целых аспектов реальности. Формирование вербальных конструкций, моделирующих аспекты недоступной восприятию реальности. Самостоятельное создание вербальных конструкций любой сложности и обозначение их новыми понятиями.

ГЛАВА 2.8

Проблема значения слов и понятий

- *Лингвистический и психологический аспекты*
- *Психологическое значение*
- *Объективное значение и индивидуальный смысл*
- *Слово — понятие — значение*
- *Глубинная и поверхностная структура предложения*
- *Понимание понятий и вербальных конструкций*
- *О вербальном значении образа и ощущения*
- *Языковые универсалии*

2.8.1. Лингвистический и психологический аспекты

Существует множество определений понятия *значение*[1]. Только в Большом толковом психологическом словаре (2001), например, приводится 14 их вариантов. В психологии нередко недифференцированно обсуждается и значение психических явлений, и значение объектов внешней реальности. В качестве самого значения также рассматриваются и психические явления, и предметы реальности. Пишут и о «вербальном», и о «невербальном значении», о значении слов и понятий, о значении изображений, плакатов, эмблем, жестов и мимики, открытий, книг, работ и т. д.

Мне представляется правильным выделять два главных подхода к определению понятия *значение* — лингвистический и психологический. Первый больше тяготеет к тому, что значения — «это не мысленные сущности». Согласно второму, «значение находится в умах говорящих (слушающих)». Следовательно, лингвистическое значение имеет отношение (правильнее сказать, должно иметь, хотя в литературе это не всегда так) в основном к отношениям между физическими объектами: словом и обозначаемым им предметом, тогда как психологическое значение — к отношениям между психическими феноменами.

На практике же и лингвисты часто используют психологические определения, так как без рассмотрения психических явлений невозможно обсуждать и объяснять отношение знаков к обозначаемым ими объектам. И, наоборот, психологи в своих работах широко пользуются лингвистическими терминами и определениями. Очень часто вообще объединяются физические и психические сущности, что окончательно запутывает проблему. Так, например, даже такие авторитетные исследователи, как Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райзберг (2001), пишут:

> Значение слова есть понятие, которое оно выражает. Референты слова — это все те вещи реального или воображаемого мира, которые включены в это понятие [221, 497].

---

[1] ...Значение передаваемого сообщения или любой его части (например, слова, фразы, жеста и т. д.) может быть определено исходя из любого из трех направлений: 1) то, что говорящий или пишущий предполагал сообщить. Как сказал Льюис Кэрролл устами Шалтай-Балтая: «Когда я употребляю слово, оно означает только то, что я выбираю, что оно означает, — не больше, не меньше»; 2) представление, связанное с используемым физическим смыслом, то, что он обозначает... 3) предвосхищающие представления слушателя или читателя, значение воспринимаемого сообщения. ...Значение 2 само по себе кажется абсурдным. Дело в том, что ни один символ не «несет» или не «имеет» значения; значение находится в умах говорящих/слушающих. Символ выполняет функции устройства для достижения единства денотативного и коннотативного значений. ...Хотя о значении (в широком смысле) часто говорят так, как будто бы его возможно кодифицировать, представить и по крайней мере в принципе объяснить, оно почти наверняка является понятием, которое может приобрести смысл только тогда, когда помещается в контекстные рамки. ...Многое в передаче значения зависит от степени согласованности между намерениями говорящего/пишущего и предположениями слушающего/читающего относительно этих намерений [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 284].

Все это приводит к тому, что выявление сущности, репрезентируемой понятием *значение*, для многих авторов превращается в безнадежную задачу [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 284] и вызывает желание отказаться от самого этого термина [Ч. У. Моррис, 1998, с. 77]. Ч. У. Моррис (1998), например, пишет:

> Путаница, связанная со значением «значения», отчасти кроется в неспособности различать с достаточной ясностью то измерение семиозиса, которое является в данный момент предметом рассмотрения... В одних случаях «значение» указывает на десигнаты, в других — на денотаты, иногда — на интерпретанту; в ряде случаев — на то, что знак имплицирует, в других — на процесс семиозиса[1] (ссылка моя. — *Авт.*) как таковой, а зачастую на значимость или ценность. ...Другой фактор, способствующий путанице, — психолингвистический: людям вообще трудно мыслить о сложных функциональных и реляционных процессах, и эта ситуация нашла отражение в преобладании определенных языковых форм. Действие сосредоточивается вокруг оперирования вещами, обладающими признаками, но тот факт, что эти вещи и свойства выступают только в сложных связях, осознается гораздо позже и с большим трудом. ...Значение рассматривается как некая вещь среди других вещей, как определенное «нечто», определенным образом расположенное в определенном месте. Таким местом может быть признан десигнат... Или же таким местом может оказаться интерпретанта... В действительности же ни одна из этих точек зрения не оказалась состоятельной и необходимой. ...Значения не следует размещать как сущности в каком-либо месте процесса семиозиса, но следует определять, исходя из этого процесса в целом. «Значение» — это семиотический термин, а не имя в языке, на котором говорят о вещах; сказать, что в природе существуют значения, вовсе не означает утверждать, что имеется класс сущностей наравне с деревьями, скалами, организмами, а значит только, что такие объекты и свойства функционируют в рамках процесса семиозиса [с. 74–75].

Подход автора, отражая реальную сложность проблемы, тоже, к сожалению, мало что в ней проясняет.

Позиции исследователей в отношении сущности значения слов и понятий сильно различаются. Х. Патнэм (1999) говорит:

> Большинство традиционных философов рассматривали понятия как нечто ментальное. Таким образом, доктрина, трактующая значение термина (то есть значение «в смысле интенсионала»[2] (ссылка моя. — *Авт.*)) как понятие, имела то следствие,

---

[1] Семиозис — см. разд. 2.1.2; «десигнат — означаемое» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 130]; «денотат — обозначаемый предмет» [там же, с. 128]; интерпретанта — см. разд. 2.1.2; «имплицитный — не явный, следовательно, что-то недоступное непосредственному наблюдению...» [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 305].

[2] У. Эко (2005) пишет: «Под экстенсионалом (традиционный перевод — “объем”) некоторого выражения (слова, термина) или понятия в логике и семантике понимается совокупность (класс, множество) предметов (объектов), обозначаемых данным выражением или подходящих под данное понятие. Под его интенсионалом (традиционный перевод — “содержание”) — сочетание признаков, мыслимых под данным выражением или входящих в данное понятие. Так, у выражений (понятий) “человек”, “двуногое”, “от рождения не имеющее перьев”, “млекопитающее, большой палец впереди конечности которого может достать до противоположного края ладони”, “мыслящее животное”, “потомок Адама и Евы” — общий экстенсионал, но разные интенсионалы» [с. 463].

что значения представляют собой ментальные сущности. Однако Фреге, а позднее Карнап и его последователи восстали против такого, как они говорили, «психологизма». Сознавая, что значения — это общественное достояние и что одно и то же значение может быть усвоено многими людьми и в разные периоды времени, они отождествляли понятия (а следовательно, «интенсионалы» или значения) не с ментальными, а с абстрактными сущностями (сразу возникает вопрос: что собой представляют «абстрактные, но не ментальные сущности»? — *Авт.*). Однако «усвоение» этих абстрактных сущностей оставалось индивидуальным психологическим актом [с. 165–168].

Повторю, для того, чтобы двигаться дальше, совершенно необходимо четко разграничить психологическое и лингвистическое значения. Психологическое значение — это значение психического явления, например понятия. Лингвистическое значение — это значение слова — особого материального объекта. Однако и в том и в другом случае само понятие *значение* репрезентирует некую психическую сущность. Психология должна рассматривать значения психических явлений, в том числе понятий, а лингвистика — значения слов. Хотя на практике такого четкого разделения, как я уже говорил, нет и многие психологи обсуждают значения слов, а лингвисты — значения понятий.

Хорошо иллюстрирует путаницу, существующую в отношении проблемы значения слова и значения соответствующего слову понятия, высказывание А. А. Леонтьева (2005):

Каким образом значение слова «стол» связано со значением реального стола, представленного нашему сознанию в виде образа того или иного рода или приписываемого нами такому образу? Как философ я могу ответить: этот образ ни в коей мере не знак, но какой-то вид идеального объекта, спроецированный на реальный объект и слитый с ним субъективно в единое целое («удвоение» предмета, по Выготскому). Как лингвист я отвечаю: слово «значение» имеет два значения — более узкое (собственно языковое значение) и широкое (языковое плюс предметное значение). В некоторых ситуациях мы ошибочно отождествляем языковое значение с предметным и наоборот. Но как психолог я не могу дать определенный ответ, как именно связаны эти два вида значений: как ни странно, но эта проблема до настоящего времени серьезно не исследована [с. 138].

Сказанное автором тоже, впрочем, не очень проясняет вопрос. Смутное понимание проблемы значения слова и соответствующего понятия иллюстрирует и признание Х. Патнэма (1999):

...наше понятие значения слова гораздо более несовершенно, чем понятие значения предложения [с. 165].

Между тем к решению проблемы феноменологии значения подошел еще Ф. де Соссюр. У. Эко (2004) пишет:

Соссюр определяет лингвистический знак как неразрывное единство означающего и означаемого, сравнивая их с двумя сторонами одного листа бумаги: «...лингвистический знак объединяет не вещь и имя, но понятие и акустический образ». Означаемое — это не вещь (означаемое «собака» — это не та собака, которую изучает зоо-

логия), и означающее — это не ряд звучаний, составляющих имя (звукоряд «собака», изучаемый фонетикой и регистрируемый с помощью электромагнитной ленты). Означающее — это образ этого звукоряда, в то время как означаемое — это образ вещи, рождающийся в уме и соотносящийся с другими такими же образами (например, дерево, arbor, tree, baum и т. д.) [с. 65–66].

Из сказанного следует, что и для слова «собака», и для понятия *собака* означающее — это вербальный образ (слуховой или визуальный образ слова «собака»), а означаемое — образы объекта *собака*, возникающие в сознании. Кстати, еще И. Кант (1994) указывал, что:

...слова понятны нам лишь в том случае, если им соответствует что-то в созерцании [с. 206].

К сожалению, не только в лингвистической, но и в психологической литературе широко представлены работы, в которых в качестве значения психических объектов (например, образа медали и образа слова «медаль») выступают физические объекты (сама медаль и слово «медаль») или, наоборот, значением слова «медаль» считают психический объект (понятие *медаль*), что совершенно неадекватно и бессмысленно[1]. Методологически неприемлемо рассматривать физические и психические объекты в рамках одной смысловой структуры, не делая между ними различий, если вы не придерживаетесь теории «нейтрального монизма» У. Джеймса, Э. Маха (см. разд. 1.4.1). Например, бессмысленно следующее предложение: «значением слова является соответствующее понятие». Подобные утверждения тем не менее встречаются нередко и сильно осложняют понимание проблемы значения.

Раз образ восприятия слова как психический объект не отождествляется большинством авторов с самим словом как физическим объектом, необходимо раздельно проводить анализ значений этих двух групп объектов: психических (образы слов и конструкций из них) и физических (слова и языковые конструкции). Можно было бы сказать, что значениями слов являются объекты окружающего мира, и это — лингвистическое значение; а значениями понятий являются совокупности других психических явлений и конструкции из них, и это — психологическое значение. Хотя такой подход не вполне адекватен. Слова, как и другие объекты окружающего мира, не существуют в нашем сознании, а лишь репрезентированы там. И обрести значение могут поэтому только образы слов и прочих объектов окружающего мира. Следовательно, даже тогда, когда мы обсуждаем лингвистическое значение слов, мы не можем обойтись без психических сущностей, репрезентирующих слово в сознании, поэтому лингвистическое значение слов и конструкций языка, с одной стороны, и психологическое значение понятий и вербальных конструкций, с другой стороны, могут рассматриваться в конечном счете лишь в общей связке.

[1] Хотя, по сути дела, это было бы правильно, если бы образ восприятия объекта отождествлялся с ним. Однако абсолютное большинство исследователей их не отождествляют, а раз так, то и рассматривать их надо по отдельности.

2.8.2. Психологическое значение

В когнитивной психологии проблема значения понятий обсуждается преимущественно в рамках их вербального значения. По мнению исследователей, изучая ассоциативные связи понятия, можно выйти на его значение, так как понятие, как пишет, например, выражая доминирующую точку зрения, Б. М. Величковский (2006а), является:

> ...пучком семантических признаков, как оно и понималось обычно в компонентных теориях значения, например, в теории Катца и Фодора [с. 25].

Наиболее известной попыткой выявления вербального значения понятий, исходя из их связей с другими понятиями, является метод семантического дифференциала[1], предложенный Ч. Осгудом и его коллегами (см., например: Ch. Osgood, 1964; Ch. Osgood, C. J. Susi, P. H. Tannenbaum, 1957). В связи с исследованием Ч. Осгуда встает вопрос: *можем ли мы относить к значению понятия все прочие психические явления (в частности, другие понятия), с которыми у данного понятия имеются ассоциативные связи?* Теоретически да, но практически это приведет лишь к размыванию вербального значения понятия. Подход Ч. Осгуда к обнаружению вербального значения понятия через ассоциации изучаемого понятия с другими понятиями не оправдан, так как все понятия связаны между собой в семантическую сеть, в которой любое понятие так или иначе через другие понятия связано, в конечном счете, с любым другим понятием.

Вербальное значение понятия вообще нельзя отождествить просто с совокупностью (набором) других понятий, даже имеющих самые сильные ассоциативные связи с этим понятием. Ассоциации понятия сложно и неоднозначно соотносятся с его вербальным значением, и последнее нельзя свести к этим ассоциациям. Значение понятия выражается не в сумме связанных с ним других понятий. Оно заключается и может быть выражено лишь в форме специальных вербальных конструкций, которые не являются просто суммами входящих в них понятий, как уже обсуждалось выше. Соответственно, вербальное значение понятия нельзя свести к сумме других понятий, поэтому, даже выделив самые сильные связи понятия с другими понятиями, мы не обнаружим его вербального значения. Более того, чем больше понятий мы пытаемся включить таким образом в значение конкретного понятия, тем больше будет расплываться его значение. Нечто в этом роде имеет место, как установила Б. В. Зейгарник (1973), у больных шизофренией, у которых актуализируются второстепенные, малосущественные связи понятий, что приводит к расстройству их мышления.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

> Что именно мы знаем, когда мы знаем значение слова? Этот вопрос оказывается на удивление сложным. ...Начнем с исключения некоторых ответов, которые представляются ложными [с. 406].

---

[1] Авторы предлагали испытуемым оценить разные понятия по нескольким десяткам биполярных градуальных 3–7-балльных шкал, таких, например, как: *приятный — неприятный, чистый — грязный, устойчивый — изменчивый, пассивный — активный, сложный — простой* и т. д. Далее с помощью факторного анализа вычислялись связи конкретного понятия с этими характеристиками.

И далее авторы критически рассматривают несколько теорий: референтную, определительную, прототипов и теорию, объединяющую две последние. Они замечают:

> ...референтная[1] (ссылка моя. — *Авт.*) теория значений утверждает, что *вишня* — это просто ярлык для определенного вида плодов, а *локомотив* — ярлык для определенного вида транспортного средства. Следовательно, значение этих слов — это всего лишь вопрос знания того, какой именно объект в мире получает ярлык [с. 407].

Создание референтной теории в психологии свидетельствует о том, что ее авторы рассматривают в качестве значения понятия чувственную репрезентацию объекта или явления, обозначаемого данным понятием, хотя и говорят при этом о том, что значением понятия являются сам объект или явление.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) не готовы принять данную точку зрения, обосновывая это совершенно справедливым утверждением, что существуют понятия, которые не имеют соответствия в реальном мире, например *единорог* или *неизбежность*. Можно было бы даже добавить, что вообще отнюдь не все понятия обозначают сущности окружающего мира. Впрочем, авторы тоже указывают, что:

> ...большинство теорий значения слов утверждают, что только небольшая горстка слов в языке описывает элементарные, простые понятия. Остальные слова — это ярлыки для совокупностей понятий [с. 407].

Я бы уточнил: небольшая горстка понятий обозначает чувственные репрезентации предметов, присутствующих в физическом мире, и в отношении их референтная теория, как мне представляется, верна. Например: те же *вишня, дом, собака, дерево* и т. д. Остальные понятия — это ярлыки для «совокупностей понятий», или вербальных конструкций, и в отношении их референтная теория неверна.

По поводу определительной теории значений Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райзберг пишут (2001):

> Она утверждает, что значение можно разложить на набор компонентов, которые в нашем сознании организованы наподобие того, как они организованы в стандартных словарях. ...Значение слова *жеребец* объединило бы следующие характеристики: *взрослый*, *самец* и *лошадь*. Именно эти характеристики составляют определение каждого слова, и, согласно этой теории, в нашей голове имеются такие определения для каждого слова из нашего словарного запаса [с. 407].

Определительная теория восходит к известной теории значения Дж. Катца и Дж. Фодора (J. J. Katz & J. A. Fodor, 1963), которые описали значение понятия как совокупность иерархически организованных признаков. Например, понятие *холостяк* задается сочетанием трех признаков: *мужчина, взрослый, неженатый*. Исследователям поначалу казалось, что этот подход открыл путь к точному, машинному исчислению понятий и составленных из них логических высказываний

---

[1] *Референт.* Нечто существующее в реальном мире, что обозначается словом, фразой или выражением. Строго говоря, только конкретные объекты или события могут рассматриваться как референты, хотя некоторые авторы распространяют употребление этого термина и на обозначение абстракций, которые могут быть операционализированы [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 196–197].

(вербальных конструкций). Однако данный подход исключал из рассмотрения многие факторы, так как позволял рассматривать в качестве *холостяков*, например, *вдовцов, иерархов церкви* и другие группы, не относящиеся к данной категории.

Определительную теорию значения можно рассматривать как попытку формализованного описания вербального значения понятий. Однако эта теория, как и референтная теория, в отдельности не в состоянии охватить и объяснить все варианты значения понятий. Она не могла, например, объяснить, почему одни члены категории представляют категорию лучше, чем другие. Например, *овчарка больше похожа на собаку, чем пекинес, а чайка более удачный пример птицы, чем пингвин*. В качестве очередной попытки создания универсальной теории значения понятий возникла теория прототипов. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) пишут:

> Согласно теории прототипов, значение многих слов описывается как целый набор черт, ни одна из которых по отдельности не является ни необходимой, ни достаточной [с. 409].

При этом:

> ...каждый прототип обеспечивает что-то вроде мысленного среднего всех примеров понятия, с которыми сталкивался человек [с. 410].

Другими словами, по мнению авторов, прототип — нечто вроде собирательного образа, обозначаемого данным понятием. Таким образом, создатели теории прототипов вновь вернулись к сенсорному значению понятия как к главной составляющей этого значения. Но и теория прототипов не в состоянии решить проблему значения понятий.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) обращают внимание на то, что:

> ...теория прототипов помогает нам понять, почему малиновки как птицы лучше, чем страусы. Но определительный подход объясняет, почему страус тем не менее является птицей [с. 411].

Следовательно, и определительная теория, и теория прототипов (как, кстати, и референтная теория) имеют свои сферы приложения.

Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райзберг (2001) пытаются объединить определительную теорию и теорию прототипов:

> Рассмотрим слово *бабушка*. У этого слова существуют необходимые и достаточные признаки, так что здесь определительная теория вполне подходит: бабушка — это мать одного из родителей. Но также может быть и прототип: бабушка — это женщина, которая печет пирожки, старая и седовласая, с добрым огоньком в глазах. Когда мы говорим, что кто-то похож на бабушку, мы наверняка говорим о прототипических признаках бабушки, а не о генеалогии. ...Следовательно, люди имеют два частично независимых мысленных образа бабушки [с. 412].

Не вполне понятно, что авторы имеют в виду, говоря о двух «частично независимых мысленных образах бабушки».

Все же для большинства людей главным является сенсорная модель собственной бабушки (или бабушки своего приятеля, если нет своей), то есть образы конкретного человека, присутствующего в окружающем мире. Следовательно, и референтная теория вполне имеет право на существование.

Современная психология, однако, придерживается в основном теории Н. Хомского, согласно которой язык является якобы самостоятельным когнитивным модулем, независимым от чувственного познания. Соответственно, и значением понятия, обозначающего некую сущность, могут и должны быть лишь логические конструкции из других понятий, обозначающих признаки данной сущности. Исследователи поэтому почти и не рассматривают сенсорные модели в качестве значения понятий. Даже Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райзберг, описывающие конкретный прототип бабушки в виде «женщины, которая печет пирожки, старой и седовласой, с добрым огоньком в глазах», то есть в виде чувственной модели данного объекта, обсуждают тем не менее «прототипические признаки бабушки».

Другие исследователи рассмотренные выше теории значения понятий называют по-другому. Так, например, Р. Л. Солсо (1996) выделяет четыре модели «семантической организации»:

> *Кластерная модель.* Понятия объединяются в кластеры. ...Слова, относящиеся к близким категориям, воспроизводятся вместе... (авторы: Бусфилд и Бауэр). *Групповая модель.* Понятия представлены в памяти в виде групп, или скоплений информации... (автор: Мейер). *Модель сравнительных семантических признаков.* Понятия представлены в виде набора семантических признаков... (авторы: Смит и Рош). *Сетевая модель.* Понятия существуют в памяти как независимые единицы, объединенные в сеть [с. 215].

Б. М. Величковский (2006а) говорит о том, что:

> ...возникло целое семейство теоретико-множественных моделей, наиболее известной из которых является модель сравнения признаков Э. Смита, Э. Шобена и Л. Рипса (Smith, Shoben & Rips, 1974). Понятия трактуются в ней как наборы элементарных признаков (либо как точки в семантическом пространстве соответствующей размерности). Перекрытие признаков определяет семантическое сходство понятий [с. 32].

Все эти теории обсуждают исключительно вербальное значение понятий и пытаются создать формализованные модели вербального значения понятий.

Б. М. Величковский (2006а) справедливо замечает, что:

> ...подобные традиционные подходы к описанию структуры семантических категорий обладают рядом недостатков. Для них — как в сетевом, так и в теоретико-множественном варианте — характерно понимание значения как суммы элементарных компонентов. Соответствующие модели основаны на изучении семантики языка. Это исключает из рассмотрения невербальный опыт... Возникшие в ходе этих исследований гипотезы довольно искусственны и больше говорят о различиях экспериментальных ситуаций, чем о представлении и знании [с. 34].

Из рассмотренных теорий не становится понятным, как именно нечто существующее в реальном мире становится в итоге значением конкретного обозначающего это «нечто» слова. Следует признать, что, несмотря на большое количество работ, посвященных проблеме значения понятий, феноменология значения остается весьма туманной. По мнению исследователей, значение включает в себя самые разные явления: от «аффективно-чувственных тонов» до «обобщенного отражения предметного содержания» и «операций логического вывода» [Современная психология, 1999].

Дж. Лакофф (2004), рассматривая проблему значения в лингвистическом аспекте, обсуждает еще один ее аспект, обусловленный традиционно объективистским подходом, имеющим еще множество сторонников, в том числе и в психологии:

> Объективистский подход к проблеме значения можно охарактеризовать следующим образом. Лингвистические выражения и концепты, которые они выражают, являются символическими структурами, не имеющими значения сами по себе и получающими свое значение через прямую, ничем не опосредованную корреляцию с вещами и категориями в актуальном мире (или возможных мирах). ...В этом описании значения нигде не упоминаются человеческие существа. Значения при таком подходе не зависят ни в каком отношении от природы мыслящих и осуществляющих коммуникацию организмов или от природы их опыта [с. 347].

Приведенный автором широко распространенный взгляд тем более удивляет, что непонятно, как можно «лингвистические выражения» рассматривать как «символические структуры», существующие сами по себе вне связи с человеческим сознанием. Сам Дж. Лакофф [2004, с. 363] справедливо указывает, что понятия значимы потому, что возникают из нашего доконцептуального телесного опыта и связаны с ним. Тем не менее не вполне ясно, как же это реально происходит и в чем выражается феноменологически.

Принятое в языке и науке выделение разных типов явлений: психических (чувственные образы, понятия), физических (объект, обозначающее его слово, предложение), а также особых сущностей, принадлежность которых трудно сразу и однозначно определить (например, ситуация, событие, обстоятельство и т. п.), требует очень тщательной их дифференциации в процессе обсуждения проблемы значений обозначающих их понятий.

Очевидно, что значение исходно является психическим содержанием и существует только в психике, поэтому не совсем корректно говорить о значении предмета и соответствующего слова наряду со значением образа предмета и образа слова, обозначающего предмет, как это повсеместно делается в литературе. Для определения того, что рассматривают как значение предмета и значение обозначающего его слова, лучше выбрать иной термин.

Для лучшего понимания соотношения значений физических объектов, например объекта *медаль* и слова «медаль», со значением понятия *медаль* имеет смысл рассмотреть табл. 4.

Из таблицы видно, что зрительный образ объекта *медаль* имеет лишь «прямое» чувственное значение, а образ восприятия слова «медаль» имеет уже два

чувственных значения: «прямое» в форме модели-репрезентации самого слова и ассоциированное с ним в форме модели-репрезентации обозначаемого словом предмета. При этом «прямое» чувственное значение самого слова «медаль» является второстепенным, дополнительным, тогда как ассоциированное чувственное значение является основным, поэтому образ слова «медаль» актуализирует в сознании в первую очередь основное значение — модель-репрезентацию обозначаемого словом предмета.

Таблица 4. Соотношения значений объекта «медаль» и слова «медаль» со значением понятия «медаль»

	Медаль	**Слово «медаль»**	**Понятие «медаль»**
Форма психической репрезентации	Зрительный образ объекта медаль	Слуховой или зрительный образ слова «медаль»	Модель-репрезентация слова «медаль»
Прямое чувственное значение	Модель-репрезентация объекта медаль	(Является дополнительным.) Модель-репрезентация особого слухового или графического объекта – слова «медаль»	Модель-репрезентация объекта медаль
Ассоциированное чувственное значение	Нет	(Является основным.) Модель-репрезентация объекта медаль	Нет
Прямое вербальное значение (вербальная конструкция)	Награда за воинскую доблесть	(Является дополнительным.) Слово – специальный искусственный объект	Награда за воинскую доблесть
Ассоциированное вербальное значение (вербальная конструкция)	Нет	(Является основным.) Награда за воинскую доблесть	Нет

Образ объекта *медаль* имеет также «прямое» вербальное значение в виде вербальной конструкции, раскрывающей сущность этого объекта. Образ же слова «медаль» имеет уже два вербальных значения. «Прямое» в форме вербальной конструкции, раскрывающей сущность самого слова — особого искусственного объекта. Это значение является дополнительным. И значение в виде вербальной конструкции, раскрывающей уже сущность обозначаемого словом предмета, которое является основным и в первую очередь актуализируется в сознании этим словом. Понятие *медаль* имеет чувственное значение в виде модели-репрезентации объекта *медаль*, которая ассоциирована с моделью-репрезентацией слова «медаль» и вербальной конструкцией, раскрывающей сущность объекта *медаль*.

Слово, точнее, известное нам понятие может, имея чувственное значение, не иметь при этом вербального. Б. Рассел (2007), например, пишет:

> «Мыслить» значение слова — значит вызывать образ того, что оно обозначает. ...Для «понимания» слова вовсе не нужно, чтобы человек... был способен сказать: «Это слово обозначает то-то и то-то» (то есть чтобы он был способен воспроизвести вербальную

> конструкцию, являющуюся значением слова. — *Авт.*). Слово имеет значение более или менее нечетко; но значение должно обнаруживаться единственно наблюдением за его использованием... [с. 238].

Рассмотрим, например, значение понятия *лев*. Это понятие замещает, во-первых, собирательную модель-репрезентацию данного объекта — огромной, желто-коричневой, дурно пахнущей кошки, вызывающей страх и желание держаться от нее подальше. При этом у человека может быть и вербальное значение этого понятия в виде вербальной конструкции, например: *опасный хищник, царь зверей*. Следовательно, мы можем иметь два значения понятия: невербальное и вербальное, которые ассоциированы и представляют собой две разные стороны одного понятия. Более сложной мне представляется феноменология отвлеченных понятий.

Рассматривая в лингвистической плоскости проблему значения, У. Эко (2005), как и многие другие исследователи, предпочитает по возможности меньше опираться на чувственные образы, которые он называет «ментальными содержаниями выражений, странствующих в голове интерпретатора», но тем не менее пишет:

> Среди интерпретантов слова [собака] — все изображения собак в энциклопедиях, книгах по зоологии и т. д., а также все комиксы, в которых это слово ассоциируется с соответствующим изображением (и наоборот). Среди интерпретантов военной команды «К ноге!» — и соответствующий сигнал трубы, и соответствующее поведение группы солдат [с. 330].

Это согласуется с моим утверждением о том, что модель-репрезентация объекта *собака* включает в себя не только множество образов конкретных собак, с которыми человек сталкивался в течение своей жизни, но и образы всех искусственных объектов, репрезентирующих собак, в том числе образы их многочисленных изображений и т. д.

У. Эко (2005) приводит некоторые возможные формы значений понятия и вербальной конструкции:

> Семантическая теория может анализировать содержание выражения различными способами:
>
> а) подыскивая эквивалентное выражение в другой семиотической субстанции (слово [собака] — изображение собаки) (вербальный образ замещается визуальными образами собаки. — *Авт.*);
>
> б) подыскивая все эквивалентные выражения в той же семиотической системе (синонимия) (значением понятия *собака* является тогда понятие *пес*. — *Авт.*);
>
> в) указывая на возможность взаимного перевода между разными кодами, относящимися к одной и той же семиотической субстанции (перевод с одного языка на другой);
>
> г) заменяя данное выражение более аналитическим определением (значением понятия *собака* может являться тогда более абстрактная вербальная конструкция, например: *хищное домашнее млекопитающее из семейства волчьих*. – *Авт.*);
>
> д) перечисляя все эмоциональные коннотации, привычно связываемые с данным выражением в данной культуре, и поэтому особым образом кодируемые (так, [лев] имеет коннотации [свирепость] и [лютость]) (применительно к собаке вспоминаются понятия *преданность, послушание* и т. д. — *Авт.*).

> Но никакой семантический анализ не может быть полным, если он не анализирует словесные выражения посредством визуальных, предметных и поведенческих интерпретантов (и наоборот) [с. 330].

У. Эко, естественно, не может не упомянуть образы данного объекта, хотя и с оговорками (см. далее). Придерживаясь бихевиористских убеждений и рассматривая значение с лингвистических позиций, У. Эко безуспешно пытается обнаружить его в мире физических сущностей, так как «ментальные содержания» для него – что-то слишком умозрительное и абстрактное. Автор пытается во что бы то ни стало найти значение всех лингвистических выражений в чем-то «материальном», например в иных семиотических системах, иных семиотических субстанциях и т. д., даже значение тех лингвистических выражений, значение которых скрывается в пирсовском «неограниченном семиозисе». Однако нельзя обнаружить значение лингвистическими методами среди физических вещей, потому что оно является психической сущностью и не поддается в силу этого лингвистическому анализу.

Значение понятия – это ассоциированная с определенным вербальным образом (моделью-реперезентацией слова) устойчивая совокупность психических явлений, в том числе и других понятий. Оно может быть представлено не только чувственной моделью-репрезентацией или несколькими понятиями, связанными в объясняющую первое понятие вербальную психическую конструкцию - вербальное значение понятия, но и в виде другого понятия (синонима).

Границы значения понятий не являются жестко фиксированными. Значения понятий меняются со временем и у человека, и у целого народа, то есть в объективной психической реальности. У человека они могут меняться и в результате приобретения им нового личного опыта, и под действием объективной психической реальности. В объективной психической реальности значения одних понятий могут со временем уточняться *(атом)*, размываться *(душа)*, исчезать *(эфир)* либо оставаться почти прежними *(вино)*. Это обусловлено естественным прогрессом науки и развитием языка. Ж. Деррида полагает, что не существует ничего, что можно назвать раз и навсегда или даже на какое-то конкретное время данным значением знака [цит. по: Дж. Пассмор, 2002, с. 39]. И это действительно так.

Значение многих понятий настолько обширно, что отдельные его элементы могут выступать в качестве самостоятельных, вполне достаточных, а часто и антагонистических по отношению к другим элементам. Так, например, значение понятия *Сталин* может быть выражено в виде многих противоречащих друг другу вербальных конструкций: *Сталин - террорист и преступник; Сталин – великий вождь советского народа; Сталин – генералиссимус Красной Армии, победившей в Великой войне; Сталин – кровавый тиран и убийца; Сталин – генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза; Сталин – старый параноик, умирающий от инсульта* и т. д. и т. п. Представленные самостоятельные значения достаточно адекватно раскрывают значение понятия, при этом они порой прямо противоположны друг другу.

Значение понятия может быть ясным и конкретным, а может быть изначально неопределенным, представляя собой аморфную психическую конструкцию, не

лучшим образом моделирующую какой-то недоступный восприятию аспект реальности. Примером таких понятий являются, например, *материя, энергия, энтропия, сила, работа* и многие другие. Со временем их значения, вероятно, или будут уточнены в результате прояснения обозначаемых ими сущностей, или они перестанут использоваться и сохранят к себе лишь исторический интерес.

Наличие значений у понятий — реальный психический факт, обнаруживаемый даже экспериментально, например в «феномене Струпа», который, как мы уже обсуждали, заключается в том, что из-за несоответствия значения образа восприятия цветного изображения слова значению обозначаемого данным словом понятия возрастает время выполнения испытуемыми задания.

2.8.3. Объективное значение и индивидуальный смысл

Значения не находятся во внешнем физическом мире, как порой полагают даже очень авторитетные авторы, такие как Г. Фреге (1997), Р. Карнап (2007), У. Эко (2004, 2005) и др. Г. Фреге (1997), например, пишет:

> Значение собственного имени — это сама вещь, которую оно обозначает. Что же касается представления, связанного с данным именем, то оно абсолютно субъективно [с. 114].

Обсуждая работы Г. Фреге и Р. Карнапа, X. Патнэм (1999), однако, замечает:

> Даже если значения, как считают Фреге и Карнап, представляют собой «платоновские», а не «ментальные» сущности, усвоение этих сущностей, по-видимому, является психологическим состоянием в узком смысле... [с. 173].

Впрочем, сам X. Патнэм (1999) считает, что:

> ...«значение» некоторого слова является функцией правил, управляющих его употреблением [с. 158].

С помощью достаточно сложных, но не очень убедительных утверждений он тоже пытается доказать, что:

> ...значения не находятся в уме! [С. 179.]

Однако большинство исследователей все же полагают, что значение существует в психике. В. В. Налимов (2007) приводит мнение, высказанное еще Дж. Локком:

> ...что слова обозначают только собственные идеи отдельных людей... очевидно из того, что слова часто не вызывают у других людей (даже говорящих на том же языке) тех идей, за знаки которых мы их принимаем. Каждый человек обладает такой неотъемлемой свободой обозначать словами какие угодно идеи, что никто не в силах заставить других при употреблении одинаковых с ним слов иметь те же самые идеи, что и он (с. 465) [с. 81].

Г. Фреге (1997) задает интересный вопрос:

> Остается ли мысль одной и той же, если прежде ее высказывает один человек, а затем другой? Человек, не затронутый философией, осознает прежде всего те вещи, которые может видеть и осязать, одним словом, воспринимать с помощью чувств, такие как деревья, камни, дома, и он убежден, что и другой человек может точно так же видеть и осязать то же самое дерево, тот же самый камень, которые он сам видит и осязает. В разряд подобных объектов мысль, разумеется, не входит. Может ли она, несмотря на это, находиться в том же самом отношении к людям, что и дерево? [С. 33–34.]

Давайте рассмотрим, чем значение образа дерева отличается от значения слова «дерево» (вообще) и значения слова «дерево» в суждении «кедр — хвойное дерево». И Петр, и Павел никогда не видят дерево вообще. Они всегда видят конкретное дерево: этот дуб, тот кедр, эту сосну и т. д. Возникающие у них индивидуальные зрительные образы восприятия конкретного дерева различны, но этими различиями можно пренебречь и условно считать психические образы одного и того же дерева у разных людей феноменологически идентичными[1]. Однако то, что наш «здравый смысл» считает одним и тем же физическим объектом — конкретным деревом, например, не только моделируется в сознании разных людей разными чувственными образами, но последние еще и имеют при этом разное индивидуальное значение (разный личностный смысл).

Тем не менее разные индивидуальные чувственные значения образов восприятия одного и того же предмета, если последний прост, хорошо известен и понятен всем людям, тоже можно условно считать идентичными. Например, чувственные значения таких предметов, как ложка, стакан, вода, дерево и т. п. Конечно, чувственные значения даже и таких простых предметов у разных людей различаются. И все же они достаточно близки в силу общей биологии людей, общей физиологии их восприятия, общих потребностей и общих приемов использования этих предметов. Именно поэтому даже не владеющий еще речью ребенок обычно пытается наливать воду в стакан, а не в туфлю, ложкой зачерпывает кашу и берет ее в рот и т. д.

Другими словами, индивидуальное чувственное значение перцептивного образа того же предмета настолько похоже у разных людей, что его условно можно считать общим. Феноменологически таким общим (точнее, очень сходным) чувственным значением, например, образа восприятия предмета являются входящие в модель-репрезентацию предмета образы его воспоминания-представления и воспоминания-представления ощущений, связанных с ним, репрезентирующие в том числе варианты использования данного предмета людьми и способы их действий с ним. Например, образы использования воды, стакана, ложки и т. д. и вызываемые этими предметами ощущения. Усвоение общего абстрактного понятия, обозначающего в том числе данный предмет, сопровождается формированием собирательной модели-репрезентации множества сходных предметов, поэтому индивидуальные

[1] Хотя очевидно, что психические явления каждого человека уникальны, и многие основатели психологии неоднократно это специально подчеркивали.

чувственные значения такого общего абстрактного понятия начинают различаться гораздо сильнее, чем значения конкретного понятия.

Слова, как уже обсуждалось, в отличие от прочих физических объектов имеют два чувственных значения: основное и второстепенное. Последнее различается у людей незначительно, а основное значение может различаться сильно. Так, слово «дерево», например, вызывает и у Петра, и у Павла актуализацию в сознании собирательной модели-репрезентации «дерева» (вообще), которая, однако, может у них различаться хотя бы потому, что прототипом понятия *дерево* для Петра является, например, ливанский кедр, а для Павла – олива. В. фон Гумбольдт (2001) говорит:

> Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка [с. 84].

Контекст, в котором используется слово, конкретизирует значение соответствующего понятия. Так, значение понятия *дерево* в структуре вербальной конструкции *кедр – хвойное дерево* резко сужается, и его индивидуальные различия уменьшаются. Но они не исчезают совсем, так как прототипом понятия *кедр* для Петра может быть кедр ливанский, а для Павла – кедр сибирский. Поэтому, отвечая на вопрос Г. Фреге, можно сказать, что мысль *кедр – хвойное дерево* меняет свое значение, если после Павла ее рассматривает Петр, так как для одного речь может идти о сибирском кедре, а для другого – о ливанском. Еще более отчетливы различия даже в чувственных значениях понятий, обозначающих предметы, известные всем людям не так хорошо, как дерево.

Индивидуальные различия субъективных значений общего абстрактного понятия увеличиваются по мере приобретения субъектами разных вербальных знаний об обозначаемом понятием предмете. Так, например, трудно обнаружить у разных людей индивидуальные различия в субъективных значениях их визуальных образов китайского иероглифа, если они не знают китайского языка. В то же время индивидуальные вербальные значения иероглифа уже отчетливо различаются у людей, владеющих и не владеющих китайской письменностью.

Различия в чувственных значениях понятий усиливаются с увеличением степени абстрактности понятия. Например, один человек понимает значение фразы «вкусная еда» как жаркое из мяса, а другой – вегетарианец – как овощной салат. Тем не менее какие-то части этих разных субъективных значений настолько сходны, что люди способны понимать речь друг друга. На этом основании исследователи предположили, что можно говорить о наличии у разных людей, принадлежащих к одной культуре, общей части в субъективных значениях каждого понятия, то есть можно выделять общую для всех и индивидуальную части значения понятия. А. Н. Леонтьев [1983а, с. 237] предложил субъективное значение – «значение для меня» обозначать термином «личностный смысл», а общую для всех людей его часть – термином «значение».

Что же представляет собой феноменологически общее значение понятия, если оно есть, как полагают исследователи? Как мы уже обсуждали, чувственные значения понятия *дерево* имеют у Петра и Павла сходные элементы – похожие чувственные образы воспоминания-представления разной модальности. В случае понятий,

обозначающих окружающие предметы, для всех людей, правильно пользующихся этими понятиями, именно чувственные значения составляют ядро того, что можно было бы назвать «общим значением понятия». В случае абстрактных понятий главную часть «общего значения» каждого из них составляет уже вербальное значение понятия.

Рассмотрим, например, «общее значение» понятия *масса*. Его вербальным значением у разных людей являются разные, хотя и похожие в чем-то вербальные конструкции: *масса — это вес тела, масса — это сила, с которой тела притягиваются друг к другу, масса — это мера инерционных и гравитационных свойств материальной точки, масса — это сила, с которой тело давит на опору, масса — это мера количества материи (или энергии) тела* и т. д. Все эти вербальные конструкции достаточно сильно различаются. Более того, не так уж и много людей способны выстроить вербальную конструкцию, являющуюся значением каждого абстрактного понятия, то есть вербализовать его значение. *Почему же все-таки люди понимают друг друга?*

Вероятно, они понимают друг друга потому, что индивидуальные значения слов все же достаточно близки у них, а кроме того, люди имеют навыки использования слов в определенных контекстах. Именно применение слов в структуре фраз и предложений обеспечивает существенное повышение точности понимания значения соответствующих понятий.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что одинаковых психических явлений у разных людей нет. Следовательно, нет и не может быть общего значения одного понятия у двух людей, несмотря на то что об «общем значении понятия» много пишут в литературе. Есть только более или менее сходные индивидуальные значения понятий, и лишь это сходство позволяет людям понимать друг друга.

Таким образом, «*общее значение* понятия» — это лишь конструкция исследователей, а в сознании людей существуют только конкретные индивидуальные значения понятия, или их «личностные смыслы». Мне могут возразить, что общие значения понятий представлены, например, в словарях. Однако в последних значения понятий нет вовсе. Они существуют там лишь потенциально. В словарях есть лишь то, что называется в логике «определениями понятий», — материальные объекты (языковые конструкции) в виде специальных предложений и даже текстов. Причем в разных словарях предлагаются разные определения, но даже одно и то же определение, воспринятое разными людьми, актуализирует в каждом конкретном сознании различающиеся между собой индивидуальные смыслы. И все же индивидуальные значения понятий часто настолько сходны, что можно условно говорить об «общем значении» понятия, пренебрегая индивидуальными различиями значений, что делает возможным понимание людьми друг друга.

Кроме индивидуального и «общего значения» понятий, вслед за Л. С. Выготским (2005д) целесообразно различать «узкое» и «широкое» значения понятий. Первое рассматривают как устойчивый смысл, остающийся при использовании понятия в любых контекстах. Это значение понятия вне контекста, то есть вне любой вербальной конструкции, включающей в себя это понятие, своего рода «чистое общее значение» понятия. Второе — это конкретное значение, связанное с контекстом.

Например, понятие *лист* имеет, видимо, следующее «узкое» вербальное значение: *лист — объект, размеры поверхности которого во много сотен раз больше его толщины.* То же понятие в разных вербальных конструкциях: *лист растения, лист бумаги, лист металла* и т. д. — имеет уже несколько иные значения.

Значение любого психического явления, а не только понятия, зависит от контекста — конкретной ситуации, репрезентируемой в сознании в данный момент, то есть от прочего психического содержания, связанного с данным психическим явлением. Так, даже значение такого простого, казалось бы, ощущения, как боль, вызываемого самоистязаниями религиозного фанатика, и значение того же ощущения (боль), вызванного у него же иными причинами, могут сильно различаться. Происходящее вокруг мы понимаем строго определенным образом потому, что в сознании в норме всегда присутствует глобальная целостная модель-репрезентация реальности, включающая в себя множество психических конструкций, формирующая контекст для любого возникающего психического содержания. Контекст — это общая структура психического содержания сознания на текущий момент.

Вернемся ненадолго к концептуализации и разному влиянию языков на понимание мира. В. фон Гумбольдт (2001) указывает, что:

> ...слова разных языков, даже обозначая в целом одинаковые понятия, все-таки никогда не бывают в подлинном смысле синонимами... Но подлинная сфера разнообразия в смысловой наполненности слов - обозначение интеллектуальных понятий. Здесь редкое слово выражает то же понятие, что и слово в другом языке, без того или иного очень заметного отличия. ...Каждый самостоятельный писатель непроизвольно дополняет или изменяет значение слов, потому что не может не передать свою индивидуальность языку, на котором пишет, а язык предлагает ему выражения, вызванные в свое время иными потребностями [с. 181].

Таким образом, слова разных языков, которые традиционно принято рассматривать как аналоги, имеют, оказывается, сильно различающиеся значения. У. Эко (2004) приводит, например, интересную таблицу значений сходных слов в разных европейских языках, демонстрирующую несовпадение их значений (табл. 5). Он пишет:

> ...французское слово arbre охватывает тот же спектр значений, что и немецкое Baum, в то время как французское же слово bois соответствует итальянским legno и bosco одновременно, тогда как на долю foret приходится значение «более густого лесного массива». Напротив, немецкое слово Holz значит legno, но не bosco и подводит значения bosco и foresta под общее наименование Wald [с. 78].

Таблица 5. Границы совпадения значений сходных слов в разных европейских языках

Французский	Немецкий	Датский	Итальянский
Arbre	Baum	Trae	Albero
Bois	Holz		Legno
	Wald	Skoe	Bosco
Forêt			Foresto

Видимо, смысловые различия слов, которые часто представляются нам эквивалентными, гораздо существеннее, чем мы привыкли думать.

2.8.4. Слово — понятие — значение

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) пишут в своем руководстве по психологии:

> Порождая речь, мы начинаем с мысленного проговаривания, как-то переводим его в предложение и в завершение создаем звуки, выражающие это предложение. При понимании речи мы начинаем с восприятия звуков, затем к звукам в форме слов присоединяем значения, объединяем в слова, создавая предложение, после чего как-то извлекаем из него высказывание [с. 360].

> Наиболее важный аспект слова — это, конечно же, его значение. Слово можно считать названием понятия; тогда значение слова — это понятие, которое этим словом называется. Некоторые слова не однозначны, поскольку они служат названиями более чем одного понятия [с. 364].

Данная цитата демонстрирует, что до сих пор даже в учебниках такого уровня не представлено никакой четкой картины событий, развивающихся в человеческом сознании в связи с порождением и пониманием речи. Тем не менее еще В. фон Гумбольдт (2001) почти двести лет назад прозорливо заметил:

> Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий... благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова. Называя обычнейший предмет, например лошадь, они имеют в виду одно и то же животное, но каждый вкладывает в слово свое представление — более чувственное или более рассудочное, более живое, образное или более близкое к мертвому обозначению и т. д. Недаром в период словотворчества в некоторых языках возникает множество обозначений одного и того же предмета: сколько обозначений, столько и свойств, через которые осмысливается предмет и выражение которых можно поставить на место предмета. ...Представление, пробуждаемое словом у разных людей, несет на себе печать индивидуального своеобразия, но все обозначают его одним и тем же звуком [с. 165–166].

Позже Ф. де Соссюр (2006) добавит:

> Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ [с. 77].

> Его (язык. - *Авт.*) можно локализовать... там, где слуховой образ ассоциируется с понятием [с. 39].

Классики дают нам ключи к пониманию вопроса. Надо только ими воспользоваться. Однако их идеи остаются невостребованными. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (2007) продолжают:

> Преобладающая репрезентация вербального материала в долговременной памяти не является ни слуховой, ни зрительной; она основана на значениях элементов. Элементы кодируются по их значениям даже тогда, когда это отдельные слова и, что еще более удивительно, когда это предложения. Через несколько минут после того, как вы услышали предложение, большая часть того, что вы можете воспроизвести

> или распознать, — это его смысл. Предположим, вы слышите предложение: «Автор послал комитету длинное письмо». Данные показывают, что спустя всего две минуты вы в лучшем случае только случайно сможете определить, слышали ли вы именно это предложение или предложение с тем же смыслом: «Длинное письмо было послано комитету автором» (Sachs, 1967) [с. 327].

Что хотели сказать авторы? Что значит «вербальный материал»? Изложение проблемы здесь крайне неудачное и путаное. Объявить, что «репрезентация ни слуховая, ни зрительная, она основана на значениях элементов», все равно что сказать: «эта роза ни белая, ни красная, она — живая». Авторы меняют плоскость рассмотрения в процессе этого рассмотрения. Психические репрезентации имеют модальность, и если уж авторы начали говорить о ней, то следует это продолжать, а не сравнивать, образно говоря, «доски и апельсины». Причем такой подход чрезвычайно широко распространен в психологии. Обсуждается, например, «кодирование информации: образное, вербальное и семантическое (на основе значения)». Понятно, что авторы хотят сказать и что пытаются разделить, но делают они это крайне неудачно.

Давайте разберем, что происходит, когда мы слышим языковую конструкцию, чью-то фразу, например, или видим написанное предложение. И то и другое — конструкции языка — материальные объекты, которые, будучи воспринятыми слушателем или читателем, превращаются в его сознании уже в слуховые или зрительные образы восприятия слов, то есть мысленные вербальные конструкции, или конструкции из понятий. Следовательно, речь теперь может и должна уже идти о мысленных вербальных конструкциях. Но языковая конструкция, интериоризируясь, превращается в сознании воспринимающего в последовательность вербальных образов восприятия, только если он владеет данным языком. Если же не владеет, то она остается образом восприятия модулированного шума или непонятных графических объектов. Если язык знаком, то перцептивные образы слов немедленно обретают в сознании свое символическое значение. С. Л. Рубинштейн (1999) пишет:

> Носителем значения всегда служит данный в восприятии или представлении чувственный образ — слуховой (звучание), зрительный (графический) и т. д. Но основным в слове является его значение, его семантическое содержание. Материальный, чувственный носитель значения (слово и образ слова. — *Авт.*) обычно как бы стушевывается и почти не осознается; на переднем плане обычно всегда — значение слова. Только в поэзии звучание слова играет более существенную роль... [с. 383].

Символическим значением возникшей в сознании вербальной конструкции, приведенной выше: *автор послал комитету длинное письмо,* является либо последовательность чувственных репрезентаций соответствующих событий, например зрительные образы того, как человек пишет, запаковывает и отправляет письмо куда-то — в некую комнату с людьми — комитет; либо другая вербальная конструкция, которую в литературе принято называть «глубинная структура предложения»[1], представляющая собой вербальное значение соответствующего предложения. Впрочем, даже в тех случаях, когда вербальное значение предложения состоит из очень отвлеченных, абстрактных понятий или даже из нескольких вербальных конструкций, оно само часто иллюстрируется невербальными образами.

---

[1] О глубинной структуре предложения см. разд. 2.8.5.

Таким образом, нет какой-то феноменологически особой формы «репрезентации вербального материала, основанной на значениях элементов» и при этом «не слуховой и не зрительной», как полагают многие авторы. В сознании есть только слуховые или зрительные вербальные образы и их значения, называемые исследователями «семантическим содержанием» или «семантическим кодированием информации», которые сами тоже существуют лишь в виде слуховых или зрительных образов (вербальных и невербальных) и ощущений иной модальности.

Данные о том, что люди лучше запоминают значения предложений (их глубинную структуру), чем их внешнюю форму, широко известны. Так, У. Найссер (1988) пишет:

> Закс (1967, 1974) показала, что испытуемые почти сразу забывают детали отдельных предложений, сохраняя в памяти их семантическое значение; Брэнсфорд и его сотрудники установили, что индивид скорее узнает сценарий, образованный последовательностью предложений, чем сами эти предложения... [с. 150].

О том же сообщает Дж. Андерсон (2002), обсуждая эксперименты Уоннера, показавшие, что:

> ...мы лучше запоминаем изменения в формулировке, которые приводят к изменению значения, чем изменения в формулировке, которые приводят к изменению только стиля. ...Люди обычно извлекают значение из лингвистического сообщения и не помнят точной формулировки. ...Мы, естественно, не сохраняем много информации о точной формулировке, но мы можем делать это, если нас специально попросили обращать внимание на подобную информацию. Но даже в этом последнем случае мы запоминаем стилистическую информацию хуже, чем значения [с. 143].

Р. Л. Солсо (1996) замечает в связи с этим:

> Результаты экспериментов Брэнсфорда и Фрэнкса означают, что память человека на предложения — это не просто транскрипция слов — вроде магнитофонной записи, но является результатом динамического процесса абстрагирования содержания. ...Информация из различных предложений каким-то образом объединяется в некую абстрактную форму, и эта абстракция запоминается человеком лучше, чем конкретная форма [с. 362–363].

Каким же образом «информация из различных предложений объединяется в некую абстрактную форму» и почему «эта абстракция запоминается человеком лучше, чем конкретная форма»? Начнем с вопроса: *что это за абстракция*? Вернемся опять к рассмотренному выше предложению «Автор послал комитету длинное письмо». *Можно ли считать абстракцией то, что от этого предложения сохранилось в памяти через некоторое время в форме, например, вербальной конструкции «Автор отправил письмо»?*

Нет, так как очевидно, что данная конструкция не более абстрактна, чем исходная. Другое дело, что она максимально редуцирована. Можно, по-видимому, лишь сказать, что исходная вербальная конструкция со временем трансформируется в иную вербальную конструкцию, наиболее удобную для хранения в памяти. При этом она, будучи исходно воспринятой в виде последовательности слуховых образов слов, феноменологически не меняется и остается конструкцией, состоящей из слуховых же образов слов. Если же она была воспринята как совокупность зрительных

образов слов, то (у меня, например) она тоже трансформируется в вербальную конструкцию из слуховых образов воспоминания-представления слов.

Итак, нет никакой феноменологически особой, не состоящей из вербальных и невербальных образов и ощущений «репрезентации, основанной на значении», как нет и никаких феноменологически особых «репрезентаций значения», «семантических репрезентаций» или «семантических кодов», о которых часто говорят в литературе. Есть лишь ощущения и чувственные образы (вербальные и невербальные). Эксперименты Брэнсфорда и Фрэнкса свидетельствуют о том, что человек запоминает в первую очередь то, что принято называть «глубинной структурой предложения», которая представляет собой вербальное значение воспринятого им предложения, и практически не запоминает стилистические особенности языковых конструкций – «поверхностные структуры». Сами вербальные конструкции (в том числе те, которые выступают как вербальное значение иных конструкций или понятий) могут быть представлены в сознании лишь в известных нам чувственных модальностях: зрительной, слуховой или тактильной (у слепых).

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и другие (2007) пишут:

> Несмотря на то что значение является доминирующим способом представления материала в долговременной памяти, иногда кодируются и другие его аспекты. Например, мы можем запоминать поэмы и декламировать их слово в слово. В таких случаях кодируется не только смысл стихотворения, но и точные слова [с. 327].

Введение авторами дополнительного понятия *кодирование* не только ничего не проясняет, но лишь больше запутывает вопрос. В данном случае ничего не «кодируется». Просто человек специально запоминает стилистическую форму воспринимаемых им предложений, их «поверхностную структуру», которая и воспроизводится им в дальнейшем дословно в форме выученных стихов. Здесь мы имеем дело с «точными» образами воспоминания воспринятых человеком языковых конструкций, а не с образами представления-воспоминания, составляющими вербальное значение этих конструкций.

А. Бэдделей и X. Дейл (A. D. Baddeley, H. C. Dale, 1966) провели серию экспериментов, в которых испытуемым предъявляли ряд слов и через час просили воспроизвести их. При этом испытуемые делали, как правило, не акустические, а семантические (по терминологии авторов) ошибки, то есть ошибки смысловые, а не ошибки по созвучию. Если в списке было слово ТРУД, то испытуемые скорее называли слово РАБОТА, чем ТРУП. Они заменяли забытые слова сходными по значению словами. Авторы делают вывод, что ошибки, совершаемые при воспроизведении слов из долговременной памяти, носят обычно семантический, или смысловой характер, а ошибки при воспроизведении слов из кратковременной памяти чаще обусловлены неверным восприятием – ошибки на основе созвучия. Авторы объясняют это тем, что информация, хранящаяся в кратковременной памяти, закодирована в слуховой форме, а информация, хранящаяся в долговременной памяти, – в семантической форме.

Я думаю, что полученные результаты свидетельствуют лишь о возможности трансформации в процессе хранения воспринятой и понятой испытуемыми ин-

формации. Эта трансформация сводится в данном случае к замене одних слуховых вербальных образов другими слуховыми вербальными же образами. Сказанное подтверждается выводами П. Линдсея и Д. Нормана [1974, с. 314], которые считают, что сенсорная система должна сохранять точный образ всего, что воздействует на органы чувств, будучи неспособной определить, какие аспекты вводимой информации могут быть существенными. Поэтому иконическая и эхоическая память удерживает в течение короткого времени весь материал, обеспечивая процессам распознавания возможность извлечения и выбора образов. В долговременной же памяти происходит уже актуализация значения распознанных образов, в результате чего одни акустические вербальные образы могут замещаться не только другими акустическими вербальными же образами (как в опытах А. Бэдделея и Х. Дейла), но и невербальными образами, в том числе зрительными.

2.8.5. Глубинная и поверхностная структура предложения

Н. Хомский (2005) пишет:

> ...у языка есть две стороны — внутренняя и внешняя. Предложение можно изучать с точки зрения того, каким способом оно выражает мысль, и с точки зрения его физического облика, иными словами, в плане его семантической или фонетической интерпретации. ...Мы можем сформулировать проведенное различие как различие между «глубинной структурой» предложения и его «поверхностной структурой». Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой. В этих терминах мы можем сформулировать второе фундаментальное положение картезианской[1] (ссылка моя. — *Авт.*) лингвистики, а именно: глубинная и поверхностная структуры не обязательно должны быть тождественными [с. 73].

То, что Н. Хомский называет «глубинной структурой» предложения, — не что иное, как вербальное значение предложения, то есть вербальная конструкция, которая способна максимально эффективно и кратко передать его смысл. Кстати, в последние годы понятие *глубинная структура* предложения уступило место понятию *семантическая структура* [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 110].

Н. Хомский (2005) продолжает:

> Иными словами, глубинная структура, лежащая в основе предложения «Dieu invisible a cree le monde visible» («Невидимый Бог создал видимый мир»), состоит из трех абстрактных предложений (трех пропозиций: Бог — невидим, мир — видим, Бог создал мир. — *Авт.*) [с. 75].

[1] Картезий — латинизированное имя Декарта.

Если мы объединим эти пропозиции, то получим вербальную конструкцию, совпадающую с вербальной конструкцией представленного выше предложения. Автор полагает, что в таких случаях глубинная и поверхностная структуры предложения совпадают. Мне представляется, что Н. Хомский совершенно безосновательно говорит здесь об «абстрактности» глубинной структуры предложения. Понятно, что автор тем самым хочет сказать об отсутствии «глубинной структуры» в физической реальности, где есть лишь предложение, то есть «поверхностная структура». Однако термин этот выбран неудачно, хотя и другие исследователи широко используют его при обсуждении глубинного значения предложения. Правильнее было бы говорить не об «абстрактности» глубинной структуры (понимаемой в данном случае как аналог «выдуманности»), а использовать какой-то иной термин, так как понятие *абстрактный*[1] здесь не вполне уместно.

Надо сказать, что многие предложения обладают не только вербальным, но и сенсорным значением, следовательно, понятие *глубинная структура* предложения должно, по-видимому, включать и то и другое, а не только вербальное значение предложения. Н. Хомский же вообще не рассматривает «глубинную структуру» в плоскости чувственного значения предложения, так как считает язык «отдельным когнитивным модулем». Между тем чувственное значение часто играет при понимании нами предложений даже бо́льшую роль, чем значение вербальное. Например, в предложениях «Тучи заволокли небо, и брызнул дождь» или «Пыль летала в лучах солнца, пробивавшихся сквозь шторы» именно чувственные их значения, в первую очередь зрительные образы, играют для нас особенно важную роль.

Сенсорное значение предложения часто играет определяющую для понимания смысла предложения роль. Рассмотрим, например, предложение «Портье взял ключ». Сходными «поверхностными структурами» будут фразы: «ключ, взятый портье», «портье, взявший ключ», «взятый портье ключ» и т. п. Возможна и даже грамматически правильна фраза «Ключ взял портье». При этом у нас не возникает образа большого ключа, который взял маленького портье, так как глобальная сенсорная модель-репрезентация окружающего нас мира, которой мы обладаем, однозначна и включает в себя лишь визуальный образ человека, берущего ключ. Обратное в окружающем мире невозможно. В каком-то ином, фантастическом мире, может быть, и да, но в нашем — нет. И именно эта наша сенсорная модель целиком определяет значение предложения — глубинную структуру всех его возможных поверхностных структур.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг [2001, с. 423] приводят данные Д. Слобина о том, что активные формы предложения обычно понимаются быстрее, чем пассивные. Например, нужно больше времени, чтобы понять второе (пассивное) предложение, чем для того, чтобы понять первое (активное), в следующей паре: *Спаниель укусил сенбернара. Сенбернар был укушен спаниелем.* В то же время отмечают, что испытуемые одинаково быстро понимают следующие два предложения: *Собака съела мясо. Мясо съедено собакой.*

[1] ...Абстрактная идея представляет собой нечто неосязаемое, рассматриваемое без конкретных примеров... [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 15].

Мне представляется, что в случае с собакой и мясом именно чувственная модель (сенсорное значение предложения) облегчает понимание языковой конструкции и не позволяет воспринимающему перепутать, кто и с чем что сделал. У нас есть лишь одна сенсорная модель: *Собака ест мясо*, и не существует другой модели: *Мясо ест собаку*. В случае двух действующих объектов – спаниеля и сенбернара существуют две равноценные сенсорные модели, которые и затрудняют понимание второго предложения.

Авторы (2001) цитируют философа Х. П. Грайса, который утверждает, что:

> ...разговором управляет небольшое количество правил, или максим. Одна из этих негласных максим – максима уместности – требует, чтобы партнеры по разговору говорили вещи, которые относятся к делу. Такое правило помогает нам понять следующий диалог: «Брайан: "А где же ростбиф?" Фернанда: "Не знаю, но у собаки весьма довольный вид"» [с. 424].

Мне кажется, что данный диалог понятен обоим тоже только потому, что в сознании каждого из них имеются разнообразные визуальные модели собак и их поведения, в том числе собак, «имеющих довольный вид», который связан с приемом пищи и особенно мяса. Именно поэтому, а не из-за наличия «максим» собеседники и понимают друг друга. То же самое относится к следующему диалогу, который приводят авторы:

> «Женщина: "Я ухожу от тебя". Мужчина (в гневе): "Кто он?!"» [с. 426].

И той и другой стороне понятно, что если женщина уходит от мужчины, то она обычно уходит к другому мужчине, образы которого или вербальные конструкции, моделирующие которого возникают в сознании собеседников. Следовательно, здесь дело тоже в привычных и часто чувственных моделях реальности, а не в абстрактных «максимах».

Н. Хомский (2004, 2004а) полагает, что в части случаев поверхностная структура предложения может совпадать с его же глубинной структурой. Данное утверждение, однако, лишь усложняет понимание вопроса. Поверхностная структура – это порядок расположения физических объектов – слов, их структура и организация в предложении. Поэтому нет никаких оснований рассматривать ее вместе со значением предложения или его глубинной структурой, так как это принципиально разные, несравнимые и даже несопоставимые сущности, располагающиеся в непересекающихся плоскостях.

Предложение – это особый сложный физический объект, состоящий из простых физических объектов – слов. Тогда как значение предложения – это разнообразные психические явления, возникающие в сознании человека, воспринявшего предложение. Нельзя поэтому в психологии говорить о совпадении поверхностной и глубинной структуры предложения, хотя это, возможно, и приемлемо для лингвистики. В психологии можно говорить лишь о совпадении или сходстве воспринятой вербальной конструкции с ее вербальным значением. Мы имеем это, например, в случае пропозиций или простых вербальных конструкций типа: *Охотник убил лису*. Но и здесь надо отдавать себе отчет, что не существует неизменного и постоянного вербального

значения даже у такого простого предложения, хотя бы потому, что оно зависит от общего контекста.

О глубинной и поверхностной структуре можно говорить не только применительно к предложениям, но даже и применительно к некоторым словам, находящимся, например, в процессе естественной трансформации. Так, словоформам («поверхностным структурам») «езжай», «поезжай» и «ехай» (новая форма, которую стали активно использовать последние десятилетия) соответствует одна и та же «глубинная структура» — понятие *поезжай.*

2.8.6. Понимание понятий и вербальных конструкций

Б. Рассел (2000) пишет:

> Осознание универсалий называется пониманием, а универсалия, нами осознанная, называется понятием (concept) [с. 191].

Тем не менее осознание и понимание, как я уже писал выше, с моей точки зрения, совершенно разные явления. В отношении определения понятия *понимание*[1] в отличие от понятия *осознание* наблюдается гораздо большее единодушие среди исследователей. То, что понимание и осознание — это не одно и то же, легко заметить при восприятии иностранного текста. Мы осознаем наличие текста, даже понимаем, что у него, вероятно, есть недоступный нам смысл, то есть мы осознаем наличие психического образа восприятия данного объекта, но его значение недоступно нашему пониманию. Нельзя при этом сказать, что мы не понимаем того факта, что видим объект и объект этот является иностранным текстом. Следовательно, глубина понимания объекта тоже может быть разной, тогда как степень осознания всегда постоянна[2].

Г. Райл (1999) спрашивает:

> Он (человек, не умеющий играть в шахматы. — *Авт.*) видит производимые ходы так же ясно, как видит их его разбирающийся в шахматах сосед. Но ничего не понимающий в игре наблюдатель не может сделать то, что может его сосед, — оценить мастерство или его отсутствие у игроков. Так в чем же разница между простым наблюдением действия и пониманием того, что наблюдается? [С. 60.]

Разница в том, что человек, умеющий играть в шахматы, представляет возможный ход игры и сравнивает его с реальным ходом событий. Тогда как второй не в состоянии представить себе возможный ход игры, то есть в его сознании нет

---

[1] *Понимание.* 1. Способность личности осмыслять, постигать содержание, смысл, значение чего-нибудь... 2. Когнитивный процесс постижения содержания, смысла... 3. Продукт процесса понимания — само толкование чего-нибудь (текста, поведения, сновидений и т. д.)... [Большой психологический словарь, 2004, с. 395].

[2] В литературе доминирует представление о том, что степень осознания бывает разной.

зрительных образов представления, моделирующих то, как следовало бы игрокам пойти, исходя из данного положения фигур на доске. Наличие таких моделей и есть знание данной реальности и вытекающее из него ее актуальное понимание. Понимать или не понимать можно не только понятие, но и невербальный образ восприятия, например даже возникшее ощущение.

Мы понимаем нечто тогда, когда образы его восприятия в чем-то совпадают с образами, составляющими имеющуюся у нас модель-репрезентацию аналогичных аспектов реальности. И тогда, когда возникающие вербальные конструкции, описывающие его, в чем-то совпадают с имеющимися у нас вербальными конструкциями, описывающими (моделирующими) привычную, известную нам реальность. Примерно о том же, правда, в другой связи пишет А. А. Ивин (2003):

> ...поведение становится понятным, как только удается убедительно подвести его под некоторый общий принцип или образец... понимание можно определить как оценку на основе некоторого образца, стандарта или правила [с. 230–231].

Другими словами, понять чье-то поведение — это значит вербально смоделировать воспринимаемое поведение и включить эту модель в некое известное уже сходное множество, обозначенное особым понятием. А. А. Ивин (2003) цитирует Д. Данина, который пишет, что сознание человека «замусорено» привычными представлениями о том, как дóлжно и как не дóлжно себя вести:

> Эти представления вырабатывались статистически. Постепенно наиболее вероятное в поведении стало казаться нормой. Обязательной, а порой и единственно возможной. ...Это... тысячи заповедей общежития (мой руки перед едой). И физиологии (от неожиданности не вздрагивай). И психологии (по пустякам не огорчайся). И народной мудрости (семь раз отмерь). И здравого смысла (не питай иллюзий). ...Понимание можно определить как оценку на основе некоторого образца, стандарта или правила [с. 231]

Возникновение первоначального понимания той или иной новой грани реальности и ее закономерностей связано с созданием собственных чувственных и простых вербальных моделей этих аспектов реальности, актуализирующихся в сознании каждый раз при новом столкновении со сходной реальностью и обеспечивающих субъекту возможность действия в ней и антиципацию ее возможных изменений. Глубина понимания зависит от степени развития и сложности моделей, их адекватности и пригодности для эффективной антиципации на их основе возможных изменений данной реальности. Следовательно, глубина понимания ощущения, образа или понятия целиком определяется особенностями строения психической конструкции, выступающей как значение каждого из них. Чем значение репрезентации реальности сложнее и дифференцированнее, тем глубже ее понимание.

Дж. Лакофф (2004) совершенно верно замечает:

> ...индивиды могут понимать мир — один реальный мир — более чем одним способом, по крайней мере двумя несовместимыми способами — на образном и символическом уровне. Но и на каждом из этих уровней возможно совершенно разное понимание. Специалист в физиологии цвета, например, имеет по крайней мере два

противоречащих друг другу понимания цвета: обычное народно-теоретическое, согласно которому цвета находятся во внешнем мире, и научное, согласно которому это не так [с. 283].

Понимание воспринимаемого — это актуализация в сознании ранее построенных моделей, которые хотя бы как-то репрезентируют что-то похожее на воспринимаемое сейчас.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг [2001, с. 326–327] приводят данные Ф. Бартлетта, который читал испытуемым сказки других народов, а затем просил их пересказать. Содержание сказок зачастую казалось слушателям весьма странным и даже бессмысленным. И, пересказывая услышанное, они интерпретировали то, что казалось им странным, в соответствии со своими представлениями или же добавляли какие-то элементы, чтобы сюжет сказки стал более понятным и последовательным. Авторы (2001) указывают, что в результате этих и аналогичных исследований выяснилось, что:

> ...на память испытуемых сильное влияние оказывают существующие у них понятийные системы. Элементы, которые согласуются с этими системами, запоминаются без труда; те же, которые кажутся странными или непонятными, обычно искажаются или вообще не фиксируются. Те элементы, которые не существуют в стимульном материале, но которые типичны для событий такого типа, обычно «достраиваются» в памяти самим испытуемым. ...Участникам одного исследования рассказывали о визите человека к дантисту, а потом просили припомнить, что именно они услышали. Многие ошибочно припомнили, как этот человек брал карточку в регистратуре и как рассматривал журнал в комнате ожидания, хотя этого в исходном рассказе не было упомянуто вовсе (Bower, Black & Turner, 1979). В другом эксперименте участников просили подождать некоторое время в кабинете профессора; затем их попросили описать этот кабинет. Треть испытуемых «вспомнили», что в кабинете были книжные полки, хотя в действительности их там не было (Brewer & Treynes, 1981) [с. 327–328].

Итак, понимание воспринимаемого невозможно без актуализации в сознании воспринимающего сенсорной или вербальной психической конструкции, адекватно репрезентирующей эту реальность или сходные аспекты реальности, воспринятые в прошлом. Для того чтобы понимание воспринимаемого появилось при отсутствии адекватных моделей этого воспринимаемого, необходимо взаимодействие субъекта с воспринимаемыми объектами для построения их новой модели-репрезентации.

2.8.7. О вербальном значении образа и ощущения

Разные авторы говорят об одном и том же: истинно человеческие чувственные репрезентации не могут возникнуть без понятийного мышления. Так, В. Виндельбанд (2007) замечает:

> ...Кант установил, что то, что мы называем опытом и что эмпиризм обыкновенно рассматривает как нечто непосредственно данное, представляет собой уже переработку

материала, обладающего чувственными свойствами, переработку, совершаемую с помощью категорий... Они (категории. – *Авт.*)... служат той организующей силой, без которой опыт был бы совершенно невозможен... [с. 52 53].

Автор подчеркивает роль И. Канта в установлении того факта, что понятия позволяют человеку сегментировать на чувственном уровне реальность и вычленять в ней чувственное значение, присущее данным понятиям. Благодаря понятиям чувственная реальность понимается человеком уже на ином, человеческом уровне. О том же говорит М. Мерло-Понти (1999):

> Чистое ощущение, определяемое воздействием стимулов на наше тело, является «конечным результатом» знания, главным образом научного знания, только в силу иллюзии, впрочем совершенно естественной, мы ставим его в начало и считаем, что оно предшествует знанию. Это всего лишь необходимый и по необходимости же обманчивый способ представления разумом собственной истории. Он принадлежит не конституирующему разуму, но области уже конституированного [с. 66].

Ту же мысль развивает Х. Патнэм:

> Даже наше описание наших собственных ощущений, столь дорогое как исходный пункт знаний для поколений эпистемологов, находится (так же как и сами наши ощущения) под сильнейшим влиянием множества концептуальных выборов. Сами «входные» данные, на которых основывается наше знание, отягощены концептуально [цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 343].

Иными словами, простейшее наше ощущение — это уже результат знания, в том числе вербального, так как без последнего нет ни глубокого человеческого понимания ощущения, ни даже понимания того, что это именно ощущение. Бессмысленно рассматривать, что в ощущении «первично» или что «главное» — сенсорные или несенсорные элементы. И то и другое абсолютно необходимо, по крайней мере в человеческом восприятии.

Невербальные модели несравнимо более разнообразны и индивидуальны, чем вербальные, но они не могут быть никак «переданы» другому сознанию в отличие от последних. Именно вербальные модели (и в первую очередь понятия) помогают человеку выделять и упорядочивать его собственные сенсорные модели окружающей реальности. Благодаря унифицирующей и квалифицирующей функции языка ребенок начинает воспринимать собственные сенсорные переживания *боли, тепла, сладкого, приятного* и т. д. именно как *боль, тепло, сладкое, приятное* и т. п., но только тогда, когда усваивает соответствующие понятия. Соответственно сенсорные модели человека, овладевающего языком, начинают принципиально отличаться от сенсорных моделей животных появлением в их значениях вербального компонента. У взрослого человека, по-видимому, вообще нет чисто сенсорных моделей реальности. Они всегда смешанные — сенсорно-вербальные.

Окружающая нас реальность, репрезентированная нам на чувственном уровне, по мере усвоения языка структурируется сознанием уже на вербальном уровне. Эти уровни неразрывно связаны между собой и обычно дублируют друг друга, но порой чувственные и вербальные модели могут существенно расходиться. Ж-Ф. Лиотар (2001) демонстрирует такие «диссоциированные» модели одной

и той же физической сущности, рассматривая иллюзию Мюллера – Лайера. Две равные параллельные прямые (см. рис. 25) кажутся наблюдателю разными, то есть «объективная» вербальная модель физической сущности приходит в противоречие с «субъективной» чувственной ее же моделью. Ж-Ф. Лиотар (2001) пишет:

> ...необходимо разъединять перцептивное окружение и то окружение, которое Коффка называет «географическим», – то, что непосредственно дается, и то, что конструируется посредством концептуального и инструментального опосредования... [с. 67].

Тем не менее обычно наши вербальные модели окружающего мира непротиворечиво описывают и дополняют наши чувственные репрезентации его же.

2.8.8. Языковые универсалии

Как я уже неоднократно отмечал, по мнению ряда авторитетных исследователей (Н. Хомский, Дж. Фодор и многие другие), «существует автономная языковая способность, которая не использует общие когнитивные способности», то есть язык является отдельной «модульной системой», независимой от всего остального познания, «язык игнорирует общий когнитивный аппарат», «разум в целом использует один вид категоризации, тогда как язык использует совершенно другой».

Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал, П. Р. Дасен (2007), ссылаясь на работы 60–70-х гг. (Lenneberg; Eibl-Eibesfeldt), посвященные исследованию когнитивного развития глухих детей, отмечают, что последнее может происходить по крайней мере в определенной степени, независимо от доступности языка. Авторы сообщают, что в результате этих исследований:

> ...было выдвинуто предположение о существовании генетической базы, которая должна проявляться как универсалии языка. В классической работе о биологических основах языка Леннеберг (1967) доказывал, что процессы, с помощью которых реализуется язык (включая его структурные свойства), являются врожденными. Возможно, наиболее весомым доказательством этого является то, что глухие дети включают подобную языку структуру в свои жесты. ...Следуя идеям Леннеберга, Хомский... предположил, что существует универсальная грамматика, которой подчинены все языки человечества. ...Согласно Хомскому, имеется врожденное «устройство для овладения языком», которое определяет его потенциальные возможности. При рождении разум наделяется ментальным представлением об универсальной грамматике. В своих работах Хомский проводит существенное различие между внешней структурой высказывания и его глубинной структурой. Внешняя структура (высказывание в том виде, как оно выглядит) может быть изменена через ряд преобразований в глубинную структуру... Не так давно Хомский (2000) подтвердил свою позицию о том, что способности к языкам могут рассматриваться как «языковой орган», так же как и зрительная или иммунная системы. Эта способность генетически обусловлена, и ее первоначальное состояние одинаково для всех видов [с. 186–187].

Сами авторы, однако, занимают достаточно широко распространенную более умеренную позицию, согласно которой язык, конечно, обусловлен биологическими способностями ребенка, однако из этого не следует, что генетически наследуются психические по своей природе гипотетические «языковые универсалии», некие «врожденные идеи», «универсальная грамматика» или что-то подобное. В то же время авторы, по их же словам, не могут объяснить многие удивительные факты. Они, например, пишут:

> Голдин-Мидоу и Майлендер (Goldin-Meadow & Mylander, 1998) обнаружили, что глухие дети и в США, и в Китае использовали ряд жестов для передачи сообщений, тогда как слышащие дети и взрослые обычно пользуются только отдельными жестами. Эти авторы пришли к выводу, что структурное сходство жестов детей было поразительным, несмотря на большие различия условий окружающей среды, и, следовательно, именно поэтому их можно считать врожденными [с. 187].

Р. Л. Солсо [1996, с. 355] подчеркивает, что исследователи не в состоянии также понять и объяснить, как ребенок порождает грамматически правильное предложение, которого он никогда не слышал.

Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001) замечают:

> ...по мнению многих исследователей, языковые модели слишком сложны, чтобы содействовать тому чудесному научению, которое мы наблюдаем у детей. Следовательно, ребенку требуется некоторое руководство, выходящее за рамки того, что содержится в стимуле. Откуда может взяться это руководство? Многие ученые, которые поддерживают это утверждение о «бедности стимула», приходят к выводу, что обучение языку должно иметь какую-то генетическую основу, что маленький ребенок неврологически «запрограммирован» выучить язык. Это генетическое руководство дополняет информацию, имеющуюся в речи, которую слышит ребенок, давая процессу обучения возможность идти вперед (Chomsky, 1965; Lenneberg, 1967; Gleitman, 1981...) [с. 414].

> Другими словами, ребенок знает такие вещи о языке, которые выходят далеко за пределы тех лингвистических данных, которые он получает. Это наводит на мысль, что он должен иметь какое-то начальное преимущество при изучении языка — некоторые знания, не зависящие от специфики того или иного языка (обсуждение этих положений см. в Chomsky, 1981; P. Bloom, 1994; Pinker, 1994; Gleitman & Newport, 1995) [с. 435].

Понимание механизмов усвоения языка составляет, по мнению исследователей, «фундаментальную проблему» современной лингвистики. Сам Н. Хомский и его многочисленные сторонники и последователи занимают гораздо более радикальную позицию, полагая, что существуют так называемые «врожденные языковые универсалии». Н. Хомский (2005) обращает внимание на несоответствие между немногочисленными и некачественными исходными данными, которые представляет собой язык окружающих ребенка взрослых людей в процессе его обучения языку, и возникающей у ребенка в результате обучения сложнейшей и стройной системой его собственного языка. Он (2005) пишет:

> ...носитель языка знает множество вещей, которым он вовсе не обучался, а его обычное языковое поведение, по-видимому, невозможно объяснить в терминах «регуляции поведения стимулами», «обусловливания», «обобщения и аналогии»,

«моделей» и «привычных структур» или «предрасположений к реакции» в любом приемлемом и вразумительном смысле этих терминов, которыми слишком долго злоупотребляли [с. 144].

Данный факт Н. Хомский [1972, с. 158–174] объясняет наличием у ребенка некоего врожденного механизма, «внутреннего схематизма», который только и позволяет ему усвоить универсальную грамматику. Автор (2005) продолжает:

> Должны существовать некие языковые универсалии... Если считать эти причины врожденным свойством мыслительной деятельности, тогда открывается возможность дать объяснение тому вполне очевидному факту, что говорящий на данном языке знает множество вещей, которые он вовсе не усваивал в процессе обучения. ...Короче говоря, усвоение языка – это рост и вызревание сравнительно неизменных способностей в подходящих для этого внешних условиях. ...Смелая гипотеза о врожденном характере ментальных структур, выдвинутая в рационалистической психологии и философии разума, устранила необходимость проводить резкое различие между теорией восприятия и теорией обучения [с. 123–132].

В другой работе Н. Хомский [2004а, с. 176–177] говорит о том, что его выводы относительно усвоения детьми языка находятся в полном соответствии с учением о врожденных идеях и подтверждают это учение.

Итак, по мнению Н. Хомского, существуют некие врожденные ментальные структуры, присущие любому ребенку, рост и созревание которых обеспечивают усвоение им любого языка. Эти ментальные структуры универсальны и не связаны с конкретным языком. С легкой руки Н. Хомского в литературе широко обсуждаются сейчас разнообразные универсалии[1] (языковые, грамматические, лингвистические, синтаксические, врожденные), а также универсальная грамматика и семантика, универсальные правила и условия, универсальная глубинная структура и т. д. Попробуем разобраться, что означают и означают ли что-то вообще некоторые из этих понятий.

В литературе нет ясного понимания того, что собой представляют перечисленные сущности. Сам Н. Хомский в разных своих работах по-разному пытается объяснить, например, что такое «глубинная структура». Она представляется им то как врожденные абстрактные идеи, по сути дела врожденные вербальные конструкции,

---

[1] *Универсалии языковые* – свойства, присущие всем языкам или большинству из них [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 535].

Универсалии лингвистические. Лингвистические аспекты, которые являются общими для всех естественных языков. Эти гипотетические универсалии обычно принято подразделять на два типа: *субстантивные универсалии*, которые представляют общие аспекты описания естественных языков, такие как отличительные черты, каталоги классов слов, наборы семантических черт и т. д., и *формальные универсалии*, которые представляют суть порождающих правил, имеющихся в естественных языках, таких как трансформации [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 395].

Универсальная грамматика. Гипотетический набор основных грамматических принципов, которые считаются фундаментальными для всех естественных языков [Большой толковый психологический словарь, 2001, с. 202].

то как врожденная склонность к языку, то как система универсальных правил, то как некая врожденная схема обработки информации и формирования абстрактных структур языка. Н. Хомский полагает, что ребенок владеет с рождения тем, что он называет «универсальной грамматикой» и врожденными универсальными правилами языка. Эти правила, по его мнению, позволяют ребенку в последующем трансформировать универсальные глубинные структуры в предложения конкретного языка. Н. Хомский (2005) пишет:

> Чтобы образовать из... глубинной системы элементарных предложений реальное предложение, мы используем определенные правила (в современных терминах — грамматические трансформации) [с. 77].

При этом он (2004) отмечает, что:

> ...обычно человек не осознает тех правил, в соответствии с которыми осуществляется интерпретация предложений в языке... [с. 102, 128].

Другими словами, по его мнению, универсальными правилами языка владеют все люди; правила эти врожденные, существуют в не очень понятной форме «врожденных абстрактных идей», и при этом мы их еще и не осознаем.

Так же, как Н. Хомский, считают и многие другие авторы. Дж. Р. Андерсон [2002, с. 357], например, говорит о том, что десятилетние дети имплицитно достигают того, чего поколения лингвистов со степенью доктора философии не могут достигнуть эксплицитно. Они усваивают тысячи правил естественного языка. Ни один лингвист за всю свою жизнь не смог описать грамматику какого-либо языка так, чтобы охватить все грамматические типы предложений, но все мы еще в детстве усваиваем такую грамматику. Это наше имплицитное знание грамматики языка мы можем только продемонстрировать, но не можем ясно сформулировать. В. Ф. Петренко (2005) тоже пишет:

> Так, маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке (то есть обладать language perfomance), но не осознавать правила грамматики (language competence). Но ведь если ребенок порождает грамматические правильные конструкции, то, следовательно, правилами, по которым он строит речевое высказывание, он владеет, но не осознает их [с. 380].

Нет. Никакими правилами ребенок не владеет. Он просто подражает взрослым. Его в 1,5–3 года никто не учит правилам языка. Его учат говорить, что не то же самое. В реальном усваиваемом им языке не содержится никаких правил. «Правила естественного языка» выдуманы теми самыми «поколениями лингвистов», и речь может идти не об имплицитном знании правил детьми, а лишь об усвоении ими умений, или психомоторных навыков использования родного языка. То, что, подражая взрослым, ребенок усваивает привычные обороты речи часто даже без понимания не то что каких-то правил и закономерностей речи, а даже порой без глубокого понимания используемых им понятий, иллюстрирует тонкое замечание Л. С. Выготского (2005в):

> ...ребенок, который в спонтанной речи безукоризненно правильно употребляет союз «потому что», еще не осознал самого понятия «потому что» [с. 414].

Взрослые, кстати, тоже не владеют никакими правилами построения речевых высказываний, если специально не изучали их в школе. Впрочем, даже если и изучали, то правила касались письменного, а не устного языка. И взрослые, и дети имеют лишь навыки правильной речи, что не эквивалентно грамматическим правилам построения высказываний. Взрослый человек, кстати, не владеет не только правилами устной речи, но и правилами ходьбы, бега, езды на велосипеде или катания на коньках, да и не знает, как он совершает большинство своих сложнейших действий, но при этом отлично их делает.

Я думаю, что для того, «чтобы образовать из глубинной системы элементарных предложений реальное предложение», говоря понятнее, вербализовать существующую в сознании, например, чувственную модель реальности, мы не используем никаких правил языка. У нас — носителей разных языков исходно нет в сознании к моменту усвоения родного языка знания каких-либо правил построения собственной речи. Нет их и даже уже тогда, когда мы владеем устной речью в совершенстве, например, при поступлении в начальную школу. Так же, как нет знания правил любых других своих движений и действий. Мы просто учимся данным действиям и так же учимся вербализовывать имеющиеся в нашем сознании чувственные конструкции в соответствии с усвоенными ранее в процессе общения с окружающими навыками речи по аналогии с речью окружающих нас людей. Правила выдумывают потом лингвисты, изучающие наши языковые конструкции. Ч. У. Моррис (1998) пишет о том же:

> Обычно правила использования знаковых средств не формулируются теми, кто употребляет язык... они существуют скорее как навыки поведения... [с. 56].

Очень характерно признание самого Н. Хомского (2004):

> Как неоднократно подчеркивалось, традиционные грамматики в значительной степени обращаются к сообразительности говорящего. Они не формируют в явном виде правила грамматики, но скорее приводят примеры и делают намеки, которые дают возможность понятливому читателю определить грамматику некоторым способом, который сам по себе непонятен [с. 102].

Из сказанного лишний раз следует, что никаких правил, «связывающих сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов» [там же], нигде, кроме как в сознании исследователей этих «сигналов и семантических интерпретаций», нет. Но их можно создать, разработать, что успешно и делается. Можно также разработать правила ходьбы или бега. Такие правила, кстати, даже, весьма возможно, были бы полезны, к примеру, учащимся бегать трусцой. Так же, как правила письменного родного языка полезны ученикам, изучающим письмо в школе.

Удивительные достижения детей объясняются тем, что они усваивают понятия и слова языка не на «пустом месте», а на основе уже существующих у них сложнейших сенсорных моделей реальности. И понятия становятся составной частью этих уже работающих у ребенка моделей, а не чем-то самостоятельным и независимым от прочего когнитивного развития — «отдельным лингвистическим модулем», как полагает доминирующая в психологии и лингвистике теория языка. В процессе

усвоения ребенком навыков речи понятия и конструкции из понятий сначала просто как бы дублируют чувственные модели окружающего ребенка мира. Ребенок способен выучить любой язык, потому что важной частью любого языка является совокупность знаков, которые лишь замещают существующие уже в его сознании сенсорные модели окружающего мира. Ребенок просто меняет одни свои психические модели — прямые — чувственные, на другие — символические — вербальные. Сам Н. Хомский (2005) говорит:

> Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут разниться от языка к языку. Поверхностная структура, образующаяся в результате этих трансформаций, разумеется, не выражает непосредственно значимых связей между словами, за исключением простейших случаев. Семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания [с. 78].

Другими словами, автор полагает, что «глубинная структура», представляя собой форму мысли, не зависит от конкретного языка и является общей для разных языков, но тогда, раз она универсальна для всех языков, следовательно, она существует в невербальной форме, так как мысленные формы — образы слов каждого языка существуют лишь в специфических для данного языка вербальных вариантах (образах слов этого языка). Однако автор нигде не говорит о том, что глубинная структура невербальна. Напротив, он (2005) пишет о том, что она «есть базисная абстрактная структура» [с. 73], о том, что она «состоит из абстрактных предложений» [с. 75]. Тогда возникает вопрос: *если глубинная структура представляет собой вербальные конструкции, которые, по сути своей, всегда специфичны, так как выражены в словах конкретного языка, то как она может быть «общей для всех языков», как считает Н. Хомский [2005, с. 78]?* В этом случае она должна была бы быть создана из понятий некоего нового универсального языка, но такого нет.

Остается предположить, что она либо не универсальна, либо универсальна, но невербальна, то есть состоит из невербальных психических форм, универсальных для всех людей Земли. Мы знаем, что такие невербальные и универсальные для всех людей формы есть. Это чувственные модели-репрезентации окружающей каждого человека сходной реальности. Следовательно, если отказаться от предположения Н. Хомского, что универсальные глубинные структуры по своей форме — некие «абстрактные предложения», и принять, что они представляют собой общие для людей чувственные модели окружающего мира, то «кубик Рубика складывается», задача решается и мы можем объяснить, что за универсальная «глубинная структура» «трансформируется в поверхностные структуры, типичные для каждого языка». Причем «делает это по правилам, присущим каждому языку».

В том случае, если значением нескольких поверхностных вербальных структур (читай — предложений), сформированных в разных языках и описывающих

окружающую реальность, будет сенсорная модель этой же реальности, которая и будет выступать в качестве «глубинной структуры», можно говорить, что последняя универсальна для всех этих поверхностных структур, так как индивидуальными различиями сенсорных моделей в силу биологической общности людей можно условно пренебречь. Однако такая «глубинная структура» — это уже совсем не «глубинная структура» в понимании Н. Хомского, так как он обсуждает лишь то, что является вербальным значением предложения. Вероятно, именно поэтому сам Н. Хомский [2004, с. 104] с сожалением замечает, что «универсальная семантика находится в чрезвычайно неудовлетворительном состоянии» и что:

> ...в глазах современных лингвистов попытка обнаружить и описать глубинные структуры, а также выявить трансформационные правила, которые связывают их с поверхностными формами, выглядит несколько абсурдной [2005, с. 105].

Данное обстоятельство представляется мне вполне естественным и закономерным, так как не может существовать никакой универсальной для всех языков семантики, если мы имеем в виду вербальные значения предложений, сформулированные в понятиях, присущих разным языкам.

Универсальные закономерности усвоения людьми разных языков свидетельствуют о том, что язык является частью когнитивного аппарата человека и использует общие когнитивные способности, а вербальные модели надстраиваются над чувственными как их естественное дополнение и продолжение, ибо «корни языка» «вырастают» из чувственных невербальных репрезентаций мира. Если мы поймем данный факт, то становятся ясными и многие другие неясные пока вопросы.

Например, такой потрясающий, по мнению Н. Хомского [2004, с. 103], аспект языковой компетенции, как способность человека производить новые предложения, которые мгновенно понимаются другими людьми, хотя они не имеют сходства со знакомыми предложениями.

В этом факте нет ничего удивительного, потому что значения языковых конструкций чаще всего являются адекватными моделями разных аспектов окружающего мира и легко встраиваются в глобальную сенсорную модель-репрезентацию мира, существующую и в сознании говорящего, и в сознании слушателя. Причем вербальные элементы этой модели представляют собой своего рода многочисленный, но все же ограниченный «набор деталей» сложного языкового «конструктора». И если новые языковые конструкции адекватно «дублируют» чувственные модели реальности, то их понимание людьми не вызывает особых трудностей. Если же они неадекватны чувственным моделям, то даже правильно грамматически выстроенная языковая конструкция становится бессмысленной: «Шутливое солнце тяжело обдувало грустное облако».

Н. Хомский (2005а) полагает, что:

> ...носители английского языка интуитивно знают, что местоимение he («он») можно понять как относящееся к Джону в (1), но не в (2): (1) John said that he was happy. «Джон сказал, что он счастлив». (2) He said that John was happy. «Он сказал, что Джон счастлив [с. 18–19].

Однако для объяснения понимания предложений в данном случае не требуется привлекать никаких якобы врожденных интуитивных знаний. Ребенок прекрасно понимает потенциально содержащуюся в языковой конструкции модель реальности, так как здесь вербальная модель дублирует сенсорную. В первом случае «Джон сказал, что он (Джон) счастлив». Во втором случае «(Некто) он (другой) сказал, что Джон счастлив». В основе этих языковых конструкций лежат чувственные модели, которые репрезентируют разную реальность. И данный факт очевиден для носителя языка, хотя в предложениях и используется одно и то же слово «он», так как существенно не столько само слово, сколько в целом вербальная модель, в которой оно используется.

Самые элементарные фразы у младенцев появляются значительно позже, чем они научаются чувственно моделировать и опознавать предметы (см., например: Д. Шэффер, 2003; Х. Би, 2004; Г. Крайг, 2004 и др.). Из этого следует, что задолго до появления вербальных конструкций у ребенка появляются полимодальные модели-репрезентации объектов и их действий, в том числе чувственно-образные аналоги того, что позже превратится у них в разнообразные пропозиции. Чувственные модели и являются тем, о чем Н. Хомский пишет как о «врожденных языковых универсалиях». Ребенку, имеющему уже, например, чувственно-образную модель действующего объекта — мурлыкающей кошки, не составляет большого труда заменить в этой существующей уже модели чувственные образы усвоенными понятиями *киса* и *мурлычет* для того, чтобы получилась первая элементарная пропозиция, а затем и фраза.

Освоение языка ребенком идет по стопам чувственного моделирования реальности на базе уже построенных чувственно-образных ее моделей, что резко облегчает и упрощает усвоение языка. Для того чтобы построить фразу, ребенку надо просто запомнить образы соответствующих слов и адекватно заменить ими собственные чувственные предпонятия. Естественно, ему для этого не надо усваивать никаких правил грамматики. Надо лишь приобретать психомоторные навыки, поначалу копируя действия окружающих, в том числе вокальные. Сенсорные семантические конструкции, лежащие в основе языка и превращающиеся впоследствии в значения языковых конструкций, ребенок имеет еще до усвоения им самого языка. Чувственные модели определенных аспектов реальности и описывающие их же языковые вербальные конструкции — это лишь разные формы моделирования одних и тех же окружающих ребенка сущностей. Ж. Пиаже (1998) говорит:

> Если придерживаться фактов психогенеза, то прежде всего можно констатировать существование стадий, по которым, по-видимому, происходит процесс длительной последовательной структурации. Это начальный сенсомоторный период, предшествующий языку, когда у человека формируется некоторая логика действия (отношение порядка, вхождение схем, пересечение, постановка в соответствие и т. д.), изобилующая открытиями и даже изобретениями (перманентные объекты, организация пространства, причинности и т. п.)... [с. 90].

По мере усвоения языка ребенок естественным образом и тоже чувственно усваивает существующие в языке синтаксические языковые конструкции — словоформы

и фразы и принципы их формирования. Это дает ему возможность даже создавать новые слова. Причем его собственные неологизмы часто приходят в противоречие с отдельными, принятыми в языке словоформами и фразами — так называемые «исключения из правил языка», которые ребенок пытается исправить. Р. О. Якобсон (1978), цитируя многих авторов, пишет:

> Метаязыковая компетенция с двух лет превращает ребенка в критика и корректора речи окружающих (Швачкин) и даже внушает ему не одно только «неосознанное», но и «нарочитое противоборство» против «взрослой» речи: «Мама, давай договоримся — ты будешь по-своему говорить "полозья", а я буду по-своему: "повозья", ведь они не лозят, а возят» (Чуковский) и т. д. [с. 163].

Детское словообразование подтверждает, что дети именно моделируют с помощью слов мир, а не просто реализуют «врожденные языковые универсалии».

Р. Л. Солсо (1996) пишет:

> Грамматика преобразований исходит из простого принципа: высказывания, включая математические выражения, можно переписать в различном виде, сохранив при этом суть их значения. Этим можно объяснить, что способность человека генерировать огромное количество различных предложений и несколько разновидностей каждого из них не есть результат имитации, для чего потребовалась бы гигантская память, а есть результат присущего человеку понимания правил, по которым предложения образуются и преобразуются в другие предложения, имеющие тот же смысл. Хомский называет такую способность компетентностью [с. 353–354].

Автор, безусловно, прав в том, что способность человека создавать огромное количество различных предложений и разновидности каждого из них «не есть результат имитации», но не прав в том, что это «есть результат присущего человеку понимания правил, по которым предложения образуются и преобразуются». Это есть человеческая способность вербального моделирования и даже конструирования мира сначала на основе собственных чувственных моделей мира, а затем уже с использованием разных понятий и разных вариантов вербальных конструкций.

Итак, «глубинная структура» — это не врожденные абстрактные идеи, не врожденная система правил, не врожденная схема обработки информации и формирования абстрактных структур языка. Универсальная глубинная структура языков, о которой пишет Н. Хомский, есть не что иное, как сенсорные модели мира, возникающие у всех младенцев и зависящие больше от их индивидуальных биологических различий, чем от национальной и культурной принадлежности. Поэтому культурными влияниями на данном этапе их развития можно пренебречь. Что касается генетической предрасположенности к усвоению языка, то она, бесспорно, существует, так же, как, например, генетическая предрасположенность к формированию специфических человеческих сенсорных моделей реальности. Именно поэтому дети, как пишут Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг [2001, с. 439], берут на себя труд изобрести свой собственный язык, если им почему-либо недоступна обычная речь. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует

о том, что в основе языка лежат многообразные формы сенсорного моделирования реальности, доступные в том числе и детям, не способным вследствие тех или иных биологических дефектов усвоить нормальный язык.

Способности ребенка к языку органично вытекают из прочих психических способностей, в частности способности к формированию образа, в том числе символического, взаимозаменяемости невербальных и вербальных образов в мышлении, способности к метафорическому упрощающему иллюстрированию абстрактных вербальных конструкций и т. д. Способности к языку являются результатом основных психических способностей человека и не являются чем-то специальным, отличным от прочих когнитивных способностей.

Примечания

(1) Изменяемость. Раздражимость. Чувствительность

Широко распространенное в литературе отождествление раздражимости[1] и чувствительности[2] и даже с физическими изменениями предметов — результат неадекватного использования понятий с неясными значениями. Д. С. Деннет (2004) пишет, например: «Чувствительность вовсе не подразумевает сознания. Фотопленка выпускается с разной степенью светочувствительности, термометры изготовляются из материалов, чувствительных к изменениям температуры, лакмусовая бумага чувствительна к присутствию кислоты. Как гласит общепринятое мнение, растения и, возможно, "низшие" животные — медузы, губки и им подобные — обладают чувствительностью, не будучи способными ощущать. ...В чем состоит способность ощущать сверх и помимо чувствительности? Этот вопрос задают редко и на него еще ни разу не ответили надлежащим образом» [с. 70].

Д. С. Деннет объединяет здесь три совершенно разных явления в одно, отождествляя все с чувствительностью. Такое объединение проистекает из отсутствия четкого определения каждого из них. Первое явление следует назвать способностью к изменению, или изменяемостью. Оно присуще неживым материальным объектам, которые в силу внешних воздействий способны менять свое состояние или свойства. Так, фотопленка реагирует на свет, вещества в термометре — на изменения температуры, лакмусовая бумага — на присутствие кислоты. Изменяемость неживых объектов радикально отличается от второго явления — раздражимости живых организмов тем, что изменения в первых с очевидностью и адекватностью силе и характеру воздействия вытекают из него. В случае раздражимости ответ специфичен, неожидан и зависит в первую очередь от жизненной важности воздействия для организма. Здесь между воздействием на объект и ответом объекта вмешивается некий непредсказуемый внутренний фактор — наличие жизни в объекте. В то же время в случае раздражимости, присущей одноклеточной инфузории туфельке,

---

[1] *Раздражимость* — «1. Вообще — возбудимость... 2. Свойство всей живой ткани, способность реагировать на стимуляцию. 3. Более широкое значение: свойство органа, мышцы или их частей отвечать на определенные классы стимулов» [Большой толковый психологический словарь, 2001a, с. 165].

[2] *Чувствительность* — «способность иметь ощущения...» [Большой толковый психологический словарь, 2001a, с. 474].

например, у нас нет никаких оснований думать о наличии у последней психических репрезентаций.

Отсутствием психических репрезентаций раздражимость отличается от третьего явления — чувствительности. В тех случаях, когда можно говорить о чувствительности, мы наблюдаем возникновение совершенно новых явлений — психических ощущений. Они репрезентируют сложному живому организму результат его взаимодействия с другим объектом. В формировании психической репрезентации участвуют специализированные структуры организма — нервная система. Л. А. Орбели (1938) пишет: «Я буду стараться пользоваться понятием "чувствительность"... только в тех случаях, когда мы можем с уверенностью сказать, что раздражение данного рецептора и соответствующих ему высших образований сопровождается возникновением определенного субъективного ощущения... Во всех других случаях, где нет уверенности или не может быть уверенности в том, что данное раздражение сопровождается каким-либо субъективным ощущением, мы будем говорить о явлениях раздражимости и возбудимости» [с. 32].

Можно предположить, что раздражимость появляется лишь с возникновением жизни, а ощущение и чувствительность — лишь в результате формирования в организме достаточно сложной нервной системы и появления психики. В любом случае если раздражимость можно еще объяснить без психики, то наличие чувствительности и ощущения уже требует наличия хотя бы элементарной психики — некой новой внутренней, пригодной для специфических репрезентаций «среды» организма.

А. Н. Леонтьев (1981) полагает, что «...чувствительность (способность к ощущению) есть генетически не что иное, как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм к другим воздействиям, то есть которые ориентируют организм в среде, выполняя сигнальную функцию... Первоначально чувствительность животных, по-видимому, является мало дифференцированной. Однако ее развитие необходимо приводит к тому, что одни воздействия все более точно дифференцируются от других (например, звук шороха от всяких иных звуков), так что воздействующие свойства среды вызывают у животного процессы, отражающие эти воздействия в их отличии от других воздействий, в качественном их своеобразии, в их специфике. Недифференцированная чувствительность превращается в чувствительность все более дифференцированную, возникают дифференцированные ощущения» [с. 56].

Раздражимость, чувствительность и дифференцированные ощущения, по мнению А. Н. Леонтьева, — это разные этапы развития одного психического явления, которое на первом этапе проявляется для внешнего наблюдателя движением, а на третьем этапе может быть рефлексировано уже испытывающим его субъектом и выражено им словесно. Е. Е. Соколова (2005) добавляет: «По А. Н. Леонтьеву, появление реакции на биологически нейтральный стимул, выступающий для субъекта в его сигнальном значении, означает возникновение чувствительности — собственно психического отражения реальности. Способность организмов реагировать на биотические стимулы называется раздражимостью (она является допсихической или непсихической формой отражения мира организмом)» [с. 193].

На практике действительно достаточно трудно разграничить изменяемость, раздражимость и чувствительность. Тем более сделать это путем внешнего наблюдения.

(2) Вещь, вещественность

Воспринимаемый нами объект приобретает качество вещности исключительно благодаря особенностям нашего восприятия. Б. Рассел (2001) пишет, рассматривая аргументацию Д. Беркли:

> Вещи, как мы их знаем, являются совокупностью чувственных качеств: например, стол состоит из его видимой формы, твердости, звука, который он издает, когда по нему стучишь, и его запаха (если таковой имеется). Эти различные качества определенным образом связаны в опыте, что заставляет здравый смысл рассматривать их в качестве принадлежности одной «вещи»; но понятие «вещи» или «субстанции» ничего не добавляет к воспринимаемым качествам и не является необходимым [с. 766–767].

Обсуждая позицию Д. Беркли, В. Виндельбанд (2007) с ним соглашается:

> ...все, называемое нами вещами и их свойствами, является лишь комплексом восприятий. То, что мы во внешнем мире рассматриваем как существующее, есть лишь конгломерат состояний наших представлений. Существовать — то же самое, что быть ощущаемым: «esse-percipi» («быть — значит быть в восприятии»). Этим крайним проведением сенсуализма Беркли хочет восстановить честь здравого человеческого смысла... [с. 335].

В другой работе (2007в) автор пишет:

> ...невозможно представлять одновременно и совместно многие отдельные содержания в одном и том же акте сознания, не соединив их какой-либо связью. В области чувственного представления восприятия эта связь состоит по меньшей мере в пространственном и временном распорядке, в котором воспринимаются содержания ощущений; по большей части, однако, этот воззрительный синтез уже пропитан логическими формами, как, например, понятием вещности [с. 354].

> ...понятие сущей и длительной связи содержаний представлений есть понятие вещи... [с. 367].

До середины XX в. внешний мир казался человеку незыблемо вещным и соответствовал созданной им же модели, в которой мир и материя представлялись ему состоящими из мельчайших частичек вещества. При этом его собственная психика не вписывалась в эту модель и потребовалась дополнительная психическая конструкция для ее представления в виде особой нематериальной сущности — сознания. Однако к середине XX в. по мере развития физики вещность и корпускулярность материи стали исчезать под давлением эмпирических фактов, так как микрочастицы вдруг приобрели не присущие телам волновые свойства. Более того, физики поняли, что и это еще далеко не конец, что привычная *материя* вообще расплывается в нечто неопределенное. Появились заявления, что «материя исчезла», хотя просто прежнее содержание понятия *материя* оказалось неадекватным ее вновь открытым свойствам. Широко и активно обсуждался (см. например: Б. Рассел, 2001) вопрос: «А есть ли вещество?»

Мне представляется, что при вербальном моделировании реальности на микроуровне, который недоступен нашему восприятию, такой вопрос правомерен и ответ на него отрицателен. Но на уровне мира, репрезентируемого нашим восприятием, у нас нет оснований сомневаться в существовании вещества. Вопрос лишь в том, что следует понимать под «веществом». Наши сенсорные репрезентации — это

единственно данные нам непосредственно модели окружающей нас реальности. Все остальное, в том числе наши представления о строении микро- и макромира, — модели реальности, опосредованные вербальным мышлением, а именно последние и заставили человека усомниться в существовании вещества.

Содержание понятия *вещество* включает в себя все сущности окружающего мира, доступные нашему сенсорному моделированию. Иными словами, это понятие обозначает нечто совершенно конкретное, более чем очевидное для человека, проверенное опытом предшествующих поколений и непрерывно подтверждаемое нашими вновь и вновь возникающими чувственными моделями окружающей реальности. При этом неважно, какое дополнительное вербальное значение вкладывается потом еще сверх того в данное понятие. Главное, что оно само имеет совершенно понятное каждому сенсорное значение. В узком диапазоне нашего восприятия реальности понятие *вещество* имеет, безусловно, совершенно оправданное и вполне законное право на существование.

Что касается опосредованных вербальным мышлением моделей «микростроения вещества», то здесь наши модели могут и будут еще рушиться и заново воздвигаться самым замысловатым образом, но это не имеет никакого отношения к вопросу о существовании вещества, понимаемого как нечто, лежащее в основе наших сенсорных моделей реальности. Вещество как было, так и будет незыблемо пребывать в наших наиболее достоверных чувственных моделях окружающей физической реальности, непосредственно конституируемой нашими органами чувств в чувственной форме. Это все то вокруг нас, что имеет цвет, форму, величину, яркость, вкус, запах, твердость, шероховатость, теплоту и т. д. На уровне ньютоновского мира вещество есть и более чем очевидно. Исчезают лишь наши заблуждения по поводу его корпускулярного и волнового микростроения.

Вещество — понятие, обозначающее психическую конструкцию, репрезентирующую нечто, доступное нашим органам чувств, нечто совершенно конкретное, более чем очевидное, основанное на тысячелетнем опыте человечества и данное нам сенсорно в той самой «живой чувственной ткани образа». *Вещественность* — понятие, обозначающее другую психическую конструкцию, репрезентирующую одно из свойств создаваемого нашим восприятием объекта, заключающееся именно в его чувственной доступности человеку, в чувственной репрезентируемости.

Понятие *вещество* следует трактовать не как основу материального мира, состоящую из вещественных же атомов, электронов и более мелких частиц, а лишь как чувственную очевидность для нас наших сенсорных репрезентаций окружающей нас «реальности в себе», в том числе и наших собственных тел, данную нашему сознанию в виде так называемой «чувственной ткани» (А. Н. Леонтьев, 1972 и др.). Только в таком виде вещество безусловно реально для нас и поэтому существует. При этом, естественно, отпадает сам собой вопрос о микростроении вещества, так как вещество существует только на уровне нашего чувственного восприятия.

Очевидно, что даже после того, как наши представления о микростроении Вселенной изменятся в очередной раз, мы не перестанем воспринимать окружающую нас вещественную реальность физического мира и собственного тела. Состоит ли окружающее из микрочастиц, волн, полей или чего-то еще, для оценки восприятия внешней реальности человеком неважно. Вопрос же о том, что собой представляет

вещество или материя на микроуровне, неправомерен и неадекватен. Это псевдопроблема, так как вещность объективного мира обусловлена спецификой наших органов чувств и размерами нашего тела как части животного мира нашей планеты, которое функционирует на этом уровне и приспособлено к нему. И она ограничена границами уровня нашего чувственного восприятия. Исключительно благодаря специфике своих сенсорных анализаторов и своему сознанию мы воспринимаем объекты, например, как отдельные жестко отграниченные друг от друга чувственные, а потому и вещественные элементы реальности.

Х. Плеснер (1988) пишет:

> Граница вещи — это ее край, которым она натыкается на нечто иное, чем она сама. Одновременно это ее начало или прекращение определяет образ (gestalt) вещи или тот контур, линию которого можно проследить при помощи чувств [с. 109].

Мне представляется, что на самом деле все совершенно наоборот — именно «образ вещи», формируемый нашим сознанием, определяет «контур», создает «границу вещи» и саму вещность предмета, то есть вещь.

Несмотря на «исчезновение вещности» в микроструктуре вещества, которую там и не следовало искать, вещность окружающих нас объектов не исчезла и по-прежнему остается важнейшей особенностью непосредственно воспринимаемого нами мира. Эта вещность, данная нам в ощущениях, обусловлена особенностями нашего восприятия, а не сущностью материи. Поэтому «потеря» материей вещности на уровне микромира, которой, впрочем, никогда и не было, так как мы никогда его не воспринимали, ничего не «переворачивает» в нашем мировоззрении. Просто, анализируя внешнюю реальность, следует разделять ньютоновский мир, доступный нашему непосредственному чувственному моделированию, и микромир, доступный только опосредованному моделированию.

Следует вообще поставить вопрос о методологической неадекватности объединения этих миров и о неправомерности сведения наших чувственных моделей окружающего мира к опосредованным вербальным мышлением символическим его моделям, что приводит в итоге к последующему рассмотрению моделей микромира вместе с моделями мира, непосредственно воспринимаемого нами. Это делает, например, Б. Рассел (1999), когда пишет:

> Д-р Джонсон «опроверг» берклианское отрицание материи тем, что пнул ногой камень. Если бы он знал, что его нога никогда не касалась камня и что и нога, и камень представляют собой лишь сложные системы волновых движений, то он, возможно, был бы менее удовлетворен своим опровержением [с. 290].

Не обсуждая сам факт «опровержения», нельзя не сказать, что какие бы опосредованные конструкции мы ни строили, предполагая при этом, что в «реальности в себе» нет ни камня, ни ноги, если наши чувства моделируют камень и наш удар по нему, то, как показывает практика, в результате удара мы испытаем новое чувственное восприятие — сильную боль, а это неоспоримая и наиболее важная для нашего выживания практическая истина. Никакие наши опосредованные вербальным мышлением модели не могут быть для нас достовернее и надежнее прямых чувственных моделей. То, что на галактическом или атомарном уровне вещность мира может исчезать, играет для нас гораздо меньшую роль, чем наличие вещественных

сущностей на уровне воспринимаемого нами мира. Мы можем и должны понимать и использовать вербальные модели реальности, но вещные репрезентации окружающего мира являются для нас неоспоримыми и эталонными. Объединяя свои модели микромира с моделями воспринимаемого мира, мы совершаем методологическую ошибку и порождаем множество научных псевдопроблем. Такое объединение сродни построению умозрительной конструкции из яблок и планет на том основании, что и те и другие, согласно нашим представлениям, материальные.

Существование мировоззрения «здравого смысла» обусловлено и определяется в первую очередь нашим восприятием, которое делает не подлежащим сомнению существование мира вещей, прямой линии, веса (массы) тела и т. п. — всего того, что описывается законами физики Ньютона. При этом нам ясно также, что реальность не укладывается в мировоззрение «здравого смысла». Она гораздо сложнее, более того, она в основном недоступна нашему восприятию и воссоздается нами опосредованно с помощью выстраиваемых нашим мышлением символических психических конструкций: физика Эйнштейна, неевклидова геометрия, невещественность материи, замена массы энергией и т. д. и т. п.

Не следует пытаться перенести свои привычные сенсорные модели реальности на те ее сферы, которые могут быть смоделированы исключительно на вербальном уровне и проиллюстрированы лишь метафорически, хотя это естественный и главный прием, позволяющий нам познавать неизвестное. Например, планетарная модель атома — не более чем красивая, а главное, понятная для всех чувственная метафора — фантазия Н. Бора. Она может даже достаточно длительное время вполне удовлетворять исследователей, как удовлетворяют обывателя «сантехнические» метафоры устройства человеческого тела: «закупорка сосудов шлаками», «очистка кровеносного русла, печени или организма в целом», «перегрузка сердца» и т. п. Конечно, хотим мы того или нет, но взгляд на мир современного человека определяется и будет определяться в еще большей степени уже не столько тем, что и как он видит, сколько направляющими и определяющими его мировосприятие, моделирующими этот мир вербальными психическими конструкциями его предшественников, создающими для него особую объективную психическую реальность (С. Э. Поляков, 2004).

Тем не менее при том, что у человека всегда будут появляться новые горизонты познания, критерием истины для него останется его непосредственное восприятие. И это нормально. Постановка вопроса об «исчезновении материи» в результате физических открытий прошлого века иллюстрирует интересный феномен «расхождения» наших чувственных и рациональных моделей реальности. Мы моделируем мир как бы в двух плоскостях — чувственной и символической, или вербальной, которые, как правило, удачно дополняют друг друга. Например: сенсорная модель — визуальный образ старой кости в форме сплюснутой острой пирамидки, вербальная модель — «зуб ископаемой акулы»; сенсорная модель — ощущение сильной боли в груди, не снимаемое медикаментами, вербальная модель — «инфаркт миокарда»; сенсорная модель — визуальный образ небольшого предмета с кнопками, вербальная модель — «мобильный телефон» и т. д.

Мы привыкли к отсутствию противоречий между этими разными нашими моделями одних и тех же предметов, но применительно к модели того, что обозначается понятием *материя*, они вдруг возникли в резкой форме, потому что чувственные и вербальные модели «разошлись». Чувственные продолжали моделировать окружающее, но на уровне человеческого тела, тогда как вербальные моделировали, как всем казалось, то же окружающее, но на уровне микрочастиц. На самом деле, однако, модели просто репрезентировали совершенно разные сущности, так как соотношение макро- и микростроения окружающей нас материальной реальности не соответствует соотношению прибора и деталей, из которых он состоит. Это соотношение, как я уже говорил, похоже, скорее, на соотношение планет солнечной системы и частей живых клеток, обитающих на одной из планет. В результате соотносились между собой не планета и ее части, а планета и части клеток, обитающих на ней, то есть несопоставимые друг с другом сущности, а потому попытка «дополнить» окружающую воспринимаемую реальность ее микростроением и привела к потере материей «вещности».

Физики уже давно осознали, что представления о строении материи зависят по большей части даже не столько от самого недоступного им ее строения, сколько от того, в соответствии с какими более простыми и понятными аналогами пытаются его метафорически смоделировать исследователи. Однако сущность реальности, недоступной восприятию, не укладывается в узкие рамки наших метафорических сенсорных репрезентаций. Тем не менее никак иначе мы не в состоянии постигнуть реальность, а потому исследователи по-прежнему продолжают их строить. Так, например, теперь, после неудач с корпускулярной и волновой теориями микростроения материи, в физике рассматривается теория «струн» (см., например: Б. Грин, 2004).

Х. Плеснер (1988) говорит о том, что наше сознание даже на чувственном уровне создает лишь одну-единственную и чрезвычайно ограниченную в своих параметрах модель репрезентируемой сущности — конкретную вещь. Создает лишь ту модель, которую может, из бесконечного множества предоставляемых реальностью возможностей. И именно эта модель становится для нас достоверной, хотя она по сути своей — лишь ничтожная часть сущности. Он пишет:

> То от вещи, что реально является и может быть чувственно подтверждено, как, к примеру, дерево или чернильница, само есть лишь одна из бесконечно многих сторон (аспектов) этой вещи. Это реальное и есть для созерцания сама вещь, но с какой-то стороны, не вся вещь, каковая реально вообще никогда не может быть чувственно подтверждена «сразу». ...Кант, Гегель, а в наше время Гуссерль должным образом подчеркивали этот закон необходимой односторонности явления воспринимаемой вещи, бесконечно многосторонней, в силу своей природы, просвечивающей в явлении [с. 106–107].

И действительно, «нечто в себе», воспринимаемое нами как конкретная «вещь», неисчерпаемо. У него есть практически неограниченное количество потенций, которые могли бы превратиться для воспринимающего и конституирующего его иного сознания в признаки, число которых в нашей «вещи», однако, жестко ограничивается возможностями наших физиологических аппаратов и нашего сознания.

(3) Рефлексы

Очевидно, что организмы и на физиологическом уровне реагируют на изменения окружающей реальности. Известно, например, что даже обезглавленная лягушка рефлекторно реагирует на укол лапки ее отдергиванием. Созданная великими физиологами И. М. Сеченовым и И. П. Павловым рефлексология, или «объективная психология», успешно и довольно долго пыталась заменить «рефлексами головного мозга» психические процессы, которые считала «эпифеноменами», лишь сопутствующими актам поведения [Большой психологический словарь, 2004, 470]. В результате у многих исследователей до сих пор сохранились доминировавшие в прошлом веке в психологии представления о том, что психика к рефлекторному реагированию никакого отношения не имеет или по крайней мере имеет неопределенное и не вполне понятное отношение. Во многих учебниках по-прежнему написано, что рефлекс[1] — это «чистая физиология». *Так ли это?*

Данное Д. Майерсом (2001а) определение рефлекса: «...простая автоматическая врожденная реакция на сенсорный стимул...» [с. 80] — весьма типично для современной психологии. Из него совершенно непонятно, что же такое рефлекс, какое отношение он имеет к психологии и имеет ли вообще.

И тем не менее, видя подползающую змею, приближающуюся цаплю или тянущуюся к ней руку, лягушка рефлекторно прыгает в сторону, но, видя приближающуюся к ней муху, не прыгает, а выбрасывает язык. Очевидно, что здесь мы имеем дело с чем-то более сложным, чем просто физиологический ответ на сенсорный стимул. Это уже физиологический ответ на психический образ ситуации. Можно, конечно, гадать, на что у лягушки возникает ответ: на психическую конструкцию, моделирующую ситуацию, или на ее физиологический коррелят. Если кто-то скажет, что на последний, то возникает логичный вопрос: *для чего тогда эволюция создала высокоспециализированные органы чувств и психику, зачем нужны психические феномены, просто «иллюстрирующие» и «сопровождающие» физиологические процессы?* Более того, для нас очевидно, что уж у человека-то психика реально играет важную регулирующую роль. Следовательно, и у животных, имеющих сходные с нашими органы восприятия, психические образы не просто сопровождают соответствующие физиологические корреляты.

Важные открытия, сделанные в психофизиологии академиком И. П. Павловым (1973), остались не замеченными им, так как он сознательно отказывался принимать в расчет психику. Суть этих открытий заключается в экспериментальном доказательстве прямой связи психического образа, возникающего у животного при изменении внешней реальности, с физиологическим ответом его организма в форме двигательных и вегетативных реакций: изменения сосудистого тонуса,

---

[1] *Рефлекс.* 1. Вообще — любая относительно простая, «механическая» реакция. Рефлексы обычно рассматривают как специфические видовые, врожденные модели поведения, которые в значительной степени неподконтрольны воле и выбору и обнаруживают небольшую изменчивость от особи к особи... 3. Более метафорическое значение — любое не осознаваемое, импульсивное действие [Большой толковый психологический словарь, 2001а, с. 197].

секреции желез, частоты сердечных сокращений и др. В первую очередь в том, что психическое явление, возникая в сознании, способно самим фактом своего появления вызывать физиологический ответ, в том числе ответное действие животного. Этот принципиально важный факт давно вроде бы был очевиден, но тем не менее впервые был столь отчетливо зафиксирован.

Остался без внимания и факт образования связи между определенным чувственным образом и конкретным физиологическим ответом, а также возможность распространения этой связи на чувственные образы других объектов, которые, в свою очередь, связаны во внешней реальности с первым объектом. В экспериментах И. П. Павлова впервые было наглядно показано, что образы восприятия пищи (мяса) или ощущение боли вызывают у собаки разные физиологические реакции, в том числе специфические ответные действия.

И. П. Павлов (1973) выделял «безусловный рефлекс», врожденный и, по его мнению, не зависящий от научения. Например, выделение слюны при попадании мяса в пасть собаки. На первый взгляд, нечто вроде бы чисто «физиологическое». Однако безусловный рефлекс есть не что иное, как физиологическая реакция организма на появление в сознании собаки визуальных образов мяса и особых вкусовых и обонятельных ощущений, вызываемых мясом, попавшим в ее пасть. Можно только согласиться с И. П. Павловым, что существует врожденная способность организма реагировать физиологически на ощущения, и отнести данную способность к «безусловным рефлексам», но при этом следует подчеркнуть, что безусловный рефлекс – это отнюдь не нечто «физиологическое» вроде реакции обезглавленной лягушки на раздражение, а специфическая физиологическая реакция на то или иное возникшее психическое явление, то есть первый очевидный «мостик» между психикой и физиологией.

Академик И. П. Павлов показал, что изначально лишь вкусовые и обонятельные ощущения, обусловленные попаданием мяса в пасть собаки, и зрительный образ мяса способны вызывать у собаки физиологический ответ, например слюнотечение. Если же появлению мяса всякий раз предшествует включение лампочки, звонка или предъявление иных объектов, то после нескольких повторов экспериментальной ситуации образы восприятия светящейся лампочки, звучащего звонка и т. д. также начинают вызывать у животного аналогичные физиологические реакции. И. П. Павлов (1973) назвал это «условным рефлексом». Из этого следует, что образы объектов реальности, самостоятельно не вызывающие у животного физиологического ответа, но ассоциативно связанные с образами значимых объектов, в результате научения начинают вызывать тот же физиологический ответ. В итоге у животного образуются сложные цепочки ассоциированных психических образов и ощущений, любой из которых при появлении в сознании животного в состоянии вызывать у него соответствующую ответную физиологическую реакцию. Физиологический ответ способны вызвать не только образ загорающейся лампочки или слуховой образ восприятия ударов метронома, но даже зрительный образ восприятия черного квадрата.

Таким образом, можно говорить о формировании специфического психического комплекса, включающего в себя множество различных образов, связанных с основным, появление каждого из которых способно вызвать одну и ту же ответную

физиологическую и двигательную реакцию у животного. Еще более отчетливо это проявляется в так называемой «генерализации стимула», когда физиологическая реакция возникает в ответ на появление образов широкого круга объектов, сходных с основным. Например, собака начинает реагировать не только на желтый свет, но и на оранжевый и другой свет, хотя реакции на них слабее. Сформированный психический комплекс может разрушаться при прекращении подкрепления возникших психических связей (так называемое «затухание» условного рефлекса) и восстанавливаться при продолжении подкрепления. Это чрезвычайно важно для адаптивного поведения животного.

Данные обстоятельства остались без внимания потому, что проблема рассматривалась И. П. Павловым совершенно в иной плоскости, а у исследователей были изначально иные – бихевиористские установки в отношении психики, физиологии и подходов к их исследованию. Проблема рассматривалась даже не в рамках физиологии, а скорее в рамках естествознания вообще. При этом организм изучался как единое целое без выделения психического и физического модулей. Это наиболее четко проявилось затем в американском бихевиоризме, который оперировал понятиями *стимул* и *реакция*. Оба они не относятся ни к области психического, ни к физиологии. Это абстрактные категории. Понятие *стимул*, доставшееся психологии в наследство от бихевиоризма, по-прежнему играет в ней существенную и весьма неконструктивную роль. Дж. Гибсон (1988) замечает: «Как-то, просмотрев ряд современных работ по психологии, я обнаружил восемь различных значений термина *стимул*. ...Если стимулом можно назвать в этом мире все, что угодно, то это понятие теряет свой первоначальный смысл и становится бесполезным» [с. 95–96].

Стимул – понятие, обозначающее любое изменение реальности, с неизбежностью приводящее к изменению состояния рассматриваемого объекта, в данном случае – организма животного. *Реакция* – понятие, обозначающее любое изменение состояния наблюдаемого объекта в ответ на изменение других объектов, связанных с ним в реальности. Эти термины не дифференцируют психическое и физиологическое, а потому не позволяют увидеть проблему в требуемом нам разрезе, то есть неадекватны для психофизиологических исследований, поэтому от них необходимо отказаться. Следует также признать, что понятие *рефлекс* обозначает неоднородную группу явлений, куда входят как «чисто» физиологические, так и психофизиологические явления. К первым относятся реакции «нервно-мышечного препарата» – лягушка без головы и, например, висцеро-висцеральные рефлексы. Ко вторым – «условные» и «безусловные» рефлексы, описанные И. П. Павловым (1973).

Условные и безусловные рефлексы представляют собой стереотипные повторяющиеся двигательные ответы на возникающие в сознании образы восприятия и ощущения. Причем в возникновении как этих образов и ощущений, так и двигательных реакций на них человек совершенно не обязательно должен отдавать себе отчет, а тем более потом помнить о них.

Интерпретируя наследие И. П. Павлова, Л. М. Веккер [2000, с. 74] приводит три уровня иерархии «сигналов» (то есть явлений, запускающих двигательный ответ в рамках рефлекса): «нервные сигналы – образы – речемыслительные про-

цессы». Он тоже полагает, что работы И. П. Павлова демонстрируют, как именно физиологический, в том числе двигательный, ответ запускается непосредственно психическим образом и даже тем, что я называю вербальной конструкцией.

Из экспериментов Э. Торндайка (E. L. Thorndike, 1911) и Б. Скиннера (B. F. Skinner, 1938), тоже интерпретированных авторами с бихевиористских позиций, как и из работ И. П. Павлова (1906, 1909), можно сделать новые выводы: психические образы собственных движений и кинестетические ощущения животного, сопровождающие его успешную двигательную активность, которая привела к достижению необходимого животному изменения реальности, связываются в его сознании с образами этих изменений реальности, что приводит к повторению данных форм двигательной активности при повторном попадании в аналогичную ситуацию. Физиологическая регуляция двигательной активности организма зависит от вызываемых ею интеро- и экстероцептивных ощущений от образов восприятия собственного движущегося тела, а также образов изменяющейся в результате взаимодействия с телом внешней реальности.

Физиологические механизмы запуска и регуляции определенных движений связываются как с ощущениями, возникающими в процессе этих движений, и психическими образами самих движений, так и с образами воспоминания-представления желанных и достигнутых животным изменений реальности. В результате появление в последующем у животного образов представления желаемого изменения реальности вызывает у него определенную форму двигательной активности. Например, появление образа пищи или образа открывания дверцы клетки вызывает специфический двигательный ответ. Этот важнейший психофизиологический механизм, позволяющий животным целенаправленно воздействовать на окружающую реальность, остался не замеченным исследователями по тем же причинам — иная установка в процессе исследования.

Даже наблюдение одного животного за поведением другого животного, успешно достигшего желаемого изменения реальности, также формирует у наблюдателя связь между образом желаемых изменений реальности и образом конкретного движения. Это часто приводит к формированию психической структуры, запускающей физиологические механизмы данного конкретного движения, если у животного уже есть необходимые навыки выполнения соответствующего движения. Тут следует говорить уже даже не о простых рефлекторных действиях, а о рефлекторных формах поведения. Р. Л. Грегори (2003), например, пишет: «Можно без преувеличения сказать, что глаза освободили нервную систему от тирании рефлексов, позволив перейти от реактивного к тематическому планируемому поведению, а в конечном счете и к абстрактному мышлению» [с. 15].

Животные по-разному реагируют на образы одних и тех же объектов, находясь в разных ситуациях. Например, антилопы спокойно пасутся, видя хищников в относительном отдалении, но пускаются в бегство, стоит последним приблизиться. Это свидетельствует о том, что «запускает» физиологический ответ не столько образ конкретного объекта, сколько образ объекта в контексте прочей воспринимаемой окружающей реальности в целом.

Подводя итог, можно сказать, что непроизвольную двигательную реакцию может вызывать возникновение разных психических явлений: ощущений, образов,

невербальных психических конструкций, вербальных образов — понятий и сложных вербальных конструкций. Кстати, такая цепочка последовательно запускающих физиологическую реакцию причин хорошо известна. В медицине, например, существует феномен генерализации патологической реакции у больных бронхиальной астмой, когда бронхоспазм первоначально возникает на запах, точнее, пыльцу цветка. Затем он появляется при виде того же цветка вблизи, позже при виде цветка, даже если тот находится за стеклом. Наконец — при виде нарисованного цветка и даже в ответ на слово, обозначающее его. Таким образом, можно предположить, что появление в сознании любых психических явлений и конструкций, в том числе не только образов восприятия, но и образов представления, например, тоже рефлекторно меняет физиологическое состояние организма и в результате вызывает вегетативные реакции и двигательные ответы.

(4) Объективная психическая реальность

Объективная психическая реальность — это созданная человечеством преимущественно вербальная репрезентация реальности и человека в ней, в том числе репрезентация непосредственно человеку недоступного, доступного лишь частично и косвенно или доступного лишь в абстрактном развернутом во времени континууме, а не в настоящий момент окружающего мира. Это репрезентация реальности микромира и Вселенной, реальности физических полей и их взаимодействий, реальности межчеловеческих контактов и общественных отношений, человеческой психики, человеческих законов и традиций. Объективная психическая реальность существует только в виде психического содержания, как бы передаваемого от одного человека к другому, в том числе с помощью материальных объектов: слов, книг и других потенциальных носителей информации. Объективная психическая реальность создана людьми, то есть представляет собой искусственную нематериальную реальность (до тех пор, пока принято считать психику нематериальной). Она существует в форме изменяющегося психического содержания окружающих нас людей, выражающегося в их устной и письменной речи, а также в виде того стабильного психического содержания, которое потенциально содержится в первую очередь в языковых конструкциях научного знания, социальных законов и правил, литературных письменных и устных произведений и т. д., сохраняющихся на материальных носителях.

С детства психические объекты объективной психической реальности окружают ребенка так же неотвратимо, как его собственные чувственные модели материальной реальности. Окружающая реальность складывается для него поэтому из созданных лично им преимущественно чувственных моделей и из усвоенных им в готовом виде вербальных психических конструкций, созданных людьми на протяжении всей истории человечества. Причем эти вербальные конструкции столь же достоверны для него, как и собственные чувственные модели, и воспринимаются им

как сама собой разумеющаяся, бесспорная и существовавшая всегда окружающая физическая реальность. Существенное влияние на восприятие человеком любого объекта или явления реальности оказывает соответствующая вербальная психическая модель этого объекта или явления, присутствующая в объективной психической реальности. Именно она формирует для нас вместе с нашим чувственным образом комплексную, чувственно-вербальную психическую репрезентацию объекта, «делает» из куска старой кости зуб динозавра, а из блестящего камешка — алмаз. Можно поэтому говорить о двух сторонах психической модели любого объекта. Чувственный ее компонент психика человека создает самостоятельно, а вербальный — интериоризирует из объективной психической реальности. При этом вербальная интерпретация объекта оказывает сильное влияние даже на формирование его чувственного образа восприятия.

(5) Неадекватность положений логики

Обсуждая логику высказываний, которая «лежит в фундаменте всей дедуктивной логики», логик А. А. Ивин (1999) пишет: «При установлении истинности условного высказывания не предполагается, что входящие в него два высказывания связаны между собой по содержанию или смыслу. Такое понятие, как "связь по содержанию", вообще отсутствует в логике высказываний... Если истинно следствие условного высказывания, то, независимо от того, каким является его основание, это высказывание также истинно. С другой стороны, условное высказывание истинно всякий раз, когда его основание ложно. При этом опять-таки безразлично, истинно следствие или нет и связано оно по содержанию с основанием или нет. К истинным относятся, например, высказывания: "Если Солнце — куб, то Земля — треугольник", "Если дважды два равно пяти, то Токио — маленький город" и т. п.» [с. 155–156].

Автор продолжает: «Для классической логики вещь существует или не существует, и нет никаких других вариантов. Но как в обычной жизни, так и в науке постоянно приходится говорить не только о том, что есть в действительности и чего нет, но и о том, что должно быть или не должно быть, и т. д.» [с. 194].

Законы других разделов логики столь же далеки от реальной жизни, как и законы логики высказываний. Например, такой закон: «Ничто не может быть хорошим и плохим одновременно» [А. А. Ивин, 1999, с. 200].

А какими являются рождение неизлечимо больного ребенка или смерть человека, мучающегося от нестерпимых болей? Можно найти множество других примеров.

Серьезные проблемы возникают у формальной логики с последовательностью мышления или с логическим следованием — отношением, существующим между утверждениями и обоснованно выводимыми из них заключениями. А. А. Ивин (1999) пишет: «Острой критике классическая логика подверглась за то, что она не дает корректного описания логического следования... Следствие, которое выводится,

должно быть как-то связано с тем, из чего оно выводится. Классическая логика пренебрегает этим очевидным обстоятельством. ...Трудно отнести к обоснованным и такие истинные материальные импликации, как: "Если львы не имеют зубов, то у жирафов длинные шеи", "Если дважды два равно пяти, то Юпитер обитаем" и т. п. ...Таким образом, классическая логика не может быть признана удачным описанием логического следования» [с. 203–204].

Сходная ситуация и с противоречиями: «Классическая логика подходит к противоречиям несколько прямолинейно. Согласно одному из ее законов, из противоречия следует все, что угодно. Это означает, что противоречие запрещается, притом запрещается под угрозой, что в случае его появления в теории окажется доказуемым любое утверждение. Очевидно, что тем самым теория будет разрушена... Однако реально никто не пользуется разрешением выводить из противоречий все что попало. Практика научных рассуждений резко расходится в данном пункте с логической теорией» [А. А. Ивин, 1999, с. 206].

Доказательство в логике – это: «...процедура обоснования истинности некоторого утверждения путем приведения тех истинных утверждений, из которых оно логически следует» [А. А. Ивин, 1999, с. 214].

А. А. Ивин (1999) продолжает: «Определение доказательства включает два центральных понятия логики: понятие истины и понятие логического следования. Оба эти понятия не являются в достаточной степени ясными, и, значит, определяемое через них понятие доказательства также не может быть отнесено к ясным. ...Не существует, далее, единого понятия логического следования... Ни одно из имеющихся в современной логике определений логического закона и логического следования не свободно от критики и от того, что можно назвать «парадоксами логического следования» [с. 216].

Автор говорит также, что в XX в. «...изменились представления о лежащих в основе доказательств логических принципах. Исчезла уверенность в их единственности и непогрешимости. Возникли также разногласия по поводу того, сколь далеко простирается сфера логики. ...Р. Л. Уайдлер пишет, что математическое доказательство есть не что иное, как «проверка продуктов нашей интуиции... Совершенно ясно, что мы не обладали и, по-видимому, никогда не будем обладать критерием доказательства, не зависящим ни от времени, ни от того, что требуется доказать, ни от тех, кто использует критерий, будь то отдельное лицо или школа мышления. В этих условиях самое разумное, пожалуй, признать, что, как правило, в математике не существует абсолютно истинного доказательства, хотя широкая публика убеждена в обратном» [с. 216–217].

А. А. Ивин (1999) цитирует математика М. Клайна: «Новые контрмеры подрывают доказательства, лишая их силы. Доказательства пересматриваются, и новые варианты ошибочно считаются окончательными. Но, как учит история, это означает лишь, что для критического пересмотра доказательства еще не настало время... Интуиция может оказаться более удовлетворительной и вселять большую уверенность, чем логика», – и резюмирует: «...даже математическое доказательство не обладает абсолютной убедительностью и гарантирует только относительную уверенность в правильности доказанного положения» [с. 217].

Если уж в формализованной до предела математике доказательств не существует, то что тогда говорить о логике? Из этого следует, что нет абсолютных способов проверки истинности результатов нашего мышления с помощью неких теоретических приемов того же мышления, путем, например, логического анализа речевых конструкций, даже если мы их максимально формализуем. Не говоря уж о том, что нет никаких логических способов проверки и оценки хода нашего мышления, его истинности, правильности, точности, логичности и т. п. Привнесенные в психологию логикой понятия *истинности, правильности, точности* и *логичности* мышления не добавляют ничего позитивного, так как они исходно девальвированы несостоятельностью самого логического анализа.

А. Шопенгауэр не зря считал доказательства математики мышеловками [цит. по: А. А. Ивин, 1999, с. 218]. Действительно создается ощущение, с одной стороны, некой незаконченности рассуждений, а с другой стороны, предопределенности их результата, обусловленной чем-то вроде намеренного притягивания аргументов за уши. Как говорил А. Шопенгауэр, математические доказательства — это совершенно искусственный способ рассуждения. В повседневной жизни мы действительно так не мыслим. Это искусственная форма мышления, которая ошибочно уже много веков выдается за его единственно идеальную форму.

А. А. Ивин [1999, с. 219] предлагает рассмотреть пример прямого доказательства: нужно доказать, что сумма углов четырехугольника равна 360 градусам. Это доказывается исходя из того, что диагональ делит его на два треугольника, сумма углов в каждом из которых равна 180 градусам. Итого получается 360. Остается, однако, вопрос: а откуда мы взяли, что сумма углов треугольника равна 180 градусам? Это мы тоже из чего-то выводим, но опять возникает новый вопрос, и т. д.

Автор обсуждает другое прямое доказательство: «Нужно доказать, что космические корабли подчиняются действию законов небесной механики. Известно, что эти законы универсальны: им подчиняются все тела в любых точках космического пространства. Очевидно также, что космический корабль есть космическое тело. Отметив это, строим соответствующее дедуктивное умозаключение. Оно является прямым доказательством рассматриваемого утверждения» [с. 219].

Так-то оно все так, но от этого выстроенного доказательства не возникает уверенности в его истинности. Наоборот, появляется ощущение не доказательства вовсе, а возведения постройки из детских кубиков. По-прежнему остается сомнение в том, что космические корабли будут везде подчиняться законам небесной механики, потому что сами эти законы, возможно, действуют не везде и в разных местах по-разному. В общем, возникает твердая уверенность лишь в том, что доказательство это, несмотря на «бесспорную дедукцию» и ее «логическую достоверность», «липовое». И лучше бы посмотреть на практике, проверить эмпирически, как поведут себя космические корабли в разных точках космического пространства на самом деле. В споре и публичной дискуссии все эти логические доказательства незаменимы, но вот в науке и практике слабоваты.

А. А. Ивин (1999) пишет: «Косвенное доказательство устанавливает справедливость тезиса тем, что вскрывает ошибочность противоположного ему допущения, антитезиса. Как с иронией замечает американский математик Д. Пойа, "косвенное

доказательство имеет некоторое сходство с надувательским приемом политикана, поддерживающего своего кандидата тем, что опорочивает репутацию кандидата от другой партии"... Доказательства от противного обычны в наших рассуждениях, особенно в споре. При умелом применении они могут обладать особенной убедительностью» [с. 219–220].

Многие основные законы логики отменяются самими же логиками. Так, например, в интуиционистской логике «...не действует закон исключения третьего, несомненный для классической логики. Отбрасывается также ряд других законов... В частности, закон снятия двойного отрицания ("Если неверно, что не а, то а") и закон приведения к абсурду, дающий право утверждать, что математический объект существует, если предположение о его несуществовании приводит к противоречию» [А. А. Ивин, 1999, с. 190].

(6) Д. Беркли об «абстрактной идее»

Д. Беркли (2000) пишет: «Всеми признано, что качества или состояния вещей в действительности никогда не существуют порознь, каждое само по себе, особо и в отдельности от всех прочих, но что они всегда соединены, как бы смешаны между собой по нескольку в одном и том же предмете[1]. Но, говорят нам, так как ум способен рассматривать каждое качество в отдельности или абстрагируя его от всех прочих качеств, с которыми оно соединено, то тем самым он образует абстрактные идеи. Например, зрением воспринимается предмет протяженный, окрашенный и движущийся; разлагая эту смешанную или сложную идею на ее простые составные части и рассматривая каждую саму по себе и с исключением остальных, ум образует абстрактные идеи протяженности, цвета и движения. Не в том дело, чтобы было возможно для цвета или движения существовать без протяжения, а в том, что ум может образовать для себя посредством абстрагирования идею цвета с исключением протяжения и идею движения с исключением как цвета, так и протяжения» [с. 121–122].

Д. Беркли (2000) критически рассматривает «абстрактную идею» цвета, описываемую им так: «...отбросив от отдельных, воспринятых в ощущениях цветов то, что отличает их один от другого, и сохранив лишь то, что обще всем им, ум образует абстрактную идею цвета, который ни красен, ни синь, ни бел и вообще не есть какой-либо определенный цвет» [с. 122].

Фактически автор говорит здесь не об абстрактной идее, а о ее абстрактной иллюстрации, об абстрактном образе, «который ни красен, ни синь, ни бел и вообще не есть какой-либо определенный цвет». Подобная абстракция неприемлема

---

[1] Мы уже рассматривали выше, что качества объекта — это репрезентации того же объекта, который представлен нам в форме, например, визуального образа (основной репрезентации объекта), но репрезентации уже в других модальностях. Сформированная из репрезентаций разных модальностей полимодальная модель-репрезентация объекта и есть объект, поэтому репрезентации разных модальностей не могут быть представлены в сознании в отрыве от него, так как именно они сами в том числе его и образуют.

для Д. Беркли (2000): «Обладают ли другие люди такой чудесной способностью образовывать абстрактные идеи, о том они сами могут лучше всего сказать. Что касается меня, то я должен сознаться, что не имею ее. Я действительно нахожу в себе способность воображать или представлять себе идеи единичных воспринятых мною вещей и разнообразно сочетать и делить их. Я могу вообразить человека с двумя головами или верхние части человека, соединенные с телом лошади, я могу рассматривать руку, глаз, нос сами по себе отвлеченно или отдельно от прочих частей тела. Но какие бы руку или глаз я ни воображал, они должны иметь некоторые определенные образ и цвет. Равным образом идея человека, которую я составляю, должна быть идеей или белого, или черного, или краснокожего, прямого или сгорбленного, высокого, низкого или среднего роста человека. Я не в состоянии каким бы то ни было усилием мысли образовать вышеописанную абстрактную идею (говоря иначе – образ предмета без его качеств или образные качества без самого образа предмета. – *Авт.*). Точно так же для меня невозможно составить абстрактную идею движения, отличную от движущегося тела (образ движения без образа движущегося тела. – *Авт.*), – движения, которое ни быстро, ни медленно, ни криволинейно, ни прямолинейно; и то же самое может быть сказано о всех прочих абстрактных идеях». [с. 123–124].

(7) Физические и психические образы «здравого смысла»

Существует целая группа физических объектов, которые могут выступать в качестве заместительных копий и моделей основного объекта. Сюда относятся, например, отражения основного объекта (в воде, зеркале, других отражающих средах), а также такие искусственные объекты, как фотографии, аудио-, кино- и видеозаписи основного предмета и изображающие его картины, рисунки, карикатуры, схемы, наброски и т. п. Я вижу человека, его отражение в зеркале, его фотографию, его изображение на экране во время просмотра фильма с его участием, шарж на него, нарисованный карандашом. Во всех этих случаях очевидно, что я вижу разные материальные объекты, но в каждом из них я почему-то узнаю одного и того же человека. *Почему? Каким образом, например, выполненный в виде нескольких линий шарж актуализирует в моем сознании мысль об определенном знакомом человеке?* Более того, его вещи, место, где он живет, наконец, высказанные им мысли, которые я вспоминаю, немедленно вызывают в моем сознании некое знание о нем.

Дело в том, что отражение в зеркале, фотография, изображение на экране и шарж являются иконическими знаками, а многие другие вещи – знаками-индексами основного объекта. Соответственно, образы их восприятия немедленно вызывают в моем сознании актуализацию модели-репрезентации основного объекта. Многие из этих объектов рассматриваются с позиции «здравого смысла» в качестве «физических образов» или копий, моделей и отражений основного объекта. В соответствии с тем же «здравым смыслом» понятия *психический образ* и *физический образ*

вроде бы различаются, но их различия очень расплывчатые и далеко не очевидные. Значение понятия *психический образ* близко для «здравого смысла» к значению термина *образ (вообще)*. И тот и другой для «здравого смысла» — нечто вроде копий чего-то основного, но психический образ — копия особая: «как бы картинка, но уже в голове», «изображение» объекта в сознании, «отражение» окружающего мира или его фрагментов чем-то вроде психического «зеркала». Мышление, подчиняющееся «здравому смыслу», понимая сущностные различия между образом восприятия предмета, отражением того же предмета в зеркале и изображением предмета на бумаге, тем не менее в значительной степени отождествляет их, что выливается в общее их обозначение — «образы», закрепленное в языке.

Литература

1. *Айзенк М.* Психология: комплексный подход / М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др.; под ред. М. Айзенка; пер. с англ. С. Б. Бенедиктова. – Минск: Новое знание, 2002. – 832 с.
2. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс // Экспериментальная психологика, Т. 1. – СПб.: ДНК, 2000. – 528 с.
3. *Андерсон Дж. Р.* Когнитивная психология. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
4. *Аристотель.* Категории / Пер. А. А. Кубицкого. – М., 1939.
5. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. II. М., 1928. Перепечатано в сб.: Русская словесность. Антология. – М., 1997. – С. 269.
6. *Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С., Смит Э. Е. и др.* Введение в психологию / Под общ. ред. В. П. Зинченко, А. И. Назарова, Н. Ю. Спомиора. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 816 с. – (Большая унив. б-ка.)
7. *Бардин К. В.* Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. – М., 1976.
8. *Бауэр Т.* Зрительный мир грудного ребенка // Восприятие: механизмы и модели / Под ред. и с предисл. Н. Ю. Алексеенко. – М., 1974.
9. *Белопольский В. И.* Взор человека: Механизмы, модели, функции. – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – 415 с.
10. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. Собр. соч.: В 4 т.: Пер. с франц. – М.: Моск. клуб, 1992. Т. 1. – 336 с.
11. *Бердяев Н. А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 248–288.
12. *Беркли Д.* Сочинения / Сост., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 2000. – 560 с. – (Классическая философская мысль.)
13. *Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии активности и физиологии движений. – М.: Медицина, 1966.

14. *Берри Дж. В., Пуртинга А. Х., Сигал М. Х., Дасен П. Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение: Пер. с англ. — Харьков: Гуманитар. центр, 2007. — 560 с.

15. *Бехтель Э. Е., Бехтель А. Э.* Контекстуальное опознание. — СПб.: Питер, 2005. — 336 с.

16. *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь // Избранные труды по психологии личности: В 2 т. — СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. — С. 206–208.

17. *Би Х.* Развитие ребенка. 9-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 768 с. — (Сер. «Мастера психологии».)

18. *Бибихин В. В.* Язык философии. — М., 1993. — С. 42-43.

19. *Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа // Экзистенциальная психология / Под ред. Р. Мэя. Экзистенция. Новое измерение психиатрии и психологии / Под ред. Р. Мэя, Э. Энджела, Г. Элленбергера, 2001.

20. *Блаженный Августин.* Об учителе // Антология реалистической феноменологии. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 744 с. — С. 59–61.

21. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с фр. Н. Суслова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 200 с.

22. Большая психологическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2007. — 544 с.

23. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — 672 с.

24. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая рос. энцикл., 1996.

25. *Бом Д.* Роль инвариантов в восприятии // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 208-216.

26. *Боно А.* Психологическая наука // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. — СПб.: Питер, 2006. — С. 672–673.

27. *Брентано Ф.* Избранные работы. — М.: Дом интеллект. кн.; РФО, 1996.

28. *Брентано Ф.* Книга вторая. О психических феноменах в целом // Антология реалистической феноменологии. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 744 с. — С. 69–94.

29. *Брунер Дж.* О действенном и наглядно-образном мышлении // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — С. 87–96.

30. *Брунер Дж.* О перцептивной готовности. 2-е изд., испр. и доп. // Психология ощущений и восприятий / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 164–181.

31. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации / Пер. с англ. К. И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. А. Р. Лурия. — М.: Прогресс, 1977.

32. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. — М.: Мысль, 1977.

33. *Бэн А.* Психология // Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология / Эббингауз Г. Очерк психологии. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. — 544 с. — С. 209 -522.

34. *Вартофский М.* Модели. Репрезентации и научное понимание / Пер. с англ., общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. — М.: Пресс, 1988. — 507 с.

35. *Веккер Л. М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. — М.: Смысл; Perse, 2000. — 685 с.

36. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. — М.: Смысл; издат. центр «Академия», 2006. Т. 1.

37. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. — М.: Смысл; издат. центр «Академия», 2006а. Т. 2.

38. *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

39. *Виндельбанд В.* Избранное: дух и история: Пер. с нем. — М.: Юрист, 1995а. — 687 с. — (Лики культуры.)

40. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 1. От возрождения до просвещения: Пер. с нем. / Под ред. А. Введенского; вступ. ст. О. Бойцовой. — М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. — 640 с.

41. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 2. От Канта до Ницше: Пер. с нем. / Под ред. А. Введенского. — М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007а. — 512 с.

42. *Виндельбанд В.* Прелюдии / Пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. – М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007в. — 400 с.

43. *Виндельбанд В.* Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культорология. XX в. Антология. — М.: Юрист, 1995. — С. 57–68. — (Лики культуры.)

44. *Вольнов В.* Феноменология. — СПб.: Алетейя, 2008. — 304 с.

45. *Вольтер.* Философские сочинения. – М., 1989. – 752 с.

46. *Вудвортс Р.* Экспериментальная психология. — М.: Иностр. лит., 1950.

47. *Вудроу Г.* Восприятие времени // Экспериментальная психология: В 2 т. / Под ред. С. С. Стивенса. — М., 1960. — Т. 2.

48. *Вундт В.* Введение в психологию. 3-е изд.: Пер. с нем. / Предисл. Н. Самсонова. — М.: КомКнига, 2007. — 168 с.

49. *Вундт В.* Психология народов. — М.: Эксмо; СПб.: Terra fantastica, 2002. — 864 с.

50. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. Т. 1. - С. 416.

51. *Выготский Л. С.* Мысль и слово // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005с. Кн. 1. — С. 422–435.

52. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 2005д. — 352 с.

53. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. Кн. 1. — С. 383–392.

54. *Выготский Л. С.* Психика, сознание, бессознательное // Психология сознания. — СПб.: Питер, 2001. — С. 39.

55. *Выготский Л. С.* Психология. — М.: Апрель-Пресс; Эксмо-Пресс, 2000. — 1008 с.

56. *Выготский Л. С.* Развитие научных и житейских понятий в детском возрасте // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005в. Кн. 1. — С. 412–421.

57. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982а. Т. 2.

58. *Выготский Л. С.* Стадия развития значений слов в онтогенезе // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005а. Кн. 1. — С. 399–411.

59. *Гадамер Х.-Г.* Герменевтический аспект философии // Хрестоматия по западной философии: Учеб. пособие / Сост., авт. предисл. и вступ. ст. Н. И. Фокина; под ред. В. И. Кириллова. — М.: Велби; Проспект, 2006. — 493–522, 544 с.

60. *Гайгер М.* Феноменологическая эстетика // Антология реалистической феноменологии. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — С. 331–348.

61. *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 104–147.

62. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии: В 3 кн. Кн. 1. — СПб.; М., 1993.

63. *Гедель К.* Расселовская математическая логика // Введение в математическую философию / Б. Рассел. — М.: Сиб. университет. изд-во, 2007. — С. 237–261.

64. *Гейвин Х.* Когнитивная психология. — СПб.: Питер, 2003. — 272 с.

65. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / Пер. А. В. Ахутина, В. В. Бибихина. — СПб.: Наука, 2005. — 572 с.

66. *Гелен А.* О систематике антропологии / Пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 152–201.

67. *Гельмгольц Г.* О восприятии вообще. 2-е изд., испр. и доп. // Психология ощущений и восприятий / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 21–46.

68. *Гердт З.* Зяма – это же Гердт! – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001.

69. *Гетманова А. Д.* Логика: Учебник для студентов вузов. 8-е изд. – М.: Омега-Л, 2005 – 416 с.

70. *Гетманова А. Д.* Логика: Учеб., слов., практикум / А. Д. Гетманова. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007. - 712 с.

71. *Гибсон Дж.* Восприятие как функция стимуляции. 2-е изд., испр. и доп. // Психология ощущений и восприятий / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002а. – С. 182–200.

72. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.

73. *Гибсон Дж. Дж., Гибсон Э. Дж.* Перцептивное научение – дифференциация или обогащение? // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – С. 181–196.

74. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии: Пер. с англ. / Под ред. В. Ю. Большакова, В. Н. Дружинина. – СПб.: Речь, 2001. – 1247 с.

75. *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т.: Пер. с лат. и англ. / Сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов. – М.: Мысль, 1991. Т. 2 – 731 с.

76. *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – 512 с.

77. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. – Ин-т социологии РАН, 2003. – 752 с.

78. *Грегори Р. Л.* Глаза и мозг. Психология зрительного восприятия. – М.: Прогресс, 1970.

79. *Грегори Р. Л.* Зрительное восприятие движения. 2-е изд., испр. и доп. // Психология ощущений и восприятий / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002а. – С. 461–489.

80. *Грегори Р. Л.* Разумный глаз: Пер с англ. 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.

81. *Грин Б.* Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории: Пер. с англ. / Общ. ред. В. О. Малышенко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

82. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвилли; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с.

83. *Гусев А. Н.* Ощущение и восприятие // Общая психология: Учебник для студ. высш. учеб. заведений: В 7 т. / Под ред. Б. С. Братуся. – М.: Акад., 2007. Т. 2. – 416 с.

84. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. – М.: Академ. проект, 2009. Кн. 1. – 489 с.

85. *Гуссерль Э.* Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. – М.: Территория будущего, 2005. – 464 с.

86. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философии / Пер. Н. А. Кулаковой и Т. Н. Панченко // Культурология. XX в. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 297–330. – Логика наук о культуре. – (Лики культуры.)

87. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 752 с.

88. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. Т. 4. – С. 174. – (Совр. версия.)

89. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998а. Т. 2. – (Совр. версия.)

90. *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т.: Пер. с лат. и фр. / Сост. ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. Т. 1. – 654 с.

91. *Деннет Д. С.* Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. А. Веретенникова / Под общ. ред. Л. Б. Макеевой. – М.: Идея-пресс, 2004. – 184 с.

92. *Джеймс У.* Введение в философию; *Рассел Б.* Проблемы философии: Пер. с англ. / Общ. ред., послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. – М.: Республика, 2000. – 315 с.

93. *Джеймс У.* Воля к вере: Пер. с англ. / Сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – 431 с. – (Мыслители XX в.)

94. *Джеймс У.* Личность // Психология личности. Хрестоматия. 2-е изд., доп. / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2000а. Т. 1. – 448 с.

95. *Джеймс У.* Научные основы психологии. – Минск: Харвест, 2003. – 528 с.

96. *Дильтей В.* Описательная психология. 2-е изд. / Пер. с нем. Е. Д. Зайцевой; под ред. Г. Г. Шпета. – СПб.: Алетейя, 1996. – 160 с.

97. *Дункер К.* Подходы к исследованию продуктивного мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 35–46.

98. *Зайферт И.* Введение // Антология реалистической феноменологии – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 9–56.

99. *Зейгарник Б. В.* Основы патопсихологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

100. *Зенден М.* Человек родился слепым // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской. — М.: ЧеРо НОУ; Моск. психолого-соц. ин-т, 2002. — С. 565–566. — (Хрестоматия по психологии.)

101. *Зинченко В. П.* А. Н. Леонтьев и развитие современной психологии // Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. — М.: Педагогика, 1983. Т. 1. — С. 8–16.

102. *Зинченко В. П.* Вместо послесловия / Преходящие и вечные проблемы психологии // Введение в психологию / Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др.; под общ. ред. В. П. Зинченко, А. И. Назарова, Н. Ю. Спомиора. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. — С. 791–805. — (Большая унив. б-ка.)

103. *Зинченко В. П.* Деятельность как методологическая проблема психологии // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — С. 136–138.

104. *Зинченко В. П.* Послесловие // Психология внимания: Учеб. 3-е изд., испр. / Ю. Б. Дормашев, В. Я. Романов; послесл. В. П. Зинченко. — М.: Моск. психолого-соц. ин-т; Флинта, 2002. — С. 321–340.

105. *Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся: очерки российской психологии. — М., 1994.

106. *Зорина З. А., Полетаева И. И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 320 с.

107. *Ивин А. А.* Логика: Учеб. — М.: Гардарики, 1999. — 352 с.

108. *Ивин А. А.* Логика: Учеб. для гуманитар. фак. — М.: Фаир-пресс, 2003. — 320 с.

109. Информатика. Базовый курс: Учебник для вузов / Под ред. С. В. Симоновича. — СПб.: Питер, 2003.

110. *Камю А.* Бунтующий человек. — М.: Политиздат, 1990. — С. 28–38. — (Сер. «Мыслители XX в.»)

111. *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. — Н. Новгород: НГМА; М.: Медицинская книга, 2001. — 157 с. — (Б-ка мед. классики. Психиатрия.)

112. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзоканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзоканяна. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.

113. *Кант И.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. — М., 1980.

114. *Карнап Р.* Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике.: Пер. с англ. 2-е изд. / Общ. ред. Д. А. Бочвара; предисл. С. А. Яновской. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 384 с.

115. *Кассирер Э.* Лекции по философии и культуре / Пер. И. А. Лейтес и Е. А. Жуковой // Культурология. XX в. Антология. — М.: Юрист, 1995. — С. 104–162. — Логика наук о культуре. — (Лики культуры.)

116. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / пер. А. Муравьева // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 3–32.

117. *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. – М.: Гнозис, 2006. – 400 с.

118. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Введение и постановка проблемы / Пер. и примеч. А. Н. Малинкина // Культурология. XX в. Антология. – М.: Юрист, 1995а. – С. 163–212. – Логика наук о культуре. – (Лики культуры.)

119. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. Т. 1. Язык. – М.; СПб.: Университет. кн., 2002. – 272 с.

120. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университет. кн., 2002а. – 280 с.

121. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. Т. 3. Феноменология познания. – М.; СПб.: Университет. кн., 2002в. – 398 с.

122. *Келер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. – М.: Комакадемия, 1930.

123. *Келер В.* Некоторые задачи гештальтпсихологии // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учеб. пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений по специальности «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. – М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. – С. 249–256.

124. *Клацки Р.* Общая психология. Тексты. Для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по направлению «Психология»: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., избр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. – М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2007. Кн. 3. – С. 166–172, 183–190, 196–219, 243–248.

125. *Клацки Р.* Память человека. Структуры и процессы. – М.: Мир, 1978.

126. Когнитивная психология памяти. 2-е междунар. изд. / Под ред. У. Найссера, А. Хаймен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 640 с.

127. *Козлов В. В.* Интегративная психология: Пути духовного поиска, или Освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007. – 528 с.

128. *Компанейский Б. Н.* Псевдоскопические эффекты // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 403–410.

129. *Кондаков И. М.* Психологический иллюстрированный словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 783 с.

130. *Конрад-Мартиус Я.* К вопросу об онтологии и теории явления реального внешнего мира // Антология реалистической феноменологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 244–281.

131. *Костандов Э. А.* Психофизиология сознания и бессознательного. – СПб.: Питер, 2004. – 167 с.

132. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977. – 260 с.

133. *Коффка К.* Восприятие: введение в гештальттеорию // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 117–126.

134. *Крайг Г.* Психология развития. – СПб.: Питер, 2004. – 992 с. – (Сер. «Мастера психологии».)

135. *Крэйн У.* Психология развития человека. 25 главных теорий / Под науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 512 с.

136. *Куальяно А.* Знаки и символы // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – С. 221.

137. *Кулешов Л. В.* Основы кинорежиссуры. – М.: Госкиноиздат, 1941.

138. *Кулешов Л., Хохлова А.* 50 лет в кино. – М.: Искусство, 1975. – 368 с.

139. *Кюглер П.* Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии. 2-е изд. / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даосона. – М.: Добросвет, КДУ, 2007. – С. 121–142.

140. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

141. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

142. *Ланге Н. Н.* Борьба воззрений в современной психологии // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учеб. пособие для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по специальности «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. – М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. – С. 162–179.

143. *Ланге Н. Н.* Психологические исследования. – Одесса, 1893.

144. *Лангер С.* Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / Пер. с англ. С. П. Евтушенко; общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова. – М.: Республика, 2000. – 287 с.

145. *Лахути Д. Г.* Введение // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.

146. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – И.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.

147. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.

148. *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.

149. *Левин К.* Намерение, воля и потребность // Общая психология. Тексты. Для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. Т. 2: Субъект деятельности. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2004. Кн. 2. — С. 169–208.

150. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. — СПб.: Высш. религиоз. философ. шк., 1998.

151. *Лейбниц Г. В.* О врожденных понятиях // Т. 2. Новые опыты о человеческом разумении // Соч. в 4 т. — М.: Мысль, 1983. Кн. 1. — 686 с.

152. *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. — М.: Едиториал УРСС, 2001. — 256 с.

153. *Леонтьев А. А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). — М.: Смысл, 2001. — 392 с.

154. *Леонтьев А. А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. — 2005.

155. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. — М.: Педагогика, 1983. Т. 1. — 392 с.

156. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. — М.: Педагогика, 1983а. Т. 2. — 320 с.

157. *Леонтьев А. Н.* О путях исследования восприятия // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М., 1976.

158. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 584 с.

159. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. — М.: Смысл, 1999. — 487 с.

160. *Леонтьева Е. Ю.* Рациональность и его типы: генезис и эволюция: Учеб. пособие / Е. Ю. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. — 256 с.

161. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 685 с.

162. *Линдсей П., Норман Д.* Непосредственный отпечаток сенсорной информации // Общая психология. Тексты. Для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по направлению «Психология»: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., избр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2007. Кн. 3. — С. 156, 177–182.

163. *Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека. — М.: Мир, 1974.

164. *Лиотар Ж.-Ф.* Феноменология / Пер. с англ. и послесл. Б. Г. Соколова. – СПб.: Лаб. метафиз. исслед. философ. фак. СПб ГУ; Алетейя, 2001. – 160 с.

165. *Лихи Т. Г.* Бихевиоризм // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – С. 59–61.

166. *Логвиненко А. Д.* Зрение без сетчатки // Психология ощущения и восприятия. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002в. – С. 618-623. – (Хрестоматия по психологии.)

167. *Логвиненко А. Д.* Зрительное восприятие пространства. – М., 1981.

168. *Логвиненко А. Д.* Инвертированное зрение // Психология ощущения и восприятия. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002а. – С. 571–584. – (Хрестоматия по психологии.)

169. *Логвиненко А. Д.* Перцептивные взаимодействия и построение видимого мира // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 383–402.

170. *Логвиненко А. Д.* Психология восприятия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

171. *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. / Ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин; ред. 1 т., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский; пер. с англ. А. Н. Савина. – М.: Мысль, 1985. Т. 1. – 621 с.

172. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. – 704 с.

173. *Лурия А. Р.* Культурные различия и интеллектуальная деятельность // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учеб. пособие для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по специальности «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. – М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. – С. 306–319, 400.

174. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1998, – 416 с.

175. *Любимов В. В.* Психология восприятия: Учеб. – М.: Эксмо, ЧеРо, МПЦИ, 2007. – 472 с.

176. *Майерс Д.* Психология: Пер. с англ. – Минск: Попурри, 2001а. – 848 с.

177. *Майерс Д.* Социальная психология. 6-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.

178. *Мамардашвили М. К.* Об искусстве осмысления апории // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 2. Субъект деятельности. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. – М.: УМК; Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2004. Кн. 2. – С. 286–330.

179. *Мамардашвили М. К.* Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.

180. *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М.: Территория будущего, 2005. – 304 с.

181. *Мацкевич В. В.* Всемирная энциклопедия. Философия / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ; Минск: Харвест; Совр. литератор, 2001. — С. 291.

182. *Мацумото Д.* Психология и культура. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. — 416 с. — (Сер. «Психол. энцикл.».)

183. *Меркулов И. П.* Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). — СПб.: Изд-во РХГА, 2006. Т. 2. — 416 с.

184. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. и ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — СПб.: Ювента; Наука, 1999. — 605 с.

185. *Мещеряков Б. Г.* Метод объективного наблюдения // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — С. 285–286.

186. *Мещеряков Б. Г.* Психология. Тематический словарь. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. — 439 с.

187. *Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — 672 с.

188. *Миллер Дж.* Магическое число семь плюс или минус два // Инженерная психология / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М., 1964.

189. *Миронов В. В., Иванов А. В.* Онтология и теория познания: Учеб. — М.: Гардарики, 2005. — 447 с.

190. *Моррис Ч. У.* Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия / Пер. с англ. В. П. Мурат // Т. 1. Семиотика / Сост., вступ. ст. Ю. С. Степанова. — М.: РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998а. — С. 116–130.

191. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков / Пер. с англ. В. П. Мурат // Т. 1. Семиотика / Сост., вступ. ст. Ю. С. Степанова. — М.: РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — С. 36–88.

192. *Московичи С.* Машина, творящая богов: Пер. с фр. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — 560 с.

193. *Мэй Р.* Вклад экзистенциальной психотерапии // Экзистенциальная психология. Экзистенция. Новое измерение психиатрии и психологии / Пер. с англ. М. Задворнова, Ю. Овчинниковой; под ред. Р. Мэя, Э. Энджела, Г. Элленбергера. — М.: Апрель-Пресс; Эксмо-Пресс, 2001в. — С. 141–200.

194. *Мэй Р.* Истоки экзистенциального направления // Экзистенциальная психология. Экзистенция. Новое измерение психиатрии и психологии / Пер. с англ. М. Задворнова, Ю. Овчинниковой; под ред. Р. Мэя, Э. Энджела, Г. Элленбергера. — М.: Апрель-Пресс; Эксмо-Пресс, 2001а. — С. 105–140.

195. *Мэй Р.* Происхождение экзистенциальной психологии // Экзистенциальная психология. Экзистенция. Новое измерение психиатрии и психологии / Пер. с англ. М. Задворнова, Ю. Овчинниковой / Под ред. Р. Мэя, Э. Энджела, Г. Элленбергера. — М.: Апрель-Пресс; Эксмо-Пресс, 2001. — С. 9–41.

196. *Найссер У.* Память. Какие вопросы важны // Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти. 2-е междунар. изд. / Под ред. У. Найссера, А. Хаймен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005а. – С. 12–32.

197. *Найссер У.* Перцептивный цикл. Схемы и их функции // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. – М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. Кн. 1. – С. 605–623.

198. *Найссер У.* Познание и реальность / Пер. с англ. В. В. Лучкова; под ред. Б. М. Величковского. – М.: Прогресс, 1981. – 229 с.

199. *Найссер У., Хаймен А.* Когнитивная психология памяти. 2-е междунар. изд. / Под ред. У. Найссера, А. Хаймен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 640 с.

200. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. 2-е изд. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 368 с.

201. *Неретина С., Огурцов А.* Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – 1000 с.

202. *Никкерсон Р., Адамс Мэрилин.* Долговременная память на характеристики привычного предмета // Когнитивная психология памяти. 2-е междунар. изд. / Под ред. У. Найссера, А. Хаймен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 640 с. – С. 165–178.

203. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.

204. *Нуркова В. В.* Память / Общая психология: В 7 т.: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. Б. С. Братуся. – М.: Акад., 2006. Т. 3. – 320 с.

205. *Оккам У.* Избранное. 2-е изд. / Пер. с лат. А. В. Апполонова, М. А. Гарнцева. – М.: КД «Либроком», 2010.

206. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.

207. *Олпорт Ф. Х.* Феномены восприятия // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 67–76.

208. *Орбели Л. А.* Лекции по физиологии нервной системы. 3-е изд. – М.; Л., 1938.

209. *Осгуд Ч.* Значение термина «восприятие» // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 113–116.

210. *Осгуд Ч.* Перцептивная организация // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002в. – С. 322–336.

211. *Осгуд Ч.* Точка зрения гештальттеории // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – М.: ЧеРо, 2002а. – С. 144–156.

212. *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. – М.: Наука, 1973.

213. *Павлов И. П.* Естествознание и мозг. 1909 г. // Избр. произведения. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – С. 365–374.

214. *Павлов И. П.* О новых успехах науки в связи с медициной и хирургией. Лекция. 1906 г. // Избр. произведения. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – С. 352–364.

215. *Пассмор Дж.* Современные философы / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 192 с.

216. *Патнэм Х.* Философия сознания / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой, А. Л. Никифорова; предисл. Л. Б. Макеевой. – М.: Дом интеллект. кн., 1999. – 240 с.

217. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

218. *Петухов В. В.* Основные теоретические подходы к изучению мышления // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. Кн. 1. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. – М.: УМК; «Психология»; МПСИ, 2004. – 527 с. – С. 630–637.

219. *Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Пер. с фр. Н. В. Уфимцевой // Т. 1. Семиотика / Сост., вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М.: РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 89–100.

220. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта: избр. психолог. Труды. – М.: Просвещение, 1969. – С. 183–193.

221. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.

222. *Пик Г. Л., Розенгрен К.* Зрительное управление моторной деятельностью // Управление движениями. – М.: Наука, 1990. – С. 86–97.

223. *Пирс Ч.* Логические основания теории знаков. Начала прагматизма / Пер. с англ., предисл. В. В. Кирющенко, М. В. Колоботина. – СПб.: Лаб. метафиз. исслед. философ. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с. – (Сер. «Метафиз. исслед. Прил. к альм.».)

224. *Пирс Ч. С.* Рассуждение и логика вещей: лекции для Кембриджских конференций 1898 г. – М.: РГГУ, 2005. – 371 с.

225. *Платон.* Избранное: Пер. с древнегреч. / Платон; Вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. – М.: АСТ, 2004. – 491 с.

226. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек / Пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96–151.

227. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии // Хрестоматия по философии: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: Велби; Проспект, 2004. – С. 319–324.

228. *Поляков С. Э.* Мифы и реальность современной психологии. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

229. *Поппер К.* Логика научного исследования: Пер. с англ. / Под общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: Республика, 2004. – 447 с.

230. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.

231. *Поппер К.* Предположения и опровержения: рост научного знания / Пер. с англ. К. Р. Поппер. – М.: АСТ, ЗАО НПП «Ермак», 2004а. – 638 с.

232. *Порфирий.* Введение к «Категориям» Аристотеля / Пер. А. А. Кубицкого // Аристотель. Категории. – М., 1939.

233. *Пратканис Э. Р.* Подпороговое воздействие // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб., 2003. – С. 588–589.

234. *Прибрам К.* Языки мозга: экспериментальные механизмы и принципы нейропсихологии. – М.: 1975.

235. *Прист С.* Теории сознания: Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллект. кн., 2000. – 288 с.

236. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.

237. Психологический иллюстрированный словарь. 2-е изд., доп. и перераб. / И. М. Кондаков. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 783 с.

238. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. Общая психология / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. – М.:ПЕР СЭ, 2005. – 251 с.

239. *Пфендер А.* Логика // Антология реалистической феноменологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 223–243.

240. *Радионова С. А.* Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Мир энцикл.; Книж. дом, 2003. – 1312 с.

241. *Райл Г.* Понятие сознания: Пер с англ. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллект. кн., 1999. – 408 с.

242. *Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Антология реалистической феноменологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006в. – С. 543–613.

243. *Райнах А.* К вопросу о теории негативного суждения // Антология реалистической феноменологии – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006а. – 744 с. – С. 481–542.

244. *Райнах А.* О сущности движения // Антология реалистической феноменологии. – М: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006с. – С. 614–630.

245. *Райнах А.* О феноменологии // Антология реалистической феноменологии. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 249–373.

246. *Рассел Б.* Введение в математическую философию. – М.: Сиб. университет. изд-во, 2007а.

247. *Рассел Б.* Избранные труды / Вступ. ст. В. А. Суровцева; пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. университет. изд-во, 2007. – 260 с.

248. *Рассел Б.* Исследование значения и истины. – М.: Дом интеллект. кн.; Идея-Пресс, 1999.

249. *Рассел Б.* История западной философии: В 3 кн.: Пер. с англ. / Подгот. текста В. В. Целищева. – СПб.: Азбука, 2001а. – 960 с.

250. *Рассел Б.* Проблемы философии; *Джеймс У.* Введение в философию: Пер. с англ. / Общ. ред., послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. – М.: Республика, 2000. – 315 с.

251. *Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы: Пер. с англ. – Киев: Ника-центр; М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2001. – 560 с.

252. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь: В 2 т.: Пер. с англ. – М.: АСТ; Вече, 2001. – 592 с.

253. *Розин В. М.* Психология: наука и практика: Учеб. – М.: РГГУ; Омега-Л, 2005. – 544 с.

254. *Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. – СПб.: Речь, 2006. – 365 с.

255. *Рок И.* Введение в зрительное восприятие: В 2 т. – М., 1980. Т. 1.

256. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. – С. 330.

257. *Рубинштейн С. Л.* Память // Общая психология. Тексты. Для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по направлению «Психология»: В 3 т. Т. 3. Субъект познания. 2-е изд., избр. и доп. / Отв. ред. В. В. Петухов. – М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2007. Кн. 3. – С. 12–21.

258. Руководство по психиатрии: В 2 т. / Под ред. А. В. Снежневского. – М.: Медицина, 1983. Т. 1. – 480 с.

259. *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Пер. с фр. М. Бекетовой. – СПб.: Наука, 2002. – 319 с.

260. *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм / Пер. В. Бибихина // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 207–228.

261. *Саугстад П.* История психологии. От истоков до наших дней. – Самара: Бахрах-М, 2008. – 544 с.

262. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки. Грамматист и его язык. Наука и языкознание // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra fantastika, 2003. – С. 127–138, 139–156.

263. *Серл Дж. Р.* Введение / Пер. Г. Е. Крейдлина // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Серл. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 6–22.

264. *Серл Дж.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

265. *Серл Дж. Р.* Что такое речевой акт? / Пер. И. М. Кобозевой // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Серл. – М.: Едиториал УРСС, 2004а. – С. 56–74.

266. *Слобин Д.* Язык определяет мышление или мышление определяет язык? // Введение в психологию / Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др.; под общ. ред. В. П. Зинченко, А. И. Назарова, Н. Ю. Спомиора. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – С. 398. – (Большая унив. б-ка.)

267. Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. – М.: ГИ иностр. и нац. слов., 1954. – 855 с.

268. Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. – М.: Инфра-М, 2004. – 731 с.

271. *Смирнов С. Д.* Психологический лексикон // Энциклопедический словарь: В 6 т. Общая психология / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 251 с.

270. *Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. - М., 1985.

271. *Смирнов И., Безносюк Е., Журавлев А.* Психотехнологии. Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. – М., 1996.

272. *Смит Н.* Современная система психологии: Пер. с англ. / Под общ. ред. А. А. Алексеева. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с. – (Сер. «Психологическая энциклопедия».)

273. Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. – М.: Инфра-М, 1999. – 688 с.

274. Современный философский словарь. 3-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. д. ф. н., профессора В. Е. Кемерова. – М.: Академ. проект, 2004. – 864 с.

275. *Соколова Е. Е.* Введение в психологию: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений // Общая психология: В 7 т. / Под ред. Б. С. Братуся. – М.: Акад., 2005. Т. 1. – 352 с.

276. *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология: Пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.

277. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. 3-е изд., стереотип.: Пер с фр. / Под ред. и с примеч. Р. И. Шор. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с. – (Лингвист. наследие XX в.)

278. Социологический энциклопедический словарь: На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Ред.-коорд. – акад. РАН Г. В. Осипов. – М: Инфра-М.; Норма, 1998. – 488 с.

279. *Спенсер Г.* Сочинения Герберта Спенсера: Испр. по посл. англ. изд. Основания психологии. Части I, II, III, IV, V. – СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова, Басейная 3–5, 1987.

280. *Сперлинг Дж.* Информация, получаемая при коротких зрительных предъявлениях. Модель зрительной памяти // Инженерная психология за рубежом/ Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1967.

281. *Столин В. В.* Исследования порождения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М., 1976. — С. 101–208.

282. *Столин В. В., Наминач А. П.* Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления // Вопросы психологии, 1988. — № 4.

283. *Страус Э. В.* Эстезиология и галлюцинации // Экзистенциальная психология. Экзистенция. Новое измерение психиатрии и психологии / Пер. с англ. М. Задворнова, Ю. Овчинниковой; под ред. Р. Мэя, Э. Энджела, Г. Элленбергера. — М.: Апрель-Пресс; Эксмо-Пресс, 2001. — С. 251–286.

284. *Строгович М. С.* Логика. 2-е изд., стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 368 с.

285. *Стромейер Ч. Ф.* Взрослый эйдетик // Когнитивная психология памяти. 2-е междунар. изд. / Под ред. У. Найссера, А. Хаймен. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. — С. 622–627.

286. *Стрэттон Д. М.* (Резюме.) Перевернутый мир // Психология ощущения и восприятия. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 567–570. — (Хрестоматия по психологии.)

287. *Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д.* Социальная психология. 10-е изд.: Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2004. — 767 с.

288. *Теплов Б. М.* Об интроспекции и самонаблюдении // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учеб. пособие для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по специальности «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. — 656 с. — С. 153–161.

289. *Теплов Б. М.* Об объективной методе в психологии // Избр. тр.: В 2 т. / Б. М. Теплов. — М., 1985. Т. 2. — С. 293.

290. *Теплов Б. М.* Практическое мышление // Психология мышления. 2-е изд. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. — М.: АСТ; Астрель, 2008. — С. 221–224. — (Хрестоматия по психологии.)

291. *Титченер Э. Б.* Очерки психологии. — СПб., 1898.

292. *Триандис Г. К.* Культура и социальное поведение: Учеб. пособие / Пер. В. А. Соснин. — М.: ФОРУМ, 2007 — 384 с.

293. *Тульвисте П.* Культурно-историческое развитие вербального мышления (психологическое исследование). — Таллин, 1988.

294. *Уорф Б.* Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычай влияют на мышление) / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат //

Зарубежная лингвистика. Вып. 1. / Общ. ред. В. А. Звегинцева и Н. С. Чемоданова. — М., 1999. — С. 92–106.

295. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычай влияют на мышление) // Языки как образ мира. — М.: АСТ; СПб.: Terra fantastika, 2003. — С. 157–219.

296. *Фабри К. Э.* Научное наследие А. Н. Леонтьева и вопросы эволюции психики // А. Н. Леонтьев и современная психология: Сб. ст. памяти А. Н. Леонтьева / Под ред. А. В. Запрожца, В. П. Зинченко, О. В. Овчинниковой (отв. ред.), О. К. Тихомирова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — С. 101–117.

297. *Фанц Р.* Восприятие формы // Восприятие: механизмы и модели, под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — С. 338–350.

298. *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // Избр. тр. по методологии науки. — М., 1986.

299. *Фейерабенд П.* Что есть наука? В чем ее ценность? // Хрестоматия по западной философии: Учеб. пособие / Сост., авт. предисл. и вступ. ст. Н. И. Фокина; под ред. В. И. Кириллова. — М.: ТК Велби; Проспект, 2006. — С. 100–125.

300. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М.: Инфра-М, 1998. — 576 с.

301. *Фолькельт Г.* Экспериментальная психология дошкольника. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

302. *Фреге Г.* Логические исследования. — Томск: Водолей, 1997. — 128 с.

303. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм / Пер. В. Бибихина // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 261–313.

304. *Хилл Т. И.* Современная теория познания. — М., 1965.

305. *Хок Р. Р.* 40 исследований, который потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. — СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. — 416 с.

306. *Холл К. С., Линдсей Г.* Теории личности. — М.: КСП+, 1997. — 720 с.

307. *Холодная М. А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума: Учеб. пособие. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 304 с.

308. *Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002а. — 272 с.

309. *Хольт Р.* Образы: возвращение из изгнания // Зрительные образы: феноменология и эксперимент. — Душанбе, 1981. Ч. 1. — С. 53–55.

310. *Хомский Н.* Вопросы теории порождающей грамматики / Пер. Т. А. Майсака // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Серл. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 99–140.

311. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Пер. с англ., предисл. Б. П. Нарумова. — М.: КомКнига, 2005. — 232 с.

312. *Хомский Н.* О природе языка. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия»: Пер. с англ. — М.: КомКнига, 2005а. — 288 с.

313. *Хомский Н.* Современные исследования по теории врожденных идей / Пер. Т. А. Майсака // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Серл. — М.: Едиториал УРСС, 2004а. — С. 167–177.

314. *Хомский Н.* Язык и мышление. — М.: 1972.

315. *Хохберг Дж.* Аналитическая интроспекция // Психология ощущений и восприятий. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 117–125.

316. *Хохберг Дж.* Константность // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. — М.; СПб., 2003.

317. *Чаньшев А. Н.* Курс лекций по древней философии. — М., 1981.

318. *Челпанов Г. И.* Предмет, методы и задачи психологии // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учеб. пособие для студентов фак. психологии высш. учеб. заведений по специальности «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. — М.: Психология; Моск. психолого-соц. ин-т, 2005. — С. 145–152.

319. *Челпанов Г. И.* Учебник психологии (для гимназий и самообразования). 15-е изд. — Харьков, 1918.

320. *Шевцов А. А.* Очищение: В 3 т. Т. 1. Организм. Психика. Тело. Сознание. — СПб.: Тропа Троянова, 2004. — 856 с.

321. *Шелер М.* Положение человека в Космосе / Пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — 544 с. — С. 31–95.

322. *Шелер М.* Феноменология и теория познания // Антология реалистической феноменологии. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006а. — С. 374–405.

323. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Антология реалистической феноменологии. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — С. 295–330.

324. *Шиффман Х.* Ощущение и восприятие. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 928 с.

325. *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т.: Пер с нем. Т. 1. Образ и действительность. — С. 482–483.

326. *Шэффер Д.* Дети и подростки. 6-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 976 с. — (Сер. «Мастера психологии».)

327. *Эббингауз Г.* Очерк психологии // Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология // Бэн А. Психология. — М.: АСТ-ЛТД, 1998. — С. 5–209.

328. *Эйслер Р.* Сознание и бытие / Пер. Г. П. Федорова // Фундаментальная психология у истоков неклассической парадигмы / Сост., предисл. и закл. ст. И. Б. Журавлева. – М.: КомКнига, 2007. – С. 145–160. – (Методология науки.)

329. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

330. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.

331. Экспериментальная психология / Под общ. ред. Е. С. Романовой. – СПб.: Лидер, 2007. – 496 с.

332. *Эммонс Р.* Психология высших устремлений. Мотивация и духовность личности: Пер. с англ. / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.

333. *Юм Д.* Сочинения: В 2 т. 2-е изд., доп. и испр. / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; вступ. ст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1996. – 733 с.

334. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Соч.: В 2 т. – М., 1965. Т. 1. – С. 369.

335. *Юнг К. Г.* Сознание и бессознательное / Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб.: Университет. кн., 1997. – 544 с.

336. *Юнг К. Г.* Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации: Пер. с англ. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. – 295 с.

337. *Якобсон Р.* Избранные работы / Пер. с англ., нем., фр. языков, сост. и общ. ред. д. ф. н. В. А. Звегинцева, предисл. д. ф. н. В. В. Иванова. – М.: Прогресс, 1985. – 454 с.

338. *Якобсон Р. О.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования: В 4 т. – Тбилиси: Мецниераба, 1978. Т. 3. – С. 156–167.

339. *Ясперс К.* Общая психопатология: Пер. с нем. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.

340. *Anderson J. R.* Language, memory, and thought. – Hillsdale, N. J.: Erlhaurn, 1976.

341. *Anderson J. R. & Bower G. H.* Human associative memory. – Washington, DC: Winston, 1973.

342. *Baddeley A. D.* The psychology ol memory. – New York: Basic Books, 1976.

343. *Baddeley A. D, Dale H. C.* The effect of semantic similarity on retroactive interference in long- and short-term memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1966. – Vol. 5. – P. 417–420.

344. *Barsalou L. W.* Context-independent and context-dependent information in concepts // Memory and Cognition, 1982. – № 10. – P. 82–93.

345. *Barsalou L. W.* Intra-concept similarity and its implications for inter-concept similarity, in S. Vosniadou and A. Ortony (eds) Similarity and Analogical Reasoning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

346. *Berlin B., Dennis E. Breedlove & Peter H. Raven.* Principles of Tzeltal Plant Classification. — New York: Academic, 1974.

347. *Berlin B. & Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. — Berkeley: University of California Press, 1969.

348. *Biderman I., Mezzanotte R. J. & Rabinowitz J. C.* Scene perception: Detecting and judging objects undergoing relational violations // Cognitive Psychology, 1982. — № 14. — P. 143–177.

349. *Biderma I., Glass A. L., Stacy E. W.* Searching for objects in real world scenes // Journal of Experimental Psychology, 1973. — № 97. — P. 22–27.

350. *Brooks L. R.* Spatial and verbal components of the act of recall // Canadian Journal of Psychology, 1968. — № 22. — P. 349–368.

351. *Brooks L. R., LeBlank V. R. & Norman G. R.* On the difficulty of noticing features in patient appearance // Psychological Science, 2000. — № 11. — P. 112–117.

352. *Brooks L. R., Norman G. R. & Allen S. W.* Role of specific similarity in a medical diagnostic task // Journal of Experimental Psychology: General, 1991. — № 120. — P. 278–287.

353. *Bower G. H.* Imagery as a relational organizer in associative learning // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1970. — № 9. — P. 529–533.

354. *Cattell J. McK.* The time it takes to see and name objects // Mind, II, 1886. — P. 63–65.

355. *Cattell J. McK.* The time taken up by cerebral operations // Mind, II, 1886a. — P. 277–292, 524–538.

356. *Coleman L. & Kay P.* Prototype Semantics: The English Verb Lie // Language, 1981. — № 57. — P. 26–44.

357. *Coltheart M.* Ecological necessity of iconic memory // Behavioral and Brain Sciences, 1983. — № 6. — P. 17–18.

358. *Cooper L. A. & Shepard R. N.* Chronometric studies of the rotation ot mental images // In W. G. Chase (Ed.), Visual infor-mation processing. — New York: Academic Press, 1973.

359. *Duncker K.* The influence of past experience upon perceptual properties // American journal of Psychology, 1939. — № 52. — P. 255–265.

360. *Erdmann B. & Dodge R.* Psychologische Untersuchungen über das Lese / Halle: M. Niemeyer. Cited by R. Woodworth A. H. Schlosberg, Experimental Psychology. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1898.

361. *Finke R. A., Pinker S. & Farah M. J.* Reinterpreting visual patterns in mental imagery // Cognitive Science, 1989. — № 13. — P. 51–78.

362. *Fodor J. A.* The modularity of mind. — Cambridge, MA: MIT, Bradford Books, 1983.

363. *Galton F.* Psychometric experiments // Brain, 1879–1880. — Vol. 2. — P. 149–162.

364. *Galton F.* Inquiries into human faculty and its development. — London: Macmillan, 1883.

365. *Glucksberg S. & Cowan G. N., Jr.* Memory for nonattended auditory material // Cognitive Psychology, 1970. – № 1. – P. 149–156.

366. *Guarniero G.* Experience of tactile vision // Percept, 1972. – V. 3.

367. *Heider E. R.* Universale in color naming and memory // Journal of Experimental Psychology, 1972. – № 93. – P. 10–20.

368. *Held R. & Hein A.* Movement-produced stimulation in the development of visually guided behavior // Journal of Comparative and Physiological Psychology, 1963. – № 56. – P. 872–876.

369. *Holway A. H. & Boring E. G.* Determinants of apparent yisual size with distance variant // American Jornal of Psychology, 1941. – № 54. – P. 21–37.

370. *Jolicoeur P., Reeehr S., Smith L. B. & Smith G. N.* Mental rotation of representations of two-dimensional and three-dimensional objects // Canadian Journal of Psychology, 1985. – № 39. – P. 100–129.

371. *Katz J. J. & Fodor J. A.* The structure of a semantic theory // Language, 1963. – № 39. – P. 170–210.

372. *Kosslyn S. M.* Scanning visual images: Some structural implications // Perception and Psychophysics, 1973. – № 14. – P. 90–94.

373. *Kosslyn S. M.* Information representation in visual images // Cognitive Psychology, 1975. – № 7. – P. 341–370.

374. *Kosslyn S. M.* Can imagery be distinguished from other forms of internal representation? Evidence from studies of in-formation-retrieval time // Memory and Cognition, 1976. – № 4. – P. 291–297.

375. *Kosslyn S. M.* Imagery and internal representation / In E. Rosch & U. Lloyd (Eds.), Categories and cognition. – Hillsdale, N. J.: Erl-baum, 1977.

376. *Kosslyn S. M., Ball T. M. & Reisser B. J.* Visual images preserve metric spatial information: Evidence from, studies of image scanning // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 1978. – № 4. – P. 1–20.

377. *Levy Robert I.* Tahitians: Mind and Experience in the Society Islands. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.

378. *Loftus E. F.* Leading questions and the vitness report // Cognitive Psychology, 1975. – № 7. – P. 560–572.

379. *Loftus E., Hoffman H.* Misinformation and memory: The creation of new memories // Journal of Experimental Psychology: General, 1989. – № 118. – P. 100–104.

380. *Di Lollo V. & Wilson A. E.* Iconic persistence and perceptual moment as determinants of temporal integration in vision // Vision Research, 1978. – № 18. – P. 1607–1610.

381. *Marcel A. J.* Conscious and preconscious recognition of polysemous words: locating the selective effects of prior verbal context // Attention and Performance. – Hillsdale, N. Y.: Erlbaum, 1980. – Vol. 8. – P. 435–457.

382. *Marcel A. J.* Conscious and unconscious perception: an approach to the relations between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology, 1983. – V. 15. № 2. – P. 238–300.

383. *McConnell J. B.* Memory transfer through cannibalism in planarians // J. Neuropsych., 1962. – № 3 (1). – P. 42–48.

384. *Medin D.* Concepts and conceptual structures // American Psychologist, 1989. – № 44. – P. 1469–1481.

385. *Merikle P., Daneman M.* Psychological investigations of unconscious perception // Journal of Consciousness Studies, 1998. – V. 5 (1).

386. *Metzler J. & Shepard R. N.* Transformational studies of the internal representations of three-dimensional objects / In R. L. Solso (Ed.), Theories of cognitive psychology: The Loyola Symposium. – Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1974.

387. *Moray N.* Attention in dichotic listening: Affective cues and the influence of instructions // Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1959. – № 9. – P. 56–90.

388. *Moyer R. S.* Comparing objects in memory: Evidence suggesting an internal psychophysics // Perception and Psychophysics, 1973. – № 13. – P. 180–184.

389. *Murphy S. T., Zajonc R. B.* Affect, Cognition, and awareness: Affective priming with optimal and suboptimal stimulus exposure // J. Pers. and Soc. / Psychol., 1993. – V. 64.

390. *Murphy S. T., Zajonc R. B., Monahan J. L.* Additivity of nonconscious affect: Combined effect of priming and exposure // J. Pers. and Soc. Psychol., 1995. – V. 69.

391. *Osgood Ch.* Semantic Differential Technique in the comparative Study of cultures // American Antropology, 1964. – V. 66.

392. *Osgood Ch., Susi C. J., Tannenbaum P. H.* The measurement of Meaning. – Urbana, 1957.

393. *Paivio A.* Imagery and deep structure in the recall of English nominalizations // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1971. – № 10. – P. 1–12.

394. *Paivio A.* Imagery and verbal processes. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971a.

395. *Paivio A.* Perceptual comparisons through the mind's eye // Memory and Cognition, 1975. – № 3. – P. 635–647.

396. *Paivio A.* Mental Representations. – N. Y., 1986.

397. *Palmer S. E.* The effects of contextual scenes on the identification of objects // Memory and Cognition, 1975. – № 3. – P. 519–526.

398. *Piaget J.* The development of object concept: The construction of reality in the child. – New York: Basic Books, 1954. – P. 3–96.

399. *Piaget J. & Inhelder B.* The psychology of the child. – New York: Basic Books, 1969.

400. *Pylyshyn Z. W.* What the mind's eye tells the mind's brain: A critique ol mental imagery // Psychological Bulletin, 1973. – №80. – P. 1–24.

401. *Pylyshyn Z. W.* The imagery debate; Analogue media versus tacit knowledge // Psychological Review, 1981. – №88. – P. 16–45.

402. *Podgorny P. & Shepard R. N.* Functional representations common to visual perception and imagination // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 1978. – №4. – P. 21–35.

403. *Putnam H.* Mind, Language, And Reality // Philosophical Papers. – Cambridge university Press, 1975. – Vol. 2.

404. *Putnam H.* Reason, Truth, and History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

405. *Robinson D. A.* Eye movement control in primates // Science, 1968. – №161. – P. 1219–1224.

406. *Rosch E.* (Eleanor Heider). Natural Categories // Cognitive Psychology, 1973. – №4. – P. 328–350.

407. *Rosch E.* Principles of Categorization / In Rosch and Lloyd, 1978. – P. 27–48.

408. *Rosch E. & Lloyd B. B., eds.* Cognition and Categorization. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlhaum Associates, 1978.

409. *Ross John Robert.* The Category Squish: Endstation Hauptwort / In Papers from the Eighth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1972. – P. 316–328.

410. *Shepard R. N.* Form, formation, and transformation of internal representations / In R. L. Solso (Ed.), Infonnation processing and cognition: The Loyola Symposium. – Hillsdale, NJ; Erlbaum, 1975.

411. *Shepard R. N. & Chipman S.* Second-order isomorphism of internal representations: Shapes of states // Cognitive Psychology, 1970. – №1. – P. 1–17.

412. *Shepard R. N. A Metzler J.* Mental rotation of three-dimensional objectes Science, 1971. – №171. – P. 701–703.

413. *Skinner B. F.* The behavior of organisms. – New York: Appleton-Centure-Crofts, 1938.

414. *Smith S. M., Brown H. O., Toman J. E. P. & Goodman L. S.* The lack of cerebral effects of d-Tubercurarine // Anesthesiology, 1947. – №8. – P. 1–14.

415. *Sperling G.* The information available in brief visual presentations // Psychological Monographs, 1960. – №74.

416. *Sperling G., Budiansky J., Spivak J. G. & Johnson M. C.* Extremely rapid visual search: the maximum rate of scanning letters for the presence of a numeral // Science, 1971. – №174 (6). – P. 307–311.

417. *Sternberg S.* Highspeed scanning in human memory // Science, 1966. – №153. – P. 652–654.

418. *Sternberg S.* Memory-scanning: Menial processes revealed By reaction-time experiments // American Scientist, 1969. — № 57. — P. 421–457.

419. *Stross Brian.* Language Acquisition by Tenejapa Tzeltal Children, Ph. D. diss. — University of California, Berkeley, 1969.

420. *Stroop J. R.* Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology, 1935. — № 18. — P. 643–662.

421. *Stroop J. R.* Factors affecting speed in serial verbal reactions // Psychological Monographs: General & Applied, 1938. — № 50. — P. 38–48.

422. *Thorndike E. L.* Animal intelligence: Experimental studies. — New York: Macmillan, 1911.

423. *Tolman E. C.* Cognitiv maps in rats and men // Psychological Review, 1948. — № 55. — P. 189–208.

424. *Treisman A. M. & Gelade G.* A feature-integration theory of attention // Cognitive Psychology, 1980. — № 12. — P. 97–136.

425. *Treisman A. M. & Schmidt H.* Illusory conjunction in the perception of objects // Cognitive Psychology, 1982. — № 14. — P. 107–141.

426. *Tulving E. & Gold C.* Stimulus information and contextual information as determinants of tachistoscopic recognition of words // Journal of Experimental Psychology, 1963. — № 66. — P. 319–327.

427. *Turnbull C. M.* Some observations regarding the experiences and behavior of the BaMbuti Pygmies // American Journal of Psychology, 1961. — № 74. — P. 304–308.

428. *Young L. R.* Measuring eye movements // American Journal of Medical Electronics, 1963. — № 2. — P. 300–307.

429. *Wallach H.* Brightness constancy and the nature of achromatic colors // Journal of Experimental Psychology, 1948. — P. 310–324.

430. *Wallach H.* The perception of neutral colors // Scientific American, 1963. — № 208. — P. 107–116.

431. *Warren R. M. & Warren R. P.* Auditory illusions and confusions // Scientific American, 1970. — № 223. — P. 30–36.

От издательства

Ваши эамечания, предложения и вопросы отправляйте по адресу электронной почты voevodin@msk.piter.com (иэдательство «Питер», московская редакция).

Мы будем рады уэнать ваше мнение!

На сайте иэдательства http://www.piter.com вы найдете подробную информацию о наших книгах.

Предметный указатель

Н

О

П

Т

У

Ф